МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Под редакцией Дэвида Мацумото

ПСИХОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

ПИТЕР

МАСТЕРА
ПСИХОЛОГИИ

CULTURE AND PSYCHOLOGY

Edited by
David Matsumoto

2001

ПСИХОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Под редакцией Дэвида Мацумото

Научный редактор перевода на русский язык
доктор философских наук, профессор А. С. Кармин

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара
Киев · Харьков · Минск
2003

ББК 88+74.11
УДК 159.9:008
М36

М36 Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. — СПб.: Питер, 2003. — 718 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 5-94723-362-2

Роль, которую культура играет в современном познании человека, огромна. Фактически, именно кросс-культурные исследования стали причиной основательного пересмотра многих традиционных психологических теорий. В последнее время культура стала органичной частью всех исследований, связанных с изучением сложных форм человеческого поведения, и кросс-культурная психология, как наука и как метод исследования, переживает настоящий подъем. В данной книге подробно описывается эволюция кросс-культурной психологии и оценивается ее актуальное состояние. Все авторы, принявшие участие в работе над книгой, являются признанными специалистами в своей области, а затрагиваемые ими вопросы — наиболее значимы для ее дальнейшего развития. Книга «Психология и культура» представляет собой уникальный труд многих ученых из разных стран, который окажет неоценимую помощь как начинающим изучать кросс-культурную психологию, так и ученым и исследователям.

ББК 88+74.11
УДК 159.9:008

ISBN 0-19-513181-9 (англ.)

ISBN 5-94723-362-2

Краткое содержание

Содержание

Часть II. Культура и основные психологические процессы

Часть III. Культура и личность

Предисловие научного редактора

Существование связи между культурой и психологией человека неоспоримо Но одно дело — признавать эту связь, а другое — понимать ее характер, ее механизмы и закономерности. Культурологи и психологи подходят к изучению этой связи по-разному. Между ними исторически сложилось своеобразное «разделение труда». Культурологов интересуют не столько общие закономерности человеческой психики, сколько особенности мышления и поведения людей, обусловленные той культурой, в которой они живут. А психологи видят главную задачу своей науки в установлении общих, универсальных характеристик, механизмов и закономерностей психической деятельности человека. В общей психологии вопрос о том, как специфика культуры выражается в специфике психологии ее представителей, ставится обычно лишь для того, чтобы найти способ абстрагироваться от этой специфики и построить *культуронезависимое* описание психических свойств и процессов.

В данной книге это традиционное «разделение труда» подвергается пересмотру. Авторы делают предметом психологического исследования саму природу связи психологии с культурой. Их подход отличается тем, что они стремятся раскрыть психологическое содержание культуры, то есть выявить в ней элементы, выступающие в качестве психологических факторов мышления и поведения личности. В фокусе их внимания, прежде всего, психология Их заботит не разработка целостной теоретической концепции культуры, а лищь взгляд на культуру с психологической точки зрения. Такой взгляд нужен им для того, чтобы ввести в психологию «культурную составляющую».

Развиваемый в книге подход — отнюдь не случайная находка группы ученых. Он возник и сформировался как попытка найти путь выхода из ситуации, в которой оказалась психология к концу XX века. Его смысл и значение становится ясным в свете истории развития психологической науки.

Вошло в традицию считать датой рождения психологии как самостоятельной науки 1879 году, когда Вильгельм Вундт открыл психологическую лабораторию в Лейпциге Этот акт приобрел символический смысл как свидетельство того, что психология, подобно естественным наукам, твердо встала на путь эксперимента. Целое столетие прошло под знаком накопления и теоретического осмысления результатов, добываемых экспериментальной психологией. Но ко второму веку своего существования психология подошла в состоянии идейного разброда Единой научной парадигмы в ней так и не сложилось. Однако дело не только в этом. Столетнее развитие психологии породило парадокс: чем больше расширялась экспериментальная база психологических знаний, тем чаще стали раздаваться голоса, критикующие ее за... *узость*. Обоснованность такой критики несомненна Ибо основная масса данных, на которых строятся теоретические обобщения в современной психологии, добыта путем исследований, проведенных американскими и европейскими психологами, причем объектом этих исследований были жители стран Запада — главным образом, студенты университетов, и чаще всего американских. Являются ли психологические концепции, созданные представителями современной западной культуры на основе изучения мышления и поведения представите-

лей современной западной культуры, универсальными для всех культур, в масштабах всего человечества? Можно ли считать выводы, полученные на столь «однобокой» выборке, справедливыми для всей генеральной совокупности, то есть всего населения Земли? Не являются ли они в какой-то части (и в какой именно) специфичными для той культуры, в рамках которой родились? И может быть, современная психология есть лишь психология людей западного мира или еще уже — американского студенчества?

Над психологией нависла угроза лишиться статуса общей науки о человеческой психике. Ее наклонность собирать богатый, но взятый только с одной грядки, урожай фактов уподобила ее Пизанской башне, которая способна рухнуть под собственной тяжестью, рассыпавшись на отдельные куски. Реакцией на это положение стало возникновение психологических школ, направляющих свои усилия на укрепление фундамента и исправление опасного уклона психологии.

Данная книга посвящена кросс-культурной психологии *(cross-cultural psychology)* — одному из наиболее влиятельных направлений такого рода в современной психологии. Представители его видят свою задачу в том, чтобы на основе сопоставления результатов исследования представителей различных (а не только западной) культур выявить общие, универсальные психологические закономерности и частные, специфические для отдельной конкретной культуры особенности мышления и поведения людей. Параметры культуры выступают при этом как независимые (точнее — квазинезависимые, поскольку ими нельзя произвольно оперировать) переменные, а психологические феномены — как зависимые переменные. Решение поставленной таким образом задачи чрезвычайно трудоемко. Для него требуется выработать единые, желательно культуронезависимые, инструменты и методики кросс-культурного психологического исследования, пригодные для использования в самых различных культурах; провести с помощью подобных инструментов и методик множество единообразных исследований среди представителей разных стран и народов; сравнить результаты этих исследований и выявить сходство и разницу между ними. По мысли кросс-культурных психологов, итогом этой работы должна стать разработка действительно универсальной психологии, всеобщность которой будет опираться на широкий охват культурного многообразия человечества.[1]

Рядом с кросс-культурной психологией прокладывают свои вехи для поворота ортодоксальной «монокультурной» психологии на «поликультурный» путь и некоторые другие психологические школы и направления, о которых также идет речь в этой книге.

Психологическая антропология (*psychological anthropology*) с 1970-х годов стала активно обращаться к новейшим идеям психологии (в особенности когнитивист-

[1] Правда, современные тенденции глобализации ведут к стремительному росту контактов между представителями разных культур, и, как отмечает в данной книге Д. Мацумото (с. 576), забавно, что в этой ситуации кросс-культурные исследования, призванные способствовать межкультурному взаимодействию, могут оказаться за бортом, потому что они сосредоточены на сравнениях специфичных культурных реалий, тогда как специфика последних в межкультурном взаимодействии нивелируется. Впрочем, можно полагать, что в ближайшем будущем нас ожидает не «смешение культур», а их сосуществование, в котором разнообразие их сохраняется.

ской), рассматривая социокультурную жизнь с точки зрения действующих в ней психологических механизмов мышления людей и соответственно представляя эти механизмы как ее важнейшие составляющие. Быстро набирающая силы в это же время культурная (или культурно-историческая) психология (*cultural psychology*) непосредственно вводит культурные модели и сценарии в комплекс психологических факторов, определяющих мышление и поведение личности, так что психические процессы в голове индивида предстают как культурно обусловленные и варьирующиеся в заданных культурой условиях деятельности. Как психологическая антропология, так и культурная психология пользуются принципами и концепциями ортодоксальной психологии, но не предполагают *a priori* их универсальности и, во всяком случае, требуют их адаптации к конкретным историческим и социокультурным условиям. Еще дальше заходит направление, называемое его сторонниками трудно переводимым на русский язык словосочетанием «*indigenous psychology*»[1]. Приверженцы этого направления считают необходимым описывать мышление и поведение людей в языке локальной, региональной культуры — так, как они понимаются носителями данной культуры в рамках их собственного уникального культурного пространства. С этой точки зрения, реальное этнокультурное психологическое знание имеет местное происхождение и не может быть отделено от целостного единства мировоззренческих, религиозных, художественных компонентов региональной или этнической культуры. Оно предназначено для местного населения, и его нельзя привнести из какого-то другого региона. В сущности, речь идет о создании множества отдельных этнокультурных психологий, имеющих ограниченную, локальную применимость, а возможность построения универсальной, общечеловеческой психологии хотя и не отрицается, но ставится под вопрос и рассматривается лишь как отдаленная перспектива, подлежащая изучению в свете развития этнокультурных исследований.

Возражая против такой постановки проблемы, известный английский психолог Г. Айзенк подчеркивает, что хотя «психология раскололась по многим направлениям», она «нуждается в концепциях, теориях и оценочном инструментарии, которые обладают максимальной универсальностью. Иначе станет невозможным обобщение данных, которые мы получили эмпирическим путем, поскольку такое обобщение требует выхода за пределы отдельного народа или государства. Психология не может быть американской, японской или африканской, она должна быть универсальной» (см. эпилог главы 6). А в цитируемой там же статье М. Сегалла, В. Лоннера и Дж. Берри (Segall, Lonner & Berry, 1998) отмечается: «Когда вся психология наконец начнет учитывать воздействие культуры на поведение человека (и наоборот), термины кросс-культурная и культурная психология будут не нужны».

Грани, разделяющие кросс-культурную, культурную, этнокультурную психологию и «примкнувшую к ним» психологическую антропологию, на самом деле весьма расплывчаты, несмотря на попытки некоторых представителей этих школ жестко противопоставить их друг другу. Объединяющим эти течения началом является

[1] Поскольку русские эквиваленты английского слова «*indigenous*» — туземный, местный, автохтонный, прирожденный и т. п. — не вполне соответствуют сути дела и вызывают ненужные ассоциации, в данном издании «*indigenous psychology*» переводится как «этнокультурная психология» (в русской литературе встречается и малооправданная, на наш взгляд, калька: «индигенная психология»).

стремление поставить во главу угла культурный контекст, в котором развивается психическая деятельность человека. Да и ортодоксальная психология хотя не акцентирует, но тоже в принципе признает значение культуры. О том, насколько тесно переплетаются культурные и психологические детерминанты поведения и как трудно отделить их друг от друга, свидетельствует, например, глава настоящей книги «Гендер и культура». Рассматриваемые там гендерные стереотипы — это, с одной стороны, «культурные модели», но они же, с другой стороны, также и «психологические установки» личности. Какой бы позиции ни придерживаться, природа подобных «гибридных» образований требует анализа.

К настоящему времени в кросс-культурной психологии накоплена масса эмпирических данных, любопытных наблюдений и фактов (они в изобилии представлены в книге). Хуже обстоит дело с теоретическим осмыслением и обобщением этого огромного материала. Реальные достижения здесь за немногими исключениями пока еще довольно скромны. Немалые трудности связаны с методологическими проблемами кросс-культурных исследований, с представительностью выборок (в частности, во многих случаях испытуемыми являются опять-таки студенты американских университетов, группируемые по этническому происхождению, что вряд ли дает достаточные основания для оценки кросс-культурных различий), с обеспечением достоверности и сравнимости результатов тестирования, проведенного в разных культурах (вплоть до адекватной адаптации и эквивалентности перевода тестовых материалов). В мировой литературе можно найти различные, более или менее справедливые претензии к работам кросс-культурных психологов, предъявляемые учеными, работающими в иных научно-психологических парадигмах. Однако поставленные кросс-культурными психологами вопросы нельзя обойти, поиски ответа на них необходимы. Поэтому неудивительно, что кросс-культурная (а также культурная) психология вызывает живой интерес как ученых, так и широкой публики. Популярность кросс-культурных исследований растет, и поток публикаций, посвященных им, впечатляет своими масштабами. Книги, статьи, отчеты о них насчитываются тысячами.

К сожалению, в русскоязычной литературе кросс-культурная психология представлена весьма слабо. Поэтому выход в свет настоящего перевода книги *The Handbook of Culture and Psychology*, дающей обзор проблем кросс-культурной психологии, современного состояния их разработки и перспектив ее дальнейшего развития, представляется событием, которое должно привлечь внимание российского психологического сообщества. Немало ценных сведений смогут почерпнуть из этой книги и культурологи.

Редактор и составитель книги проф. Дэвид Мацумото — один из виднейших кросс-культурных психологов, основатель и директор Лаборатории исследования культуры и эмоций в университете Сан-Франциско (а также один из руководителей Американской Федерации дзюдо, судья соревнований по дзюдо на Олимпийских играх и мировых чемпионатах). В составе авторов книги — авторитетные ученые, проводившие кросс-культурные исследования в различных странах мира: Греции, Индии, Японии, Корее, Австралии и др. Одна из глав написана корифеем кросс-культурной психологии Г. Триандисом, который излагает важнейшие результаты своих замечательных работ по проблеме коллективизма—индивидуализма,

ставших уже классикой науки. Будучи компетентными специалистами в различных областях, авторы сумели с энциклопедической широтой охватить разнообразный материал современных кросс-культурных исследований.

Настоящее издание представляет интерес еще и потому, что не просто знакомит читателей с мощной, но до сих пор малоизвестной в нашей стране ветвью науки, растущей на грани психологии с культурологией, но и открывает для них дорогу к дальнейшему самостоятельному продвижению в эту отрасль знаний. В нем приводятся обширные списки литературных источников, из которых можно почерпнуть сведения по различным аспектам кросс-культурной проблематики. Для многих психологов и культурологов будут небесполезными содержащиеся в конце каждой главы размышления авторов о программах, направлениях и задачах дальнейшего развития исследований в освещаемых ими областях науки. Начинающие исследователи, студенты и аспиранты, возможно, найдут там любопытные и увлекательные темы для своих научных занятий. Трудоемкость этих тем различна, и некоторые из них вполне могут стать темами курсовых, дипломных, кандидатских работ по психологии и культурологии. Было бы хорошо, если бы эта книга привлекла российских исследователей к разработке «золотых жил» этой тематики.

Нельзя не отметить большие усилия переводчиков и редакторов русского издания книги, которым пришлось много потрудиться, чтобы сделать текст удобочитаемым для русской аудитории. В ряде случаев для используемых в книге понятий не было общепринятых русских терминов, и их приходилось вводить впервые.

Остается лишь пожелать читателям вдумчиво и критически отнестись к содержанию книги. Представленный в ней материал заслуживает этого. Время, потраченное на ее чтение, с лихвой окупится познаниями, бросающими свет на сложные и многосвязные узоры взаимоотношений психологии и культуры. И как признание и поддержка изложенных в книге идей, так и их критическая оценка позволит читателю углубить свои представления о психологии, культуре и их взаимосвязи.

А. С. Кармин,
доктор философских наук, профессор

Предисловие

Значение культуры для всестороннего понимания поведения человека больше не оспаривается современной психологией или какой-либо иной областью науки, которая изучает поведение человека. Культура является основой и одновременно результатом поведения, она определяет линию поведения, ограничивая его определенными рамками. В этом аспекте культура становится самой актуальной темой для студентов и специалистов во всех областях, исследующих сложные формы поведения человека. Она важна как для искушенных в теории психологов и социологов, так и для ученых, занимающихся социальными или поведенческими проблемами, которые имели опыт проживания в иной культурной среде или контакта с иными культурами в прошлом или перед которыми стоит перспектива такого опыта в будущем.

Что касается психологии, здесь культура несет в себе огромный потенциал, способный привести к полному пересмотру психологических знаний, теорий и законов. Данные многочисленных исследований по кросс-культурной психологии, полученные за последние десятилетия, заставили во многих отношениях по-иному взглянуть на существующее в рамках традиционной психологии понимание психологических процессов, считавшееся верным. Такой пересмотр требует переоценки психологических истин и переосмысления концепций не только на уровне теоретического истолкования, но и в процессе накопления знаний. Короче говоря, кросс-культурная психология ставит серьезные фундаментальные вопросы о природе науки и научной философии, а комплекс существующих психологических дисциплин пытается разобраться с этими вопросами.

Безусловно, настало время подъема в развитии кросс-культурной психологии как области науки, как дисциплины и как метода исследований. Данные исследований по кросс-культуре испытывают на прочность психологические истины, заставляя тех, кто изучает или исследует культуру, постоянно прилагать усилия для решения возникающих проблем, в результате чего открываются новые горизонты, а знания о человеке и его поведении выходят на новый уровень. Волнующую атмосферу создает и неизвестность, которую таит в себе будущее как кросс-культурной психологии, так и основного направления психологии, поскольку ученые и теоретики занимаются решением чрезвычайно сложных проблем понимания поведения человека на фоне растущего многообразия мыслей, эмоций, мотиваций с учетом всех психологических аспектов.

Книга передает это ощущение подъема, словно вовремя сделанный моментальный снимок эволюции кросс-культурной психологии на фоне истории работы в этой области. Данная книга — это уникальная попытка такого рода применительно к весьма актуальной сфере психологических исследований, которая находится в стадии бурного развития. Разумеется, существуют и другие книги по данному предмету, однако эта единственная, дающая представление о текущем состоянии кросс-культурной психологии в широком тематическом диапазоне, включающем самые представительные с научной точки зрения темы из безграничного многообразия тех, которых касается данная отрасль знаний. Перечисленные ниже особен-

ности книги позволяют ей должным образом передать атмосферу подъема и бурного развития кросс-культурной психологии.

- *Определение круга тем.* Все области исследований, представленные в разных главах, наиболее актуальны для работ по кросс-культуре, наиболее представительны для данной научной сферы в целом и наиболее характерны для эволюции кросс-культурного метода и знаний. Представленный тематический охват позволяет создать полную картину текущего состояния кросс-культурной психологии, написанную насколько возможно широкими мазками.
- *Авторы* данной книги — ведущие в сфере кросс-культурной психологии исследователи; все они представляют наиболее передовое мышление в соответствующих областях.
- *Превосходные тематические обзоры.* Каждая глава представляет обзор современного состояния, теоретической и эмпирической литературы по избранной теме; эти обзоры сами по себе обладают высокой ценностью.
- *Объективная оценка литературы.* Кроме того, автор каждой главы не ограничивается всеобъемлющим обзором накопленных знаний, но дает объективную оценку литературе, в том числе ограниченности теории и знаний на сегодняшний день.
- *Определение перспектив на будущее.* Авторы не ограничиваются только обзором и оценкой состояния области своей специализации с теоретической и эмпирической точек зрения, они высказывают свое мнение на перспективы соответствующей области. Открыто говоря о путях достижения этих перспектив, они намечают направления работы, которые будут служить ориентиром для исследователей в ближайшие 10–20 лет.

Книга в целом и каждая из глав содержат две основные стержневые темы, к которым неоднократно обращаются авторы в каждом разделе и в каждой главе:

- представление о перспективе кросс-культурной психологии как о продолжающейся эволюции, которая приведет к созданию универсальной психологии, применимой ко всем людям на свете безотносительно к культурному фону;
- пути достижения этой перспективы в условиях нового подхода к методике и/или системе понятий, требующих пересмотра и усовершенствования, выходящих далеко за пределы методов проведения современных исследований по психологии.

Каждая из глав обращается к этим двум темам по-своему. Под каким углом они освещаются в конкретной главе, дает понять в начале каждой главы редакторский комментарий, который связывает данную главу не только с тематикой книги в целом, но и с другими главами. Кроме того, главы книги объединены в четыре тематических раздела: основы, базовые психологические процессы, личность и социальное поведение. Каждой части предшествует введение. Вводная глава характеризует главные темы книги в том аспекте, в каком их раскрывают авторы книги, определяет уровень книги в целом, а заключение еще раз расставляет акценты, давая стимул всем будущим исследователям культуры.

В целом книга представляет собой коллективный опыт ведущих мыслителей и исследователей в сфере кросс-культурной психологии, представленный с учетом ее текущего и будущего состояния. Она содержит не только богатейший справочный материал по каждой из представленных тем, но выходит далеко за пределы обзоров, давая возможность увидеть перспективу и призывая к глубокому пересмотру сущности и масштабов исследований. Она последовательно и на высоком научном уровне передает атмосферу сегодняшнего дня в кросс-культурной психологии и заставляет переосмыслить наши взгляды и действия в науке. Данная книга — уникальный источник такого рода по кросс-культурной психологии.

Книга предназначена для тех, кто всерьез занимается изучением культуры и поведения человека, включая социологов различной специализации, а также окончивших учебные заведения соответствующего профиля. Материал излагается на достаточно высоком уровне и, несомненно, требует надлежащей предварительной теоретической и методологической подготовки для его адекватного восприятия. Кроме того, материал, изложенный в книге, может пригодиться широкому кругу психологов — как традиционного направления, так и занимающихся кросс-культурой, — поскольку любой психолог так или иначе сталкивается с кросс-культурной проблематикой. Разница между ними лишь в том, насколько они сознают, с какой культурой имеют дело, и носит ли сопоставление в процессе их работы явный или неосознанный характер.

Эта книга выполнит свою задачу, если вдохновит будущих исследователей и ученых на решение поставленных здесь проблем и если все изучающие психологию и культуру — исследователи, преподаватели, руководители, психиатры, адвокаты, консультанты, врачи и другие специалисты — по-настоящему поймут и оценят влияние культуры на все стороны нашей жизни и сумеют перенести это понимание в важнейшие сферы жизни и бытия.

Д. М.
Сан-Франциско, Калифорния
Июль, 2000

Благодарности

Что естественно для проекта такого значения и масштабов, я обязан буквально сотням людей, помогавшим мне на протяжении долгого времени. Никакие слова благодарности и признательности не могут передать, сколько они приложили усилий и какую оказывали мне поддержку не только в проведении многолетних исследований по кросс-культуре, но также и в создании этой книги.

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить авторов отдельных глав за то, что они согласились принять участие в этой работе. Я хорошо себе представляю, сколько времени, сил и жертв требует написание таких обзоров и глав. Я обязан каждому из них в отдельности не только за исчерпывающие обзоры по каждому направлению кросс-культурной психологии, но еще и за то, как глубоко они осмыслили эти направления, с учетом перспектив и путей достижения этих перспектив. Безусловно, это руководство требовало внесения куда более значительных редакторских корректив, чем те книги, которые мне приходилось редактировать раньше, и каждому из авторов пришлось в значительной степени переработать не менее одного раза материалы своей главы с учетом моих замечаний и комментариев; некоторые же из них проделали такую работу многократно. Их напряженная работа, преданность делу, самоотдача и верность этому проекту отражает высочайший уровень представленных ими материалов и труда в целом. За все это я и все работающие в сфере психологии им благодарны.

Изучая кросс-культуру, я имел честь встретиться на своем жизненном пути и сотрудничать со многими прекрасными исследователями, и здесь мне бы хотелось выразить им свою признательность. Пол Экман сыграл важную роль в начале моей профессиональной деятельности, занимаясь изучением проявления эмоций через выражение лица в кросс-культурном аспекте, я до сих пор считаю его своим наставником и добрым другом. Кроме того, вместе со мной кросс-культурными исследованиями занимались Шоко Араки, Каран Колвин, Дэйл Диннел, Уоллес Фризен, Боб Гриссом, Карл Хайдер, Наталья Кузнецова, Джеф Леру, Мотомаса Мураяма, Такеши Накахима, Морин О'Салливан, Клаус Шерер, Харальд Уоллбот, Масаюки Такеучи, Сьюзен Тейлор, Хироши Ямада и Сузуму Ямагучи. Все эти замечательные люди внесли огромный вклад в работу, описанную в главе про эмоции и в мои взгляды (мое восприятие) кросс-культурной проблематики в целом, и я бесконечно обязан им за это.

Мне бы хотелось поблагодарить также сотни студентов, которые помогали мне в проведении исследований многие годы в моей лаборатории исследования культуры и эмоций в университете штата в Сан-Франциско и ранее. Без их упорного труда и преданности делу я не смог бы довести до конца большую часть исследований, описанных в моей главе. Я также выражаю свою благодарность и признательность всем приглашенным ученым, профессорам и исследователям, которые прибывали со всех уголков земного шара, чтобы работать вместе со мной в моей лаборатории. Они внесли неоценимый вклад в мое понимание культуры и психологии.

Мне также хотелось бы выразить свою благодарность руководству Университета штата в Сан-Франциско за чрезвычайно ценную для меня поддержку при осу-

ществлении намеченного плана исследований и ведении научной работы на высочайшем уровне. Я благодарен бывшим председателям факультета психологии Полу Эскильдсену, Кену Монтейро, Лилли Берри и Сьюзен Тейлор, и в особенности нынешнему декану Карен Колвин. Я также благодарю деканов Джулиана и Кассиолу за то, что они поддерживали меня и мою лаборатории во всех наших начинаниях, а также президента Университета Роберта Корригана. Без их помощи и поддержки было бы невозможно ни проведение моих исследований в области кросс-культуры, ни появление на свет этой книги.

Сотрудники редакции издательства *Oxford University Press* ни на миг не позволили усомниться в том, что они представляют лучшее академическое издательство на свете. Я хочу поблагодарить моего бывшего редактора Филиппа Лафлина, который благословил меня на создание этой книги и работал со мной на этапе ее планирования. Я благодарю также Катрин Карлин, оказавшую мне всестороннюю поддержку при создании книги, помогая придать завершенность ее главам и осуществляя итоговое редактирование.

Я счастлив, что у меня есть семья, которая поддерживала меня в работе над книгой и профессиональной деятельности и научила меня многому из того, что касается жизни, культуры и психологии. В то время как я пишу эти заметки, наша дочь Саяка приступает к обучению в выпускном классе школы. Она активно занимается учебой и спортом и является радостью и гордостью не только нашей семьи, но и для многих из тех, с кем мы общаемся. Во время работы над проектом родились наши сыновья-близнецы Сатоши Роберт и Масаши Дэвид, которые наполнили нашу жизнь новой радостью и смыслом. Мы были счастливы, изо дня в день наблюдая на их примере, как взаимодействуют между собой культура и психология. И прежде всего я благодарен и признателен одному человеку, который не жалеет для нас ни времени, ни энергии, ни любви, ни преданности, ни самого себя, человеку, который изо дня в день поддерживает нас, чье сердце наполнено добротой и любовью к своей семье и к людям, окружающим нас. Самую глубокую благодарность и признательность я выражаю своей жене Мими за то, что она появилась в нашей жизни и сделала нас лучше.

ГЛАВА 1

Введение

Дэвид Мацумото

В современной психологии нет более захватывающей темы, чем культура, и никакая другая тема не несет в себе такого потенциала для глубокой переоценки практически всего, что, по нашему мнению, нам известно о людях. Изучение культуры с точки зрения психологии ставит вопрос о природе знаний и психологических истин, полученных в рамках традиционных психологических исследований, участниками которых были в основном американцы или жители Западной Европы. В то же время изучение культуры в рамках психологии дает ответ на некоторые фундаментальные вопросы, касающиеся определенных психологических процессов, особенно относительно их универсального, в сравнении с культурой, характера. Культура для поведения человека — то же самое, что операционная система для программного обеспечения; оставаясь незаметной, она играет важнейшую роль в его развитии и функционировании.

Эта книга передает современную атмосферу в кросс-культурной психологии и описывает эволюцию этой научной дисциплины. Она освещает историю кросс-культурной психологии с момента ее основания, рассказывает о первых исследованиях и ученых-первопроходцах. Она включает в себя обзоры современной научной литературы по самым актуальным разделам психологии, которые изучаются в кросс-культурном аспекте. Кроме того, книга позволяет увидеть новые горизонты и понять, каким образом кросс-культурная психология может кардинально изменить теоретические подходы и исследовательские методики традиционной психологии, преобразовав ее из монокультурной психологии отдельных аспектов поведения в универсальную психологию, которая исследует проблемы во всей полноте.

Наряду с этим, в книге определяются уникальные особенности кросс-культурной психологии как метода исследования. Книга дает представление о сущности кросс-культурных исследований и позволяет понять, как и почему кросс-культурные методы могут быть полезны для современной психологии. Касаясь различных подходов к пониманию поведения человека, книга приводит аргументы в пользу дополнительной интеграции этих подходов вместо того, чтобы невероятным образом дробить и фрагментировать их, что типично для современной системы исследований и теории. Она стремится найти новые методы, часто выталкивая нас за пределы уютных, обжитых областей исследования,

чтобы поставить перед лицом действительно трудных проблем, связанных с истинной сложностью психологических процессов.

Я вкратце познакомлю вас с концепциями, проблемами и доводами, которые встретятся вам в этой книге. Все материалы данной книги можно, по-моему, отнести к одной из двух стержневых тем. Первая касается эволюции кросс-культурной психологии, не только давая представление о том, где она была и где находится сейчас, но, что еще более важно, куда она намерена идти. В этом смысле книга содержит коллективный взгляд на то, в каком направлении следует двигаться кросс-культурной психологии и что она должна собой представлять, когда достигнет своей цели. В соответствии с этим взглядом, основная цель развития кросс-культурной психологии — способствовать созданию подлинно универсальной теории психологических процессов.

Вторая тема — это предложения каждого из авторов о том, как достичь этой цели. Разумеется, эти предложения имеют свою специфику в зависимости от различия в потребностях и реалиях отдельных направлений. Однако при ближайшем рассмотрении можно заметить определенную общность подхода в материалах различной тематики, содержащихся в отдельных главах. Эта общность предполагает необходимость внесения в будущем существенных изменений в наш подход к проведению исследований, если мы действительно стремимся к достижению поставленной цели. Ниже я более подробно остановлюсь на этих двух темах.

Эволюция кросс-культурной психологии: где мы были, где мы сейчас и куда мы намерены идти?

За последние несколько десятков лет кросс-культурная психология прошла интересный и важный путь развития. Первые кросс-культурные исследования были связаны главным образом со сбором сведений о культурных различиях в ряде психологических процессов. Эта работа была, несомненно, очень важной и интересной, поскольку часто обнаруживала те аспекты, в которых психологические теории и модели, разработанные в рамках психологических исследований традиционного характера, проводимых главным образом в США, могли оказаться неприменимыми к представителям иных культур. Хотя первые кросс-культурные исследования часто воспринимались как нечто, доступное лишь посвященным, обладающим особыми познаниями в такой сфере, как культура, с годами выявление и сбор материала о культурных различиях в различных психологических процессах начали играть заметную роль в становлении кросс-культурной психологии как направления серьезных психологических исследований.

Однако в течение последних примерно десяти лет простой сбор материала о культурных различиях перестал удовлетворять специалистов по кросс-культурной психологии. Фактически, они подошли к признанию необходимости теоретического и эмпирического осмысления того, почему культура служит источником таких различий. На волне такого настроения все больше авторов выступали за

замену слишком общего абстрактного понятия «культура» специальными, поддающимися оценке психологическими переменными, которые могли быть гипотетическими причинами культурных различий. Такие переменные получили название переменных **контекста**, и современные исследователи часто учитывают их, планируя эксперименты и исследования и определяя степень влияния таких переменных на культурные различия в объектах изучения.

В то же время специалисты по кросс-культурной психологии стали более восприимчивыми к использованию психологических характеристик культуры для объяснения культурных различий. Эти характеристики — например, индивидуализм или коллективизм — свидетельствуют о выходе кросс-культурной психологии на новый уровень, переходе от простого сбора материала о различиях к созданию и апробированию теорий о культуре, которые могли бы объяснить причины этих различий. Такой трансформации кросс-культурной психологии способствовали установление и принятие важных параметров культурной изменчивости, таких как параметры Хофстеде, Триандиса и др., а также разработка оценочных методик для некоторых из этих параметров.

Некоторые авторы (например, ван де Виввер, глава 5 наст. изд.) рассматривают эволюцию, или трансформацию, кросс-культурной психологии с точки зрения этапов, или периодов, в ее развитии. Период времени, когда ученые просто собирали материал о различиях, определяется как первый этап в развитии кросс-культурной психологии. Об изменении теорий и методик в попытках объяснить культурные различия воздействием переменных контекста говорится как о втором этапе развития кросс-культурной психологии. Мы находимся на этой второй стадии, поскольку многочисленные кросс-культурные исследования занимаются поиском конкретных психологических переменных, которые являются причиной культурных различий.

Если два этих важных периода исследований в области кросс-культурной психологии можно считать первыми двумя этапами ее развития, что же готовит нам третий этап? Третьим этапом в развитии кросс-культурной психологии, перспективой, о которой я уже говорил и к которой стремятся все специалисты по кросс-культурной психологии, будет создание универсальных теорий психологических процессов. Да, основная цель кросс-культурной психологии на сегодняшний день — не создание «интересных» кросс-культурных моделей поведения, применимых к представителям «коренным образом отличающихся друг от друга» культур, и сосуществующих с другими моделями в рамках традиционной психологии. Напротив, цель состоит в создании подлинно универсальных моделей психологических процессов и поведения человека, которые были бы применимы ко всем людям, независимо от происхождения, и могли бы дополнить, а может, и заменить господствующие сегодня теории и представления.

Следовательно, главная задача кросс-культурной психологии — оценка панкультурной применимости психологических теорий для проверки основных теоретических принципов и гипотез и для основательного пересмотра господствующих теорий базовых психологических процессов. Необходимость такой оценки, проверки и пересмотра вызвана не только динамично изменяющимися демографическими условиями США и других стран, не только постоянным изменением мира,

в котором мы живем, хотя все это, без сомнения, дает импульс исследованию культуры и увеличивает значение ее изучения. Эта необходимость определяется также нашим пониманием научной философии и лежащими на нас моральными обязательствами; ведь мы знаем, как интенсивно каждодневное использование психологических знаний влияет на человеческую жизнь. Следовательно, если мы верны нашей сфере как науке, то должны поставить вопрос о логике этой науки, которую дает нам методика кросс-культурных исследований. И если мы стремимся к тому, чтобы наши открытия, теории и методы использовались в повседневной жизни: в психологическом консультировании, лечении, и организационной работе, тогда мы как научное общество должны отвечать достаточно высоким стандартам применимости наших открытий и обязаны соответствовать этим стандартам.

Поэтому мы с нетерпением ждем того дня, когда сможем представить теории, применимые к носителям любой культуры, теории, касающиеся морали, развития, личности, познания, эмоций, мотивации, социального поведения и других универсальных проблем (тем) психологии. И ожидая этого, мы отдаем себе отчет в многочисленных недостатках теорий, основанных на монокультурных исследованиях или исследованиях, участники которых представляют ограниченное число культур. Следовательно, необходимо в будущем исследовать эти проблемы, привлекая участников, представляющих широкий диапазон в корне отличающихся друг от друга культур; причем методы такого исследования должны учитывать культурный фактор и включать комплексные методы сбора и анализа данных. Трансформация кросс-культурной психологии на третьем этапе ее развития — достижение перспективы, если хотите, — требует не только теорий, но и методик, кардинально отличающихся от нынешних.

Как мы воплотим в жизнь планы на будущее? Пересмотр методологии и концепций в будущем

Кросс-культурная психология как дисциплина и как метод научных изысканий находится в процессе развития, и данная книга передает это развитие как моментальный снимок. В ней вы найдете обзоры кросс-культурных теорий и эмпирических исследований, касающихся базовых психологических процессов, личности, социального поведения и других важных тем. Так же в ряде вводных глав обсуждаются основные перспективы как данной сферы в целом, так и отдельных методологических вопросов, специфических для кросс-культурных исследований. Рассмотрение основных теоретических моделей, содержащееся в каждой главе, и самые современные и полные обзоры по каждому из направлений, вне всякого сомнения, обладают самостоятельной ценностью, представляя собой изложение самого нового материала по соответствующей теме.

Кроме того, ни один из авторов этой книги не ограничивается одним лишь обзором теоретической и исследовательской литературы. Все они предлагают нам свое ви́дение перспективы, того, какими должны стать теоретические разработки и эмпирические исследования по соответствующему направлению в будущем. Та-

ким образом, каждый из авторов книги предоставляет всем изучающим культуру уникальную возможность не только ознакомиться с накопленными знаниями и данными предшествующих теорий и исследований, но и понять, каким образом следует перестраивать теорию и исследования, чтобы способствовать достижению третьего этапа развития кросс-культурной психологии и, в конечном счете, прийти к созданию универсальных психологических теорий.

Далее я перечисляю важнейшие, на мой взгляд, моменты, которые авторы этой книги считают ключевыми для дальнейшего развития кросс-культурной психологии. Они не являются взаимоисключающими. Надеюсь, что такие извлечения послужат для читателя ориентиром, помогающим понять и оценить замысел авторов книги.

1. *Лучше понимать культуру*. Большинство авторов утверждают, что наша способность к созданию универсальных теорий психологических процессов до определенной степени зависит от нашей способности глубже понять культуру как таковую. Важным достижением нашей научной дисциплины было выяснение и отбор упомянутых выше культурных параметров психологической изменчивости, однако имеется множество других направлений, требующих теоретического осмысления культуры. Они включают переоценку и совершенствование нашего понимания контекста и изучение его соотношения с культурой, а также необходимость всестороннего изучения культурного воздействия, начиная с культуры как определяющего фактора в формировании поведения и до культуры как результата поведения (то есть культуры, выступающей и в качестве независимой, и в качестве зависимой переменной). Нам следует также совершенствовать свое понимание роли культуры как сдерживающего или стимулирующего поведение фактора.
2. *Интегрировать разнообразные, на первый взгляд кардинально отличающиеся друг от друга, подходы к теории и методике, принимая во внимание культуру*. Многие авторы выступают за то, что подходы и взгляды на соотношение между психологией и культурой и ее изучение нуждаются в интеграции, чтобы обеспечить дальнейшее развитие этой сферы. Речь идет о подходах, характерных для кросс-культурной психологии, этнокультурной психологии и психологической антропологии. Каждому из этих направлений свойственны различные теоретические установки и методы исследования, которые потребуются в будущем для интеграции в рамках единой программы действий.
3. *Принять холистический подход к пониманию психологических процессов и их исследованию*. Современная академическая психология, руководствуясь исследовательскими целями так сильно раздробила поведение человека на отдельные фрагменты, что часто за деревьями трудно увидеть лес. Для психологов, занимающихся как кросс-культурной, так и традиционной психологией, пришло время руководствоваться целостным (холистическим) подходом к пониманию психологии и поведения человека, чтобы выявить связи между различными теоретическими взглядами на одни и те же процессы и в будущем объединить их в одно целое.

4. *Интегрировать кросс-дисциплинарные переменные.* Разработка универсальных теорий по психологии требует, чтобы мы принимали во внимание переменные, которые обычно игнорируют в исследованиях и теоретических разработках. В числе таких переменных влияние окружающей среды, политических структур, погоды и климата, географических факторов, и т. п. Ведь создание применимой в панкультурном масштабе теории поведения человека без учета таких факторов попросту невозможно. По мнению многих авторов этой книги, культура, общество, биология и психология должны объединиться для разработки таких теорий.
5. *Интегрировать теоретические взгляды, лежащие за пределами господствующего направления в психологии.* Американские психологические теории и теории, публикуемые в англоязычных журналах и других источниках, попрежнему оказывают наиболее сильное влияние на создание психологической теории. Существует много других взглядов, до сих пор большей частью неизвестных или игнорируемых, поскольку они носят этнокультурный характер и существуют в рамках конкретных культур или опубликованы не на английском языке. Такая неосведомленность, причиной которой могут быть высокомерие, языковые барьеры или иные факторы, недопустима в будущем, если мы намерены объединить в своей работе разнообразные теоретические взгляды.
6. *Интегрировать в корне различающиеся методы.* Чтобы создать универсальную теорию психологии в будущем, исследование должно использовать фундаментальным образом отличающиеся друг от друга методы. Для получения качественно иного знания исследование будущего нуждается в интеграции различных методов. Такая интеграция предполагает включение количественных и качественных методов в исследование психологических процессов через культуру и постоянный учет переменных контекста, чтобы определить прежде всего причину возникновения культурных различий. Исследование будущего должно опираться на изучение более широкого круга лиц, представляющих более широкий круг культур, не ограничиваясь студентами университета, причем при изучении явлений должны использоваться лонгитюдные методы. Прошли те времена, когда студентов, представляющих различные культуры, заставляли заполнять анкету, переведенную на разные языки, и называли это «кросс-культурным исследованием».

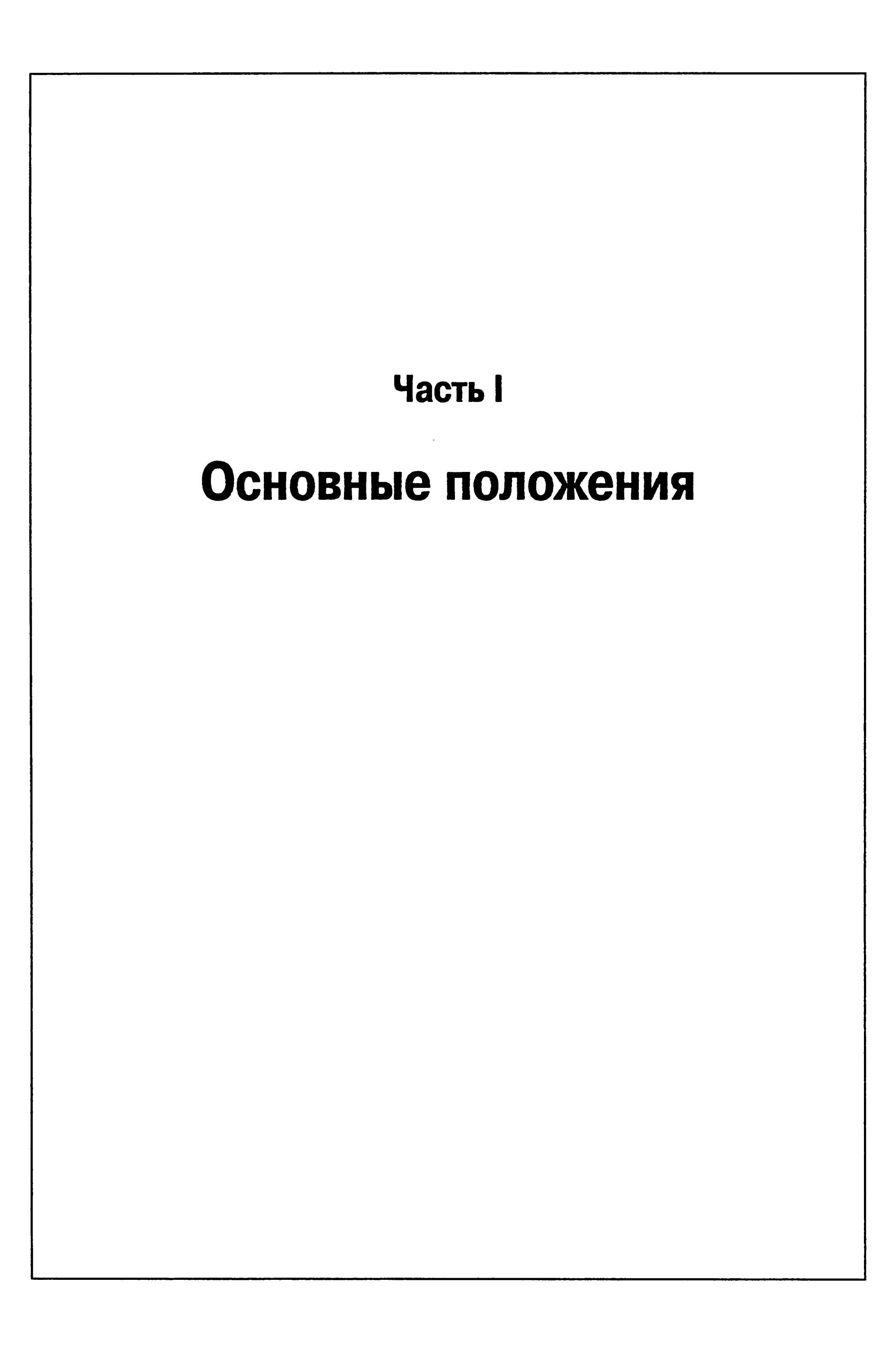
Эти шесть основных установок, пока сформулированные лишь в самом общем виде, требуют, чтобы исследование будущего осуществлялось методами, коренным образом отличающимися от нынешних. Если рекомендации авторов книги будут приняты во внимание, это будет способствовать радикальному изменению и значительному усложнению исследований. Возможно, это заставит нас мыслить так, как мы пока не готовы или не желаем. Собранные воедино, эти идеи заставляют нас вступить на новые неизведанные тропы науки, совсем непохожие на те, по которым мы движемся сегодня. И все же, если мы намерены создать и испытать подлинно универсальные теории, принимающие во внимание как панкультурное сходство, так и культуро-специфичные процессы, этот путь должен быть пройден.

Цели книги

Эта книга представляет собой коллективный опыт группы ведущих исследователей в сфере кросс-культурной психологии. Этот опыт заключает в себе, как я отмечал выше, не только видение перспективы развития кросс-культурной психологии, но и пути достижения этой перспективы. Задачи этой книги таковы:

- передать современную атмосферу в кросс-культурной психологии;
- помочь читателю представить себе ее будущее — понять, какие теории и исследования необходимы, чтобы кросс-культурная психология могла перейти от выявления культурных различий к обоснованию того, как и почему культура вызывает такие различия, и к созданию универсальных психологических теорий (эти концепции даются на фоне анализа этапов эволюции); и
- объяснить, как проводить исследования в будущем, чтобы содействовать достижению этой перспективы и способствовать дальнейшему развитию кросс-культурной психологии.

Эта книга выполнит свою задачу, если вдохновит будущих исследователей и ученых на решение поставленных здесь проблем и если все изучающие психологию и культуру — исследователи, преподаватели, руководители, психиатры, адвокаты, консультанты, врачи и т. д. — по-настоящему поймут и оценят влияние культуры на все стороны нашей жизни и сумеют перенести это понимание в важнейшие сферы жизни и бытия.

Часть I

Основные положения

Первая часть книги включает четыре главы, в которых изложены основы знаний, необходимых всем изучающим культуру и психологию. Представленная в этой части информация потребуется для чтения и понимания других глав книги, поскольку здесь изложены фундаментальные теоретические и методологические положения, на которых строится большая часть работ по кросс-культурной психологии.

Главу 2 Адамопулос и Лоннер начинают с истории данного направления и с вопроса о методе кросс-культурной психологии. Сравнивая и противопоставляя два, казалось бы, различных подхода к изучению культуры — кросс-культурную психологию и культурную психологию — они анализируют возможности рассмотрения культуры в соотношении с человеческим поведением, чтобы объединить теорию и практику прошлого и настоящего и прояснить будущую эмпирическую и концептуальную работу. При этом авторы акцентируют внимание на альтернативах, перед которыми стоит кросс-культурная психология в настоящий момент.

В главе 3 Триандис описывает происхождение и использование конструкта **индивидуализм и коллективизм** для объяснения культурных различий в разнообразных типах поведения. Он приводит доводы в пользу интеграции различных подходов и методологий. При этом условии кросс-культурная психология даст традиционной психологической науке возможность стать психологией универсальной.

В главе 4, написанной Кимом изящно и просто, приводятся убедительные доводы в пользу интеграции и большего поощрения этнокультурных психологических подходов. Указывая на ограниченность того пути, которым традиционно шла наука в рамках господствующего в психологии направления, Ким высказывает мысль о том, что этнические психологические школы — с их интересом к контексту, гносеологии и феноменологии — предлагают альтернативный подход к пониманию отношений между культурой и психологией, рассматривая их как тесно взаимосвязанные феномены.

В главе 5 ван де Вивьер дает великолепный обзор уникальных аспектов кросс-культурного исследования. Он детально рассматривает проблемы, связанные с отклонениями и эквивалентностью и предоставляет ученым полезное руководство для проведения звуковых исследований. Он также выступает за интеграцию методологий радикально отличающихся, на первый взгляд, подходов, включая кросс-культурную и культурную психологии. По его мнению, это поможет ученым преобразовать кросс-культурную психологию в универсальную.

Эти главы определяют концептуальные и методологические рамки, в которых в остальной части книги будут развиваться две ее основные темы — перспектива преобразования кросс-культурной психологии в универсальную теорию поведения и пути достижения этой цели.

ГЛАВА 2

Культура и психология на распутье: историческая перспектива и теоретический анализ

Джон Адамопулос и Уолтер Дж. Лоннер

Кросс-культурная психология как сфера серьезных научных изысканий, методологический подход и средоточие анализа и синтеза информации, касающейся великого многообразия культур, в котором мы живем сегодня, прошла долгий путь с тех пор, когда культурные различия просто отмечались и описывались. Черты культурного сходства и различия, описанные во множестве различных аспектов и при помощи различных подходов, и сегодня порождают литературу по всем направлениям психологии с различными теоретическими установками и эмпирическими подходами. И те, кто давно изучает культуру с психологической точки зрения, и новички в этом деле могут потеряться в «фактах» кросс-культурной психологии; на данном этапе своего развития изучение культуры и психологии нуждается в ясности, которая будет способствовать его прогрессу и плодотворному развитию в ближайшие 20 лет. Эта глава вносит необходимую ясность, готовя читателя к пониманию сложности культурных и культурно-психологических взаимоотношений, рассматриваемых в последующих главах

Для того чтобы показать важность настоящего момента в истории кросс-культурной психологии, Адамопулос и Лоннер в этой главе дают блестящее описание ее развития и анализ текущих проблем В начале главы авторы описывают путь, пройденный кросс-культурной психологией, от скромных начинаний, вроде собраний ученых, интересующихся культурой, до разнообразных организаций, печатных изданий и тем, которые характеризуют эту сферу сегодня Они объективно освещают недостатки психологического знания, полученного в процессе монокультурного исследования, а также при других ограничивающих обстоятельствах, особенно, если преполагается его применимость к людям любого происхождения, национальности, образования и т. д В своем историческом обзоре Адамопулос и Лоннер указывают также на подходы, при которых кросс-культурная психология может рассматриваться не как отдельная «сфера» исследований, но скорее как особый научный метод. То есть кросс-культурная психология может рассматриваться не только с точки зрения содержания ее исследований, но также на языке научной философии — как логика, на кото-

рую опирается наука и которая определяет пути получения знаний. Как таковая кросс-культурная психология не только имеет непосредственное отношение к изучению культуры, но является и методом ее критического осмысления.

Далее Адамопулос и Лоннер представляют глубокий анализ черт сходства и различия на первый взгляд разных подходов, которые в последнее время обращают на себя внимание, они сравнивают и противопоставляют кросс-культурную психологию и культурную психологию. Потребность в таком анализе давно назрела, и всем, кто изучает культуру, следует познакомиться с разграничениями, предлагаемыми в этой части главы. По мнению авторов, у любого подхода есть свои сильные и слабые стороны, преимущества и недостатки Несмотря на личные предпочтения, которые каждый питает к собственному подходу к культуре и которые, без сомнения, оказывают влияние на оценку других подходов, трудно не заметить, что в двух представленных сферах куда больше сходства, чем различий, при исследовании природы разума, которая является воплощением и источником как культуры, так и психологии.

В завершение своей главы Адамопулос и Лоннер излагают идеи, касающиеся согласования противоречий, вызванных различием подходов в кросс-культурной и культурной психологии, в основе этого сближения предполагается не взаимное стремление исправить недостатки другого подхода, но перспектива использования сильных сторон обоих подходов в контексте их собственных онтологических посылок и методологических ограничений Принимая во внимание эту перспективу, авторы подводят итог анализа исходной посылки восприятия культуры в психологической теории, которая зависит от того, рассматривается ли культура как фактор, определяющий поведение человека или как следствие этого поведения, как стимулирующий или как ограничивающий фактор. Такая точка зрения полезна не только потому, что позволяет понять аспекты культуры, доступные кросс-культурной или культурной психологии, но и потому, что позволяет тем, кто изучает культуру, взглянуть на предмет со стороны, увидеть культуру во всей ее необъятности и понять, как много функций она выполняет. Изучающие культуру получают возможность в полной мере оценить сложность взаимосвязей между культурой и психологией, а такая оценка ведет к перевороту в понимании культуры и, следовательно, к кардинально иным подходам к ее исследованию в течение ближайших 10–20 лет. Поскольку будущим исследователям предстоит решать более масштабные проблемы, касающиеся глубинной сути соотношения культуры и психологии, включая установление границ между ними, анализ Адамопулоса и Лоннера, в котором определены альтернативы, перед которыми стоит кросс-культурная психология сегодня, в перспективе может иметь значительное влияние.

В этой главе мы дадим общее представление о двух основных составляющих, которые определяют общие характеристики и текущее состояние предмета психологии и культуры. Первая составляющая — исторический обзор — позволяет прежде всего бросить беглый взгляд на происхождение кросс-культурной психологии и помогает понять, как относиться к ней сегодня, с учетом ее происхождения и развития в последние 35 лет. Вторая составляющая — это обращение к некоторым

теоретическим проблемам и критическому анализу двух основных направлений, культурной и кросс-культурной психологии, в то время как третья составляющая представляет собой оценку той роли, которую культура играет в психологии, равно как и той, которую, по нашему мнению, ей **следует** играть Вместе взятые эти составные части описывают сущность кросс-культурной психологии и кратко характеризуют другие направления в психологии и смежных дисциплинах, в которых феномен культуры играет центральную и необходимую роль в объяснении человеческого мышления и поведения.

Кросс-культурная психология в краткой исторической перспективе

Всестороннее исследование истории и развития кросс-культурной психологии следует начать ссылкой на три важнейших источника (Jahoda, 1980, 1990, Jahoda & Krewer, 1997; Klinberg, 1980), каждый из которых позволяет проследить истоки психологического интереса к чужим культурам. Дополнительные исторические сведения — особенно по кросс-культурной психологии до 1980 г — дает шеститомное «Руководство по кросс-культурной психологии» (Triandis et al., 1980), 51-я глава которого содержит огромное количество ссылок. Четыре короткие статьи Диас-Гуэррэро, Яходы, Прайс-Уильямса и Триандиса, опубликованные в трудах Конгресса, посвященного серебряному юбилею Международной ассоциации кросс-культурной психологии в 1998 году (Lonner, Dinnel, Forgays & Hayes, 1999), позволяют глубже проникнуть в сущность происхождения кросс-культурной психологии. Эти четверо — одни из немногих ученых, способствовавших возникновению «современного» направления в кросс-культурной психологии.

Одно из главных положений этих ретроспекций и аналитических работ состоит в следующем неуловимое понятие **культура** и феномен, который это понятие представляет, существовали веками, попытки при помощи культуры объяснить многообразие типов человеческого мышления и поведения не новы. Другим важным аспектом размышлений, содержащимся в этой ретроспективе, является то, что так и не было найдено приемлемой для всех дефиниции кросс-культурной психологии, и она до сих пор представляет собой нечто неопределенное Эта проблема вызвала некоторую озабоченность тем, что данное понятие может оказаться слишком узким и ограниченным, а следовательно, повлечь за собой необходимость пересмотра определения кросс-культурного психолога (Lonner, 1992) В то время как терминологические трудности и лояльность, похоже, останутся постоянной темой полемики и дискуссий, в то время как некоторые критики продолжают задаваться вопросом о важности или достоверности кросс-культурной психологии, возможно, следует иметь в виду самый существенный момент: «важно не то, как называется кросс-культурная психология, а определение того, чем она занимается — это позволит обеспечить изучение самого широкого диапазона психологических тем в максимально широких этнических и культурных рамках и посредством разнообразных методологий» (Segall, Lonner & Berry, 1998, p 1102).

Имеет смысл повторить, что подробный обзор мировой психологической литературы последнего столетия покажет интерес многих психологов к культуре, этни-

ческой принадлежности или национальному происхождению как к «детерминантам» или промежуточным переменным (Lonner & Adamopoulos, 1997) при трактовке мышления и поведения. В самом деле, даже так называемый отец современной экспериментальной психологии, Вильгельм Вундт, может быть назван первопроходцем в этой сфере по причине его интереса к «Психологии народов» (Wundt, 1900–1920), убедительным доказательством чему служат 10 томов, опубликованных им под этим названием. Возможно, пионером в исследовании предполагаемых взаимосвязей между культурой и основными психологическими процессами был В. Г. Р. Риверс (W. H. R. Rivers, 1901) из Кембриджского университета, возглавивший экспедицию психологов и антропологов, предпринятую для сбора данных в Южно-тихоокеанской зоне и на восточном побережье Индии.

Обратившись к истории психологии, нетрудно найти журнальные статьи, в которых **культура** или иные дескрипторы (например **этническая группа**) использовались для характеристики людей, связанных общностью наследия или судьбы. Хотя в большинстве исследований в качестве «объекта» психологического изучения выступали относительно здоровые и благополучные представители белой расы и индустриального общества, несомненно, что любая научная (психологическая) тема, которую только можно себе представить, так или иначе, в той или иной степени подразумевала исследования с участием индивидов из различных культурных и психолингвистических групп. Главным образом это относится к таким разделам психологии, как тестирование умственных способностей, изучение «национальных типов характера» или «модальной личности», различные попытки понять аномальное поведение, и особенно в широкой сфере социальной психологии, которая претендует на лидерство в кросс-культурных исследованиях.

Однако, за редким исключением, на протяжении первых двух третей XX века не существовало системы или хотя бы ясного плана таких междисциплинарных экскурсов. В действительности долгие годы превалировали «отпускной оппортунизм» (*«sabbatical opportunism»*) и «исследование избранных» (*«jet-set research»*). Это означало, что чрезмерно любознательный и энергичный психолог, обычно из США, Великобритании или с какой-то близкой или политически подчиненной им территории, отправлялся во время академического отпуска на несколько недель (месяцев) в экзотический уголок земного шара и, среди прочего, занимался «проверкой» отдельных законов или проверял на местности какую-нибудь теорию, его занимавшую. Вернувшись к домашнему комфорту, он (а порой она) обычно писал статью и передавал ее на рассмотрение в какой-нибудь подходящий, если не брызжущий энтузиазмом, журнал и, таким образом, им удавалось снискать некоторую известность по части поиска новых путей в психологии.

Такие сообщения могли представлять сиюминутный интерес, но длительных усилий разработать стратегию систематических исследований почти не предпринималось. Возможно, именно поэтому так важны были отдельные книги по методологии, объединения единомышленников и другие источники поддержки таких усилий. Кроме того, психологи, занимавшиеся кросс-культурными исследованиями, часто воспринимались как довольно странные создания, кучка фанатиков своей дисциплины, которые стремятся избегать общепринятой академической рутины, существуя где-то на задворках науки. Много лет назад среди академических

психологов бытовало мнение, что культура — предмет, изучать который приличествует антропологам. (Этого мнения некоторые ученые придерживаются до сих пор, — главным образом, те, кто считает психологию одной из «естественных» наук, а «законы» поведения — выходящими за пределы культуры; так же как законы научения часто рассматриваются исключительно филогенетически.)

Картина кросс-культурных исследований как изолированных и разобщенных радикально изменилась во второй половине 1960-х годов, когда было предпринято несколько относительно независимых начинаний, впоследствии объединенных. В это время началась современная эпоха в развитии кросс-культурной психологии. Первым заслуживающим упоминания событием была конференция в Университете Нигерии в Ибадане во время Рождества и Нового года (1965–1966). Привлекшая около 100 специалистов (в основном, социальных психологов), конференция планировалась как форум на котором могли бы обсуждаться различные социально-психологические взгляды с учетом их применимости к различным культурам, а также их теоретические обоснования.

Участники конференции позаботились и о путях сотрудничества в будущем. Например, они решили поддерживать связь при помощи выходившего время от времени *Cross-Cultural Social Psychology Newsletter* — Информационного бюллетеня кросс-культурной социальной психологии, ведущим редактором которого был Гарри Триандис. (Прямой потомок этого издания — выходящий ежеквартально *Cross-Cultural Psychology Bulletin* — Бюллетень кросс-культурной психологии, выходящий в настоящий момент под редакцией Уильяма К. Габрениа.) Джон У. Берри был инициатором второго начинания — создания указателя исследователей кросс-культурной психологии. Содержавший поначалу чуть более 100 записей и опубликованный в 1968 году в *International Journal of Psychology*, этот указатель должен был способствовать сотрудничеству при проведении различных видов психологических исследований по всему миру. В указатель вносились исправления в 1970 и 1973 годах и дважды в 1980-е годы; последнее его обновление было сделано в 1998 году. Третьим важным моментом была подготовка в 1968 и 1969 годах, а затем первая публикация в 1970 году ежеквартального *Journal of Cross-Cultural Psychology*, редактором-учредителем которого был Уолтер Дж. Лоннер. В 1995 году *Journal of Cross-Cultural Psychology* стал выходить раз в два месяца; в 2000 году нашему первому отраслевому журналу исполнился 31 год.

Три момента, перечисленные выше, в совокупности сыграли роль катализатора в 1971–1972 годах. По инициативе покойного Джона Л. М. Б. Доусона в августе 1972 года в Университете Гонконга, где Доусон возглавлял факультет психологии, состоялся первый съезд Международной ассоциации кросс-культурной психологии (*International Association for Cross-Cultural Psychology, IACCP*). Съезд собрал около 110 психологов (и горстку антропологов и психиатров), хорошо знакомых с работами друг друга, но, за редким исключением, не встречавшихся ранее. С этого времени *IACCP* стала настоящим объединением ученых, со своими чиновниками, уставом и прочими атрибутами вполне оперившейся, хотя и маленькой профессиональной организации. Ее первым президентом был Джером Брунер, а Доусон — первым генеральным секретарем. В настоящее время авторские права на *Journal of Cross-Cultural Psychology* принадлежат Западному университету

Вашингтона, однако он позволяет *IACCP* называть журнал одним из ее «официальных» изданий.

Объединение разрозненных начинаний символизирует момент, когда кросс-культурная психология получила законный статус и официальное признание единомышленников. Она мгновенно стала ассоциироваться с *Journal of Cross-Cultural Psychology* и *Cross-Cultural Psychology Bulletin* и публикацией избранных трудов конгрессов *IACCP*, которые проводились каждые два года. Конгрессы *IACCP* проходили в 13 странах; последним был Конгресс Серебряного Юбилея, он состоялся в начале августа 1998 года в Западном университете Вашингтона. Получить общее представление о трудах этого конгресса можно, обратившись к изданию, представленному в списке литературы (Lonner et al., 1999). Местом проведения последнего конгресса был город Пултунск (Польша).

События, описанные выше, дают общее представление о пути, пройденном кросс-культурной психологией в организационном плане. Для этой книги, однако, более важным является осмысление ее научного и концептуального развития. А это подразумевает рассмотрение широкого круга методологических и гносеологических проблем, существенных для объяснения взаимосвязи культуры и поведения. Обратимся к этим вопросам.

Смысл существования кросс-культурной психологии

Существует множество аргументов в пользу важности кросс-культурной психологии. Кто же будет спорить, например, с тем, что изучение других культур приносит огромную пользу, хотя бы потому, что такие познания могут подготовить человека к более эффективному взаимодействию с представителями иной культуры. И кто же станет спорить, что изучение и понимание других культур или этнических особенностей служит отличительной чертой образованного человека? Изучение мира за пределами собственных границ (Cole, 1984) важно само по себе и позволяет глубже понять, кто мы такие, откуда пришли, а возможно, и куда идем. Для кросс-культурных психологов, однако, главной и очевидной причиной возникновения и существования кросс-культурной психологии было стремление раздвинуть рамки психологической науки.

Современная психология — это прежде всего порождение западной академической науки, которая греется в лучах почтенных, с научной точки зрения, исследований, отмеченных наследием логического позитивизма. Группа авторов (Berry, Poortinga & Pandey, 1997) использовали акроним *WASP* (*Western academic scientific psychology* — западная академическая научная психология) для описания этого исторического явления, имея в виду не только западную психологию, но также практику психологии как науки в США, Великобритании, а также в их культурных и языковых сателлитах. Интересен взгляд на эту ситуацию Яходы (Jahoda, 1970), который критически отзывался о навязанных психологии границах. Он заявил, что эта ограниченность напоминает некоего

> пастора Твакума из «Тома Джонса» [юмористического романа Генри Филдинга, написанного в 1749 году о выходце из простонародья, воспитанного в среде английской аристократии], который сказал: «Когда я упомянул религию, я имел в виду христианство; но не просто христианство, но протестантизм, и не просто протестантизм,

а англиканскую церковь». Это очень напоминает: «Когда я говорю об объекте психологии, я имею в виду представителя западной индустриальной культуры; но не просто представителя западной индустриальной культуры, а американца, и не просто американца, а студента университета». Конечно, несправедливо говорить так, бросая тень на всю массу работ, выполненных в США. И тем не менее чрезмерное сосредоточение на такой странной выборке (а ведь речь идет о человечестве в целом) заставляет призадуматься о сфере применения «законов», полученных в результате таких экспериментов.

Короче говоря, большинство сведений о психологическом функционировании человека получено в результате исследований и теоретических разработок, порожденных «высоко психологозированным» миром, «ведущим миром» психологии (Moghaddam, 1987). О значительной же части остального мира психологии известно немного.

Стандартная методологическая парадигма в кросс-культурной психологии

Как было отмечено выше, часто основной причиной появления кросс-культурной психологии считают расширение диапазона вариаций. Обычно речь идет об обращении к отличным от своей собственной культурам с целью проверить на прочность или универсальную применимость данные психологических исследований, которые, за неимением опровергающих или противоречащих фактов, многие считают истиной в последней инстанции. Поскольку большинство исследований по психологии проводилось до сих пор в промышленно развитых западных странах западными же психологами, часто предполагается обследование не западных и относительно не тронутых культурой мест. Как бы то ни было, данное группой авторов определение кросс-культурной психологии (Berry, Poortinga, Segall & Dasen, 1992) представляется небесполезным и на какое-то время вполне приемлемым. Они определяют кросс-культурную психологию как «изучение черт сходства и различия в функционировании личности в различных культурных и этнических группах, отношений между психологическими переменными и социокультурными, экологическими и биологическими переменными, а также изучение изменения этих переменных» (p. 2).

В той же книге (Berry et al., 1992) описан в общих чертах типовой (но не единственный) методологический протокол по кросс-культурной психологии; он включает в себя перенос, тест и исследовательскую процедуру. Процесс подразумевает: а) выбор психологического закона, теста или модели, которые удовлетворительно зарекомендовали себя в оригинальной культуре; б) «тестирование» избранной закономерности на одной или нескольких иных культурах (это действие аналогично расширению диапазона вариаций с целью проверить, до какой степени избранный закон (тест, модель) применимы в другом месте) и в) установление в других культурах факторов или элементов, отсутствующих в оригинальной культуре, из которой был перенесен данный закон. Такая методика содержит большинство составляющих «традиционной» психологии. Достаточно очевидно, что схема ортодоксального кросс-культурного исследования подразумевает, что «другие культуры» рассматриваются как независимые переменные (или квазинезависимые, посколь-

ку культурой нельзя «манипулировать», что является ключевым моментом в определении подлинно независимой переменной). Такой упрощенный подход многих беспокоит (см. далее). Таким образом, Природа-мать выступает в качестве главного эксперта при планировании эксперимента. Различные условия проведения эксперимента или независимые переменные, созданные ею, называются культурами или этническими группами или рассматриваются как «отличные» от тех, кто принадлежит к иной культуре и чье участие определяет выработку исходных посылок.

В соответствии с этой типовой ортодоксальной моделью, кросс-культурную психологию можно рассматривать не как отдельную отрасль или научную дисциплину, а просто как особый метод исследования. С его применением сопряжен ряд уникальных методологических условий или проблем, требующих самого пристального внимания. Например, весьма осмотрительно должно проводиться определение выборки, необходимо учитывать разнообразные проблемы, связанных с эквивалентностью. Нельзя оставить без внимания и этические вопросы. Разумеется, те, кто изо дня в день занимается планированием и проведением исследований в рамках традиционной психологии, также должны уделять внимание проблемам, связанным с определением выборки и ее влиянием на результат, соотноситься с типом задач или условий, предъявляемых участникам. Так что и они должны заботиться об этике. Однако в кросс-культурных исследованиях, как правило, складывается куда более сложная, неоднозначная и трудоемкая ситуация. Нам не хватит места в этой главе, чтобы изложить все детали, связанные с серьезной кросс-культурной методологией. Но если, как полагают некоторые (в дискуссии, приведенной ниже), кросс-культурная психология не более, чем расширение обычного эмпирического/позитивистского исследования, тогда единственное существенное отличие поисков психологической ортодоксии от кросс-культурной психологии — стремление определить универсалии и закономерности в мышлении и поведении человека — делает это направление исследований достаточно сомнительным в логико-методологическом отношении. В последние годы было много написано о методологических проблемах и трудностях, присущих кросс-культурной психологии (Berry et al., 1997; Brislin, Lonner & Thorndike, 1973; Lonner & Berry, 1986; Triandis et al., 1980; van de Vijver & Leung, 1997).

Подавляющее большинство кросс-культурных психологических исследований, проводившихся с середины 1960-х годах могут быть охарактеризованы как расширение диапазона отклонений неизвестной или неизученной культуры от известных и хорошо изученных культур. Смахнув пыль с одной из первых работ по кросс-культурной методологии (Brislin et al., 1973), мы увидим, что значительная часть этой книги (что отражает состояние исследований в конце 1960-х и начале 1970-х годов) посвящена рассмотрению все той же задачи «расширения». Одна из глав специально посвящена методологии и проблемам, связанным с кросс-культурным использованием психологических тестов, разработанных для оценки широкого диапазона различных параметров. Едва ли не все тесты, опросники и шкалы, рассмотренные в данной главе, были разработаны западными психологами. Характерны в этом смысле обзор и обсуждение результатов использования Калифорнийского психологического опросника (*California Psychologycal Inventory, CPI*) для исследо-

вания иных культур. Широкое обсуждение определения уровня умственных способностей в других культурах носило почти императивный характер, главным образом потому, что долгие годы так много внимания уделялось тому, что составляет интеллект вообще, а специфические культурные контексты практически не учитывались. Под именем «культуронезависимого» теста было предпринято немало попыток, в основном неудачных, обнаружить *Rosetta stone* (камень с древними надписями на двух языках) в способностях человека.

Как отмечалось выше, в большинстве психометрических исследований, затрагивавших другие культуры, использовались схемы, разработанные на Западе. Исследователи как бы говорили: «Посмотрим, как они справятся с головоломками, которые мы им подсунем», что попросту предполагало, что эти «головоломки» представляют тот самый стандарт, на основании которого следует оценивать поведение других людей. Неудивительно, что тем же самым логическим обоснованием пользуются и сегодня, хотя и более сознательно, изощренно и осторожно. Например, при тестировании личности широко использовался личностный опросник НЭО (*NEO-PI-R*). Его целью была оценка «Большой пятерки» личностных параметров, которые, как полагают многие, является, по крайней мере, частично, общекультурными характеристиками. Впечатляет то, что «Большая пятерка» была составлена довольно разумно, однако существование таких базовых элементов в одной культуре не исключает наличие одного или нескольких специфических для иной культуры факторов. Данные факторы не могут быть обнаружены этическими по сути исследованиями, разработанными по образцу стандартных тестов, предполагающих заполнение опросников (процедура, которая сама по себе родилась на Западе). Другие исследователи использовали несколько вариантов многоязычного Миннесотского многоаспектного личностного опросника-2 (*MMPI*-2). Наверное, довольно трудно найти психометрический прием, который не были бы опробован на иных (по сравнению с исходной) группах с целью определения универсальности лежащего в его основе психологического конструкта. Недавно вышедший специальный выпуск *Journal of Cross-Cultural Psychology* содержит богатую информацию по исследованиям личности в кросс-культурном аспекте, а также по междисциплинарным проблемам (Church & Lonner, 1998).

В середине 1960-х годов (возможно, на волне послевоенного энтузиазма, вызванного обещаниями психологии улучшить мир) существовало несколько других парадигм, которые использовали авторы значительного количества работ по кросс-культуре. Примером может служить исследование мотивации успеха. Ориентируясь на одну из тех психологических потребностей, которые, по мнению Генри Мюррея, присущи в определенной мере всем людям, различные исследователи, особенно Мак-Клелланд (McClelland, 1961) стремились составить схему природы и причин мотивации успеха и выделить важнейшие составляющие обществ, ориентированных на успех. Были даже попытки инициировать экономические достижения в других обществах, используя методику стимулирования мотивации успеха (McClelland & Winter, 1969).

Другим примером парадигмы, которая привлекла к себе пристальное внимание с кросс-культурной точки зрения, была теория психологической дифференциации, разработанная Виткином. Эта теория предназначалась для распространения на

другие культуры. Ее суть заключалась в **гипотезе дифференциации**, которая гласила, что различные психологические и биологические условия ведут к формированию различных **когнитивных стилей**. Согласно концепции Виткина, центральные когнитивные стили — поленезависмый и полезависимый — характеризуют тип мышления и поведения. (Такое разграничение было предвестием современного исследования индивидуализма и коллективизма.) Исследование когнитивного стиля было популярной кросс-культурной темой в конце 1960-х и в 1970-е годы (Witkin & Berry, 1975). Было предпринято множество попыток, в основном, под руководством Берри, составить схему сущности и путей развития когнитивного стиля, применительно к его формированию в различных «экологиях». Между прочим, широко разрекламированная как образец ведения исследовательского проекта **экокультурная модель** Берри берет свое начало в исследованиях когнитивного стиля (Berry et al., 1992). К сожалению, со смертью Виткина в 1979 году начался резкий спад исследований, развивавших его идеи. Одни увлечения сменяют другие по мере появления новых лиц со своими взглядами.

Следует упомянуть несколько других авторитетных работ, описание которых дает Бриcлин с соавторами (Brislin et al., 1973) и уже много лет сохраняющих свое влияние в науке. Одна из таких работ — исследование субъективной культуры Триандиса (Triandis, 1972); здесь рассмотрены различные пути восприятия рукотворного мира. (См. Adamopoulos & Kashima, 1999, — об исторических аспектах и наследии этой широкой программы исследований.) Исследование субъективной культуры использует инструментарий, восходящий непосредственно к методике оценки метафорического значения Чарльза Осгуда, которая пользовалась приемами определения семантических различий и также получила широкое применение для исследования предполагаемых универсалий в аффективном значении (Osgood, May & Miron, 1975). Другая работа — это исследование **модернизма** и его воздействия на людей на различных стадиях адаптации к иному обществу. Исследования в этой области переросли в исследования усвоения чужой культуры и адаптации к переменам и остаются одними из самых популярных и применимых на практике (Berry & Sam, 1997).

Влиятельная в 1960-е годы теория когнитивного развития Пиаже и сегодня вызывает интерес. Перенос идей Пиаже за пределы его родины — Швейцарии — на иные культуры — определенно одна из самых широкомасштабных теоретических экспансий за всю историю психологической науки. Его превзошли, пожалуй, лишь воззрения Фрейда на природу человека да вклад Павлова в исследование природы научения. Теория Пиаже, постулирующая уровни и пути когнитивного развития, буквально просится, чтобы ее опробовали на других культурах. То же самое можно сказать и о теории нравственного мышления Колберга. Продолжая и развивая ранние теоретические выкладки Пиаже, касающиеся нравственного развития детей, это значительное кросс-культурное исследование, которое характеризуют новые методы и смелые гипотезы, внесло свой вклад в продолжение изучения основного морального выбора между добром и злом (Eckensberger & Zimba, 1997).

В то время как кросс-культурные исследования мотивации достижения и психологической дифференциации большей частью сошли со сцены, исследования на основе идей Пиаже по-прежнему распространены, так же как и исследования мо-

дернизма (сейчас под общим названием **исследований аккультурации — усвоения чужой культуры**). Однако их методологическая база претерпела некоторые изменения. Хотя гипотезы и планы исследований стали более сложными и современными, общая направленность осталась прежней. Поэтому интерес к себе привлекли другие парадигмы, такие как культурные дефиниции Я-концепции (Markus & Kitayama, 1991), индивидуализм — коллективизм (Triandis, глава 3 наст. изд.), основные ценностные ориентации человека (Shwartz, 1994), ценности, связанные с трудом, постулированные Хофстеде (Hofstede, 1980), и стереотипы гендерных черт характера (Best & Williams, глава 11 наст. изд.; Williams, Satterwaite & Saiz, 1998). Во всех этих работах неизменно ставится вопрос об универсальной применимости. Оценивая совокупность всех этих усилий, можно сказать, что сотни исследований применяли основные идеи и методы к чужим культурам и обществам, пытаясь выявить эффективные модели и направления. Помимо этих популярных парадигм нет числа исследованиям, нацеленным на разграничение общего и особенного, универсального и относительного.

Поиск психологических универсалий: стóящее ли это занятие?

Многие исследователи кросс-культурной психологии считают основной целью своих усилий движение по пути к базовому пониманию психологического функционирования всех людей, то есть к становлению универсальной психологии. Будучи несовместимым с радикальным релятивизмом, поиск универсалий является столь же трудновыполнимой, сколь и заветной целью психологии и антропологии (Brown, 1991). Фактически, в определенном смысле кросс-культурную психологию можно считать методом, помогающим понять, как и почему культурные и этнические факторы могут маскировать, служить связующим звеном или видоизменять общепонятные в других случаях существенные закономерности человеческого мышления и поведения. Пытаясь систематизировать эти усилия, Лоннер (Lonner, 1980) предложил семь уровней психологических универсалий. Первые два уровня относились к **неизменным универсалиям и универсалиям различной формы**. Пример неизменной универсалии — человеческая агрессивность. То, что люди всегда проявляли агрессивность, служит неопровержимым фактом, подкрепленным историческими свидетельствами, причем можно распределить агрессивное поведение по категориям в зависимости от степени — от полномасштабной (тотальной) войны и геноцида до обидной словесной перепалки между супругами, любовниками, соседями или политиками. Другими словами, неизменная универсалия агрессии процветает во всех уголках земного шара, но в разных формах.

Мы утверждаем, что большинство исследований по любому направлению, связанному с культурой, является, по меньшей мере, поиском универсалий различной формы, хотя сами исследователи могут и не воспринимать их как таковые. Так, многие главы этой книги написаны плодотворно работающими, проницательными учеными, которые стремятся найти объяснение культурным различиям в определенных аспектах поведения. К такого рода исследованиям относится изучение эмоций и ценностей, детского и нравственного развития, социального познания, гендерных аспектов и т. д. Логические обоснования и руководящие принципы их исследований, часто называемые «теориями» или «парадигмами», конечно, весь-

ма разнообразны, но исходным пунктом являются веские предположения или гипотезы относительно сущности человеческого разума и того, каким образом в результате его взаимодействия с культурой возникает широкий спектр типов поведения. Ситуация напоминает аналогию культуры с «луковицей». Этот образ часто используют, чтобы подчеркнуть, как трудно выявить ядро культуры. Развивая эту аналогию, можно сказать, что суть культуры (неизменную универсалию) можно понять, лишь снимая слой за слоем и открывая все более глубокие и/или специфические для конкретной культуры вариации «психического единства». Другие универсалии, представленные Лоннером (Lonner, 1980), были распределены по следующим категориям: диахронические (то есть остающиеся в основе неизменными с течением времени); связанные с этологией (филогенетическая преемственность); систематические поведенческие (законы научения или запоминания); связанные с языком и с биологией человека; и, наконец, категория, которая получила название **универсалии вечеринки с коктейлями**. В нее вошли явления, которые нельзя протестировать с точки зрения научных критериев, однако тем не менее они существуют (например, невозможность доказать, что моя радость (боль) ничуть не меньше твоей).

По общему признанию, трудно распределить все типы человеческого поведения по универсальным категориям. В самом деле, возможно, было бы бесполезным (а по мнению некоторых, и претенциозным) занятием мыслить в пантеистическом духе. И тем не менее мы утверждаем, что все психологи — и представляющие традиционное направление, и прочие — мыслят универсальными категориями. Те, кого не слишком беспокоят разные «почему», касающиеся поведения человека, попросту узурпируют право на универсальность. Лекция по введению в психологию никогда не начинается словами: «Сегодня мы с вами поговорим о (далее можно назвать любую тему). Однако я должен предупредить вас, что все сказанное мною применимо только к белым американцам в возрасте около 20 лет». Но тот, кто намерен посвятить себя одному или нескольким аспектам изучения культуры — будь то культурная психология, кросс-культурная психология или психологическая антропология (см. далее) — в психологии должен разделять интерес к пониманию того, **почему** люди различаются между собой по разным параметрам. Модель, включающая пять личностных характеристик, различные взгляды на мораль и ценности, Я-концепции, аспекты и модели способностей человека и множество других теоретических направлений — все это прежде всего попытки найти нечто общее в человеческом мышлении и поведении. Но эти попытки подразумевают стремление и готовность пытаться объяснить вариации. Кросс-культурная психология не собирается переделывать психологию; вернее будет сказать, что она намерена поддержать и приветствовать ее превращение в дисциплину с более широким и комплексным подходом.

Множество направлений изучения культуры в психологии

Важно сознавать, что **ортодоксальная** кросс-культурная психология, оформленная как организационно, так и концептуально-методологически, — не единственное научное направление, исследующее роль культуры в формировании и определении

поведения человека. Важно также понять, что модель типа перенос–тест–анализ, изложенная Барри и соавторами (Barry et. al., 1992), — не единственный подход кросс-культурных психологов к выработке концепции и проведению исследований. Несмотря на то что на заре кросс-культурной психологии повсеместно поддерживался типовой методологический протокол, со временем ситуация изменилась. Например, один из принципов редакционной политики флагмана кросс-культурной психологии журнала *Journal of Cross-Cultural Psychology* заключается в следующем: журнал заинтересован в публикации «материалов, касающихся взаимосвязи между культурой и психологическими процессами», причем предлагаемые к публикации рукописи «могут представлять собой сообщения как о сравнительных кросс-культурных исследованиях и об иных исследованиях, касающихся путей воздействия культуры (и связанных с ней концептов, например этнической общности) на мышление и поведение индивида, так и об исследованиях того, как мышление и поведение определяют и отражают культуру».

Короче говоря, кросс-культурную психологию интересует вопрос о том, каким образом взаимодействие культуры и психологии может быть понято благодаря точному (экспериментальному) исследованию. В настоящее время она допускает концептуальный, философский и методологический плюрализм. В обширной сфере психологии есть еще несколько направлений, которые в теории и на практике рассматривают культуру как важную и динамичную составляющую. Существует, по крайней мере, три направления, чьи самоидентичность и научная стратегия определяются задачей исследования культуры. В табл. 2.1 дано общее представление об этих родственных направлениях, которые будут кратко охарактеризованы ниже.

Культурная психология

Ближайшая родственница кросс-культурной психологии — культурная психология. Здесь мы отметим некоторые характерные для нее установки. Во второй части мы проведем сопоставление двух названных областей и более детально рассмотрим различия между ними. Поскольку культурная психология не обладает четкой организационной и методологической структурой, достаточно трудно точно определить, где заканчивается кросс-культурная психология и начинается культурная психология. Более того, если большинство приверженцев кросс-культурной психологии сходятся в определении круга стоящих перед ней проблем (это, главным образом, проверка универсальной применимости психологических законов и теорий с использованием различных методологий), то те, кто отождествляет себя с культурной психологией, судя по всему, не имеют четких ориентиров или программ, определяющих задачи их деятельности. Однако, по-видимому, сторонников культурной психологии нимало не беспокоит отсутствие четких целевых или методологических установок. Наверное, будет правильно сказать, что представление приверженцев культурной психологии о себе и собственной работе более глобально, что отражается как на формировании концепций и проведении исследований, так и на их статьях и комментариях, касающихся центральной роли культуры в понимании психологии человека.

Таблица 2.1

Характеристики, связываемые с основными перспективами в сфере психологии и культуры

Направление	Основные принципы и установки	Цели и задачи	Методологические и концептуальные проблемы	Основной источник публикаций
Кросс-культурная психология	Изучение черт сходства и различия в психологическом функционировании в различных культурах и этнических группах; оценка изменений в таком функционировании	Создание всеобъемлющей универсальной психологии; сопоставление, прямое или косвенное мышление и поведение в различных культурах	Проблемы, связанные с функциональной, концептуальной и психометрической эквивалентностью и с различными уровнями анализа (культур, общества, личности, поведения)	*Journal of Cross-Cultural Psychology*: основная тема — взаимосвязь между культурой и психологией, выявляемая сравнительными кросс-культурными исследованиями или исследованиями взаимовлияния культуры и мышления и поведения личности
Культурная психология	Стремление понять личность в историческом и социокультурном контексте	Понимание того, как взаимодействуют психика и культура в конкретном контексте; стремление избегать прямых противопоставлений культур, допуская их лишь в порядке исключения в косвенной форме	Отсутствие общепризнанного научного направления. Методологическая неопределенность — от качественных этнографических методов до количественных	*Culture and Psychology*: настаивает на определяющей роли культуры в понимании человека: его идентификации, социального управления, интра- и интерсубъективного опыта, эмоций, а также семиотической креативности; формулирует новые концепции культуры в психологической науке.
Психологическая антропология	Исследование взаимосвязи между личностью и социальным окружением; изучение психологических и общественных дисциплин	Описание универсальных принципов, не предполагая *a priori* существования психологических универсалий	Проблема общего научного языка и гносеологического подхода, приемлемого для психологии	*Ethos*: рассматривает вопросы взаимоотношений личности и социального окружения и между психологическими дисциплинами и комплексом общественных наук
Этнокультурная психология	Изучение личности в конкретном культурном контексте учеными [находящимися] в рамках этого контекста для обеспечения потребностей людей в данном контексте	Создание психологии, которая может быть, а может и не быть универсальной и которая значима и применима в конкретном культурном или этническом контексте	Проблематичное стремление избежать уже существующих психологических концепций, теорий и исследований и вытекающая отсюда трудность в определении, что есть «региональная» этнопсихология	Различные национальные журналы

Выше мы указывали, что определять кросс-культурную психологию следует прежде всего по тому, чем она занимается, не прибегая к данным наспех дефинициям. Столь же любезно мы намерены обойтись и с культурной психологией, утверждая, что давать ей определение следует в первую очередь в связи с тем, что она делает, учитывая ее взгляды на взаимосвязь между личностью и культурой личности. Миллер (Miller, 1997) отмечает, что фундаментальной посылкой культурной психологии является то, что культура и поведение личности — это неразрывно связанные составляющие единого феномена. Миллер полагает, что такой взгляд противоречит характерной для ранних трудов по кросс-культурной психологии тенденции разделять культуру и психологию, трактуя их как отдельные феномены. При этом культуру определяли как независимую переменную, которая влияет на зависимую переменную поведения индивида. Бош (Boesch, 1991), лидер Заарбрюкенской школы культурной психологии, весьма критически оценивал обращение с культурой как с независимой переменной и применение позитивистских или естественнонаучных подходов с целью понять представителей иных культур. Бош (Boesch, 1996) пишет в своей любопытной статье о том, что он называет семью «изъянами» кросс-культурной психологии, начиная с концептуальных и методологических и заканчивая философскими. Специальный выпуск журнала *Psychology and Culture* (сентябрь 1997) был посвящен идеям Боша и соображениям о его влиянии, высказанным другими авторами.

Как уже отмечалось, культурная психология — не унифицированная научная дисциплина. Несколько наиболее плодотворно работающих исследователей культуры по-разному оценивают различие между кросс-культурной психологией и культурной психологией. Например, Коул (Cole, 1996) так определяет основные отличительные черты культурной психологии:

- она придает особое значение рассмотрению опосредованного действия в контексте;
- она подчеркивает важность широко понимаемого «генетического метода», который включает исторический, онтогенетический и микрогенетический уровни анализа;
- она стремится найти подтверждение результатам анализа в повседневной жизни;
- она полагает, что разум (*mind*) формируется в совместной опосредованной деятельности людей, следовательно, он является в значительном смысле «совместно выстроенным» и распределенным;
- она полагает, что личность является активным фактором собственного развития, но, поставленная в определенные условия, не свободна полностью в своем выборе;
- она отвергает науку, объясняющую явления причиной–следствием или стимулом–реакцией в пользу науки, которая придает первоочередное значение психической деятельности, возникающей в процессе деятельности, и признает центральную роль интерпретации в процессе истолкования явлений;
- она использует методологию гуманитарных наук наряду с методологией общественных и биологических наук (p. 104).

Психологическая антропология

Антропология как дисциплина является ядром наук о культуре. Существуя, по крайней мере, не меньший период, чем психология, антропология в широком смысле занимается изучением человечества, учитывая происхождение человеческого рода и его вариации. Ученые, занимающиеся изучением культуры в других областях, извлекают прямую и косвенную выгоду из наблюдений огромного множества талантливых антропологов. Подобно психологии, антропология подразделяется на несколько достаточно разрозненных направлений, одно из которых — психологическая антропология. Это название впервые было предложено Хсу (Hsu, 1972) взамен существовавшей ранее субдисциплины «культура и личность». Один из главных ее нынешних сторонников определяет психологическую антропологию как «антропологические исследования с использованием психологических понятий и методов» (Bock, 1994, p. IX). Бок настаивает на том, что антропология, «которая принимает во внимание личность, должна использовать идеи смежных дисциплин» (*Ibid.*). С этой мыслью охотно согласятся как кросс-культурные, так и культурные психологи. Психологическая антропология — это, безусловно, намеренно созданный гибрид. Классическая работа психолога Дональда Т. Кэмпбелла и антрополога Рауля Наролла (Campbell, Naroll, 1972) доказывает, что антропология и психология взаимно необходимы друг другу с методологической точки зрения, и способствует наведению методологических и концептуальных мостов между этими дисциплинами.

Психологические антропологи внесли в антропологию значительный вклад и определили важнейшие направления кросс-культурных исследований в психологии. Оказалось, что изучение культуры и сновидений, культуры и психических заболеваний, когнитивной антропологии, развития детей, а также такие нововведения, как систематическое наблюдение в естественной обстановке, и многое другое — чрезвычайно полезно кросс-культурным психологам. Известный Проект шести культур, который инициировали Беатрис Уайтинг и ее покойный муж Джон (Whiting & Whiting, 1975), был, по сути, широкомасштабным исследованием развития детей, проведенным под эгидой психологической антропологии. Если бы у нас и было место в этой главе, мы не хотели бы давать критическую оценку этой отрасли антропологии. Мы прежде всего хотим отметить, что психологическим антропологам есть что предложить ученым, работающим в смежных областях, и что их работа была стимулом для многих начинаний кросс-культурной психологии.

«Общество кросс-культурных исследований» — ассоциация с не вполне определившимися научными интересами — занимается в основном вопросами психологической антропологии, существует только в США и привлекает многих из тех, кто тесно связан с этим направлением антропологии. Два журнала, *Ethos* и *Cross-Cultural Research*, часто публикуют статьи специалистов по психологической антропологии. Наконец, хотя, возможно, его упоминание здесь не вполне уместно, журнал *Transcultural Psychiatry* (начавший издаваться в 1956 году под названием *Transcultural Psychiatric Research Review*) публикует статьи и обзоры, не противоречащие принципам психологической антропологии. Это издание представляет особый интерес для этнопсихиатров, а также для всех, кого интересуют вопросы социальных и культурных детерминант психопатологии и психосоциального воздействия на пси-

хические расстройства и состояния, включая специалистов по кросс-культурной и культурной психологии, занимающихся психиатрией. Единственным типом организационных структур такого рода являются международные сообщества специалистов по психиатрической и клинической психологии.

Этнокультурная психология

Специалисты по кросс-культурной психологии поддерживают методологический плюрализм и открыты любым попыткам найти объяснение чертам сходства и различия в человеческом мышлении и поведении. До сих пор, возможно, из-за принятых методов и концепций, к этой области исследования одни относятся с сомнением, а другие даже стремятся очернить, утверждая, что это не более чем западная концептуальная и методологическая гегемония, которая играет в научный редукционизм, используя в качестве пешек доверчивых испытуемых. Возможно, это довольно резкая характеристика, однако у того, кто прочтет анализ кросс-культурных исследований, написанный представителями культурной психологии или традиционной психологии, может возникнуть ощущение, что кросс-культурная психология «просто чего-то не понимает» и является предприятием, перед которым в сложном мире, населенном «подвижными культурами», стоят «опасные проблемы» (Hermans & Kempen, 1998).

Одно из таких сомнительных направлений его приверженцы называют этнокультурной (*indigenous*) психологией, или регионализацией психологии. Задачей этого подхода, по мнению его сторонников, состоит не в отказе от науки, объективности, экспериментальных методов и поисков универсалий (особенности, которые, по их утверждению, определяют кросс-культурную психологию), но создание более точной науки, основанной на понимании природы человека (Kim, 1995, 1999; Kim, Park & Park, 2000). Заинтересованно поддерживаемое и поощряемое как «воинствующими» сторонниками этнокультурной ориентации при проведении исследований, так и типичными представителями кросс-культурной психологии (Adair, 1992; Kim & Berry, 1993), это, если можно так выразиться, движение очевидно, имеет много общего с культурной психологией.

Рассмотрим современное определение этнокультурного подхода в психологии.

> Культура рассматривается не как переменная, квазинезависимая переменная или категория (например, индивидуалистическая или коллективистская), а также не как простая совокупность отдельных характеристик. Культура — это новое качество, возникающее в результате взаимодействия индивидов с природой и социальным окружением. Культура определяется как *комплекс заданных определенными стандартами переменных... [и] в рабочем порядке может быть определена как воплощение коллективного использования природных и человеческих ресурсов для достижения желаемого результата* (Kim et al., 2000, p. 67).

Едва ли у специалистов по культурной психологии будут проблемы с такой дефиницией; вряд ли не согласятся с ним и кросс-культурные психологи, возможно, лишь слегка поворчав. Единственный момент, который, может быть, вызовет недовольство приверженцев культурной психологии их этнокультурными оппонентами — это свободное использование последними многих положений традиционной психологии в поиске значимых для культуры моделей мышления и поведе-

ния. Так, например, иногда исследователи, используя стандартный тип обследования и техники опросов, которые для западной психологии так же естественны, как дыхание, предпринимали попытки понять природу и структуру личности (само по себе западное понятие) в других обществах (например Chung & Leung, 1998; Guanzon-Lapena, Church, Carlota & Katigbak, 1998). И все-таки были приведены доводы (Kim & Berry, 1993) в пользу того, что единственный путь на пастбище подлинно универсальной психологии лежит через ворота, многочисленные тропы к которым протоптаны и охраняются этнокультурными направлениями. Таким образом, совокупность этнокультурных психологий (то есть все эти прокрустовы тесты, продолжающие свое существование в других культурах, в рамках которых и для которых они созданы и в пределах которых они и используются) и есть та самая неуловимая пресловутая цель универсальной психологии.

Практическое применение различных подходов

Мы уже показали, что, по меньшей мере, представители четырех направлений в психологии считают вопросом чрезвычайной важности понимание того, как культура воздействует на мышление и поведение личности. В связи с этим следует упомянуть и ряд других научных направлений, которые отличаются выраженным стремлением «найти применение». Одно из них серьезно занимается проблемой успешной жизни и работы за рубежом. Редакционная политика журнала *International Journal of Intercultural Relations*, издающегося с 1977 года, заключается, помимо прочего, в «содействии прогрессу знания и понимания теории, практики и исследований межкультурных связей». Ландис и Василевский (Landis & Wasilewski, 1999) полагают, что «межкультурное исследование уделяет основное внимание проникновению представителя одной культуры в среду другой культуры. Следовательно, оно более динамично, чем кросс-культурное исследование» (р. 536). Широко распространены исследования таких сугубо личностных проблем, как адаптация к путешествиям за рубежом, культурный шок, успешное решение организационных вопросов в других обществах, а также эффективная кросс-культурная коммуникация вообще. В этой сфере определенно выражен интерес к проблемам обучения (Cushner & Brislin, 1996; Landis & Bhagat, 1996). Сторонники такого рода научных направлений имеют свою организационную структуру, которая сосредоточена главным образом в США, во главе ее стоит Международная ассоциация межкультурных исследований.

Еще одной сферой практического применения является консультирование по вопросам, связанным с другими культурами. Литература по этой проблеме весьма обширна, и количество публикаций растет (например Pedersen, Draguns, Lonner & Trimble, 1996). Это направление получило распространение, прежде всего, в Северной Америке, где исследователи и практикующие врачи сталкиваются с различными вопросами и проблемами, которые возникают при наличии культурных и этнических различий между врачом и пациентом и порой препятствуют эффективному лечению и продвижению вперед.

На этом можно завершить краткий экскурс в историю кросс-культурной психологии, рассмотрение ее методов и обзор различных направлений, которые уделяют пристальное внимание культуре как фактору, так или иначе оказывающему

определяющее влияние на формирование поведения человека. Теперь мы обратимся к более подробному обсуждению того, как разные направления в изучении культуры взаимодействуют с психологической теорией. В первую очередь мы рассмотрим философские, теоретические и методологические взгляды, лежащие в основе конфронтации между двумя основными подходами в сфере психологии и культуры: универсализмом (кросс-культурная психология) и релятивизмом (культурная психология и социальный конструкционизм).

Культура и психологическая теория

Два лика культуры и психологии

В последние годы концептуальная конфронтация между компаративизмом/универсализмом и релятивизмом — или между кросс-культурной психологией, с одной стороны, и культурной психологией и различными социально-конструкционистскими позициями — с другой — значительно усилилась (более подробно эта тема освещена в изданиях Lonner & Adamopoulos, 1997 и Miller, 1997). Кросс-культурные психологи под прикрытием научной ортодоксии выступали за возвращение психической целостности как к одной из значимых целей социально-научных исследований (например Berry, 1997). Именно в таком ключе они подвергли критике традиционную психологию, которая даже в самом благодушном настроении не обращает внимания на культуру, а в дурном расположении духа выступает за «внекультурную психологию» (*acultural psychology*) (например Sell & Martin, 1983). Последнее утверждение мотивируется тем, что культура скрывает фундаментальные истины, касающиеся человеческой натуры, обнаружить которые можно лишь в искусственных условиях научного эксперимента. В таком контексте психическая целостность может быть вскрыта лишь в процессе жестко заданного и строго контролируемого плана эксперимента (и столь же негибкого и строго контролируемого интеллекта, как утверждают некоторые критики) западной (главным образом, североамериканской) психологии. Специалисты по кросс-культурной психологии справедливо критикуют этот подход за узость, этноцентризм и леность, которую он отражает. В такой науке явно нет ничего хорошего, и ее доводы, вроде упомянутого выше, в пользу психологии усвоения чужой культуры или психологии одной культуры, несостоятельны.

Взамен кросс-культурные психологи предложили принять классическую научную методологию сравнительного изучения поведения человека. В этом смысле критика Шведера (Shweder, 1990), утверждающего, что кросс-культурная психология всего лишь направление научной психологии, во многом справедлива. Например, группа авторов (Segall, Dasen, Berry & Poortinga, 1999) во введении к работе по экокультуре пишет: «все человеческое поведение определяется опытом [и] является продуктом комплексного взаимодействия, включающего генетические и эмпирические факторы, прошедший и настоящий опыт имеет определяющее значение для его окончательного формирования» (p. 25).

Большинство позитивистски настроенных и придерживающихся эмпирического подхода психологов (как правило, представляющих традиционную психологию) вполне удовлетворит такая точка зрения. Возьмем, к примеру, несколько относительно недавних заявлений Кимбла (Kimble, 1989), касающихся статуса современ-

ной научной психологии, которые в своей основе содержат догмы все того же традиционного подхода к научной психологии: «Поведение личности — это совокупный результат более или менее постоянных возможностей и более или менее временных внешних и внутренних условий» (р. 493); или: «Поведение определяется генетической предрасположенностью и внешними обстоятельствами» (р. 491). Несмотря на то что Кимбла — широко известного своими ранними работами по научению (например Kimble, 1961) — и кросс-культурную психологию трудно представить себе в качестве компаньонов, в утверждениях такого рода, сделанных другими теоретиками психологии XX века, например Левином (Lewin, 1951) и, если угодно, Сегаллом (Segall et al., 1999), подчеркивается особое значение прошлого и настоящего опыта при истолковании поведения. Если принять во внимание эти черты подобия традиционной и кросс-культурной психологии, то не покажется удивительным, что Шведер (Shweder, 1990), пылкий защитник культурной психологии, так бурно реагирует на всю эту затею с кросс-культурной психологией.

Даже стиль, которым пользуются Кимбл (Kimble, 1984, 1989) и специалисты по кросс-культурной психологии при описании различий между этими двумя существующими в психологии культурами, с одной стороны, и различий между культурной и кросс-культурной психологией — с другой, один и тот же. Говоря о перспективах дивергенции в общей психологии, Кимбл (Kimble, 1989) пишет:

> Есть группа психологов, которая рассматривает эту сферу с точки зрения научных ценностей и принимает концепции объективизма, элементаризма и правомерности всеобщих законов. Группа, которая придерживается противоположных взглядов, рассматривает психологию с точки зрения гуманистических ценностей и принимает концепции интуитивизма, холизма и идиографического применения законов (р. 491).

Пуртинга и Панди в очень похожих выражениях описывают полемику между культурной и кросс-культурной психологией:

> Культурная психология имеет холистический и идиографический характер, подчеркивая первоочередную необходимость создания свойственных культуре уникальных моделей поведения, поддающихся научному анализу и изучению применительно к различным формам феноменологии и методологии. Подход кросс-культурной психологии более молекулярен и сориентирован на изучение всеобщих законов. Своей основной задачей приверженцы данного подхода считают необходимость применения существующих психологических теорий к бихевиоральным феноменам, обнаруженным в других культурах (Poortinga & Pandy, 1997, р. XXII–XIV).

Здесь мы можем вполне резонно задать вопрос: почему кросс-культурная психология не может принять установки традиционной психологии? В конце концов, многие видные специалисты по кросс-культурной психологии недвусмысленно выступают именно за такой подход (см., например, президентское выступление Пуртинга перед Международной ассоциацией кросс-культурной психологии в 1990 году).

Одной из проблем здесь, разумеется, является то, что в этом случае культура вынужденно будет рассматриваться в очень узком смысле. Культура в известной степени воспринимается как разновидность ментального конструкта — а большинство психологов склоняется именно к такому ее видению, — и тогда с нею весьма удобно (если не единственно возможно) обращаться как с промежуточной переменной (что верно предполагает Кимбл в своем анализе 1989 года). Это неизбеж-

но ограничивает нас в осмыслении концепции культуры. Неудивительно, что в значительной части кросс-культурных теорий, которые рассматривают Лоннер и Адамопулос (Lonner & Adamopoulos, 1997), культурой оперируют в качестве модератора или временами как опосредующей переменной — иначе говоря, как промежуточной переменной. В то время как большинство психологов такой взгляд на культуру вполне устраивает, кросс-культурная психология как особая дисциплина, не вступает с ним в открытую конфронтацию. Мы должны также заметить, что из такого подхода вытекает еще одна проблема, которая не обозначена прямо, однако достаточно явно просматривается в анализе Кимбла (Kimble, 1989). Она состоит в том, что зачастую достаточно сложно относиться к промежуточным переменным как к причинам или объясняющим факторам. По мнению Лоннера и Адамопулоса, это приводит к снижению значимости статуса культуры, вследствие чего становится куда проще пренебрегать ею при разработке теорий.

Именно в связи с этим культурная психология и, более широко, релятивистский подход, занимают прочное положение. Они справедливо указывают на то, что культуре чаще всего отводится второстепенная роль при построении теорий, поскольку несмотря ни на что конечная цель исследований по кросс-культурной психологии — выявление универсалий и установление значимого для нее факта психического единства. Таким образом, традиционная кросс-культурная теория обвиняется или описывается как а) всего лишь одно из направлений в рамках господствующей, логико-эмпирической психологии (Shweder, 1990) и б) как разделяющая в концептуальном отношении культуру и мир психологии. Миллер (Miller, 1997) кратко подытоживает суть этих двух подходов:

> Доминирующая в рамках кросс-культурной психологии установка: рассматривать культуру и психологию как два взаимосоставляющих феномена, взаимно дополняющих друг друга и являющихся неотъемлемой частью друг друга. Такой взгляд предполагает, что культуру и поведение индивида нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, хотя одно и не сводится к другому. Такая установка противоречит тенденции, присутствовавшей в особенности в ранних работах по кросс-культурной психологии, рассматривать культуру и психологию как два обособленных феномена, понимая культуру как независимую переменную, которая влияет на зависимую переменную поведения индивида (p. 88).

Эта фундаментальная ориентация культурной психологии, подкрепленная позицией, которую отстаивают социальные конструкционисты (например, Gergen, 1985, Misra & Gergen, 1993), создает мощный «релятивистский» альянс, заставляющий усомниться в том, что психология и культура — сфера компетенции исключительно кросс-культурной психологии. В свою очередь, некоторые специалисты по кросс-культурной психологии испытывают ощутимый дискомфорт, когда высказывается мнение о том, что культуру и психологию следует трактовать в качестве двух взаимосоставляющих феноменов. Как цель такая идея кажется непревзойденной, но воплотить ее в жизнь в каком-либо конкретном исследовательском контексте достаточно сложно. Мы просто еще не достигли ни теоретического, ни методологического уровня — на сей раз речь идет о традициях классической науки — достаточного, чтобы довести до конца сведение в единое целое таких феноменов или чтобы точно описать, каким образом данные категории феноменов взаимно конституируют друг друга. Поэтому нет ничего удивительного в том, что

иногда теоретики культуры (например Schweder, 1996) пытались убедить нас в ценности количественных методологий и в наличии фундаментальных онтологических различий между количественными и качественными методами. В соответствии с его критикой, две названные традиции расходятся среди прочего по вопросам о возможности постижения действительности и о том, могут ли смыслы быть объектом научного истолкования.

Развивая эту мысль, можно доказать, что, поскольку изучение культуры неизбежно — по крайней мере, для психологии — является изучением ассоциируемых идей, его невозможно довести до конца, используя лишь традиционные эмпирические/количественные методы. Следовательно, идея о том, что психологические структуры и законы, порожденные номотетической наукой, с одной стороны, и смыслы, представляемые культурой, с другой стороны, могут изучаться одновременно и в едином контексте, как феномены, взаимно составляющие друг друга, — является, мягко говоря, несбыточной мечтой.

Трудность обращения с культурой и психологией в качестве составляющих феноменов можно проиллюстрировать более наглядно в контексте конкретных исследований. Миллер (Miller, 1997) полагает, например, что работа Маркуса и Китаяма (Markus & Kitayama, 1991) о культуре и Я-конструировании (*self-construal*)[1] использует компаративный подход, находясь при этом в согласии с культурной психологией. Однако, как указывают Лоннер и Адамопулос (Lonner & Adamopoulos, 1997), несомненно, что Маркус и Китаяма, хотя и не говоря об этом прямо, применяют подход переменной-модератора к изучению культуры и Я. Иначе говоря, они склоняются к обращению с культурой как с опосредующей переменной, что полностью соответствует традиционной кросс-культурной идее. Например, они утверждают, что независимые и взаимозависимые Я-схемы — которые представляют собой «продукт» культуры (продукт — их слово) — оказывают влияние на большую часть психологических функций. Это традиционное для психологии построение теории, но проблема состоит совсем не в этом. Непонятно, каким именно образом культура и психология в этом случае рассматриваются как составляющие феномены. Маркус и Китайама, судя по всему, различают предпосылки и следствия, безоговорочно относя культуру к предпосылкам. Я-система не определена с точки зрения культуры, и культура не является неотъемлемой частью Я-схемы (см. Marcus & Kitayama, 1991, примечание 3, касающееся множества

---

[1] Наиболее близкими по смыслу к термину *construal* в русском языке являются термины «конструирование», «интерпретация». В англоязычной литературе понятие *self-construal* (переведенное в данном издании как «Я-конструирование», «Я-конструкция») вслед за Маркусом и Китаямой трактуется как компонент Я-концепции, характеризующий представление субъекта об отношении его индивидуального Я к другим людям. Выделяются два основных типа Я-конструкции: независимое Я (*independent construal of self*) и взаимозависимое Я (*interdependent construal of self*). Человек с независимым Я видит в себе устойчивую и отделенную от межперсонального контекста личность; он ценит свою уникальность и автономию и стремится быть *self-made man* — человеком, добивающимся успеха собственными силами. Человек с взаимозависимым Я видит себя более гибким, включенным в с социальный контекст, он ценит свою принадлежность к определенной группе, гармонию отношений с ее членами и предпочитает добиваться успехов в сотрудничестве с другими. В коллективистских культурах люди имеют тенденцию быть более взаимозависимыми, в то время как в индивидуалистических культурах — более независимыми. — *Примеч. науч. ред.*

прочих факторов, которые определяют структуру Я-схемы). Трудно понять, как культура и психология могут считаться взаимно составляющими феноменами, если столь существенная роль, которую должна играть культура в определении важного психологического феномена, отсутствует (дополнительный, хотя не идентичный анализ предположений, сделанных в этой работе, см. Matsumoto, 1999).

Подводя итог сказанному, можно отметить, что дискомфорт традиционалистов в кросс-культурной психологии, вызванный позицией культурных психологов, понятен и оправдан. Обе стороны приводят важные доводы, но ни одна из позиций не устоит перед серьезной критикой. В действительности все решают личные предпочтения и философская ориентация. Важно не забывать и то, что, в конечном счете, оба направления в различных модификациях могут значительно обогатить психологию, по меньшей мере, в инкрементном, если не в холистическом смысле.

В идеологическом аспекте вряд ли придет конец этому интеллектуальному конфликту, поскольку не похоже, чтобы стороны могли найти решение или хотя бы прийти к жизнеспособному компромиссу относительно концептуальных и методологических дилемм, стоящих перед ними. Кроме того, стили, которыми пользуется каждая из сторон для описания и идентификации предмета обсуждения, часто не сопоставимы между собой.

Однако в то время как идеологические разногласия вот-вот разорвут дисциплину на части, очевидны изменения в позиции многих исследователей, работающих в данной сфере. Недавние заявления Триандиса (Triandis, 1997) свидетельствуют о менее категоричной позиции и поиске компромисса. Миллер в своей работе (Miller, 1994) — предпринимает сознательные попытки преодолеть границу между культурной и кросс-культурной психологией. Возможно, прежде всего, именно на такой сдвиг в отношении указывает и ощутимое изменение прежнего тона риторики Шведера (Schweder, 1990). Например, одна из его недавних публикаций совместно с другими авторами (Schweder, Much, Mahapatra & Park, 1997) называется «“Большая тройка” основ морали (автономия, общность, Бог) и “большая тройка” объяснений страдания». В ней авторы пытаются наметить схему объединения всех основных этических систем, существующих в мире. Эту схему можно интерпретировать и как аллюзию системы личностных универсалий, столь популярную сейчас в психологии личности (например, MdCrae & Costa, 1997; MdCrae, Costa, del Pilar, Rolland & Parker, 1998), что служит несомненным показателем изменения позиции. Даже Герген, который не выходит за пределы социального конструкционизма, время от времени демонстрирует относительно мирное отношение к кросс-культурной психологии, признавая отдельныедостижения (например Misra & Gergen, 1993).

Но если дело действительно обстоит именно так и ощутимое изменение в отношении друг к другу имеет место с обеих сторон, было бы поучительно выяснить причины таких перемен. Как было сказано выше, мы не видим теоретического или методологического сдвига или открытия такого уровня, который мог бы вызвать такое потепление в отношениях. Скорее, эта перемена произошла благодаря осознанию обеих сторон, что и та и другая система взглядов сопряжена с важными и в настоящее время непреодолимыми проблемами. Такое осознание заставило большую часть теоретиков стать скромнее и сговорчивее по отношению к ориентациям иного толка — так сказать, слегка умерить свой этноцентризм.

Основные трудности, с которыми сталкивается каждый из подходов

Культурная психология и конструктивистские подходы в целом обнаруживают, по меньшей мере, три основных проблемных момента.

1. *Отсутствие последовательной и обладающей возможностями широкого применения методологии.* Культурная психология занимала скорее двойственную позицию в отношении соответствующей методологии — от количественных до этнографических методик — поскольку, как было показано, она неизбежно имеет дело с разносторонним осмыслением культуры и с допускающей неоднозначное толкование концепцией взаимоотношений культуры и психологии. Таким образом, исследователи, имеющие психологическую подготовку, опираются, прежде всего, на количественные методики, в то время как многие ученые — представители иных общественных наук — придерживаются методов качественного характера. Вероятно, пригодиться могут и те и другие, и, без сомнения, и у тех и у других есть свои сильные стороны, — однако при отсутствии собственной прочной методологической платформы трудно доказать свою правоту в противовес конкурирующему направлению.
2. *Релятивизм подвергся пересмотру.* Релятивизм, который содержится как в культурной психологии, так и в социальном конструктивизме, весьма затрудняет формирование языка для описания субъективно определяемых объектов или состояний в любом теоретическом контексте. Кроме того, это существенно для разработки любой теории, которая выходит за пределы самых умеренных ограничений, определяемых культурой. Недавние заявления, прозвучавшие в культурной психологии (Shweder, 1986) и в этнокультурной психологии (Sinha, 1997), определенно дают понять желательность таких теорий (то есть теорий, обладающих возможностью кросс-культурного применения). Вопрос в том, как создать и проверить такие теории в условиях релятивистских ограничений.
3. *Разумное истолкование социального мира.* Социальному конструктивизму с его приверженностью к описанию психологических феноменов как социальных построений, естественно, придется столкнуться с еще одним комплексом весьма сложных проблем, многие из которых признаны в последнее время даже его сторонниками (например Burr, 1995). В упрощенном виде можно сформулировать основную проблему следующим образом: если все социальные и психологические феномены — включая психологические теории — следует рассматривать только как социальные построения, то должен существовать разум, который создает их. Поиски этого разума (основная цель классического психологического исследования) в основе своей разумная, хотя и весьма трудно выполнимая задача. Данная фундаментальная проблема имеет, разумеется, множество общеизвестных следствий для социального конструктивизма, включая проблему оценки результата разрушения социальных связей, общественного поведения и т. п., перед лицом разнообразных и в равной степени вероятных возможностей действительности.

Что касается кросс-культурной психологии, здесь также присутствует множество концептуальных трудностей. Поскольку некоторые из них подробно обсуж-

дались выше, а семь ее слабых мест были определенные Бошем (Boesch, 1996), ниже коротко упоминаются лишь две важные позиции.

1. *Опасность недостаточной концептуальной гибкости.* Устойчивая приверженность специалистов по кросс-культурной психологии к логико-эмпирическому подходу означала, что культура рассматривалась в первую очередь как промежуточная переменная (обычно опосредующего характера). Однако в рамках такого подхода, как предполагает анализ, сделанный Кимблом (Kimble, 1989), нельзя обращаться к культуре как к объясняющему фактору. Напротив, культура низводится до уровня дескриптора положения дел. Примером могут служить пространные описания индивидуализма и коллективизма в аспекте паттернов атрибуции, Я-конструирования, эмоций, и т. п., которые появились в литературе по кросс-культуре в течение последних десяти лет (например Triandis, 1993,1995). Тем не менее многие исследователи пользовались такими описаниями, подразумевая, что индивидуализм и коллективизм являются причинами данных паттернов. Безотносительно к цели, которую стремятся достичь исследователи, в целом практика такого рода заслуживает осуждения: индивидуализм и коллективизм **являются** моделями, а не факторами, при помощи которых можно объяснить данные модели. Это налагает серьезные ограничения на тот род теоретической деятельности, которой могут заниматься кросс-культурные психологи, и на возможности использования конструкта культуры.
2. *Методологическая самоуверенность.* Независимо от того, во что желали бы верить большинство психологов, сравнения на фактическом уровне в кросс-культурной психологии чрезвычайно сложны. Даже беглое рассмотрение тезиса Духема-Куина об уязвимых местах проверки частных гипотез показывает, что, особенно в кросс-культурных исследованиях, переход от теоретических моделей к критериям и затем к эмпирическим наблюдениям чреват проблемами. Эти проблемы, обычно связанные с неравноценностью концепций и критериев в различных культурах, позволяют ученым сохранять верность своим излюбленным теориям, невзирая на противоречащие им данные. Адамопулос (Adamopoulos, 1988) комментировал эту проблему более 10 лет назад, хотя с тех пор мало что изменилось в практике кросс-культурных исследований. Даже самые излюбленные в данной отрасли знаний методики, такие как *emic*- и *etic*-подходы[1], сформулированные Сегаллом с соавторами (Segall et al., 1999) и многими другими исследователями, достаточно концептуально неоднозначны, чтобы допускать значительное количество недоразумений и разночтений. Например, различие между «*imposed etic*» и «*emic*» —

---

[1] *Etic*-подход нацелен на поиск универсалий, общих психологических законов. *Emic*-подход направлен на изучение психологических характеристик поведения в условиях данной конкретной культуры. Согласно Берри, многие попытки повторить *emic*-исследования, проведенные в США, в других частях мира, представляют собой навязанные (*imposed*) *etic*-исследования. Достичь более валидных *etic*-обобщений можно путем проведения параллельных *emic*-исследований внутри ряда национальных культур и сопоставления полученных результатов. Если между этими результатами обнаруживается конвергенция, то это дает основание формулировать *etic*-закономерности, по крайней мере, для данного ряда культур. — *Примеч. науч. ред.*

импортирование внешнего инструмента для оценки (хотя и с некоторыми модификациями) конструкта в различных культурных контекстах — вовсе не очевидно и часто ведет к изрядной путанице.

Заключение

Сближение между культурной и кросс-культурной психологией скорее приведет к успеху в той степени, в которой данные дисциплины дополняют друг друга и компенсируют слабые места друг друга, нежели попытки взаимного вытеснения. В частности, культурная психология может возместить ограниченность культурного описания, которая, судя по всему, является проблемой, присущей кросс-культурной психологии, в то время как кросс-культурная психология может предложить более последовательный и надежный методологический подход к изучению культуры и поведения человека. Таким образом, данное сближение предполагает в качестве своей цели не усилия, прилагаемые к тому, чтобы внести изменения в один подход, принимая во внимание уязвимые места другого, а скорее расцвет сильных сторон каждого из подходов в контексте его онтологических предпосылок и связанных с ним методологических установок (см. также Triandis, 1997). Аналогичную точку зрения высказал Бош (Boesch, 1996), отметив, что взаимоотношения между культурной и кросс-культурной психологией не носят характера «или-или», поскольку каждая из них должна занять подобающее место. Таким образом, основательное кросс-культурное исследование должно располагать сведениями, полученными в рамках культурной психологии, или дополняться соответствующими изысканиями в данной области.

Теперь мы сосредоточимся на вопросе о характере роли, которую культура может играть и играет в психологической теории, обращая особое внимание на будущее развитие данной отрасли знаний.

Место культуры в психологической теории

Как мы предполагали, наше время является непростым для психологов, которые интересуются концепцией культуры. На деле же, по мере того как психология медленно и, пожалуй, даже мучительно вновь открывает концепцию культуры и включает ее в свой теоретический репертуар, можно было бы доказать, что наше время является одновременно лучшим и худшим для изучения психологии и культуры. Обостривщийся интерес психологов традиционного направления к данной сфере может соперничать с неистовыми спорами универсалистов и релятивистов, приверженцев кросс-культурной и культурной психологии, нативистами и эмпириками и т. д.

Самый беглый обзор развития данной области за последние десять лет позволяет обнаружить значительное развитие и появление различных направлений. Например, в дополнение к основным подходам, подобным экокультурной схеме (Berry et al., 1992), индивидуализму—коллективизму (Triandis, 1995), появились как новые модели, так и дополнения к более ранним, которые применяют функционалистский подход к культуре (Adamopoulos, 1991, 1999; Malpass, 1990), новые интерпретации эволюционного подхода (Buss, 1989) и множество подходов, кото-

рые можно было бы определить как «контекстуалистские», которые рассматривают культуру как богатую совокупность внешний условий, в рамках которых существует переплетение многообразных психологических процессов и структур (например Miller, 1994).

Как было описано выше, в большинстве этих подходов культура, как бы ее не интерпретировали, осмысляется прежде всего как предпосылка поведения индивида. В рамках кросс-культурной психологии это наиболее очевидно, однако и в культурной психологии такой подход встречается достаточно часто. Лоннер и Адамопулос (Lonner & Adamopoulos, 1997) проанализировали многие психологические подходы к культуре, проверяя главным образом две характеристики этих подходов: уровень значимости (первичность или вторичность) конструкта культуры в рамках каждого из подходов и предполагаемый вид воздействия (прямое или косвенное), которое культура оказывает на функционирование личности. Этот анализ позволил выделить четыре отдельных подхода: а) культура интерпретируется как независимая переменная (или комплекс переменных), которая оказывает непосредственное влияние на поведение; б) культура интерпретируется как общий контекст, в рамках которого осуществляется поведение личности; в) культура понимается как опосредующая переменная, определяющие явные взаимосвязи между другими переменными (например, чертами характера) с поведением; г) культура понимается как опосредующая переменная, которая вносит значительные изменения во взаимосвязь двух других переменных, представляющих интерес (например, конкретной деятельностью и переменной действий индивида).

Оказывается, большинство, если не все, кросс-культурные подходы укладываются в данную схему. Такая классификация не всегда проста, поскольку очень многие теории и модели в данной области не содержат ясно выраженных положений, связанных с пониманием культуры. Однако часто они вынуждены выражать такое понимание косвенным образом. Например, позволяя культуре воздействовать на теоретические взаимосвязи между психологическими переменными и поведением, теория определенно рассматривает культуру как опосредующую переменную. Такие допущения делают возможной классификацию моделей в пределах данной схемы (см. пример Я-конструирования, упомянутый выше в разделе о двух ликах культуры и психологии).

Важным моментом анализа, проведенного Лоннером и Адамопулосом (Lonner & Adamopoulos, 1997), становится вывод о том, что в большинстве кросс-культурных теорий рассматривают культуру как фактор, предшествующий поведению, часто даже как с непосредственной причиной поведения. Культура как следствие поведения человека (в простейшем случае как зависимая переменная) в кросс-культурной литературе появляется крайне редко. Тем не менее, как и в случае с любым другим феноменом, если мы намерены понять, что такое культура, мы должны выйти за пределы простого описания: мы должны быть способны истолковать этот феномен и даже в некотором роде предсказать его. Например, вместо того чтобы обсуждать одни лишь исторические сведения об индивидуализме и коллективизме, что столь блестяще сделал Триандис (Triandis, 1995), специалистам по кросс-культуре следовало бы попытаться прогнозировать возникновение этих феноменов и их проявления в будущем, может быть, в форме культурных инсти-

тутов, межличностных отношений и систем понятий. К сожалению, до сих пор в данной области сделано очень мало (см. попытку такого рода в книге Adamopoulos, 1999). Основной причиной этого, которая названа здесь, является то, что недостаток работ и знаний в этой области вызван не только сложностью вопроса, но также почти исключительной установкой исследовательских работ на то, что культура предшествует поведению индивида. Однако культура может и должна рассматриваться как результат деятельности человека, а не только как его детерминанта или фактор, предшествующий этой деятельности (см. также Berry, 1999).

Культура как конструкция

Любая созданная человеком конструкция, включая культуру, может выполнять, по крайней мере, одну из двух основных функций: способствовать или обеспечивать возможность дальнейшей деятельности или препятствовать деятельности, ограничивая ее. В своем философском анализе поведения, базирующемся на нормах, Швейдер (Shwayder, 1965) подчеркивает различие между нормами разрешающего характера и ограничительными нормами. Разрешающие нормы позволяют человеку изобретать новые способы выполнения задачи (например языковые нормы), в то время как ограничительные нормы более определенно регламентируют направление деятельности (например правила игры). Адамопулос (Adamopoulos, 1994) использовал это разграничение в работе по структуре ситуаций и концепции социального окружения.

Между общественными науками существуют значительные различия в подходах к культуре. Например, антропология и социология делают акцент на разрешающих моментах культуры, подчеркивая важность адаптации. С другой стороны, психология, с ее интересом к свободе личности, предполагает подчеркивание ограничительных сторон культуры. Возможно, обобщение покажется чрезмерным, но оно отражает не только западные предубеждения, касающиеся важности свободы личности. Иначе почему Конфуций (551–479 до н. э.) открыто осуждает «анархию» своего времени и выступает за то, чтобы люди вернулись к «старым добрым временам», если вопрос свободы личности не был проблемой того времени в Китае.

Несмотря на такой интерес психологии к свободе личности, на первый взгляд может показаться удивительным то, что основные теории кросс-культурной психологии приняли в большей степени антропологический подход, относясь к культуре в первую очередь как к образованию разрешающего характера. Как показано на рис. 2.1, и экокультурная схема, и теории, касающиеся индивидуализма—коллективизма, относятся к культуре как к фактору, предшествующему поведению, — иногда даже как к независимой переменной, как происходит это в экокультурной схеме, — и как к изобретению. Например, Сегал и соавторы (Segall et al., 1999) определенно высказываются о различных видах культурной адаптации к экологии как об «изобретениях» и интерпретирует их как детерминанты поведения индивида. С другой стороны, возможно, такой подход не столь уж удивителен. Он может быть отражением сознательной попытки специалистов по кросс-культурной психологии привнести в традиционную психологию альтернативный взгляд, не разрушая традиционного интереса социальной психологии к ситуативным детерминантам поведения. Адамопулос и Кашима (Adamopoulos & Kashima, 1999) указывали на

подобную практику в период становления кросс-культурной психологии как на путь получения признания теорий, связанных с культурой, подобных схеме субъективной культуры Триандиса (Triandis, 1972) со стороны традиционной психологии.

Как показано на рис. 2.1, в кросс-культурной психологии существуют также точки зрения, с которых культура рассматривается прежде всего как ограничительный фактор. Определение культуры, которое дает Пуртинга (Poortinga, 1990), для которого она является совокупностью ограничений, устанавливающих пределы возможностей поведения личности, является хорошим примером. Адамопулос (Adamopoulos, 1991) разработал модель возникновения межличностной структуры, которая предполагает, что дифференциация ограничений на взаимодействия между людьми (например, проистекающих из источника символического, а не материального характера) со временем ведет к формированию специфической системы понятий.

В общем, социально-конструктивистские подходы включают обширный круг характеристик культуры, намеченный в общих чертах на рис. 2.1. Культурная психология, по крайней мере в том виде, в котором ее отстаивает Шведер (Shweder, 1990), интерпретирует культуру одновременно как предпосылку и как следствие поведения индивида. Например, Шведер говорит нам, что «целью культурной психологии является поиск разума там, где это разумно и неразрывно связано с понятиями и источниками, которые являются его продуктом или его составляющими» (p. 13). Таким образом, хотя он и не говорит о культуре как о зависимых или независимых переменных, он все же признает взаимопроникновение личностных и культурных процессов, при котором одни влияют на структуру других.

Рис. 2.1. Предположения относительно роли культуры в психологической теории

Мисра и Джерден (Misra & Gerden, 1993) в русле подхода социального конструктивизма сосредоточиваются на иных характеристиках культуры. Они обращают внимание на ее проявления как предпосылки поведения (понимаемой в широком смысле), но подчеркивают как разрешающие, так и ограничивающие аспекты в функционировании культуры. Правая нижняя графа на рис. 2.1, которая населена в настоящий момент не слишком плотно, может стать средоточием расширяющейся деятельности специалистов по кросс-культурной психологии. Подходы, которые совместимы с данной классификацией, делают акцент на структуре культуры и рассматривают ее как разновидность человеческой деятельности, подлежащей истолкованию. В то же время такие подходы могут совмещаться с традиционным сосредоточением психологии на свободе личности и выборе и могут интерпретировать поведение как попытку разрушить ограничения, налагаемые культурой.

Эти идеи не являются несовместимыми с современной практикой кросс-культурной и культурной психологии. Возьмем, к примеру работу Триандиса (Triandis, 1995), касающуюся ограничений, которые обусловлены ориентацией (синдромом) на индивидуализм или коллективизм. Адамопулос (Adamopoulos, 1999) расширил свою раннюю работу над межличностными ресурсами до более современной модели, которая прослеживает дифференциацию социальных ограничений как исток формирования индивидуализма и коллективизма как культурных моделей. Подобным образом, работа Миллера (Miller, 1994) о построении нравственных норм в различных культурах указывает на ограничительную роль моральных норм, касающихся социальной ответственности за поведение индивида в Индии. Наконец, существует интересное переосмысление Яходы работы Вассмана и Дейзена с юпно[1], предполагающее существенную роль культуры в ограничивающем коллективном представлении мира, из которого пытаются вырваться отдельные личности. В том же ключе сделано и сообщение Берри и соавторов (Berry et al., 1992), касающееся индивидуальных различий при использовании системы счисления юпно, которое также указывает на способность индивида избежать ограничений, налагаемых коллективными представлениями.

Есть множество примеров ограничивающей или разрешающей роли культуры. Чего недостает в большей части современных работ, так это исследований причин деятельности индивидов, которые приводят к ограничивающим или разрешающим с точки зрения культуры формам общественной жизни. Одна из первых работ по субъективной культуре (Triandis, 1972) содержала перспективы и потенциал для такого исследования. Субъективная культура, определенная как «свойственный культурной группе способ восприятия своего социального окружения» (p. 3), обращается к взаимосвязи между культурными переменными и когнитивными структурами и таким образом легко согласуется с конструктивистским видением культуры. Фактически значительная часть исследования, описанного Триандисом (Triandis, 1972), может рассматриваться как разносторонний анализ коннотативного значения коллективного формирования общественных групп (например норм, ролей, социальных связей и ценностей). Как упоминалось выше, эта работа использовалась позднее как основа для исследовательских программ более тра-

[1] Юпно — народность в Папуа–Новой Гвинее. — *Примеч. науч. ред.*

диционалистского толка, для которых такие структуры, присущие культуре, как ценности или нормы, рассматривались как детерминанты (предпосылки) для принятия индивидом решений и социального поведения (например см. Davidson, Jaccard, Triandis, Morales & Diaz-Guerrero, 1976; Triandis, 1980). Такая смена ориентации, должно быть, была необходима для данной работы, чтобы влиться в традиционную психологию (Adamopoulos & Kashima, 1999), хотя это явно увело исследование в сторону от исследования культуры как результата деятельности человека.

Были и другие исследовательские программы, которые подходили к культуре как к построению разрешающих или ограничивающих норм. Одна из самых примечательных — ранняя работа о референтных группах (Sherif & Sherif, 1964), в которой нормы, социальное поведение (например конформизм) и социокультурные переменные часто представлялись как компоненты сложных психологических систем (групп). Однако, как и в большинстве случаев, акцент делался главным образом на поведение индивида как на зависимую переменную. К тому же эта традиция широкого исследования не стала примером подражания для последующих работ в данной области.

Подход к культуре, как к следствию деятельности индивида, как показывает рис. 2.1, предполагает исследование процессов, в ходе которых группы индивидов структурируют свои представления и ожидания в отношении социального окружения. Ориентирами для этого альтернативного подхода должны служить следующие вопросы.

- Какого рода индивидуальная и межличностная деятельность ведет к формированию культурных норм, ценностей и социальных связей?
- Что стимулирует формирование этих конструктов?
- Какие цели преследуют индивиды, представляющие культуру, создавая эти нормы?
- Какие средства используются для построения культурных норм?
- Какие конкретно особенности социального взаимодействия ведут к формированию различных культурных моделей?
- Выполнение каких задач общества завершается созданием ограничительных норм?
- Какую пользу извлекает общество из создания норм (стандарты, роли, ценности), которые носят скорее разрешающий, чем ограничительный характер по отношению к деятельности человека?
- Какова роль времени в процессе формирования культуры?

Изучение таких вопросов сулит развитие теорий, касающихся культуры, которые более прочно связаны с контекстом (экология, ресурсы). К тому же такие теории, скорее всего, будут принимать во внимание составляющие явно временного характера при описании длительных и исторических процессов (например, формирования норм), а данное качество отсутствует у большинства современных теорий традиционной и кросс-культурной психологии (Adamopoulos & Kashima, 1999). И, наконец, подходы «культура как построение» дополняют более распространенные взгляды «культура как предпосылка» в кросс-культурной психологии,

что будет способствовать более глубокому рассмотрению фундаментального представления о том, что культура и психология взаимно составляют друг друга.

Примечания

[1] Мы благодарны Кристине О'Коннор и Дэвиду Бернстайну за полезные комментарии, касающиеся части данной рукописи.

Литература

Adair, J. G. (1992). Empirical studies of indigenization and development of the discipline in developing countries. In S. Iwawaki, Y. Kashima & K. Leung (Eds.), *Innovations in cross-cultural psychology* (pp. 62–74). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Adamopoulos, J. (1988). Interpersonal behavior: Cross-cultural and historical perspectives. In M. H. Bond (Ed.), *The cross-cultural challenge to social psychology* (pp. 196–207). Newbury Park, CA: Sage.

Adamopoulos, J. (1991). The emergence of interpersonal behavior: Diachronic and cross-cultural processes in the evolution of intimacy. In S. Ting-Toomey & F. Korzenny (Eds.), *Cross-cultural interpersonal communication* (pp. 155–170). Newbury Park, CA: Sage.

Adamopoulos, J. (1994, May). *Culture-common features of context: Toward a general system for the classification of social situations.* Paper presented at the meeting of the Midwestern Psychological Association, Chicago.

Adamopoulos, J. (1999). The emergence of cultural patterns of interpersonal behavior. In J. Adamopoulos & Y. Kashima (Eds.), *Social psychology and cultural context* (pp. 63–76). Thousand Oaks, CA: Sage.

Adamopoulos, J. & Kashima, Y. (1999). Introduction: Subjective culture as a research tradition. In J. Adamopoulos & Y. Kashima (Eds.), *Social psychology and cultural context* (pp. 1–4). Thousand Oaks, CA: Sage.

Berry, J. W. (1997). Preface. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. x-xv). Boston: Allyn & Bacon.

Berry, J. W. (1999). On the unity of the field of culture and psychology. In J. Adamopoulos & Y. Kashima (Eds.), *Social psychology and cultural context* (pp. 7–15). Thousand Oaks, CA: Sage.

Berry, J. W., Poortinga, Y. H. & Pandey, J. (Eds.). (1997). *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method.* Boston: Allyn & Bacon.

Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H. & Dasen, P. R. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications.* Cambridge: Cambridge University Press.

Berry, J. W. & Sam, D. (1997). Acculturation and adaptation. In J. W. Berry, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 3. Social behavior and applications* (2nd ed., pp. 291–326). Boston: Allyn & Bacon.

Bock, P. K. (Ed.). (1994). *Psychological anthropology.* Westport, CT: Praeger.

Boesch, E. E. (1991). *Symbolic action theory and cultural psychology.* Berlin: Springer-Verlag.

Boesch, E. E. (1996). The seven flaws of cross-cultural psychology: The story of a conversion. *Mind, Culture, and Activity, 1(3),* 2–10.

Brislin, R. W., Lonner, W. J. & Thorndike, R. M. (1973). *Cross-cultural research methods.* New York: Wiley.

Brown, D. E. (1991). *Human universals.* Philadelphia: Temple University Press.

Burr, V. (1995). *An introduction to social constructionism.* London: Routledge.

Buss, D. M. (1989). Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures. *Behavioral and Brain Sciences, 12,* 1–49.

Chung, F. M. & Leung, K. (1998). Indigenous personality measures: Chinese examples. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 233–248.

Church, A. T. & Lonner, W. J. (Eds.). (1998). Personality and its measurement in cross-cultural perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29.*

Cole, M. (1984). The world beyond our borders: What might our students need to know about it? *American Psychologist, 39,* 998–1005.

Cole, M. (1996). *Cultural psychology: A once and future discipline.* Cambridge: Belknap/Harvard.

Cushner, K. & Brislin, R. (1996). *Intercultural interactions: A practical guide* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.

Davidson, A. R., Jaccard, J., Triandis, H. C., Morales, M. L. & Diaz-Guerrero, R. (1976). Cross-cultural model testing: Toward a solution of the emic-etic dilemma. *International Journal of Psychology, 11,* 1–13.

Eckensberger, L. H. & Zimba, R. (1997). The development of moral judgment. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 2. Basic processes and human development.* Boston, MA: Allyn & Bacon.

Gergen, K. J. (1985). The social constructionist movement in modern psychology. *American Psychologist, 40,* 266–275.

Guanzon-Lapena, M., Church, A. T., Carlota, A. J. & Katigbak, M. S. (1998). Indigenous personality measures: Philippine examples. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 249–270.

Hermans, H. J. M. & Kempen, H. J. G. (1998). Moving cultures: The perilous problems of cultural dichotomies in a globalizing society. *American Psychologist, 53,* 1111–1120.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Beverly Hills, CA: Sage.

Hsu, F. L. K. (Ed.). (1972). *Psychological anthropology.* Cambridge, MA: Schenkman.

Jahoda, G. (n.d.). The *colour of a chameleon.* Unpublished manuscript.

Jahoda, G. (1970). A cross-cultural perspective in psychology. *Advancement of Science, 27,* 1–14.

Jahoda, G. (1980). Theoretical and systematic approaches in cross-cultural psychology. In H. C. Triandis & J. W. Berry (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. I. Perspectives* (pp. 69–142). Boston: Allyn & Bacon.

Jahoda, G. (1990). Our forgotten ancestors. In R. A. Dienstbier & J. J. Berman (Eds.), *Nebraska symposium on motivation: Vol. 37. Cultural perspectives* (pp. 1–40). Lincoln: University of Nebraska Press.

Jahoda, G. & Krewer, B. (1997). History of cross-cultural and cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. 1–42). Boston: Allyn & Bacon.

Kim, U. (1995). Psychology, science, and culture: Cross-cultural analysis of national psychologies in developing countries. *International Journal of Psychology, 30,* 663–679.

Kim, U. (1999). After the «crisis» in social psychology: The development of the transactional model of science. *Asian Journal of Social Psychology,* 2, 1–19.

Kim, U. & Berry, J. W. (1993). *Indigenous psychologies: Experience and research in cultural context.* Newbury Park, CA: Sage.

Kim, U., Park, Y.-S. & Park, D. (2000). The challenge of cross-cultural psychology: The role of indigenous psychologies. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 31,* 63–75.

Kimble; G. A. (1961). *Hilgard and Marqui conditioning and learning* (2nd ed.). New York: Appleton-Century-Crofts.

Kimble, G. A. (1984). Psychology's two cultures. *American Psychologist, 39,* 833–839.

Kimble, G. A. (1989). Psychology from the standpoint of a generalist. American *Psychologist, 44,* 491–499.

Klineberg, O. (1980). Historical perspectives: Cross-cultural psychology before 1960. In H. C. Triandis & W. W. Lambert (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Perspectives* (pp. 31–68). Boston: Allyn & Bacon.

Landis, D. & Bhagat, R. (Eds.). (1996). *Handbook of intercultural training* (Vols. 1–3). Elmsford, NY: Pergamon.

Landis, D. & Wasilewski, J. H. (1999). Reflections on 22 years of the *International Journal of Intercultural Relations* and 23 years of other intercultural experience. *International Journal of Intercultural Relations, 23,* 535–574.

Lewin, K. (1951). *Field theory in social science.* New York: Harper & Row.

Lonner, W. J. (1980). The search for psychological universals. In H. C. Triandis & W. W. Lambert (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Perspectives* (pp. 143–204). Boston: Allyn & Bacon.

Lonner, W. J. (1992). Does the association need a name change? *Cross-Cultural Psychology Bulletin, 26,* 1.

Lonner, W. J. & Adamopoulos, J. (1997). Culture as antecedent to behavior. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. 43–83). Boston: Allyn & Bacon.

Lonner, W. J. & Berry, J. W. (Eds.). (1986). *Field methods in cross-cultural research.* Thousand Oaks, CA: Sage.

Lonner, W. J., Dinnel, D. L., Forgays, D. K. & Hayes, S. A. (Eds.). (1999). *Merging past, present, and future in cross-cultural psychology: Selected papers from the 14th International Congress of the International Association of Cross-Cultural Psychology.* Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Malpass, R. S. (1990). An excursion into utilitarian analysis. *Behavior Science Research, 24,* 1–15.

Markus, H. R. & Kitayama, S. (1991). Culture and the self. *Psychological Review, 98,* 224–253.

Matsumoto, D. (1999). Culture and self: An empirical assessment of Markus and Kitayama's theory of independent and interdependent self-construals. *Asian Journal of Social Psychology, 2,* 289–310.

McClelland, D. C. (1961). *The achieving society.* Princeton, NJ: Van Nostrand.

McClelland, D. C. & Winter, D. (1969). *Motivating economic achievement.* New York: Free Press.

McCrae, R. R. & Costa, P. T., Jr. (1997). More reasons to adopt the five-factor model. *American Psychologist, 44,* 451–452.

McCrae, R. R., Costa, P. T., del Pilar, G. H., Rolland, J. P. & Parker, W. D. (1998). Cross-cultural assessment of the five-factor model: The Revised NEO Personality Inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 171–188.

Miller, J. *G.* (1994). Cultural diversity in the morality of caring: Individually oriented versus duty-based interpersonal moral codes. *Cross-Cultural Research, 28,* 3–39.

Miller, J. G. (1997). Theoretical issues in cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. 85–128). Boston: Allyn & Bacon.

Misra, G. & Gergen, K. J. (1993). On the place of culture in psychological science. *International Journal of Psychology, 28,* 225–243.

Moghaddam, F. (1987). Psychology in the three worlds: As reflected in the crisis in social psychology and the move toward indigenous Third World psychology. *American Psychologist, 42,* 912–920.

Osgood, C. E., May, W. H. & Miron, M. S. (1975). *Cross-cultural universals of affective meaning.* Urbana, IL: University of Illinois Press.

Pedersen, P. P., Draguns, J. G., Lonner, W. J. & Trimble, J. E. (Eds.). (1996). *Counseling across cultures* (4th ed.J. Newbury Park, CA: Sage.

Poortinga, Y. H. (1990). Towards a conceptualization of culture for psychology. *Cross-Cultural Psychology Bulletin, 24(3),* 2–10.

Poortinga, Y. H. & Pandey, J. (1997). Introduction to volume 1. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. xxii-xxv). Boston: Allyn & Bacon.

Rivers, W. H. R. (1901). Introduction and vision. In A. C. Haddon (Ed.), *Reports of the Cambridge anthropological expedition to the Torres Straits: Vol. 2, Pt. 1.* Cambridge: Cambridge University Press.

Schwartz, S. H. (1994). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues,* 50(4), 19–45.

Segall, M. H., Dasen, P. R., Berry, J. W. & Poortinga, Y. H. (1999). *Human behavior in global perspective: An introduction to cross-cultural psychology* (2nd ed.). Boston: Allyn & Bacon.

Segall, M. H., Lonner, W. J. & Berry, J. W. (1998). Cross-cultural psychology as a scholarly discipline: On the flowering of culture in behavioral research. *American Psychologist, 53,* 1101–1110.

Sell, J. & Martin, M. (1983). An acultural perspective on experimental social psychology. *Personality and Social Psychology Bulletin, 9,* 345–350.

Sherif, M. & Sherif, C. (1964). *Reference groups.* New York: Harper & Row.

Shwayder, D. S. (1965). *The stratification of behaviour.* London: Routledge & Kegan Paul.

Shweder, R. A. (1986). Divergent rationalities. In D. W. Fiske & R. A. Shweder (Eds.), *Metatheory in social science: Pluralisms and subjectivities* (pp. 163–196). Chicago: University of Chicago Press.

Shweder, R. A. (1990). Cultural psychology — What is it? In J. W. Stigler, R. A. Shweder & G. Herdt (Eds.), *Cultural psychology: Essays on human cognitive development* (pp. 1–43). New York: Cambridge University Press.

Shweder, R. A. (1996). *Quanta* and *qualia:* What is the «object» of ethnographic method? In R. Jessor, A. Colby & R. A. Shweder (Eds.), *Ethnography and human development: Context and meaning in social inquiry* (pp. 175–182). Chicago: University of Chicago Press.

Shweder, R. A., Much, N. C., Mahapatra, M. & Park, L. (1997). The «big three», of morality (autonomy, community, divinity) and the «big three» explanations of suffering. In A. M. Brandt & P. Rozin (Eds.), *Morality and health* (pp. 119–169). New York: Routledge.

Sinha, D. (1997). Indigenizing psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. 129–169). Boston: Allyn & Bacon.

Triandis, H. C. (1972). *The analysis of subjective culture.* New York: Wiley.

Triandis, H. C. (1980). Values, attitudes and interpersonal behavior. In H. E. Howe & M. M. Page (Eds.), *Nebraska symposium on motivation, 1979* (pp. 195–260). Lincoln: University of Nebraska Press.

Triandis, H. C. (1993). Collectivism and individualism as cultural syndromes. *Cross-Cultural Research, 27,* 155–180.

Triandis, H. C. (1995). *Individualism and collectivism.* Boulder, CO: Westview Press.

Triandis, H. C. (1997, July). *Cross-cultural versus cultural psychology: A synthesis?* Paper presented at the Conference of the International Council of Psychologists, Padua, Italy.

Triandis, H. C., Lambert, W. W., Berry, J. W., Lonner, W. J., Brislin, R., Heron, A. & Draguns, J. (Eds.). (1980). *Handbook of cross-cultural psychology* (Vols. 1–6). Boston, MA: Allyn & Bacon.

Van de Vijver, F. J. R. & Leung, K. (1997). *Methods* and data *analysis for cross-cultural research.* Thousand Oaks, СЛ: Sage.

Whiting, B. B. & Whiting, J. W. M. (1975). *Children of six cultures: A psycho-cultural analysis.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Williams, J. E., Satterwaite, R. C. & Saiz, J. L. (1998). *The importance of psychological traits: A cross-cultural study.* New York: Plenum.

Witkin, H. A. & Berry, J. W. (1975). Psychological research in cross-cultural perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 6,* 4–82.

Wundt, W. (1900–1920). *Volkerpsychologie* (Vols. 1–10). Leipzig: Englemaim. *Elements of folk psychology.* London: Allen & Unwin, 1916.

ГЛАВА 3

Индивидуализм и коллективизм: прошлое, настоящее и будущее

Гарри Триандис

Нет конструктов, которые оказали бы на современную кросс-культурную психологию большее влияние, чем индивидуализм и коллективизм (ИК). Изучающие культуру использовали данный конструкт, чтобы понять, объяснить и предсказать черты культурного сходства и различия в разнообразных проявлениях поведения человека. ИК-привлек к себе особенно широкое внимание в последние два десятилетия как одна из возможных важнейших характеристик психологической культуры, появившихся в литературе.

В этой главе Триандис, получивший широкое признание как один из отцов-основателей современного движения в кросс-культурной психологии и ведущий иследователь ИК-конструкта, дает нам возможность проникнуть в сущность данного конструкта с точки зрения его применения в качестве пояснительной концепции. Он представляет историческую перспективу формирования и использования ИК конструкта, включая сведения личного характера о том, как он убедился в силе данной модели. Он делает критический обзор некоторых моментов текущего состояния ее исследований и иллюстрирует полезность и применимость ИК-для понимания, объяснения и предсказания черт культурного сходства и различия в широком диапазоне психологического функционирования. Этот бесценный обзор, занимая лишь несколько страниц, позволяет просуммировать богатейшую информацию, накопленную в области культуры и психологии за последние несколько десятилетий.

В то же время данный обзор позволяет сделать и еще один вывод, а именно, что, возможно, в данном направлении собрано достаточно «фактов», касающихся ИК-различий в поведении человека. Дальнейший сбор данных в процессе подобного типа исследований — по существу, представляющий собой изучение кросс-национальных различий в поведении исследователями, опирающимися на предположение об ИК-различиях, характерных для изучаемых стран, — возможно, уже не столь важен сегодня для данного направления. Гораздо важнее на пороге нового столетия, которое мы открываем, качественная эволюция в нашем понимании ИК и методах, которыми мы пользуемся для проверки данного и других связанных с культурой конструктов.

Во второй части главы Триандис помогает нам представить себе эту эволюцию, представляя свои идеи относительно теоретических рамок осмысления

ИК-конструкта. Сосредоточив свое внимания на двух культурных «синдромах» (сложности–простоты и жесткой регламентации–неопределенности) Триандис рассматривает базовые принципы своей теории, касающиеся детерминант ИК. Признавая, что, хотя формально эти идеи еще подлежат проверке, мы утверждаем, что они тем не менее обеспечивают тех, кто будет изучать или исследовать культуру в будущем важной платформой, с помощью которой можно заниматься исследованием возможного происхождения ИК как культурного синдрома.

Обсуждая критерии оценки ИК-конструкта, Триандис сравнивает и противопоставляет методологические различия, связанные с двумя подходами к изучению культуры: кросс-культурный подход и подход культурной психологии. В соответствии с общей идеей Адамопулоса и Лоннера, изложенной в главе 2, Триандис доказывает необходимость объединения методов обоих подходов в рамках будущих исследований, если ИК или иной культурный конструкт, связанный с данной проблемой, действительно рассматривать как шаг на пути формирования универсальной психологии, которая должна стать конечной целью как приверженцев кросс-культурной психологии, так и специалистов по психологии традиционного направления. Методы культурной психологии, которая занимается в первую очередь развитием культуры внутри культуры, с течением времени — по существу emic*-подход — должны быть объединены с методами кросс-культурной психологии с ее вниманием к надежности, валидности и стремлению избежать влияния предубеждений исследователя, что свойственно* etic*-подходу. В той мере, в которой, с точки зрения Адамопулоса и Лоннера, такое сближение возможно, эти дисциплины несомненно внесут вклад в продолжающееся развитие традиционных психологических теорий и будут способствовать включению в них данных, связанных с культурой.*

Завершая свою главу, Триандис бросает вызов всем исследователям — как традиционного, так и кросс-культурного направления, — отмечая, что психологи часто игнорируют культуру, поскольку она представляет собой определенную сложность, которая делает их работу более трудоемкой и требующей больших затрат времени. Известно, что люди склонны тратить как можно меньше сил для достижения цели, и тем не менее Триандис говорит о том, что психологам придется отказаться от этого принципа экономии сил и вытекающих из него последствий, если ставится задача создания и развития универсальной психологии. Этот вызов не только с точки зрения методологии и научной философии, но и с точки зрения человеческой природы будет принят, если кросс-культурная психология, как и ИК-конструкт, будут развиваться совершенно иным образом, предполагая в качестве цели создание универсальной психологии, что соответствует общей идее данной книги.

Конструкты индивидуализма и коллективизма стали очень популярны в кросс-культурной психологии (см. M. H. Bond & Smith, 1996; Smith & Bond, 1999) и начинают оказывать сильное воздействие на социальную психологию. Например, Смит и Бонд широко используют данные конструкты в книге по социальной психологии.

Коллективистские культуры подчеркивают взаимозависимость любого человека и определенных коллективов (например, семьи, племени, нации). Индивидуалистические культуры подчеркивают, что люди не зависят от своих групп. Ключевые идеи конструктов индивидуализма и коллективизма, по крайней мере с моей точки зрения, представлены в книге Триандиса (Triandis, 1995). Данные конструкты определяются четырьмя отличительными признаками: определения Я как независимого (для индивидуализма) или зависимого (для коллективизма), главенство личных или внутренних групповых целей, первоочередное внимание к установкам или нормам как детерминантам социального поведения и важность обмена или общественных отношений (Mills & Clark, 1982).

Кроме того, любая индивидуалистическая или коллективистская культура, скорее всего, должна иметь черты, уникальные для нее одной. Например, корейский коллективизм и коллективизм израильского кибуца — это не одно и то же. Триандис (Triandis, 1994) дает около 60 признаков, в которых могут отличаться виды коллективизма. Например, горячий спор внутри группы во многих коллективистских культурах Восточной Азии, где большое значение придается согласию внутри группы, воспринимается как нежелательный, однако такой спор вполне приемлем в коллективистских культурах Средиземноморья.

Одним из важных признаков, отличающих различные виды индивидуализма и коллективизма, является вертикальное или горизонтальное представление о структуре общества. Культуры горизонтального типа подчеркивают равенство; культуры вертикального типа делают акцент на иерархии. Таким образом, горизонтальный индивидуализм (ГИ) подчеркивает, что «все люди равны», но «каждый человек уникален». Вертикальный индивидуализм (ВИ) включает как отношение «обособленный», так и «лучший» по отношению к другим людям, наряду с понятием «иной» по отношению к окружающим. Студенты университетов в США недовольны, когда экспериментатор определяет их, как «средних» (Weldon, 1984), что позволяет предположить, что сами они воспринимают себя выше среднего. Такова тенденция вертикального индивидуализма. Для горизонтального коллективизма (ГК) характерно поглощение Я группой, при этом отсутствует допущение о различном статусе членов группы. Вертикальный же коллективизм (ВК) признает иерархию. Лицо, пользующееся авторитетом внутри группы, имеет более высокий статус, чем рядовые члены, включенные в группу. ВК делает особый акцент на принесении в жертву личности ради сохранения группы.

Данные конструкты наиболее важны для понимания культуры поведения как системы общепринятых значений (Triandis, 1994; Triandis, Bontempo, Leung & Hui, 1990), которая оказывает влияние на восприятие и поведение.

Эта глава начинается рассказом личного характера о том, как я стал заниматься изучением данных конструктов. Затем я частично освещаю историю использования этих конструктов.

Далее я рассматриваю некоторые аспекты современного состояния исследований данных конструктов. Я говорю о рамках их теоретического осмысления, которые в настоящее время носят относительно гипотетический характер, поскольку эмпирическая база для них скудна. Тем не менее я представляю ее, поскольку она может помочь в определении направления будущих исследований этих конструк-

тов. Без сомнения, такие будущие исследования зависят от того, какие критерии оценки данных конструктов мы выберем, поэтому я рассматриваю проблемы оценки конструктов. Здесь я рассматриваю проблемы выбора критериев оценки. Затем я исследую некоторые из основных различий в подходах исследователей к конструкту культуры в психологии. В особенности важен подход культурной психологии как оппозиции кросс-культурной психологии. Я показываю, что коллективизм и индивидуализм являются достаточно насущными моментами для понимания того, почему одни психологи предпочитают одну методологию, а другие — другую для изучения взаимосвязей между культурой и психологией.

Далее я говорю о некоторых многообещающих будущих исследованиях, использующих конструкты индивидуализма и коллективизма. И, наконец, я размышляю о будущем изучения культуры и психологии, уделив внимание тому, каким образом индивидуализм и коллективизм будут включены в такое изучение.

Как я занялся изучением данных конструктов

Как социальный психолог, я достаточно хорошо отдавал себе отчет в том, что почти все данные социальной психологии получены в рамках индивидуалистических культур. Тем не менее подавляющее большинство людей живут в коллективистских культурах. Я вырос в Греции, когда она представляла собой коллективистскую культуру, поэтому очень часто, когда я изучал исследования по социальной психологии, моя реакция была такова: «в отношении традиционной Греции это вздор». Последующая кросс-культурная работа показала, например, что подчеркивание когнитивной согласованности является атрибутом западной культуры, а людей в Азии когнитивная несогласованность ничуть не тревожит (Fiske, Kitayama, Markus & Nisbett, 1998). Например, один из моих индийских друзей говорит, что он «вегетарианец, который ест мясо». Американец сочтет такую категорию невозможной; человек может либо быть вегетарианцем, либо не быть им. Но мой индийский друг говорит: «Я вегетарианец, но когда другие едят мясо, я тоже ем мясо». Обратите внимание на важность ситуации как детерминанты поведения и на терпимость в отношении когнитивной несогласованности в случае коллективистской установки.

В начале моей профессиональной деятельности у меня возникло ощущение, что раз теория когнитивного диссонанса — вздор для некоторых стран Европы, возможно, она столь же бессмысленна для подавляющей части земного шара. Поскольку многие данные социальной психологии меня не удовлетворяли, я начал изучать другие культуры. В 1960-х годах я изучал различия между Грецией, Индией, Японией и США (Triandis, 1972). Было много разрозненных данных, для интеграции которых требовались теоретические рамки. Когда я рецензировал рукопись книги Хофстеде (Hofstede, 1980) в 1978 году, то, преисполненный энтузиазма, рекомендовал ее публикацию и рассматривал тему индивидуализма–коллективизма как пробел в теоретических основах.

По мере критического изучения все более широкого круга литературных источников о культурных различиях, делалось все более очевидным то, что ИК имеет значение для осмысления значительной части эмпирических данных (Triandis, 1988, 1989, 1990, 1993, 1994, 1995, 1996). Этот момент был центральным и при обу-

чении людей эффективному взаимодействию с представителями иных культур (Bhawuk, 1998; Triandis, Brislin & Hui, 1988). Как обсуждается ниже, данный конструкт может объяснить даже поведение психологов, изучающих взаимодействие культуры и психологии

История конструктов

Политические философы данные конструкты использовали в течение 300 лет (см. Triandis, 1995, глава 2), а специалисты в области общественных наук — приблизительно сто лет. Французский социолог Дюркгейм (Durkheim, 1983/1984) проводил различие между **механической общностью** (подобна коллективизму) и **органической общностью** (подобна индивидуализму). Первый термин относится к отношениям, основанным на общих связях и обязательствах; второй термин обозначает взаимоотношения договорного характера. Аналогично, термины *Gemeinschaft* (общность) и *Gesellschaft* (общество) использовались некоторое время в немецкой социологии или в антропологии, где они определяли ориентацию на родственные или противоположные им индивидуалистические ценности. Есть доказательства того, что индивидуализм возник в Англии приблизительно в XII веке (см. Triandis, 1995, глава 2), хотя другие ученые доказывают, что он уже имел место среди некоторых древнегреческих философов (Skoyles, 1998).

Хофстеде (Hofstede, 1980) работал с ответами служащих *IBM* (117 000 протоколов), представлявших весьма широкий круг специальностей и демографических особенностей в 66 странах. Он подытожил ответы испытуемых из каждой страны на некоторые вопросы ценностного характера и провел факторный анализ средних ответов на каждый из вопросов ценностного характера, на основе выборки, включавшей 40 стран (количество стран, в которых было достаточное количество служащих, чтобы обеспечить стабильность среднего значения). Он установил в процессе исследования четыре фактора и назвал один из них коллективизм–индивидуализм. Другим трем факторам — дистанция по отношению к власти, маскулинность–фемининность и избегание неопределенности — было уделено относительно небольшое внимание в литературе по общественным наукам.

Заметьте, что работа Хофстеде (Hofstede, 1980) была выполнена на экологическом или культурном уровне анализа. То есть он подводил итог ответам N_t индивидов в каждой культуре на каждый из n вопросов своего исследования и получил количество средних ответов, соответствующее количеству вопросов для каждой культуры. Затем он подверг данные по $k = 40$ культурам факторному анализу, то есть для каждой переменной в его распоряжении было 40 значений. Результаты показали, что коллективизм противоположен индивидуализму. К такому выводу нельзя прийти, проводя анализ на индивидуальном уровне. Здесь мы устанавливаем соотношение между n при наличии n переменных на основании N_t наблюдений для каждой переменной, полученных в k отдельных случаях анализа, проведенных в рамках разных культур. Иная возможность — это проведение панкультурного факторного анализа. В этом случае N_t наблюдений для каждой переменной, полученных n раз, используются для получения k через корреляционную матрицу для k, а затем подвергаются факторному анализу. Такое решение несет с собой

определенные технические проблемы, и Лейнг и Бонд (Leung & Bond, 1989) предложили метод, слишком сложный для обсуждения здесь, который помогает решить часть этих проблем.

Внутрикультурный анализ показывает, что индивидуализм и коллективизм не являются противоположностями. Их следует понимать как многомерные конструкты. Такой анализ устанавливает несколько психологических процессов, которые независимы друг от друга и могут соотноситься с индивидуализмом и коллективизмом (Hui, 1988; Hui & Triandis, 1986; Triandis et al., 1986; Bontempo, Villareal, Asai & Lucca, 1988; Triandis, Leung, Villareal & Clack, 1985). Конкретно индивидуализм часто связывается с соперничеством, уверенностью в своих силах, эмоциональной дистанцией по отношению к группе и гедонизмом; коллективизм часто связывают с целостностью семьи (например, согласие с утверждениями «Дети не должны покидать дом, пока у них не появится семья» и «Родители до самой смерти должны жить со своими детьми»), небольшой дистанцией по отношению к группе (например, чувство уважают, когда уважают самого члена группы), высоким уровнем коммуникабельности и взаимозависимости.

Более поздние работы показали, что уверенность в своих силах весьма высока и среди некоторых коллективистов, но она имеет другое значение: в то время как индивидуалист воспринимает уверенность в своих силах как «способность сделать то, что нужно мне», коллективист понимает уверенность в своих силах как «возможность не быть обузой для своей группы». Поэтому уверенность в своих силах лучше не включать в данные конструкты.

Основное различие между культурами в отношении личности к группе было подчеркнуто Триандисом, Бонтемпо и соавторами (Triandis, Bontempo et al., 1988). Коллективист обычно включен в одну или две группы и имеет глубокую внутреннюю взаимосвязь с ними; индивидуалист включен в очень большое количество групп, но его взаимоотношения с ними носят поверхностный характер и поддерживаются лишь до тех пор, пока «их поддержание окупается», поэтому, как только он находит лучшую группу, он оставляет прежнюю. Например, он работает в одной компании, но если он получает лучшее предложение от конкурента данной компании, он без колебаний уходит к нему. Эта сторона культурного конструкта подтверждается несколькими исследованиями (обзор можно найти в Early & Gibson, 1988, p. 271).

Современное состояние исследования конструктов

Триандис (Triandis, 1972) обнаружил, что обычно греки очень по-разному относятся к членам своей группы (те, кто имеет отношение к моему благополучию) и тем, кто не включен в группу (посторонние). С другой стороны, американцы не обнаруживают в своем поведении таких различий по отношению к членам группы (те, кто подобен мне, в первую очередь, в отношении своих установок и ценностей) и тем, кто не включен в группу (посторонние). Возможно, такова общая манера поведения индивидуалистов и коллективистов. Действительно, когда коллективисты встречают другого человека, их первой мыслью, скорее всего, будет следующая: «Каковы мои взаимоотношения с этим человеком?» Если взаимоотношения допу-

скают отнесение его к своей группе, скорее всего, поведенческие реакции коллективистов будут позитивными — сотрудничество, поддержка, стремление помочь изо всех сил. Если же другой человек не член группы, то они, скорее всего, будут вести себя равнодушно или даже враждебно. Такая резкая дифференциация по отношению к включенным в группу и не включенным в нее отсутствует среди индивидуалистов. Здесь уместен пример. Я заметил, что когда я звонил в офис друга или родственника в Греции, секретарша спрашивала очень грубо: «Что вам нужно?» Как только выяснялось, какого рода отношения связывают меня с ее начальником, она немедленно становилась чрезвычайно вежливой. В противоположность этому, секретарь в Америке вежлив с любым, кто ему звонит.

Мета-анализ исследований, которые использовали парадигму Аша, показал, что коллективизм связан с конформизмом (R. Bond & Smith, 1996). Самопожертвование ради группы связано также с принятием директив от групповых лидеров и коррелирует приблизительно в 0,4 с авторитаризмом правого толка (Triandis & Gelgand, 1998).

Кроме того, группы коллективистского характера могут иметь больший размер, чем индивидуалистские. Например, Сугимото (Sugimoto, 1998) рассматривает вопрос о необходимости принесения извинений в Японии и США. Японец просит прощения за действия гораздо большего количества людей. Например, когда три японских террориста зверски убили несколько пассажиров в аэропорту, расположенном в израильском городе Лод, многие молодые японцы посетили израильское посольство, чтобы извиниться за произошедшее, президент университета Киото низко поклонился, принося официальные извинения за тот факт, что двое из этих террористов посещали его университет, японский министр просвещения просил прощения за недостатки японской системы просвещения, министр иностранных дел Японии говорил о пятне позора, которое легло на народ, а посол Японии в Израиле выступил с извинениями по телевидению и разрыдался в конце своего выступления.

Индивидуалистские (например, американские) группы понимают необходимость извинений более узко. Американец может попросить прощения за собственные действия, за действия своего супруга, ребенка или домашнего животного, но лишь в редких случаях за действия незнакомых ему американцев. Разумеется, правительство США приносит свои извинения, когда представитель вооруженных сил США совершает преступления, но вооруженные силы являются частью правительства. По форме извинения также носят иной характер. Обычно извинения американца носят личный характер, в то время как японец приносит извинения, носящие относительный характер (например, «мы были друзьями на протяжении двадцати лет, и то, что произошла столь ужасная вещь, совершенно непростительно»).

Триандис (Triandis, 1995) приводит доводы в пользу того, что каждое общество обладает собственным типом доминирующего горизонтального или вертикального индивидуализма или коллективизма. Например, для Швеции характерна горизонтальная индивидуалистическая культура, культура группового поведения в США является вертикально индивидуалистической, культура израильского кибуца представляет собой горизонтальный коллективизм, а культура индийской деревни является вертикально коллективистской.

Принимая во внимание тот факт, что результаты, полученные на культурном уровне анализа, не всегда согласуются с результатами, полученными на уровне индивидуального анализа, Триандис с соавторами (Triandis et al., 1985) вводят термины **идиоцентрический** и **аллоцентрический** для индивидуального уровня анализа, которые соответственно соотносятся индивидуализму и коллективизму на культурном уровне.

Аллоцентрик — это человек, который обращает внимание на других людей. Здесь полезно привести пример. Триандис и Вассилиу (Triandis & Vassiliou, 1972) обращались к начальникам отделов кадров Америки и Греции для принятия решения по бумагам претендентов на должность в их организации. Все дела содержали как рекомендательные письма, так и объективные характеристики кандидатов. Было обнаружено, что начальники отделов кадров в Греции уделяют преимущественное внимание рекомендательным письмам по сравнению с американцами. Коротко можно определить их как аллоцентриков в большей степени, чем американцы. **Идиоцентрики** уделяют принципиально большее внимание внутренним качествам, таким как собственные убеждения, эмоции и тому подобное, по сравнению с информацией, полученной от других людей. Смит и Бонд (Smith & Bond, 1999) использовали данные термины в своей книге и, кроме того, привели примеры того, как результаты анализа на культурном уровне отличаются от анализа на уровне индивидуальном.

Горизонтальные и вертикальные характеристики индивидуализма и коллективизма Триандиса (Triandis, 1995) связаны с работой Хофстеде. Вертикальный аспект концептуально связан с хофстедовской дистанцией по отношению к власти (Hofstede, 1980). Триандис (Triandis, 1994) обсуждает также вопрос о регламентированных и свободных обществах. Этот конструкт концептуально связан с избеганием неопределенности по Хофстеде.

Триандис и соавторы (Triandis et al., 1986) на 15 выборках из разных стран подтверждают некоторые из результатов, относящихся к индивидуализму и коллективизму, которые были получены Хофстеде. Другие, такие как М. Г. Бонд (Bond, 1988), работая с ценностными ориентациями студентов из 21 страны, в результате факторного анализа получили результаты, сходные с полученными Хофстеде.

Триандис (Triandis, 1995) предположил также, что к ГИ, ВИ, ГК и ВК следует относиться как к «инструментам», которые индивид может использовать в различных комбинациях, в зависимости от ситуации. То есть индивид, скорее всего, будет использовать все эти инструменты, но в конкретных ситуациях индивид может вести себя, прежде всего, как горизонтальный или вертикальный идиоцентрик или аллоцентрик.

В некоторых исследованиях содержатся свидетельства того, что человеку свойственно обращаться как к индивидуалистическому, так и к коллективистскому восприятию. Например, Верма и Триандис (Verma & Triandis, 1988) обнаружили, что индийцы в исследуемой выборке выбирали реакцию ГИ-типа в 24 % случаев, ГК-типа в 28 % случаев, ВИ-типа в 23 % случаев и ВК-типа в 25 % случаев, что можно сопоставить с выборкой штата Иллинойс, где выбиралась реакция ГИ-типа в 38 %, ГК-типа в 26 %, ВИ-типа в 23 % и ВК-типа в 13 % случаев. Очевидны значительные различия в отношении ГИ (показатели американцев выше, чем показатели

индийцев) и ВК (показатели индийцев выше, чем показатели американцев). Поскольку в данном исследовании изучались выборки значительного размера, то даже разница в 2 % является статистически достоверной, поэтому различия, превышающие этот уровень, обладают высоким уровнем достоверности. В этом исследовании, которое содержит также данные по Австралии, Японии, Гонконгу, Корее, Греции, Германии и Нидерландам, наиболее индивидуалистический профиль имеет Германия (ГИ = 43 %, ГК = 27 %, ВИ = 20 %, ВК = 10 %), а наиболее коллективистский профиль у Гонконга (ГИ = 25 %, ГК = 36 %, ВИ = 20 %, ВК = 19 %). Данные процентные соотношения важны, поскольку они показывают нам, что не следует определять культуру как индивидуалистическую или коллективистскую. Такая характеристика была бы слишком простой. Необходимо исследовать возможности, при которых могут проявить себя различные составляющие. Безусловно, Германия индивидуалистическая страна в большей степени, чем Гонконг, однако даже в Германии люди выбирают коллективистское восприятие в 37 % случаев, а в Гонконге обращаются к индивидуалистскому восприятию в 45 % случаев.

Вполне вероятно, что ситуация может изменить данное процентное соотношение. Например, когда группе что-либо угрожает, у большинства идиоцентриков активизируется аллоцентрический тип восприятия. Когда индивид находится наедине с собой, более вероятным является индивидуалистическое восприятие. Трафимов, Триандис и Гото (Trafimow, Triandis & Goto, 1991) обнаружили, что если попросить людей подумать 2 минуты о том, что объединяет их с родственниками и друзьями, реакция носит в большей степени коллективистский характер; если же попросить их задуматься о том, что отличает их от родных и друзей, ответы становятся более индивидуалистическими. Коллективистским ответом является тот, который несет «социальное содержание», когда люди заканчивают 20 предложений, начинающихся «Я — ...». Например, фразы «Я — дядя» или «Я — член коммунистической партии» — ответы коллективистского характера. «Я добрый», «Я ответственный» — не несут коллективистской нагрузки, поскольку не имеют отношения к обществу или группе (например, семье). Студенты штата Иллинойс европейского происхождения, случайным образом получившие одну из инструкций «подумать об общности» или «подумать о различиях» заканчивали предложения, начинающиеся с «Я — ...» коллективистским образом в 23 % и 7 % случаев соответственно. Студенты штата Иллинойс с китайскими именами выполнили ту же задачу, дав, соответственно 52 % и 30 % ответов, имеющих социальное содержание. Короче говоря, как культура испытуемых, так и вид получаемых ими инструкций служат факторами, имеющими большое значение для процентной доли реакций коллективистского толка.

В социальных ситуациях, предполагающих согласие, сотрудничество, развлечения, акцент делается на равенстве, а следовательно, на горизонтальных взаимоотношениях. Неравенство порождает стрессы, зависть и чувство обиды. С другой стороны, ситуации, предполагающие конкуренцию или подчинение целей большинства целям властей, ведут к выстраиванию отношений вертикального типа. Ограниченность ресурсов скорее приведет к построению вертикальных, нежели горизонтальных взаимоотношений.

Различия между идиоцентриками и аллоцентриками

Сформировался огромный корпус исследований эмпирического характера, который показывает различия между идиоцентриками и аллоцентриками. Например, ценностные ориентации аллоцентриков связаны с традицией и конформизмом, в то время как ценности идиоцентриков делают акцент на гедонизме, стимуляции и саморегуляции поведения (Schwartz, 1990, 1992, 1994). На культурном уровне анализа ценностные ориентации предполагают консерватизм (например, национальная безопасность, безопасность семьи) как оппозицию автономии (например, удовольствие, творчество) (Schwartz, 1994).

Идиоцентрики чаще предпочитают внутреннюю атрибуцию внешней, к которой чаще склонны аллоцентрики (Al-Zahrani & Kaplowitz, 1993; Morris & Peng, 1994; Na & Loftus, 1998; Newman, 1993). При атрибуции аллоцентрики в большей степени, чем идиоцентрики, принимают во внимание контекст (ситуацию) (Miller, 1984).

Это проявляется даже в манере заключения договоров и ведения переговоров представителями индивидуалистических и коллективистских культур. Китайцы, например, рассматривали договор, касающийся статуса Гонконга и подписанный Великобританией и Китаем, в историческом контексте, поэтому они не считали его имеющим силу, поскольку он был навязан после того, как Великобритания выиграла опиумную войну. Очевидно, что навязывание опиума другой стране является аморальным, а, следовательно, договор становится недействительным. Великобритания же принимала во внимание лишь содержание договора: договор есть договор. Контекст не имеет к нему никакого отношения.

Коллективисты предпочитают использовать глаголы, обозначающие действие (например, он предложил помочь), нежели глаголы состояния (он готов помочь). Это происходит, поскольку в процессе коммуникации они предпочитают учитывать контекст. Цвир (Zwier, 1997) получила подтверждение этого различия в четырех исследованиях. Она обнаружила, что описания событий студентами из Турции и Голландии иллюстрируют это различие. Она проанализировала содержание комментариев, которые давали по радио выходцы из Турции и Голландии, и обнаружила те же отличия. Она попросила турецких и голландских студентов написать письмо с просьбой об одолжении, и проанализировала содержания писем. Она исследовала написанное турецко-голландскими билингвами на обоих языках и вновь обнаружила те же отличия.

Индивидуалистические культуры обладают языками, которые требуют использования «я» и «вы» (Kashima & Kashima, 1998). Хорошим примером является английский. Трудно представить себе письмо на английском языке, в котором бы не использовались эти слова; коллективистские культуры обладают языками, которые не требуют использования этих слов. Индивидуалисты настроены весьма положительно по отношению к «я» и «мы», в то время как коллективисты иногда неоднозначно относятся к «я», демонстрируя самое положительное отношение к «мы» (Hetts, Sakuma & Pelham, 1999).

Идиоцентрики склонны иметь весьма высокое мнение о самих себе и заниматься самосовершенствованием, в то время как аллоцентрикам свойственна скром-

ность (Kitayama, Markus, Matsumoto & Narasakkunkit, 1997). Например, на вопрос, оценивают ли они себя «выше среднего» в отношении какого-либо желательного качества, от 80 % до 90 % идиоцентриков отвечают, что их показатели выше среднего, что невозможно с математической точки зрения. Идиоцентрики выбирают цель, которая соответствует их личным потребностям, аллоцентрики уделяют больше внимания потребностям окружающих. Идиоцентрики чаще, чем аллоцентрики, демонстрируют социальную леность (Early, 1989). Социальная пассивность представляет собой феномен, при котором *n* человек работающих вместе, не производят в *n* раз больше продукции. Некоторые предоставляют другим делать за них их работу и получают незаработанное. Это обычно для идиоцентриков, но не свойственно аллоцентрикам, работающим как члены группы. Идиоцентрики лучше работают по отдельности, чем в качестве членов группы (Early, 1993), и работают наилучшим образом, если они сами выбирают деятельность, которой занимаются (Iyengar & Lepper, 1999). Аллоцентрики, в свою очередь, работают хорошо, если они занимаются совместной с другими членами группы работой и если цели их работы поставлены уважаемыми членами группы. Мотивация идиоцентриков представляет собой факторы личного характера, деятельность же аллоцентриков мотивируется факторами социального характера (Yu & Yang, 1994). Пирсон и Стефан (Pearson & Stephan, 1998) отмечали, что бразильцы в большей степени коллективисты по сравнению с американцами, и выражали большую заинтересованность в достижениях окружающих людей, в то время как американцев в первую очередь заботили собственные результаты. Бразильцы, как и ожидалось в соответствии с теоретическими предположениями, делали больше различий между включенными и не включенными в группу при ведении переговоров, нежели американцы. При вынесении суждений, касающихся нравственности, аллоцентрики видят больше ситуаций, требующих от человека прийти на помощь ближнему, чем идиоцентрики (Miller, 1994).

Согласие — значимая ценность для многих аллоцентриков. В соответствии с этим аллоцентрики рассчитывают, что социальная ситуация будет приятной, не содержащей большого количества негативных составляющих. Триандис, Марин, Лизански и Бетанкур (Triandis, Marin, Lisansky & Betancourt, 1984) исследовали данные по испанской и неиспанской выборкам и обнаружили, что испанцы по сравнению с неиспанцами с большей вероятностью ожидают позитивное поведение и реже предполагают возможности негативного поведения в большинстве социальных ситуаций. Они назвали такой культурный сценарий поведения *simpatia*. Человек, желающий быть *simpatico* (милым, приятным, привлекательным, не склонным к осуждению), ведет себя соответствующим образом.

В социальной перцепции аллоцентрики прежде всего воспринимают группы и их взаимоотношения; идиоцентрики в первую очередь уделяют внимание личности. Так, например, во время кризиса в Косово, телевидение России и Сербии показывало в основном бомбардировки беженцев. Западное же телевидение давало большое количество информации о самих беженцах (истории личного характера и т. д.) и относительно немного о противостоянии Сербии и НАТО. В коллективистских культурах человек может нанести оскорбление другому, оскорбляя членов его группы (например: «твоя мать проститутка»), в то время как в индивидуали-

стических культурах оскорбление носит личный характер (например: «ты глуп») (Semin & Rubini, 1990).

В большинстве культур аллоцентрики по сравнению с идиоцентриками более чувствительны к социальному неприятию, менее восприимчивы к уникальности, и более уязвимы в отношении принадлежности к группе.

Данные об этом были собраны в Японии, Корее и США (Yamaguchi, Kuhlman & Sugimori, 1995). Аллоцентрики чаще приходят в замешательство (Singelis & Sharkey, 1995). Исследование, проведенное группой авторов, предполагает (Moskowitz, Suh & Desaulniers, 1994), что идиоцентрики в большей степени склонны к лидерству, чем аллоцентрики, и что с аллоцентриками легче прийти к согласию, чем с идиоцентриками. Коллективисты склонны скорее изменять себя, чтобы соответствовать окружению, нежели стремиться к изменению окружения, в то время как индивидуалисты пытаются прежде всего изменить окружение, а не себя (Diaz-Guerrero, 1979; Weisz, Rothbaum & Blackburn, 1984). Коллективисты обычно создают долговременные и глубокие отношения (Verma, 1992). Индивидуалистам свойственно создавать недолговечные отношения неглубокого характера.

Когда речь идет о распределении средств, они могут распределяться с учетом, по крайней мере, трех принципов: равноправие, потребность или личный вклад каждого человека (справедливость). Общий вывод состоит в том, что, имея один и тот же статус, аллоцентрики в процессе обмена с членами группы используют в первую очередь принципы равноправия и потребностей, а не справедливости, но когда речь идет об обмене с теми, кто находится вне данной группы, они используют принцип справедливости. Если же ставится цель добиться максимальной производительности, аллоцентрики даже в пределах группы пользуются принципом справедливости (Chen, 1995). Было показано (Chen, Meindl & Hui, 1998), что как в США, так и в Гонконге, когда целью является производительность или справедливость (*fairness*), используется принцип справедливости (*equity*); когда ставятся цели, связанные со сплоченностью и взаимной выручкой, используется принцип равноправия. В Гонконге чем более индивид склонен к аллоцентризму, тем в большей степени используется принцип равноправия; в США отсутствует связь между аллоцентризмом и предпочтением в отношении равноправия.

Идиоцентрики, в свою очередь, в большинстве случаев обмена используют принцип справедливости. Лейнг (Leung, 1997) дает обзор нескольких исследований эмпирического характера и приходит к выводу, что в целом, при равном положении в обществе, равноправию оказывается предпочтение в коллективистских культурах, а справедливости — в индивидуалистических культурах. Равноправие ассоциируется со сплоченностью, согласием и единством, и таким образом соответствует системе ценностей коллективиста. Справедливость же совместима с производительностью, конкуренцией и личной выгодой, что вписывается в систему ценностей индивидуалиста.

Некоторые коллективисты даже следуют нормам щедрости при обмене с другими членами группы. То есть они пользуются принципом равноправия даже в том случае, когда их собственный вклад явным образом выше, чем вклад других членов. Однако в случае с испытуемыми китайского происхождения нормы щедрости соблюдались лишь когда вознаграждение, подлежащее разделу, было фиксированным. Когда же вознаграждение было неограниченным, имел место отход от норм

равноправия как среди испытуемых китайского происхождения, так и среди американцев (Hui, Triandis & Yee, 1991).

Сравнение жителей Швеции и США показало, что шведы соблюдают нормы равноправия в большей степени, чем нормы потребностей, и в наименьшей степени соблюдают нормы справедливости (Toernblum, Jonsson & Foa, 1985). Чен, Чен и Мейндл (Chen, Chen & Meindl, 1998) экстраполировали эти наблюдения и предположили, что в индивидуалистических культурах распределение вознаграждения, основанное на принципе справедливости, находится в позитивном соответствии с сотрудничеством в процессе как долговременных, так и краткосрочных рабочих отношений, в то время как в коллективистских культурах распределение вознаграждения, основанное на принципе справедливости, находится в отношениях позитивной корреляции с сотрудничеством в ходе краткосрочных отношений, а распределение, основанное на принципе равноправия, находится в позитивном соответствии с сотрудничеством в процессе долговременных рабочих отношений. Это очень интересные гипотезы, которые следует проверить.

Имеются убедительные доказательства того, что индивидуалисты предпочитают индивидуальное вознаграждение, а коллективисты отдают предпочтение вознаграждению группового характера (см. обзор Early & Gibson, 1998, p. 284). В горизонтальных коллективистских культурах высшее вознаграждение носит эгалитарный характер; в вертикальных индивидуалистских культурах распределение, основанное на принципе пропорционального участия (справедливости), наиболее эффективно.

Эрец (Erez, 1997) полагает, что принцип равноправия будет более широко использоваться в горизонтальных культурах, а принцип справедливости — в вертикальных культурах. В случае горизонтальных культур подчеркивается участие в прибылях, деление доходов, небольшая разница в зарплате. В вертикальных индивидуалистических культурах служащие получают индивидуальные поощрительные выплаты, значительны различия в зарплате. В горизонтальных коллективистских культурах принято соблюдать принцип равноправия при распределении организационного вознаграждения. В случае вертикального коллективизма те, кто находится наверху, будут получать куда более высокую плату, чем те, кто внизу, но при этом может использоваться вознаграждение группового характера. В общем, индивидуальное вознаграждение идиоцентрики ценят выше, чем аллоцентрики, а групповые виды вознаграждения, такие как участие в прибылях, выше ценят аллоцентрики, чем идиоцентрики, однако для многих культур оптимальным путем является использование **обоих** видов вознаграждения, как индивидуального, так и группового. Таков опыт последних лет в Китае (Wang, 1994).

Коллективисты используют косвенные, способствующие сохранению престижа виды коммуникации шире, чем индивидуалисты (Holtgraves, 1997; Hu, 1944). Это значит, что электронная почта доставляет коллективистам меньшее удовлетворение, поскольку они не имеют доступа к контексту (жесты, взгляды, поза, расстояние между людьми). Горизонтальные индивидуалисты предпочитают общаться по электронной почте с отдельными личностями, нежели с группами, в то время как вертикальные коллективисты предпочитают отправлять электронную почту группам людей, нежели отдельным лицам. Горизонтальные индивидуалисты от-

правляют свою информацию в любом направлении, в то время как вертикальные коллективисты отправляют ее главным образом по вертикали.

Горизонтальные коллективисты делятся информацией с членами группы, но не контактируют с теми, кто находится вне группы. С организационной точки зрения, такая ситуация в высшей степени нежелательна, поскольку ключевые блоки информации часто недоступны для определенных групп. Вертикальные коллективисты ограничивают передачу информации кругом некоторых «важных» лиц. Вертикальные коллективисты могут вести себя оскорбительно, общаясь с индивидами, имеющими более низкий статус, и, очевидно, такое оскорбительное поведение остается для них безнаказанным (M. H. Bond, Wan, Leung & Giacalone, 1985). Плохие новости вертикальные коллективисты сообщают наверх реже, чем горизонтальные.

Лин (Lin, 1997) указывает, что свобода в процессе коммуникации может быть весьма полезной при вертикально коллективистской культуре, такой как Китай, где однозначность может привести к санкциям. В двух словах, нельзя указать на чиновника, заявив, что он не прав! Можно сделать это не прямо, но и в этом случае может последовать возмездие. Китаец, отмечает он, восхищается искренними людьми, такими как судья Бао (p. 369), но не следует их примеру.

Таким образом, предполагается, что коллективист из Восточной Азии может прочесть мысли другого человека, поэтому коммуникация осуществляется непрямым путем и в ходе нее принимаются во внимание намеки, жесты, высота и тон голоса, поза, выражение глаз и дистанция между говорящими. Например, в некоторых коллективистских культурах подача к столу чая вместе с бананами означает, что подающий еду порицает какое-либо из внесенных собеседником предложений. Поскольку бананы не подаются к чаю при хороших отношениях, то появление их вместе с чаем несет определенную косвенную смысловую нагрузку.

Индивидуалисты, напротив, говорят все, что им вздумается, даже если вследствие этого пострадают взаимоотношения. Чен с коллегами (Chen et al, 1998) делают на основании этого вывод, что тесное общение способствует возникновению более высоких форм сотрудничества в коллективистских культурах по сравнению с индивидуалистическими культурами, в то время как являющиеся связующим звеном формы неполноценной коммуникации (например, с помощью электроники или бумаг) способствуют появлению более высоких форм сотрудничества в индивидуалистических культурах по сравнению с коллективистскими культурами.

Концепция лидерства также понимается в коллективистских и индивидуалистических культурах совершенно по-разному. Коллективисты принимают патернализм и подчеркивают важность воспитания и обучения лидера (House, Wright & Aditya, 1977; Sinha, 1980, 1996). Индивидуалисты часто становятся противниками патернализма. Коллективистам, по крайней мере, в Восточной Азии, свойственно стремление к поиску согласия и избеганию конфликтов внутри группы. Например, Трубински, Тинг-Туми и Лин (Trubinsky, Ting-Toomey & Lin, 1991) сравнили испытуемых из Тайваня и США и обнаружили, что в конфликтных ситуациях первые чаще, чем вторые, делали одолжения, использовали обходные пути, были готовы к интеграции и компромиссам для разрешения конфликта, то есть стиль их поведения был отнюдь не конфронтационным.

Теоретические перспективы

Триандис (Triandis, 1994) выделил три вида культурных синдромов. Под **культурным синдромом** понимается общепринятая система убеждений, установок, Я-определений, норм, ролей и ценностей, объединенных какой-либо темой. Первый синдром — это **сложность–простота**, он противопоставляет информационные общества охотникам и собирателям пищи. Второй — **строгая регламентация–неопределенность**. Жестко регламентированное общество имеет множество норм, касающихся общественного поведения, и за несоблюдение этих норм люди строго наказываются. Свободное общество имеет относительно небольшое количество норм, и члены такого общества терпимы к отклонениям от норм. **Индивидуализм и коллективизм** представляют собой третий культурный синдром.

Триандис (Triandis, 1994) представил теорию, касающуюся детерминант индивидуализма и коллективизма. Коллективизм максимален в жестко регламентированных и простых культурах; индивидуализм максимален в сложных и свободных культурах. Эта теория еще подлежит эмпирической проверке, хотя работа по оценке уровня регламентации уже ведется, а, следовательно, теорию можно будет проверить в ближайшем будущем.

Культурный синдром можно обнаружить. Например, мы представляем элемент субъективной культуры группам людей, говорящих на определенном языке, и просим их вынести суждение (например, является ли эта ценность значимой?), и если они как группа выносят суждение очень быстро, скажем, не более, чем через пару секунд, и если 90 % групп, которые мы обследуем, ведут себя аналогичным образом, мы знаем, что данное мнение является широко распространенным и общепринятым и, таким образом, представляет собой элемент культуры (Triandis et al., 1990). Если множество таких элементов объединено некоторой темой, такой как значимость личности (индивидуализм) или коллектива (коллективизм), мы можем определить культурный синдром.

Теория также утверждает, что сложность связана с изобилием и размером поселений; жесткая регламентация связана с культурной однородностью и зависимостью друг от друга в процессе деятельности. Неопределенность встречается в обществах, существующих на пересечении множества культур (таким образом, в них присутствуют две или более системы норм, и индивидам приходится проявлять терпимость к отклонениям от одной из них), или при чрезвычайно низкой плотности населения, когда поведение людей, живущих за много миль, оказывает не слишком сильное влияние на происходящее внутри группы.

Распространенность ИК

Индивидуализм обнаруживается в богатых обществах (Hofstede, 1980), в особенности, если они имеют несколько нормативных систем (что бывает при пересечении множества культур или в некоторых урбанизированных, связанных с разными культурами, космополитических обществах), так что индивиду приходится решать, в соответствии с какой системой норм он должен действовать. Уровень его высок также среди высших классов и профессионалов в любом обществе (Freeman,

submitted; Kohn, 1969; Marshall, 1997), среди тех, кто мигрировал (Gerganov, Dilova, Petkova & Paspalanova, 1996) или был социально мобилен, среди тех, кто подвергался действию средств массовой информации США (McBride, 1998). Контент-анализ содержания мыльных опер, который проводился в США, показывает, что основные темы в них носят индивидуалистический характер, а коллективистские темы, такие как выполнение долга, почти не привлекают к себе внимания. В необразованных обществах индивидуализм относительно высок среди охотников и собирателей, для которых конформизм не имеет особого смысла, в то же время уровень коллективизма достаточно высок в сельскохозяйственном обществе, в котором сотрудничество является важным моментом для его функционирования. Например, никто в одиночку не построит ирригационную систему; сбор урожая также требует координированных действий.

Маршалл (Marshall, 1997) обнаружил, что социальные классы в большей степени различаются между собой по отношению к уровню индивидуализма, чем культуры Индонезии и Новой Зеландии в целом.

Коллективизм обнаруживается в группах национальных меньшинств в США (Gaines et al., 1987), в обществах, обладающих относительной однородностью (таким образом, внутригрупповые нормы могут быть общепринятыми), в которых плотность населения и зависимость друг от друга в процессе работы высоки (поскольку это требует выработки большого количества норм поведения и строгого их соблюдения), в сельскохозяйственных обществах среди старших членов общества (Noricks et al., 1987), среди членов больших семей (поскольку невозможно, чтобы каждый член семьи занимался только своим делом), в группах с высоким уровнем религиозности (Triandis & Singelis, 1998).

Некоторые критики доказывали, что индивидуализм — лишь другое название для «современности». Такая точка зрения некорректна. Сущность индивидуализма состоит в определении Я как независимого от группы, главенство индивидуальных целей, первоочередное внимание к установкам, а не к нормам, и расчет прибылей и убытков как детерминант социального поведения. Сущность современности (Sack, 1973) — это активизм, неприятие синдрома белых воротничков, универсализм, распад родственных связей, доверие к личности и ее автономия, отказ от прошлого, предпочтение городского образа жизни и современный взгляд на семью. Несмотря на то что составляющие частично совпадают, есть куда больше различий, чем сходства между данными конструктами. Более того, современность предполагает использование компьютеров, факсов, торговых центров и тому подобное. Есть общества современные (Саудовская Аравия) и при этом коллективистские; есть общества индивидуалистические (большинство обществ, занимающихся охотой и собирательством) и при этом традиционные.

Критерии оценки конструктов

Оценка конструктов ИК всегда была чрезвычайно сложна и не удовлетворяет до сих пор. Как утверждают Эрли и Гибсон (Early & Gibson, 1998, pp. 296–297), данные конструкты весьма многообразны, глубоки, трудно определимы и сложны. Триандис, Чан, Бравук, Ивао и Синха (Triandis, Chan, Brawuk, Iwao & Sinha, 1995)

обсуждают проблемы диапазона и точности критериев оценки данных конструктов. Если мы оцениваем конструкт широко, мы получаем невысокую точность (надежность). Если мы оцениваем его в узком смысле, мы добиваемся точности, но для узкого конструкта, такого как патриотизм, семейственность или верность товарища по работе. Существует множество интересных с теоретической точки зрения видов взаимоотношений, которые можно исследовать наилучшим образом с точки зрения широких конструктов. С другой стороны, существуют феномены, изучить которые наилучшим образом можно при помощи узких конструктов. Не следует сомневаться, выбирая критерии оценки в соответствии с потребностями определенной исследовательской проблемы.

При оценке стремления к индивидуализму или коллективизму использовались разнообразные методы (Hui, 1988; Matsumoto, Weissman, Preston, Brown & Kupperbusch, 1997; Allik & Vadi, 1997; Rhee, Uleman & Lee, 1992; Singelis, 1994; Singelis, Triandis, Chen & Chan, 1998; Triandis & Gelfand, 1998; Wagner, 1995; Wagner & Moch, 1986; Yamaguchi, 1994). Изучение этих методов показало (приложение к Triandis, 1995), что было использовано 20 методов, и при наличии определенных связей между данными методами они часто занимались определением особых факторов при проведении факторного анализа (например, Triandis & Gelfand, 1998; Wagner, 1995).

В целом, нам следует опробовать многие методы и расширить их посредством *emic*-данных из исследуемых нами культур. Затем следует провести анализ отдельных вопросов, чтобы отбросить те из них, которые не имеют решающего значения для конвергентной и конструктной валидности при опредении наилучших методов для конкретной выборки. Факторный анализ также полезен и дает возможность обнаружить как *emic*-, так и *etic*-факторы. Мы можем сравнивать культуры только с точки зрения *etic*-факторов, но можем описать их, используя как *emic*-, так и *etic*-факторы.

Анализируя данные, мы должны помнить, что результаты, полученные на культурном (экологическом) и индивидуальном уровне анализа, как уже говорилось выше, могут значительно отличаться друг от друга. Кроме того, существуют различные подходы к изучению взаимоотношений культуры и психологии.

Подход культурной психологии уделяет первоочередное внимание глубокому изучению феноменов одной культуры, при котором используются *emic*-элементы, а наиболее полезными оказываются этнографические, качественные методы. Подход кросс-культурной психологии предполагает использование как *emic*-, так и *etic*-составляющих и количественные методы. Различие состоит в описании и осмыслении с одной стороны и объяснении и прогнозировании с другой стороны.

Кросс-культурная психология более «индивидуалистическая» по сравнению с культурной психологией, более «коллективистской». Методы кросс-культурной психологии в меньшей степени связаны с контекстом (например, опросники, которые почти не опираются на контекст, лабораторные эксперименты), чем методы культурной психологии. Специалисты по культурной психологии используют этнографические подходы, данные собирают в «реальных жизненных ситуациях» и исследуют контекст множества переменных и взаимодействие между ними. Исследования, проводимые культурной психологией, носят синтетиче-

ский, холистический, не детерминистский характер, в то время как исследованиям кросс-культурной психологии свойственно быть аналитическими и детерминистскими.

Специалисты по возрастной психологии считают культурную психологию весьма полезной, поскольку они работают с детьми и их психологическим развитием с течением времени в рамках одной культуры. Они интересуются тем, как усваивается культура. Специалисты по социальной психологии и психологии организации производства, со своей стороны, работают с людьми, которые уже принадлежат какой-либо культуре. Они наблюдают за их взаимодействием. Они описывают и объясняют характер этого взаимодействия, используя наблюдения, эксперименты, контент-анализ, ответы на анкеты и личностные опросники. Они видят культуру в первую очередь «вне человека», а не «внутри человека», в то время как специалисты по культурной психологии видят культуру внутри человека, а культура и психология взаимно составляют друг друга (Fiske et al., 1998).

Мы уже видели, что во всех культурах есть идиоцентрики и аллоцентрики, но аллоцентриков больше в культурах коллективистского характера. Одно из предположений состоит в том, что подход культурной психологии ближе взглядам исследователей, представляющих коллективистские культуры, или точке зрения аллоцентриков из индивидуалистических культур. Таким образом, даже в отношении отличающихся друг от друга типов психологов мы обнаруживаем актуальность конструктов, обсуждаемых в данной главе.

Методы кросс-культурной психологии не могут использоваться, если испытуемые, участвующие в исследовании, не знакомы с психологическими методами. Что же касается этнографических методов, для них не существует такого ограничения. Поэтому в ситуации, при которой существуют значительные различия между культурой исследователя и культурой испытуемых, участвующих в исследовании (то есть ситуация, предполагающая значительную культурную дистанцию), могут использоваться лишь методы культурной психологии.

Культурная дистанция

Теории, получающие убедительное подтверждение на Западе, подтверждаются в меньшей и меньшей степени по мере увеличения дистанции между исследуемыми культурами и культурами западного типа. По мере увеличения количества отличий в языках (например, индоевропейские в сравнении с фонетическими), социальных структурах (например, моногамия по сравнению с полигамией), политике, религии, философских взглядах, экономических условиях и нравственных предпочтениях, подтверждение теорий становится все менее основательным. Культурные синдромы являются промежуточными переменными, которые могут помочь объяснить, почему данные теории не подтверждаются в рамках иных культур.

Аналогичным образом, методы, которые могут использоваться для проверки гипотез, зависят от дистанции между культурой исследователя и изучаемой культурой. Если эта дистанция значительна, методы кросс-культурной психологии вряд ли будут понятны участникам исследования. В таком случае возможно использование только этнографических методов.

Оба подхода важны. Если необходимо описание и осмысление, неоценимы методы культурной психологии; если требуется прогнозирование и объяснение, можно испробовать методы кросс-культурной психологии. Но последние не могут применяться, когда имеет место значительная культурная дистанция между культурой исследователя и исследуемой культурой. В идеале мы должны использовать оба вида методов и выявлять взаимосвязь полученных данных.

Отношение конструктов индивидуализма/ коллективизма к психологическим теориям

Как уже упоминалось выше, большая часть психологических теорий сформировалась с учетом западных реалий и содержит предубеждения индивидуалистического характера. Это значит, что данные теории, возможно, неприменимы к коллективистским культурам. Мы можем использовать культурные синдромы (Triandis, 1996), в том числе коллективизма, индивидуализма, регламентации, неопределенности, вертикальных и горизонтальных взаимоотношений, как «мосты» между Западом и остальным миром. Теории, хорошо зарекомендовавшей себя в США, стране с индивидуалистической свободной культурой, может потребоваться значительная трансформация в условиях вертикальной коллективистской регламентированной культуры.

Перспективные направления исследований

Мы надеемся, что со временем в каждой сфере психологии будет культурный аспект. Это необходимо, если она не желает быть ограниченной и намерена стать универсальной. В то же время, хотя некоторые широкие феномены требуют исследования методами культурной психологии, феномены очень узкого характера вполне доступны исследованию в лабораторных условиях для установления их причинной обусловленности однозначным образом. Таким образом, первую четверть XXI века можно определить как эпоху проверки достоверности различных аспектов психологии в отношении тех частей земного шара, где они до сих пор не исследовались. Это особенно насущный вопрос для социальной психологии, хотя в определенной степени он актуален для всех отраслей психологии.

Значительная часть эмпирических данных, представленных в этой главе, получена в процессе исследования, проведенного в рамках двух или трех культур, с использованием конкретного комплекса методов в определенный момент времени. Потребуется много времени и усилий, чтобы повторить и проверить применимость такого рода исследования к различным ситуациям, культурам и эпохам, как и возможность осуществить такое исследование иными методами. Особенно важно собрать данные по Африке, поскольку мы полагаем, что большинство африканских культур является коллективистскими, хотя и не уверены, что результаты, полученные в Восточной Азии, обязательно повторятся на данных по Африке.

Теоретическое предположение, что уровень коллективизма наиболее высок в простых жестко регламентированных культурах, а уровень индивидуализма максимален в сложных свободных культурах, нуждается в проверке. Мишель Гель-

фанд сформировала группу, которая занимается оценкой регламентации и неопределенности в нескольких культурах, используя для этого разнообразные методы. Как только эта работа будет завершена, можно будет проверить данную теорию. У нас уже есть несколько методов для оценки уровня индивидуализма и коллективизма. Мы можем использовать доход как критерий уровня сложности. Таким образом, если в нашем распоряжении будут критерии оценки регламентации/неопределенности, мы будем готовы к проверке данной теории.

Следует вести дальнейшую работу по интеграции методов культурной, этнокультурной и кросс-культурной психологии. Кросс-культурные методы могут использоваться лишь тогда, когда участники исследования знакомы с психологическими методами. Это ограничивает круг выборок, которые можно изучать этими методами. Тем не менее методы кросс-культурной психологии дают надежные и валидные критерии оценки и позволяют устранить влияние предубеждений исследователя. Культурная и этнокультурная психологии не располагают методами, которые позволили бы исключить недостоверные данные или влияние предубеждений исследователя. Если определенные методы культурной и этнокультурной психологии поддаются «выверке» на выборках, к которым применимы также методы кросс-культурной психологии, и в результате мы получаем совпадение собранных данных, то такие методы культурной психологии позволяют рассчитывать на более высокую степень достоверности, и могут использоваться применительно к экзотическим выборкам. Таким образом, методы культурной психологии могут использоваться более широко, однако при сближении с методами кросс-культурной психологии, они могут завоевать то положение, которого заслуживают, так что специалисты по традиционной психологии не смогут проигнорировать их результаты и будут включать данные культурной психологии в теории психологии традиционного направления.

Предположение

Высказывания, сделанные в предыдущем разделе, — это отчасти предположения, отчасти отражение потребности в универсальной психологии. Проблема состоит в том, чтобы убедить психологов взяться за работу, необходимую для формирования универсальной психологии. Если методы культурной психологии будут использоваться более широко и в связи с методами кросс-культурной психологии, как предлагалось в предыдущем разделе, я полагаю, что психологи традиционного направления будут уделять значительное внимание данным культурной психологии, и психология пойдет по пути формирования универсальной психологии.

Тем не менее я испытываю определенную тревогу. Люди повсеместно ленивы. Это очевидное следствие закона универсальности Ципфа (Zipf, 1949). Ципф установил, что во всех языках, которые он исследовал (а он изучил достаточно обширный круг языков), наиболее часты в употреблении более короткие слова, а если слово становится более употребительным, оно укорачивается (например, телевидение превращается в телик). Универсальность этого открытия предполагает, что принцип наименьших усилий универсален для всех культур. Для психологов минимум усилий означает завершить исследование и заявить: «То, что я обнаружил,

является вечной истиной и обладает универсальной применимостью». Таким образом, принцип наименьших усилий приводит психологов к игнорированию культуры, поскольку она является дополнительным осложнением, делающим их работу более трудоемкой и требующей большего количества времени. Формирование же универсальной психологии, о которой говорилось выше, требует отказа от принципа наименьших усилий и того, что из него вытекает. Таким образом, основной вопрос в данной области может звучать следующим образом: может ли культурная психология развиваться, если ее развитие идет вразрез с человеческой природой?

Литература

Al-Zahrani, S. S. A. & Kaplowitz, S. A. (1993). Attributional biases in individualistic and collectivist cultures: A comparison of Americans and Saudis. *Social Psychology Quarterly, 56*, 223–233.

Bhawuk, D. P. S. (1998). The role of culture theory in cross-cultural training. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29*, 630–655.

Bond, M. H. (1988). Finding universal dimensions of individual variation in multicultural studies of values: The Rokeach and Chinese Value Surveys. Journal of Personality and Social Psychology, 55, 1009–1015.

Bond, M. H. & Smith, P. B. (1996). Cross-cultural social and organizational psychology. *Annual Review of Psychology, 47*, 205–235.

Bond, M. H., Wan, K. C., Leung, K. & Giacalone, R. A. (1985). How are responses to a verbal insult related to cultural collectivism and power distance? *Journal of Cross-Cultural Psychology, 16*, 111–127.

Bond, R., and Smith, P. B. (1996). Culture and conformity: A meta-analysis of studies using Asch's (1952b, 1956) line judgment task. *Psychological Bulletin, 119*, 111–137.

Chen, C. C. (1995). New trends in reward allocation preferences: A Sino-U.S. comparison. *Academy of Management Journal*, 38, 408–428.

Chen, C. C., Chen, X-R & Meindl, J. R. (1998). How can cooperation be fostered? The cultural effects of individualism-collectivism. *Academy of Management Review, 23*, 285–304.

Chen, C. C., Meindl, J. R. & Hui, C. H. (1998). Deciding on equity or parity: A test of situational, cultural, and individual factors. *Journal of Organizational Behavior, 19*, 115–129.

Diaz-Guerrero, R. (1979). The development of coping style. *Human Development, 22, 320–331.*

Durkheim, E. (1984). The division of labor in society (W. D. Halls, Trans.). London: Macmillan. (Original work published 1893).

Earley, P. C. (1989). Social loafing and collectivism: A comparison of the U.S. and the People's Republic of China. *Administration Science Quarterly, 34*, 565–581.

Earley, P. C. (1993). East meets West meets Middle East: Further explorations of collectivist and individualist work groups. *Academy of Management Journal, 36*, 319–348.

Earley, P. C. & Gibson, C. B. (1998). Taking stock in our progress on individualism and collectivism: 100 years of solidarity and community. *Journal of Management, 24*, 265–304.

Erez, M. (1997). A culture based model of work motivation. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial and organizational psychology* (pp. 193–242). San Francisco: Lexington Press.

Fiske, A. P., Kitayama, S., Markus, H. & Nisbett, R. E. (1998). The cultural matrix of social psychology. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th ed., Vol. 2, pp. 915–981). Boston: McGraw-Hill.

Freeman, M. A. (submitted). *Demographic correlates of individualism and collectivism: A study of social values in Sri Lanka.* Manuscript submitted for publication.

Gaines, S. O., Jr., Marelich, W. D., Bledsoe, K. L., Steers, W. N., Henderson, M. C., Granrose, C. S., Barajas, L., Hicks, D., Lyde, M., Rios, D. L, Garcia, B. F., Farris, K. R. & Page, M. S. (1997). Links between raceethnicity and cultural values as mediated by racial/ethnic identity and moderated by gender. *Journal of Personality and Social Psychology, 72*, 1460–1476.

Gerganov, E. N, Dilova, M. L., Petkova, K. G. & Paspalanova, E. P. (1996). Culture-specific approach to the study of individualism/collectivism. *European Journal of Social Psychology, 26*, 277–297.

Hetts, J. J., Sakuma, M. & Pelham, B. W. (1999). Two roads to positive regard: Implicit and explicit self-evaluation and culture. *Journal of Experimental Social Psychology, 35*, 512–559.

Hofstede, G. (1980). Culture's consequences. Beverly Hills, CA: Sage.

Holtgraves, T. (1997). Styles of language use: Individual and cultural variability in conversational indirectness. *Journal of Personality and Social Psychology, 73*, 624–637.

House, R. J., Wright, N. S. & Aditya, R. N. (1997). Cross-cultural research on organizational leadership: A critical analysis and a proposed theory. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial and organizational psychology* (pp. 535–625). San Francisco, CA: Lexington Press.

Hu, H. C. (1944). The Chinese concepts of face. *American Anthropologist, 46*, 45–64.

Hui, C. H. (1988). Measurement of individualism-collectivism. Journal of Research on Personality, 22, 17–36.

Hui, C. H. & Triandis, H. C. (1986). Individualism-collectivism: A study of cross-cultural researchers. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 20*, 296–309.

Hui, C. H., Triandis, H. C. & Yee, C. (1991). Cultural differences in reward allocation: Is collectivism the explanation? *British Journal of Social Psychology, 30*, 145–157.

Iyengar, S. S. & Lepper, M. R. (1999). Rethinking the value of choice: A cultural perspective on intrinsic motivation. *Journal of Personality and Social Psychology, 76*, 349–366.

Kashima, E. S. & Kashima, Y. (1998). Culture and language: The case of cultural dimensions and personal pronoun use. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29*, 461–486.

Kitayama, S., Markus, H. R., Matsumoto, H., and Norasakkunkit, V. (1997). Individual and collective processes in the construction of the self: Self-enhancement in the United States and self-criticism in Japan. *Journal of Personality and Social Psychology, 72*, 1245–1267.

Kohn, M. K. (1969). Qass and conformity. Home-wood, IL: Dorsey Press.

Leung, K. (1997). Negotiation and reward allocations across cultures. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial and organizational psychology* (pp. 640–675). San Francisco, CA: Lexington Press.

Leung, K. & Bond, M. H. (1989). On the empirical identification of dimensions for cross-cultural comparison. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 20*, 133–151.

Lin, Z. (1997). Ambiguity with a purpose. The shadow of power in communication. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial and organizational psychology* (pp. 363–376). San Francisco: Lexington Press.

Marshall, R. (1997). Variances in levels of individualism across two cultures and three social classes. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28*, 490–495.

Matsumoto, D., Weissman, M. D., Preston, K., Brown, B. P. & Kupperbusch, C. (1997). Context-dependent measurement of individualism and collectivism on the individual level. The individualism-collectivism interpersonal assessment inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28*, 743–767.

McBride, A. (1998). Television, individualism, and social capital. Political Science and Politics, 31, 542–555.

Miller, J. G. (1984). Culture and the development of everyday social explanation. *Journal of Personality and Social Psychology, 46,* 961–978.

Miller, J. G. (1994). Cultural diversity in the morality of caring: Individually-oriented versus duty-oriented interpersonal codes. *Cross-Cultural Research, 28,* 3–39.

Mills, J. & Clark, M. S. (1982). Exchange and communal relationships. In L. Wheeler (Ed.), *Review of personality and social psychology* (Vol. 3, pp. 121–144). Beverly Hills, CA: Sage.

Morris, M. W. & Peng, K. (1994). Culture and cause: American and Chinese attributions for social and physical events. *Journal of Personality and Social Psychology, 67,* 949–971.

Moskowitz, D. S., Suh, E. J. & Desaulniers, J. (1994). Situational influences on gender differences in agency and communion. *Journal of Personality and Social Psychology, 66,* 753–761.

Na, E. & Loftus, E. F. (1998). Attitudes toward law and prisoners, conservative authoritarianism, attribution, and internal-external control: Korean and American law students and undergraduates. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 595–615.

Newman, L. S. (1993). How individuals interpret behavior: Idiocentrism and spontaneous trait inference. *Social Cognition, 11,* 243–269.

Noricks, J. S., Agler, L. H., Bartholomew, M., Howard-Smith, S., Martin, D., Pyles, S. & Shapiro, W. (1987). Age, abstract things and the American concept of person. American Anthropologist, 89, 667–675.

Pearson, V. M. S. & Stephan, W. G. (1998). Preferences for styles of negotiation: A comparison of Brazil and the U.S. International *Journal of Intercultural Relations, 22,* 67–83.

Realo, A., Allik, J. & Vadi, M. (1997). The hierarchical structure of collectivism. Journal of Research on Personality, 31, 93–116.

Rhee, E., Uleman, J. S. & Lee, H. K. (1996). Variations in collectivism and individualism by in group and culture: Confirmatory factor analyses. *Journal of Personality and Social Psychology, 71,* 1037–1054.

Sack, R. (1973). The impact of education in individual modernity in Tunisia. International Journal of Comparative Sociology, 14, 245–272.

Schwartz, S. H. (1990). Individualism-collectivism. Critique and proposed refinements. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 21,* 139–157.

Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25, pp. 1–66). New York: Academic Press.

Schwartz, S. H. (1994). Beyond individualism and collectivism: New cultural dimensions of values. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.-C. Choi & G. Yoon (Eds.), Individualism and collectivism: *Theory, method, and applications* (pp. 85–122). Newbury Park, CA: Sage.

Semin, G. R. & Rubini, M. (1990). Unfolding the concept of person in verbal abuse. European *Journal of Social Psychology, 20,* 463–474.

Singelis, T. M. & Sharkey, W. F. (1995). Culture, self-construal, and embarrassability. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 622–644.

Singelis, T. M., Triandis, H. C., Bhawuk, D. S. & Gelfand, M. (1995). Horizontal and vertical dimensions of individualism and collectivism: A theoretical and measurement refinement. *Cross-Cultural Research, 29,* 240–275.

Singelis, T. M. (1994). The measurement of independent and interdependent self-construals. *Personality and Social Psychology Bulletin, 20,* 580–591.

Sinha, J. B. P. (1980). The nurturant task leader. New Delhi: Concept.

Sinha, J. B. P. (1996). The cultural context of leadership and power. New Delhi: Sage.

Skoyles, J. R. (1998). Motor perception and anatomical realism in classical *Greek art. Medical Hypotheses, 51*, 69–70.

Smith, P. B. & Bond, M. H. (1999). Social psychology across cultures. Boston: Allyn & Bacon.

Sugimoto, N. (1998). Norms of apology in U.S. American and Japanese literature on manners and etiquette. *International Journal of Intercultural Relations, 22*, 251–276.

Toernblom, K. Y., Jonsson, D. & Foa, U. G. (1985). National resource class, and preferences among three allocation rules: Sweden versus USA. *International Journal of Intercultural Relations, 9*, 51–77.

Trafimow, D., Triandis, H. C. & Goto, S. (1991). Some tests of the distinction between the private and collective self. Journal of Personality and Social Psychology, 60, 649–655.

Triandis, H. C. (1972). *The analysis of subjective culture. New York: Wiley.*

Triandis, H. C. (1988). Collectivism versus individualism: A reconceptualization of a basic concept in cross-cultural social psychology. In G. K. Verma & C. Bagley (Eds.), *Cross-cultural studies of personality, attitudes and cognition* (pp. 60–95). London: Macmillan.

Triandis, H. C. (1989). The self and social behavior in differing cultural contexts. *Psychological Review, 96*, 506–520.

Triandis, H. C. (1990). Cross-cultural studies of individualism and collectivism, In J. Berman (Ed.), *Nebraska Symposium on Motivation, 1989* (pp. 41–133), Lincoln: University of Nebraska Press.

Triandis, H. C. (1993). Collectivism and individualism as cultural syndromes. Cross-Cultural Research, 27, 155–180.

Triandis, H. C. (1994). Culture and social behavior. New York: McGraw-Hill.

Triandis, H. C. (1995). Individualism and collectivism. Boulder, CO: Westview Press.

Triandis, H. C. (1996). The psychological measurement cultural syndromes. *American Psychologist, 51*, 407–415.

Triandis, H. C., Bontempo, R., Betancourt, H., Bond, M., Leung, K., Brenes, A., Georgas, J., Hui, C. H., Marin, G., Setiadi, B., Sinha, J. B. P., Verma, J., Spangenberg, J., Touzard, H. & de Montmollin, G. (1986). The measurement of etic aspects of individualism and collectivism across cultures. *Australian Journal of Psychology, 38*, 257–267.

Triandis, H. C., Bontempo, R., Leung, K. & Hui, H. C. (1990). A method for determining cultural, demographic, and personal constructs. Journal of Cross-Cultural Psychology, 21, 302–318.

Triandis, H. C., Bontempo, R., Villareal, M. J., Asai, M. & Lucca, N. (1988). Individualism and collectivism: Cross-cultural perspectives on self-ingroup relationships. *Journal of Personality and Social Psychology, 54*, 323–338.

Triandis, H. C., Brislin, R. & Hui, C. H. (1988). Cross-cultural training across the individualism-collectivism divide. *International Journal of Intercultural Relations, 12*, 269–289.

Triandis, H. C., Chan, D. K.-S., Bhawuk, D., Iwao, S. & Sinha, J. B. P. (1995). Multimethod probes of allocentrism and idiocentrism. *International Journal of Psychology, 30*, 461–480.

Triandis, H. C., Chen, X. P. & Chan, D. K.-S.(1998). Scenarios for the measurement of collectivism and individualism. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29*, 275–289.

Triandis, H. C. & Gelfand, M. (1998). Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology, 74*, 118–128.

Triandis, H. C., Leung, K., Villareal, M. & Clack, F. L. (1985). Allocentric versus idiocentric tendencies: Convergent and discriminant validation. *Journal of Research in Personality, 19*, 395–415.

Triandis, H. C., Marin, G., Lisansky, J. & Betancourt, H. (1984). Simpatia as a cultural script of Hispanics. *Journal of Personality and Social Psychology, 47*, 1363–1374.

Triandis, H. C. & Singelis, T. M. (1998). Training to recognize individual differences in collectivism and individualism within culture. *International Journal of Intercultural Relations, 22*, 35–48.

Triandis, H. C. & Vassiliou, V. A. (1972). Interpersonal influence and employee selection in two cultures. *Journal of Applied Psychology, 56*, 140–145.

Trubinsky, P., Ting-Toomey, S. & Lin, S. (1991). The influence of individualism-collectivism and self-monitoring on conflict styles. *International Journal of Intercultural Relations, 15*, 65–84.

Verma, J. (1992). Allocentrism and relational orientation. In S. Iwawaki, Y. Kashima & K. Leung (Eds.), *Innovations in cross-cultural psychology* (pp. 152–163). Amsterdam/Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Verma, J. & Triandis, H. C. (1999). The measurement of collectivism in India. In W. J. Lonner, D. L. Dinnel, D. K. Forgays & S. A. Hayes (Eds.), *Merging past, present, and future in cross-cultural psychology.* Selected papers from the Fourteenth International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology. Lisse, The Netherlands: Swets and Zeitlinger.

Verma, J. & Triandis, H. C. (1998, August). *The measurement of collectivism in India.* Paper presented at the meetings of the International Association of Cross-Cultural Psychology, Bellingham, WA.

Wagner, J. A., III. (1995). Studies of individualism collectivism: Effects on cooperation in groups. *Academy of Management Journal, 38*, 152–170.

Wagner, J. A., III & Moch, M. K. (1986). Individualism-collectivism: Concept and measurement. *Group and Organizational Studies, 11*, 280–304.

Wang, Z.-M. (1994). Culture, economic reform, and role of industrial and organizational psychology in China. In H. C. Triandis, M. Dunnette, and L. Hough (Eds.), Handbook of industrial and organizational psychology (2nd ed., pp. 689–726). Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

Weisz, J. R., Rothbaum, F. M. & Blackburn, T. C. (1984). Standing out and standing in: The psychology of control in America and Japan. American Psychologist, 39, 955–969.

Weldon, E. (1984). Deindividuation, interpersonal affect, and productivity in laboratory task groups. *Journal of Applied Social Psychology, 14*, 469–485.

Yamaguchi, S. (1994). Empirical evidence on collectivism among the Japanese. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.-C. Choi & G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 175–188). Newbury Park, CA: Sage.

Yamaguchi, S., Kuhlman, D. M. & Sugimori, S. (1995). Personality correlates of allocentric tendencies in individualist and collectivist cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26*, 658–672.

Yu, A.-B. & Yang, K.-S. (1994). The nature of achievement motivation in collectivist societies. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.-C. Choi & G. Yoon (Eds.), Individualism and collectivism: Theory, method, and applications (pp. 239–250). Newbury Park, CA: Sage.

Zipf, G. K. (1949). Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, MA: Addison-Wesley.

Zwier, S. (1997). Patterns of language use in individualistic and collectivist cultures. Unpublished doctoral dissertation, Free University of Amsterdam, The Netherlands.

ГЛАВА 4

Культура, наука и этнокультурная психология: Комплексный анализ

Уикол Ким

В то время как специалисты по кросс-культурной психологии подходили к пониманию человеческого поведения, рассматривая культуру как фактор, «воздействующий» на поведение, такой путь интерпретации мира и формирования знания может оказаться ограниченным культурой. Как указывают многие авторы этой книги, существуют различные подходы к пониманию взаимосвязи между культурой и психологией, и кросс-культурный подход — лишь один из них, поэтому если мы стремились всесторонне понимать взаимосвязь культуры и поведения, то необходимо отдать должное и другим подходам, используя их в работе.

В этой главе Ким дает превосходное описание и убедительную аргументацию в пользу подхода, связанного с понятием этнокультурной психологии. Он отмечает, что экспериментальные подходы к психологии, укоренившиеся в традиции естественных наук, возможно, связаны с европейской и американской системой убеждений, которая сформировалась на определенном историческом этапе. Как таковые они укоренились в определенных, получивших мировое распространение подходах, в рамках определенных культур и гносеологических взглядов, оказывающих влияние на наше понимание поведения. Как указывает автор, возможно, поэтому исследователи уделяют слишком большое внимание получению «правильных ответов», игнорируя при этом процесс их получения.

Ким, напротив, выступает за интеграцию подхода, который определяется термином этнокультурная психология. В рамках этой системы взглядов культура, язык, философия и наука являются продуктами коллективных человеческих усилий и взаимоотношения между индивидом и группой должны рассматриваться как динамическая интерактивная система взаимного влияния. Подход этнокультурной психологии уделяет первоочередное внимание исследованию и использованию трех ключевых аспектов: контексту, эпистемологии и феноменологии. То есть она сосредоточивается на сущности экологии, в рамках которой живут люди, и на том, как происходит процесс их культурной адаптации к данным экологическим условиям; в центре ее внимания пересечение религии, культуры и науки и то, как они формируют различные гносеологические системы в различных условиях, определяемых культурным окружением и обстановкой.

Ким полагает, что современное психологическое знание, истоки которого лежат в европейском и американском образе жизни и мышления, возможно, на деле представляет психологию самих психологов, а не психологию непрофессионалов. Регионально-психологический подход представляет собой фундаментальный сдвиг в научной парадигме, от позитивистской концепции причинной обусловленности к динамической транзакционной модели функционирования человека. Он выступает за то, чтобы прекратить навязывание извне академического разложения мира на произвольные совокупности абстрактных сущностей (например, когниции, эмоции и мотивации), и взамен этого предлагает познание феномена как внутренней составной части культуры. Ким пылко говорит о том, что в то время как наука сама является продуктом коллективных человеческих усилий, мы не должны становиться жертвами или рабами научных мифов, кругозор которых ограничен рамками одной культуры.

Практически все авторы этой книги признают важность альтернативной системы взглядов, которую предлагают этнокультурные психологи данного направления. Они считают жизненно важными не только признание, но более глубокое сближение и интеграцию этих подходов с традиционными исследованиями и теоретическими разработками, считая, что такое сближение поможет более полному пониманию взаимосвязи культуры и поведения. Таким образом, цель этой главы — представить более основательные сведения о фундаментальных основах данного подхода.

Вильгельм Вундт считается отцом современной психологии (Boring, 1921/1950). В период становления психологии как самостоятельной научной дисциплины, он выделил в ней тенденции двух научных традиций: *Naturwissenschaften* (традиция естественных наук) и *Geistewissenschaften* (традиция наук, связанных с культурой; van Hoorn & Vehave, 1980). Несмотря на то что он сыграл важную роль в становлении экспериментального метода в психологии, он признавал ограниченность экспериментального метода и подчеркивал важность *Volkerpsychology* (переведено как культурная психология; Danzier, 1979). Он заметил, что мышление в значительной мере обусловлено языком и обычаями, и считал, что *Volkerpsychology* является «более важным направлением психологической науки, которому предназначено затмить собой экспериментальную психологию» (Danzier, 1983, p. 307). Позднее он посвятил себя исследованию социокультурных воздействий на психологические процессы, написав 10 томов по *Volkerpsychology* (1910–1920) (Wundt, 1916).

Когда психология получила признание в Северной Америке, психологи стали руководствоваться нисходящим принципом в поисках абстрактных, универсальных законов человеческого поведения, подражая естественным наукам. Доминирующей парадигмой стал бихевиоризм, определявший парадигматическое направление, метод и сущность. Предмет психологии подгонялся под выкройку, которая соответствовала узкому определению науки, поддерживаемому позитивизмом и операционализмом (Koch & Leary, 1985). По мере укрепления бихевиоризма как господствующей парадигмы, традиция влияния наук, связанных с культурой, сошла на нет (Danzier, 1983; Kim, 1999).

В течение короткого периода времени все многообразие методов, концепций и теорий, которые существовали на ранних этапах формирования науки, было сведено к узкому поиску абстрактных законов поведения. В рамках такого подхода культура рассматривалась как внешний ситуативный фактор. Считалось, что она не слишком важна, поскольку предполагалось, что глубинный механизм — универсален (Shweder, 1991). В другом лагере использовали теорию Дарвина, чтобы оценить место и определить ранг культуры в соответствии с различными стадиями развития или эволюции (то есть от традиционной до современной, от примитивной до цивилизованной и от отсталой до передовой). В результате культуру как тему исследований до недавнего времени обходили стороной.

Ученые, представляющие культурный подход, отказываются от притязаний на универсальный характер современных психологических теорий. Они указывают на то, что многие теории являются этноцентрическими, несут на себе отпечаток предубеждений и культурной ограниченности (Azuma, 1984; Berry, 1980; Shweder, 1991). Часто исследователи неявным образом используют собственную культуру как стандарт, в соответствии с которым выносится суждение о других культурах. Они доказывают, что каждую культуру следует понять, ориентируясь на ее собственную систему отсчета, включая ее собственный экологический, исторический, философский и религиозный контексты.

В унисон критике специалистов по культурной психологии, по всему свету развивается этнокультурная психология, как реакция на неоправданные притязания на универсальность (Kim & Berry, 1993; Sinha, 1997). Хотя предполагается, что существующие психологические теории и концепции объективны, не связаны ценностной ориентацией и универсальны, на деле они глубоко переплетаются с европейско-американской системой ценностей, которая является воинствующим сторонником рационального, либерального и индивидуалистического начала (Azuma, 1984; Enriquez, 1993; Kim, 1995; Kim & Berry, 1993; Koch & Leary, 1985; Shweder, 1991). Как таковые, они могут определяться как *навязанные* или *псевдоэтические* (*pseudoetics*), но никак не подлинно универсальные.

Подход этнокультурной психологии представляет альтернативную научную парадигму, в рамках которой субъективные человеческие качества и проявляющиеся свойства культуры признаются центральными элементами (Kim, Park & Park, 1999). Эта глава в общих чертах характеризует две научные традиции — экспериментальную психологию и этнокультурную психологию. Во второй части данной главы дается анализ культуры в соответствии с подходом этнокультурной психологии. В заключительной части очерчены в общих чертах сущность и контекст культурного развития и преобразований в ходе сопоставления культуры Запада и культур Восточной Азии.

Экспериментальная психология и традиция естественных наук

В эпоху Просвещения в Западной Европе неукоснительное следование содержанию религиозных источников в попытках понять природу и человека постепенно стало вызывать сомнения. Ученые обнаружили, что физический мир можно объяс-

нить с точки зрения законов механики и для этого не требовалось прибегать к интуитивным, гуманистическим или метафизическим объяснениям. Вместо того чтобы полагаться на Бога и ждать откровений свыше, ученые пришли к выводу, что могут использовать собственные возможности наблюдать, анализировать, давать рационалистическое объяснение и экспериментировать, чтобы проверять, ставить под сомнение и подтверждать существующие идеи. Эти возможности стали мощным инструментом для понимания, объяснения и управления физическим миром. Таким образом, научная революция в Западной Европе лишила религию полномочий давать объяснения в пользу собственной способности анализировать, давать рационалистическое истолкование, наблюдать, экспериментировать и проложила путь к открытию научных законов, универсальных и поддающихся проверке.

Естественные науки (например, астрономия, химия, физика) начали развиваться первыми. Физика Ньютона дала простое и изящное механическое описание и объяснение физического мира. Химики открыли основные элементы и построили периодическую таблицу. Эти элементы послужили компоновочными блоками для понимания структуры и образования сложных объектов.

Затем стали развиваться биологические науки. Они начали проникать в физиологическую структуру живых организмов, как сделали это химики с неодушевленными объектами. Дарвиновская теория эволюции знаменовала основное достижение, разработку теоретической основы для организации и объяснения различных форм жизни. Кроме того, она ставила под сомнение представления о возникновении человека, которых придерживались ранее. Человек больше не может считаться хозяином природы, он — часть природы. Такой успех физических и биологических наук проложил дорогу для изучения мира человека.

С успехом естественных наук, проливших свет на устройство физического и биологического мира, ученые начали обращать внимание на мир людей. Как эмпирики, так и рационалисты доказывали, что, подобно физическому миру, в социальном и психологическом мире действуют объективные законы причинности. В 1748 году Жюльен Офре де Ламетри высказал предположение, что люди подобны машинам (Leahey, 1987). Этьен Бонно де Кондильяк в 1754 году утверждал, что все формы мышления — это лишь преобразование основных ощущений (Leahey, 1987). Томас Браун в 1820 году сформулировал законы ассоциации, которые объясняли, как в ходе базовых процессов ощущения объединяются, чтобы породить сложные идеи (Leahey, 1987). Огюст Конт доказывал, что все общества управляются законами, которые можно открыть, пользуясь научными методами (Allport, 1968). Джон Стюарт Милль настаивал на заимствовании и применении методов физических наук как радикального средства, которое поможет исправить отсталое состояние наук гуманитарных, и назвал новую науку **социальной физикой** (Lenzer, 1975).

Психология в начале своего формирования была гибридом философии и естественных наук. Философские споры, которые велись на Западе на протяжении нескольких тысячелетий, о том, как люди чувствуют, воспринимают, запоминают, ощущают, ведут себя и взаимодействуют между собой, превратились теперь в объект непосредственного экспериментального исследования. Первые достижения в экспериментальной психологии были связаны с процессом объяснения ментальных процессов при помощи физических терминов, их оценкой и проведением эксперимен-

тов. Наиболее заметные успехи были достигнуты в психофизике Э. Г. Вебером и Г. Фехнером, в исследовании времени реакции Ф. Дондерсом, сенсорного восприятия Г. фон Гельмгольцем и человеческой памяти Эббингаузом (Leahey, 1987). Мерц (Merz, 1904/1965) во всеуслышание заявил: «Удивительные качества высших созданий, принадлежащих к животному миру, которые выражаются в феноменах сознания или внутреннего переживания... являются принадлежностью царства естественных наук» (р. 468). Ученые были уверены, что содержимое человеческого сознания и социальный мир могут быть измерены и исследованы при помощи методов естественных наук.

Психология была импортирована в Северную Америку учениками Вундта, которые и распространили экспериментальную психологию в нескольких университетах. Тот вариант психологии, который был трансплантирован и наделен законным статусом в Северной Америке, однако, являл собой разительную противоположность той психологии, поборником которой был Вундт (Danziger, 1979). Вундт был убежден, что психологию следует рассматривать как *Geisteswissenschaften*, а не как *Naturwissenschaften* (van Hoorn & Verhave, 1980). Однако традиция наук, занимающихся культурой, в Северной Америке игнорировалась (Danziger, 1979).

Следуя примеру естественных наук, особенно физике Ньютона, экспериментальная психология надеялась открыть универсальные законы человеческого поведения, которые выходят за пределы индивидуальных, социальных, культурных, временных и исторических границ (Sampson, 1978). Элементарные факты, обнаруженные эмпирическим путем, могли бы в таком случае послужить компоновочными блоками для понимания сложного человеческого поведения. Экспериментальная психология надеялась разработать «периодическую таблицу» поведения человека и открыть законы, управляющие формированием сложного поведения.

Бихевиоризм предоставил теоретическую и методологическую базу для наделения психологии законным статусом независимой экспериментальной науки (Koch & Leary, 1985). Первым делом бихевиористы устранили субъективные аспекты психологии, поддерживаемые Вундтом, такие как сознание и самоанализ. Поскольку сознание оценивалось как субъективное, основным элементом анализа они избрали поведение. Во-вторых, исключив сознание и сосредоточившись на поведении, они перестали проводить различие между человеком и животными. Заявлением о непрерывном развитии видов бихевиористы также отнесли человеческую деятельность, феноменологию и социальный контекст к общей категории исследований поведения. В-третьих, бихевиористы выдвинули предположение о существовании базовых элементов поведения, которые могут послужить основой для понимания сложного человеческого поведения. Предположение об элементарных составляющих поведения и положение о непрерывном развитии видов послужили основанием и оправданием для проведения лабораторных экспериментов на животных. В-четвертых, объяснение поведения было низведено до уровня физиологии, а анализ на психологическом, социальном и культурном уровне исключался. И, наконец, на основании результатов упомянутых лабораторных исследований делались обобщения, которые распространялись на человеческое поведение и становились основой для объяснения сложного поведения и социальных систем (Hebb, 1974).

С точки зрения объяснения причинной обусловленности, экспериментальная психология взяла на вооружение позитивистскую модель причинной связи (рис. 4.1). В соответствии с этой моделью цель психологии — выявить объективную, абстрактную и универсальную взаимосвязь между двумя поддающимися наблюдению сущностями, между независимой переменной (наблюдаемая сущность 1) и зависимой переменной (наблюдаемая сущность 2). Моменты, которые не поддаются непосредственному наблюдению (такие, как человеческое сознание, сопутствующие силы, намерения и цели), рассматриваются как «помехи» и исключаются из плана исследования. Психологические конструкты (такие, как тревога, мотивация или эмоции) обозначаются как промежуточные переменные. Культура как переменная контекста исключается из плана исследования. Классическое обусловливание, оперантное обусловливание и обработка информации, которые принимаются во внимание, подтверждают подход, свойственный позитивистской модели причинной обусловленности (например, Shepard, 1987).

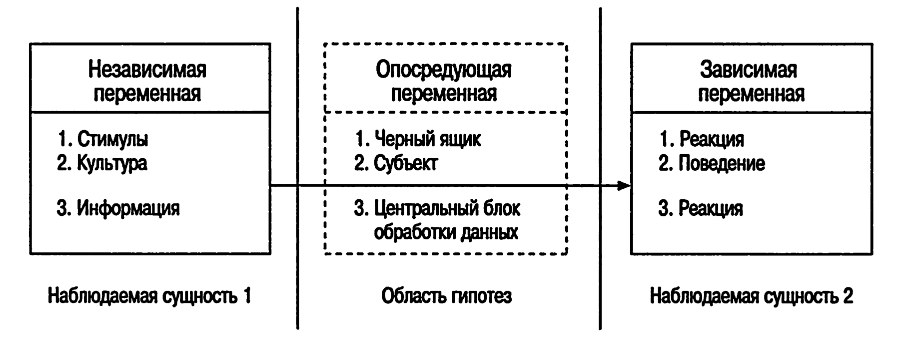

Рис. 4.1. Позитивистская модель причинной обусловленности

Кросс-культурная психология

Хотя культурные различия издавна привлекали к себе интерес философов, торговцев, миссионеров и путешественников, систематического документирования культурных особенностей не велось до середины XIX века. Психологический же анализ кросс-культурных различий представляет собой относительно недавнюю попытку (Klineberg, 1980). Первоочередной целью кросс-культурных исследований была проверка универсальности существующих психологических теорий (Berry, 1980).

Придерживаясь позитивистской ориентации, кросс-культурная психология определялась в первую очередь своей сравнительной методологией, нежели содержанием (Berry, 1980; Triandis et al., 1980). Кросс-культурные исследования проводились в различных областях психологии для проверки и подтверждения универсальности психологических теорий. Это были области, связанные с восприятием, познанием, развитием, личностью, социальной и клинической психологией (Triandis et al., 1980). В рамках этого подхода предлагалось три типа объяснения наблюдаемых культурных различий. В одном лагере культурные различия рассматрива-

лись как внешние контекстуальные факторы и считались не важными, поскольку предполагался универсальный характер лежащего в их основе механизма (Sweder, 1991). Второй лагерь использовал теорию Дарвина, чтобы оценить место и определить ранг культуры в соответствии с различными стадиями развития или эволюции (то есть от традиционной до современной, от примитивной до цивилизованной и от отсталой до передовой).

В третьем лагере исследователи заинтересовались влиянием культуры на поведение (Berry, 1980; Berry, Poortinga, Segall, Dasen, 1992; Segall, Dasen, Berry & Poortinga, 1990). В соответствии с позитивистской моделью причинной обусловленности, культура определялась как квазинезависимая переменная, а поведение — как зависимая переменная (Berry, 1980). Культура рассматривалась как квазинезависимая переменная, поскольку исследователи не могли контролировать культуру как зависимые переменные в лабораторных условиях. Для кросс-культурных сравнений исследователь обычно использовал Региональную картотеку человеческих отношений (*HRAF*)[1] или четыре культурных параметра Хофстеде (например, индивидуализм—коллективизм) и исследовал вопрос, как можно использовать культуру для объяснения различий в поведении в различных культурах.

Шведер (Shweder, 1991) отмечал, что кросс-культурная психология заняла маргинальное положение и будет продолжать занимать его, поскольку придерживается позитивистской ориентации.

Прежде всего, кросс-культурная психология не предлагает реальной альтернативы сущности сформулированного Платоном принципа общей психологии (принцип психического единства). Более того, если вы специалист по общей психологии и одновременно последователь учения Платона (и при этом с твердыми принципами), то нет никакой теоретической пользы в изучении засасывающего, как трясина, многообразия проявлений — тормозящих воздействий окружающей среды на формирование центрального обрабатывающего данные механизма, «помех», которые создает перевод или различия в понимании тестовой ситуации, или культурные отклонения в нормах, регулирующих то, что связано с содержанием задаваемых вопросов и ответов на них. Скорее, будучи специалистом по общей психологии, вы должны стремиться выйти за пределы этих проявлений и достичь воображаемых абстрактных форм и процессов, действующих за несущественными внешними отклонениями, ограничениями и искажениями, создаваемыми теми или иными разновидностями окружающей среды (pp. 85–86).

Во-вторых, выбор культур с использованием *HRAF* или четырех культурных параметров Хофстеде, с последующим использованием культуры как объясняющего конструкта является логической ошибкой. *HRAF* и четыре культурных пара-

---

[1] *HRAF* (*Human Relations Area Files*) — коллекция материалов о существующих в различных ареалах Земли обществах и культурах. Составление ее началось в 1930-е годы в Институте человеческих отношений при Иельском ун-те (США). В 1949 году в этом ун-те была основана международная организация *HRAF*, объединяющая многие учебные и научные учреждения различных стран и ставящая целью развитие исследований и систематизацию данных в области человеческого поведения и культуры. В настоящее время коллекция *HRAF* представляет собою индексированную электронную картотеку, включающую в себя две базы данных: *eHRAF* (этнографическая коллекция) и *aHRAF* (археологическая коллекция). — *Примеч. науч. ред.*

метра Хофстеде создавались с концептуальной опорой на поведенческие и психологические данные. Культура не оценивалась непосредственно. Но если для определения культуры используются психологические и поведенческие показатели, а затем культура используется для их объяснения, исследователи попадают в тавтологическую ловушку.

Поскольку культуры не могут наблюдаться и оцениваться непосредственно, в рамках позитивистского подхода психологам не избежать тавтологической ловушки. Основная проблема психологии и кросс-культурной психологии состоит в том, что предмет данной дисциплины оказался в зависимости от ложных представлений о науке. Мы должны признать, что предмет психологии отличен от предмета химии, физики и биологии, и мы должны создавать науку, которая приемлема для психологии. Сто лет психологических исследований не оправдали наших надежд, поскольку мы ограничивали наши исследования объективным анализом, проводимым третьими лицами (Cronbach, 1975; Gibson, 1985; Koch & Leary, 1985). Даже ученые, которые представляли другие дисциплины (Boulding, 1980; Burke, 1985), физики (d'Espagnet, 1979; Holten, 1988) и философы (Harre, 1999; Wallner, 1999) выступали за отказ от узкой концепции естественных наук. Пропагандируемый здесь регионально-психологический подход представляет собой сдвиг в научной парадигме (Kim, 1999).

Транзакционная модель науки

Основное различие между естественными и гуманитарными науками состоит в том, что для гуманитарных наук мы являемся одновременно и объектом и субъектом исследования. Та разновидность знаний, которую можно получить с помощью естественных наук, качественно отличается от знания, которое мы можем получить в мире человека. Согласно Джамбаттиста Вико, в физическом мире мы можем приобрести лишь объективное, беспристрастное знание, получаемое третьими лицами. В естественных науках (например, физике, ботанике, энтомологии) мы можем описать плиту, дерево или муравья; систематизировать полученную информацию; провести эксперименты; но мы не можем получить феноменологическое знание (то есть каково это — быть плитой, деревом или муравьем). В мире человека мы можем приобрести знание объективного характера, как третьи лица, знание феноменологического характера из первых рук («кто я такой») и знания, которые получают в качестве второго лица («кто ты такой»). Другими словами, в отличие от физического мира, мы можем понять и почувствовать, каково это — быть человеком, поделиться этим знанием с другими и оценить других в качестве третьих лиц. Язык, невербальные сигналы, произведения искусства (такие, как литература, живопись, кино и музыка), являются средствами, с помощью которых мы вступаем в контакт с нашей внутренней феноменологией, намерениями и целями. Несмотря на то что знание в естественных науках ограничивается рамками объективного беспристрастного знания, получаемого третьими лицами, в психологии возможно получение знания от первого, второго и третьего лица (Kim, 1999).

Второе, в мире природы мы не задаемся вопросом о мотивах, стремлениях и целях неодушевленных объектов или в отношении поведения животных. Такой

подход можно было бы оценить как противоречащий здравому смыслу или как пример антропоморфизма или анимизма (Berlin, 1976). В мире человека эти вопросы становятся центральными для понимания человеческой деятельности. Мы спрашиваем:

> почему люди поступают так, а не иначе... какие психические и умственные состояния или события (например, чувства или желания) предшествуют определенным поступкам и почему, почему люди в том или ином умственном, психическом или эмоциональном состоянии выбирают или нет определенную манеру поведения, каковы разумные, желательные или правильные действия, как и почему принимается решение о выборе определенного образа действия (Vico, в кн. Berlin, 1976, p. 22).

В случае гибели человека мы оцениваем действия преступника с точки зрения его намерений (то есть было ли действие запланировано) и с точки зрения сопутствующих факторов (то есть был ли этот человек безумен, находился ли под воздействием алкоголя и может ли он отвечать за свое поведение). Мы определяем для него наказание, которое зависит от нашей оценки его намерений. Наказание за преднамеренное убийство может быть суровым (таким, как пожизненное тюремное заключение или смертная казнь); оно может быть умеренным за непредумышленное убийство (от 5 до 10 лет лишения свободы); а если убийство совершено в порядке самозащиты, наказания может не последовать. В мире природы классификация поведения животных с использованием подобных понятий бессмысленна, но в человеческом мире они весьма существенны. Без такой информации учреждения, которые ведают охраной правосудия, нравственности и законности, просто теряют смысл.

Третье, мы можем разграничить знание эмпирическое (феноменологическое, случайного характера и процедурное знание) и аналитическое (например, семантическое и декларативное знание). Аналитическое знание представляет собой информацию, которая базируется на объективном, беспристрастном, проведенном третьими лицами анализе, часто связанном с академическим и научным осмыслением. Эмпирическое знание представляет собой субъективное знание, приобретенное «от первого лица» самим деятелем. Например, взрослый человек, чей родной язык — английский, может свободно выражать свои мысли на этом языке (процедурное знание), но может не знать синтаксиса или грамматической структуры слов, которыми он пользуется (семантическое знание). Другими словами, этот человек знает, как составить предложение, но не обладает аналитической способностью описать, как это делается. И наоборот, кореец может показать отличные результаты в тесте по английской грамматике, испытывая при этом затруднения при необходимости говорить по-английски. Это происходит потому, что описательная грамматика слов не имеет ни малейшего значения для повседневной жизни; лишь в редких случаях нам удается понять, как употребляется слово, если нам дают описание его употребления; и если даже нас обучили использовать данное слово, это не значит, что нас научили описывать это использование (Ludwig Wittgenstein, в кн. Budd, 1989, pp. 4–5).

Витгенштейн говорит: «Значение слова — это его употребление в языке», а не описание слова (в кн. Budd, 1989, pp. 4–5). В повседневной жизни человек может знать, как осуществлять определенную деятельность, однако может не обладать

аналитическими навыками для того, чтобы описать, как осуществляется данная деятельность. Как отмечает Фуглзанг (Fuglesang, 1984):

> знание фермера носит эмпирический характер... Он использует свое знание, как пользуется своей мотыгой. Он в некотором смысле не отдает себе отчета в нем. Он сам является своим знанием. Его знание — это его представление о самом себе и его уверенность в себе, как члене общества (p. 42).

Обучение аналитическому знанию, например грамматике, проводится в школе и составляет часть систематического образования, но оно отличается от практического знания. Например, мать может весьма успешно воспитывать своего ребенка, не обладая при этом аналитическими способностями, позволяющими описать, как это делается. И наоборот, специалист по возрастной психологии может проанализировать и представить информацию, связанную с успешными родительскими навыками, однако ему может недоставать процедурных навыков для применения этих знаний к воспитанию собственных детей. Задача психологов состоит в том, чтобы преобразовать полученное от первого лица эмпирическое знание в аналитическое. Это делается в различных сферах нашей жизни: в кино кинокритиками; в кулинарии дегустаторами; в спорте спортивными аналитиками и комментаторами. Общепризнанно, что хотя кинокритик не снимает кино, а спортивный комментатор, возможно, не может играть в данную игру, они обеспечивают нас аналитической информацией, которая помогает нам более глубоко оценить фильм или игру.

В противоположность реактивной модели функционирования человека транзакционная модель причинной обусловленности, в центре внимания которой находятся генеративные и проактивные аспекты, дает нам альтернативу (рис. 4.2). В этой модели, сторонником которой был Бандура (Bandura, 1997), не поддающиеся наблюдению человеческие качества (стимуляция, намерения, представления и цели) являются центральными понятиям, которые служат связующим звеном между ситуацией, с одной стороны, и поведением — с другой. Бандура исследовал генеративную способность, известную как самоэффективность, понимать, прогнозировать и управлять поведением. Он определяет самоэффективность как «веру в свои потенциальные возможности организовать и осуществить в своих действиях определенную линию поведения, которая требуется для достижения данной цели» (p. 3).

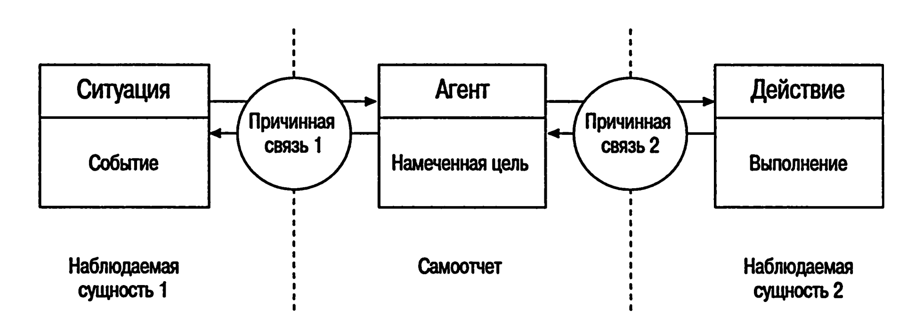

Рис. 4.2. Трансакционная модель причинной обусловленности

Первое, важно определить, как индивид воспринимает и интерпретирует конкретное событие или ситуацию (причинная связь 1). Данная информация может быть получена из самоотчета. Второй шаг предполагает оценку действий индивидов, опирающуюся на их собственное восприятие (причинная связь 2). При исследовании эффективности управления в группе аспирантов, специализировавшихся на бизнесе, Бандура систематически повышал или снижал их уровень самоэффективности, заранее задавая определенный вид обратной связи, свидетельствующий об уровне успешности их действий по сравнению с действиями остальных. Он обнаружил, что обратная связь позитивного характера повышала их самоэффективность, а негативная обратная связь снижала их возможности (причинная связь 1). Он выяснил, что испытуемые с более высоким уровнем самоэффективности чаще использовали соответствующие аналитические возможности, были в большей степени удовлетворены своими действиями и имели более высокие показатели работоспособности (причинная связь 2). Для испытуемых, которые получали в порядке обратной связи негативную информацию, было верно обратное. Таким образом, уровень работоспособности индивида можно систематически повышать или снижать, обеспечивая в ходе обратной связи информацию, повышающую или снижающую его самоэффективность. Подъем же или снижение самоэффективности можно напрямую связать с последующим подъемом или снижением работоспособности.

В другом исследовании, которое включало как планирование эксперимента на внутрисубъектном уровне, так и межсубъектный эксперимент, Бандура, Рис и Адамс (Bandura, Reese & Adams, 1982) могли систематически повышать самоэффективность испытуемых, страдавших фобиями змей. Он демонстрировал им пример того, как можно успешно справиться со змеей. На этом этапе вера испытуемых в самоэффективность оценивалась посредством самоотчета. Они обнаруживали, что пример успешного противостояния внушающему ужас объекту повышал самоэффективность испытуемых (причинная связь 1). Второй этап предполагал реальную для испытуемого необходимость иметь дело со змеей. Те индивиды, у которых уровень самоэффективности был выше, были более подготовленными к тому, чтобы справиться со змеей в ходе дальнейшего испытания (причинная связь 2).

Согласно Бандуре (Bandura, 1997), успешные действия при выполнении определенной задачи могут изменить заданное причинной обусловленностью. Успешные действия могут повысить самоэффективность, которая в свою очередь может дать индивиду мотивацию к изменению окружающей среды или поиску целей, требующих от него большего напряжения сил. Результаты противоположного характера обнаруживаются в случае неудачи, которая снижает самоэффективность, которая, в свою очередь, снижает уровень целей, которые испытуемые ставят перед собой.

Опыт успешного выполнения задачи может привести к значительным изменениям других сторон жизни человека. Например, способность справиться с фобией змей помогает справиться с робостью в общении, придает смелости, повышает способность к самовыражению и стимулирует желание преодолеть другие страхи, такие как страх перед публичными выступлениями у некоторых из испытуемых. Эти результаты нельзя объяснить генерализацией стимулов или линейной аддитивной моделью. Данные результаты можно объяснить с точки зрения трансформации

системы личностных установок человека — внезапно проявляющимся феноменом, которое не сводится лишь к причинной обусловленности.

Другой важный аспект подхода этнокультурной психологии — разделение различных уровней анализа и осмысления: физиологического, психологического и культурного. Хотя любая деятельность имеет физиологическую или неврологическую основу, сведение объяснения поведения к физиологическому уровню дает объяснение иного рода, нежели объяснение с учетом причинной обусловленности. Например, культуру можно свести к совокупности действий отдельных индивидов. Все виды деятельности можно свести исключительно к физиологии и генетике. Генетику можно свести далее к четырем базовым химическим элементам (углероду, азоту, водороду и кислороду), которые, в свою очередь, состоят из трех видов элементарных частиц (электрон, протон, нейтрон). Различие между жизнью и смертью, к примеру, нельзя определить при помощи генетики, поскольку генетическая структура только что умершего человека точно такая же, как и при жизни. Харре и Жиллет (Harre & Gillet, 1994) отмечают: «Мозг любого человека является хранилищем представлений, что позволяет ему быть физическим посредником, в котором происходит осознание ментального содержания, позволяющего индивиду осуществлять осознанную деятельность» (р. 81). Атлетическое, художественное и научное мастерство нельзя низводить лишь к физиологическому, неврологическому или генетическому уровню.

И, наконец, характеристики коллективных образований, таких как группы, общества и культуры, являются эмерджентными свойствами, которые не могут быть сведены к простой сумме характеристик индивидов или к физиологии последних. Хотя традиционно предполагалось, что наша физиология оказывает явное, прямое и линейное воздействие на нашу психологию, Фрэнсис, Сома и Ферналд (Francis, Soma & Fernald, 1993) в своем исследовании *African teleost fish* приводят документальное подтверждение того, что верно и обратное: социальный статус оказывает влияние на физиологию мозга и его функционирование. Подобные результаты были обнаружены на индивидуальном и групповом уровне (Bandura, 1997) и в истории человечества (Chorover, 1980). Культура, язык, философия и наука — это продукты коллективных человеческих усилий. Взаимосвязь между индивидом и группой должна рассматриваться как динамическая интерактивная система взаимного влияния.

Анализ культуры

Культура — эмерджентное свойство индивидов и групп, взаимодействующих со своим природным и человеческим окружением. **Культура** определяется как категория стереотипных переменных. Можно привести следующую аналогию: художники используют различные цвета при создании произведений. Различные цвета подобны переменным, которые функционируют в рамках определенной культуры. Эти цвета могут сочетаться, формируя различные образы (лицо, яблоко, дом). Данные образы могут сочетаться, создавая определенный дух, образовывая всеобъемлющую целостную структуру и связь всеобщего характера. Особенности картины не могут быть сведены к составляющим ее частям, таким как длина световых волн.

Подобно живописи, культура является эмерджентным конструктом, обладающим значением, связями и направлением в отношении ее представителей. Подобно различным цветам, которые использует художник, люди используют доступные им природные и человеческие ресурсы для достижения своих целей (таких, как удовлетворение физиологических и прочих насущных потребностей). Таково рабочее определение культуры: *Культура представляет собой коллективную утилизацию природных и человеческих ресурсов для достижения желаемого результата.*

С точки зрения аутсайдера, который смотрит извне, культура воспринимается как фактор, воздействующий на образ мышления, чувствования и поведения людей (Berry et al., 1992; Segall et al., 1990). Однако изнутри культура представляется элементарной и естественной. Когда дети появляются на свет, потенциально они могут выучить любой язык, однако обычно они, в конце концов, осваивают один язык. Для большинства взрослых конкретный язык, на котором они разговаривают, — естественный и основной, а другие языки воспринимаются как непонятные, иностранные или чужие. С помощью собственного языка они организуют свои мысли, общаются и выстраивают свой социальный и психический мир. Аналогичным образом компьютеры состоят из аппаратных средств и программного обеспечения. Наша физиология подобна аппаратным средствам компьютера, а культура аналогична программному обеспечению. В зависимости от типа программного обеспечения компьютеры могут работать по-разному. Различие между компьютером и человеком состоит в том, что люди обладают генеративными и творческими возможностями, которых нет у компьютера (Bandura, 1997; Harre, 1999; Kim, 1999).

Физиология и генетика человека не могут объяснить поведение людей и культуру. В отсутствие культуры человеческая природа сводилась бы к основным инстинктам и мы не могли бы мыслить, чувствовать и вести себя так, как мы это делаем. Культура позволяет нам определить, кто мы такие, что для нас важно, позволяет нам общаться с другими людьми и иметь дело с физическим и социальным окружением. Именно посредством культуры мы мыслим, чувствуем, ведем себя определенным образом и взаимодействуем с реальностью (Shweder, 1991). Поскольку мы мыслим посредством культуры, осознать собственную культуру достаточно сложно. Культура устанавливает рамки восприятия при определении значимого, актуального и существенного. Для того, кто рожден и воспитан в определенной культуре, собственная культура является естественной.

Различия между культурами существуют, поскольку мы обращаем внимание на различные стороны окружающей нас среды и наделяем их различным смыслом или ценностью. Например, разница между сорняком и овощем определяется не свойствами, присущими конкретному растению (например, пригодно ли оно в пищу). Эта разница связана лишь с нашим отношением к данному растению (Shweder, 1991). То, что в одной стране считается сорняком (например, морская водоросль во Франции), в другой стране (например, в Японии или Корее) рассматривается как ценное овощное растение. Животное, которое считается вредителем в Корее (улитка), во Франции — деликатес. Шведер говорит, что если в розовом саду вырастет прекрасная капуста, мы будем обращаться с ней как с сорняком, и попросту выдернем ее. Капуста в данном случае рассматривается как сорняк, поскольку в наши намерения не входило выращивание капусты в розовом саду. И напротив,

если на капустной грядке растут розы, с ними также будут обращаться, как с сорняком. Таким образом, различие между культурным растением и сорняком определяется в соответствии с представлениями о пригодности в пищу, значимости и нашими намерениями.

Регионально-психологический подход к культуре подчеркивает необходимость принятия во внимание трех ключевых аспектов: а) контекста, б) эпистемологии, в) феноменологии (рис. 4.3). Прежде всего, культура и психология должны осмысливаться в контексте, контекст культурных вариаций следует изучать. Отчасти культурные различия возникают в связи с экологическими различиями и адаптацией к ним человека (Berry, 1976; Kim, 1994). Исследователи отмечают устойчивую связь между экологией, культурой, практикой социализации и психологическим функционированием (Barry, Bacon & Child, 1959; Berry, 1976; Berry et al., 1992; Kim, Triandis, Kagitsibasi, Choi & Yoon, 1994). Например, хотя Канада и США обладают культурным и языковым сходством, Берри (Berry, 1993) подчеркивает необходимость развития этнокультурной канадской психологии, базирующейся на экологических особенностях данной страны (проживание людей в пустынных зонах, арктический и умеренный северный климат). Подобным образом Георгас (Georgas, 1993) документально подтверждает, как экология оказывает влияние на формирование и изменение греческой культуры.

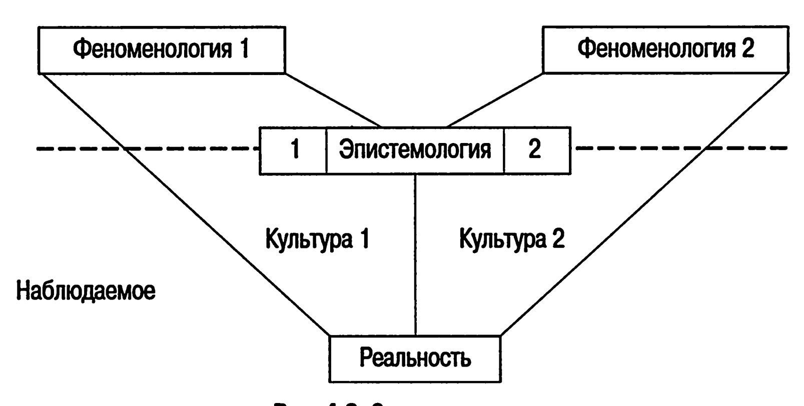

Рис. 4.3. Знание и культура

Экология и культурная адаптация

Экология представляет собой носящую всеобщий характер структуру взаимоотношений форм жизни и окружающей среды и включает природное окружение, общее для человека и всех живых организмов. Климатические и природные условия (такие, как температура, влажность, водоснабжение, состояние почвы и особенности рельефа) оказывают совокупное влияние на существование различных типов растительности и форм жизни (Segall et al., 1990). В ранние периоды истории человечества коллективные образования, такие как семьи, кланы и племена, вырабаты-

вали определенную стратегию поведения, дающую возможность справиться и приспособиться к определенным экологическим условиям. Решающим моментом для выживания было наличие запасов пищи (Segall et al., 1990), которое определялось главным образом экологическими условиями. Различный образ действий коллективных формирований представлял собой реакцию на воздействие окружающей среды. Например, люди, которые проживали в горной местности, джунглях или пустынях, имели ограниченные запасы пищи. Когда они иссякали, людям приходилось перемещаться в другое место в поисках новых источников пищи. Племена, которые занимались охотой и собирательством, существовали, перемещаясь вместе или следом за источником запасов пищи.

Некоторые из этих кочевых племен обнаруживали территорию, где почва была богатой, не было недостатка в воде, а рельеф был равнинным. Эти благоприятные условия они использовали для развития земледелия и скотоводства. С повышением эффективности сельского хозяйства и накоплением запасов пищи люди могли положиться на результаты своего труда в процессе земледелия и скотоводства как на постоянный источник пищи. У них отпала потребность в миграции в поисках пищи. Развитие земледелия и скотоводства представляет собой форму коллективных человеческих усилий в стремлении справиться и приспособиться к условиям окружающей среды.

Кочевые племена, жившие в джунглях, горах или пустынях, нуждались в особом комплексе навыков и умений, чтобы выжить в условиях враждебного окружения. Барри, Бэкон и Чайлд (Barry, Bacon & Child, 1959) обнаружили, что кочевые племена в практике социализации уделяли первоочередное внимание уверенности в себе, автономии и независимости. Взрослые представители кочующих общностей были склонными к индивидуализму, смелыми и напористыми, и именно эти качества они считали необходимыми для того, чтобы приспособиться к условиям своего существования. В сельскохозяйственных общинах практика социализации делала акцент на покладистости, готовности к подчинению и чувстве ответственности. Именно добросовестность, покладистость и консервативность были характерны для взрослых представителей сельскохозяйственных общин. Берри (Berry, 1976) обнаружил, что экологический контекст оказывает существенное воздействие на тип формирующейся культуры, который в свою очередь влияет на функционирование индивида, а именно на когнитивный стиль.

Однако культуру нельзя объяснить одной лишь экологией. Люди, которые живут в одинаковых условиях пустыни, не создают идентичных культур. Например, в Европе основной сельскохозяйственной культурой стала пшеница, которая выращивается на не орошаемых почвах. В Азии основной сельскохозяйственной культурой стал рис, выращиваемый на орошаемых полях. Разные культуры вырабатывали разные эпистемологические системы (например, религию, философию и науку), используемые для понимания, прогнозирования и успешного функционирования в условиях определенной окружающей среды. Такой систематизированный корпус знаний определял систему значений, направление и внутреннюю связь. Было проведено широкое исследование закономерностей взаимосвязи между гносеологическими взглядами (буддизмом, конфуцианством, коммунизмом, индуизмом, исламом и либерализмом) и тем, как люди воспринимают самих себя,

взаимодействуют с другими людьми и обращаются с природными и человеческими ресурсами (Boski, 1993; Hwang, 1998; Kim, 1994; Sinha, 1997).

Социальные и культурные изменения

Примерно в XVIII веке началась резкая перестройка экологического контекста в Западной Европе. С этого момента люди начали оказывать значительное влияние на окружающую среду, изменяя ее и оказывая существенное воздействие на экологическое равновесие. На такие перемены повлияло множество факторов: развитие международной торговли и коммерции, формирование городов-государств, стремительное развитие науки и технологии, рост производительности сельского хозяйства и индустриализация. Эти перемены привели к переходу от экономики, которая обеспечивала основные средства существования (и, главным образом, определяясь экологическими условиями), к рыночной экономике (формировавшейся в процессе вмешательства человека в экологию).

Например, люди не должны были больше мигрировать в поисках новых источников пищи или территории, чтобы обеспечить свое существование. Они не должны были больше запасать пищу на зиму. Они не должны были шить, чтобы иметь одежду. Они не нуждались больше в своих соседях, которые могли помочь построить амбар. Теперь люди работали за деньги. Заработанные деньги можно было использовать для покупки необходимых товаров и услуг или положить в банк, чтобы использовать позже. Деньги представляли собой промежуточный товар, который обеспечивал эффективное перераспределение ресурсов.

Эти изменения резко повлияли на культуру и образ жизни в Западной Европе (Kim, 1994). С ростом эффективности сельского хозяйства множество крепостных и свободных крестьян были исторгнуты из сельскохозяйственных общин. Они собирались в недавно образовавшихся городах в поисках иных средств к существованию. На промышленных предприятиях за свой труд они получали зарплату. Новая работа требовала приобретения новых навыков. Люди больше не могли рассчитывать на знания и умения, которые передавались из поколения в поколение. Работа требовала приобретения новых навыков (таких как работа с машинами), которые могли повысить уровень производительности и распределения.

Практика социализации в городах, которые являлись промышленными центрами, резко отличалась от практики сельскохозяйственных общин (Toennies, 1887/1963). В традиционных сельскохозяйственных общинах важными аспектами были доверие, сотрудничество и консерватизм. В таком обществе высоко ценились навыки социального общения (Mundy-Castle, 1974). А в городских условиях заметную роль начали играть технологические навыки (Mundy-Castle, 1974). В экономике, которая обеспечивала лишь основные средства существования, целью социализации было выживание и пропитание. В новом урбанизированном обществе социализация делала основной акцент на развитии когнитивных и лингвистических навыков, необходимых для получения большего богатства и более высокой прибыли.

Промышленные города были полны чужих людей, не имеющих отношения друг к другу. Отношения, в которые человек вступал с нанимателем, имели договорной характер и не носили характера устойчивой связи, основанной на доверии и долге.

Рабочие оказывали определенные услуги и получали плату за свой труд. Плата, которую они получали, определялась экономическим законом спроса и предложения. Когда спрос на труд был низким, а предложение было высоким, рабочим могли недоплачивать и эксплуатировать их. В XIX веке многие промышленники эксплуатировали своих рабочих, стремясь к увеличению прибыли. В таких условиях не было никого, кто мог бы защитить права этих не имеющих никаких связей людей.

Условия труда и трудовые отношения способствовали возникновению форм коллективного протеста. В Западной Европе сформировался новый вид коллективных образований; они определялись классовой принадлежностью (например, правящий класс, торговый класс, рабочий класс) или общими интересами (например, профсоюз). Представители рабочего класса стали объединяться и пытаться воздействовать на правящие круги при помощи демонстраций и революций. Коллективная деятельность такого рода привела в XX веке к формированию новых направлений политической философии и новых институтов, таких как демократия, фашизм и коммунизм.

В Западной Европе новые коллективы появлялись в результате разъединения уже существующих коллективных образований (таких, как семья, община, клан и религия). Такие новые коллективы формировались на основе общих интересов, опыта и целей. Культуры, которые сформировались на основе перегруппировки такого типа, получили название **индивидуалистических** (Hofstede, 1991). Культуры, которые сохраняли связи, основанные на семейной и социальной общности, были определены как **коллективистские**. Это разграничение представляет анализ культурных различий, выполненный аутсайдером. Данные различия следует поместить в контекст конкретной культуры и исследовать соответствующую им гносеологию и феноменологию.

Ломов, Будилова, Кольцова и Медведев (Lomov, Budilova, Koltsova & Medvedev, 1993) отмечают, что тематика исследований в России подвержена воздействию гносеологических установок, хотя секуляризация, индивидуализм и отделение науки от религии, которые преобладают в Западной Европе, не имели места в России. В России наука и образование находились под контролем церкви. Теологи проводили исследования и читали лекции по психологии. Проводимые в XIX веке в России исследования мозга стимулировались убеждением в том, что мозг является вместилищем души. Подобным образом Боски (Boski, 1993) отмечает, что гуманистические ценности (смесь католического и марксистского гуманизма) оказывали сильное влияние на психологические исследования в Польше.

Эпистемология

В Лувре в Париже с помощью произведений искусства можно проследить формирование и трансформацию западных культур. На подавляющей части картин средневекового периода Иисус, Дева Мария и некоторые другие святые занимают центральную часть картины, а люди из толпы размещаются по периферии (рис. 4.4). Эти картины отражают иудейско-христианскую систему ценностных установок в то время. Бог и Создатель вселенной олицетворяет Истину, Свет, Красоту и Доброту

и поэтому размещается в центре. Люди, которых он создал, располагаются по периферии.

В средневековой живописи лица людей не слишком выразительны, за исключением случаев демонстрации благоговения перед Иисусом и Девой Марией. Внутреннему миру человека, его индивидуальности средневековая христианская культура не придает большого значения. Чтобы познать Истину, следует идти за Волей Бога. Истина открывается только через Него или через Его откровения, через священников, библию или природу. Даже музыка создавалась главным образом для Бога. Она была монотонной и обращена к небесам (например, Грегорианские песнопения).

Ренессанс стал для Западной Европы культурной революцией, он представлял собой иной путь восприятия и понимания физического, человеческого и духовно-

Рис. 4.4. Пьеро делла Франческа. Мадонна со святыми и Федериго да Монтефельтро. Пинакотека *di Brera*, Милан, Италия. Courtesy of Alinari/Art Resource, NY

го мира. Начиная с эпохи Ренессанса, произошел сдвиг в восприятии реальности человеком. Одно из произведений искусства, представленных в Лувре, привлекает к себе самое пристальное внимание и служит примером такого переворота в восприятии. Целыми днями люди стоят в очереди перед изображением Моны Лизы (Джоконды), надеясь сфотографировать картину. Почему это художественное произведение привлекает к себе столько внимания, несмотря на свои 500 лет? Мона Лиза не святая и не обладает дворянским титулом, ее нельзя назвать ослепительно красивой (рис. 4.5). Она выглядит настоящим человеком из толпы. Однако изображение Моны Лизы поразительно непохоже на другие средневековые картины. По сравнению с традиционной средневековой живописью, отношения между фигурой и фоном изменились на прямо противоположные: она находится в центре внимания, а пейзаж лишь служит ей фоном. Обычный человек расположен в центре картины и является ее средоточием. Кроме того, выражение лица говорит о ее чувствах и индивидуальности.

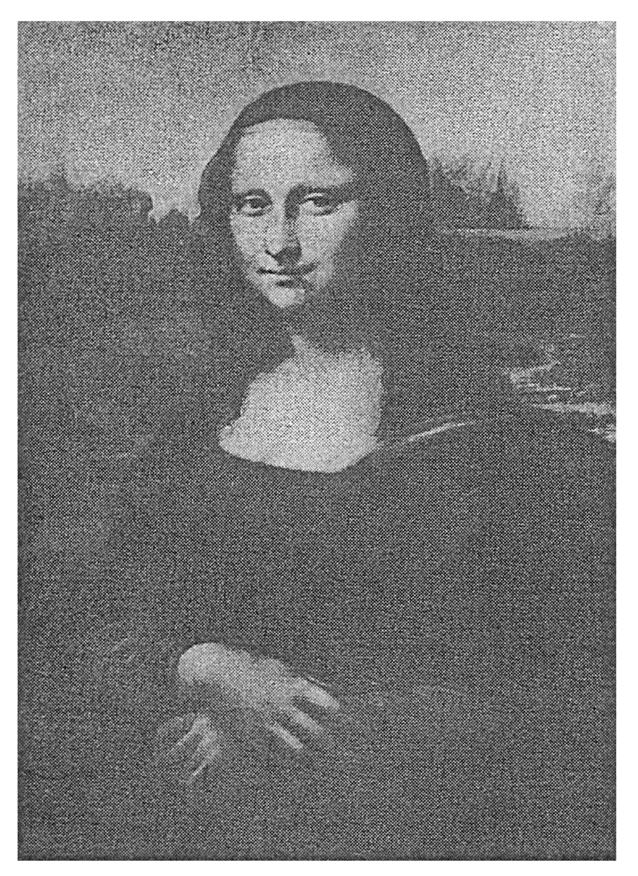

Рис. 4.5. Леонардо да Винчи (1452–1519). Мона Лиза (Джоконда). Ок. 1503 г. Дерево, масло, 97 × 53 см, Лувр, Париж, Франция. Courtesy of Giradon/Art Resource, NY

В период Ренессанса люди начали открывать мир вокруг себя и, что более важно, самих себя; эти открытия были неведомы им в период средневековья. Люди обнаружили, что личность обладает потенциалом, позволяющим открыть истину без помощи религиозных лидеров, библии или божественного откровения. Они открыли в себе способность получать Истину из первых рук. Кроме того, вместо того чтобы считать людей исполненными греха, а мир — забытым Богом местом, они увидели красоту человека. В средневековый период человеческое тело было символом похоти и греха, поэтому его стремились спрятать. В противовес таким взглядам, скульптура Давида, выполненная Микеланджело, — пример торжества красоты человеческого тела (рис. 4.6).

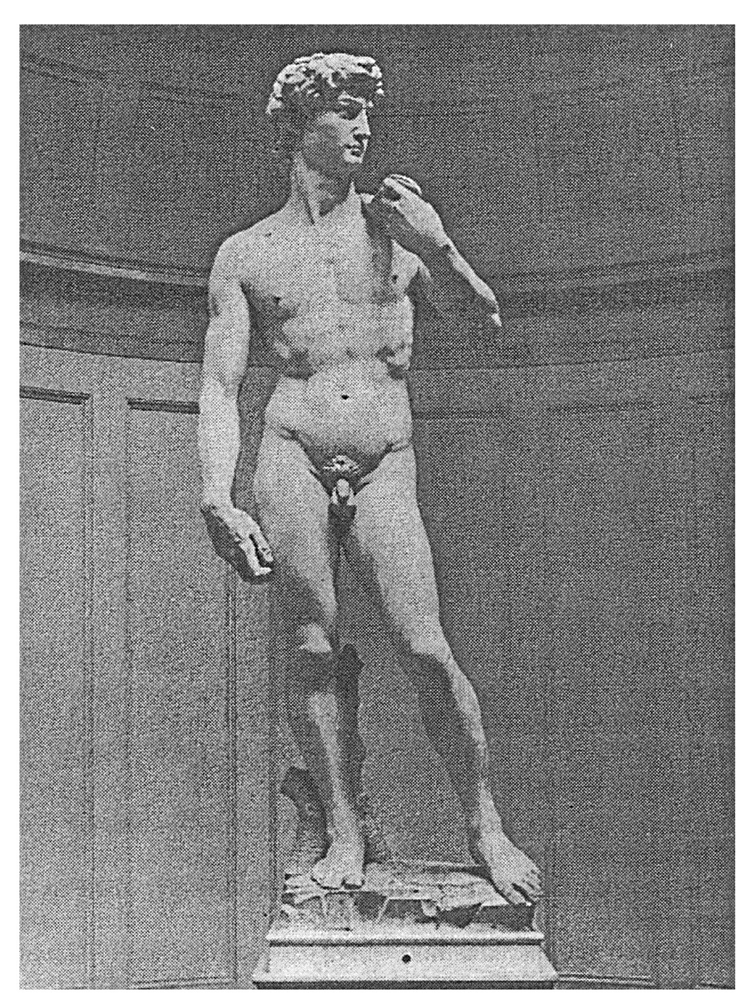

Рис. 4.6. Микеланджело Буонаротти. Давид.
Академия, Флоренция, Италия. Courtesy of Alinari/Art Resource, NY

Религия, культура и наука

Рене Декарт жил в период появления множества противоречивых идей, доктрин и верований, а также новых открытий. Новые противоречивые идеи приводили его в смятение. Он решил придерживаться метода, который все подвергал бы сомнению, отвергал все идеи, доктрины и верования, кроме очевидной истины, не требующей доказательств. Он обнаружил, что подвергать сомнению он может практически все: традиции, обычаи, верования и даже собственное восприятие. Однако осталась одна вещь, в которой он не мог сомневаться — его собственное существование. Фундаментальным вопросом для него было: «Откуда я знаю, что я существую?» Он пришел к выводу, что может с уверенностью утверждать это благодаря здравому рассудку и интеллекту. Таким образом, Декарт сделал вывод: *Cogito, ergo sum* (Мыслю, следовательно, существую) (рис. 4.7).

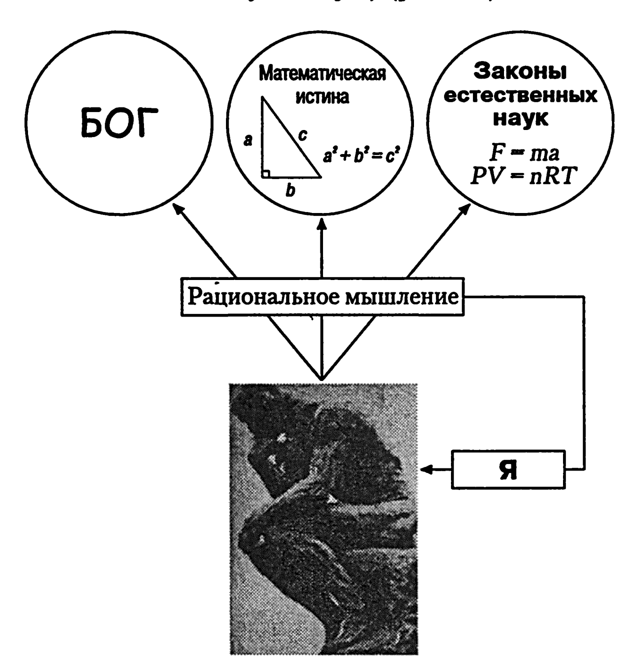

Рис. 4.7. Декартовское открытие Я и неопровержимых истин.
Огюст Роден (1840–1917). Мыслитель. Galleria d'Arte Moderna, Венеция, Италия.
Courtesy of Alinari/Art Resource, NY

Декарт обнаружил, что благодаря интеллекту и способности рационально мыслить он может постигать не только себя самого, но законы естественных наук и математические истины. Такой тип восприятия был бы невозможен в средние века, поскольку предполагалось, что знать и открывать Истину может только Бог. Кроме того, Декарт пришел к заключению, что способность к рациональному мышлению это особый дар, данный Богом и позволяющий нам узнать о существовании Бога. Люди обладают способностью рационального мышления, благодаря которой мы можем познавать самих себя, Бога, научные и математические истины.

Рациональное мышление отличает людей от животных. Декарт разделял тело и разум. Наше тело, подобно телу животного, управляется природными инстинктами. Доказательством этого для Декарта служила рефлекторная дуга, которую он обнаружил, проводя эксперименты. Тем не менее люди отличаются от животных, поскольку обладают интеллектом и способностью к рациональному мышлению. Декарт разработал систему координат, которая позволяет нам математически описать физический мир.

Философия и открытия Декарта повлияли на иудейско-христианское видение мира. Его идеи позволили отделить науку от религии. Наука изучала физический мир, а религия имела дело с духовным миром. Взгляды Декарта положили начало двойственному мышлению, создали дихотомию мира, противопоставив тело и разум, добро и зло, свет и тьму, справедливость и обман, небо и землю. Жизнь стала рассматриваться как борьба истины и света, с одной стороны, со злом и тьмой — с другой (рис. 4.8).

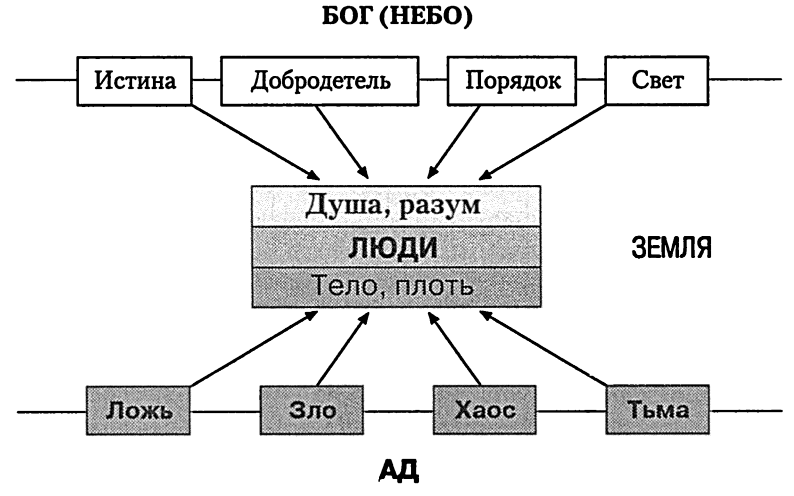

Рис. 4.8. Иудейско-христианское видение мира

Современное западное кино, телевизионные драмы и романы отражают эту борьбу добра и зла и триумф человеческого духа в борьбе со злом (например, фильмы «Звездные войны» и «Титаник»). С другой стороны, чувства рассматривались как нечто, не заслуживающее доверия, поскольку они были связаны с желаниями плоти, с телом. Любовь была чувством, которое могло выйти за пределы рационального мышления и разума, поскольку любовь была воплощением Бога.

Открытие Декарта носило чисто индивидуалистический характер. Он мог установить Истину самостоятельно, вместо того чтобы полагаться на мнение произвольно выбранной группы людей. Согласно Декарту, другие люди, власти и институты не могут диктовать, что истинно, а что ложно. Только ты можешь знать, что правильно, с полной определенностью. Западные индивидуалистические общества делают акцент на индивидуальной уникальности и стремлении обрести свою собственную неповторимую идентичность, Истину и достичь самоактуализации.

Способность рационально мыслить стала тем краеугольным камнем, на котором было построено общество. Либеральное образование обеспечивает надлежащую подготовку, позволяющую выявить способность к рациональному мышлению, руководствуясь установкой на то, что существует лишь одна Истина. Лишь тем индивидам, которых можно считать разумными, позволено участвовать в общественном принятии решений. Дети, невменяемые, преступники не имеют права голосовать. Путем демократической дискуссии люди могут прийти к Истине (рис. 4.9). На основе этого убеждения созданы законы и социальные институты.

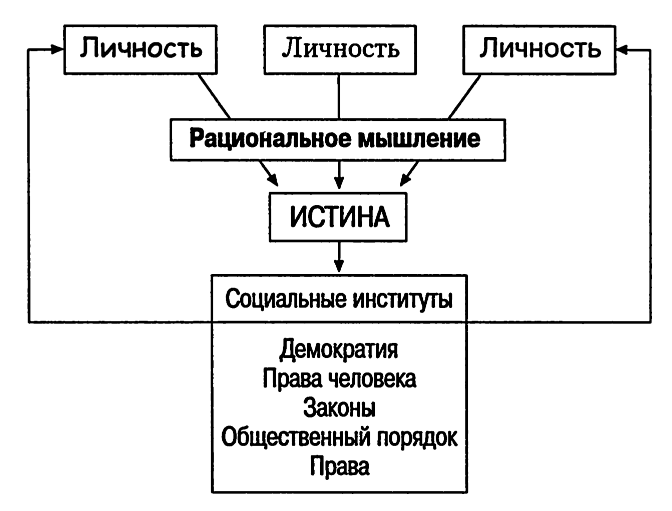

Рис. 4.9. Индивидуалистическая культура

Либеральная традиция на Западе уделяет первоочередное внимание праву разумного индивида свободно выбирать пути реализации своих способностей и возможностей, определять их и стремиться к ним (Kim, 1994). Содержание такого самоосуществления зависит от целей, которые индивид определяет в процессе свободного выбора. Сущность цели может варьировать, от гедонистической самореализации для одного до самоактуализации для другого. Такая свобода выбора обеспечена коллективными гарантиями прав отдельной личности. На межличностном уровне предполагается, что индивид является обособленным, автономным, независимым и уважает права других людей.

С общественной точки зрения индивиды рассматриваются как абстрактные универсальные сущности. Их статус и роли не являются предопределенными или приписываемыми им, но определяются их личными достижениями (то есть достижениями в области образования, в профессиональной и экономической сфере). Они вступают во взаимодействие с другими людьми, используя взаимоприемлемые принципы (такие, как равноправие, справедливость, невмешательство и взаимонезависимость) или определенные на основе взаимного согласия договоры. Индивиды со сходными целями могут объединяться в группы и оставаться с группой до тех пор, пока это отвечает их потребностям. Законы и нормы устанавливаются для защиты прав личности; каждый может отстаивать свои права с помо-

щью законодательства. Государством управляют избранные должностные лица, чья функция — защищать права личности и жизнеспособность государственных учреждений. Права личности имеют приоритетное значение, по отношению к ним коллективное благо и согласие носят вторичный характер.

Декарт вырос во Франции в век рационализма. Как бы Декарт ответил на фундаментальный вопрос о своем существовании, если бы он был китайцем, японцем или корейцем? Я полагаю, он мог бы ответить на него следующим образом: «Я ощущаю, следовательно, я существую». В противоположность вниманию Запада к рациональному началу конфуцианство сосредоточивается на эмоциях, которые формируют основу гармоничных семейных и социальных отношений. Хотя Азия приняла западную науку и технологию, традиционные гносеологические установки сосуществуют с современным западным эпистемологическим подходом, однако не вытесняются им (Kim, 1994; Sinha, 1997).

Восточно-азиатский подход

В Восточной Азии индивидуализм и рационализм рассматривались как неустойчивые явления, в то время как взаимоотношения и эмоциональные привязанности считались неизменными. Это не значит, что там не было индивидуализма и рационализма. Они существовали, однако имели вторичное значение в сравнении с взаимоотношениями и эмоциями. Другими словами, взаимоотношения и эмоции были в центре внимания, а личность и рациональное мышление отодвигались на второй план. В первую очередь речь шла о родственных чувствах, которые связывали людей, а не чувствах личного характера, или самовлюбленности.

В искусстве Восточной Азии люди помещены в контекст природного и социального окружения. Индивидуальность, которая создает межличностную дистанцию, не подчеркивается. На традиционных ландшафтных картинах люди помещены в контекст природы (рис. 4.10), и нельзя обнаружить индивидуальности выражения, как в западном искусстве. В конфуцианстве, буддизме и эпистемологии шаманизма люди рассматриваются как часть природы. В этих философиях важнейшей ценностью является гармония, поскольку она связывает людей с природой, духами и другими личностями.

Конфуцианство

Конфуций (551–479 гг. до н. э.) видел во вселенной и всех населяющих ее созданиях проявление объединяющей силы, названной им **дао** (переводится как Истина, Единство или Путь). Дао представляет собой начало, составляющее сущность, основу и элемент жизни, которое увековечивает порядок, добродетель и справедливость (Lew, 1977). Конфуций, родившийся в аграрном обществе, детально изложил свою нравственную и политическую философию, которая должна была поддерживать, распространять и овеществлять естественный порядок.

Дао проявляет себя через гармоническую оппозицию инь и ян, а в людях через *te* (добродетель). Добродетель — это дар, полученный с Небес (Lew, 1977). Именно через Добродетель человек может познать Небесную Истину, и это «та

точка, где я встречаюсь с Небом» (Lew, 1977, p. 154). Добродетель можно реализовать путем работы над собой. Именно она дает фундаментальный источник проникновения в суть вещей и силы, позволяющей в мире и согласии управлять самим собой, своей семьей, своим народом и всем миром.

Добродетель имеет две взаимосвязанные стороны: *ren* (Добросердечие к людям) и *yi* (Справедливость). Добросердечие к людям является основой человечества в целом и отдельной личности. Добросердечие к людям проявляется в отношении к ним. Конфуций отмечает три взаимосвязанных аспекта добросердечия к людям. Первое — оно «включает любовь к другим людям» (Confucius, 1979, Analects, XII, 22). Второе — «человек, обладающий *ren*, это тот, кто, желая поддержать себя, поддерживает других, и, желая развивать себя, развивает других» (Analects, YI, 28). Третье — не следует делать другим того, «чего ты не желаешь по отношению к себе» (Analects, XII, 2). Менкиус говорит, что без добросердечия к людям человек не может считаться человеком: «Если ты видишь ребенка, тонущего в колодце, и не чувствуешь сострадания, ты не человек» (Mencius, II/A/6). Добросердечие к людям является основной составляющей Я и взаимоотношений в конфуцианских культурах. Личность рождается с добросердечием к людям и опытом добросердечия, полученным от родителей. На рис. 4.11 представлена конфуцианская альтернатива западной модели.

Рис. 4.10. Tao-chi, называемый Shih-tao. Горный пейзаж в подражание Huang Kung-wang. Династия Цин, царствование Кан-си, 1671. Чернила, 86 × 41 см. Musee Guimet, Париж, Франция. Courtesy of Giraudon/Art Resource, NY

Второе понятие, *yi* (Справедливость), предполагает, что человек рождается в конкретной семье с общественным положением, определяемым происхождением. Принцип Справедливости гласит, что люди должны исполнять свои обязанности в соответствии со своим статусом и функциями. Конфуций считал, что общество должно быть организовано иерархически, требуя от людей исполнения их обязанностей: «Пусть правитель будет правителем, подданный будет подданным, отец будет отцом, а сын — сыном» (Analects, XII, 11). Исполнение возложенных на человека обязанностей отца, матери, старшего брата, учителя или правителя рассматривается как нравственный императив.

Добросердечие к людям и Справедливость рассматриваются как две стороны одной медали. Например, добродетельный отец выполняет свои обязанности, потому что он любит своего сына, и он любит своего сына, потому что он его отец. Через Добросердечие к людям и Справедливость отдельные члены семьи связаны с Единством (Дао). Важнейшими отношениями являются отношения родитель–ребенок, которые определяются *xiao dao* (сыновья благодарность). Родители являются средством, с помощью которого Дао передается и проявляется в детях. Взаимоотношения между родителями и детьми (а также между супругами и братьями и сестрами) основаны не на равенстве, но на Добросердечии к людям и Справедливости. Родители требуют от детей любви, почтительного отношения, послушания и уважения. Дети ждут от родителей любви, мудрости и доброжелательности. Отношения родитель–ребенок предполагают нечто большее, чем просто двух индивидов. Родители — это предки, они представляют прошлое, дети — потомки, они — будущее.

Конфуций полагает, что общество должно быть организовано иерархически и что каждый человек имеет свой *fen* (место или удел) в жизни. Каждый *fen* предполагает связанные с ним функции, и человек обязан их выполнять. Обязанности и обязательства каждого *fen* предписываются *li*[1] (Нормами надлежащего

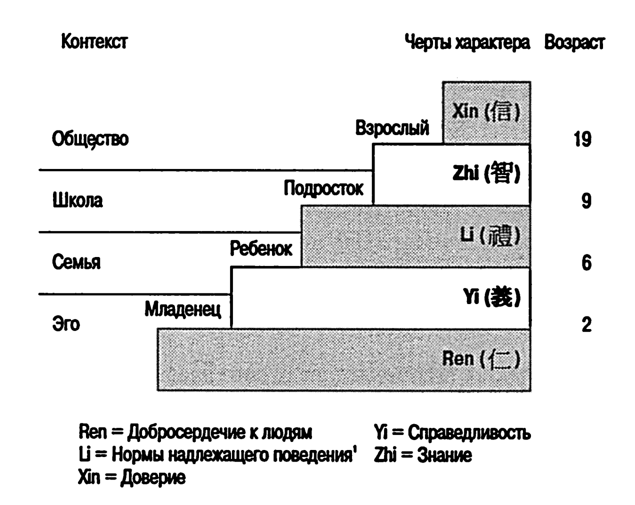

Рис. 4.11. Стадии развития по Конфуцию

[1] В русской историко-философской литературе *li* обычно переводится как «ритуал». — *Примеч. науч. ред.*

поведения). Нормы надлежащего поведения выражают ожидания и обязанности каждого индивида соответственно его статусу и функциям. Социальный порядок и гармония сохраняются, когда люди понимают свое место в обществе и выполняют связанные с ним обязанности и обязательства.

Четвертое понятие *zhi* (Знание) позволяет нам оценить преимущества Добросердечия к людям и Справедливости и следовать этим добродетелям. Это основа мудрости. Четыре понятия — Добросердечие к людям, Справедливость, Нормы надлежащего поведения и Знание — представляют собой основы конфуцианской этики. Подобно тому, как от рождения мы имеем две руки и две ноги, Добросердечие к людям, Справедливость, Нормы надлежащего поведения и Знание даны нам от рождения, но мы должны развивать и совершенствовать их. Знание делается все более утонченным и продолжает совершенствоваться в школе. Школьные учителя определяют нравственные принципы как основу всех мыслей, чувств и поведения. Учителя рассматриваются как продолжение родителей. Они опираются на этическую основу, с позиций которой занимаются просвещением детей с целью дальнейшего развития их Знания. И, наконец, по мере того как дети взрослеют, они вступают в контакт с все более широким кругом людей, включая незнакомцев. Поэтому они должны развивать в себе *xin* (Доверие).

Конфуций различает две соперничающие внутри Я силы: желания первого порядка (например, материальные и сексуальные) и желания второго порядка (то есть добродетели Добросердечие к людям и Справедливость). Чтобы стать добродетельным человеком, нужно преодолевать в себе желания первого порядка и развивать желания второго порядка. Плохим человеком правят эгоцентризм, эгоизм, самовлюбленность и *li* (Выгода). Конфуций отмечал, что лучшие люди развивают в себе добродетели Добросердечия к людям и Справедливости: «Выдающийся человек постигает Справедливость; маленький человек постигает Выгоду» (Analects, IY, 16). Подлинная свобода достигается преодолением желаний первого порядка путем самосовершенствования. Самосовершенствование вкупе с заботой и поддержкой, получаемой от значимых других, рассматривается как необходимое и достаточное условие для развития подлинно нравственного, добродетельного и свободного человека.

Конфуций считает всех людей связанными между собой системой взаимных связей. Фундаментальный принцип, определяющий отношения между людьми в семье, в обществе, в мире и вне его, наилучшим образом выражен в его произведении «Праведность в сердце» (в главе, которая называется «Великое научение» в Книге песен). Хотя он считает, что центральной является нравственность личности, тем не менее личность помещена в систему межличностных и социальных связей. Он утверждает:

Если в сердце есть праведность, в характере будет красота,
Если в характере есть красота, в доме будет согласие,
Если в доме будет согласие, в стране будет порядок,
Если в стране будет порядок, в мире будет мир.

Конфуцианская этика считает реальные цели приоритетными по отношению к личным интересам человека. Каждый человек выполняет определенную роль и занимает определенное положение в семье. Поведение, соответствующее каждой роли и функции в семье, зафиксировано в конфуцианском кодексе поведения. Отец в се-

мье рассматривается как ее глава. В качестве такового он обладает полномочиями представлять семью и говорить и действовать от имени семьи. Например, имущество семьи является ее коллективной собственностью. Хотя отец имеет право распоряжаться этим имуществом, другие члены семьи также имеют права на него. Ли (Lee, 1991) обнаружил, что при продаже или сдаче имущества в долгосрочную аренду в традиционном Китае под контрактом о продаже или сдаче имущества в аренду ставил свою подпись не только отец или старший сын, но и другие члены семьи (например, другие сыновья, дочери или даже внуки). Произвольное решение отца расценивалось как противозаконное или идущее вразрез с обычаями действие (Lee, 1991).

Отец имел власть, обязанности и ответственность, связанные с распоряжением семейным имуществом от имени семьи, но не ради собственной выгоды. Требовались мудрость и доброжелательность, чтобы принимаемые решения не были близорукими или своекорыстными. Отец должен принимать во внимания долгосрочные последствия своих решений для отдельных членов семьи, репутации семьи, ее положения в обществе, ее старшего поколения и ее потомства. Остальные члены семьи должны слушаться его и уважать его решения. Таким образом, права и обязанности в конфуцианстве связаны с ролевыми предписаниями, не являются равными, ориентированы на коллективное благосостояние, носят патерналистский и ситуативный характер (Lee, 1991).

Хотя конфуцианство и уделяет первоочередное внимание эмоциям и взаимоотношениям, конфуцианские культуры в современную эпоху также превратились из сельскохозяйственных общин в стремительно развивающиеся индустриализированные страны. Многие считают, что общества Восточной Азии просто приняли западную культуру, на самом же деле ситуация куда сложнее. Хотя некоторые аспекты западных культур и были приняты, куда более значительные изменения претерпела сама конфуцианская культура, и акценты теперь ставятся прежде всего на будущем, а не на прошлом (Kim, 1998) (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Трансформация ценностей

Сельские	Городские
Сельскохозяйственные	Промышленные
Ориентированные на прошлое	Ориентированные на будущее
Расширенная семья	Нуклеарная семья
Предки	Дети
Статус-кво	Перемены
Консерватизм	Прогресс
Гармония отношений с природой	Власть над окружающей средой
Формализм	Прагматизм
Сотрудничество	Конкуренция
Мудрость, обретенная через опыт	Аналитические навыки, приобретенные в ходе систематического образования
Половая дифференциация	Равенство

Ограничения, касающиеся использования конфуцианства для объяснения поведения

Использовать конфуцианскую философию для объяснения поведения жителей Восточной Азии весьма соблазнительно. Однако существуют четыре причины, по которым конфуцианство не может использоваться таким образом. Первое, конфуцианство может использоваться как описательная модель, но не может служить объяснительной моделью. Идеи, сформулированные конфуцианством, следует преобразовать в психологические концепции, а затем проверить эмпирически. Эмпирическая проверка — это особенность, которая отличает науку от философии.

Второе, во всех философских традициях есть свои белые пятна и предубеждения. В конфуцианстве основным типом взаимоотношений считаются отношения отец–сын, которые и служат прототипом для всех остальных типов отношений. Однако если мы проанализируем исследования по возрастной психологии в Восточной Азии, отношения отец–сын оказываются вторичными, а основным типом отношений являются отношения мать–ребенок. В традиционных обществах Восточной Азии отец принимает участие в социализации детей с 3–4 лет, что происходит уже после того, как мать прививает им фундаментальные лингвистические и социальные навыки, адаптируя их к культурным нормам общества. Кроме того, акцент на патернализме и поло-ролевой дифференциации носит функциональный характер лишь в традиционных аграрных обществах, но в современном обществе он может создать социальные и организационные проблемы (Kim, 1998). В семье, школе, на работе и в обществе для достижения гармонии и равновесия патернализм должен поддерживаться материализмом (Kim, 1988).

Третье, непрофессионалы могут не иметь полного и осознанного представления о базовых концепциях конфуцианства, таких как Добросердечие к людям, Справедливость, Нормы надлежащего поведения, Знание и Доверие. Это философские концепции, которые изучаются в рамках школьной программы, но не психологические концепции. Необходимо преобразовать эти философские концепции в психологические конструкты и сопоставить их с принятой терминологией. Например, принятое в Корее понятие *chong* (определяется как «любовь и привязанность к человеку, месту или вещи»), возможно, представляет собой функциональный эквивалент Добросердечия к людям (Kim, 1998). В Японии *amae* (милосердная снисходительность) также может представлять собой функциональный эквивалент того же понятия (Kim & Yamaguchi, 1995). Хотя объем понятий, определяемый *chong* и *amae*, может значительно различаться, психологический анализ идентифицирует результирующие модели сходного характера, выявляя сущность Добросердечия к людям (Kim, 1998; Kim & Yamaguchi, 1995). Сыновья благодарность может интерпретироваться как частный случай Справедливости (Kim, 1998). Хотя исследователи анализировали функциональные проявления сыновней благодарности (такие, как заботу о старых родителях), все дети должны исполнять долг, связанный с сыновней благодарностью, как нравственный императив. Восточно-азиатские представления о верности и долге могут включать в себя сущность Справедливости. И, наконец, концепция «лица» может являть пример Норм надлежащего поведения (Choi, Kim & Kim, 1997).

Последним моментом, ограничивающим использование философского текста, является то, что в рамках конкретной культуры сосуществуют конкурирующие философии и взгляды на мир. Например, буддизм предлагает альтернативные концепции Я, отношений и общества в Восточной Азии. Кроме того, местные религии (такие, как шаманизм в Корее, синтоизм в Японии и даосизм в Китае) оказали определенное влияние как на буддизм, так и на конфуцианство. Эти три эпистемологические системы оказывали взаимное влияние друг на друга и в результате смешения и взаимопроникновения образовали синтетические формы (Kim, 1998).

Конфуцианская философия может быть отправной точкой для исследований, но не конечной их точкой. Идеи конфуцианства могут использоваться для создания гипотез, конструктов и теорий о развитии и взаимоотношениях человека. После разработки идей такого рода исследователи должны заняться их проверкой и подтверждением эмпирическим путем.

Хотя важно исследовать оригинальный текст как источник информации, исследователи не должны автоматически опираться на предположение о том, что китаец ведет себя в соответствии с принципами конфуцианства или что поведение индийцев обязательно следует истолковывать в соответствии с учением индуизма. Хотя данные оригинальные тексты и сформировались в рамках конкретных культур, они могут представлять собой концепции, навязанные извне и представляющие интересы определенных религиозных групп (например, касты брахманов в Индии) или классов общества (например, правящей элиты в Восточной Азии). Для использования этих текстов, исследователи должны трансформировать их в психологические концепции или теории, а затем проверить эмпирическим путем, действительно ли они оказывают влияние на мышление, чувства и поведение людей. Оригинальные тексты могут использоваться для разработки альтернативных описательных схем, кроме того, представлять собой полезный источник сведений, но они не обязательно могут объяснить культурные различия.

Хотя нам следует быть осторожными, налагая кросс-культурные установления, нам следует быть не менее осторожными, налагая установления, существующие в рамках определенной культуры. Придание непрофессиональному знанию вида обладающей надлежащим статусом психологической теории представляет собой пример наложения внешних установлений. Хайдер (Heider, 1958) полагал, что «простому человеку свойственно глубокое и основательное понимание самого себя и окружающих, которое, хотя и является не сформулированным или осознается весьма смутно, обеспечивает ему более или менее удовлетворительный уровень адаптивности при взаимодействии с другими» (р. 2). Опираясь на предварительную работу, проведенную Хайдером, Джулиан Роттер разработал собственную теорию точки контроля, а Бернард Вайнер создал теорию атрибуции. Эти теории, однако, весьма далеки от представлений людей о контроле и атрибуции; и, что еще более важно, их внутренняя и внешняя достоверность весьма невысока (Bandura, 1997; Park & Kim, 1999). Основная проблема этих подходов состоит в том, что они исключают влияние контекста и сопутствующих факторов, которые являются центральными моментами для понимания представлений людей о контроле и системы их установок (Bandura, 1997; Park & Kim, 1999).

Ким, Парк и Парк (Kim, Park & Park, 2000) настаивают на том, что современные психологические теории представляют в большей степени мнения, интерпретации и объяснения самих психологов, чем точное отображение человеческой психологии. Другими словами, современное психологическое знание можно определить как психологию психологов, нежели как психологию обычного человека (Harre, 1999; Koch & Leary, 1985).

Феноменология

Как отмечалось выше, даже местная философия может представлять собой наложение внешних установлений. Важно понять, как идеи местной философии понимаются, используются и видоизменяются в повседневной жизни. Они должны превратиться в неотъемлемую часть феноменологической жизни человека.

Самые значительные различия между культурами существуют в сфере феноменологии. В кросс-культурном исследовании развития ребенка Азума (Azuma, 1988) приводит весьма уместный пример восприятия феномена изнутри и снаружи. В совместном с Робертом Хессом исследовании он изучал поведение матерей в США и Японии при воспитании детей и приучению их к послушанию. Когда ребенок отказывался есть овощи, японская мать реагировала так: «Ладно, значит, ты не должен их есть». Группа испытуемых из США интерпретировала реакцию матери-японки как отказ от своих требований после мягкой попытки убеждения. Группа же испытуемых из Японии, напротив, трактовала реакцию матери как прямую угрозу. Группа из США сначала не могла понять это и считала, что японка явным образом разрешает ребенку поступать так, как ему хочется. Азума (Azuma, 1988) объясняет, что цель данного высказывания матери вызвать в ребенке чувство вины: «Оно заставляет ребенка почувствовать, что его мать страдает и косвенно выражает угрозу положить конец близости между матерью и ребенком» (р. 4). В то время как матерям в США рекомендуется убеждать ребенка и разумно объяснять свои требования, в Восточной Азии для социализации детей используют межличностную дистанцию (Azuma, 1986; Но, 1986; Kim & Choi, 1994). Угроза положить конец близким отношениям между матерью и ребенком может рассматриваться как одна из самых суровых форм наказания (Azuma, 1988).

Согласно Азуме (Azuma, 1988), исследователи из США интерпретируют концепцию вины совершенно иным образом, нежели исследователи из Японии. В соответствии с западными психоаналитическими и психологическими теориями, американские исследователи рассматривают понятие вины негативно: предполагается, что в основе чувства вины лежат суеверия, безрассудные страхи или запретные желания. Считается, что постоянное обращение к чувству вины может привести к проблемам в юношеском возрасте. В Восточной Азии считается, что дети должны испытывать чувство вины по отношению к родителям за привязанность, снисходительность, жертвы и любовь, которые они получают от них (Kim & Choi, 1994). Чувствуя себя обязанными по отношению к родителям, дети испытывают чувство вины перед ними, поскольку они не могут вернуть ту любовь, ласку и заботу, которую давали им родители. В Восточной Азии чувство вины рассматрива-

ется как важная составляющая эмоций межличностного характера, которая стимулирует сыновнюю благодарность, мотивацию достижений и родственную близость.

В заключение Азума (Azuma, 1988) отмечает, что американские методы приучения к послушанию (то есть навязывание детям норм мира взрослых: ешь овощи!) в Японии могут восприниматься как жестокость. В Восточной Азии не принято наказывать ребенка за отказ соблюдать нормы взрослых, которые им непонятны. Вместо наказания или увещевания ребенка, матери следует выразить чувство боли и разочарования, особенно если она пытается сделать то, что пойдет ребенку на пользу. В Восточной Азии мать должна использовать свои эмоциональную и родственную близость с ребенком, чтобы убедить его вести себя должным образом (Azuma, 1986; Ho, 1986; Kim & Choi, 1994). С помощью использования отношений близости и эмоциональных связей ребенок, которому потакают, превращается в уступчивого и послушного ребенка.

И, наконец, как полагают Тобин, Ву и Дэвидсон (Tobin, Wu & Davidson, 1987), этнокультурная психология рекомендует использование многозначного подхода. При таком подходе участники и наблюдатели, не являющиеся исследователями, имеют возможность оценки и интерпретации психологических феноменов. Тобин и соавторы (Tobin et al., 1987) обнаружили, что самые большие различия между культурами обнаруживаются в том, как люди интерпретируют и оценивают поведение других людей.

Заключение

Традиционно этнокультурные психологии часто рассматривались как антропологические исследования экзотических народов, живущих в далеких странах. Такой подход часто отождествлялся с политическим протестом против господствующих наций и колониальных властей (Kim, 1995; Kim & Berry, 1993). Однако подход этнокультурных психологий представляет собой фундаментальный сдвиг в научной парадигме, переход от позитивистской концепции причинной обусловленности к динамической транзакционной модели человеческого функционирования.

Этнокультурный психологический подход отличается от регионализации в том виде, в котором ее пропагандирует Синха (Sinha, 1997). Регионализация предполагает видоизменение и адаптацию существующих теорий, концепций и методов применительно к различным культурам или интеграцию западных теорий и региональных философий, такой как индуизм или конфуцианство (Sinha, 1997). В то время как регионализация представляет собой расширение существующего подхода, подход региональных психологий представляет собой альтернативную научную парадигму.

Не подражая естественным наукам, подход региональных психологий признает, что предмет психологии имеет фундаментальные отличия, он сложен и динамичен. Гносеологическая система, теории, концепции и методики должны соответствовать предмету исследования. Цель подхода региональных психологий состоит не в том, чтобы отвергать науку, объективность, экспериментальные методы и поиски универсалий, но в том, чтобы создать науку, стоящую на прочной основе описательного понимания людей. Цель состоит в создании более скрупулезной,

систематической, универсальной науки, дающей возможность теоретической и эмпирической проверки, а не только выдвижения наивных предположений.

Нам следует быть осмотрительными при наложении внешних установлений, которые могут исказить понимание психологических феноменов. Первое, те, кто занимался исследованиями в сфере психологии, использовал установки естественных наук при изучении человека. В погоне за стремлением как можно быстрее сделать психологию независимой и уважаемой научной сферой, первые психологи кроили психологическую науку таким образом, чтобы она была впору парадигме естественных наук (Kim, 1999). И хотя методологические достижения психологов были весьма скромны, психологическое восприятие было искажено.

Второй случай навязывания внешних установлений — это предположение об универсальном характере психологических теорий. При весьма незначительных достижениях в отношении развития, тестирования и сбора данных, предполагалось, что психологические теории носят универсальный характер. Это предположение особенно проблематично, поскольку большинство теорий было разработано в Соединенных Штатах и апробировано главным образом на студентах университетов. Другими словами, теории, которые прошли проверку менее чем на 1% всего населения земного шара, считались универсальными. Огромное количество времени и средств тратилось впустую для проверки универсальности этих теорий, при этом их базовые положения, концепции, методология и научные основы не подвергались ни малейшему сомнению. В результате, когда эти теории стали применять в пределах и особенно за пределами США, результаты были весьма печальны (Kim, 1995).

Третье, осведомленность эксперта или профессионала переносилась на простого человека. В большинстве случаев достоинства данных теорий в области прогнозирования весьма невысоки по сравнению с естественными науками. Возможно, разработка теорий, концепций и методик велась слишком поспешно без надлежащего понимания феномена как такового. Главным образом психологи терпели неудачу при попытках описать психологические феномены изнутри, со стороны личности, прошедшей через данные переживания на своем опыте. Вместо этого психологи расчленяли мир на когниции, мотивации, позиции, ценности, эмоции и поведение, несмотря на то что в реальной жизни все эти элементы являются лишь составляющими опыта, а не опытом в целом. Может быть, мнимая компетентность психологов на деле лишь выдумка, а не данные, имеющие прочную основу, раз исследователи испытывают такие затруднения при прогнозировании, объяснении или видоизменении поведения человека.

Этнокультурно-психологический подход выступает за снятие этих навязанных извне установок и переживание феномена изнутри. Исследователи, возможно, уделяли слишком много внимания получению правильного ответа и пренебрегали процессом его получения. Попутно психологи сбрасывали со счетов множество важных конструктов, таких как сопутствующие факторы, сознание, намерения как переменные, не имеющие отношения к существу дела. Однако именно эта «чепуха» делает человека человеком. Психологи сконцентрировались на выявлении основных составляющих поведения, и мы до сих пор не осознали, что поведение является эмерджентным свойством когниции, эмоций, намерений и сопутствующих факторов.

Наконец, подход региональной (этнокультурной) психологии уделяет первоочередное внимание практической валидности. Наши знания должны позволять нам проникнуть в сущность мира человека и должны иметь возможность практического применения. Региональный анализ должен носить фундаментальный характер и одновременно быть применимым.

Знание и способность проникновения в суть вещей должны помочь родителям более успешно воспитывать детей, преподавателям — более успешно обучать своих учеников, бизнесменам — получать большую прибыль, политикам — более эффективно управлять, а ученым — сделать мир более пригодным для жилья (Kim et al., 1999). Хотя наука может вооружить нас более точными знаниями о мире, она же может ослепить нас или поставить предел нашему пониманию.

Исследования — это опыт смирения, поскольку идеи, в начале не вызывавшие сомнения, могут быть отвергнуты или усовершенствованы в процессе дальнейшего исследования. Все исследователи начинают с идеи, модели, теории или метода, которые должны открыть еще одну жизненно важную тайну. Заранее составленное мнение исследователя может помочь делу, а может и поставить пределы научному открытию. Множество навязанных извне установок, описанных выше, ограничивали развитие психологии. Наука — это прежде всего продукт коллективных человеческих усилий, но очень часто мы становимся жертвами или рабами научных мифов.

Этнопсихологический подход выступает за связь между гуманитарными науками (с первоочередным вниманием, уделяемым анализу и подтверждению) и общественными науками (с первоочередным вниманием, уделяемым анализу и подтверждению). Мы уделяли основное внимание внутренней и внешней валидности, но не практической валидности (Kim et al., 2000). Другими словами, помогут ли наши теории понимать, прогнозировать и управлять поведением человека? В практическом смысле величайшим психологом, наверное, был Вильям Шекспир. Он не был аналитиком, подобно Фрейду или Пиаже, и не проводил экспериментов, подобно Скиннеру, но на бумаге и на сцене он смог схватить суть человеческой драмы. Его драмы ставились веками во многих культурах и завоевали любовь всего мира. В том же духе можно назвать Людвига ван Бетховена или Вольфганга Амадея Моцарта величайшими психотерапевтами, поскольку их музыка исцеляет истрепанные нервы и помогает забыть о бедах повседневной жизни. Уолта Диснея можно считать одним из лучших специалистов по возрастной психологии. Он сумел завоевать сердца и умы юных и тех, кто юн душой. Мы не можем считать этих людей психологами, но им удалось схватить и воспроизвести человеческую психологию на сцене, в кино, в музыке и на бумаге на многие века и для разных народов. Мы должны учиться у них и перевести их феноменологические знания в аналитические формы.

Литература

Allport, G. (1968). Historical background of modern social psychology. In G. Lindzey & E. Aronson (Eds.), *Handbook of social psychology* (Vol. 1) (pp. 1–79). Reading, MA: Addison-Wesley.

Azuma, H. (1984). Psychology in a non-Western country. *International Journal of Psychology, 19,* 145–155.

Azuma, H. (1986). Why study child development in Japan? In H. Stevenson, H. Azuma & K. Hakuta (Eds.), *Child development and education in Japan* (pp. 3–11). New York: W. H. Freeman.

Azuma, H. (1988, September). *Are Japanese really that different? The concept of development as a key for transformation.* Paper presented at the 24th International Congress of Psychology, Sydney, Australia.

Bandura, A. (1997). *Self-efficacy: The exercise of control.* New York: Freeman.

Bandura, A., Reese, L. & Adams, N. E. (1982). Microanalysis of action and fear arousal as a function of differential levels of perceived self-efficacy. *Journal of Personality and Social Psychology, 43,* 5–21.

Barry, H., Bacon, M. K. & Child, I. L. (1959). Relations of child training to subsistence economy. *American Anthropologist, 61,* 51–63.

Berlin, I. (1976). *Vico and herder: Two studies in the history of ideas.* New York: Viking.

Berry, J. W. (1976). *Human ecology and cognitive style: Comparative studies in cultural and psychological adaptation.* New York: Wiley.

Berry, J. W. (1980). Introduction to methodology. In H. C. Triandis & W. W. Lambert (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Methodology* (Vol. 2, pp. 1–29). Boston: Allyn & Bacon.

Berry, J. W. (1993). Psychology in and of Canada: One small step toward a universal psychology. In U. Kim & J. W. Berry (Eds.), *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context* (pp. 260–277). Newbury Park, CA: Sage.

Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H. & Dasen, P. R. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications.* Cambridge: Cambridge University Press.

Boring, E. G. (1950). *A history of experimental psychology.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. (Original work published 1921).

Boski, P. (1993). Between West and East: Humanistic values and concerns in Polish psychology. In U. Kim & J. W. Berry (Eds.), *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context* (pp. 79–103). Newbury Park, CA: Sage.

Boulding, K. (1980). Science: Our common heritage. *Science, 207,* 831–826.

Budd, M. (1989). *Wittgenstein's Philosophy of Pschology.* London: Routledge.

Burke, J. (1985). *The day the universe changed.* Boston: Little, Brown & Co.

Choi, S. C., Kim, U. & Kim, D. I. (1997). Multifaceted analyses of chemyon («social face»): An indigenous Korean perspective. In K. Leung, U. Kim, S. Yamaguchi & Y. Kashima (Eds.), *Progress in Asian social psychologies.* Singapore: John Wiley & Sons.

Chorover, S. L. (1980). *From genesis to genocide: The meaning of human nature and the power of behavior control.* Cambridge: MIT Press.

Confucius. (1979). *The analects.* Harmondsworth, UK: Penguin Books.

Cronbach, L. J. (1975). The two disciplines of scientific psychology. *American Psychologist, 12,* 671–684.

Danziger, K. (1983). Origins and basic principles of Wundt's *Volkerpsychologie. British Journal of Social Psychology, 22,* 303–313.

d'Espagnet, B. (1979). The quantum theory and reality. *Scientific American, 241,* 158–181.

Enriquez, V. G. (1993). Developing a Filipino psychology. In U. Kim & J. W. Berry (Eds.), *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context* (pp. 152 — 169). Newbury Park, CA: Sage.

Francis, R. C., Soma, K. & Fernald, R. D. (1993). Social regulation of the brain-pituitary go nadal axis. *Neurobiology, 90,* 7794–7798.

Fuglesang, A. (1984). The myth of people's ignorance. *Developmental Dialogue, 1–2,* 42–62.

Georgas, J. (1993). Ecological-social model of Greek psychology. In U. Kim & J. W. Berry (Eds.), *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context* (pp. 56–78). Newbury Park, CA: Sage.

Gibson, J. J. (1985). Conclusions from a century of research on sense perception. In S. Koch & D. E. Leary (Eds.), *A century of psychology as science* (pp. 224–230). New York: McGraw-Hill.

Harre, R. (1999). The rediscovery of the human mind: The discursive approach. *Asian Journal of Social Psychology, 2,* 43–63.

Harre, R. & Gillet, G. (1994). *The discursive mind.* Thousand Oaks, CA: Sage.

Hebb, D. O. (1974). What psychology is about. *American Psychologist, 29,* 71–79.

Heider, F. (1958). *The psychology of interpersonal relations.* New York: Wiley.

Hofstede, G. (1991). *Organizations and cultures: Software of the mind.* New York: McGraw-Hill.

Holten, G. (1988). *Thematic origins of scientific thought: From Kepler to Einstein* (Rev. ed.). Cambridge: Harvard University Press.

Hwang, K. K. (1998). Two moralities: reinterpreting the findings of empirical research in Taiwan. *Asian Journal of Social Psychology, 1,* 211–238.

Kim, U. (1994). Individualism and collectivism: Conceptual clarification and elaboration. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S. C. Choi & G. Yoon, G. (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 19–40). Thousand Oaks, CA: Sage.

Kim, U. (1995). Psychology, science, and culture: Cross-cultural analysis of national psychologies in developing countries. *International Journal of Psychology, 30,* 663–679.

Kim, U. (1998). Understanding Korean corporate culture: Analysis of transformative human resource management. *Strategic Human Resource Development Review, 2,* 68–101.

Kim, U. (1999). After the crisis in social psychology: Development of the transactional model of science. *Asian Journal of Social Psychology, 1,* 1–19.

Kim, U. & Berry, J. W. (1993). *Indigenous psychologies: Experience and research in cultural context.* Newbury Park, CA: Sage.

Kim, U. & Choi, S. C. (1994). Individualism, collectivism, and child development: A Korean perspective. In P. M. Greenfield & R. Cocking (Eds.), *Cognitive socialization of minority children: Continuities and discontinuities* (pp. 227–258). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Kim, U., Park, Y. S. & Park, D. H. (1999). The Korean indigenous psychology approach: Theoretical considerations and empirical applications. *Applied Psychology: An International Review, 45,* 55–73.

Kim, U., Park, Y. S. & Park, D. H. (2000). The challenge of cross-cultural psychology: The role of indigenous psychologies. *Journal of Cross-Cultural Psychology,* 31(1), 63–75.

Kim, U., Triandis, H. C., Kagitcibasi, C., Choi, S. C. & Yoon, G. (Eds.). (1994). *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications.* Thousand Oaks, CA: Sage.

Kim, U. & Yamaguchi, S. (1995). Conceptual and empirical analysis of amae: Exploration into Japanese psycho-social space. In *Proceedings of the Japanese Group Dynamics 1995 Confeence.* Tokyo: Japanese Group Dynamics Association.

Klineberg, O. (1980). Historical perspectives: Cross-cultural psychology before 1960. In H. C. Triandis & W. W. Lambert (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Perspectives* (Vol. 1, pp. 31–68). Boston: Allyn and Bacon.

Koch, S. & Leary, D. E. (Eds.). (1985). *A century of psychology as science.* New York: McGraw-Hill.

Leahey, T. H. (1987). *A history of psychology: Main currents in psychological thought.* London: Prentice-Hall.

Lee, S. H. (1991). *Virtues and rights: Reconstruction of Confucianism as a rational communitarianism.* Unpublished doctoral dissertation, University of Hawaii, Honolulu.

Lenzer, G. (1975). *August Comte and positivism: The essential writings.* New York: Harper & Row.

Lew, S. K. (1977). Confucianism and Korean social structure. In C. S. Yu (Ed.), *Korean and Asian religious tradition* (pp. 151–172). Toronto: University of Toronto Press.

Lomov, B., Budilova, E. A., Koltsova, V. A. & Medvedev, A. M. (1993). Psychological thought within the system of Russian culture. In U. Kim & J. W. Berry (Eds.), *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context* (pp. 104–1117). Newbury Park, CA: Sage.

Merz, J. T. (1965). *A history of European thought in the 19th century.* Cambridge: Harvard University Press. (Original work published 1904)

Mundy-Castle, A. C. (1974). Social and technologial intelligence in Western and non Western cultures. *Universitas, 4,* 46–52.

Park, Y. S. & Kim, U. (1999). Conceptual and empirical analysis of attributional style: The relationship among six attributional style in Koea. *The Korean Journal of Educational Psychology,* 137(3), 119–165.

Sampson, E. E. (1978). Scientific paradigms and social values: Wanted — A scientific revolution. *Journal of Personality and Social Psychology, 36,* 1332–1343.

Segall, M. H., Dasen, P. R., Berry, J. W. & Poortinga, Y. H. (1990). *Human behavior in global perspective: An introduction to cross-cultural psychology.* New York: Pergamon.

Shepard, R. N. (1987). Toward a universal law of generalization for psychological sciences. *Science,* 237, 1317–1323.

Shweder, R. A. (1991). *Thinking through cultures — Expeditions in cultural psychology.* Cambridge: Harvard University Press.

Sinha, D. (1997). Indigenizing psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Theory and method* (Vol. 1) (pp. 129–170). Boston: Allyn & Bacon.

Tobin, J., Wu, D. Y. H. & Davidson, D. H. (1989). *Preschool in three cultures: Japan, China, and the United States.* New Haven, CT: Yale University Press.

Toennies, F. (1963). *Community and society.* New York: Harper & Row. (Original work published 1887).

Triandis, H. C., Lambert, W. W., Berry, J. W., Lonner, W., Heron, A., Brislin, R. W. & Draguns, J. G. (1980). *Handbook of cross-cultural psychology* (Vols. 1–6). Boston: Allyn & Bacon.

van Hoorn, W. & Verhave, T. (1980). Wundt schanging conceptions of a general and theoretical psychology. In W. G. Bringmann & R. D. Tweeney (Eds.), *Wundt studies: A centennial collection.* Toronto: Hogrefe.

Wallner, F. (1999, August). *Constructive realism.* Paper presented at the Third International Conference of the Asian Association of Social Psychology, Taipei.

Wundt, W. (1916). *Elements of folk psychology: Outlines of a psychological history of the development of mankind* (E. L. Schaub, Trans.). London: George Allen & Unwin.

ГЛАВА 5

Эволюция кросс-культурных методов исследования

Фонс ван де Вивьер

По мере развития кросс-культурной психологии как дисциплины появлялись новые разработки не только в теории и концепциях, как рассказывается в остальных главах, но и в эмпирических методах. Эти изменения отражали не просто незначительную корректировку традиционных подходов к экспериментальной психологии; на самом деле эти разработки были причиной эволюции техники и методики кросс-культурного исследования, которое привело к использованию фундаментально иных единственных в своем роде методов проведения исследователей. Разумеется, поскольку кросс-культурные методы постоянно подвергаются влиянию традиционных методологий, они непрерывно адаптируются и видоизменяются, включая в свой арсенал новые технологии и методологические инновации, специфические для кросс-культурных исследований.

В этой главе ван де Вивьер дает великолепный обзор методологических проблем, характерных для кросс-культурного исследования. Он описывает наиболее типичные отличительные особенности кросс-культурных методов и рассматривает эти методы в исторической перспективе. Весьма полезны проводимые им сравнения и противопоставления данных методик с традиционным для психологии экспериментальным подходом, и читатель найдет здесь яркий рассказ о том, как те, кто занимался разработкой методов кросс-культурной психологии, первоначально приняли экспериментальную методику традиционной психологии, а затем адаптировали ее в соответствии с уникальными потребностями кросс-культурного исследования, совершенствуя методику, по мере того, как данные кросс-культурных исследований начинали коренным образом противоречить психологическим теориям.

В частности, просто превосходна предлагаемая ван де Вивьером трактовка вопросов, связанных с отклонениями и эквивалентностью. По признанию многих, данные вопросы составляют наиболее насущную проблему, связанную с методами кросс-культурного исследования.

Автор не только рассматривает вопрос о дефиниции этих терминов, но подробно говорит о возможных источниках отклонений при кросс-культурных исследованиях, а также о том, как справиться с отклонениями. Сделанный им обзор проблем, связанных с переводом, методологией и процедурными вопросами проведения многоязычных исследований также весьма интересен и содержателен.

Читатель найдет в данной главе весьма полезные таблицы; в них сведены воедино типовые источники предубеждений и стратегии преодоления предубеждений в процессе кросс-культурного исследования Эти таблицы великолепно подводят итоги более широкому обсуждению названных проблем в тексте и представляют собой изложенный в удобной и компактной форме справочный материал для всех специалистов в области кросс-культурных исследований, как обладающих опытом, так и новичков. Весьма полезным является и приложение, включающее 22 принципа кросс-культурного исследования; эти принципы были выработаны Международной комиссией по тестированию и представляют собой достаточно широкий перечень предложений и рекомендаций по проведению кросс-культурного исследования на самом высоком уровне.

Основное стремление ван де Вивьера — исследовать, как развивались (или, как он говорит, «корректировались») методы кросс-культурной психологии, адаптируя экспериментальную методику традиционной психологии, для совершенствования существующих методов применительно к кросс-культурному исследованию. Поскольку основная цель кросс-культурного исследования сформировалась по мере перехода от простого документирования кросс-культурных различий к исследованию вопроса о том, какие особенности культур ведут к появлению данных различий и почему это происходит, вполне естественно, что методы исследования менялись по своей сути по мере изменения цели. Это предполагает, что методы кросс-культурной науки, подобно данным и знаниям, представленным этим направлением, носят подвижный и динамичный характер, непрерывно изменяясь с течением времени и отзываясь на наиболее актуальные открытия, касающиеся природы воздействия культуры на поведение.

В то же время ван де Вивьер полагает, что необходимо объединить развивающиеся методы кросс-культурной психологии с методами культурной психологии с ее вниманием к опросам местного населения и ситуационным исследованиям поведения с целью формирования методологии на новом уровне. Неотъемлемой особенностью такой новой методологии будет рассмотрение психологии через призму культуры, и именно она сможет помочь нам создать универсальную психологию, которая является целью тех, кто изучает культуру и психологию. В этом смысле основная идея ван де Вивьера совпадает со взглядами остальных авторов книги, и он обеспечивает нас сведениями методологического характера, необходимыми для достижения целей сближения и развития. Поскольку конечная цель кросс-культурной психологии — способствовать созданию универсальной психологии — фундаментальным образом отличается от целей, которые стояли перед исследователями раньше, она неизбежно влечет за собой дальнейшее развитие методики.

Методы исследования, общее обозначение для всех аспектов планирования исследования и анализа данных, всегда имели большое значение для кросс-культурной психологии. Отстаивалась даже точка зрения, что сама кросс-культурная психология — это, прежде всего, метод. Возможно, на момент начала становления кросс-культурной психологии это утверждение соответствовало истине: как теоретические данные, так и средства кросс-культурных исследований были позаим-

ствованы у западной психологии традиционного направления, и кросс-культурное исследование лишь расширяло рамки традиционной психологии посредством (и только) исследования различных выборок. Значительная часть этих исследований заставила критически отнестись к не выраженному явным образом допущению об универсальной валидности западных теорий и инструментария исследований. Однако в ходе исторического развития сфера кросс-культурных исследований начала формировать собственный арсенал эмпирических исследований и теорий, таких как теория о влиянии экокультурного стиля на психологическое функционирование (Berry, 1976) и кросс-культурные модели сходства и различий в установках и ценностных ориентациях (например, Hofstede, 1980; Schwartz, 1992). На протяжении всей истории развития кросс-культурных исследований и до сих пор методологические аспекты занимают видное место.

В данной главе предполагается коснуться следующих вопросов, связанных с методами кросс-культурного исследования:

1. Каковы отличительные особенности методов кросс-культурного исследования?
2. Что представляет собой история данного направления?
3. Каково его современное состояние? Что представляют собой критерии высокого уровня исследовательской практики в кросс-культурной психологии?
4. Что ждет данное направление в будущем? Каких важных разработок можно ожидать?

Отличительные особенности методов кросс-культурного исследования

Как и все остальные науки, кросс-культурная психология часто делает определенные выводы. Входной информацией для этих выводов обычно служат данные, поступающие от представителей различных культурных групп В большинстве исследований нас не слишком интересуют отдельные испытуемые. Не часто встречаются и исследования, в которых в центре внимания находятся тестовые задания Скорее изучаемые выборки и исследовательский инструментарий являются просто носителями и представляют интерес лишь постольку, поскольку дают возможность строить гипотезы, выходящие за их границы. Правильно составленная выборка имеет легко поддающиеся математическому описанию характеристики, связывающие ее с населением, которое она представляет. В особенности в сравнительных исследованиях общественного мнения большое внимание уделяется структуре выборок, чтобы связь между выборкой и изучаемым населением проявилась в полной мере (Gabler & Haeder, in press; Kish, 1965). Аналогично, тестовые задания надлежащим образом спланированного исследования могут рассматриваться как проявления поведения, отношения или иной психологической характеристики, лежащей в основе психологического явления (например, черты характера, способности или установки), которое называется обычно областью генерализации.

Вывод о переносимости показателей выборки на изучаемое население и тестовой оценки на область генерализации не всегда можно считать не требующим до-

казательств. Многие проблемы кросс-культурного исследования проистекают из сомнительных выводов такого рода. При кросс-культурных исследованиях периодически имеют место два вида некорректных выводов: либо они неверны, либо слишком широки. Примером неверного умозаключения может служить следующее: две группы обнаруживают различия в том, что представляется социально желательным, но это не принимается в расчет при оценке различий по определенному критерию, например по личностному опроснику или опроснику по индивидуализму–коллективизму. Кросс-культурные различия в последнем могут переоцениваться или недооцениваться в зависимости от направленности влияния социальной желательности. Проблемы, возникающие в связи с чрезмерно широкой генерализацией, в кросс-культурной психологии имеются в изобилии. Мы часто склонны распространять данные, полученные в ограниченной выборке, состоящей из студентов университета, на население в целом. Нетипичный характер таких студенческих выборок получил достаточное подтверждение (например, узкий возрастной диапазон и слишком однородный уровень интеллекта), однако это учитывается нечасто (Smith & Bond, 1993).

Методологические проблемы кросс-культурного исследования не уникальны и существуют во многих отраслях психологии, изучающих сформировавшиеся естественным образом группы (*intact groups*), таких как клиническая, педагогическая, инженерная психология и психология организации производства. Тем не менее данные проблемы часто более ощутимы именно в кросс-культурных исследованиях, поскольку интерес для них представляет природа культуры (или этнической группы), рассматриваемая как переменная. С методологической точки зрения достаточно сложно изучать культуру как переменную.

Экспериментальные исследования в психологии популярны. «Матерью» всех планов исследования по-прежнему остается эксперимент, при котором испытуемые распределяются случайным образом для проведения экспериментальных процедур (Campbell & Stanley, 1966; Cook & Campbell, 1979; Poortinga & Malpass, 1986). Можно обнаружить некоторые разновидности общего плана, такие как условия двойного слепого эксперимента, контроль при помощи плацебо и/или проведение эксперимента с рассмотрением противоположных гипотез (Christensen, 1997). Основным преимуществом экспериментов такого плана является строгий контроль внешних переменных. Различие между экспериментальной и контрольной группами состоит только в экспериментальной процедуре, в отношении прочих факторов они равноценны и соответствуют конечным целям эксперимента. Когда экспериментальная и контрольная группа обнаруживают статистически значимое различие в показателях, мы можем с уверенностью утверждать, что экспериментальная процедура оказывает воздействие на зависимую переменную, которая представляет для нас интерес.

Надлежащим образом спланированные эксперименты, несмотря на то что они были разработаны для проведения лабораторных исследований на Западе, обладают панкультурной валидностью. Пример проведения одного из таких экспериментов вне западного контекста дают Шреста, Вест, Блейчродт, ван де Вивьер и Хаутваст (Shrestha, West, Bleichrodt, van de Vijver & Hautvast, *в печати*), которых интересовало влияние недостатка йода и железа на умственное развитие. Группа

детей из начальной школы в районе *Ntcheu* в Малави, где разрастание щитовидной железы и дефицит железа носят эндемический характер, была распределена случайным образом для проведения одной из четырех экспериментальных процедур: одна часть группы получала препарат йода, вторая — препарат железа, третья — комбинацию этих препаратов, а четвертая — плацебо. Дети были поделены на четыре группы случайным образом, и те, кто руководил проведением теста, не знали, к какой группе принадлежит каждый из детей. При проведении различных когнитивных тестов, таких как проверка беглости речи и словарного запаса, оценки группы, которая получала йод, были в среднем выше, чем у группы, получавшей плацебо; группа, получавшая железо, дала менее высокие результаты, однако и в ней тем не менее обнаружился заметный эффект. Неукоснительно придерживаясь жестких правил эксперимента (таких, как случайное отнесение испытуемых к группам, находившимся в разных экспериментальных условиях, наличие плацебо-группы и полное отсутствие информации у проводивших тестирование о препаратах, которые принимали дети), авторы могли быть уверены в том, что наблюдаемое воздействие принимаемых препаратов действительно имело место и проявилось не в связи со случайными различиями в экспериментальных группах.

Хотя данный пример может проиллюстрировать общую адекватность для кросс-культурной психологии надлежащим образом выстроенного эксперимента (*true experiment*), надо признать и его недостатки: все четыре экспериментальные группы принадлежали к одной культуре, а следовательно, исследование не носило культурно-сравнительного характера. Можно задать вопрос, применим ли подобный план эксперимента к кросс-культурным сравнениям. Ответ на него отрицательный; экспериментатор не может случайным образом отнести испытуемых к различным культурам. Подобно другим внутренне присущим испытуемому особенностям, принадлежность к культуре не может быть задана в рамках эксперимента.

Проблема, связанная с применением культурно-сравнительной методологии, достаточно сложна; предполагается, что культурные группы, в отличие от экспериментальных групп при надлежащем образом выстроенном эксперименте, могут отличаться и действительно отличаются друг от друга по множеству параметров. Различия в оценках в разных культурных группах в принципе могут порождаться всеми факторами, отличающими выборки друг от друга, такими как возраст, пол, уровень образования, опыт работы с психологическими тестами, мотивация и заинтересованность в исследовании. Если в центре внимания кросс-культурного исследования стоит простое документирование кросс-культурных различий, возможно, не стоит беспокоиться о различиях, которые сбивают с толку. Если производитель безалкогольных напитков, который хочет продавать свой напиток в еще одной стране, интересуется, нужно ли внести какие-то изменения в его вкус, он может не волноваться по поводу различий, которые приводят в замешательство. Скорее всего, он не слишком озабочен причиной, по которой вкусовые предпочтения в разных странах различаются, поскольку куда больше его интересует конкретная и достоверная информация, касающаяся оптимального уровня сладости и других вкусовых особенностей его напитка в данной стране. В кросс-культурной психологии диапазон наших интересов шире, и полученные путем наблюдения данные о различиях часто означают лишь начало поисков их объяснения.

Житейское объяснение кросс-культурных различий часто основано на простой схеме рассуждений: если японские и американские женщины ведут себя по-разному, причина этого в различиях культурного происхождения. С научной точки зрения, такой ход мысли не открывает ровным счетом ничего (Lonner & Adamopoulos, 1997; Poortinga & van de Vijver, 1987). Сказать, что японки и американки ведут себя по-разному, поскольку они принадлежат к разным культурам, означает всего лишь парафраз констатации существования поведенческих и кросс-культурных различий; таким образом, мы уклоняемся от вопроса об истоках этих различий. Это напоминает высказывание: моя машина не ездит, потому что она сломалась. Как не естественно звучит это высказывание, автомеханик не сможет помочь мне, пока проблема не будет определена более конкретно. Подобным образом, действительное объяснение не ссылается на культурную принадлежность в целом, но анализирует факторы более специфического характера, которые могут быть причиной данных различий.

Пытаясь объяснить кросс-культурные различия, мы часто вынуждены выбирать одно объяснение из множества. При этом определять наш выбор могут теоретические и методологические соображения. Примером первых может быть использование индивидуализма—коллективизма для объяснения паттернов культурных различий; выявленные в процессе наблюдения различия в оценках затем рассматриваются в рамках более широкой теоретической схемы. Методологическое обоснование может базироваться на всесторонней оценке параметров конструктов, которые дают конкурирующие объяснения (например, желательность в социальном плане).

Проблематичная с методологической точки зрения сущность культуры как переменной в кросс-культурном исследовании имеет различные аспекты, рассмотренные в следующих разделах. Поскольку понятие культуры является чрезвычайно широким общим обозначением огромного множества различий, центральной проблемой кросс-культурного исследования является точное определение источника кросс-культурных различий; с методологической точки зрения важным аспектом проведения кросс-культурного исследования является вопрос об альтернативных вариантах объяснения.

История методов исследования в сфере кросс-культурной психологии

Методологические корни кросс-культурных исследований в большей степени находятся в психологии, чем в культурной антропологии с ее вниманием к наблюдению ситуативного поведения (включенное наблюдение), использованию носителей языка и культуры в качестве экспертов и опорой на качественные методы. Последние чаще используются в культурной психологии (Cole, 1996; Greenfield, 1997a; Miller, 1997).

Крупным событием в методологии психологии была публикация Кэмпбелла и Стэнли (Campbell & Stanley, 1966) «Экспериментальное и квазиэкспериментальное планирование исследований». В ней была дана характеристика методологических концепций того времени. Надлежащим образом спланированный эксперимент, описанный в предыдущем разделе, рассматривался как самый про-

стой способ получения достоверных, воспроизводимых сведений в психологии. Данная монография имела большое влияние и определила эталон исследования для психологии и кросс-культурной психологии. Акцент ставится на внутреннюю валидность и на опасности при установлении внутренней валидности и внесении в нее поправок (например, эффект переноса на этапах, предшествующих тестированию и после него).

Заимствование распространенных психологических методов послужило стимулом для появления сферы кросс-культурных исследований. Можно было опираться на устоявшиеся средства исследования, анализа и представления данных. К сожалению, опора на психологические методы также имеет свои проблемы. Многократно подтверждалось, что, в определенной мере, классическая экспериментальная схема является прокрустовым ложем для тех отраслей психологии, которые при проведении исследований работают с интактными группами (группами, которые были сформированы не путем случайного назначения) и включают, в частности кросс-культурную, педагогическую, клиническую психологию и психологию организации производства.

Схема эксперимента может работать подобающим образом, если экспериментатор хочет провести эксперимент в рамках разных культур; однако схема может оказаться ограниченной при необходимости работать с культурой как с экспериментальной переменной. Хороший пример можно найти в классической схеме Неймана—Пирсона, которая составляет основу современной практики проверки гипотез. Если мы сравниваем два средних значения в t-тесте, в качестве исходного уровня мы часто выбираем значение 0,05 или 0,01. Низкий уровень значения выбирается для того, чтобы выявленные в ходе наблюдения различия, имеющие статистическую значимость, не зависели от случайных флуктуаций, но отражали подлинные различия в средних показателях населения. Теперь представьте, что набор когнитивных тестов дан городским детям англо-американского происхождения и неграмотным деревенским детям из Бангладеш. Различия в оценках когнитивных тестов для этих групп, разумеется, будут весьма существенными, поскольку обучение в школе оказывает значительное влияние на показатели таких тестов (например, Rogoff, 1981; van de Vijver, 1997). Тест с нулевой гипотезой об отсутствии культурных различий — не слишком разумный подход к исследованию данных групп. Можно утверждать даже, что в данном случае культурная дистанция столь велика, что если бы в процессе наблюдения не было выявлено существенных различий ни по одному из тестов, входящих в комплект, результат можно было бы считать более содержательным, чем обнаружение существенных различий. В общем, рабочая схема тестирования с нулевой гипотезой об отсутствии культурных различий может быть полезна для сравнения тесно связанных между собой культурных групп, таких, например, как бельгийцы, говорящие на фламандском языке, и бельгийцы, говорящие по-французски. При этом та же самая схема может быть, прежде всего, препятствием, а не подспорьем при сравнении групп, резко отличающихся в культурном отношении. Установка на избегание ошибок, отнесенных к типу I (отклонение нулевой гипотезы, которая является верной), неявным образом присутствующая в схеме Неймана–Пирсона, представляет собой весьма сомнительную базу для проверки гипотез в кросс-культурной психологии. Сказан-

ное можно подытожить выводом о том, что классическая экспериментальная парадигма нуждается в корректировке для обеспечения потребностей кросс-культурных исследований.

Многие публикации, касающиеся методов кросс-культурных исследований, поясняют необходимость такого «корректирующего подхода». Вопрос о том, как мы можем применять или адаптировать методы традиционной психологии, чтобы сделать их пригодными для использования при проведении кросс-культурных исследований, красной нитью проходит через множество работ, связанных с методологией кросс-культурных исследований, в их числе «Методы кросс-культурного исследования» Брислина, Лоннера и Торндайка (Brislin, Lonner & Thorndike, *Cross-Cultural Research Methods*, 1973); главы по методологии в первом издании «Руководства по кросс-культурной психологии» Триандиса и Берри (Triandis & Berry, *Handbook of Cross-Cultural Psychology*, 1980); работа Лоннера и Берри «Методы полевых кросс-культурных исследований» (Lonner & Berry, *Field Methods in Cross-Cultural Research*, 1986); глава и книга ван де Вивьера и Лейнга (van de Vijver & Leung, 1997a, 1997b).

В течение последних десятилетий наблюдался значительный прогресс в области «корректирующего подхода». Прежде всего, специалисты по кросс-культурной психологии могут продолжать участие в работе над ограниченной применимостью надлежащим образом выстроенного эксперимента и повсеместным применением квазиэкспериментального планирования в психологии. Работа Кука и Кэмпбелла «Квазиэкспериментирование» (Cook & Campbell, *Quasi-Experimentation*, 1979) продолжает оригинальную работу Кэмпбелла и Стэнли (Campbell & Stanley, 1966) в актуальном для кросс-культурной психологии направлении. Она содержит обсуждение вопросов о причинной обусловленности при неэкспериментальных исследованиях и о повышении уровня валидности и факторах, угрожающих ей, при квазиэкспериментальных исследованиях. Во-вторых, достижения статистики делают возможным анализ проблем, которые ранее не поддавались решению в процессе кросс-культурного исследования.

Современные стандарты при проведении кросс-культурного исследования

Отклонения и эквивалентность: определения и классификации

Представим, что в двух странах раздается опросник по определению уровня депрессии и что в него включены и соматические (например, потеря аппетита, сонливость), и психологические (например, уныние, отсутствие интереса к другим людям) симптомы. Далее, предположим, что проявление данных проблем на соматическом уровне встречается в одной из культур повсеместно, однако психологические симптомы в той же культуре не считаются проявлениями депрессии. Кросс-культурное сравнение средних показателей в соответствии с опросником имеет низкий уровень валидности. Из-за различий в проявлениях депрессии в данных культурах трудно ответить на вопрос о том, какая группа обнаружила больше сим-

птомов депрессии; безусловно, этот вопрос не решается проведением теста *t*, который определяет средние показатели двух культурных групп.

Два наиболее существенных для кросс-культурной методологии понятия, отклонения и эквивалентность (Poortinga, 1989), можно проиллюстрировать примером. Под **отклонениями** понимается наличие мешающих факторов, которые ставят под сомнение сравнимость оценок, полученных в разных культурных группах. Если полученные оценки подвергается влиянию отклонений, их психологическое значение зависит от группы, и различия между группами в итоговых оценках должны, по крайней мере, до некоторой степени объясняться дополнительными психологическими конструктами или измерительными артефактами.

Наличие отклонений делает сравнимость оценок, полученных в разных культурах, еще более проблематичной. Наличие отклонений, влияющих на сравнимость, при оценке различных параметров заставляет обратиться к понятию **эквивалентности**. Под эквивалентностью понимается сравнимость оценок, полученных при тестировании в различных культурных группах. Безусловно, отклонения и эквивалентность связаны между собой. Можно доказать, что эти понятия являются зеркальным отражением друг друга: отклонения являются синонимом неэквивалентности; и наоборот, эквивалентность предполагает отсутствие отклонений. Однако здесь мы не будем обращаться с ними таким образом, поскольку для представления методологии кросс-культурных исследований будет полезнее выявить источники отклонений и их влияние на сравнимость оценок.

Согласно ван де Вивьеру и Лейнгу (van de Vijver & Leung, 1997a, 1997b), при кросс-культурном исследовании можно выделить три источника отклонений. Первая разновидность отклонений определена как **отклонения, связанные с конструктом**; они имеют место, когда оцениваемый конструкт не является идентичным в разных группах или когда поведение, определяющее сферу интересов, с которой связаны тестовые задания, в различных культурах не является тождественным, как было проиллюстрировано в примере, связанном с исследованием депрессии. Эмпирический пример можно найти в работе Хо (Ho, 1996), касающейся сыновней благодарности (психологической характеристики, которая определяет хорошего сына или хорошую дочь). Западные представления на этот счет более ограничены, чем китайские, в соответствии с которыми дети должны взять на себя уход и заботу о престарелых родителях, когда те будут нуждаться в помощи. Отклонения, связанные с конструктом, препятствуют кросс-культурной оценке конструкта при помощи одних и тех же показателей. Опросник, касающийся сыновней благодарности, опирающийся на китайские представления, будет включать в себя аспекты, которые не имеют отношения к испытуемым западного происхождения, в то время как опросник, базирующийся на западных представлениях, упустит аспекты, важные для китайцев. Эмбретсон (Embretson, 1983) предложил родственный термин **неполное представление конструкта**, обозначающий неполноту отбора всех релевантных областей при создании инструментария исследования. Между отклонениями, связанными с конструктом, и термином, предложенным Эмбретсоном, есть существенные различия; в то время как неполное представление конструкта представляет собой проблему слишком узко определенного инструментария для

оценки широкого понятия, то есть проблему, которую можно преодолеть, добавляя тестовые задания, относящиеся к той же области генерализации, отклонения, связанные с конструктом, могут быть исправлены лишь добавлением тестовых заданий, относящихся к другим областям генерализации.

Важную разновидность отклонений представляют собой **отклонения, связанные с методом**, причиной которых может быть несравнимость выборок, особенности инструментария, влияние экспериментатора или интервьюера и метод применения тестов. В целом, отклонения, связанные с методом, — определение, под которое подпадают все источники отклонений, возникающих в связи с моментами, описанными в разделе, посвященном методике конкретного исследования. Примером может служить дифференцированный уровень знакомства со стимулами (при проверке умственных способностей) и различия в желательном в социальном плане (при исследовании личности и исследованиях общественного мнения). В примере с депрессией отклонения, связанные с методом, могли быть вызваны, среди прочего, возрастными особенностями, половой принадлежностью, степенью открытости испытуемых или социальной желательностью сообщения о проблемах душевного здоровья.

И, наконец, последняя разновидность отклонений встречается на уровне тестовых заданий; она определена как **отклонения, связанные с тестовыми заданиями**, или **различная функциональная значимость тестовых заданий**. В соответствии с определением, широко используемым в психологии, тестовое задание провоцирует отклонения, если люди с одинаковым отношением к лежащему в основе конструкту (например, с одинаковым уровнем умственных способностей и образования), но принадлежащие к разным культурным группам, показывают разный уровень средних оценок при выполнении данного тестового задания. Оценка по конструкту обычно выводится из полной оценки за выполнение тестового задания. Если ученикам из Польши и Японии дается тест по географии, который содержит вопрос: «Назовите столицу Польши», то естественно ожидать, что ученики из Польши получат более высокие оценки за ответ на этот вопрос, чем японцы, даже если сравнивать учеников, у которых оценки за выполнения теста в целом одинаковы. Данный вопрос задает отклонения, поскольку он является предпочтительным для одной культурной группы. Если в нашем примере с депрессией симптомы соматического характера являются общими для всех культурных групп, в то время как психологические проблемы воспринимаются как составная часть депрессии лишь в рамках одной из культур, анализ, выявляющий отклонения, связанные с тестовыми заданиями, определит вопросы, связанные с психологическими проблемами как вызывающие отклонения. Из всех типов отклонений отклонения, связанные с тестовыми заданиями, изучены наиболее широко; существуют различные психометрические приемы, которые дают возможность выявить такие отклонения (например, Camilli & Shepard, 1994; Holland & Wainer, 1993).

Здесь предлагаются четыре типа эквивалентности (сравни van de Vijver & Leung, 1997a, 1997b). Первый тип определен как **неэквивалентность конструкта**. Он означает сравнение «яблок и апельсинов» (например, сравнение китайской и западной сыновней благодарности, о котором говорилось выше). Поскольку общие

признаки здесь отсутствуют, сравнение проводиться не может. Второй тип называется **структурная (или функциональная) эквивалентность**. Инструмент, который применяется в различных культурных группах, обладает структурной эквивалентностью, если в этих группах при помощи него оценивается один и тот же конструкт. Многие когнитивные тесты проверялись в отношении структурной эквивалентности (Jensen, 1980), например личностный опросник Айзенка (Barret, Petrides, Eysenck & Eysenck, 1998) и так называемая пятифакторная модель личности (McCrae & Costa, 1997). Структурная эквивалентность не требует обязательного использования идентичных инструментов для исследования разных культур. Оценка депрессии может опираться на разные показатели в различных культурных группах и при этом обладать структурной эквивалентностью.

Третий тип эквивалентности называется **эквивалентностью единиц измерения**. Инструменты соответствуют требованиям данного типа эквивалентности, если их шкала измерений включает единицы измерения одних и тех же параметров, имеющие различное происхождение (например, шкала Кельвина и шкала Цельсия для измерения температуры). Такой тип эквивалентности предполагает оценку коэффициента соответствия (одними и теми же единицами измерения в каждой культуре). На первый взгляд, может показаться, что в использовании при определении уровня эквивалентности единиц измерения различного происхождения не только нет никакой необходимости, но это может еще и ухудшить положение. И все же, если мы применяем в разных группах шкалу с разными интервалами, оценки могут быть как вполне сравнимыми, так и абсолютно несравнимыми (в случае неэквивалентности).

Необходимость понятия эквивалентности единиц измерения может стать яснее при более подробном рассмотрении воздействия различного уровня желательности в социальном плане или знакомства со стимулами на различие в кросс-культурных оценках. Предположим, что тест Равена предложили грамотной и неграмотной группе. Вполне естественно предположить, что кросс-культурные различия, касающиеся знакомства со стимулами, повлияют на результаты. Грамотные испытуемые предположительно покажут более высокие результаты и лучшие показатели знакомства со стимулами. По крайней мере отчасти, наблюдаемые различия в результатах можно отнести на счет различной степени знакомства со стимулами, которая скроет действительные кросс-культурные различия. Когда нельзя определить, в какой степени оказал влияние каждый из двух источников, интерпретация сравнения групп по средним значениям результатов носит весьма сомнительный характер. Для того чтобы результаты были сравнимы, необходима поправка на разный уровень знакомства. Можно отметить, что базовая идея внесения поправок в полученные результаты, для того чтобы сделать их сравнимыми в полной мере, применятся также в ковариационном анализе, в котором сравнение оценок производится после того, как нарушающее воздействие сопутствующих факторов (отклонения в контексте данной главы) определено статистически.

Лишь в случае **скалярной (или полной) эквивалентности** можно проводить прямые сравнения; это единственный тип эквивалентности, который допускает статистические тесты, сравнивающие средние значения (такие, как t-тесты и дис-

персионный анализ). Этот тип эквивалентности предполагает один и тот же интервал или шкалу отношений в разных группах и дает возможность без риска пренебречь воздействием отклонений. Определить, какой из двух последних типов эквивалентности имеет отношение к делу, достаточно трудно, и необходимость сделать однозначный вывод часто вызывает расхождение во мнениях. Например, расовые различия при определении результатов тестирования умственных способностей интерпретировались как имеющие место благодаря действительно существующим различиям (скалярная эквивалентность) и как отражающие измерительные артефакты (эквивалентность единиц измерения).

Структурная эквивалентность, эквивалентность единиц измерения и скалярная эквивалентность связаны иерархически. Третья предполагает в качестве предварительного условия вторую, необходимым условием которой является наличие первой. Вытекающее отсюда следствие состоит в том, что эквивалентность более высокого уровня труднее поддается выявлению. Проще доказать, что при помощи определенных средств в разных культурных группах оценивается один и тот же конструкт (структурная эквивалентность), чем доказать численную сравнимость в разных культурах (скалярная эквивалентность). С другой стороны, более высокие уровни эквивалентности допускают более точные сравнения оценок, полученных в разных культурах. В то время как в случае структурной эквивалентности могут сравниваться только факторные структуры или номологические схемы (Cronbach & Meehl, 1955), эквивалентность единиц измерения и полная скалярная эквивалентность позволяют осуществить анализ черт кросс-культурного сходства и различия на уровне мелких структурных единиц. И лишь в случае полной эквивалентности могут сравниваться средние значения показателей, полученные в разных культурах при помощи t-тестов и ковариационного (дисперсионного) анализа.

Источники отклонений

Отклонения и эквивалентность не являются неотъемлемыми характеристиками инструмента, но возникают в процессе применения инструмента в рамках не менее чем двух культурных групп; они являются свойствами кросс-культурного сравнения. Решения об уровне эквивалентности и наличии или отсутствии отклонений должны быть обоснованы эмпирически. Требование такого обоснования не должно пониматься как надежда на слепой эмпиризм и невозможность осуществления предшествующих исследованию мероприятий, которые способствовали бы минимизации отклонений и максимизации эквивалентности. Напротив, далеко не все инструменты в равной мере восприимчивы к отклонениям. Например, более структурированные тесты в меньшей степени чувствительны к отклонениям, чем вопросы открытого типа. Подобным образом, сравнение с родственной группой дает меньшее количество отклонений, чем сравнение с группами, значительно отличающимися по культурному происхождению. Чтобы предотвратить отклонения, необходимо выявить их потенциальные источники. В табл. 5.1 дан их краткий обзор, основанный на классификации ван де Виввера и Танцера (van de Vijver & Tanzer, 1997; ср. van de Vijver & Poortinga, 1997). Предложенный перечень носит предварительный характер, поскольку источники отклонений весьма многочисленны.

Таблица 5.1

Типичные источники трех видов отклонений при кросс-культурной оценке

Вид отклонений	Источник отклонений
Отклонения, связанные с конструктом	Культурная специфика дефиниций данного конструкта в разных культурах
	Различия в адекватности различных видов поведения, связанных с данным конструктом (например, навыки, владение которыми не предполагается в одной из культурных групп)
	Слишком узкая выборка релевантных видов поведения (например, в связи с недостатками инструментария)
	Включение в зону наблюдения не всех релевантных аспектов/сторон конструкта (например, учтены не все релевантные области)
Отклонения, связанные с методом	Различный уровень знакомства со стимульным материалом
	Различная степень осведомленности в отношении процедуры ответа
	Различная манера ответа на вопросы (например, желательность в социальном плане, оценка предельного значения, неохотное согласие)
	Несравнимость выборок (например, в связи с различиями в образовательном уровне или мотивации)
	Различия внешнего характера, касающиеся условий проведения теста, физических (например, записывающие устройства) или социальных (например, размер класса)
	Невразумительные инструкции для респондентов и/или неопределенные установки проводящих тестирование
	Различие в экспертных оценках проводящих тестирование
Отклонения, связанные с тестовыми заданиями	Влияние экспериментатора/интервьюера/наблюдателя (например, галоэффект)
	Проблемы коммуникации респондента и экспериментатора/ интервьюера (включая проблемы перевода и табуированные темы)
	Неудачный перевод тестовых заданий и/или тестовые задания, допускающие неоднозначное толкование
	Фактор помех (например, выполнение тестового задания требует наличия определенных черт характера или способностей)
	Культурная специфика (например, дополнительные различия в коннотативном значении и/или адекватности содержания тестового задания)

Источник: van de Vijver & Tanzer, 1997.

Отклонения, связанные с конструктом

Отклонения, связанные с конструктом, могут появиться, если дефиниции конструкта в разных группах не вполне совпадают. Выше упоминалась работа Хо (Ho, 1996) на тему сыновней благодарности. Другой пример касается работы по исследованию личности. Янг и Бонд (Yang & Bond, 1990) предъявили американские и китайские личностные дескрипторы группе испытуемых из Тайваня. Факторный анализ показал различия в китайских и американских факторах. Подобным обра-

зом, Чеунг и соавторы (Cheung et al., 1996) пришел к выводу, что пятифакторная модель личности (McCrae & Costa, 1997), в основе которой лежат западные представления, не включает всех аспектов, уместных, по мнению китайца, при описании личности. Помимо западных факторов (экстраверсия, согласие, сознательность, невротичность/эмоциональная устойчивость и открытость) были обнаружены два китайских фактора: лицо и гармония.

Отклонения, связанные с конструктом, могут также быть вызваны различиями в адекватности поведения, которое связано с данным конструктом в разных культурах. Можно привести пример из исследования умственных способностей. Западные тесты умственных способностей обычно уделяют основное внимание способности к рассуждениям и логическому мышлению (как делает это Тест прогрессивных матриц Равена), проверка которых дополняется, как правило, множеством тестов для определения суммы приобретенных знаний (такие, как шкалы оценки словарного запаса среди векслеровских шкал). Когда представителя западной культуры спрашивают, какие характеристики он связывает с понятием умный человек, в ответ часто упоминаются способность к логическому мышлению и обширные знания. Кроме того, упоминаются социальные аспекты интеллекта. Социальные аспекты значат гораздо больше в представлении об интеллекте для групп, представляющих незападные культуры. В племени кокуэт (Кения) матери считают, что умный ребенок знает свое место в семье и умеет вести себя должным образом, например знает, как следует обращаться к другим людям. Умный ребенок послушен и не создает проблем (Mundy-Castle, 1974, цит. по Segall, Dasen, Berry & Poortinga, 1990). Исследования, проведенные в Замбии (Serpell, 1993) и Японии (Azuma & Kashiwagi, 1987), также показывают, что описание умного человека выходит за пределы области, связанной с обучением, с которой, как правило, ассоциируется интеллект в Соединенных Штатах и Европе, и что социальные аспекты, возможно, считаются в незападных странах более релевантными. Куо и Марселла (Kuo & Marsella, 1977), которые изучали макиавеллизм в Китае и Соединенных Штатах, приводят еще один пример. Сравнение результатов факторного анализа ясно показывает различия в характеристиках поведения, которые ассоциируются с данным конструктом в этих странах.

И, наконец, слишком узкая выборка релевантных видов поведения, показательных для данного конструкта, также может послужить источником отклонений. Триандис (Triandis, 1978) более 20 лет назад жаловался, что, желая оценить достаточно обширный конструкт, мы подходим к нему со слишком узкими критериями, которые дают лишь частичное представление о нем. Введенное Эмбретсоном (Embretson, 1983) понятие о неполном представлении конструкта связано с той же проблемой неудовлетворительных тестов для оценки широкого конструкта. Призывы изменить эту практику, как правило, пропускают мимо ушей. Слишком узкое определение выборки может проистекать и из другого источника. В процессе ряда эмпирических исследований отклонений, связанных с тестовыми заданиями, обнаруживалась столь значительная доля тестовых заданий, приводящих к отклонениям, что их исключение приведет к неполному представлению конструкта. Ван Лиист (Van Leest, 1997a, 1997b) обнаружил, что в Нидерландском личностном опроснике более половины вопросов вызывают отклонения при сравнении претен-

дентов на работу, которые являются коренными жителями, и иммигрантов. Подобным образом, в процессе кросс-культурного Раш-анализа[1] Культурно-свободного теста интеллекта Кеттелла, который был предложен американским и нигерийским студентам, Ненти и Динеро (Nenty & Dinero, 1981) были вынуждены снять 24 из 46 заданий, поскольку они либо не соответствовали модели Раша, либо вели к кросс-культурным отклонениям.

Отклонения, связанные с методом

Очевидно, отклонения, связанные с выборкой, представляют тем большую опасность для кросс-культурных сравнений, чем больше отличаются исследуемые культуры; значительная культурная дистанция часто увеличивает количество альтернативных объяснений кросс-культурных различий, которые приходится принимать во внимание. Как правило, конкурирующими являются два типа объяснений: кросс-культурные различия связываются с социальной желательностью или знакомством со стимулами (*testwiseness* — тестовая осведомленность). Основная проблема, касающаяся как желательности в социальном плане, так и тестовой осведомленности, это их взаимосвязь с благосостоянием страны, которое в рабочем порядке часто определяется через валовой национальный продукт (на душу населения). Ван Хемерт, ван де Вивьер, Пуртинга и Георгас (Van Hemert, van de Vijver, Poortinga & Georgas, *в печати*) исследовали взаимосвязь оценок по Шкале лжи (шкала желательности в социальном плане, которая является составной частью Личностного опросника Айзенка) и валового национального продукта. Они обнаружили высокий уровень негативной корреляции –0,70. В странах с более высоким уровнем благосостояния оценки желательности в социальном плане были, как правило, более низкими. Подобным образом, Уильямс, Саттеруайт и Сейз (Williams, Satterwhite & Saiz, 1998) обратились к студентам из 10 стран (Чили, Китай, Корея, Нигерия, Норвегия, Пакистан, Португалия, Сингапур, Турция и США) с просьбой расположить 300 терминов, описывающих человека, в порядке привлекательности связанных с ними понятий. Привлекательность, очевидно, тесно связана с желательностью в социальном плане. Среднее значение по стране по 300 пунктам (которое предположительно отражает желательность в социальном плане, поскольку предложенные прилагательные представляли собой обширную выборку как привлекательных, так и не вызывающих одобрение качеств) находилось в соотношении –0,66 с уровнем благосостояния.

Процедура отбора испытуемых является еще одним потенциальным источником отклонений, связанных с выборкой, при проведении когнитивных тестов. Так, мотивация при демонстрации установок или способностей может зависеть от общего количества психологических тестов, которые прошел испытуемый, от добровольности участия в тестировании и других моментов, влияющих на результаты.

Отклонения при проведении тестирования могут быть вызваны различиями физического, технического или социального характера, касающимися внешних условий проведения теста. Например, когда интервью проводится в доме респон-

[1] Раш-анализ — предложенный Георгом Рашем метод обработки данных, позволяющий перейти от качественных показателей к количественным оценкам и моделям. — *Примеч. науч. ред.*

дента, физические условия (например, шум, присутствие посторонних) затрудняют проведение кросс-культурного исследования. Примерами внешних условий социального характера служат индивидуальное (или групповое) тестирование, пространство между тестируемыми (при групповом тестировании) или размер класса (при тестировании в условиях учебного заведения). К прочим источникам отклонений, связанным с проведением тестирования, относятся нечеткость инструкций при проведении теста и неопределенность установок проводящих тестирование или различия в восприятии данных инструкций. Степень влияния экспериментатора или интервьюера на результаты оценок изучалась эмпирическим путем; к сожалению, отдельные исследования характеризовались неадекватным планированием, при котором не изучались все возможные комбинации культур испытуемых и экспериментаторов. При когнитивном тестировании присутствие экспериментатора обычно не создает больших помех (Jensen, 1980). При опросах общественного мнения имеется большее количество доказательств влияния, которое оказывает интервьюер (Singer & Presser, 1989). Зафиксировано проявление уважительного отношения к интервьюеру; испытуемые склонялись к выражению более позитивного отношения к представителям определенной культурной группы, если интервью проводилось тем, кто к ней принадлежит (например, Aquilino, 1994; Cotter, Cohen & Coulter, 1982; Reese, Danielson, Shoemaker, Chang, Hsu, 1986).

Последним источником отклонений, связанным с проведением тестирования, являются проблемы коммуникационного характера, возникающие между респондентом и лицом, осуществляющим тестирование/интервьюером. Например, на конечный результат может повлиять вмешательство переводчика. Проблемы коммуникации не сводятся к работе с переводчиками. Языковые проблемы могут быть источником значительных отклонений, когда, что нередко при проведении кросс-культурных исследований, тестирование или интервью проводятся на втором или третьем языке для интервьюера или респондента. Случаи непонимания носителями языка тех, для кого он иностранный, можно найти в работе Гасса и Варониса (Gass & Varonis, 1991).

Отклонения, связанные с инструментарием исследования, распространены при проведении когнитивных тестов. Интересным примером является применение Писвангером (Piswanger, 1975) Венского теста матриц (Formann & Piswanger, 1979), рисуночного теста индуктивного мышления по Равену, в старших классах школ Австрии, Нигерии (арабской образовательной ориентации) и Того. Наиболее замечательным открытием были кросс-культурные различия, которые проявились в трудности выполнения тестовых заданий, предполагавших выявление и применение закономерностей перемещения по горизонтали (то есть слева направо). Объяснялось это различным направлением письма латиницей (слева направо) и арабским шрифтом (справа налево).

Отклонения, связанные с тестовыми заданиями

Отклонения, связанные с тестовыми заданиями, обычно вызываются неудачным переводом тестовых заданий, неоднозначностью тестовых заданий, низким уровнем осведомленности о содержании тестового задания или недостаточной адекватностью его содержания в отношении определенных культур, влиянием культурной

специфики, такой как факторы, создающие помехи, или иной коннотацией слов, входящих в состав тестового задания. Перевод тестового задания может оказаться неудачным как из-за ошибок при переводе, так и в связи с лингвистическими особенностями определенного стиля. Даже переводы, корректные с точки зрения лингвиста, могут тем не менее обладать низким качеством с точки зрения психолога. Хороший пример дает Хамблтон (Hambleton, 1994, p. 235). Тест, проверявший достижения в учебе в рамках крупного международного исследования, содержал вопрос: «Где должны обитать птицы с перепончатыми лапами?» По сравнению с повсеместно полученными результатами, данный вопрос оказался чрезвычайно легким для шведов. Когда был сделан обратный перевод со шведского языка, стало понятно, почему. Шведский перевод с английского языка сочетания «птица с перепончатыми лапами» был таков «птица с лапами для плавания», что давало куда более надежную подсказку для ответа на вопрос, чем английский вариант.

Культурная специфика, связанная с содержанием и/или с коннотацией тестового задания, представляет собой распространенный источник отклонений, связанных с тестовыми заданиями. Следующий пример, данный Салей (Szalay, 1981), может служить иллюстрацией обладающей культурной спецификой коннотации.

> Английское слово *corruption* (порча, развращенность, коррупция) вне всяких сомнений точно соответствует корейскому слову *pupae* [при его написании использован специальный фонетический значок. — *Т. Г.*], но это еще не гарантирует совпадение значения этих слов в разных культурах. Разный культурный опыт ведет к различной интерпретации, которая не дается в традиционных словарях. Систематическое сравнение корейских и американских значений слова *corruption* показывает, что для обеих групп данное понятие включает дурное, предосудительное поведение. Важное различие состоит в том, что в соответствии с американской интерпретацией такое поведение отвергается по соображениям нравственности: это недостойное поведение и это преступление. Для корейца коррупция не является недостойным поведением с точки зрения нравственности; такое поведение является неподобающим в том смысле, что создает помехи в выполнении правительством и социальными институтами своих функций; к тому же оно ведет к негативным социальным последствиям (p. 141).

Отклонения, связанные с тестовыми заданиями, могут возникать также в связи с идиоматическими выражениями или неточно переведенными словами, как, например, известное немецкое *Zeitgeist*, которое не имеет точного соответствия в английском языке, или английское слово *distress* (страдание, несчастье, утомление, нужда, нищета), которое во многих языках не имеет эквивалента.

Как справиться с отклонениями

Есть разные пути, помогающие справиться с отклонениями (ср. Poortinga & Van der Flier, 1988). Первый способ — пренебречь ими. На первый взгляд предложение не принимать отклонения во внимание может показаться парадоксальным, поскольку игнорирование отклонений не может рассматриваться как вариант решения вопроса. Причина того, что этот путь упоминается здесь, в его популярности. Многие кросс-культурные исследования, отчеты о которых опубликованы в литературе, не включают анализ отклонений и интерпретируют все наблюдаемые кросс-культурные различия в соответствии с их видимой значимостью. С методо-

логической точки зрения, подход, которому свойственны такие «набеги», едва ли можно оправдать; именно он вполне может быть одним из факторов медленного теоретического прогресса в кросс-культурной психологии. Второе, отклонения могут рассматриваться как показатель того, что инструмент является неадекватным для кросс-культурного сравнения; если наблюдаются отклонения, исследователь может принять решение воздержаться от таких сравнений. Такой подход разумен, однако ставит слишком много ограничений. Отклонения могут быть неизбежны, в особенности, когда речь идет о сравнении весьма непохожих культурных групп (например, различная тестовая осведомленность при сравнении учеников, представляющих различные системы образования). Третье, отклонения могут рассматриваться как источник важных сведений, дающих ключ к пониманию кросс-культурных различий. При таком подходе отклонения определяют культурную специфику, тогда как инструменты (или их части), которые не обнаруживают отклонений, указывают на универсалии.

Сравнения вызывающих и не вызывающих отклонения составляющих инструмента дают богатый материал, касающийся кросс-культурных различий. Например, Танака-Мацуми и Марселла (Tanaka-Matsumi & Marsella, 1976) попросили японцев и американцев назвать слова, которые связаны с депрессией; вторая группа чаще называла слова, определяющие настроение, в то время как первая предпочитала понятия соматического характера. Это говорит о том, что анализ отклонений показал бы, вероятно, в данном случае наличие структурной эквивалентности для некоторых соматических симптомов и отсутствие структурной эквивалентности для большинства прочих симптомов. Соматические реакции определяют общие аспекты, а настроение представляет собой культурную специфику данного явления.

Четвертое, можно попытаться снизить отклонения. Известным способом снижения отклонений, связанных с методом, является культурная децентрализация (Werner & Campbell, 1970) (табл. 5.2). Слова и понятия, которые специфичны для отдельного языка или культуры, опускаются (например, Cortese & Smyth, 1979). Этот подход работает наилучшим образом при проведении одновременно лингвистической и культурной экспертизы всех культур, которые являются объектом исследования. Другой путь преодоления отклонений, связанных с конструктом, это конвергентный подход: инструменты исследования независимо разрабатываются в рамках различных культур (на разных языках), затем все инструменты переводятся и предлагаются испытуемым, представляющим все эти культуры (Campbell, 1986).

Некоторые приемы снижения отклонений применимы при сочетании отклонений, связанных с конструктом, с отклонениями, связанными с методом. Такие приемы предполагают работу с нестандартными выборками или методами сбора данных. Например, можно обратиться к информантам местного происхождения с просьбой оценить адекватность инструмента, провести на месте опросы общественного мнения, использовать инструменты нестандартным путем, чтобы проверить, правильно ли понимаются задаваемые вопросы. Роль информантов местного происхождения хорошо проиллюстрирована в исследовании Брандта с соавторами (Brandt & Boucher, 1986), которые интересовались местом депрессии в эмоцио-

Таблица 5.2

Стратегии выявления и преодоления отклонений при кросс-культурной оценке

Вид отклонений	Стратегии
Отклонения, связанные с конструктом	Децентрализация (то есть одновременная разработка одних и тех же инструментов в рамках нескольких культур) Конвергентный подход (то есть независимая разработка инструментов в рамках каждой из культур с последующей кросс-культурной апробацией всех инструментов)
Отклонения, связанные с конструктом и/или с методом	Использование информантов, обладающих специальными знаниями, связанными с местной культурой и языком Включение в выборки испытуемых-билингвов Использование опросов местного населения (например, контент-анализ ответов на открытые вопросы) Использование нестандартных инструментов (например, размышления вслух) Кросс-культурное сравнение номологических схем (например, исследования конвергентной/дискриминантной валидности, коннотация ключевых фраз)
Отклонения, связанные с методом	Более основательная подготовка экспериментаторов (например, повышение уровня культурной чувствительности) Подробное руководство/протокол по проведению тестирования, подведению итогов и интерпретации результатов Подробные инструкции (например, снабженные достаточным количеством примеров и/или упражнений) Использование испытуемых с различными переменными (например, разный уровень образования) Использование побочной информации (например, поведение при получении задания или отношение к тестированию) Оценка стиля ответов Использование тест-ретестовых, учебных и/или промежуточных исследований
Отклонения, связанные с тестовыми заданиями	Оценочные методы выявления отклонений (например, лингвистический и психологический анализ) Психометрические методы выявления отклонений (например, анализ различной функциональной значимости тестовых заданий) Анализ ошибок или сомнительных моментов

Источник: van de Vijver & Tanzer, 1997.

нальных лексиконах. Эти авторы не предъявляли список терминов, связанных с эмоциями, но собирали такие термины с помощью местных информантов (в Австралии, Индонезии, Японии, Корее, Малайзии, Пуэрто-Рико, Шри-Ланке и США). Четко выделенная совокупность терминов, связанных с депрессией, была обна-

ружена только в Японии, Индонезии, Шри-Ланке и США. Для других языков слова, которые ассоциируются с депрессией, прежде всего связываются с совокупностями, обозначающими печаль.

То, что может быть полезна нестандартная процедура проведения теста, проиллюстрировано в исследовании Броера (Broer, 1996). Он хотел дать Венский тест матриц студентам первого курса в Чили и в Австрии. В процессе предварительного исследования было обнаружено, что чилийцам требуется больше времени для ответа на вопросы. В руководстве указывалось общая продолжительность проведения теста, составляющая 25 минут, время, достаточное для большинства испытуемых из Австрии (где был разработан данный тест), чтобы выполнить задание. При кросс-культурном исследовании эти ограничения были сняты, чтобы у всех испытуемых было достаточно времени на выполнение теста. Выяснилось, что за 25 минут выполнили тест более 90 % австрийцев и лишь 55 % чилийцев. Средние тестовые оценки, полученные при неограниченном времени на выполнение теста, отличались не существенно. Интересно, что оценки были зарегистрированы и по истечении 25 минут, и на этот момент времени различия между представителями двух стран были весьма существенными. Данные по кросс-культурным различиям, полученные в соответствии со стандартными инструкциями, могли показать существенное расхождения, тем самым заставляя сделать неправильный вывод о разном уровне навыков индуктивного мышления в группах.

Иногда при проведении исследований есть возможность включить в них билингвов. Например, Хокевар, Эль-Захар и Комбос (Hocevar, El-Zahhar & Combos, 1989) дали билингвам англо-венгерского происхождения опросники тревожности и возбудимости на обоих языках. Работа с билингвами сама по себе весьма заманчива, хотя, надо признать, имеет свои недостатки. Билингвы, как правило, не являются типичными представителями населения, поскольку часто они более образованны и находятся в более широком контакте с другими языками и культурами.

Более основательная подготовка экспериментаторов и стандартизация процедуры тестирования, которая должна быть детально изложена в руководстве по проведению теста, является важным средством, позволяющем уменьшить отклонения, связанные с методом. Если культуры близки друг другу, такой стандартизации достаточно, чтобы предотвратить появление нежелательных различий в оценках.

Если культурная дистанция между группами велика, основательной подготовки и подробного руководства, возможно, будет недостаточно, и потребуются дополнительные меры. Примером таких мер могут стать использование побочной информации, связанной с тестированием (например, поведение при получении задания или время, требуемое на выполнение задания в тесте максимальных возможностей), оценка связанных с результатом характеристик, по которым отличаются культуры. Например, уместна оценка образовательного уровня при проверке умственных способностей или использование опросников, определяющих желательность в социальном плане, при исследованиях личности или установок. Пуртинга и ван де Вивьер (Poortinga & van de Vijver, 1987) для характеристик людей, выборок и процедуры проведения теста, которые предположительно влияют на ре-

зультат исследований, вводят термин **переменные контекста**. Включая переменные контекста в исследование, становится возможным статистически проверить их влияние в процессе ковариационного анализа или иерархического регрессивного анализа, даже если культурная дистанция между группами столь велика, что данные переменные нельзя сопоставить между собой или же такое сопоставление дает выборки, нетипичные для населения, которое они представляют.

В качестве примера Пуртинга (Poortinga & van de Vijver, 1987) исследовал выработку навыков ориентирования у представителей неграмотных индейских племен и у голландских новобранцев. Амплитуда реакции электропроводимости кожи, зависимая переменная, была значительно выше в группе индейцев. Он выдвинул предположение, что причиной этих различий между группами могут быть различия в возбуждении. Возбуждение измерялось как самопроизвольные флуктуации реакции электропроводимости кожи в контрольных условиях. Кросс-культурные различия в выработке навыков ориентирования исчезли после статистической проверки этих флуктуаций методом иерархического регрессионного анализа.

Свидетельства наличия отклонений, связанных с методом, можно собрать также в процессе применения тест-ретестовых, учебных и/или промежуточных исследований. Так Нкая, Нюто и Боннэ (Nkaya, Huteau & Bonnet, 1994) использовали Стандартные матрицы Равена, работая с учениками шестых классов во Франции и Конго. В условиях неограниченного времени оценки улучшались в обеих группах сходным образом, но при временных ограничениях конголезские ученики между второй и третьей сессиями делали большие успехи по сравнению с учениками-французами. Группа ученых показала (Ombredane, Robaye & Plumail, 1956), что в некоторых группах повторное проведение теста также может оказывать влияние на взаимосвязь с внешними параметрами. Было обнаружено, что прогностическая валидность оценок в соответствии с тестом Равена повышается после повторного проведения в группе неграмотных конголезских рабочих. Судя по всему, на результаты обоих исследований оказывает влияние процесс научения, поскольку по ходу тестирования улучшается понимание испытуемыми поставленной задачи и растет их осведомленность о самом тесте и процедуре его проведения. С учетом этих доводов валидность результатов при первом проведении теста ставится под сомнение в связи с наличием источников отклонений, связанных с методом.

Последней группой подходов, позволяющих справиться с отклонениями, являются подходы, которые имеют дело с отклонениями на уровне тестовых заданий. Отклонения, связанные с тестовыми заданиями, обычно определяются одним из двух методов: оценочным (лингвистическим и/или психологическим) и психометрическим. Пример лингвистического метода можно найти в работе Гриль и Бартель (Grill & Bartel, 1977). Они проанализировали *Grammatic Closure* субтест, входящий в Тест психолингвистических способностей штата Иллинойс, на предмет наличия отклонений в отношении носителей английского языка, не соответствующего установленным нормам. Ответы, содержащие ошибки, сделанные белыми и чернокожими американскими детьми, показали, что более половины ошибок были сделаны за счет ответов, приемлемых для языка, в котором не соблюдаются установленные нормы. За последние десятилетия были разработаны десятки ста-

тистических приемов, позволяющих выявить отклонения, связанные с тестовыми заданиями, определить такие отклонения позволяет и модификация существующих методов; примерами тому могут служить метод Мантеля–Хенцела (Holland & Wainer, 1993), логистическая регрессия (Pogers & Swaminathan, 1993) и теория реакции на тестовое задание (Hambleton & Swaminathan, 1985).

Эмпирические исследования психометрических методов весьма многочисленны. Валенсиа, Рэнкин и Ливингстон (Valencia, Rankin & Livingston, 1995) исследовали отклонения, связанные с заданиями Шкалы умственных способностей Оценочной батареи Кауфмана для детей, на базе выборок американских учеников мексиканского и европейского происхождения. Используя коэффициент частной корреляции (для поправки на возраст, пол и способности), авторы обнаружили, что из 120 заданий первой шкалы 17, а из 92 заданий последней шкалы 58 ведут к отклонениям. Понятно, что вряд ли оставшиеся 34 задания представляют собой адекватный инструмент, при помощи которого можно оценить данный конструкт во всей его полноте. Эллис, Беккер и Киммел (Ellis, Becker & Kimmel, 1993) исследовали эквивалентность англоязычной версии Трирского личностного опросника и оригинальной версии на немецком языке. Из 120 заданий 11 были причиной отклонений. Повторное исследование на базе новой выборки из США показало, что 6 заданий из выявленных 11 вновь вызывали отклонения. Это количество гораздо выше того, которое предполагается большинством исследований отклонений, связанных с тестовыми заданиями.

С моей точки зрения, на основании многочисленных исследований отклонений, связанных с тестовыми заданиями, можно сделать некоторые предварительные выводы. Выявление в процессе кросс-культурного исследования источников отклонений на уровне тестовых заданий, вне всяких сомнений, весьма важно как с теоретической, так и с практической точки зрения, однако решение этой проблемы сопряжено со значительными трудностями. Первое, часто бывает трудно понять, почему тестовое задание вызывает отклонения. Второе, применение различных методов по выявлению отклонений часто приводит к разным результатам. Конвергенция статистических данных по отклонениям изучалась с нескольких точек зрения. Иногда исследователи обращались к конвергенции данных, полученных при помощи различных статистических методик. Неоднократно отмечалась низкая или умеренная корреляция различных методов, в особенности в более ранних исследованиях (например, Devine & Raju, 1982; Ironson & Subkoviak, 1979; Rudner, Getson & Knight, 1980; Shepard, Camilli & Averill, 1981). Более современные исследования говорят о повышении уровня согласованности данных, возможно, в связи с тем, что становится понятны наиболее подходящие методы статистического анализа (например, Huang, Church & Katigbak, 1997; Raju, Drasgow & Slinde, 1993; Rogers & Swaminathan, 1993). К тому же стабильность статистических данных по отклонениям, связанным с тестовыми заданиями, невысока, что показывают тест-ретестовые и сравнительные исследования (например, Skaggs & Lissitz, 1992). Наконец, обнаружен низкий уровень соответствия результатов, полученных оценочными и статистическими методами (Engelhard, Hansche & Rutledge, 1990; Van Leest 1997a, 1997b). Таким образом, едва ли мы способны определить заранее, какого рода тестовые задания приведут к появлению отклоне-

ний или, как это выразил Л. Бонд (Bond, 1993): «Теории о том, почему тестовые задания по-разному воспринимаются разными группами, можно назвать не иначе как примитивными» (р. 278). Неудивительно, что исследования отклонений, связанных с тестовыми заданиями, не выработали определенных принципов проведения кросс-культурного исследования.

Сосредоточение на тестовых заданиях как на единственном источнике отклонений привело к удивительной и прискорбной ограниченности современных представлений об отклонениях и методах обращения с ними. Эмпирические исследования отклонений в основном сосредоточены исключительно на отклонениях, связанных с тестовыми заданиями, косвенно исходя из некорректного предположения, что если устранить отклонения данного типа, то с отклонениями будет покончено (например, Thissen, Steinberg & Gerrard, 1986). Такой ход рассуждений базируется на упрощенном представлении об источниках отклонений в кросс-культурном исследовании и не воздает должное отклонениям, связанным с конструктом и методом исследования. При этом именно отклонения, связанные с методом, оказывают разностороннее влияние на отдельные тестовые задания инструмента. Различный уровень знакомства со стимулами часто влияет на все задания, которые содержит тест, задавая разные точки отсчета при оценивании разных групп. Эквивалентность единиц измерения является в таком случае максимально достижимым уровнем эквивалентности. Кроме того, если мы обращаемся только к отклонениям на уровне тестового задания, то будет невозможно обнаружить, что при оценке сыновней благодарности, проводимой среди испытуемых в США и в Китае, проявляются отклонения, связанные с конструктом. Игнорируя источники отклонений на уровне инструмента, выборки, процедуры тестирования и лежащего в основе конструкта, трудно или даже невозможно выявить, среди прочего, культурные различия при определении понятий на житейском уровне, различия, связанные с желательностью в социальном плане, различия в условиях процедуры тестирования и несравнимость выборок. Таким образом, сосредоточение на отклонениях, связанных с тестовыми заданиями, становится помехой на пути преодоления отклонений, вызываемых применением многих западных теорий и инструментов, поскольку при таком сосредоточении упускаются из виду все остальные источники отклонений.

Многоязычные исследования

Кросс-культурное исследование часто является многоязычным. В литературе прослеживается явная тенденция к интеграции лингвистических, психологических и методологических аспектов, когда речь идет о создании инструментария на разных языках. По общему признанию, перевод психологических инструментов представляет собой нечто большее, чем просто передача текста на другом языке (Bracken & Barona, 1991; Brislin, 1986; Geisinger, 1994; Hambleton, 1994). Недавно группой психологов, обладающих опытом перевода текстов, был опубликован ряд практических советов; их рекомендации представлены в приложении (см. также Hambleton, 1994; van de Vijver & Hambleton, 1996). В них ясно прослеживается интеграция лингвистических и культурных аспектов, а также обращение к проблемам отклонений и эквивалентности.

Существуют две разновидности процедуры перевода в зависимости от того, разрабатывается ли для использования в условиях разных языковых сред новый инструмент исследования, или необходим перевод уже существующего инструмента. Первый случай определяется как **одновременная разработка**, а второй — как **последовательная разработка**. При одновременной разработке вероятность столкнуться с проблемой отклонений и отсутствия эквивалентности уменьшается, поскольку существует достаточная свобода отбора стимульного материала, которая дает возможность пренебречь стимульным материалом, вызывающим сомнения по части отклонений. Основной причиной того, что мы уделяем достаточное внимание последовательной разработке, является частота ее применения в кросс-культурных исследованиях; случаи же одновременной разработки скорее исключение.

Помимо проблем, связанных с отклонениями и эквивалентностью и общих для всех кросс-культурных исследований, существуют методологические аспекты, уникальные для многоязычных исследований. Например, методика перевода, которую следует избрать. Существуют два подхода, которые на практике часто используются вместе. Первый использует схему перевод — обратный перевод; обратные переводы используются для проверки адекватности выполненного перевода (Werner & Campbell, 1970). Текст переводится с исходного на целевой язык, а затем осуществляется независимый перевод с целевого языка на исходный язык. Сходство оригинала и версии, полученной в результате обратного перевода, свидетельствует об адекватности перевода. Этот метод получил широкое применение, и с его помощью можно выявить различные типы ошибок, даже если исследователь не владеет целевым языком. Недостатком метода обратного перевода является то, что первоочередное внимание уделяется точности перевода, при этом могут упускаться из виду другие моменты, такие как удобочитаемость и легкость восприятия исходного текста, а также применимость содержания тестовых заданий в целевой культуре. Выявление последней проблемы делается возможным в процессе применения второго подхода, при котором создается комиссия по переводу. Перевод делает группа специалистов, в которую входят люди, компетентные в различных соответствующих исследованию областях (таких, как культура, лингвистика и психология). Сильной стороной такого подхода является широкомасштабное сотрудничество специалистов, обладающих специальными знаниями в областях, значимых для данного перевода.

Результат перевода принимает одну из трех форм, в зависимости от того, насколько полученная версия сохранила то, что было в оригинале (van de Vijver & Leung, 1997a, 1997b). Первый вариант — **наложение (или заимствование)**. В этом случае имеет место точный (часто практически дословный) перевод инструмента на целевой язык, причем косвенно предполагается, что нет необходимости вносить в инструмент изменения для предотвращения отклонений. Такой тип переводов получил наибольшее распространение. Второй вариант — **адаптация**. Он предполагает дословный перевод части тестовых заданий, внесение изменений в некоторые из тестовых заданий и/или создание новых тестовых заданий. Адаптация необходима, когда наложение ведет к появлению отклонений при использовании инструмента (например, содержание тестовых заданий может быть неадекватно исследуемой культуре). В современной литературе по многоязычным исследова-

ниям необходимость корректировки инструментария настолько общепризнанна, что термин адаптация предложен как общее обозначение для переводов. И, наконец, адаптация инструмента может носить столь всеобъемлющий характер, что практически речь идет о создании нового инструмента. Это третий вариант — **конструирование**. В частности, когда существует непосредственная опасность отклонений, связанных с конструктом, требуется прямое сравнение, а значит, конструирование нового инструмента (ср. Cheung et al., 1996).

Уровень эквивалентности, которого можно достичь при многоязычном исследовании, зависит от выбранного варианта перевода. Конструирование, которое предполагает составление совершенно нового инструмента, исключает эквивалентность на уровне единиц измерения и полную эквивалентность. Это ограничение не столь серьезно, как может показаться. Если при конструировании инструмента мы намерены максимально повысить его экологическую валидность (*«emic» measure*), то при анализе следует, прежде всего, обратить внимание на установление конструктной валидности инструмента (то есть оценивает ли данный тест то, что предполагается оценить с его помощью) и структурной эквивалентности путем исследования его номологической схемы.

Статистический анализ адаптации может оказаться более сложным. Строго говоря, сравнение оценок по t-тесту и дисперсионный анализ здесь не допускаются, поскольку тестовые задания для разных культур не идентичны. Ограничение сравнения набором тестовых заданий, которые являются общими для разных культурных групп — не самая заманчивая перспектива, поскольку это противоречит фундаментальной идее, связанной с адаптацией тестов, а именно, что общие тестовые задания не отражают адекватным образом исследуемый конструкт. За последние десятилетия статистические методики усовершенствовались настолько, что они могут справиться с частичным несходством тестовых заданий, не ставя под сомнение метрическую эквивалентность. Если имеется общий набор тестовых заданий, который оценивает одну и ту же скрытую особенность в каждой культурной группе, теория реакции на тестовое задание учитывает кросс-культурное подобие особенностей тестового задания и личности (таких как трудности при выполнении тестового задания и уровень личных способностей), принимая во внимание частичное несходство стимулов (например, Hambleton & Swaminathan, 1985; Hambleton, Swaminathan & Rogers, 1991). Подобным образом модели структурных уравнений предусматривают тождественность факторных структур даже когда не все стимулы идентичны в разных группах (Byrne, Shavelson & Muthen, 1989).

Статистическая обработка наложения проста. Оно является единственным видом перевода, при котором можно легко достичь скалярной эквивалентности и на основе итоговых показателей теста произвести дисперсионный анализ и расчеты по t-тестам. Возможность сравнить итоговые показатели — несомненно, одна из причин популярности наложений. Однако следует признать, что удобство дается дорогой ценой: наложение исключает какие бы то ни было отклонения. Проблема отклонений — это, прежде всего, проблема исследователя, который и должен определить эквивалентность в языках, включенных в исследование, не перекладывая эту ношу, как это часто происходит на практике, на редакторов, рецензентов или читателей.

Будущие разработки

Прокруст, чудовище из знаменитого греческого мифа, укладывал свои жертвы на железное ложе. Подгоняя их под размеры ложа, он вытягивал их тело или отрубал им ноги. При этом все его жертвы погибали. По мнению некоторых авторов, главным образом специалистов по культурной психологии, западные тесты и методология поступают примерно так же с кросс-культурными различиями. Например Гринфилд (Greenfield, 1997b) считает, что тесты способностей до такой степени связаны с контекстом, что попытки перенести их в иной культурный контекст тщетны и обречены на неудачу. Ему вторит Миллер (Miller, 1997), утверждающий, что в рамках сравнительной схемы невозможно постичь суть культурных феноменов. Я согласен, что существует проблема несоответствия между тестами и методологическими инструментами, которые есть в наличии и которые нам хотелось бы иметь. И все же было бы преувеличением утверждать, что, игнорируя существующие кросс-культурные исследования, нам следует начать с нуля. Важнейшие причины, по которым нам следует приложить усилия для продолжения и совершенствования сравнительной работы, таковы:

- Специалисты по кросс-культурной психологии не могут закрывать глаза на глобализацию рынка мировой экономики и последствия этого для сферы их деятельности. Расширяется рынок потребителей тестов, которые желают сравнить показатели разных культурных групп, например, в процессе тестирования эффективности усвоения материала или подбора групп, состоящих из представителей разных культур. Профессиональный долг специалистов по оценке и специалистов по кросс-культурной психологии — поддержать этот процесс своими знаниями (что представляет для них и материальный интерес).
- Имеется много свидетельств того, что применение западных или адаптированных инструментов может быть плодотворным и позволяет постичь универсальные и обладающие культурной спецификой особенности психологических конструктов (например, интеллекта). Изучение психологического аспекта культурных различий является неотъемлемой частью психологии в целом, и трудно понять, как мы сможем идти вперед, если будем избегать использования тестов сравнительного характера.
- Достижения теоретических и эмпирических исследований отклонений и эквивалентности нельзя отбросить как ложные. Теперь мы вполне готовы к определению различных проблем, которые возникают при кросс-культурной оценке, и во многих случаях можем принять соответствующие меры. Надо учесть то, что не все методологические проблемы могут быть решены, и все же это не означает, что данный подход не имеет смысла. Когда у нас что-нибудь болит, мы отправляемся к врачу, хотя знаем, что не все болезни излечимы.

С моей точки зрения, подходы кросс-культурной и культурной психологии не столь уж несовместимы, как принято считать (Jahoda, 1982). Если нас интересует какой-либо психологический конструкт, скажем дружелюбие, в Ливии и в Японии,

мы можем попытаться изучить данный феномен на месте и можем попытаться использовать хорошо зарекомендовавшие себя западные инструменты применительно к испытуемым арабского происхождения. Оба подхода имеют сильные и слабые стороны, но было бы наивным доказывать, что лишь один из них «работает». Без опросов местного населения и других средств сбора информации, которые, как правило, в большей степени ассоциируются с подходом культурной психологии, трудно обнаружить источники отклонений, в то время как без культурно-сравнительного подхода весьма сложно выявить психологический характер кросс-культурных различий, касающихся дружелюбия. Сочетание этих подходов будет способствовать совершенствованию наших знаний о связи культуры и души. Основная методологическая задача, стоящая перед нами, это переход от корректировки, которая помогла нам перенять и использовать существующую методологию, к подлинно универсальному подходу к культуре, который переступает границы отдельного культурного контекста.

Утверждать, что все методологические проблемы кросс-культурной психологии уже решены, было бы явным преувеличением. Наша методология до сих пор в значительной мере является частью экспериментальной парадигмы, несмотря на то что экспериментирование при проведении кросс-культурных исследований не является общепринятым и сама парадигма не всегда должным образом может справиться с культурой в качестве независимой переменной. По-прежнему существует потребность в дальнейших разработках, связанных с корректировкой методологии. Тогда как в прошлом разработка методологических инноваций происходила в других отраслях психологии, а затем импортировалась в кросс-культурную психологию, может статься, в будущем специалисты в области кросс-культурной психологии окажутся в авангарде таких разработок. Благодаря растущей популярности кросс-культурных исследований, база данных, собранных с помощью эмпирических исследований, постоянно расширяется, что, возможно, будет способствовать пониманию масштаба и характера кросс-культурных различий. Количество исследований, посвященных кросс-культурным и этническим различиям, постоянно росло в течение последнего десятилетия (van de Vijver & Lonner, 1995). Мета-анализ все шире используется в кросс-культурной психологии как средство установления характера кросс-культурных различий (например, R. Bond & Smith, 1996; Georgas, van de Vijver & Berry, *в печати*). Более глубокое осмысление кросс-культурных различий позволит нам глубже постичь их природу и, возможно, будет способствовать формированию методологии, более совершенной применительно к интактным группам.

Берри, Пуртинга, Сегалл и Дейзен (Berry, Poortinga, Segall & Dasen, 1992) определили цели кросс-культурной психологии следующим образом: а) перенос западных теорий, моделей и методов на ранее не исследованные культуры; б) проверка их применимости в данных культурных контекстах; и в) создание подлинно универсальной психологии, выходящей за рамки культурных границ современной традиционной психологии. Поставленные цели связаны в хронологическом аспекте: достижение второй предполагает реализацию первой, а третья, в свою очередь, предполагает реализацию второй.

Подобным образом можно сформулировать цель, включающую три составляющих, подводя итог истории методологии кросс-культурных исследований. На начальной стадии методы заимствовались в традиционной психологии. На тот момент такая схема служила поставленным перед ней целям, поскольку от специалистов по кросс-культурной психологии не требовалось заново изобретать «методологическое колесо». Однако вскоре пришло понимание того, что методы и инструментарий, которые разрабатывались в западной лаборатории, возможно, представляют собой не лучшую систему координат для полевых исследований испытуемых не западного происхождения. На втором этапе (речь идет о современном уровне разработок) необходима корректировка, которая обеспечит возможность применения существующих методов. На конечном этапе мы, вероятно, увидим методологические разработки, которые действительно «сшиты по мерке» кросс-культурных исследований. Сомнительно, да и нежелательно, чтобы специалисты по кросс-культуре занимались этим отдельно от других. Напротив, для того чтобы новый подход обрел силу, требуется использование опыта, накопленного разными отраслями психологии в отношении работы с интактными группами.

Разработки, связанные с корректировкой и адаптацией существующих методов, — долгосрочная задача. Пока отдаленные перспективы вне пределов досягаемости, требуются разработки другого рода. В ближайшем будущем для методологии кросс-культурных исследований будут актуальны, по крайней мере, два вида разработок. Во-первых, необходимы статистические инновации, связанные с проблемами кросс-культурного исследования. Примером является разработка многоуровневых моделей, в которых индивидуальные и культурные различия изучаются вместе (Bryk & Raudenbush, 1992; Muthen, 1994). Здесь уместен вопрос о том, представляет ли собой индивидуализм тождественное понятие на уровне индивида и на уровне страны. Вторым видом разработок будет дальнейшее распространение и внедрение стандартов надлежащего кросс-культурного исследования. Рост интереса к кросс-культурным исследованиям будет вести к более высокому уровню осведомленности об их методологии. Можно с уверенностью предположить, что авторы, редакторы и рецензенты рукописей по кросс-культурным исследованиям будут более компетентными в вопросах отклонений и эквивалентности и что публикация исследований, игнорирующих эти проблемы, станет более затруднительной. Нас ждет светлое будущее.

Приложение

По инициативе Международной комиссии по тестированию комитет, в состав которого входили члены различных международных психологических ассоциаций, сформулировал руководящие принципы, определяющие рекомендуемую практику перевода/адаптации тестов. Двадцать два принципа проведения многоязычных исследований разделены на четыре типа: принципы, связанные с контекстом (общие принципы перевода тестов); принципы разработки (более конкретные рекомендации по повышению уровня эквивалентности); принципы проведения тестирования (для обеспечения сравнимости процедуры тестирования на разных языках); и принципы документации/интерпретации итоговых показателей (касаются аспектов, специфических для инструментов, подлежащих переводу).

Принципы, связанные с контекстом

1. Следует минимизировать, насколько это возможно, влияние тех культурных различий, которые не являются значимыми или актуальными для основных целей исследования.
2. Следует оценить степень совпадения конструктов применительно к изучаемым группам населения.

Принципы разработки

1. Разработчики и издатели инструментов в процессе перевода и адаптации должны обеспечить учет лингвистических и культурных различий групп населения, которым предназначается переведенный/адаптированный инструмент.
2. Разработчики и издатели инструментов должны предоставить доказательства того, что языковая специфика инструкций, заголовков, самих тестовых заданий, а также руководства адекватна культурным и языковым особенностям населения, которому предназначается инструмент.
3. Разработчики и издатели инструмента должны предоставить доказательства того, что все группы изучаемого населения ознакомлены с избранной методикой тестирования, характером тестовых заданий, принятыми в тесте условностями (*test conventions*) и процедурой его проведения.
4. Разработчики и издатели инструмента должны предоставить доказательства, что содержание тестовых заданий и стимульный материал знакомы всем группам изучаемого населения.
5. Разработчики и издатели должны постоянно пополнять данные оценочного характера, как лингвистические, так и психологические, свидетельствующие о точности перевода/адаптации и собирать материал, касающийся эквивалентности всех языковых версий.
6. Разработчики и издатели инструмента должны быть уверены в том, что план сбора данных позволяет использовать адекватные статистические методы для установления эквивалентности тестовых заданий в разных языковых версиях инструмента.
7. Разработчики и издатели инструмента должны применять адекватные статистические методы, чтобы 1) установить эквивалентность разных версий инструмента и 2) определить проблематичные компоненты или аспекты инструмента, которые могут быть неадекватны по отношению к одной или нескольким группам изучаемого населения.
8. Разработчики и издатели инструмента должны обеспечить информацию по оценке валидности для всех групп изучаемого населения, которым предназначается переведенный/адаптированный инструмент.
9. Разработчики и издатели инструмента должны обеспечить статистические доказательства эквивалентности вопросов для всех групп изучаемого населения.
10. Неэквивалентные вопросы, которые содержат разные версии инструмента, предназначенные для различных групп населения, не должны использоваться в процессе подготовки общей шкалы и/или сравнении данных групп на-

селения. Тем не менее они могут быть полезны для повышения содержательной валидности итоговых показателей, которые представляются отдельно по каждой из групп населения.

Принципы проведения тестирования

1. Разработчики инструмента и лица, проводящие тестирование, должны приложить усилия к тому, чтобы предвидеть те проблемы, которые могут возникнуть, и принять соответствующие меры для их устранения путем подготовки необходимых материалов и инструкций.
2. Лица, проводящие тестирование, должны чутко реагировать на разнообразные факторы, связанные со стимульным материалом, процедурой тестирования и манерой ответа на вопросы, которые могут снизить валидность выводов, сделанных на основании итоговых показателей.
3. Те моменты внешних условий, которые оказывают влияние на проведение тестирования, должны быть максимально сходными для групп населения, которым предназначается инструмент.
4. Инструкции по проведению тестирования должны включать как исходный, так и целевой язык, чтобы свести к минимуму влияние нежелательных источников разночтений в разных группах населения.
5. Руководство по применению инструмента должно детально описывать все особенности инструмента и его применения, что требует тщательного учета всех нюансов применения инструмента в новом культурном контексте.
6. Проведение тестирования исключает навязчивость и бесцеремонность; взаимодействие между лицом, проводящим тестирование, и испытуемым должно быть сведено к минимуму. Следует соблюдать правила, изложенные в руководстве по применению инструмента.

Принципы документации/интерпретации итоговых показателей

1. Если инструмент был переведен или адаптирован для определенной группы населения, необходимо обеспечить наличие документации по изменениям, которые внесены, а также данные по эквивалентности.
2. Различия в итоговых показателях выборок, представляющих разные группы населения, НЕ следует оценивать только по их номинальному значению. Исследователь несет ответственность за то, чтобы эти различия были подкреплены дополнительными эмпирическими данными (первоочередное внимание первоисточнику данных).
3. Сравнение разных групп населения может производиться только на уровне инвариантности, устанавливаемый в соответствии со шкалой, по которой определяются показатели.
4. Разработчик инструмента должен предоставить подробную информацию о том, каким образом социокультурный или экологический контекст, в условиях которого находятся изучаемые группы населения, может повлиять на инструмент, и предложить методы учета этого воздействия при интерпретации результатов.

Литература

Aquilino, W. S. (1994). Interviewer mode effects in surveys of drug and alcohol use. *Public Opinion Quarterly, 58,* 210–240.

Azuma, H. & Kashiwagi, K. (1987). Descriptors for an intelligent person: A Japanese study. *Japanese Psychological Research, 29,* 17–26.

Barrett, P. T., Petrides, K. V., Eysenck, S. B. G. & Eysenck, H. J. (1998). The Eysenck Personality Questionnaire: An examination of the factorial similarity of P, E, N, and L across 34 countries. *Personality and Individual Differences, 25,* 805–819.

Berry, J. W. (1976). *Human ecology and cognitive style. Comparative studies in cultural and psychological adaptation.* Beverly Hills, CA: Sage.

Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H. & Dasen, P. R. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications.* Cambridge: Cambridge University Press.

Bond, L. (1993). Comments on the O'Neill and Mc-Peek's paper. In P. W. Holland & H. Wainer (Eds.), *Differential item functioning* (pp. 277–279). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Bond, R. & Smith, P. B. (1996). Culture and conformity: A meta-analysis of studies using Asch's (1952b, 1956) line judgment task. *Psychological Bulletin, 119,* 111–137.

Bracken, B. A. & Barona, A. (1991). State of the art procedures for translating, validating and using psychoeducational tests in cross-cultural assessment. *School Psychology International, 12,* 119–132.

Brandt, M. E. & Boucher, J. D. (1986). Concepts of depression in emotion lexicons of eight cultures. *International Journal of Intercultural Relations, 10,* 321–346.

Brislin, R. W. (1986). The wording and translation of research instruments. In W. J. Lonner & J. W. Berry (Eds.), *Field methods in cross-cultural research* (pp. 137–164). Newbury Park, CA: Sage.

Brislin, R. W., Lonner, W. J. & Thorndike, R. (1973). *Cross-cultural research methods.* New York: Wiley.

Broer, M. (1996). *Rasch-homogene Leistungstests (3DW, WMT) im Kulturvergleich Chile-Osterreich. Erstellung einer spanischen Version einer Testbatterie und deren interkulturelle Validierung in Chile* (Cross-cultural comparison of the Rasch-calibrated tests 3DW and WMT between Chile-Austria and the development of a Spanish version of the test battery). Unpublished master's thesis, University of Vienna, Austria.

Bryk, A. S. & Raudenbush, S. W. (1992). *Hierarchical linear models: Applications and data analysis.* Newbury Park, CA: Sage.

Byrne, B. M., Shavelson, R. J. & Muthen, B. (1989). Testing for the equivalence of factor covariance and mean structures: The issue of partial measurement invariance. *Psychological Bulletin, 105,* 456–466.

Camilli, G. & Shepard, L. A. (1994). *Methods for identifying biased test items.* Thousand Oaks, CA: Sage.

Campbell, D. T. (1986). Science's social system of validity-enhancing collective belief change and the problems of the social sciences. In D. W. Fiske & R. A. Shweder (Eds.), *Meta-theory in social science* (pp. 108–135). Chicago: University of Chicago Press.

Campbell, D. T. & Stanley, J. C. (1966). *Experimental and quasi-experimental designs for research.* Chicago: Rand McNally.

Cheung, F. M., Leung, K., Fan, R. M., Song, W. Z., Zhang, J. X. & Chang, J. P. (1996). Development of the Chinese Personality Assessment Inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 27,* 181–199.

Christensen, L. B. (1997). *Experimental methodology* (7th ed.). Boston: Allyn & Bacon.

Cole, M. (1996). *Cultural psychology. A once and future discipline.* Cambridge: Harvard University Press.

Cook, T. D. & Campbell, D. T. (1979). *Quasi-expert-mentation: Design and analysis issues for field settings.* Chicago: Rand McNally.

Cortese, M. & Smyth, P. (1979). A note on the translation to Spanish of a measure of acculturation. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 1,* 65–68.

Cotter, P. R., Cohen, J. & Coulter, P. (1982). Race of interviewer effects in telephone interviews. *Public Opinion Quarterly, 46,* 278–284.

Cronbach, L. J. & Meehl, P. E. (1955). Construct validity in psychological tests. *Psychological Bulletin, 52,* 281–302.

Devine, P. J. & Raju, N. S. (1982). Extent of overlap among four item bias methods. *Educational and Psychological Measurement, 42,* 1049–1066.

Ellis, B. B., Becker, P. & Kimmel, H. D. (1993). An item response theory evaluation of an English version of the Trier Personality Inventory (TPI). *Journal of Cross-Cultural Psychology, 24,* 133–148.

Embretson, S. E. (1983). Construct validity: Construct representation versus nomothetic span. *Psychological Bulletin, 93,* 179–197.

Engelhard, G., Hansche, L. & Rutledge, K. E. (1990). Accuracy of bias review judges in identifying differential item functioning on teacher certification tests. *Applied Measurement in Education, 3,* 347–360.

Formann, A. K. & Piswanger, K. (1979). *Wiener Matrizen-Test. Ein Rasch-skalierter sprachfreier Intelligenztest* (The Viennese Matrices Test. A Rasch-calibrated non-verbal intelligence test). Weinheim, Germany: Beltz Test.

Gabler, S. & Haeder, S. (in press). Sampling and estimation. In J. Harkness, D. Alwin, F. J. R. van de Vijver & P. Ph. Mohler (Eds.), *Cross-cultural and multinational surveys: Research methods and practice with standardised instruments.*

Gass, S. M & Varonis, E. M. (1991). Miscommunication in nonnative speaker discourse. In N. Coupland, H. Giles & J. M. Wiemann (Eds.), *Miscommunication and problematic talk* (pp. 121–145). Newbury Park, CA: Sage.

Geisinger, K. F. (1994). Cross-cultural normative assessment: Translation and adaptation issues influencing the normative interpretation of assessment instruments. *Psychological Assessment, 6,* 304–312.

Georgas, J., van de Vijver, F. J. R. & Berry, J. W. (in press). *Ecosocial indicators and psychological variables in cross-cultural research.*

Greenfield, P. M. (1997a). Culture as process: Empirical methods for cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (2nd ed., Vol. 1, pp. 301–346). Boston: Allyn & Bacon.

Greenfield, P. M. (1997b). You can't take it with you: Why ability assessments don't cross cultures. *American Psychologist, 52,* 1115–1124.

Grill, J. J. & Bartel, N. R. (1977). Language bias in tests: ITPA grammatic closure. *Journal of Learning Disabilities, 10,* 229–235.

Hambleton, R. K. (1994). Guidelines for adapting educational and psychological tests: A progress report. *European Journal of Psychological Assessment, 10,* 229–244.

Hambleton, R. K. & Swaminathan H. (1985). *Item response theory: Principles and applications.* Dordrecht, The Netherlands: Kluwer.

Hambleton, R. K., Swaminathan, H. & Rogers, H. J. (1991). *Fundamentals of item response theory.* Newbury Park, CA: Sage.

Ho, D. Y. F. (1996). Filial piety and its psychological consequences. In M. H. Bond (Ed.), *Handbook of Chinese psychology* (pp. 155–165). Hong Kong: Oxford University Press.

Hocevar, D., El-Zahhar, N. & Combos, A. (1989). Cross-cultural equivalence of anxiety measurements in English-Hungarian bilinguals. In R. Schwarzer, H. M. Van der Ploeg & C. D. Spielberger (Eds.), *Advances in test anxiety research* (Vol. 6, pp. 223–231). Lisse, The Netherlands: Swets.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Beverly Hills, CA: Sage.

Holland, P. W. & Wainer, H. (Eds.). (1993). *Differential item functioning.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Huang, C. D., Church, A. T. & Katigbak, M. S. (1997). Identifying cultural differences initems and traits: Differential item functioning in the NEO Personality Inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 192–218.

Ironson, G. H. & Subkoviak, M. J. (1979). A comparison of several methods of assessing item bias. *Journal of Educational Measurement, 16,* 209–225.

Jahoda, G. (1982). *Psychology and anthropology: A psychological perspective.* London: Academic Press.

Jensen, A. R. (1980). *Bias in mental testing.* New York: Free Press.

Kish, L. (1965). *Survey sampling.* New York: Wiley.

Kuo, H. K. & Marsella, A. J. (1977). The meaning and measurement of Machiavellianism in Chinese and American college students. *Journal of Social Psychology, 101,* 165–173.

Lonner, W. J. & Adamopoulos J. (1997). Culture as antecedent to behavior. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (2nd ed., Vol. 1). Chicago: Allyn & Bacon.

Lonner, W. J. & Berry, J. W. (Eds.). (1986). *Field methods in cross-cultural research.* Newbury Park, CA: Sage.

McCrae, R. R. & Costa, P. T. (1997). Personality trait structure as a human universal. *American Psychologist, 52,* 509–516.

Miller, J. G. (1997). Theoretical issues in cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (2nd ed., Vol. 1, pp. 85–128). Boston: Allyn & Bacon.

Muthen, B. O. (1994). Multilevel covariance structure analysis. *Sociological Methods and Research, 22,* 376–398.

Nenty, H. J. & Dinero, T. E. (1981). A cross-cultural analysis of the fairness of the Cattell Culture Fair Intelligence Test using the Rasch model. *Applied Psychological Measurement, 5,* 355–368.

Nkaya, H. N., Huteau, M. & Bonnet, J. (1994). Re-test effect on cognitive performance on the Raven-38 Matrices in France and in the Congo. *Perceptual and Motor Skills, 78,* 503–510.

Ombredane, A., Robaye, F. & Plumail, H. (1956). Resultats d'une application repetee du matrix-couleure une population de Noirs Congolais (Results of a repeated application of the colored matrices to a population of Black Congolese). *Bulletin, Centre d'Etudes et Recherches Psychotechniques, 6,* 129–147.

Piswanger, K. (1975). *Interkulturelle Vergleiche mit dem Matrizentest von Formann* (Cross-cultural comparisons with Formann's Matrices Test). Unpublished doctoral dissertation, University of Vienna, Austria.

Poortinga, Y. H. (1989). Equivalence of cross-cultural data: An overview of basic issues. *International Journal of Psychology, 24,* 737–756.

Poortinga, Y. H. & Malpass, R. S. (1986) Making inferences from cross-cultural data. In W. J. Lonner & J. W. Berry (Eds.), *Field methods in cross-cultural psychology* (pp. 17–46). Beverly Hills, CA: Sage.

Poortinga, Y. H. & Van der Flier, H. (1988). The meaning of item bias in ability tests. In S. H. Irvine & J. W. Berry (Eds.), *Human abilities in cultural context* (pp. 166–183). Cambridge: Cambridge University Press.

Poortinga, Y. H. & van de Vijver, F. J. R. (1987). Explaining cross-cultural differences: Bias analysis and beyond. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 18,* 259–282.

Raju, N. S., Drasgow, F. & Slinde, J. A. (1993). An empirical comparison of the area methods, Lord's chi-square test, and the Mantel-Haenszel technique for assessing differential item functioning. *Educational and Psychological Measurement, 53,* 301–314.

Reese, S. D., Danielson, W. A., Shoemaker, P. J., Chang, T. & Hsu, H.-L. (1986). Ethnicity-of-interviewer effects among Mexican-Americans and Anglos. *Public Opinion Quarterly, 50,* 563–572.

Rogers, H. J. & Swaminathan, H. (1993). A comparison of logistic regression and Mantel-Haenszel procedures for detecting differential item functioning. *Applied Psychological Measurement, 17,* 105–116.

Rogoff, B. (1981). Schooling and the development of cognitive skills. In H. C. Triandis & A. Heron (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 4, pp. 233–294). Boston: Allyn & Bacon.

Rudner, L. M., Getson, P. R. & Knight, D. L. (1980). A Monte Carlo comparison of seven biased item detection techniques. *Journal of Educational Measurement, 17,* 1–10.

Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25, pp. 1–65). Orlando, FL: Academic Press.

Segall, M. H., Dasen, P. R., Berry, J. W. & Poortinga, Y. H. (1990). *Human behavior in global perspective. An introduction to cross-cultural psychology.* New York: Pergamon Press.

Serpell, R. (1993). *The significance of schooling. Life-journeys in an African society.* Cambridge: Cambridge University Press.

Shepard, L., Camilli, G. & Averill, M. (1981). Comparison of six procedures for detecting test item bias using both internal and external ability criteria. *Journal of Educational Statistics, 6,* 317–375.

Shrestha, R. M., West, C. E., Bleichrodt, N., van de Vijver, F. J. R. & Hautvast, J. G. A. J. (in press). *Effect of iodine and iron supplementation on mental performance in Malawian children.*

Singer, E. & Presser, S. (1989). The interviewer. In E. Singer & S. Presser (Eds.), *Survey research methods* (pp. 245–246). Chicago: University of Chicago Press.

Skaggs, G. & Lissitz, R. W. (1992). The consistency of detecting item bias across different test administrations: Implications of another failure. *Journal of Educational Measurement, 29,* 227–242.

Smith, P. B. & Bond, M. H. (1993). *Social psychology across cultures.* Hemel Hempstead, UK: Harvester Wheatsheaf.

Szalay, L. B. (1981). Intercultural communication — a process model. *International Journal of Intercultural Relations, 5,* 133–146.

Tanaka-Matsumi, J. & Marsella, A. J. (1976). Cross-cultural variations in the phenomenological experience of depression: I. Word association studies. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 7,* 379–396.

Thissen, D., Steinberg, L. & Gerrard, M. (1986). Beyond group-mean differences: The concept of item bias. *Psychological Bulletin, 99,* 118–128.

Triandis, H. C. (1978). Some universals of social behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin, 4,* 1–16.

Triandis, H. C. & Berry, J. W. (Eds.). (1980). Handbook *of cross-cultural psychology. Methodology* (Vol. 2). Boston: Allyn & Bacon.

Valencia, R. R., Rankin, R. J. & Livingston, R. (1995). K-ABC content bias: Comparisons between Mexican American and White children. *Psychology in the Schools, 32,* 153–169.

van de Vijver, F. J. R. (1997). Meta-analysis of cross-cultural comparisons of cognitive test performance. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 678–709.

van de Vijver, F. J. R. & Hambleton, R. K. (1996). Translating tests: Some practical guidelines. *European Psychologist, 1,* 89–99.

van de Vijver, F. J. R. & Leung, K. (1997a). Methods and data analysis of comparative research. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (2nd ed., Vol. 1, pp. 257–300). Boston: Allyn & Bacon.

van de Vijver, F. J. R. & Leung, K. (1997b). *Methods and data analysis for cross-cultural research.* Newbury Park, CA: Sage.

van de Vijver, F. J. R. & Lonner, W. (1995). A bibli-ometric analysis of the *Journal of Cross-Cultural Psychology. Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 591–602.

van de Vijver, F. J. R. & Poortinga, Y. H. (1997). Towards an integrated analysis of bias in cross-cultural assessment. *European Journal of Psychological Assessment, 13,* 29–37.

van de Vijver, F. J. R. & Tanzer, N. K. (1997). Bias and equivalence in cross-cultural assessment: An overview. *European Review of Applied Psychology, 47,* 263–280.

Van Hemert, D., van de Vijver, F. J. R., Poortinga, Y. H. & Georgas, J. Structure and score levels of the Eysenck Personality Questionnaire across individuals and countries. (under reiew)

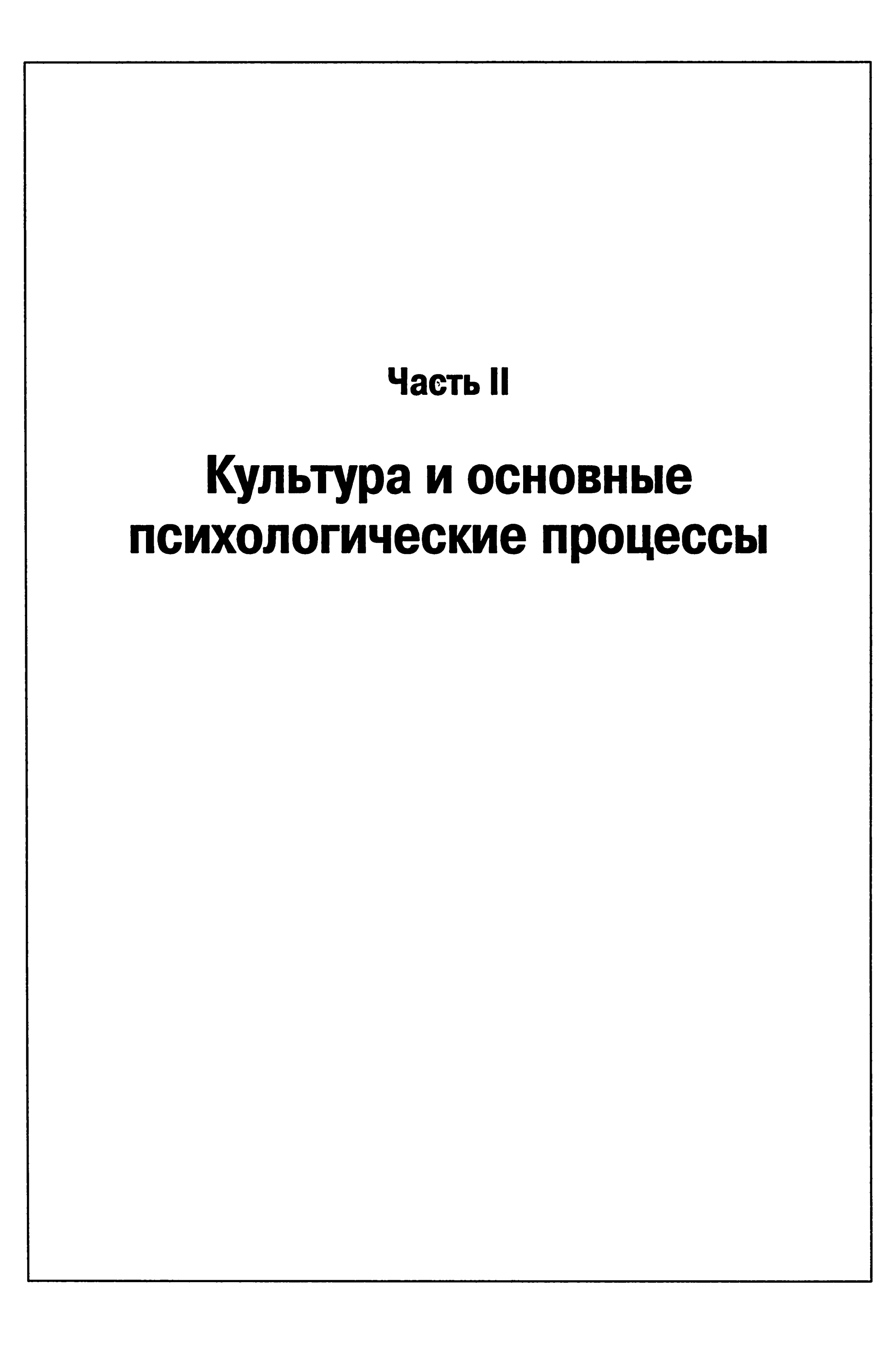
Van Leest, P. F. (1997a). Bias and equivalence research in the Netherlands. *European Review of Applied Psychology, 47,* 319–329.

Van Leest, P. F. (1997b). *Persoonlijkheidsmeting bij allochtonen* (Assessment of personality for ethnic minorities). Lisse, The Netherlands: Swets.

Werner, O. & Campbell, D. T. (1970). Translating, working through interpreters, and the problem of decentering. In R. Naroll & R. Cohen (Eds.), *A handbook of cultural anthropology* (pp. 398–419). New York: American Museum of Natural History.

Williams, J. E., Satterwhite, R. C. & Saiz, J. L.(1998). *The importance of psychological traits.* New York: Plenum Press.

Yang, K. S. & Bond, M. H. (1990). Exploring implicit personality theories with indigenous or imported constructs: The Chinese case. *Journal of Personality and Social Psychology, 58,* 1087–1095.

Часть II

Культура и основные психологические процессы

Эта часть книги представляет кросс-культурные исследования, касающиеся нескольких основных психологических процессов, связанных с развитием, познанием, моралью, эмоциями и полом. Эти процессы играют важную роль в понимании всех психологических аспектов функционирования человека и изучались в рамках разных культур на протяжении многих лет.

В главе 6 Гардинер выделяет четыре освещенные в современной литературе темы, связанные с развитием человека в кросс-культурном аспекте, и рассматривает вопрос о том, каким образом развитие знаний и методики будет способствовать созданию универсальных теорий развития человека.

В главе 7 Мишра дает новейший обзор кросс-культурных исследований по ряду направлений, связанных с познанием, включая категоризацию, научение и память, школьное обучение и грамотность, пространственное познание, решение проблем и вербальное мышление, а также креативность. Говоря о том, как сложно понять влияние разнообразных факторов на процесс когнитивного развития, Мишра выступает за интеграцию теории и методики разных дисциплин для достижения более унифицированного понимания познания в разных культурах.

В главе 8 Шлиманн и Каррахер рассказывают о кросс-культурной работе в сфере бытового познания; они сравнивают ее с более традиционными подходами к изучению когнитивных способностей. Взяв за основу математические способности, они выдвигают множество предложений, касающихся будущей работы в данном направлении, причем все их предложения связаны с центральной темой — интеграцией теории, методики, концепций и обучения с целью дальнейшего развития направления.

Вероятно, нет другой темы, которая была бы столь значимой для содержания и определения культуры, как мораль; в главе 9 Миллер говорит о недостаточном внимании к культуре в современных традиционных подходах и подробно рассматривает вопрос о том, как освещается данная тема в современных кросс-культурных исследованиях. Она выступает за включение культуры в объединенные исследования морали и Я, индивидуальности, нанесения вреда и других тем в рамках кросс-культурного и этнокультурного подходов.

В главе 10 Мацумото рассказывает о кросс-культурной работе в сфере человеческих эмоций, впервые представляя эту работу в контексте исторического развития и ее вклада в традиционную психологию. Он наглядно показывает, какой путь прошли кросс-культурные исследования эмоций от простого документирования различий до объяснения, почему возникают эти различия. Говоря о направлении будущих исследований, он вновь подчеркивает важность интеграции, как существенного момента для дальнейшего развития знаний в этой области.

В главе 11 Бест и Уильямс дают подробный обзор состояния кросс-культурных исследований, связанных с полом; они рассматривают представления, которые связывает с полом взрослый индивид, отношения между мужским и женским полом, половую дифференциацию поведения, и теории, которые принимают во внимание различия как на личностном уровне, так и на уровне культуры в целом. Они полагают, что для разработки соответствующих панкультурных теорий пола в будущем необходимо повышать уровень исследований посредством привлечения методов различных дисциплин и подотраслей, а также теорий, которые принима-

ют во внимание сложность факторов, влияющих на вопросы, связанные с полом, в социокультурном контексте.

Каждая из перечисленных глав по-своему отвечает на вопрос о том, какой вклад может внести соответствующее направление в будущее развитие кросс-культурной психологии, чтобы прийти к созданию универсальных теорий психологических процессов и обеспечить возможность формирования таких теорий. Как говорилось во введении, каждое из направлений нуждается в методологическом пересмотре, который требует фундаментальных изменений в нашем подходе к исследованиям в будущем, чтобы обеспечить возможности дальнейшего развития.

ГЛАВА 6

Культура, контекст и развитие

Гарри Гардинер

Вопросы, связанные с развитием человека, интересуют всех специалистов по психологии и в течение многих лет были предметом самого пристального внимания теоретиков и исследователей, занимающихся кросс-культурной проблематикой в рамках различных дисциплин. В самом деле, не говоря об исследованиях социального поведения, вопросы этиологии черт культурного сходства и различия десятилетиями не давали покоя тем, кто занимался изучением культуры. К счастью, это привело к появлению в различных отраслях, в первую очередь в антропологии, психологии и социологии, обширной литературы, связанной с развитием.

В данной главе Гардинер дает прекрасное общее представление о развитии человека в кросс-культурном аспекте. После решения терминологических вопросов он обращается к исторической перспективе направления и рассматривает его связь с традиционной психологией. Ввиду чрезвычайно широких масштабов данной области исследований в кросс-культурной психологии он ссылается на значительное количество полезных для читателя источников, которые могут помочь глубже понять и оценить работу, проведенную на сегодняшний день. Он подвергает анализу множество теоретических подходов и моделей и рассматривает вопрос о сходстве и различии антропологического подхода и подходов кросс-культурной и культурной психологии.

Особенно важным является определение Гардинером тематики, касающейся кросс-культурного изучения вопросов развития. Одна из выделенных им тем, например, — выявление значимости воздействий контекста. Как убедительно доказывает Гардинер, трудно представить себе современную теорию или исследование по кросс-культурной или традиционной психологии, которая не принимает во внимание возможное воздействие контекста на поведение. Несмотря на то что эти идеи не новы, как показывает Гардинер в начале главы, на сегодняшний день они становятся более важными, поскольку частота обращения к ним в литературе значительно возросла.

Другая важная тема — применение кросс-культурных работ по развитию человека в сфере социальной политики. Приводя многочисленные примеры, в частности Turkish Early Enrichment project, учрежденный Кагитсибаси, Гардинер убедительно показывает, что данные монокультурных исследований в традиционной психологии не отвечают потребностям, связанным с проблемами

развития населения земного шара, которое отличается чрезвычайным многообразием. При этом он говорит о том, насколько остра потребность в кросс-культурных исследованиях развития человека при создании специальных программ развития, которые способствуют социализации и адаптации к культурным нормам представителей различных групп населения.

Третья тема, которую выделяет Гардинер, касается когнитивного развития, и в первую очередь важности работ советского психолога Выготского. Отдавая должное работам Пиаже, чьи труды в течение десятков лет оказывали значительное влияние на традиционные психологические теории развития, Гардинер отмечает, что работы Выготского привнесли в теорию развития новую точку зрения и поэтому очень важны. Подобным образом в будущем могут оказаться полезными и другие альтернативные точки зрения на развитие, которые берут начало в рамках иных культур.

В этом свете также чрезвычайно важна последняя тема, выделенная Гардинером, — тема регионализации возрастной психологии. Гардинер полагает, и не без оснований, что на будущие представления о развитии человека в кросс-культурном аспекте будет оказывать глубокое влияние понимание развития как уникального для каждого отдельного культурного контекста процесса. Особый интерес представляют его идеи, касающиеся повышения уровня осведомленности в отношении многих культур и развития идентичности. В процессе такого развития личность движется от культурной зависимости к независимости и установлению связей со многими культурами. Учитывая растущий уровень глобализации и рост местного патриотизма в мире, такие идеи весьма важны для будущих теорий развития человека.

Как и другие авторы этого руководства, Гардинер представляет следующую стадию эволюции кросс-культурной психологии как создание универсальных теорий развития человека. Однако, подобно многим авторам, Гардинер представляет и то, насколько значительную работу предстоит проделать для решения этой задачи. Такая работа включает не только теоретические разработки и обнаружение сведений, моделей и направлений, которые, возможно, не должным образом представлены традиционной возрастной психологией, но также освоением новых планов и методов исследования, выходящих за рамки сегодняшней практики. В частности, чрезвычайно важным для дальнейшей эволюции знания, связанного с развитием человека в кросс-культурном аспекте, будет развитие методики, включая использование триангуляционных подходов[1] и интеграцию количественных и качественных методов. В этом смысле идея Гардинера о необходимости интеграции кросс-культурной и культурной психологии и связанных с ними методов и теорий, полностью созвучна с идеями остальных авторов данного руководства, которые также считают такую интеграцию необходимым условием создания будущих панкультурных теорий развития человека.

[1] Имеется в виду применение различных теорий, моделей, методов для изучения одного феномена. — *Примеч. науч. ред.*

Если нужно выбрать только одно слово, чтобы обозначить нынешнее состояние кросс-культурных исследований развития и направление, в котором они, вероятно, будут двигаться в начале нового тысячелетия, этим словом будет **контекстуализация**, или представление о том, что поведение не может быть в достаточной мере изучено или понято вне (культурного) контекста.

Контекстуализация и признание важной роли влияния культурных факторов на развитие ни в коей мере не являются новыми подходами. Отчасти их происхождение тесно связано с широким кругом давних теоретических направлений и подходов, включая символический интеракционизм Мида (Mead, 1934), теорию поля Левина (Lewin, 1951) и экологический системный подход Бронфенбреннера (Bronfenbrenner, 1975, 1979, 1989); и это лишь несколько примеров. Поразительно постоянство, с которым современная литература обращается к идеям, связанным с контекстуализацией и развитием, а также все возрастающее количество исследований и научных публикаций, посвященных данной теме.

Цель этой главы — осветить истоки кросс-культурных исследований развития, рассмотреть их связь с более широкой областью психологии, оценить их современное состояние и попытаться определить направление их развития на первые 10–20 лет XXI века. Это достаточно сложная задача, и не каждый согласится с принятым решением включить или исключить те или иные теории, точки зрения, исследовательские данные или темы. В этом отношении мы согласны с Берри, который прекрасно сказал об этом в автобиографии, включенной в книгу Бонда «Работая на стыке культур» (*Working at the Interface of Cultures*, Bond, 1997):

> По моему мнению, экологический подход — это бесконечная и развивающаяся тема размышлений о происхождении и назначении человеческого многообразия, а периодические попытки синтезировать и организовать эти размышления в рамках определенной схемы — полезное упражнение (pp. 139–140).

Если читатель, познакомившись с этой главой, узнает больше о развитии в кросс-культурном аспекте, будет стремиться найти дополнительную информацию, критически осмыслить ее и приложить собственные силы к работе в данном направлении, значит, я добился одной из главных моих целей.

Что такое развитие в кросс-культурном аспекте?

Направления кросс-культурной психологии и возрастной психологии отличаются значительным разнообразием, и каждый из тех, кто работает в одном из этих направлений, привносит различные точки зрения, в том числе разные определения самих направлений (H. W. Gardiner, Mutter & Kosmitzki, 1998).

Давайте начнем с определения некоторых основных терминов и понятий данной главы. Во-первых, мы опираемся на определение кросс-культурной психологии, которое сформулировали Берри, Пуртинга и Панди (Berry, Poortinga & Pandey, 1997) в недавнем исправленном переиздании «Руководства по кросс-культурной психологии» (*Handbook of Cross-Cultural Psychology*). Они рассматривают кросс-культурную психологию как «систематическое изучение взаимосвязи между культурным контекстом развития человека и теми типами поведения, которые стано-

вятся принятыми для индивидов, сформировавшихся в условиях определенной культуры» (p. x). Данная дефиниция делает явный акцент на значимости культурного контекста и рассматривает кросс-культурную психологию как научное направление, объединенное с родственными дисциплинами использованием общих теорий, научных методологий, статистических методов и способов анализа данных.

Во-вторых, развитие человека может пониматься как «изменения в физическом, психологическом и социальном поведении, имеющие место на протяжении всей жизни индивида от зачатия до смерти» (H. W. Gardiner et al., 1998, p. 3).

И наконец, кросс-культурное изучение развития человека сосредоточено на «чертах культурного сходства и различия в процессе развития и на его результате, выраженном в поведении индивидов и групп» (H. W. Gardiner et al., 1999).

Культура и развитие

Сложилось так, что в своих попытках понять поведение человека возрастная психология не использовала ни кросс-культурного, ни междисциплинарного подхода, в то время как подход кросс-культурной психологии не принимал во внимание того, что было связано с развитием.

Антрополог Теодор Шварц (Schwartz, 1981), писавший около 20 лет назад об усвоении культуры, заметил, что «антропологи игнорировали детей в культуре, а специалисты по возрастной психологии игнорировали культуру в детях» (p. 4). Два года спустя Джон Берри (Berry, 1983), один из первых канадских специалистов и исследователей в области кросс-культурной психологии, сказал, что кросс-культурная психология как дисциплина была «так ограничена культурой и так слепа к культуре [что]... теперь ее просто нельзя использовать» (p. 449). Однако в 1986 году Густав Яхода (Jahoda, 1986), известный и авторитетный европейский психолог, внесший немалый вклад в становление дисциплины, критикуя данное направление за «чрезмерную узость ориентации» (p. 418), выразил и оптимизм, отметив, что кросс-культурные исследования развития человека расширяются хоть и медленно, но непрерывно. За последние 20 лет эта скорость значительно возросла, и имеющиеся данные позволяют предположить, что мы вступаем в эру [исследований] развития. В этой главе сделана попытка передать развитие, подъем и перспективу данной сферы научных интересов и исследований, значение которой становится все более важным.

По мере развития кросс-культурной психологии исследовательские интересы, связанные со сферой развития, претерпели значительные изменения. Парке, Орнстайн, Ризер и Цан-Ваксler (Parke, Ornstein, Rieser & Zahn-Waxler, 1994) кратко подытожили и обсудили изменения в изучении развития в прошедшем столетии. Сто лет назад существовало пять основных тем, которые вызывали интерес: эмоциональное развитие, биологические основы поведения, сознательные и подсознательные процессы, когнитивное развитие и роль Я в развитии. В 1950-е и 1960-е годы в фокусе оказались теория научения, экспериментальная детская психология, оперантный анализ детского поведения, сенсорное и перцептивное развитие ребенка, когнитивные способности детей, биологические основы поведения и социальные взаимоотношения. По словам авторов, «самой неожиданной темой является посто-

янное обнаружение преждевременного развития младенцев и маленьких детей — не только в когнитивном отношении, но также в социальном и эмоциональном аспекте»(р. 8).

Недавно, обсуждая культурное структурирование в процессе развития ребенка, Сьюпер и Харкнесс (Super & Harkness, 1997) подчеркнули следующий важный момент:

Постоянной мыслью при исследовании развития ребенка в разных культурах является идея об окружении как коммуникативном посреднике. При такой метафорической контекстуализации две системы — индивид и контекст — взаимодействуют между собой, каждая из них отправляет «сигналы», которые поглощаются внутренними структурами другой стороны. Исторически исследователи культуры, подобно остальным специалистам по возрастному развитию, обращали внимание прежде всего на сигналы, которые поступали к ребенку из окружающей среды, и лишь недавно теоретики культуры, проследив тенденции возрастной психологии, признали личностный фактор и взаимность влияния (р. 8).

Отношение к психологии

Понимание процессов возрастного развития (в рамках одной культуры или в нескольких культурах) является центральным для фундаментальных целей психологии, состоящих в описании, понимании, объяснении и прогнозировании поведения. Просмотрев названия других глав этой книги, сразу замечаешь важнейшую роль развития, которое помогает понять разнообразные проявления поведения: эмоции, нравственное развитие, патопсихологию, социальное воздействие, общественное познание и др.

В недавно вышедшей статье Сегалл, Лоннер и Берри (Segall, Lonner & Berry, 1998) спрашивают:

Неужели до сих пор, на пороге нового тысячелетия, необходимо выступать за то, чтобы все специалисты по общественным наукам, а особенно психологи, пытаясь понять поведение человека, всерьез принимали во внимание культуру? (р. 1101).

К сожалению, несмотря на заметный прогресс, достигнутый в этом направлении, в том числе и все большее количество материалов по культуре во вводных учебниках и руководствах (Berk, 1998; Cole & Cole, 1996; Sternberg, 1995; Wade & Tavris, 1996), ответ на этот вопрос остается положительным. Тем не менее, как было отмечено, положение значительно улучшилось и продолжает улучшаться.

Без сомнения, кросс-культурная психология и ее раздел, исследующий развитие человека в кросс-культурном аспекте, имеют длительную, исторически сложившуюся связь с общей психологией. Хотя, как более двадцати лет назад заметил Клайнеберг (Klineberg, 1980), «невозможно определить точную дату первых проявлений интереса к кросс-культурным сравнениям» (р. 34). Яхода и Кревер (Jahoda & Krewer, 1997) в эссе по истории кросс-культурной и культурной психологии предлагают считать началом появления первой XVII век, поскольку «в своей основе точка зрения философии Просвещения сравнима с моделью человека в кросс-культурной психологии» (р. 11).

Сегалл и соавторы (Segall et al., 1980) подчеркивают, что в наше время (начиная с 1960-х годов)

> исследования сосредоточились на феноменах, имеющих фундаментальное значение для общей психологии, с первоочередным вниманием к патопсихологии, когнитивной психологии... [и что]... темы социальной психологии, которые наиболее активно изучались в кросс-культурном аспекте, связаны с возрастной психологией (р. 1105).

Существует явная связь кросс-культурной психологии с другими общественными науками и, в первую очередь, как уже отмечалось выше, с антропологией и социологией. Несмотря на определенную общность концепций, подходов и методик, а также исследовательских интересов (например, влияние семьи и процессы социализации), взаимоотношения между психологией и антропологией не всегда были гладкими. Напряженность этих отношений отметил Сьюпер (Super, 1981) еще лет двадцать назад, когда, комментируя недостаток исследований по развитию ребенка, писал:

> В течение нескольких последних десятилетий они [антропология и психология]... судя по всему, избегали совместной работы, стремясь к созданию собственных теорий. Очень немногие из исследований, которые рассматриваются здесь, сумели или хотя бы попытались объединить проблемы ухода за детьми раннего возраста и развития, с одной стороны, с функциональными и ценностными характеристиками культуры в широком понимании — с другой (р. 246–247).

Он продолжал свою мысль, отмечая, что «достижение успеха в этом направлении требует как прочных этнографических сведений о культуре, так и количественной информационной базы о повседневной жизни ребенка» (р. 247). Подобные соображения высказывались и позднее Вейснером (Weisner, 1997), когда он заявил, что этнография весьма полезна для понимания развития человека и культуры, особенно в ситуации, когда семья и общество, в котором она существует, пытаются достичь определенных целей в «своем культурном мире».

Стремясь исследовать взаимосвязь между психологией и антропологией, Яхода (Jahoda, 1982), психолог, много интересующийся антропологией, знающий и глубоко понимающий историю каждой из дисциплин, написал любопытную и занимательную книгу «Психология и антропология: точка зрения психологии» (*Psychology and Anthropology: Psychological Perspective*). На обложке этой книги утверждается:

> Антропологи всегда интересовались психологией, даже когда сами того не подозревали... Однако психологи не отвечали им взаимностью, и психология во многих отношениях оставалась культурно-ограниченной, большей частью упуская из виду широкие перспективы, которые предоставляла антропология.

Можно надеяться, как делает это Пайкер (Piker, 1998), что кросс-культурная психология и психологическая антропология снова станут доброжелательными партнерами и будут работать вместе для достижения эмпирически обоснованного понимания поведения человека в рамках различных культурных контекстов. Нашей задачей должен быть поиск и создание методов, представляющих обоюдный интерес для психологии и смежных с ней дисциплин. Такой альянс может только

обогатить наше понимание развития человека и той важной роли, которую в этом процессе играет культура.

Понимание культуры и развития: некоторые источники

В течение последних 20 лет, а в особенности за последние пять лет, специалисты по общественным наукам стали все больше понимать, насколько значительный вклад в наше понимание развития человека могут внести данные кросс-культурных исследований. Например, два обзора опубликованных в последнее время учебников по возрастной психологии показывают, что ссылки на кросс-культурные темы и открытия стали более частыми, хотя положение еще оставляет желать лучшего (Best & Ruther, 1994; H. W. Gardiner, 1996).

Дать оценку дисциплине в целом, или хотя бы одному ее важному разделу, — весьма сложная задача. В пределах одной главы о развитии эта задача невыполнима, поскольку требует написания целой книги, по объему не меньшей, чем данный том в целом. По этой причине список литературы в конце главы весьма обширен и охватывает и те области, которые мы либо не можем должным образом рассмотреть здесь, либо темы, представленные в них, так хорошо освещены другими авторами, что читателю лучше обратиться к первоисточникам.

Тем, кто интересуется развитием с кросс-культурной точки зрения в более широком плане, или же тем, кто хотел более глубоко познакомиться с отдельными темами, можно дать несколько конкретных рекомендаций. Начать можно с такой классической работы, как «Два мира, два детства: США и СССР» (*Two Worlds of Childhood: U.S. and U.S.S.R.*, Bronfenbrenner, 1970) и серии «Шесть культур» (*Six Cultures*, Whiting, 1963; Whiting & Edwards, 1988; Whiting & Whiting, 1975).

Чрезвычайно интересный и подробный обзор 50 лет кросс-культурных исследований по воспитанию и социализации детей в Японии дают Швальб и Швальб (Shwalb & Shwalb, 1996). Современные данные рассматриваются здесь в историческом контексте; есть и конкретные предложения в отношении новых исследований. Книга представляет собой собрание работ ретроспективного характера, написанных ведущими исследователями, получившими известность благодаря новаторским исследованиям японских детей; в книгу включены также отклики на их работу и свежие данные, полученные младшим поколением исследователей. Книга представляет собой значительную ценность во многом благодаря сделанным из проведенного исследования выводам, касающимся изучения развития в разных культурах; она представляет интерес для тех, кто интересуется японской культурой и вопросами развития человека. Будущим исследователям рекомендуется обратить серьезное внимание на эту книгу как на один из примеров, достойных подражания, расширяющих наши представления о различных культурных контекстах.

Кроме того, недавно переиздано трехтомное исправленное «Руководство по кросс-культурной психологии» (*Handbook of Cross-Cultural Psychology*, Berry et al., 1997), которое содержит несколько глав, важных для изучения развития в кросс-культурном аспекте, касающихся и роли кросс-культурной теории и методологии.

Особого внимания заслуживает второй том, посвященный базовым процессам и развитию человека. Он включает огромное количество материала по таким темам как культурное структурирование развития ребенка, стратегия социализации и идентичности, развитие человека в контексте культуры в течение всей жизни, перцепция, когнитивное развитие, усвоение языка и билингвизм, эмоции и нравственное развитие.

Среди других полезных книг следует отметить «Руководство по воспитанию детей» (*Handbook of Parenting*, Bornstein, 1995), «Человеческое поведение в глобальном аспекте» (*Human Behavior in Global Perspective*, Segall, Dasen, Berry & Poortinga, 1999), «Семья и развитие человека в разных культурах» (*Family and Human Development across Cultures*, Kagitcibasi, 1996), «Жизнь в разных культурах: развитие человека в кросс-культурном аспекте» (*Lives across Cultures: Cross-Cultural Human Development*, H. W. Gardiner, Mutter & Kosmitzki, 1998). Последняя книга, которая уделяет первоочередное внимание контекстному подходу и хронологической организации материала в рамках отдельных тем, объединяет материал по основным принципам развития и данные исследований с конкретными примерами, взятыми из разных культур, чтобы обеспечить кросс-культурный характер изучения развития человека на протяжении жизни. Книга содержит также обширный список литературы (более 830 названий) и рекомендации для дальнейшего чтения.

В распоряжении читателя также есть множество журналов, проявляющих интерес к темам кросс-культурной и возрастной психологии, в том числе *Journal of Cross-Cultural Psychology, International Journal of Behavioral Development, International Journal of Psychology, Psychology and Developing Societies, Culture and Psychology, Cross-Cultural Psychology Bulletin, Cross-Cultural Research* и *World Psychology*.

И, наконец, *Annual Review of Psychology* опубликовал четыре обзора, посвященных кросс-культурной психологии (Brislin, 1983; Kagitcibasi & Berry, 1989; Segall, 1986; Triandis, Mallpass & Davidson, 1973), один по культурной психологии (Shweder & Sullivan, 1993) и один по развитию личности в социальном контексте (Hartup & van Lieshout, 1995).

Теоретические подходы и модели

В настоящее время в центре одной из самых острых дискуссий вокруг попыток увязать культуру и психологию, включая проблемы развития, находятся теоретики и исследователи, использующие подход «культурной психологии», и те, кто предпочитает подход «кросс-культурной психологии». Согласно Дж. Миллеру (Miller, 1997), «основная установка культурной психологии состоит в том, чтобы рассматривать культуру и психологию как взаимно составляющие феномены, то есть как феномены, которые взаимно дополняют друг друга или неотъемлемы друг от друга» (р. 88). Кросс-культурная психология, в свою очередь, согласно Сегаллу и соавторам (Segall et al., 1998),

> состоит главным образом из разного рода сравнительных исследований (к ним можно отнести те, чей сравнительный характер выражен явным образом или косвенно), цель которых состоит в выявлении влияния разнообразных культурных факторов,

> многие из которых связаны с этнической принадлежностью, на различные формы развития и поведения. При таком сравнительном подходе предполагается, что культура представляет собой набор независимых или контекстных переменных, оказывающих влияние на различные аспекты поведения человека. Кросс-культурная психология, как правило, занимается поиском доказательств такого воздействия (p. 1102).

Одним из основных сторонников подхода культурной психологии к изучению развития человека является Шведер. В одном из достаточно давних обзоров (Shweder & Sullivan, 1993) было сказано следующее:

> Междисциплинарное направление, названное «культурной психологией», сначала возникло на стыке антропологии, психологии и лингвистики. Цель культурной психологии состоит в том, чтобы исследовать этнические и культурные истоки психологического разнообразия эмоционального и соматического (здоровье) функционирования, структуры Я, нравственных ценностей, социального познания и развития человека. Ее задача — понять, почему решение столь многих простых вопросов, касающихся физиологического функционирования человека... не дает возможности квалифицированным специалистам прийти к консенсусу и почему столь многие обобщения, касающиеся психологического функционирования одной конкретной группы населения (например, современного секуляризованного западного городского белого среднего класса) не срабатывают за пределами социокультурной, исторической или институционной границы (pp. 497–498).

Этот обзор следует прочесть всем, кто интересуется данным подходом, поскольку эта работа дает представление об историческом развитии подхода, его контекстах и некоторых его основных посылках. В качестве дополнительных источников можно назвать работы следующих соавторов: Cole, 1996, 1998, 1999; Cole; Engerstrom & Vasguez, 1997; D'Andrade & Strauss, 1992; Goodnow, Miller & Kessel, 1995; Jahoda, 1992; Jessor, Colby & Shweder, 1996; Shweder, 1991; Stigler, Shweder & Herdt, 1990 и др.

Важный вклад в этот подход был внесен Коулом (Cole, 1998) в его книге *Cultural Psychology: A Once and Future Discipline*[1], где дано как введение в культурную психологию, так и мастерский синтез теории и практики. Книга увлекательно рассказывает о том, что представляет собой культурная психология сегодня, чем она была в прошлом и чем может стать в будущем. Заслуживает восхищения то, как автор достигает одной из основных целей книги: интеграции культурных и исторических идей с традиционными для психологии данными и подходами. Тем самым он призывает читателей задуматься, что они сами могут сделать для данного направления. И наконец, Коул и соавторы (Cole et al., 1997) в еще одной ценной книге собрали оригинальные статьи, в центре внимания которых находятся культурные и контекстные факторы поведения человека. Книга включает дискуссии о сущности контекста, рассмотрение экспериментов как контекста, культурно-исторические теории культуры, контекста и развития, а также анализ обстановки в классе как образовательного контекста.

Другая модель контекстуально-функционального подхода, ярко проиллюстрированная в работе Кагитсибаси (Kagitcibasi, 1996), пытается связать социализацию

[1] Русский перевод см.: *Коул М.* Культурно-историческая психология: Наука будущего. —М.: Когито-центр, 1997. — *Примеч. науч. ред.*

в семье и динамику семьи в рамках различных социокультурных контекстов с целью выявления их функциональных (или причинно-следственных) связей с развитием человека. Эта важная работа будет обсуждаться ниже.

Несмотря на то что в пределах данной главы невозможно распутать все нити сложной полемики культурной и кросс-культурной психологии, данный вопрос, безусловно, никуда не уйдет от нас в XXI веке, и нужно постараться узнать о нем как можно больше. Поэтому читателям рекомендуется обратиться к разнообразным источникам, названным выше, а также к работам Сарасвати (Saraswathi, 1998), С. Сьюпера и Харкнесса (Super & Harkness, 1997). О вероятности того, что эти противоречивые системы взглядов однажды сольются воедино или, по крайней мере, придут к возможности сосуществования, говорят Вальсинер и Лоуренс (Valsiner & Lawrence, 1997).

> Эти две дисциплины сходятся в своем интересе к контекстуализации течения человеческой жизни. Каждая несет с собой определенный потенциал, позволяющий трактовать определенным образом контекстуальные взаимодействия на уровне личность–культура, рассматривая их как основной объект анализа для понимания происходящих в жизни изменений (р. 83).

Подобным образом относится к делу и Кагитсибаси (Kagitcibasi, 1996), которая делает следующее замечание:

> Я работаю, используя как культурный, так и кросс-культурный подход. Культурный подход задается контекстуализацией, а кросс-культурный необходим для однозначной интерпретации наблюдаемых культурных различий (р. 2).

Актуальные темы

Обзор все возрастающего (хотя и не слишком четко систематизированного) корпуса литературы по развитию человека в кросс-культурном аспекте говорит о появлении нескольких важных тем. Хотя представленное рассмотрение этих тем не обладает исчерпывающей полнотой, оно тем не менее позволяет выделить некоторые интересные и важные направления исследований, заслуживающие в будущем внимания и изучения.

Влияние контекста

Как уже говорилось, изучение контекстуализации применительно к развитию в последние годы приобрело огромные размеры, и, судя по всему, в ближайшие несколько лет эта тенденция сохранится. Например, в относительно кратком, но заслуживающем внимания комментарии, касающемся воспитания детей в различных культурах, Стивенсон-Хинде (Stevenson-Hinde, 1998), опираясь на работу Борнштейна и соавторов (Bornstein et al., 1998), предлагает схему, которую можно использовать в любых исследованиях, посвященных воспитанию детей. Ее модель признает значимость культурного контекста и дает возможность более точной оценки и лучшего понимания норм материнского и отцовского поведения и манеры воспитания. Любому специалисту, который планирует исследование культурного сходства и различия в практике воспитания детей, стоит обратить внимание на предложенную схему.

Тесно связана с этой работой, но (как ни странно) не упомянута Стивенсон-Хинде (Stevenson-Hinde, 1998) более ранняя попытка Дарлинга и Стейнберга (Darling & Steinberg, 1993) создать интегративную модель. Также уделяя первоочередное внимание стилю воспитания как контексту, эта модель использует два традиционных подхода к социализации (Baumrind, 1967, 1971; Maccoby & Martin, 1983): данные, связанные с отдельными практическими подходами к воспитанию и полученные в процессе исследования практики всеобщего характера.

И наконец, недавно появилась работа Зевалкинк (Zevalkink, 1997), которая, по словам Стивенсон-Хинде (Stevenson-Hinde, 1998), «предлагает модель для исследований развития и воспитания в кросс-культурном аспекте» (p. 699). Подход Зевалкинк включает: а) сосредоточение на вопросе о том, как конкретный аспект воспитания связан с конкретным типом поведения ребенка (например, поддержка со стороны матери и устойчивость привязанности); б) тщательный отбор методов оценки; в) оценка культурного контекста при помощи комплекса методов (например, включенное наблюдение и опросы этнографического характера) и г) использование разных выборок в рамках одной культуры для исследования социально-экономических различий, чтобы избежать распространенного заблуждения, что подобранная исследователем группа «типична» для определенной культуры. Данная модель, без сомнения, ценна для будущих исследований, как и схема, предложенная Стивенсон-Хинде.

Применение в сфере социальной политики

В президентском обращении к Американской психологической ассоциации, Миллер (Miller, 1969) убеждал ее членов «сделать тайны психологии всеобщим достоянием». По истечении века исследовательской работы в области развития и десятилетий сбора информации по вопросам культурного сходства и различия, я полагаю, настало время «сделать тайны кросс-культурной психологии всеобщим достоянием», применяя полученные данные для решения наболевших вопросов социальной политики.

Хорошее начало, имевшее своей целью объединение теории с практикой, было положено Кагитсибаси, которая учредила *Turkish Early Enrichment Project* для матерей и детей (Kagitcibasi, 1996). Этот новаторский шаг, в основе которого лежат принципы, сформировавшиеся в ходе почти двадцатилетних исследований Кагитсибаси в области как возрастной, так и кросс-культурной психологии, привел к позитивным преобразованиям в ее стране, результаты которых будут ощущаться еще десятки лет. Критически настроенная по отношению к широко распространенным доминирующим западным взглядам на развитие человека, Кагитсибаси отмечает, что

> западная модель получила столь широкое распространение как модель, имеющая целью формирование личностной/семейной независимости, несмотря на то что для большинства специфических контекстов, существующих в мире, она не является ни необходимой, ни даже функциональной (p. 97).

Подчеркивая потребность в сближении контекстуальных теорий с практической деятельностью, Кагитсибаси (Kagitcibasi, 1996) утверждает, что «факты свидетельствуют о необходимости использования контекстного подхода на ранних стадиях, особенно в неблагоприятных социально-экономических условиях, кото-

рые не способствуют нормальному развитию человека» (р. 184). Далее она описывает успешное применение данных по исследованию развития в кросс-культурном аспекте в отношении таких важных проблем, как обучение матерей, вмешательство на ранних стадиях развития ребенка и повышение успеваемости. Успех автора в работе с турецкими матерями дает долгожданный и весьма нужный пример для тех, кто интересуется направлением, занимающимся контекстуализацией развития человека, а также применением данных кросс-культурных исследований в области социальной политики.

Еще в одном исследовании, использующем данные кросс-культурных исследований по другой социальной проблеме — стрессу аккультурации, возникающему в результате адаптации к чужой культуре — авторы (Mishra, Sinha & Berry, 1996) рассматривают три племенные группы в Индии (ораон, бирхар и асур), которые различаются типами поселений и родом занятий. Проведя широкое исследование культурного образа жизни, паттернов социализации, когнитивного поведения, установок и опыта, связанных с усвоением чужой культуры, они представляют стратегии, позволяющие снизить стресс в результате адаптации к чужой культуре, и повысить уровень психологической адаптации.

Прежде чем завершить этот раздел, обращаю ваше внимание на две главы в новом издании «Руководства по кросс-культурной психологии» (*Handbook of Cross-Cultural Psychology*, Berry et al., 1997), которые ориентированы на практическое применение и обеспечивают связь теории, исследований и проблем политического характера. Серпелл и Хатано (Serpell & Hatano, 1997), обсуждая вопросы образования, обучения в школе и грамотности, наглядно демонстрируют, как культура влияет на поведение, в том числе на процессы адаптации к культурным нормам и социализации, на образовательный и педагогический процессы, на грамотность и познание, школьное и внешкольное образование, а также на адаптацию к кросс-культурным контактам. Широкое представление, которое они дают об исторических и теоретических аспектах, закладывает основы понимания последних данных, полученных в данных областях. Кроме того, это «весьма существенный вклад в образование, поскольку сегодня уже почти нет сомнений в том, что следующее поколение будет жить в мире все более интенсивного взаимодействия разных культур» (Serpell & Hatano, 1997, р. 371).

В последней главе своей работы Аптекар и Стоклин (Aptekar & Stocklin, 1997) обсуждают проблему, которая встречается во всем мире, а именно «дети, оказавшиеся в чрезвычайных обстоятельствах». Имеются в виду «дети, травмированные войной, стихийными или технологическими бедствиями, а также те, кто живет и работает, не имея родителей (уличные дети)» (р. 379). Внимание авторов к теоретическим вопросам (культурные аспекты определения «чрезвычайных обстоятельств»), методологическим вопросам (составление выборок) и отношение к проблеме самих исследователей (эмоциональное участие) способствуют более глубокому пониманию этой очень серьезной проблемы. Они приходят к выводу о том, что

> сведя воедино все культурные различия в страданиях детей, кросс-культурные исследования могут помочь выявить универсальные моменты, касающиеся прав ребенка и, следовательно, помочь увязать права детей, сформулированные в [Конвенции ООН 1989 года по правам ребенка] с реалиями жизни детей в различных культурных ситуациях (р. 400).

Среди регионов, в которых психологи на практике применяли психологические принципы для решения социальных проблем, первенство принадлежит Африке. Дурояайе (Durojaye 1987, 1993), пионер африканской кросс-культурной психологии, утверждает, что «предпринимаются серьезные усилия, для того чтобы сделать этнокультурную психологию дисциплиной, которая может принести пользу развитию страны» (1987*b*, pp. 34–45). К подобному же выводу приходит Манди-Кастл (Mundy-Castle, 1993), анализируя психологическое воздействие стремительной модернизации на африканские народы. То же самое верно в отношении исследований развития в африканском контексте, проведенных Нсаменанг (Nsamenang, 1992) и его предложений, касающихся совершенствования семейной жизни и практики воспитания детей путем практического применения данных национальных исследований.

Думая о будущем, мы надеемся на то, что со временем увеличится количество ситуаций, в которых мы сможем действительно «сделать тайны кросс-культурной психологии всеобщим достоянием», применяя полученные данные, связанные с культурой, к важнейшим мировым проблемам. В некоторых уголках земного шара, в особенности в развивающихся странах, связь между теорией, исследованиями и практикой вызывает озабоченность, поскольку, как отмечает Сарасватхи (Saraswathi, 1998), ресурсы скудны, а первоочередное внимание уделяется отчетности, особенно с точки зрения социальной актуальности и ориентации на решение конкретных проблем.

Когнитивное развитие: Пиаже и Выготский

К наиболее изученным областям возрастной психологии относится сфера познания, в первую очередь познания на ранних стадиях развития ребенка. На протяжении последних 40 лет в сфере исследований когнитивного развития доминировали теории и идеи швейцарского психолога Жана Пиаже (Dasen, 1972, 1975, 1977; Dasen & Jahoda, 1986; Piaget, 1954, 1972; Zigler & Gilman, 1998).

Для Пиаже когнитивное развитие представляет собой динамический процесс, результаты которого зависят от способности индивида адаптировать свое мышление к потребностям и требованиям, определяемым изменениями окружающей среды. Без сомнения, теория Пиаже и тысячи исследований, проведенных под ее влиянием, внесли значительный вклад в наше понимание этой важной темы (обширный список обзоров исследований, проведенных в русле теорий Пиаже, можно найти в работе Г. В. Гардинера — H. W. Gardiner, 1994). Данные им описания периодов сенсомоторных, конкретных и формальных операций стали неотъемлемой частью нашего психологического лексикона. Как отмечают Гардинер и соавторы (H. W. Gardiner et al., 1998),

> как бы мы ни относились к теории Пиаже, она продолжает оказывать значительное влияние на современные исследования и практику и <...> — с переменным успехом — применялась при изучении когнитивного развития во многих культурах во всем мире (p. 83).

Обзор наиболее известных работ, посвященных критике теории Пиаже и защите ее положений, вы найдете в статье Лоуренсо и Мачадо (Lourenco & Machado, 1996).

Поскольку Пиаже рассматривал когнитивное развитие как достижение личности, на которое частично оказывают влияние внешние факторы, он не уделял особого внимания социальному или культурному контексту. Эти моменты оказались в центре внимания другого первопроходца в области исследований когнитивного развития, советского психолога Льва Семеновича Выготского.

Работы Выготского (Vygotsky, 1978, 1986), как и работы Пиаже, долгие годы были недоступны многим психологам из-за языкового барьера, поскольку Выготский писал на своем родном языке и успел сделать не так много, скончавшись в довольно молодом возрасте. Тем не менее его идея о том, что когнитивное развитие представляет собой результат взаимодействия культурных и исторических факторов, имеет очень большое значение. Он предполагал, что процесс развития включает три основные составляющие: использование языка, роль культуры и зона ближайшего развития ребенка (Kozulin, 1990). Зона ближайшего развития, или различие между тем, чего ребенок может достичь самостоятельно, и тем, чего позволяет добиться его потенциальный уровень когнитивного развития при постороннем содействии или руководстве, и представляет собой ключевое понятие в представлениях Выготского о важнейшей роли социального влияния в развитии когнитивных способностей ребенка (Vygotsky, 1978).

Одни авторы утверждают, что зона ближайшего развития не определена должным образом и не поддается адекватной оценке (Paris & Cross, 1988), в то время как другие полагают, что какие-то моменты теории были утрачены или неправильно истолкованы при переводе, и в результате представление о них остается неполным (Nicolopoulou, 1993). И все же теория Выготского — это важный вклад в исследование развития в кросс-культурном аспекте и привлекает все более пристальное внимание специалистов по возрастной психологии (Rieber, 1998).

Регионализация возрастной психологии

Ким (Kim, 1990) определяет этнокультурную психологию как

> психологическое знание, имеющее местное происхождение, которое не привнесено из другого региона и предназначено для местного населения... Она исследует явления в конкретном социокультурном контексте и рассматривает вопрос о том, какого рода формирующее и направляющее воздействие оказывает данный контекст на психологические описания, объяснения и их применение (p. 145).

Другими словами, ее цель состоит в определении поведения таким образом, как оно понимается и ощущается людьми в рамках собственного уникального культурного контекста (Bond, 1996). Эта тема развивается в книге Кима и Берри (Kim & Berry, 1993), в которой они рассматривают психологические подходы, сложившиеся в России, Мексике, Индии, Греции, Корее и других странах. Авторы полагают, что такой подход на деле может привести не к раздробленности психологии, а к возможности создания универсальной психологии, что является первоочередной задачей кросс-культурной и культурной психологии.

Синха в «Руководстве по кросс-культурной психологии» (*Handbook of Cross-Cultural Psychology*, Sinha, 1997) уделяет значительное внимание этнокультурной психологии в различных регионах мира. В качестве примера он цитирует работу Нсаменанга (Nsamenang, 1992), который подчеркивает потребность в осмыслении

исследований развития в рамках контекста и предлагает схему контекстуализации воспитания детей и развития человека для Западной Африки. Для Нсаменанга африканский жизненный цикл в отличие от принятых на Западе стадий (внутриутробная, младенчество, детство и т. д.) состоит из духовной индивидуальности (концепция, обозначающая ребенка), социальной индивидуальности (определяющая состояние до смерти) и родовой индивидуальности (период, который следует за биологической смертью). Как отмечает Синха,

> вместо психологической традиции проверять гипотезы инструментами с предварительно заданной структурой, которые позволяют оценить запланированные заранее модели поведения, Нсаменанг приводит доводы в пользу этнографического подхода, не связанного ограничениями и предполагающего личную причастность и импровизацию (p. 144).

В своей рецензии на книгу Нсаменанга Серпелл (Serpell, 1994) дает этому уникальному подходу высокую оценку и говорит, что его

> резонанс с культурными предпочтениями, выраженными родителями, представляющими африканские общества, в которых социальная ответственность ценится выше, чем личная автономия и гибкость интеллекта, позволяет предположить, что он получит признание в актуальной для африканской психологии сфере (pp. 18–19).

Этнокультурный подход играет важную роль и в Китае, где возрастной психологии уделяется большое внимание, особенно когда дело касается семейного окружения, социального и личностного развития ребенка и созревания (Wang, 1993). Начиная с 1980-х годов в Китае было осуществлено значительное количество по-настоящему масштабных исследовательских проектов, в том числе проект Лиу (Liu, 1982), в рамках которого более 50 специалистов по возрастной психологии из 12 городов занимались исследованием когнитивного развития тысяч детей в возрасте от 5 до 16 лет. В 1990 году Цу опубликовал данные семилетней серии срезовых и лонгитюдных исследований детей и подростков, в процессе которых более 200 психологов из 50 учреждений занимались систематическим сбором данных в 23 провинциях по таким аспектам развития, как память, восприятие, язык, мышление, эмоции, личность, математические способности и нравственность. Поскольку Китай — большая страна, в которой насчитывается 56 национальных групп, психологическому развитию детей, представляющих национальные меньшинства, уделялось особое внимание. Цанг и Цуо (Zhang & Zuo, 1990) выявили некоторые различия между стратегиями решения проблем детьми из группы национального большинства хань и из нескольких национальных меньшинств. Однако, как сообщает Ванг (Wang, 1993), «судя по всему, региональные, социальные и культурные факторы играют более важную роль в когнитивном и социальном развитии детей, чем национальная принадлежность» (p. 99).

Синха (Sinha, 1997) говорит о том, что, несмотря на влияние многих западных теорий, особенно Пиаже и Колберга, исследования уделяют все больше внимания особенностям китайского характера. Например, модель нравственного развития Колберга была дополнена

> понятием «золотая середина» (тип поведения, которого придерживается в обществе большинство) и «добрая воля» (добродетель подчинения природе). Китайская модель делает акцент в первую очередь на *Ch'ing* (человеческая привязанность или чув-

ство) и конфуцианских ценностях: *jen* (любви, добросердечии к людям, доброжелательности и сострадании), уважении к родителям, групповой солидарности, коллективизме и гуманности, а не на *Li* (разуме, рациональном мышлении) (р. 146).

Что касается роли культуры, Ванг (Wang, 1993) пишет, что проводится больше исследований, принимающих во внимание китайский культурный контекст, и отмечает, что «китайские культурные традиции играют важную роль в современных психологических исследованиях и практической работе и в интерпретации их результатов» (р. 109).

По словам Синхи (Sinha, 1997), возрастная психология в Индии признала подход культурной психологии и этнокультурный подход около двадцати лет назад. Особой популярностью среди специалистов по возрастной психологии пользуется методика «психокультурного анализа» Уайтинга и Уайтинга (Whiting & Whiting, 1975), экокультурная схема Берри (Berry, 1976), экологический системный подход Бронфенбреннера (Bronfenbrenner, 1989), а также концепция ниши развития (*developmental niche*) Сьюпера и Харкнесса (Super & Harkness, 1997).

Помимо актуальных направлений исследований, о которых подробно говорилось выше, есть и другие заслуживающие упоминания (хотя бы вкратце) направления, будущее которых предполагает пересечение проблем культуры и развития. Например, по мере увеличения числа межкультурных браков, в мире все больше внимания уделяется воспитанию детей в условиях слияния двух культур (Elderling, 1995), а также уникальным проблемам и стратегиям адаптации детей, принадлежащих к двум культурам. Тенденция освобождения психологии от западного влияния, в особенности в области возрастной психологии, будет набирать силу, при этом все более пристальное внимание будет уделяться исследованиям культурных традиций, ценностей и особенностей этнокультурного поведения (Pandey, Sinha & Bhawuk, 1996). Все более сложные и глубокие исследования структуры семьи в рамках широкого круга культур (Georgas et al., 1997) приведут к разработке оценочных инструментов, пригодных для использования в условиях разных культур, что будет способствовать объяснению изменчивости психологических переменных и расширит возможности кросс-культурной психологии в области истолкования.

По мере того как во многих странах мира ожидаемая продолжительность жизни увеличивается, все больше внимания будет уделяться проблемам этнической принадлежности, старения и психического здоровья, и облегчить решение этих сложных проблем можно будет в контексте схем, предлагаемых Паджеттом (Padgett, 1995). Вместе с этими направлениями, как мы полагаем, будет проводиться больше сравнительных исследований лонгитюдного типа, рассматривающих разные поколения, подобных исследованию, проведенному Шнеевиндом и Руппертом (Schneewind & Ruppert, 1998). Эти ученые в течение 20 лет исследовали отношения, обусловленные развитием, семейными узами и связью между поколениями, отобрав для этого более 200 семей в Германии. По словам Литтла (Little, 1999):

> основным достоинством работы, которое позволяет ей оказаться на переднем крае семейной возрастной психологии, является богатство исследуемых внутрисемейных отношений между родителями и их отпрысками... Другая сильная сторона состоит в том, что... в процессе исследования она обращается к широчайшему диапазону тем — от социологии до личности — убедительно интегрируя их в контексте семейного развития (р. 42).

Многие упомянутые темы, связанные с развитием, отчасти имеют отношение и к проблемами культурной самоидентичности и испытывают на себе влияние этих проблем. Культурная самоидентичность определяется как «знание и понимание индивидом своего наследия и ценностей и то аффективное значение, которое придается индивидом своей психологической принадлежности к определенной группе» (H. W. Gardiner et al., 1998, p. 226). В серии исследовательских статей Г. Гардинер и Муттер (H. Gardiner & Mutter, 1992; а также: H. W. Gardiner & Mutter, 1992, 1993, 1994) предлагают модель развития мультикультурного сознания и идентичности; модель разработана в рамках культурно-контекстного подхода. Они предполагают, что

> индивид движется от культурной зависимости, когда понимание и оценка собственной культуры являются частью его уникальной ниши развития (*developmental niche*), к культурной независимости, при которой он выходит за пределы экологического окружения собственной культуры для того, чтобы обрести новый кросс-культурный опыт и идет далее к созданию связей со многими культурами, при этом он привносит в собственную культуру новый опыт и новое видение мира, и таким образом оказывает влияние на экологические установки, которые формируют родную ему культуру (p. 270).

Данная модель в последнее время была усовершенствована и расширена с учетом данных по формированию идентичности у американских и немецких испытуемых, воспитанных в одной культуре или принадлежащих к двум культурам одновременно (H. W. Gardiner et al., 1997). Как отмечают авторы, можно добиться еще большего, рассматривая данную модель применительно к еще более широкой совокупности культурных условий и различного рода опыту, связанному с развитием, включая

> 1) студентов, которые обучаются в условиях различных культур за пределами своей страны; 2) уроженцев США, многие из которых воспитаны в условиях принадлежности к двум культурами как неотъемлемой части их экологической системы; 3) тех, кто состоит в браке с представителем иной культуры и занимается воспитанием детей в условиях такого брака, тех, кому приходится сочетать и объединять различные подходы к воспитанию, разный экологический опыт и понимание культуры, для того чтобы научить детей понимать и ценить свою принадлежность к двум культурам; и 4) экспатриантов, которые живут и работают за пределами своей родины (H. W. Gardiner et al., 1998, p. 272).

И, наконец, есть и такие, кому хотелось бы видеть движение данной области в совсем новом направлении. Например, Херманс и Кемпен (Hermans & Kempen, 1998) в своей чрезвычайно провокационной статье замечают, что

> ускоряющийся процесс глобализации и расширение связей между культурами бросает беспрецедентный вызов современной психологии. Невзирая на эти очевидные тенденции, в традиционных академических концепциях по-прежнему заметна традиция культурных дихотомий (индивидуализм или коллективизм, независимость или взаимозависимость), которая отражает классификационный подход к культуре и Я (p. 1111).

Они комментируют три обстоятельства, которые ставят под сомнение данный подход, в том числе появление гетерогенной глобальной системы, культурные свя-

зи, ведущие к «гибридизации» и возрастающую сложность культуры. Они приходят к следующему заключению: «размышление над этими проблемами ставит под сомнение базовую посылку кросс-культурной психологии о том, что культура имеет географическую локализацию» (р. 1111).

Еще более спорная мысль содержится в призыве Берман (Burman, 1994) «демонтировать возрастную психологию». Она утверждает, что современная возрастная психология придерживается весьма ограниченных и совершенно несостоятельных взглядов на универсальность развития и значимость личности, что слишком пристальное внимание, которое уделяется индивидуализму, уводит в сторону от серьезных проблем практики воспитания детей. Форрестер (Forrester, 1999), делая обширный обзор, высказывает предположение, что специалисты по возрастной психологии, возможно, проигнорируют идеи Берман, и это, на его взгляд, будет достаточно печально, поскольку «показывает, насколько глубже могла бы осмыслить себя возрастная психология в теоретическом отношении и насколько более чуткой она могла бы быть по отношению к социальной и культурной практике, которые и составляют эту дисциплину» (р. 308).

О будущих направлениях исследования

По мере того как мы приближаемся к завершению нашего обсуждения и заглядываем в будущее, возникают несколько важных вопросов, которые настоятельно требуют к себе внимания. Что должны представлять собой в будущем исследования развития в кросс-культурном аспекте? Насколько будут они походить на современные исследования и в чем отличаться от них? Каким образом эти исследования будут способствовать нашему пониманию развития человека и постоянно меняющегося и все более сложного мира, в котором будут жить люди? Как данные будущих исследований повлияют на формирование новых теорий развития и как эти новые теории повлияют на разработку дальнейших исследований?

В предыдущем разделе данной главы я сделал несколько предварительных предположений, которые позволяют представить карту дорог будущих исследований. В дополнение к этим идеям я хотел бы обратить внимание на некоторые другие подходы, которые могли бы помочь ответить на заданные вопросы.

Например, исследователям, которые будут заниматься проблемами развития в грядущем тысячелетии, следует подумать о более широком использовании триангуляционного подхода (использование различных концепций и методов при изучении одного феномена). Хороший пример дает недавно проведенное кросс-культурное исследование развития детей на Ямайке (Dreher & Hayes, 1993). Данное исследование включает этнографические изыскания, касающиеся употребления марихуаны сельскими женщинами на Ямайке и стандартизированную клиническую оценку уровня развития и состояния здоровья их детей. Говоря об актуальности данного подхода для кросс-культурных сравнений и о том вкладе, который он может внести в понимание сложных видов поведения, авторы заявляют:

> Таким образом, методологическое сочетание этнографии и стандартизированных инструментов представляет собой не просто исследование одной и той же проблемы с точки зрения количественных и качественных характеристик. Скорее это черта,

присущая кросс-культурному исследованию... этнография подсказывает нам, какие вопросы задавать и как. Вопросы, предполагающие свободную форму ответа, которые обычно ассоциируются с этнографией, тем не менее могут привести к тому, что возможностью сравнения придется пожертвовать, если ответы будут относиться к разным областям. Стандартизированный инструментарий, методика применения которого, насколько возможно, регламентируется, расширяет возможности сравнения, но полезен лишь при условии предварительного выявления приемлемого диапазона и категорий ответов, которое сопровождается этнографическими наблюдениями и интервью (р. 227).

Исследование, которое использует триангуляционный подход, обладает несколькими явными преимуществами и обеспечивает возможность взаимосвязанного применения количественных и качественных составляющих, упрощая внесение изменений в процессе исследования. Как отмечают Филдинг и Филдинг (Fielding & Fielding, 1986), «качественная обработка может помочь количественной обработке при создании теоретической схемы, подтверждении данных, полученных в процессе опросов, интерпретации статистических связей и расшифровке ставящих в тупик ответов» (р. 27). Кроме того, «отбор вопросов при подготовке опросов, которые будут использоваться для последующего формирования показателей и подбор примеров, дающих объяснение изучаемому явлению... могут... [помочь] выявить индивидов для качественного изучения и определить типичные и нетипичные случаи» (р. 27).

В то время как все больше внимания мы уделяем связи между культурным контекстом и поведением индивида, стремясь навести мосты между теориями и методикой, перед исследователями по-прежнему стоит центральный для кросс-культурных исследований развития вопрос: какие виды поведения носят культуро-специфичный или национальный характер, а какие можно считать универсальными? Чем более тщательно спланировано проводимое нами исследование, тем ближе мы можем в один прекрасный день подойти к ответу на этот вопрос. По словам Кагитсибаси и Берри (Kagitcibasi & Berry, 1989):

чем больше внимания уделяют специалисты по кросс-культурной психологии макрохарактеристикам социокультурного контекста экологии или социальной структуры и выявляют их связь с микропеременными (поведением индивида), тем больше их шансы установить, какие характеристики носят культуро-специфичный характер, какие свидетельствуют об общности нескольких социокультурных контекстов, а какие являются универсальными человеческими феноменами (р. 520).

Определенному пониманию вопроса может помочь обращение к недавнему прошлому и к серии из шести статей, опубликованных в специальном разделе выпуска «Возрастная психология» (*Developmental Psychology*) за 1992 год, которые, по мнению Харкнесс (Harkness, 1992), представляют «состояние кросс-культурных исследований детского развития» в начале 1990-х годов. Оценивая эту работу, она говорит, что

данные статьи, документируя различия в конкретных условиях окружающей среды, на фоне которых происходит развитие ребенка, рассматривают вопрос об универсальности и культурных вариациях в поведении матери и ребенка и пытаются определить причинно-следственные связи между культурой, родительским поведением и резуль-

татами развития. Достоинством исследования является аккумулирование при помощи известных из западных исследований методик количественных данных о развитии. Тем не менее большей части отчетов недостает систематической информации по соответствующим аспектам культурного окружения, что делает проблематичной интерпретацию результатов. Дальнейшее продвижение вперед в данном направлении требует интеграции методов изучения ребенка и исследования культурного контекста развития (р. 622).

Несмотря на то что я не могу однозначно ответить на вопросы, поставленные выше (возможно, в будущем это сделает кто-то из вас), я с нетерпением жду кросс-культурного исследования, которое будет посвящено сравнениям в области развития (поиском черт сходства и различия) в рамках культурных контекстов, которое попытается сочетать этнографические подходы антрополога, психологические теории и методологии психолога и интерес к социальной политике, свойственный социологу. Помимо творческих передовых исследований, которые могли бы открыть перед нами новые перспективы, мне хотелось бы увидеть, что более пристальное внимание уделяется интерпретации, корректировке и углублению существующих знаний и теорий путем вдумчивых (и должным образом спланированных) попыток повторного получения данных, собранных ранее. Это часто упускаемая из виду (и недооцениваемая) возможность позволяет подтвердить или опровергнуть многие данные, благодаря рассмотрению их в определенных социокультурных условиях, отличных от тех, в которых они были получены впервые.

Когда в будущем мы будем предпринимать такого рода попытки, нам следует подумать и о том, как сделать наши открытия всеобщим достоянием, так, чтобы они могли сделать лучше и богаче жизнь тех, кто живет сейчас или будет жить в этом все более сложном мире, в котором появляется все больше внутренних связей. Возможно, наш общий вклад в более глубокое понимание культуры станет отличительным признаком нового тысячелетия.

Эпилог

Первые годы нового тысячелетия будут волнующим периодом подъема (а возможно, и полемики) в кросс-культурной психологии как дисциплине и в сфере исследований развития человека как ее важной составляющей. Как заметил Смит (Smith, 1995): «В течение последних десяти лет был заметен существенный прогресс в области формулирования теорий, относящихся к тому, где, когда и почему могут иметь место культурные различия или сходства» (р. 588). В то же время известный британский психолог Айзенк (Eysenck, 1995) считает, что

психология раскололась по многим направлениям... Такая наука нуждается в концепциях, теориях и оценочном инструментарии, которые обладают максимальной универсальностью. Иначе станет невозможным обобщение данных, которые мы получили эмпирическим путем, поскольку такое обобщение требует выхода за пределы отдельного народа или государства. Психология не может быть американской, японской или африканской, она должна быть универсальной. Мы можем и должны добиться большей унификации, стремясь к более высокому уровню кросс-культурной согласованности (р. 26).

Я согласен с Коулами (Cole & Cole, 1996), когда они говорят:

Мы рады, что внимание к несхожести культур при изучении детского развития становится все более пристальным, но мы уверены, что именно сегодня более чем когда-либо существует настоятельная потребность в осознании и оценке роли культурного многообразия в развитии человека (p. xxii).

В будущем эта потребность станет еще более настоятельной.

В конце своей работы Сегалл и соавторы (Segall et al., 1998) замечают: «Когда вся психология наконец начнет учитывать воздействие культуры на поведение человека (и наоборот), термины кросс-культурная и культурная психология будут не нужны» (p. 1101). В этот момент **вся** психология станет действительно культурной психологией.

Я верю, что настало время использовать огромный корпус накопленной информации и более эффективно использовать ее, так чтобы она улучшила жизнь всех людей, которые совместно населяют эту планету, и помогла нам вступить в эру развития.

Чувство, которое выражено в последних строках книги Г. В. Гардинера и его соавторов (H. W. Gardiner et al., 1998) о развитии в кросс-культурном аспекте, можно вновь выразить здесь:

Перед нами грандиозные задачи и возможности. Трудно представить, куда может забросить нас наше кросс-культурное путешествие в следующий раз. Но куда бы мы ни отправились, это непременно будет интересное и волнующее приключение. Возможно, кто-то из вас станет теоретиком-первопроходцем или исследователем, который и возьмет нас в следующее путешествие (p. 274).

Я сам с громадным нетерпением жду этого дня.

Литература

Aptekar, L. & Stocklin, D. (1997). Children in particularly difficult circumstances. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 2, 2nd ed., pp. 377–412). Boston: Allyn & Bacon.

Baumrind, D. (1967). Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior. *Genetic Psychology Monographs, 75,* 43–88.

Baumrind, D. (1971). Current patterns of parental authority. *Developmental Psychology Monographs,* 4(1, Pt. 2 pp. 1–103).

Berk, L. E. (1998). *Development through the life-span.* Boston: Allyn & Bacon.

Berry, J. W. (1976). Human *ecology and cognitive style: Comparative studies in cultural and psychological adaptation.* New York: Sage/Halsted.

Berry, J. W. (1983). The sociogenesis of social sciences: An analysis of the cultural relativity of social psychology. In B. Bain (Ed.), The *sociogenesis of language and human conduct* (pp. 449–454). New York: Plenum.

Berry, J. W., Dasen, P. R. & Şaraswathi, T. S. (Eds.). (1997). *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 2. Basic processes and human development* (2nd ed.). Boston: Allyn & Bacon.

Berry, J. W., Poortinga, Y. H. & Pandey, J. (Eds.). (1997). *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (*2nd ed.*). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.

Best, D. L. & Ruther, N. M. (1994). Cross-cultural themes in developmental psychology. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 25,* 54–77.

Bond, M. H. (Ed.). (1996). *The handbook of Chinese psychology.* Hong Kong: Oxford University Press.

Bond, M. H. (Ed.). (1997). *Working at the interface of cultures: Eighteen lives in social science.* London: Routledge.

Bornstein, M. H. (Ed.). (1995). *Handbook of parenting.* Mahwah, NJ: Erlbaum.

Bornstein, M. H., Haynes, O. M., Azuma, H., Galperin, C., Maital, S., Ogino, M., Painter, K., Pascual, L., Pecheux, M. G., Rahn, C., Toda, S., Venuti, P., Vyt, A. & Wright, B. (1998). A cross-national study of self-evaluations and attributions in parenting: Argentina, Belgium, France, Israel, Italy, Japan, and the United States. *Developmental Psychology, 34,* 662–676.

Brislin, R. W. (1983). Cross-cultural research in psychology. Annual *Review of Psychology, 34,* 363–400.

Bronfenbrenner, U. (1970). *Two worlds of chilhood: U.S. and U.S.S.R.* New York: Russell Sage Foundation.

Bronfenbrenner, U. (1975). Reality and research in the ecology of human development. *Proceedings of the American Philosophical Society, 119,* 439–469.

Bronfenbrenner, U. (1979). The *ecology of human development: Experiments by nature and design.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Bronfenbrenner, U. (1989). Ecological systems theory. In R. Vasta (Ed.), *Six theories of child development* (Vol. 6, pp. 187–250). Greenwich, CT: JAI Press.

Burman, E. (1994). *Deconstructing developmental psychology.* London: Routledge.

Cole, M. (1996). *Cultural psychology: A once and future discipline.* Cambridge: Harvard University Press.

Cole, M. (1998). *Cultural psychology: A once and future discipline.* Cambridge, MA: Belknap Press.

Cole, M. (1999). Culture in development. In M. Bornstein (Ed.), *Developmental psychology: An advanced textbook* (4th ed., pp. 73–123). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Cole, M. & Cole, S. R. (1996). *The development of children* (3rd ed.). New York: Freeman.

Cole, M., Engestrom, Y. & Vasquez, O. (Eds.). (1997). *Mind, culture and activity: Seminal papers from the laboratory of comparative human development.* Cambridge: Cambridge University Press.

D'Andrade, R. G. & Strauss, C. (Eds.). (1992). *Human motives and cultural models.* Cambridge: Cambridge University Press.

Darling, N. & Steinberg, L. (1993). Parenting style as context: An integrative model. *Psychological Bulletin, 113,* 487–496.

Dasen, P. R. (1972). Cross-cultural Piagetian research: A summary. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 7,* 75–85.

Dasen, P. R. (1975). Concrete operational development in three cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 6,* 156–172.

Dasen, P. R. (Ed.). (1977). *Piagetian psychology: Cross-cultural contributions.* New York: Gardner Press.

Dasen, P. R. & Jahoda, G. (1986). Cross-cultural human development [Specialissue] *International Journal of Behavioural Development, 9.*

Dreher, M. C. & Hayes, J. S. (1993). Triangulation in cross-cultural research in child development in Jamaica. *Western Journal of Nursing Research, 15(2),* 216–229.

Durojaiye, M. O. (1987). Black Africa. In A. R. Gilgen & C. K. Gilgen (Eds.), *International handbook of psychology* (pp. 24–36). New York: Greenwood Press.

Durojaiye, M. O. (1993). Indigenous psychology in Africa: The search for meaning. In U. Kim & J. W. Berry (Eds.), *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context* (pp. 211–220). Newbury Park, CA: Sage.

Eldering, L. (1995). Child-rearing in bi-cultural settings: A culture-ecological approach. *Psychology and Developing Societies, 7,* 133–153.

Eysenck, H. J. (1995). Cross-cultural psychology and the unification of psychology. *World Psychology,* 1(4), 11–30.

Fielding, N. G. & Fielding, J. L. (1986). *Linking data qualitative research methods* (Vol. 4). Beverly Hills, CA: Sage.

Forrester, M. A. (1999). Recognizing the gauntlet: Anti-developmentalism in developmental psychology. *British Journal of Psychology, 90,* 305–311.

Forrester, M. A. (1999). Deconstructing developmental psychology (review). *British Journal of Psychology, 90,* 305–312.

Gardiner, H. & Mutter, J. D. (1992, July 14–18). *Developing multicultural awareness: A model for integrating learning and culture.* Paper presented at the 11th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology and the Association for Intercultural Research, Liege, Belgium.

Gardiner, H. W. (1994). Child development. In L. L. Adler & U. P. Gielen (Eds., August), *Cross-cultural topics in psychology* (pp. 61–72). New York: Praeger.

Gardiner, H. W. (1996, August). *Cross-cultural content in contemporary developmental textbooks.* Paper presented at the 13th Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology, Montreal, Canada.

Gardiner, H. W. (1999). *Future directions in cross-cultural human development.* Unpublished manuscript.

Gardiner, H. W. & Mutter, J. D. (1992, February). *Positive attitudes and cross-cultural experiences.* Paper presented at the 21st Annual Meeting of the Society for Cross-Cultural Research, Santa Fe, NM.

Gardiner, H. W. & Mutter, J. D. (1993, February). *An approach to integrating teaching and formal learning in a multicultural context.* Paper presented at 22nd Annual Meeting of the Society for Cross-Cultural Research, Washington, DC.

Gardiner, H. W. & Mutter, J. D. (1994, February). *Measuring multicultural awareness and identity: A model.* Paper presented at the 23rd Annual Meeting of the Society for Cross-Cultural Research, Santa Fe, NM.

Gardiner, H. W., Mutter, J. D. & Kosmitzki, C. (1997). *A model for understanding cultural identity.* Unpublished manuscript.

Gardiner, H. W., Mutter, J. D. & Kosmitzki, C. (1998). *Lives across cultures: Cross-cultural human development.* Boston: Allyn & Bacon.

Georgas, J., Christakopoulous, S., Poortinga, Y. H., Angleitner, A., Goodwin, R. & Charalambous, N. (1997). The relationship of family bonds to family structure and function across cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 303–320.

Goodnow, J. J., Miller, P. J. & Kessel, F. (1995). *Cultural practices as contexts for development.* San Francisco: Jossey-Bass.

Harkness, S. (1992). Cross-cultural research in child development: A sample of the state of the art. *Developmental Psychology, 28(4),* 622–625.

Hartup, W. W. & van Lieshout, C. F. M. (1995). Personality development in social context. *Annual Review of Psychology, 46,* 655–687.

Hermans, H. J. M. & Kempen, J. G. (1998). Moving cultures: The perilous problems of cultural dichotomies in a globalizing society. *American Psychologist, 53,* 1111–1120.

Jahoda, G. (1982). *Psychology and anthropology: A psychological perspective.* London: Academic Press.

Jahoda, G. (1986). A cross-cultural perspective on developmental psychology. *International Journal of Behavioral Development, 9,* 417–437.

Jahoda, G. (1992). *Crossroads between culture and mind: Continuities and change in theories of human nature*. London: Harvester Wheatsheaf.

Jahoda, G & Krewer, B. (1997). History of cross-cultural and cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Theory and method* (Vol. 1, pp. 1–42). Boston: Allyn & Bacon.

Jessor, R., Colby, A. & Shweder, R. A. (1996). *Ethnography and human development: Context and meaning in social inquiry*. Chicago: University of Chicago Press.

Kagitcibasi, C. (1996). *Family and human development across cultures*. Mahwah, NJ: Erlbaum.

Kagitcibasi, C. & Berry, J. W. (1989). Cross-cultural psychology: Current research and trends. *Annual Review of Psychology, 40*, 493–531.

Kim, U. (1990). Indigenous psychology: Science and applications. In R. W. Brislin (Ed.), *Applied cross-cultural psychology*. Newbury Park, CA: Sage.

Kim, U. & Berry, J. W. (1993). (Eds.). *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context*. Newbury Park, CA: Sage.

Klineberg, O. (1980). Historical perspectives: Cross-cultural psychology before 1960. In H. C. Triandis & W. W. Lambert (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 1, pp. 1–14). Boston: Allyn & Bacon.

Kozulin, A. (1990). *Vygotsky's psychology: A biography of ideas*. New York: Harvester Wheatsheaf.

Lewin, K. (1951). *Field theory in social science*. New York: Harper.

Little, T. D. (1999). Development across generations (and cultures?) (Book review). *Contemporary Psychology, 44(1)*, 42–44.

Liu, F. (1982). Developmental psychology in China in Chinese. *Acta Psychologica Sinica, 14*, 1–10.

Lourenco, O. & Machado, A. (1996). In defense of Piaget's theory: A reply to 10 common criticisms. *Psychological Review, 103*, 143–164.

Maccoby, E. E. & Martin, J. A. (1983). Socialization in the context of the family: Parent-child interaction. In P. H. Mussen (Series Ed.) & E. M. Hetherington (Vol. Ed.), *Handbook of child psychology: Vol. 4. Socialization, personality, and social development* (4th ed., pp. 1–101). New York: Wiley.

Mead, G. H. (1934). *Mind, self, and society*. Chicago: University of Chicago Press.

Miller, G. A. (1969). Psychology as a means of promoting human welfare. *American Psychologist, 24*, 1063–1075.

Miller, J. G. (1997). Theoretical issues in cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Theory and method* (Vol. 1, pp. 85–128). Boston: Allyn & Bacon.

Mishra, R. C., Sinha, D. & Berry, J. W. (1996). *Ecology, acculturation and psychological adaptation*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Mundy-Castle, A. C. (1993). Human behaviour and national development: Conceptual and theoretical perspectives. *Ife Psychologia, 1*, 1–16.

Nicolopoulou, A. (1993). Play, cognitive development, and the social world: Piaget, Vygotsky, and beyond. *Human Development, 38*, 1–23.

Nsamenang, A. B. (1992). *Human development in cultural context: A third world perspective*. Newbury Park, CA: Sage.

Padgett, D. K. (Ed.). (1995). *Handbook on ethnicity, aging, and mental health*. Westport, CT: Greenwood Press.

Pandey, J., Sinha, D. & Bhawuk, D. P. S. (Eds.). (1996). *Asian contributions to cross-cultural psychology*. New Delhi: Sage.

Paris, S. G. & Cross, D. R. (1988). The zone of proximal development: Virtues and pitfalls of a metaphorical representation of children's learning. *Genetic Epistemologist, 26,* 27–37.

Parke, R. D., Ornstein, P. A., Rieser, J. J. & Zahn-Waxler, C. (Eds.). (1994). *A century of developmental psychology.* Washington, DC: American Psychological Association.

Piaget, J. (1954). The *construction of reality in the child.* New York: Basic Books.

Piaget, J. (1972). Intellectual evolution from adolescence to adulthood. *Human Development, 15,* 1–12.

Piker, S. (1998). Contributions of psychological anthropology. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 9–31.

Rieber, R. W. (Ed.). (1998). *The collected works of L. S. Vygotsky: Vol. 4: Child psychology.* New York: Plenum.

Saraswathi, T. S. (1998). Many deities, one god: Towards convergence in cultural and cross-cultural psychology. *Culture and Psychology, 4,* 147–160.

Schneewind, K. A. & Ruppert, S. (1998). *Personality and family development: An intergenerational longitudinal comparison.* Mahwah, NJ: Erlbaum.

Schwartz, T. (1981). The acquisition of culture. *Ethos, 9,* 4–17.

Segall, M. H. (1986). Culture and behavior: Psychology in global perspective. *Annual Review of Psychology, 37,* 523–564.

Segall, M. H., Dasen, P. R., Berry, J. W. & Poortinga, Y. H. (1999). *Human behavior in global perspective* (2nd ed.). Boston: Allyn & Bacon.

Segall, M. H., Lonner, W. J. & Berry, J. W. (1998). Cross-cultural psychology as a scholarly discipline: On the flowering of culture in behavioral research. *American Psychologist, 53,* 1101–1110.

Serpell, R. (1994). An African ontogeny of selfhood (book review). *Cross-Cultural Psychology Bulletin, 28,* 17–20.

Serpell, R. & Hatano, G. (1997). Education, schooling, and literacy. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (2nd ed., Vol. 2, pp. 339–376). Boston: Allyn & Bacon.

Shwalb, D. W. & Shwalb, B. J. (Eds.). (1996). *Japanese childrearing: Two generations of scholarship.* New York: Guilford Press.

Shweder, R. A. (1991). *Thinking through cultures: Expeditions in cultural psychology.* Cambridge: Harvard University Press.

Shweder, R. A. & Sullivan, M. A. (1993). Cultural psychology: Who needs it? *Annual Review of Psychology, 44,* 497–523.

Sinha, D. (1997). Indigenizing psychology. In J. W. Berry, H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Theory and method* (Vol. 1, pp. 129–169). Boston: Allyn & Bacon.

Smith, P. B. (1995). JCCP — Looking to the future. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 588–590.

Sternberg, R. (1995). *In search of the human mind.* Fort Worth, TX: Harcourt-Brace.

Stevenson-Hinde, J. (1998). Parenting in different cultures: Time to focus. *Developmental Psychology, 34,* 698–700.

Stigler, J. W., Shweder, R. A. & Herdt, G. (Eds.). (1990). *Cultural psychology : Essays on comparative human development.* Cambridge: Cambridge University Press.

Super, C. M. (1981). Behavioral development in infancy. In R. H. Munroe, R. L. Munroe & B. B. Whiting (Eds.), *Handbook of cross-cultural development.* New York: Garland.

Super, C. M & Harkness, S. (1997). The cultural structuring of child development. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), Handbook *of cross-cultural psychology* (2nd ed., Vol. 2, pp. 1–39). Boston: Allyn & Bacon.

Triandis, H. C., Malpass, R. & Davidson, A. R. (1973). Psychology and culture. *Annual Review of Psychology, 24,* 355–378.

Valsiner, J. & Lawrence, J. (1997). Human development in culture across the life span. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (2nd ed., Vol. 2, pp. 69–106). Boston: Allyn & Bacon.

Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes.* Cambridge: Harvard University Press.

Vygotsky, L. S. (1986). Thought and language (A. Kozulin, Trans./rev.). Cambridge; MIT Press. (Original work published 1934)

Wade, C. & Tavris, C. (1996). Psychology. New York: Harper Collins.

Wang, Z.-M. (1993). Psychology in China: A review dedicated to Li Chen. *Annual Review of Psychology, 44,* 87–116.

Weisner, T. S. (1997). The ecocultural project of human development: Why ethnography and its findings matter. Ethos, *25,* 177–190.

Whiting, B. B. (1963). *Six cultures: Studies of child rearing.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Whiting, B. B. & Edwards, C. P. (1988). *Children of different worlds: The formation of social behavior.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Whiting, B. B. & Whiting, J. W. M. (1975). *Children of six cultures: A psycho-cultural analysis.* Cambridge: Harvard University Press.

Zevalkink, J. (1997). *Attachment in Indonesia: The mother-child relationship in context.* Doctoral dissertation, University of Nijmegen, Nijemgen, The Netherlands. (ISBN 90–9010829–7)

Zhang, Z. & Zuo, M. L. (1990). The development of children's strategy in problem-solving [in Chinese]. *Information on Psychological Sciences, 2,* 21–26.

Zhu, Z.-X. (Ed.). (1990). *Psychological development and education of Chinese children and adolescence* (in Chinese). Beijing: Chinese Excellence Press.

Zigler, E. & Gilman, E. (1998). The legacy of Jean Piaget. In M. Wertheimer (Ed.), *Portraits of pioneers in psychology* (Vol. 3, pp. 145–149). Mahwah, NJ: Erlbaum.

ГЛАВА 7

Познание в разных культурах

Р. Мишра

***Познание** является одним из основных психологических процессов, основательно изученных как традиционной, так и кросс-культурной психологией. Познание определяется здесь как совокупность процессов, в ходе которых индивид получает и использует знания об окружающих его объектах. Изучение познания и когнитивных процессов в разных культурах чрезвычайно поучительно, поскольку именно таким образом мы получаем сведения о том, как окружающая среда и другие социокультурные факторы способствуют формированию и трансформации нашей способности обрабатывать информацию, мыслить и действовать в этом мире.*

В этой главе Мишра дает великолепный обзор кросс-культурных исследований ряда когнитивных процессов. Он начинает с квинтэссенции основных проблем, характерных для исследований в данной области на протяжении десятилетий, и с описания различий между подходами нативистов и эмпириков к пониманию когнитивного развития. Рассмотрение этих проблем, особенно в той части, где Мишра говорит о сближении противоположных точек зрения, а также утверждает, что когнитивные процессы носят универсальный характер, но сущность и направление их формирования определяется культурой, — имеет большое практическое значение.

Мишра также определяет и описывает четыре основных теоретических подхода к пониманию взаимосвязи между познанием и культурой. Это подходы с точки зрения: 1) общего интеллекта; 2) генетической эпистемологии; 3) конкретных навыков и 4) когнитивных стилей. Как полагает Мишра, приверженность к разным подходам не обязательно влечет за собой разногласия в отношении роли культуры в процессе познания; скорее, различия между этими точками зрения заключаются в том, как они подходят к культуре и познанию и как понимают взаимосвязь между ними. Различные точки зрения также определяют различные пути проведения исследований.

Оставшаяся часть главы посвящена обзору состояния кросс-культурных исследований различных когнитивных проблем, включая категоризацию, научение и память, школьное образование и грамотность, пространственное познание, решение проблем и размышления вслух, а также креативность. Мишра описывает исследования, которые документально подтверждают наличие важных культурных различий в каждом из названных процессов, проливают свет на истоки этих различий и выясняют причины их возникновения. Сложное взаимо-

действие познания с окружающей средой, образом жизни, системой образования и другими факторами заставляет предположить, что понимание влияния культуры на когнитивное развитие — задача не из легких. В то время как одни когнитивные процессы формируются в результате продолжительной адаптации к окружающей среде и экокультурной обстановке, формирование других происходит при необходимости справиться с новыми проблемами постоянно меняющегося мира. Поэтому выявление факторов, образующих столь сложное переплетение, — задача, требующая смелости и качественно нового подхода к теории и практике. Мишра определенно высказывается в пользу освоения альтернативных методов планирования исследований для реструктуризации наших знаний в данной области и интеграции подходов, предлагаемых исследованиями повседневного познания, а также культурной психологией и этнокультурной психологией. В конце главы Мишра утверждает, что различные точки зрения должны быть объединены для создания единого подхода к пониманию взаимосвязи между культурой и познанием в будущем, и эта мысль созвучна общей идее этой книги.

В этой главе предпринимается попытка рассмотреть влияние культуры на познание. Под познанием понимаются процессы, в ходе которых индивид получает и использует знания об окружающих его объектах. Данная совокупность процессов включает маркировку, анализ, категоризацию, мышление, логическое мышление и планирование. Изучение данных процессов привлекало не только психологов и педагогов, но и тех, кто занимался детским развитием и политическими проектами. В результате в ходе исследований когнитивных процессов были собраны обширные сведения (см.: Altarriba, 1993; R. C. Mishra, 1997).

Основные проблемы

Как представляется, кросс-культурные исследования познания занимались тремя основными вопросами, поднятыми Берри и Дейзеном (Berry & Dasen, 1974). Они связаны: а) с качественными различиями когнитивных процессов в разных культурных группах; б) с количественными различиями когнитивных процессов в разных культурных группах; и в) с особенностями формирования когнитивных операций и их организацией в разных культурных группах. Кросс-культурная психология имеет интересную историю исследований этих вопросов (см.: Jahoda & Krewer, 1997, а также Segall, Dasen, Berry & Poortinga, 1999, где историческая тема изложена более подробно).

В целом, исследования отвергли представления о «превосходстве—неполноценности» отдельных культурных групп. Предполагается, что в разных культурах люди по-разному воспринимают и организуют свой мир. Специалисты по кросс-культурной психологии пытаются понять и объяснить различия в когнитивном поведении индивидов и групп с точки зрения «опыта, определяемого культурой». При этом ни к когнитивному поведению, ни к самим группам или индивидам не применяются никакие оценочные характеристики, как не предпринимаются и попытки определить их статус или место в иерархии. Такая точка зрения находится

в резком противоречии с мнением ряда психологов, которые до сих пор пытаются дать оценку (расовым/этническим) группам в соответствии с их когнитивными способностями.

Подход эмпириков

Исследования когнитивного развития отражают влияние нативистов и эмпириков. Нативисты считают, что все феномены, связанные с познанием и восприятием, носят врожденный характер и не требуют от организма никакой активной деятельности. Эмпирики, в свою очередь, полагают, что реакция организма на различные стимулы, поступающие из окружающей среды, определяется опытом и научением.

Теории эмпириков занимали центральное место в кросс-культурных исследованиях познания; в соответствии с этим они строились одним из нескольких способов. Чаще всего при кросс-культурных исследованиях познания использовалась теория «транзакционного функционализма» (Brunswik, 1956). Она делает акцент на адаптивной ценности интеракций и утверждает, что познание помогает индивиду справиться с задачами, которые ставит перед ним окружающая среда. Данный подход использовался для объяснения когнитивных характеристик ряда культурных групп (Berry, 1966, 1976; Berry et al., 1986; R. C. Mishra, Sinha & Berry, 1996).

Предпринимались и попытки сближения этих противоположных точек зрения. Сегодня в кросс-культурной психологии широко распространено мнение об универсальном характере когнитивных процессов (для всех народов). Однако чтобы понять сущность и направление развития этих процессов, необходимо проанализировать повседневные ситуации в жизни индивида, в ходе которых данные процессы проявляют себя. Данные исследований говорят о том, что в различных обществах в понятие «когнитивные способности» вкладывается разный смысл (Berry, 1984; Berry & Bennett, 1991; Dasen, 1984; Serpell, 1989; Wober, 1974); по-разному определяется и поведение, полезное для членов данного социума. Во многих обществах мы находим свидетельства того, что их когнитивные задачи резко отличаются от тех, которые считаются значимыми на Западе. Таким образом, чтобы дать когнитивным процессам обоснованную оценку, важно понять: а) экологический контекст народа; б) когнитивные задачи, которые стоят в данной культуре перед детьми; и в) каким образом эти задачи ставятся перед детьми.

Анализ этих моментов важен и для оценки успехов личности в области когнитивного развития. Знание когнитивной задачи поможет нам оценить прогресс индивида в данном направлении. Исследования показывают, что культуры действительно по-разному подходят к оценке определенных видов когнитивного поведения. Например, в некоторых обществах высоко ценится «глобальное» решение проблем, опирающееся на «размышления», в то время как в других обществах предпочтительным является «аналитическое» решение проблем, опирающееся на «быстрое» принятие конкретных решений. Очевидно, что когнитивное развитие в таких обществах будет идти в различных направлениях.

Все теоретические подходы, которые пытаются исследовать когнитивное развитие в разных культурах, обращаются к этим вопросам в первую очередь. Следу-

ющий раздел описывает эти подходы. Дается также краткая характеристика исследований, проводимых на каждой из теоретических установок.

Теоретические подходы

Для осмысления взаимосвязей между культурой и познанием были приняты четыре теоретических подхода (Berry, Poortinga, Segall & Dasen, 1992). Это подходы с точки зрения: а) общего интеллекта; б) генетической эпистемологии; в) конкретных навыков и г) когнитивных стилей. Данные подходы различаются между собой по трем основным позициям: а) концептуализация экокультурных контекстов; б) структура когнитивного поведения; и в) существование центральных когнитивных механизмов.

Общий интеллект

Подход с точки зрения общего интеллекта является одним из первых в изучении познания. Он базируется на идее единой когнитивной компетентности, определяемой как **общие способности**, которые проявляются в позитивной корреляции между действиями и рядом когнитивных задач (вербального, пространственного, числового и т. п. характера). Центральный когнитивный механизм, получивший название *g*-фактор (Spearman, 1927), определяет разный уровень умственных способностей у разных людей. Фоновые социокультурные факторы, такие как экономические интересы, а также культурный и образовательный опыт формируют кластер. Крупный кластер свидетельствует о **благоприятной** окружающий обстановке, а небольшой кластер — о **неблагоприятной**. Кроме того, предполагается, что личность, которая находится в благоприятных условиях и имеет позитивный опыт, имеет больше возможностей для развития центрального когнитивного механизма и будет демонстрировать более высокий уровень умственных способностей (Carroll, 1983; Sternberg, 1985).

Кросс-культурные исследования умственных способностей выявили факторы более узкого характера, нежели *g*-фактор (Burg & Belmont, 1990; Irvine, 1979; Vernon, 1969). Вернон предложил иерархическую модель интеллекта. Он использовал проведенное Хеббом разграничение между интеллектом *A* (генетический багаж) и интеллектом *B* (потенциальные возможности, раскрывшиеся в результате взаимодействия с культурной средой) и ввел понятие интеллекта *C* (выполнение конкретного теста) как важной составляющей. Разграничение между интеллектом *B* и интеллектом *C* позволяет специалистам по кросс-культурной психологии оценить роль культуры. Поскольку интеллект *B* не определяется должным образом при помощи тестов, интеллект *C* не отражает действительных способностей индивида, представляющего данную культуру. Ряд факторов, задаваемых культурой (язык, содержание тестовых заданий и мотивация), также оказывает влияние на способность индивида выполнить тест (Sternberg, 1994). Следовательно, опираясь лишь на итоговые показатели тестов, чрезвычайно трудно делать выводы об уровне умственных способностей отдельного человека.

Авторы нескольких недавних публикаций склоняются к мнению о генетической основе интеллекта (Herrnstein & Murray, 1994; Rushton, 1995). Взяв за основу ряд

внешних признаков (цвет кожи, структура волос) представителей определенных групп населения, Раштон заявляет, что различия в оценках теста умственных способностей имеют под собой генетическую основу как для индивидов, так и для групп. Такие интерпретации косвенно вводят понятие «дефицит», в то время как подход с точки зрения культуры делает акцент на понятии «отличие». Мак-Шейн и Берри (McShane & Berry, 1988) дали критическую оценку заявлениям такого рода. Они утверждают, что различия в выполнении теста могут быть связаны с разнообразными факторами, такими как бедность, питание, состояние здоровья или культурная дезорганизация. Ирвайн (Irvine, 1983) указывает на то, что в странах третьего мира эти факторы играют важную роль, определяя уровень выполнения тестов. Сеси (Ceci, 1994) отмечает, что во многих исследованиях к значительным колебаниям итоговых показателей в тестах умственных способностей приводят «годы обучения» (*years of schooling*). Следовательно, для того чтобы выводы в отношении умственных способностей были достаточно обоснованными, необходим учитывать перечисленные факторы.

Генетическая эпистемология

Подход с точки зрения генетической эпистемологии занимается процессами развития, которые проходят в определенной хронологической последовательности. В соответствии с данным подходом считается, что поведение формируется в зависимости от различных когнитивных задач. Согласно взглядам Пиаже, когнитивное развитие проходит четыре стадии (сенсомоторная, дооперациональная, конкретно-операциональная и формально-операциональная). Хотя Пиаже и определил возрастной диапазон, соответствующий этим стадиям, он признавал, что возраст, в котором конкретный ребенок достигнет определенного этапа, может в значительной степени зависеть от его физического, когнитивного или культурного опыта (Piaget, 1974). Были также проведены исследования влияния культурных факторов на стадиях конкретных и формальных операций (Dasen & Heron, 1981; Gardiner, Mutter & Kosmitzki, 1998).

В исследованиях развития на конкретно-операциональной стадии первоочередное внимание обычно уделялось развитию памяти. В одной из первых работ Дейзен (Dasen, 1972) подытоживает данные по выполнению заданий, связанных с памятью, и распределяет результаты по следующим категориям.

1. Культурные группы, в которых память у детей появляется почти одновременно с американскими и европейскими детьми (например, дети из Нигерии, Замбии, Гонконга, иранские и австралийские аборигены).
2. Группы, у которых память обычно формируется раньше (например, уроженцы Азии).
3. Группы, у которых память появляется на 2–6 лет позже (например, африканцы, американцы и европейцы с низким социально-экономическим статусом).
4. Группы, в которых отдельные индивиды не могут выполнить конкретные операции даже достигнув отрочества (например, алжирцы, непальцы, индейцы с побережья Амазонки и сенегальцы).

Значительный корпус данных кросс-культурного характера убедительно свидетельствует о том, что а) структуры или операции, относящиеся к дооперациональному периоду, универсальны и б) функционирование этих структур и уровень, на котором оно осуществляется, зависят от факторов, действующих в рамках определенной культуры. Нуити (Nyiti, 1982) приходит к следующему выводу: «несмотря на то что дети, принадлежащие к разным культурам, сталкиваются с различными реалиями, все они используют одни и те же мыслительные процессы или операции» (р. 165). При этом некоторые более поздние исследования обнаружили дополнительные стадии в последовательности, описанной Пиаже. Саксе (Saxe, 1981, 1982) обнаружил свидетельства этого, изучая представления о числах у оксампин в Папуа–Новой Гвинее. Представители этого народа используют числовую систему, основанную на названиях частей тела.

В отношении формально-операционального мышления исследователи иногда высказывают мнение, что во многих обществах людям не удается достичь этого уровня (Shea, 1985). Хотя это верно прежде всего в отношении тех обществ, где люди не получают систематического образования, свидетельства существования формально-операционального мышления не всегда очевидны даже у получивших образование испытуемых. Китс (Keats, 1985) работал с австралийскими, малайскими, индийскими и китайскими студентами и выявил наличие формально-операционального мышления у части испытуемых во всех группах, однако далеко не у всех в каждой из групп. Сессия, посвященная специальному обучению, привела к улучшению выполнения во всех группах. Это говорит о том, что различия между группами главным образом проявлялись на уровне «выполнения».

Исследование Тейпа (Tape, 1987) показало важность использования адекватных в культурном отношении ситуаций с не получившими школьного образования испытуемыми при изучении формально-операционального мышления. Саксе (Saxe, 1981) работал с жителями острова Понам, которые придерживаются определенной системы, давая имена своим детям. Давая имена девочкам, они учитывают порядок появление в семье дочерей, то же самое происходит, когда имена даются мальчикам, но при этом используют другие серии имен. Саксе разработал задачу на формально-операциональное мышление, используя известные правила, в соответствии с которыми дают имена дочерям и сыновьям. Испытуемых попросили сконструировать гипотетические семьи в соответствии с правилами, по которым даются имена. В такой ситуации испытуемые смогли решить вопросы относительно детей одного из полов или обоего пола, что подтверждает, что они действительно обладают способностью к формально-операциональному мышлению.

Теория Пиаже была реконструирована в процессе дополнения как структурными, так и контекстуальными аспектами. Такие новые теории в русле теорий Пиаже (Case, 1985; Demetriou, Efklides & Platsidou, 1993; Fisher, 1980; Pascual-Leone, 1970) концентрируются на инвариантности структуры в разных ситуациях, требуя при этом включения ситуационных переменных. Дейзен и де Рибопьер (Dasen & de Ribaupierre, 1987) изучали способность этих теорий принять во внимание индивидуальные и культурные различия. По их мнению, ни одну из них нельзя назвать удовлетворительной, поскольку они не прошли достаточной кросс-культурной проверки.

Конкретные навыки

Подход с точки зрения конкретных навыков был впервые предложен в рамках экспериментальной антропологии (Cole, Gay, Glick & Sharp, 1971) и не предполагал существования центрального когнитивного механизма. Наибольшее внимание уделяется в нем изучению связи между отдельной особенностью экокультурного контекста (например, опыта) и способностью к осуществлению определенной когнитивной деятельности (например, классификации стимулов). Данный подход предполагает, что «культурные различия в большей степени определяются ситуацией, в которой используются определенные когнитивные процессы, нежели наличием какого-либо процесса у одной культурной группы и отсутствием его у другой» (Cole et al., 1971, p. 233). Таким образом, данный подход признает связь способности к осуществлению определенной когнитивной деятельности с экокультурными особенностями групп без участия центрального когнитивного механизма, опосредующего воздействие культуры на познание.

Убедительное подтверждение такой точки зрения было получено при исследовании способности фермеров народности кпелле в Либерии определить точное количество риса (Gay & Cole, 1967). Кпелле занимаются выращиванием риса в гористой местности и часто продают излишки риса для пополнения скудного дохода. Они хранят рис в бадьях, консервных банках и мешках и пользуются стандартной минимальной мерой для риса, которую называют **копи** (консервная банка) и с ее помощью определяют количество риса при повседневном обмене. Взрослых и детей кпелле сравнивали с взрослыми американскими рабочими и школьниками в отношении точности определения различных количеств риса. Обнаружилось, что взрослые кпелле, по сравнению с взрослыми американцами, выполняют эту задачу чрезвычайно точно, ошибаясь в среднем на 1–2 %, в то время как американцы допускали ошибки до 100 %. Такая точность не свойственна фермерам кпелле в иных ситуациях. Изучение памяти с помощью теста *free recall*[1] у кпелле (Cole et al., 1971), способности запомнить вес у детей мексиканских гончаров (Price-Williams, Gordon & Ramirez, 1969), способности к воспроизведению образца у замбийских и шотландских детей (Serpell, 1979) и понимания «выгоды» детьми из Шотландии и Зимбабве (Jahoda, 1983) также в основном говорят в пользу представления о «специфичности» когнитивных процессов.

Данные подобного характера были получены при изучении влияния грамотности у народности вай (Либерия) на способность к выполнению определенной когнитивной деятельности. Грамотность у вай оказывала влияние лишь на выполнение нескольких отдельных тестовых заданий (например, описательная коммуникация и грамматические суждения). Столь ограниченная роль грамотности объяснялась ее «ограниченным» использованием в обществе.

Берри и Беннетт (Berry & Bennett, 1991) изучали крее на Северном Онтарио в Канаде, у которых использование грамотности носит не такой ограниченный ха-

---

[1] *Free recall* (свободное воспроизведение) — один из основных тестов для изучения памяти. Он состоит в том, что испытуемому предъявляют список слов, которые он должен запомнить. Затем испытуемого просят воспроизвести эти слова (например, записать в любом порядке). Это называют задачей свободного воспроизведения, потому что испытуемый может вспоминать слова в любом порядке. — *Примеч. науч. ред.*

рактер, как у вай. Влияние грамотности было заметным лишь при выполнении задач, связанных с чередованием, а также задач пространственного характера, то есть задач, которые включали когнитивные операции, важные для письма. Тем не менее анализ показал позитивную корреляцию между всеми показателями теста, позволяя предположить образование общих паттернов в мышлении. Образование паттернов выполнения действий было отмечено в другом исследовании, в котором проверялось воздействие определенного культурного опыта (ткачество) на воспроизведение образцов различными средствами (например, при помощи карандаша и бумаги, песка, проволоки и жестов) (R. C. Mishra & Tripathi, 1996).

Приверженцы этого подхода отдавали себе отчет в ряде связанных с ним проблем. Основная из них — «его неспособность объяснить общность в поведении людей» (Laboratory of Comparative Human Cognition, 1983, p. 331). Что же касается способности к осуществлению определенных действий, то теперь понятно, что «навыки и знания, приобретенные в одних условиях, часто проявляются в других условиях при соответствующих обстоятельствах» (p. 331). В относительно недавней разработке Коул (Cole, 1992) предложил концепцию «модульного принципа». Он утверждает, что психологические процессы обладают этнокультурной спецификой, но рассматривает различные местные условия как модули, которые находятся в сложной взаимосвязи с культурными контекстами и определяют входы информации в центральный когнитивный механизм, оперирующий ею. В отношении культурного контекста Коул признает следующее:

> Нет сомнения, что культура включает определенные повторяющиеся модели, но нет сомнения и в том, что она далека от единообразия и что повторение ею данных моделей воспринимается в процессе взаимодействий локального характера, ограниченных определенными локальными рамками... Следовательно, любой, кто интересуется проблемой культуры и познания, должен заниматься составляющими культуры, воздействующими на интеллект: их место где-то в промежутке между «сделанным точно по образцу целым» и «случайной совокупностью артефактов» (p. 250).

Ретроспективно оценивая свои теоретические взгляды, Коул (Cole, 1996) признал: «Чего нам не хватало, так это систематического осмысления связи между психической реальностью, которую мы создали путем исследовательской практики, и психологической реальностью людей в их повседневной практике» (p. 97). Исследования, которые используют «социально-исторический подход» (Vygotsky, 1978) и подход с точки зрения «повседневного познания» (Schliemann & Carraher, глава 8 наст. изд; Schliemann, Carraher & Ceci, 1997), представляют собой попытку преодолеть хотябы часть этих проблем.

Когнитивные стили

Подход с точки зрения когнитивных стилей был сформулирован Фергюсоном (Ferguson, 1956), который считал, что «культурные факторы предписывают, что и в каком возрасте должно быть усвоено; следовательно, различные виды культурной среды ведут к формированию различных паттернов способностей» (p. 156). Таким образом, те, кто использует данный подход, занимаются поиском внутренних связей (паттернов) в когнитивных действиях и делают теоретическое допущение о том, что различным паттернам способностей свойственно развиваться в раз-

личных экокультурных условиях, в зависимости от тех требований, которые предъявляются к индивиду на протяжении его жизни.

Особое внимание в процессе исследовательской работы привлек к себе среди других когнитивных стилей полезависимый-поленезависимый стиль (Witkin & Goodenough, 1981). Кросс-культурные исследования полезависимого-поленезависимого когнитивного стиля главным образом проводились в рамках экокультурной схемы, предложенной Берри (Berry, 1966, 1976, 1987). В соответствии с этой схемой экология и усвоение культуры рассматриваются как два основных комплекса «входных» переменных, а культура групп и поведение отдельных людей воспринимаются как «адаптивные проявления, соответствующие требованиям, которые к индивидам и группам предъявляют экокультурные условия». Виткин и Берри (Witkin & Berry, 1975; Berry, 1981, 1991) представили обширные обзоры кросс-культурных исследований полезависимого-поленезависимого стиля. Их данные в целом говорят о том, что когнитивный стиль индивидов и групп можно предсказать, ознакомившись с их экокультурными характеристиками и особенностями, связанными с усвоением культуры (Berry, 1976, 1981).

Изучение полезависимого-поленезависимого когнитивного стиля в рамках экокультурной схемы на протяжении десятилетий вызывало интерес исследователей. Д. Синха (Sinha, 1979, 1980) изучал детей из кочевых групп, занимающихся охотой и собирательством, а также из кочевых и оседлых сельскохозяйственных групп, которые представляли культуры племенного и иного характера. Охотники и собиратели обнаружили бóльшую степень психологической дифференциации (поленезависимость), чем лица, которые занимались сельским хозяйством. Было выявлено также, что проживание в холмистой местности в сочетании с определенными культурными практиками интеллектуальной элиты усилило процессы дифференциации среди детей Непала (D. Sinha & Shresta, 1992). На примере детей сантал было выявлено, что обучение в школе, урбанизация и индустриализация также повышают уровень дифференциации (G. Sinha, 1998).

Берри и соавторы (Berry et al., 1986) изучали детей обоего пола и взрослых, принадлежащих к центральноафриканским культурным группам биака (пигмеи, занимающиеся охотой и собирательством), бангандy (главным образом, занимаются сельским хозяйством, иногда охотой и собирательством) и гбану (занимаются исключительно сельским хозяйством), используя восемь параметров дифференциации, относящихся к когнитивной сфере, и три — к социальной сфере. Для сбора данных использовались опросы родителей и соседей, отметки детей и наблюдения взаимодействия детей с родителями при выполнении специально спланированной задачи, а затем на основании полученных данных оценивалась природа социализации ребенка. Усвоение культуры оценивалось как на субъективном, так и на объективном уровне.

Данные по когнитивным тестам подтвердили представления о когнитивном стиле. В выборках биака и бангандy при социализации основное внимание уделялось тому, чтобы сделать детей самостоятельными, умеющими полагаться на свои силы, в то время как в выборке гбану акцент делался на взаимозависимость. Тем не менее различия в социализации не были жестко связаны с когнитивным

(полезависимым-поленезависимым) стилем детей. С другой стороны, усвоение культуры — как в контакте, так и через тесты — оказывает существенное влияние на выполнение теста в прогнозируемом направлении.

В более позднем исследовании Р. Мишра с соавторами (R. C. Mishra et al., 1996) изучали детей и родителей, принадлежащих к племенным культурным группам, проживающим в штате Бихар в Индии: бирхор (группа, занимающаяся охотой и собирательством и ведущая кочевой образ жизни), асур (группа, которая недавно начала вести оседлый образ жизни, хозяйство носит смешанный характер — охота и собирательство сочетаются с сельским хозяйством) и ораон (давно занимаются сельским хозяйством). В каждой из культурных групп наблюдались различия среди испытуемых в отношении количества переменных тестового и контактного усвоения культуры. При оценке акцентов в процессе социализации (в отношении уступчивости или настойчивости) в разных группах использовалось сочетание наблюдений, опросов и тестирования. Полученные данные подтвердили предположение о существовании когнитивных стилей, причем оказалось возможным прогнозирование данных стилей на основе экокультурных характеристик и особенностей усвоения культуры в изучаемых группах. Сведения об акцентах социализации, полученные со слов родителей и детей, не давали возможности прогнозировать когнитивный стиль детей, в то время как такие переменные, как поддержка родителей и ответная реакция (полученные путем факторного анализа), могли служить надежным основанием для предсказания когнитивного стиля определенной направленности. Почти такие же результаты были получены в исследовании детей, принадлежащих к культуре тару в зоне Гималаев в Индии, представляющих выборки из групп охотников-собирателей, сельскохозяйственного населения и наемных работников (K. Mishra, 1998).

Р. Мишра (R. C. Mishra, 1996) исследовал не обучавшихся в школе детей, принадлежащих к культурной группе бирджа в штате Бихар в Индии. Он использовал в своем исследовании Иллюстрированный рассказ-тест замаскированных фигур (*Embedded Figures Test, EFT*) и Индо-Африканский тест замаскированных фигур для оценки когнитивного стиля. Оценивались расстояние, на которое дети ежедневно удалялись от своего дома (уходя в лес или в деревню), и их деятельность, решение о которой они принимали самостоятельно. В целом, дети, которые уходили в лес, проходили большие расстояния и занимались большим количеством видов самостоятельной деятельности, чем те, которые перемещались в окрестностях деревни. Дети, уходившие в лес, обнаруживали значительно более высокие показатели по обеим системам оценки когнитивного стиля, чем деревенские дети, что было отнесено на счет более дифференцированных требований, которые предъявляет детям обстановка в лесу.

Таким образом, исследования, которые придерживаются данного подхода, свидетельствуют о том, что воздействие культуры на познание нельзя исследовать, просто наблюдая способность различных культурных групп к выполнению определенных когнитивных задач. Весьма важен анализ культурной жизни разных групп, их способностей к определенным видам поведения, требуемым в условиях конкретной культуры, а также способа обучения необходимым навыкам.

Отличия между перечисленными подходами указывают на возможность разного понимания взаимосвязи между культурой и познанием в процессе эмпирического исследования. Насколько мы понимаем, нет разногласий в отношении роли культуры в процессе познания. Различие между направлениями состоит в том, как они подходят к культуре, познанию и взаимосвязи между ними.

Влияние культуры на когнитивные процессы

В этом разделе мы поговорим о некоторых исследованиях когнитивных процессов, чтобы рассмотреть вопрос о том, как и до какой степени влияют на них культурные факторы.

Категоризация

Наше восприятие дает нам весьма разнообразные сведения об окружающем мире. Чтобы систематизировать и сохранить эти сведения, требуется определенная категоризация. По-разному ли происходит формирование категорий у представителей разных культур, используют ли они для этого разные принципы, или эти принципы одинаковы повсюду? Кросс-культурные исследования в области категоризации цветов и объектов привели к интересным результатам.

Кодирование цветов и категоризация

Ранние исследования, касающиеся кодируемости цветов (Whorf, 1956), показали, что люди в разных обществах не имеют общей совокупности названий цветов, в соответствии с которой происходит деление спектра. Берлин и Кей (Berlin & Kay, 1969) говорили, что если философия, лежащая в основе цветового восприятия, универсальна, должно существовать согласие по поводу «узловых моментов» цвета среди тех, кто говорит на разных языках, несмотря на вариации связанного с цветами лексикона. Берлин и Кей (Berlin & Kay, 1969), однако, отмечали эволюционное развитие связанной с цветами терминологии, а именно что менее развитые в культурном отношении общества имеют меньшее количество слов, обозначающих основные цвета, чем общества с более сложной культурой (например, развитые индустриальные). Работа Мак-Лаури (McLaury, 1991) также демонстрирует воздействие экокультурных факторов на кодирование цветов. Широко обсуждают исследования, связанные с названиями цветов, Расселл, Дереговски и Киннер (Russell, Deregowski & Kinner, 1997).

Недавние исследования подтверждают отсутствие сильного языкового влияния на категоризацию цветов. Дэвис и Корбетт (Davies & Corbett, 1997) исследовали носителей английского, русского и сетсвана[1] языков, в которых количество названий основных цветов различается, как различается и группировка цветов в сине-зеленой зоне. Испытуемым был выдан набор из 65 цветов для того, чтобы они рассортировали его таким образом, чтобы в группы входили цвета, близкие между собой. Вопреки ожиданиям, было обнаружено значительное сходство между принципом

[1] Сетсвана — национальный язык государства Ботсвана в Африке. — *Примеч. науч. ред.*

подбора во всех трех выборках. В то же время между выборками были и существенные различия. Например, говорящие на сетсвана (у которых для обозначения синего и зеленого используется один и тот же базовый термин) были в большей степени склонны объединить в одну группу синие и зеленые цвета, нежели англоязычные и русскоязычные испытуемые. С другой стороны, русскоязычные испытуемые (в языке которых существует два базовых термина для синего) проявляли ничуть не больше стремления сгруппировать темные и светлые оттенки синего отдельно по сравнению с англоязычными испытуемыми. Были и структурные различия между выборками, связанные с отбором. Например, выборки различались по степени единодушия при группировке по количеству групп, на которое были разбиты цвета, и количеству цветов в группе.

Классификация растений и животных

Этнобиология — дисциплина, изучающая народные системы классификации растений и животных. Она предоставляет некоторые интересные данные о поведении людей, связанном с категоризацией. Книга Берлина «Этнобиологическая классификация» (*Ethnobiological Classification*, Berlin, 1992) рассматривает некоторые из важнейших проблем, связанных с этим процессом. Блаунт и Шваненфлюгель (Blount & Schwanenflugel, 1992) подробно анализируют эту работу. Основной вопрос связан с категориальным разграничением, которое осуществляют представители традиционных обществ, определяя разновидности растений и животных. Руководствуясь здравым смыслом, можно предположить, что растения и животные, наиболее важные для выживания общества, скорее всего будут распознаваться и получать название в первую очередь. Вопреки такой точке зрения Берлин (Berlin, 1992) заявляет, что структурные и типологические последовательности в классификационной системе традиционного народа «наилучшим образом интерпретируются с точки зрения общечеловеческой перцепционной и главным образом подсознательной оценки природной близости между группами растений и животных, которые присутствуют в окружении» (p. XI). Все люди воспринимают природный мир достаточно схожим образом.

Если это утверждение верно, встает следующий вопрос: в чем влияние культуры на системы классификации и наименования? Берлин считает, что оно проявляется на «субгенерическом» уровне, что главным образом связано с одомашненными видами животных и растений. Это значит, что возрастающее значение животных и растений в жизни общества ведет к концептуальным различиям на субгенерическом уровне.

Кросс-культурные сравнения говорят о значительном разнообразии категорий на уровне «форма жизни». Экономическое значение растений и животных отмечается как самый существенный фактор категоризации. Сведения о различиях, связанных с такими факторами, как пол, возраст, разделение труда, при определении категорий и названий представляют собой важное свидетельство влияния культуры на классификацию и терминологию (Berlin, 1992), поскольку данные факторы связаны с различной степенью знакомства со стимулами в результате различного опыта, связанного с окружающей обстановкой.

Лопес, Атран, Кули, Медин и Смит (Lopez, Atran, Coley, Medin & Smith, 1997) сравнивали американцев, представляющих индустриальное общество, и традиционных итзай-майя, культурную группу из Гватемалы, чтобы выявить универсальные и культуро-специфичные черты в биологической систематике и индуктивном мышлении. Данные показали, что обе группы выстроили во многом схожую систематику местных видов млекопитающих. С другой стороны, были и данные, которые говорили о различиях в биологической систематике, в основе которых лежало главным образом то, что майя придавали большее значение экологическим факторам. Эти данные свидетельствуют об универсальной способности к систематизации видов и к использованию полученной систематики в рассуждениях. Различным здесь является знание, которое несут с собой представители разных культур, что показывает наличие разных путей достижения одной цели.

Прототипы

Прототипы до настоящего времени изучались главным образом психологами. Данный подход опирается в основном на «анализ того, что связано с прототипом». В соответствии с данным подходом представителей разных обществ просят определить пригодность определенного объекта для представления определенной категории (к примеру, каким образом «кролик» может быть отнесен к категории «животное»). Исследования свидетельствуют как о культуро-специфичных, так и об универсальных паттернах в системах категоризации. Шваненфлюгель и Рей (Schwanenflugel & Rey, 1986) сравнивали связанные с прототипами суждения, сделанные группами испаноязычных и англоязычных жителей Флориды. Оценки типичности, сделанные обеими группами в отношении большого количества категорий, показали положительную корреляцию (0,64); однако в отношении таких категорий, как «птица» или «фрукт», были очевидны различия. С другой стороны, Лин и Шваненфлюгель (Lin & Schwanenflugel, 1995) указывают, что кросс-культурные вариации в структуре категорий тем больше, чем больше отличаются сами культуры. Эти данные говорят о том, что различия в категоризации и определении категорий связаны с культурным опытом индивида или группы.

Сортировка объектов

Другой метод изучения категоризации — проверить, как люди группируют различные объекты. В ходе такого исследования часто используется процедура «сортировки». Поскольку в данном случае категории определяются общепризнанными атрибутами, данная процедура также была названа **сортировка по эквивалентности** (Segall et al., 1999). Как «регламентированная», так и «свободная» процедура сортировки использовалась для выявления параметров, по которым можно было оценить различия в категоризации. Во внимание принималась таксономическая, функциональная, перцепционная и структурная категоризация. Было обнаружено, что культурные группы отличаются по своим предпочтениям к определенным параметрам классификации, по легкости или трудности изменения параметров категоризации, по точности сортировки и по вербализации параметров, используемых при сортировке (Rogoff, 1981).

Р. Мишра и соавторы (R. Mishra et al., 1996) исследовали связанное с категоризацией поведение племенных групп бирхор, асур и ораон (штат Бихар, Индия).

Испытуемым предъявили 29 известных и характерных для данной местности объектов, которые, по предварительным предположениям, принадлежали к шести известным категориям. Использовалась процедура свободной сортировки. Выполнение задание оценивалось по нескольким параметрам, таким как количество выделенных категорий, количество категорий, соответствующих изначально ожидаемым категориям, количество подкатегорий, сущность группировки (концептуальная, функциональная, перцепционная, идиосинкразическая) и изменения в принципе группировки в процессе выполнения задачи. Полученные данные говорят о том, что представители бирхор, как правило, распределяли объекты между меньшим количеством категорий и формировали меньше подкатегорий, чем делали это представители асур и ораон. Контактное усвоение культуры группами не влияло на выделение категорий, соответствующих категорий и подкатегорий. Паттерн результатов не изменялся при перегруппировке объектов. Все группы сортировали объекты прежде всего по функциональному принципу, но дети асур и ораон делали это чаще других. Влияние усвоения культуры было значительным в отношении концептуальной группировки лишь у детей ораон; данный факт свидетельствует о том, что другие виды группировки менее подвержены влиянию усвоения культуры.

Васманн и Дейзен (Wassmann & Dasen, 1994) исследовали классификацию у юпно в Папуа — Новой Гвинее, мировоззрение которых предполагает распределение всего на «горячее» и «холодное». Это параметр в высшей степени абстрактного характера, и его нельзя распознать по каким-либо видимым особенностям. Следовательно, только специалисты (колдуны) могут манипулировать этими состояниями. Была разработана задача на сортировку 19 объектов, которые можно было явным образом отнести к холодным или горячим, но можно было классифицировать и по другим критериям, таким как цвет, форма, функция или таксономия. Обнаружилось, что только колдуны явным образом использовали категории холодное-горячее. Другие взрослые старшего поколения использовали эти категории опосредованно, через функцию. Хотя обучение в школе стимулировало сортировку по цвету, все дети (как обученные, так и необученные) использовали цвет как основу сортировки. Форма не использовалась как критерий сортировки объектов ни разу, а таксономия использовалась крайне редко.

Эти данные опровергают мнение о неспособности некоторых культурных групп к абстрактному мышлению. Различный уровень осведомленности — не единственное объяснение. Дейзен (Dasen, 1984) утверждает, что группы способны распределять по категориям даже незнакомые им объекты. Кроме того, они могут распределять по категориям знакомые стимулы различными способами, в зависимости от своего конкретного опыта, связанного с этими стимулами, и культурной адекватности методики, которая используется для оценки поведения при категоризации (Wassmann, 1993). Факты говорят о том, что разные культурные группы имеют сходные способности к обработке информации.

Научение и память

Научение и память — очень важные когнитивные процессы, связанные с получением и сохранением информации. Несколько десятков лет назад Бартлетт (Bartlett, 1932) утверждал, что навыки запоминания в дописьменных обществах формировались иначе, чем в обществах, имевших письменность. Разница объяснялась тем,

что в повседневной жизни дописьменного общества огромное значение придается запоминанию именно тех моментов, которые в обществе, имеющем письменность, просто записываются. Возможно, индивиды, принадлежащие к такому обществу, утратили навыки запоминания из-за отсутствия практики, полагаясь на сделанные записи (например, телефонные справочники) или другие хранилища информации (например, компьютеры). Есть некоторые свидетельства того, что люди, воспитанные в обществе, где сильны устные традиции, имеют хорошие способности к запоминанию. Росс и Миллсом (Ross & Millsom, 1970) сравнивали обучающихся в университете студентов Ганы (устная традиция) и Америки (письменная традиция) в отношении запоминания содержания рассказов, прочитанных вслух по-английски. В целом ганцы запоминали рассказы лучше американских студентов, несмотря на то, что английский был для них неродным языком.

Запоминание рассказов

Некоторые исследователи пытались проверить воздействие культуры на память, вводя в рассказы элементы «культурного знания». Рейнольд, Тейлор, Стеффенсен, Ширли и Андерсон (Reynold, Taylor, Steffensen, Shirley & Anderson, 1982) сравнивали чернокожих и белых американских студентов, используя рассказ о происшествии, которое могло интерпретироваться или как «ссора», или как ритуальная игра, носящая название *sounding*. Исследователи обнаружили, что белые студенты истолковывали происшествие как ссору, в то время как чернокожие рассматривали его как игру. Данные интерпретации соответствовали культурному знанию испытуемых.

Стеффенсен и Колкер (Steffensen & Calker, 1982) исследовали запоминание рассказов о больном ребенке американскими женщинами и представительницами австралийских аборигенов. В одном из рассказов ребенка лечили западными лекарствами, а в другом — средствами местной народной медицины. Полученные данные показали, что женщины лучше запоминают рассказы, которые согласуются с их культурным знанием. Сравнение американских и бразильских (Harris, Schoen & Lee, 1986), а также американских и мексиканских (Harris, Schoen & Hensley, 1992) культурных групп дало сходные результаты.

Другие исследования показывают относительно небольшие различия в количественных или структурных характеристиках запоминания рассказов, если структура рассказа является «универсальной в культурном отношении». Классическая работа Коула и соавторов (Cole et al., 1971), проведенная с кпелле в Либерии, выявила важность контекста рассказа при запоминании. Коул и его коллеги интересовались, насколько кпелле способны запомнить сгруппированные в категориальные кластеры слова, представленные в случайном порядке. Было обнаружено, что испытуемые могли запомнить объединение в кластеры лишь тогда, когда слова были предъявлены в контексте историй, то есть той культурной практики, которая была свойственна повседневной жизни испытуемых.

Другие аспекты способности запоминать

Эффект культурного давления может влиять на способность индивидов к запоминанию многими другими путями. Р. Мишра и Сингх (R. C. Mishra & Singh, 1992) изучали детей культурной группы асур в Индии. Асур живут, не пользуясь по ночам

лампами или иными средствами освещения. Было доказано, что такое существование требует от людей класть вещи на строго определенные места и запоминать отведенное для них место. Способность детей к запоминанию «местоположения» и «пар» картинок оценивалась в условиях целевого и непреднамеренного научения. Все дети продемонстрировали более высокую точность запоминания местоположения картинок, чем парных сочетаний даже в условиях непреднамеренного научения.

Культурная практика может также предрасположить людей к успешному освоению определенного материала и эффективному использованию стратегий структурирования. Р. Мишра и Шукла (R. C. Mishra & Shukla, 1999) сравнивали способность к запоминанию и объединению в кластеры у детей тару в Индии с детьми из других культурных групп. Тару представляет собой племенную культурную группу, которая в музыке первоочередное внимание уделяет ритму. Детям для изучения и запоминания был дан список слов, созвучных в фонетическом отношении. Было предположено, что фонетическое сходство единиц в списке позволит рифмовать слова, и это поможет детям тару легко объединить их в кластеры. Данные подтвердили прогноз. Несмотря на то что дети тару мало пользовались объединением в кластеры при выполнении других заданий (например, список объектов, связанных концептуально), выполняя фонетическое задание, они использовали объединение в кластеры в той же мере, что и другие группы.

Школьное обучение и грамотность

Кросс-культурные исследования часто говорят о том, что школьное образование — важный фактор, определяющий способность к выполнению когнитивных тестов. Рогофф (Rogoff, 1981) дает подробный обзор таких исследований. Результат школьного обучения (а в особенности грамотности) интерпретируется следующими четырьмя способами (Segall et al., 1999).

1. Обучение в школе ведет к появлению новых когнитивных процессов.
2. Обучение в школе способствует применению существующих процессов к более широкому кругу контекстов, включая новые и незнакомые.
3. Обучение в школе оказывает лишь поверхностное воздействие, возникающее в результате позитивного отношения к заданиям и легкости выполнения проверочных заданий.
4. Обучение в школе дает результаты, которые могут проявиться лишь в экспериментальном исследовании в условиях, подобных школьной обстановке.

Поскольку овладение грамотностью обычно происходит в процессе школьного обучения, трудно разделить влияние этих факторов. Скрибнер и Коул (Scribner & Cole, 1981) выделили два типа воздействий грамотности на индивида. Один связан с развитием интеллекта при усвоении знаний и информации, получаемой из текстов. Другой связан с содержательным аспектом мысли и процессами мышления.

Гуди (Goody, 1968) сделал достаточно решительные заявления, касающиеся воздействия грамотности на когнитивное функционирование, но эмпирические исследования не подтвердили его мнение. Было проведено детальное исследование влияния знания Корана. Вагнер (Wagner, 1993) работал с детьми-мусульманами в Марокко, используя широкий круг заданий на запоминание. Дети, изучав-

шие Коран, демонстрировали более высокий уровень способностей к запоминанию, чем необученные дети, однако почти на том же самом уровне, что и любые современные школьники. Тем не менее было обнаружено, что они опираются на механическое запоминание (Scribner & Cole, 1978, 1981). Опора на механическое запоминание, которой придерживается педагогическая система современных исламских школ, послужила основным мотивом для использования этой стратегии в тестовых ситуациях.

Что касается результатов, которые дает школьное образование, в процессе исследований сравнивались научение и память у детей, посещавших школы разного уровня (например, хорошие или плохие, оборудованные или нет) или различные виды школ (например, традиционные или западного типа). Хорошими считаются школы, в которых достаточно места для учеников и персонала, организована подвозка детей, оборудованы места для занятий спортом, игр и развлечений, есть библиотека и читальный зал, работают квалифицированные учителя и используются новые методики обучения (R. C. Mishra & Gupta, 1978; D. Sinha, 1977). Обычные школы не имеют всех этих удобств. Такие контрасты в уровне школ можно увидеть в странах, подобных Индии, где во многих начальных школах нет даже самого необходимого — мела, доски и тряпки (R. C. Mishra, 1999).

Агравал и Мишра (Agrawal & Mishra, 1983) сравнивали, как дети, посещающие хорошие и обычные школы в Варанаси (Индия), учат и запоминают слова. Полученные данные говорят о том, что, по сравнению с детьми, посещающими школы более высокого уровня, детям из обычной школы требуется больше усилий для того, чтобы выучить задание, при этом у этих детей способность к объединению слов в кластеры была ниже. А. Мишра (A. Mishra, 1992) изучал способности к запоминанию и организации (объединению в кластеры) слов у детей из хороших и обычных школ, манипулируя контекстом, в котором предъявлялись слова. В целом показатели способностей к запоминанию и объединению в кластеры у детей из обычных школ были ниже, чем у посещавших школы более высокого уровня, как при вспоминании «с подсказками», так и при их отсутствии. Когда одни и те же объекты предъявлялись в контексте знакомых рассказов, различия в показателях способностей к запоминанию и структурированию исчезали. Способность к неупорядоченному или систематизированному воспроизведению продемонстрировали обе группы школьников, при ее использовании школьники проявили высокую гибкость, реагируя на требования, предъявляемые ситуацией.

Исследования, сравнивающие стратегии научения детей, посещающих традиционные школы, со стратегиями детей, посещающих школы западного типа (R. C. Mishra, 1988; R. C. Mishra & Agrawal, в печати; Wagner & Spratt, 1987), показывают, что механическое научение является доминирующей стратегией детей, посещающих традиционные школы. Когда используется стратегия, связанная со систематизацией, различия характеризуются скорее тем, что положено в основу систематизации, нежели ее уровнем. Р. Мишра (R. C. Mishra, 1988) обнаружил, что дети из санскритской школы стремились систематизировать объекты из списка в соответствии с «важностью объектов». С другой стороны, систематизация, предложенная детьми, посещавшими школы западного типа, была основана на «важности событий».

Данные исследования иллюстрируют роль культурных факторов в процессе научения и запоминания. Они говорят о том, что не только культурная значимость объектов, событий и обычаев, но и множество факторов, связанных с опытом обучения, могут быть причиной различий в результатах научения и запоминания.

Пространственное познание

Пространственное познание — это процесс, посредством которого человек приобретает знания о событиях и объектах, расположенных в пространстве или связанных с ним (Gauvain, 1993; R. C. Mishra, 1997). Кросс-культурные исследования пространственного познания главным образом сосредоточивались на том, как люди описывают пространство. В ходе этих исследований часто использовались задания, связанные с описанием изображений или маршрута. Спенсер и Дарвизе (Spencer & Darvizeh, 1983), изучавшие дошкольников из Ирана и Великобритании, сообщают, что иранские дети более подробно описывали местность, по которой проходил маршрут, но, по сравнению с британцами, давали меньше сведений о направлении. Сходство в манере обмена информацией пространственного характера между взрослыми и детьми в рамках одной культуры позволяет предположить, что коммуникативная компетентность в отношении пространства носит характер модели, заданной культурой. Такой компетентности в значительной мере способствуют определенные приспособления, изготовленные человеком, такие как бумага, карандаш или карта.

Фрейк (Frake, 1980) провел классическое исследование пространственной ориентации в двух культурах. Он анализировал использование абсолютных обозначений направления (восток, запад, юг, север) и относительных обозначений (например, право, лево, впереди, позади) в Юго-Восточной Азии и Калифорнии. Полученные им данные показали, что культуры различаются в отношении использования терминов для обозначения направления и что такие термины, как юг или север, не используются при описании реального мира; это понятия, принятые в рамках конкретной культуры. Например, в Юго-Восточной Азии юг означает чаще «по направлению к морю», нежели «по направлению к берегу» и фактически никогда не используется для обозначения юга как такового; в Калифорнии принято говорить, что Тихий океан находится на западе, хотя это не всегда верно.

В последних исследованиях пространственного познания внимание сосредоточено на использовании языка для описания пространства. Тейлор и Тверски (Taylor & Tversky, 1996) указывают, что теоретики пространственного языка выделяют три вида систем отсчета в связи с их происхождением: а) дейктическая, или ориентированная на наблюдателя, б) действительная, или ориентированная на объект, и в) внешняя, или ориентированная на окружение. Эти три системы соответствуют выделенным Левинсоном (Levinson, 1996) относительной, действительной и абсолютной системам, которые, судя по всему, получили широкое признание. В работе Левинсона (Levinson, 1996) высказывается предположение, что общности, для которых характерны языковые различия, отдают предпочтения различным системам отсчета.

Васманн и Дейзен (Wassmann & Dasen, 1998) занимались анализом сложной геоцентрической системы пространственной ориентации жителей острова Бали,

адаптацией этой системы к топологическому и историческому контекстам, ее использование в речи и поведении и ее влиянием на кодирование пространственных связей при выполнении заданий на запоминание. Данные говорят о том, что хотя большинство жителей Бали пользуется абсолютной системой отсчета, которая задана языком и культурой, используется также кодирование в рамках относительной (эгоцентрической) системы отсчета. Гибкость, которую проявляют жители Бали, переключаясь с одного вида кодирования на другой, увеличивается с возрастом. Данное исследование свидетельствует об умеренной лингвистической относительности.

Нираула (Niraula, 1998) изучала развитие пространственных познавательных способностей у деревенских и городских детей Непала, принадлежащих к культурной группе невар. Она обнаружила, что чем старше дети, тем более явно прослеживается их переход от относительной системы кодирования к абсолютной. Дети, которые в психологическом отношении отличались наибольшим своеобразием (по иллюстрированному рассказу с встроенными фигурами), чаще предпочитали использовать абсолютную систему кодирования, чем те, кто в меньшей степени отличался от остальных. Различия в предпочтениях к абсолютному или относительному кодированию между городскими и деревенскими детьми были несущественными.

Дейзен, Мишра и Нираула (Dasen, Mishra & Niraula, 1999) провели исследование сельских и городских детей 4–14 лет в Варанаси (Индия) и долакха (Непал). В то время как деревенские дети осуществляли кодирование пространственной информации главным образом в абсолютной системе отсчета, городские дети использовали различные системы (включая абсолютную) для кодирования информации пространственного характера, хотя обе группы разговаривали на одном языке (хинди). В Непале при кодировании пространственной информации предпочтение отдается геоцентрической системе «подъем—спуск». Судя по всему, данные системы ориентации не оказывают влияния на способность детей к выполнению определенных когнитивных задач.

Решение проблем и размышления вслух

Решение проблем представляет весьма важную область когнитивного функционирования человека. Особенно пристальное внимание в кросс-культурных исследованиях уделялось решению математических задач. Насколько нам известно, во всех культурах люди в той или иной степени пользуются математикой; однако в культурах Востока, где компьютеры и калькуляторы не используются повсеместно, уделяется большое внимание формированию навыков вычисления. Поэтому неудивительно, что студенты, представляющие эти культуры, получают более высокие оценки за свои математические достижения. Группа ученых (Geary, Fan & Bow-Thomas, 1992) сравнивала выполнение китайскими и американскими детьми задач на простое сложение и обнаружила, что китайские дети правильно решили в три раза больше задач, чем американцы, и сделали это значительно быстрее. Китайские дети пользовались переструктурированием данных, тогда как американские дети полагались только на вычисления. Преимущество китайских детей объяснялось тем, что родители и учителя специально занимались выработкой у детей основных математических навыков.

У формального и неформального математического мышления были обнаружены свои особенности. Дэвис и Гинзбург (Davis & Ginsburg, 1993) сравнивали практические навыки африканских, американских и корейских детей. В отношении математических задач неформального характера различия были незначительными. При решении формальных математических задач корейские дети продемонстрировали более высокий уровень, чем другие группы. Это свидетельствовало о том, что обучение в классе и тренировка дома с помощью родителей сформировали у них превосходные практические навыки решения формальных математических задач.

При проведении анализа кросс-культурных различий в некоторых исследованиях использовались задачи, требующие силлогистических рассуждений. Эти задачи связаны с логическими (абсолютными) истинами, которые отличаются от эмпирических (условных) истин. Логические истины предполагают осмысление и выведение. Эмпирические истины постигаются на собственном опыте или со слов других людей. Лурия (Luria, 1976) провел исследование традиционного характера, связанное с силлогистическими рассуждениями. Он обнаружил, что даже неграмотные крестьяне из Узбекистана были в состоянии постичь эмпирические истины, но не могли понять логические истины.

Скрибнер (Scribner, 1979) разграничил «теоретические» и «эмпирические» ответы. Теоретические ответы основаны на информации, которая содержится в самой задаче. Эмпирические ответы основаны на внешней по отношению к задаче информации. Скрибнер и Коул (Scribner & Cole, 1981) пришли к выводу, что обучение в школе оказывает существенное влияние на способность к силлогистическим рассуждениям. Это показывает, что школьное образование, делая акцент на анализ, способствует развитию теоретической ориентации в силлогизмах. Сущность силлогизмов является еще одним фактором, который оказывает влияние на процесс логического мышления. Проводя исследование в Индии, Даш и Дас (Dash & Das, 1987) обнаружили, что дети, обучавшиеся в школе, в большей степени склонны к силлогизмам «конъюнктивного» типа (например: лошадь и собака никогда не расстаются. Сейчас лошадь бежит по джунглям. Что делает собака?). Дети, не получившие школьного образования, больше преуспевают в силлогизмах типа «вопреки опыту» (например: если лошадь накормить досыта, она не сможет хорошо работать. Лошадь Рама Бабу сегодня накормили досыта. Сможет ли она сегодня хорошо работать?). Эти результаты говорят о том, что дети, не обучавшиеся в школе, способны к восприятию логических истин таким же образом, как и дети, получившие школьное образование. Различия возникают лишь в связи с контекстом рассуждения.

Креативность

Креативность является одним из наиболее ценных когнитивных процессов; она определяется оригинальностью, гибкостью и беглостью идей или иных результатов. К сожалению, данный процесс очень мало изучен в кросс-культурном аспекте, хотя исследования выявили роль внешних факторов, способствующих креативности (Stein, 1991), и экологического контекста в формировании креативности (Harrington, 1990). Отношения детей с родителями, включая поддержку и поощ-

рение со стороны последних, также оказывают влияние на формирование креативности (Simonton, 1987).

Коллиган (Colligan, 1983) провел традиционное исследование роли культурного давления и практики социализации на формирование музыкальной креативности. Изучались культуры жителей островов Самоа, острова Бали, Японии и индейцев Омаха. В культурах Самоа и Бали поощряется осознание танцорами собственной индивидуальности (как жителя Самоа или Бали), следовательно, в этих культурах танцоры создают уникальную индивидуальную исполнительскую манеру в рамках базовых установок искусства танца, предписанных их обществом. Японская же культура, как и культура индейцев Омаха, не одобряет инноваций и оригинальности. А значит, исполнительский стиль танцоров в этих культурах остается относительно неизменным.

Поощрение детей за участие в определенных играх, таких как «заставь поверить», благоприятствует формированию креативности (Segall et al., 1999). Креативному мышлению у детей способствуют и ролевые игры (Dasen, 1988). Та степень, в которой такие игры и игровые виды деятельности являются составной частью процесса социализации детей в любой культуре, определяет влияние культуры на креативность.

Заключение

В этой главе мы рассмотрели некоторые из основных проблем, касающихся взаимосвязи культуры и познания. Мы также попытались понять, как эти проблемы трактуются в рамках различных теоретических подходов и что говорят нам данные исследований различных когнитивных процессов о данной взаимосвязи. На данной стадии мы можем понять, что люди используют одни и те же когнитивные процессы, чтобы адаптироваться к миру, в котором они живут. Культурные различия проявляются в том, каким образом эти процессы применяются в отдельных контекстах. В то время как некоторые из этих процессов сформировались в результате длительной адаптации индивидов или групп к экокультурным условиям, другие сформировались в порядке адаптации к новым требованиям меняющегося мира. В результате мы обнаруживаем свидетельства непрерывности и постоянного изменения когнитивных процессов индивидов как в рамках одной культуры, так и в разных культурах.

Как мы видели, разнообразие данных не позволяет прийти к однозначному заключению о взаимосвязи между культурой и познанием. А последние исследования еще больше усложнили представление об этой взаимосвязи. Приверженцы различных точек зрения расходятся в вопросах, касающихся концептуализации культуры, структуры когнитивных процессов, а также средств, при помощи которых культура и когнитивные процессы усваиваются индивидом, включая их представление и систематизацию в организме человека. Эти различия дают нам множество альтернатив для планирования исследований, которые могут перестроить наши представления в данной области.

В то же время мы можем сделать вывод, что отношение современных исследований к культуре стало более серьезным, чем несколько десятков лет назад.

Исследователи стали более восприимчивыми к использованию тестов, заданий и экспериментальных ситуаций, однако исследования по-прежнему терпят неудачу, пытаясь уловить реалии повседневной психологической жизни людей. Интерес к изучению повседневного познания свидетельствует о попытках понять эту реальность. Развитие культурной психологии (Stigler, Shweder & Herdt, 1990) и этнокультурной психологии (Kim & Berry, 1993) в последние годы также представляют собой попытки принять эти реалии. Движение в направлении регионализации психологии (D. Sinha, 1997) также стало очевидным во многих частях света. Мы надеемся, что исследования будут и впредь обращаться к различным проблемам, касающимся взаимоотношений культуры и познания. Мы также надеемся, что различные точки зрения сблизятся между собой для формирования в перспективе более унифицированного подхода к пониманию познания.

Литература

Agrawal, S. & Mishra, R. C. (1983). Disadvantages of caste and schooling, and development of category organization skill. *Psychologia, 26,* 54–61.

Altarriba, J. (Ed.). (1993). *Cognition and culture: A cross-cultural approach to cognitive psychology.* Amsterdam: Elsevier Science.

Bartlett, F. C. (1932). *Remembering.* London: Cambridge University Press.

Berlin, B. (1992). *Ethnobiological classification: Principles of categorization of plant and animals in traditional societies.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Berlin, B. & Kay, P. (1969). *Basic color terms: Their universality and evolution.* Berkeley: University of California Press.

Berry, J. W. (1966). Temne and Eskimo perceptual skills. *International Journal of Psychology, 1,* 207–229.

Berry, J. W. (1976). *Human ecology and cognitive style: Comparative studies in cultural and psychological adaptation.* New York: Sage/Halsted.

Berry, J. W. (1981). Developmental issues in the comparative study of psychological differentiation. In R. H. Munroe, R. L. Munroe & B. B. Whiting (Eds.), *Handbook of cross-cultural human development* (pp. 475–498). New York: Garland.

Berry, J. W. (1984). Toward a universal psychology of cognitive competence. *International Journal of Psychology, 19,* 335–361.

Berry, J. W. (1987). The comparative study of cognitive abilities. In S. H. Irvine & S. Newstead (Eds.), *Intelligence and cognition: Contemporary frames of reference* (pp. 393–420). Dordrecht, The Netherlands: Nijhoff.

Berry, J. W. (1991). Cultural variation in field dependence-independence. In S. Wapner & J. Demick (Eds.), *Field dependence-independence: Cognitive style across the life span* (pp. 289–308). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Berry, J. W. & Bennett, J. A. (1991). *Cree syllabic literacy: Cultural context and psychological consequences.* Tilburg, The Netherlands: Tilburg University Press.

Berry, J. W. & Dasen, P. (Eds.). (1974). *Culture and cognition.* London: Methuen.

Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H. & Dasen, P. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications.* New York: Cambridge University Press.

Berry, J. W., van de Koppel, J. M. H., Senechal, C., Annis, R. C., Bahuchet, S., Cavalli-Sforza, L. L., & Witkin, H. A. (1986). *On the edge of the forest: Cultural adaptation and cognitive development in Central Africa.* Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Blount, B. G. & Schwanenflugel, P. Cultural bases of folk classification systems. In J. Altarriba (Ed.), *Cognition and Culture: A cross-cultural approach to cognitive psychology* (pp. 3–22). Amsterdam: Elsevier Science.

Brunswik, E. (1956). *Perception and the representative design of psychological experiments.* Berkeley: University of California Press.

Burg, B. & Belmont, I. (1990). Mental abilities of children from different cultural backgrounds in Israel. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 21,* 90–108.

Carroll, J. B. (1983). Studying individual differences in cognitive abilities: Implications for cross-cultural studies. In S. H. Irvine & J. W. Berry (Eds.), *Human assessment and cultural factors* (pp. 213–235). New York: Plenum.

Case, R. (1985). *Intellectual development: Birth to adulthood.* New York: Academic Press.

Ceci, S. J. (1994). Schooling. In R. J. Strenberg (Ed.), *Encyclopedia of human intelligence* (Vol. 2). New York: Macmillan.

Cole, M. (1992). Context, modularity and the cultural constitution of development. In L. T. Winegar & J. Valsiner (Eds.), *Children's development within social contexts* (Vol. 2, pp. 5–31). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Cole, M. (1996). Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge: Harvard University Press.

Cole, M. (1997). Cultural mechanisms of cognitive development. In E. Amsel & K. A. Renninger (Eds.), *Change and development: Issues of theory, method, and application* (pp. 245–263). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Cole, M., Gay, J., Click, J. & Sharp, D. (1971). *The cultural context of learning and thinking.* New York: Basic Books.

Colligan, J. (1983). Musical creativity and social rules in four cultures. *Creative Child and Adult Quarterly, 8,* 39–44.

Dasen, P. R. (1972). Cross-cultural Piagetian research: A summary. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 7,* 75–85.

Dasen, P. R. (1984). The cross-cultural study of intelligence: Piaget and the Baoule. *International Journal of Psychology, 19,* 407–437.

Dasen, P. R. (1988). Development psychologique et activites quotidienners chez des enfants africains [Psychological development and everyday activities among African children]. *Enface, 41,* 3–24.

Dasen, P. R. & de Ribaupierre, A. (1987). NeoPiagetian theories: Cross-cultural and differential perspectives. *International Journal of Psychology, 22,* 793–832.

Dasen, P. R., Heron, A. (1981). Cross-cultural tests of Piaget's theory. In H. C. Trindis & A. Heron (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 3, pp. 295–342). Boston: Allyn & Bacon.

Dasen, P. R., Mishra, R. C. & Niraula, S. (1999). *Spatial orientation and moderate linguistic relativity.* Unpublished manuscript.

Dash, U. N. & Das, J. P. (1987). Development of syllogistic reasoning in schooled and unschooled children. *Indian Psychologist, 4,* 53–63.

Davies, I. R. L. & Corbett, G. G. (1997). A cross-cultural study of colour grouping: Evidence for weak linguistic relativity. *British Journal of Psychology, 88,* 493–517.

Davis, J. C. & Ginsburg, H. P. (1993). Similarities and differences in the formal and informal mathematical cognition of African, American and Asian children: The role of schooling and social class. In J. Altarriba (Ed.), *Cognition and culture: A cross-cultural approach to cognitive psychology* (pp. 343–360). Amsterdam: Elsevier Science.

Demetriou, A., Efklides, A. & Platsidou, M. (1993). The architecture and dynamics of developing mind: Experiential structuralism as a frame for unifying cognitive developmental theories. *Monographs of the Society for Research in Child Development, 58* (5–6, Serial No. 234).

Ferguson, G. A. (1956). On transfer and abilities of man. *Canadian Journal of Psychology, 10,* 121–131.

Fischer, K. W. (1980). A theory of cognitive development: The control and construction of hierarchies of skills. *Psychological Review, 87,* 477–531.

Frake, C. (1980). The ethnographic study of cognitive systems. In C. Frake (Ed.), *Language and cultural descriptions* (pp. 1–17). Stanford, CA: Stanford University Press.

Gardiner, H. W., Mutter, J. D. & Kosmitzki, C. (1998). *Life across cultures: Cross-cultural human development.* Boston: Allyn & Bacon.

Gauvain, M. (1993). Spatial thinking and its development in socio-cultural context. *Annals of Child Development, 9,* 67–102.

Gay, J. & Cole, M. (1967). *The new mathematics and the old culture.* New York: Holt, Rinehart & Winston.

Geary, D. C., Fan, L. & Bow-Thomas, C. (1992). Numerical cognition: Loci of ability differences comparing children from China and United States. *Psychological Science, 3,* 180–185.

Goody, J. (1968). Literacy in traditional societies. London: Cambridge University Press.

Harrington, D. M. (1990). The ecology of human creativity: A psychological perspective. In M. A. Runco & R. S. Albert (Eds.), *Theories of creativity* (pp. 143–169). Newbury Park, CA: Sage.

Harris, R. J., Schoen, L. M. & Hensley, D. L. (1992). A cross-cultural study of story memory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 23,* 133–147.

Harris, R. J., Schoen, L. M. & Lee, D. J. (1986). Culture-based distortion in memory of stories. In J. L. Armagost (Ed.), *Proceedings of the 20th Mid-American Conference.* Manhattan: Kansas State University Press.

Herrnstein, R. J. & Murray, C. (1994). *The bell curve.* New York: The Free Press.

Irvine, S. H. (1979). The place of factor analysis in cross-cultural methodology and its contribution to cognitive theory. In L. Eckensberger & Y. H. Poortinga (Eds.), *Cross-cultural contributions to psychology* (pp. 330–341). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Irvine, S. H. (1983). Testing in Africa and America: The search for routes. In S. H. Irvine & J. W. Berry (Eds.), *Human assessment and cultural factors* (pp. 45–58). New York: Plenum.

Jahoda, G. (1983). European «lag» in the development of an economic concept: A study in Zimbabwe. *British Journal of Developmental Psychology, 1,* 113–120.

Jahoda, G. & Krewer, B. (1997). History of cross-cultural and cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 1, pp. 1–42). Boston: Allyn & Bacon.

Keats, D. M. (1985). Strategies in formal operational thinking: Malaysia and Australia. In I. R. Lagunes & Y. H. Poortinga (Eds.), *From a different perspective: Studies of behavior across cultures* (pp. 306–318). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Kim, U. & Berry, J. W. (Eds.). (1993). *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural contexts.* Newbury Park, CA: Sage.

Laboratory of Comparative Human Cognition. (1983). Culture and cognitive development. In P. H. Mussen & W. Kessen (Eds.), *Handbook of child psychology* (Vol. 1, pp. 295–356). New York: Wiley.

Levinson, S. C. (1996). Frames of reference and Molyneux's question: Crosslinguistic evidence. In P. Bloom, M. Peterson, L. Naddel & M. Garrett (Eds.), *Language and space* (pp. 109–169). Cambridge: MIT Press.

Lin, P. J. & Schwanenflugel, P. J. (1995). Cultural familiarity and language factors in the structure of category knowledge. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 23,* 153–168.

Lopez, A., Atran, S., Coley, J. D., Medin, D. L. & Smith, E. E. (1997). The tree of life: Universal and cultural features of folkbiological taxonomies and inductions. *Cognitive Psychology, 32(3),* 251–295.

Luria, A. R. (1976). *Cognitive development: Its cultural and social foundations.* Cambridge: Harvard University Press.

MacLaury, R. E. (1991). Exotic color categories: Linguistic relativity to what extent. *Journal of Linguistic Anthropology, 1,* 26–51.

McShane, D. & Berry, J. W. (1988). Native North Americans: Indian and Inuit abilities. In S. H. Irvine & J. W. Berry (Eds.), *Human abilities in cultural context* (pp 385–426). New York: Cambridge University Press.

Mishra, R. C. (2000). Perceptual, learning, and memory processes. In J. Pandey (Ed.), *Psychology in India revisited: Developments in the discipline* (Vol. 1, pp. 94–150). New Delhi: Sage.

Mishra, A. (1992). *Role of age, school related differences and contextual change in recall and organization.* Unpublished doctoral thesis, Varanasi Hindu University, India.

Mishra, K. (1998). *Cognitive style of Tharu children in relation to daily life activities and experience of schooling.* Unpublished doctoral thesis, Varanasi Hindu University, India.

Mishra, R. C. (1988). Learning strategies among children in the modern and traditional schools. *Indian Psychologist, 5,* 17–24.

Mishra, R. C. (1996). Perceptual differentiation in relation to children's daily life activities. *Social Science International, 12,* 1–11.

Mishra, R. C. (1997). Cognition and cognitive development. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 2, pp. 143–175). Boston: Allyn & Bacon.

Mishra, R. C. (1999). Research on education in India. *Prospects, 29,* 335–347.

Mishra, R. C. & Agrawal, A. (in press). Learning strategy of Hindu and Muslim children in traditional and modern schools. *Indian Educational Review.*

Mishra, R. C. & Gupta, V. (1978). Role of schooling and exposure in perceiving pictorial sequence. *Psychologia, 21,* 231–236.

Mishra, R. C. & Shukla, S. N. (1999). *Learning and memory skills of the Tharu children.* Proceedings of the seminar on theDevelopment of Tribal Groups, National Council of Development Communication, Varanasi.

Mishra, R. C. & Singh, T. (1992). Memories of Asur children for locations and pairs of pictures. *Psychological Studies, 37,* 38–46.

Mishra, R. C., Sinha, D. & Berry, J. W. (1996). *Ecology, acculturation and psychological adaptation: A study ofAdivasis in Bihar.* New Delhi: Sage.

Mishra, R. C. & Tripathi, N. (1996). Reproduction of patterns in relation to children's weaving experiences. In J. Pandey, D. Sinha & D. P. S. Bhawuk (Eds.), *Asian contribution to cross-cultural psychology* (pp. 138–150). New Delhi: Sage.

Niraula, S. (1998). *Development of spatial cognition in rural and urban Nepalese children.* Unpublished doctoral dissertation, Banaras Hindu University, India.

Nyiti, R. M. (1982). The validity of «cultural differences explanation» for cross-cultural variation in the rate of Piagetian cognitive development. In D. A. Wagner & H. W. Stevenson (Eds.), *Cultural perspectives on child development* (pp. 146–165). San Francisco: W. H. Freeman.

Pascual-Leone, J. (1970). A mathematical model for the transition rule in Piaget's developmental stages. *Ada Psychologia, 32,* 301–345.

Piaget, J. (1974). Need and significance of cross-cultural studies in genetic psychology. In J. W. Berry & P. R. Dasen (Eds.), *Culture and cognition* (pp. 299–309). London: Methuen.

Price-Williams, D. R., Gordon, W. & Ramirez, M. (1969). Skill and conservation: A study of pottery making children. *Developmental Psychoogy, 1,* 769.

Reynold, R. E., Taylor, M. A., Steffensen, M. S., Shirley, L. L. & Anderson, R. C. (1982). Cultural schemata and reading comprehension. *Reading Research Quarterly, 3,* 353–366.

Rogoff, B. (1981). Schooling and the development of cognitive skills. In H. C. Triandis & A. Heron (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 4, pp. 233–294). Boston: Allyn & Bacon.

Ross, B. M. & Millsom, C. (1970). Repeated memory of oral prose in Ghana and New York. *International Journal of Psychology, 5,* 173–181.

Rushton, J. P. (1995). *Race, evolution, and behavior: A life history perspective.* New Brunswik, NJ: Transaction.

Russell, P., Deregowski, J. W. & Kinnear, P. (1997). Perception and aesthetics. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 2, pp. 107–142). Boston: Allyn & Bacon.

Saxe, G. B. (1981). Body parts as numerals: A developmental analysis of numeration among remote Oksapmin village populations in Papua New Guinea. *Child Development, 52,* 306–316.

Saxe, G. B. (1982). Culture and the development of numerical cognition: Studies among the Oksapmin of Papua New Guinea. In C. J. Brainerd (Ed.), *Children's logical and mathematical cognition* (pp. 157–176). New York: Springer.

Schlieman, A., Carraher, D. & Ceci, S. J. (1997). Everyday cognition. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 2, pp. 177–216). Boston: Allyn & Bacon.

Schwanenflugel, P. J. & Rey, M. (1986). The relationship between category typicality and concept familiarity: Evidence from Spanish- and English-speaking monolinguals. *Memory and Cognition, 14,* 150–163.

Scribner, S. (1979). Modes of thinking and ways of speaking: Culture and logic reconsidered. In R. O. Freedle (Ed.), *New directions in discourse processing* (pp. 223 — 243). Norwood, NJ: Ablex.

Scribner, S. & Cole, M. (1978). Literacy without schooling: Testing for intellectual effects. *Havard Educational Review, 48,* 448–461.

Scribner, S. & Cole, M. (1981). *The psychology of literacy.* Cambridge: Harvard University Press.

Segall, M. H., Dasen, P. R., Berry, J. W. & Poortinga, Y. H. (1999). *Human behavior in global perspective: An introduction to cross-cultural psychology.* Boston: Allyn & Bacon.

Serpell, R. (1979). How specific are perceptual skills? A cross-cultural study of pattern reproduction. *British Journal of Psychology, 70,* 365–380.

Serpell, R. (1989). Dimensions endogenes de l'intelligence chez les A-chewa etautress peuples africains. In J. Retschitzky, M. Bossel-Lagos & P. R. Dasen (Eds.), *La researche interculturelle* (pp. 164–179). Paris: Harmattan.

Shea, J. D. (1985). Studies of cognitive development in Papua New Guinea. *International Journal of Psychology, 20,* 33–61.

Simonton, D. K. (1987). Developmental antecedents of achieved eminence. *Annals of Child Development, 5,* 131–169.

Sinha, D. (1977). Social disadvantages and development of certain perceptual skills. *Indian Journal of Psychology, 52,* 115–132.

Sinha, D. (1979). Perceptual style among nomadic and transitional agriculturalist Birhors. In L. Eckensberger, W. J. Lonner & Y. H. Poortinga (Eds.), *Cross-cultural contributions to psychology* (pp. 83–93). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Sinha, D. (1980). Sex differences in psychological differentiation among different cultural groups. *International Journal of Behavioral Development, 3,* 455–466.

Sinha, D. (1997). Indigenizing psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 1, pp. 129–169). Boston: Allyn & Bacon.

Sinha, D. & Shrestha, A. B. (1992). Eco-cultural factors in cognitive style among children from hills and plains of Nepal. *International Journal of Psychology, 27,* 49–59.

Sinha, G. (1988). Exposure to industrial and urban environments and formal schooling as factors in psychological differentiation. *International Journal of Psychology, 23,* 707–719.

Spearman, C. (1927). *The abilities of man.* London: Macmillan.

Spencer, C. & Darvizeh, Z. (1983). Young children's place description, map and route findings: A comparison of nursery school children in Iran and Britain. *International Journal of Early Childhood, 15,* 26–31.

Steffensen, M. S. & Calker, L. (1982). Intercultural misunderstandings about health care: Recall of descriptions of illness and treatments. *Social Science and Medicine, 16,* 1949–1954.

Stein, M. (1991). On the sociohistorical context of creativity programs. *Creativity Research Journal, 4,* 294–300.

Steinberg, R. J. (1985). *Beyond I.Q.: A triarchiac theory of human intelligence.* New York: Cambridge University Press.

Sternberg, R. J. (Ed.). (1994). *Encyclopedia of intelligence* (Vol. 1). New York: Macmillan.

Stigler, J. W., Shweder, R. A. & Herdt, G. (Eds.). (1990). *Cultural psychology: Essays on comparative human development.* New York: Cambridge University Press.

Tapé, G. (1987). *Milieu africaiet developpement cognitif: Uneetude raisonnement experimental chez l'adolescent ivoirien.* Unpublished doctoral thesis, University de Caen, France.

Taylor, H. A. & Tversky, B. (1996). Perspective in spatial descriptions. *Journal of Memory and Language, 35,* 371–391.

Vernon, P. E. (1969). *Intelligence and cultural environment.* London: Methuen.

Vygotsky, L. S. (1978). *Mind and society: The development of higher psychological processes.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wagner, D. A. (1978). Memories of Morocco: The influence of age schooling and environment on memory. *Cognitive Psychology, 10,* 1–28.

Wagner, D. A. (1983). Islamic education: Traditional pedagogy and contemporary aspects. In T. Husen & T. N. Postlethwite (Eds.), *International encyclopedia of education: Research and studies* (pp. 2714–2716). New York: Pergamon.

Wagner, D. A. (1993). *Literacy, culture and development: Becoming literate in Morocco.* New York: Cambridge University Press.

Wagner, D. A. & Spratt, J. E. (1987). Cognitive consequences of contrasting pedagogies: The effects of Quranic preschooling in Morocco. *Child Development, 58,* 1207–1219.

Wassmann, J. (1993). When actions speak louder than words: The classification of food among the Yupno of Papua New Guinea. *Newsletter of the Laboratory of Comparative Human Cognition, 15,* 30–40.

Wassmann, J. & Dasen, P. R. (1994). «Hot» and «cold»: Classification and sorting among the Yupno of Papua New Guinea. *International Journal of Psychology, 29,* 19–38.

Wassmann, J. & Dasen, P. R. (1998). Balinese spatial orientation: Some empirical evidence of moderate linguistic relativity. *The Journal of Royal Anthropological Institute, 4,* 689–711.

Whorf, B. (1956). *Language, thought and reality.* Cambridge: MIT Press.

Witkin, H. A. & Berry, J. W. (1975). Psychological differentiation in cross-cultural perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 6,* 4–87.

Witkin, H. A. & Goodenough, D. R. (1981). *Cognitive style: Essence and origin.* New York: International University Press.

Wober, M. (1974). Towards an understanding of the Kiganda concept of intelligence. In J. W. Berry & P. R. Dasen (Eds.), *Culture and cognition* (pp. 261–280). London: Methuen.

ГЛАВА 8

Бытовое познание. Где встречаются культура, психология и образование

Аналусия Д. Шлиманн и Дэвид У. Каррахер

*Изучение познания в разных культурах идет не только за счет работ в области, которую можно определить как «традиционное» познание, но также и благодаря бурно развивающимся исследованиям **бытового познания**. Под бытовым познанием подразумеваются когнитивные навыки, приобретаемые в ходе разного рода повседневной деятельности, в первую очередь деятельности, не связанной с систематическим образованием. Кросс-культурные исследования такого рода, известные под различными названиями, на протяжении многих лет охватывали множество тем, в том числе навигационные навыки, портняжное дело, ткачество, заключение пари на скачках и т. п.*

В этой главе Шлиманн и Каррахер дают прекрасное представление об исследованиях бытового познания, сопоставляя их в первую очередь с работами по изучению традиционных когнитивных навыков. Они убедительно доказывают, что исследования познания, ограниченные лабораторными или тестовыми ситуациями, часто привлекающие абстрактные навыки, полученные благодаря систематическому образованию, возможно, не дают полного представления о когнитивных возможностях, особенно когда эти исследования проводятся на материале разных культур. Авторы рассматривают исторический контекст, привлекая источники, относящиеся не только к кросс-культурной психологии, но также к антропологии, просвещению и политологии, что помогает понять, почему возникло научное направление, которое занимается изучением бытового познания.

Бытовое познание затрагивает множество различных когнитивных способностей. Однако Шлиманн и Каррахер рассматривают в данной главе только проблемы, связанные с одним конкретным доменом: бытовой и школьной математикой. Рассматривая многочисленные исследования в различных областях знания, они находят свидетельства того, как люди, принадлежащие к разным культурам, могут приобрести определенные математические навыки в процессе повседневной жизни, часто без помощи систематического образования. Вместе с тем Шлиманн и Каррахер объективно анализируют сильные и слабые стороны бытовой математики, а также степень ее необходимости. Поднимая разные

вопросы, Шлиманн и Каррахер искусно переходят от антагонизма бытовой и школьной математик к возможностям, которые представляет их взаимодополнение. Заглядывая в будущее, Шлиманн и Каррахер говорят о проблемах, связанных с развитием данного направления в кросс-культурной психологии. Например, они полагают, что необходимо создание новых теоретических подходов к исследованию природы знания, познавательной способности, интеллекта и когнитивного развития, и в первую очередь таких концепций, которые учитывают как индивидуальные когнитивные навыки, так и экологические и социокультурные факторы. Новые теоретические схемы проложат новые направления исследований и принесут с собой новые методологии. Эти новые методологии не будут рассматривать познание как отдельный оторванный от контекста процесс, а обратятся к социокультурной практике как фактору, опосредующему когнитивное развитие. Понятие социокультурной практики включает язык, инструменты культуры и конвенциональные знаковые системы, которые задействованы в формировании и трансформации мыслительных процессов.

Шлиманн и Каррахер также говорят о том, что для будущей теоретической и эмпирической работы необходимо пересмотреть понятие контекста. Они указывают на то, что составляющими контекстов являются не только их физические особенности, но и совокупность культурных значений и их интерпретаций. В частности, заслуживают особого внимания их идеи, касающиеся пересмотра временных рамок когнитивного развития и термина ***ситуативная генерализация****, определяющего внутренний конфликт между абстрактными и конкретными процессами.*

Идея, которую Шлиманн и Каррахер стремятся выразить в своей главе, особенно в разделе, который посвящен будущей работе, касается проблем интеграции — интеграции новых теоретических и эмпирических подходов; интеграции качественных, количественных, этнографических методов и нерегламентированных интервью с традиционными методами изучения познания; интеграции подходов, принятых в антропологии, социологии, психологии, истории и образовании; а также интеграции школы и повседневной жизни с учетом того, что их взаимодействие несет в себе новые возможности. Они доказывают необходимость интеграции для продолжения кросс-культурной работы в данном направлении психологии и считают, что такая интеграция даст возможность сделать шаг от простого документирования любопытных, а порою экзотических, различий к подлинному пониманию всего богатого разнообразия возможностей когнитивного развития в различных контекстах. Мнение о жизненной необходимости интеграции теорий и методов различных областей для дальнейшего развития данного направления полностью созвучно настроению остальных авторов этой книги.

Изучение познания говорит о том, что люди в естественной обстановке могут прекрасно справляться с задачами, требующими логического мышления, а справиться с аналогичными задачами в лабораторных условиях или при тестировании им не удается. Это обстоятельство заставило некоторых исследователей поставить под сомнение традиционный взгляд на когнитивные способности, в соответствии

с которым они не зависят от конкретной ситуации. Чтобы объяснить эти несоответствия и составить более широкое представление о когнитивном развитии, исследователи обратились к роли знаковых систем, культурных практик и исторических событий в формировании поведения и способности человека к логическому мышлению. Направление, изучающее бытовое познание, ставит своей целью понять, как когнитивные способности возникают в определенной культурной среде и как общество, в котором они проявились, определяет их особенности.

Исследования бытового познания извлекли немало пользы из невольного альянса с различными разработками по проблеме формирования знания. Хотя труд Пиаже и не уделяет особого внимания социокультурным факторам когнитивного развития, он тем не менее изобилует новыми эмпирическими и теоретическими данными о «спонтанном» развитии детей. Данная работа и, в более широком плане, работа специалистов по возрастной психологии определила впечатляющий круг понятий и тем, в познании которых дети добиваются значительных успехов до того, как школа начинает оказывать влияние на их мышление. Если бы научение вне школы было лишь вопросом получения стартового преимущества в школе, это было бы не так уж важно. Но специалисты по возрастной психологии вновь и вновь отмечают существенные различия в детском мышлении на разных этапах развития. Дети, получающие «одно и то же» задание, интерпретируют проблему поразному. В сущности, исследователи, занимающиеся возрастным развитием, за последние десятилетия разрушили посылку эмпириков, гласящую, что знание приобретается в процессе непосредственного наблюдения реальности и путем пассивного усвоения информации, поставляемой окружающими. Обращая внимание на детали детской интерпретации, исследователи выдвинули на первый план вопросы о том, до какой степени научение имеет место вне условий, связанных с формальным образованием, и в какой мере оно зависит от стремления ребенка к познанию.

Изыскания Коула и его коллег представляют собой важную веху, которая знаменует переход от использования формализованных интервью и тестов к анализу познания в контексте повседневной жизни. Проведенное ими исследование когнитивного развития у народности кпелле (Африка) (Cole, Gay, Glick & Sharp, 1971; Gay & Cole, 1967) представляет собой попытку выявить те виды практической деятельности, которые могли бы служить моделями задач когнитивного характера или дать возможность более адекватной оценки когнитивных навыков. Их работа открыла новые пути для исследования человеческого познания в разных культурах и стимулировала появление новых теоретических и методологических взглядов на формирование знания в контексте повседневной жизни. Благодаря работе Коула и его коллег, советская социально-историческая традиция стала оказывать существенное влияние на изучение познания и когнитивного развития. Социально-историческая традиция, основы которой были заложены Леонтьевым (Leontiev, 1981), Лурией (Luria, 1976) и Выготским (Vygotsky, 1978), рассматривает развитие психологических процессов человека как «детерминируемое исторически развивающейся, культурно опосредуемой практической деятельностью человечества» (Cole, 1988, pp. 137–138). Этот подход является ядром многих современных исследований человеческого знания в контексте повседневной жизни.

В рамках экспериментальной психологической традиции заметно прежде всего влияние Нейссера (Neisser, 1967, 1976, 1982), который убеждает психологов изучать познание в контексте повседневной жизни и сетует на то, что психологическая наука хранит молчание в отношении вопросов, связанных с таким познанием. Нейссер и новое поколение когнитивистов пропагандируют рассмотрение познания в рамках более широкой схемы, с учетом контекста, в котором осуществляются когнитивные процессы, а также индивидуального знания и восприятия этих процессов.

Разработки подобного рода — такие, как *emic*- и экокультурный подходы, например подход Берри (Berry, 1976), — стали появляться и в сфере кросс-культурной психологии. Объектом кросс-культурного изучения становятся переменные, тесно связанные с повседневной деятельностью. Последние несколько десятков лет мы видели большое количество кросс-культурных исследований, противопоставлявших бытовое знание простого человека школьным, специальным и научным знаниям (см. Berry, Dasen & Saraswathi, 1997; Dasen & Bossel-Lagos, 1989; Segall, Dasen, Berry & Poortinga, 1999).

Под разными названиями, такими как врожденное познание (Berry, 1993), этноматематика (D'Ambrosio, 1985), практический интеллект (Sternberg & Wagner, 1986), ситуативное познание (Brown, Collins & Duguid, 1989), познание в контексте (Laboratory of Comparative Human Cognition, 1983), коллективное общественное познание (Resnick, Levine & Teasley, 1991) или бытовое познание (Rogoff & Lave, 1984), этот вид познания стал самостоятельной областью исследований. Исследователи занимались такими разными объектами исследования, как навигационные навыки, портняжное дело, ткачество, совершение покупок, заключение пари на скачках, слежение за весом, работа на молокозаводе, плотничье дело, строительство домов, приготовление пищи, участие в лотерее, рыбная ловля, торговля на рынке и т. д. Они поднимали новые вопросы, а именно: Какого рода интеллект формируется в процессе повседневной деятельности? Чем отличается знание, которое приобретается в процессе повседневной работы, от школьного знания, приобретаемого в процессе обучения, в явном виде, по установленной форме? Как взаимодействует бытовое знание со школьным опытом? Ограничивает ли отсутствие школьного образования формирование знания в повседневной обстановке? Какими особенностями обладает знание, приобретаемое в процессе повседневной деятельности? Как оно связано с выполнением психологических тестов? Каким образом изучение бытового познания может способствовать внесению ясности в вопросы, связанные с интеллектом и научением? Как связаны с формированием знания культура, культурные инструменты, культурные знаковые системы и социальные взаимодействия?

В следующих параграфах мы опишем эмпирические исследования бытового познания, которые помогли внести ясность в некоторые из этих вопросов. Сначала мы дадим краткую сводку, касающуюся исследований способности к осуществлению определенных когнитивных операций в лабораторных условиях и в условиях повседневной жизни. Затем мы рассмотрим различные области, изучавшиеся в течение последних десятилетий. После чего, сосредоточившись главным образом на математическом знании во внешкольном, внелабораторном контексте, которым обладают люди с ограниченным опытом обучения в школе, мы сопоставим бытовое

и школьное знание и обсудим степень применимости, сильные и слабые стороны знания, полученного в конкретной бытовой обстановке. И наконец, мы рассматриваем некоторые связанные с изучением бытового познания моменты, важные для когнитивных и психологических теорий, исследовательской методологии и образования. Более подробный обзор исследований бытового познания, сделанный Шлиманном, Каррахером и Сеси (Schliemann, Carraher & Ceci, 1997), а также несколько книг и статей, посвященных бытовому познанию испытуемых, получивших школьное образование (Chaiklin & Lave, 1993; Detterman & Sternberg, 1993; Harris, 1990; Rogoff & Lave, 1984; Sternberg & Wagner, 1986; Voss, Perkins & Segal, 1991), дополнят и расширят представленный обзор.

Познание в лаборатории и познание в повседневных ситуациях

Важность контекста и предшествующего опыта признавал и Пиаже (Piaget, 1972), когда говорил о том, что плотники, слесари и механики с невысоким уровнем образования, делающие ошибки в несложных задачах из школьной программы, могут демонстрировать навыки логического мышления при решении задач, соотносимых с их профессиональным опытом. Продолжая верить в то, что формальные операции логически независимы от реального контекста, в котором они применяются, он тем не менее признает: «Лучше всего давать молодому человеку тестовые задания из области, имеющей отношение к его работе и интересам» (p. 1).

Клик (Click, 1981) приводит интересный пример влияния культурного контекста и ценностных установок на проявление когнитивных способностей. Пример взят из исследования либерийского племени кпелле, проведенном Коулом и соавторами (Cole et al., 1971). Исследователи составили список объектов, которые можно было отнести к категориям пища, одежда, инструменты и кухонная утварь, и попросили не имеющих образования взрослых кпелле «объединить предметы, которые сочетаются между собой». В противоположность образованным западным испытуемым, кпелле не использовали категории общего характера (инструменты, пища и т. д.), предпочитая функциональные категории, говоря, например: «Нож и апельсин сочетаются между собой, потому что нож режет апельсин». Один из испытуемых, который последовательно давал ответы (*low-level*) функционального характера, по собственной инициативе заметил, что его метод классификации объектов является методом «мудрого человека». На вопрос интервьюера, как будет классифицировать данные объекты «глупый» человек, испытуемый ответил, что глупый человек распределил бы их в соответствии с классами общего характера (инструменты, пища и т. д.). Такой ответ говорит о том, что он мог бы классифицировать знакомые предметы в соответствии с западными стандартами интеллекта, но для него более разумным представлялась группировка предметов в соответствии с их функционированием в естественных условиях. Как заключает Коул (Cole, 1988):

> причиной культурных различий в познании в большей степени является контекст, в рамках которого проявляют себя когнитивные процессы, чем наличие особых процессов (таких, как логическая память или теоретические ответы на силлогизмы) в одной культуре и их отсутствие в другой (p. 147).

Исследование академического/неакадемического интеллекта, проведенное Сеси и Лайкер (Ceci & Liker, 1986), хорошо иллюстрирует контекстуальную природу логического мышления. Они обнаружили, что уровень сложности логического мышления судей на скачках при решении вопросов, связанных со скачками, не соотносится с показателями коэффициента интеллекта. Исследования когнитивного развития также говорят о влиянии контекста на проявление когнитивных способностей. Дети, которые не справились с традиционными заданиями по Пиаже на запоминание, отнесение к категориям и восприятие перспективы, продемонстрировали способность к логическому мышлению, когда те же самые вопросы были сформулированы более естественным и осмысленным образом (см. среди прочих Donaldson, 1978; Light, Buckingham & Robbins, 1979; McGarrigle & Donaldson, 1974). Микроуровневые когнитивные стратегии, такие как временная выверка индивидуальных психологических часов (Ceci & Bronfenbrenner; в изд. Ceci, 1990, 1993) и силлогистические рассуждения (Dias & Harris, 1988) также в значительной степени определяются ситуацией (контекстом).

Названные исследования подвергают сомнению когнитивный анализ, который строится исключительно на лабораторных исследованиях. За последние несколько лет исследователи поняли, что для лучшего понимания познания и научения необходимо изучать познание в повседневной обстановке.

Попытки понять, как происходит познание в бытовых ситуациях, можно найти в антропологических исследованиях. Выдающиеся примеры приводит Хатчинс, анализируя умозаключения в обыденных рассуждениях жителей островов Тробрианд (Hutchins, 1980) и описывая навигационные навыки жителей Микронезии (Hutchins, 1983). Данные этих исследований ставят под сомнения выводы, сделанные в более ранних антропологических исследованиях, демонстрируя использование логического мышления в повседневной деятельности необразованных людей из традиционных обществ.

В рамках психологии исследования детского развития в социокультурном контексте, например исследования Рогоффа (Rogoff, 1990) и Саксе (Saxe, 1991), рассматривается повседневная деятельность ребенка как источник когнитивного развития. Кроме того, как отмечал Хатано (Hatano, 1990), исследования концептуального развития и возрастных изменений показывают, что независимо от обучения в школе, у детей формируется достаточно обширный корпус знаний научного характера, который они приобретают благодаря повседневному опыту. Примеры тому содержатся в исследованиях Кэри (Carey, 1985), Гелмана (Gelman, 1979), Хьюджса (Hughes, 1986), Инагаки (Inagaki, 1990), Инагаки и Хатано (Inagaki & Hatano, 1987), Резника (Resnick, 1986) и Воснядо (Vosniadou, 1991), а также у Пиаже при анализе детского понимания логико-математических и научных понятий.

Некоторые исследования разных культур были посвящены повседневной памяти. Коул и соавторы (Cole et al., 1971) показали, что, хотя испытуемые из либерийского племени кпелле не могли справиться с заданиями на свободное воспроизведение, они использовали категоризацию и прибегали к ее помощи в заданиях, если объекты для запоминания вводились в рассказ. Именно это и позволяло осуществить категоризацию. Работа Нейссера, связанная с повседневной памятью, включает анализ свидетельских показаний Джона Дина, обвиняемого в уотергейтском

скандале в 1974 году (Neisser, 1981), воспоминания детей о крушении челночного космического корабля Челленджер в 1987 году и анализ воспоминаний взрослых людей о переживаниях раннего детства (Usher & Neisser, 1993).

Сочетая антропологический и психологический подходы, Вассманн и Дейзен (Wassmann, 1993; Wassmann & Dasen, 1994) рассматривают категоризацию в повседневной деятельности юпно (Папуа–Новая Гвинея). Они обнаружили, что большая часть населения юпно умеет пользоваться категориями «горячий», «прохладный», «холодный» для описания всего, что есть в их мире. Однако манипулировать этими категориями разрешается только колдунам. Вследствие этого все представители населения используют данную систему категорий в повседневных ситуациях, но лишь колдуны пользуются ими явно, выполняя предложенные исследователями задания на сортировку.

Повседневные силлогистические рассуждения Лурия исследовал (Luria, 1976) в связи с образовательным опытом, Хатчинс (Hutchins, 1979) — в контексте бытовых рассуждений, Скрибнер (Scribner, 1977) — у неграмотных фермеров кпелле в Либерии, а Диас (Dias, 1987) — у бразильских каменщиков и инженеров. Основной вывод исследований в данной области говорит о том, что образованные испытуемые используют теоретический подход при решении силлогистических проблем и делают выводы из информации, содержащейся в посылке, в то время как испытуемые, не получившие образования, предпочитают эмпирический подход и отказываются рассуждать о неизвестных фактах или делать выводы, противоречащие фактам.

Перечисленные исследования охватывают широкий круг тематических направлений и подтверждают в целом мнение о том, что знание формируется в условиях повседневной жизни и что способность к когнитивной деятельности тесно связана со значением определенной задачи для повседневной жизни. И все же, если мы хотим получить более глубокое представление об особенностях повседневного знания, мы должны детально рассмотреть все многообразие его аспектов в одной конкретной области. Множество исследований бытовых вычислений, рассмотренных далее, позволяют более глубоко проникнуть в сущность повседневного познания.

Бытовая и школьная математика

Большинство имеющихся в нашем распоряжении исследований бытового познания уделяет пристальное внимание овладению математикой и использованию математических процедур в работе, главным образом в сферах, связанных с измерениями, геометрией и арифметикой (см. обзоры D. W. Carraher, 1991; Nunes, 1992; Nunes, Schliemann & Carraher, 1993; Schliemann et al., 1997).

Первые исследования бытовых вычислений, проведенные Коулом и соавторами (Cole et al., 1971), говорят о том, что наиболее распространенным видом математической деятельности в повседневной жизни групп, имеющих ограниченный доступ к школьному образованию, являются измерения. Для фермеров кпелле, занимающихся выращиванием риса, измерение его объемного количества является частью повседневной работы; в таком измерении они достигли высокого мастер-

ства и задания, в которых требовалось определить количество риса, выполняли лучше, чем американские студенты (Gay & Cole, 1967). Народность оксапмин, проживающая в Папуа — Новой Гвинее, использует собственную систему для измерения глубины вязаных мешков, которые широко используются в данной культуре (Saxe & Moylan, 1982). Необразованные фермеры на северо-востоке и юге Бразилии используют нестандартную систему мер и формул для вычисления площади участков земли (Arbeu & Carraher, 1989; Acioly, 1994; Grando, 1988). Помимо западных единиц времени, таких как часы и минуты, неграмотные, полуграмотные и грамотные взрослые в Индии используют перемещение солнца, луны или звезд и устройства, в которых используется тень или точно откалиброванные емкости с водой (Saraswathi, 1988, 1989). Использование ими различных систем мер является контекстно-ориентированным: стандартными единицами они оперируют, работая с высотой, глубиной, расстояниями, небольшой длиной и площадью, но предпочитают измерения при помощи тела или неконкретных параметров описательного характера, когда необходимо измерить среднюю длину, обхват или периметр, диаметр, уклон и количество осадков. Вскоре после того, как в Непале была введена метрическая (десятичная) система мер, Уено и Сайто (Ueno & Saito, 1994) засвидетельствовали, что рыночные продавцы изобрели правила измерения и пересчета мер старой системы измерения объема в единицах введенной правительством весовой метрической системы.

Несмотря на некоторые недостатки, связанные с приблизительностью вычислений, системы мер, разработанные в процессе повседневной деятельности, позволяют необразованным людям давать осмысленные и часто более адекватные ответы, чем ответы студентов. Например, опытные бразильские плотники с невысоким уровнем образования разработали более совершенную систему измерений и расчета объема, чем та, которой подмастерья, посещавшие занятия по математике, намеревались их обучить (Schlimann, 1985). Подобным образом, по сравнению со студентами, американские работники молочного хозяйства, которых изучал Скрибнер (Scribner, 1984, 1986), проявляли бóльшую гибкость и пользовались более эффективными методиками.

Заславский (Zaslavsky, 1973) показал, что геометрические понятия широко используются при создании узоров в Африке. В Мозамбике рыбаки, строители и корзинщики, которым недоступны методики и представления школьной математики, используют в своей работе геометрические понятия и рисунки (Gerdes, 1986, 1988a, 1988b). Харрис (Harris, 1987, 1988) обнаружил проявления геометрического мышления у женщин, занимающихся рукоделием или работающих с текстилем дома или на фабриках. Как свидетельствует Миллрой (Millroy, 1992), плотники в Южной Африке в своей повседневной деятельности широко пользуются геометрическими понятиями, такими как конгруэнтность, симметрия и параллельные прямые.

В процессе исследования бытового познания экспериментаторы наиболее широко рассматривали арифметику. Результаты, касающиеся освоения и использования арифметики в повседневной жизни, помогают прояснить вопросы общего характера, связанные с познанием, когнитивным развитием и образованием. Некоторые из этих вопросов касаются специфики повседневного знания и его особен-

ностей, его масштабов и недостатков повседневного знания по сравнению со знаниями, сформировавшимися в процессе обучения в школе.

Лэйв (Lave, 1977; см. также Reed & Lave, 1979) показал, что вместо оперирования символами, которому обучают в школе, либерийские портные для решения арифметических задач прибегают в процессе своей работы к манипуляции величинами. Повседневные методики такого рода гарантируют от совершения серьезных ошибок с далеко идущими практическими последствиями. Уличные торговцы и другие работники с ограниченным уровнем образования в своей коммерческой деятельности обнаруживают понимание десятичной системы счисления и используют ее свойства, решая задачи на сложение и вычитание (T. N. Carraher, 1985; T. N. Carraher, Carraher & Schliemann, 1982, 1985; Saxe, 1991; Schliemann & Acioly, 1989; Schliemann, Santos & Canuto, 1993).

Уличные торговцы производят многократное сложение, чтобы вычислить цену множества предметов, зная цену одного из них; тем самым они демонстрируют понимание того, что две переменные (а именно цена и количество предметов, подлежащих продаже) связаны пропорционально (Schliemann & Carraher, 1992). Использование принципа пропорциональности людьми с неполным школьным образованием было также обнаружено в работе прорабов на стройке (T. N. Carraher, 1986), рыбаков (Schliemann & Nunes, 1990) и поваров (Schliemann & Magalhaes, 1990; McMurchy-Pilkington, 1995).

Кроме измерений, геометрии и арифметики бытовая математика может включать и другие области, что иллюстрируют исследования Шлиманна и его сотрудников (Schliemann, 1988; Schliemann & Acioly, 1989) по использованию понятий «перестановка» и «вероятность» букмекерами в Бразилии.

Далее мы поговорим о различиях между школьной математикой и вычислениями в быту, а также об общей характеристике и сильных и слабых сторонах математического знания, приобретенного в конкретных бытовых ситуациях. Более подробное рассмотрение этих вопросов можно найти в работах Шлиманна и Д. Каррахера (Schliemann, 1995; D.W. Carraher & Schliemann, *в печати*).

Сильные и слабые стороны бытовой математики

Сравнение математических способностей уличных торговцев в различных ситуациях показывает, что, правильно решая математические задачи в процессе своей работы, они не справляются с ними в школьной или похожей на школьную обстановке. Т. Каррахер, Каррахер и Шлиманн (T. N. Carraher, Carraher & Schliemann, 1987) считают, что различия в выполнении задач в разных ситуациях можно объяснить использованием разных процедур. На работе или в рабочей ситуации предпочтительной является методика устного счета, которая часто ведет к получению правильного ответа. В школе и в обстановке, подобной школьной, предпочитаются письменные операции, которые часто ведут к неправильному результату. Эти данные говорят о том, что качество и результативность математического мышления связаны с природой используемых представлений.

Очевидно, что уличные торговцы развили у себя базовые логические способности, необходимые для решения арифметических задач в процессе работы; пробле-

мы со школьной арифметикой, по-видимому, связаны с владением особой символической системой, принятой в школах. Школьный алгоритм, уделяя первоочередное внимание фиксированным операциям с числами при решении любой задачи, забывает о цели. Устные же методы счета, напротив, в процессе решения задач ориентированы на цель, что позволяет избежать бессмысленных ошибок.

Анализ общих характеристик математического знания, сформированного в обстановке повседневной жизни, последовательно свидетельствует о том, что цель и смысл являются наиболее важными и насущными моментами при решении повседневных задач. Более того, методы повседневных расчетов могут быть достаточно гибкими и восприниматься как составная часть общей логико-математической структуры, пригодной для решения задач в различных ситуациях, как было показано Шлиманном и Нунесом (Schliemann & Nunes, 1990) в исследовании вычислений рыбаков в северо-восточной Бразилии. Шлиманн и его коллеги (Schliemann & Magalhaes, 1990; см. также Schliemann & Carraher, 1992) приводят дополнительные свидетельства применимости повседневных методик для решения задач на пропорциональность, которые были получены при исследовании поварих, участвовавших в программе обучения взрослых чтению и письму.

По-видимому, бытовое знание имеет достаточно общий характер, чтобы позволить решать совершенно новые задачи с помощью стратегий, выработанных в конкретных повседневных ситуациях. И все же встает вопрос о границах повседневной математики, особенно если сравнить, насколько шире диапазон математических задач, решаемых в школе, по сравнению с кругом математических проблем в быту. Было бы заблуждением полагать, что повседневное математическое знание может в каком бы то ни было отношении конкурировать с профессиональным подходом к математике. Принимая во внимание имеющиеся данные исследований, мы должны признать ограниченность бытовой математики. Судя по всему, одни и те же культурные и социальные условия и способствуют формированию математического знания у детей и взрослых, и фактически сдерживают и ограничивают его, когда оно достигает определенного уровня. Знание переместительного закона умножения является хорошим тому примером. Петитто и Гинзбург (Petitto & Ginsburg, 1982) обнаружили, что необразованные портные и торговцы тканями народности диоула в Либерии решают задачу, требующую 100 умножить на 6, шесть раз складывая 100, не понимая, что тот же самый результат они получат в результате умножения 6 на 100. Шлиманн с коллегами (Schliemann, Araujo, Cassunde, Macedo & Niceas, 1994) получили подобные данные, исследуя в Бразилии молодых уличных торговцев, не имеющих достаточного уровня образования. Испытуемые производили расчет цены множества предметов, зная цену одного из них, повторяя операцию сложения в соответствии с количеством единиц товара. Когда использование переместительного закона давало возможность упростить процесс вычислений (например, нужно вычислить цену 50 единиц товара стоимостью по 3 доллара за штуку), они не понимали, что можно получить общую сумму, складывая количество единиц товара столько раз, сколько денежных единиц в цене товара. Более того, по сравнению со школьниками, которых обучали умножению, уличные торговцы признавали возможность использования переместительного закона при умножении лишь в более старшем возрасте.

Другой недостаток связан с использованием скалярного, а не функционального подхода при решении задач на пропорциональное соотношение. Уличные торговцы при необходимости вычислить цену заданного количества единиц товара при известной цене нескольких единиц, используют метод, который Верно (Vergnaud, 1988) назвал скалярным подходом к решению задач на пропорциональность, требующим вычисления отсутствующего значения. При таком подходе каждая из переменных понимается как независимая от другой, и с обеими переменными производятся параллельные преобразования, в процессе которых сохраняется соотношение между ними. При функциональном подходе, который проходят в школе, первоочередное внимание уделяется коэффициенту соотношения двух исходных значений двух переменных, который затем используется применительно к результирующей паре, в результате чего вычисляется недостающее значение. Использование исключительно скалярного подхода может создать определенные проблемы для уличных торговцев при решении задач, в которых соотношение между ценой и количеством предметов (функциональное соотношение) вычислить проще, чем соотношение между исходной и искомой величиной (скалярное соотношение). В то время как школьники чаще используют функциональное соотношение, уличные торговцы продолжают пользоваться скалярным методом, даже когда он требует громоздких вычислений (Schliemann & Carraher, 1992).

Изучение отрицательных чисел, которым занималась Т. Каррахер (Carraher, 1990), также говорит об ограниченности повседневных решений математических задач. Она обнаружила, что на основе своего повседневного опыта работы с деньгами как образованные, так и не имеющие образования испытуемые способны справиться задачами, требующими сложения относительных чисел, маркируя отрицательные числа как убытки или долги. Тем не менее когда испытуемых просили ввести письменное обозначение, это представляло для них определенные проблемы из-за несоответствия их повседневной практики школьной процедуре обращения с относительными числами.

С учетом сильных и слабых сторон бытовой математики, естественным образом встает вопрос о ее значимости для математического образования. Более подробно мы попытались ответить на этот вопрос в другом месте (D. W. Carraher & Schliemann, *в печати*). В следующем разделе мы представляем краткое изложение своего видения проблемы.

Значимость бытовой математики

Если математические понятия обретают смысл только в связи с бытовыми ситуациями, как могут изучающие математику понять сложные концепты, которые не используются в повседневной деятельности и практически не имеют отношения к житейскому опыту? Должно ли математическое знание всегда иметь непосредственную связь с повседневными ситуациями?

Разного рода повседневная деятельность, такая как сельское хозяйство, торговля и астрономия, сыграла фундаментальную роль в появлении и развитии математики как науки (Kline, 1962). Но, так же как понимание математики учеником не является итогом предшествующего житейского опыта, математика как наука не сводится к обстоятельствам, которые привели к ее появлению. Как только знание

принимает более сложные формы, оно становится относительно независимым от своей первопричины. Это справедливо как в отношении отдельного учащегося, так и применительно к научному сообществу, которое получает в наследство от предшествующих поколений символические инструменты для формулирования проблем и размышления над ними. Как мы подчеркивали в другой работе (Schliemann, Carraher & Ceci, 1997), научное и математическое мышление остается в долгу у человеческой деятельности — его первопричины, однако не становится при этом ее рабом.

Деятельность, которая воспроизводит реальные повседневные ситуации, такие как продажа и покупка, может помочь ученикам связать предшествующий опыт и знания с темами, изучаемыми в школе. Но было бы ошибкой со стороны педагогов предполагать, что участие школьника в такого рода деятельности является основным стимулом, способствующим осмысленному изучению математики (см.: Schliemann, 1995; D. W. Carraher & Schliemann, *в печати*). Прежде всего, можно установить множество связей с внешкольной деятельностью в процессе обсуждения, не воспроизводя деятельность как таковую. Кроме того, детям требуется широкий диапазон различных видов новой деятельности, которая обогатит и дополнит их внешкольный опыт. Школа должна обеспечить доступ к новым знаковым системам и представлениям, важным для установления связей между понятиями и ситуациями, которые в противном случае останутся несвязанными между собой. Чтобы добиться этого, педагоги должны создавать ситуации, в которых символические представления становятся инструментом достижения целей, отличающихся от тех, которые ставятся в повседневной жизни и ничуть не менее сложных.

Бытовое познание: новый взгляд на исследования, теорию и применение

Данные исследований бытового познания требуют новых теоретических подходов к природе знания, познавательных способностей, интеллекта и когнитивного развития. Используя анализ, проведенный Фергюсоном (Ferguson, 1956), Берри (Berry, 1987) и Ирвайн и Берри (Irvine & Berry, 1988) высказали предположение о том, что когнитивные способности развиваются в ответ на экологические требования, которые, в свою очередь, модифицируются при приобретении навыков. Сеси (Ceci, 1990, 1993) предлагает заменить представление об общем, едином, врожденном интеллекте контекстуальной моделью интеллекта, в которой потенциальные возможности интеллектуальных достижений развиваются как результат опыта, обретенного в конкретной ситуации. Рогофф (Rogoff, 1990) и Саксе (Saxe, 1991) создали модели когнитивного развития, в которых пытаются примирить представление об индивидуальном когнитивном развитии и априорном знании с социокультурным анализом. Опираясь на «советскую» социально-историческую традицию, Верч (Wertsch, 1991) предполагает, что личность создает окружение и самое себя посредством совершаемых ею действий. Коул (Cole, 1988) выносит на обсуждение принципы социально-исторической психологии, по-новому интерпретирующей результаты кросс-культурных исследований и делающей акцент на важности социальных, исторических, политических и экономических изменений для организации и формирования деятельности человека и моделей когнитивного функционирования.

Представление о познании как об общих способностях личности заменяется такими понятиями, как ситуативное (Brown et al., 1989; Lave, 1988), совместное (Resnick, 1987; Resnick et al., 1991) или распределенное познание (Hutchins, 1993). Когнитивное развитие и научение описываются теперь с точки зрения создания общностей, в которых происходит подключение участников к практической деятельности, обучение под чьим-то руководством (Rogoff, 1990) или коллективная выработка способов действий (Perret-Clermont, Perret & Bell, 1991).

Разнообразие предлагаемых теоретических подходов говорит о множестве направлений исследовательской работы. По мере отхода от представлений о познании как об отдельном, не связанном с контекстом процессе, исследователи все более пристальное внимание уделяют социокультурной практике и роли таких опосредующих факторов, как язык, культурные инструменты и принятые знаковые системы в формировании и трансформации мыслительных процессов. Эти новые подходы, однако, по-прежнему далеки от объяснения того, каким образом культурные инструменты и социальные процессы взаимодействуют с мыслительными процессами человека, обеспечивая возможность когнитивного развития и научения.

Исследовательская работа и теоретические подходы к культуре и познанию должны найти место для контекста, который представляет собой не просто физические условия или социальные структуры, воздействию которых пассивно подвергается учащийся. Контекст составляют не только его физические свойства, он включает также систему понятий и их интерпретации. Контекст может быть внушенным, воображаемым, подразумеваемым, созданным на ходу или тщательно выстраиваемым на протяжении длительного периода времени.

Формирование знания требует продолжительного времени. В зависимости от временных рамок исследования мы можем прийти к различным выводам о роли культурной практики в появлении знания. Если мы будем заниматься периодом, в течение которого детей обучают, например делению и измерениям, знание, приобретенное в ряде ситуаций, может оказаться изолированным и неуместным по отношению к знанию, приобретенному в ситуациях другого рода. Отсюда стремление к анализу познания, жестко ограниченного ситуацией. С другой стороны, знания, приобретенные в ситуации определенного рода, могут, в конечном счете, оказаться существенным подспорьем в других сферах.

Более того, следует скептически относиться к попыткам классифицировать понятия как связанные или несвязанные с контекстом, абстрактные или конкретные, формальные или неформальные, конкретные или общие, бытовые или школьные, как будто все перечисленные качества являются неотъемлемыми особенностями понятий. Конкретное знание, приобретенное в отдельных знакомых повседневных ситуациях, может в конечном счете сыграть фундаментальную роль в формировании формального абстрактного школьного знания. Общие абстрактные понятия сильны не только своей независимостью от конкретных примеров и ситуаций, но и применимостью в объяснении и освещении широкого круга конкретных явлений (Cassirer, 1923). Таким образом, абстрактное неотделимо от конкретного. Мы предложили термин **ситуативная генерализация** (D. W. Carraher, Nemirovsky & Schliemann, 1995; D. W. Carraher & Schliemann, 1998) для определения этого внутреннего конфликта.

Поскольку методы и приемы не изолированы от теоретических, педагогических и социальных вопросов, данные исследований бытового познания повлияли на методы исследований в психологии и педагогике. Качественные методы, этнографические методы и нерегламентированные интервью сегодня стали частью психологической и педагогической исследовательской традиции. Границы, которые традиционно существовали между антропологией, социологией, психологией и историей, делаются менее четкими при попытках понять, каким образом знаковые системы, являющиеся составной частью культурного наследия, были приняты и адаптированы к групповым и индивидуальным потребностям. По мере того как культура начинает играть центральную роль в исследованиях познания, а исследователи и педагоги пытаются понять, как дети развиваются и обучаются, принимая участие в различного рода школьной и внешкольной деятельности, быстро стираются границы между психологией и педагогикой. Преимущественное внимание когнитивной психологии к индивидуальным способностям дало исследователям на удивление мало сведений о природе и пользе «школьных» целей и их отличии от «внешкольных». Эта область открыта для исследований, которые могут помочь совершенствованию образовательных методик и более глубокому теоретическому пониманию сущности когнитивных процессов. Необходимо развивать исследования процесса познания в условиях школы, учитывая те инструменты и виды деятельности, к которым дети имеют доступ в процессе обучения.

Исследования бытового познания имеют и педагогическую ценность, они говорят о том, что неудачное выполнение школьных заданий или формальных тестов не означает отсутствия способности к пониманию. В случае с математикой дети и взрослые демонстрируют понимание и способность к гибкому использованию математических свойств, которые они, судя по всему, не могут понять в школе. Разумеется, эти свойства и соотношения в двух разных контекстах представляются различными способами. Владение математическими понятиями и понимание взаимосвязей между ними в школе тесно связано с принятыми и разработанными в рамках определенной культуры символическими системами, обладающими присущей им специфической структурой, условными обозначениями и логикой. Таким образом, вопрос, с которым должны столкнуться педагоги и психологи, не связан с формированием общих психологических структур и стадиями развития, а касается скорее того, какого рода деятельность может способствовать осмысленному усвоению новых символических систем.

Выводы

Когда впервые появился термин **бытовое познание**, он обозначал прежде всего область исследований. Однако с течением времени стало ясно, что за ним стоит скорее определенный набор установок и методологических склонностей, связанных со знанием, логическим мышлением и научением. Исследователи, занимающиеся данной областью психологии, исходят из того, что научение и мышление формируются в социальном контексте и несут на себе отпечаток культуры. В начале этого века такие мысли могли бы показаться странными тем, кто занимался изучением мыслительных процессов. Сегодняшний же дух времени таков, что

трудно найти исследователя, который не разделял бы этого мнения. Для исследователей и педагогов больше не стоит вопрос, оказывает ли культура воздействие на мышление.

Но столь общий ход мысли может создать впечатление, что мы уже проникли в тайны когнитивного развития. Это глубокое заблуждение. Задумаемся о связи школы и бытового познания. Школа — составная часть повседневной социальной реальности детей. Она предполагает определенную культурную практику. Она обеспечивает знакомство детей с широким кругом символических инструментов — определенными языковыми средствами, таблицами, системами письма и записи информации. Исследователи повседневного познания способствовали созданию представления, в соответствии с которым школа представляет собой в определенной степени искусственную обстановку, где ученикам навязывается бледное и лишенное смысла знание. Действительно, часто люди, и дети в том числе, с трудом понимают, каким образом приобретенное в школе знание связано с жизнью за пределами школы, но исследователи не могут отвергать школы и то, что в них происходит, как нечто лежащее за пределами сферы повседневного познания.

Если мы признаем, что школа — это только часть естественных условий, мы увидим, как грандиозна задача, стоящая перед нами. Уже существует небольшой (хотя расширяющийся) корпус исследований того, как дети ищут компромисс между знанием, сформировавшимся за пределами школы, и знанием, полученным в школе. Чем отличается от естественного языка алгебраическая формула и чем она на него похожа? Где то, что дети узнали о переменных, сближается с тем, что им рассказали о соотношениях величин в физическом мире? Каким образом распределение благ подводит фундамент под изучение дробей? Какую роль играет (или могло бы играть) понятие долгов и кредитов в изучении относительных чисел? Как детский опыт, связанный с движением и силой, может подготовить почву для изучения физики и математики? Может ли вообще мышление быть независимым от физических ситуаций? Если ученые мысленно спроецируют себя в описываемое ими графическое пространство — повлияет ли это на то, как мы преподаем геометрию нашим ученикам? Если мы замечаем, что ребенок от природы склонен мыслить определенным образом, — «от природы» означает без специального обучения в школе — должны ли педагоги учитывать тип мышления ребенка, подбирая примеры? Например, если дети от природы решают примеры на сложение и вычитание, разбивая числа на удобные составляющие, а затем производят их перегруппировку для получения ответа, следует ли преподавателю математики тратить время, поощряя их делать то, что они уже делают? Не лучше ли педагогам потратить свою энергию на разработку заданий, дающих детям возможность изучить математику, которую они *не* откроют сами? (Рассуждая подобным образом, мы ведь не учим малышей ходить?)

Поскольку основное внимание мы уделили здесь математическому мышлению, нам не удалось рассмотреть большую часть вопросов, связанных с познанием. Мы полагаем, что повседневное познание, связанное, скажем, с историей или общественными науками, поставило бы перед нами вопросы совершенно другого рода. Но, пожалуй, эту проблему мы оставим кому-нибудь другому.

Литература

Abreu, G. de & Carraher, D. W. (1989). The mathematics of Brazilian sugar cane farmers. In C. Keitel, P. Damerow, A. Bishop & P. Gerdes (Eds.), *Mathematics, education and society* (Science and Technology Education Document Series No. 35, pp. 68–70). Paris: United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization.

Acioly, N. (1994). *La juste mesure: Une étude des competences mathêmatiques des travailleurs de la canne a sucre du Nordeste du Brésil dans le domaine de la mesure.* Unpublished doctoral dissertation, Universite Rene Descartes, Paris.

Berry, J. W. (1976). *Human ecology and cognitive styles: Comparative studies in cultural and psychological adaptation.* New York: Sage/ Halsted/Wiley.

Berry, J. W. (1987). The comparative study of cognitive abilities. In S. H. Irvine & S. E. Newstead (Eds.), *Intelligence and cognition: Contemporary frames of reference* (pp. 393–420). Dordrecht, The Netherlands: Nijhoff.

Berry, J. W. (1993). Indigenous cognition: A conceptual analysis and an empirical example. In J. Wassmann & P. Dasen (Eds.), *Alltagwissen: Les savoirs quotidiens — Everyday cognition. 11. Kolloquium (1990) der Schweizerischen Akademie der Geistes- und Sozialwissenschaften* (pp. 139–156). Freiburg: Universitatsverlag.

Berry, J. W., Dasen, P. R. & Saraswathi, T. S. (Eds.). (1997). *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 2. Basic processes and developmental psychology* (2nd ed.). Boston: Allyn & Bacon.

Brown, J. S., Collins, A. & Duguid, P. (1989). Situted cognition and the culture of learning. *Educational Researcher, 18(1),* 32–42.

Carey, S. (1985). *Conceptual change in childhood.* Cambridge: MIT Press.

Carraher, D. W. (1991). Mathematics in and out of school: A selective review of studies from Brazil. In M. Harris (Ed.), *Schools, mathematics and work* (pp. 169–201). London: Palmer Press.

Carraher, D. W., Nemirovsky, R. & Schliemann, A. D. (1995). Situated Generalization. In L. Meira & D. Carraher (Eds.), *Proceedings of the 19th International Conference for the Psychology of Mathematics Education* (Vol. 1, p. 234). Recife, Brazil: Program Committee of the 19th PME Conference.

Carraher, D. W. & Schliemann, A. D. (1998, April). *The transfer dilemma.* Symposium presentation at the Annual Meeting of the American Educational Research Association, San Diego, CA.

Carraher, D. W. & Schliemann, A. D. (in press). Is everyday mathematics truly relevant to mathematics education? In J. Moshkovich & M. Brenner (Eds.), *Everyday and Academic Mathematics in the Classroom. Monographs of the Journal for Research in Mathematics Education.* Reston, VA: National Council of Teachers of Mathematics.

Carraher, T. N. (1985). The decimal system: Understanding and notation. In L. Streefland (Ed.), *Proceedings of the Ninth International Conference for the Psychology of Mathematics Education* (Vol. 1, pp. 288–303). Noordwijkerhout, The Netherlands: State University of Utrecht.

Carraher, T. N. (1986). From drawings to buildings: Working with mathematical scales. *International Journal of Behavioural Development, 9,* 527–544.

Carraher, T. N. (1990). Negative numbers without the minus sign. In *Proceedings of the 14th International Conference for the Psychology of Mathematics Education* (Vol. 3, pp. 223–230). Oaxtepec, Mexico: International Group for the Psychology of Mathematics Education.

Carraher, T. N., Carraher, D. W. & Schliemann, A. D. (1982). Na vida, dez; na escola, zero: Os contextos culturais da educação matemática. *Cadernos de Pesquisa, 42,* 79–86.

Carraher, T. N., Carraher, D. W. & Schliemann, A. D. (1985). Mathematics in the streets and in schools. *British Journal of Developmental Psychology, 3,* 21–29.

Carraher, T. N., Carraher, D. W. & Schliemann, A. D. (1987). Written and oral mathematics. *Journal for Research in Mathematics Education, 18,* 83–97.

Cassirer, E. (1923). *Substance and Function.* New York: Douglas Publications.

Ceci, S. J. (1990). *On intelligence more or less: A bioecological treatise on intellectual development.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall Century Psychology Series.

Ceci, S. J. (1993). Some contextual trends in cognitive development. *Developmental Review, 13,* 403–435.

Ceci, S. J. & Bronfenbrenner, U. (1985). Don't forget to take the cupcakes out of the oven: Strategic time-monitoring, prospective memory and context. *Child Development, 56,* 175–190.

Ceci, S. J. & Liker, J. (1986). Academic and nonacademic intelligence: An experimental separation. In R. Sternberg & R. Wagner (Eds.), *Practical intelligence: Nature and origins of competence in the everyday world* (pp. 119–142). New York: Cambridge University Press.

Chaiklin, S. & Lave, J. (1993). *Understanding practice: Perspectives on activity and context.* New York: Cambridge University Press.

Cole, M. (1988). Cross-cultural research in socio-historical tradition. *Human Development, 31,* 137–157.

Cole, M., Gay, J., Click, J. A. & Sharp, D. W. (1971). *The cultural context of learning and thinking.* New York: Basic Books.

D'Ambrosio, U. (1985). Ethnomathematics and its place in the history and pedagogy of mathematics. *For the Learning of Mathematics,* 5(1), 44–48.

Dasen, P. R. & Bossel-Lagos, M. (1989). L'etude interculturelle des savoirs quotidiens: Revue de la litterature. In J. Retschitzky, M. Bossel-Lagos & P. R. Dasen (Eds.), *La recherche interculturelle* (pp. 98–114). Paris: L'Harmattan.

Detterman, D. K. & Sternberg, R. S. (1993). *Transfer on trial: Intelligence, cognition, and instruction.* Norwood, NJ: Ablex.

Dias, M. G. (1987). Da lógica do analfabeto à lógica do universitário: Há progresso? *Arquivos Brasleiros de Psicologia, 39(1),* 29–40.

Dias, M. G. & Harris, P. L. (1988). The effect of make-believe play on deductive reasoning. *British Journal of Developmental Psychology, 6,* 207–221.

Donaldson, M. (1978). *Children's minds.* Glasgow, Scotland: Fontana/Collins.

Ferguson, G. A. (1956). On transfer and the abilities of man. *Canadian Journal of Psychology, 10,* 121–131.

Gay, J. & Cole, M. (1967). *The new mathematics and an old culture.* New York: Holt, Rinehart & Winston.

Gelman, R. (1979). Preschool thought. *American Psychologist, 44,* 134–141.

Gerdes, P. (1986). How to recognize hidden geometrical thinking: A contribution to the development of anthropological mathematics. *For the Learning of Mathematics,* 6(2), 10–17.

Gerdes, P. (1988a). On culture, geometrical thinking and mathematics education. *Educational Studies in Mathematics, 19,* 137–162.

Gerdes, P. (1988b). A widespread decorative motive and the Pythagorean theorem. *For the Learning of Mathematics,* 8(1), 35–39.

Click, J. (1981). Functional and structural aspects of rationality. In I. Sigel, D. Brodzinsky & R. Golinkoff (Eds.), *New directions in Piagetian theory and practice* (pp. 219–228). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Grando, N. (1988). *A matemática na agricultura e na escola.* Unpublished masters thesis, Universidade Federal de Pernambuco, Recife, Brazil.

Harris, M. (1987). An example of traditional women's work as a mathematics resource. *For the Learning of Mathematics,* 7(3), 26–28.

Harris, M. (1988). Common threads — Mathematics and textiles. *Mathematics in School,* 37(4), 24–28.

Harris, M. (Ed.). (1990). *Schools, mathematics and work* (pp. 169–201). London: Falmer Press. Hatano, G. (1990). The nature of everyday science: A brief introduction. *British Journal of Developmental Psychology, 8,* 245–250.

Hughes, M. (1986). *Children and number.* Oxford: Blackwell.

Hutchins, E. (1979). Reasoning in Trobriand discourse. *Quarterly Newsletter of the Laboratory of Comparative Human Cognition, 1(2),* 13–17.

Hutchins, E. (1980). *Culture and inference.* Cambridge: Harvard University Press.

Hutchins, E. (1983). Understanding Micronesian navigation. In D. Centner & A. Stevens (Eds.), *Mental models* (pp. 191–225). Hillside, NJ: Erlbaum.

Hutchins, E. (1993). Learning to navigate. In S. Chaiklin & J. Lave (Eds.), *Understanding practice: Perspectives on activity and context* (pp. 35–63). New York: Cambridge University Press.

Inagaki, K. (1990). Young children's use of knowledge in everyday biology. *British Journal of Developmental Psychology, 8,* 281–288.

Inagaki, K. & Hatano, G. (1987). Young children's spontaneous personification as analogy. *Child Development, 58,* 1013–1020.

Irvine, S. H. & Berry, J. W. (Eds.). (1988). *Human abilities in cultural context.* Cambridge: Cambridge University Press.

Kline, M. (1962). *Mathematics: A cultural approach.* Reading, MA: Addison-Wesley.

Laboratory of Comparative Human Cognition (1983). Culture and cognitive development. In P. H. Mussen (Ed.), *Handbook of child psychology: Vol. 1. History, theory and methods* (pp. 295–356). New York: Wiley.

Lave, J. (1977). Cognitive consequences of traditional apprenticeship training in Africa. *Anthropology and Educational Quarterly, 7,* 177–180.

Lave, J. (1988). *Cognition in practice: Mind, mathematics, and culture in everyday life.* Cambridge: Cambridge University Press.

Lave, J. & Wenger, E. (1991). *Situated learning: Legitimate peripheral participation.* New York: Cambridge University Press.

Leontiev, A. N. (1981). *Problems of the development of the mind.* Moscow: Progress.

Light, P., Buckingham, N. & Robbins, A. (1979). The conservation task as an interactional setting. *British Journal of Educational Psychology, 49,* 304–310.

Luria, A. R. (1976). *Cognitive development: Its cultural and social foundations.* Cambridge: Harvard University Press.

McGarrigle, J. & Donaldson, M. (1974). Conservation accidents. *Cognition, 3,* 341–350.

McMurchy-Pilkington, C. (1995). *Maori women engaging in mathematical activities in Marae kitchens.* Unpublished master's thesis, University of Auckland, New Zealand.

Millroy, W. L. (1992). An ethnographic study of the mathematical ideas of a group of carpenters. *Journal for Research in Mathematics Education* (Monograph no. 5). Reston, VA: National Council of Teachers of Mathematics.

Neisser, U. (1967). *Cognitive psychology.* New York: Apple-Century-Crofts.

Neisser, U. (1976). *Cognition and reality. Principles and implications of cognitive psychology.* New York: W. H. Freeman & Co.

Neisser, U. (1981). John Dean's memory: A case study. *Cognition, 9,* 1–22.

Neisser, U. (Ed.). (1982). *Memory observed. Remembering in natural contexts.* San Francisco: W. H. Freeman & Co.

Nunes, T. (1992). Ethnomathematics and everyday cognition. In D. Grouws (Ed.), *Handbook of research in mathematics-education* (pp. 557–574). New York: Macmillan.

Nunes, T., Schliemann, A. D. & Carraher, D. W. (1993). *Street mathematics and school mathematics.* New York: Cambridge University Press.

Perret-Clermont, A.-N., Ferret, J. F. & Bell, N. (1991). The social construction of meaning and cognitive activity in elementary school children. In L. Resnick, J. Levine & S. Teasley (Eds.), *Perspectives on socially shared cognition* (pp. 41–62). Washington, DC: American Psychological Association.

Petitto, A. & Ginsburg, H. (1982). Mental arithmetic in Africa and America: Strategies, principles and explanations. *International Journal of Psychology, 17,* 81–102.

Piaget, J. (1972). Intellectual evolution from adolescence to adulthood. *Human Development, 15,* 1–12.

Reed, H. J. & Lave, J. (1979). Arithmetic as a tool for investigating relations between culture and cognition. *American Anthropologist, 6,* 568–582

Resnick, L. (1986). The development of mathematical intuition. In M. Perlmutter (Ed.), *Minnesota Symposium on Child Psychology* (Vol. 19, pp. 159–194). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Resnick, L. (1987, December). Learning in school and out. *Educational Researcher,* 13–20.

Resnick, L., Levine, J. & Teasley, S. (Eds.). (1991). *Perspectives on socially shared cognition.* Washington, DC: American Psychological Association.

Rogoff, B. (1990). *Apprenticeship in thinking. Cognitive development in social context.* New York: Oxford University Press.

Rogoff, B. & Lave, J. (Eds.). (1984). *Everyday cognition: Its development in social context.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Saraswathi, L. S. (1988). Practices in identifying (reckoning), measuring and planning for utilization of time in rural Tamil-Nadu (India): Implications for adult education programs. *Journal of Education and Social Change,* 2(3), 125–140.

Saraswathi, L. S. (1989). Practices in linear measurements in rural Tamil-Nadu: Implications for adult education programs. *Journal of Education and Social Change,* 3(1), 29–46.

Saxe, G. B. (1991). *Culture and cognitive development: Studies in mathematical understanding.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Saxe, G. B. & Moylan, T. (1982). The development of measurement operations among the Oksapmin of Papua New Guinea. *Child Development, 53,* 1242–1248.

Schliemann, A. D. (1985). Mathematics among carpenters and carpenters apprentices: Implications for school teaching. In P. Damerow, M. Dunckley, B. Nebres & B. Werry (Eds.), *Mathematics for all,* (Science and Technology Education Document Series No. 20, pp. 92–95). Paris: United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization.

Schliemann, A. D. (1988). Understanding permutations: Development, school learning, and work experience. *Quarterly Newsletter of the Laboratory of Comparative Human Cognition,* 20(1), 3–7.

Schliemann, A. D. (1995). Some concerns about bringing everyday mathematics to mathematics education. In L. Meira & D. Carraher (Eds.), *Proceedings of the 19th International Conference for the Psychology of Mathematics Education* (Vol. 1, pp. 45–60). Recife, Brazil: Editora da Universidade Federal de Pernambuco.

Schliemann, A. D. & Acioly, N. M. (1989). Mathematical knowledge developed at work: The contribution of practice versus the contribution of schooling. *Cognition and Instruction*, 6(3), 185–221.

Schliemann, A. D., Araujo, C., Cassunde, M. A., Macedo, S. & Niceas, L. (1994). School children versus street sellers' use of the commutative law for solving multiplication problems. In *Proceedings of the Eighteenth International Conference for the Psychology of Mathematics Education* (Vol. 4, pp. 209–216). Lisbon, Portugal: International Group for the Psychology of Mathematics Education.

Schliemann, A. D. & Carraher, D. W. (1992). Proportional reasoning in and out of school. In P. Light & G. Butterworth (Eds.), *Context and cognition: Ways of learning and knowing* (pp. 47–73). New York: Harvester Wheatsheaf.

Schliemann, A. D., Carraher, D. W. & Ceci, S. J. (1997). Everyday cognition. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Sarawathi (Eds.), *Handbook of Cross-Cultural Psychology: Vol. 2. Basic processes and developmental psychology* (2nd ed., pp. 177–215). Boston, Allyn & Bacon.

Schliemann, A. D. & Magalhaes, V. P. (1990). Proportional reasoning: From shops, to kitchens, laboratories, and, hopefully, schools. In Proceedings *of the 14th International Conference for the Psychology of Mathematics Education* (Vol. 3, pp. 67–73). Oaxtepec, Mexico: International Group for the Psychology of Mathematics Education.

Schliemann, A. D. & Nunes, T. (1990). A situated schema of proportionality. *British Journal of Developmental Psychology, 8*, 259–268.

Schliemann, A. D., Santos, C. M. & Canute, S. F. (1993). Constructing written algorithms: A case study. *Journal of Mathematical Behavior, 12*, 155–172.

Scribner, S. (1977). Modes of thinking and ways of speaking. In P. Wason & P. Johnson-Laird (Eds.), *Thinking: Readings in cognitive science* (pp. 483–500). New York: Cambridge University Press.

Scribner, S. (1984). Studying working intelligence. In B. Rogoff & J. Lave (Eds.), *Everyday cognition: Its development in social context* (pp. 9–40). Cambridge: Harvard University Press.

Scribner, S. (1986). Thinking in action: Some characteristics of practical thought. In R. Sternberg & D. Wagner (Eds.), *Practical intelligence. Nature and origins of competence in the everyday world* (pp. 13–30). New York: Cambridge University Press.

Segall, M., Dasen, P., Berry, J. & Poortinga, Y. (1999). *Human behavior in global perspective.* Boston: Allyn & Bacon.

Sternberg, R. & Wagner, D. (Eds.). (1986). *Practical intelligence. Nature and origins of competence in the everyday world.* New York: Cambridge University Press.

Ueno, N. & Saito, S. (1994, June). *Historical transformations of mathematics as problem solving in a Nepali bazaar.* Paper presented at the 13th Biennial Meetings of the International Society for the Study of Behavioural Development, Amsterdam.

Usher, J. & Neisser, U. (1993). Childhood amnesia and the beginnings of memory for four early life events. *Journal of Experimental Psychology: General, 122(2)*, 155–165.

Vergnaud, G. (1988) Multiplicative structures. In J. Hiebert & M. Behr (Eds.), *Number concepts and operations in the middle grades* (Vol. 2). Reston, VA: Erlbaum/National Council of Teachers of Mathematics.

Vosniadou, S. (1991). Children's naive models and the processing of expository text. In M. Garretero, M. Pope, R.-J. Simons & J. I. Pozo (Eds.), *Learning and instruction: European research in an international context* (Vol. 3, pp. 325–336). Oxford, England: Pergamon Press.

Voss, J., Perkins, D. & Segal, J. (1991). *Informal reasoning and education.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society.* Cambridge: Harvard University Press.

Wassmann, J. (1993). When actions speak louder than words: The classification of food among the Yupno of Papua New Guinea. *Quarterly Newsletter of the Laboratory of Comparative Human Cognition, 15,* 30–40.

Wassmann, J. & Dasen, P. R. (1994). «Hot» and «cold»: Classification and sorting among the Yupno of Papua New Guinea. *International Journal of Psychology,* 29(1), 19–38.

Wertsch, J. (1991). *Voices of the mind: A sociocultural approach to mediated action.* Cambridge: Harvard University Press.

Zaslavsky, C. (1973). *Africa counts.* Boston: Prindle & Schmidt.

ГЛАВА 9

Культура и нравственное развитие

Джоан Миллер

Наверное, нет темы более важной для понимания культуры, чем нравственность. Порой трудно определить, где заканчивается культура и начинается нравственность, настолько тесная и глубокая взаимосвязь существует между ними. Действительно, можно аргументированно доказать (и уже было доказано), что значительная часть содержания культуры и цели ее освоения состоят в том, чтобы обеспечить включение индивида в культуро-специфичные процессы и постижение им норм нравственности, справедливости и честности.

*В этой главе Миллер дает прекрасное и всестороннее общее представление о литературе, касающейся культуры и нравственности. Она начинает с описания основных традиционных подходов к нравственному развитию, в том числе взглядов на когнитивное развитие Пиаже и Колберга, подхода с точки зрения обособленных доменов Туриел и понимания нравственности как участия и заботы (*morality of caring*) Гиллиган. Миллер не только мастерски описывает базовые принципы этих подходов, но и раскрывает их теоретическую и эмпирическую ограниченность. Как отмечает Миллер, любой из этих трех подходов преуменьшает воздействие ассоциируемых с культурой идей и культурной практики, присоединяясь к мнению о том, что нравственность формируется сама собой в контексте повседневного опыта усвоения культуры и принимает одни и те же формы в условиях любой культуры.*

Далее Миллер выходит за пределы традиционных взглядов, анализируя подходы, рассматривающие нравственное развитие через призму культуры. Сосредоточив внимание на трех ключевых проблемах — определения нравственности, включающие понятие культуры, сущность ассоциируемых с культурой идей и культурный фундамент процессов развития, — Миллер рассматривает важнейшие эмпирические данные в литературе по кросс-культурным исследованиям, которые говорят о тесной взаимосвязи культуры и нравственности. При этом автор рассматривает данные, охватывающие практически все направления исследовательской работы, касающейся нравственности, включая суждения о моральных принципах справедливости, моральных принципах общества и межличностных отношений и моральных принципах, связанных с божественным началом и духовностью, и убедительно доказывает, что идеи, ассоциируемые с культурой, и культурные практики оказывают влияние на при-

менение моральных норм в повседневных ситуациях и ведут к появлению качественных различий в рассуждениях, касающихся нравственности.

Используя сделанный обзор как стартовую площадку, Миллер планирует повестку дня будущих исследований, для которых будет характерно интегрированное рассмотрение комплекса психологических процессов, включение направлений, связанных с нравственностью, которые традиционные исследования раньше обходили стороной, и лонгитюдный подход к осмыслению процессов нравственного развития в процессе адаптации к культурным нормам. Она выступает, например, за необходимость более глубокого понимания взаимосвязи между Я и нравственными принципами, в особенности в процессе адаптации к культурным нормам и в культурах незападного типа. Она выступает также за расширение работы по изучению таких проблем, как нанесение ущерба субъекту, взаимосвязь культуры и контекста, доминирование. Ее замечания о культуре и контексте уместны не только в разговоре о нравственности, но и в связи со всеми темами, которые затрагивает данная книга. Она также высказывается в пользу изучения этнокультурных подходов к пониманию нравственности и исследования факторов мотивации существующих культурных систем.

Комментарии Миллер, связанные с будущей теоретической и эмпирической работой, созвучны основной идее этой книги о необходимости теоретической интеграции разных дисциплин и тематических направлений и эмпирического совершенствования и эволюции методологии, что предполагает использование и сближение качественных и количественных подходов; объединение подходов традиционной, культурной, кросс-культурной и этнокультурной психологии; и использование лонгитюдных подходов. Несмотря на то что исследования такого рода, несомненно, гораздо сложнее, чем те, которые проводятся на сегодняшний день, аргументы в их пользу достаточно убедительны.

Нравственность представляет собой одну из самых важных и сложных областей психологических исследований. Важность определяется ее значением для человеческой психологии и тесной связью нравственных установок с формированием Я. В свою очередь, сложность определяется вопросами, которые возникают при изучении нравственности не только в связи с проблемой универсализма/релятивизма, но также в связи с природой индивидуальности и формированием Я. Мораль универсальна, поскольку любая культурная группа оценивает определенный тип поведения как нравственное, используя критерии его восприятия как надлежащего/недостойного. Однако конкретные нравственные принципы и поведение, соответствующее им, отличаются заметным разнообразием как в пределах одной культуры, так и в разных культурных обществах, а также в исторической перспективе. В связи с этим встает ключевой вопрос: в какой мере данные различия могут считаться фундаментальными и как это связано с процессами, лежащими в основе формирования нравственных представлений.

Данная глава рассматривает роль культуры в формировании нравственных принципов (кроме того, свежие кросс-культурные обзоры психологических исследований нравственности можно найти, например, в работах Eckensberger & Zimba, 1997; Edwards, 1994; J. R. Snarey, 1985; J. Snarey & Keljo, 1991). Основное внима-

ние в ней уделяется нравственному мышлению, а не более широкой теме просоциального поведения. В рамках этой традиции психологического исследования нравственность рассматривается как домен, который базируется более на осознанно воспринимаемом естественном праве, чем на социальном консенсусе или личных предпочтениях. Например, рабство может считаться нарушением нравственных принципов, несмотря на то что оно широко практикуется в обществе и не считается преступлением. Именно в этой исследовательской традиции встает вопрос об относительности нравственности, и встает весьма остро, поскольку нравственность не отождествляется исключительно с соответствием норме.

Глава состоит из трех разделов. В первом рассматриваются традиционные подходы, которые доминировали в психологии нравственного развития, причем особое внимание уделяется теоретическим предположениям, выдвинутым в рамках данных подходов, которые подтверждают их притязания на универсализм. Второй раздел содержит обзор подходов к нравственности, ориентированных на культуру; здесь освещена роль, которую они отводят культуре в формировании нравственности и объяснении природы повседневных моральных суждений. И, наконец, третий раздел определяет направления будущей теоретической и исследовательской работы. В нем делается вывод о том, что анализ культуры должен стать центральной частью психологических исследований нравственности при разработке подходов, которые будут более динамичными, восприимчивыми в экологическом отношении и будут тесно связаны с формированием Я в контексте культуры.

Традиционные подходы к исследованию нравственного развития

Далее рассматриваются основные положения и важнейшие эмпирические данные традиционных научных подходов к исследованию нравственного развития. Дается оценка концептуального и методологического вклада, сделанного этими подходами, и средств, благодаря которым они придерживаются универсалистских установок, вопреки очевидным культурным различиям в нравственном мышлении личности.

Подход с точки зрения когнитивного развития

В одном из первых трудов по проблеме формирования нравственного мышления Пиаже разработал двухступенчатую модель нравственного развития (Piaget, 1932). В соответствии с ней утверждалось, что, становясь старше, дети меняют свои взгляды, переходя от недифференцированного представления о нравственности, основанного на объективной ответственности, или гетерономии, — к понятию нравственности, в центре которого находится представление о субъективной ответственности, или автономии. Данное возрастное изменение иллюстрирует реакция детей на широко используемый в исследованиях рассказ Пиаже о человеке, который умышленно причиняет незначительный ущерб (например, разбивает одну тарелку), и о том, кто нечаянно причиняет более серьезный ущерб (например, случайно разбивает несколько тарелок). Маленькие дети обращают внимание в первую очередь на масштаб объективных последствий и обычно оценивают второй случай как

более серьезный проступок по сравнению с первым. Дети постарше, как правило, оценивают первый поступок как более серьезное нарушение. Подобные переходы от гетерономной ориентации к автономной были засвидетельствованы Пиаже и в отношении игр, где маленькие дети поначалу воспринимают правила игры как неизменную данность, а более старшие начинают относиться к ним как к результату коллективного творчества. Эти сдвиги в процессе развития объясняются процессами социализации, поскольку предполагается, что маленькие дети выстраивают представление о гетерономной нравственности по опыту иерархически выстроенной реальности, приобретенному в процессе социализации с помощью взрослых, а когда они становятся старше и начинают общаться с равными себе, у них формируется представление об автономной нравственности.

Несмотря на то что использованию методики Пиаже способствовала универсальность возрастных тенденций (Eckensberger & Zimba, 1997), подход Пиаже как таковой подвергался критике как с методологических, так и с концептуальных позиций. Отмечалось, что в рассказах Пиаже смешивались намерения и последствия, злой умысел всегда был связан с серьезными последствиями, а благие намерения вели к незначительным последствиям. Ограниченность подхода Пиаже отмечалась еще и в том, что он не смог четко разграничить договорные и нравственные нормы (например, правила игры и нормы, связанные с нанесением ущерба).

Расширяя и развивая подход Пиаже к изучению нравственности и сохраняя при этом его положения, касающиеся когнитивного развития, Колберг разработал получившую широкое признание и применение модель нравственности, основанной на идее справедливости (Kohlberg, 1969, 1971, 1981, 1984). Теория Колберга представляет собой резкий разрыв с психодинамическим и бихевиористским подходами, которые до этого доминировали в психологии, нравственности (например, Aronfreed, 1968; Freud, 1930), и проводит резкое разграничение нравственности и общественных условностей. Бихевиористская и психодинамическая модели определяли нравственность с точки зрения общественных стандартов подобающего/недостойного, которые усваиваются индивидом. С точки зрения Колберга, такая установка представляется проблематичной из-за пассивной позиции личности, которая просто впитывает представления, сложившиеся в данном социальном контексте. Модель Колберга представляет собой мощную альтернативу этим взглядам.

В рамках схемы Колберга личность самостоятельно формулирует моральные принципы в ходе спонтанного процесса созидания самой себя, а не впитывает пассивно представления, бытующие в обществе. Нравственность определяется с точки зрения естественного права (то есть объективного стандарта, выходящего за пределы социальных норм). Привлекая кантианское понятие о категорическом императиве, Колберг утверждает, что поведение является нравственным, только если оно соответствует формальным критериям универсальной применимости, приемлемо в качестве нормы и носит беспристрастный и справедливый характер. Такая установка понималась с точки зрения нравственности, основанной на справедливости и правах личности, в рамках которой нравственные достоинства личности являлись ее внутренним свойством, не связанным с общественным положением, эмоциональными связями или личными качествами (Rawls, 1971). Примечательно, что при таком подходе социально-ролевые ожидания рассматриваются

как не имеющие статуса нравственных, поскольку они опираются исключительно на нормативные стандарты, а не на нравственные критерии.

Модель Колберга выделяет шесть последовательных стадий в процессе развития, которые осуществляются на трех уровнях (Carter, 1980). Они включают а) доконвенциональный уровень, на котором основные цели — предотвращение наказания (1-я стадия) и инструментальный обмен (2-я стадия); б) конвенциональный уровень, основная цель — реализация социально-ролевых ожиданий (3-я стадия) и поддержание общественного порядка и законности (4-я стадия); и в) постконвенциональный уровень, на котором первоочередное внимание уделяется общим правам личности, признанным обществом в целом (5-я стадия), и самостоятельно избранным нравственным принципам справедливости, правам человека и уважению к чувству собственного достоинства всех людей (6-я стадия). В основе первых двух уровней лежат субъективные предпочтения, будь то предпочтения индивида на доконвенциональном уровне или предпочтения общества или социальной группы на конвенциональном уровне. В свою очередь, на постконвенциональном уровне мышление подходит к моральным установкам, и это позволяет говорить о том, что лишь на этом уровне суждения опираются на объективные нормы, не связанные ни с социальным консенсусом, ни с эгоистическими личными предпочтениями.

В исследованиях Колберга суждения, касающиеся нравственности, оценивались в виде нерегламентированных реакций на гипотетическую нравственную дилемму (Colby & Kohlberg, 1987). Одной из самых известных является так называемая дилемма Хайнца, в которой муж крадет лекарство у жадного аптекаря, чтобы спасти жизнь своей умирающей жены. Реакции испытуемых классифицировались в соответствии с уровнем, соответствующим их стадии нравственного развития. Так, например, рассуждения испытуемого, который выступал в защиту мужа, ссылаясь на право его жены на жизнь, оценивались как рассуждения на постконвенциональном уровне, высочайшем, в соответствии со схемой Колберга, уровне нравственной зрелости. Испытуемый же, который защищал мужа, говоря о его социально-ролевых обязательствах по отношению к жене, в соответствии с критериями Колберга получал оценку, соответствующую лишь конвенциональному уровню, предшествующему формированию нравственных принципов.

Несмотря на сильную сторону методики Колберга, которая позволяла испытуемым излагать свои мысли о нравственных проблемах в свободной форме, она критиковалась за слишком высокие требования к устной речи. Предлагаемые эпизоды также обладали определенными недостатками, поскольку с их помощью оценивалось скорее гипотетическое, чем связанное с реальной жизнью, нравственное мышление и поднимались вопросы, во многом далекие от проблем реальной жизни. Чтобы преодолеть хотя бы часть этих методологических проблем, Рест и его коллеги разработали программу работ, касающуюся суждений нравственного характера, в ходе которой был разработан Тест на определение нравственных позиций. Этот инструмент не предъявлял высоких требований к вербальным возможностям испытуемых, поскольку теперь выполнение задания требовало не воспроизведения, а узнавания (Rest, 1979, 1986; Rest, Narvaez, Bebeau & Thoma, 1999). Тест на определение нравственных позиций предлагает испытуемым сокращенные версии моральных дилемм Колберга вместе с возможными моральными суждени-

ями. Испытуемых просят, пользуясь методами оценки и категоризации, определить, какие ответы отражают их нравственные воззрения.

Исследование, начатое в процессе написания Колбергом докторской диссертации и первоначально предполагавшее изучение представителей американского среднего класса мужского пола (Kohlberg, 1958), быстро приобрело гораздо более широкие масштабы и включило исследование не только женщин, но целого ряда групп населения, представлявшего различные культуры и субкультуры. Через некоторое время было опубликовано руководство по стандартизации итоговых показателей (Colby & Kohlberg, 1987), а также незначительные поправки к теории. Окончательные варианты модели учитывали, например, содержательные различия между ценностями (например, истина, жизнь и т. д.) и составляющими (например, самоуважение, чувство собственного достоинства, автономия и т. д.), а также между стадиями неустойчивого или гетерономного характера и устойчивыми или автономными стадиями (Kohlberg, Levine & Hewer, 1994). Эти изменения оказали влияние на протоколы итогов исследования, однако на кросс-культурные тенденции, которые просматривались в этих исследованиях, они повлияли незначительно, так же как не поставили под сомнение фундаментальные теоретические посылки об универсальности нравственных принципов справедливости.

В исследованиях, проводившихся в традициях Колберга, поражают не только свидетельства явных культурных колебаний на наблюдаемых уровнях нравственного развития, но также склонность специалистов по когнитивному развитию рассматривать данные вариации как совместимые с их притязаниями на универсальность нравственных принципов справедливости и прав человека. Например, сам Колберг (Kohlberg, 1969) в одном из первых своих исследований заметил, что постконвенциональные уровни суждений, касающихся нравственности, связаны с распространением западных норм и идеалов, урбанизацией и социально-экономическим положением и, как правило, отсутствуют у сельского населения. Более поздние исследования подтвердили эти данные, обнаружив в то же время при использовании более совершенных схем кодирования, что сфера распространения нравственного мышления на постконвенциональном уровне является еще более узкой, чем предполагалось ранее. Например, при исследовании 45 несхожих в культурном отношении выборок Снэри (Snarey, 1985) отмечал, что лишь около 6 % ответов содержат смесь постконвенциональных и конвенциональных представлений (4-я и 5-я стадии) и лишь 2 % или менее ответов в масштабе всего мира можно считать чисто постконвенциональными. Реакции высокого уровня встречались главным образом у среднего класса западного городского населения, в то время как представители традиционных обществ, таких как Кения или Новая Гвинея, не давали ответов на уровне 4/5 или 5-й стадии. Подобные тенденции просматриваются и в недавно законченном обзоре более чем 400 исследований, проведенных с использованием Теста определения нравственных позиций в течение 25 лет (Rest et al., 1999). Уровень нравственных суждений обнаруживает позитивную связь с образованием, урбанизацией и усвоением западных норм и идеалов. Данные такого рода привели к тому, что многие ориентированные на культуру современные критики Колберга начали обвинять данную схему в культурной ограниченности и

говорить, что она отражает современную западную либеральную точку зрения (Simpson, 1974). Доказывалось, что данная модель воплощает светские взгляды, упуская из виду религиозные основы морали, и к тому же не учитывает противоположные в культурном отношении взгляды, например мнение о том, что ценностью обладает любая жизнь, а не только жизнь человека (Vasudev & Hummel, 1987).

Тем не менее, не признавая обоснованности этих обвинений, Колберг и его коллеги считали, что данные кросс-культурные результаты прекрасно согласуются с их теоретическими притязаниями (Kohlberg, 1969, 1971). Вспоминая философское изречение о том, что нельзя делать выводы из того «чему следовало бы быть», Колберг и его последователи не рассматривали наблюдаемое кросс-культурное распределение реакций нравственного характера как руководство к определению самой нравственности. Более того, данные о том, что уровень нравственных суждений связан с образованием и социально-экономическим статусом, они рассматривали как вполне предсказуемые, принимая во внимание то, что более высокие уровни суждений нравственного характера требуют способности к суждениям более сложного уровня (Kohlberg, 1971; Rest et al., 1999).

Примечательно, что единственное крупное исправление, внесенное последователями Колберга в свою теоретическую схему в ответ на кросс-культурную критику, не было реакцией на свидетельства явной кросс-культурной изменчивости нравственных суждений или на обвинения в культурных отклонениях, которые вызывала схема Колберга. Оно было реакцией на обвинения Гиллиган и ее коллег, что первоочередное внимание, уделяемое справедливости и правам личности, ведет к пренебрежению участием, отзывчивостью, заботой (Gilligan, 1977, 1982). В ответ на это Колберг и его коллеги в последующие годы признали, что нравственность включает не только вопросы, связанные со справедливостью, но и чуткость к другому человеку (Colby & Kohlberg, 1987). Однако в рамках схемы Колберга такие позитивные обязательства, связанные с участием и заботой, рассматривались как не имеющие достаточной нравственной силы по сравнению с обязательствами, налагаемыми справедливостью, поэтому они рассматривались скорее как дискреционные и применимые только к отношениям внутри группы, нежели универсальные. Приняв таким образом довод Гиллиган о роли заботы и участия в нравственности, Колберг и его коллеги, как можно заметить, не отказались от своих универсалистских установок. Расширяя исходное определение границ нравственности, они признали, что нравственность включает также позитивные обязанности, связанные с межличностной ответственностью по отношению к родственникам и друзьям, а не только негативные обязанности не причинять ущерб и не нарушать права других людей. Однако они продолжали рассматривать все эти аспекты нравственности как универсальные.

Подход с точки зрения обособленных доменов

Сложности для стадиальной модели когнитивного развития Колберга возникли с появлением подхода с точки зрения обособленных доменов Туриел с коллегами (L. Nucci, 1981; L. P. Nucci & Turiel, 1978; Smetana, 1983; Turiel, 1980, 1983, 1988a). Поддерживая универсализм теории Колберга и ее положение о том, что справед-

ливость и права личности составляют стержневое содержание нравственности, представители нового подхода сделали ряд противоречащих теории Колберга заявлений, касающихся связи процессов созидáния собственного Я и моральных принципов, а также взяли на вооружение новую методику оценки нравственного мышления. С ее помощью были получены данные о кросс-культурной и возрастной структуре нравственного мышления, опровергающие теорию Колберга. В противоположность вниманию, которое Колберг уделял логическому выводу, представители подхода с точки зрения обособленных доменов делают акцент на роли социальных взаимодействий в интерпретации нравственности. Нравственность рассматривается как индуктивно определяемая, основанная на наблюдении индивидом существенного значения тех или иных поступков (Turiel, 1983). Поступки, наносящие ущерб или нарушающие права другого человека, рассматриваются с точки зрения нравственности, например намеренное нанесение оскорбления другому человеку или захват имущества другого человека без его разрешения. Наряду с этим предполагается, что иные типы социального поведения, такие как манера одеваться, представляют общественные нормы, и поведение, которое им соответствует, облегчает социальную координацию, но не имеет отношения к вопросам справедливости или нанесения ущерба. И наконец, предполагается, что существует особый домен личного выбора и благоразумия, который базируется исключительно на субъективных предпочтениях индивида и не включает ни нравственные проблемы справедливости и нанесения ущерба, ни конвенциональные вопросы социальной координации (L. Nucci, 1981; L. Nucci & Lee, 1993). Например, решение о выборе друзей расценивается как вопрос личного характера, поскольку в его основе лежат исключительно соображения личных вкусов и привязанностей.

Методологически исследования в рамках данного подхода сосредоточены на оценке личного интуитивного восприятия. Предполагается, что, так же как люди, прекрасно говорящие на родном языке, далеко не всегда имеют представление о его грамматике или могут сформулировать грамматические правила, маленькие дети способны выделять различные типы социальных норм, даже если не могут объяснить свои суждения столь изощренным образом, как взрослые. Исследования, проводимые в рамках данного подхода, обычно предполагают предъявление испытуемым коротких историй, описывающих какие-либо нарушения: нарушение принципов справедливости и прав личности, если планируется исследование проблем нравственности; нарушение социальных обычаев, если планируется исследование конвенциональных вопросов; действия лиц, связанные с их личными предпочтениями, если планируется вести речь о личном выборе. Предлагаются критерии оценки рассматриваемой проблемы, в соответствии с которыми поведение может рассматриваться как поддающееся изменению, обладающее культурной относительностью или обоснованно регулируемое. Ребенок может давать оценку в соответствии с данными критериями, оценивая поведение с точки зрения нравственности следующим образом: оценить поведение как допускающее регулирование со стороны общества (указать, что было бы хорошо иметь правило для регулирования этого поведения) или как поведение, не обладающее культурной относительностью (заявить, что будет плохо, если в другом обществе для такого поведения будет другое правило).

Так же как с помощью методов Колберга были получены данные, которые соответствовали доминировавшей тогда теории Пиаже, методология предлагаемых критериев оценки приводит к получению данных, согласующихся с современными моделями когнитивного развития, в соответствии с которыми ребенок считается когнитивно компетентным (Kuhn & Siegler, 1998). Так, например, исследования показали, что даже двухлетние дети способны отличить моральные нормы от общественных (Smetana, 1981; Smetana & Braeges, 1990), причем эта способность явно присутствует в различных культурных группах (Song, Smetana & Kim, 1994). Данные такого рода ставят под сомнение заявления специалистов по когнитивному развитию о том, что моральные представления возникают на достаточно поздних этапах развития. Скорее напрашивается вывод, что способность различать моральные обязательства, общественные нормы и личный выбор появляется в раннем возрасте. Хотя высказанные в рамках данного подхода суждения о возрасте, в котором возникают моральные представления, и противоречат теории Колберга, его универсализм не подвергается сомнению. Итоговое заключение этого подхода состоит в том, что содержание нравственности во всех культурах сосредоточено в первую очередь на вопросах справедливости и правах личности, а ролевые ожидания и вопросы, связанные с религией, представляют сферу социально-конвенциональных, а не нравственных проблем. Этот вывод в основе подобен выводам, сделанным в рамках модели Колберга.

В то время как исследования, использующие четкие ситуации в коротких рассказах, говорят о том, что во всех культурах люди обнаруживают значительное единодушие в вопросе о том, к какому домену относится та или иная история, исследования, использующие ситуации менее прототипического характера, говорят о наличии заметных культурных и субкультурных вариаций при отнесении вопроса к определенному домену. Так, было обнаружено, что определенные вопросы, которые светское американское население относит к домену личного выбора (например, есть или не есть говядину), ортодоксальными индуистами из Индии рассматриваются как нравственные проблемы (Shweder, Mahapatra & Miller, 1987).

Однако в рамках подхода с точки зрения обособленных доменов культурные вариации такого рода интерпретируются как всецело согласующиеся с положением об универсальности моральных норм. Полагают, что кажущиеся культурно обусловленные различия нравственных норм, в действительности — лишь культурно обусловленные различия предпосылочных знаний (Wainryb, 1991). Например, утверждая, что есть говядину безнравственно, индийцы придерживаются нравственных принципов, связанных с нанесением ущерба. При этом они отличаются от американцев лишь своим убеждением в том, что корова — священный объект, который следует защищать от нанесения ущерба, но убеждение в том, что нанесения ущерба следует избегать, роднит их с американцами. Такая интерпретация исходит из того, что при оценке культурной универсальности нравственных принципов следует сначала определить, одинаковыми или различными должны считаться предпосылочные знания в разных культурах (например, предположение о существовании духовного мира священных объектов). Валидность подобных культурных предпосылок может быть оценена рационально, в отличие от критериев более произвольного характера.

Нравственность как проявление заботы и участия

Подход к нравственности как к проявлению заботы и участия, который представляют Гиллиган и ее коллеги, является подлинным концептуальным вызовом подходу, опирающемуся на схему когнитивного развития, и подходу с точки зрения обособленных доменов, поскольку этот подход совершенно иначе воспринимает содержательную сторону нравственности, процессы, которые лежат в основе ее формирования, и фактор пола при ее формировании (Gilligan, 1977, 1982; Gilligan & Wiggins, 1987). Гиллиган доказывала, что нравственность следует рассматривать в тесной связи с взаимным участием и заботой. Ставя под сомнение предположение о том, что нравственные нормы формируются исключительно на принципах справедливости, Гиллиган считает заботу и участие неотъемлемой частью морали. В противовес акценту на когнитивных аспектах, который делают теория Колберга и подход с точки зрения обособленных доменов, Гиллиган утверждает, что рассматривать формирование нравственности следует с точки зрения имеющего эмоциональную основу формирования Я, а на этот процесс оказывает влияние фактор пола.

Привлекая разработки, касающиеся психодинамики и привязанностей (например, Ainsworth, 1978; Bowlby, 1969–1980; Chodorov, 1978), Гиллиган считает, что истоки нравственности следует искать на ранних этапах формирования личности под влиянием опыта социализации. В процессе естественного отождествления себя с матерью и благодаря впечатлениям от внутрисемейных отношений, которые делают акцент на межличностном участии, девочки формируют Я, ориентированное на межличностные связи и связанные с ним нравственные принципы взаимного участия и заботы (Gilligan & Wiggins, 1987). Мальчики же, отождествляя себя с отцом, формируют автономное Я и связанную с ним нравственность, ориентированную на принципы справедливости.

С методологической точки зрения данный подход обращается к нравственному мышлению в том виде, в котором оно отражается в индивидуальных суждениях описательного характера, касающихся личных впечатлений и опыта (Brown, Tappan, Gilligan, Miller & Argyris, 1989). Используются качественные методики, предполагающие разного рода интерпретирующее чтение текста, с целью выделения в нерегламентированных личных реакциях мнений, вызванных заботой и участием, или мнений, обоснованных чувством справедливости.

Внимательно относясь к гендерным вариациям нравственных принципов и личностной самооценки, данный подход тем самым придает большее, по сравнению с двумя предыдущими подходами, значение собственно культурным моментам. Однако, как это ни удивительно, идеям, ассоциируемым с культурой, и культурным практикам, которые структурируют индивидуальный опыт и взгляды, не придается практически никакого значения. Вместо этого делается заявление о том, что хотя культуры и различаются с точки зрения практики повседневной социализации, все они несут в себе одни и те же модели структурных различий, связанных с полом, и, следовательно, равным образом ведут к формированию подобных в своей основе воплощений Я и нравственных принципов. Гиллиган и Виггинс приводят следующий аргумент в пользу универсальности нравственных принципов справедливости и участия:

> Динамика различий и привязанностей раннего детства закладывает основу двух типов нравственности — как справедливости и как участия и заботы... Хотя характер взаимной привязанности ребенка и родителя может варьировать в зависимости от индивидуальных особенностей и культурных условий и хотя несходство может быть обостренным или приглушенным, в зависимости от структурных особенностей семьи или общества, все люди рождаются беспомощными, и нет такого ребенка, который мог бы выжить без связи с взрослыми. Поскольку любой человек чувствителен как к чрезмерному давлению на него, так и к полному отсутствию внимания, человеческий опыт вновь и вновь воспроизводит два сюжета, связанных с нравственностью (р. 281).

Большинство исследований нравственности в рамках данного подхода уделяют первоочередное внимание гендерной дифференциации моральных суждений. Хотя изначально были определенные подтверждения того, что мужчины сориентированы на справедливость, а женщины — на участие и заботу, последние данные свидетельствуют о том, что нравственное мышление, скорее всего, не связано с полом (Thomas, 1986; Walker, 1984, 1991). По-видимому, гендерная дифференциация нравственного мышления связана в первую очередь с различиями в образовательном уровне, роде занятий или речевом стиле, или с особенностями обсуждаемых проблем (например, аборты), а не с собственно половыми различиями нравственных норм.

Отрицая мнение о том, что нравственное мышление связано с половой принадлежностью, теоретики традиционной психологии тем не менее принимают утверждение Гиллиган о существовании нравственности как участия и заботы. Они считают, что участие и забота представляют важный аспект нравственности как для мужчин, так и для женщин, причем эта сторона нравственности облечена в одну и ту же форму во всех культурных контекстах. Любопытно, что, несмотря на то что подход Гиллиган сумел расширить современные представления о сфере нравственности, он по-прежнему предлагает универсалистскую схему.

Резюме

Работа в рамках традиционных психологических теорий нравственного развития показала, что вопросы, связанные со справедливостью, правами личности и благополучием, являются центральными вопросами нравственности. Исследования когнитивного развития показывают, что осознанное восприятие нравственных принципов справедливости происходит на поздних стадиях развития и связано с усвоением западных норм и идеалов и социально-экономическим развитием, в то время как исследования в традиции обособленных доменов доказывают, что способность формального разграничения проблем, связанных с нравственностью, вопросов социально-конвенционального характера и вопросов, относящихся к домену личного выбора, присутствует уже на ранних стадиях развития. В свою очередь, исследования нравственности как проявления заботы и участия говорят о том, что содержание нравственности распространяется также на межличностные обязательства, не ограничиваясь лишь вопросами справедливости. Однако все три подхода недооценивают роль идей, ассоциируемых с культурой, и культурных практик и разделяют мнение о том, что нравственность выстраивается личностью в контексте повседневного опыта социализации и принимает принципиально одни и те же формы в условиях любой культуры.

Культуральные подходы к нравственному развитию

Как было показано выше, традиционные психологические теории нравственного развития обладают одним поразительным общим свойством — все они утверждают, что нравственная ориентация принимает универсальные формы, невзирая на данные, свидетельствующие о культурных вариациях в моральных суждениях и в повседневной культурной практике. Это говорит о том, что признание значения культуры теориями нравственного развития требует не только сбора данных о культурных вариациях моральных суждений и нравственного поведения, но и интерпретации этих данных с учетом культурных факторов. Именно это характеризует современные подходы, учитывающие значение культуры. Представители этих подходов придерживаются взглядов на определение нравственности, характер культурных систем и влияние культуры на развитие, отличных от традиционных. Ниже дается краткая характеристика этих взглядов, которая сопровождается рассмотрением эмпирических данных, свидетельствующих о воздействии культуры на нравственное мышление.

Ключевые посылки

Культуральные определения нравственности с учетом фактора культуры

Подходы, принимающие во внимание культурный фактор, делают акцент на важности определения морали с учетом культурных вариаций. Было доказано, что традиционные психологические теории, давая рабочие определения нравственности, пользуются критериями, отражающими культуро-специфичные допущения. Этот процесс, например, заметен в отношении традиционных психологических теорий к религии, которую они исключают из домена нравственности, а также в мнении о том, что социально-ролевые ожидания лишены нравственного содержания. Приводились доказательства того, что такая позиция заставляет эти подходы оставлять ряд проблем за пределами сферы нравственности, несмотря на то что представители культур незападного толка часто воспринимают их иначе.

С сомнением относясь к тому, что воспринимается доминирующими психологическими теориями как культурные отклонения от нравственности, определяемой в соответствии с ее конкретным содержанием, современные подходы, учитывающие культурный фактор, подчеркивают важность признания явной связи между формальными критериями, определяющими нравственное мировоззрение, и содержанием систем нравственных принципов. Формальные критерии включают различия общего характера, которые определяют различные сферы мышления (Turiel, 1983) и абстрактные концепции (нанесения ущерба, индивидуальных особенностей личности и т. п.), связанные с применением нравственных норм (Shweder et al., 1987). Например, с точки зрения подхода, учитывающего культурный фактор, не предполагается, что вегетарианство непременно относится к вопросам личных предпочтений. Считает человек вопрос «есть или не есть мясо» проблемой нравственного выбора или нет, зависит отчасти от его определяемых культурой установок, касающихся личности и вопросов нанесения ущерба (например, включает ли понятие нанесения ущерба животных, и т. д.). В соответствии с таким подходом моральные выводы зависят от отношения личности к рассматриваемой проблеме (оценивается ли она как важная, возникшая случайно, в связи с определенными обстоятельствами и т. д.), а не от ее конкретного содержания.

Характер идей, ассоциируемых с культурой

С точки зрения современных подходов, учитывающих фактор культуры, мнение о том, что оценку культурных различий в моральных суждениях следует проводить лишь после выявления культурных вариаций в предпосылках, определяемых уровнем знания и связанных с ними культурных обычаях, представляется ограниченным. Такая позиция предполагает, что определяемые уровнем знания предпосылки носят исключительно рациональный характер и поддаются сравнительной оценке в соответствии с их относительной адекватностью. Однако многие гносеологические предпосылки, отражающиеся в моральных суждениях, нерациональны, что не позволяет оценить их адекватность (Shweder, 1984). Например, никакой прогресс науки не позволит точно определить момент зарождения жизни и таким образом дать безоговорочную нравственную оценку аборта.

Более того, с точки зрения современных подходов, учитывающих фактор культуры, попытка при оценке культурных различий в нравственных ценностях считать культурные верования и обычаи неизменными, препятствует изучению интересующих нас феноменов. В сущности, тогда можно оценить культурные различия, лишь сочтя неизменными существенные аспекты культуры. С этой точки зрения набожный христианин, считающий секс до брака безнравственным нарушением закона, данного Богом, и атеист, который считает секс до брака вопросом личного предпочтения, будут рассматриваться как разделяющие одни и те же нравственные принципы, с той лишь разницей, что один верит в существование Бога, а другой — нет. Попытки такого рода, как было доказано, заставляют прибегать к доказательствам общности нравственных принципов на весьма абстрактном уровне и при этом мешают увидеть важные содержательные различия в повседневных моральных суждениях. Однако доказано, что приобретение опыта и формирование нравственного мировоззрения происходит именно на уровне локальных соглашений и обычаев, а не на уровне абстрактных, а порой и лишенных смысла обобщений.

Роль культуры в формировании морали

И наконец, современные подходы, учитывающие фактор культуры, ставят под сомнение представление об автономной структуре морали, которого придерживаются традиционные подходы. Подобно традиционной психологии, подходы, учитывающие фактор культуры, предполагают, что личность активно осмысляет собственный опыт. Однако в них полагается, что активный процесс созидания личностью самой себя всегда в определенной части определяется заданными культурой предпосылками. Поскольку нравственное развитие отражает в определенной степени развитие личности под влиянием культурной переменной, закономерно ожидать, что такое развитие тоже будет в определенной мере представлять собой культурную переменную.

Важнейшие эмпирические данные

Данный раздел представляет собой выборочный обзор эмпирических исследований, проведенных приверженцами теоретических подходов, учитывающих культурный фактор. Рассматриваемые эмпирические данные показывают не только, в каких отношениях идеи, связанные с культурой, и культурные практики оказыва-

ют влияние на нравственные нормы в повседневных ситуациях, но также говорят об их качественном воздействии на характер этих норм.

Культурная изменчивость понятия справедливости

Работа, проведенная сторонниками точки зрения когнитивного развития и обособленных доменов, показала повсеместное внимание к проблеме справедливости. Несмотря на это, оказалось, что культура влияет на применение идей справедливости на практике. Культурные вариации, как можно заметить, отражают различные адаптивные требования, которые предъявляют разные культурные условия, порядок приоритета нравственных обязательств, а также определяемые культурными факторами теории личности и связанную с ними практику.

Кросс-культурные данные показывают, например, что явные отклонения от уровней нравственного развития по модели Колберга отражают, по крайней мере отчасти, разный уровень релевантности представлений о справедливости в различных социальных условиях. В связи с этим Харкнесс и ее коллеги (Harkness, Edwards & Super, 1981) обнаружили, например, что духовные лидеры общины кипсигис в Кении, как правило, дают ответы на уровне 3-й стадии (по схеме Колберга), в то время как выборка рядовых представителей общины того же возраста, образования, благосостояния и той же веры давала ответы лишь на уровне 2-й стадии. Они предполагают, что тогда как нравственные принципы рядового индивида в данном сообществе полностью соответствуют 2-й стадии, для духовных лидеров важен момент содействия распространению взглядов, предполагающих ориентацию на межличностные структуры, соответствующие 3-й стадии. В более общем плане приверженцы подхода, учитывающего культурный фактор, полагают, что восприятие социальной структуры, соответствующее 4-й стадии и выше по схеме Колберга актуально прежде всего в контекстах, связанных с наличием центральной государственной или национальной формы правления — вывод, который может объяснить, по крайней мере частично, наблюдаемую в разных культурах связь между высшими уровнями нравственного развития по Колбергу и процессами модернизации (Edwards, 1975, 1978, 1994; J. R. Snarey, 1985).

Кросс-культурные исследования подтверждают также и то, что даже если индивиды, представляющие разные культуры, разделяют взгляды на нравственный статус понятий, связанных со справедливостью, роль этих понятий в повседневной жизни может быть разной и зависит от других нравственных установок. Так, было выявлено, например, что индийцы, исповедующие индуизм, считают межличностные обязательства приоритетными по отношению к параллельно существующим обязательствам, связанным со справедливостью. Американцы европейского происхождения придерживаются диаметрально противоположных взглядов (Miller & Bersoff, 1992). В частности, в то время как американцы, склонные относиться к межличностным обязательствам как к вопросу, решаемому по личному усмотрению, для индийцев межличностные обязательства и вопросы, связанные со справедливостью, имеют одинаковый моральный статус. Подобные кросс-культурные различия наблюдались в сравнительном исследовании моральных суждений китайских и исландских детей (Keller, Edelstein, Fang & Fang, 1998). В рассуждениях о нравственных дилеммах китайские дети считали приоритетными соображения

альтруистического и межличностного характера, а дети из Исландии полагали более важными договорные обязательства и корыстные соображения.

Представления о моральной ответственности — еще одна сфера, в которой существуют кросс-культурные различия. Они наблюдаются даже в тех случаях, когда представители разных культур придерживаются одинаковых взглядов на нравственный статус рассматриваемых проблем. Так, в соответствии с контекстной ориентацией представители культур, в которых существует приоритет межличностных установок над индивидуалистическими, склонны в оценке действий личности рассматривать поведение как в первую очередь зависящее от ситуации, приуменьшая при этом значение личных нравственных обязательств. Так, например, было обнаружено, что индуисты гораздо чаще, чем американцы европейского происхождения, снимают с человека моральную ответственность за нарушение принципов справедливости в условиях оказания на него давления, с учетом его незрелости или других обстоятельств, которые могут служить оправданием (Bersoff & Miller, 1993; Miller & Luthar, 1989). Такая восприимчивость к ситуативному фактору свойственна и нравственным нормам, сформировавшимся в рамках конфуцианства, в особенности по сравнению с иудейско-христианскими культурными традициями (Dien, 1982). Это нашло отражение в предпочтении примирения разрешению конфликта путем урегулирования разногласий.

И наконец, как отмечалось вкратце при рассмотрении подхода с точки зрения обособленных доменов, культурные различия в повседневных суждениях о справедливости могут объясняться зависящими от конкретной культуры содержательными предположениями индивидов по поводу обоснованности применения конкретных представлений о справедливости. Такие культурные различия в исходных посылках могут привести к значительным расхождениям в повседневных суждениях о справедливости, если представители разных культурных общностей расходятся в таких вопросах, как, например, какие объекты заслуживают защиты от нанесения им ущерба или как понимать само нанесение ущерба. Например, представляя культуру, для которой во многих отношениях характерен иерархический подход, население, исповедующее ортодоксальный индуизм, считает вполне морально оправданным предоставление женщинам неравных прав с мужчинами (Shweder et al., 1987).

Мораль в различных сообществах

Необходимость учета культурного фактора при исследовании нравственного развития становится очевидной благодаря исследованиям нравственных принципов культурных сообществ. Эти исследования выявляют нравственные установки на постконвенциональном уровне, которые не принимались в расчет традиционными теориями нравственного развития.

Работа с разными культурными группами китайского населения, например, говорит об отличии предпосылок, лежащих в основе конфуцианских и даосистских подходов к нравственности, от иудейско-христианского мировоззрения, на котором построена схема Колберга (Dien, 1982; Ma, 1988, 1989, 1992, 1997). В рамках этих культурных традиций считается, что люди обладают врожденными нравственными склонностями, сохранение и развитие которых обеспечивает нравственную

гармонию. Центральным моментом такого мировоззрения является концепция жэнь, понятие, имеющее эмоциональную основу, которое включает такие идеи, как любовь, доброжелательность и уважение к родителям. Влияние таких установок на моральные суждения иллюстрируется, например, реакцией китайских студентов на дилемму Джо, предлагаемую Колбергом. Проблема состоит в том, что отец требует от сына деньги, которые тот заработал и которые, по предварительной договоренности, отец разрешил сыну потратить на загородный дом. Вместо того чтобы рассматривать ситуацию как нарушение договора, китайские испытуемые подчеркивают момент сыновнего долга перед отцом, который, по их мнению, состоит в том, что сын должен выполнить требование отца. Один из испытуемых аргументировал это следующим образом: «Он [сын] должен еще раз упорно потрудиться, чтобы заработать деньги и отдать эти деньги своему отцу. Хотя отец и не прав, но уважение к отцу требует, по-моему, того, чтобы он отдал деньги» (Ма, 1997, р. 99).

Схожие типы нравственных установок, ориентированные на межличностные отношения, были выявлены во многих других культурных сообществах. Работа с индуистским населением в Индии, например, показывает, что центральное значение для нравственности имеет понятие дхарма (*dharma*), которое одновременно обозначает врожденную предрасположенность или природу, кодекс поведения и естественное право. В рамках такой культурной системы социально-ролевые обязательства, связанные с удовлетворением потребностей окружающих, рассматриваются как полновесные моральные проблемы в отличие от ожиданий, связанных со справедливостью, или общественных норм (Miller, 1994). Важно, что данное представление о нравственности включает идею единства всех проявлений жизни, которая требует заботы не только о благосостоянии людей, но и о животных (Vasudev, 1994; Vasudev & Hummel, 1987).

Родственная, хотя и отличная ориентация просматривается и в буддийских культурных традициях, основанных на таких культурных посылках, как *Dukkha* (даккха, «страдание»), или представлениях о жизни как о страдании и накоплении негативной кармы при совершении грехов (A. Huebner & Carrod, 1991; A. M. Huebner & Carrod, 1993). При таком подходе предполагается наличие нравственного императива, который определяет, как действовать, чтобы исключить страдание других, будь то люди или животные, и справиться с воздействием накопившейся негативной кармы. Тесно связанные ориентации были продемонстрированы взрослыми испытуемыми из Кракова (Польша), которые выражали стремление к социальному идеалу, уделяя первоочередное внимание гармонии (Niemczynski, Czyzowska, Pourkos & Mirski, 1988), народностью майсин из Папуа — Новой Гвинеи, которые первоочередное внимание уделяли согласию с окружающими (Tietjen & Walker, 1985), а также черными караибами из Британского Гондураса, которые говорили о нравственности как о помощи другим людям (Gorsuch & Barnes, 1973), и испытуемыми, принадлежащими к игбо из Нигерии (Okonkwo, 1997).

Данные о кросс-культурных различиях в моральных принципах различных сообществ говорят о необъективной оценке культуры в моделях когнитивного развития и обособленных доменов, поскольку они связывают мораль лишь со справедливостью и правами личности, рассматривая социально-ролевые обязательства

исключительно с конвенциональной точки зрения. Доказывая существование в обществе *Gemeinschaft* (духа *единства*), который остается за пределами модели Колберга, Снэри и Кельо (J. Snarey & Keljo, 1991) заключают:

> Существуют легитимные формы мышления конвенционального и постконвенционального уровней, которые, судя по всему, современная теория и руководство по подсчету итоговых показателей упустили из виду. Более того, данные формы мышления, по-видимому, созвучны и даже являются характеристикой *Gemeinschaft* (р. 418).

Между нравственными системами, которые задаются культурой и отражают *Gemeinschaft*-ориентацию, существует множество серьезных различий, но можно выявить и общие характеристики. Нетрудно заметить, что такого рода ориентации присуще целостное восприятие Я, общества и нравственности. Когда общество ориентированно именно так, социально ролевые ожидания или культурные традиции рассматриваются скорее как приближение к сути бытия или к воспринимаемому естественному праву, чем просто как социальные построения. Люди рассматриваются как естественная составляющая социального целого, а их удовлетворение воспринимается как тесно связанное с благополучием общества.

Ключевой вопрос — насколько типы общественных *Gemeinschaft*-ориентаций, обнаруженные в различных культурах незападного толка, соотносимы с моделью нравственности как заботы и участия, разработанной Гиллиган. Сама исследовательница считает такую нравственность универсальной. Однако, как отмечалось выше, ее подход приуменьшает значение фактора культуры в формировании нравственных принципов. Более внимательное прочтение ответов в духе нравственных принципов участия и заботы показывает, что такого рода ответы, выявленные Гиллиган, содержат и элементы индивидуалистического подхода к участию и заботе. Одним из аспектов проявления индивидуализма, например, служит значение, которое придается личному выбору при решении вопроса о том, удовлетворять ли потребности окружающих. Как говорит 11-летняя Эми:

> Если у вас перед кем-то есть обязанности, вы должны выполнять их по мере сил. Но если это начинает причинять вам боль или мешает делать что-то, чего вы очень-очень хотите, тогда, наверное, вам следует сначала подумать о себе (Gilligan, 1982, р. 35).

Индивидуалистическое содержание моральных принципов участия и заботы заключается и в том, что они предполагают поведение, автономное по отношению к социально-ролевым нормам. Избирая такой подход, студентка колледжа Клэр говорит о том, как она отказалась от социальных ролей и стала действовать более автономно, вырабатывая нравственные принципы заботы и участия:

> Может быть, я совсем не такая подруга, какой должна быть или какой меня считали до сих пор, и, возможно, я совсем не такая дочь, какой меня считали. Ты становишься взрослым и понимаешь, что становишься такой, какой тебя видят окружающие, и очень трудно вдруг начать отделять себя от этого и понимать, что на самом деле никто, кроме тебя, не может решать за тебя (Gilligan, 1982, р. 52).

Наконец, индивидуалистический характер моральных принципов участия и заботы очевиден в стремлении избежать самопожертвования и в развитии индивидуальности. Гиллиган описывает, как Клэр занимает именно такую позицию по мере окончательного формирования названных принципов.

> Она начала замечать «ошибки» своей матери, которая, по ее мнению, бесконечно отдавала, «так как не беспокоилась о том, что, поступая так, она вредила самой себе»... В соответствии с нормами заботы и участия идеал самопожертвования, существовавший у Клэр, уступает место представлению о «семье, где каждому помогают стать личностью и в то же время каждый помогает окружающим и получает помощь от них» (Gilligan, 1982, p. 54).

Таким образом, хотя Гиллиган нигде открыто не связывает нравственность, проявляемую в форме заботы и участия, с индивидуалистическими установками культуры европейско-американского среднего класса, именно они очевидны в собранных исследовательницей ответах. Информанты уделяют первоочередное внимание выбору, отвергают ролевые обязательства как основу нравственного долга и подчеркивают стремление избежать утраты индивидуальности, которую влечет за собой признание приоритета требований общества.

Индивидуализм нравственности, ориентированной на заботу и участие, проявляется в приведенных Гиллиган нерегламентированных ответах, связанных с этими принципами. В то же время программа сравнительных исследований представителей европейско-американского среднего класса и индийцев, исповедующих индуизм (Miller, 1994), дает более определенные свидетельства того, что моральные принципы заботы и участия кардинально отличаются от мировоззрения, характерного для многих коллективистских культур. Данное исследование показывает, что в то время как американцы европейского происхождения склонны подходить к нравственности как к добровольно взятым на себя обязательствам или вопросу личного выбора, индийцы-индуисты склонны рассматривать межличностные обязательства как вопрос нравственного долга, который распространяется на широкий круг ситуаций ролевого характера, а также ситуаций, связанных с разного рода потребностями. По сравнению с индийцами-индуистами американцы европейского происхождения при оценке межличностных обязательств придают большее значение личным вкусам и интересам. Так, они склонны относиться к обязательствам, связанным с удовлетворением потребностей родственников и друзей, как к зависящим от личных склонностей и симпатий, в то время как индийцы-индуисты относятся к таким обязательствам как к социально-ролевому долгу более непреложного характера (Miller & Bersoff, 1988).

Например, американец европейского происхождения обычно полагает, что человек в меньшей степени обязан откликаться на нужды своего брата, если у них разные склонности и интересы и совместное времяпрепровождение не доставляет им большого удовольствия, чем в том случае, если их связывает много общего и им хорошо вместе. Индиец-индуист же считает, что обязательства по отношению к брату не связаны с подобного рода своекорыстными соображениями, не имеющими отношения к нравственности. Более того, индиец полагает, что нравственность требует именно того, чтобы перед лицом собственных тягот или необходимости самопожертвования приоритет отдавался нуждам других людей, и от такого поведения, как показало исследование, индийцы чаще, чем американцы, испытывают удовлетворение (Miller & Bersoff, 1995).

Культурные различия такого рода иллюстрируются, например, прототипическими реакциями на ситуацию, представленную информантам; в ней присутствует

жена, которая не оставила своего мужа после того, как он попал в аварию на мотоцикле и сильно пострадал, потеряв интерес к жизни и способность передвигаться до конца своих дней. Оценив поведение жены как соответствующее принципам нравственности и в высшей степени подобающее, индианка-индуистка заметила, что, по ее мнению, жена должна испытать удовлетворение, взяв на себя ответственность за благополучие своего мужа и выполнив свой долг жены: «Она почувствует удовлетворение от того, что выполнила свой долг. Она помогла своему мужу в трудной ситуации. Семейная жизнь будет легкой, только если трудности и счастье воспринимаются одинаково» (Miller & Bersoff, 1995, p. 275).

Американка же, расценивая такое поведение в первую очередь как вопрос личного выбора, а не нравственности, подумала прежде всего о неудовлетворенности, которую, по ее мнению будет испытывать жена, уделяя недостаточно внимания собственным желаниям: «Она действует из чувства долга, а не из иных побуждений, например любви. У нее есть чувство долга, но нет того, что компенсировало бы ей отсутствие счастья» (Miller & Bersoff, 1995, p. 275).

Итак, кросс-культурные исследования в данной области показывают, что в разных культурах существуют различные нравственные принципы участия и заботы, которые качественно и существенно отличаются друг от друга. В частности, тот тип нравственной ориентации, связанной с заботой и участием, который был обнаружен у среднего класса европейско-американского населения, не только предполагает, что вопрос о межличностных обязательствах связан с добровольным выбором, а не с налагаемыми со стороны общества обязанностями, но даже отчасти ограничивает применение этого принципа, считаясь с личными предпочтениями и избегая чрезмерных ограничений свободы личности и ее права на выбор. Индийцы-индуисты же, не придавая такого значения личной автономии, склонны к проявлению здорового чувства общности в рамках отношений внутри группы, понимая межличностные обязательства по отношению к родственникам и друзьям более широко и в меньшей степени связывая их с личными предпочтениями.

Нравственные принципы, связанные с божественным началом

Точно так же как социально-ролевые обязательства в рамках традиционных психологических теорий было принято рассматривать исключительно как конвенциональные, а не нравственные, религиозные или духовные ориентации рассматривались исключительно как вопрос традиционно принятых норм. Однако исследования все больше выявляют важность религиозных и духовных ориентаций для нравственности. В фундаментальном исследовании моделей нравственности Колби и Дэймон (Colby & Damon, 1992) обнаружили, например, что их респонденты связывали свое нравственное поведение в качестве общественных деятелей или гуманистов с глубинными внутренними обязательствами духовного характера (см. также: Walker, Pitts, Hennig & Matsuba, 1995).

Исследования различных африканских культур подтверждают, что религиозные и духовные ориентации благодаря их связи с эпистемологическими установками индивида полностью определяют моральные суждения. Так, например, нигерийцы (*игбо*), решая нравственные дилеммы Колберга, опираются в первую очередь на откровения высшей, или божественной, силы, а не на светское мировоззрение

(Okonkwo, 1997). Данные подобного рода говорят о том, что алжирские респонденты, решая дилеммы Колберга, опираются на веру в Бога как Творца и высшую силу вселенной (Bouhmama, 1984).

Весьма важным достижением исследований в данной области является подтверждение того, что в основе нравственности могут лежать предпосылки духовного характера, диаметрально противоположные принципам справедливости или принципам, ориентированным на общество (Shweder, Much, Mahapatra & Park, 1997). Например, по свидетельству Шведера и Мача (Shweder & Much, 1987), информанты из общины ортодоксально-индуистского храма утверждают, что в дилемме Хайнца муж не прав, совершая кражу, ссылаясь при этом на негативные последствия, связанные со страданием и духовной деградацией. Заслуживает внимание то, что их аргументация в таких случаях часто не содержит упоминания принципов справедливости, прав личности или благополучия. Порицая воровство как нарушение дхармы (*dharma*), индийцы-индуисты оценивают акт совершения кражи как ведущий к духовной деградации и неотвратимому страданию при последующих появлениях на свет (аналогичный анализ буддийского понимания дхармы и связанных с ней нравственных концепций дается в работе Huebner & Garrod, 1991). Такие исходные установки, не связанные с культурой, формируют нравственное мышление ортодоксальных индуистов по широкому кругу проблем повседневной социальной практики и ведут к появлению нравственных оценок, которые заметно отличаются от оценок светского западного населения, исходящего из противоположных гносеологических посылок. Так, например, для ортодоксальных индуистов нарушением моральных принципов являются ситуации, в которых жена позволяет себе есть вместе со старшим братом своего мужа или вдова ест рыбу, поскольку их нравственное мышление сформировалось под воздействием основанных на духовных принципах определенных гносеологических посылок, как-то: «муж — воплощение Бога, и к нему следует относиться с подобающим ему уважением» или «тело — это храм, в котором обитает дух. Следует блюсти святость храма. Поэтому тело следует оберегать от нечистой пищи» (Shweder et al., 1987, pp. 76–77).

Свидетельства того, что нравственность, связанная с божественным началом, выходит за пределы принципов справедливости и благополучия, имеются и в отношении других культурных групп, в том числе представляющих современные западные общества. Хейдт с коллегами (Haidt, Koller & Dias, 1993) показали, например, что бразильские дети, принадлежащие к низшему сословию, как и афроамериканские дети, представляющие низшее сословие, часто рассматривают определенные отвратительные и заслуживающие осуждения поступки, такие как съедение чьей-нибудь собаки, как безобидные с точки зрения нравственности, даже когда они сами наблюдают действия такого рода. Важность ортодоксального мировоззрения для нравственной позиции такого рода подтверждается интервью, которые проводились с баптистами из США (Jensen, 1997). Информанты, принадлежащие к баптистам-фундаменталистам, исходя из посылки о том, что взаимоотношения людей и Бога организованы структурно-иерархическим образом, рассматривали развод как святотатство, которое имеет негативные последствия для загробной жизни. Вот как рассуждал один из респондентов:

> Для меня развод означает [что] ты даешь Богу пощечину. Другими словами, ты бросаешь Богу упрек. Потому что Иисус Христос и церковь — это тоже своего рода брак. Разводом мы говорим, что невеста покидает своего мужа. Подумайте, что это значит. Это значит, что мы можем лишиться спасения. [Развод] разрушает основы нашей веры, поэтому я думаю, что развод — это позор (Jensen, 1997, р. 342).

В рамках такого подхода эпистемологические посылки не просто существенно отличаются от светских посылок, на которые опираются традиционные теории нравственного развития, но, кроме того, являются неразрывно связанными с нравственными предписаниями в отношении подобающего поведения.

Резюме

Идеи, ассоциируемые с культурой, и культурные практики, как было продемонстрировано, оказывают качественное воздействие на формирование моральных принципов. Было выявлено, что культура определяет релевантность концепций справедливости, влияет на значимость идей справедливости при разрешении моральных дилемм, а также на решения о моральной ответственности. В отношении межличностных отношений имеющиеся данные указывают на наличие определяемых культурой нравственных принципов, которые связаны с конкретным обществом и качественно различаются как между собой, так и от ориентированного на индивидуализм подхода к обществу, воплощенного в модели Гиллиган (нравственность как забота и участие). И наконец, в том, что касается связи нравственности с божественным началом, исследования, учитывающие фактор культуры, выдвигают на передний план роль духовных эпистемологических предпосылок в вынесении моральных суждений, причем такие предпосылки дают основание для суждений, не связанных с соображениями справедливости или благополучия.

Направления будущей работы

В этом разделе намечаются направления будущей теоретической и исследовательской работы по изучению влияния культуры на нравственное развитие. При этом учитывается необходимость более глубокого понимания процессов адаптации к культурным нормам, а также культурных факторов, оказывающих влияние на формирование Я. Также уделяется внимание формированию динамического видения культуры, которое признает важность властных отношений, сохраняя восприимчивость к культурным различиям в подходах к Я и нравственному мировоззрению.

Влияние культуры на Я и нравственность

Необходимо уделить более пристальное внимание пониманию процессов адаптации к культурным нормам, благодаря которым культура влияет на формирование Я и нравственности. Исследования показали, например, что дети воспринимают социальные нормы отчасти через реакцию агента социализации на различные типы повседневного поведения. В ряде исследований как в школах, так и в нерегламентированной игровой обстановке было выявлено, что в реакции на нравственные проступки первоочередное внимание обычно уделяется пагубным или несправедливым последствиям таких действий, тогда как реакция на нарушение норм,

принятых в школе, или иных конвенциональных норм, как правило, опирается на правила или ожидания нормативного характера (L. Nucci, 1982; L. P. Nucci & Nucci, 1982; L. P. Nucci & Turiel, 1978; L. Nucci & Weber, 1995). Социолингвистические исследования также показывают, что нарушение различных социальных норм влечет за собой разные способы искупления вины, таким способом может быть, например, беседа, в ходе которой выявляются допущенные нравственные промахи и определяются соответствующие проступку общественные нормы (Much & Shweder, 1978).

Хотя было проведено несколько исследований такого рода в условиях культур незападного типа (например, Edward, 1987), потребность в них существует, так как первоочередное внимание уделялось до сих пор среднему классу европейско-американского населения. Предпринимая усилия в этом направлении, важно расширить круг вопросов, включая и те, которые носят культуро-специфичный характер, такие как центральные для культуры концепции уважения к родителям и дхармы. Существуют проблемы и в понимании усвоения культурных норм, связанных с иррациональными аспектами идей, ассоциируемых с культурой, и культурных практик. На весомость таких аспектов часто не влияет даже опровержение их при помощи эмпирических доказательств, даже в этом случае они могут иметь определяющее значение для нравственного мышления; таковы, например, концепция кармы или вера в жизнь после смерти.

С точки зрения более динамического понимания процесса адаптации к культурным нормам нужно уделить более пристальное внимание различным культурным инструментам и повседневным практикам, которые воплощают и воспроизводят идеи, ассоциируемые с культурой. Так, например, важно исследовать, каким образом связанные с культурой идеи преподносятся средствами массовой информации, авторитетами в области культуры, а также как эти идеи передаются в повседневной социальной практике, например в процессе приготовления ко сну (например, Harkness, Super & Keefer, 1992; Shweder, Jensen & Goldstein, 1995). Большее значение следует придавать также сложности и тонкости идей, связанных с культурой, признавая, что определенные практики могут выражать определенные идеи явным образом, одновременно воплощая на не выраженном явно уровне культурные идеи, противоречащие первым.

В более общем плане, насущной задачей является включение в сферу научно-исследовательской работы в области нравственности вопросов культуры и формирования Я. Недавние исследования, например, показали, что при воспитании ребенка пуэрто-риканские матери ставят себе цель вырастить его любящим и почтительным, тогда как матери, представляющие европейско-американский средний класс, стремятся вырастить ребенка, который в состоянии поддерживать баланс между автономией и привязанностями (Harwood, Miller & Irizarry, 1995). Другие примеры показывают, что стремление закалить ребенка, готовя его к противостоянию с суровым и жестоким миром, характерно для практики социализации в низших слоях европейско-американского общества (Kusserow, 1999), тогда как воспитание у ребенка гибкой натуры и чувства социальной ответственности свойственно для различных культур Азии и Африки (Harkness & Super, 1996; Miller & Bersoff, 1995). Остается открытым вопрос о связи этих альтернативных воспитательных

целей, носящих нормативный характер, с функционирующими в повседневной жизни представлениями о поведении, которое является нравственным эталоном и концепциями нравственности как таковой.

Важно также исследовать с учетом фактора культуры различные подходы к понятию ущерба. Исследования показали, например, что американские и бразильские дети подходят к рассмотрению вопросов нанесения ущерба окружающей среде с точки зрения нравственности (Kahn, 1996, 1998, 1999). Реакция такого рода отчасти объясняется одновременным присутствием в их мировоззрении антропоцентрических и биоцентрических позиций. В первом случае основное внимание уделяется защите благополучия человека, во втором — предполагается отношение к природе как к объекту, обладающему внутренней ценностью и целесообразностью. Работа в этом направлении будет плодотворной при рассмотрении процессов культурной адаптации, которые включают защиту окружающей среды как нравственную норму, что ведет к изменению культурного сознания и появлению новых законов. Необходимо также исследование формирования моральных концепций естественного порядка в культурных сообществах, исповедующих традиционные религиозные взгляды.

Культура, контекст и доминирование

В будущих исследованиях культуры и нравственного развития следует также приложить усилия к пониманию культуры как процесса, что связано с этнокультурными концептуальными подходами и признанием гетерогенной сущности культурных представлений (Greenfield, 1997; Miller, 1997b). В этом отношении большее внимание необходимо уделить вариациям как между культурными общностями, так и внутри них. Следует признать, что культуры существуют не только как системы общих представлений, но также включают в себя поведенческие и материальные аспекты, такие как обычаи, повседневная практика, система рассуждений и артефакты.

Подчеркивая необходимость выйти за пределы стереотипных представлений о культуре, столь же важно избежать при этом заблуждения, что идеи, ассоциируемые с культурой, и культурные практики столь неоднородны, что культура из-за собственного многообразия не может помочь в объяснении формирования нравственности. Придерживаясь такой точки зрения, приверженцы подхода с точки зрения обособленных доменов, например, пришли к выводу, что влияние культуры и влияние контекста представляют собой одно и то же явление (Turiel, 1998a; Wainryb & Turiel, 1995). Данные о том, что представители коллективистских культур интересуются вопросами, касающимися Я и автономии, а представители индивидуалистических культур озабочены вопросами социально-ролевых обязательств, эти ученые интерпретировали как контраргумент мнению о существовании кросс-культурных различий в трактовке Я и соответствующих психологических процессов. Оспаривая такие выводы, важно подчеркнуть, что факторы культуры и контекста взаимосвязаны. Следует признать, что воздействие культуры всегда связано с контекстом, так же как влияние контекста зависит от представлений о контексте, определяемых культурой (Miller, 1997a). Согласно современным представлениям, является заблуждением рассматривать социально-ролевые обязательства как свидетельства коллективизма или проявления интереса к проблемам Я

и автономии как свидетельства индивидуализма. Скорее, как подтверждают исследования, рассмотренные в этой главе вопросы, которые можно считать универсальными на относительно абстрактном уровне, обретают в условиях определенной культуры конкретную форму. Так, мы видели, например, что все культуры проявляют интерес к вопросам, связанным с обществом, в то время как конкретные нравственные принципы, связанные с обществом, представляют собой культурную переменную, так же как все культуры интересуются вопросом личного выбора, хотя значение, которое придается ему в повседневных моральных суждениях, в разных культурах является различным.

Важно также, чтобы будущие исследователи уделяли больше внимания властным отношениям. До сегодняшнего дня проводились прежде всего исследования нравственного развития общественной элиты. Почти не уделялось внимания исследованию взглядов женщин или меньшинств, имеющих ограниченные возможности, или тех, кто был потенциальной мишенью расистов или подвергался политическому угнетению иного рода. Однако, как было признано в последних трудах приверженцев теории социальных доменов (например, Turiel, 1998a, 1998b), а также сторонников постструктуралистских антропологических подходов (например, Abu-Lughod, 1993; Clifford, 1998), культурные практики часто создают инструменты доминирования, при этом группы, находящиеся в подчиненном положении, придерживаются подходов к социальным практикам, которые отличаются от подходов привилегированных групп. Например, исследования показали, что друзские женщины в Израиле в большей степени чем друзы-мужчины склонны расценивать неравенство мужчин и женщин в семье как нравственную несправедливость (Turiel & Wainryb, 1998; Wainryb & Turiel, 1994). Чрезвычайно важно, продолжая работу в этой традиции, рассмотреть более широкий круг проблем и культурных подгрупп, а также проследить формирование у ребенка понимания вопросов социальной несправедливости в рамках более широкого диапазона культурных условий.

Другой задачей исследований является более глубокая интеграция вопросов доминирования с подходом к Я, существующим в рамках определенной культуры. Вызывает озабоченность то, что порой при рассмотрении категорий, связанных с отношениями доминирования, упускается из виду точка зрения локальной культуры. Так, например, хотя интерес к правам личности существует повсеместно, данный конструкт в определенных культурных сообществах может быть не столь актуальным для семейных отношений, как в европейско-американской среде. Во многих азиатских и африканских культурах, к примеру, семейные отношения предполагают прежде всего иерархическую структуру, в рамках которой все члены семьи зависят друг от друга, при этом семья не рассматривается как объединение равноправных и автономных личностей с конкурирующими притязаниями. При оценке динамики доминирования в таких иерархически структурированных обществах, как при формулировке проблем, так и при интерпретации полученных данных, следует иметь в виду, что индивид здесь осмысливает семейные отношения в первую очередь как отношения покровителей/подчиненных, а не с точки зрения прав и свобод отдельных личностей.

Уделяя при проведении будущих исследований большее внимание тому, каким образом личность в рамках определенной культуры может бросить вызов обще-

ственному строю, необходимо учитывать мотивационные факторы, существующие в рамках культурных систем. Следует признать, что инакомыслие часто затрагивает лишь относительно поверхностные или явно выраженные аспекты культурных практик, в то время как характерные для культуры убеждения более фундаментального характера не ставятся под сомнение. Такой подход был обнаружен, например, в недавнем этнографическом исследовании практики повседневной социализации в ортодоксальной семье индуистских браминов (Much, 1997). Вопреки воле родителей и принятым в обществе культурным установкам, сын-подросток перестал на какое-то время носить Священную нить. Нарушая обязанность брамина носить этот священный символ, сын выражал свой протест по отношению к существующему в индуистской традиции мнению об обязательности такого поведения. Бунт подростка выражал его убеждение в том, что ношение Священной нити является в действительности несущественным вопросом социальной нормы, поскольку служит лишь внешним знаком принадлежности его к касте браминов. Несмотря на то что в данном случае сын поставил под сомнение авторитет родителей и общества, он остался верен более значимым обязательствам, налагаемым культурой. Вызов, который он бросил общественному строю, не ставил под сомнение определенные убеждения, свойственные правоверному индуисту — фундаментальные принципы иерархии и важность браминской идентичности.

Резюме

Подводя итог, можно сказать, что будущие исследования культуры и нравственного развития должны строиться на основе последних разработок теории культуры. Существует потребность более динамического осмысления сущности адаптации к культурным нормам и исследования новых проблем, связанных с культурными вариациями восприятия Я. Изучение культурных систем требует методик, более восприимчивых к этнокультурным подходам и к эмоциональному воздействию культурных установлений и символов, при этом, изучая нравственное развитие следует не упускать из виду отношения, связанные с доминированием.

Заключение

Как и кросс-культурные исследования в других областях психологии, исследования нравственного развития в контексте культуры продолжают считаться второстепенными, а многие исследователи традиционного направления недооценивают их важность. И все же есть признаки перемен. Пройдя этап, связанный с исследованиями в русле теорий Пиаже и Колберга, исследования нравственности, личности и культуры вступили в новую фазу и стали более восприимчивыми к экологическим факторам, а также более богатыми в теоретическом плане. Преодолевая ограниченность ряда прежних теоретических моделей, исследования в данной сфере выявляют качественные различия нравственных принципов в разных культурах, которые говорят об общности проблем, связанных со справедливостью, отношениями в обществе и духовными ориентирами. Исследователи работают также над созданием тонких функциональных подходов к культуре, принимающих во

внимание проблемы доминирования, аффекта и культурных практик. Не склоняясь ни к релятивизму в его крайних проявлениях, ни к восприятию личности как пассивно воспринимающей существующие представления, исследователи культуры и нравственного развития указывают путь для осмысления такой точки зрения на нравственность, согласно которой личность находится под влиянием связанных с культурой идей и практик и одновременно представляет собой активный фактор.

Литература

Abu-Lughod, L. (1993). *Writing women's worlds: Bedouin stories.* Berkeley: University of California Press.

Ainsworth, M. D. (1978). *Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Aronfreed, J. M. (1968). *Conduct and conscience: The socialization of internalized control over behavior.* New York: Academic Press.

Bersoff, D. M. & Miller, J. G. (1993). Culture, context, and the development of moral accountability judgments. *Developmental Psychology, 29(4)*, 664–676.

Bouhmama, D. (1984). Assessment of Kohlberg's stages of moral development in two cultures. *Journal of Moral Education, 13,* 124–132.

Bowlby, J. (1969–1980). *Attachment and loss.* New York: Basic Books.

Brown, L. M., Tappan, M. B., Gilligan, C., Miller, B. A. & Argyris, D. E. (1989). Reading for self and moral voice: A method for interpreting narratives of real-life moral conflict and choice. In M. J. Packer & R. B. Addison (Eds.), *Entering the circle: Hermeneutic investigation in psychology* (pp. 141–164). Albany: State University of New York Press.

Carter, R. E. (1980). What is Lawrence Kohlberg doing? *Journal of Moral Education, 9(2)*, 88–102.

Chodorow, N. (1978). *The reproduction of mothering: Psychoanalysis and the sociology of gender.* Berkeley: University of California Press.

Clifford, J. (1988). *The predicament of culture: Twentieth-century ethnography, literature,-and art.* Cambridge: Harvard University Press.

Colby, A. & Damon, W. (1992). *Some do care: Contemporary lives of moral commitment.* New York: Free Press.

Colby, A. & Kohlberg, L. (1987). *The measurement of moral judgment: Vol. 1. Theoretical foundations and research validation. Vol. 2. Standard issue scoring manual.* New York: Cambridge University Press.

Dien, D. S.-F. (1982). A Chinese perspective on Kohlberg's theory of moral development. *Developmental Review, 2,* 331–341.

Eckensberger, L. H. & Zimba, R. F. (1997). The development of moral judgment. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology, Vol. 2: Basic processes and human development* (2nd ed., pp. 299–338) *Handbook of cross-cultural psychology.* Boston: Allyn & Bacon.

Edwards, C. P. (1975). Societal complexity and moral development: A Kenyan study. *Ethos, 3*(4), 505–527.

Edwards, C. P. (1978). Social experience and moral judgment in East African young adults. *Journal of Genetic Psychology, 133(1)*, 19–29.

Edwards, C. P. (1987). Culture and the construction of moral values: A comparative ethnography of moral encounters in two cultural settings. In J. Kagan & S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (pp. 123–151). Chicago: University of Chicago Press.

Edwards, C. P. (1994). Cross-cultural research on Kohlberg's stages: The basis for consensus. In W. Puka (Ed.), *Moral development. A compendium. Vol. 5. New research in moral development* (pp. 373–384). New York: Garland.

Freud, S. (1930). *Civilization and its discontents.* London: Hogarth Press.

Gilligan, C. (1977). In a different voice: Women's conceptions of self and of morality. *Harvard Educational Review, 47(4)*, 481–517.

Gilligan, C. (1982). *In a different voice: Psychological theory and women's development.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gilligan, C. & Wiggins, G. (1987). The origins of morality in early childhood relationships. In J. Kagan & S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (pp. 277–305). Chicago: University of Chicago Press.

Gorsuch, R. L. & Barnes, M. L. (1973). Stages of ethical reasoning and moral norms of Carib youths. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 4*, 283–301.

Greenfield, P. M. (1997). Culture as process: Empirical methods for cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.). *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (2nd ed., pp. 301–346). Boston: Allyn & Bacon.

Haidt, J., Roller, S. H. & Bias, M. G. (1993). Affect, culture, and morality, or is it wrong to eat your dog? *Journal of Personality and Social Psychology, 65(4)*, 613–628.

Harkness, S., Edwards, C. P. & Super, C. M. (1981). Social roles and moral reasoning: A case study in a rural African community. *Developmental Psychology, 17(5)*, 595–603.

Harkness, S. & Super, C. M. (1996). *Parents cultural belief systems: Their origins, expressions, and corisequences.* New York: Guilford Press.

Harkness, S., Super, C. & Reefer, C. (1992). Learning to be an American parent: How cultural models gain directive force. In R. D'Andrade & C. Strauss (Eds.), *Human motives and cultural models* (pp. 163–178). Cambridge, England: Cambridge University Press.

Harwood, R. L., Miller, J. G. & Irizarry, N. L. (1995). *Culture and attachment: Perceptions of the child in context.* New York: Guilford Press.

Huebner, A. & Garrod, A. (1991). Moral reasoning in a Rarmic world. *Human Development, 34*, 341–352.

Huebner, A. M. & Garrod, A. C. (1993). Moral reasoning among Tibetan Monks: A study of Buddhist adolescents and young adults in Nepal. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 24(2)*, 167–185.

Jensen, L. A. (1997). Different worldviews, different morals: America's culture war divide. Human *Development, 40(6)*, 325–344.

Rahn, P. (1996). Environmental views and values of children in an inner city Black community. *Child Development*, 66(5), 1403–1417.

Kahn, P. (1998). Children's moral and ecological reasoning about the Prince William Sound oil spill. *Developmental Psychology, 33(6)*, 1091–1096.

Kahn, P. (1999). *The human relationship with nature: Development and culture.* Cambridge: MIT Press.

Keller, M., Edelstein, W., Fang, F.-X. & Fang, G. (1998). Reasoning about responsibilities and obligations in close relationships: A comparison across two cultures. *Developmental Psychology, 34(4)*, 731–741.

Kohlberg, L. (1958). *The development of modes of moral thinking and choice in the years 10 to 16.* Unpublished doctoral dissertation, University of Chicago.

Kohlberg, L. (1969). Stage and sequence: The cognitive-developmental approach to socialization. In D. A. Goslin (Ed.), *Handbook of Socialization Theory* (pp. 347–380). Chicago: Rand McNally.

Kohlberg, L. (1971). From is to ought: How to commit the naturalistic fallacy and get away with it in the study of moral development. In T. Mischel (Ed.), *Cognitive development and epistemology* (pp. 151–236). New York: Academic.

Kohlberg, L. (1981). *The philosophy of moral development: Moral stages and the idea of justice.* (Vol. 1). New York: Harper & Row.

Kohlberg, L. (1984). *The psychology of moral development: The nature and validity of moral stages (Essays on Moral Development, Vol. II)*. San Francisco: Harper & Row.

Kohlberg, L., Levine, C. & Hewer, A. (1994). Moral stages: A current formulation and a response to critics: 3. Synopses of criticisms and a reply; 4. Summary and conclusion, In W. Puka (Ed.), *Moral development. A compendium. Vol. 5. New research in moral development* (pp. 126–188). New York: Garland.

Kuhn, D. & Siegler, R. S. (Eds.). (1998). *Handbook of child psychology: Cognition, perception, and language* (Vol. 2). New York: Wiley.

Kusserow, A. S. (1999). De-homogenizing American individualism: Socializing hard and soft individualism in Manhattan and Queens. Ethos, 27(2), 210–234.

Ma, H. K. (1988). The Chinese perspective on moral judgment development. *International Journal of Psychology, 23,* 201–227.

Ma, H. K. (1989). Moral orientation and moral judgment in adolescents in Hong Kong, Mainland China, and England. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 20,* 152–177.

Ma, H. K. (1992). The moral judgment development of the Chinese people: A theoretical model. *Philosophica, 49,* 55–82.

Ma, H. K. (1997). The affective and cognitive aspects of moral development: A Chinese perspective. In H. Kao & D. Sinha (Eds.), *Asian perspectives on psychology* (pp. 93–109). Thousand Oaks, CA: Sage.

Miller, J. G. (1994). Cultural diversity in the morality of caring: Individually oriented versus duty-based interpersonal moral codes. *Cross-Cultural Research, 28(1),* 3–39.

Miller, J. G. (1997a). Agency and context in cultural psychology: Implications for moral theory. In H. Saltzstein (Ed.), *New directions for child development. No. 76. Culture as a context for moral development: New perspectives on the particular and the universal* (pp. 69— 85).). San Francisco: Jossey-Bass.

Miller, J. G. (1997b). Theoretical issues in cultural psychology, In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (2nd ed., pp. 85–128). Boston: Allyn & Bacon.

Miller, J. G. & Bersoff, D. M. (1992). Culture and moral judgment: How are conflicts between justice and interpersonal responsibilities resolved? *Journal of Personality and Social Psychology, 62(4),* 541–554.

Miller, J. G. & Bersoff, D. M. (1995). Development in the context of everyday family relationships: Culture, interpersonal morality, and adaptation. In M. Killen & D. Hart (Eds.), Cambridge *Studies in Social and Emotional Development. Morality in everyday life: Developmental perspectives* (pp. 259–282). New York: Cambridge University Press.

Miller, J. G. & Bersoff, D. M. (1998). The role of liking in perceptions of the moral responsibility to help: A cultural perspective. *Journal of Experimental Social Psychology, 34(5),* 443–469.

Miller, J. G. & Luthar, S. (1989). Issues of interpersonal responsibility and accountability: A comparison of Indians' and Americans' moral judgments. *Social Cognition, 3,* 237–261.

Much, N. C. (1997). A semiotic view of socialization, lifespan development and cultural psychology: With vignettes for the moral culture of traditional Hindu households. *Psychology and Developing Societies,* 9(1), 65–106.

Much, N. C. & Shweder, R. A. (1978). Speaking of rules: The analysis of culture in breach. *New Directions for Child Development, 2,* 19–39.

Niemczynski, A., Czyzowska, D., Pourkos, M. & Mirski, A. (1988). The Cracow study with Kohlberg's moral judgment interview: Data pertaining to the assumption of cross-cultural validity. *Polish Psychological Bulletin, 19(1),* 43–53.

Nucci, L. (1981). Conceptions of personal issues: A domain distinct from moral or societal concepts. *Child Development, 52(1),* 114–121.

Nucci, L. (1982). Children's responses to moral and social conventional transgressions in free-play settings. *Child Development, 53(5),* 1337–1342.

Nucci, L. & Lee, J. (1993). Morality and personal autonomy. In G. Noam & T. E. Wren (Eds.), *Studies in contemporary German social thought. The moral self (pp.* 123–148). Cambridge: MIT Press.

Nucci, L. & Weber, E. K. (1995). Social interactions in the home and the development of young children's conceptions of the personal. *Child Development, 66(5),* 1438–1452.

Nucci, L. P. & Nucci, M. S. (1982). Children's social interactions in the context of moral and conventional transgressions. *Child Development, 53(2),* 403–412.

Nucci, L. P. & Turiel, E. (1978). Social interactions and the development of social concepts in pre-school children. *Child Development, 49(2),* 400–407.

Okonkwo, R. (1997). Moral development and culture in Kohlberg's theory: A Nigerian (Igbo) evidence. *IFE Psychologia: An International Journal, 5(2),* 117–128.

Piaget, J. (1932). *The moral judgment of the child.* London: Routledge & Kegan Paul.

Rawls, J. (1971). *A theory of justice.* Cambridge: Harvard University Press.

Rest, J. (1979). *Development in judging moral issues.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Rest, J. (1986). *Moral development: advances in research and theory.* New York: Praeger.

Rest, J., Narvaez, D., Bebeau, M. J. & Thoma, S. J. (1999). *Postconventional moral thinking: A neo-Kohlbergian approach.* Mahwah, NJ: Erlbaum.

Shweder, R. A. (1984). Anthropology's romantic rebellion against the enlightenment, or there's more to thinking than reason and evidence. In R. A. Shweder & R. A. LeVine (Eds.), *Culture theory: Essays on mind, self, and emotion* (pp. 27–66). Cambridge: Cambridge University Press.

Shweder, R. A., Jensen, L. A. & Goldstein, W. M. (1995). Who sleeps by whom revisited: A method for extracting the moral goods implicit in practice. *Cultural practices as contexts for development* (pp. 21–39 *New Directions for Child Development,* No. 67). San Francisco: Jossey-Bass.

Shweder, R. A., Mahapatra, M. & Miller, J. (1987). Culture and moral development. In J. Kagan & S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (pp. 1–90). Chicago: University of Chicago Press.

Shweder, R. A. & Much, N. C. (1987). Determinants of meaning: Discourse and moral socialization. In W. M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.), *Moral development through social interaction* (pp. 197–244). New York: Wiley.

Shweder, R. A., Much, N. C., Mahapatra, M. & Park, L. (1997). The «big three» of morality (autonomy, community, divinity) and the «big three»explanations of suffering. In A. M. Brandt & P. Rozin (Eds.), *Morality and health* (pp. 119–169). New York: Routledge.

Simpson, E. L. (1974). Moral development research: A case study of scientific cultural bias. *Human Development, 17(2),* 81–106.

Smetana, J. G. (1981). Preschool children's conceptions of moral and social rules. *Child Development,* 52(4), 1333–1336.

Smetana, J. G. (1983). Social-cognitive development: Domain distinctions and coordinations. *Developmental Review, 3(2),* 131–147.

Smetana, J. G. & Braeges, J. L. (1990). The development of toddler's moral and conventional judgments. *Merrill-Palmer Quarterly*, 36(3), 329–346.

Snarey, J. & Keljo, K. (1991). In a Gemeinschaft voice: The cross-cultural expansion of moral development theory. In W. M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.), *Handbook of moral behavior and development: Vol. 1. Theory. Vol. 2. Research. Vol. 3. Application (pp.* 395–424). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Snarey, J. R. (1985). Cross-cultural universality of social-moral development: A critical review of Kohlbergian research. *Psychological Bulletin, 97(2)*, 202–232.

Song, M. J., Smetana, J. G. & Kim, S. Y. (1994). Korean children's conceptions of moral and conventional transgressions. In W. Puka (Ed.), *Moral development. A compendium. Vol. 5. New research in moral development* (pp. 309–314). New York: Garland.

Thomas, S. J. (1986). Estimating gender differences in the comprehension and preference of moral issues. *Developmental Review, 6,* 165–180.

Tietjen, A. M. & Walker, L. J. (1985). Moral reasoning and leadership among men in a Papua New Guinea society. *Developmental Psychology, 21(6)*, 982–992.

Turiel, E. (1980). Distinct conceptual and developmental domains: Social convention and morality. In H. E. Howe & C. B. Keasey (Eds.), *Nebraska Symposium on Motivation, 1977: Social cognitive development* (Vol. 25, pp. 77–116). Lincoln: University of Nebraska Press.

Turiel, E. (1983). *The development of social knowledge: Morality and convention.* Cambridge: Cambridge University Press.

Turiel, E. (1998a). The development of morality. In N. Eisenberg (Ed.), *Handbook of child psychology: Social, emotional, and personality development* (5th ed., Vol. 3, pp. 863–932). New York: Wiley.

Turiel, E. (1998b). Notes from the underground: Culture, conflict, and subversion. In J. Langer & M. Killen (Eds.), *The Jean Piaget symposium series. Piaget, evolution, and development* (pp. 271–296). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Turiel, E. & Wainryb, C. (1998). Concepts of freedoms and rights in a traditional, hierarchically organized society. *British Journal of Developmental Psychology, 16(3)*, 375–395.

Vasudev, J. (1994). Ahimsa, justice, and the unity of life: Postconventional morality from an Indian perspective. In M. E. Miller & S. R. Cook-Greuter (Eds.), *Transcendence and mature thought in adulthood: The further reaches of adult development* (pp. 237–255). Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Vasudev, J. & Hummel, R. C. (1987). Moral stage sequence and principled reasoning in an Indian sample. *Human Development, 30(2)*, 105–118.

Wainryb, C. (1991). Understanding differences in moral judgments: The role of informational assumptions. *Child Development, 62(4)*, 840–851.

Wainryb, C. & Turiel, E. (1994). Dominance, subordination, and concepts of personal entitlements in cultural contexts. *Child Develoment, 65(6)*, 1701–1722.

Wainryb, C. & Turiel, E. (1995). Diversity in social development: Between or within cultures? In M. Killen & D. Hart (Eds.), *Cambridge studies in social and emotional development. Morality in everyday life: Developmental perspectives* (pp. 283–313). New York: Cambridge University Press.

Walker, L. J. (1984). Sex differences in the development of moral reasoning: A critical review. *Child Development,* 55(3), 677–691.

Walker, L. J. (1991). Sex differences in moral reasoning. In W. M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.), *Handbook of moral behavior and development* (pp. 333–364). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Walker, L. J., Pitts, R. C., Hennig, K. H. & Matsuba, M. K. (1995). Reasoning about morality and real-life moral problems. In M. Killen & D. Hart (Eds.), *Cambridge studies in social and emotional development. Morality in everyday life: Developmental perspectives* (pp. 371–407). New York: Cambridge University Press.

ГЛАВА 10

Культура и эмоции

Дэвид Мацумото

Эмоции как важнейшая часть нашей жизни привлекали к себе внимание множества кросс-культурных исследований в области психологии. Рассматриваемые в данной главе доказательства универсальности мимического выражения эмоций, бесспорно, на сегодняшний день представляют собой одно из важнейших открытий в истории кросс-культурной психологии. Эмоции дают нам ключ к пониманию познания, мотивации и человека в целом и в этом качестве представляют собой богатую и разнообразную сферу кросс-культурных исследований.

В этой главе Мацумото дает общее представление о кросс-культурной работе, которая ведется в данной сфере. Начиная с рассмотрения исследований эмоций и культуры в исторической перспективе, он обращает особое внимание на актуальность и значимость данного направления в современной психологии. Действительно, данное направление заслуживает внимания, поскольку почти все современные исследования эмоций в рамках традиционной психологии берут свое начало в кросс-культурных исследованиях, доказывающих универсальность проявления эмоций.

Далее Мацумото дает краткий обзор кросс-культурных разработок различных аспектов эмоций, в том числе способов их выражения, антецедентов, оценки, субъективных переживаний, концепций эмоций и их физиологических коррелятов. Данный обзор убедительно показывает, что все аспекты, связанные с эмоциями, достаточно глубоко исследовались в условиях разных культур на протяжении последних двадцати лет, в результате чего были собраны обширные новые данные.

Основная часть обзора, представленного в этой главе, посвящена работам, связанным с распознаванием эмоций и суждениями о них в разных культурах, поскольку именно эти проблемы хорошо изучены. Мацумото подробно описывает сходства и различия эмоциональных проявлений в разных культурах, описанные в литературе по кросс-культурным исследованиям. Он, в частности, придает большое значение предпринятым в последних исследованиях попыткам не только подтвердить наличие культурных различий в оценке (интенсивности) эмоций, но и проверить различные гипотезы, касающиеся их причин; в связи с этим в данной статье приводится оценка параметров культурной изменчивости. Данные методологические изменения соответствуют эволюции теории и методов в кросс-культурной психологии, о которых говорилось во введении и в других главах. Указанная эволюция происходит по мере того, как исследования заменяют общую, абстрактную концепцию культуры четко опреде-

ленными, поддающимися оценке конструкциями, которые можно проверить с точки зрения их влияния на культурные различия.

Глава заканчивается подробным обсуждением четырех направлений будущих исследований в области культуры и эмоций. Важной составляющей данного раздела является идея интеграции или необходимости включения вопросов, связанных с контекстом, в исследования и теоретические изыскания по проблеме «культура и эмоции», а также необходимости связать процесс оценки эмоций с другими психологическими процессами. Как полагает Мацумото, многие области психологических исследований разобщены, вследствие этого мы обладаем сведениями, касающимися оценки эмоций в вакууме искусственно созданных лабораторных условий, но относительно немного знаем о том, как связаны эмоции с другими психологическими процессами реальной целостной личности. Хотя лабораторные эксперименты, без сомнения, важны, мы должны вновь собрать Шалтая-Болтая. Поскольку кросс-культурные исследования в данной области и в других областях непрерывно развиваются, включая все новые темы, методы и дисциплины, они должны сыграть главную роль в том, чтобы раздробленное академической наукой вновь обрело целостность.

Есть все основания считать эмоции одними из самых важных аспектов нашей жизни, и психологи, философы и специалисты по общественным наукам занимаются ими долгие годы. Эмоции наполняют нашу жизнь смыслом, мотивируют наше поведение и накладывают отпечаток на наше мышление и процесс познания. Эмоции — настоящее психологическое горючее для роста, развития и деятельности.

В этой главе я рассматриваю некоторые из важнейших кросс-культурных исследований, связанных с эмоциями. Я начинаю с рассмотрения изучения эмоций в связи с культурой в исторической перспективе и анализа влияния данных исследований на современную психологию. Затем я даю очень краткий обзор широкого круга кросс-культурных исследований эмоций, включая выражение эмоций, их восприятие, их переживание, то, что предшествует эмоциям (антецеденты), оценку эмоций, их физиологию, а также концепции эмоций и их дефиниции. Затем я подробно рассматриваю одно из направлений исследований — кросс-культурные исследования суждений об эмоциях, освещая то, что известно на сегодняшний день. Отталкиваясь от изложенного в этой связи, прежде чем завершить главу, я вношу четыре предложения, которые касаются будущих исследований в данной области. Моя цель — не только дать читателю возможность познакомиться с подробным обзором данного направления психологии, но и побудить ученых к более широкому видению проблем в размышлениях об этой и прочих научных сферах.

Эмоции и культура в исторической перспективе: влияние на современную психологию

Эмоции и культура привлекали не только современных психологов, они веками манили к себе философов и мыслителей. Эмоции играли важную роль в трудах Аристотеля и Сократа (Russel, 1994) и были также представлены в санскритском тексте III веке *Rasadhyaya* (Shweder & Haidt, 2000). Эмоции имели огромное

значение для многих мыслителей, оказавших влияние на современную психологию, таких как Фрейд, Дарвин, Эриксон, Пиаже, Боулби и многих других.

Истоки большинства сегодняшних исследований эмоций и культуры восходят к трудам Дарвина. Одна из причин этого — вдохновенный труд Дарвина о выражении эмоций, который дал ученым возможность оценивать эмоции объективно, выходя за пределы считающегося ненадежным базового самоотчета. Тезис Дарвина, сформулированный в его труде «Выражение эмоций у человека и животных» (The Expression of Emotion of Man and Animals, Darwin, 1872/1998), предполагает, что эмоции и способы их выражения развивались по мере развития видов и носят эволюционно-адаптивный характер, являясь биологически врожденными и универсальными для всех человекообразных и нечеловекообразных приматов. Согласно Дарвину, все люди, независимо от расовой или культурной принадлежности, выражают эмоции одними и теми же способами, в первую очередь мимикой.

Несмотря на привлекательность и значение трудов Дарвина, они заслуживают и критики. Одна из основных проблем, связанных с его идеями, состоит в том, что выдвинутым предположениям недостает неопровержимых доказательств. Многие из оригинальных идей Дарвина подкреплены лишь его собственными наблюдениями и описаниями выражения эмоций у человека и других животных. Однако, несмотря на тщательность выполнения таких описаний, они не могут служить научным доказательством дарвиновского тезиса об универсальности.

В период между написанием Дарвином своих трудов и до 1960-х годов горстка ученых пыталась закрыть эту брешь в нашем знании, проводя более упорядоченные и систематизированные исследования данной проблемы. За это время в литературе появились сведения всего лишь о семи исследованиях. Но они изобиловали методологическими ошибками и упущениями, поэтому не вызывающих сомнений данных, которые подтверждали бы предполагаемую универсальность выражения эмоций, так и не появилось (обзор приводится в работе Ekman, Friesen & Ellsworth, 1972).

Лишь в середине 1960-х годов психолог Сильван Томкинс, первопроходец в области современного изучения человеческих эмоций, объединил усилия с Экманом и Изардом (хотя и независимо от них) для проведения исследований, известных сегодня как **исследования универсальности**. Ученые рассматривали эмоции во многих культурах и пришли к выводу, что мимическое выражение эмоций имеет общекультурный характер (см. Ekman, 1973; C. Izard, 1971). Данные этих исследований, по общему мнению, свидетельствовали о существовании шести универсальных выражений лица — гнев, отвращение, страх, счастье, печаль и удивление.

Исследования выражения эмоций в культурах, обладающих письменностью, проведенные Экманом и Изардом, были не единственным аргументом в пользу универсальности эмоций. Экман и его коллега Фризен провели также исследование, которое показало, что суждения представителей дописьменных культур о выражении эмоций также подтверждают идею универсальности (см. Ekman, 1973). Они показали, что выражения, которые представляют собой спонтанную реакцию на фильмы, вызывающие разного рода эмоции, являются универсальными (Ekman, 1972). Кроме того, другие ученые показали, что одни и те же выражения имеют место у нечеловекообразных приматов и людей, которые слепы от рождения

(Charlesworth & Kreutzer, 1973; Ekman, 1973), и соответствуют сходной систематике эмоций в разных языках во всем мире (Romney, Boyd, Moore & Rusch, 1997). С момента проведения первых исследований универсальности в конце 1960-х годов было проведено множество исследований, которые повторили выводы об универсальном характере выражения эмоций (см. далее и в работе Ekman, 1982). Таким образом, универсальная основа выражения эмоций больше не подвергается сомнениям в современной психологии и рассматривается как панкультурный аспект психологического функционирования.

Тем не менее нам известно, что люди могут видоизменять выражение эмоций в соответствии с **культурными нормами проявления эмоций** (Ekman, 1972; Ekman & Friesen, 1969; Friesen, 1972). Они представляют собой усваиваемые в детстве нормы, предписывающие характер проявления универсальных эмоций при определенных обстоятельствах. Существование таких норм было эмпирически доказано Экманом и Фризеном в исследовании с участием американских и японских испытуемых (Ekman, 1972), которым показывали фильмы, вызывающие сильные эмоции. Кино смотрели в одиночестве и в присутствии экспериментатора. Находясь в одиночестве, и японские, и американские испытуемые демонстрировали одни и те же проявления отвращения, гнева, страха и печали. Однако когда они смотрели фильмы в присутствии экспериментатора, различия были поразительными. В то время как американцы чаще всего продолжали проявлять те же отрицательные эмоции, многие японцы неизменно улыбались, чтобы скрыть отрицательные эмоции. Экман и Фризен пришли к выводу, что в японской культуре действуют нормы проявления эмоций, которые препятствуют свободному проявлению отрицательных эмоций в присутствии других людей. Сегодня как универсальность проявления эмоций, так и существование культурных норм проявления эмоций признано традиционной психологией (о нормах проявления эмоций см. также Fridlund, 1997).

Открытие универсальности выражения эмоций оказало огромное влияние на современную психологию, поскольку выражение эмоций служит объективным и достоверным сигналом наличия эмоций. Отталкиваясь от универсального характера выражения эмоций, и Экман, и Изард разработали методы надежной и достоверной оценки мимики. Так, разработанная Экманом и Фризеном Система кодирования мимики (*Facial Action Coding System*) получила широкое признание, как один из самых подробно разработанных инструментов анализа мимики. Он включает идентификацию изменений выражения лица, связанных с движением более чем 40 анатомических единиц, функционально независимых друг от друга. Используя данный инструмент, исследователи могут кодировать лицевые мускулы, с движением которых связано определенное выражение лица, стадии проявления эмоции (начало, кульминация, спад), интенсивность и латеральность.

Разработка методик, подобных Системе кодирования мимики, и теоретические подтверждения универсальности эмоций привели в течение последних 30 лет к появлению множества новых исследований, теорий и методов практической работы в психологии. Представления об универсальном характере эмоций и методики оценки мимики внесли огромный вклад в исследование всех направлений психологии, в особенности это касается социальной психологии, психологии личности

и возрастной психологии. Исследователи, которые использовали мимическое выражение эмоций в качестве маркеров, обращались к остававшимся долгие годы открытыми вопросам, касающимся роли и функций физиологии в эмоциональных проявлениях; теперь мы знаем, что любая из эмоций универсального характера связана с особой уникальной физиологической реакцией (Ekman, Levenson & Friesen, 1983). Исследования, касающиеся мимики и эмоций, также внесли существенный вклад во многие направления психологии, находя применения в клинической, судебной и инженерной психологии, а также в психологии организации производства. Все большее количество университетов предлагает программы, специализирующиеся на изучении эмоций, и растет количество субсидий на профессиональную подготовку исследователей, обладающих докторской степенью и без нее, которые будут заниматься дальнейшими разработками в данной сфере. Все это стало возможным благодаря вкладу в науку кросс-культурных исследований выражения эмоций.

Диапазон кросс-культурного исследования эмоций

Первые исследования универсальности не только оказали заметное влияние на современную психологию традиционного направления, но также послужили отправной точкой для дальнейшей работы по изучению связи между культурой и эмоциями. Как отмечалось выше, после Экмана и Изарда многие занимались распознаванием эмоций по мимике в различных культурах, подтверждая данные об универсальности проявления эмоций. Знакомясь с перечнем проведенных в этом направлении исследований и со сделанными выводами, можно найти достаточное количество свидетельств универсальности выражения шести основных эмоций, первоначально выявленных Экманом и Изардом (табл. 10.1).

Другие аспекты эмоций также привлекали к себе самое пристальное внимание. Так, множество относительно недавних кросс-культурных исследований посвящено изучению культурных различий в выражении эмоций и культурных норм проявления эмоций. Ваксер (Waxer, 1985), например, исследовал культурные различия между американцами и канадцами при спонтанном выражении эмоций участниками телевизионного игрового шоу и пришел к выводу, что американцы более экспрессивны, несмотря на отсутствие других отличий в поведении. Мацумото и его коллеги исследовали различия в культурных нормах проявления эмоций между Японией и США (Matsumoto, 1990) и между США, Польшей и Венгрией (Biehl, Matsumoto & Kasri, *в печати*), предполагая, что нормы проявления эмоций различаются в соответствии с особенностями индивидуалистического или коллективистского подхода к отношениям личности с членами и с не членами группы. Мацумото (Matsumoto, 1993) исследовал также различия в культурных нормах проявления эмоций в четырех этнических группах в США.

Более современные исследования выходят за рамки простого документирования культурных различий, выявляя степень, в которой такие культурные параметры, как индивидуализм и коллективизм (ИК), влияют на существующие между США, Японией, Кореей и Россией различия в нормах проявления эмоций. Другое исследование подтверждает наличие кросс-культурных различий в выражении эмоций в пяти европейских странах (Edelmann et al., 1987).

Таблица 10.1

Современные кросс-культурные исследования, касающиеся распознавания эмоций по мимике универсального характера

Источник	Представляемая экспертами культура	Стимулы	Постановка задачи	Основные выводы
Biehl et al., 1997	Венгры, поляки, японцы, жители Суматры, американцы и вьетнамцы	56 выражений лица из работы Мацумото и Экмана (Matsumoto, Ekman, 1988)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Все выражения лица были отнесены экспертами к предназначенным для них эмоциональным категориям, при уровне показателей, значительно превышавшем случайное совпадение
Bormann-Kishkel, Hildebrandt-Pascher, Stegbauer, 1990	Немцы, дети в возрасте 4, 5 и 6 лет и взрослые	7 фотографий из работы Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976) и 2 фотографии из Баллока и Рассела (Bullock, Russell, 1984)	Приведение в соответствие с эмоциональной категорией	Четырехлетние дети правильно идентифицировали 6 эмоций при уровне показателей, превышавшем случайное совпадение; пятилетние правильно идентифицировали 7 эмоций при уровне показателей, превышавшем случайное совпадение; шестилетние дети и студенты университетов правильно определили все эмоции, включенные в тест
Boucher, Carlson, 1980	Американцы и малайцы	25 фотографий американцев, соответствующих критериям Экмана, и 42 фотографии малайцев, соответствующих подобным критериям	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Для всех фотографий эксперты определили предназначенные для них эмоциональные категории при уровне показателей, значительно превышающем случайное совпадение
Chan, 1985	Китайцы из Гонконга	9 фотографий из Изарда (Izard, 1977)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Эксперты выбрали соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение, для всех 6 универсальных эмоций, а также заинтересованности и стыда
Ducci, Arcuri, W/Georgies, and Sineshaw, 1982	Эфиопы, ученики старших классов	28 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	Принудительный выбор эмоциональных категорий (семь)	Эксперты выбрали соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение, для всех 6 универсальных эмоций

Ekman et al., 1987	Студенты из Эстонии, Германии, Греции, Гонконга, Италии, Японии, Шотландии, Суматры, Турции и Соединенных Штатов	18 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	Принудительный выбор эмоциональных категорий и многофакторный рейтинг эмоциональных категорий	Все эксперты определили соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение, и присвоили соответствующим эмоциональным категориям самый высокий рейтинг по шкале интенсивности
Haidt, Keltner, 1999	Американцы и жители Ост-Индии	Универсальные эмоции на основе критериев Экмана и другие выражения [эмоций]	Нерегламентированные ответы и принудительный выбор эмоциональных категорий	Для всех выражений универсального характера, за исключением презрения по оценке американцев, эксперты выбрали соответствующие эмоциональные категории на уровне, превышающем случайное совпадение; данные, полученные в условиях нерегламентированных ответов, имеют сходный характер
Kirouac, Dore, 1982	Франкоговорящие жители Квебека	110 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Для всех универсальных эмоций эксперты определили соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение
Kirouac, Dore, 1983	Франкоговорящие студенты из Квебека	96 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Для всех выражений эксперты определили соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение, для всех эмоций
Kirouac, Dore, 1985	Франкоговорящие жители Квебека	96 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Для всех выражений эксперты определили соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение, для всех эмоций

Источник	Представляемая экспертами культура	Стимулы	Постановка задачи	Основные выводы
Leung, Singh, 1998	Китайские дети из Гонконга	24 фотографии из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1975)	Приведение в соответствие с рассказами, касающимися эмоций	Процент совпадений выбора экспертов с соответствующим типом эмоций в рассказах значительно превышал уровень случайных совпадений для всех 6 эмоций, включенных в тест
McAndrew, 1986	Американцы и малайцы	30 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1975), представленных при помощи тахистоскопа в процессе 10 предъявлений	Принудительный выбор в рамках 6 эмоциональных категорий	За 800 миллисекунд все эксперты правильно определили соответствующую эмоциональную категорию на уровне, значительно превышавшем случайное совпадение
Mandal, Saha, Palchoudhury, 1986	Индийцы	Фотографии из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	Принудительный выбор эмоциональных категорий в ходе этапа 1, многофакторный рейтинг эмоциональных категорий в ходе этапа 2	Для всех 6 универсальных эмоций процент правильного определения экспертами соответствующей эмоциональной категории (этап 1) или присвоения соответствующим эмоциям самого высокого рейтинга по шкале интенсивности (этап 2) значительно превышал уровень случайного совпадения
Markham, Wang, 1996	Дети из Китая и Австралии	18 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976) и 18 изображений китайцев, подготовленных Вангом и Менгом (Wang, Meng, 1986)	Задание на различение ситуаций и задание, требующее сделать выводы на основе ситуации	Дети, принадлежащие к обеим культурам, опознали 6 универсальных эмоций на уровне, превышавшем случайное совпадение
Matsumoto, 1990	Американцы и японцы	14 изображений из Мацумото и Экмана (Matsumoto, Ekman, 1988)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Эксперты определили соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение
Matsumoto, 1992a	Американцы и японцы	56 изображений из Мацумото и Экмана (Matsumoto, Ekman, 1988)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Эксперты определили соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение

Matsumoto, Assar, 1992	Американцы и индийцы	56 изображений из Мацумото и Экмана (Matsumoto, Ekman, 1988)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Эксперты определили соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение
Matsumoto, Ekman, 1989	Американцы и японцы	56 изображений из Мацумото и Экмана (Matsumoto, Ekman, 1988)	Многофакторный рейтинг эмоциональных категорий	Эксперты присвоили самый высокий рейтинг по шкале интенсивности соответствующим эмоциональным категориям для всех эмоций кроме одной
Matsumoto, Kasri et al., 1999	Американцы и японцы	56 изображений из Мацумото и Экмана (Matsumoto, Ekman, 1988)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Эксперты определили соответствующие эмоциональные категории на уровне, значительно превышающем случайное совпадение
Mazurski, Bond, 1983, Experiment 2	Австралийцы	110 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	Эксперты определили соответствующие эмоциональные категории для всех универсальных эмоций на уровне, значительно превышающем случайное совпадение
Mehta, Ward, Strongman, 1992	Представители маори и пакеха	Изображения маори и пакеха, выражающих 7 эмоций и отсутствие эмоций (кодированные по Системе кодирования мимики Экмана и Фризена)	Принудительный выбор из 11 эмоциональных категорий	Все эмоции, как и выражение, соответствующее отсутствию эмоций, были опознаны точно на уровне, превышающем случайное совпадение
Russell, Suzuki, Ishida, 1993	Канадцы, греки и японцы	7 слайдов из Мацумото и Экмана (Matsumoto, Ekman, 1988)	Нерегламентированные эмоциональные категории	Для всех эмоций, кроме презрения, доля правильных определений экспертами соответствующей эмоциональной категории значительно превысила уровень случайного совпадения
Toner, Gates, 1985	Австралийцы	110 слайдов из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	6 эмоциональных категорий и отсутствие эмоций	В целом эксперты выбрали соответствующие эмоциональные категории, при уровне правильных ответов, значительно превышавшем случайное совпадение для всех эмоций

Источник	Представляемая экспертами культура	Стимулы	Постановка задачи	Основные выводы
Wallbott, 1991	Немцы	28 слайдов из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976)	Рейтинг 7 эмоциональных категорий	При определении экспертами рейтинга соответствующей эмоциональной категории по шкале интенсивности уровень правильных ответов значительно превысил случайное совпадение по всем 7 эмоциям, включенным в тест
Wolfgang, Cohen, 1988	Жители Южной и Центральной Америки, канадцы, израильтяне и эфиопы	Тест межрасовой мимики по Вольфгангу (разработан в соответствии с критериями Экмана и Фризена)	Принудительный выбор эмоциональных категорий	В целом эксперты из всех групп выбрали соответствующую эмоциональную категорию для всех эмоций при количестве правильных ответов, значительно превысившем уровень случайных совпадений
Yik, Meng, Russell, 1998	Англо-говорящие канадцы, говорящие на кантонском диалекте китайцы из Гонконга и японцы, говорящие по-японски	13 фотографий выражений лица младенцев	Свободное формирование эмоциональных категорий	Эксперты из всех групп правильно определили только 1 эмоциональную категорию из 6 для фотографий, запечатлевших выражение счастья
Yik, Russell, 1999	Англо-говорящие канадцы, говорящие на кантонском диалекте китайцы из Гонконга и японцы, говорящие по-японски	6 фотографий из Экмана и Фризена (Ekman, Friesen, 1976), 1 фотография из Мацумото и Экмана (Matsumoto, Ekman, 1988)	10 позиций, определяющих эмоциональные категории	Эксперты, представлявшие три группы, правильно определили соответствующую эмоциональную категорию при уровне правильных ответов, значительно превысившем уровень случайного совпадения

Примечание. При отборе исследований для включения в данный перечень учитывались следующие критерии: 1) в исследовании должно было использоваться предъявление неискаженного изображения лица анфас, выражающего определенные эмоции, с использованием стимулов, родственных стимулам Экмана и Фризена или Изарда, или других стимулов при условии предварительной методологической проверки адекватности выражений соответствующим эмоциям; 2) исследование должно было включать данные хотя бы по одной выборке испытуемых за пределами США; исследования этнических различий внутри страны не учитывались; 3) исследование должно было включать данные о сравнении полученных показателей с уровнем случайных совпадений; 4) эксперты не страдают умственной неполноценностью.

Множество исследований, проведенных за последнее десятилетие, посвящено выявлению факторов, предшествующих появлению эмоций в разных культурах. И прежде всего можно назвать широкомасштабное исследование, проведенное Шерером и его коллегами. Более 3000 испытуемых из 37 стран описывали ситуации или события, в ходе которых они пережили каждую из универсальных эмоций (Scherer & Wallbott, 1994; Scherer, Wallbott & Summerfield, 1983). Специально обученные эксперты кодировали ситуации, описанные испытуемыми в соответствии с общими категориями, такими как хорошие и плохие новости, временная и постоянная разлука, успех или неудача в ситуациях, предполагающих достижение цели, и т. п. Введения особых категорий для факторов, вызывающих эмоции, не потребовалось. Это показывает, что все категории событий происходят повсеместно, вызывая исследуемые эмоции. Эти и другие исследования (например, Boucher & Brandt, 1981; Brandt & Boucher, 1985; Buunk & Hupka, 1987; Galati & Sciaky, 1995; R. L. Levy, 1973) свидетельствуют о значительном кросс-культурном подобии факторов, вызывающих эмоции. Разумеется, исследования говорят и о различиях в функционировании разных категорий факторов, вызывающих эмоции (Scherer, Matsumoto, Wallbott & Kudoh, 1998; см. также обзор Mesquita & Frijda, 1992).

С проблемой факторов, вызывающих эмоции, тесно связана тема оценки эмоций. Большое количество исследований посвящено выявлению черт культурного сходства и различий в связи с этим аспектом. Наверное, самое крупное кросс-культурное исследование методов оценки эмоций было проведено Шерером и коллегами. Отчет о нем содержится в работах Шерера (Scherer, 1997a, 1997b). Описав ситуации, в которых они испытали одну из семи эмоций, респонденты отвечали затем на ряд вопросов, построенных таким образом, чтобы выявить их оценку данных событий, в том числе на вопросы, касающиеся предвкушения чего-то нового, приятных внутренних ощущений, целесообразности, справедливости, возможности справиться с задачей, норм и идеального образа самого себя. Два исследования, рассказывающих об анализе этих данных (Scherer, 1997a, 1997b), показали, что, несмотря на существование различий как между эмоциями, так и между странами, различия между странами оказались куда менее значительными. То есть в подходах к оценке эмоций было обнаружено гораздо больше черт культурного сходства, чем различий. Культурное сходство в подходах к оценке эмоций отмечалось многими авторами (Roseman, Dhawan, Rettek, Nadidu & Thapa, 1995; Mauro, Sato & Tucker, 1992). Во всех этих исследованиях отмечались также культурные различия; Роузмен и соавторы (Roseman et al., 1995) к тому же полагают, что черты культурного сходства имеют место в отношении более «примитивных» параметров оценки, тогда как культурные различия имеют место в отношении более «сложных» параметров.

В широкомасштабном исследовании, проведенном Шерером и другими учеными, всесторонне рассмотрено влияние культурных факторов на субъективный эмоциональный опыт (Scherer & Wallbott, 1994; Scherer et al., 1983). В процессе исследования испытуемые методом самоотчета предоставляли данные, касающиеся субъективных моментов эмоциональных состояний (например, интенсивности, продолжительности и т. д.), физиологических симптомов и поведенческих реакций (например, невербальное поведение, манера говорить и т. д.). Несмотря на существование культурных различий, между отдельными эмоциями различия были

гораздо более ощутимыми, чем различия между культурами; то есть эмоции, по-видимому, обладают более или менее универсальной опытной базой в разных культурах (см. обзоры в работах Scherer & Wallbott, 1994; Wallbott & Scherer, 1986). Многие исследователи, правда, придерживаются более «практического» подхода к описанию эмоционального опыта, полагая, что эмоции представляют собой комплекс «принятых в обществе сценариев поведения», состоящий из физиологических, поведенческих и субъективных компонентов, формирующихся в процессе адаптации к культурным нормам (Kitayama & Markus, 1994, 1995; Markus & Kitayama, 1991; Shweder, 1993; Wierzbicka, 1994). Такой подход противоречит представлениям об универсальности опытной базы, так как эмоции в соответствии с ним должны носить специфический характер, поскольку специфичностью обладает любая культура. Тем не менее я полагаю, что эти подходы не являются взаимоисключающими.

Вопросу о культурном сходстве и различии в самом понятии «эмоции» также уделяется значительное место в литературе. Так, многие авторы полагают, что концепции и определения эмоций в разных культурах существенно отличаются, а в некоторых культурах нет и понятия эмоций в том смысле, как понимают его американцы, говорящие по-английски (R. I. Levy, 1973, 1983; Lutz, 1983; Russell, 1991a). Кроме того, культуры явным образом различаются характеристиками эмоциональных состояний, а также лексикой, которая используется при описании и категоризации эмоций, локализацией эмоций и значением эмоций для человека, межличностных отношений и поведения (см. обзор в работе Russell, 1991b). Хотя перечисленные соображения используются в качестве довода против концепции универсальности выражения эмоций, я не верю, что данные положения исключают друг друга. Универсальность, которая касается ограниченного количества способов выражения эмоций и лежащих в их основе эмоциональных состояний, может сочетаться с существенными культурными различиями, связанными с лингвистическим кодированием эмоций в разных культурах.

Последняя, относительно новая, но не менее важная область кросс-культурных исследований эмоций связана с влиянием культуры на психологию человека в процессе эмоциональной реакции. Особенности физиологической реакции, связанной с эмоцией, представляют собой тему, которая широко обсуждалась в психологии на протяжении десятков лет, причем в процессе этого обсуждения высказывались диаметрально противоположные мнения. С одной стороны, высказывалось предположение, что физиологическая реакция вообще не является неотъемлемой частью эмоций (Mandler, 1984), а с другой — что каждая эмоция связана с определенной характерной физиологической реакцией (James, 1890). Используя универсальные выражения лица как маркеры, Экман и коллеги (Ekman et al., 1983) впервые обнаружили систематическое подтверждение особой автономной реакции для каждой из шести эмоций при обследовании выборки американских испытуемых. Левенсон и его коллеги расширили эти данные, включив в исследование представителей других групп, среди которых были американцы китайского происхождения и минангкабау с Суматры (Levenson, Ekman, Heider & Friesen, 1992; Tsai & Levenson, 1997). Будущие исследования предвещают дальнейшее движение вперед в этом направлении за счет изучения особенностей деятельности центральной нервной системы.

Как явствует из этого весьма краткого обзора, кросс-культурные исследования эмоций охватили широкий круг тем и обогатили литературу по данному аспекту функционирования человека важными сведениями. Следующий раздел я посвящаю более подробному обзору кросс-культурных исследований, связанных с распознаванием и оценкой эмоциональных выражений, поскольку есть основания полагать, что это наиболее изученная сфера, касающаяся связи культуры и эмоций, в которой за последние 20 лет было собрано немало новых интересных данных.

Распознавание и оценка эмоций в разных культурах

В рамках этого направления существует широкий спектр исследований, которые значительно отличаются друг от друга характером стимулов, используемых в качестве основания суждений об эмоциях. Во многих работах, например, изучалось распознавание эмоций по голосу и голосовым сигналам (Albas, McCluskey & Albas, 1976; Beier & Zautra, 1972; Guidetti, 1991; Hatta & Nachshon, 1988; Matsumoto & Kishimoto, 1983; McCluskey & Albas, 1981; McCluskey, Albas, Niemi, Cuevas & Ferrer, 1975; Van Bezooijen, Otto & Heenan, 1983). В целом, данные исследования показали, что эмоции в значительной мере могут быть опознаны по голосовым сигналам и характеристикам, хотя часто трудно различить отдельные конкретные эмоциональные состояния по голосу. Небольшая часть исследований также была посвящена изучению культурных различий в суждениях о различных позах (Kudoh & Matsumoto, 1985; Matsumoto & Kudoh, 1987; Sogon & Masutani, 1989); эти исследования показали, что эмоциональные состояния могут в некоторой степени определяться по позе, хотя различение более тонких параметров, чем удовольствие–отвращение или приближение–избегание, представляется достаточно проблематичным.

Подавляющее количество исследований в данном направлении связано с использованием в качестве стимулов выражения эмоций посредством мимики. Учитывая первые данные об универсальности выражения эмоций посредством мимики и обилие данных, представленных в табл. 10.1, подтвердивших первоначальные сведения, кажется вполне закономерным, что кросс-культурные исследования распознавания эмоций продолжают в первую очередь заниматься мимикой. Выражение лица имеет массу преимуществ перед другими средствами передачи эмоций. Во-первых, годы исследований создали более чем достаточную базу для проведения новых исследований и дальнейшего сбора данных. Во-вторых, представление об универсальности обеспечивает как теоретиков, так и экспериментаторов концептуальной базой, на основе которой возможно осмысление черт культурного сходства и различия, проявляющихся в выражениях лица. В-третьих, лицо может выражать отдельные эмоциональные состояния, давая конкретную информацию о человеке, которая может изучаться как с точки зрения мотивации, так и с точки зрения коммуникации. В-четвертых, разработки, подобные Системе кодирования мимики Экмана и Фризена (Ekman & Friesen, 1978), описанной выше, показали, что лицо — это одна из самых сложных сигнальных систем и поэтому представляет собой богатый материал для исследования.

В оставшейся части главы я рассматриваю крупнейшие открытия в сфере, связанной с культурой и оценкой эмоций на основании мимики, рассказывая о пер-

вых исследованиях, которые показывают, в чем разные страны и культуры близки друг другу и чем они отличаются друг от друга в оценке эмоций. В совокупности все это позволяет нам глубже понять биологические и связанные с окружающей средой процессы, которые лежат в основе мимики и эмоций. Затем я останавливаюсь на значении этих открытий для дальнейшей экспериментальной и теоретической работы по изучению эмоций и поиска новых идей для уникальных и новаторских исследований в будущем.

Черты культурного сходства в выражении эмоций

Дополнительные выражения универсального характера

Хотя выше я говорил об универсальности выражения шести эмоций, речь идет только о тех, которые были признаны универсальными как Экманом, так и Изардом. В действительности же Изард полагал (Izard, 1971, 1978), что выражение ряда других эмоций также носит универсальный характер, в том числе выражение заинтересованности—возбуждения и стыда—унижения. Существует, однако, некоторое расхождение во взглядах, действительно ли данные состояния выражаются только мимикой или определяются по направлению взгляда и положению головы. Практически же исследования, упомянутые в табл. 10.1, недвусмысленно свидетельствуют об универсальности выражения не только шести перечисленных выше эмоций.

Последние десять лет во многих исследованиях говорилось о существовании универсального выражения лица, соответствующего седьмой эмоции — презрению. Первичные данные по 10 странам, включая Западную Суматру (Ekman & Friesen, 1986; Ekman & Heider, 1988), были воспроизведены позднее Мацумото (Matsumoto, 1992b) на базе 4 стран, 3 из которых не входили в 10, изучавшихся Экманом и Фризеном. Данное открытие не только привлекло к себе внимание, но и подверглось критике (C. E. Izard & Haynes, 1988; Russell, 1991a, 1991c). Рассел (Russell, 1991a, 1991c), например, полагает, что на полученные результаты оказывала влияние ситуация, в которой предъявлялось данное выражение. В его исследовании выражение презрения чаще определялось или как отвращение, или как печаль, если его предъявляли отдельно или после демонстрации выражений, соответствующих отвращению или печали (Russell, 1991a). Однако когда Экман, О'Салливан и Мацумото (Ekman, O'Sullivan & Matsumoto, 1991a, 1991b) перепроверили эти данные, они не обнаружили влияния контекста. Биль и соавторы (Biehl et al., 1997) тоже проверили эти данные и не обнаружили влияния каких-либо сопутствующих факторов методологического характера. Розенберг и Экман (Rosenberg & Ekman, 1995) высказали предположение, что люди понимают эмоциональные коннотации данного выражения, даже если не могут сразу найти для него определение.

Недавнее исследование Хайдта и Келтнера (Haidt & Keltner, 1999) свидетельствует о возможном существовании универсального выражения смущения. Эти исследователи предъявили американским и индийским испытуемым такое выражение, при котором имели место улыбка, сжатые губы, пристальный взгляд, движение головы вниз и прикосновение к лицу. Эксперты давали нерегламентированные ответы и определяли эмоциональные категории по методу принудительного

выбора. Оба метода позволили получить результаты, свидетельствующие о единстве мнений представителей обеих культур, причем показатели значительно превысили уровень случайного совпадения и были сравнимы с данными, полученными для других универсальных эмоций.

Рейтинг относительной интенсивности

Сравнивая выражения эмоций, люди из разных стран приходят к единому мнению о том, какое из выражений свидетельствует о более сильных эмоциях. Экман и соавторы (Ekman et al., 1987) сравнили рейтинг интенсивности при предъявлении пар выражений, соответствующих одной и той же эмоции, в 10 странах и обнаружили, что в 92% случаев жители 10 стран приходили к единому выводу о том, какое из выражений соответствует более интенсивной эмоции. Мацумото и Экман (Matsumoto & Ekman, 1989) продолжили сбор данных такого рода, включив сравнения разного рода поз, которые демонстрировались белыми и японцами. Американцы и японцы рассматривали каждую эмоцию отдельно в рамках одной страны у людей разного пола и в рамках одного пола по разным странам. Японцы и американцы в 80% случаев пришли к единому мнению о том, какая из фотографий соответствует более интенсивной эмоции. Эти данные говорят о том, что оценка эмоций в разных культурах производится на единой основе, несмотря на различия в физиогномике, анатомических особенностях, расовой и половой принадлежности и культурных нормах, регламентирующих выражение эмоций и восприятие мимики.

Связь между выражением и переживанием эмоций

Существует устойчивая позитивная связь между тем, насколько интенсивным является выражение эмоции, по мнению эксперта, и в какой мере эксперт верит, что тот, кто демонстрирует данное выражение, испытывает соответствующие ощущения. Мацумото, Касри и Кукен (Matsumoto, Kasri & Kooken, 1999) предъявили японцам и американцам 56 выражений эмоций, которые демонстрировали японцы и белые. Испытуемые высказали мнение о том, какая эмоция испытывалась, а также об интенсивности как внешнего выражения эмоции, так и ее внутреннего переживания. Корреляция между двумя рейтингами интенсивности рассчитывалась дважды, первый раз для разных испытуемых отдельно по каждому выражению, а второй раз для одного испытуемого по всем выражениям. Корреляция и первого и второго типа была высокой и позитивной для обеих стран и для всех выражений, что говорит об общности этой связи для разных культур. Эта связь является очень важным моментом для современных теоретических разработок, связанных с эмоциями. Некоторые авторы считают утверждение о наличии связи между выражением эмоций и их переживанием необоснованным (Fernandez-Dols & Ruiz Belda, 1997; Russell, 1997). Однако другие приводят доводы в пользу того, что выражение эмоций и их переживание тесно связаны друг с другом, хотя эта связь присутствует не всегда (Rosenberg & Ekman, 1994; см. также обзор литературы, касающейся гипотезы о мимической обратной связи в работе Matsumoto, 1987; Winton, 1986). Данные, представленные в работе Мацумото, Касри и соавторов (Matsumoto, Kasri et al., 1999), подтверждают существование этой связи.

Распознавание вторичных эмоций

Люди из разных стран приходят к единому мнению в отношении эмоций вторичного характера, которые представляет определенное выражение. Наблюдатели, принимавшие участие в исследовании, которое в 1987 году проводилось Экманом совместно с другими учеными, высказывали мнение не только о том, какая эмоция представлена соответствующим выражением лица, но также об интенсивности каждой из семи эмоциональных категорий. Задание было сформулировано таким образом, чтобы наблюдатель мог выявить наличие разных эмоций или отсутствие эмоций без принуждения к выбору определенной эмоциональной категории. В то время как предыдущие исследования показали универсальность в рамках основного метода получения ответов, страны могли различаться в отношении преобладающих эмоций. Анализ подтвердил единство мнений представителей разных стран. Жители всех стран в исследовании, проведенном Экманом и коллегами в 1987 году, определили вторичную эмоцию для выражений отвращения, как презрение, а для выражений страха как удивление. Для гнева ответы варьировались в зависимости от предъявляемых фотографий и включали отвращение, удивление и презрение. Мацумото и Экман (Matsumoto & Ekman, 1989) и Биль с соавторами (Biehl et al.,1997) повторно получили подобные данные, что позволяет сделать вывод о панкультурном единодушии в истолковании неоднозначной мимики универсального характера. Такое единодушие может объясняться совпадением семантики эмоциональных категорий, факторов, вызывающих эмоции, или общего строения человеческих лиц.

Представления об экспрессивности

Люди из разных стран имеют одинаковые стереотипы в отношении экспрессивности в других странах (Pittam, Gallois, Iwawaki & Kroonenberg, 1995). В исследовании, проведенном Питтамом и его коллегами, австралийцы и японцы заполняли опросник, касающийся общего уровня экспрессивности австралийцев и японцев. У испытуемых из обеих стран японцы получили оценку менее экспрессивных по сравнению с австралийцами. Таким образом представители разных стран считают, что существуют различия в интенсивности выражения эмоций и единодушны во мнении о том, кто является более или менее экспрессивным. Исследование Ваксера (Waxer, 1985), о котором упоминалось выше, также говорит об этом.

Культурные различия в распознавании эмоций

Распознавание эмоций

Хотя первые исследования универсальности показали, что испытуемые опознают эмоции на уровне, значительно превышающем случайное совпадение, ни одно из исследований не говорит о полном межнациональном единодушии. Мацумото (Matsumoto, 1992a) провел тестирование определения японцами и американцами эмоциональных категорий и обнаружил, что уровень распознавания колебался от 64 до 99 %. Американцы более успешно, чем японцы, опознавали гнев, отвращение, страх и печаль, но уровень точности распознавания счастья и удивления был одинаковым. Эти различия согласуются с данными первых исследований универсальности. Фактически же, многие из исследований, включенных в табл. 10.1, свиде-

тельствуя о том, что уровень распознавания значительно превышал случайное совпадение, в то же время говорят и о наличии статистически значимых различий в абсолютном уровне согласия в разных культурах. Таким образом, несмотря на то что выражение универсальных эмоций опознается на уровне, значительно превышающем случайное совпадение, и при распознавании уровень единства мнений представителей разных культур весьма высок, культуры отличаются друг от друга по абсолютному уровню согласия.

Некоторые авторы используют наличие кросс-культурных различий при распознавании эмоций как довод против универсальности, критикуя методологию оценки эмоций (Russell, 1991b, 1994, 1995), интерпретацию результатов (Russell, 1994) и использование специфических для конкретного языка терминов для обозначения выражения эмоций при помощи мимики (Wierzbicka, 1995). Рассел, например, сделал несколько критических замечаний, касающихся используемых методов, в том числе характера стимулов и их предъявления, а также формата реакций. Он повторно проанализировал данные, связанные с оценкой, по многим исследованиям, сгруппировав исследования по методу и учитывая различия западной/незападной ориентации, чтобы доказать, что использованные методы могли привести к отклонениям в реакциях в пользу западных культур.

Вежбицкая (Wierzbicka, 1995) предположила, что эмоции нельзя определять при помощи шести (или семи) соответствующих терминов, поскольку эти термины обладают определенной языковой специфичностью. В качестве альтернативы она предлагает говорить на универсальном языке «семантических примитивов». Например, она считает, что, когда человек опознает улыбку счастья, он трактует данное выражение примерно так: «Я думаю, что происходит что-то хорошее. От этого у меня возникает приятное ощущение». Ее точку зрения можно определить следующим образом: возможно, мимические выражения эмоций действительно универсальны, но методам, которые использовались для их изучения, в том числе терминологии, при помощи которой были сформулированы варианты ответов, свойственна культурная ограниченность. Терминология формируется в рамках культуры и, следовательно, может не иметь универсального характера.

К этим проблемам обращались многие авторы. Так, Экман (Ekman, 1994b) и С. Е. Изард (С. Е. Izard, 1994) отмечали, что Рассел в своей статье (Russell, 1994) уделяет внимание тем исследованиям, которые подтверждают его тезис, и забывает упомянуть работы, в которых замечены допущенные им ошибки. Недостаток его работы заключается еще и в том, что он делает критические замечания в адрес лишь одного из ряда доказательств универсальности, не упоминая при этом исследования приматов, детей и слепых от рождения, которые убедительно подтверждают представление об универсальности. Недавнее исследование (Geen, 1992), например, говорит о том, что выращенные в изоляции макаки-резусы, помещенные вместе с другими обезьянами, демонстрируют «более или менее нормальную мимику» (р. 277). Хаузер (Hauser, 1993) обнаружил доказательства того, что у макак-резусов, как и у людей, выражение эмоций связано с работой правого полушария мозга. Делая обзор исследований, посвященных изучению слепых детей, Чарлзворт и Крейцер (Charlesworth & Kreutzer, 1973) делают вывод о том, что спонтанное выражение эмоций у слепых детей не отличается от мимики зрячих детей, имеющих

возможность визуального восприятия соответствующих выражений на протяжении всей жизни. А Розенберг и Экман (Rosenberg & Ekman, 1995) представили данные, которые говорят о том, что даже если испытуемые не могут определить самостоятельно обозначение эмоциональной категории, соответствующие предусмотренному исследователями, они обычно понимают эмоциональные коннотации предъявляемого выражения предусмотренным образом.

Работа Вежбицкой также вызвала критику. Винегар (Winegar, 1995) критически отзывается о ее идее семантических примитивов, поскольку такой подход обладает определенной культурной ограниченностью; Винегар считает, что нельзя уйти от культурной специфики при изучении психологических феноменов и что даже если мы придем к единому мнению по вопросу универсальности оценки, нам не избежать воздействия культуры на построение теории. Ван Геерт (VanGeert, 1995) соглашается с тем, что существует потребность в методике кодирования эмоций универсального характера, подобной семантическим примитивам Вежбицкой, и необходимы более точные критерии оценки, благодаря которым каждая универсалия будет иметь «конкретное физическое определение» (р. 265). Он представляет три параметра, в соответствии с которыми можно определить название универсалий и систематизировать их. В качестве одного из них он предлагает разграничение универсалий «эмпирического» и «технического» характера. Он считает

> эмоции универсалиями эмпирического характера, то есть все люди в принципе способны испытать определенный набор соответствующих субъективных переживаний, которые называются универсальными эмоциями. Но единственным путем для обозначения таких всеобщих эмоций является определенный технический язык (р. 206).

И наконец, последние исследования, доказывающие панкультурную универсальность таксономии эмоций ставят под сомнение предположение Вежбицкой о том, что терминология для обозначения эмоций не универсальна.

Важно не забывать и то, что универсальность и культурная относительность не являются взаимоисключающими; в зависимости от рассматриваемого аспекта восприятие эмоций может одновременно носить универсальный характер и обладать культурной спецификой. В другом месте (Yrizarry, Matsumoto & Wilson Cohn, 1998) мы перечислили по меньшей мере пять источников культурных различий в восприятии эмоций, даже в выражении эмоций универсального характера. Эти источники включают: а) частичное семантическое совпадение лингвистических категорий и ментальных концептов, связанных с эмоциями, которые подлежат оценке; б) частичное совпадение элементов мимики в предъявляемых выражениях; в) частичные совпадения когнитивного характера, касающиеся событий и впечатлений, связанных с эмоциями, г) личностные предубеждения, связанные с социальным познанием; и д) культура. Будущие исследования должны прояснить, каково влияние на процесс оценки каждого из перечисленных источников в отдельности и в сочетании друг с другом.

Не ставя под сомнения универсальную основу эмоций, некоторые исследователи пытаются вскрыть возможные причины межнациональных различий в оценке эмоциональных категорий. Например, Мацумото (Matsumoto, 1992a) предполагает, что различия в уровне распознавания связаны с культурными различиями

в усвоенных в результате научения социальных нормах, определяющих подход к распознаванию эмоций. Так, культурные различия между Японией и США, касающиеся свободы личности и конформизма, могут помочь пониманию полученных данных. В Японии эмоции, которые угрожают гармонии и слаженности группы, могут осуждаться. Следовательно, японец постарается не обнаруживать отрицательные эмоции и не замечать их проявления окружающими. В США же, стране, которая поощряет свободу личности, поощряется как проявление, так и восприятие отрицательных эмоций. Такой подход позволяет оценить влияние определенных культурных параметров на оценку эмоциональных состояний, и этот подход был принят в исследованиях, о которых пойдет речь далее.

Связь межнациональных различий в уровне распознавания эмоций с культурными параметрами

Чтобы расширить представления о культурных параметрах, которые могут быть причиной межнациональных различий в уровне согласия при оценке проявления эмоций, Мацумото (Matsumoto, 1989) отобрал данные по распознаванию эмоций в 15 культурах на материале четырех исследований и произвел классификационную оценку каждой из стран в соответствии с параметрами Хофстеде (Hofstede, 1980). Они включают **дистанцию по отношению к власти**, то есть степень, в которой различия, связанные с властью, поддерживаются в данной культуре; **избегание неопределенности** или степень, в которой культура стремится к созданию установлений и ритуалов, позволяющих справиться с тревогой, вызываемой неопределенностью; **индивидуализм** или степень, в которой культура поощряет принесение в жертву групповых целей ради личности; и **маскулинность**, то есть степень, в которой в данной культуре акцентируются различия между полами (Hofstede, 1980, 1983). Затем проверялась корреляция данных параметров с уровнем точности распознавания. Полученные результаты подтвердили предположение о том, что американцы (представители индивидуалистической культуры) более успешно опознают отрицательные эмоции, чем японцы (коллективистская культура).

Различия в восприятии эмоций как функция культуры были также обнаружены в ходе метаанализа (Schimmarck, 1996). Индивидуализм представлял собой лучший прогнозирующий параметр для распознавания счастья, чем расовая принадлежность (в данном случае — белые/представители других рас). Это подтверждает предположение о том, что социокультурные параметры оказывают влияние на различия в восприятии эмоций. Исследование также подтвердило мысль о том, что представители разных культур усваивают определенный подход к восприятию, на который накладывают отпечаток культурные нормы декодирования.

Биль и соавторы (Biehl et al., 1997) также говорят о межнациональных различиях, касающихся точности распознавания (и рейтинга интенсивности). Эти различия нельзя объяснить в рамках дихотомии западной/незападной ориентации, деления, которое связано с подходами к действию культуры в рамках региона/страны и расовой/этнической принадлежности. Биль и коллеги предпочитают рассматривать эти различия с точки зрения возможных социально-психологических переменных, лежащих в их основе (постулированных Хофстеде в 1980 и 1983 годах),

и с точки зрения подхода, ориентированного на определенные культурные параметры, который развивает Мацумото (Matsumoto, 1989, 1990). Теоретические объяснения и дальнейшая проверка связи между культурой и распознаванием эмоций должны определять культуру в соответствии со значимыми социально-психологическими параметрами, выходящими за рамки страны, региона, расы или этнической принадлежности.

Атрибуция личности на основании улыбки

Улыбка — общепринятый сигнал приветствия, признания, или демонстрация благосклонности. Она служит и для того, чтобы скрыть определенные эмоции, и для этой цели может по-разному использоваться в разных культурах. В исследовании Фризена (Friesen, 1972) приводится описание того, как японские и американские мужчины смотрели вызывающие отвращение видеоклипы в присутствии экспериментатора. Японцы улыбались, чтобы скрыть отрицательные эмоции, гораздо чаще, чем американцы (Ekman, 1972; Friesen, 1972).

В ходе дальнейшего исследования этих различий Мацумото и Кудох (Matsumoto & Kudoh, 1993) попросили японцев и американцев оценить по улыбающимся лицам и лицам без улыбки (не выражающим эмоций) уровень интеллекта, привлекательности и общительности. Американцы оценивали улыбающиеся лица как более интеллектуальные, чем лица без улыбок; японцы же нет. И американцы, и японцы оценили улыбающихся людей как более общительных, чем тех, на чьих лицах отсутствовало проявление эмоций, но американцам разница представлялась более значительной. Эти различия говорят о том, что культурные нормы проявления эмоций заставляют японцев и американцев по-разному воспринимать значение улыбки и могут послужить объяснением ощутимых различий в манере общения в разных культурах.

Атрибуция интенсивности

Исследование 10 стран, проведенное в 1987 году Экманом совместно с другими учеными, впервые продемонстрировало межнациональные различия в интенсивности эмоции, приписываемой определенному выражению лица. Хотя данные по распознаванию эмоций в целом подтвердили их универсальный характер, жители Азии давали интенсивности счастья, удивления и страха значительно более низкую оценку. Эти данные говорят о том, что эксперты действовали в соответствии с усвоенными в рамках определенной культуры нормами восприятия выражения эмоций, при этом следует учесть тот факт, что все эмоции выражались представителями белой расы. Существует возможность того, что жители Азии оценивали эмоции белых как менее интенсивные из соображений учтивости или по неведению.

Чтобы разобраться с этим вопросом, Мацумото и Экман разработали набор стимулов, включавший как жителей Азии, так и представителей белой расы (Matsumoto & Ekman, 1988), который и был предъявлен испытуемым в США и Японии (Matsumoto & Ekman, 1989). Для выражения всех эмоций, кроме одной, американцы дали более высокие оценки интенсивности по сравнению с японцами, безотносительно к расовой принадлежности лиц, демонстрировавших эмоции. Поскольку различия оказались не связаны с расовой принадлежностью лиц, демонстрировавших

эмоции, Мацумото и Экман (Matsumoto & Ekman, 1989) интерпретировали данные различия как функцию культурных норм декодирования. С тех пор многие исследования подтвердили данные о существовании культурных различий при оценке интенсивности эмоций (например, Biehl et al., Matsumoto, 1990).

В описанном выше исследовании Мацумото (Matsumoto, 1989) также рассматривал связь между культурными параметрами Хофстеде (Hofstede, 1980) и оценкой интенсивности эмоций. При этом были обнаружены два важных момента. Во-первых, существует негативная корреляция между дистанцией по отношению к власти и оценками интенсивности гнева, страха и печали; это говорит о том, что культуры, в которых подчеркивается разница в общественном положении, оценивают эти эмоции как менее интенсивные. Во-вторых, уровень индивидуализма и оценки интенсивности гнева и страха обнаруживают позитивную корреляцию; индивидуалистические культуры дают более высокие оценки интенсивности данных эмоций. Эти результаты говорят о том, что понимание параметров культуры может послужить ключом к объяснению межнациональных различий в восприятии отрицательных эмоций.

Этнические различия при оценке интенсивности

Мацумото (Matsumoto, 1993) изучал вопрос о том, как влияют этнические различия на интенсивность эмоций, оценку эмоций, нормы проявления эмоций и выражение эмоций в самоотчетах испытуемых, исследуя четыре этнические группы в США. Афроамериканцы оценивали интенсивность гнева выше по сравнению с американцами азиатского происхождения, а интенсивность отвращения выше, чем белые американцы и американцы азиатского происхождения; выходцы из стран Латинской Америки воспринимали эмоции, выраженные на лицах белых, как более интенсивные, чем сами белые и выходцы из Азии; а афроамериканцы оценивали интенсивность эмоций, выраженных женщинами, более высоко, чем американцы азиатского происхождения. Эти данные заставляют нас по-иному подойти к определению концепции культуры и подчеркивают важность психологически значимых параметров культуры, которые не зависят от этнической принадлежности или страны. Большинство кросс-культурных исследований основано на предположении о том, что если человек проживает в определенной стране, он представляет доминирующую в ней культуру. Данные о различиях в рамках американской выборки (которая почти всегда служит базой для сравнения в кросс-культурных исследованиях) явно говорят об ином. Это вынуждает нас принимать во внимание значимые психологические параметры (такие, например, как индивидуализм–коллективизм или дифференциацию, связанную с общественным положением), чтобы объяснить культурные и индивидуальные различия в выражении и восприятии эмоций.

Представления о переживаниях, лежащих в основе эмоциональной мимики

Хотя в разных культурах по-разному оценивается интенсивность внешнего проявления эмоций, оставалось неясным, различаются ли они в выводах, которые касаются внутренних переживаний, и если да, то соответствуют ли эти различия оценкам внешнего проявления эмоций. Мацумото, Касри и соавторы (Matsumoto, Kasri

et al., 1999) занимались исследованием этих вопросов, сравнивая суждения американцев и японцев, в которых давались отдельные оценки интенсивности выражения эмоций и предполагаемых субъективных переживаний. Американцы дали более высокие оценки интенсивности внешнего проявления эмоций, чем японцы, что соответствовало данным, полученным ранее. Японцы, однако, дали более высокую оценку интенсивности внутренних переживаний по сравнению с американцами. Анализ в рамках одной страны показал, что между двумя видами оценок у японцев нет существенных различий. Американцы же последовательно оценивали внешнее проявление эмоций как более интенсивное, чем субъективные переживания. Такие данные были полной неожиданностью. Изначально мы полагали, что различия между японцами и американцами имеют место, поскольку японцы занижают оценки интенсивности, соответственно тому, как они сдерживают выражение своих эмоций. На самом же деле оказалось, что американцы завысили свои оценки интенсивности внешнего проявления эмоций по сравнению с оценками внутренних переживаний, а японцы оценок не занижали.

Недавнее исследование Мацумото и соавторов (Matsumoto, Consolacion, et al., 1999) дополнило полученные данные. В исследовании, которое описано выше, испытуемым предъявлялись выражения эмоций, соответствующие 100 % интенсивности. В исследовании же, проведенном Мацумото и коллегами, американским и японским испытуемым были продемонстрированы изображения с выражением эмоций на уровне интенсивности 0, 50, 100 и 125 %. Данные по изображениям, соответствующим уровню интенсивности 100 и 125 %, повторили данные предыдущего исследования: американцы оценивали внешнее проявление эмоций как значительно более интенсивное по сравнению с внутренними переживаниями, в то время как у японцев между оценками внешнего и внутреннего проявления эмоций не было существенных различий. Как можно было ожидать, не было различий между оценкой внешнего и внутреннего состояния как у японцев, так и у американцев в отношении выражений с интенсивностью 0 %. Любопытны были результаты, касающиеся выражений с интенсивностью 50 %. Американцы дали одинаковые оценки внешнего и внутреннего состояния, японцы же оценили уровень внутренних переживаний выше, чем их внешнее проявление. Мацумото и его коллеги, интерпретируя эти результаты, предположили, что, возможно, по мнению японцев, в случае менее интенсивного проявления эмоций вступают в действие культурные нормы проявления эмоций, и поэтому они делают вывод, что настоящие переживания более значительны, чем те, которые демонстрируются явным образом. Когда же американцы видят слабо выраженные эмоции, они не делают предположений подобного рода, полагая, что выражение соответствует уровню внутренних переживаний. В случае более интенсивного проявления эмоций японцы, по всей вероятности, предполагают, что ситуация оправдывает данное выражение эмоций, делая вывод о том, что уровень проявления эмоций соразмерен внутренним переживаниям. Американцы, видя интенсивное проявление эмоций, учитывают нормы проявления эмоций, предполагающие преувеличение действительных переживаний, поэтому они предполагают, что внутренние переживания не столь сильны, как их внешние проявления.

Влияние культурных параметров на межнациональные различия в суждениях, касающихся эмоций

Большая часть кросс-культурной научно-исследовательской работы в этой и в других областях рассматривает культуру как фактор, действующий в масштабах страны. Хотя это и стандартный подход, он ограничивает наши возможности интерпретации наблюдаемых различий. То есть когда культура рассматривается как некоторый фактор, действующий в масштабах страны, и в процессе исследования обнаруживаются определенные различия, они могут объясняться лишь различием культур разных стран, поскольку культура как таковая не подвергается никакому анализу. Однако недавно ряд авторов стал призывать к отказу от такой практики и к переходу к исследованиям, которые позволяют «раскрыть» воздействие культуры на психологические переменные (например, Bond & Tedeschi, глава 16 наст. изд.; Poortinga, van de Vijver, Joe & van de Koppel, 1987; van de Vijver & Leung, 1997). Под таким **раскрытием** понимается идентификация специфических психологических параметров культуры, которые могут приводить к различиям между странами в отношении представляющих интерес переменных, учет и оценка этих параметров, включая статистическую оценку степени, в которой они влияют на различия между странами. Таким образом, конкретные, поддающиеся оценке параметры культуры на психологическом уровне заменяют общий неспецифический конструкт, известный нам как **культура**.

Когда такие параметры включаются в исследование и оцениваются в его процессе, то это позволяет эмпирически доказать, что участники отличаются (или нет) по отношению к данным конструктам, снимая необходимость строить догадки. У исследователей в таком случае нет необходимости опираться на впечатления, рассказы или стереотипы при интерпретации различий, поскольку оценка данных параметров обеспечивает методологический контроль характера воздействия культуры. Эта оценка позволяет уточнить связь культуры и зависимых переменных на основе количественного определения степени, в которой культура влияет на различия между странами. Таким образом, исследователи могут не только ставить вопрос о том, влияют ли такие конструкты, как индивидуализм–коллективизм, на межнациональные различия, но и какова глубина этого влияния. Включение критериев такого рода в будущие кросс-культурные исследования является необходимым условием эволюции в данной области, если исследователи действительно намерены понять, какие моменты культуры ведут к появлению кросс-культурных различий и почему это происходит.

Исследование, проведенное Мацумото и соавторами (Matsumoto, Consolacion et al., 1999), было уникальным не только благодаря данным, которые касались суждений, связанных с мимическим выражением эмоций, но также в связи с оценкой данных, полученных от респондентов в отношении двух важнейших культурных конструктов — индивидуализма–коллективизма (ИК) и статусной дифференциации. Индивидуализм–коллективизм использовался для объяснения многих межнациональных и кросс-культурных различий в поведении и, безусловно, является наиболее известным, хорошо изученным и значимым параметром культуры, существующим на сегодняшний день (Triandis, 1994, 1995). Индивидуалистические

культуры обычно делают акцент на уникальных особенностях личности, поощряя ее автономию и независимость. В коллективистских культурах принадлежность к группе ценится выше, чем индивидуальность, поощряется согласие, сплоченность и сотрудничество. Под статусной дифференциацией понимается степень, в которой в рамках определенной культуры поведение по отношению к окружающим меняется в зависимости от различий в общественном положении между взаимодействующими субъектами. Некоторые культуры делают эти различия весьма значительными, давая в руки людей, занимающих более высокое общественное положение, большую власть; в других культурах уровень этой дифференциации не столь значителен, взаимодействие людей друг с другом происходит более-менее независимо от различий, связанных со статусом. Так же как индивидуализм–коллективизм, дифференциация, связанная со статусом и властью, является одним из важнейших параметров культурной изменчивости (Hofstede, 1983, 1984).

Чтобы определить влияние индивидуализма–коллективизма и дифференциации в зависимости от статуса на межнациональные различия в оценке эмоциональных состояний, о которых говорилось выше, Мацумото с коллегами (Matsumoto, Consolacion et al., 1999) отдельно сравнивали оценки внешнего и внутреннего проявления эмоций, которые были даны американцами и японцами, с учетом и без учета оценок переменных индивидуализма–коллективизма и дифференциации в зависимости от статуса (та же самая методика использовалась при оценке воздействия индивидуализма–коллективизма на межнациональные различия в культурных нормах проявления эмоций, которой посвящена работа Мацумото и соавторов (Matsumoto et al., 1998)). Проведенный анализ показал, что приблизительно 90 % колебаний в оценках объяснялось этими двумя культурными переменными. Последующий анализ выявил, что фактор индивидуализма–коллективизма сам по себе достаточен, чтобы внести различия в оценки. Таким образом, данное исследование впервые эмпирически доказало, что различия между американцами и японцами, касающиеся суждений в отношении внутренней и внешней интенсивности эмоций, могут почти всецело объясняться культурными различиями, связанными с индивидуализмом–коллективизмом и дифференциацией в зависимости от статуса.

Выводы

Данные, которые имеются в нашем распоряжении на сегодняшний день, говорят о том, что восприятие эмоций содержит как универсальные, так и культуро-специфичные элементы. В другом месте (Matsumoto, 1996) я предложил схему, подобную нейрокультурной теории выражения эмоций Экмана и Фризена, которая позволяет описать, откуда берутся черты культурного сходства и различия при восприятии или оценке эмоций. Данная модель предполагает, что оценка эмоций осуществляется под влиянием а) программы распознавания мимики, которая носит врожденный и универсальный характер (подобно программе восприятия мимики Экмана и Фризена) и б) обладающих культурной спецификой норм декодирования, которые интенсифицируют, ослабляют, маскируют или определенным образом направляют восприятие (ср. Buck, 1984). Когда мы воспринимаем эмоции других людей, процесс распознавания аналогичен процессу сопоставления

с универсальным прототипом мимического выражения определенных эмоций. Однако перед вынесением окончательного суждения на стимул накладываются усвоенные в процессе научения нормы, касающиеся восприятия выражения эмоций такого рода у окружающих. Самые последние исследования говорят о том, что эти нормы могут различаться в зависимости от устойчивых социокультурных параметров, таких как индивидуализм–коллективизм или дифференциация в зависимости от статуса. Данный механизм можно считать такой же основой эмоциональной коммуникации в разных культурах, как и нейрокультурную теорию выражения эмоций Экмана и Фризена.

Программа будущих исследований связи эмоций с культурой

Многие открытия, о которых говорилось выше, ставят вопросы, актуальные для дальнейшей работы. Например, подлежат проверке пять предположений Уризарри и соавторов (Yrizarry et al., 1998) о возможных причинах культурных различий в распознавании эмоций. При этом нужно исследовать влияние каждой из них, а также и других возможных источников. Будущие исследования могут продолжать изучать социальное значение выражения эмоций при помощи мимики и различия этих выражений в разных культурах. Дальнейшие исследования оценок интенсивности выражения эмоций в разных культурах должны осуществить проведение таких сравнений не только в пределах Японии и США. В оставшейся части данного раздела я рассматриваю ряд других направлений, которые, по моему мнению, могут послужить отправной точкой для дальнейшей работы в данной области психологии. Разумеется, очерчен не весь круг; напротив, он выдвигает на первый план темы, теоретическую и эмпирическую разработку которых я считаю настоятельной потребностью ближайшего будущего. Эта потребность выходит за рамки простого расширения уже ведущихся исследований.

Поиски иных универсалий

Как уже говорилось, свидетельства того, что шесть эмоций — гнев, отвращение, страх, счастье, печаль и удивление — носят универсальный характер, и предположения о том, что, возможно, к ним можно отнести презрение и смущение, не исключают возможности существования иных универсальных эмоций. Экман (Ekman, 1994a) высказал предположение о том, что 12 прочих эмоций, включая веселье, благоговейный трепет, умиротворенность, смущение, возбуждение, вину, заинтересованность, гордость достижениями, облегчение, удовлетворение, чувственное удовольствие и стыд, вполне вероятно также обладают универсальностью. Эти и другие эмоции следует изучить в этом отношении в будущем. Данные не окончательного, но первичного характера, которые свидетельствуют об универсальности, сравнительно легко получить, изучая выражение эмоций в различных культурах. Если выяснится, что есть и другие эмоции, которые обладают универсальностью выражения и распознавания, эти данные могут оказать глубокое влияние на теории эмоций, представления об эволюции, теории социального научения, социального познания, коммуникации и сами исследования эмоций.

Потребность расширения границ суждений об эмоциях

На сегодняшний день огромное количество (хотя, разумеется, не все) кросс-культурных исследований посвящено исследованиям черт кросс-культурного сходства и различия в распознавании эмоций путем предъявления испытуемым-студентам изображений анфас, демонстрирующих проявление определенных эмоций. Студентов просят выбрать эмоциональную категорию, которая, по их мнению, соответствует представленной эмоции (табл. 10.1). Безусловно, исследования такого рода имеют определенное значение в данной области, однако будущие исследования должны уделить больше внимания модификации исследуемых параметров, чтобы раздвинуть границы исследования.

Так, исследования оценки интенсивности проявления эмоций, проводившиеся за последние 10 лет, дали богатейшие сведения о чертах культурного сходства и различия, которые не позволяла получить методика принудительного выбора эмоциональной категории. В будущем подобная модификация оценок поможет расширить наши представления. Оценка намерений, связанных с поведением или лежащими в основе личностными особенностями, например, могут помочь нам выделить социальное или личностное значение выражения эмоций в процессе коммуникации.

Будущие исследования также должны уделить более пристальное внимание видоизменению характера стимулов, используемых в процессе исследования. Поскольку почти все кросс-культурные исследования, проводимые на сегодняшний день, используют изображения лица анфас, мы не знаем, как люди интерпретируют выражение эмоций, представленное иным ракурсом или частью лица, и каковы различия между культурами в интерпретации таких изображений. Существует потребность в исследованиях такого рода. Кроме того, большинство исследователей на сегодняшний день используют статические представления выражений, которые предъявляются при помощи фотографий или слайдов. В будущих исследованиях необходимо использовать динамично меняющиеся непринужденные проявления эмоций на фоне изменяющейся ситуации. Доступность компьютерных и видео-технологий делает эти возможности куда более реальными, чем они были в прошлом.

Особого внимания заслуживает также вопрос об испытуемых, которые обычно принимают участие в исследованиях, связанных с оценкой выражения эмоций. Как и во многих других областях психологии, подавляющее большинство участников исследований, связанных с оценкой эмоций, представляли студенты. Будущие исследования должны привлечь испытуемых разных возрастов, профессий, социально-экономического статуса, этнической принадлежности и прочих демографических характеристик.

Необходимость подключения контекста

Возможно, одной из наиболее насущных проблем будущих кросс-культурных исследований эмоций является потребность включения контекста в процесс их оценки. В самом деле, на сегодняшний день в большинстве исследований стимулы испытуемым предъявляются в обстановке, носящей скорее искусственный характер,

при этом информация о контексте или обращение к нему часто отсутствовали. До какой степени полученные таким образом суждения являются показателями культурных различий в рамках разных контекстов — вопрос эмпирического характера, к которому исследователям предстоит обращаться неоднократно. Как меняется оценка эмоций в зависимости от того, кто находится рядом, где она происходит, чем вызваны эмоции, какое время суток и т. п.?

Проблема контекста носит не просто эмпирический характер; она ставит важные теоретические вопросы о характере самой культуры. Многие авторы, пишущие о вопросах кросс-культурной психологии (в их числе авторы этой книги), рассматривают культуру как конгломерат позиций, ценностных ориентаций, установок и различных типов поведения в рамках широкого круга контекстов. В той мере, в какой адаптация к культурным нормам происходит в первую очередь в процессе контекстуально-специфического научения, сама культура является контекстом. В этом смысле глубину влияния культуры на эмоции (как и на другие психологические процессы) нельзя оценить по-настоящему широко, не включая суждения об эмоциях в рамки разнообразных контекстов. Хотя оценка эмоций, которая дается вне связи с контекстом, может быть важна для установления универсальности, включение суждений об эмоциях в контекст становится непременным условием изучения воздействия культуры на оценку эмоций.

В данном направлении произошел определенный прогресс. Многие исследования были посвящены изучению воздействия контекста на испытуемого, при этом обычно изучалось влияние того, что демонстрировалось эксперту непосредственно перед изображением лица, выражающего эмоции (например, Biehl et al., 1997; Russell, 1991a, 1991c; Russell & Fehr, 1987; Tanaka-Matsumi, Attivissimo, Nelson & D'Urso, 1995; Thayer, 1980a, 1980b). Другие исследователи занимались изучением воздействия контекста, в котором находится лицо, демонстрирующее выражение эмоций, на оценку эмоций (например, Carroll & Russell, 1996; Fernandez-Dols, Wallbott & Sanchez, 1991; Knudsen & Muzekari, 1983; Munn, 1940; Muzekari, Knudsen & Evans, 1986; Nakamura, Buck & Kenny, 1990; Spignesi & Shor, 1981; Wallbott, 1988a, 1988b). В целом эти исследования показали, что имеет место определенное влияние со стороны контекста, но пока природа этого влияния неизвестна.

Одним из основных недостатков предыдущих исследований эмоций и контекста было отсутствие систематической манипуляции конкретными параметрами контекста, которые могут оказывать влияние на оценочные суждения — кто, что, когда, где, почему и как связан с контекстом. К причинам существования такого недостатка относится то, что исследователи недостаточно тщательно определяли данные параметры и исследовали их значимость для оценки эмоций. Исследовательская работа такого рода необходима, поскольку ее данные помогут ответить на вопрос о том, какие параметры контекста наиболее существенны, чтобы включить их в будущие исследования, позволяющие варьировать контекст для изучения его влияния на оценочные суждения. Эти исследования впоследствии будут подспорьем для кросс-культурной работы, позволяя ученым проверить, имеют ли одни и те же параметры контекста одинаковое значение в разных культурах и оказывают ли они одинаковое или разное влияние на процесс вынесения суждений.

Потребность связать оценочные суждения с другими психологическими процессами

Кросс-культурные исследования, касающиеся выражения эмоций, на сегодняшний день главным образом рассматривали суждения об эмоциях в вакууме, изучая их в отрыве от других психологических процессов. Будущие исследования должны изучать вынесение суждений, касающихся эмоций, в связи с другими психологическими процессами, такими как нормы проявления эмоций, выражение эмоций, формирование стереотипов и категорий, восприятие личности, социальное познание, функция мозга и т. п. Несмотря на то что некоторые исследователи занимались изучением взаимосвязи между выражением и восприятием эмоций одними и теми же индивидами в США (например, Lanzetta & Kleck, 1970; P. K. Levy, 1964; Zuckerman, Hall, DeFrank & Rosenthal, 1979), я не слышал об исследовании, в котором такая взаимосвязь исследовалась бы в кросс-культурном аспекте. Кроме того, принимая во внимание важную роль, которую процессы оценки эмоций могут играть в восприятии личности, следует провести кросс-культурные исследования, посвященные рассмотрению взаимосвязи между оценкой эмоций и другими видами оценочных суждений, в особенности в связи с взаимопроникновением культур и связанными с этим моментами взаимодействия (например, формированием стереотипов и т. д.).

Исследования процессов, происходящих в мозге в ходе распознавания эмоций, для будущего представляют особый интерес. Если выражение эмоций носит универсальный характер, можно предположить существование определенных мозговых процессов, которые также не зависят от культуры. Исследовательская работа такого рода нам еще предстоит. Изучение мозговых коррелятов распознавания мимических выражений имеет долгую историю в неврологии (например, Bruyer, 1979; Levine, Banish & Koch-Weser, 1988; Ley & Bryden, 1979), и последние исследования показали наличие зон мозга, которые связаны с распознаванием лиц (Bruce & Humphreys, 1994; Farah, 1996; Nachson, 1995). Другие новейшие исследования также говорят о том, что распознавание мимического выражения эмоций может быть локализовано более точно (например, Streit et al., 1999). Интеграция исследований в этом направлении со сведениями и методикой, связанными с выражением эмоций универсального характера, могут еще больше расширить наши знания.

В концептуальном отношении важно также связать исследования оценочных суждений, касающихся эмоций, с другими областями психологии. Многие направления исследований в психологии оторваны друг от друга. В результате нам гораздо меньше известно о том, как оценка эмоций связана с другими психологическими процессами живой, цельной, интегрированной личности, чем о том, как подобная оценка происходит в условиях искусственно созданного вакуума. Нам предстоит вновь собрать Шалтай-Болтая из кусков, на которые он распался. Поскольку процесс оценки эмоций является одним из важных фундаментальных процессов, логично предположить, что он тесно связан со многими другими психологическими процессами. В будущем нам предстоит выявить эти связи и найти в них черты культурного сходства и различия.

Резюме

Разумеется, есть много других идей, заслуживающих самого пристального внимания. Называя некоторые из них, я не только предлагаю темы будущих исследований, но и пытаюсь побудить всех, кто занимается изучением культуры и эмоций, к более широкому видению проблем, не загонять себя в узкие рамки однобоких подходов, как часто происходит, когда мы занимаемся исследованиями в одной из областей психологии. Если мы пойдем таким путем, мы сможем решить важные вопросы, касающиеся не только исследуемых областей, но и связей между отдельными областями. И вряд ли мы будем в состоянии сделать это, если не будем работать, не поднимая головы.

Заключение

Уже более 30 лет кросс-культурные исследования играют центральную роль в доказательстве универсальности и культурной специфичности выражения и восприятия эмоций. Эти исследования оказали огромное влияние не только на изучение эмоций, но и на психологию в целом, поскольку панкультурное выражение и восприятие эмоций стало рассматриваться как фундаментальный и универсальный аспект психологического функционирования человека. Кросс-культурные данные в этой области служат отправной точкой для новых направлений исследования, связанных с эмоциями в других областях психологии, и значительная часть имеющейся на сегодняшний день информации о связи эмоций с развитием, клинической работой, социальным взаимодействием, личностью и т. п., берет свое начало в первых исследованиях универсальности. Исследование эмоций получило должное признание в традиционной психологии, существуют программы подготовки специалистов с докторской степенью и без нее, которые ориентированы на это важное направление исследований.

Следующие 20 лет обещают стать еще более волнующей эпохой для исследований культуры и эмоций. Тут и там во всем мире появляются интересные программы во всех областях психологии. Разрабатываются новые методологии представления культуры как психологического конструкта на индивидуальном уровне, а также способы точной оценки моментальных изменений, которые происходят в нашем мозгу и теле, когда мы испытываем или воспринимаем эмоции. В совокупности эти усилия в будущем приведут к тому, что мы больше узнаем о взаимосвязи культуры и физиологии эмоций, нормах проявления и декодирования эмоций, их восприятии, и отражении самой культуры на уровне мозга. Кроме того, в настоящее время проводятся исследования, которые проливают свет на характер социального значения эмоций в разных культурах (например, Kitayama, Markus & Matsumoto, 1995; ср. Kemper, 1978) и свойственный разным культурам вклад эмоций и других факторов в социальное взаимодействие. В частности, в настоящее время систематически изучается роль эмоций и их восприятия в процессе межкультурного взаимодействия и адаптации, и предварительные данные говорят о том, что эти моменты являются ключевыми для успешной жизни, работы и игры в новой культурной среде (например, Bennett, 1993; Gudykunst et al., 1996; Matsumoto,

Le-Roux et al., 1999). Будущие исследователи также должны принять во внимание вклад этнической психологии и других наук, которые могут способствовать разработке более всеобъемлющих теорий, касающихся норм проявления и декодирования эмоций.

Эмоции — одна из наиболее волнующих областей исследования в психологии. Они имеют центральное значение для понимания нами людей во всем мире. Несмотря на то что мы испытываем те же эмоции, что приматы и другие более примитивные животные, все же они остаются одним из самых привлекательных человеческих качеств, и, вне всяких сомнений, благодаря будущим исследованиям, удастся лучше понять их место в нашей жизни. И безусловно, ведущая роль в выполнении этой задачи будет принадлежать кросс-культурным исследованиям.

Литература

Albas, D. C., McCluskey, K. W. & Albas, C. A. (1976). Perception of the emotional content of speech: A comparison of two Canadian groups. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 7,* 481–490.

Beier, E. G. & Zautra, A. J. (1972). Identification of vocal communication of emotions across cultures. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 39,* 166.

Bennett, M. J. (1993). Towards ethnorelativism: A developmental model of intercultural sensitivity. In R. M. Paige (Ed.), *Education for the intercultural experience* (pp. 1–50). Yarmouth, ME: Intercultural Press.

Biehl, M., Matsumoto, D., Ekman, P., Hearn, V., Heider, K., Kudoh, T. & Ton, V. (1997). Matsumoto and Ekman's Japanese and Caucasian Facial Expressions of Emotion (JACFEE): Reliability data and cross-national differences. *Journal of Nonverbal Behavior, 21,* 3–22.

Biehl, M., Matsumoto, D. & Kasri, F. (in press). Culture and emotion. In U. Gielen and A. L. Comunian (Eds.)., *Cross-cultural and international dimensions of psychology.* Trieste, Italy: Edizioni Lint Trieste S.r.l.

Bormann-Kischkel, C., Hildebrand-Pascher, S. & Stegbauer, G. (1990). The development of emotional concepts: A replication with a German sample. *International Journal of Behavioural Development, 13,* 355–372.

Boucher, J. D. & Brandt, M. E. (1981). Judgment of emotion: American and Malay antecedents. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 12,* 272–283.

Boucher, J. D. & Carlson, G. E. (1980). Recognition of facial expression in three cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 11,* 263–280.

Brandt, M. E. & Boucher, J. D. (1985). Judgment of emotions from antecedent situations in three cultures. In I. Lagunes & Y. Poortinga (Eds.), *From a different perspective: Studies of behavior across cultures* (pp. 348–362). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Bruce, V. & Humphreys, G. W. (Eds.). (1994). Object and face recognition (Special issue). *Visual Cognition, 1(2/3).*

Bruyer, R. (1979). The brain and the visual recognition of human faces. *Ada Psychiatrica Belgica, 79,* 113–143.

Buck, R. (1984). *The communication of emotion.* New York: Guilford Press.

Bullock, M. & Russell, J. A. (1984). Preschool children's interpretation of facial expressions of emotion. *International Journal of Behavioral Development,* 7(2), 193–214.

Buunk, B. & Hupka, R. B. (1987). Cross-cultural differences in the elicitation of sexual jealousy. *Journal of Sex Research, 23,* 12–22.

Carroll, J. M. & Russell, J. A. (1996). Do facial expressions signal specific emotions? Judging emotion from the face in context. *Journal of Personality and Social Psychology, 70,* 205–218.

Chan, D. W. (1985). Perception and judgment of facial expressions among the Chinese. *International Journal of Psychology, 20,* 681–692.

Charlesworth, W. R. & Kreutzer, M. A. (1973). Facial expressions of infants and children. In P. Ekman (Ed.), *Darwin and facial expression* (pp. 91–168). New York: Academic Press.

Darwin, C. (1872/1998). *The expression of emotion in man and animals.* New York: Oxford University Press.

Ducci, L., Arcuri, L., W/Georgis, T. & Sineshaw, T. (1982). Emotion recognition in Ethiopia: The effect of familiarity with western culture on accuracy of recognition. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 13,* 340–351.

Edelmann, R. J., Asendorpf, J., Contarello, A., Georgas, J., Villanueva, C. & Zammuner, V. (1987). Self-reported verbal and non verbal strategies for coping with embarrassment in five European cultures. *Social Science Information, 26,* 869–883.

Ekman, P. (1972). Universals and cultural differences in facial expressions of emotion. In J. Cole (Ed.), *Nebraska Symposium of Motivation, 1971: Vol. 19* (pp. 207–283). Lincoln: University of Nebraska Press.

Ekman, P. (1973). *Darwin and facial expression.* New York: Academic Press.

Ekman, P. (Ed.). (1982). *Emotion in the human face* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Ekman, P. (1994a). All emotions are basic. In P. Ekman & R. J. Davidson (Eds.), *The nature of emotion: Fundamental questions* (pp. 15–19). New York: Oxford University Press.

Ekman, P. (1994a). Strong evidence for universals in facial expressions: A reply to Russell's mistaken critique. *Psychological Bulletin, 115,* 268–287.

Ekman, P. & Friesen, W. V. (1969). Nonverbal leakage and clues to deception. *Psychiatry, 32,* 88–106.

Ekman, P. & Friesen, W. V. (1975). *Unmasking the face: A guide to recognizing emotions from facial clues.* New York: Prentice-Hall.

Ekman, P. & Friesen, W. V. (1976). Pictures of facial affect. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

Ekman, P. & Friesen, W. V. (1978). *Facial action coding system.* Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

Ekman, P. & Friesen, W. V. (1986). A new pan-cultural facial expression of emotion. *Motivation and Emotion, 10,* 159–168.

Ekman, P., Friesen, W. V & Ellsworth, P. (1972). *Emotion in the human face.* New York: Cambridge University Press.

Ekman, P., Friesen, W. V., O'Sullivan, M., Chan, A., Diacoyanni Tarlatzis, I., Heider, K., Krause, R., LeCompte, W. A., Pitcairn, T., Ricci-Bitti, P. E., Scherer, K., Tomita, M. & Tzavaras, A. (1987). Universals and cultural differences in the judgment of facial expressions of emotion. *Journal of Personality and Social Psychology, 53,* 712–717.

Ekman, P. & Heider, K. G. (1988). The universality of a contempt expression: A replication. *Motivation and Emotion, 12,* 303–308.

Ekman, P., Levenson, R. & Friesen, W. V. (1983). Autonomic nervous system activity distinguishes between emotions. *Science, 221,* 1208–1210.

Ekman, P., O'Sullivan, M. & Matsumoto, D. (1991a). Confusions about context in the judgment of facial expression: A reply to «The contempt expression and the relativity thesis.» *Motivation and Emotion, 15,* 169–184.

Ekman, P., O'Sullivan, M. & Matsumoto, D. (1991b). Contradictions in the study of contempt: What's it all about? Reply to Russell. *Motivation and Emotion, 15,* 293–296.

Farah, M. J. (1996). Is face recognition «special»? Evidence from neuropsychology. *Behavioural Brain Research, 76,* 181–189.

Fernandez-Dols, J. M. & Ruiz-Belda, M. A. (1997). Spontaneous facial behavior during intense emotional episodes: Artistic truth and optical truth. In J. A. Russell & J. M. Fernandez-Dols (Eds.), The *psychology of facial expression* (pp. 255–274). New York: Cambridge University Press.

Fernandez-Dols, J. M., Wallbott, H. & Sanchez, F. (1991). Emotion category accessibility and the decoding of emotion from facial expression and context. *Journal of Nonverbal Behavior, 15,* 107–123.

Fridlund, A. J. (1997). The new ethology of human facial expressions. In J. A. Russell & J. M. Fernandez-Dols (Eds.), *The psychology of facial expression* (pp. 103–129). New York: Cambridge University Press.

Friesen, W. V. (1972). *Cultural differences in facial expressions in a social situation: An experimental test of the concept of display rules.* Unpublished doctoral dissertation, University of California, San Francisco.

Galati, D. & Sciaky, R. (1995). The representation of antecedents of emotions in northern and southern Italy. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 123–140.

Geen, T. (1992). Facial expressions in socially isolated nonhuman primates: Open and closed programs for expressive behavior. *Journal of Research in Personality, 26,* 273–280.

Gudykunst, W. B., Matsumoto, Y., Ting-Toomey, S., Nishida, T., Kim, K. & Heyman, S. (1996). The influence of culture, individualism-collectivism, self construals, and individual values on communication styles across cultures. *Human Communication Research, 22,* 510–543.

Guidetti, M. (1991). Vocal expression of emotions: A cross-cultural and developmental approach. *Annee Psycholgique, 91,* 383–396.

Haidt, J. & Keltner, D. (1999). Culture and facial expression: Open-ended methods find more expressions and a gradient of recognition. *Culture and Emotion, 13,* 225–266.

Hatta, T. & Nachshon, I. (1988). Ear differences in evaluating emotional overtones of unfamiliar speech by Japanese and Israelis. *International Journal of Psychology, 23,* 293–302.

Hauser, M. (1993). Right hemisphere dominance for the production of facial expression in monkeys. *Science, 261,* 475–477.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences.* Beverly Hills, CA: Sage.

Hofstede, G. (1983). Dimensions of national cultures in fifty countries and three regions. In J. Deregowski, S. Dziurawiec & R. Annis (Eds.), *Expiscations in cross-cultural psychology.* Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Hofstede, G. (1984). *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Newbury Park, CA: Sage.

Izard, C. (1971). *The face of emotion.* New York: Appleton Century Crofts.

Izard, C. E. (1977). Human emotions. New York: Plenum Press.

Izard, C. E. (1978). Emotions as motivations: An evolutionary developmental perspective. In R. A. Dienstbeir (Ed.), *Nebraska Symposium on Motivation: Vol. 26* (pp. 163–200). Lincoln: University of Nebraska Press.

Izard, C. E. (1994). Innate and universal facial expressions: Evidence from developmental and cross-cultural research. *Psychological Bulletin, 115,* 288–299.

Izard, C. E. & Haynes, O. M. (1988). On the form and universality of the contempt expression: A challenge to Ekman and Friesen's claim of discovery. *Motivation and Emotion, 12,* 1–16.

James, W. (1890). *Psychology.* New York: Holt and Company.

Kemper, T. D. (1978). *A social interactional theory of emotions.* New York: Wiley.

Kirouac, G. & Dore, F. Y. (1982). Identification des expressions facials emotionalles par un echantillon Quebecois Francophone. *International Journal of Psychology, 17,* 1–7.

Kirouac, G. & Dore, F. Y. (1983). Accuracy and latency of judgment of facial expressions of emotions. *Perceptual and Motor Skills, 57,* 683–686.

Kirouac, G. & Dore, F. Y. (1985). Accuracy of the judgment of facial expression of emotions as a function of sex and level of education. *Journal of Nonverbal Behavior, 9,* 3–7.

Kitayama, S. & Markus, H. R., (1994). *Emotion and culture: Empirical studies of mutual influence.* Washington, DC: American Psychological Association.

Kitayama, S. & Markus, H. R. (1995). Culture and self: Implications for internationalizing psychology. In N. R. Goldberger and J. B. Veroff (Eds.), *The culture and psychology reader.* New York: New York University Press.

Kitayama, S., Markus, H. R. & Matsumoto, H. (1995). Culture, self, and emotion: A cultural perspective on «selfconscious», emotions. In J. P. Tangney & K. W. Fischer (Eds.), *Selconscious emotions: The psychology of shame, guilt, embarrassment, and pride* (pp. 439–464). New York: Guilford Press.

Knudsen, H. R. & Muzekari, L. H. (1983). The effects of verbal statements of context on facial expressions of emotion. *Journal of Nonverbal Behavior, 7,* 202–212.

Kudoh, T., and Matsumoto, D. (1985). A cross-cultural examination of the semantic dimensions of body postures. *Journal of Personality and Social Psychology, 48,* 1440–1446.

Lanzetta, J. T. & Kleck, R. E. (1970). Encoding and decoding of nonverbal affect in humans. *Journal of Personality and Social Psychology, 16,* 12–19.

Leung, J. P. & Singh, N. N. (1998). Recognition of facial expressions of emotion by Chinese adults with mental retardation. *Behavior Modification, 22,* 205–216.

Levenson, R. W., Ekman, P., Heider, K. & Friesen, W. V. (1992). Emotion and autonomic nervous system activity in the Minangkabau of West Sumatra. *Journal of Personality and Social Psychology, 62,* 972–988.

Levine, S. C., Banich, M. T. & Koch-Weser, M. P. (1988). Face recognition: A general or specific right hemisphere capacity? *Brain and Cognition, 8,* 303–325.

Levy, P. K. (1964). The ability to express and perceive vocal communications of feeling. In J. R. Davitz (Ed.), *The communication of emotional meaning.* New York: McGraw-Hill.

Levy, R. I. (1973). *Tahitians.* Chicago: University of Chicago Press.

Levy, R. I. (1983). Introduction: Self and emotion. *Ethos, 11,* 128–134.

Ley, R. G. & Bryden, M. P. (1979). Hemispheric differences in processing emotions and faces. *Brain and Language, 7,* 127–138.

Lutz, C. (1983). Parental goals, ethnopsychology, and the development of emotional meaning. *Ethos, 11,* 246–262.

Mandal, M. K., Saha, G. B. & Palchoudhury, S. (1986). A cross-cultural study on facial affect. *Journal of Psychological Researches, 30,* 140–143.

Mandler, G. (1984). *Mind and body: Psychology of emotion and stress.* New York: W. W. Norton.

Markham, R. & Wang, L. (1996). Recognition of emotion by Chinese and Australian children. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 27,* 616–643.

Markus, H. R. & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review, 98,* 224–253.

Matsumoto, D. (1987). The role of facial response in the experience of emotion: More methodological problems and a meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology, 52,* 769–774.

Matsumoto, D. (1989). Cultural influences on the perception of emotion. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 20,* 92–105.

Matsumoto, D. (1990). Cultural similarities and differences in display rules. *Motivation and Emotion, 14,* 195–214.

Matsumoto, D. (1992a). American and Japanese cultural differences in the recognition of universal facial expressions. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 23,* 72–84.

Matsumoto, D. (1992b). More evidence for the universality of a contempt expression. *Motivation and Emotion, 16,* 363–368.

Matsumoto, D. (1993). Ethnic differences in affect intensity, emotion judgments, display rule attitudes, and self-reported emotional expression in an American sample. *Motivation and Emotion, 17,* 107–123.

Matsumoto, D. (1996). *Unmasking Japan: Myths and realities about the emotions of the Japanese.* Stanford, CA: Stanford University Press.

Matsumoto, D. & Assar, M. (1992). The effects of language on judgments of facial expressions of emotion. *Journal of Nonverbal Behavior, 16,* 85–99.

Matsumoto, D., Consolacion, T., Yamada, H., Suzuki, R., Franklin, B., Paul, S., Ray, R. & Uchida, H. (1999). *American-Japanese cultural differences in judgments of emotional expressions of different intensities.* Manuscript submitted for publication.

Matsumoto, D. & Ekman, P. (1988). *Japanese and Caucasian Facial Expressions of Emotion (JACFEE) and Neutral Faces (JACNeuF)* (Slide). (Available from Human Interaction Laboratory, University of California, San Francisco, 401 Parnassus Avenue, San Francisco, CA, 94143)

Matsumoto, D. & Ekman, P. (1989). American-Japanese differences in intensity ratings of facial expressions of emotion. *Motivation and Emotion, 13,* 143–157.

Matsumoto, D., Kasri, F. & Kooken, K. (1999). American-Japanese cultural differences in judgments of expression intensity and subjective experience. *Cognition and Emotion, 13,* 201–218.

Matsumoto, D. & Kishimoto, H. (1983). Developmental characteristics in judgments of emotion from nonverbal vocal cues. *International Journal of Intercultural Relations, 7,* 415–424.

Matsumoto, D. & Kudoh, T. (1987). Cultural similarities and differences in the semantic dimensions of body postures. *Journal of Nonverbal Behavior, 11,* 166–179.

Matsumoto, D. & Kudoh, T. (1993). American-Japanese cultural differences in attributions of personality based on smiles. *Journal of Nonverbal Behavior, 17,* 231–243.

Matsumoto, D., LeRoux, J., Ratzlaff, C., Tatani, H., Uchida, H., Kim, C. & Araki, S. (in press). Development and validation of a measure of intercultural adjustment potential in Japanese so-journers: The Intercultural Adjustment Potential Scale (ICAPS). *International Journal of Intercultuml Relations.*

Matsumoto, D., Takeuchi, S., Andayani, S., Kouznetsova, N. & Krupp, D. (1998). The contribution of individualism-collectivism to cross-national differences in display rules. *Asian Journal of Social Psychology, 1,* 147–165.

Mauro, R., Sato, K. & Tucker, J. (1992). The role of appraisal in human emotions: A cross-cultural study. *Journal of Personality and Social Psychology, 62,* 301–317.

Mazurski, E. J. & Bond, N. W. (1993). A new series of slides depicting facial expressions of affect: A comparison with the Pictures of Facial Affect Series. *Australian Journal of Psychology, 45,* 41–47.

McAndrew, F. T. (1986). A cross-cultural study of recognition thresholds for facial expressions of emotion. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 17,* 211–224.

McCluskey, K. W. & Albas, D. C. (1981). Perception of the emotional content of speech by Canadian and Mexican children, adolescents, and adults. *International Journal of Psychology, 16,* 119–132.

McCluskey, K. W., Albas, D. C., Niemi, R., Cuevas, C. & Ferrer, C. (1975). Cross-cultural differences in the perception of the emotional content of speech: A study of the development of sensitivity in Canadian and Mexican children. *Developmental Psychology, 11,* 551–555.

Mehta, S. D., Ward, C. & Strongman, K. (1992). Cross-cultural recognition of posed facial expressions of emotion. *New Zealand Journal of Psychology, 21,* 74–77.

Mesquita, B. & Frijda, N. H. (1992). Cultural variations in emotions: A review. *Psychological Bulletin, 112,* 197–204.

Munn, N. L. (1940). The effect of knowledge of the situation upon judgment of emotion from facial expressions. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 35,* 324–338.

Muzekari, L. H., Knudsen, H. & Evans, T. (1986). Effect of context on perception of emotion among psychiatric patients. *Perceptual and Motor Skills, 62,* 79–84.

Nachson, I. (1995). On the modularity of face recognition: The riddle of domain specificity. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology, 17,* 256–275.

Nakamura, M., Buck, R. & Kenny, D. A. (1990). Relative contributions of expressive behavior and contextual information to the judgment of the emotional state of another. *Journal of Personality and Social Psychology, 59,* 1032–1039.

Pittam, J., Gallois, C., Iwawaki, S. & Kroonenberg, P. (1995). Australian and Japanese concepts of expressive behavior. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 451–473.

Poortinga, Y. H., van de Vijver, F. J. R., Joe, R. C. & van de Koppel, J. M. H. (1987). Peeling the onion called culture: A synopsis. In C. Kagitcibasi (Ed.), *Growth and progress in cross-cultural psychology* (pp. 22–34). Berwyn, PA: Swets North America.

Romney, A. K., Boyd, J. P., Moore, C. C., Batchelder, W. H. & Brazill, T. J. (1996). Culture as shared cognitive representations. *Proceedings from the National Academy of Sciences, 93,* 4699–4705.

Romney, A. K., Moore, C. C. & Rusch, C. D. (1997). Cultural universals: measuring the semantic structure of emotion terms in English and Japanese. *Proceedings of the National Academy of Sciences, 94,* 5489–5494.

Roseman, I. J., Dhawan, N. Rettek, S. I., Nadidu, R. K. & Thapa, K. (1995). Cultural differences and cross-cultural similarities in appraisals and emotional responses. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 23–48.

Rosenberg, E. L. & Ekman, P. (1994). Coherence between expressive and experiential systems in emotion. *Cognition and Emotion, 8,* 201–229.

Rosenberg, E. L. & Ekman, P. (1995). Conceptual and methodological issues in the judgment of facial expressions of emotion. *Motivation and Emotion, 19,* 111–138.

Russell, J. A. (1991a). The contempt expression and the relativity thesis. *Motivation and Emotion, 15,* 149–184.

Russell, J. A. (1991b). Culture and the categorization of emotions. *Psychological Bulletin, 110,* 426–450.

Russell, J. A. (1991c). Negative results on a reported facial expression of contempt. *Motivation and Emotion, 15,* 281–291.

Russell, J. A. (1994). Is there universal recognition of emotion from facial expression? A review of cross-cultural studies. *Psychological Bulletin, 115,* 102–141.

Russell, J. A. (1995). Facial expressions of emotion: What lies beyond minimal universality? *Psychological Bulletin, 118,* 379–391.

Russell, J. A. (1997). Reading emotions from and into faces: Resurrecting a dimensional-contextual perspective. In J. A. Russell & J. M. Fernandez-Dols (Eds.), *The psychology of facial expression* (pp. 295–320). New York: Cambridge University Press.

Russell, J. A. & Fehr, B. (1987). Relativity in the perception of emotion in facial expression. *Journal of Experimental Psychology: General, 116,* 223–237.

Russell, J. A., Suzuki, N. & Ishida, N. (1993). Canadian, Greek, and Japanese freely produced emotion labels for facial expressions. *Motivation and Emotion, 17,* 337–351.

Scherer, K. (1997a). Profiles of emotion antecedent-appraisal: Testing theoretical predictions across cultures. *Cognition and Emotion, 11,* 113–150.

Scherer, K. (1997b). The role of culture in emotion-antecedent appraisal. *Journal of Personality and Social Psychology, 73,* 902–922.

Scherer, K., Matsumoto, D., Wallbott, H. & Kudoh, T. (1988). Emotional experience in cultural context: A comparison between Europe, Japan, and the USA. In K. Scherer (Ed.), Facets *of emotion: Recent research* (pp. 5–30). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Scherer, K. R. & Wallbott, H. G. (1994). Evidence for universality and cultural variation of differential emotion response patterning. *Journal of Personality and Social Psychology, 66,* 310–328.

Scherer, K. R., Wallbott, H. G. & Summerfield, A. B. (Eds.). (1983). *Experiencing emotion: A cross-cultural study.* Cambridge: Cambridge University Press.

Schimmack, U. (1996). Cultural influences on the recognition of emotion by facial expressions: Individualist or Caucasian cultures? *Journal of Cross-Cultural Psychology, 27,* 37–50.

Shweder, R. A. (1993). Liberalism as destiny. In B. Puka (Ed.), *Moral development: A compendium. Vol. 4. The great justice debate: Kohlberg criticism* (pp. 71–74). New York: Garland.

Shweder, R. A. & Haidt, J. (2000). The cultural psychology of the emotions: Ancient and new. In M. Lewis and J. Haviland (Eds.), *The handbook of emotions.* New York: Guilford Press.

Sogon, S. & Masutani, M. (1989). Identification of emotion from body movements: A cross-cultural study of Americans and Japanese. *Psychological Reports, 65,* 35–46.

Spignesi, A. & Shor, R. E. (1981). The judgment of emotion from facial expressions, contexts, and their combination. *Journal of General Psychology, 104,* 41–58.

Streit, M., loannides, A. A., Liu, L., Woelwer, W., Dammers, J., Gross, J., Gaebel, W. & Mueller-Gaertner, H. W. (1999). Neurophysiological correlates of the recognition of facial expressions of emotion as revealed by magnetoencephalography. *Cognitive Brain Research, 7,* 481–491.

Tanaka-Matsumi, J., Attivissimo, D., Nelson, S. & D'Urso, T. (1995). Context effects on the judgment of basic emotions in the face. *Motivation and Emotion, 19*(2), 139–155.

Thayer, S. (1980a). The effect of expression sequence and expresser identity on judgments of the intensity of facial expression. *Journal of Nonverbal Behavior, 5*(2), 71–79.

Thayer, S. (1980b). The effect of facial expression sequence upon judgments of emotion. *Journal of Social Psychology, 111,* 305–306.

Toner, H. L. & Gates, G. R. (1985). Emotional traits and recognition of facial expressions of emotion. *Journal of Nonverbal Behavior, 9,* 48–66.

Triandis, H. C. (1994). *Culture and social behavior.* New York: McGraw-Hill.

Triandis, H. C. (1995). *Individualism and collectivism.* Boulder, CO: Westview Press.

Tsai, J. L. & Levenson, R. W. (1997). Cultural influences of emotional responding: Chinese American and European American dating couples during interpersonal conflict. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 600–625.

Van Bezooijen, R., Otto, S. & Heenan, T. (1983). Recognition of vocal expressions of emotion. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 14,* 387–406.

Van de Vijver, K J. R. & Leung, K. (1997). *Methods and data analysis for cross-cultural research.* Newbury Park, CA: Sage.

VanGeert, P. (1995). Green, red, and happiness: Towards a framework for understanding emotion universals. *Culture and Psychology, 1,* 259–268.

Wallbott, H. G. (1988 a). Faces in context: The relative importance of facial expression and context information in determining emotion attributions. In K. R. Scherer (Ed.), *Facets of emotion* (pp. 139–160). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Wallbott, H. G. (1988 b). In and out of context: Influences of facial expression and context information on emotion attributions. *British Journal of Social Psychology, 27,* 357–369.

Wallbott, H. G. (1991). Recognition of emotion from facial expression via imitation? Some indirect evidence for an old theory. *British Journal of Social Psychology, 30,* 207–219.

Wallbott, H. G. & Scherer, K. (1986). How universal and specific is emotional experience? Evidence from 27 countries on five continents. *Social Science Information, 25,* 763–795.

Wang, L. & Meng, Z. (1986). A preliminary study of discrimination on facial expressions of adults. *Acta Psychologica Sinica, 18(4),* 349–355.

Waxer, P. H. (1985). Video ethology: Television as a data base for cross-cultural studies in nonverbal displays. *Journal of Nonverbal Behavior, 9,* 111–120.

Wierzbicka, A. (1994). Semantic universals and primitive thought: The question of the psychic unity of humankind. *Journal of Linguistic Anthropology, 4, 23.*

Wierzbicka, A. (1995). Emotion and facial expression: A semantic perspective. *Culture and Psychology, 1,* 227–258.

Winegar, L. (1995). Moving toward culture-inclusive theories of emotion. *Culture and Psychology, 1,* 269–277.

Winton, W. M. (1986). The role of facial response in self-reports of emotion: A critique of Laird. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 808–812.

Wolfgang, A. & Cohen, M. (1988). Sensitivity of Canadians, Latin Americans, Ethiopians, and Israelis to interracial facial expressions of emotions. *International Journal of Intercultural Relations, 12,* 139–151.

Yik, M. S. M., Meng, Z. & Russell, J. A. (1998). Adults' freely produced emotion labels for babies' spontaneous facial expressions. *Cognition and Emotion, 12,* 723–730.

Yik, M. S. M. & Russell, J. A. (1999). Interpretation of faces: A cross-cultural study of a prediction from Fridlund's theory. *Cognition and Emotion, 13,* 93–104.

Yrizarry, N., Matsumoto, D. & Wilson Cohn, C. (1998). American and Japanese multi-scalar intensity ratings of universal facial expressions of emotion. *Motivation and Emotion, 22,* 315–327.

Zuckerman, M., Hall, J. A., DeFrank, R. S. & Rosenthai, R. (1976). Encoding and decoding of spontaneous and posed facial expressions. *Journal of Personality and Social Psychology, 34,* 966–977.

Zuckerman, M., Larrance, D. T., Hall, J. A., De-Frank, R. S. & Rosenthal, R. (1979). Posed and spontaneous communication of emotion via facial and vocal cues. *Journal of Personality, 47,* 712–733.

ГЛАВА 11

Гендер и культура

Дебора Бест и Джон Уильямс

Все культуры мира неизбежно имеют дело с разделением труда между полами. Множество исследований и дискуссий было посвящено тому, каким именно образом осуществляется это разделение. Как и культура, признание и понимание различий, связанных с полом, и, безусловно, сходства между полами, сыграло огромную роль в формировании современного психологического знания. Обильным источником сведений по этому вопросу являются исследования по кросс-культурной психологии и антропологии; они касаются взаимосвязи культуры и гендерных различий, о которой и пойдет речь в рассматриваемой работе.

Бест и Уильямс дают в ней исчерпывающее представление о текущем состоянии знания, связанного с проблемами культуры и гендера. После определения ключевых понятий они рассматривают исследования, в том числе собственные, по вопросам гендера на уровне взрослого индивида и касаются поло-ролевой идеологии, гендерных стереотипов и Я-концепций. Затем они говорят об исследованиях, связанных с отношениями между мужчинами и женщинами, затрагивающих проблемы предпочтений при выборе партнера, любви и близости, домогательств и изнасилования, а также ценностей, связанных с работой. Используя эти данные в качестве отправной точки, они обсуждают различные факторы, которые могут оказывать влияние на формирование гендерных различий, в том числе биологический детерминизм, социально-биологические факторы, половой диморфизм, воздействие со стороны культуры и практики социализации.

Бест и Уильямс также дают обзор современных исследований, рассматривающих гендерные различия с точки зрения четырех психологических конструктов: воспитания, агрессии, близости к взрослым и чувства собственного достоинства. Затем они подробно анализируют факторы, которые влияют на формирование различий на уровне культуры, говорят о ролях и стереотипах, связанных с полом, о теории ориентированного на половую принадлежность научения, о культурных практиках, определяющих поведение мужчин и женщин. Представленное ими переплетение факторов социального, психологического, культурного, политического, исторического и экономического характера позволяет понять глубину и сложность гендерных различий в разных культурах.

Каким образом, принимая во внимание огромное количество научных областей, изучавших проблемы гендера, и достаточно сложную взаимосвязь фак-

торов, повлиявших на его онтогенез, будущие исследования могут помочь разработке таких моделей, которые обеспечили бы нам возможность понимания механизма формирования социальных различий между мужчинами и женщинами? Бест и Уильямс считают, что необходимо совершенствование теории и методов изучения гендера и культуры. В частности, предшествующие теории гендера, имеющие упрощенческий характер, должны принять во внимание все многообразие существующих факторов, признав сложность проблем, связанных с гендером и обстоятельств, которые влияют на эти проблемы в разных культурах и в разных социокультурных системах. Включение новых и известных методов исследования, используемых другими направлениями психологии, таких как пятифакторная модель личности (психология личности) или семантический дифференциал (психокультурная лингвистика), также может иметь значение для более глубокого понимания проблем культуры и гендера. Совершенствование нашего понимания самой культуры обещает стать ключом к более глубокому пониманию ее влияния на гендерные различия, в особенности в связи с дальнейшей контекстуализацией культуры и психологии. Самое пристальное внимание следует уделить проведению лонгитюдных гендерных исследований.

Предложения Бест и Уильямса по будущим исследованиям возвращаются к той же идее, о которой говорят и другие авторы этой книги. Для того чтобы психология представляла собой единое целое, необходима интеграция теорий и методов разных отраслей психологии, которые на сегодняшний день зачастую оторваны друг от друга. При этом интеграция не должна ограничиваться одной лишь психологией; Бест и Уильямс говорят о том, что есть чему поучиться друг у друга психологам и антропологам, и эта мысль также созвучна идеям, которые высказываются многими авторами этой книги. Исследования будущего должны коренным образом отличаться от исследований прошлого, включая наведение мостов между культурной и кросс-культурной психологией, поскольку это даст возможность продолжать развитие знаний в данной области культуры и психологии. Хотя Бест и Уильямс полагают, что проблематику гендера и культуры вполне разумно рассматривать с точки зрения панкультурных моделей, они отдают себе отчет в недостатке соответствующих теорий в данной области и в том удивительном факте, что значительная часть кросс-культурных гендерных исследований не имеет теоретической базы. Однако представленные здесь идеи обещают отчасти улучшить положение.

Когда путешествуешь по разным странам, бросается в глаза, что некоторые общества акцентируют различия между мужчинами и женщинами, в то время как другие общества проявляют к этому куда меньший интерес. Подчеркивание различий между полами заставляет предполагать, что пол должен представлять собой важную детерминанту поведения человека. При этом важно не забывать, что анатомически и физиологически мужчины и женщины имеют куда больше сходства, чем различий. Следовательно, в основном они вполне могут заменить друг друга в определенной социальной роли или равным образом способны на одинаковое

поведение, с одним лишь важным исключением — способности женщины к деторождению. Читатель будет удивлен, но, как показал обзор последних кросс-культурных гендерных исследований, пол как социальный фактор оказывает весьма малое влияние на широкий круг психологических характеристик в различных культурных группах.

Эта глава рассматривает гендер в кросс-культурном контексте; изложение идет от индивидуального уровня к уровню культуры в целом и затрагивает такие темы, как половые роли и стереотипы, отношения между мужчинами и женщинами, роли, предписываемые биологией и социализацией, и теории формирования гендерных ролей. Основное внимание уделяется областям возрастной и социальной психологии, а также психологии личности, которые касаются вопроса о том, как воспринимают мужчины и женщины сами себя и друг друга, а также манеры, в которой осуществляется их взаимодействие. Прежде чем приступить к обзору литературы, мы определим некоторые базовые понятия, имеющие отношение к теме, чтобы избежать терминологической путаницы.

Определение понятий

- *Пол* определяет анатомические и физиологические различия между мужчинами и женщинами и связь этих различий с деторождением.
- *Гендер* также используется для определения отличительных особенностей мужчин и женщин, однако с акцентом в первую очередь на социальных, а не на биологических факторах.
- *Гендерные роли* — социальные роли, в различных видах семейной и профессиональной деятельности и также досуга, которыми мужчины и женщины занимаются неодинаково.
- *Поло-ролевая идеология* определяет установки, касающиеся адекватных отношений между полами, и варьируется от традиционного антифеминистского подхода, предполагающего доминирование мужского пола до современного или эгалитарного подхода.
- *Половые стереотипы* — психологические характеристики и поведение, которые считают присущими в большей степени представителям одного из полов, (например, мужчины более «агрессивны», женщины более «эмоциональны»). Стереотипы способствуют усвоению половых ролей и могут служить моделями социализации для детей.
- *Маскулинность/фемининность* (М/Ф) представляет степень, в которой самовосприятие мужчин и женщин включает характеристики, которые в их культуре рассматриваются как свойственные мужчинам или женщинам.

Имея в виду эти дефиниции, теперь мы перейдем к личности и роли гендера в кросс-культурном контексте. Кросс-культурные гендерные исследования ставят два вопроса: о степени, до которой психологические процессы и поведение являются относительно инвариантными в разных культурах, и о том, каким образом они могут различаться под влиянием культурных факторов.

Гендер на уровне взрослого индивида

Полоролевая идеология

Практически во всех человеческих сообществах женщины несут большую ответственность за различные виды деятельности, связанной с домом, в то время как мужчины в большей степени отвечают за деятельность вне дома. Эти черты панкультурного сходства берут начало в биологических различиях между полами, в первую очередь в том факте, что женщины производят на свет детей, и в подавляющей части обществ ухаживают за ними (Williams & Best, 1990b). Однако в последнее время во многих обществах эти обязанности мужчины и женщины стали выполнять совместно, мужчины стали больше заниматься домашними делами, а женщины принимать более активное участие в практической деятельности за пределами дома. Разделение труда по половому признаку рассматривается ниже, при этом обсуждаются вопросы установок в отношении адекватного ролевого поведения каждого из двух полов.

Большинство исследователей классифицируют поло-ролевые идеологии в континууме от традиционных до современных. Традиционные идеологии предполагают, что мужчины более «значимы», чем женщины, и что им надлежит управлять женщинами и властвовать над ними. Современные идеологии же представляют эгалитарный подход, который временами определяют как **феминистскую точку зрения**, поскольку в соответствии с ним значимость мужчин и женщин одинакова и доминирование одного пола над другим отвергается.

Половые роли широко изучались в Индии, где бок о бок сосуществуют традиционная и современная идеологии. Когда индийских и американских студентов и студенток университетов спрашивали, какими качествами должна и какими не должна обладать женщина, принадлежащая к их культуре, индийские студенты выразили более традиционные взгляды, чем американцы. Женщины в обеих группах показали себя более современными или либеральными, чем мужчины (Agarwal, Lester & Dhawan, 1992; Rao & Rao, 1985). Студентки с нетрадиционной полоролевой идеологией были родом из нуклеарных семей, имели образованных матерей и собирались приобрести профессию или сделать карьеру (Ghadially & Kazi, 1979).

Уровень образования и профессиональная административная работа служат достаточным основанием для прогнозирования поло-ролевых установок как у японских, так и у американских женщин (Suzuki, 1991). Американские женщины, имеющие работу, неважно какого рода, бóльшие сторонницы эгалитаризма, чем женщины, не имеющие работы. Что касается японских женщин, то здесь эгалитарные установки в большей степени характерны для тех, кто имеет престижную профессиональную работу, по сравнению со всеми прочими женщинами, работающими и не имеющими работы.

Группа ученых (Gibbons, Stiles & Shkodriani, 1991) использовала уникальную исследовательскую возможность и изучила гендерные установки и распределение ролей в семье у подростков из 46 стран, посещающих школы в Нидерландах. Страны происхождения были сгруппированы в две категории в соответствии с культурными ценностями по Хофстеде: более богатые, более индивидуалистические страны и менее богатые, более коллективистские страны. Ученики из второй группы стран

имели более традиционные взгляды, чем ученики из первой группы, а ответы девочек, как правило, отличались меньшей традиционностью, чем ответы мальчиков.

Во многих исследованиях полоролевой идеологии американцы являлись референтной группой и обычно оказывались более либеральными, что вызывало мысль об исключительности американцев в данном отношении. Однако Уильямс и Бест (Williams & Best, 1990b) по результатам своего исследования социально-ролевой идеологии, проведенного в 14 странах, пришли к выводу, что это не так. Испытуемыми в исследовании были студенты университетов. Наиболее современная идеология была обнаружена в европейских странах (Нидерланды, Германия, Финляндия, Англия, Италия). США оказались в середине списка, а идеологии наиболее традиционной ориентации были выявлены в странах Азии и Африки (Нигерии, Пакистане, Индии, Японии, Малайзии). В целом, взгляды женщин были более современными, чем взгляды мужчин, но не во всех странах (например, Малайзия и Пакистан). Однако наблюдался высокий уровень соответствия между показателями мужчин и женщин в каждой из стран. В общем, влияние культуры было более сильным, чем влияние пола.

Прежде чем делать вывод о том, что наблюдаемые различия между странами имеют место благодаря культурным факторам, следует показать, что данные вариации связаны с переменными, которые дают возможность сравнения культур. Уильямс и Бест (Williams & Best, 1990b) обнаружили явно выраженную связь между поло-ролевой идеологией мужчин и женщин и уровнем социально-экономического развития; то есть полоролевая идеология обычно является более современной в более развитых странах. Полоролевая идеология является также более современной в более христианизированных странах, в странах с высоким уровнем урбанизации и в странах, отличающихся широтой взглядов и свободой суждений.

Гендерные стереотипы

Гендерные стереотипы тесно связаны с полоролевой идеологией и часто используются для подтверждения ее правомерности. Они представляют собой психологические характеристики, которые считаются присущими в большей степени представителям одного из полов. В своем исследовании Уильямс и Бест (Williams & Best, 1990a) предъявили 300 описывающих человека прилагательных из Контрольной таблицы прилагательных (*ACL*; Gough & Heilbrun, 1980) студентам университетов в 27 странах и попросили их указать прилагательные, которые в их культуре чаще ассоциируются с мужчинами, прилагательные, которые чаще ассоциируются с женщинами, и прилагательные, которые не ассоциируются с определенным полом. Был отмечен значительный уровень согласия во всех 27 странах относительно психологических характеристик, которые ассоциируются с мужчинами и женщинами. Мужские и женские стереотипы сильнее всего различались в Нидерландах, Финляндии, Норвегии и Германии и меньше всего — в Шотландии, Боливии и Венесуэле. Стереотипные представления о мужчинах и женщинах различались больше в протестантских странах, чем в католических, в более развитых странах и в странах, где были относительно высоки показатели индивидуализма среди мужских ценностей, связанных с работой, по Хофстеде (Williams & Best, 1990a).

По каждой стране прилагательные, связанные со стереотипными представлениями о мужчинах и женщинах, в отношении которых проявлялся высокий уровень единства мнений, оценивались с использованием системы учета аффективных значений (*affective meaning scoring system*)[1]. Во всех странах прилагательные, которые устойчиво связывались со стереотипом мужчины, несли в себе больше действия и силы, чем прилагательные, которые связывались со стереотипом женщины. Любопытно, что не наблюдалось панкультурного влияния предпочтительности мужского стереотипа в одних странах (например, Япония, Южная Африка, Нигерия) и женского стереотипа в других (например, Италия, Перу, Австралия). Использование второй системы показателей (Транзакционный анализ состояний эго) говорит о том, что во всех странах такие состояния эго, как «Требовательный Родитель» и «Взрослый», в большей степени являются характеристиками мужчин, тогда как состояния «Обучающий Родитель» и «Адаптированный Ребенок» более свойственны женщинам; состояние «Свободный Ребенок» не ассоциируется с определенным полом. Третья система показателей, основанная на 15 психологических потребностях, показала, что во всех странах доминирование, автономия, агрессия, демонстрация и достижения ассоциируются с мужчинами, тогда как воспитание детей, оказание помощи, почтение, унижение ассоциируются с женщинами. Недавний повторный анализ данных, связанный со стереотипами с точки зрения пятифакторной модели личности, показал, что панкультурный стереотип мужчины дает более высокие показатели экстраверсии, сознательности, эмоциональной стабильности и откровенности, тогда как женский стереотип дает более высокие показатели только по уступчивости (Williams, Satterwhite & Best, 1999).

Однако имели место и различия между странами. Например, различия по силе и активности между стереотипами мужчины и женщины были больше в странах, менее развитых в социально-экономическом отношении, в странах с низким уровнем грамотности и в странах, где процент женщин в университетах невысок. Вероятно, прогресс в экономике и образовании сопровождается постепенным уменьшением тенденции рассматривать мужчин как более сильных и активных, чем женщин. Однако наблюдается лишь уменьшение такой тенденции, но не полное ее исчезновение.

Высокий уровень кросс-культурного сходства гендерных стереотипов заставляет сделать следующий вывод: психологические характеристики, которые ассоциируются с мужским или женским полом, укладываются в панкультурную модель, при этом культурные факторы ведут к появлению незначительных отклонений от общей модели (см. Williams & Best, 1990a, pp. 241–244, где дано более

[1] Под аффективным значением (*affective meaning*) или коннотацией (*connotation*) понимается ассоциативный, эмоциональный аспект слова — в отличие от его когнитивного значения (*cognitive meaning*) или денотации (*denotation*). Денотация выражается в общепринятом «словарном» определении. А аффективное значение обычно в словарях не приводится, так как оно имеет субъективный характер. Например, для слова «летать» когнитивное (денотативное) значение — «передвигаться по воздуху», а аффективное (коннотативное) значение у некоторых людей может быть связано со страхом, тошнотой и т. д., а у других, наоборот, — с самыми приятными ощущениями. Эти два вида значений связаны с дуализмом интеллектуального-эмоционального в человеческом мышлении и поведении. — *Примеч. науч. ред.*

подробное описание такой модели). Вкратце, модель Уильямса и Бест основана на том, что биологические различия (женщины рожают детей, мужчины обладают большей физической силой) ведут к упомянутому выше разделению труда, при котором женщины несут ответственность за воспитание детей и уход за ними, а также за другие виды домашней деятельности, а мужчина отвечает за охоту (обеспечение) и защиту. Гендерные стереотипы складывались, чтобы закрепить сложившееся разделение труда. Стереотип предполагает, что представитель соответствующего пола обладает или может развить у себя качества, соответствующие отведенной ему роли. Однажды сформировавшись, стереотипы служат моделями социализации, которые заставляют мальчиков стремиться быть более независимыми и смелыми, а девочек — опекающими и аффилиативными. Таким образом, модель показывает, как люди в рамках широкого диапазона различных культур приходят к тому, что один набор характеристик ассоциируется с мужским полом, а другой — с женским полом, с небольшими отклонениями от исходной нормы.

Маскулинность/фемининность Я-концепций

Подобающий мужчине или присущий женщине — таково основное значение парных понятий маскулинности/фемининности. Личность может быть мужественной или женственной в самых разных аспектах, включая манеру одеваться, вести себя, или тон голоса. Здесь определение ограничивается Я-концепциями и степенью, в которой такие концепции включают характеристики, ассоциируемые с мужским или женским полом. В рамках такого ограниченного понимания маскулинности/фемининности исследователи использовали различные методики оценки. Одни использовали опросники для описания самого себя (Gough, 1952), другие анализировали только социально-желательные характеристики (Bem, 1974; Spence & Helmreich, 1978), третьи изучали характеристики, ассоциируемые с полом, не принимая во внимание их желательность в социальном плане (Williams & Best, 1990b).

В отношении критериев оценки при кросс-культурных исследованиях маскулинности/фемининности следует принять во внимание *emic* и культуро-специфичные соображения. Проблемы возникают тогда, когда шкала маскулинности/фемининности (например, Spence & Helmreich, 1978), разработанная в одной стране, часто в США, переводится на другой язык и предлагается представителям других культур. Полученные показатели интерпретируются, как будто они представляют сравнительный уровень маскулинности/фемининности в разных культурах, и *emic* соображения практически не принимаются в расчет. В кросс-культурном аспекте некоторые тестовые задания переведенных шкал маскулинности/фемининности могут быть содержательно неадекватными, а другие — просто неудачно переведенными.

Уильямс и Бест (Williams & Best, 1990b) использовали культуро-специфичные параметры для оценки маскулинности/фемининности в исследовании студентов университетов из 14 стран. Каждый участник описал себя и свой идеал себя, используя 300 прилагательных из *ACL*, эти описания были соотнесены с местными гендерными стереотипами, выявленными в более раннем исследовании (Williams & Best, 1990a). Во всех странах было обнаружено, что мужчины дают более высокие показатели маскулинности, чем женщины, что едва ли можно считать удивитель-

ным результатом. Однако представители обоих полов, описывая идеальное Я, стремились к более высокому уровню маскулинности, чем тот, которым, по их же собственному мнению, они обладали.

В то время как в Я-концепциях были обнаружены некоторые культурные вариации, явной связи между ними и такими культурными переменными, как уровень экономического/социального развития, не было. В разных культурных группах в соответствии с дефинициями фемининности маскулинности, существующими в рамках их собственных культур, не было свидетельств того, что представительницы женского пола в одних обществах более женственны, чем в других, или мужчины, принадлежащие к одной культурной группе, более мужественны, чем в других.

Однако когда Я-концепции исследовались с учетом аффективных значений, были обнаружены существенные различия между культурами в восприятии Я и концепции идеального Я, и эти различия коррелировали с культурными переменными. Например, различия в Я-концепциях мужчин и женщин были меньше в более развитых странах, где женщины работают за пределами дома, высок процент женщин в университетах и преобладает относительно современная поло-ролевая идеология.

Таким образом, имеет место любопытный парадокс. Когда используется система показателей маскулинности/фемининности, которая представляется более совершенной в методологическом отношении (так как она опирается на культуроспецифичные дефиниции), свидетельства кросс-культурных вариаций весьма скудны, а свидетельства панкультурного сходства в определении маскулинности/фемининности преобладают. С другой стороны, при использовании аффективных значений, которое опирается на оценки, данные выходцами из США и может содержать предубеждения культурного характера, выявляется множество устойчивых связей с культурными переменными. Этот парадокс не так-то просто понять.

Отношения между мужчинами и женщинами

Этот раздел посвящен кросс-культурным исследованиям, касающимся отношений между мужчинами и женщинами. Читателям, которые интересуются кросс-культурными вариациями в сексуальном поведении, можно рекомендовать следующие работы: D. L. Davis & Whitten, 1987; Hatfield & Rapson, 1993, 1995; Reiss, 1986.

Предпочтения при выборе партнера

Наиболее широкое исследование предпочтений при выборе партнера было проведено Бассом и его коллегами (Buss, 1989, 1990; Buss et al., 1990), которые собрали данные по 37 выборкам общим числом 10 000 респондентов из 33 стран. Басс и его коллеги отмечают следующее: хотя специалисты по общественным наукам часто полагают, что предпочтения при выборе партнера в значительной степени определяются культурными факторами и являются произвольными, полученные данные говорят об ином.

Басс попросил испытуемых указать свои предпочтения в двух сходных списках потенциальных характеристик партнера, проставив оценки или расставив предлагаемые характеристики в порядке предпочтения. Наиболее удивительным резуль-

татом был высокий уровень согласия мужчин и женщин относительно желательных черт. Представители обоих полов на первое место поставили «добрый и понимающий», на второе «умный», на третье место «интересная личность», на четвертое «здоровый», и «верующий» на последнее место. Несмотря на то что в целом отмечалось сходство между полами, женщины, как правило, оценивали способность потенциального партнера хорошо зарабатывать несколько выше, чем мужчины, в то время как мужчины оценивали физические данные несколько выше, чем женщины, что некоторым образом свидетельствовало в пользу социально-биологического подхода (например, Wilson, 1975).

Тем не менее культурные различия были обнаружены практически по каждому пункту, а по некоторым вопросам различия в подходе разных культур были весьма значительны. Самый высокий уровень воздействия культуры касался целомудрия, которое североевропейские культурные группы рассматривают как нечто малозначимое, в то время как культурные группы из Китая, Индии и Ирана уделяют этому вопросу самое пристальное внимание. Мужчины ценят целомудрие в будущей партнерше выше, чем женщины в будущем партнере.

По мнению Басса и соавторов (Buss et al., 1990), выборки содержат много общего, что говорит о значительном уровне единства в предпочтениях всех людей при выборе партнера; их можно определить как «свойственные виду в целом». С другой стороны, ни одна из выборок не дала показателей, которые бы в точности совпали с показателями другой выборки — каждая продемонстрировала определенную уникальность, ранжируя предпочтительные характеристики потенциального партнера, что говорит о наличии умеренных культурных вариаций.

Романтическая любовь и близость

Предполагается, что, подобно предпочтениям при выборе партнера, романтическая любовь и близость находятся под влиянием культуры. Обычно романтическая любовь высоко ценится в менее традиционных культурах с незначительным количеством прочных родственных связей и меньше ценится в культурах, где отношения между партнерами в браке подкрепляются прочными родственными связями. Например, студенты университетов в Японии ценят романтическую любовь меньше, чем студенты из Западной Германии, а оценки американских студентов занимают промежуточное положение между первыми и вторыми (Simmons, Kolke & Shimizu, 1986). По сравнению с молодыми шведами американские студенты проводят более резкую границу между любовью и сексом (Foa et al., 1987).

Любопытно, что было обнаружено (Vaidyanathan & Naidoo, 1990/1991), что отношение индийских иммигрантов в Канаде к любви и браку зависит от поколения. Хотя 63 % иммигрантов в первом поколении состояли в браке по выбору родителей, многие из них считали, что «брак по любви» вполне возможен для их детей. Более 70 % иммигрантов во втором поколении хотели большей свободы при выборе партнера и считали, что браку должна предшествовать любовь.

Дион и Дион (Dion & Dion, 1993) исследовали понимание любви и близости в индивидуалистических (Канада, США) и коллективистских (Китай, Индия, Япония) странах и обнаружили некоторые парадоксальные данные. Индивидуалисти-

ческие общества делают акцент на романтической любви и личной самореализации в браке, но индивидуализм делает достижение этих результатов проблематичным. Коллективизм же благоприятствует близости, но она обычно растрачивается на множество родственных связей. Брауде (Broude, 1987) предполагает, что вероятность близости возрастает, когда индивиды не имеют социальной поддержки вне брака.

Буунк и Хупка (Buunk & Hupka, 1987) опросили более 2000 студентов из семи промышленно развитых стран (Венгрия, Ирландия, Мексика, Нидерланды, бывший Советский Союз, США, Югославия) в отношении поведения, которое вызывает ревность. На фоне общего кросс-культурного сходства были обнаружены отдельные интересные различия. В Югославии флирт вызывает более резкую негативную реакцию, чем в остальных странах, однако поцелуи и сексуальные фантазии вызывают наименьшее количество негативных реакций. В Нидерландах сексуальные фантазии вызывают наибольшее неприятие по сравнению с другими странами, однако поцелуи, танцы и объятья вызывают меньшую ревность, чем в остальных странах. Судя по всему, культура играет решающую роль в интерпретации близких отношений между представителями противоположных полов.

Домогательства и изнасилование

Одним из немногочисленных кросс-культурных исследований, касающихся сексуальных домогательств и враждебного поведения мужчин по отношению к женщинам, является исследование Кауппинен-Торопайнен и Грубера (Kauppinen-Toropainen & Gruber, 1993), которые изучали женщин, имеющих профессию, и «синих воротничков» в США, Скандинавии и бывшем Советском Союзе. Наибольшее количество сведений о враждебном поведении по отношению к женщинам дали американки. Женщины из Скандинавии имели меньше проблем психологического характера или связанных с работой, были более независимы и находились в более благоприятном окружении на работе, чем американки. Представительницы бывшего Советского Союза, имеющие профессию, приводили больше примеров негативного опыта, чем женщины-рабочие, однако в целом меньше, чем респонденты из других стран.

Розе (Rozeé, 1993) по случайной выборке 35 обществ из Стандартной кросс-культурной выборки определил, что случаи изнасилования имеют место во всех обществах. Как правило, респонденты обвиняют как преступника, так и жертву в меньшей степени, чем американцы, делая основной акцент на обстоятельствах совершения преступления (L'Armand, Pepitone & Shanmugam, 1981).

Наиболее обширное кросс-культурное исследование отношения к жертвам изнасилования было проведено коллективом исследователей, который возглавил Уорд из Сингапура (Ward, 1995). Исследование проводилось в 15 странах, испытуемыми были студенты университетов. Относительно благосклонную позицию по отношению к жертвам изнасилования продемонстрировали представители Великобритании, Германии и Новой Зеландии, в то время как относительно неодобрительное отношение к ним было обнаружено в Турции, Мексике, Зимбабве, Индии и в особенности в Малайзии. Отношение к жертвам изнасилования отражает общее

отношение к женщине, которое в целом более благоприятно в странах с более современной поло-ролевой идеологией и менее благоприятное в странах, где невысок процент женщин, занимающихся работой вне дома, и низок уровень грамотности.

Мужские ценности, связанные с работой

Касаясь ценностей более общего характера, Хофстеде (Hofstede, 1980) сравнил ценности, связанные с работой, по 40 странам, используя данные по определению коллективных групповых установок, собранные в процессе обследования тысяч служащих *IBM*, большой многонациональной организации, специализирующейся в сфере высоких технологий. Одна из шкал, разработанная на основе проведенного Хофстеде факторного анализа, касалась степени, в которой ценности, связанные с самоутверждением, деньгами и имуществом, превалируют в обществе над ценностями, связанными с воспитанием детей, качеством жизни и человеческими качествами. Несмотря на то что эту шкалу вполне можно было назвать **материализм**, Хофстеде назвал ее **маскулинность** (*MAS*), поскольку служащие-мужчины придавали большее значение ценностям первой группы, в то время как женщины считали более важными ценности из второй группы. Название маскулинность заставляет предполагать, что различия в отношении к этим ценностям могут быть связаны с кросс-культурными вариациями в отношении к другим, подобным рассмотренным выше, понятиям, связанным с социальными факторами пола.

Хофстеде подсчитал индекс *MAS* для каждой из 40 стран, включенных в исследования. Пятью странами с самыми высокими показателями *MAS* оказались Япония Австрия, Венесуэла, Италия и Швейцария; пятью странами с самым низким уровнем *MAS* — Швеция, Норвегия, Нидерланды, Дания и Финляндия. Хофстеде (Hofstede, 1980) провел разнообразные сопоставления показателей *MAS* по стране и данных из других источников и обнаружил множество интересных взаимосвязей. Например, в странах с высоким уровнем *MAS* предпочтение отдается независимому принятию решений, а не групповым решениям, там существует более сильная мотивация достижения целей, работа требует большего напряжения и занимает более важное место в жизни людей.

Несмотря на то что *MAS* представляет собой весьма важный параметр, уместность использования такой системы ценностей, как маскулинность, по-прежнему вызывает сомнения. Бест и Уильямс (Best & Williams, 1994; 1998) не обнаружили связи между особенностями стран в отношении гендерных стереотипов и показателей маскулинности/фемининности и различиями стран в отношении оценок *MAS* по шкале Хофстеде. Уорд (Ward, 1995) также отмечает, что, хотя показатели отношения к изнасилованию коррелируют с показателями дистанции по отношению к власти, они не связаны с показателями *MAS*.

Влияние на процесс развития

Отмечая влияние, которое оказывает гендерный фактор на поведение и взаимоотношения взрослых, естественно будет поинтересоваться вопросом формирования гендерных установок и типов поведения и ролью биологических и культурных факторов в процессе онтогенеза.

Биологический детерминизм

Исследователи, занимающиеся гендерными различиями в поведении, часто ссылаются на сходство разных культур как на подтверждение роли генов и гормонов, тем самым предполагая полный генетический или биологический детерминизм. Биологический детерминизм исходит из того, что к формированию не подлежащих изменению различий между полами ведут всегда какие-либо биологические факторы или отклонения, что делает биологию необходимым и достаточным условием различий между полами. Однако биология — это не то и не другое. Давняя полемика о природе и воспитании, которая ведется в возрастной психологии, показала, что биология не определяет поведение и что такое представление достаточно наивно.

Половые хромосомы или половые гормоны не являются ни необходимыми, ни достаточными при определении поведения; они просто увеличивают или уменьшают вероятность поведения определенного типа (Hoyenga & Hoyenga, 1983; Stewart, 1988). Гены оставляют возможность для противоположных типов поведения (Gottlieb, 1983), и так же как люди до определенной степени наследуют гены, они могут «унаследовать» и окружение, живя в тесном общении с родителями и родственниками.

Социобиология, эволюционная психология, экономическая антропология

Наблюдая за взаимодействием биологии и окружающей среды, социобиологи (например, Daly & Wilson, 1978; Wilson, 1975), специалисты по эволюционной психологии (например, Buss, 1990; Nisbett, 1990) и экономической антропологии (Fry, 1987) предположили, что определенные поведенческие механизмы формируются как реакция на давление факторов отбора. Ролевые различия, связанные с полом, отражают тот факт, что различные обстоятельства ведут к различным поведенческим реакциям, каждая из которых предопределена биологически.

Гилмор (Gilmore, 1990) высказывает предположение, что мужское поведение в стиле «мачо» является адаптацией к высокому уровню риска, связанному с добычей необходимых средств существования. Ощутимая разница в ролевых установках, связанных с полом, которая наблюдается между двумя островами в южной части Тихого океана, Трук и Таити, подтверждает гипотезу Гилмора. Мужчины острова Трук — готовые к борьбе отчаянные воины, неразборчивые в сексе, при этом предполагается, что женщина не возражает мужчине и ждет, что он защитит ее. Мужчины с острова Таити, напротив, не стремятся к достижениям материального характера или к конкуренции, они ведут себя пассивно и покорно, тогда как женщины, как правило, сексуально активны. Гилмор (Gilmore, 1990) объясняет эти различия разными способами добычи пищи. Жители Таити ловят рыбу в защищенных лагунах, где им ничто не угрожает, а рыба есть в изобилии. Жители Трука вынуждены ловить рыбу в открытом море, где вероятность не вернуться домой после проведенного в море дня достаточно высока. Таким образом, стиль «мачо» может представлять собой форму адаптации к риску, которая помогает мужчинам противостоять опасности.

Хотя некоторые предположения социобиологии и согласуются с представлением о взаимодействии природы и воспитания, данная теория критиковалась на многих уровнях (Gould & Lewontin, 1979). Действительно, многие из ее предположений не подтверждаются эмпирическими данными (Travis & Yeager, 1991).

Половой диморфизм

Биология не определяет судьбу, но биологические факторы, безусловно, вносят существенный вклад в формирование гендерных различий. Термин **биологический** часто используют, когда имеют в виду гены, в данном случае половые хромосомы, но понятие «биологический» должно включать также влияние условий, в которых находится организм в период внутриутробного и постнатального развития, и часто деятельность в этих условиях определяется культурой. Например, длительность периодов сна может изменяться в зависимости от детерминируемого культурой распорядка дня матери, а усвоение навыков сидения и хождения определяется принятой в данной культуре практикой ухода за детьми (Super & Harkness, 1982).

Новорожденные мальчики крупнее и активнее девочек (Eaton & Enns, 1986), у них более высокий уровень основного обмена веществ, лучше развита мускулатура и более высокий порог болевой чувствительности (Rosenberg & Sutton-Smith, 1972). До подросткового возраста (3–10 лет) половые различия в морфологии и гормональном статусе невелики, но наблюдаемые различия соответствуют половому диморфизму, который проявится позднее (Tanner, 1961, 1970).

Взрослые мужчины выше ростом, имеют более массивный скелет, более высокий коэффициент соотношения мышечной и жировой массы, более высокий уровень насыщения крови кислородом, больше волос на теле, к тому же у представителей разных полов разные первичные и вторичные половые признаки (D'Andrade, 1966; Tanner, 1961). Первая группа различий связана с большей силой и выносливостью мужчины и, судя по всему, связана с более продолжительным периодом взросления мальчиков и гормональными изменениями, которые проявляются после 8 лет (Ember, 1981). Тем не менее эти различия имеют место лишь в рамках определенных групп населения, но не между ними, и существуют лишь применительно к средним групповым показателям, а не к сравнениям отдельных индивидов (Munroe, 1975/1994). Многие женщины сильнее и активнее многих мужчин.

Влияние культуры

Несмотря на то что биологические факторы могут создавать определенные предпосылки и ограничения для развития, важной детерминантой развития являются также социокультурные факторы (Best & Williams, 1993; Munroe & Munroe, 1975/1994; Rogoff, Gauvain & Ellis, 1984). Культура оказывает глубокое влияние на поведение, определяя, как осуществляется родовспоможение, как происходит социализация детей, как одевают детей, какое поведение считается разумным, чему обучают детей, какие функции берут на себя взрослые мужчины и женщины. Возможности и формирование поведения ребенка определяются культурой, даже если это поведения рассматривается как детерминированное биологическими факторами. Культурные универсалии в различиях полов часто объясняют сходством в практиках социализации, в то время как культурные различия относят за счет различий процесса социализации.

К наиболее известным, хотя и вызывающим определенные сомнения, примерам культурного своеобразия поведения, связанного с половой принадлежностью, относится классическое исследование трех племен из Новой Гвинеи, проведенное Маргарет Мид (Mead, 1935). Мид говорила о том, что, с точки зрения западных представлений, в данных обществах и мужчины и женщины обладают как маскулинностью, так и фемининностью, их поведение не соответствует принятой сексуально-ролевой ориентации.

Яркую иллюстрацию глубинной природы половых различий дает история израильских кибуцев, основанных в 1920-е годы. В них была предпринята целенаправленная попытка сформировать эгалитарное общество (Rosner, 1967; Snarey & Son, 1986; Spiro, 1956). Сначала там не было разделения труда по половому признаку. И мужчины и женщины работали в полях, управляли тракторами и работали на кухне и в прачечной. Однако время шло, повысилась рождаемость, и выяснилось, что женщины не могут взять на себя многие виды физической работы, с которыми справляются мужчины. И вскоре женщины взяли на себя именно те функции, от которых, как считалось сначала, они стремились освободиться — стряпню, стирку, обучение детей и уход за ними. Очевидно, попытка организовать в кибуцах справедливое разделение труда не оказала большого влияния на детей. Карлсон и Барнес (Carlsson & Barnes, 1986), исследуя представления о типичном сексуально-ролевом поведении мужчин и женщин и восприятие собственной половой принадлежности, не обнаружили культурных или половых отличий детей, которые выросли в кибуцах, от шведских детей.

Социализация мальчиков и девочек

Многие различия в поведении мальчиков и девочек объясняются различиями в социализации. Барри, Бэкон и Чайлд (Barry, Bacon & Child, 1957) исследовали практики социализации более чем в 100 обществах и обнаружили, что мальчиков обычно учат добиваться своего, полагаться на собственные силы, быть независимыми, тогда как девочек приучают заботиться о слабых, быть ответственными и послушными. Однако Хендрикс и Джонсон (Hendrix & Johnson, 1985) повторно проанализировали эти данные и не пришли к подобным выводам о различии в социализации представителей мужского и женского пола. Действительно, инструментально-экспрессивные составляющие представляли собой не полярные противоположности, а, скорее, параметры ортогонального характера, не связанные между собой, с одинаковой расстановкой акцентов при обучении мальчиков и девочек.

Литтон и Ромни при проведении метаанализа (Lytton & Romney, 1991) обнаружили, что в 158 исследованиях социализации, проведенных в Северной Америке, единственно ощутимый результат давало поощрение поведения, определяемого полом. Еще в 17 исследованиях, проведенных в других западных странах, наблюдались значительные различия между полами в отношении применения физических наказаний, которые для мальчиков были более суровыми, чем для девочек. Различия в обращении с мальчиками и девочками сглаживались с возрастом, особенно в отношении строгости воспитания и поощрения поведения, связанного с половой принадлежностью.

В целом, данные, касающиеся социализации, говорят о том, что, возможно, существуют едва уловимые различия в том, как родители обращаются с мальчиками и девочками. В исследованиях эти различия лишь изредка являются ощутимыми, возможно, в связи с категориями, которые использовались для получения количественных характеристик разных типов поведения. Даже если родители не делают различия между сыновьями и дочерьми, одинаковое обращение родителей может по-разному воздействовать на мальчиков и девочек в связи с биологическими различиями или изначальными предпочтениями.

Поручение определенной работы

Изучение условий, в которых происходит научение детей в различных культурных группах, позволяет лучше понять, каким образом культурные различия в процессе социализации влияют на развитие детей. Условия научения изучались в процессе исследования шести культур (Edwards & Whiting, 1974; Minturn & Lambert, 1964; E. Whiting & Edwards, 1973), которое касалось поведения детей, связанного с агрессией, заботой о младших, ответственностью, поиском помощи и внимания. В исследовании принимали участие дети 3–11 лет с острова Окинава, из Мексики, Филиппин, Индии, Кении и США. Незначительные гендерные различия были обнаружены в трех выборках (США, Филиппины, Кения), в которых как мальчики, так и девочки заботились о младших братьях и сестрах и выполняли работу по дому. Более существенные различия были выявлены в трех других выборках (Индия, Мексика, Окинава), где с мальчиками и девочками обращались по-разному и к девочкам чаще обращались с просьбами позаботиться о младших и работе по дому. Самыми незначительными были различия между мальчиками и девочками в американской выборке, где ни мальчики, ни девочки не принимают особого участия в заботе о младших и работе по дому.

Брэдли (Bradley, 1993) изучал детский труд по 91 культуре из стандартной кросс-культурной выборки (Murdock & White, 1969) и пришел к выводу, что дети младше 6 лет выполняют не много работы, тогда как дети старше 10 лет выполняют работу, которая в значительной степени подобна работе взрослых представителей того же пола. Как мальчики, так и девочки выполняют женскую работу (например, принести воды) чаще, чем мужскую (например, охота), при этом дети часто выполняют работу, которую взрослые считают унизительной или неквалифицированной. За работой детей следят женщины, что помогает усвоению детьми культурных норм и облегчает труд матерей. Таким образом, тот, кто воспитывает детей, не только растит свою будущую опору в старости, но и имеет возможность воспользоваться плодами труда детей.

Уход за детьми и забота о них

Вейснер и Галлимор (Weisner & Gallimore, 1977) проанализировали данные по 186 обществам и пришли к выводу, что в первую очередь уходом за младенцами и присмотром за ними занимаются матери, взрослые родственницы и девочки. Однако как только малыши подрастут, ответственность за их воспитание берут на себя не только их сестры, но и братья. Братья и сестры в качестве нянек играют основную роль в социализации в обществах, в которых дети 2–4 лет проводят с такими няньками более 70 % времени ежедневно. В таких обществах матери прово-

дят большую часть времени, занимаясь разного рода производительной деятельностью, не посвящая все время исключительно материнским обязанностям (Greenfield, 1981; Mintern & Lambert, 1964), хотя во всех культурах дети видят в матери того, кто за них отвечает.

Фактически в 20 % из 80 обследованных культур (Katz & Konner, 1981; West & Konner, 1976) отцы достаточно редко или никогда не занимались младенцами. Близкие отношения отцов с младенцами были выявлены лишь в 4 % культур, но даже при такой близости отцы проводили с младенцами лишь 14 % своего времени и обеспечивали лишь 6 % потребностей по уходу за ними. В большинстве обществ общение отца с детьми в основном представляет собой игры (R. L. Munroe & Munroe, 1994).

Отсутствие отца связывается с чрезмерно агрессивным или гипермаскулинным поведением (Katz & Konner, 1981; Segall, 1988; B. B. Whiting, 1965). При длительном отсутствии отца, например из-за войны или продолжительных уходов в море (Gronseth, 1957; Lynn & Sawrey, 1959), сыновья ведут себя явно немужественным образом, обнаруживая высокий уровень зависимости, чрезмерно буйную фантазию, наряду с гипермаскулинным поведением.

Отцы уделяют меньше внимания дочерям, чем сыновьям, и в большей степени, чем матери, поощряют деятельность, определяемую полоролевой ориентацией (Lytton & Romney, 1991). Воспитательная роль матери в одинаковой мере важна для мальчиков и девочек, однако отец обычно играет более важную роль в воспитании сыновей (Rohner & Rohner, 1982). Маки (Mackey, 1985; Mackey & Day, 1979) наблюдал за поведением детей и родителей в общественных местах в 10 различных культурах и обнаружил, что девочки чаще были в группах, в которых не было взрослых мужчин, тогда как мальчики чаще находились в группах, которые целиком состояли из мужчин, эти различия усиливались с возрастом.

Сверстники

В детстве и юности важную роль при социализации играют сверстники. Влияние сверстников возрастает по мере взросления детей, помогая структурировать переход от детства к зрелости (Edwards, 1992).

Анализ взаимодействия детей 2–10 лет со сверстниками, который проводился в рамках исследования шести культур и шести дополнительных выборок (Edwards, 1992; Edwards & Whiting, 1993), показал универсальную в кросс-культурном отношении устойчивую тенденцию к предпочтению представителей своего пола, которая проявляется после 2-летнего возраста. У детей постарше сегрегация по половому признаку встречается очень часто. Эдвардс высказывает предположение, что влечение к себе подобным может мотивироваться желанием понять самого себя, а сверстники того же пола — это лучшее зеркало. Для ребенка сверстники — это те, кто имеет сходные с его собственными возможности и предпочтения определенных видов деятельности, но они же еще и обеспечивают возможности для соперничества и конфликтов.

Обряды инициации подростков, которые обнаруживаются во многих культурах, имеют своей целью отделить инициируемого от родных; подготовить его к приемлемым в рамках данной культуры сексуальности, доминированию и агрессии; заложить основы преданности группе сверстников; укрепить политические

связи. Коллективные ритуалы более распространены применительно к мальчикам, чем к девочкам, и чаще встречаются в обществах воинов, которые делают акцент на различиях в деятельности, свойственной мужчинам и женщинам (Edwards, 1992). Хотя западное образование начинает менять обряды инициации, их следы тем не менее остаются.

Образование

Условия образования также оказывают существенное влияние на поведение детей. Наблюдения за учениками пятых классов в Японии и США показывают, что учителя в обеих странах уделяют больше внимания мальчикам, причем оценивая их негативно, и что большее внимание нельзя объяснить плохим поведением или невыполнением заданий (Hamilton, Blumenfeld, Akoh & Miura, 1991).

Установки родителей в отношении успеваемости могут также оказывать значительное воздействие на достижения детей. Серпелл (Serpell, 1993) обнаружил, что в Замбии считается, что образование важнее для мальчиков, чем для девочек, поэтому ответственность за учебу в школе обычно берет на себя отец, тогда как мать главным образом занимается уходом за детьми. В Китае, Японии и США матери считают, что мальчики должны лучше успевать по математике, а девочки лучше справляться с чтением (Lummis & Stevenson, 1990), хотя на самом деле и те и другие показывают одинаковый уровень успеваемости по этим дисциплинам.

Гендерные различия в поведении

К различиям в поведении мужчин и женщин ведут как биологические, так и культурные различия. Ниже кратко рассматриваются четыре сферы кросс-культурных различий между полами: забота о младших, агрессия, близость к взрослым и чувство собственного достоинства.

Забота о младших

В исследовании шести культур Эдвардс и Уайтинг (Edwards & Whiting, 1980) обнаружили, что в возрастном промежутке от 5 до 12 лет гендерные различия проявлялись более последовательно в поведении по отношению к младенцам и детям, которые учились ходить, чем в отношении к матери и детям старшего возраста. Поскольку младенцы требуют больше заботы, чем старшие дети, девочки, проводившие с малышами больше времени, проявляли больше стремления к заботе о младших, чем мальчики, которые не так много занимались маленькими детьми.

Барри, Бэкон и Чайлд (Barry, Bacon & Child) обнаружили, что, по сравнению с мальчиками, девочек больше готовят к тому, чтобы они заботились о младших (82 % культур), были более послушными (35 % культур) и более ответственными (61% культур). Мальчиков же, в свою очередь, учат стремиться к достижению цели (87 % культур) и быть более независимыми (85 % культур), чем девочки. В 108 культурах Уэлч, Пейдж и Мартин (Welch, Page & Martin, 1981) обнаружили, что к мальчикам предъявляются более строгие требования в отношении соответствия предписанной роли, чем к девочкам, ролевые ориентации которых к тому же отличаются большим многообразием.

Агрессия

Кросс-культурные исследования детей, не достигших периода полового созревания, последовательно говорят о том, что мальчикам по сравнению с девочками в большей степени свойственны агрессивность, дух соперничества, стремление доминировать и игры, связанные с драками и борьбой (Ember, 1981; Freedman & DeBoer, 1979; Strube, 1981). Изучение данных, полученных в процессе Исследования шести культур и дополнительных выборок из Африки, которое проводили Б. Б. Уайтинг и Эдвардс (B. B. Whiting & Edwards, 1988), показало что между полами существуют различия в отношении к агрессивности и стремлению доминировать, однако, вопреки более ранним данным, было обнаружено, что агрессия не уменьшается с возрастом и становится более выраженной у мальчиков старшего возраста. Наблюдения, которые проводили на площадках для игр в Эфиопии, Швейцарии и США Омарк, Омарк и Эдельман (Omark, Omark & Edelman, 1975), показали, что мальчики ведут себя более агрессивно, чем девочки, а Блертон-Джонс и Конер (Blurton-Jones & Koner, 1973) пришли к подобным выводам, проведя исследования в четырех деревнях народности кунг-буш и в Лондоне. В процессе наблюдения четырех промышленно отсталых культур Монро и его коллеги (R. L. Munroe, Hulefeld, Rodgers, Tomeo & Yamazaki, 2000) обнаружили, что проявление агрессии у мальчиков встречается чаще, чем у девочек. Когда мальчики и девочки собираются в однородные половые группы, эпизоды агрессии чаще встречаются в группах мальчиков, чем девочек.

Исследование шести культур показало, что матери, как правило, одинаково реагируют на проявления агрессии мальчиками и девочками, однако были обнаружены определенные свидетельства того, что на Окинаве и в США по-разному подходят к воспитанию агрессивности у мальчиков и девочек. Важную роль в воспитании агрессивности у мальчиков может сыграть отец (Minturn & Lambert, 1964). Уровень приемлемости агрессивности для мужчин и женщин в странах Западной Европы приблизительно одинаков, однако существуют различия в формах проявления агрессивности представителями мужского и женского пола. Мужчины сначала ведут себя более сдержанно, однако приходят в бóльшую ярость (Ramirez, 1993), в то время как женщины более эмоциональны и склонны прибегать к крику и словесным перепалкам (Burbank, 1987).

Если мы переместимся в противоположную часть спектра, можно сказать о том, что Боенке с коллегами (Boehnke, Silbereisen, Eisenberg, Reykowsky & Palmonary, 1989) занимались изучением формирования просоциальной мотивации у школьников из Западной Германии, Польши, Италии и США. В возрасте 12 лет, но не ранее, девочки демонстрировали более зрелую мотивацию в своих реакциях на гипотетические ситуации, которые предполагали возможность просоциальных действий.

Близость к взрослым и характер деятельности

Наблюдая игру детей 5–7 лет в восьми культурах (австралийские аборигены, жители Бали, Цейлона, Японии, Кикуйу, Тайваня, представители племени навахо, пенджабцы), Фридман (Freedman, 1976) обнаружил, что мальчики собираются в

группы большего размера, преодолевают большие расстояния и больше занимаются физической деятельностью, порой непредсказуемого характера, в то время как девочки больше заняты разговорами и играми, предполагающими повторение определенных действий. Девочки обычно меньше удаляются от дома (Draper, 1975; R. L. Munroe & Munroe, 1971; B. Whiting & Edwards, 1973). Поручение определенной работы (B. Whiting & Edwards, 1973) и предпочтения, связанные с определенным поведением, могут внести свой вклад в углубление гендерных различий (Draper, 1975). Мальчики больше стремятся к общению с другими мальчиками, тогда как девочки больше ищут общества взрослых (Blurton-Jones & Koner, 1973; Omark et al., 1975; B. Whiting & Edwards, 1973).

Рисунки детей отражают сегрегацию по половому признаку, подобную той, которая происходит в процессе игры, мальчики чаще рисуют мальчиков, а девочки — девочек (Freedman, 1976). Возможно, отражением гендерных различий в предпочтениях детей было то, что мальчики, принадлежавшие к девяти культурам, чаще рисовали машины, чудовищ и рисунки на различные темы, связанные с проявлениями агрессии, чем девочки, которые предпочитали рисовать цветы.

Чувство собственного достоинства

Хотя отнесение себя к определенному полу осуществляется сходным образом, судя по всему, девочки меньше удовлетворены тем, что они девочки, чем мальчики тем, что они мальчики (Burns & Homel, 1986), к тому же мальчики считают себя более знающими, чем девочки (van Dongen-Melman, Koot & Verhulst, 1993). Однако неудовлетворенность девочек не всегда выражается в более низкой самооценке (Calhoun & Sethi, 1986). По сравнению с мальчиками девочки-подростки в Непале, на Филиппинах и в Австралии считают себя менее способными к физике и математике, но девочки из Австралии и Нигерии полагают, что они лучше успевают по чтению (Watkins & Akande, 1992; Watkins, Lam & Regmi, 1991). Мальчики из Нигерии считают, что они умнее девочек (Olowu, 1985).

Подводя итог, можно сказать, что различия между мальчиками и девочками в проявлении заботы о младших, агрессивности и мобильности носят устойчивый характер и последовательно обнаруживаются в разных культурах (Ember, 1981), в то время как различия в самооценке носят менее последовательный характер. Культура формирует социальное поведение детей, определяя круг людей, в котором они находятся, и виды деятельности, которыми они занимаются. Опыт, связанный с этими обстоятельствами, может обострить, сгладить или даже устранить различия между полами в социальном поведении.

Гендерные роли и стереотипы

Гендерные роли формируются в контексте стереотипных культурных представлений о различиях между мужским и женским полом. Исследования в США показывают, что в первые два года жизни у детей складываются стереотипы, связанные с мужским и женским началом (Thompson, 1975; Weinraub et al., 1984), а в возрасте 3–4 лет дети используют данные стереотипы, верно определяя соответствующую категорию для игрушек, различных видов деятельности и профессий (Edelbrook & Sugawara, 1978; Guttentag & Longfellow, 1977).

Сходные гендерные стереотипы, связанные с игрушками, обнаружены в Африке, где девочки играют с куклами, а мальчики конструируют машины и оружие (Bloch & Adler, 1994). В возрасте 4–5 лет деревенские дети из Шри-Ланки демонстрируют в процессе игры гендерные различия, аналогичные различиям, обнаруженным у английских детей (Prosser, Hutt, Hutt, Mahindadasa & Goonetilleke, 1986). Мальчики чаще склонны к негативному поведению, а в их играх чаще находится место для воображаемых объектов, тогда как игры девочек чаще включают воображаемых людей. Несмотря на то что содержание игр определяется культурными факторами, по-видимому, лишь немногие формы поведения культуро-специфичны.

Формирование стереотипных представлений о гендерных чертах характера

Проводимые в США исследования говорят о том, что дети усваивают знания, связанные со стереотипными представлениями о мужских и женских чертах характера, позднее, чем стереотипы, связанные с игрушками и родом занятий (Best et al., 1977; Reis & Wright, 1982; Williams & Best, 1990a). Было проведено исследование американских детей европейского происхождения, в процессе которого использовалась Система оценки гендерных стереотипов для анализа представлений детей о стереотипах взрослых. В процессе исследования была обнаружена устойчивая схема расширения представлений, начиная с детского сада и до старших классов школы, сходная с обычной кривой научения. Наиболее значительный скачок в расширении представлений о стереотипах происходит в начальной школе, а окончательно эти представления складываются в юности. Показатели детей афроамериканцев также свидетельствовали о расширении представлений по мере взросления детей, однако были ниже, чем соответствующие показатели европейско-американских детей, что, возможно, отражало субкультурные вариации в представлениях о стереотипах.

Кросс-культурные данные

Уильямс, Бест и их коллеги (Williams & Best, 1990a) применили «систему оценки гендерных стереотипов II» при изучении 5-, 8-, и 11-летних детей в 25 странах. Во всех странах процент стереотипных ответов поднимался от уровня приблизительно 60 % у пятилетних до уровня приблизительно 70 % у 8-летних. Прилагательные «сильный, агрессивный, жестокий, грубый, безрассудно смелый» последовательно связывались с мужским полом обеими возрастными группами, а «слабый, благодарный, добрый, нежный, кроткий» соответственно ассоциировались с женским полом.

Показатели мальчиков и девочек были особенно высоки в Пакистане и относительно высоки в Новой Зеландии и в Англии. Показатели были очень низкими в Бразилии, на Тайване, в Германии и Франции. Хотя между странами существуют различия в темпах научения, существует общая возрастная схема, в соответствии с которой усвоение стереотипов начинается ранее 5-летнего возраста, темп его нарастает в начальной школе, а завершается в юности.

Мальчики и девочки усваивают стереотипы в одинаковом темпе, хотя существует тенденция к усвоению черт, связанных со стереотипом мужчины, несколько раньше, чем стереотипно-женских черт. В 17 из 24 обследованных стран момен-

ты, связанные со стереотипом мужчины, были более общепризнанными, чем те, которые связывались со стереотипом женщины. Единственной страной, в которой составляющие женского стереотипа были более общепризнанными, чем мужской стереотип, была Германия. Стереотипы, связанные с женским полом, усваивались раньше стереотипов мужского пола в романских/католических культурах (Бразилия, Чили, Португалия, Венесуэла), где стереотип взрослой женщины обладает большей определенностью, чем стереотип мужчины (Neto, Williams & Widner, 1991; Tarrier & Gomes, 1981).

В странах, где доминирует ислам, пятилетние связывают черты с одним из двух полов, проводя более четкие разграничения, при этом в таких странах стереотипы (главным образом, мужские) усваиваются в более раннем возрасте, чем в странах не исламской культуры. В христианских странах дети усваивают первичные представления о стереотипах в более позднем возрасте, что, вероятно, отражает менее четкие разграничения этих стереотипов взрослыми; в первую очередь это касается католических стран.

Используя объединенные критерии, включающие характерные черты и ролевые установки, Альберт и Портер (Albert & Porter, 1986) исследовали гендерные стереотипы детей в возрасте от 4 до 6 лет в США и Южной Африке и обнаружили, что представления о стереотипах расширяются с возрастом. Дети из Южной Африки имели более четкие представления о стереотипной роли мужчины, в отношении роли женщины между странами не было выявлено различий. Дети из Южной Африки, получившие христианское или иудейское воспитание либерального толка, имели менее четкие представления о стереотипах, чем дети из более консервативных религиозных групп. В США религиозные убеждения не влияли на формирование стереотипов.

Изучая детей старшего возраста (от 11 до 18 лет), Интонс-Петерсон (Intons-Peterson, 1988) обнаружил, что шведские дети приписывают женщинам больше важных качеств, чем американские дети. Стереотипные представления о представителях мужского и женского пола в Швеции ближе между собой, чем в США, что, вероятно, в определенной степени отражает философию шведской культуры. Любопытно, что в Швеции при этом предпочтения мужчин и женщин при выборе профессии не совпадают; молодые шведки стремятся получить профессии, связанные преимущественно с предоставлением услуг, таких как служащий аэропорта, работник больницы, няня, в то время как молодые шведы заинтересованы в занятиях бизнесом. В США же, напротив, предпочтения мужчин и женщин, связанные с выбором профессии, частично совпадают, причем обе группы перечисляют профессии врача/стоматолога/адвоката и руководящего работника как наиболее престижные и желанные. Принимая во внимание черты сходства, обнаруженные в разных странах и при применении различных критериев оценки, можно сказать, что гендерные стереотипы, очевидно, носят универсальный характер, при этом культура оказывает влияние на темпы их усвоения и отдельные несущественные аспекты содержательного характера. Эти данные согласуются с общей панкультурной моделью гендерных стереотипов, о которой шла речь выше, и говорят о том, что панкультурные стереотипы могут рассматриваться как **универсалии, проявляющиеся в различных формах** (Lonner, 1980).

Кросс-культурные теории усвоения гендерной ролевой ориентации

Большинство теорий, касающихся усвоения гендерных ролевых функций, уделяют первоочередное внимание сведениям, касающимся пола, которые доступны в рамках определенной культуры, несмотря на то что данные теории были разработаны главным образом в США [1]. Каждая теория может быть адаптирована для объяснения кросс-культурных моделей развития.

Теории социального научения

Теории социального научения (Bandura, 1969; Bussey & Bandura, 1984; Mischel, 1970) рассматривают формирование гендерной ролевой ориентации как результат накопленного опыта. Родители, учителя, сверстники и другие агенты социализации формируют поведение детей, связанное с поло-ролевой ориентацией, путем подкрепления и наказания адекватного и неадекватного поведения, моделирования, ожиданий, подбора игрушек и других моментов, связанных с разным обращением родителей с мальчиками и девочками. Проведенные в США исследования показали, что родители одного пола с детьми и родители противоположного пола по-разному реагируют на детей, и эти различия в обращении более отчетливо проявляются в поведении отцов (Maccoby & Jacklin, 1974). Интересно, что немногочисленные исследования, проведенные в других странах (Bronstein, 1984, 1986; Lamb, Frodi, Hwang, Frodi & Steinberg, 1982; Russell & Russell, 1987; Sagi, Lamb, Shoham, Dvir & Lewkowicz, 1985), не выявили различий в обращении с мальчиками и девочками.

Бест и ее коллеги (Best, House, Barnard & Spicker, 1991) наблюдали поведение родителей и детей дошкольного возраста в общественных парках и на игровых площадках во Франции, Германии и Италии и обнаружили, что взаимоотношения родителей с детьми различаются как в зависимости от пола, так и в зависимости от страны. Родители и дети в Италии и Франции вступали в более тесные взаимоотношения друг с другом, чем дети и родители в Германии, при этом французские и итальянские дети чаще стремились что-либо показать или чем-то поделиться с отцом, чем с матерью, в Германии же дети предпочитали мать. Такие различия во взаимоотношениях могут быть связаны с культурными различиями в усвоении гендерных стереотипов, которые упоминались выше. Возможно, дети в Германии усваивают характеристики, связанные с женским полом, раньше, чем с мужским, поскольку они больше общаются с матерью, чем с отцом. Подобная модель не была обнаружена в других странах.

В то время как существуют убедительные кросс-культурные свидетельства того, что социальные факторы играют важную роль в усвоении гендерной ролевой ориентации, само по себе социальное научение еще не дает удовлетворительного объяснения. Степень различий в обращении с мальчиками и девочками в значительной мере варьирует в зависимости от культуры и не всегда связана с различиями в поведении (Bronstein, 1984; Lamb et al., 1982; Russell & Russell, 1987). Поручения, которые даются детям, а также ролевые модели, которые предлагает культура в более широком плане, дают детям возможность усвоить различные роли и

типы поведения. Следует систематически обращаться к характерным аспектам культуры, которые оказывают влияние на усвоение детьми поло-ролевой ориентации и поведения.

Теория когнитивного развития

Другой известной теорией, касающейся усвоения гендерной ролевой ориентации, является теория когнитивного развития (Kohlberg, 1966; Ruble, 1987), подчеркивающая роль внешних факторов при формировании поло-ролевой ориентации. Однако воздействие этих факторов определяется формированием когнитивных структур ребенка. Дети в своем развитии проходят определенные стадии усвоения сведений, связанных с полом, и приобретаемый ими опыт структурируется в соответствии с доступным уровнем понимания. Слэби и Фрей (Slaby & Frey) выделяют четыре уровня понимания американскими детьми проблем, связанных с полом. Сначала дети не делают различий между полами, однако на втором этапе они начинают использовать категории, связанные с полом, которые базируются на поверхностных физических характеристиках. На последних двух уровнях, которых дети достигают в возрасте 4,5–5 лет, они приходят к пониманию того, что пол является устойчивой и непреходящей характеристикой.

Занимаясь проверкой теории когнитивного развития, Р. Монро, Шиммин и Монро (R. H. Munroe, Shimmin & Munroe, 1984) ожидали обнаружить культурные различия в прохождении этих уровней, обусловленные тем, насколько общество подчеркивает различия между мужским и женским полом. Однако, вопреки ожиданиям, такой культурной специфики обнаружено не было. Дети из Кении и Непала, принадлежащие к культурам, которые акцентируют различия между полами, усваивали гендерные понятия не ранее детей из Белиза и Самоа. Фактически, дети из Кении усваивали эти понятия позднее, чем дети из Самоа, а дети из Непала не отличались от детей из других групп. Как и предполагалось, достижение более поздних уровней, связанных с факторами когнитивно-структурного характера, происходило с небольшими вариациями в разных культурах. Монро и Монро (R. H. Munroe & Munroe, 1982) полагают, что усвоение гендерных понятий медленнее осуществляется в тех культурах, где дети мало контактируют с представителями мужского пола, что часто происходит в традиционных культурах, где забота о детях почти полностью ложится на мать.

Басси (Bussey, 1983) обнаружил, что представление о неизменности пола не является значимой предпосылкой для формирования поведения, определяемого половой принадлежностью. Модель поведения мальчиков включает два процесса: усвоение маскулинного поведения и неприятие фемининного поведения; для девочек модель включает только один процесс: усвоение поведения, связанного с женским полом, без неприятия поведения противоположного пола. Вследствие этого, для маленьких девочек поведение девчонки-сорванца вполне приемлемо, в то время как поведение «маменькиного сынка» отвергается мальчиками.

В целом можно сказать, что имеющиеся данные говорят о том, что факторы когнитивного развития играют доминирующую роль в процессе формирования гендерных представлений, в отличие от культуро-специфичных факторов, роль которых относительно невелика.

Теория гендерной схемы

Не так давно сформировалась модификация теории когнитивного развития и теории когнитивного научения, теория гендерной схемы (Bem, 1981; Liben & Signorella, 1980, 1987; Signorella, Bigler & Liben, 1993). **Схема** представляет собой комплекс представлений, которые используются для организации информации, фильтрации новых сведений и направления когнитивной деятельности. Теория гендерной схемы предполагает, что гендерный приоритет в рамках конкретной культуры служит основой для организации информации (Jacklin, 1989) Впрочем, это предположение не получило достаточных подтверждений в культурах за пределами США.

Культурные практики, оказывающие влияние на поведение полов

В этом разделе более подробно рассматриваются различные аспекты влияния культуры на поведение полов, которое коротко упоминалось в предыдущих разделах данной главы: положение женщины, разделение труда по половому признаку, религиозные установки и ценности, экономические факторы и участие в политической деятельности.

Положение женщины

Этнографические данные говорят о том, что положение женщины включает множество параметров, среди которых — экономические показатели, социальный авторитет, автономия, престиж и идеологические параметры (Mukhopadhyay & Higgins, 1988; Quinn, 1977). Детерминанты асимметричности статуса мужчины и женщины включают роль женщины при продолжении рода, вторичные половые признаки, более высокий уровень силы и агрессивности мужчин, разделение труда по половому признаку, сложность общественных отношений (Berry, 1976; Ember, 1981), социализацию, образование и религиозные верования.

Разделение труда по половому признаку

В том, что считается свойственным мужчине, а что — женщине, возможны культурные вариации, однако в литературе отмечаются два момента, которые можно считать культурными универсалиями: в какой-то мере, любое общество связывает определенные черты и определенные виды работ с принадлежностью к определенному полу (R. H. Munroe & Munroe, 1975/1994); ни в одном обществе женщина не имеет более высокого статуса, чем мужчина, а обратное явление достаточно широко распространено (Hoyenga & Hoyenga, 1993; Population Crisis Committee, 1988; Whyte, 1978). Д'Андрад (D'Andrade, 1966) проанализировал этнографические сведения, касающиеся выполняемой работы, по 244 обществам и обнаружил, что мужчины занимаются охотой, работой с металлом, изготовлением оружия и дальше удаляются от дома, тогда как женщины отвечают за припасы и приготовление пищи, ходят за водой, заботятся об одежде и изготавливают вещи, которые используются дома. Женщины участвуют в деятельности, связанной с воспитанием детей и уходом за ними (Brown, 1970; Segal, 1983), а мужчины берут не себя обязанности, связанные с воспитанием детей лишь в 10 % из 80 обследованных культур (Katz & Konner, 1981).

Снижение детской смертности и рождаемости уменьшили долю времени, которую в жизни женщины занимает воспитание детей. Стало возможным разделить рождение и воспитание детей (Huber, 1986), что позволило женщинам работать вне дома. Однако работа по найму не исчерпывает экономический вклад женщины в семейную жизнь (Dixon, 1978).

Занимаясь исследованием тенденций по 56 странам в период с 1960 по 1980 год, Джейкобс и Лим (Jacobs & Lim, 1992) обнаружили, что женщины испытывают сокращение профессиональных возможностей и рост сегрегации. Любопытно, что рост валового национального продукта на душу населения и повышение образовательного уровня женщин обнаруживают позитивную связь с сегрегацией по половому признаку, а доля женщин в общей численности работающего населения и уровень рождаемости обратно пропорциональны. По сравнению с мужчинами, женщины, как и прежде, подвергаются экономической дискриминации и получают более низкую зарплату, чем их коллеги-мужчины, которые занимают аналогичные должности (Ottaway & Bhatnagar, 1988). Женщины предпочитают традиционно женскую работу, а также такую, которая обеспечивает более широкие возможности общения с людьми, тогда как мужчины предпочитают более высокооплачиваемую работу, которая открывает перспективы продвижения по службе (Loscocco & Kalleberg, 1988; Mullet, Neto & Henry, 1992).

Даже в обществе, в котором женщины представляют собой значительную часть общей рабочей силы, не произошло соразмерного снижения доли обязанностей женщин по ведению домашнего хозяйства (Population Crisis Committee, 1988). В США, Швейцарии, Швеции, Канаде, Италии, Польше и Румынии основная часть домашней работы выполняется женщинами, безотносительно к требованиям, которые предъявляет к ним профессиональная деятельность (Calasanti & Bailey, 1991; Charles & Hopfinger, 1992; Lupri, 1983; Vianello et al., 1990; Wright, Shire, Hwang, Dolan & Baxter, 1992). Наличие детей и большого дома связывается с уменьшением доли мужского участия в работе по дому. Тем не менее во всех странах представители «синих воротничков» придерживаются более традиционных взглядов на разделение труда между полами. Это значит, что более эгалитарные взгляды появляются при более высоком образовательном и социальном статусе (Vianello et al., 1990).

Неравенство полов, однако, не исчезает полностью с расширением возможностей женщин при выборе работы или с повышением уровня образования. В четырех западных странах (США, Великобритании, Германии и Австрии) Н. Дэвис и Робинсон (N. J. Davis & Robinson, 1991) обнаружили, что люди с достаточно высоким уровнем образования и женщины, у которых были работающие мужья, оказались менее расположены к тому, чтобы предпринимать усилия для уменьшения неравенства между полами, чем население с более низким уровнем образования и женщины, которые не имели мужчины-кормильца.

Религиозные убеждения и ценности

Религиозные убеждения и свойственные культуре взгляды на репутацию семьи также оказывают влияние на взгляды женщин и их работу за пределами дома (Rapoport, Lomski-Feder & Masalia, 1989). Латинская Америка и Ближний Восток имеют много общего в отношении идеалов, связанных с личной репутацией и ре-

путацией семьи, и эти идеалы увязывают мужественность мужчины с сексуальной чистотой женщины и оказывают влияние на полоролевую ориентацию и разделение труда в семье (Youssef, 1974). В обеих культурах замужняя женщина, принимающая участие в общественном труде, вызывает негодование, а если женщины и работают, их контакты с мужчинами при этом должны быть сведены к минимуму. Несмотря на примерно одинаковый уровень экономического развития, доля женщин в общей рабочей силе значительно выше в Латинской Америке, чем на Ближнем Востоке. Развитая структура расширенной семьи, которая опирается на мужчин, на Ближнем Востоке, строго контролирует участие женщин в труде за пределами дома, однако в Латинской Америке власть родственников-мужчин смягчается за счет весьма значимой роли священников (Youssef, 1974). Тем не менее образование, которое открывает дорогу к престижным должностям, помогает женщинам в обеих культурах преодолеть стоящие перед ними преграды.

Экономические факторы

Экономические факторы, судя по всему, оказывают влияние на культурные практики, связанные с гендерными проблемами. Выкуп за невесту представляет собой разновидность компенсации за экономические потери семьи, которая теряет возможность использовать труд дочери (Heath, 1958), и встречается чаще там, где трудовой вклад дочери является ощутимым. Приданое невеста получает в тех культурах, где доля ее труда в семье относительно невысока.

В соответствии с теорией Кронка (Cronk, 1993), когда родители имеют высокий социально-экономический статус, преимуществами в семье пользуются сыновья, а когда этот статус низок, расположением пользуются дочери. Например, мукогодо в Кении занимают самое низкое положение в региональной иерархии богатства, престижа и, следовательно, в возможности вступить в брак и оставить потомство. Из-за низкого социально-экономического статуса для мужчин мукогодо весьма проблематично найти себе невесту, поскольку у них нет средств, чтобы заплатить за нее выкуп. Поскольку мужчина может иметь столько жен, сколько позволяют его средства, женщины всегда в дефиците, поэтому женщины мукогодо легко находят себе мужей, часто из более обеспеченных и обладающих более высоким социальным статусом соседей.

Экономические условия могут привести и к гендерным предубеждениями в отношении родителей к детям. Соотношение рождений мальчиков и девочек у мукогодо является обычным, но перепись населения 1986 года показала, что на 98 девочек в возрасте до 4 лет приходится только 66 мальчиков. Хотя данные об уничтожении младенцев мужского пола отсутствуют, очевидно, что более высокий уровень смертности мальчиков связан с предпочтением, которое оказывается девочкам. По сравнению с мальчиками, девочек дольше не отнимают от груди, обычно лучше кормят и чаще показывают врачу. Родители больше вкладывают в тех детей, на которых возлагают больше надежд на улучшение материального положения или продолжение рода (Trivers & Willard, 1973).

У кочующих в Пакистане и северной Индии каньяр женщины обеспечивают более половины дохода большинства семей, занимают доминирующее положение в общественной жизни и при решении вопросов личного характера (Cronk, 1993).

Выкуп за невесту весьма высок, и нетрудно понять, почему рождение девочки становится праздником, а появление на свет мальчика встречает куда меньший энтузиазм.

Культурные практики такого рода представляют собой полную противоположность тому, что происходит в других традиционных культурах (таких, как Индия, Китай, Турция, Корея), где мальчики высоко ценятся в семье и их рождение — большая радость (Kagitcibasi, 1982). Убийство младенцев женского пола (Krishnaswamy, 1988), избиение жен (Flavia, 1988) и сожжение невест (Ghadially & Kumar, 1988) представляют собой культурные практики, свидетельствующие о пренебрежительном отношении к женщинам в ряде традиционных индийских культур. Предпочтение, которое оказывается мальчикам, по-прежнему достаточно ощутимо в США (Oakley, 1980; Pooler, 1991), а также в незападных странах (Hammer, 1970), несмотря на то что многие религиозные традиции и экономические условия, в связи с которыми сформировалось это предпочтение, уже не имеют отношения к современной культуре.

Участие женщин в политике

В кросс-культурном аспекте мужчины принимают в политике более активное участие и имеют в этой связи большие возможности, чем женщины (Ember, 1981; Masters, 1980; Ross, 1985, 1986). При исследовании выборки из 90 обществ, не имеющих развитой промышленности, было обнаружено, что участие женщин в политической жизни выше при наличии острых внутренних конфликтов и напряженности в обществе, но при невысокой вероятности внешних конфликтов и войн (Ross, 1986).

Издавна существующие стереотипные представления о дихотомии общественного/мужского и частного/женского предполагают, что мужчина находится на виду у общества, он активен в бизнесе, политике и культуре, в то время как женщины остаются дома и заботятся о доме и семье (Peterson & Runyan, 1993). Однако кросс-культурные исследования не подтверждают наличие такой дихотомии, поскольку женщины активно работают и участвуют в общественной жизни за пределами дома, а мужчины занимаются среди прочего и семьей (Vianello et al., 1990).

Действительно, Гиббонс и его коллеги (Gibbons et al., 1991, 1993) показали, что в соответствии с представлениями подростков, которые принадлежат разным культурам, роль женщины предполагает как выполнение обязанностей по дому, так и работу за пределами дома. Представления подростков о роли женщины отражают изменения в условиях жизни и в отношении к женщине во всем мире.

Проблемы и задачи будущих исследований

Вопрос о различиях полов десятилетиями привлекал внимание специалистов по общественным наукам, а при наличии все возрастающего интереса к культуре можно с уверенностью предположить, что проблемы, связанные с объединенным воздействием данных переменных будут по-прежнему интересовать исследователей. Несмотря на тот факт, что мужчины и женщины в биологическом плане имеют больше сходства, чем различий, как представители традиционного общества, так и те, кто принадлежит к современному обществу с развитой промышленностью, за-

кономерно предполагают наличие качественных особенностей жизни человека в зависимости от его половой принадлежности. А значит, психологи и дальше будут заниматься исследованием причин этих различий как в рамках одной культуры, так и в кросс-культурном аспекте.

Теории и методы гендерных исследований

Будущие исследования, касающиеся взаимодействия пола и культуры, будут нуждаться в убедительных теориях и новых методологиях для комплексного изучения гендерных проблем в различных социокультурных системах. В США современные теории, которые обращаются к атрибутам маскулинности или фемининности, становятся многофакторными (Ashmore, 1990; Spence, 1993), при этом эмпирические исследования подтверждают правильность такого подхода, выявляя отсутствие взаимосвязи между различными гендерными аспектами или же связи несущественного характера (Twenge, 1999). К настоящему моменту многофакторный подход еще не прошел апробацию на других культурных группах, что позволило бы проверить, насколько взаимосвязь различных гендерных аспектов, таких как личностные особенности, предпочтения, связанные с выбором профессии, виды досуга, а также взаимоотношения личного и социального характера находятся под влиянием культуры.

Перспективные новые методики оценки личности могли бы способствовать исследованию гендерных представлений в разных культурных группах. Пятифакторная модель личности (McCrae & Costa, 1990, 1997) предполагает, что наиболее существенные особенности человеческой личности можно объяснить, используя пять основных характеристик: экстраверсия, согласие, сознательность, эмоциональная устойчивость и открытость. Данная модель успешно применялась в различных обществах (Church & Lonner, 1998) и недавно была использована для изучения гендерных стереотипов в 27 странах (Williams et al., 1999; Williams, Satterwhite, Best & Inman, 2000). Данную модель действительно можно использовать для исследования и других гендерных представлений, таких как проблемы эго и идеального Я мужчин и женщин, представлений об идеальной жене, идеальном муже, отце или матери. Использование методов исследования личности общего характера при изучении гендерных понятий позволяет установить связи с существующими теориями и обеспечивает возможность сравнения разных исследований и разных концептуальных доменов.

Другим методом, нашедшим широкое применение в разных концептуальных сферах, который использовался на 23 языках в 23 культурных группах, является семантический дифференциал Осгуда и его коллег (Osgood, May, Miron, 1975; Osgood, Suci & Tannenbaum, 1957). Данная методика оценивает аффективное или коннотативное значение, связанное с определенным объектом (человеком, понятием, событием, предметом), и позволяет определить показатели, связанные с оценкой (привлекательность), потенциальными возможностями (сила) и деятельностью.

И, наконец, Контрольная таблица прилагательных (Gough & Heilbrun, 1980), в которой собраны 300 прилагательных, используемых при описании личности, и которая была переведена более чем на 20 языков, была использована Уильямсом и Бест (Williams & Best, 1990a, 1990b) в исследовании, которое было описано

выше [2]. Данный метод широко применялся для кросс-культурного сравнения гендерных представлений.

Оценка культурных факторов

Отдельные культуры, как и отдельные личности, уникальны, нет двух культур, которые были бы точным подобием друг друга. Выходя за пределы простого описания или конкретных гипотез, традиционная наука не слишком хорошо справляется с этой уникальностью, предпочитая сосредоточить свое внимание на моментах общности, таких как системы классификации. Чтобы изучить влияние культуры как предпосылки или независимой переменной, исследователи распределили общества по категориям на основе множества признаков. Общества классифицировались в соответствии с моделями проживания (например, патрилокальные, неолокальные), культурными ценностями (например, индивидуализм–коллективизм по Хофстеде — Hofstede, 1980; автономия–устойчивость, иерархия–господство по Шварцу — Schwartz, 1990) и межличностными отношениями (например, горизонтальные/вертикальные по Триандису — Triandis, 1995). При использовании таких классификаций культура может рассматриваться как всеобъемлющая объяснительная схема для множества феноменов или как набор ценностей, норм или установок. В том и в другом случае предполагается, что культура оказывает прямое или опосредованное влияние на поведение (Lonner & Adamopoulos, 1997).

Различные системы классификации подвергались критике за то, что носили чрезмерно общий характер и не принимали во внимание ситуационные переменные. Например, в определенных ситуациях человек может вести себя как индивидуалист (на работе), а в других — как коллективист (в семье), что иллюстрирует важность ситуации. Мацумото и его коллеги (Matsumoto, Weissman, Preston, Brown & Kupperbusch, 1997) учли это обстоятельство, сочетая исследование культуры с исследованием ситуации, при оценке поведения индивидов в отношении индивидуализма/коллективизма в четырех различных социальных контекстах. Подобные тонкости при определении культуры необходимы для более глубокого осмысления того, как культура и конкретные культурные практики влияют на поведение.

Вопросы, связанные с развитием

Будущие исследователи гендерных представлений в различных культурных группах должны обратиться к вопросу, каким образом социальные связи и социальное поведение меняются с возрастом. Маккоби (Maccoby, 1990) говорит о том, что в США мальчики в возрасте 2 года 9 месяцев не реагируют на устные запрещения своих товарищей-девочек. Она высказывает предположение, что общение с невосприимчивыми партнерами вызывает неудовольствие девочек, поэтому они избегают мальчиков. Это ведет к тому, что представителям собственного пола отдается предпочтение при выборе товарищей по играм, причем данные о таком предпочтении были выявлены во множестве разных культурных групп (R. L. Munroe et al., 2000). Тем не менее причины такого предпочтения до сих пор не исследовались в кросс-культурном контексте.

Кроме того, Маккоби (Maccoby, 1990) говорит о том, что социальные группы, состоящие из представителей мужского пола, в большей степени интересуются

проблемами лидерства и проникнуты духом соперничества, при этом мальчики часто используют угрозы, командуют и хвастаются своей силой. Девочки, напротив, в большей степени склонны к выражению согласия, они готовы промолчать, чтобы дать своему партнеру возможность высказаться. Маккоби полагает, что процессам, происходящим в семье, придавалось слишком большое значение в формировании соответствующих аспектов поло-ролевого поведения, и подчеркивает при этом значимость влияния групп сверстников. Диапазон вариаций и многообразие взаимоотношений в семье и отношений со сверстниками, которое наблюдается в разных культурных группах, дает исключительную возможность изучения формирования социально-ролевых гендерных установок. Специалисты по кросс-культурным исследованиям только приступают к исследованию данных вопросов, связанных с формированием социального поведения детей в других обществах.

Выводы

Ввиду количества и разнообразия материала, рассмотренного в данной главе, любые итоговые замечания должны носить самый общий характер. Наибольшее впечатление производит открытие того, что панкультурное сходство в половых и гендерных вопросах является гораздо более ощутимым, чем культурные различия. В самом деле, структуры взаимоотношений мужского и женского пола в разных социальных группах удивительно схожи. Относительно незначительные биологические различия между полами могут усиливаться или смягчаться в ходе культурных практик и социализации, в результате гендерные различия в ролевой ориентации и поведении обычно носят умеренный характер, однако в некоторых случаях являются культурно значимыми. Прибегая к спортивной метафоре, можно сказать, что гендер не создает новой игры в мяч в каждой культуре, однако вносит относительно незначительные изменения в правила очень старой игры в мяч. Следовательно, есть основания говорить о панкультурной модели с некоторыми вариациями, которые определяются влиянием конкретной культуры.

В определенном отношении удивительно, что многие кросс-культурные исследования, касающиеся гендерных проблем, не имеют теоретической базы, хотя существует несколько исследований, согласующихся с различными гипотезами, которые являются производными существующих теорий. Для дальнейшего совершенствования гендерных представлений будущие исследования должны рассмотреть теоретические вопросы, связанные с влиянием культуры на поведение. Лонгитюдные исследования обществ, которые находятся в состоянии стремительного социально-экономического развития, могут быть посвящены вопросу о том, будут ли гендерные представления трансформироваться в том направлении, которое прогнозирует теория.

И наконец, исследования в различных сферах общественной науки и науки, занимающейся изучением поведения, часто проводились в отрыве друг от друга. Немногие исследователи занимались изучением взаимосвязи между культурными практиками, такими как обряды инициации (тема, характерная для антропологов) и развитием личности (тема, которая, как правило, изучается в рамках психологии). В стремлении понять воздействие культуры на поведение антропологи и психологи должны больше учиться друг у друга. Возможно, развивающаяся куль-

турная психология вместе с кросс-культурной психологией поможет навести мосты между разными дисциплинами, признав, что культура функционирует одновременно как независимая и как структурирующая переменная.

Примечания

1. Хотя теория психоанализа и оказала существенное влияние на первые кросс-культурные исследования гендерных различий (см. Burton & Whiting, 1961; Freud, 1939; Mead, 1949; Munroe & Munroe, 1994; R. L. Munroe, Munroe & Whiting, 1981), в последнее время ей уделялось мало внимания, и она не рассматривается в данной главе.
2. Запросы, связанные с переводами Контрольной таблицы прилагательных можно прислать на имя Деборы Бест, Deborah L. Best, Department of Psychology, Box 7778, Wake Forest University, Winston-Salem, NC 27109 или по электронной почте best@wfu.edu.

Литература

Agarwal, K. S., Lester, D. & Dhawan, N. (1992). A study of perception of women by Indian and American students. In S. Iwawaki, Y. Kashima & K. Leung (Eds.), *Innovations in cross-cultural psychology* (pp. 123–134). Amsterdam, The Netherlands; Swets & Zeitlinger.

Albert, A. A. & Porter, J. R. (1986). Children's gender role stereotypes: A comparison of the United States and South Africa. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 17,* 45–65.

Ashmore, R. D. (1990). Sex, gender, and the individual. In L. A. Pervin (Ed.), *Handbook of personality theory and research* (pp. 486–526). New York: Guilford Press.

Bandura, A. (1969). Social learning theory of identificatory process. In D. A. Goslin (Ed.), *Handbook of socialization theory and research* (pp. 213–262). Chicago: Rand McNally.

Barry, H., III, Bacon, M. K. & Child, I. L. (1957). A cross-cultural survey of some sex differences in socialization. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 55,* 327–332.

Bern, S. L. (1974). The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 42,* 155–162.

Bern, S. L. (1981). Gender schema theory: A cognitive account of sex-typing. *Psychological Review, 88,* 354–364.

Berry, J. W. (1976). Sex differences in behaviour and cultural complexity. *Indian Journal of Psychology, 51,* 89–97.

Best, D. L., House, A. S., Barnard, A. E. & Spicker, B. S. (1991). Parent-child interaction in France, Germany, and Italy: The effects of gender and culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 25,* 181–193.

Best, D. L. & Williams, I. E. (1993). Cross-cultural viewpoint. In A. E. Beall & R. J. Sternberg (Eds.), *Perspectives on the psychology of gender* (pp. 215–248). New York: Guilford Press.

Best, D. L. & Williams, J. E. (1994). A cross-cultural examination of self and ideal self descriptions using transactional analysis ego states. In I. R. Lagunes & Y. H. Poortinga (Eds.), *From a different perspective: Studies of behavior across cultures* (pp. 213–220). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Best, D. L. & Williams, J. E. (1998). Masculinity/ femininity in the self and ideal self descriptions of university students in fourteen countries. In G. Hofstede (Ed.), *Masculinity and femininity: The taboo dimension of national cultures* (pp. 106–116). Thousand Oaks, CA: Sage. (Reprinted from *Journeys into cross-cultural psychology* (pp. 297–306), by A.-M. Bouvy, F. J. R. van de Vijver, P. Boski & P. Schmitz, Eds., Amsterdam, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Best, D. L., Williams, J. E., Cloud, J. M., Davis, S. W., Robertson, L. S., Edwards, J. R., Giles, H. & Fowles, J. (1977). Development of sex-trait stereotypes among young children in the United States, England, and Ireland. *Child Development, 48,* 1375–1384.

Bloch, M. N. & Adler, S. M. (1994). African children's play and the emergence of the sexual division of labor. In J. L. Roopnarine, J. E. Johnson & F. H. Hooper (Eds.), *Children's play in diverse cultures (pp.* 148–178). Albany: State University of New York Press.

Blurton-Jones, N. B. & Konner, M. (1973). Sex differences in behavior of London and Bushman children. In R. P. Michael & J. H. Crook (Eds.), *Comparative ecology and behavior of primates* (pp. 690–749). London: Academic.

Boehnke, K., Silbereisen, R. K., Eisenberg, N., Reykowski, J. & Palmonari, A. (1989). Developmental pattern of prosocial motivation: A cross-national study. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 20,* 219–243.

Bradley, C. (1993). Women's power, children's labor. *Cross-Cultural Research, 27,* 70–96.

Bronstein, P. (1984). Differences in mothers' and fathers' behaviors toward children: A cross-cultural comparison. *Developmental Psychology, 20,* 995–1003.

Bronstein, P. (1986). Children's social behavior: A cross-cultural comparison. *International Journal of Behavioral Development, 9,* 153–173.

Broude, G. J. (1987). The relationships of marital intimacy and aloofness to social environment: A hologeistic study. *Behavior Science Research, 21,* 50–69.

Brown, J. K. (1970). A note on the division of labor by sex. *American Anthropologist, 72,* 1073–1078.

Burbank, V. K. (1987). Female aggression in cross-cultural perspective. *Behavior Science Hesearch, 21(1–4],* 70–100.

Burns, A. & Homel, R. (1986). Sex role satisfaction among Australian children: Some sex, age, and cultural group comparisons. *Psychology of Women Quarterly, 10,* 285–296.

Burton, R. V. & Whiting, J. W. M. (1961). The absent father and cross-sex identity. *Merrill-Palmer Quarterly, 7(2),* 85–95.

Buss, D. M. (1989). Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures. *Behavioral and Brain Sciences, 12,* 1–49.

Buss, D. M. (1990). Evolutionary social psychology: Prospect and pitfalls. *Motivation and Emotion, 14,* 265–286.

Buss, D. M., Abbott, M., Angleitner, A., Biaggio, A., Blanco-Villasenor, A., BruchonSchweitzer, M. & 45 additional authors. (1990). International preferences in selecting mates. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 21,* 5–47.

Bussey, K. (1983). A social-cognitive appraisal of sex-role development. *Australian Journal of Psychology, 35,* 135–143.

Bussey, K. & Bandura, A. (1984). Influence of gender constancy and social power on sex-linked modeling. *Journal of Personality and Social Psychology, 47,* 1292–1302.

Buunk, B. & Hupka, R. B. (1987). Cross-cultural differences in elicitation of sexual jealousy. *Journal of Sex Research, 23,* 12–22.

Calasanti, T. M. & Bailey, C. A. (1991). Gender inequality and the division of household labor in the United States and Sweden: A socialist-feminist approach. *Social Problems, 38,* 34–53.

Calhoun, G., Jr. & Sethi, R. (1987). The self-esteem of pupils from India, the United States, and the Philippines. *Journal of Psychology, 121,* 199–202.

Carlsson, M. & Barnes, M. (1986). Conception and self-attribution of sex-role behavior: A cross-cultural comparison between Swedish and kibbutz-raised Israelian children. *Scandinavian Journal of Psychology, 27,* 258–265.

Charles, M. & Hopflinger, F. (1992). Gender, culture, and the division of household labor: A replication of U.S. studies for the case of Switzerland. *Journal of Comparative Family Studies, 23,* 375–387.

Church, A. T. & Lonner, W. J. (1998). The cross-cultural perspective in the study of personality: Rationale and current research. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 32–62.

Cronk, L. (1993). Parental favoritism toward daughters. *American Scientist, 81,* 272–279.

Daly, M. & Wilson, M. (1978). *Sex, evolution, and behavior.* North Scituate, MA: Duxbury.

D'Andrade, R. G. (1966). Sex differences and cultural institutions. In E. E. Maccoby (Ed.), *The development of sex differences* (pp. 174–204). Stanford, CA: Stanford University Press

Davis, D. L. & Whitten, R. G. (1987). The cross-cultural study of human sexuality. *Annual Review of Anthropology, 16,* 69–98.

Davis, N. J. & Robinson, R. V. (1991). Men's and women's consciousness of gender inequality: Austria, West Germany, Great Britain, and the United States. *American Sociological Review, 56,* 72–84.

Dion, K. K. & Dion, K. L. (1993). Individualistic and collectivistic perspectives on gender and the cultural context of love and intimacy. *Journal of Social Issues, 49,* 53–69.

Dixon, R. B. (1978). *Rural women at work: Strategies for development in South Asia.* Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Draper, P. (1975). Cultural pressure on sex differences. *American Ethnologist,* 2(4), 602–616.

Eaton, W. O. & Enns, L. R. (1986). Sex differences in human motor activity level. *Psychological Bulletin, 100,* 19–28.

Edelbrook, C. & Sugawara, A. I. (1978). Acquisition of sex-typed preferences in preschoolaged children. *Developmental Psychology, 14,* 614–623.

Edwards, C. P. (1992). Cross-cultural perspectives on family-peer relations. In R. D. Parke & G. W. Ladd (Eds.), *Family-peer relationships: Modes of linkages.* Mahwah, NJ: Erlbaum.

Edwards, C. P. & Whiting, B. B. (1974). Women and dependency. *Politics and Society, 4,* 343—355.

Edwards, C. P. & Whiting, B. B. (1980). Differential socialization of girls and boys in light of cross-cultural research. *New Directions for Child Development, 8,* 45–57.

Edwards, C. P. & Whiting, B. B. (1993). «Mother, older sibling, and me»: The overlapping roles of caretakers and companions in the social world of 2–3 year olds in Ngeca, Kenya. In K. MacDonald (Ed.), *Parent child play: Descriptions of implications* (pp. 305–329). Albany: State University of New York Press.

Ember, C. R. (1981). A cross-cultural perspective on sex differences. In R. H. Munroe, R. L. Munroe & B. B. Whiting (Eds.), *Handbook of cross-cultural human development* (pp. 531–580). New York: Garland.

Flavia. (1988). Violence in the family: Wife beating. In R. Ghadially (Ed.), *Women in society: A reader* (pp. 151–166). New Delhi: Sage.

Foa, U. G., Anderson, B., Converse, J., Jr., Urbansky, W. A., Cawley, M. J., Ill, Muhlhausen, S. M. & Tornblom, K. Y. (1987). Gender-related sexual attitudes: Some cross cultural similarities and differences. *Sex Roles, 16,* 511–519.

Freedman, D. G. (1976). Infancy, biology, and culture. In L. P. Lipsitt (Ed.), *Developmental psychology.* New York: Halsted, Wiley.

Freedman, D. G. & DeBoer, M. M. (1979). Biological and cultural differences in early child development. *Annual Review of Anthropology, 8,* 579–600.

Freud, S. (1939). *Moses and monotheism.* New York: Vintage Books.

Fry, D. P. (1987). What human sociobiology has to offer economic anthropology and vice versa *Journal of Social and Biological Structures, 10,* 37–51.

Ghadially, R. (Ed.). (1988). *Women in Indian society: A reader.* New Delhi: Sage.

Ghadially, R. & Kazi, K. A. (1979). Attitudes toward sex roles. *Indian Journal of Social Work, 40,* 65–71.

Ghadially, R. & Kumar, P. (1988). Stress, strain, and coping styles of female professionals. *Indian Journal of Applied Psychology,* 26(1), 1–8.

Gibbons, J. L., Lynn, M., Stiles, D. A., de Berducido, E. J., Richter, R., Walker, K. & Wiley, D. (1993). Guatemalan, Filipino, and U.S. adolescents' images of women as office workers and homemakers. *Psychology of Women Quarterly, 17,* 373–388.

Gibbons, J. L., Stiles, D. A. & Shkodriani, G. M. (1991). Adolescents' attitudes toward family and gender roles: An international comparison. Sex *Roles, 25,* 625–643.

Gilmore, D. D. (1990). *Manhood in the making.* New Haven, CT: Yale University Press.

Gottlieb, G. (1983). The psychobiological approach to developmental issues. In P. H. Mussen (Series Ed.) & M. M. Harth & J. J. Campos (Vol. Eds.), *Handbook of child psychology: Vol. 2. Infancy and developmental psychobiology* (pp. 1–26). New York: Wiley.

Gough, H. G. (1952). Identifying psychological femininity. *Educational and Psychological Measurement, 12,* 427–439.

Gough, H. G. & Heilbrun, A. B., Jr. (1980). *The Adjective Check List manual.* Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

Gould, S. J. & Lewontin, R. C. (1979). The spandrels of San Marco and the Panglossian paradigm: A critique of the adaptionist programme. *Proceedings of the Royal Society of London, B, 205,* 581–598.

Greenfield, P. M. (1981). Child care in cross-cultural perspectives: Implications for the future organization of child care in the United States. *Psychology of Women Quarterly, 6,* 41–54.

Gronseth, E. (1957). The impact of father absence in sailor families upon the personality structure and social adjustment of adult sailor sons. Part I. In N. Anderson (Ed.), *Studies of the family* (Vol. 2, pp. 97–114). Gottingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.

Guttentag, M. & Longfellow, C. (1977). Children's social attributions: Development and change. In C. B. Keasy (Ed.), *Nebraska symposium on motivation* (pp. 305–341). Lincoln: University of Nebraska Press.

Hamilton, V. L., Blumenfeld, P. C., Akoh, H. & Miura, K. (1991). Group and gender in Japanese and American elementary classrooms. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 22,* 317–346.

Hammer, J. (1970). Preference for a male child: Cultural factors. *Journal of Individual Psychology, 26,* 54–56.

Hatfield, E. & Rapson, R. L. (1993). Historical and cross-cultural perspectives on passionate love and sexual desire. *Annual Review of Sex Research, 4,* 67–97.

Hatfield, E. & Rapson, R. L. (1995). *A world of passion: Cultural perspectives on love and sex.* New York: Allyn & Bacon.

Heath, D. B. (1958). Sexual division of labor and cross-cultural research. *Social Forces, 37,* 77–79.

Hendrix, L. & Johnson, G. D. (1985). Instrumental and expressive socialization: A false dichotomy. Sex *Roles, 13,* 581–595.

Hofstede, G. (1980). Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage.

Hoyenga, K. B. & Hoyenga, K. T. (1993). *Gender-related differences: Origins and outcomes.* Boston: Allyn & Bacon.

Huber, J. (1986). Trends in gender stratification, 1970–1985. *Sociological Forum, 1,* 476–495.

Intons-Peterson, M. J. (1988). *Gender concepts of Swedish and American youth.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Jacklin, C. N. (1989). Female and male: Issues of gender. *American Psychologist, 44,* 127–133.

Jacobs, J. A. & Lim, S. T. (1992). Trends in occupational and industrial sex segregation in 56 countries, 1960–1980. *Work and Occupations, 19,* 450–486.

Kagitcibasi, C. (1982). Old-age security value of children: Cross-national socioeconomic evidence. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 13,* 29–42.

Katz, M. M. & Konner, M. J. (1981). The role of the father: An anthropological perspective. In M. E. Lamb (Ed.), *The role of the father in child development* (pp. 155–185). New York: Wiley.

Kauppinen-Toropainen, K. & Gruber, J. E. (1993). Antecedents and outcomes of woman-unfriendly experiences. *Psychology of Women Quarterly, 17,* 543–562.

Kohlberg, L. (1966). A cognitive-developmental analysis of children's sex role concepts and attitudes. In E. E. Maccoby (Ed.), *The development of sex differences* (pp. 82–173). Stanford, CA: Stanford University Press.

Krishnaswamy, S. (1988). Female infanticide in contemporary India: A case-study of Kallars of Tamilnadu. In R. Ghadially (Ed.), *Women in Indian society: A reader* (pp. 186–195). New Delhi: Sage.

Lamb, M. E., Frodi, A. M., Hwang, C. P., Frodi, M. & Steinberg, J. (1982). Mother- and father-infant interaction involving play and holding in traditional and nontraditional Swedish families. *Developmental Psychology, 18,* 215–221.

L'Armand, K., Pepitone, A. & Shanmugam, T. E. (1981). Attitudes toward rape: A comparison of the role of chastity in India and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 12(3),* 284–303.

Liben, L. S. & Signorella, M. L. (1980). Gender-related schemata and constructive memory in children. *Child Development, 51,* 11–18.

Liben, L. S. & Signorella, M. L. (Eds.). (1987). *Children's gender schemata.* San Francisco: Jossey-Bass.

Lonner, W. J. (1980). The search for psychological universals. In H. C. Triandis & W. W. Lambert (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 1, pp. 143–204). Boston: Allyn & Bacon.

Lonner, W. J. & Adamopoulos, J. (1997). Culture as antecedent to behavior. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga, J. Pandey, P. R. Dasen, T. S. Saraswathi, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Series Eds.) & J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Vol. Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology. Vol. 1: Theory and Method* (2nd ed., pp. 43–83). Boston: Allyn & Bacon.

Loscocco, K. A. & Kalleberg, A. L. (1988). Age and the meaning of work in the United States and Japan. *Social Forces, 67,* 337–356.

Lummis, M. & Stevenson, H. W. (1990). Gender differences in beliefs and achievement: A cross-cultural study. *Developmental Psychology, 26,* 254–263.

Lupri, E. (Ed.). (1983). *The changing position of women in family and society: A cross-national comparison.* Leiden, The Netherlands: E. J. Brill.

Lynn, D. B. & Sawrey, W. L. (1959). The effects of father-absence on Norwegian boys and girls. *Journal of Abnormal Social Psychology, 59,* 258–262.

Lytton, H. & Romney, D. M. (1991). Parents' differential socialization of boys and girls: A meta-analysis. *Psychological Bulletin, 109,* 267–296.

Maccoby, E. E. (1990). Gender and relationships: A developmental account. *American Psychologist, 45,* 513–520.

Maccoby, E. E. & Jacklin, C. N. (1974). *The psychology of sex differences.* Stanford, CA: Stanford University Press.

Mackey, W. C. (1985). *Fathering behaviors: The dynamics of the man-child bond.* New York: Plenum.

Mackey, W. C. & Day, R. (1979). Some indicators of fathering behaviors in the United States: A cross-cultural examination of adult male-child interaction. *Journal of Marriage and the Family, 41,* 287–299.

Masters, R. D. (1989). Gender and political cognition: Integrating evolutionary biology and political science. *Political and Life Sciences, 8,* 3–39.

Matsumoto, D., Weissman, M. D., Preston, K., Brown, B. R. & Kupperbusch, C. (1997). Context-specific measurement of individualism-collectivism on the individual level: The Individualism-Collectivism Interpersonal Assessment Inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 743–767.

McCrae, R. R. & Costa, P. T. (1990). *Personality in adulthood.* New York: Guilford Press.

McCrae, R. R. & Costa, P. T. (1997). Personality trait structure as a human universal. *American Psychologist, 52,* 509–516.

Mead, M. (1935). Sex and *temperament in three primitive societies.* New York: Morrow.

Mead, M. (1949). *Male and female.* New York: New American Library.

Minturn, L. & Lambert, W. W. (1964). *Mothers of six cultures: Antecedents of child rearing.* New York: Wiley.

Mischel, W. (1970). Sex-typing and socialization. In P. H. Mussen (Ed.), *Carmichael's manual of child psychology* (pp. 3–72). New York: Wiley.

Mukhopadhyay, C. C. & Higgins, P. J. (1988). Anthropological studies of women's status revisited: 1977–1987. *Annual Review of Anthropology, 17,* 461–495.

Mullet, E., Neto, R. & Henry, S. (1992). Determinants of occupational preferences in Portuguese and French high school students. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 23,* 521–531.

Munroe, R. H. & Munroe, R. L. (1982). The development of sex-gender constancy among children in four cultures. In R. Rath, H. S. Asthana, D. Sinha & J. B. P. Singha (Eds.), *Diversity and unity in cross-cultural psychology* (pp. 272–280). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Munroe, R. H., Shimmin, H. S. & Munroe, R. L. (1984). Gender understanding and sex role preference in four cultures. *Developmental Psychology, 20,* 673–682.

Munroe, R. L., Hulefeld, R., Rodgers, J. M., Tomeo, D. L. & Yamazaki, S. K. (2000). Aggression among children in four cultures. *Cross-Cultural Research, 34,* 3–25.

Munroe, R. L. & Munroe, R. H. (1971). Effect of environmental experiences on spatial ability in an East African society. *Journal of Social Psychology, 83,* 3–10.

Munroe, R. L. & Munroe, R. H. (1994). *Cross-cultural human development.* Prospective Heights, IL: Waveland Press. (Original work published 1975)

Munroe, R. L., Munroe, R. H. & Whiting, J. W. M. (1981). Male sex-role resolutions. In R. H. Munroe, R. L. Munroe & B. B. Whiting (Eds.), *Handbook of cross-cultural human development* (pp. 611–632). New York: Garland.

Murdock, G. P. & White, D. R. (1969). Standard cross-cultural sample. *Ethnology, 8,* 329–369.

Neto, E, Williams, J. E. & Widner, S. C. (1991). Portuguese children's knowledge of sex stereotypes: Effects of age, gender, and socioeconomic status. *Journal of Cross-cultural Psychology, 22,* 376–388.

Nisbett, R. E. (1990). Evolutionary psychology, biology, and cultural evolution. *Motivation and Emotion, 14,* 255–263.

Oakley, A. (1980). *Becoming a mother.* New York: Schocken Books.

Olowu, A. A. (1985). Gender as a determinant of some Nigerian adolescents' self-concepts. *Journal of Adolescence, 8,* 347–355.

Omark, D. R., Omark, M. & Edelman, M. (1975). Formation of dominance hierarchies in young children: Action and perspective. In T. Williams (Ed.), *Psychological anthropology* (pp. 289–315). The Hague: Mouton.

Osgood, C. E., May, W. H. & Miron, M. S. (1975). *Cross-cultural universals of affective meaning.* Urbana: University of Illinois Press.

Osgood, C. E., Suci, G. J. & Tannenbaum, P. H. (1957). *The measurement of meaning.* Urbana: University of Illinois Press.

Ottaway, R. N. & Bhatnagar, D. (1988). Personality and biographical differences between male and female managers in the United States and India. *Applied Psychology: An International Review, 37,* 201–212.

Peterson, V. S. & Runyan, A. S. (1993). *Global gender issues.* Boulder, CO: Westview Press.

Pooler, W. S. (1991). Sex of child preferences among college students. Sex *Roles, 25,* 569–576.

Population Crisis Committee. (1988, June). *Country rankings of the status of women: Poor, powerless, and pregnant* (Issue Brief No. 20). Washington, DC: Author.

Prosser, G. V., Hutt, C., Hutt, S. J., Mahindadasa, K. J. & Goonetilleke, M. D. J. (1986). Children's play in Sri Lanka: A cross-cultural study. *British Journal of Developmental Psychology, 4,* 179–186.

Quinn, N. (1977). Anthropology studies of women's status. *Annual Review of Anthropology, 6,* 181–225.

Ramirez, J. M. (1993). Acceptability of aggression in four Spanish regions and a comparison with other European countries. *Aggressive Behavior, 19,* 185–197.

Rao, V. V. P. & Rao, V. N. (1985). Sex-role attitudes across two cultures: United States and India. *Sex Roles, 13,* 607–624.

Rapoport, T., Lomski-Feder, E. & Masalia, M. (1989). Female subordination in the Arab-Israeli community: The adolescent perspective of «social veil». *Sex Roles, 20,* 255–269.

Reis, H. T. & Wright, S. (1982). Knowledge of sex-role stereotypes in children aged 3 to 5. *Sex Roles, 8,* 1049–1056.

Reiss, I. L. (1986). *Journey into sexuality: An exploratory voyage.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Rogoff, B., Gauvain, M. & Ellis, S. (1984). Development viewed in its cultural context. In M. H. Bornstein & M. E. Lamb (Eds.), *Developmental psychology: An advanced textbook* (pp. 533–571). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Rohner, R. P. & Rohner, E. C. (1982). Enculturative continuity and the importance of caretakers: Cross-cultural codes. *Behavior Science Research, 17,* 91–114.

Rosenberg, B. G. & Sutton-Smith, B. (1972). *Sex and identity.* New York: Holt, Rinehart & Winston.

Rosner, M. (1967). Women in the kibbutz: Changing status and concepts. *Asian and African Studies, 3,* 35–68.

Ross, M. H. (1985). Female political participation: A cross-cultural explanation. *American Anthropologist, 88,* 843–858.

Ross, M. H. (1986). The limits to social structure: Social structural and psychocultural explanations for political conflict and violence. *Anthropological Quarterly, 59,* 171–176.

Rozée, P. D. (1993). Forbidden or forgiven? Rape in cross-cultural perspective. *Psychology of Women Quarterly, 17,* 499–514.

Ruble, D. N. (1987). The acquisition of self-knowledge: A self-socialization perspective. In N. Eisenberg (Ed.), *Contemporary topics in developmental psychology* (pp. 243–270). New York: Wiley.

Russell, G. & Russell, A. (1987). Mother-child and father-child relationships in middle childhood. *Child Development, 58,* 1573–1585.

Sagi, A., Lamb, M. E., Shoham, R., Dvir, R. & Lewkowicz, K. (1985). Parent-infant interaction in families on Israeli kibbutzim. *International Journal of Behavioral Development, 8,* 273–284.

Schwartz, S. H. (1990). Individualism-collectivism: Critique and proposed refinements. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 21,* 139–157.

Segal, E. S. (1983). The structure of division of labor: A tentative formulation. *Behavior Science Research, 18,* 3–25.

Segall, M. (1988). Psycho-cultural antecedents of male aggression: Some implications involving gender, parenting, and adolescence. In N. Sartorious, P. Dasen & J. W. Berry (Eds.), *Psychological implications for healthy human development* (pp. 71–92). Beverly Hills, CA: Sage.

Serpell, R. (1993). *The significance of schooling: Life-journeys in an African society.* New York: Cambridge University Press.

Signorella, M. L., Bigler, R. S. & Liben, L. S. (1993). Developmental differences in children's gender schemata about others: A met-analytic review. *Developmental Review, 134,* 147–183.

Simmons, C. H., Koike, A. V. & Shimizu, H. (1986). Attitudes toward romantic love among American, German, and Japanese students. *Journal of Social Psychology, 126,* 327–336.

Slaby, R. G. & Frey, K. S. (1975). Development of gender constancy and selective attention to same-sex models. *Child Development, 46,* 849–856.

Snarey, J. & Son, L. (1986). Sex-identity development among kibbutz-born males: A test of the Whiting hypothesis. *Ethos, 14,* 99–119.

Spence, J. T. (1993). Gender-related traits and gender ideology: Evidence for a multifactorial theory. *Journal of Personality and Social Psychology, 64,* 624–635.

Spence, J. T. & Helmreich, R. L. (1978). *Masculinity and femininity: Their psychological dimensions, correlates, and antecedents.* Austin: University of Texas Press.

Spiro, M. (1956). *Kibbutz: Venture in Utopia.* New York: Schocken Books.

Stewart, J. (1988). Current themes, theoretical issues, and preoccupations in the study of sexual differentiation and gender-related behaviors. *Psychobiology, 16,* 315–320.

Stolz, L. M. (1954). *Father relations of warborn children.* Palo Alto, CA: Stanford University Press.

Strube, M. J. (1981). Meta-analysis and cross-cultural comparison. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 12,* 3–20.

Super, C. M. & Harkness, S. (1982). The infants' niche in rural Kenya and metropolitan America. In L. L. Adler (Ed.), *Cross-cultural research at issue* (pp. 47–55). New York: Academic Press.

Suzuki, A. (1991). Predictors of women's sex role attitudes across two cultures: United States and Japan. *Japanese Psychological Research,* 33(3), 126–133.

Tanner, J. M. (1961). *Education and physical growth.* New York: International Universities Press.

Tanner, J. M. (1970). Physical growth. In P. H. Mussen (Ed.), *Carmichael's manual of child psychology* (Vol. 1). New York: Wiley.

Tarrier, N. & Gomes, L. (1981). Knowledge of sex-trait stereotypes: Effects of age, sex, and social class on Brazilian children. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 12,* 81–93.

Thompson, S. K. (1975). Gender labels and early sex role development. *Child Development, 46,* 339–347.

Travis, C. B. & Yeager, C. P. (1991). Sexual selection, parental investment, and sexism. *Journal of Social Issues, 47,* 117–129.

Triandis, H. C. (1995), *Individualism and collectivism.* Boulder, CO: Westview.

Trivers, R. L. & Willard, D. E. (1973). Natural selection of parental ability to vary the sex ratio of offspring. *Science, 179,* 90–92.

Twenge, J. M. (1999). Mapping gender: The multi-factorial approach and the organization of gender-related attributes. *Psychology of Women Quarterly, 23,* 485–502.

Vaidyanathan, P. & Naidoo, J. (1990/1991). Asian Indians in Western countries: Cultural identity and the arranged marriage. In N. Bleichrodt & P. J. D. Drenth (Eds.), *Contemporary issues in cross-cultural psychology* (pp. 37–49). Amsterdam/Lisse: Swets & Zeitlinger.

van Dongen-Melman, J. E. W. M., Root, H. M. & Verhulst, F. C. (1993). Cross-cultural validation of Barter's self-perception profile for children in a Dutch sample. *Educational and Psychological Measurement, 53,* 739–753.

Vianello, M., Siemienska, R., Damian, N., Lupri, E., Coppi, R., d'Arcangelo, E. & Bolasco, S. (199). *Gender inequality: A comparative study of discrimination and participation.* Newbury Park, CA: Sage.

Ward, C. (1995). *Blaming victims: Feminist and social psychological perspectives on rape.* London: Sage.

Watkins, D. & Akande, A. (1992). The internal structure of the self description questionnaire: A Nigerian investigation. *British Journal of Educational Psychology, 62,* 120–125.

Watkins, D., Lam, M. K. & Regmi, M. (1991). Cross-cultural assessment of self esteem: A Nepalese investigation. *Psychologia, 34,* 98–108.

Weinraub, M., Clemens, L. P., Sockloff, A., Etheridge, T., Gracely, E. & Myers, B. (1984). The development of sex-role stereotypes in the third year: Relationships to gender labeling, gender identity, sex-typed toy preference, and family characteristics. *Child Development, 55,* 1493–1503.

Weisner, T. S. & Gallimore, R. (1977). My brother's keeper: Child and sibling caretaking. *Current Anthropology, 18,* 169–190.

Welch, M. R., Page, B. M. & Martin, L. L. (1981). Sex differences in the ease of socialization: An analysis of the efficiency of child training processes in preindustrial societies. *Journal of Social Psychology, 113,* 3–12.

West, M. M. & Konner, M. J. (1981). The role of the father: An anthropological perspective. In M. E. Lamb (Ed.), *The role of the father in child development* (2nd ed., pp. 155–186). New York: Plenum Press.

Whiting, B. & Edwards, C. P. (1973). A cross-cultural analysis of sex differences in the behavior of children aged 3 to 11. *Journal of Social Psychology, 91,* 171–188.

Whiting, B. B. (1965). Sex identity conflict and physical violence: A comparative study. *American Anthropologist, 67* (Special publication), 123–140.

Whiting, B. B. & Edwards, C. P. (1988). *Children of different worlds: The formation of social behavior.* Cambridge: Harvard University Press.

Whyte, M. K. (1978). The status of women in *preindustrial societies.* Princeton: Princeton University Press.

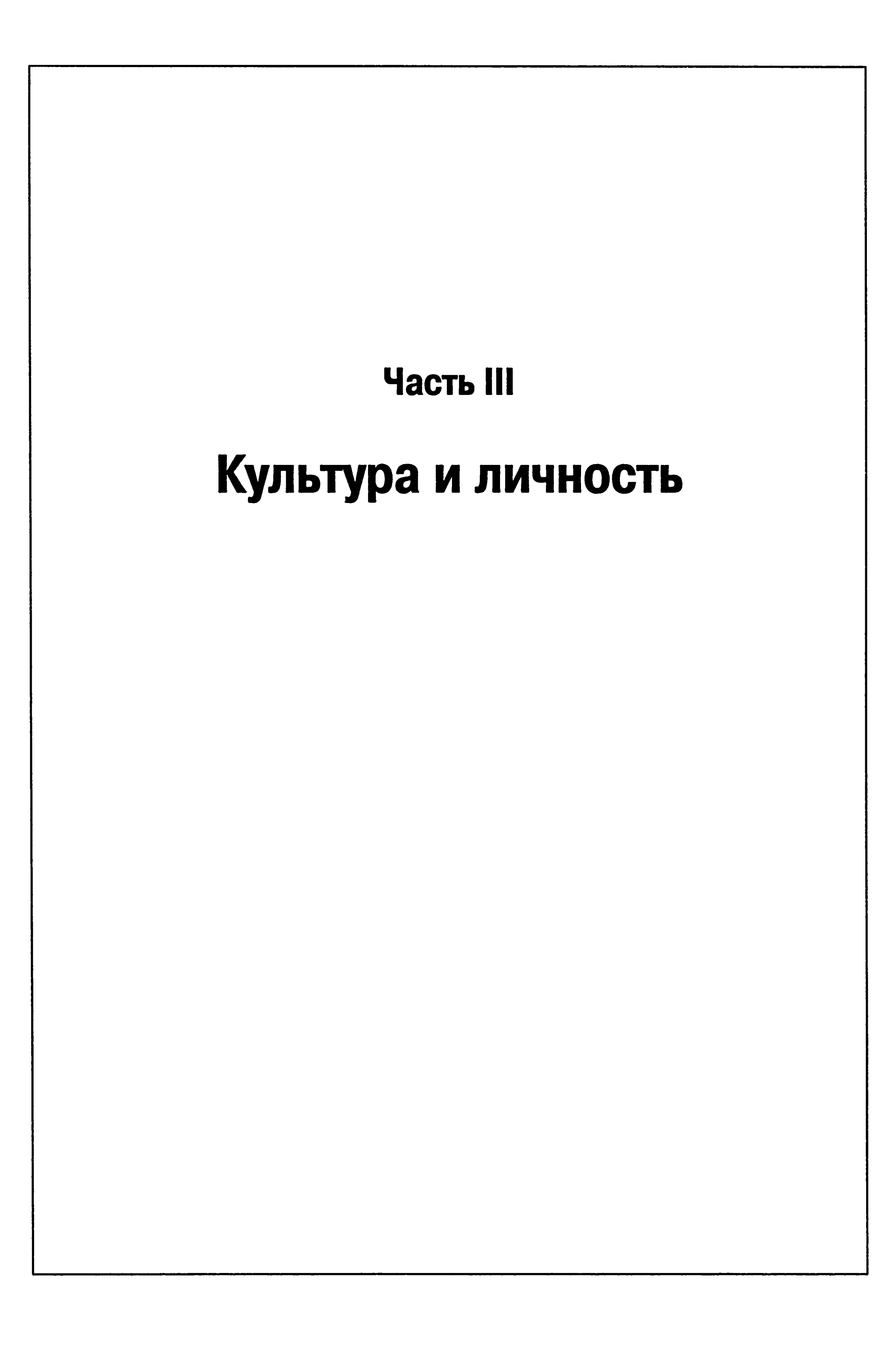
Williams, J. E. & Best, D. L. (1990a). *Measuring sex stereotypes: A multination study.* Newbury Park, CA: Sage.

Williams, J. E. & Best, D. L. (1990b). Sex *and psyche: Gender and self viewed cross-culturally.* Newbury Park, CA: Sage.

Williams, J. E., Satterwhite, R. C. & Best, D. L. (1999). Pancultural gender stereotypes revisited: The five factor model. Sex *Roles,* 40(7/8), 1–13.

Williams, J. E., Satterwhite, R. C., Best, D. L. & Inman, G. L. (2000). *Gender stereotypes in 27 countries examined via the five factor model.* Unpublished manuscript, Georgia State University, Atlanta.

Wilson, E. O. (1975). *Sociobiology: The new synthesis.* Cambridge: Harvard University Press.
Wright, E. O., Shire, K., Hwang, S.-L., Dolan, M. & Baxter, J. (1992). The non-effects of class on the gender division of labor in the home: A comparative study of Sweden and the United States. *Gender and Society, 6,* 252–282.
Youssef, N. H. (1974). *Women and work in developing societies.* Berkeley, CA: Institute of International Studies.

Часть III

Культура и личность

В данную часть книги включены четыре главы, которые посвящены фундаментальным вопросам, объединенным темой личности. На самом деле, однако, многие из проблем, которые рассматриваются в этих главах, выходят за пределы рамок, определенных разделом, включая обсуждение многих базовых психологических процессов, а также вопросы социального характера. Поэтому читателю не стоит искать в этих главах (как и в любых других главах этой книги, если уж речь зашла об этом) материал лишь по одному-единственному направлению психологии.

В главе 12 Ямагучи представляет уникальный глубокий анализ проблем, связанных с контролем, широко понимая его применимость и сферу использования в культурах, в которых автономия и первичный, прямой, личный контроль, возможно, не являются предпочтительным методом контроля. Переосмысливая проблемы контроля, Ямагучи предполагает, что различные культуральные ценности могут приводить к использованию разных стратегий контроля, каждая из которых ведет к достижению психологического благополучия с точки зрения конкретного человека. Значение этих идей для будущих теоретических изысканий и исследований, касающихся личности в различных культурах, огромно.

В главе 13 Пенг, Эймс и Ноулс рассматривают три основных теоретических подхода, которые определили пути развития кросс-культурных исследований умозаключений, и дают обширный обзор исследований в данной области. Они предлагают интегрированную модель, которая является результатом синтеза трех подходов и представляет собой единую универсальную модель влияния культуры на умозаключения, и говорят о потребности интеграции подхода и метода в будущем, если исследования в данной сфере будут развертываться и дальше.

В главе 14 Танака-Мацуми дает подробный обзор кросс-культурной литературы, касающейся психических расстройств и рассматривает эту область исследований в исторической перспективе. Приводя данные, полученные в рамках *etic*- и *emic*-подходов и обсуждая преимущества и недостатки каждого из них, она выступает за интеграцию обоих подходов в рамках будущих исследований в области концепций, теории и методики. Она также выступает за то, чтобы культура рассматривалась с точки зрения функционирования в определенном контексте, что будет способствовать развитию кросс-культурной научно-исследовательской работы в данном направлении.

В главе 15 Ли и Сью говорят о монокультурном характере традиционных подходов клинической психологии, несмотря на все более глубокое понимание важности фактора культуры при оценке, в психопатологии и в процессе лечения. Сделанный ими обзор проблем, касающихся тестирования и лечения, — единственный в своем роде, при этом они выступают за интеграцию и сближение подходов и дисциплин в ходе дальнейшей работы в данной области с целью более глубокого понимания важности и разностороннего характера фактора культуры в клинической психологии.

Можно лишь повторить, что эти главы дают великолепное представление о перспективах дальнейшей эволюции кросс-культурной психологии и направлениях совершенствования и пересмотра методологических подходов, который необходим для достижения этих перспектив.

ГЛАВА 12

Культура и контроль

Сузуму Ямагучи

Каким образом индивид контролирует себя, окружающих и свое окружение в процессе повседневной жизни — один из центральных вопросов индивидуальной психологии. В самом деле, как следует из содержания данной главы, исследования традиционной психологии определенно подтверждают, что первичный личный контроль результатов собственной деятельности тесно связан с автономией, индивидуальностью, Я-концепциями и самоуважением. Процессы контроля также весьма важны для Я-конструирования и тесно связаны с основными социальными и культурными ценностными ориентациями, которые имеются в жизни каждого и являются для нас руководящими жизненными принципами.

В этой главе Ямагучи дает великолепный анализ проблемы контроля. Он выходит далеко за рамки элементарных представлений о контроле, обычно излагаемых в традиционной психологии, рассматривая не только непосредственный личный контроль (разновидность контроля, которой, как правило, занимается традиционная психология), но также и три другие разновидности контроля: непрямой контроль, контроль через представителя и коллективный контроль. Ямагучи предполагает, что эти разновидности контроля преобладают в культурах, в которых гармония межличностных отношений ценится выше, чем автономия и индивидуальность. Он утверждает, что доминирующие в культуре ценностные ориентации способствуют формированию и использованию различных стратегий контроля при стремлении индивида адаптироваться к условиям окружающей среды.

Ямагучи говорит также о двух разных типах объектов контроля — первичных и вторичных — и четырех подвидах каждого из них. В соответствии с его описанием при первичном контроле объектом контроля являются внешние реалии, существующие в физическом и социальном окружении индивида. При вторичном контроле объектом контроля становится сама личность. Раньше в литературе бытовало мнение, что выходцы из Восточной Азии по сравнению с американцами прибегают к первичному контролю реже, чем к вторичному. Однако, по мнению Ямагучи, хотя с теоретической точки зрения это не вызывает сомнений, имеющиеся исследования не подтверждают эти предположения. Ямагучи переосмысливает данные представления и высказывает предположение о том, что первичный контроль имеет функциональное преимущество перед вторичным контролем лишь в том случае, когда индивид нуждается в срочном удовлетворении биологических потребностей или если в рамках определенной культуры психо-

логическое благополучие во многом зависит от сознания собственной независимости. В частности, вторая иллюстрация к главе показывает, насколько различные пути могут вести к психологическому благополучию в разных культурах.

Нет необходимости говорить о том, насколько уникален, интересен и глубок анализ Ямагучи. Представляя собственные идеи и модели, Ямагучи выступает за пересмотр важнейших психологических концепций, таких как самоуважение, Я-концепция и Я-конструирование в рамках модели, учитывающей культурное многообразие. Он определяет различные пути понимания сути бытия, которые зависят от культурного контекста и фундаментальных психологических ценностных установок, связанных с данным контекстом, и показывает, каким образом личность избирает один или несколько таких путей в зависимости от культуры и ценностных установок. Такое переосмысление весьма существенно для переоценки и перестройки всей научно-исследовательской работы, связанной с пониманием личности и психологического благополучия в разных культурах, в том числе таких тем, как самосовершенствование, самоэффективность и т. д. Сформулированные с учетом различий между Востоком и Западом, представленные модели и идеи применимы к разным культурам.

Идеи Ямагучи способствуют также появлению в будущей эмпирической работе важных инноваций. Так, его предложения по тестированию коллективной самоэффективности требуют методов, позволяющих запланировать и оценить коллективные действия и обеспечить критерии оценки влияния коллектива на показатели индивида, то есть сделать то, что не удается сделать при помощи существующих психологических методов и аналитических методик. Его идеи также вынуждают нас пересмотреть определения автономии, благополучия и самоэффективности и, в результате, возможно, приведут к изменениям в проведении исследований данных конструктов.

Как утверждает Ямагучи, две линии поведения, которые он приводит в качестве примера на второй иллюстрации, не являются несовместимыми или взаимоисключающими. Для любого индивида есть возможность совмещения этих и иных путей, причем в разных культурах и контекстах люди различным образом сочетают в своем поведении множество разнообразных подходов. Такая точка зрения предвещает пересмотр нашего понимания эго и личности в разных культурах и означает решительный шаг в направлении создания панкультурной психологии, что созвучно центральной теме данной книги.

В пятнадцать я открыл свое сердце учению.
. . . .
В семьдесят я следовал желанию своего сердца, не переступая черту.
Конфуций *(Confucius, 1979, p. 63)*

Конфуцианский идеал предполагает, что личность может легко адаптироваться к окружающей среде. Конфуцианство рассматривает человека как неотъемлемую часть организованного космоса, при этом он обладает нравственностью, позволяющей сохранять гармонию. В соответствии с таким подходом зрелая личность, подобная Конфуцию, может безмятежно существовать, избегая конфликтов

между внутренними потребностями и желаниями и внешним миром, что и представляет ценностную ориентацию Востока на поддержание гармонии с внешним миром. В американской культуре самостоятельность и независимость личности ценятся выше, нежели гармония с внешним миром (Sampson, 1977, 1988). Личность, сориентированная на американскую систему ценностей, стремится обрести способность овладеть общественными и материальными ресурсами до такой степени, чтобы для собственного удовольствия стать независимой и самодостаточной. Таким образом, идеальные взаимоотношения между личностью и окружающим миром в США принимают совершенно иные формы по сравнению с теми, которые проповедует философия конфуцианства (Kim, 1994; Triandis, 1994). Отсюда основная задача данной главы — понять, каким образом различия в основных ценностных ориентациях между США и Азией могут повлиять на то, как личность строит свои отношения с окружающим миром.

Перед тем как приступить к подробному рассмотрению влияния культуры на установки личности, связанные с контролем, мы немного отклонимся от темы и докажем, что жители Восточной Азии действительно придают большее значение гармонии с окружающим миром, нежели автономии, в то время как представителям западных культур свойственна диаметрально противоположная позиция.

Гармония и автономия

Шварц (Schwartz, 1992), делая обзор системы ценностей, показывает, что социальная гармония (то есть конформизм, защищенность, традиция) ценятся выше в коллективистском обществе, таком, например, как Тайвань, чем в обществе, построенном на договорной основе, например в Новой Зеландии. В свою очередь, ценность власти, определяемой как «активный контроль социального окружения путем самоутверждения» (Schwartz, 1994, p. 103), в США выше, чем в странах Восточной Азии. Кван, Бонд и Сингелис (Kwan, Bond & Singelis, 1997) показали, что гармоничные отношения — более значимая детерминанта для самооценки студента колледжа в Гонконге, чем в США.

Жители Восточной Азии не просто высоко ценят гармонию, сохранение гармонии служит одним из важнейших руководящих принципов в повседневной жизни, что проявляется в обучении, уважении к родителям, рекламных объявлениях, дискуссиях и способах разрешения конфликтов. Шигаки (Shigaki, 1983) обнаружил, что наиболее важной ценностной установкой воспитателей детских садов в Японии является поддержание гармоничных взаимоотношений. Сунг (Sung, 1994) сравнивает мотивацию взрослых детей, ухаживающих за пожилыми родителями, в Корее и Америке. Для корейцев гармония в семье — важная мотивация заботы о пожилых родственниках, однако американцы не упоминают о ней. Хан и Шэвитт (Han & Shavitt, 1994) обнаружили, что рекламные объявления в журналах США затрагивают моменты, касающиеся личной выгоды и индивидуальных предпочтений, тогда как рекламные объявления в Корее обращаются к моментам, связанным с преимуществами для группы, гармонией и целостностью семьи. С помощью дополнительных экспериментов они доказали также, что реклама, которая делает акцент на благе семьи или группы, в США менее убедительна, чем в Корее.

Пранти, Клопф и Иши (Prunty, Klopf & Ishi, 1990a, b) обнаружили, что студенты университетов в Японии меньше стремились к спорам, выше ценили гармонию отношений в группе и чаще избегали полемики, чем американские студенты. Согласно Трубиски, Тинг-Туми и Лину (Trubisky, Ting-Toomey & Lin, 1991) тайваньские студенты предпочитают разрешать конфликты, возникающие в группе, прибегая к «любезности (например, соглашаясь с предложением члена группы)», «избеганию (например, воздерживаясь от полемики с членом группы)», «объединению (например, принимая совместное решение или учитывая подход другого члена группы)» и «идя на компромисс (то есть пытаясь найти золотую середину и избежать крайностей, чтобы выйти из тупика)». Перечисленное отличает их подход от поведения американских студентов.

Лейнг и Линд (Leung & Lind, 1986) показали, кроме того, что студенты последнего курса в США предпочитают разрешать конфликты в процессе состязательной процедуры, нежели улаживать их без полемики, тогда как китайским старшекурсникам не свойственен такой подход. Подобное обнаружили Обучи, Фукушима и Тедеши (Ohbuchi, Fukushima & Tedeschi, 1999), когда просили американских и японских студентов вспомнить какую-нибудь конфликтную ситуацию из собственной жизни и оценить ее с точки зрения целевой ориентации, достижения цели и тактики при разрешении конфликта. Японские студенты стремились избежать конфронтации с противной стороной, в то время как американские студенты настойчиво отстаивали свои притязания. Кроме того, исследователи обнаружили, что наиболее значимой целью для японских студентов было сохранение позитивных отношений с противной стороной, тогда как для американцев самым существенным моментом было восстановление справедливости. Лейнг (Leung, 1988) показал, что китайцы из Гонконга в меньшей степени стремятся к конфликту, когда их потенциальный оппонент принадлежит к той же группе, что и они сами, по сравнению с американцами. Так же Лейнг (Leung, 1987) продемонстрировал, что, по ощущениям жителей Гонконга, посредничество и переговоры могут снизить уровень враждебности между оппонентами и что гонконгцы прибегают к этим процедурам чаще, чем американцы.

Краткий обзор, приведенный выше, показывает, что в Восточной Азии превыше всего ценится сохранение гармонии, а не автономия. Хотя и сохранение гармонии, и автономия важны в любой культуре, при столкновении ценностных ориентаций жители Восточной Азии обычно придают большее значение гармонии, нежели автономии. Поэтому основная задача этой главы — осмысление установок, связанных с контролем, и сопоставление подходов к контролю у народов, которые, подобно жителям Восточной Азии, превыше всего ценят гармоничные отношения с социальным и физическим окружением, с подходами тех, кто ценит автономию больше, чем гармонию, как жители Северной Америки.

Более подробно я останавливаюсь на том, как две системы ценностных ориентаций влияют на выбор личностью того, кто выступает в качестве агента контроля. Им не обязательно должен быть сам индивид. Это может быть другой человек или коллектив, к которому он принадлежит. Например, починить машину человек может тремя разными способами, в зависимости от того, кто выполняет работу. Во-первых, владелец может в авторемонтную мастерскую. Во-вторых, можно обратиться в авторемонтную мастерскую. В-третьих, можно отремонтировать машину

совместными усилиями с помощью родственников и друзей. В следующих разделах я доказываю, что выбор агента контроля определяется двумя ценностными ориентациями, о которых я говорил выше. Объектом контроля для людей могут быть как они сами, так и окружающая среда (Rothbaum, Weisz & Snyder, 1982). Ученые утверждают, что жители Восточной Азии пытаются в первую очередь изменить себя, а не окружающий мир, в то время как представители западных культур стараются изменить существующие реалии (например, Weisz, Rothbaum & Blackburn, 1984). Я анализирую с концептуальной точки зрения взгляды Ротбаума и Вайса и привожу обзор соответствующей литературы. Затем я представляю программу будущих исследований.

Понятие контроля

Хотя концепция контроля представляется достаточно простой, исследователи не могут прийти к консенсусу в его дефиниции (см. обзор в работе Skinner, 1996). Например, Томпсон определяет его с когнитивной точки зрения (Thompson, 1981) как веру в то, что в распоряжении человека имеется реакция, которая может предотвратить нежелательный ход событий (р. 89), тогда как Скиннер, Чэпман и Болтс (Skinner, Chapman & Balts, 1988) определяют контроль как степень, в которой агент может обеспечить желаемый результат (р. 118). Скиннер (Skinner, 1996) завершает детальное рассмотрение конструктов, связанных с контролем, выводом о том, что прототипом контроля является личный контроль, при котором агент контроля — эго. Поэтому большинство исследователей, работающих в данном направлении, возможно, имеют в виду именно личный контроль, когда упоминают просто контроль. Тем не менее поскольку агентом контроля может быть не только эго, прототипичность личного контроля может отражать ценностную ориентацию культуры на предпочтительность личного контроля по сравнению с другими его видами, поскольку именно он способствует автономии личности. Поэтому, говоря о контроле, я имею в виду просто «достижение намеченного результата» (Weisz et al., 1984, р. 958), поскольку данное определение не связано с ценностными ориентациями культуры.

Агент контроля

Агентом контроля в настоящем контексте называется человек или коллектив, который способствует достижению конкретного результата. В качестве агента могут выступать: индивидуум, обладающие определенными возможностями другие люди или коллектив, например группа или организация. Я рассматриваю вопрос о том, каким образом соображения, связанные с автономией и гармонией, могут повлиять на выбор агента.

Личный контроль

Непосредственный личный контроль

Вероятно, люди, ценящие автономию, предпочтут личный контроль, в рамках которого в качестве агента выступает сам индивид. Когда данная функция выражена явным образом, индивид чувствует свою самоэффективность особенно глубоко, что, в свою очередь, позволяет максимально ощутить собственную автономию.

Я определяю данный вид контроля как **непосредственный личный контроль**, который можно противопоставить **непрямому личному контролю**, предполагающему скрытый характер агента или занижение его роли (табл. 12.1).

Таблица 12.1

Функция агента при различных стратегиях контроля и их возможное воздействие на автономию и гармонию межличностных отношений

Стратегии контроля	Агент	Воздействие на автономию и гармонию	
		Автономия	Гармония
Личный контроль			
непосредственный	Личность открыто выступает в качестве агента	Позитивное	Нейтральное или негативное
непрямой	Действие личности в качестве агента носит скрытый характер	Негативное	Позитивное
Контроль через представителя	В качестве агента действует кто-то другой	Негативное	Позитивное
Коллективный контроль	В качестве агента выступает коллектив	Негативное	Позитивное

В предшествующих теоретических и эмпирических исследованиях в Северной Америке акцент делался на важности самоэффективности, обретение которой возможно в процессе успешного непосредственного личного контроля и может служить основой для формирования ощущения автономии личности. Уайт (White, 1959) утверждает, что у людей есть мотивация, связанная с эффективностью, которая удовлетворяется результативным воздействием на окружающий мир. В соответствии с его теорией, индивиды предпринимают попытки выступить в качестве агента контроля по отношению к окружению, и когда их попытки увенчиваются успехом, они ощущают удовлетворение, то есть происходит процесс, названный **ощущением эффективности**. Бандура (Bandura, 1977) развивает эту идею и говорит о том, что ожидания, связанные с самоэффективностью, влияют на копинг-поведение индивида. Если человек уверен в своей самоэффективности, он будет систематически прибегать к копинг-поведению и в результате достигать автономии. То есть можно сказать, что вера человека в самоэффективность, которая определяется как «вера человека в собственную способность к контролю событий, которые могут повлиять на ход его жизни» (Bandura, 1989, p. 1175), обусловливает последующую мотивацию, аффект и деятельность (Bandura, 1989). В когнитивной сфере вера в самоэффективность ведет человека к постановке высших целей и подчинению себя достижению этих целей (например, Wood & Bandura, 1989). С точки зрения мотивации, вера в самоэффективность заставляет человека вкладывать больше сил в предприятие, которым он занимается (например, Bandura & Cervone, 1983), в то время как с точки зрения эмоций, тот, кто уверен в собственной самоэффективности, в стрессовой ситуации обнаруживает меньшую тревожность (например, Averill, 1973). Кроме того, Лангер и Родин (Langer & Rodin, 1976; Rodin & Langer, 1977) показали, что ощущение контроля может даже способствовать увеличению продолжительности жизни. Проводя исследование в доме престарелых, они обна-

ружили, что смертность ниже среди той категории стариков, у которых есть возможность принимать решения и брать на себя ответственность за судьбу своих молодых родственников, по сравнению с теми, кто лишен возможности выбора и не несет подобных обязательств.

Люди не только верят в свою способность контролировать ситуацию, но порой придерживаются необоснованного убеждения в том, что при определенных обстоятельствах они властны над событиями случайного характера. Лангер (Langer, 1975) показала, что у людей возникает иллюзорное ощущение возможности контроля случайных событий, которые не поддаются контролю по определению. В одном из проведенных ею экспериментов служащим мужского и женского пола было предложено приобрести лотерейный билет стоимостью в 1 доллар, по которому можно выиграть 50 долларов. После того как они согласились принять участие в лотерее, одним было разрешено взять лотерейный билет на выбор, в то время как другим возможность выбора не была предоставлена. Утром в день проведения розыгрыша участникам задали вопрос, не хотят ли они продать свои билеты тому, кто захочет принять участие в лотерее. Цена билета, которую назвали те, кто приобрел свой билет в условиях свободного выбора, в среднем равнялась 8,67 доллара, а те, кто приобрел билет, не имея возможности выбора, определили среднюю цену билета в 1,96 доллара. Данный результат говорит о том, что у участников, купивших билеты в условиях свободного выбора, создалась иллюзия контроля над ситуацией, поскольку они полагали, что могут выбрать выигрышный билет.

Принимая во внимания теоретические соображения и огромное количество эмпирических доказательств преобладания непосредственного личного контроля, почти не приходится сомневаться в устойчивой ориентации представителей западной культуры на непосредственный личный контроль внешних условий. В самом деле, как уже говорилось выше, личный контроль физического и социального окружения индивида считается прототипом контроля вообще (Skinner, 1996). Тем не менее когда речь идет о жителях Восточной Азии, ситуация куда более сложна в связи со значимостью гармонии межличностных отношений.

Непрямой личный контроль

Попытки установления непосредственного личного контроля часто ведут к межличностной конфронтации, которой пытаются избежать представители восточноазиатских культур (Ohbuchi et al., 1999; Trubinsky et al., 1991). По этой причине те, кто ценит гармонию межличностных отношений, предпочитают непосредственному личному контролю непрямой личный контроль, который устанавливается, когда непосредственный личный контроль окружения нежелателен, однако существует потребность или желание контролировать внешние условия. При непрямом личном контроле индивид скрывает или занижает свою функцию в качестве агента контроля, несмотря на то что является таковым. Койима (Kojima, 1984) дает прекрасный пример попытки контроля такого рода:

> Предположим, учителя *racudo* (комический рассказ) раздражает слишком громкое пение его ученика. Вместо того чтобы сделать ему выговор и попросить прекратить пение, он говорит: «Как прекрасно ты поешь!» Сначала ученик преисполняется гордости, приняв замечание учителя за чистую монету, однако спустя некоторое время он понимает подлинный смысл сказанного (p. 972).

В данном случае учитель *racudo* сделал вид, что он не является агентом контроля, хотя на деле он предпринял попытку заставить своего ученика прекратить петь. Он скрыл свое подлинное намерение, «похвалив» ученика за прекрасное пение. Непрямая попытка учителя *racudo* заставить ученика замолчать способствовала сохранению отношений близости между ними, поскольку позволила ученику самому понять, что хочет учитель. Ученика не заставляли прекратить петь и тем самым позволили ему сохранить лицо.

Распространенность такого рода попыток при непрямом контроле, о которой говорят Мурамото и Ямагучи (Muramoto & Yamaguchi, 1997), подтверждается также эмпирическими данными. Мы обнаружили, что японцы пытаются опосредованно повысить свою самооценку через позитивную атрибуцию группы. По предыдущим исследованиям известно, что людям свойственна положительная атрибуция собственной личности: свои успехи они относят за счет своих способностей, а неудачи приписывают внешним факторам, таким как невезение или трудность поставленной задачи. Это способствует формированию позитивной самооценки.

Мурамото и Ямагучи обнаружили, что японцам свойственна самоуничижительная атрибуция личных способностей, которая сосуществует с позитивной атрибуцией возможностей группы, к которой они принадлежат. Это не значит, что японцам вообще свойственна самоуничижительная атрибуция собственной личности. Скорее это говорит о том, что они пытаются повысить свою самооценку опосредованно, через позитивную оценку своей группы, поддерживая гармоничные отношения с окружающими путем самоуничижительной личной атрибуции.

В соответствии с теорией социальной идентичности (Tajfel, 1982), оценка индивидом группы, к которой он принадлежит, отражается на его **социальной идентичности**, определяемой как «та часть Я-концепции индивида, которая является производной от осознания индивидом своей принадлежности к определенной социальной группе (или группам), с учетом ценности и эмоциональной значимости данной принадлежности» (р. 255). Поскольку социальная идентичность является эквивалентом «Я-концепции индивида как члена группы» (Abrams & Hogg, 1990), индивид может повысить свою самооценку путем позитивной оценки своей группы. Таким образом, личность может повысить свою самооценку, не нарушая гармонию взаимоотношений в группе.

В соответствии с данной интерпретацией, Мурамото и Ямагучи (Muramoto & Yamaguchi, 1999) пришли к выводу, что японские испытуемые обычно оценивают личный вклад в успех группы как равный средним показателям в группе или превышающий их, хотя могут не говорить о такой самооценке другим членам группы. Эти данные говорят о том, что японцы стремятся повысить уровень самоуважения, хотя и опосредованно. Они говорят также и о том, что японцы делают вид, будто не выполняют функций агента, хотя в действительности они действуют в качестве агента, стремясь повысить уровень самоуважения. Учитывая то, как высока цена непосредственного личного контроля самооценки, о чем говорят проведенные исследования, можно понять, почему японцы пытаются повысить или оградить свое самоуважение опосредованно. Когда речь идет о возможностях группы, функция индивида как агента теряется среди других членов группы; поэтому атрибуция успеха группы носит менее индивидуальный характер, чем атрибуция личных

возможностей. Данные, собранные Мурамото и Ямагучи, показывают, что японцы действительно стремятся к более высокой самооценке, но идут к ней другим путем, при котором роль индивида затушевывается, что снижает вероятность разрушения гармонии межличностных отношений. Вполне понятно, что в японской культуре потребность индивида в повышении уровня самооценки скрывается за еще более настоятельной потребностью сохранения гармонии и реализуется опосредованно в первую очередь через позитивную оценку силы группы, а не возможностей индивида.

Самоуничижительная атрибуция возможностей личности свойственна не только японцам. Исследователи утверждают, что смирение является нормой и в китайском обществе (см. обзор в работе Leung, 1996). Фар, Доббинс и Ченг (Farh, Dobbins & Cheng, 1991) обнаружили, и это согласуется с данными Мурамото и Ямагучи (Muramoto & Yamaguchi, 1997), что китайские служащие на Тайване дают более низкую оценку производительности собственного труда, чем их начальство. Кроме того, Ван и Бонд (Wan & Bond, 1982) пришли к выводу, что склонность к самоуничижению у китайцев исчезает в публичных ситуациях, когда дело касается удачи, следовательно, самоуничижительная атрибуция — это тактика, цель которой произвести определенное впечатление.

Эмпирические данные говорят о том, что, несмотря на недавние попытки Хайне с коллегами доказать, что японцам, по сравнению с жителями Северной Америки, свойственна более низкая самооценка (Heine, Lehman, Markus & Kitayama, 1999; Heine, Takata & Lehman, 2000), выраженная явным образом низкая самооценка японцев и китайцев должна восприниматься с определенными оговорками. Они могут просто следовать принятым в их обществе нормам скромности и стремиться повысить уровень самооценки опосредованно, показывая тем самым, что они понимают требования, предъявляемые культурными нормами, и действуют в соответствии с ними.

Предшествующие исследования говорят о том, что в целом, те, кто ценит гармонию межличностных отношений, предпочитает непрямой личный контроль, опасаясь, что попытки непосредственного личного контроля могут привести к межличностной конфронтации. С другой стороны, тех, кто ценит автономию, непрямой личный контроль не привлекает даже при условии его успешного применения. К нему прибегают лишь тогда, когда непосредственный личный контроль невозможен. Лопес и Литтл (Lopez & Little, 1996) говорят о том, что дети в семьях военнослужащих из США, находящихся в Германии, обычно прибегали к непрямым копинг-стратегиям (то есть попыткам непрямого контроля), сталкиваясь с неуправляемыми событиями.

Контроль через представителя

Когда осуществление личного контроля невозможно или не поощряется, индивид может оставить попытки установления непосредственного личного контроля и попытаться обрести «чувство безопасности с помощью контроля через представителя» (Bandura, 1982, p. 142). **Контроль через представителя** означает контроль с помощью другого человека, действующего на благо личности, осуществляющей контроль (табл. 12.1).

При вмешательстве третьей стороны посредники могут быть призваны, например, урегулировать межличностные отношения, которые чреваты или уже характеризуются конфликтом интересов. С помощью посредников люди могут достичь желаемого результата, не прибегая к действиям в качестве агента контроля. Именно в этом смысле считается, что люди, использующие вмешательство третьей стороны, прибегают к контролю через представителя. Как подсказывает приведенный выше анализ нежелания жителей Восточной Азии использовать непосредственный личный контроль, вмешательство третьей стороны предпочитают в первую очередь в Восточной Азии, а не на Западе. В самом деле, в соответствии с проведенным (Bian & Ang, 1997) обследованием 1008 китайских рабочих и 512 рабочих в Сингапуре, при смене места работы посредники играют важную роль в установлении контакта между работником, желающим сменить работу, и его новым нанимателем.

Контроль через представителя весьма важен для выживания тех, кто занимает более уязвимое положение и вследствие этого не может изменить окружающие условия в соответствии со своими склонностями. Поскольку такие люди не обладают достаточными навыками, знаниями и возможностями, которые позволяли бы им достичь желаемого результата или избежать нежелательных последствий, связанных с внешними условиями, у них нет других средств контроля своего окружения, кроме контроля через представителя. Поэтому такой вид контроля имеет первостепенную важность для индивидов, находящихся в уязвимом положении, например для детей или подчиненных в какой-либо организации, обеспечивая им возможность использовать людей, обладающих бóльшими возможностями, чем они сами, и которых можно склонить к действиям во благо себе. Для детей это родители, действия которых могут привести к желаемому для ребенка результату. Например, ребенок просит родителей купить ему дорогую игрушку. Подобным образом подчиненный может обратиться к непосредственному начальнику с просьбой поговорить с президентом корпорации о продвижении по службе. В ситуациях такого рода люди, прибегающие к контролю через представителя, не могут сами осуществить непосредственный личный контроль. Ребенок не может сам купить дорогую вещь, а подчиненный не имеет возможности поговорить с президентом корпорации о повышении в должности. Поэтому они вынуждены использовать контроль через представителя, если хотят достичь желаемого результата во внешнем мире.

Распространенность контроля через представителя в контексте восточной культуры отражается в предложенной японским психоаналитиком Дои (Doi, 1977) концепции амэ, которая является ключевым понятием для понимания японской ментальности. Применительно к повседневности, амэ предполагает возможность не всегда допустимого поведения личности (Takemoto, 1986). Точнее, индивид вправе предполагать, что его неадекватное поведение будет восприниматься как приемлемое другим человеком, если они находятся в достаточно близких отношениях. Это допущение и получило у японцев название амэ (Yamaguchi, 1999).

Например, ребенок может надеяться, что родители купят ему дорогую игрушку, потому что они любят его. Служащий компании, мечтающий о повышении, надеется, что его начальник положительно отреагирует на его желание получить повышение, поскольку он находится в дружеских отношениях с начальником, хотя,

возможно, сам служащий и не заслуживает продвижения по службе. В приведенных примерах подобные просьбы в обычной ситуации воспринимаются противной стороной как неуместные. Несмотря на это проситель пытается получить желаемое при помощи обладающего соответствующими возможностями другого человека, например родителей, мужа, начальника, поскольку поддерживает с ними близкие отношения. Важно отметить, что амэ обычно предполагает действительно тесные отношения, такие как отношения между близкими друзьями, родителями и детьми или мужем и женой. При наличии таких отношений даже неадекватное поведение часто воспринимается как допустимое, хотя и с определенными оговорками. Таким образом, амэ у японцев может рассматриваться как попытка контроля через представителя, при котором благодетель принимает неуместное поведение или просьбу, которые едва ли допустимы при отношениях иного рода.

Очевидно, что амэ или другие разновидности контроля через представителя не способствуют ощущению самоэффективности при достижении цели контроля. Прибегая к контролю через представителя, индивид должен оставить попытки непосредственного контроля внешних условий и отказаться от возможности приобрести необходимые навыки (Bandura, 1982). Проистекающая из этого низкая самоэффективность способствует формированию зависимости индивида от контроля через представителя, которая продолжает уменьшать возможности выработать навыки, необходимые для эффективной деятельности (Bandura, 1997, p. 17). Таким образом, если автономия представляет для индивида действительную ценность, контроль через представителя определенно нежелателен, ввиду его разрушительного воздействия на автономию индивида.

Однако, если приоритет отдается сохранению гармонии, контроль через представителя, включая амэ, поворачивается светлой стороной, поскольку он оказывает весьма благотворное воздействие на межличностные отношения. Если благодетель успешно справляется с ситуацией, разрешая ее во благо просителя, это способствует более глубокому доверию к благодетелю. Благодетель же получает возможность ощутить, что проситель ценит его и доверяет ему, поскольку проситель отказывается от попыток контроля и обращается к благодетелю с просьбой об услуге.

Даже с точки зрения самоэффективности контроль через представителя не обязательно приносит вред. Он может способствовать формированию ощущения самоэффективности в поддержании межличностных связей, поскольку контроль через представителя требует определенных навыков общения, позволяющих найти того, кто располагает соответствующими возможностями, и склонить его к действиям на благо просителя. В этом смысле контроль через представителя следует отличать от отказа от контроля. Его можно понимать как попытку контроля, при которой подлинный агент (то есть субъект) скрыт. При контроле через представителя индивид знает, чего он хочет, и использует хорошо развитые навыки общения, чтобы склонить потенциального благодетеля действовать себе во благо. Поэтому ситуация обычно контролируется скорее просителем, чем благодетелем. Используя контроль через представителя, индивид может получить даже то, что он при других обстоятельствах не может себе позволить, используя личный контроль, как это происходит в случае амэ.

Ким и Ямагучи (Kim & Yamaguchi, 2001) обнаружили, что японцы отдают себе отчет в двояком характере амэ: они понимают его губительное воздействие на автономию и благоприятное воздействие на межличностные отношения. Более 1000 японцев, включая старшеклассников и студентов колледжей, а также взрослых, по нашей просьбе отвечали на открытые вопросы опросника, касающегося амэ. Результаты показали, что, как и ожидалось, японцы сознают как позитивные, так и негативные аспекты амэ и вследствие этого занимают по отношению к нему двойственную позицию. Японские респонденты связывают с амэ такие позитивные чувства, как приязнь/любовь, признание и доверие, и такие негативные ощущения, как зависимость, неудовольствие, эгоизм или инфантилизм. Респонденты также отмечали, что принятие амэ имеет такие позитивные моменты, как более тесные взаимоотношения и получение взаимной выгоды, и такие негативные моменты, как незрелость и затруднения для того, кто обеспечивает достижение цели.

Японские респонденты допускают амэ лишь в определенных ситуациях. Как утверждает Такемото (Taketomo, 1986), амэ может приветствоваться и допускаться лишь при обоюдном согласии взаимодействующих сторон. То есть допустимость амэ зависит от близости межличностных отношений и контекста, в котором к нему прибегают. Очевидно, амэ представляет собой один из практических способов контроля физических и социальных внешних условий, в которых находится индивид, по крайней мере, в Японии. Амэ позволяет индивидам, обладающим ограниченными возможностями, влиять на внешние условия, сохраняя при этом гармонию межличностных отношений.

Коллективный контроль

Помимо непрямого личного контроля и контроля через представителя, существует еще одна разновидность контроля, не вступающего в конфликт с гармонией межличностных отношений. При **коллективном контроле** индивид пытается контролировать окружение как член коллектива или группы, которые и выступают в качестве агента контроля. Таким образом, членам группы не приходится беспокоиться о сохранении гармонии межличностных отношений с другими членами группы, поскольку они имеют общие цели контроля (табл. 12.1).

В Восточной Азии единицей, способной к выживанию, была в первую очередь группа или коллектив, а не изолированные индивиды или нуклеарные семьи (Triandis, 1994). В качестве такой единицы группа или коллектив может функционировать как автономный агент. Действительно, Менон, Моррис, Чиу и Хонг (Menon, Morris, Chiu & Hong, 1999) утверждают, что жители Восточной Азии рассматривают коллектив как автономное образование. В соответствии со своим утверждением, они доказывают, что жители Восточной Азии обычно с большей готовностью связывают причины разного рода событий с характеристиками группы, нежели со способностями личности. Китайцы в Гонконге обычно объясняют причины скандальных происшествий в какой-либо организации особенностями группы, не связывая их с личными качествами, тогда как американцы демонстрируют диаметрально противоположный подход.

При коллективном контроле ответственность и функции агента распределяются между всеми действующими лицами (Latane & Darley, 1970). Если каждый член

коллектива в равной мере отвечает за результат, никто не будет нести личной ответственности за негативный результат. Хотя никто не сможет поставить себе в заслугу и позитивный результат, это именно то, что предпочитают жители Восточной Азии. Мурамото и Ямагучи (Muramoto & Yamaguchi, 1997) показали, что японцы предпочитают приписывать успехи заслугам членов своей группы, что говорит о том, что японцы не претендуют на оценку персональных заслуг при успешной деятельности в рамках группы. Люди поддерживают гармонию в отношениях членов группы благодаря тому, что они разделяют ответственность за результат деятельности группы, независимо от того, каков этот результат.

В Восточной Азии группа не только воспринимается как агент, ее члены считают, что как коллектив они способны к более эффективным действиям, нежели как отдельные личности (Earley, 1989, 1993). Эрли (Earley, 1989) обратился к обучавшимся на курсах менеджеров из США и КНР с просьбой поработать над аддитивной задачей (Steiner, 1972), представляющей собой составление памятных записок и определение порядка очередности бесед с клиентами. Как и ожидалось, он обнаружил, что индивидуалисты-американцы проявляют в такой ситуации социальную леность (то есть снижение активности при выполнении коллективного задания по сравнению с активностью при выполнении индивидуального задания, что показали также Латане, Уильямс и Харкинс — Latané, Williams & Harkins, 1979), тогда как коллективисты-китайцы вели себя иначе. Было также обнаружено, что китайские испытуемые в группе работали более интенсивно, чем поодиночке, в особенности в условиях наличия серьезной коллективной ответственности, при которых перед группой испытуемых ставилась точно определенная цель. В соответствии с интерпретацией исследователя, эти результаты говорили о том, что приоритетными для китайцев являются групповые цели и коллективные действия, а не личные интересы, в то время как по отношению к американцам верно обратное.

Эрли (Earley, 1993), развивая такую трактовку, показал, что отсутствие социальной лености у китайцев связано с индивидуально воспринимаемой эффективностью группы, которая определяется как личные ожидания в отношении потенциальных возможностей группы. В его эксперименте менеджеров из США и Китая попросили имитировать деятельность управленческого характера, как и в исследовании Эрли в 1989 году, в трех типах условий: в одиночку, в условиях включенности в группу, находясь вне группы. Находясь в группе или вне группы, испытуемые считали, что они работают с членами группы или с теми, кто не включен в группу. Производительность китайских испытуемых была значительно выше при включенности в группу, по сравнению с двумя другими ситуациями, тогда как производительность американских испытуемых была значительно выше, когда они работали в одиночку, чем при прочих обстоятельствах. В соответствии с показателями производительности можно было сделать вывод, что китайские испытуемые, будучи включены в группу, оценивают групповую эффективность выше, чем американцы. Следовательно, данные результаты говорят о том, что китайские испытуемые работали более интенсивно при включенности в группу благодаря вере в эффективность группы.

Такая вера в силу коллектива может привести к возникновению у людей иллюзии коллективного контроля. Ямагучи (Yamaguchi, 1998) предположил, что японцы,

обычно без всяких на то оснований, оценивают риск гораздо ниже, когда находятся в коллективе, чем в одиночку. В первом эксперименте испытуемыми были японки, которым предложили оценить уровень риска в вымышленных ситуациях, описанных в рассказе, причем количество действующих лиц, одновременно подвергавшихся опасности, исходившей из одного и того же источника, варьировалось. Например, участниц эксперимента попросили оценить возможность заболеть раком, предположив, что они пьют воду, содержащую канцерогены, в ситуациях, когда они употребляют загрязненную воду в одиночку, вместе с небольшой группой людей или с большой группой людей. Как должно быть понятно читателю, нет каких-либо оснований полагать, что количество товарищей по риску оказывает влияние на вероятность заболеть раком. Тем не менее, по оценке участниц эксперимента, чем больше товарищей по риску, тем меньше вероятность заболеть. Во втором эксперименте те же самые данные были получены повторно в лабораторных условиях, когда участники подвергались реальной опасности получить удар током. Эффект снижения оценки риска в группе был повторно выявлен в Гонконге, где использовались в основном те же сюжеты (Amy & Leung, 1998).

Ямагучи, Гельфанд, Мицуно и Земба (Yamaguchi, Gelfand, Mizuno & Zemba, 1997) занимались более глубокой проверкой того, действительно ли японцы преувеличивают эффективность коллектива, а американцы, в первую очередь мужчины, переоценивают самоэффективность. В соответствии с нашими прогнозами, японцы придерживаются установки, что коллективный контроль более эффективен, чем личный контроль, тогда как американцы полагают, что личный контроль более эффективен, чем коллективный контроль.

В ходе эксперимента испытуемым сказали, что эксперимент касается воздействия неприятных переживаний на последующее выполнение задачи. Якобы с этой целью испытуемым было сказано, что они будут поставлены или в контрольные условия или в условия, заставляющие их испытать неприятные ощущения, в зависимости от результатов розыгрыша. Им объяснили, что если они попадут в число испытывающих неприятные ощущения, их попросят выпить горький напиток, а в контрольных условиях им не придется это делать.

На самом деле было два типа условий для испытуемых — действия в одиночку или в группе. В условиях действий в одиночку испытуемых просили вытянуть четыре лотерейных билета, на каждом из которых было однозначное число. В условиях действий в группе участнику говорили, что он входит в состав группы из четырех человек, остальные участники которой находятся в других комнатах. Экспериментатор объяснял, что каждый из четырех членов группы вытаскивает один лотерейный билет. И тем, кто действовал в одиночку, и тем, кто принадлежал к группе, сказали, что условия эксперимента для них (неприятные ощущения или их отсутствие) будут зависеть от суммы чисел на четырех лотерейных билетах. Таким образом, экспериментальная ситуация была задана таким образом, что и при действиях в одиночку, и в условиях принадлежности к группе вероятность оказаться в условиях, при которых придется испытать неприятные ощущения, была одинаковой. Испытуемые, которые действовали в одиночку, вытягивали четыре лотерейных билета самостоятельно, в то время как испытуемые, принадлежавшие к группе, полагали, что билеты будут тянуть все четыре члена группы. Как и в эксперименте, описанном выше (Yamaguchi, 1998), не было оснований полагать, что

сумма четырех цифр на лотерейных билетах зависит от того, кто тянет билеты. В качестве зависимой переменной выступала оценка испытуемыми вероятности, что им придется оказаться в группе, которая должна будет испытывать неприятные ощущения и пить горький напиток.

Как и ожидалось, результаты показали, что японцы в условиях принадлежности к группе оценивали вероятность того, что им придется оказаться в нежелательных условиях, ниже, чем те, кто действовал в одиночку, американские же участники мужского пола продемонстрировали обратную реакцию. Американские женщины вели себя так же, как и японки: они преувеличивали силу коллектива по сравнению с самоэффективностью.

Хотя такие результаты в отношении американок могут вызвать недоумение, их можно объяснить, принимая во внимание ценностные ориентации американских женщин. Гиллиган (Gilligan, 1993) доказывает, что женщины в США ценят межличностные связи выше, чем мужчины, и в психологическом отношении менее обособлены по сравнению с мужчинами. Утверждениям Гиллиган созвучны и данные Ботель и Марини (Beutel & Marini, 1995), которые говорят о том, что ученицы выпускного класса средней школы в США в период с 1977 по 1991 год чаще, чем их одноклассники-юноши, выражали озабоченность благополучием окружающих и чувство ответственности за них, а дух соперничества и материализм были свойственны девушкам в меньшей степени, чем юношам. Поэтому можно понять, что американские женщины оказались ближе к представителям восточноазиатской культуры в своем стремлении к сохранению межличностных отношений и заботе об окружающих. Такие установки вполне могут сформировать у американок общую установку на групповую эффективность. К проблеме гендерных различий в подходе к контролю мы еще вернемся в заключительном разделе.

С точки зрения развития, ощущение самоэффективности формируется в процессе социализации индивида (Bandura, 1989, 1997). Новорожденный младенец появляется на свет без какого-либо ощущения самоэффективности. У маленьких детей ощущение самоэффективности формируется постепенно на основе соотнесения поведения и результата. Поскольку соотношение поведения и его результата часто зависит от родителей, учителей или других взрослых, обладающих определенными потенциальными возможностями, ощущение самоэффективности индивида формируется под влиянием определенной культурной среды, в которой он воспитывается. Если целенаправленно выстраиваются или подчеркиваются связи между поведением ребенка и его результатом (как в США), у ребенка формируется устойчивое убеждение в самоэффективности. Если же взрослые выстраивают определенные связи между коллективным поведением и его результатом, у детей будет формироваться в первую очередь ощущение эффективности коллектива (то есть ощущение, что коллектив обладает бо́льшими возможностями изменения окружающих условий). После того как такое ощущение эффективности коллектива сложилось, оно превращается в самоисполняющееся пророчество. Так, китайцы обычно верят в силу коллектива и прилагают больше усилий, когда работают в группе, по сравнению с работой в одиночку (Earley, 1993), что делает работу коллектива более эффективной, чем действия отдельного индивида.

Подводя итог, можно сказать, что для жителей Восточной Азии предпочтение коллективного контроля личному представляется вполне естественным по трем

следующим причинам. Во-первых, при коллективном контроле индивид не воспринимается как агент, что позволяет избежать конфликтов личного характера. Во-вторых, представители восточно-азиатских культур придерживаются веры в то, что коллективные усилия более эффективны, чем усилия отдельного индивида, и эта вера подтверждается практикой. В-третьих, коллективный контроль благоприятствует гармоничным отношениям с другими членами группы, поскольку личные цели в данном случае совпадают с целями группы.

Что касается агентов контроля, то, помимо непосредственного личного контроля, который имеет доминирующее значение в западной культурной среде, существуют еще по крайней мере три вида. Как показано на рис. 12.1, акцент на сохранении гармоничных межличностных отношений ведет индивида к выбору стратегий, предполагающих непрямой личный контроль, контроль через представителя или коллективный контроль. При ориентации на автономию индивид избирает стратегии непосредственного личного контроля. Проведенные исследования и дискуссии по данному вопросу говорят о том, что стратегии непосредственного личного контроля более распространены среди тех, кто ценит автономию, тогда как стратегии, представленные в нижней части рисунка, более предпочтительны для тех, кто ценит гармонию межличностных отношений выше личной автономии.

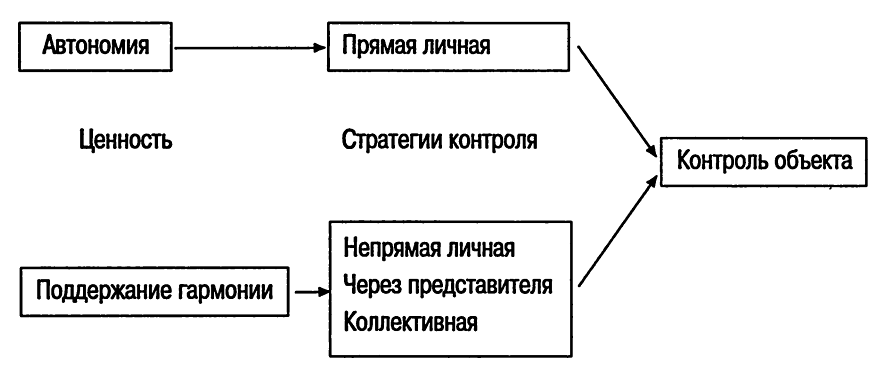

Рис. 12.1. Связи между ценностями и стратегиями контроля

Объект контроля

Физиологическое и психологическое благополучие индивида требует выстраивания определенных взаимоотношений с физическим и социальным окружением. В процессе создания таких отношений индивид пытается изменить или свое окружение, физическое или социальное, или самого себя. Ротбаум и соавторы (Rothbaum et al., 1982), а также Вайс и соавторы (Weisz et al., 1984) предложили разграничить два вида контроля, определив их как **первичный контроль** и **вторичный контроль**. При первичном контроле объектом являются внешние реалии физического или социального окружения индивида. Индивид пытается «увеличить вознаграждение, оказывая воздействие на окружающую реальность (других людей, обстоятельства, симптомы, проблемы, касающиеся поведения)», в процессе «личного воздействия, применения силы или даже агрессию» (Weisz et al., 1984, p. 955). При вторичном

контроле объектом контроля становится сам индивид. Он пытается «увеличить вознаграждение, приспосабливаясь к существующей реальности и получая от нее максимальное удовлетворение или извлекая максимальную пользу из обстоятельств, которые остались неизменными» (Weisz et al., 1984, p. 955).

Расширяя понятие контроля за счет представления о вторичном контроле, данные авторы внесли весьма важный вклад в прогресс научно-исследовательской работы в данной области, как концептуального, так и эмпирического характера. К тому же они использовали данное разграничение с учетом контекста, рассматривая его применительно к культурным различиям в установках, связанных с контролем. Вайс и соавторы (Weisz et al., 1984) утверждают, что первичный контроль играет важную роль в повседневной жизни в США, тогда как вторичный контроль превалирует в Японии. Что касается различий в установках, связанных с контролем, и существующих между Востоком и Западом, то Вайс и соавторы (Weisz et al., 1984) приводят доказательства того, что а) жители Восточной Азии реже прибегают к первичному контролю, поскольку считают его менее осуществимым и менее желательным, чем американцы, и б) жители Восточной Азии прилагают больше усилий к осуществлению вторичного контроля, чем американцы. В следующих разделах после конкретизации представлений о двух типах контроля будут рассмотрены имеющиеся в нашем распоряжении данные.

Первичный контроль

Согласно Ротбауму с соавторами (Rothbaum et al., 1982), как первичный, так и вторичный контроль включают четыре разновидности: прогнозирующий, иллюзорный, замещающий, интерпретирующий (табл. 12.2). При **прогнозирующем первичном контроле** индивид пытается предсказать события, чтобы успешно достичь цели. Пример контроля этого типа — предвидение следующего хода противника при игре в шахматы. Если прогноз сделан правильно, шансы на победу возрастают. При **иллюзорном первичном контроле** индивид пытается контролировать неуправляемые события, например события случайного характера. Примером такого контроля является суеверное поведение азартных игроков. Азартный игрок продолжает носить потрепанную шляпу, которая была на нем 10 лет назад в момент крупного выигрыша, веря, что эта грязная шляпа приносит удачу. **Замещающий первичный контроль** эквивалентен контролю через представителя, поскольку предполагает попытку манипулировать другими людьми, обладающими соответствующими возможностями. И наконец, **интерпретирующий первичный контроль**

Таблица 12.2

Стратегии первичного контроля

Стратегия	Пример
Прогнозирующий	Предсказать ход противника, чтобы победить в игре
Замещающий (через представителя)	Манипуляция теми, кто располагает соответствующими возможностями, для достижения цели
Иллюзорный	Суеверное поведение азартного игрока
Интерпретирующий	Понимание сути проблемы с целью ее решения

представляет собой попытку понимания сути проблемы с целью ее решения или преодоления.

Говоря о первичном контроле, следует отметить, что оригинальная классификация видов первичного контроля, в соответствии с терминологией Ротбаума и соавторов (Rothbaum et al., 1982), включает контроль через представителя или замещающий первичный контроль. Особенность контроля через представителя состоит в том, что агентом контроля является обладающее определенными возможностями лицо (или лица), а не сам индивид. Поскольку контроль через представителя оказывает нежелательное воздействие на навыки, необходимые для личного контроля, и вследствие этого не ценится и не считается предпочтительным в США (Bandura, 1997), утверждение Вайса и соавторов (Weisz et al., 1984) о том, что первичный контроль распространен в США в большей степени, чем в Японии, представляется несостоятельным с точки зрения логики. В самом деле, имеющиеся в нашем распоряжении эмпирические данные говорят о том, что предположение, высказанное Вайсом и соавторами (Weisz et al., 1984), представляется весьма проблематичным при эмпирической проверке.

Используя собственную шкалу первичного и вторичного контроля, Сегинер, Троммсдорфф и Эссо (Seginer, Trommsdorff & Essau, 1993) сравнивали установки в отношении контроля студентов из Малайзии и студентов из Северной Америки и Германии. Выборка из Малайзии состояла главным образом из студентов ибанов и малайцев, религия которых уделяет первоочередное внимание гармоничным отношениям между людьми (Seginer et al., 1993). Это позволяло сделать предположение, что испытуемые из Малайзии ценят гармонию человеческих взаимоотношений. Полученные данные не подтвердили предположение Вайса и соавторов (Weisz et al., 1984). Совокупные показатели малайцев по первичному контролю, вопреки ожиданиям исследователей, были выше, чем показатели жителей Германии, и не отличались от показателей североамериканцев. Кроме того, было обнаружено, что показатели студентов из Малайзии по замещающему первичному контролю (то есть контролю через представителя) были выше, чем у немецких студентов и североамериканцев. Эти результаты говорят о том, что, как и предполагалось выше, студенты из Малайзии обычно контролируют окружающие условия опосредованно, через кого-то другого (контроль через представителя), а не непосредственно.

В одном из эмпирических исследований по Вайсу Мак-Карти и соавторы (McCarty et al., 1999) сравнивали копинг-стратегии, используемые для преодоления стресса 6- и 14-летними детьми из Таиланда и США. Поскольку тайского ребенка с ранних лет учат «не нарушать собственное внутреннее равновесие, открыто выражая свои чувства и желания» (р. 810), предполагалось, что данные, касающиеся тайских детей, будут связаны с восточноазиатскими копинг-стратегиями. В отношении первичного контроля исследователи не выявили различий между детьми, принадлежащими к разным культурам. С другой стороны, тайские дети в два раза чаще своих американских сверстников описывали использование ими скрытого (то есть непрямого) копинг-поведения. Этот результат говорит о том, что тайцы предпочитают скорее прибегать к непрямому личному контролю, нежели отказываться от попыток повлиять на ситуацию, тогда как японские сту-

денты повышают свою самооценку опосредованным образом (Muramoto & Yamaguchi, 1999). Эти данные позволили Мак-Карти и соавторам (McCarty et al., 1999) сделать вывод о том, что

> в процессе взаимодействия с взрослыми тайские дети более охотно, по сравнению с американцами, действуют неявным образом и при помощи такого рода действий справляются с проблемой, однако они не более, чем американцы в данных ситуациях, склонны избирать цели, характерные для вторичного контроля, или отказываться от контроля вообще. Другими словами, было бы неправильно полагать, что мягкие, едва различимые, непрямые действия, связанные с преодолением проблем, которые используют в данных ситуациях юные тайцы, означают недостаточное приложение усилий для достижения результата или для того, чтобы обстоятельства складывались желательным образом. Точнее было бы сказать, что эти дети соблюдают социальные нормы адекватного поведения по отношению к взрослым, продолжая стремиться к достижению целей, которое предполагает использование ими первичного контроля в не меньшей степени, чем используют его американские дети (р. 816).

Накамура и Фламмер (Nakamura & Flammer, 1998) сравнили связанные с контролем ориентации у швейцарских и японских студентов. В ориентации на активные стратегии решения проблем, которые можно отнести к категории интерпретирующего первичного контроля, студенты из Швейцарии опережают японцев. Это говорит о том, что японцы в меньшей степени, чем представители западных культур, склонны прибегать к конкретной разновидности первичного контроля, а именно к интерпретирующему первичному контролю.

В целом, количество проведенных исследований незначительно и не доказывает, что японцы или жители Восточной Азии имеют менее сильную мотивацию использования первичного контроля по сравнению с американцами или иными представителями западных культур. Хотя культурная среда и оказывает несомненное влияние на выбор индивидом контрольных стратегий, мы не должны упускать из виду тот факт, что в любой культуре индивид нуждается в контроле окружающих условий ради собственного существования. Поэтому неудивительно, что концепция первичного контроля в целом не может адекватно отразить различия в установках, связанных с контролем, между Востоком и Западом. Различия в ориентациях, касающиеся первичного контроля, между Востоком и Западом связаны не с преимущественной распространенностью в одной культуре по сравнению с другими, но с типом агента и способами, которые индивид считает допустимыми или предпочтительными в рамках определенной культурной среды, о чем говорилось в предыдущих разделах.

Утверждение Вайса и соавторов (Weisz et al., 1984) может быть принято в виде предположения о более широкой распространенности в США непосредственного личного контроля, а не первичного контроля вообще. Хотя такая интерпретация утверждения Вайса и соавторов не соответствует данной ими исходной дефиниции первичного контроля, судя по всему, ее уже приняли идущие за ними исследователи. Например, когда Хекхаузен и Шульц (Heckhausen & Shultz, 1995) характеризуют первичный контроль как предполагающий «непосредственное воздействие на окружающую среду» (р. 285), они несомненно отходят от оригинальной дефиниции Ротбаума и его коллег (Rothbaum et al., 1982), исключая замещающий

первичный контроль и иллюзорный первичный контроль. Хекхаузен и Шульц, в сущности, понимают под первичным контролем личный контроль окружающей среды.

Более жизнеспособной представляется гипотеза, согласно которой непосредственный личный контроль окружающей среды шире распространен на Западе, чем в Восточной Азии. То есть представители западной культуры чаще, чем жители Восточной Азии, прибегают к непосредственному личному контролю, когда объектом контроля становится окружающая среда. Более подробно эта гипотеза рассматривается ниже.

Вторичный контроль

Вторая позиция утверждения Вайса и соавторов (Weisz et al., 1984) гласит, что вторичный контроль имеет более широкое распространение в восточно-азиатских культурах по сравнению с американской культурой. Для проверки обоснованности такого утверждения следует более глубоко проанализировать характер вторичного контроля. Вайс и его коллеги предлагают четыре разновидности вторичного контроля, аналогичные разновидностям первичного контроля (табл. 12.3).

Прогнозирующий вторичный контроль предполагает точное предсказание индивидом внешних событий и условий с целью получения возможности контролировать их психологическое воздействие на себя. Например, можно попробовать узнать заранее, каким образом стоматолог будет лечить больной зуб, чтобы уменьшить неприятные ощущения в процессе лечения. В данном случае объект контроля — страх или иные отрицательные эмоции, которые могут сопутствовать посещению стоматолога.

При **замещающем вторичном контроле** индивид пытается обрести ощущение самоэффективности, равняясь на других людей или группы, которые обладают большими, по сравнению с ним, возможностями, позволяющими им достичь того, что недоступно самому индивиду. Объектом при данном типе контроля является ощущение самоэффективности индивида. Удачный пример данного типа контроля приводят Чалдини и его коллеги (Cialdini et al., 1976). Они показывают, что студенты колледжа часто стремятся приблизиться к тем, кто достиг успеха. В одном из проведенных ими экспериментов было обнаружено, что после победы своей футбольной команды ученики стали носить школьную форму. Греясь в лучах чужой славы, ученики получали возможность обрести хотя бы иллюзорное ощущение самоэффективности. Такой тип контроля может рассматриваться как контроль внутреннего состояния, в данном случае ощущения самоэффективности, через представителя.

Что касается **иллюзорного вторичного контроля**, дефиниции Ротбаума с соавторами (Rothbaum et al., 1982) и Вайса с соавторами (Weisz et al., 1984) не согласуются между собой. В работе Ротбаума и его коллег данный тип контроля определяется как попытка индивида действовать заодно с силой случая, чтобы быть причастным к контролю, осуществляемому этой силой (p. 17). В соответствии с этим определением, объектом контроля здесь, как и при замещающем вторичном контроле, будет ощущение самоэффективности индивида. С другой стороны, иллюзорный вторичный контроль, по определению Вайса с соавторами, представляет собой попытки индивида объединить свои действия со случайностью или действо-

вать синхронно с ней, чтобы обрести ощущения покоя и принять свою судьбу (р. 957). В соответствии с этим новым определением, объектом контроля являются ощущения индивида, связанные с принятием своей судьбы. Например, больной, умирающий от рака, может принять свою судьбу и прекратить борьбу с ней. Поступая таким образом, пациент обретает возможность контролировать свои эмоции, такие как страх смерти, и восстановить душевное равновесие. Если иллюзорный вторичный контроль понимается как копинг-поведение такого рода, возможно, было бы лучше определить его как **адаптивный вторичный контроль**, поскольку в данном случае речь не идет о каких бы то ни было иллюзиях, связанных с контролем, а основная цель контроля состоит в восстановлении душевного равновесия.

И наконец, **интерпретирующий вторичный контроль** предполагает, что индивид пытается обнаружить смысл или целесообразность существующей реальности и таким путем получить более глубокое удовлетворение от этой реальности. Одним из высших проявлений такого контроля может быть поведение японского учителя дзен по имени Кайзен, который был сожжен в эпоху Средневековья. Поднимаясь на костер, он, по словам очевидцев, сказал: «Если вы научите свой разум не обращать внимания на муки, огонь покажется вам холодным». Примером такого контроля в повседневной жизни является наше стремление осмыслить свои ошибки или неудачи и найти им оправдание. Например, студент, провалившийся на выпускном экзамене, может рассуждать примерно так: «Ничего, что я не получил зачет за этот курс, зато я много узнал на занятиях». Таким образом, объектом интерпретирующего вторичного контроля является психологическое воздействие опыта.

Таблица 12.3

Объект при различных стратегиях вторичного контроля

Стратегия	Объект
Прогнозирующий	Психологическое воздействие внешних обстоятельств
Замещающий (через представителя)	Ощущение самоэффективности индивида
Иллюзорный	Ощущение самоэффективности индивида (Rothbaum et al., 1982)
Интерпретирующий	Психологическое воздействие опыта

Существующие эмпирические свидетельства культурных различий, касающихся вторичного контроля, также достаточно скудны, а данные неоднородны. Сегинер с соавторами (Seginer et al., 1993) обнаружили, что установки, связанные с вторичным контролем, носят более устойчивый характер у подростков из Малайзии, чем у их сверстников из Германии и Северной Америки. При проведенном Накамурой и Фламмером (Nakamura & Flammer, 1998) сравнении стратегий решения проблем, применяемых студентами Швейцарии и Японии, было обнаружено, что стратегии реинтерпретации, которые можно отнести к интерпретирующему вторичному контролю, чаще встречаются у японских студентов, чем у швейцарских. Однако Мак-Карти и соавторы (McCarty et al., 1999) не выявили никаких последовательных попыток применения вторичного контроля у тайских детей, сравнивая их с американскими детьми.

Пытаясь сравнить ориентации, касающиеся контроля, у американцев и японцев, Морлинг (Morling, 2000) задавал вопросы посещающим занятия по аэробике в Японии и в США. Когда он спрашивал, что они будут делать, если упражнения станут слишком сложными, и американские и японские испытуемые отвечали, что они будут стараться изо всех сил, чтобы не отстать от инструктора. Поскольку автор в рабочем порядке определил данный ответ как показатель попыток вторичного контроля, результат говорит о том, что на занятиях по аэробике вторичный контроль доминирует в обеих культурах. Второй по частоте ответ, однако, предполагал в основном первичный контроль (изменить упражнения, чтобы они стали более приятными), такая реакция чаще встречалась у американцев, чем у японцев.

В целом проведенные исследования, касающиеся культурных различий в стратегиях вторичного контроля, содержат неоднородные данные и не позволяют нам сделать какие-либо выводы. Возможно, неопределенность концепции вторичного контроля и, как следствие этого, неоднозначность ее использования и являются причинами такой неоднородности данных. Поскольку каждый из четырех типов вторичного контроля предполагает конкретный объект (см. табл. 12.3), нам необходимо понять, какие когнитивные или эмоциональные составляющие личности индивид хотел бы контролировать в рамках отдельной культуры. Например, в случае замещающего вторичного контроля у индивида отсутствует стремление адаптировать свою личность к существующей реальности. Цель контроля такого типа — поддержать ощущение самоэффективности индивида и его веру в способность повлиять на окружающую действительность. Такая стратегия контроля предпочтительна для тех, кто ценит автономию.

Хотя разграничение Вайсом и соавторами (Weisz et al., 1984) первичного и вторичного контроля оправдано с концептуальной точки зрения, такая дихотомия не всегда применима к культурным различиям ориентаций, связанных с контролем. Как мы уже видели, утверждение этих авторов о том, что «первичный контроль выше ценится и шире распространен в США, тогда как вторичный контроль шире применяется в повседневной жизни в Японии» (р. 955), не подтверждается ни концептуально, ни эмпирически. В США ценится не сам по себе первичный контроль, точно так же в Восточной Азии в целом, или в Японии в частности, ценится не вторичный контроль как таковой. Следует различать первичный и вторичный контроль и ценностные ориентации культуры.

Приоритетный вид контроля: первичный или вторичный

Настоящий обзор связан с полемикой, касающейся приоритета первичного контроля над вторичным (Gould, 1999; Heckhausen & Shultz, 1995, 1999). Хекхаузен и Шульц (Heckhausen & Shultz, 1995) в своей теории развития в течение жизни доказывают, что первичный контроль в функциональном отношении имеет приоритет над вторичным контролем. Поскольку объектом первичного контроля является окружение индивида, то авторы утверждают, что «он позволяет индивиду изменять окружение, приводя его в соответствие с конкретными личными потребностями и потенциалом развития» (р. 286). Что касается вторичного контроля, то, по их мнению, его адаптивная ценность сводится к компенсаторной функции (Heckhausen

& Shultz, 1995). Когда люди чувствуют, что их самоуважению или самоэффективности угрожает опасность вследствие неудачной попытки первичного контроля или его невозможности, вторичный контроль призван компенсировать негативное воздействие данной угрозы и «сохранить и поддержать мотивационные ресурсы индивида для осуществления первичного контроля в будущем» (Heckhausen & Shultz, 1995, p. 286). В соответствии с их подходом, «приоритет первичного контроля остается неизменным для разных культур и исторических периодов» (p. 286).

Перед тем как мы перейдем к рассмотрению их заявления о приоритете первичного контроля, будет уместно напомнить читателю, что Хекхаузен и Шульц (Heckhausen & Shultz, 1995) определяют первичный контроль как предполагающий «непосредственное воздействие на окружающую среду» (p. 285). Таким образом, они не включают в это понятие контроль через представителя, при котором контроль окружения осуществляет кто-то другой. Следовательно, авторы скорее доказывают приоритет непосредственного первичного контроля над вторичным, чем приоритет первичного контроля вообще.

В работе, вышедшей в свет позднее, Гоулд (Gould, 1999) критикует Хекхаузена и Шульца (Heckhausen & Shultz, 1995), доказывая, что они выстраивают свою теорию главным образом с точки зрения биологии (p. 600) и упускают при этом из виду фактор культуры. Очевидно, что контроль окружения важен для выживания человека. Следовательно, можно с полным основанием утверждать, что первичный контроль является необходимым условием человеческого существования. Однако отсюда не следует, что непосредственный первичный контроль имеет большее значение для адаптации, чем вторичный, в какой бы то ни было культуре или при каких бы то ни было обстоятельствах. Работа Гоулда и мой анализ, приведенный выше, говорят о том, что вторичный контроль в Восточной Азии может иметь большее значение для адаптации, чем непосредственный первичный контроль окружения (который в работе Хекхаузена и Шульца и определяется как первичный контроль), по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, вторичный контроль может способствовать ментальной и биологической устойчивости индивида. Например, Чанг, Чуа и Тох (Chang, Chua & Toh, 1997) обнаружили, что склонность к использованию вторичного контроля связана с более низким уровнем тревожности при тестировании. Кроме того, ставя перед собой конкретные цели, индивид совершенствует свои способности, стремясь достичь уровня специалиста. Те посещавшие занятия по аэробике американцы и японцы, которые стремились не отстать от инструктора (Morling, 2000), разумеется, достигли большего по сравнению с теми, кто прибегнул к первичному контролю и перешел в более слабую группу, которая соответствовала их возможностям. Естественно, что такие результаты вторичного контроля, как развитие способностей, жизнерадостная натура, психологическая устойчивость и физическая стойкость, совершенствуют способность индивида к адаптации.

Во-вторых, вторичный контроль способствует психологическому здоровью, обеспечивая ощущение самоэффективности с точки зрения контроля самого себя и сохранения гармоничных отношений с окружающими. Если индивид успешно контролирует свое внутреннее состояние, желания и эмоции, то это способствует

формированию ощущения самоэффективности с точки зрения контроля собственной личности, что благотворно сказывается на психическом здоровье. Кроме того, способность поддерживать гармоничные отношения с окружением в результате успешного вторичного контроля благоприятствует ощущению самоэффективности в отношении сохранения гармонии, что позитивно влияет на психическое здоровье личности. Таким образом, психическое здоровье индивида укрепляется благодаря ощущению самоэффективности в процессе самоконтроля и поддержанию гармоничных отношений с окружением, если индивид ценит гармонию взаимоотношений, которой благоприятствует вторичный контроль. В Корее Ким и Парк (Kim & Park, 1998) разработали шкалу для оценки ощущения самоэффективности при поддержании межличностных отношений и социальной гармонии на основе концепций Бандуры (Bandura, 1997). Проводя обследование старшеклассников в Корее, они обнаружили, что показатели по их «Шкале относительной эффективности и уровня социальной гармонии» находятся в позитивном соотношении с уровнем удовлетворенности жизнью и в негативном соотношении с уровнем стресса. Важно отметить, что использование вторичного контроля позволяет обрести психическое здоровье без риска прямой конфронтации. Таким образом, в культуре, представители которой ценят гармонию межличностных отношений, вторичный контроль может иметь большее значение для адаптации, если речь не идет о немедленном удовлетворении насущных биологических потребностей.

Возможно, к самым значимым допущениям теории Хекхаузена и Шульца (Heckhausen & Shultz, 1995) относится предположение о том, что психическое здоровье зависит исключительно от ощущения автономии, которое тесно связано с оценкой индивидом своей самоэффективности и его самоуважения. Возникает ощущение, что они исходят из посылки, на которую опираются многие западные исследователи, хотя и не говорят об этом открыто. Если теоретик говорит об ощущении автономии как о непременном условии психологического здоровья, за этим последует вывод, что психологическому здоровью может способствовать только непосредственный личный контроль, который приведет к желаемым для индивида изменениям в его окружении. С другой стороны, если теоретик считает, что необходимым и достаточным условием психологического здоровья является ощущение успешной адаптации, можно будет сделать вывод, что психологическому здоровью индивида могут способствовать любые стратегии первичного или вторичного контроля.

На рис. 12.2 показано два альтернативных пути к обретению психического здоровья. Путь в верхней части рисунка избирается теми, кто ценит автономию. Альтернативный путь, который изображен ниже, представляет собой способ обретения психического здоровья с помощью стратегии успешной адаптации, не требующей автономии. Он не требует изменения окружения для укрепления психического здоровья, хотя не исключает использование первичного контроля. Индивид, который ценит гармонию, может прибегнуть к непосредственному личному контролю, если он не оказывает пагубного воздействия на гармонию. Например, он не раздумывая откроет окно в комнате, если ему станет жарко, однако может не решиться сделать это, если находится в помещении не один и не знает, не холодно ли окружающим.

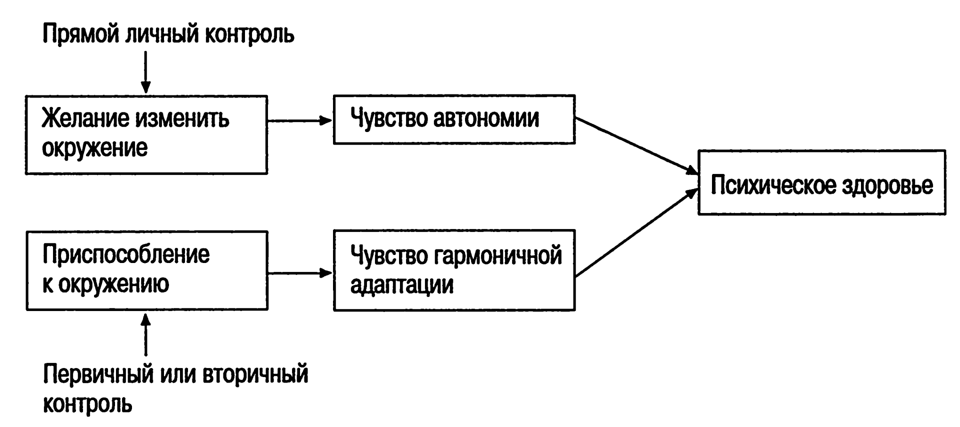

Рис. 12.2. Два альтернативных пути к обретению психического здоровья

Первичный контроль имеет функциональный приоритет над вторичным контролем лишь тогда, когда речь идет о безотлагательной необходимости удовлетворения биологических потребностей индивида или мы имеем дело с культурой, в которой психическое здоровье личности во многом зависит от ощущения автономии, а его укреплению благоприятствует способность индивида к непосредственному личному контролю окружения. С другой стороны, когда вопрос о срочном удовлетворении биологических потребностей не стоит или речь идет о культуре, в которой психическое здоровье личности определяется в первую очередь способностью адаптироваться к окружению, укреплению психического здоровья может способствовать вторичный контроль, при условии, что индивид ценит гармонию в отношениях с окружающим миром.

Программа будущих исследований

Следует признать, что в этой главе вопросов было больше, чем ответов. Отсутствие или скудость эмпирических данных в этой области, однако, не следует считать показателем того, что она бесперспективна и не заслуживает внимания исследователей. Напротив, в ней есть множество важных вопросов, которые ожидают внимания исследователей. Некоторые из этих вопросов освещаются в следующем разделе.

Агент и объект контроля

В этой главе я уже говорил о том, что нам следует выйти за пределы ставшего популярным разграничения первичного и вторичного контроля и обратиться к более широкой схеме, позволяющей учитывать связанную с контролем ориентацию представителей тех культур, в которых гармония ценится выше, чем автономия. Одно из моих предположений состоит в том, что при попытках индивида контролировать свое окружение, вместо непосредственного личного контроля могут использоваться и используются непрямой личный контроль, контроль через представителя и коллективный контроль. На основе представленного выше обсуждения можно предсказать различные предпочтения определенных стратегий контроля как в

кросс-культурном, так и в индивидуальном аспекте: а) жители Восточной Азии, которые ценят прежде всего гармонию, а не автономию, менее охотно используют стратегии непосредственного личного контроля, предпочитая ему другие виды контроля, при этом жители Северной Америки, для которых автономия является приоритетной ценностью по отношению к гармонии межличностных отношений, предпочитают непосредственный личный контроль; б) чем больше индивид ценит гармонию межличностных отношений по сравнению с автономией, тем чаще он будет избегать стратегий непосредственного личного контроля. Из данных предположений вытекает любопытная вероятность того, что очевидные кросс-культурные и гендерные различия в ориентации на определенные стратегии контроля могут быть сведены к индивидуальным различиям ценностной ориентации.

Влияние каждой из стратегий контроля на ощущение индивидом автономии или межличностной гармонии остается неизменным в разных культурах, то есть скорее всего результат успешного осуществления определенного вида контроля, представленного в табл. 12.1, будет одинаков в любой культуре, то же самое верно по отношению к результатам вторичного контроля. В любой культуре успешное осуществление непрямого личного контроля, контроля через представителя или коллективного контроля будет способствовать сохранению гармонии межличностных отношений. Данное предположение также нуждается в эмпирическом подтверждении.

В процессе будущих исследований мы должны заняться и выявлением объектов вторичного контроля, что позволит нам понять мотивацию, которая лежит в его основе. В зависимости от обстоятельств объектом контроля могут быть различные аспекты познания или эмоций индивида. Например, если индивид стремится укрепить свое ощущение самоэффективности, то может попытаться сделать это, прибегнув к замещающему контролю или греясь в лучах чужой славы. Данную разновидность вторичного контроля следует отличать от других типов вторичного контроля, целью которых может быть восстановление душевного равновесия.

Самоэффективность и автономия

Очевидно, что непосредственный личный контроль способствует формированию ощущения самоэффективности. Это значит, что непосредственный личный контроль безусловно способствует формированию у индивида убеждения, что он способен контролировать жизненно важные события. При этом воздействие остальных разновидностей контроля на ощущение самоэффективности не столь очевидно. Я предполагаю, что в определенном смысле ощущению самоэффективности могут способствовать другие разновидности контроля: самоэффективность в отношении способности выстроить отношения с другими людьми (контроль через представителя), самоэффективность в связи со способностью к самоконтролю (вторичный контроль) и самоэффективность в отношении сохранения гармонии (вторичный контроль). Поскольку есть основания предполагать, что непрямой личный контроль, контроль через представителя и коллективный контроль дают возможность сохранения гармонии, они также могут благотворно воздействовать на ощущение самоэффективности в отношении поддержания гармонии. Здесь может возникнуть вопрос, является ли такое понимание самоэффективности эквивалентом

самоэффективности, формированию которой способствует непосредственный личный контроль. Ким, Парк и Квак (Kim, Park & Kwak, 1998) разработали шкалу оценки ощущения самоэффективности в связи с сохранением гармонии межличностных отношений и обнаружили, что ее показатели обнаруживают позитивную корреляцию с уровнем удовлетворенности жизнью. Этот результат показывает, что имеет смысл говорить о самоэффективности в связи с поддержанием гармонии, хотя ее соотношение с общей самоэффективностью индивида нуждается в эмпирической проверке.

Существование прочих разновидностей самоэффективности представляет собой вопрос, который предстоит решить в процессе будущих исследований. Помимо самоэффективности при самоконтроле и успешном поддержании гармоничных межличностных отношений, интересно было бы узнать, представляет ли собой эффективность коллектива коллективную самоэффективность, то есть самоэффективность в процессе коллективного контроля событий. Было бы интересно составить план эмпирического исследования, которое позволило бы ответить на этот вопрос.

Еще одна проблема, которая стоит перед исследователями, — взаимосвязь различных типов самоэффективности и автономии. Вполне понятно, что самоэффективность индивида, подкрепляемая непосредственным личным контролем, благоприятно сказывается на ощущении автономии. Но что при этом можно сказать о воздействии других разновидностей самоэффективности на ощущение автономии? Например, если ощущение самоэффективности индивида сложилось в результате успешного поддержания гармоничных межличностных отношений, означает ли это, что он будет ощущать себя более независимым? Поскольку автономия предполагает отсутствие манипуляции со стороны окружающих и возможность выносить независимые суждения, остается непонятным, может ли способность поддерживать гармоничные межличностные отношения освободить личность от влияния других людей.

Мотивация контроля

Приведенные выше рассуждения позволяют понять, что на осуществление контроля и на Востоке и на Западе оказывает влияние не только стремление контролировать окружение или самого себя, но и другие моменты. Как показано на рис. 12.2, выбирая путь, представленный в нижней части, индивид может стремиться к сохранению гармоничных отношений с окружением, корректируя их в социальном и физическом плане. При выборе пути, представленного в верхней части рисунка, обретенное психическое здоровье способствует формированию ощущения автономии. Оба пути предполагают, что, помимо воздействия на непосредственный объект контроля (эго или окружение), индивид стремится обрести психическое здоровье. Данная модель позволяет сделать некоторые любопытные предположения.

Во-первых, данная модель говорит о том, что ощущение автономии не является обязательным условием психического здоровья в случае выбора индивидом нижнего пути (рис. 12.2). Хотя на Западе автономия представляет собой значимую составляющую адаптации, наша модель наводит на мысль о том, что индивид может обрести психическое здоровье и без нее. Для тех, кто выбирает нижний путь,

гармоничные отношения с окружением важнее автономии. Таким образом, возможно, в этом случае на Я-концепцию индивида влияет в первую очередь его способность к поддержанию гармоничных взаимоотношений, а не ощущение автономии. Если это так, самоуважение индивида может определяться его способностью к поддержанию гармонии взаимоотношений с окружением, а не способностью изменять это окружение.

Во-вторых, желательность поведения может определяться путем, который избирает индивид. Если он придерживается верхнего пути, изображенного на рис. 12.2, то ему необходимо осуществлять личный контроль окружения для обретения ощущения автономии. То есть предпочтительным будет тот тип поведения, который обеспечит максимальную возможность личного воздействия на окружение с целью его изменения. Если же избран нижний путь, предпочтительным будет тот тип поведения, который обеспечит максимальную возможность сохранения гармонии взаимоотношений с окружением, если речь не идет о возникновении насущных биологических потребностей.

В-третьих, данная модель говорит о том, что существует возможность комбинаций при выборе ориентации, связанной с контролем. Значит, можно испробовать и тот и другой путь к психологическому здоровью, или изменить свой подход в зависимости от обстоятельств. Например, Уикол Ким (личная беседа, 17 февраля 2000 года) обнаружил, что самоэффективность в отношении поддержания гармоничных межличностных отношений, в соответствии с оценкой по разработанной им шкале, имеет позитивную корреляцию с уровнем удовлетворенности жизнью как у немцев, так и у корейцев. Эти данные позволяют предположить, что жители Германии могут обрести психологическое здоровье как избрав нижний, в соответствии с рис. 12.2, путь, так и используя верхний путь. Если индивид может использовать оба варианта действий для обретения психологического здоровья, это, безусловно, расширяет его возможности адаптации. Хотя для жителей Восточной Азии типичным считается нижний путь, они могут прибегнуть и к верхнему пути. Поскольку в любой культуре важны как автономия, так и гармония взаимоотношений с окружением, пути, представленные на рис. 12.2, не являются несовместимыми. Идея о возможности сочетания индивидом обоих путей независимо от культурной среды, открывает новые перспективы.

Заключение

В этой главе я представил критический обзор теоретических и эмпирических исследований культурных различий в отношении ориентаций, связанных с контролем. При этом я попытался осмыслить эти различия с точки зрения ценностных ориентаций культуры на автономию или гармонию. Хотя имеющиеся данные достаточно скудны, чтобы можно было сделать окончательные выводы, можно говорить о чертах сходства и различия в ориентациях, связанных с контролем, между теми, кто ценит автономию, и теми, кто ценит гармонию. Вывод общего характера, который позволяет сделать эта глава, состоит в том, что для более глубокого понимания свойственных разным культурам ориентаций, связанных с контролем, необходимо рассмотрение данной проблемы в более широком аспекте. Представленная на рис. 12.2 модель — первый шаг в этом направлении.

Примечание

Эта глава опирается на исследования, проведенные на целевые субсидии Министерства образования, науки, спорта и культуры Японии (10610099). Я хочу выразить благодарность Ричарду Брэдшоу, Эмико Кашима, Йоши Кашима, Зите Мейор, Майклу Моррису, Фумио Мураками, Ромин Тафароди и Йурико Земба, а также редактору этой книги Дэвиду Мацумото за полезные замечания к начальным вариантам текста данной главы.

Литература

Abrams, D. & Hogg, M. A. (1990). An introduction to the social identity approach. In D. Abrams & M. A. Hogg (Eds.), *Social identity theory: Constructive and critical advances*, (pp. 1–9). Hertfordshire, England: Harvester Wheatsheaf.

Amy, H. S. Y. & Leung, K. (1998). Group size effects on risk perception: A test of several hypotheses. *Asian Journal of Social Psychology, 1,* 133–145.

Averill, J. R. (1973). Personal control over aversive stimuli and its relationship to stress. *Psychological Bulletin, 80,* 286–303.

Bandura, A. (1977). Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review, 84,* 191–215.

Bandura, A. (1982). Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist, 37,* 122–147.

Bandura, A. (1989). Human agency in social cognitive theory. *American Psychologist, 44,* 1175–1184.

Bandura, A. (1997). *Selfefficacy: The exercise of control.* New York: Freeman.

Bandura, A. & Cervone, D. (1983). Self-evaluative and self-efficacy mechanisms governing the motivational effects of goal systems. *Journal of Personality and Social Psychology, 45,* 1017–1028.

Beutel, A. M. & Marini, M. M. (1995). Gender and values. *American Sociological Review, 60,* 436–448.

Bian, Y. & Ang, S. (1997). Guanxi networks and job mobility in China and Singapore. *Social Forces, 75,* 981–1005.

Bradley, G. W. (1978). Self-serving biases in the attribution process: A reexamination of the fact or fiction question. *Journal of Personality and Social Psychology, 36,* 56–71.

Chang, W. C., Chua, W. L. & Toh, Y. (1997). The concept of psychological control in the Asian context. In K. Leung, U. Kim, S. Yamaguchi & Y. Kashima (Eds.), *Progress in Asian Social Psychology,* (Vol. 1, pp. 95–117). Singapore: Wiley.

Cialdini, R. B., Borden, R. J., Thorne, A., Walker, M. R., Freeman, S. & Sloan, L. R. (1976). Basking in reflected glory: Three (football) field studies. *Journal of Personality and Social Psychology, 34,* 366–375.

Confucious. (1979). *The Analects* (D. C. Lau, Trans.). London: Penguin Books.

Doi, T. (1977). *The anatomy of dependence.* Tokyo: Kodansha.

Earley, C. P. (1989). Social loafing and collectivism: A comparison of the United States and the People's Republic of China. *Administrative Science Quarterly, 34,* 565–581.

Earley, C. P. (1993). East meets West meets Mideast: Further explorations of collectivistic and individualistic work groups. *Academy of Management Journal, 36,* 219–348.

Farh, J., Dobbins, G. H. & Cheng, B. (1991). Cultural relativity in action: A comparison of self-rating made by Chinese and U.S. Workers. *Personnel Psychology, 44,* 129–147.

Gilligan, C. (1993). *In a different voice.* Cambridge: Harvard University Press.

Gould, S. J. (1999). A critique of Heckhausen and Schulz's (1995) life-span theory of control from a cross-cultural perspective. *Psychological Review, 106,* 597–604.

Han, S. & Shavitt, S. (1994). Persuasion and culture: Advertising appeals in individualistic and collectivistic societies. *Journal of Experimental Social Psychology, 30,* 326–350.

Heckhausen, J. & Schulz, R. (1995). A life-span theory of control. *Psychological Review, 102,* 284–304.

Heckhausen, J. & Schulz, R. (1999). The primacy of primary control is a human universal: A reply to Gould's (1999) critique of the life-span theory of control. *Psychological Review, 106,* 605–609.

Heine, S. J., Lehman, D. R., Markus, H. R. & Kitayama, S. (1999). Is there a universal need for positive self-regard? *Psychological Review, 106,* 766–794.

Heine, S. J., Takata, T. & Lehman, D. R. (2000). Beyond self-presentation: Evidence for self-criticism among Japanese. *Personality and Social Psychology Bulletin, 26,* 71–78.

Kim, U. (1994). Individualism and collectivism: Conceptual clarification and elaboration. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S. C. Choi & G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 19–40). Thousand Oaks, CA: Sage.

Kim, U., Park, Y. S. & Kwak, K. J. (1998). Hanguk Chungsonyunui Saenghwalmanjokdowa Stress Hyungsung yoin: Doshiwa Nongchon chungso-nyunul Jungsimuro [Factors influencing stress and life-satisfaction level of Korean adolescents: Comparison of urban and rural students]. *Korean Journal of Health Psychology, 3,* 79–101.

Kim, U. & Yamaguchi, S. (2001). *Amae.* Manuscript in preparation.

Kojima, H. (1984). A significant stride toward the comparative study of control. *American Psychologist, 39,* 972–973.

Kwan, V. S. Y., Bond, M. H. & Singelis, T. M. (1997). Pancultural explanations for life satisfaction: Adding relationship harmony to self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology, 73,* 1038–1051.

Langer, E. J. (1975). The illusion of control. *Journal of Personality and Social Psychology, 32,* 311–328.

Langer, E. T. & Rodin, J. (1976). The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged: A field experiment in an institutional setting. *Journal of Personality and Social Psychology, 34,* 191–198.

Latané, B. & Darley, J. M. (1970). *The unresponsive bystander: Why doesn't he help?* New York: Appleton-Century-Crofts.

Latané, B., Williams, K. & Harkins, S. (1979). Many hands make light the work: The causes and consequences of social loafing. *Journal of Personality and Social Psychology, 37,* 822–832.

Leung, K. (1987). Some determinants of reactions to procedural models for conflict resolution: A cross-national study. *Journal of Personality and Social Psychology, 53,* 898–908.

Leung, K. (1988). Some determinants of conflict avoidance. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 19,* 125–136.

Leung, K. (1996). The role of beliefs in Chinese culture. In M. H. Bond (Ed.), *The handbook of Chinese Psychology* (pp. 247–262). Hong Kong: Oxford University Press.

Leung, K. & Lind, E. A. (1986). Procedural justice and culture: Effects of culture, gender, and investigator status on procedural preferences. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 1134–1140.

Lopez, D. F. & Little, T. D. (1996). Children's action—control beliefs and emotional regulation in the social domain. *Developmental Psychology, 32,* 299–312.

McCarty, C. A., Weisz, J. R., Wanitromanee, K., Eastman, K. L., Suwanlert, S., Chaiyasit, W. & Band, E. B. (1999). Culture, coping, and context: Primary and secondary control among Thai and American youth. *Journal of Child Psychology and Psychiatry, 40,* 809–818.

Menon, T., Morris, M. W., Chiu, C. Y. & Hong, Y. Y. (1999). Culture and the construal of agency: Attribution to individual versus group dispositions. *Journal of Personality and Social Psychology, 76,* 701–717.

Miller, D. T., and Ross, M. (1975). Self-serving biases in the attribution of causality: Fact or fiction? *Psychological Bulletin, 82,* 213–225.

Morling, B. (2000). «Taking» an aerobics class in the U.S. and «entering» an aerobics class in Japan. *Asian Journal of Social Psychology, 3,* 73–85.

Muramoto, Y. & Yamaguchi, S. (1997). Mouhitotsu no self-serving bias: Nihonjin no kizoku ni okeru jikohige—shudanhoushi keikou no kyo-zon to sono imini tsuite [Another type of self-serving bias: Coexistence of self-effacing and group-serving tendencies in attribution in the Japanese culture]. *Japanese Journal of Experimental Social Psychology, 37,* 65–75.

Muramoto, Y. & Yamaguchi, S. (1999, August). *An alternative route to self-enhancement among Japanese.* Paper presented at the Third Conference of the Asian Association of Social Psychology, Taipei, Taiwan.

Nakamura, Y. & Flammer, A. (1998, August). *Control beliefs and self-construals in Japanese and Swiss adolescents.* Paper presented at the 25th Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology, Bellingham, WA.

Ohbuchi, K., Fukushima, O. & Tedeschi, J. T. (1999). Cultural values in conflict management: Goal orientation, goal attainment, and tactical decision. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 30,* 51–71.

Prunty, A. M., Klopf, D. W. & Ishii, S. (1990a). Argumentativeness: Japanese and American tendencies to approach and avoid conflict. *Communication Research Reports, 7,* 75–79.

Prunty, A. M., Klopf, D. W. & Ishii, S. (1990b). Japanese and American tendencies to argue. *Psychological Reports, 66,* 802.

Rodin, J. & Langer, E. J. (1977). Long-term effects of a control-relevant intervention with the institutionalized aged. *Journal of Personality and Social Psychology, 35,* 897–902.

Rothbaum, F, Weisz, J. R. & Snyder, S. S. (1982). Changing the world and changing the self: A two-process model of perceived control. *Journal of Personality and Social Psychology, 42,* 5–37.

Sampson, E. E. (1977). Psychology and the American ideal. *Journal of Personality and Social Psychology, 35,* 767–782.

Sampson, E. E. (1988). The debate on individualism: Indigenous psychologies of the individual and their role in personal and societal functioning. *American Psychologist, 43,* 15–22.

Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25, pp. 1–65). San Diego, CA: Academic Press.

Schwartz, S. H. (1994). Beyond individualism and collectivism: New cultural dimensions of values. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S. C. Choi & G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 85–119). Thousand Oaks, CA: Sage.

Seginer, R., Trommsdorff, G. & Essau, C. (1993). Adolescent control beliefs: Cross-cultural variations of primary and secondary orientations. *International Journal of Behavioral Development, 16,* 243–260.

Shigeki, I. S. (1983). Child care practices in Japan and the United States: How do they reflect cultural values in young children. *Young Children,* 38(4), 13–24.

Skinner, E. A. (1996). A guide to constructs of control. *Journal of Personality and Social Psychology, 71,* 549–570.

Skinner, E. A., Chapman, M. & Baltes, P. B. (1988). Control, meansends, and agency beliefs: A new conceptualization and its measurement during childhood. *Journal of Personality and Social Psychology, 54,* 117–133.

Steiner, I. D. (1972). *Group processes and productivity.* New York: Academic Press.

Sung, K. (1994). A cross-cultural comparison of motivations for parent care: The case of Americans and Koreans. *Journal of Aging Studies, 8,* 195–209.

Tajfel, H. (1982). *Human groups and social categories.* New York: Cambridge University Press.

Thompson, S. C. (1981). Will it hurt less if I can control it? A complex answer to a simple question. *Psychological Bulletin, 90,* 89–101.

Triandis, H. C. (1994). Theoretical and methodological approaches to the study of collectivism and individualism. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S. C. Choi & G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 41–51). Thousand Oaks, CA: Sage.

Trubisky, P., Ting-Toomey, S. & Lin, S. (1991). The influence of individualism-collectivism and self-monitoring on conflict styles. *International Journal of Intercultural Relations, 15,* 65–84

Wan, K. C. & Bond, M. H. (1982). Chinese attributions for success and failure under public and anonymous conditions of rating. *Acta Psychologica Taiwanica, 24,* 23–31.

Weisz, J. R., Rothbaum, F. M. & Blackburn, T. C. (1984). Standing out and standing in: The psychology of control in America and Japan. *American Psychologist, 39,* 955–969.

White, R. W. (1959). Motivation reconsidered: The concept of competence. *Psychological Review, 66,* 297–333.

Wood, R. & Bandura, A. (1989). Impact of conceptions of ability on self-regulatory mechanisms and complex decision making. *Journal of Personality and Social Psychology, 56,* 407–415.

Yamaguchi, S. (1998). Biased risk perception among Japanese: Illusion of interdependence among risk companions. *Asian Journal of Social Psychology, 1,* 117–131.

Yamaguchi, S. (1999). Nichijyougo to shiteno Amae kara Kangaeru (Thinking about «Amae» as an everyday wor). In O. Kitayama (Ed.), *Nihongo Rinsho (Clinical Japanese),* (Vol. 3, pp. 31–46). Tokyo: Seiwa Shoten.

Yamaguchi, S., Gelfand, M., Mizuno, M. & Zemba, Y. (1997, August). *Illusion of collective control or illusion of personal control: Biased judgment about a chance event in Japan and the U.S.* Paper presented at the Second Conference of the Asian Association of Social Psychology, Kyoto, Japan.

ГЛАВА 13

Культура и умозаключения. Три точки зрения

Кайпинг Пенг, Дэниел Эймс и Эрик Ноулс

Умозаключение как способность к вынесению суждений является базовым психологическим процессом и связано со многими областями психологии, начиная с восприятия и познания и заканчивая социальным поведением и мышлением. Эта сфера основательно изучена не только традиционной психологией в США, но и в рамках многих других культур, причем ею интересовались не только психологи, но и антропологи, и философы.

В этой главе Пенг, Эймс и Ноулс дают всесторонний обзор кросс-культурной литературы, касающейся умозаключений. Они начинают с описания трех основных традиций, которые в значительной мере определяли направления работы, проведенной на сегодняшний день — ценностной, личностной и когнитивной. Они останавливаются на основных принципах каждого из этих подходов и том вкладе, который они внесли в теоретическое осмысление умозаключений.

Основная часть главы посвящена обзору современного состояния кросскультурных исследований отдельных аспектов умозаключения, в том числе индуктивного мышления, дедуктивного мышления и формального мышления. Этот великолепно выполненный обзор в первую очередь обращается к важнейшим открытиям в когнитивной психологии, психологии личности и социальной психологии.

Однако самым важным моментом работы Пенга и коллег является попытка интегрировать три основных подхода в рамках единой модели влияния культуры на умозаключения, которые делает человек. Они справедливо отмечают, что традиционная психология часто слишком поспешно принимает отдельную точку зрения, исключая возможность разностороннего видения проблемы. Это напоминает историю о том, как группа людей разглядывала разные части тела одного и того же слона, или пресловутую историю Шалтая-Болтая, о котором уже упоминалось в этой книге. Пенг и коллеги указывают также, что исключительное сосредоточение на одном из подходов к психологическому феномену чревато опасностью того, что представления о нем будут носить разрозненный характер, не позволяя исследовать его как единое целое.

Пенг и его коллеги закладывают основы комплексной теории воздействия культуры на умозаключения, предлагая пути объединения ценностного, личностного и когнитивного подходов, что будет способствовать многогранному ви-

дению взаимодействия культуры и умозаключений, которые делает человек. Описывая разные традиции мышления, в числе которых западное линейное мышление, логический детерминизм и восточный холизм и соединение противоположностей, а также их влияние на умозаключения, авторы одновременно дают урок, касающийся влияния культуры на построение теории, применяя холистический подход и синтез в сфере, которая исследована фрагментарно. Таким образом, из этого подхода мы можем извлечь сразу два урока — один связан непосредственно с содержанием их работы (речь идет о модели влияния культуры на умозаключения), а другой — с самим подходом к построению теории.

Демонстрируя комплексный подход к теме умозаключений, Пенг и его коллеги четко выражают мысль о том, что важнейшие проблемы будущих исследований связаны с методологией, которая важна как в психологическом, так и в культурном аспекте и обеспечивает получение точных и поддающихся интерпретации данных, позволяя различать нюансы. Авторы призывают к интеграции методов и теорий кросс-культурной и культурной психологии при сохранении основных методологических принципов научно-исследовательской работы традиционного направления, включая стремление к объективности, достоверности, обобщению и поиску причинно-следственной связи. Они призывают к сближению и интеграции теорий, методик и подходов, включая количественные и качественные методы исследования, что созвучно идеям остальных авторов этой книги и является необходимым условием дальнейшей эволюции кросс-культурной психологии в направлении создания универсальных моделей психологических процессов и подлинного осмысления этих процессов.

Двадцать лет назад два американских специалиста по социальной психологии, Нисбетт и Росс (Nisbett & Ross, 1980), опубликовали теперь уже ставшую классической книгу «Умозаключение» (*Human Inference*), в которой было представлено подробное рассмотрение вопроса о том, каким образом имеющиеся данные и мышление позволяют делать умозаключения. Д'Андрад, выдающийся специалист по когнитивной антропологии, прочел ее и заявил, что это «хорошая работа по этнографии». Авторы были обескуражены. Они считали, что написали универсальную работу о познании и умозаключениях, в которой без привязки к определенной культуре или историческому периоду описывается процесс вынесения суждений социального характера. Большинство их коллег на момент издания книги придерживались того же мнения. Однако последующие 20 лет ознаменовались расцветом культурной психологии, что отчасти было заслугой Нисбетта и Росса. Теперь, когда собранные данные уже не позволяют сомневаться в наличии культурных различий в умозаключениях, Нисбетт и Росс согласны, что их работа представляла собой нечто вроде этнографического исследования умозаключений в отдельной культуре, а именно в США (см. Nisbett, Peng, Choi & Norenzayan, *в печати*).

Что же за последние 20 лет изменилось для этих и других психологов, изучающих вынесение суждений, что заставило их понять культурную ограниченность предшествующих (разумеется, весьма полезных) попыток изучения умозаключений? Что нового открыла культурная психология, изучая воздействие культуры на

умозаключения? В этой главе мы рассматриваем настоящий переворот во взглядах на роль культуры в образе мышления и формулировке суждений. Имеются данные о том, что так называемые базовые процессы, такие как категоризация и атрибуция, разными группами людей осуществляются по-разному, при этом различия не ограничиваются внешними содержательными аспектами. Чтобы проиллюстрировать обусловленные культурой особенности умозаключений, мы используем ряд эмпирических исследований за последние десять лет. Однако перед тем как перейти к обзору этих данных, мы рассматриваем три основных психологических подхода к исследованию культуры: уже устоявшиеся ценностный и личностный подходы и более новый когнитивный подход. Каждому из них свойственно свое понимание культуры и свои предположения о взаимосвязи культуры и умозаключения. Краткое рассмотрение этих подходов позволит лучше понять новые данные психологических исследований. После рассказа об этих находках мы вернемся к вышеупомянутым подходам, чтобы изложить свои предложения по интеграции разных точек зрения в процессе осмысления обширных и разносторонних связей культуры и умозаключений.

Подходы к культуре и умозаключениям

Можно без преувеличения сказать, что одной из основных проблем, стоящих перед учеными, которые занимаются воздействием культуры на умозаключения, является проблема независимой переменной. «Что такое культура?» Ответы на этот вопрос давались множеством дисциплин и отличались чрезвычайным многообразием: общая система понятий, обусловленные культурой особенности личности или нравственного облика, обычаи и привычки, институты и социальные структуры, артефакты и орудия труда, а также все, что происходит в сфере психологической жизни и взаимодействия людей, за исключением того, что предопределено наследственностью. Однако, чтобы достичь прогресса в понимании умозаключения, психологам необходимо «распаковать» культуру, определиться с ее дефиницией и учесть фактор культуры в своей работе (Ames & Peng, 1999b; Betancourt & Lopes, 1993; Rohner, 1984; Whiting, 1976).

Вероятно, нет одного безупречного определения культуры, как нет одного способа изучения ее воздействия. Специалисты, занимающиеся психологическими исследованиями, выдвигают на передний план различные аспекты культуры, пользуясь неминуемо несовершенными, однако приемлемыми в рабочем порядке определениями сущности культуры. На протяжении последних 20 лет в психологических исследованиях, касающихся умозаключений, существовали две основные традиции подхода к культуре: одна из них определяла культуру в соответствии с присущей ей системой ценностей, а другая сравнивала культуры с точки зрения концепций, касающихся личности. В последние годы сформировался еще один подход, который определяет культуру с точки зрения неявно разделяемой представителями данной культуры системы взглядов. Мы рассмотрим поочередно каждый их этих подходов, отметив при этом, что в их утверждениях и методах много общего; отдельные ученые, и даже отдельные исследования, порой одновременно используют два или все три этих подхода.

Ценностный подход

Многие из тех, кому приходилось путешествовать или жить за пределами родной страны, чувствовали, что представители иной культуры имеют систему ценностей, которая отличается от их собственной. В каком-то смысле система ценностей определяет культуру, а различия в ценностных ориентациях, причем речь идет об ограниченной совокупности базовых ценностей, дают возможность структурировать осмысление культурных различий. Так в самом общем плане можно определить подход с точки зрения ценностей, сторонниками которого являются множество специалистов по культурной психологии (например, P. B. Smith & Bond, 1999, p. 69).

Основоположником данного подхода является Хофстеде (Hofstede, 1980), который около 20 лет назад собрал единственный в своем роде банк данных: он исследовал ценностные ориентации почти 120 000 служащих *IBM* в 40 странах. Хофстеде осуществил факторный анализ собранных данных по отдельным странам (то есть по культурам) и выявил четыре параметра, которые обозначил как **дистанция по отношению к власти** (готовность допустить различия, связанные с властью и правами), **индивидуализм** (как оппозиция коллективизма, установки по отношению к индивиду или группе), **маскулинность** (оппозиция фемининности, первая предполагает ориентацию на достижения и материальный успех, вторая делает акцент на гармонии, заботе и участии) и **избегание неопределенности** (готовность допустить неопределенность). Подхода Хофстеде придерживались многие другие ученые, в том числе Шварц (Schwartz, 1991; Schwartz & Sagiv, 1995), который утверждал, что 10 основных ценностей (таких, как традиция, безопасность, власть и стимуляция) образуют универсальную структуру двухмерного характера: ориентацию на изменение/сохранение и ориентацию на выход-из-себя/пребывание-в-себе. Согласно Шварцу, по этим параметрам, которые можно определить для любой культуры, все культуры сравнимы между собой.

Ряд ученых исследовал кросс-культурные различия в умозаключениях и суждениях, уделяя первоочередное внимание анализу отдельных ценностных установок. Шведер (Shweder, 1995), например, исследовал ценность духовной чистоты для индийцев-индуистов. Лейнг (Leung, 1997) между тем изучал, как у жителей Восточной Азии ценность гармонии влияет на осознание справедливости и распределение вознаграждения. Однако наибольшее распространение получили проводимые в рамках данного подхода исследования, которые занимались одним из параметров, выделенных Хофстеде, а именно индивидуализмом—коллективизмом. Данный параметр отражает преимущественную ориентацию культуры на потребности и желания индивида (индивидуализм) или на потребности социальных групп, таких как семья или иная общность (коллективизм).

Специалисты, занимающиеся кросс-культурными исследованиями, уделяют индивидуализму—коллективизму самое пристальное внимание, некоторые считают данную модель наиболее полной теорией культурной психологии (Triandis, 1995). Ученые пользовались этим параметром как при изучении отдельных стран (определяя «показатели индивидуализма» по странам), так и на личностном уровне (оценивая в процессе исследований ценностные ориентации испытуемых). Чаще всего полагают, что представители восточноазиатских культур в большей

степени склонны к коллективизму, тогда как североамериканцы и европейцы считаются индивидуалистами.

Каким образом ценностный подход может помочь нам осмыслить культурные различия, связанные с умозаключениями? Здесь есть три основных момента. Во-первых, при рассмотрении индивидуализма–коллективизма как центрального параметра культуры данный подход заостряет наше внимание на умозаключениях, касающихся групп и взаимоотношений индивида и группы. Если основным источником культурных различий является отношение индивида к группе, членом которой он является, и взаимоотношения в группе, весьма вероятно, что мы обнаружим ощутимые расхождения разных культур в умозаключениях, связанных с группами и принадлежностью к ним.

Во-вторых, в более широком плане, данный подход подчеркивает важность прескриптивных установок в интерпретациях и оценках. Сторонники этого подхода не просто делают предположения о причинно-следственной связи, благодаря которой одни ценности влияют на выбор других (такие, как утверждение, что общая позиция индивидуализма определяет установку на то, чтобы ставить себе в заслугу позитивные результаты). Правильнее было бы сказать, что их утверждения связывают ценности с умозаключениями и формирующимися в результате этого убеждениями (например, связь индивидуализма и убеждения в том, что успешное выполнение задачи зависит исключительно от отдельной личности). Какова связь прескриптивных и дескриптивных установок? Каким образом нормы влияют на умозаключения на основании имеющихся сведений? Вопросам такого рода и уделяет внимание ценностный подход.

В-третьих, есть еще одно соображение, связанное с данным подходом, которое имеет прагматический или функциональный характер: каковы последствия определенных умозаключений, скажем, в коллективистской культуре? Если коллективизм определяет систему норм, данные нормы предполагают определенные внешние условия, в которых умозаключение должно обладать жизнеспособностью. Таким образом, данный подход подводит к необходимости оценки того, каким образом влияют на умозаключения их последствия в конкретном культурном контексте. К этой проблеме, как и к вопросу предписания-описания (прескрипции-дескрипции), мы вернемся в процессе итогового анализа трех подходов.

Личностный подход

Уже более 100 лет, начиная с Джеймса (James, 1890), понятие личности (эго), по мнению многих ученых, играет ключевую роль в психологической проблематике (см. обзор в работе Markus & Cross, 1990). Хотя Джеймс и многие его западные последователи говорили о том, что эго может по-разному восприниматься в разных культурных системах, до недавнего времени немногие психологические исследования обращались к этой теме. Определяется ли концепция личности культурой? На этот вопрос исследователи хором отвечают «да», утверждая, что это, вероятно, одна из самых важных концепций, определяемых культурой.

Представляя авангард современных взглядов на культуру и эго, Маркус и Китаяма (Markus & Kitayama, 1991) не только предположили, что разные культуры формируют разную психологию эго, но и высказали мысль о том, что Я-концепции,

возможно, во многом определяют характер культуры. Маркус, Китаяма и др. охарактеризовали обусловленные культурой возможности «существования» эго, особо выделив два его вида: независимое Я и взаимозависимое Я (находящееся в отношениях взаимозависимости с другими людьми). Независимое Я, которому свойственно ощущение автономии и относительной обособленности от окружающих людей, имеет более широкое распространение на Западе. Взаимозависимое Я преобладает в Азии. Последнему присущ акцент на взаимосвязи индивида с окружающими; самоидентичность не ограничена личностью индивида, а распределена в социальном аспекте и включает значимых окружающих. Просматривается явное подобие данных Я-концепций и индивидуализма–коллективизма. Тем не менее стоит определить как декриптивный, так и прескриптивный характер установок, связанных с Я-концепциями и с индивидуализмом–коллективизмом. Девиз коллективизма можно сформулировать примерно так: «Группа, к которой я принадлежу, важна», девиз взаимозависимого Я: «Я — это группа, к которой я принадлежу».

Многие исследования Маркуса и Китаямы (например, Markus & Kitayama, 1991), Хайне и Лемана (например, Heine & Lehman, 1995, 1997), Сингелис (например, Singelis, 1994) и др. посвящены изучению данного культурного параметра личности. Появились и другие научные работы по проблеме «культура и эго», в том числе составленное Шведером (Shweder, 1995) описание божественного начала личности у индийцев, исповедующих индуизм; в данном случае эго не столько распределяется в социальном плане, включая других людей (как происходит с эго, находящимся в отношениях взаимозависимости с окружающими), сколько перераспределено в духовном плане, с учетом реинкарнаций и всего живого.

Какими научно-методическими принципами для анализа культурных различий в умозаключениях вооружает нас личностный подход? Здесь возникают два основных соображения. Во-первых, весьма важным становится осмысление схемы социальных связей, которая может оказывать потенциальное влияние на осмысление индивидом Я-концепции. Внимание, которое индивид уделяет окружающим, включенным в данную схему, также может определяться Я-концепцией; кроме того, скорее всего Я-концепция повлияет на отношение к окружающим при вынесении суждений. Во-вторых, анализ Я-концепции способствует более широкому взгляду на умозаключения, при котором учитывается фактор Я. Иными словами, воздействие Я-концепции можно обнаружить за рамками самооценки как таковой. Например, может показаться, что когнитивный диссонанс не связан с эго, однако Хайне и Леман (Heine & Lehman, 1997) доказывают, что японцы реже сталкиваются с проблемой диссонанса, чем канадцы, и причина этого — в ином осмыслении социального контекста и эго.

Когнитивный подход

Ценностный и личностный подходы привлекали специалистов по культурной психологии на протяжении последние 20 лет. Благодаря им было сделано и делается немало открытий. Однако все большее количество научных работ опирается не на представления личности о самой себе или о системе ценностей, а на разнообразные народные воззрения и верования, которые объединяют представителей дан-

ной культуры. Этот новый подход нельзя однозначно связать с каким-либо содержательным аспектом или темой (как, например, «индивидуализм»), его можно определить скорее как стремление выявить и оценить бытующие в народе скрытые системы взглядов, на конкретном уровне, а именно — на уровне непосредственной связи с умозаключениями и суждениями. Исследования в рамках этого подхода не пытаются оценить культуру во всей полноте, они сосредоточены на отдельных ее областях и пытаются описать суждения с точки зрения установок данной культуры.

Представителей определенной культуры объединяет множество общих убеждений, которые ученые описывали как культурные модели (Holland & Quinn, 1987); космологию (Douglas, 1982); социальные представления (Moscovici, 1984; Wagner, 1997); культурные представления (Boyer, 1993; Sperber, 1990); наивную онтологию и гносеологию (Ames & Peng, 1999; Peng & Nisbett, 1999); и народную психологию, биологию, социологию и физику (например, Ames, 1999; Atran, 1990; Fiske, 1992; Lillard, 1998; Peng & Knowles, 2000; Vosniadou, 1994).

Эти убеждения можно рассматривать как неоформленные системы взглядов (Dweck, Chiu & Hong, 1995; Vallacher & Wegner, 1987) на мир, до определенной степени разделяемые представителями конкретных сообществ. Изучавшиеся системы такого рода весьма разнообразны. Чиу, Хонг и Двек (Chiu, Hong & Dweck, 1997), например, исследовали взгляды на изменение личности. Американцы обычно считают, что личность в значительной мере стабильна, тогда как китайцы из Гонконга считают ее достаточно податливой. В другой работе Эймс и Пенг (Ames & Peng, 1999a) показали, что китайцы придерживаются более холистического по сравнению с американцами взгляда на производимое впечатление, когда знакомятся с новым человеком. Исследование Менона, Морриса, Яиу и Хонга (Menon, Morris, Chiu & Hong, 1999) говорит о том, что взгляды американцев на группы не в такой степени ассоциируются с причинно-следственными связями и обязательствами на групповом уровне, как у китайцев.

Когнитивный подход к культуре охватывает широкий круг тем, но оперирует общепринятыми исходными посылками и методологическими принципами, это сближает его с возникающим аналогичным направлением в общей психологии (Dweck, 1996; Wegner & Vallacher, 1977). Некоторые из этих посылок свойственны и ценностному и личностному подходам, но при этом когнитивный подход отличает использование специфических конструктов и разнообразие доменов.

Что дает когнитивный подход для понимания связи культуры и психологии умозаключений? Внимания заслуживают два момента. Во-первых, данный подход дает несравнимые с другими возможности для описания разнообразных особенностей личностей и групп, а также изменений, которые происходят с течением времени. Специалисты, занимающиеся психологией личности, все чаще принимают во внимание имплицитные знания, чтобы уловить различия в индивидуальных особенностях (например, Dweck, 1996); ряд специалистов по возрастной психологии описывают ход когнитивного развития как процесс усвоения и использования таких знаний (например, Gopnik & Meltzoff, 1997). В том, что касается культуры, данный подход предлагает динамические модели, описывающие процесс передачи, расцвета и увядания верований, а также позволяющие определить, каким веро-

ваниям предстоит эпоха расцвета (Boyer, 1993; Moscovici, 1984; Sperber, 1990; Straus & Quinn, 1997). Когнитивный подход может успешно использоваться в рамках отдельного географического региона или страны.

Второй позитивный момент состоит в том, что этот подход ведет к созданию сравнимых, точных моделей психологических процессов с учетом фактора культуры. Культура рассматривается на уровне представлений, как структура знания (народная теория), на которую опирается и в рамках которой делается умозаключение. Как отмечают Эймс и Пенг (Ames & Peng, 1999b), имплицитные знания могут оказывать непосредственное влияние на умозаключения; при этом, обращаясь к таким знаниям, индивид выходит за пределы имеющейся в его распоряжении информации (например, опирается на стереотипное представление, вынося суждения о склонности человека к агрессии в зависимости от его половой принадлежности). Имплицитные знания могут управлять умозаключениями, определяя пути привлечения и использования различной информации (Ames & Peng, 1999b). Например, эпистемологическое убеждение в ценности данных, связанных с контекстом, само по себе не позволяет сделать какие-либо выводы, однако может обратить внимание субъекта восприятия на определенные аспекты внешних условий. Без сомнения, воздействие культуры может рассматриваться на обоих уровнях.

Исследование умозаключений с точки зрения культуры

В рамках трех перечисленных традиций подход к изучению умозаключений с точки зрения культуры различен. Что нового может открыть для нас каждая из них в воздействии культуры на умозаключения? Можно ли объединить их в единую всеобъемлющую схему? Вступают ли они в противоречия друг с другом и имеют ли какие-то преимущества по сравнению друг с другом? Прежде чем ответить на эти вопросы, мы рассмотрим данные, касающиеся культурных различий. Наш обзор содержит два раздела, посвященные соответственно двум основным типам умозаключений: индуктивным и дедуктивным. В этом разделе мы обращаем первоочередное внимание не на подходы, а на имеющиеся данные, при этом мы постарались включить в него максимальное количество сведений эмпирического характера. После обзора мы вернемся к вопросу о трех подходах и на основе имеющихся данных рассмотрим вопрос о единой схеме.

Индуктивное мышление

В качестве рабочего определения мы будем называть **индукцией** способность человека к имеющему практическое значение обобщению на основании ограниченного опыта и информации. Такое обобщение может иметь различные формы – от осознания взаимосвязи между явлениями окружающей среды до каузальной атрибуции явлений физического и социального характера и от умозаключений о чертах характера определенной личности и ее душевном состоянии до категоризации. В этом разделе мы приводим доводы в пользу того, что фактор культуры имеет значение для каждого из перечисленных типов индуктивных умозаключений.

Суждения о взаимосвязи

С возникновением бихевиоризма психологи стали рассматривать способность к постижению взаимосвязи внешних стимулов как основной тип умозаключений (Alloy & Tabachnik, 1984). Возможно потому, что процессы, которые опираются на суждения о взаимосвязи (например, классическое формирование условных рефлексов), считаются базовыми для познания, психологи лишь недавно стали заниматься исследованием влияния культуры на способность человека к выявлению и оценке взаимосвязей. В одном из немногих исследований этой проблемы Джи, Пенг и Нисбетт (Ji, Peng & Nisbett, 1999) обращаются к изучению суждений о взаимосвязи у китайцев и американцев. Полагая, что диалектическая эпистемология представителей восточной культуры сделает их особенно восприимчивыми к связям между стимулами, исследователи выдвинули предположение о том, что китайцы превосходят американцев в способности устанавливать связь между стимулами. Китайским и американским испытуемым предъявили произвольные пары рисунков на экране компьютера; определенные стимулы были в различной степени взаимосвязанными, после чего испытуемых попросили высказать свои суждения о степени взаимосвязи.

Результаты подтвердили предварительные предположения о воздействии культуры на выявление взаимосвязи. Китайцы выносили более уверенные суждения, касающиеся взаимосвязи, по сравнению с американцами, при этом их суждения более точно соответствовали действительному уровню взаимосвязи между рисунками. Кроме того, американские испытуемые продемонстрировали устойчивый эффект первичности, вынося суждения о последующих взаимосвязях в значительной мере под влиянием первой предъявленной пары, а не с учетом общего уровня взаимосвязи. В отношении китайских испытуемых эффект первичности не проявлялся вообще, и их прогнозы в отношении последующих взаимосвязей базировались на действительном уровне предъявленной взаимосвязи.

Каузальная атрибуция

Несомненно, суждения о взаимосвязи весьма важны для выживания человека; однако очень часто люди не удовлетворяются простым установлением степени взаимосвязи между внешними явлениями. Обычно человек идет дальше, стремясь выявить предполагаемые причины явлений. Осуществляемый неспециалистом анализ причинно-следственных связей, или каузальная атрибуция, представляет собой одну из наиболее глубоко изученных областей психологии. Ниже мы даем обзор данных, которые свидетельствуют о том, что как в социальной, так и в физической сфере на атрибуцию оказывает влияние культура.

Социальная сфера. Последние два десятка лет были ознаменованы все более широким признанием того, что на атрибуцию социальных явлений (то есть социального поведения окружающих) оказывает влияние культура. Однако до признания этого обстоятельства психологи часто считали, что выводы, сделанные на основе исследований западных культур, применимы и к другим культурам. Одним из самых частых выводов исследований атрибуции (на Западе) был тот, что люди рассматривают поведение как результат склонностей субъекта, упуская при этом из виду обстоятельства, которые могут оказывать влияние на поведение.

Одними из первых продемонстрировали наличие предубеждений при ориентации на склонности субъекта Джонс и Харрис (Jones & Harris, 1967), которые попросили испытуемых сделать выводы о взглядах определенного человека на спорную политическую проблему на основании написанного этим человеком очерка. Участникам эксперимента сообщили также информацию, касающуюся ситуационных детерминант поведения этого человека, которая говорила о том, что при оценке его подлинной позиции по данному вопросу нельзя опираться на его слова, поскольку он написал этот очерк под давлением влиятельного лица. Несмотря на информацию, говорящую о важности обстоятельств, большинство участников сделали вывод о взглядах данного человека на основании только его поведения.

После этого и других классических примеров крепла уверенность в универсальности предубеждений при ориентации на склонности и окрепла настолько, что психологи окрестили данные предубеждения «фундаментальной ошибкой атрибуции» (Ross, 1977). Предположение об универсальности нашло отражение в теоретических положениях, касающихся атрибуции, которые описывают умозаключения на основании склонностей как результат процессов восприятия гештальта (Heider, 1958; Jones, 1990) или экологических (Baron & Misovich, 1993) процессов восприятия, которые, как предполагается, сходны в разных культурах.

Впервые предположение о том, что «фундаментальная ошибка атрибуции», возможно, не является фундаментальной, было высказано в работе Миллер (Miller, 1984). Она обнаружила, что в то время как американцы объясняют поведение других людей исходя главным образом из личностных характеристик (например, неосторожность или доброта), индийцы, которые исповедуют индуизм, объясняют выбор определенного типа поведения исходя из социально-ролевых функций, обстоятельств, внешних физических условий и прочих факторов, связанных с контекстом. Эти данные заставляют усомниться в универсальности не только предубеждений при ориентации на личные склонности, но и теорий атрибуции, которые связывают умозаключения на основании личных склонностей с универсальными механизмами восприятия. Данные Миллер (Miller, 1984) были дополнены многими исследователями, которые занимались широким кругом культур и социальных феноменов, при этом было обнаружено, что жители Азии, объясняя определенный тип поведения, чаще, чем представители западных культур, обращают внимание на ситуационные факторы. Поскольку у нас нет возможности дать исчерпывающий обзор кросс-культурных исследований атрибуции, ниже мы рассмотрим несколько основных исследований этой проблемы (более подробное рассмотрение вопроса см. в работе: Choi, Nisbett & Norenzayan, 1999).

Как показывают Моррис и Пенг (Morris & Peng, 1995), объясняя такие события, как массовые убийства, американцы прежде всего предполагают наличие у убийцы психической неустойчивости или каких-либо негативных склонностей, тогда как китайцы, объясняя те же самые события, в большей степени обращают внимание на ситуационные или социальные факторы. Те же самые культурные различия исследователи обнаружили, когда использовали визуальные стимулы, показывая испытуемым движения животных. Испытуемые смотрели мультфильм, в котором рыбка перемещалась в разных направлениях относительно стайки. Каждое из ее движений допускало двоякое истолкование, поскольку его можно было

отнести как за счет желаний самой рыбки (рыбка является лидером), так и за счет обстоятельств (стайка охотится за рыбкой). Как и предполагалось, испытуемые китайского происхождения чаще, чем американцы, усматривали в поведении рыбки влияние ситуационных факторов.

Другие исследователи подтвердили наличие культурных различий в атрибуции в более земных будничных обстоятельствах. Например, Ф. Ли, Холлман и Герцог (F. Lee, Hallman & Herzog, 1996) обнаружили, что спортивные комментаторы в Гонконге, интерпретируя спортивные события, в первую очередь обращают внимание на внешние обстоятельства, тогда как комментаторы-американцы предпочитают объяснять события индивидуальными особенностями спортсменов. Чой с соавторами (Choi et al., 1996) пришли к выводу, что корейские испытуемые, в отличие от американцев, при атрибуции учитывают информацию, касающуюся согласованности действий (то есть информацию о поведении других людей), которую вполне разумно использовать, чтобы оценить силу ситуационных факторов. Подобным образом Норензаян, Чой и Нисбетт (Norenzayan, Choi & Nisbett, 1999) обнаружили, что корейские испытуемые более чутко реагируют на контекстуальные факторы, прогнозируя поведение людей в заданной ситуации, и гораздо чаще американцев верят в силу обстоятельств, влияющую на поведение индивида.

Чой и Нисбетт (Choi & Nisbett, 1998) воспроизвели основные условия описанного выше эксперимента Джонса и Харриса (Jones & Harris, 1967), добавив одно условие: перед тем, как охарактеризовать позицию объекта, испытуемые сами должны были написать очерк, причем точка зрения была им навязана. Это позволило испытуемым понять, через что прошел человек, который был объектом их суждений. После этого испытуемых попросили вынести суждение о подлинной позиции объекта умозаключений. Американцы, вынося в этих условиях суждения о позиции объекта, были столь же решительны, как и испытуемые, которые выносили суждения в стандартных условиях отсутствия выбора. Корейские испытуемые, напротив, были куда менее категоричны в своих суждениях. То есть корейцы, по-видимому, благодаря пониманию роли, которую играют обстоятельства в их собственном поведении, признают силу контекста и в соответствии с таким подходом выносят суждения о других людях. Подобные результаты получили Китаяма и Масуда (Kitayama & Masuda, 1997) в Японии. Эти исследователи повторили эксперимент Гилберта и Джонса (Gilbert & Jones, 1986), в процессе которого испытуемые были объединены в пары с помощниками экспериментатора, после чего им сообщили, что член пары, определенный в процессе случайного распределения, должен будет прочесть очерк, написанный третьим лицом. После того как их напарник был избран для прочтения очерка, американские испытуемые высказали предположение, что избранник действительно придерживается взглядов, высказанных в очерке. Хотя Масуда и Китаяма обнаружили у японцев устойчивое убеждение о соответствии позиции читающего речь ее содержанию в стандартных условиях отсутствия выбора, они не выявили ничего подобного, когда делалось понятно, что объект суждений просто читает очерк, написанный другим человеком.

Физическая сфера. В отличие от атрибуций социальных феноменов, изучением влияния культуры на непрофессиональное истолкование физических явлений

исследователи занимались относительно немного. Тем не менее есть основания полагать, что народные теории причинной обусловленности физических явлений различны в культурах Запада и Востока и что эти различия могут привести к различным культурным интерпретациям физических феноменов. Многие ученые приводили доказательства того, что народная физика на Востоке носит относительный и диалектический характер, делая акцент на концепциях «поля» и «силы через расстояние» (Capra, 1975; Needham, 1954, 1962; Zukav, 1980). Обыденная физика Запада, как представляется, предпочитает внутренние причины и причины, которые объясняются свойственными объекту характеристиками; она объясняет физические феномены в первую очередь с точки зрения «характера интересующего ее объекта», а не с точки зрения связи объектов с внешними условиями (Lewin, 1935, p. 28). Пенг и Ноулс (Peng & Knowles, 2000) приводят свидетельства того, что такие различия в интеллектуальной традиции могут повлиять на интерпретацию физических явлений в повседневной жизни. Эти авторы представили на рассмотрение китайских и американских испытуемых физические явления, причинная обусловленность которых предполагает, как в гидродинамике, аэродинамике или магнетизме, действие «силы через расстояние». Объясняя эти явления, китайские испытуемые чаще упоминали поле, в то время как американцы предпочитали ссылаться на свойства, внутренне присущие объекту. Исследователи пришли к выводу о том, что в процессе развития в рамках азиатской культуры индивид постепенно усваивает народную физику, которая носит относительный характер и сориентирована на поле, тогда как в западных культурах усваивается народная физика аналитического характера, сориентированная на внутренние свойства объекта (см. также Peng & Nisbett, 1996).

Восприятие человека

Умозаключения, касающиеся окружающих, весьма важны в повседневной жизни. Мы постоянно и непрерывно выносим суждения о людях вокруг нас: что они собой представляют, как они себя чувствуют, чего они хотят. Данные суждения имеют несомненную связь с атрибуцией, но отличаются от нее в одном важном аспекте: атрибуция связывает событие с его причиной, восприятие человека связывает с людьми определенные качества. Например, если новый помощник Бет Эндрю проявляет по отношению к ней агрессию, Бет может объяснить поведение Эндрю свойственной ему склонностью к агрессивности или каким-либо обстоятельством, которое его разозлило. Таким образом, здесь мы видим одновременно случай атрибуции и восприятия человека. Однако если Бет раздумывает, не пригласить ли ей Чарльза на должность своего помощника, и для этого знакомится с рекомендательными письмами от преподавателей и прежних нанимателей Чарльза, а также беседует с Чарльзом лично, чтобы составить мнение о нем, мы имеем дело скорее с восприятием человека («решение, связанное с человеком»), нежели с атрибуцией («решение, связанное с событием»).

Неудивительно, что восприятие человека принимает различные формы в разных культурах. Здесь мы лишь кратко рассмотрим отдельные данные, связанные с двумя аспектами восприятия человека — формированием впечатления о человеке и суждением о его психическом и умственном состояниях.

Формирование впечатления. Какого рода впечатление могут производить на нас другие люди? Важным моментом является склонность воспринимать личные качества как устойчивые или неизменные или считать их податливыми и изменяющимися (Dweck, 1996). Данное различие, судя по всему, неплохо ложится на культурные параметры эго — независимого или взаимозависимого Я. Независимое Я связано с представлениями о более устойчивой личности, а взаимозависимое Я представляется более изменчивым, зависящим от обстоятельств. Именно такая связь была установлена Чиу, Хонгом и Двеком (C. Y. Chiu, Hong & Dweck, 1997) в ходе сравнения суждений о внутренних характеристиках, которые выносили американцы и жители Гонконга. Как и предполагалось в литературе по эго, исследователи обнаружили выраженное воздействие культуры: американские испытуемые в большей степени, по сравнению с жителями Гонконга, были склонны приписывать объекту суждения устойчивые, неизменные качества. Двек, Чиу и Хонг (Dweck, Chiu & Hong, 1995) оценивали также индивидуальные теории испытуемых в отношении характера человека: самый высокий показатель их шкалы оценки соответствовал убеждению в том, что черты характера обладают устойчивостью и неизменностью. Американцы получили более высокие показатели по этой шкале. Следуя подходу с точки зрения теорий, Двек и его коллеги показали, что такая скрытая теория характера представляет собой опосредованное влияние культуры на вынесение суждений о чертах характера.

Судя по всему, представители восточных культур в меньшей степени склонны приписывать объектам суждений определенный характер. Существуют ли различия в данных, которые выявляются и используются при формировании впечатления? Исследование, проведенное Эймсом и Пенгом (Ames & Peng, 1999a), дает положительный ответ на этот вопрос. Исходя из проведенных с учетом фактора культуры исследований эго, представлений об устойчивости характера или его гибкости, Эймс и Пенг предположили, что американцы будут обращать первоочередное внимание на сведения, полученные непосредственно от объекта (например, описание самого себя), тогда как китайцы будут в первую очередь опираться на свидетельства извне (например, описание объекта его другом или описание друга объекта). Такая же схема была выявлена в ходе множества разнообразных исследований. Американцы предпочитают данные, непосредственно относящиеся к объекту и при оценке объекта пользуются в первую очередь его самоописанием.

Умозаключения о психическом состоянии. Каким образом мы узнаем, что думают, чувствуют и чего хотят другие люди? Современная научно-исследовательская работа в этой области говорит о том, что эпистемология психических состояний связана с культурой. Ноулс и Эймс (Knowles & Ames, 1999) полагают, что западным культурам свойственна ориентация на «норму аутентичности», то есть предположение о том, что действия личности и внешние проявления поведения соответствуют ее внутреннему состоянию. «Высказать то, что у тебя на уме» и «поговорить начистоту» — вот к чему стремятся на Западе. Между тем восточные культуры могут рассматривать такие проявления, как неучтивые и способные вызвать недоумение. Функция хозяина во многих странах Азии — угадывать невысказанные желания гостя, при этом предполагается, что гость сдерживается и не выражает желания эгоистического характера.

Ноулс и Эймс (Knowles & Ames, 1999) собрали первичные данные, которые подтверждают существование таких эпистемологических различий между США и Китаем. Когда американцам и китайцам задали вопрос, насколько важны различные фрагменты информации для определения того, что человек думает, американцы в основном ответили, что то, «что он говорит», важнее, чем то, «что он не говорит», в то время как китайцы ранжировали данные позиции в обратном порядке. Та же модель обнаружилась при определении того, что чувствует или хочет другой человек. Таким образом, возможно, эпистемология душевных состояний на Западе сводится просто к выслушиванию: не принято, чтобы объект не до конца обнаруживал свои подлинные убеждения, желания, намерения и т. д. Однако для того, чтобы заглянуть в душу человека на Востоке, возможно, придется прибегнуть и к другим способам, таким как оценка невербального поведения.

Категоризация

Категоризация является одним из наиболее распространенных и важных видов умственной деятельности человека, которая повышает эффективность запоминания и обеспечивает возможность коммуникации. Кроме того, категоризация повышает жизнеспособность человека, позволяя делать предположения о скрытых свойствах объектов, отнесенных к определенной категории («То, что шуршит в кустах, скорее всего, новая собака Джонни. Готов поспорить, что характер у нее отвратительный»). Категоризация является одной из наиболее основательно изученных областей психологии, так же как и тесно связанная с ней когнитивная антропология. Исследователи выделяют три вопроса, связанные с ней. Первый — где образуется структура категории (вопрос о связи категорий)? Второй — где и когда люди прибегают к использованию категорий для того, чтобы сделать индуктивные умозаключения о скрытых свойствах объектов (вопрос об использовании категорий)? И наконец — каким образом индивид усваивает новые категории (вопрос об усвоении категорий)? Появляется все больше доказательств того, что культура является составляющей ответа на каждый из этих вопросов.

Связь категорий. Почему при наличии бесконечного множества способов классификации мира люди обнаруживают устойчивые предпочтения одних категорий (например, «собака») по сравнению с другими (например, «яблоко или простое число»)? Иными словами, что связывает или объединяет отдельные категории? Молт, делая обзор исследований взаимосвязи категорий (Malt, 1995), отмечает сдвиг в осмыслении психологами причины объединения объектов в категории. Раньше психологи обычно исходили из предположения о том, что люди выделяют категории, которые отражают структуру, присущую объектам. Примечательно, что Рош и его коллеги (Rosch & Mervis, 1975; Rosch, Mervis, Gray, Johnson & Boyes-Braem, 1976) доказывают, что воспринимаемые особенности не распределены во внешнем мире случайно между сущностями, а, скорее, встречаются группами, например, «мех», «четыре ноги» и «лай», как правило, встречаются вместе. Люди используют структуру внешней среды, объединяя объекты, которые отличаются общим набором характеристик, в категории; например объекты, у которых одновременно есть «мех», «четыре ноги» и «лай», сгруппированы в категорию «собака». Несмотря на то что структура восприятия должна налагать определенные

ограничения на перечень характеристик, которые замечает человек (Murphy & Medin, 1985), работа Роша и его коллег делает акцент на роли внешней структуры в определении категорий. Из такого представления неизбежно вытекает, что, поскольку структура восприятия человека до определенной степени идентична повсюду, то когнитивные структуры высшего уровня, в частности обусловленные культурой, практически не должны оказывать влияния на системы классификации.

Более современные работы, хотя и не отрицают роли внешних структур в процессе выделения таксономических категорий, таких как «собака» или «папоротник», но указывают на роль когнитивных структур высшего уровня в определении нетаксономических категорий. Барсалоу (Barsalou, 1983) обращает внимание на класс категорий, которые не могут существовать лишь благодаря фиксации внешних структур, например взаимосвязи воспринимаемых характеристик. Речь идет о «целевых» категориях, которые объединяют объекты, применяемые с одной и той же целью; например карандаши и калькуляторы, несмотря на то что имеют мало общего, могут быть отнесены к общей категории «предметы, которые обычно берут с собой на экзамен по математике». «Целевые» категории весьма чувствительны к влиянию культуры, поскольку, несомненно, именно культура определяет цели, которые ставят перед собой ее представители. Поясняя это, нужно сказать, что предметы, которые берут с собой на экзамен по математике, представляют собой категорию для западной молодежи, а не для представителей дописьменной культуры.

Научно-исследовательская работа в области когнитивной антропологии и кросс-культурной психологии говорит о том, что культура играет роль и при выделении таксономических категорий. Молт (Malt, 1995) рассмотрела ряд исследований по этнобиологии, которые показывали, что степень детализации в классификации растений или животных частично определяется важностью растения или животного для данной культуры. Народные классификаторы уделяют первоочередное внимание сферам, которые представляют собой наибольшее практическое значение для данной культуры (например, съедобные растения, одомашненные или опасные животные), и в результате классификация данных объектов содержит большее количество подкатегорий и является более детальной. Эти данные можно сравнить с имеющимися в психологии свидетельствами о том, что люди, которые долгое время уделяют пристальное внимание какой-либо сфере, например орнитологи или страстные любители собак, становятся настоящими специалистами в данной области. При этом специалист выделяет больше подкатегорий в сфере своей компетенции, чем неспециалист, и классифицирует объекты быстрее (Tanaka & Taylor, 1991). То есть то, сколько внимания уделяется различным таксономическим категориям, может определяться культурой, что может способствовать большей детализации важных категорий.

Другое исследование в области антропологии и психологии говорит о том, что культура может не просто определять направление внимания, но и влиять на то, какие характеристики становятся основой категоризации. Лопес, Атран, Коули, Медин и Смит (Lopez, Atran, Coley, Medin & Smith, 1997) обнаружили, что если американцы обычно классифицируют животных по размеру и свирепости, итзай-майя

классифицируют животных на основании характеристик относительного характера, а именно экологических, таких как среда обитания и корм. Атран и Медин (Atran & Medin, 1997) обнаружили также, что итзай-майя группируют древесных млекопитающих, основываясь их взаимодействии с растениями.

Экспериментальные исследования говорят о том, что категоризация такого рода играет важную роль и в китайской культуре. В 1972 году Л.-Х. Чиу (L.-H. Chiu, 1972) показывал китайским и американским детям наборы из трех картинок, на которых были изображения, относящиеся к разным областям, и просил выбрать две, которые сочетаются друг с другом. При этом китайские дети преимущественно прибегали к «относительно-контекстуальной» классификации. Например, когда им показывали изображения мужчины, женщины и ребенка, они обычно выбирали женщину и ребенка, потому что «мать заботится о ребенке». Американские же дети чаще группировали объекты на основе свойств, поддающихся выделению, например возраста. Так, они объединяли мужчину и женщину, потому что они «взрослые».

Индуктивные умозаключения на основании категоризации. Категории не только способствуют структурированию мира в целях запоминания и коммуникации, но, что очень важно, позволяют людям «выйти за пределы имеющейся в их распоряжении информации». Если объект относится к определенной категории, это может служить основой для умозаключений о скрытых или невидимых свойствах данного объекта; этот процесс и представляет собой *индуктивные умозаключения на основании категоризации.* Например, если известно, что животное относится к млекопитающим, можно предположить, что оно является живородящим и имеет постоянную температуру тела.

В работе Чой, Нисбетта и Смита (Choi, Nisbett & Smith, 1997) высказывается предположение о том, что корейцам в меньшей степени, чем американцем, свойственно постоянное применение представлений, связанных с категориями, и их использование в умозаключениях индуктивного характера. Подобно предшествующим исследованиям индуктивных умозаключений на основании категоризации (например, Osherson, Smith, Wilkie, Lopez & Shafir, 1990), Чой с коллегами рассматривали применение индуктивных умозаключений, используя доказательства типа посылка—вывод. Испытуемым предъявляли, например, доказательство такого рода:

Гиппопотамы имеют локтевые артерии.

Хомяки имеют локтевые артерии.

....

Собаки имеют локтевые артерии.

Затем испытуемых спрашивали, в какой мере они верят данному выводу, принимая во внимание имеющиеся посылки. В приведенном примере испытуемые могли бы сделать на основании приведенных посылок вывод о том, что млекопитающие имеют локтевые артерии, и тем самым подтвердить высокий уровень достоверности вывода. Исследователи попробовали привлечь внимание испытуемых к данной категории, упомянув ее в выводе (то есть испытуемые пришли к выводу

о том, что «млекопитающие», а не собаки, имеют локтевые артерии). На американцев данная манипуляция не оказала никакого влияния, однако способность корейцев к умозаключениям индуктивного характера после этого возросла. Это говорит о том, что постоянное использование категоризации в умозаключениях в меньшей степени присуще корейцам, более восприимчивым к выданным заранее инструкциям.

Усвоение категорий. Имеются доказательства того, что культура может влиять на процесс усвоения категорий. Норензаян, Нисбетт, Смит и Ким (Norenzayan, Nisbett, Smith & Kim, 2000), используя методику Аллена и Брукса (Allen & Brooks, 1991), показывали жителям Восточной Азии и американцам мультфильм о существах с других планет, отметив при этом, что одни существа — с Венеры, а другие — с Сатурна. Некоторых испытуемых попросили внимательно изучить этих существ и высказать предположения, к какой категории отнести каждое из них. Другие испытуемые прошли более формальную, стандартную процедуру усвоения категорий. Им было предложено обратить внимание на пять различных характеристик данных животных, при этом было оговорено, что если животное имеет любые три из названных характеристик, оно с Венеры, все прочие животные — с Сатурна. Хотя в первой группе и жители Восточной Азии, и американцы выполнили задание одинаково успешно, во второй группе жителям Восточной Азии потребовалось больше времени, чтобы выполнить задание. Когда им показывали животное, обладающее набором формальных признаков в соответствии с определенной категорией, но похожее на животных другой категории, — таким образом, стандартные критерии и индивидуальные критерии оценки отдельных экземпляров вступали в противоречие между собой — жители Восточной Азии сделали больше ошибок, чем американцы.

Категория эго. Идея выделения «эго» в отдельную категорию, подобную категории «млекопитающее» или «молоток», на первый взгляд может показаться странной, но при рассмотрении культурных различий в восприятии эго становится понятным, что такое выделение просто необходимо. Вопросу о том, как субъект восприятия на Западе и на Востоке описывает себя, исследователи уделили достаточно внимания. Полученные данные позволили выявить несколько моментов, при этом наиболее примечательным является то, что на Западе индивид воспринимает эго как нечто более ограниченное и конкретное, тогда как на Востоке индивид представляет эго как более распыленное в обществе, изменчивое и связанное с контекстом. В работе Фиске, Китаямы, Маркуса и Нисбетта (Fiske, Kitayama, Markus & Nisbett, 1998) рассмотрена значительная часть исследований, касающихся этого вопроса, и показано, что американцы чаще упоминают социально-ролевые характеристики и других людей (например, «Я друг Джейн»). В другой работе Шведер (Shweder, 1995) исследовал Я-концепции индийцев-индуистов. В то время как американцы, судя по всему, воспринимают эго как нечто независимое, жители Юго-Восточной Азии, очевидно, считают эго до определенной меры распределенным в обществе. Шведер приводит доводы в пользу того, что индийский взгляд на эго связан с представлением о божественном начале. Вера в реинкарнацию, карму и связь всего живого ведет к тому, что категория эго включает представление о различных периодах существования в разном обличье.

Дедукция и формальное мышление

В этом разделе мы рассмотрим данные, касающиеся роли культуры в дедуктиции и формальном мышлении. В общепринятом смысле дедукция рассматривается как умозаключение, позволяющее на основании имеющейся информации сделать вывод о неизбежности или высокой степени вероятности определенной информации (например, если известно, что все пышки имеют дырки, а *X* — пышка, значит, в ней есть дырка). При формальном мышлении мы стремимся расширить пределы нашего знания, включая в него умозаключения, основаннные на предположениях и хорошо подобранных доводах. Ниже мы комментируем избранные исследования, касающиеся силлогистических рассуждений и диалектического мышления, в частности, в связи с осмыслением противоречий. Исторически сложилось представление о том, что способность к такому мышлению является универсальной или, по меньшей мере, оно осуществляется единообразно, поэтому культурные различия можно отнести за счет различия в способностях и уровне интеллекта (см. Cole, 1996). Однако многие ученые выявили обладающие культурной спецификой различия в концепциях и подходах, различия, которые, судя по всему, связаны в первую очередь с фундаментальными эпистемологическими или культурными установками, а не со способностями индивида.

Силлогистические рассуждения

Русский психолог Лурия (Luria, 1931) был одним из первых ученых, занимавшихся исследованием силлогистических рассуждений и культуры. В его исследованиях, проводимых в отдаленных уголках России, испытуемым предлагалось то, что большинство западных ученых называет задачей на непосредственный дедуктивный вывод. Испытуемым говорили, что все медведи на севере белые, при этом определенная местность расположена на севере. Затем испытуемых спрашивали, какого цвета медведи в этой местности. Большинство испытуемых не могли ответить на вопрос, а многие задавали вопрос об исходных посылках задачи, предполагая, например, что исследователь сам был в этой местности и выяснил, какого цвета там медведи.

Коул (Cole, 1996) частично повторил исследование Лурии (Luria, 1931) в Африке и подобным образом обнаружил, что многие испытуемые не воспринимают вопрос на теоретическом уровне. Испытуемым предлагали исходные посылки: «Когда Джуан и Джоз пьют много пива, мэр города сердится» и «Джуан и Джоз сейчас выпьют много пива». Испытуемым предлагалось сделать вывод, будет ли мэр сердиться на Джуана и Джоза. Некоторые участники стали решать вопрос в теоретическом аспекте, но многие другие видели в нем эмпирическую задачу и давали ответы вроде: «Нет, очень многие мужчины пьют пиво, почему мэр должен рассердиться?»

Сотню лет назад такое «отсутствие» способности рассуждать могло быть воспринято как свидетельство недостаточно развитого интеллекта и низкого культурного уровня. Теперь же большинство ученых признает, что такой подход выявляет не отсутствие способности рассуждать, а различные культурные модели мышления (D'Andrade, 1995). В самом деле, Лурия (Luria, 1931) и Коул (Cole, 1996) подчеркивали, что практическая повседневная деятельность и культурные артефакты имеют центральное значение для культурной специфики мышления: бесполезно,

а возможно, и вредно, предполагать, что западные абстрактные задания, например силлогистические рассуждения, являются золотым стандартом мышления и способности к дедукции[1].

Д'Андрад (D'Andrade, 1995) полагал, что мышление опирается на усвоенные культурные модели (например, правила, в соответствии с которыми делаются выводы) и при этом может принимать во внимание материальные артефакты (например, счеты). Используя задачу Уайсона (*Wason task*), широко применяемый тест, который якобы оценивает логическое мышление, Д'Андрад продемонстрировал, что способность справиться с ним зависит главным образом от того, как данная задача вписывается в контекст повседневного знания и повседневной деятельности. Если она сформулирована как абстрактная задача на «работу с ярлыками», испытуемые справляются с ней из рук вон плохо; если же сформулировать ее как вопрос о возрасте, в котором люди пьют, испытуемые успешно решают ее[2]. Такая опора на реалии повседневной жизни оказывает сходное влияние на выполнение разного рода силлогистических и прочих задач на мышление (D'Andrade, 1995).

Диалектическое мышление

Хотя немногие способны к формальному мышлению на уровне специалистов по законам логики и далеко не у всех оно вызывает воодушевление, существует определенное искушение охарактеризовать большинство мыслителей-непрофессионалов как придерживающихся некоторых базовых принципов доказательства, используемых еще со времен Аристотеля. Речь может идти, например, о «законе непротиворечия». Этот закон гласит, что ни одно утверждение не может быть одновременно истинным и ложным. Однако Пенг и Нисбетт (Peng, 1997; Peng & Nisbett, 1999) показали, что данная характеристика ограничивается в лучшем случае лишь представителями западной культуры; они приводят доказательства того,

---

[1] Пафос авторов понятен, однако нельзя не заметить, что силлогизмы — это не какие-то специфические «западные абстрактные задания», а элементарные формы дедуктивного мышления, без которых невозможно развитие науки, техники, цивилизации. Поэтому все же они — действительно «золотой стандарт» дедуктивной логики, обязательный для любой этнической, национальной, региональной культуры, когда она выходит на достаточно высокий уровень развития. Неумение мыслить силлогистически - это признак неразвитости мышления. Такой вывод и делает А. Р. Лурия Он подчеркивает, что логике дедуктивного мышления надо учиться, и значение школьного образования — в том, что оно не только дает знания, но и формирует навыки абстрактно-логического, теоретического рассуждения (см · *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974 С. 131). Культурные модели мышления, не формирующие таких навыков, могут быть вполне достаточными для повседневной житейской практики, но их когнитивные, познавательные возможности ограничены и не обеспечивают решение задач, связанных с построением и усвоением научных знаний. — *Примеч. науч. ред.*

[2] Авторы имеют в виду два варианта задачи Уайсона В первом испытуемому даются 4 карты, на которых написано, например: А, В, 3, 7. Ему предлагают проверить, соблюдается ли правило: «Если на карте А, то на обороте ее 3». Для этого он должен перевернуть те и только те карты, которые необходимо посмотреть, чтобы проверить это правило. Во втором варианте перед испытуемым кладутся 4 карты, на одной стороне которых обозначен возраст человека, на другой — что он пьет. На картах написано: пьет пиво, пьет воду, 16 лет, 20 лет. Предлагается проверить правило: «Если человек пьет пиво, он должен быть старше 18 лет». В первом случае большинство ошибается (переворачивают карты А и 3 вместо А и 7). Но во втором случае большинство действует правильно. — *Примеч. науч. ред.*

что жители Восточной Азии имеют иную эпистемологию с отличными правилами построения доказательств и вынесения суждений. Их работа говорит о том, что дедуктивное мышление и прочие виды мышления опираются на определенные эпистемологические предположения, касающиеся сущности знания и истины и путей их обретения, а эти предположения могут различаться в разных культурах.

Пенг и Нисбетт (Peng & Nisbett, 1999) описывают западное мышление как опирающееся на три основных закона. Закон **тождества** ($A = A$) предполагает, что любая сущность тождественна сама себе. Закон **исключенного третьего** (A или B, или не B) гласит, что любое высказывание либо истинно, либо ложно; не может быть полуправды. **Закон непротиворечия** (А не есть не-А) утверждает, что никакое высказывание не может быть одновременно и истинным и ложным[1]. По своей сути, такие представления вполне согласуются с разнообразными западными психологическими феноменами, такими как наивный реализм (например, Ross & Ward, 1996) и эссенциализм (например, Gelman & Medin, 1993), а также с резко отрицательном отношением к непостоянству и лжи.

Анализируя подходы философов и историков Востока и Запада (Liu, 1974; Lloyd, 1990; Needham, 1954, 1962; Zhang & Chen, 1991), Пенг и Нисбетт (Peng & Nisbett, 1999) утверждают, что мышлению народов Востока присущ иной подход: диалектическая эпистемология. Такая диалектика отличается от утонченной («диалектической») философии Гегеля и Маркса тем, что в этих философских учениях часто предполагаются и настойчиво ищутся исходные противоречия или оппозиции, которые затем находят свое разрешение; а восточная народная диалектическая эпистемология, которую описывают Пенг и Нисбетт, допускает и даже принимает противоречие, не пытаясь «исправить» или разрешить его.

Пенг и Нисбетт (Peng & Nisbett, 1999) выделяют три фундаментальные посылки восточной диалектической эпистемологии. Первое — это **принцип изменения**, который предполагает динамическое развитие реальности; нет ничего, что тождественно само себе, поскольку реальность изменчива и неустойчива. Второе — **принцип противоречия**, который гласит, что поскольку изменение постоянно, постоянно и противоречие; сама природа мира такова, что старое и новое, хорошее и плохое существуют бок о бок в одно и то же время в одном и том же объекте или событии. Третье — **принцип холизма**, смысл которого в том, что поскольку изменение и противоречие постоянны, ничто в жизни человека или в его характере не является изолированным и независимым; все взаимосвязано, и попытки выделить составляющие единого целого могут лишь ввести в заблуждение.

Пенг и Нисбетт (Peng & Nisbett, 1999) утверждают, что данные совокупности принципов лежат в основе двух типов народной эпистемологии: диалектической эпистемологии, которая распространена в первую очередь на Востоке, и более прямолинейной/логической эпистемологии, которая в большей степени свойственна Западу. Разумеется, они содержат составляющие, общие для многих или всех куль-

[1] Приведенные здесь три закона — это законы формальной логики (сформулированные не очень аккуратно), нарушение которых неминуемо ведет к логическим ошибкам. На них опирается не только западное, но любое логически правильное мышление — восточное не меньше западного. Утверждать, что в мышлении народов Востока эти законы не соблюдаются, все равно что признать их мышление ошибочным. — *Примеч. науч. ред.*

тур, однако сравнительное преобладание тех или иных скрытых предпосылок говорит о том, что кросс-культурные исследования могли бы выявить, каким образом культурная специфика эпистемологии влияет на умозаключения. Далее мы обратимся к данным, касающимся культуры и диалектического мышления.

Народная мудрость и диалектическое мышление. Пенг и Нисбетт (Peng & Nisbett, 1999) исследовали сборники пословиц, воплощающих в себе представления народа. Они обнаружили, что диалектические пословицы, которые содержат противоречие или утверждения, связанные с нестабильностью (например: «Слишком скромный наполовину заносчив»), чаще встречаются среди китайских пословиц, чем среди английских. Когда же недиалектические (например: «Лучше иметь полбуханки, чем сидеть совсем без хлеба») и диалектические пословицы были отобраны из китайских и английских пословиц в одинаковом количестве и предложены китайским и американским студентам-старшекурсникам для оценки, китайские испытуемые оказывали большее, по сравнению с американцами, предпочтение пословицам диалектического содержания. Те же схемы предпочтения были выявлены в отношении еврейских пословиц, то есть стимулов, которые были в равной мере незнакомы как китайцам, так и американцам.

Диалектическое разрешение социальных противоречий. Пенг и Нисбетт (Peng & Nisbett, 1999) представляли на рассмотрение китайским и американским студентам разного рода противоречия, взятые из ситуаций повседневной жизни. Например, участников просили проанализировать конфликт между матерью и дочерью (выбрать развлечения или пойти в школу). Американцы, как правило, явным образом принимали ту или другую сторону (например, мать должна уважать выбор дочери). В ответах китайских испытуемых в большей степени проявлялось стремление найти позицию золотой середины, с точки зрения которой обе стороны неправы, при этом китайцы пытались уладить конфликт (например, мать и дочь не поняли друг друга).

Диалектика и выбор формы доказательства. Исследуя предпочтения в выборе формы доказательства, Пенг (Peng, 1997) представил китайским и американским испытуемым доказательства, касающиеся разных проблем — одно логического характера, доказывающее несостоятельность противоречия, а другое — диалектическое. Например, испытуемым дали прочесть два вида опровержения утверждения Аристотеля, что объект, имеющий большую массу, быстрее падает на землю. Логическое опровержение представляло собой знаменитый мысленный эксперимент Галилея: если тяжелый объект прикрепить к более легкому, то их общая масса будет больше, чем у легкого объекта в отдельности, и, следовательно, они должны падать быстрее; с другой стороны, если следовать логике Аристотеля, легкий объект должен служить тормозом, следовательно, совокупность двух объектов должна падать медленнее. Поскольку данные выводы противоречат друг другу, это дает основание отвергнуть исходное утверждение о том, что объекты, имеющие разную массу, падают с разной скоростью. Между тем диалектическое доказательство базировалось на холистическом подходе к проблеме: поскольку Аристотель изолировал объекты от возможных внешних факторов (таких, как ветер, погода и высота падения), данное утверждение ложно. В отношении нескольких проблем подобного рода китайцы предпочитали диалектическое доказательство, тогда как американцев больше привлекало линейное логическое доказательство.

Допущение явного противоречия. Представители западной культуры предпочитают логический анализ проблем. Из этого следует, что, сталкиваясь с противоречащими друг другу утверждениями, они стремятся отвергнуть одно из них в пользу другого. Представители же восточной культуры скорей всего будут стремиться принять оба утверждения, обнаруживая в каждом из них свои достоинства. В ходе одного исследования Пенг и Нисбетт (Peng & Nisbett, 1999) предъявляли испытуемым одно утверждение или два утверждения, которые находились в очевидном противоречии. Среди них было, например, утверждение такого рода: «Изучая подростков, специалисты по возрастной психологии обнаружили, что дети, которые меньше зависели от родителей и семьи, были обычно более зрелыми людьми». Некоторым испытуемым его предлагали вместе со вторым утверждением, явно противоречащим первому: «Специалисты по социальной психологии, изучая молодежь, обнаружили, что молодым людям, которые имели более тесные отношения со своими близкими, лучше удавалось создание социальных связей». Испытуемым предлагалось одно из этих утверждений или оба утверждения сразу, а затем их просили оценить степень правдоподобия данных утверждений.

По пяти вопросам китайские и американские испытуемые выразили единодушие в отношении степени достоверности одного из двух утверждений. Однако когда американцы читали данное утверждение в паре с другим, они оценивали его, как еще более достоверное, чем в отдельности: одновременное предъявление достоверного утверждения с утверждением, которое противоречило ему, укрепляло их веру в достоверность первого утверждения (ср. Lord, Ross & Lepper, 1979). Китайцы, напротив, оценивали утверждение как менее достоверное, когда рассматривали его в паре с противоречащим ему, очевидно, стремясь найти компромисс между двумя точками зрения.

Выводы

Двадцать лет назад специалист по когнитивной антропологии Эдвин Хатчинс, подобно Нисбетту и Россу, опубликовал книгу. Она называлась «Культура и умозаключения» (*Culture and Inference*, Hutchins, 1980) и представляла собой глубокое этнографическое исследование мышления жителей Тробриандских островов. Хатчинс опровергает утверждение, что у жителей Тробриандских островов и представителей подобных культур отсутствуют представления о причинной обусловленности и логике (D. D. Lee, 1940, 1949). Отчасти иронически, Хатчинс делает в некотором роде универсалистское заявление: сложные умозаключения не представляют собой нечто доступное лишь представителям «цивилизованных» культур. Однако, демонстрируя то, что жителями Тробриандских островов используются сложные мыслительные операции, такие как *modus tollens* и *достоверное умозаключение*, Хатчинс делает, кроме того, важные выводы, касающиеся различий умозаключений в разных культурах: по его мнению, образ мышления тесно переплетается с культурными моделями. Универсальной же является наша способность выносить суждения, но она всегда реализуется в свете определенных культурных моделей (см. D'Andrade, 1995).

На протяжении последних 20 лет специалисты по культурной психологии много сделали для развития и интерпретации идей Нисбетта, Росса и Хатчинса. Теперь

им многое известно о том, насколько по-разному осуществляется процесс умозаключения в различных культурах, и они готовы узнать об этом еще больше. Различия, рассмотренные в данной главе, не так просто обобщить, однако все приведенные факты заслуживают хотя бы краткого упоминания. После их обзора мы рассматриваем культурные различия в умозаключениях в свете ценностной, личностной и когнитивной традиций.

Выводы, касающиеся культурных различий

Данные по культурным различиям в умозаключениях можно отнести к одной из двух широких категорий: индуктивному мышлению и дедуктивному мышлению.

Индукция

Основная форма индукции — выявление взаимосвязи: каким же образом субъект восприятия делает умозаключение с учетом данных о совпадении различных событий и характеристик? Исследования, посвященные холистической, диалектической эпистемологии, которая ассоциируется с китайской культурой, показывают, что, судя по всему, китайцы лучше американцев улавливают связи между стимулами в поле: у них реже, чем у американцев, обнаруживается эффект первичности, и, по сравнению с американцами, они выносят суждения о взаимосвязи более уверенно и со свойственной им тщательностью.

Специалисты по культуре уделяли самое пристальное внимание атрибуции, отчасти из-за явных культурных различий. В сфере социальной атрибуции ученые многократно приходили к выводу о том, что американцы склонны приписывать причины различных событий действиям отдельных личностей, тогда как представители азиатских и других коллективистских культур уделяют основное внимание обстоятельствам и действиям групп. Подобным же образом при истолковании физических явлений китайцы чаще придают большое значение фактору поля, тогда как американцы выдвигают на первый план свойства, присущие объектам.

Культурные различия проявляются и в вынесении суждений о людях, включая мнение об их личностных особенностях и психическом состоянии. Американцы обычно придерживаются сложившихся в народе взглядов на характер человека, в соответствии с которыми они рассматривают индивида как обладающего устойчивыми и неизменными внутренними качествами, тогда как представители азиатских культур чаще воспринимают личность как нечто изменчивое и зависящее от обстоятельств. Кроме того, составляя впечатление о человеке, американцы предпочитают получать информацию непосредственно от объекта восприятия, в то время как китайцы проявляют сравнительно больший интерес к точке зрения окружающих и информации о контексте, связанном с объектом восприятия. Американцы также, по-видимому, предполагают, что выводы о душевном состоянии человека можно сделать на основании его высказываний; китайцы же, судя по всему, делают выводы о душевном состоянии, в большей мере опираясь на невербальные стимулы.

В сфере категоризации культура оказывает влияние на формирование категорий, делая культурно-значимые феномены зоной наиболее пристального внимания; поскольку приоритеты культур различны, наблюдаются различия и в категориях. Кроме того, представители азиатских культур в большей степени, чем американцы,

склонны классифицировать объекты, принимая во внимание взаимосвязь между ними, например социальные обязательства, а не отдельные характеристики. По сравнению с американцами жители Восточной Азии в процессе умозаключений менее склонны к категоризации как таковой и к усвоению категорий. Вероятно, эти данные могут стать еще более интересными в свете исследования Я-концепций, функционирующих в культуре. Широкий круг исследований говорит о том, что восточно-азиатские представления об эго носят более социально-распыленный характер и в большей степени сориентированы на контекст, в то время как американские представления об эго имеют более четкие границы и носят более абстрактный характер.

Дедукция

Приходят ли представители всех культур к одному выводу, исходя из одних и тех же посылок? Исследования культуры и силлогистических рассуждений говорят о том, что данная проблема нуждается в пересмотре. То, что считается предпосылками и логическими отношениями, зависит от культуро-специфичных моделей. В любой культуре рассмотрение логических вопросов в рамках обыденного знания, а не на абстрактных примерах, оказывает существенное влияние на способность к выполнению логических задач. Очевидно, можно уверенно сделать вывод о том, что представители всех культур способны к сложным умозаключениям, однако в каждой культуре существуют собственные модели мышления.

Кросс-культурные исследования демонстрируют также явные различия в фундаментальных эпистемологических подходах к тому, что считается доказательством и какова сущность истины, — а различия в эпистемологии в свою очередь ведут к формированию разных стилей мышления, в том числе дедуктивного. Китайцы явно придерживаются диалектической эпистемологии, делающей акцент на изменчивой природе реальности и постоянном присутствии противоречия. В противовес такой точке зрения западная линейная эпистемология построена на представлениях об истине, тождестве и непротиворечии. Как показывает ряд ученых, в результате такого подхода, сталкиваясь с противоречием, китайцы предпочитают стремиться к позиции золотой середины, в то время как американцы придерживаются более однозначных решений в отношении истины и разрешения противоречий.

Три точки зрения: отношение к культуре и умозаключениям

В начале этой главы мы рассмотрели три подхода к культуре: ценностный, личностный и когнитивный. Ценностный подход показал, в частности, что индивидуалист склонен искать причины событий в действиях отдельных личностей. Личностный подход открыл, например, что представления разных культур, связанные с эго, существенно различаются между собой. А когнитивный подход раскрыл роль культурно обусловленной эпистемологии в мышлении. Следовательно, каждый из подходов проливает свет на различные аспекты связи культуры и умозаключений. Существует ли возможность интеграции данных подходов? Должны ли ученые и заинтересованные читатели быть последователями лишь одной из названных традиций, отвергая тем самым остальные? Мы полагаем, что синтез их не только возможен, но и желателен, по крайней мере, на уровне взаимосвязи феноменов, которые являются объектами изучения каждого из подходов. В результате такой ин-

теграции мы получим богатые возможности осмысления взаимосвязей между культурой и умозаключениями.

Исходной точкой для построения синтезированного подхода является оценка происхождения и роли бытующих в народе взглядов. По определению, знания (будь то народные или научные системы взглядов) служат базой умозаключений: они определяют пути сбора информации и ее интерпретации и лежат в основе суждений, которые выходят за пределы имеющихся данных. Практически было бы почти невозможно достаточно глубоко описать умозаключения повседневного характера с психологической точки зрения, не прибегая к определенным структурам народного знания, подобным бытующим в народе теориям. То есть, чтобы по-настоящему понять воздействие культуры на умозаключения, требуется понимание того, как работают существующие в данной культуре системы знаний при формулировке повседневных суждений.

Но каково происхождение таких систем знаний? Представляется достаточно очевидным, что их важным источником являются ценностные ориентации культуры: они определяют, что оценивается позитивно и считается важным. Наше представление о мире складывается под влиянием представления о том, каким ему следует быть. Принятые в азиатских культурах нормы, акцентирующие важность группы и социальных связей, без сомнения, порождают народные представления, касающиеся данных сущностей. Данные движущие силы работают и в рамках традиции восприятия эго, в отношении представлений о том, каким ему следует быть. Именно они и определяют представления о том, чем является эго. При этом, как отмечает Джеймс (James, 1890), Я-концепции играют различные роли в психологических процессах, поэтому представления об эго часто тесно переплетаются с множеством других представлений, например с представлениями о других людях.

Таким образом, имплицитные знания могут играть в некотором роде опосредующую роль между ценностями и Я-концепциями, с одной стороны, и умозаключениями — с другой. Ценности и Я-концепции оказывают более непосредственное воздействие на установки, а их влияние на умозаключения носит в большей степени опосредованный характер. Такая опосредующая модель может показаться завершенной, но она не дает ответа на решающий вопрос: ради чего делается умозаключение? Как отмечают С. Т. Фиске (S. T. Fiske, 1992) и другие исследователи, мышление всегда осуществляется *ради* чего-то, и мы бы добавили, что то, ради чего осуществляется мышление, различно в разных культурах. Например, почему люди судят о причинах происходящего? При определенных обстоятельствах вынесение такого суждения может быть частным делом, то есть осуществляемым только одним человеком. Гораздо чаще, однако, умозаключения такого рода делаются многими людьми и используются в ходе разного рода деятельности. Возьмем, например, правонарушения: мы ищем объяснение проступков, чтобы действовать — предотвратить, наказать, простить и т. д. Усвоенные нами взгляды могут определять ход вынесения суждений, связанных с атрибуцией, однако нашу деятельность направляют не только умозаключения. Деятельность определяется также ценностными ориентациями культуры и представлениями об эго. В случае правонарушений западный взгляд, возможно, усмотрит их причины в действиях отдельной личности, а ценностные ориентации западной культуры найдут выражение в форме карающего правосудия, объектом которого является личность. В восточноази-

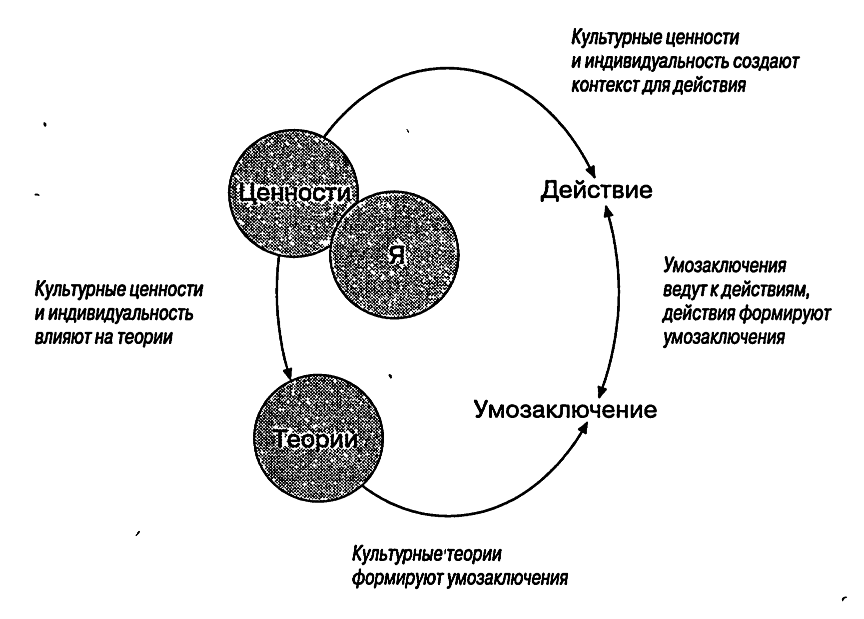

Рис. 13.1. Модель влияния культуры на умозаключения

атских культурах между тем предполагается, что причины следует искать в действиях групп или обстоятельствах, а ориентация Восточной Азии на сохранение гармонии может в результате привести к решению о коллективной ответственности.

Ценности и Я-концепции играют двойственную роль. Во-первых, они оказывают влияние на формирование представлений, которые, в свою очередь, лежат в основе умозаключений; во-вторых, они определяют контекст, в котором итоговые умозаключения воплощаются в действия (рис. 13.1). В соответствии с этой схемой вопрос о том, какой из трех подходов является «наилучшим» для изучения культуры и умозаключений, теряет смысл. Более правильно будет сказать, что объектом исследования каждого из подходов является определенный аспект влияния культуры на умозаключения. Выделение определенного комплекса взаимосвязей (например, между теориями и умозаключениями или между ценностями и теориями) имеет практический смысл, и, вероятно, является неизбежным приемом в процессе исследования, но теперь ученые вооружены достаточным количеством знаний, чтобы признать существование более широкой системы взаимосвязей между культурой и умозаключениями. И целостное представление о том, как культура влияет на умозаключения, должно включать все эти составляющие.

Взгляд в будущее

Что ждет культурную психологию, изучающую умозаключения? Наш обзор имеющихся данных позволяет выделить несколько проблем. Ценностный и личностный подходы различны по содержанию, однако центральным для каждого из них является определенный конструкт: индивидуализм–коллективизм — для ценностного подхода и независимое или взаимозависимое Я — для личностного подхода.

Одной из задач этих подходов является расширение данных параметров. Работа Нисбетта и Коэна (Nisbett & Cohen, 1996) о «культуре чести», например, предлагает важную альтернативу конструктам ценностей и эго.

Что касается когнитивного подхода, его развитие продолжается. В процессе развития он может столкнуться с опасностью раздробления. Даже оставаясь точным и разносторонним в психологическом описании воздействия культуры на умозаключения, он рискует заниматься изучением неупорядоченной совокупности представлений, оторванных от более широких культурных моделей. От ученых, работающих в рамках этой традиции, требуется описание связей не только между скрыто функционирующими знаниями, которые они изучают, но и между данными знаниями и прочими конструктами культуры (такими, например, как ценности).

Необходимо, чтобы все три подхода применялись в исследованиях не изучавшихся ранее групп населения. На сегодняшний день большая часть работы проводилась в США и Азии. Необходимо развернуть работу по изучению умозаключений в других частях света, таких как Африка. Как показали Нисбетт и Коэн (Nisbett & Cohen, 1996), исследования ценностей и суждений могут быть весьма плодотворными применительно к культурным различиям внутри стран. По мере роста глобализации и иммиграции все большего внимания заслуживают столкновения разных культур в ходе вынесения суждений, а также проблема адаптации к чужой культуре.

Возможно, самой важной задачей при изучении взаимосвязи культуры и умозаключений является общая для многих областей культурной психологии проблема — потребность в методологии, которая могла бы использоваться как на психологическом, так и на культурном уровне (Peng, Nisbett, Wong, 1997). Эта общая задача требует точных и поддающихся интерпретации подходов, учитывающих тонкие нюансы. Постмодернистские подходы делают акцент на уникальности культур, однако иногда упускают возможность весьма полезных кросс-культурных сравнений. Подходы с точки зрения культурных систем сосредоточиваются на безусловно важной повседневной экологии институтов и обычаев, но порой пренебрегают психологией представителей данной культуры, которая играет роль связующего звена. Параметрический и типологический подходы уделяют первоочередное внимание структурным особенностям культуры, но рискуют при этом упустить из виду целые системы представлений и идей, которые содержит психологическая реальность. Многие представители когнитивных и ценностных подходов плодотворно занимаются психологически значимыми аспектами культуры, но временами забывают о возможности более широкого взгляда на проблемы.

Учитывая роль культуры, при проведении психологических исследований не следует забывать и о старых методологических принципах. Среди прочих эти принципы включают объективность (стремление свести к минимуму личные предубеждения при наблюдении и описании), достоверность (важность критериев оценки и операционализаций), обобщение (стремление выйти за пределы частных случаев и открыть определенные закономерности психологических процессов и механизмов) и поиски причинной обусловленности (то есть выявление причинно-следственных связей между различными факторами). Кроме того, необходимо дополнить эту совокупность новыми принципами, включая холизм (понимание смысловых связей между отдельными составляющими восприятия в рамках определенной культуры),

надличностный уровень анализа (то есть анализ, выходящий за пределы отдельной личности) и качественные подходы (которые отражают многоаспектность культуры). Вероятно, для соблюдения всех этих принципов потребуется комбинация ряда подходов, — поэтому важнейшим принципом работы должна стать гибкость.

Оглядываясь назад, можно сказать, что за последние несколько десятков лет была проделана впечатляющая научная работа, касающаяся культуры и умозаключений. Были заложены основы изучения данной темы, однако гораздо большая работа еще впереди. Мы верим и надеемся, что 20 лет спустя, в свете будущего понимания того, как культура влияет на умозаключения, наш сегодняшний подход к этой теме будет казаться наивным, хотя и исполненным самых благих намерений.

Примечание

Данный проект был поддержан *Regents' Junior Faculty Research Fellow Award* Университета штата Калифорния, которую получил первый автор. Мы выражаем благодарность Санья Сривастава, Майклу Шину, Колину Мак-Коннелу и другим сотрудникам *U. C. Berkeley* Лаборатории культуры и познания за их комментарии и предложения.

Литература

Allen, S. W. & Brooks, L. R. (1991). Specializing the operation of an explicit rule. *Journal of Experimental Psychology (General), 120,* 3–19.

Alloy, L. B. & Tabachnik, N. (1984). Assessment of covariation by human and animals: The joint influence of prior expectations and current situational information. *Psychological Review, 91,* 112–149.

Ames, D. (1999). *Folk psychology and social inference: Everyday solutions to the problem of other minds.* Unpublished doctoral dissertation, University of California, Berkeley.

Ames, D. & Peng, K. (1999a). *Culture and person perception: Impression cues that count in the US and China.* Manuscript in preparation, University of California, Berkeley.

Ames, D. & Peng, K. (1999b). *Psychology of meaning: Making sense of sense making.* Manuscript in preparation, University of California, Berkeley.

Atran, S. (1990). *Cognitive foundations of natural history.* New York.

Atran, S. & Medin, D. (1997). Knowledge and action: Cultural models of nature and resources management in Mesoamerica. In M. Z. Bazerman & D. Messick (Eds.), *Environment, ethics, and behavior: The psychology of environmental valuation and degradation* (pp. 171–208). San Francisco: New Lexington Press.

Baron, R. M. & Misovich, S. J. (1993). Dispositional knowing from an ecological perspective. *Personality & Social Psychology Bulletin, 19,* 541–552.

Barsalou, L. W. (1983). Ad-hoc categories. *Memory and Categories, 11,* 211–227.

Barsalou, L. W. (1985). Ideals, central tendency, and frequency of instantiation as determinants of graded structure in categories. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 11,* 629–654.

Betancourt, H. & Lopez, S. R. (1993). The study of culture, ethnicity, and race in American psychology. *American Psychologist, 48,* 629–637.

Boyer, P. (1993). *The naturalness of religious ideas.* Berkeley: University of California Press.

Capra, F. (1975). *The tao of physics.* Berkeley, CA: Shambala.

Chiu, C. Y., Hong, Y. L. & Dweck, C. S. (1997). Lay dispositionism and implicit theories of personality. *Journal of Personality and Social Psychology, 73,* 19–30.

Chiu, L.-H. (1972). A cross-cultural comparison of cognitive styles in Chinese and American children. *International Journal of Psychology, 7,* 235–242.

Choi, I. & Nisbett, R. E. (1998). Situational salience and cultural differences in the correspondence bias and in the actor-observer bias. *Personality and Social Psychology Bulletin, 24,* 949–960.

Choi, I., Nisbett, R. & Norenzayan, A. (1999). Causal attribution across cultures: Variation and universality. *Psychological Bulletin, 125,* 47–63.

Choi, I., Nisbett, R. E. & Smith, E. E. (1997). Culture, category salience, and inductive reasoning. *Cognition, 65,* 15–32.

Cole, M. (1996). *Cultural psychology: A once and future discipline.* Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.

D'Andrade, R. G. (1995). *The development of cognitive anthropology.* Cambridge: Cambridge University Press.

Dennett, D. C. (1987). *The intentional stance.* Cambridge: MIT Press.

Douglas, M. (1982). *In the active voice.* London: Routledge & Kegan Paul.

Dweck, C. S. (1996). Capturing the dynamic nature of personality. *Journal of Research in Personality, 30,* 348–362.

Dweck, C. S., Chiu, C. Y. & Hong, Y. I. (1995). Implicit theories and their role in judgments and reactions: A world from two perspectives. *Psychological Inquiry, 6,* 267–285.

Fiske, A. P. (1992). The four elementary forms of sociality: Framework for a unified theory of sociality. *Psychological Review, 99,* 689–723.

Fiske, A. P., Kitayama, S., Markus, H. R. & Nisbett, R. E. (1998). The cultural matrix of social psychology. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske & G. Linzey (Eds.), *Handbook of social psychology* 4th ed.) (pp. 915–981). Boston: McGraw-Hill.

Fiske, S. T. (1992). Thinking is for doing. Portraits of social cognition from daguerreotype to laserphoto. *Journal of Personality and Social Psychology, 63,* 877–889.

Gelman, S. A. & Medin, D. L. (1993). What's so essential about essentialism? A different perspective on the interaction of perception, language, and conceptual knowledge. *Cognitive Development, 8,* 157–167.

Gilbert, D. T. & Jones, E. E. (1986). Perceiver-induced constraint: Interpretations of self-generated reality. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 269–280.

Gopnk, A. & Meltzoff, A. (1997). *Words, thoughts, and theories.* Cambridge: MIT Press.

Heider, F. (1958). *The psychology of interpersonal relations.* New York: Wiley.

Heine, S. & Lehman, D. R. (1995). Cultural variation in unrealistic optimism: Does the West feel more invulnerable than the East? *Journal of Personality and Social Psychology, 68,* 595–607.

Heine, S., Lehman, D. R. (1997). Culture, dissonance, and self-affirmation. *Personality and Social Psychology Bulletin, 23,* 389–400.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Beverly Hills, CA: Sage.

Holland, D. & Quinn, N. (1987). *Cultural models in language and thought.* Cambridge: Cambridge University Press.

Hutchins, E. (1980). *Culture and inference.* Cambridge: Harvard University Press.

James, W. (1890). *The principles of psychology.* New York: Holt.

Ji, L., Peng, K. & Nisbett, R. E. (2000). Culture, control, and perception of relationships in the environment. *Journal of Personality and Social Psychology,* 78(5), 943–955.

Jones, E. E. & Harris, V. A. (1967). The attribution of attitudes. *Journal of Experimental Social Psychology, 3,* 1–24.

Kitayama, S. & Masuda, T. (1997). Shaiaiteki ninshiki no bunkateki baikai model: Taiousei bias no bunkashinrigakuteki kentou [Cultural psychology of social inference: The correspondence bias in Japan]. In K. Kashiwagi, S. Kitayama & H. Azuma (Eds.), *Bunkashinrigaju: riron to jisho* [Cultural psychology: Theory and evidence]. Tokyo: University of Tokyo Press.

Knowles, E. D. & Ames, D. R. (1999). *The mentalistic nature of folk person concepts: Individual and trait term differences*. Manuscript in preparation, University of California, Berkeley.

Lee, D. D. (1940). A primitive system of values. *Journal of Philosophy, 7,* 355–379.

Lee, D. D. (1949). Being and value in a primitive culture. *Journal of Philosophy, 48,* 401–415.

Lee, F, Hallahan, M. & Herzog, T. (1996). Explaining real life events: How culture and domain shape attributions. *Personality and Social Psychology Bulletin, 22,* 732–741.

Leung, K. (1997). Negotiation and reward allocations across cultures. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial/organizational psychology* (pp. 640–675). San Francisco: Jossey-Bass.

Lewin, K. (1935). *A dynamic theory of personality*. New York: McGraw-Hill.

Lillard, A. (1998). Ethnopsychologies: Cultural variations in theories of mind. *Psychological Bulletin, 123,* 3–32.

Liu, S. H. (1974). The use of analogy and symbolism in traditional Chinese philosophy. *Journal of Chinese Philosophy, 1,* 313–338.

Lloyd, G. E. R. (1990). *Demystifying mentalities*. New York: Cambridge University Press.

Lopez, A., Atran, S., Coley, J. D., Medin, D. L. & Smith, E. E. (1997). The tree of life: Universal and cultural features of folkbiological taxonomies and inductions. *Cognitive Psychology, 32,* 251–295.

Lord, C., Ross, L. & Lepper, M. (1979). Biased assimilation and attitude polarization: The effects of prior theories on subsequently considered evidence. *Journal of Personality and Social Psychology, 37,* 2098–2109.

Luria, A. R. (1931). Psychological expedition to Central Asia. *Science, 74,* 383–384.

Malt, B. (1995). Category coherence in cross-cultural perspective. *Cognitive Psychology, 29,* 85–148.

Markus, H. R. & Cross, S. (1990). The interpersonal self. In L. A. Pervin (Ed.), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 576–608). New York: Guilford.

Markus, H. R. & Kitayama, S. (1991). Cultural variation in the self-concept. Culture and self: Implications for cognition, emotion and motivation. *Psychological Review, 98,* 224–253.

McCloskey, M. (1983). Intuitive physics. *Scientific American, 248,* 122–130.

Menon, T., Morris, M., Chiu, C. Y. & Hong, Y. I. (1999). Culture and the construal of agency: Attribution to individual versus group dispositions. *Journal of Personality and Social Psychology, 76,* 701–727.

Miller, J. G. (1984). Culture and the development of everyday social explanation. *Journal of Personality and Social Psychology, 46,* 961–978.

Morris, M. W., Nisbett, R. E. & Peng, K. (1995). Causal understanding across domains and cultures. In D. Sperber, D. Premack & A. J. Premack (Eds.), *Causal cognition: A multidisciplinary debate* (pp. 577–612). Oxford: Oxford University Press.

Morris, M. W. & Peng, K. (1994). Culture and cause: American and Chinese attributions for social and physical events. *Journal of Personality and Social Psychology, 67,* 949–971.

Moscovici, S. (1984). The phenomenon of social representations. In R. Farr & S. Moscovici (Eds.), *Social representations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Murphy, G. L. & Medin, D. L. (1985). The role of theories in conceptual coherence. *Psychological Review, 92,* 289–316.

Needham, J. (1954). *Science and civilization in China* (Vol. 1). Cambridge: Cambridge University Press.

Needham, J. (1962). *Science and civilization in China: Vol. 4. Physics and physical technology.* Cambridge: Cambridge University Press.

Nisbett, R. E. & Cohen, D. (1996). *Culture of honor: The psychology of violence in the South.* Boulder, CO: Westview Press.

Nisbett, R. E. & Ross, L. (1980). Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgment. Englewood Cliffs, New Jérsey: Prentice-Hall.

Nisbett, R. E., Peng, K., Choi, I. & Norenzayan, A. (2001). Culture and system of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychological Review, 108,* 1–20.

Norenzayan, A., Choi, I. & Nisbett, R. (1999). Eastern and western perceptions of causality for social behavior: Lay theories about personalities and social situations. In D. Prentice & D. Miller (Eds.), *Cultural divides: Understanding and overcoming group conflict* (pp. 239–272). New York: Sage.

Norenzayan, A., Nisbett, R. E., Smith, E. E. & Kim, B. J. (2000). Rules vs. similarity as a basis for reasoning and judgment in East and West. Unpublished manuscript, University of Illinois.

Osherson, D. N., Smith, E. E., Wilkie, O., Lopez, A. & Shafir, E. (1990). Category-based induction. *Psychological Review, 97,* 185–200.

Peng, K. (1997). *Naive dialecticism and its effects on reasoning and judgment about contradiction.* Unpublished doctoral dissertation, University of Michigan, Ann Arbor.

Peng, K. & Ames, D. (in press). Psychology of dialectical thinking. In N. J. Smelser & P. B. Baltes (Eds.), *International encyclopedia of the social and behavioral sciences.* Oxford, England: Elsevier Science.

Peng, K. & Knowles, E. (2000). Culture, ethnicity and attribution of physical causality. *Personality and social psychology bulletin* (under review).

Peng, K. & Nisbett, R. E. (1996). Cross-cultural similarities and differences in the understanding of physical causality. In G. Shields & M. Shale (Eds.), *Science and culture: Proceedings of the seventh interdisciplinary conference on science and culture.* Frankfort, KY: University Graphics.

Peng, K. & Nisbett, R. E. (1999). Culture, dialectics, and reasoning about contradiction. *American Psychologist, 54,* 741–754.

Peng, K., Nisbett, R. & Wong, N. Y. C. (1997). Validity problems comparing values across cultures and possible solution. *Psychological Methods, 2,* 329–344.

Rohner, R. (1984). Toward a conception of culture for cross-cultural psychology. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 15,* 111–138.

Rosch, E. & Mervis, C. B. (1975). Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. *Cognitive Psychology, 7,* 573–605.

Rosch, E., Mervis, C. B., Gray, W. D., Johnson, D. & Boyes-Braem, P. (1976). Basic objects in natural categories. *Cognitive Psychology, 8,* 382–439.

Ross, L. (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 10) (pp. 172–200). New York: Academic Press.

Schwartz, S. H. (1991). The universal content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advanced in Experimental Social Psychology, 25,* 1–65.

Schwartz, S. H. & Sagiv, L. (1995). Identifying culture-specifics in the content and structure of value. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 92–116.

Shweder, R. (1995). Cultural psychology: What is it? In N. R. Goldberger & J. B. Veroff (Eds.), *The culture and psychology reader* (pp. 41–86). New York: New York University Press.

Searle, J. R. (1983). *Intentionality, an essay in the philosophy of mind.* New York: Cambridge University Press.

Singelis, T. M. (1994). The measurement of independent and interdependent self-constmals. *Personality and Social Psychology Bulletin, 20,* 580–591.

Smith, P. B. & Bond, M. H. (1999). *Social psychology across cultures.* Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.

Sperber, D. (1990). The epidemiology of beliefs. In C. Fraser & G. Gaskell (Eds.), *The social psychological study of widespread beliefs* (pp. 24–44). Oxford, England: Clarendon Press.

Stich, S. (1990). *The fragmentation of reason.* Cambridge: MIT Press.

Strauss, C. & Quinn, N. (1997). *A cognitive theory of cultural meaning.* Cambridge: Cambridge University Press.

Tanaka, J. W. & Taylor, M. E. (1991). Categorization and expertise: Is the basic level in the eye of the beholder? *Cognitive psychology, 23,* 457–482.

Triandis, H. C. (1995). *Individualism and collectivism.* Boulder, CO: Westview Press.

Vallacher, R. R. & Wegner, D. M. (1987). What do people think they're doing? Action identification and human behavior. *Psychological Review, 94,* 3–15.

Vosniadou, S. (1994). Universal and culture-specific properties of children's mental models of the earth. In L. A. Hirschfeld & S. A. Gelman (Eds.), *Mapping the mind: Domain specificity in cognition and culture.* New York: Cambridge University Press.

Wagner, W. (1997). Local knowledge, social representations and psychological theory. In K. Leung; U. Kim, S. Yamaguchi & Y. Kashima (Eds.), *Progress in Asian social psychology.* Singapore: Wiley.

Wegner, D. M. & Vallacher, R. R. (1977). *Implicit psychology: An introduction to social cognition.* New York: Oxford University Press.

Wellman, H. M. (1990). *The child's theory of mind.* Cambridge: MIT Press.

Whiting, B. B. (1976). The problem of the packaged variable. In K. F. Reigel & J. A. Meacham (Eds.), *The developing individual in a changing world.* The Hague: Mouton.

Zhang, D. L. & Chen, Z. Y. (1991). *Zhongguo Siwei Pianxiang* [The orientation of Chinese thinking]. Beijing: Social Science Press.

Zukav, G. (1980). *The dancing Wu Li masters: An overview of the new physics.* New York: Quill Morrow.

ГЛАВА 14

Патопсихология и культура

Юнко Танака-Мацуми

Вопросы, связанные с психопатологией, анормальным поведением и отклонениями от нормы, ставились в кросс-культурных исследованиях на протяжении десятков лет. При этом тот неоспоримый факт, что анормальное и неадекватное поведение с точки зрения одной культуры может восприниматься как абсолютно нормальное и закономерное с точки зрения другой, только подливал масла в огонь. Психопатология и поведение, отклоняющееся от нормы, находились в центре внимания многих исследований, которые на протяжении десятков лет проводились не только психологами, но и специалистами по антропологии и медицине.

В этой главе Танака-Мацуми дает великолепный всесторонний обзор кросс-культурных исследований и теоретических разработок, касающихся поведения, отклоняющегося от нормы. Рассмотрев кросс-культурные исследования психического здоровья в историческом контексте, она затем переходит к описанию подходов к исследованию и стандартизации методов диагностики в разных культурах. В частности, она рассматривает англо-американский проект по диагностике как отправную точку для обсуждения etic*-подходов к диагностике и их критику с точки зрения* emic*-подходов, а также существующие в настоящее время попытки одновременного обращения как к универсалистским, так и культурно-релятивистским (то есть* etic *и* emic*) подходам в диагностике психических расстройств в разных культурах. Эти подходы рассматриваются на материале «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» (4-е изд.;* DSM-IV*), выпущенного Американской психиатрической ассоциацией, а также «Международной классификации болезней» (10-е изд., перераб. и доп.; МКБ-10) ВОЗ. Несмотря на то что попытки пересмотра прежних подходов кажутся шагами в верном направлении, в будущем необходимо проведение научно-исследовательской работы, которая позволит проверить и подтвердить кросс-культурную валидность данных методик.*

Затем Танака-Мацуми переходит к обзору основных кросс-культурных данных, касающихся трех психических расстройств: депрессии, шизофрении и тревожных расстройств. По каждому из них приводятся подробно описанные примеры исследований с использованием как etic-*, так и* emic*-подходов, а также их сочетания. В частности, автор описывает исследования, в которых учитывается культурная специфика взглядов на анормальное поведение и его диагностику. Она говорит и о том, каким образом эти исследования обогащают*

традиционные кросс-культурные данные, используя стандартные методики применительно к разным культурам. По моему мнению, данный обзор литературы является одним из лучших, наиболее полных и рациональных (имея в виду его краткость) из имеющихся на сегодняшний день.

При высочайшем качестве обзора литературы, представленного в этой главе, и выводов, которые делаются на его основе, идеи Танака-Мацуми, касающиеся будущих направлений научно-исследовательской работы, заслуживают особого внимания. В частности, она рассматривает семь вопросов, которые следует иметь в виду при планировании и проведении кросс-культурных исследований и интерпретации полученных данных в будущем. Поднимая эти вопросы, Танака-Мацуми выступает за интеграцию подходов к изучению психопатологии в разных культурах. С одной стороны, она приводит доводы в пользу соблюдения строгих принципов при создании адаптированных к конкретной культуре инструментов, что обеспечит эквивалентность при исследовании разных культур. С другой — выступает за разработку критериев в рамках emic*-подхода. Занимая такую позицию, она, кроме того, выступает за сочетание объективности традиционной психометрии и исследовательской методологии с тем дополнительным содержанием и новыми представлениями, которые дают культуро-специфичные этно- и* emic*-подходы. В предшествующих исследованиях, в процессе которых была собрана богатейшая информация по теме, часто упускалась из виду одна из этих составляющих. Однако в будущем они обе должны быть учтены при проведении научно-исследовательской работы, так, чтобы можно было изучать психопатологию по-иному — не только в количественном, но и в качественном отношении.*

В то же время Танака-Мацуми доказывает необходимость рассмотрения и объединения четырех концепций, которые расширяют представление о характере культуры как таковой в связи с изучением психопатологии в различных культурах. Она справедливо указывает на то, что патологические проявления в разных национальных, расовых и этнических группах сравнивались во многих исследованиях, но при этом не уделялось внимания эмпирическому изучению культуро-специфичных, контекстуальных факторов, оказывающих влияние на степень проявления патологии, ее этиологию и результаты. Чтобы кросс-культурные исследования и теоретические изыскания в данной области смогли перейти от простого документирования различий в коэффициентах заболеваемости к подлинному пониманию того, какие особенности культуры ведут к различию в типах поведения, отклоняющегося от нормы, и почему, будущие исследования следует посвятить вопросу связи конкретных, поддающихся оценке культурных переменных и различий в проявлениях психопатологии в разных культурах. В этом смысле идеи Танака-Мацуми, касающиеся интеграции методик и концепций в процессе исследований, наряду с учетом культурного контекста и его роли, созвучны взглядам остальных авторов этой книги.

Задача данной главы — оценить современное состояние научного знания о взаимосвязи культуры и психопатологии. При этом условии наиболее релевантными областями психологии и смежных дисциплин являются патопсихология, клиническая психология, психиатрия, антропология и эпидемиология. Я исследую вопрос о том, каким образом происшедшие за последние 30 лет глубокие изменения в

подходах к психиатрическим исследованиям заложили основы для изучения психических расстройств в глобальном, кросс-культурном или сформированном несколькими культурами контексте (Desjarlais, Eisenberg, Good & Kleinman, 1995; Marsella, 1998). Эти изменения связаны с двумя основными направлениями работы — разработкой стандартизированных методов диагностики психических расстройств с начала 1970-х годов и применением подходов, учитывающих фактор контекста при оценке анормального поведения в разных культурах. Данные разработки часто характеризуют как универсалистское и культурно-релятивистское направления кросс-культурных исследований психического здоровья.

История кросс-культурных исследований психического здоровья. *Emic*- и *etic*-подходы

Научные разработки и данные, касающиеся взаимосвязи культуры и анормального поведения, связаны с одной из трех основных ориентаций: абсолютистской, универсалистской или культурно-релятивистской (Berry, Poortinga, Segall & Dasen, 1992). С точки зрения абсолютистского подхода, культура не играет никакой роли в определении понятий нормальность и отклонение от нормы, а также в проявлениях и последствиях поведения, отклоняющегося от нормы. Абсолютистская точка зрения предполагает биологическую модель психопатологии с симптомами, которые неизменны в любой культуре. Однако многие авторы придерживаются мнения, что культура может по-разному воздействовать на психопатологические процессы и проявления (Al-Issa, 1995; Draguns, 1980; Tanaka-Matsumi & Draguns, 1997). Поэтому наиболее убедительными точками зрения в изучении анормального поведения и культуры являются *etic*- и *emic*-подходы. Универсалистские и культурно-релятивистские взгляды во многом совпадают с *etic*- и *emic*-подходами (Berry, 1969). Как объясняют Сегалл, Лоннер и Берри (Segall, Lonner & Berry, 1998), современные специалисты по кросс-культурной психологии

> обычно полагают, что на поведение человека оказывают влияние как биологические, так и культурные факторы, допуская, подобно релятивистам, что роль культуры в формировании разнообразных типов поведения человека как внутри групп, так и в разных группах (в разных группах особенно) весьма существенна (р. 1104).

В этой главе **культура** определяется как «комплекс позиций, установок, ценностных ориентаций и типов поведения, принятых в группе людей, и передающихся из поколения в поколение при помощи языка или иных средств коммуникации» (Matsumoto, 1994, р. 4).

В отношении психопатологии *etic* или универсалистская точка зрения предполагает возможность сравнения соответствующих параметров или категорий в кросс-культурном или даже глобальном масштабе. Часто, но не всегда эти категории приравниваются к основным позициям Западной диагностической системы Крепелина. В историческом плане описания Крепелином наблюдений, сделанных на острове Ява (Kraepelin, 1904) и касающихся универсального характера психических расстройств (таких, как *dementia praecox* и маниакально-депрессивный психоз), вдохновили западных исследователей психиатрии на изучение психопато-

логии не только в западных культурах. Среди первопроходцев этого направления Броди (Brody, 1967), Деверо (Devereux, 1961), Драгунс (Draguns, 1973), Киев (Kiev, 1972), Лин (Lin, 1953), Г. Б. М. Мерфи (H. B. M. Murphy, 1982a), Дж. М. Мерфи и Лейтон (J. M. Murphy & Leighton, 1965), Пфайфер (Pfeiffer, 1970), Виттковер и Рин (Wittkower & Rin, 1965), Яп (Yap, 1974). Большую часть XX века специалисты по кросс-культурным исследованиям занимались вопросами, впервые поставленными Крепелином: существуют ли универсалии в психопатологии? Каковы истоки «весьма ощутимых различий» (Kraepelin, 1904) в формах психопатологии?

Предполагается, что кросс-культурные исследования должны расширить наше понимание психопатологии в том, что касается принятых норм, факторов риска, защитных факторов и возможной этиологии отдельных расстройств (Leff, 1988). Для решения этих задач сторонники универсалистского подхода поощряют исследования кросс-культурной валидности и достоверности психиатрической диагностики (Draguns, 1980).

Сторонники *emic* или культурно-релятивистского подхода воздерживаются от сравнения и категоризации. Слово *emic* фактически стало означать «культуроспецифичный» (Brislin, 1983, p. 382). Сторонники данного подхода уделяют первоочередное внимание узкому контексту феномена в рамках определенной культуры и исследуют региональное, связанное с данной культурой значение понятий, например выражений, обозначающих расстройства. Методом проведения *emic*-исследований являются сбор этнографических или культуро-специфичных данных, не ограниченный *a priori* заданными дефинициями и идеями исследователя. Приверженцы *emic*-подхода считают, что анормальное поведение и его восприятие определяются в ходе диалектического взаимодействия биологических и культурных процессов (Kleinman, 1988; Littlewood, 1990).

Сабрин и Юхаш (Sabrin & Juhasz, 1982) проанализировали расширение тех теоретических подходов к изучению психических расстройств, которые отошли от этноцентризма колониальной эпохи и, начиная с таких антропологов, как Мид (Mead, 1935) и Бенедикт (Benedict, 1934), стали ориентироваться на культурный релятивизм. Много позже, в 1960-х годах ряд положений культурного релятивизма был определенно выражен в работах Фуко (Foucault, 1965), Гоффмана (Goffman, 1961), Сабрина (Sabrin, 1969), Шеффа (Scheff, 1966), Саса (Szasz, 1961), а также Ульмана и Краснера (Ullmann & Krasner, 1969). Все эти ученые считали, что норма и отклонение от нормы варьируют в зависимости от культуры. Многие из тех, кто считался ненормальным в одной культуре, воспринимался бы как совершенно нормальный в другой, что объясняется различиями в ценностных ориентациях и нормах, связанных с определенным типом поведения.

В середине 1960-х годов большей части руководств по патопсихологии, изданных в США, были ссылки на культурную относительность взглядов на поведение, отклоняющееся от нормы (Tanaka-Matsumi & Chang, 1999). Так, Дж. М. Мерфи (J. M. Murphy, 1976) работал с информантами из местного населения и сравнивал практику определения соответствующих категорий у резко отличающихся друг от друга групп населения, представляющих две культуры: эскимосов не западного типа на северо-западе Аляски и сельское население тропической Нигерии, говорящее на языке йоруба. По сведениям Мерфи, обе культуры используют специфи-

ческие местные определения для описания одних и тех же моделей поведения (например, человек видит, слышит и верит в то, чего не видят, не слышат и во что не верят окружающие), которые связаны с местной концепцией умопомешательства. Однако определение данных видов поведения зависит от того, до какой степени поведение, которое в рамках данной культуры отклоняется от нормы, является контролируемым (например, при помощи самоконтроля) или связанным с особыми социальными функциями (например, шаманизмом). Отказываясь от психиатрически-медицинской модели анормального поведения, Ульман и Краснер (Ullmann & Krasner, 1969, 1975) рассматривали психиатрическую диагностику как несущий ценностную нагрузку социальный акт с участием пациента и наблюдателя, находящихся в определенном контексте.

Танака-Мацуми и Чанг (Tanaka-Matsumi & Chang, 1999) отмечают, однако, что на протяжении последних 40 лет авторы руководств по патопсихологии большей частью следовали классификации психических расстройств «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» (*DSM*), изданного Американской психиатрической ассоциацией (American Psychiatric Association, 1980, 1987, 1994). Нам еще предстоит увидеть, насколько значительно влияние *etic*-категорий психических расстройств на *emic*-информацию в рамках интегрированного *etic-emic*-подхода (Brislin, 1983) в большинстве руководств по традиционной психопатологии. Подробный обзор литературы по психопатологии и культуре, выполненный Драгунсом (Draguns, 1980), говорит о том, что проблему выявления культурных универсалий и культурной специфики в психопатологии осложняют три обстоятельства: а) применение в мировом масштабе категорий Крепелина; б) экспорт западных установок в психиатрии в иные культуры; и в) копирование пациентами, представляющими культуры, находящиеся в процессе модернизации, «западных» симптомов и жалоб.

Задача настоящей главы — обзор теоретических и методологических разработок в сфере изучения культуры и психопатологии и оценка данной области с точки зрения проблематики будущих исследований. Я применяю интегрированный *etic-emic*-подход (Brislin, 1983), надеясь осветить *etic*-производные (Berry, 1969) в психопатологии наряду с культурной спецификой, связанной с содержанием расстройств, их предпосылками, проявлениями и социальными последствиями.

Стандартизация диагностики применительно к разным культурам: *etic*-подходы, их критика и пересмотр с учетом *emic*-подхода

Англо-американский проект по диагностике: начало современных кросс-культурных исследований в психиатрии

Отправной точкой современных кросс-культурных исследований в области психопатологии я считаю Англо-американский диагностический проект (Cooper et. al., 1972). Данный проект стал важным стимулом выявления истоков культурного многообразия результатов диагностики с целью последующей разработки стан-

дартизированных методов оценки, позволяющих осуществлять кросс-культурные сравнения моделей анормального поведения. Данный проект состоял из трех частей. Во-первых, Купер с коллегами подтвердили имевшиеся сведения о том, что при сравнении диагнозов, поставленных при первой госпитализации в психиатрические больницы Нью-Йорка и Лондона, обнаруживаются существенные различия почти по всем основным диагностическим категориям. Наиболее примечательно, что в нью-йоркской выборке гораздо больше больных с первоначальным диагнозом «шизофрения», а в лондонской — больше больных с диагнозом «депрессивный психоз». Во-вторых, Купер с коллегами показали, что различия в диагнозах в значительной мере исчезали, когда английские и американские психиатры, участвовавшие в проекте, проводили диагностику больных при помощи стандартизированной системы диагностики (МКБ-10, ВОЗ). И наконец, в рамках Англо-американского проекта английские и американские психиатры просматривали видеозаписи бесед с американскими и английскими больными, при этом проводилось исследование того, отличаются ли критерии оценки симптомов американскими и английскими специалистами. В типичных случаях заболевания оценки специалистов обеих стран в значительной степени совпадали. Однако в смешанных случаях американские психиатры применяли более широкую концепцию шизофрении, а специалисты из Великобритании — более широкую концепцию маниакально-депрессивных расстройств. Более того, обе группы опытных специалистов выразили уверенность в поставленных ими диагнозах, которые противоречили друг другу.

Тогда столь ощутимые различия в подходах к диагностике были отнесены за счет ряда факторов, включая культурные различия в пороге восприятия различных типов анормального поведения, ценностно-ориентированный характер суждений специалистов, а также переменные, связанные с обучением. Процесс постановки диагноза рассматривался в связи с воздействием на него трех взаимосвязанных факторов — больного, наблюдателя и контекста (Draguns, 1973; Rosenhan, 1973). На многие кросс-культурные различия, связанные с поведением больного (например, галлюцинации), также оказывают влияние факторы, связанные с наблюдателем (например, психиатром), условиями лечения (например, психиатрическая больница) и социальным окружением (например, городские или сельские условия). Клиницисты оценивают девиантное поведение и поведение, обусловленное психическим расстройством, отталкиваясь от моделей, усвоенных ими в процессе обучения (например, психоаналитической или бихевиористской модели) и профессионального опыта, приобретенного в рамках конкретных условий или контекста наблюдения. Идентификация, описание, категоризация и разработка плана лечения представляет собой сложный социально-культурный процесс (Westermeyer, 1987). Поэтому интерес вызывает не только исследование особенностей отдельных расстройств, но также контекста, в котором они происходят (Kleinman, 1978). Контекст поведения, отклоняющегося от нормы, включает культурно-референтную группу (например, семью) и ближайшее социальное окружение в совокупности с принятыми на данном уровне нормами и ценностями (Tanaka-Matsumi & Higginbotham, 1996; Tanaka-Matsumi, Seiden & Lam, 1996).

С тех пор в области патопсихологии произошли значительные изменения. Вопросы, поднятые Англо-американским диагностическим проектом, привели к

формированию двух конкурирующих направлений. Первое представляет собой разработку и тестирование в разных культурах стандартизированных инструментов диагностики. Второе сосредоточивает свое внимание на изучении индивидуальных особенностей отдельной культуры, избегая кросс-культурных сравнений. Первое *etic*-направление предполагает, что кросс-культурное многообразие служит препятствием для достоверной оценки характеристик больного, и, следовательно, диагносту не стоит принимать его во внимание. Основные усилия прилагаются к разработке точных диагностических критериев и стандартных систем диагностики в соответствии с биомедицинскими моделями психических расстройств. Сегодня для всех основных психических расстройств мы имеем стандартизированные инструменты диагностики (Sartorius & Janca, 1996).

Стандартизированные системы диагностики внесли свой вклад в исследование универсального характера психических расстройств в разных культурах и породили огромное количество литературы по кросс-культурной психопатологии (Tanaka-Matsumi & Draguns, 1997). К сожалению, при исследовании контекста поведения, отклоняющегося от нормы, исследователи не уделяли должного внимания культурной принадлежности самих диагностов (Fabrega, 1987; Kleinman, 1988; Rogler, 1999; Thakker & Ward, 1998; Whaley, 1997). Вследствие этого, ряд ученых высказывали опасения, что кросс-культурным исследованиям по психиатрии недостает учета культуро-специфичных факторов и теорий при планировании исследований (Betancourt & Lopez, 1993; Canino, Lewis-Fernandez & Bravo, 1997; Phinney, 1996; Sue & Zane, 1987).

Те, кто интересовался культурными факторами в практике психиатрической диагностики, продолжали идти иным путем, связанным с *emic*-подходом, к исследованию культуры. Работа Кляйнмана (Kleinman, 1977), касающаяся «заблуждений в отношении категоризации», знаменовала начало новой кросс-культурной психиатрии. Кляйнман (Kleinman, 1977, p. 4) отмечал, что психиатрические категории связаны с контекстом психиатрической теории и практики на Западе. Культурно-релятивистская точка зрения породила описательные и этнографические исследования, касающиеся культурной специфики проявления психических расстройств, контекстуальных описаний, связанных с культурой синдромов и культурной интерпретации основных расстройств, например депрессии (Kleinman & Good, 1985).

Изучая расовые различия в психиатрической диагностике, Уэйли (Whaley, 1997) отмечает, что вопросы диагностики связаны с одним из двух моментов: а) гипотезой о наличии предубеждений клинициста или б) гипотезой культурной относительности. Предположения о культуро-специфичных факторах, оказывающих влияние на переоценку или недооценку определенных психиатрических расстройств, таких как параноидальная шизофрения, у афроамериканцев, были высказаны также в работе Лопес (Lopez, 1989). Эти исследователи считают, что в контексте разных культур диагносты руководствуются разными принципами при выявлении психопатологии у различных групп населения, находясь при этом под влиянием собственных представлений о норме (Adebimpe, 1981). Следовательно, практика диагностики в разных культурах по-прежнему обладает отличительными особенностями, несмотря на то что точность постановки предварительных диагнозов возрастает.

Методологические инновации в эпидемиологии

Англо-американский диагностический проект (Cooper et al., 1972) стал стимулом для а) разработки диагностических критериев выявления конкретных психических расстройств; б) использования стандартных структурированных интервью, составленных специально обученными диагностами; и в) разработки проводимых в процессе личного контакта опросов для широкомасштабных обследований населения. В США в ходе Эпидемиологического зонального исследования (ЭЗИ) использовалась передовая эпидемиологическая методика (Robins & Regier, 1991), при этом были охвачены пять центров, расположенных в Сент-Луисе, штат Миссури; Балтиморе, штат Мериленд; Нью-Хейвене, штат Коннектикут; Дареме, штат Северная Каролина; и Лос-Анджелесе, штат Калифорния. В процессе данного исследования были собраны эпидемиологические данные, включающие сведения об этнической, возрастной, половой принадлежности, а также социально-экономическом статусе обследуемых. Более 20 тысяч отобранных случайным образом местных жителей были опрошены с использованием Структурированного диагностического интервью (*DIS*) для выявления случаев заболевания. Структурированное диагностическое интервью позволяет оценить основные психические расстройства, описанные в «Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств» (*DSM-III*), с целью определения текущего диагноза и составления общего прогноза на основании комплекса точных диагностических критериев (Robins, Helzer, Croughan & Ratcliff, 1981). *DIS* было переведено на испанский язык. При исследовании уровня достоверности переведенного инструмента (Burman, Karno, Hough, Escobar & Forsythe, 1983), однако, было выявлено, что, по сравнению с диагнозами опытных клиницистов, использовавшими *DSM*-III, в испанском варианте недооценивались депрессия и аффективные расстройства и переоценивалось состояние при злоупотреблении алкоголем.

Данные Эпидемиологического зонального исследования (ЭЗИ) говорят о важности учета прямого и косвенного воздействия этнической принадлежности и процесса адаптации к чужой культуре при оценке распространенности аффективных расстройств. Например, распространенность аффективных расстройств составляла 11% для белых не латиноамериканского происхождения и 7,8% для американцев мексиканского происхождения (Karno et al., 1987). По сравнению с женщинами — американками мексиканского происхождения — коэффициент распространенности случаев тяжелой депрессии среди белых женщин не латиноамериканского происхождения младше 40 лет был в 2,5 раза выше. Однако американцы мексиканского происхождения, родившиеся в США, приближались к белым не латиноамериканского происхождения по коэффициенту распространенности симптомов тяжелой депрессии (дисфории, нарушениям аппетита, нарушениям сна и т. п.) (Golding, Karno, Rutter, 1990). Распространенность данных симптомов среди американцев мексиканского происхождения, родившихся в Мексике, была ниже по восьми категориям симптомов из девяти, использованных в обследовании. Некоторые данные Эпидемиологического зонального исследования, возможно, являются результатом того, что фактор этнической принадлежности и фактор адаптации к чужой культуре (и стресса, испытываемого в процессе адаптации) смешивались между собой. В процессе данного исследования показателями отношения к культуре

окружения служили место рождения и язык. Возможно, в процессе адаптации к чужой культуре у американцев латиноамериканского происхождения начинали проявляться в первую очередь симптомы депрессии, носящие когнитивный и аффективный, нежели соматический характер. Структурированное диагностическое интервью было переведено на разные языки и широко использовалось в ходе эпидемиологических психиатрических исследованиий населения разных стран в 1980-е годы Теоретически эти исследования должны были определить нормативные показатели для различных расстройств в разных культурах. Нормативные показатели для населения страны в целом были бы весьма важны при сравнении пороговых значений, определяющих анормальное поведение в различных культурах. Хву и Комптон (Hwu & Compton, 1994) сравнили результаты шести крупных эпидемиологических исследований по шести странам: Пуэрто-Рико (Canino et al., 1987), Канаде (Bland, Newman & Orn, 1988), Корее (C. K. Lee et al., 1990), Тайваню (Hwu, Yeh & Chang, 1989) и Новой Зеландии (Wells, Bushnell, Hornblon, Joyce & Oakley-Browne, 1989). Хву и Комптон (Hwu & Compton, 1994) провели *post hoc*-сравнения коэффициента распространенности различных нарушений с учетом таких переменных, как городские или сельские условия и половая принадлежность обследуемых. При кросс-культурных сравнениях отношение самого высокого коэффициента распространенности к самому низкому коэффициенту распространенности по каждому отдельному заболеванию колебалось в широких пределах от 2,6 % для патологической склонности к азартным играм до 83,8 % для злоупотребления наркотиками/наркотической зависимости.

По основным видам расстройств, определенных в соответствии с *DSM-III*, наблюдались явные культурные вариации. Коэффициенты распространенности для большинства расстройств, исключая злоупотребление алкоголем/алкогольную зависимость в Корее, были в целом ниже в азиатских выборках (Корея и Тайвань), чем в американских, в выборках представителей белой расы и латиноамериканской выборке. Хельцер и Канино (Helzer & Canino, 1992) сравнили данные, полученные с помощью Структурированного диагностического интервью, по 48 000 респондентам, представляющим 10 культур Северной Америки, Европы и Азии. Авторы обнаружили во всех исследуемых культурах коэффициент распространенности злоупотребления алкоголем/алкогольной зависимости выше среди мужчин, чем среди женщин, в особенности на Тайване, в Китае и Корее. В США лишь 10 % мужчин и женщин, которые в соответствии с *DSM*-III, использованным в ЭЗИ, страдали алкогольной зависимостью или злоупотребляли алкоголем, обращались за медицинской помощью (Robins, Locke & Regier, 1991). Уже одно это говорит о том, что разграничение употребления алкоголя в пределах нормы и склонности к алкоголизму достаточно сложно как в рамках отдельной культуры, так и в разных культурах (Bennet, Janca, Grant & Sartorius, 1993).

Кросс-культурные различия в коэффициентах распространенности психических расстройств могут объясняться такими факторами, как биологическая уязвимость, культурно детерминированные защитные факторы, порог восприятия симптомов, социальная стигма и факторы демографического риска (например, развод) (Hwu & Compton, 1994). Все эти гипотезы достаточно правдоподобны и нуждаются в эмпирической проверке в ходе будущих исследований.

DSM-IV и учет влияния культуры

Последние издания МКБ-10 и *DSM*-IV способствовали распространению стандартизированных систем диагностики по всему миру (Mezzich, Farberga, Mezzich & Goffman, 1985). Основными критериями включения определенной модели поведения в *DSM*-IV являлись **недомогание** (*distress*) и **нетрудоспособность** (*disability*). Помимо двух этих критериев современное определение психического расстройства включает также «угрозу смерти, боли, потери трудоспособности или существенных ограничений свободы» (American Psychiatric Association, 1994, p. xxi). Ограничивая психические расстройства перечисленными дисфункциями, которые проявляются прежде всего у отдельных людей, названные критерии призваны разграничить психическое расстройство и отклонение от социальных норм.

Чтобы расширить кросс-культурную применимость *DSM*-IV, его авторы ввели несколько новаций: а) представление информации в тексте с учетом культурных вариаций, касающихся клинических проявлений расстройств; б) описание 25 культуро-специфичных синдромов в приложении; и в) схема описания культуры для оценки культурного контекста, в котором находится индивид. Описание культуры предназначено для рассмотрения: а) определяемых культурой условий, в которых находится индивид, б) принятой в данной культуре трактовки заболевания индивида, в) культурных факторов, связанных с психологической обстановкой и уровнями функционирования, г) культурных аспектов взаимоотношений индивида и клинициста, и д) детальной культуральной оценки, необходимой для диагностики и лечения.

Данные изменения позволяют надеяться, что процесс диагностики станет более восприимчивым к культурным факторам, более достоверным и содержательным. Однако возможность кросс-культурного применения *DSM*-IV по-прежнему нуждается в проверке (Thakker & Ward, 1998). В действительности, как утверждают Кляйнман (Kleinman, 1988), Роглер (Rogler, 1999) и многие другие авторы, стандартизация диагностических категорий сама по себе является формой «подавления» культурных факторов, поскольку содержание категорий определяется в процессе принятия рациональных решений, которое осуществляется в соответствии с нормами, принятыми в науке и профессиональной практике, а не с учетом местных норм, обладающих определенной культурной спецификой.

Чтобы исправить это положение, журнал *Culture, Medicine and Psychiatry* ввел рубрику «Клинические случаи», помещая в нее материал для исследования фактора культуры, поскольку при описании заболевания первоочередное внимание уделяется идеографической оценке больного в связи с соответствующими социально-культурными условиями окружения. Опираясь не только на жесткую структуру *DSM*-IV, журнал способствует развитию метода повествовательного изложения (Lewis-Fernandez, 1996). Повествование включает информацию по а) истории болезни, б) описанию культуры, в) культурной идентичности, г) интерпретации болезни с точки зрения культуры, д) культурным факторам, связанным с психосоциальным окружением и уровнями функционирования, е) культурным аспектам взаимоотношений врача и больного и ж) общей оценкой с точки зрения культуры. В разделе представлен детальный анализ случаев заболевания среди афроамериканцев, североамериканских индейцев, американцев азиатского происхождения и латиноамериканцев. Безусловно, такие публикации будут полезны для всех кли-

ницистов, которым приходится сталкиваться с больными, представляющими разные культуры (Mezzich, Kleinman, Faberga & Parron, 1996).

Помимо критики *DSM*-IV за пренебрежение культурной спецификой, открытыми остаются некоторые общие вопросы диагностики (Tanaka-Matsumi & Draguns, 1997), например: а) каковы определяющие критерии нормального и отклоняющегося от нормы функционирования индивида в различных культурных контекстах и б) каким образом диагност может определить, являются ли отклонения в поведении клинически значимыми в рамках данного культурного контекста? *DSM*-IV не обеспечивает базового комплекса принципов принятия решений, который был бы применим ко всем диагностическим категориям. Таким образом, авторы *DSM*-IV открыто признают, что при диагностике в кросс-культурном аспекте по-прежнему на первом месте стоит мнение клинического врача. *DSM*-IV, судя по всему, не дает универсальной схемы диагностики, которую можно было бы использовать в разных культурах. Об этом говорит все, что известно на сегодняшний день о кросс-культурном проявлении большинства психологических расстройств (Canino et al., 1997; Draguns, 1990).

Подводя итог, можно сказать, что разработка стандартных инструментов диагностики резко изменила характер кросс-культурных исследований за счет попыток применения единых критериев идентификации в разных культурах. Далее я перехожу к рассмотрению важнейших данных, касающихся кросс-культурных исследований в области психиатрии, уделяя основное внимание шизофрении, депрессии и тревожности.

Данные исследования основных психических расстройств

Депрессия

Исторически вопросы, касающиеся утрат личного и социального характера, потери социально-ролевого статуса и внезапного изменения окружающих условий, связывались с подавленным состоянием, раздражением и острой меланхолией (Jackson, 1986). Тем не менее кросс-культурным исследованиям депрессии препятствовали концептуальные и методологические разногласия исследователей (Fabrega, 1974; Marsella, 1980). Кросс-культурная литература по вопросам депрессии славилась замечаниями, несущими отпечаток националистических ценностных ориентаций колониальных исследователей. Так, Каротерс (Carothers, 1953) писал, что уроженцы Африки не способны испытывать депрессию, поскольку размер лобной доли головного мозга у них гораздо меньше, а следовательно, по сравнению с представителями западных культур, они неполноценны.

В это время в литературе встречались такие термины для определения культур, как «элементарные» и «примитивные». Принс (Prince, 1968) опубликовал позднее большую обзорную статью по депрессивному синдрому в Африке, в которой задавал вопрос, не является ли внезапный рост количества депрессивных расстройств в южной части африканского континента, наблюдавшийся с середины 1950-х годов, данью диагностической моде. Антрополог Филд (Field, 1960), на основании про-

веденного ею полевого исследования в Гане среди женщин ашанти, решительно заявила, что депрессивные расстройства действительно распространены в Африке. Проведенная ею работа говорит о том, что западная биомедицинская модель и присущие ей этноцентристские методы не позволяют распознать депрессию у жителей Африки, поскольку исследователи не знакомы с местными культурными практиками, связанными с проявлениями депрессии. В 1970-х годах были опубликованы несколько научных обзоров литературы по культуре и депрессии (например, Fabrega, 1974; Singer, 1975).

Марселла (Marsella, 1980) проанализировал литературу по «депрессивным ощущениям и расстройствам в разных культурах» и пришел к выводу, что основной проблемой является проблема осмысления концепции данного расстройства. Он заявил, что «по-видимому, универсальной концепции депрессии не существует» (р. 274) и что «даже в тех культурах, которые не имеют тождественной в концептуальном смысле терминологии, порою можно обнаружить проявления депрессивных расстройств, подобных тем, что обнаруживаются в западных культурах» (р. 274). При этом разные культуры могут пользоваться различными словами для описания субъективного переживания того, что по-английски называется *depression*, и коннотация этих слов может быть весьма разнообразной (Tanaka-Matsumi & Marsella, 1976).

В ходе ЭЗИ около 30 % опрошенных взрослых жителей США говорили о том, что им случалось испытывать дисфорию, которая продолжалась более 2 недель (Weissman, Bruce, Leaf, Florio & Holzer, 1991). Женщины чаще рассказывали о наличии всех симптомов, чем мужчины. В сравнении с прочими этническими группами белые чаще сообщали о дисфории, нарушениях сна, утомлении, чувстве вины, невозможности сосредоточиться и мыслях о смерти, тогда как чернокожие чаще говорили о нарушениях аппетита и психомоторном возбуждении или торможении.

В процессе ряда международных исследований делались попытки оценить коэффициент распространенности «тяжелой депрессии». Распространенность, которая определялась с использованием Структурированного диагностического интервью, в разных культурах была различной, от самого низкого показателя 3,3 % в Сеуле (Корея) до 12,6 % в Крайстчерче (Новая Зеландия) (Hwu & Compton, 1994). Однако даже в пределах США оценка распространенности *lifetime prevalence* колеблется в зависимости от использованного инструмента. Так, распространенность, выявленная в ходе ЭЗИ, равна 5,8 %, тогда как Национальное исследование коморбидности (Kessler et al., 1994) определило, что ее уровень соответствует 17,1%. Эти различия, вероятно, объясняются методологическими факторами, такими как специфика диагностического инструмента и его чувствительность, а также возрастным составом обследуемой выборки. Таким образом, оптимальное планирование исследования предполагает одновременное выявление заболевания и его оценку при помощи единого инструмента, достоверность которого подтверждается практикой.

Одним из типичных *etic*-исследований депрессии является международный проект ВОЗ (WHO, 1983) по диагностике и классификации депрессии в Швейцарии, Канаде, Японии и Иране. Задачей исследования было изучение возможности использования стандартных инструментов. Диагноз больным ($N = 573$) ставился при помощи Плана стандартизированной оценки депрессивных расстройств (ПСОД,

Standardized Assesment of Depressive Disorders, SADD) психиатрами, принимавшими участие в проекте. В соответствии с ВОЗ/ПСОД рассматривались 39 симптомов депрессии. Уровень общей достоверности составлял 0,96, а минимальная достоверность отдельных позиций — не менее 0,90. ВОЗ (WHO, 1983) обнаружила, что более 76 % больных сообщали об основных симптомах депрессии, которые включали «грусть, печаль, тревожность, напряженность, бессилие, неспособность сосредоточиться, ощущение несостоятельности» (р. 61). Мысли о самоубийстве посещали 59 % больных. Проект ВОЗ выявил также кросс-культурные вариации в проявлении депрессии. Так, у 40 % больных имели место «прочие симптомы», такие как навязчивые идеи и симптомы соматического характера, которые не были включены в перечень ВОЗ/ПСОД, состоящий из 39 симптомов. Такие разнотипные проявления депрессии выявлялись как в рамках отдельных культур, так и в кросс-культурном аспекте. Марселла, Сарториус, Ябленски и Фентон (Marsella, Sartorius, Jablensky & Fenton, 1985) считают, что эти данные говорят о несомненном влиянии культурных факторов.

Проблема вины в связи с депрессией рассматривалась в процессе кросс-культурных исследований как в теоретическом, так и в методологическом аспекте. В проекте ВОЗ вина определяется как «болезненное осознание нарушения моральных норм, или невыполнения своего долга, или поставленной задачи» (WHO, 1983, р. 137). Важно отметить, что чувство вины исследовалось и выявлялось с помощью полуформализованных интервью и не всегда выражалось больными открыто. Специальные вопросы, предназначенные для выявления чувства вины, были связаны с религиозным, семейным и общественным долгом. Г. Б. М. Мерфи (Н. В. М. Murphy, 1982а) и Джексон (Jackson, 1986) отмечают, что чувство личной вины исторически связано с развитием индивидуализма в рамках иудейско-христианской традиции западной культуры. Исследования, касающиеся стран Восточной и Южной Азии, приходят к общему выводу, что в данных культурах вина воспринимается, осмысливается и выражается иначе, чем на Западе (Kimura, 1967; Pfeifer, 1994; Rao, 1973; Yap, 1971). Согласно Сау (Sow, 1980), редкое открытое проявление чувства вины жителями Африки является следствием социальной ориентации личности, склонной возлагать вину на «воздействие извне» и таким образом избегать самообвинений или чувства вины. Кросс-культурные исследования должны выявлять различное содержание и выражение ощущения вины, поскольку они тесно связаны с содержанием Я-концепций и ценностных ориентаций, определяющих локализацию ответственности (Н. В. М. Murphy, 1982а).

Разработка инструментов для изучения депрессии, позволяющих оценить это состояние и его культурные эквиваленты, проводилась в рамках как *etic*-, так и *emic*-исследований. Как пример *emic*-исследования депрессии работа Мэнсона, Шора и Блума (Manson, Shore & Bloom, 1985), посвященная разработке Шкалы депрессии американских индейцев (ШДАИ, *American Indian Depression Scale, AIDS*), показывает важность использования местных терминов и понятий для описания депрессии. Опрашивая информантов из племени хопи, исследователи выявили пять категорий болезненных состояний, соответствующих депрессии. Данные категории переводились как: а) болезнь тревоги; б) подавленность; в) убитый горем; г) безумие, как у пьяного человека; и д) разочарование. *AIDS* включала вопросы по пяти

местным категориям болезни и вопросы Структурированного диагностического интервью Национального института психического здоровья (*National Institute of Mental Health DIS, NIMH-DIS*), связанные с депрессией, злоупотреблением алкоголем и соматизацией. При помощи *AIDS* проводилось обследование клинической контрольной группы и соответствующей группы из племени хопи. Большинство испытуемых сказали, что в языке хопи они не могут найти слова, эквивалентного термину **депрессия**, несмотря на то что все они были знакомы с пятью категориями болезненных состояний. Эти категории хопи можно было с той или иной степенью достоверности сопоставить с основными критериями депрессии *DSM*-III. «Подавленность» была ближе всего содержащемуся в *DSM*-III критерию дисфории. Местная категория «убитый горем» в общем плане определялась «потерей веса, нарушениями сна, утомлением, психомоторным торможением или возбуждением, утратой либидо, при этом субъект ощущает себя исполненным греха, испытывает чувство стыда, ему кажется, что он не заслуживает любви, и его не оставляют мысли о проблемах и неприятностях» (Manson et al., 1985, p. 350).

Эпидемиологические обследования показывают, что подавляющая часть населения достаточно часто сообщает о наличии симптомов депрессии. Открывающая новые горизонты работа Брауна и Харриса (Brown & Harris, 1978) по «социальным истокам» депрессии у лондонских женщин, представляющих рабочий класс, выявила факторы, позволяющие прогнозировать депрессию у обследуемой группы. Опыт ранней потери одного или обоих родителей, отсутствие близких, которым можно довериться, безработица мужей — все это факторы риска возникновения депрессии. Кронкайт и Мус (Cronkite & Moos, 1995) доказывают, что «уровень социальной адаптации, судя по всему, непосредственно связан с психическим здоровьем, поскольку именно он отражает степень социальной интеграции индивида» (p. 576). Для страдающих депрессией и для тех, у кого она периодически повторяется, характерен низкий уровень социальной адаптации. Кроме того, авторы утверждают, что поведение и симптомы, связанные с депрессией, могут становиться менее выраженными при формировании и поддержании социальных связей и повышении уровня социальной адаптации. И напротив, прочные социальные связи, которые наблюдаются в коллективистских обществах (например, в Японии), могут смягчать проявление отдельных симптомов депрессии (например, неспособности принимать решения) по сравнению с индивидуалистическими обществами (например, в Австралии) (Radford, Nakane, Ohta, Mann & Kalucy, 1991). Фактически, социальная поддержка и помощь рассматриваются как защитные антидепрессивные факторы (Coyne & Downey, 1991; Cronkite & Moos, 1995). Поэтому кросс-культурные исследования дают прекрасную возможность сравнительного изучения социальной поддержки и моделей копинг-поведения в связи с депрессией в индивидуалистических и коллективистских культурах.

Шизофрения

Шизофрения — понятие, которое включает комплекс симптомов, в значительной мере снижающих социальную адекватность индивида, в том числе расстройства мышления, восприятия, внимания, двигательные нарушения и аффективные симптомы (Davidson & Neale, 1998). Исходное понятие *dementia praecox* Крепелина

(Kraepelin, 1904) буквально означает раннее начало (*praecox*) и прогрессирующее расстройство интеллекта (*dementia*). Он рассматривает как симптомы, так и течение данного заболевания. Позднее Блейлер (Bleuler, 1902) вводит термин «шизофрения». В противоположность Крепелину, он полагает, что данное заболевание не обязательно характеризуется ранним началом, за которым следует прогрессирующая деградация, требующая пожизненной госпитализации. Поскольку последние 30 лет психиатрические больные все чаще находятся вне лечебных учреждений, представление о том, что страдающие шизофренией нуждаются в обязательном помещении в лечебное учреждение, устарело.

ЭЗИ (Keith, Regier & Rae, 1991) определило уровень распространенности шизофрении по отношению к общей численности населения США в 1,3 %, при этом наибольшее количество случаев шизофрении приходится на возрастную группу 18–29-летних, связь распространенности с половой принадлежностью не выявлена. Шизофренические расстройства встречаются в 2–3 раза чаще среди тех, кто никогда не состоял в браке (2,1%) и был разведен или расстался со своим партнером (2,9 %), чем среди тех, кто состоит в браке (1,0 %) или овдовел (0,7 %). Среди тех, кому был поставлен диагноз шизофрения, больше безработных, чем среди здоровых. В США шизофрения встречается почти в 5 раз чаще среди тех, кто имеет низкий социально-экономический статус, чем среди тех, кто находится на вершине общественной лестницы. Что касается расово-этнической принадлежности, то коэффициент распространенности среди чернокожих (2,1%) значительно выше, чем среди белых англосаксонского (1,45 %) и латиноамериканского (0,8 %) происхождения. Однако при сравнениях с учетом возрастной и половой принадлежности, семейного положения и, что важнее всего, социально-экономического статуса, ощутимые различия коэффициента распространенности заболевания среди белых и чернокожих исчезают. Между социально-экономическим статусом и диагнозом шизофрении наблюдается неизменная корреляция, однако ее интерпретация с точки зрения причинной обусловленности представляется достаточно проблематичной. И социогенная теория шизофрении, и теория социальной пассивности предлагают достаточно убедительные объяснения (Davison & Neale, 1998).

В кросс-культурных исследованиях идея сравнения традиционного и современного или развивающегося и развитого общества достигла апогея в Международном пилотном исследовании шизофрении (МПИШ, *International Pilot Study of Schizophrenia, IPSS*), организованным ВОЗ (WHO, 1973, 1979). За последние 30 лет в 20 исследовательских центрах 17 стран ВОЗ осуществила три крупных исследования течения и исхода шизофрении. Отличительными особенностями программы ВОЗ по исследованию шизофрении были а) одновременное выявление случаев заболевания и сбор данных, б) использование стандартных инструментов, в) привлечение специально обученных психиатров, г) сочетание клинической диагностики больного и оценки его состояния на основе компьютерной базы данных и д) многократные контрольные оценки состояния пациентов (Jablensky, 1987).

В ходе *IPSS* (WHO, 1973) обследовались 1202 пациента в девяти центрах в Африке (Нигерия), Азии (Индия, Тайвань), Европе (Чешская Республика, Дания, Россия, Великобритания), Латинской Америке (Колумбия) и Северной Америке (США). Задачей *IPSS* было разработать и проверить стандартизированную мето-

дику, используя Освидетельствование текущего состояния (ОТС, *Present State Examination, PSE*; Wing, Cooper, Sartorius, 1974). ВОЗ (WHO, 1973) сделала выводы об универсальном характере основных симптомов шизофрении. Эти симптомы включают отсутствие понимания, признаки галлюцинаторно-бредового состояния (такие, как бредовое настроение, бред отношения, растерянность), уплощение аффекта, слуховые галлюцинации и ощущение контроля со стороны.

В процессе последующего двухлетнего исследования (WHO, 1979) изучалось течение и исход заболевания. Для этого принимавшие участие в программе психиатры опросили 75,6 % больных. В большинстве случаев у испытуемых отсутствовали позитивные психотические симптомы, такие как бредовые состояния и галлюцинации. При этом у них присутствовали негативные психотические симптомы, такие как уплощение аффекта, отсутствие понимания и проблемы при попытках контакта. Было обнаружено, что острые формы кататонической и недифференцированной шизофрении имеют большую распространенность в развивающихся странах.

Прогноз шизофрении операционально был дан как процентное соотношение катамнестического периода, характеризуемого психозом. Прогноз был более благоприятным для больных из развивающихся стран (Колумбии, Нигерии и Индии), чем для больных из развитых стран (США, Великобритании и Дании). В течение контрольного периода последующего наблюдения 48 % обследуемых в Орхусе (Дания), 47 % в Вашингтоне (США) и 36 % в Праге (Чешская Республика) по-прежнему находились в состоянии психоза 75 % времени. В течение того же самого периода лишь 7 и 19 % обследуемых в Кали (Колумбия) и Агре (Индия) страдали психозом. Как в развитых, так и в развивающихся странах была выявлена связь между социальной разобщенностью, отсутствием семьи и неблагоприятным прогнозом (WHO, 1979). Высокий образовательный уровень является прогностическим фактором хронического течения заболевания в незападных и развивающихся странах, но не на Западе. Например, в сельскохозяйственной Агре (Индия) прогноз шизофрении менее благоприятен для тех, кто имеет более высокий уровень образования. Уорнер (Warner, 1994) объясняет это тем, что образованный человек в странах третьего мира в большей степени подвергается стрессам на рынке рабочей силы. Хотя Ябленски (Jablensky, 1989) утверждает, что «шизофрения чрезвычайно чутко реагирует как на интернализованные, так и на внешние воздействия окружающей среды (или на то и другое одновременно)» (p. 521), авторы *IPSS* делают лишь осторожные предположения о том, что более благоприятный прогноз, возможно, связан с характерными для сельской жизни социальной поддержкой и семейными узами.

В рамках еще более грандиозного проекта ВОЗ провела перспективное эпидемиологическое исследование, чтобы сравнить распространенность шизофрении в разных культурах (Jablensky et al., 1992). В ходе осуществления этой программы были обследованы 1379 испытуемых в 12 центрах 10 стран: Орхус (Дания); Агра и Чандигарх (Индия); Кали (Колумбия); Дублин (Ирландия); Ибадан (Нигерия); Москва (Россия); Нагасаки (Япония); Ноттингем (Англия); Прага (Чешская Республика); Гонолулу (Гавайи) и Рочестер, Нью-Йорк (США). В рамках проекта были выявлены все впервые обратившиеся за помощью в течение исследуемого двухлетнего периода в определенной географической зоне. Затем выявленные ис-

пытуемые были обследованы на наличие симптомов функционального психоза. Обращение за помощью включало обращение к местным целителям и в религиозные учреждения. Выявленные коэффициенты были сопоставимы по уровню в развитых и в развивающихся странах. Однако в развивающихся странах было выявлено больше больных с острым началом шизофрении.

Второй задачей данного проекта было изучение роли вызывающих стресс событий произошедших в течение 2–3 недель до появления симптомов шизофрении (Day et al., 1987). Больные в шести из девяти центров пережили в среднем одинаковое количество вызывающих стресс событий. Эти события были распределены между пятью категориями — личного характера, связанные с наличием средств к существованию, связанные с семьей/домом, события социального характера и прочие события. Испытуемые в оставшихся трех центрах (Агра, Чандигарх и Ибадан) сообщили об относительно меньшем количестве стрессовых событий, которые можно отнести к данным категориям. Эти результаты говорят о том, что конкретные события, которые описывали испытуемые из развивающихся стран, возможно, было не так просто отнести к одной из определенных заранее категорий.

Существует обширная литература по связи между стрессовыми событиями и первыми проявлениями шизофрении. В центре внимания Г. Б. М. Мерфи (H. B. M. Murphy, 1982b) — сбои в ходе обработки информации, которые он рассматривает как фактор риска для развития шизофрении. Сбои в процессе обработки информации могут происходить в результате: «1) неподготовленности к обработке информации; 2) сложности информации, представленной индивиду; 3) степени необходимости решений на основе чрезмерно сложной или неоднозначной информации; и 4) того, насколько семьи, в которых есть больные шизофренией, поощряются или не поощряются к рождению детей» (р. 223). Г. Б. М. Мерфи предположил, что высокий коэффициент распространенности шизофрении среди ирландских католиков и ирландских иммигрантов, проживающих в Канаде, связан со сложностями стиля общения ирландцев. Следует отметить, однако, что теория коммуникации по типу двойной связи Бейтсона не нашла убедительного эмпирического подтверждения в исследовательской литературе из-за того, что рабочая проверка данной концепции затруднительна (Neale & Oltmanns, 1980).

Методологическая критика программы ВОЗ по исследованию шизофрении касается отбора больных и различий в доступности медицинского обслуживания в разных странах. Коэн (Cohen, 1992) объясняет различия в прогнозах заболевания в первую очередь различиями в возможностях обращения в больницу, нежели особенностями заболевания. С точки зрения Коэна, большее количество острых проявлений заболевания в развивающихся странах отражает всего лишь уровень доступности современных психиатрических центров. Ваклер-Моррисон (Waxler-Morrison, 1992), однако, приходит к выводу, что такие различия не могут объяснить данные прогностического характера в проведенном ею пятилетнем исследовании госпитализированных шизофреников на Шри-Ланке. Другие исследователи (например, Hopper, 1992) указывают на стандартную методику и всестороннее контрольное обследование больных в ходе проведения исследования под эгидой ВОЗ, которые гарантировали отсутствие искажающего воздействия артефактов. Ябленски и Сарториус (Jablensky & Sartorius, 1988) приходят к выводу, что «точка зре-

ния культурного релятивизма на определение шизофрении в различных группах населения оказывается не слишком состоятельной» (p. 68). Тем не менее Кляйнман (Kleinman, 1988) предупреждает о том, что при однородности выборки в результате применения внешних критериев идентификации заболевания упускаются из виду те случаи заболевания, которые не укладываются в заданную схему, поэтому проект ВОЗ выявляет лишь универсальные составляющие, игнорируя при этом весьма важные культурные вариации.

Интерпретация шизофрении с точки зрения культуры: проблемы исследований

Эмпирические кросс-культурные исследования шизофрении говорят о том, что течение этого заболевания зависит от социальных условий. Пытаясь объяснить различия в прогнозах заболевания, К. Лин и Кляйнман (K. Lin & Kleinman, 1988) сравнивают западное и незападное общество по ряду факторов, включая структуру семьи, социальную поддержку, окружение на работе, коммуникативный стиль и атрибуцию психических заболеваний. Данные попытки интерпретации, с точки зрения культуры, остаются не слишком убедительными, поскольку сопоставление культур не имеет под собой базы в виде проверяемых гипотез или этнографической оценки культурных различий.

Выраженные эмоции близких больного шизофренией являются основным прогностическим фактором рецидивов заболевания на Западе (Leff & Vaughn, 1986). Используя протокол семейного интервью Камбервелла, исследователи подтвердили, что эмоциональный настрой родственников в ходе интервью был одним из основных показателей рецидива проявления симптомов у больного через 9 месяцев после выписки из больницы. Точнее, показателем является количество критических замечаний в адрес больного шизофренией, которые сделаны его родственником в отсутствие больного (Leff & Vaughn, 1986). Авторы сравнивают данные, полученные в Индии, в центре, расположенном в Чандигархе, и данные, собранные в Лондоне, Лос-Анджелесе и Питтсбурге в ходе исследования ВОЗ. Родственники больных в Чандигархе ведут себя иначе, чем англоамериканцы. Индийцы делают примерно в 3,6 раза меньше критических замечаний в адрес родственника, страдающего шизофренией, чем жители Лос-Анджелеса.

Главной проблемой критериев оценки выражаемых эмоций в ходе кросс-культурных исследований является кросс-культурная валидность показателя частоты негативных высказываний. Литература по кросс-культурным исследованиям эмоций говорит о том, что культуры заметно различаются между собой в восприятии и выражении отрицательных эмоций, как вербальным, так и невербальным путем (Matsumoto, Kudoh Schrere & Wallbott, 1988; Tanaka-Matsumi, 1995). Более того, Дженкинс и Карно (Jenkins & Karno, 1992) доказывают, что выражаемые эмоции как таковые представляют собой показатель, являющийся культурной переменной, характеризующей отношение родственников к больному члену семьи. Без специального исследования коммуникативного стиля в семье и принятой в данной культуре эмоциональной лексики мы не сможем сформулировать достоверные в культурном отношении гипотезы, дающие возможность интерпретации течения и исхода шизофрении.

И наконец, был выдвинут (Desjarlais et al., 1995) ряд важных предположений о том, как социальные и культурные факторы могут повлиять на более благоприятное течение шизофрении. В числе таких факторов — взгляды на причины и течение заболевания, которых придерживаются члены определенной социальной группы. Объяснение заболевания внутренними, а не внешними факторами, способствует хроническому характеру его течения, так же как и объяснение причин заболевания характеристиками, присущими личности. Поскольку объяснение заболевания внутренними факторами сочетается с наличием нуклеарной семьи, существующей в рамках технологически развитого общества, основанного на конкуренции, отсутствие надежной поддержки извне также повышает вероятность хронического течения заболевания. В развитых обществах ятрогенный эффект лечения в условиях стационара может усиливать зависимость больного от медицинского персонала, тем самым увеличивая вероятность хронического течения заболевания (Ullmann & Krasner, 1975).

Тревожные расстройства

Е. Гуд и Кляйнман, авторы обзора литературы по культуре и тревожным расстройствам (E. Good & Kleinman, 1985), утверждают, что «тревожность и тревожные расстройства носят универсальный характер, присутствуя в любом человеческом обществе» (p. 298). Они предупреждают также о том, что «феноменология таких расстройств, формы, благодаря которым недомогание выявляется и становится социально значимым, существенно различаются в разных культурах» (p. 298). Дж. А. Рассел (J. A. Russell, 1991) и Мескита и Фрийда (Mesquita & Frijda, 1992) в изобилии приводят свидетельства того, что категории и значение эмоций отличаются в разных культурах. В индивидуалистических и коллективистских культурах факторы, предшествующие появлению конкретных эмоций, и восприятие этих эмоций различны, при этом каждой культуре присущи свои качественные и количественные особенности процесса непосредственной коммуникации (Triandis, 1994). Лексика, связанная с эмоциями, и их сущностная таксономия в разных культурах отличаются чрезвычайным многообразием (J. A. Russell, 1991). Барлоу (Barlow, 1988) предложил биопсихологическую модель тревожных расстройств, которая учитывает факторы вызываемого определенными стимулами физиологического возбуждения, когнитивной интерпретации и копинг-поведения типа приближение–избегание и его результаты.

Таким образом, перед специалистами по кросс-культурным исследованиям стоит сложная задача изучения тревожных расстройств, при этом вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что проявления тревожности и страха носят универсальный характер. Фактически, все авторы единодушны в том, что в кросс-культурном аспекте тревожные расстройства отличаются чрезвычайным разнообразием (Tanaka-Matsumi & Draguns, 1997). Один из вопросов касается того, какие расстройства в рамках данной категории являются отклонениями от норм поведения, принятых у данной группы населения в целом.

Хву и Комптон (Hwu & Compton, 1994) сравнивали данные шести крупных эпидемиологических исследований, и результаты этого сравнения говорят о том, что коэффициент распространенности определенных с помощью Структурирован-

ного диагностического интервью конкретных тревожных расстройств в значительной степени зависит от вида расстройства (общие тревожные расстройства, панические расстройства и т. д.) и от культуры, к которой принадлежит индивид. При сопоставлении данных по Тайваню, Корее, США, Канаде, Новой Зеландии и Пуэрто-Рико было выявлено, что максимальный уровень коэффициента распространенности колебался от 2,9 % для общих тревожных расстройств до 7,3 % для панических расстройств. Эти данные говорят о том, что разные культуры по-разному определяют пороговые проявления симптомов тревожных расстройств. Однако лишь несколько исследований изучали тревожные расстройства, используя одновременно нормальную и клиническую выборки.

Тсенг и соавторы (Tseng et al., 1990) изучали совокупность симптомов у больных с «неврозом, ситуационной реакцией адаптации или острой эмоциональной реакцией» (p. 252) в пяти исследовательских центрах в Азии. Центры располагались в Чинг-Маи (Таиланд); Бали (Индонезия); Гаосюне (Тайвань); Шанхае (Китай) и Токио (Япония). В ходе исследования оценивались черты сходства и различия между группой здоровых людей и клинической группой в рамках одной культуры, а затем проводилось кросс-культурное сравнение полученных данных. Профиль симптома больных во всех городах отличался от профиля здоровых испытуемых, свидетельствуя об ухудшении состояния. Кроме того, были выявлены кросс-культурные различия между пятью городами, при этом ближе всего между собой были показатели групп материковой части Китая и Тайваня.

Различия в диагностических приемах, применяемых при выявлении симптомов невроза, отчасти объяснялись кросс-культурными различиями. Группа исследователей (Tseng, Xu, Ebata, Hsu & Cui, 1986) предлагала психиатрам из Пекина, Токио и Гонолулу поставить диагноз шести китайским больным и продемонстрировала врачам видеозапись психодиагностического исследования. Психиатры из Пекина поставили больным диагноз «неврастения», тогда как их коллеги из Токио и Гонолулу поставили диагноз «реакция адаптации». Другая группа ученых (Tseng, Asai, Kitanishi, McLaughlin & Kyomen, 1992) сравнивали также диагностические оценки японских психиатров в Токио и американских психиатров в Гонолулу. Им демонстрировали видеозапись, представляющую больных, предположительно страдающих социальной фобией. Уровень единодушия японских психиатров при постановке диагноза был выше, чем у американских специалистов при просмотре материалов по больным из Японии, страдающим социальной фобией (*Teijin kyofusho*). Однако в отношении двух американских больных мнения японских психиатров совпали лишь на 6,5 %. Два международных исследования Тсенга говорят о том, что диагностическая практика влияет на кросс-культурное многообразие отмечаемых симптомов. По этой причине исследователи высказываются в пользу применения стандартизированной системы диагностики, которая позволяла бы контролировать различия в диагностической практике.

Поскольку тревожные расстройства отражают переход границы, определенной в рамках данной культуры (Draguns, 1980; Lambert et al., 1992; Tseng & Hsu, 1980), стандартизация критериев диагностики может привести к тому, что будут упущены из виду уникальные для данной культуры отклонения и значимые моменты, связанные с субъективными ощущениями тревожности и страха в определенном культур-

ном контексте. Культуро-специфичные расстройства, такие как *Teijin kyofusho* в Японии (J. G. Russell, 1989; Tanaka-Matsumi, 1979) и коро (Tseng, Mo, et al., 1992) в Южном Китае и Юго-Восточной Азии, подтверждают важность учета ценностных ориентаций при выявлении конкретных симптомов и принятой в данной культуре реакции на расстройства, связанные с тревожностью. Так, функционирующая среди латиноамериканского населения идиома *attaque de nervois* (нервный приступ) (Guarnaccia, Rivera, Franco & Neihbor, 1996) используется для описания того, что происходит в обыденной обстановке, при обстоятельствах, вызывающих стресс, например на похоронах или во время несчастного случая. Как утверждает Кирмайер (Kirmayer, 1991), «существующие в культуре представления или нормы и модели взаимодействия являются определяющими для идентификации расстройства... Нельзя четко описать проблему, не вдаваясь в детали, связанные с культурой» (p. 26).

Идиомы, используемые для определения нарушений: культуро-специфичные модели психопатологии

Развитие этнокультурной психологии внесло свой вклад в разнообразие подходов — в особенности это касается стран третьего мира — и наполнило *emic*-подход новой жизненной силой (Sinha, 1997). Этнокультурные точки зрения и концепции расстройств имеют фундаментальное значение для осмысления культурного контекста поведения, связанного с заболеванием (Kirmayer, 1984). Специалисты *emic*-ориентации изучают психопатологию в связи с социокультурным контекстом (B. J. Good, 1992; Jenkins, 1994; Kleinman, 1980, 1986; Marsella & White, 1982). Эти ученые стремятся исследовать а) идеи, ассоциируемые с культуро-специфичными выражениями, используемыми для обозначения расстройства (Nichter, 1981); б) культуро-специфичную классификацию расстройств; в) роль культуры в выявлении и понимании факторов риска, предшествующих появлению расстройства; и г) атрибуции, связанные с последствиями заболевания (Marsella & Dash-Scheur, 1988; M. G. Weiss & Kleinman, 1988).

Каталог опросов для построения объяснительной модели

В качестве альтернативы стандартизированной диагностической оценки Вайс и его коллеги (M. G. Weiss et al., 1992) разработали Каталог опросов для построения объяснительной модели (КОПОМ, *Explanatory Model Interview Catalog, EMIC*), позволяющий выявить культуро-специфичные идиомы для обозначения расстройств, подходов к пониманию причин заболевания и поведения, свидетельствующего о том, что индивид нуждается в помощи. *EMIC* построен в виде полуформализованных интервью для сбора данных и первоначально использовался при изучении проказы и психических состояний в Индии. При этом было выявлено единодушие между экспертами в отношении вопросов, включенных в *EMIC*, при *k* в диапазоне от 0,62 до 0,90. Вайсом и его коллегами (M. G. Weiss et al., 1992) описаны пять областей, которые исследовались при помощи данных опросов: а) типы расстройств, б) интерпретация причин, в) обращение за помощью и лечение, г) общие представления, касающиеся заболевания, и д) вопросы, связанные со спецификой заболевания. Эти сферы исследовались при помощи полуформализованных интер-

вью, включающих: а) введение, определяющее общие принципы; б) открытые вопросы; в) диагностирующие вопросы, касающиеся категорий, интересующих испытуемого; г) итоговую оценку, на основе данных ответов; и д) простое обследование. В 1997 году М. Вайс выявил 21 исследование, использовавшее *EMIC* для изучения различных заболеваний (таких, как проказа, депрессия, *attaque de nervois*, злоупотребление алкоголем и алкогольная зависимость, депрессия и соматоформные расстройства, неврастения и синдром хронической усталости) в разных уголках земного шара.

Использование этого инструмента может проиллюстрировать анализ сообщений в форме повествовательного изложения (Guarnaccia et al., 1996). Данные сообщения, сделанные 145 жителями Пуэрто-Рико, касались *attaque de nervois*. Симптомы нервных приступов включали дрожь, головные боли, нарушения сна, приступы головокружения, расстройства желудка и проявления дисфории (страх, волнение, тревога и гнев). Распространенность *attaque de nervois* в Пуэрто-Рико составляла 16 %, что делало это расстройство вторым по распространенности после общих тревожных расстройств (18%). Данные были проанализированы в нескольких аспектах, среди которых были основные особенности, социальный контекст, эмоциональный опыт, симптомы, склонность к действиям определенного рода. В целом эти данные, представленные в форме повествовательного изложения, помогают представить «во всей полноте комплекс эмоционально окрашенных переживаний» (Guarnaccia et al., 1996), связанных с *attaque de nervois*, о которых часто сообщают жители Пуэрто-Рико.

EMIC-проект находится в стадии дальнейшей разработки (M. Weiss, 1997) и сулит разработку интервью, позволяющих осуществить сравнение объяснительных моделей, функционирующих в разных культурах. Данные, касающиеся культурной специфики и аккумулируемые при помощи *EMIC*, могут помочь в выявлении универсалий среди контекстуальных факторов, связанных с основными видами психических расстройств.

Соматизация, неврастения и депрессия

Соматизация является проблемой, которая встречается в разных культурах и сосуществует с различными проблемами, связанными со здоровьем, включая хронические заболевания, тревожные расстройства, депрессию, профессиональную непригодность и социальную несостоятельность. Встает вопрос о значении, которое придается соматическим расстройствам в контексте культуры (Tung, 1994). Как отмечают Уайт (White, 1982), Кирмайер (Kirmayer, 1984) и Кляйнман (Kleinman, 1986), было бы проявлением этноцентризма считать жалобы на недомогания физического характера всего лишь результатом «психологических предубеждений» (Draguns, 1996). Разные культуры могут избирательно поощрять или препятствовать жалобам на психологические или физиологические составляющие реакции на стресс. Акцент, который делается на психологизации в противовес соматизации особенно заметен в литературе, касающейся психических нарушений у китайцев (Cheung, 1989; Draguns, 1996; Lam, 1999; T. Y. Lin, 1989; Seiden, 1999).

Неврастения — весьма распространенный диагноз в Китае. Там она называется *shenjing shuairuo*, что в буквальном переводе означает «нервное истощение». Симптомы неврастении включают физическую слабость, утомление, усталость, голов-

ные боли, головокружение и разного рода желудочно-кишечные и прочие расстройства (Kleinman & Kleinman, 1985). Кляйнман (Kleinman, 1982) с помощью китайского психиатра опросил 100 больных из Китая, которым был поставлен диагноз «неврастения» (*shenjing shuairuo*). Он использовал переведенную на китайский язык версию Шкалы аффективных расстройств и шизофрении (*SADS*), приведенной в соответствии с «Руководством по диагностике и статистике психических расстройств» (*DSM*-III). Кляйнман говорит о том, что 93 больных с диагнозом «неврастения» отвечали критериям депрессивного расстройства, а 87 из них подпадали под критерии тяжелого депрессивного расстройства. Страдающие депрессией больные среди прочего спонтанно жаловались на головные боли (90%), бессонницу (78%), головокружение (73%), боли (48%) и потерю памяти или ее нарушения (43%). Однако когда Кляйнман стал задавать больным конкретные вопросы, касающиеся психологических и аффективных симптомов, они отмечали дисфорическое настроение (100%), тревожные мысли навязчивого характера (84%), равнодушие к радостям жизни (61%), чувство безысходности (50%) и низкую самооценку (60%). В Шанхае Цанг (Zhang, 1989) показал, что состояние китайских больных с диагнозом «неврастения» (*shenjing shuairuo*) при первичной «западной» диагностике определялось по-разному в зависимости от используемых стандартизированных инструментов, разработанных на Западе, при этом поставленные диагнозы включали депрессивные и тревожные расстройства.

В более современном исследовании С. Ли и Вонг (S. Lee & Wong, 1995) определили, что симптомы неврастении (*shenjing shuairuo)*, которые чаще всего отмечались у студентов-старшекурсников в Гонконге, включали тревожность, бессонницу, депрессию, страх и неспособность сосредоточиться. Они демонстрировали психологическую модель неврастении (*shenjing shuairuo*) в отличие от преимущественно соматической ориентации, которая предлагалась в литературе. По мнению названных авторов, сама китайская культура в Гонконге претерпевает изменения под влиянием западной культуры и урбанизации, что сказывается на молодежи. Поэтому контекстуальное осмысление этой популярной в народе категории заболеваний стало приобретать в последнее время психологическую ориентацию.

С точки зрения *emic*-подхода, расхождения между спонтанными жалобами соматического характера и требующими специальных расспросов жалобами на симптомы иного рода (например, дисфорию) говорят о том, что культурное значение симптомов меняется при использовании разработанных на Западе стандартизированных инструментов и применении критериев, привнесенных извне. Симптомы, сведения о которых требуют специальных вопросов, вероятно, не соответствуют принятой в рамках данной культуры манере выражения, связанной с данным расстройством. У китайцев в меньшей степени принято обращать внимание на жалобы соматического характера, при этом соматизация предполагает необходимость определенного медицинского вмешательства. Китайцы, проживающие в Гонконге, Китае и на Тайване, неохотно признают психологические симптомы проблемами, которые требуют обращения за медицинской помощью (Cheung, 1989). Соответствующая обстановка (например, обычной больницы или психиатрической лечебницы) и характер осмысления проблемы объясняют поведение, которое говорит о необходимости медицинской помощи, а также избирательность при сообщении о симптомах.

Используя функциональную оценку, Зайден (Seiden, 1999) доказал достоверность кросс-культурной оценки поведения больных неврастенией в Китае. Он показывал клиницистам, среди которых были американцы китайского и европейского происхождения, видеозапись беседы врача-китайца с больными. У больных — четырех американских иммигрантов китайского происхождения — имелись симптомы неврастении. На основе просмотра видеоматериала каждый из специалистов дал функциональную оценку одного из четырех больных (касающуюся наличия проблем, обстоятельств, предшествующих их появлению, предполагаемых последствий и предложений по лечению). Содержательная сторона суждений клиницистов в отношении конкретных категорий, рассматриваемых в кросс-культурном аспекте, продемонстрировала единодушие специалистов, как принадлежащих к одной и той же, так и к разным культурам.

В исследовании Зайден (Seiden, 1999) две группы клиницистов продемонстрировали ожидавшиеся кросс-культурные различия при постановке диагноза. Например, среди американских врачей китайского происхождения было больше тех, кто обращал внимание на соматизацию (например, соматизацию эмоциональных проблем) по сравнению с врачами-американцами европейского происхождения, тогда как последние обращали большее, по сравнению с врачами-китайцами, внимание на проблемы когнитивного характера (например, навязчивые мысли о проблемах адаптации в США). Кроме того, американские врачи-китайцы чаще, чем европейцы, обращали внимание на предшествующие стрессовые события (например, стресс на работе) и моменты, которые были связаны с социальным окружением (например, чрезмерно пристальное внимание со стороны членов семьи или освобождение от домашних обязанностей по хозяйству), как на факторы, которые функционально связаны с проблемами больного. Хотя у каждого из четырех пациентов присутствовали симптомы соматического характера, связанные с неврастенией, цели медицинского вмешательства и лечения, в отношении которых было достигнуто соглашение, были различными для каждого из четырех больных. Это показывает, что неврастения не представляется собой единого феномена и выдвигает на первый план необходимость функциональной оценки при всестороннем учете данных, связанных с контекстом, которые необходимы для разработки индивидуального плана лечения.

Культурное перемещение, аккультурация и психопатология

С ростом миграции населения по всему миру все больший интерес проявляется к состоянию психического здоровья мигрантов. Книга «Психическое здоровье в мировом масштабе» (*World Mental Health*, Desjarlais et al., 1995) дает глубокое, опирающееся на факты, представление о проблемах психического здоровья в странах третьего мира. Авторы считают бедность, социальную дезорганизацию, несправедливость и репрессии основными источниками проблем, связанных с психическими заболеваниями, и утверждают, что успешные программы по оказанию услуг должны принимать во внимание культурные традиции и источники, в первую очередь, системы поддержки. «Призыв к действию» и программа исследований, представленная в книге «Психическое здоровье в мировом масштабе», подчеркивают потребность в единой концептуальной схеме, которая учитывала бы

сложный комплекс переменных, касающихся кросс-культурных перемещений и адаптации к чужой культуре.

Проблемы адаптации возникают как результат воздействия комплекса факторов, включая условия господствующей культуры, воспитание, полученное в родной стране, и ощущения, связанные с добровольной или вынужденной миграцией (Berry & Kim, 1988; Ward & Kennedy, 1994). Берри и Сэм (Berry & Sam, 1997) предлагают концептуальные схемы зависимости культурной адаптации и психического здоровья от происходящих с личностью процессов интеграции, ассимиляции, отторжения и маргинализации. Существуют различия в предпочтительных способах культурной адаптации и связанных с ними психических проблемах. Берри, Ким, Минде и Мок (Berry, Kim, Minde & Mok, 1987) изучали 1197 человек, находящихся в процессе культурной адаптации в Канаде (в их числе коренные жители, беженцы, лица, временно находящиеся в стране, иммигранты и представители этнических групп) на протяжении периода 1969–1979 годов. Уроженцы Канады и беженцы дали самые высокие показатели стресса, связанного с усвоением культуры, тогда как самые низкие показатели стресса были у иммигрантов. Образовательный уровень неизменно являлся фактором, снижающим уровень стресса. Мета-аналитическое исследование усвоения культуры Моермана и Формана (Moyerman & Forman, 1992), опирающееся на данные 49 отчетов, говорит о том, что стресс при усвоении культуры связан с низким социально-экономическим статусом.

Либкинд (Liebkind, 1996) опробовал предложенную Берри модель связанных с миграцией непредвиденных обстоятельств и аккультурационного стресса на включавшей два поколения выборке молодых вьетнамских беженцев, их родителей и опекунов в Финляндии. Модель оценивала четыре категории прогностических параметров по индокитайской версии Контрольного списка симптомов Хопкинса. Четыре категории прогностических параметров включали: а) предшествующий миграции опыт, б) этнический состав сообщества, в) опыт усвоения культуры после миграции и г) отношение к усвоению чужой культуры и степень ее усвоения. Результаты представляли собой сложный комплекс данных, при этом показатели зависели от возрастной и половой принадлежности. Значимые прогностические параметры затем были отдельно ранжированы при помощи регрессионного анализа по четырем группам испытуемых (мужчины, женщины, мальчики и девочки). Травматический опыт, предшествующий миграции, позволяет прогнозировать проявление симптомов тревожности у женщин, однако влияние этого фактора исчезает при наличии позитивного отношения к усвоению культуры. Что касается девочек, то присутствие в их окружении представителей одной с ними этнической группы является наиболее значимым негативным прогностическим фактором возникновения симптомов тревожности. Говоря о мальчиках, можно отметить, что приверженность традиционным вьетнамским семейным ценностям является негативным прогностическим фактором в отношении симптомов тревожности, тогда как травматический опыт, предшествующий миграции, является позитивным прогностическим фактором. Для мужчин прогнозировать показатели симптомов тревожности позволяют опыт усвоения чужой культуры после миграции, а также переживания, связанные с проявлениями несправедливости и дискриминации. Полученные результаты говорят о том, что опыт, приобретенный после миграции, оказывает более глубокое влияние на симптомы, связанные со стрессом, чем трав-

матический опыт, предшествующий миграции. Данное исследование подтверждает важность учета конфликта конкретных культурных ценностей в процессе усвоения чужой культуры (Liebkind, 1996; Szapocznik & Kurtines, 1993).

Уорд и Кеннеди (Ward & Kennedy, 1994) проводят различие между психологической и социокультурной адаптацией при кросс-культурных перемещениях. Было предоставлено (Ward & Rana-Deuba, 1999) эмпирическое подтверждение предположения, сделанного в отношении двух данных видов адаптации, о том, что они представляют собой функцию четырех типов отношения к усвоению чужой культуры (интеграция, отторжение, маргинализация и ассимиляция) и двух фундаментальных параметров адаптации к чужой культуре (самоидентификация в качестве хозяина и полноправного гражданина). Таким образом, концептуальная интеграция моделей усвоения чужой культуры и попытки выявить критерии этого усвоения позволяют получить эмпирические данные, которые можно использовать при разработке программ содействия тем, кто находится в процессе адаптации к чужой культуре или готовится к этому.

Выводы и направления будущей научно-исследовательской работы

Культура оказывает глубокое влияние на идентификацию, категоризацию, течение и результат состояний, вызывающих неадекватное поведение. Культура является контекстом поведения, отклоняющегося от нормы. Вопрос об универсальности базовых категорий психиатрических расстройств и интерпретации культурных различий в симптоматике, поставленный Крепелином на пороге XX века, породил острую концептуальную полемику и ряд опирающихся на различную теоретическую базу методик исследования. На сегодняшний день по проблеме «культура и психопатология» проведена обширная научно-исследовательская работа. Для нее характерно использование современных методик. В ходе нее все большее внимание уделяется антропологической и этнографической информации о культуре. В этой главе я обратилась как к концептуальным, так и к методологическим разработкам в сфере кросс-культурных исследований культуры и психопатологии и представила вопросы и гипотезы, возникающие в ходе научно-исследовательской работы. Теперь я хочу остановиться более подробно на направлениях будущих исследований, учитывающих фактор культуры.

Исследования, учитывающие культурные факторы

При исследовании культуры и психопатологии актуальны семь вопросов, которые перечислены ниже.

1. Что представляет собой исследуемый феномен (например, депрессия) и как он определяется с точки зрения специалистов в этнокультуром контексте?
2. Какие слова и понятия используются для описания данного феномена?
3. Эквивалентны ли различные слова и понятия между собой?
4. В каких аспектах обнаруживаются черты кросс-культурного сходства или различий?
5. Чем можно объяснить черты кросс-культурного сходства или различий?

6. Каким образом индивид оповещает окружающих о различных типах расстройств в контексте определенной культуры?
7. Какое значение имеет универсальность и культурная специфика для теории психопатологии?

Исследователь, который задает эти вопросы, воздержится от переноса диагностических категорий и критериев, сформулированных в рамках одной культуры, на другую культуру. Эти вопросы немедленно потребуют проверки валидности диагностических критериев и категорий в контексте исследуемой культуры. За последние 30 лет в данной области появились надежные инструменты для оценки различных проявлений психопатологии; однако надежность как таковая еще не гарантирует валидность в любой культуре. Следовательно, следует приложить максимум усилий к культурной адаптации различных инструментов, чтобы добиться их эквивалентности в разных культурах (Geisnger, 1994; Lam, 1999). Литература по параметрическим оценкам в кросс-культурном аспекте описывает эмпирические средства, позволяющие выработать кросс-культурные нормативы оценки, касаясь среди прочего проблем перевода и адаптации инструментов (Church & Lonner, 1998). Кросс-культурная патопсихология должна способствовать тому, чтобы исследователи руководствовались этими строгими принципами (Lam, 1999).

Я надеюсь также на разработку большего количества *emic*-критериев. Контекстуальный подход к диагностике, нашедший свое воплощение, например, в «Каталоге опросов для построения объяснительной модели» (*EMIC*) (M. Weiss, 1997), способствует сбору культуро-специфичных данных. Хотя «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств» (*DSM*-IV) содержит перечень культуро-специфичных расстройств, нам еще предстоит выявить функциональную взаимосвязь между факторами данной культуры, которые предшествуют появлению расстройства, и его последствиями, чтобы осмыслить те культурные роли, описания которых мы находим в этнографических отчетах. Оценка культуры, которая предлагается в *DSM*-IV, также является одним из первых шагов в направлении сбора данных по отдельным культурам для всех психических расстройств.

Понимание культуры

Интегрированный *etic*-*emic*-подход должен получить большее распространение. Современная литература по данному вопросу дает мне основания полагать, что исследователи, вооруженные знаниями в области культуры, будут учитывать в своей работе четыре концепции, названные ниже: а) ориентацию личности, б) ценностные установки, в) структуру семьи и социальную поддержку, г) ориентации, связанные с индивидуализмом–коллективизмом. Хотя данные концепции непосредственно изучались кросс-культурной и культурной психологией (Lonner & Adamopoulos, 1997), они не всегда учитываются при планировании исследований, касающихся культуры и психопатологии. Иными словами, несмотря на сравнение данных по психопатологии в различных национальных (как в проектах ВОЗ по шизофрении и депрессии), расовых и этнических группах (как в исследовании ЭЗИ), при этом часто упускалось из виду сравнение эмпирических данных, касающихся культурного контекста. В данной главе я обращала внимание на важность психологической ориентации личности, структуры семьи, принадлежности к ин-

дивидуалистической или коллективистской культуре. Я также, как могла, подчеркивала значение факторов, объясняющих сходство и различие анормального поведения в разных культурах. Данная сфера *a priori* требует более тщательной оценки этих важнейших культурных переменных. Я предполагаю, что эмпирические параметры «культуры» нашли свое место в кросс-культурной психопатологии.

Наконец, восприимчивая к факторам культуры и достоверная оценка психопатологии, несомненно, приведет к появлению литературы, касающейся предупреждения и лечения различных расстройств; и эта литература будет соответствовать потребностям представителей конкретных этнических и культурных групп (Sue, 1998; Tanaka-Matsumi, Seiden & Lam, 2001). Данная область кросс-культурной патопсихологии крайне нуждается в эмпирических исследованиях, которые оценили бы возможности применения адаптированных к конкретной культуре методов диагностики и лечения.

Литература

Adebimpe, V. R. (1981). Overview: White norms and psychiatric diagnosis of black patients. *American Journal of Psychiatry, 138,* 279–285.

Al-Issa, I. (1995). Culture and mental illness in international perspective. In I. Al-Issa (Ed.), *Handbook of culture and mental illness: An international perspective* (pp. 3–49). Madison, CT: International Universities Press.

American Psychiatric Association. (1980). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (3rd ed.). Washington, DC: Author.

American Psychiatric Association. (1987). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (3rd ed., rev.). Washington, DC: Author.

American Psychiatric Association. (1994). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (4th ed.). Washington, DC: Author.

Barlow, D. H. (1988). *Anxiety and its disorders: The nature and treatment of anxiety and panic.* New York: Guilford.

Benedict, R. (1934). Culture and the abnormal. *Journal of Genetic Psychology, 1,* 60–64.

Bennett, L. A., Janca, A., Grant, B. F. & Sartorius, N. (1993). Boundaries between normal and pathological drinking. *Alcohol, Health and Research World, 17,* 190–195.

Berry, J. W. (1969). On cross-cultural comparability. *International Journal of Psychology, 4,* 119–128.

Berry, J. W. & Kim, U. (1988). Acculturation and mental health. In P. Dasen, J. W. Berry & N. Sartorius (Eds.), *Health and cross-cultural psychology: Towards applications* (pp. 207–236). Newbury Park, CA: Sage.

Berry, J. W., Kim, U., Minde, T. & Mok, D. (1987). Comparative studies of acculturative stress *International Migration Review, 11,* 491–510.

Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H. & Dasen, P. J. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications.* Cambridge: Cambridge University Press.

Berry, J. W. & Sam, D. (1997). Acculturation and adaptation. In J. W. Berry, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 3. Social behavior and applications* (pp. 291–326). Boston: Allyn & Bacon.

Betancourt, H. & Lopez, S. R. (1993). The study of culture, ethnicity and race in American psychology. *American Psychologist, 48,* 629–637.

Bland, R. C., Newman, S. C. & Orn, H. (1988). Epidemiology of psychiatric disorders in Edmonton. *Acta Psychiatrica Scandinavica,* 77(Suppl. 338), 1–80.

Bleuler, E. (1902). Dementia praecox. *Journal of Mental Pathology, 3,* 479–498.

Brislin, R. W. (1983). Cross-cultural research in psychology. *Annual Review of Psychology, 34,* 363–400.

Brody, E. B. (1967). Transcultural psychiatry, human similarities and socio-economic evolution. *American Journal of Psychiatry, 124,* 616–622.

Brown, G. W & Harris, T. O. (1978). *Social origins of depression: A study of psychiatric disorders in women.* London: Tavistock.

Burman, M. A., Karno, R. L., Hough, J. I., Escobar, J. I. & Forsythe, A. B. (1983). The Spanish Diagnostic Interview Schedule. *Archives of General Psychiatry, 40,* 1189–1196.

Canino, G. J., Bird, H. R., Shrout, P. E., Rubio-Stipec, M., Bravo, M., Martinez, R., Sesman, M. & Guevara, L. M. (1987). The prevalence of specific psychiatric disorders in Puerto Rico. *Archives of General Psychiatry, 44,* 727–735.

Canino, G., Lewis-Fernandez, R. & Bravo, M. (1997). Methodological challenges in cross-cultural mental health research. *Transcultural Psychiatry, 34,* 163–184.

Carothers, J. C. (1953). *The African mind in health and disease* (Monograph No. 17). Geneva: World Health Organization.

Cheung, F. M. C. (1989). The indigenization of neurasthenia in Hong Kong. *Culture, Medicine and Psychiatry, 13,* 227–241.

Church, A. T. & Lonner, W. J. (1998). The cross-cultural perspective in the study of personality: Rationale and current research. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 32–62.

Cohen, A. (1992). Prognosis for schizophrenia in the Third World: A reevaluation of cross-cultural research. *Culture, Medicine and Psychiatry, 16,* 53–75.

Cooper, J. E., Kendell, R. E., Gurland, B. J., Sharpe, L., Copeland, J. R. M. & Simon, R. (1972). *Psychiatric diagnosis in New York and London.* London: Oxford University Press.

Coyne, J. C. & Downey, G. (1991). Social factors and psychopathology. *Annual Review of Psychology, 42,* 401–425.

Cronkite, R. C. & Moos, R. H. (1995). Life context, coping processes, and depression. In E. E. Beckman & W. R. Leber (Eds.), *Handbook of depression* (2nd ed., pp. 569–590). New York: Guilford.

Davison, G. C. & Neale, J. M. (1998). *Abnormal psychology. An experimental clinical approach* (7th ed.). New York: Wiley.

Day, R., Nielsen, J. A., Korten, A., Ernberg, G., Dube, K. C., Gebhart, J., Jablensky, A., Leon, C., Marsella, A. J., Olatawura, M., Sartorius, N., Stromgren, E., Takahashi, R., Wig, N. & Wynne, L. C. (1987). Stressful life events preceding the acute onset of schizophrenia: A cross-national study from the World Health Organization. *Culture, Medicine and Psychiatry, 11,* 123–205.

Desjarlais, R., Eisenberg, L., Good, B. & Kleinman, A. (1995). *World mental health: Problems and priorities in low-income countries.* New York: Oxford University Press.

Devereux, G. (1961). *Mohave ethnopsychiatry and suicide: The psychiatric knowledge and the psychic disturbances of an Indian tribe* (No. 1975). Washington, DC: Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology.

Draguns, J. G. (1973). Comparisons of psychopathology across cultures: Issues, findings, directions. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 4,* 9–47.

Draguns. J. G. (1980). Psychological disorders of clinical severity. In H. C. Triandis & J. G. Draguns (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 6. Psychopathology* (pp. 99–174). Boston: Allyn and Bacon.

Draguns, J. G. (1990). Normal and abnormal behavior in cross-cultural perspective: Specifying the nature of their relationship. In J. J. Berman (Ed.), *Nebraska Symposium on Motivation, 1989: Vol. 37. Cross-cultural perspectives* (pp. 235–278). Lincoln: University of Nebraska Press.

Draguns, J. G. (1996). Abnormal behavior in Chinese societies: Clinical, epidemiological, and comparative studies. In M. Bond (Ed.), *Handbook of psychology of the Chinese people* (pp. 395–411). Hong Kong: Oxford University Press.

Fabrega, H. (1974). Problems implicit in the cultural and social study of depression. *Psychosomatic Medicine, 36,* 377–398.

Fabrega, H. (1987). Psychiatric diagnosis: A cultural perspective. *Journal of Nervous and Mental Disease, 175,* 383–394.

Field, M. (1960). *Search for security: An ethno-psychiatric study of rural Ghana.* Evanston, IL: Northwestern University Press.

Foucault, M. (1965). *Madness and civilization: A history of insanity in the age of reason.* New York: Pergamon.

Geisinger, K. F. (1994). Cross-cultural normative assessment: Translation and adaptation issues in fluencing normative interpretation of assessment instruments. *Psychological Assessment, 6,* 304–312.

Goffman, E. (1961). *Asylums.* Chicago: Aldine.

Golding, J. M., Karno, M. & Rutter, C. M. (1990). Symptoms of major depression among Mexican-American and non-Hispanic whites. *American Journal of Psychiatry, 147,* 861–866.

Good, B. & Kleinman, A. (1985). Culture and anxiety: Cross-cultural evidence for the patterning of anxiety disorders. In A. H. Tuma & J. D. Maser (Eds.), *Anxiety and anxiety disorders* (pp. 297–324). Hillsdale, NJ: Erlbaum

Good, B. J. (1992). Culture and psychopathology: Directions for psychiatric anthropology. In T. Schwartz, G. M. White & C. A. Lutz (Eds.), *New directions in psychological anthropology* (pp. 181–205). Cambridge: Cambridge University Press.

Guarnaccia, P. J., Rivera, M., Franco, F. & Neighbors, C. (1996). The experiences of *ataques de nervios:* Towards an anthropology of emotions in Puerto Rico. *Culture, Medicine and Psychiatry, 20,* 343–367.

Helzer, J. E. & Canino, G. J. (1992). Comparative analysis of alcoholism in 10 cultural regions. In J. E. Helzer & G. J. Canino (Eds.), *Alcoholism in North America, Europe, and Asia* (pp. 289–308). New York: Oxford University Press.

Hopper, K. (1992). Cervantes' puzzle: A commentary on Alex Cohen's «Prognosis for schizophrenia in the Third World: A reevaluation of cross-cultural research». *Culture, Medicine and Psychiatry, 16,* 89–100.

Hwu, H. G. & Compton, W. M. (1994). Comparison of major epidemiological surveys using the diagnostic interview schedule. *International Review of Psychiatry, 6,* 309–327.

Hwu, H. G., Yeh, E. K. & Chang, L. Y. (1989). Prevalence of psychiatric disorders in Taiwan defined by the Chinese diagnostic interview schedule. *Acta Psychiatrica Scandinavica, 79,* 136–174.

Jablensky, A. (1989). Epidemiology and cross-cultural aspects of schizophrenia. *Psychiatric Annals, 19,* 516–524.

Jablensky, A. & Sartorius, N. (1988). Is schizophrenia universal? *Acta Psychiatrica Scandinavica, 78,* 65–70.

Jablensky, A., Sartorius, N., Ernberg, G., Anker, M., Korten, A., Cooper, J. E., Day, R. & Bertelsen, A. (1992). *Schizophrenia: Manifestations, incidence, and course in different cultures: A World Health Organization 10 Country Study* (Psychological Medicine Monograph Supplement 20). Cambridge: Cambridge University Press.

Jackson, S. W. (1986). *Melancholia and depression.* New Haven, CT: Yale University Press.

Jenkins, J. H. (1994). Culture, emotion, and psychopathology. In S. Kitayama & H. R. Markus (Eds.), *Emotion and culture: Empirical studies of mutual influence* (pp. 307–338). Washington, DC: American Psychological Association.

Jenkins, J. H. & Karno, M. (1992). The meaning of expressed emotion: theoretical issues raised by cross-cultural research. *American Journal of Psychiatry, 149,* 9–21.

Karno, M., Hough, R. L., Burman, A., Escobar, J. I., Timbers, D. M., Santana, F. & Boyd, J. H. (1987). Lifetime prevalence of specific psychiatric disorders among Mexican Americans and non-Hispanic whites in Los Angeles. *Archives of General Psychiatry, 44,* 695–701.

Keith, S. J., Regier, D. A. & Rae, D. S. (1991). Schizophrenic disorders. In L. N. Robins & D. A. Regier (Eds.), *Psychiatric disorders in America: The Epidemiologic Catchment Area Study.* New York: Free Press.

Kessler, R. C., McGonagle, K. A., Zhao, S., Nelson, C. B., Hughes, M., Eshleman, S., Wittchen, H. U. & Kendler, K. S. (1994). Lifetime and 12-month prevalence of *DSM-III-R* psychiatric disorders in the United States: Results from the National Comorbidity Survey. *Archives of General Psychiatry, 51,* 8–19.

Kiev, A. (1972). *Transcultural psychiatry.* New York: Free Press.

Kimura, B. (1967). Phanomenologie des Schulder-lebnisses in einer vergleichenden psychiatrischen Sicht. In N. Petriolowitsch (Ed.), *Betrage zue vergleichenden Psychiatrie* (Vol. 11, pp. 54–83). Basel: Karger.

Kirmayer, L. J. (1984). Culture, affect, and somatization: Parts 1 and 2. *Transcultural Psychiatric Research Review, 21,* 159–262, 237–262.

Kirmayer, L. J. (1991). The place of culture in psychiatric nosology: Taijin Kyofusho and *DSM-III-R. Journal of Nervous and Mental Disorder, 179,* 19–28.

Kleinman, A. (1977). Depression, somatization, and the «New Cross-Cultural Psychiatry». *Social Science and Medicine, 11,* 3–9.

Kleinman, A. (1978). Clinical relevance of anthropological and cross-cultural research: Concepts and strategies. *American Journal of Psychiatry, 135,* 427–431.

Kleinman, A. (1980). *Patients and healers in the context of culture.* Berkeley: University of California Press.

Kleinman, A. (1982). Neurasthenia and depression: A study of somatization and culture in China. *Culture, Medicine, and Psychiatry, 6,* 117–189.

Kleinman, A. (1986). *Social origins of distress and disease: Depression, neurasthenia, and pain in modern China.* New Haven, CT: Yale University Press.

Kleinman, A. (1988). *Rethinking psychiatry: From cultural category to personal experience.* New York: Free Press.

Kleinman, A. & Good, B. (Eds.). (1985). *Culture and depression: Studies in the anthropology and cross-cultural psychiatry of affect and disorder.* Berkeley: University of California Press.

Kleinman, A. & Kleinman, J. (1985). Somatization: The interconnections in Chinese society among culture, depressive experiences, and the meaning of pain. In A. Kleinman & B. Good (Eds.), *Culture and depression* (pp. 429–490). Berkeley: University of California Press.

Kraepelin, E. (1904). *Vergleichende Psychiatrie. Zentralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie, 15,* 433–437.

Lam, K. (1999). *An etic-emic approach to validation of the Chinese version of the Children's Depression Inventory.* Unpublished doctoral dissertation, Hofstra University, Hempstead, NY.

Lambert, M. C., Weisz, J. R., Knight, F., Desrosiers, M. F., Overly, K. & Thesiger, C. (1992). Jamaican and American adult perspectives on child psychopathology: Further exploration of the threshold model. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 60,* 146–149.

Lee, C. K., Kwak, Y. S., Yamamoto, J., Rhee, H., Kim, Y. S., Han, J. H., Choi, J. K. & Lee, Y. H. (1990). Psychiatric epidemiology in Korea. Part I: Gender and age differences in Seoul. *Journal of Nervous and Mental Disease, 178,* 242–246.

Lee, S. & Wong, K. C. (1995). Rethinking neurasthenia: The illness concepts of shenjing shuairuo among Chinese undergraduates in Hong Kong. *Culture, Medicine and Psychiatry, 19,* 91–111.

Leff, J. (1988). *Psychiatry around the globe: A trans-cultural view.* London: Gaskell.

Leff, J. & Vaughn, C. (1986). *Expressed emotion in families: Its significance for mental illness.* New York: London.

Lewis-Fernandez, R. (1996). Cultural formulation of psychiatric diagnosis. *Culture, Medicine and Psychiatry, 20,* 133–144.

Liebkind, K. A. (1996). Acculturation and stress. Vietnamese refugees in Finland. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 27,* 161–180.

Lin, K. & Kleinman, A. (1988). Psychopathology and clinical course of schizophrenia: A cross-cultural perspective. *Schizophrenia Bulletin, 14,* 555–567.

Lin, T. Y. (1953). A study of the incidence of mental disorders in Chinese and other cultures. *Psychiatry, 16,* 313–336.

Lin, T. Y. (1989). Neurasthenia revisited: Its place in modern psychiatry. *Culture, Medicine and Psychiatry, 13,* 105–129.

Littlewood, R. (1990). From categories to contexts: A decade of the new cross-cultural psychiatry. *British Journal of Psychiatry, 156,* 308–327.

Lonner, W. J. & Adamopoulos, J. (1997). Culture as antecedent to behavior. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. 43–84). Boston: Allyn & Bacon

Lopez, S. R. (1989). Patient variable biases in clinical judgment: Conceptual overview and methodological considerations. *Psychological Bulletin, 106,* 184–204.

Manson, S. M., Shore, J. H. & Bloom, J. D. (1985). The depressive experience in American Indian communities: A challenge for psychiatric theory and diagnosis. In A. Kleinman & B. Good (Eds.), *Culture and depression* (pp. 331–368). Berkeley: University of California Press.

Marsella, A. J. (1980). Depressive experience and disorder across cultures. In H. C. Triandis & J. G. Draguns (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 6. Psychopathology* (pp. 233–262). Boston: Allyn & Bacon

Marsella, A. J. (1998). Toward a «global psychology»: New directions in theory and research. *American Psychologist, 53,* 1282–1291

Marsella, A. J. & Dash-Scheur, A. (1988). Coping, culture, and healthy human development: A research and conceptual overview. In P. Dasen, J. W. Berry & N. Sartorius (Eds.), *Cross-cultural psychology and health: Toward applications* (pp. 162–178). Newbury Park, CA: Sage.

Marsella, A. J., Sartorius, N., Jablensky, A. & Fenton, F. (1985). Cross-cultural studies of depressive disorders: An overview. In A. Kleinman & B. Good (Eds.), *Culture and depression: Studies in the anthropology and cross-cultural psychiatry of affect and disorders* (pp. 299–324). Berkeley: University of California Press.

Marsella, A. J. & White, G. (Eds.). (1982). *Cultural conceptions of mental health and therapy.* Hingham, MA: D. Reidel (Kluver).

Matsumoto, D. (1994). *Cultural influence on research methods and statistics.* Pacific Grove, CA: Brooks/Cole.

Matsumoto, D., Kudoh, T., Scherer, K. & Wallbott, H. (1988). Antecedents of and reactions to emotions in the United States and Japan. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 19,* 267–286.

Mead, M. (1935). *Sex and temperament in three primitive societies.* New York: Morrow.

Mesquita, B. & Frijda, N. H. (1992). Cultural variations in emotion: A review. *Psychological Bulletin, 112,* 179–204.

Mezzich, J. E., Fabrega, H., Mezzich, A. C. & Goffman, G. A. (1985). International experience with DSM-III. *Journal of Nervous and Mental Disease, 173,* 738–741.

Mezzich, J. E., Kleinman, A., Fabrega, H. & Patron, D. L. (1996). *Culture and psychiatric diagnosis: A DSM-IV perspective.* Washington, DC: American Psychiatric Press.

Moyerman, D. R. & Forman, B. D. (1992). Acculturation and adjustment: A meta-analytic study. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 14,* 163–200.

Murphy, H. B. M. (1982a). *Comparative psychiatry: The international and intercultural distribution of mental illness.* Berlin: Springer-Verlag.

Murphy, H. B. M. (1982b). Culture and schizophrenia. In I. Al-Issa (Ed.), *Culture and psychopathology* (pp. 221–250). Baltimore, MD: University Park Press.

Murphy, J. M. (1976). Psychiatric labeling in cross-cultural perspective. *Science, 182,* 1019–1027.

Murphy, J. M. & Leighton, A. H. (Eds.). (1965). *Approaches to cross-cultural psychiatry.* Ithaca, NY: Cornell University Press

Neale, J. M. & Oltmanns, T. F. (1980). *Schizophrenia.* New York: Wiley.

Nichter, M. (1981). Idioms of distress. *Culture, Medicine, and Psychiatry, 5,* 379–408.

Pfeiffer, W. (1970). *Transkulturelle Psychiatrie: Er-gebnisse und Probleme.* Stuttgart: Thieme.

Pfeiffer, W. (1994). *Transkulturelle Psychiatrie* (2nd ed.). Stuttgart: Thieme.

Phinney, J. S. (1996). When we talk about American ethnic groups, what do we mean? *American Psychologist, 51,* 918–927.

Prince, R. H. (1968). The changing picture of depressive syndromes in Africa: Is it fact or diagnostic fashion? *Canadian Journal of African Studies, 1,* 177–192.

Radford, M. H. B., Nakane, Y., Ohta, Y., Mann, L. & Kalucy, R. S. (1991). Decision making in clinically depressed patients: A transcultural social psychological study. *Journal of Nervous and Mental Disease, 179,* 711–719.

Rao, A. V. (1973). Depressive illness and guilt in Indian cultures. *Indian Journal of Psychiatry, 23,* 213–221.

Robins, L. N., Helzer, J. E., Croughan, J. L. & Ratcliff, K. (1981). The NIMH Diagnostic Interview Schedule: Its history, characteristics and validity. *Archives of General Psychiatry, 38,* 381–389.

Robins, L. N., Locke, L. N. & Regier, D. A. (1991). An overview of the psychiatric disorders in America. In L. N. Robins & D. A. Regier (Eds.), *Psychiatric disorders in America: The Epidemiologic Catchment Area Study* (pp. 328–366). New York: Free Press.

Robins, L. N. & Regier, D. A. (Eds.). (1991). *Psychiatric disorders in America: The Epidemiologic Catchment Area Study.* New York: Free Press.

Rogler, L. H. (1999). Methodological sources of cultural insensitivity in mental health research. *American Psychologist, 54,* 424–433.

Rosenhan, D. L. (1973). On being sane in insane places. *Science, 179,* 250–258.

Russell, J. A. (1991). Culture and categorization of emotions. *Psychological Bulletin, 110,* 426–450.

Russell, J. G. (1989). Anxiety disorders in Japan: A review of the Japanese literature on Shinkeishitsu and Taijin Kyofusho. *Culture, Medicine, and Psychiatry, 13,* 391–403.

Sarbin, T. R. (1969). The scientific status of the mental illness metaphor. In S. C. Plog & R. B. Edgerton (Eds.), *Changing perspectives in mental illness* (pp. 9–30). New York: Holt, Rinehart & Winston.

Sarbin, T. R. & Juhasz, J. B. (1982). The concept of mental illness: A historical perspective. In I. Al-Issa (Ed.), *Culture and psychopathology* (pp. 71–122). Baltimore, MD: University Park Press.

Sartorius, N. & Janca, A. (1996). Psychiatric assessment instruments developed by the World Health Organization. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 31,* 55–69.

Scheff, T. J. (1966). *Being mentally ill: A sociological theory.* Chicago: Aldine.

Segall, M. H., Lonner, W. J. & Berry, J. W. (1998). Cross-cultural psychology as a scholarly discipline. *American Psychologist, 53,* 1101–1110.

Seiden, D. Y. (1999). *Cross-cultural behavioral case formulation with Chinese neurasthenia patients.* Unpublished doctoral dissertation, Hofstra University, Hempstead, NY.

Singer, K. (1975). Depressive disorders from a trans-cultural perspective. *Social Science and Medicine, 9,* 289–301.

Sinha, D. (1997). Indigenizing psychology. In J. W. Berry, Y. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theory and method* (pp. 129–170). Boston: Allyn & Bacon.

Sow, I. (1980). *Anthropological structures of madness in Black Africa.* New York: International Universities Press.

Sue, S. (1998). In search of cultural competence in psychotherapy and counseling. *American Psychologist, 532,* 440–448.

Sue, S. & Zane, N. (1987). The role of culture and cultural techniques in psychotherapy: A critique and reformulation. *American Psychologist, 42,* 37–45.

Szapocznik, J. & Kurtines, W. M. (1993). Family psychology and cultural diversity. *American Psychologist, 48,* 400–407.

Szasz, T. S. (1961). *The myth of mental illness.* New York: Paul B. Hoeber.

Tanaka-Matsumi, J. (1979). Taijin Kyofusho: Diagnostic and cultural issues in Japanese psychiatry. *Culture, Medicine and Psychiatry, 3,* 231–245.

Tanaka-Matsumi, J. (1995). Cross-cultural perspectives on anger. In H. Kassinove (Ed.), *Anger disorders: definition, diagnosis and treatment* (pp. 80–89). Washington, DC: Francis & Taylor.

Tanaka-Matsumi, J. & Chang, R. (1999, August). What questions arise when studying cultural universals in depression? In H. Kassinove (Chair), *Are there cultural universals in psychopathology?* Symposium conducted at the annual meeting of the American Psychological Association, Boston.

Tanaka-Matsumi, J. & Draguns, J. G. (1997). Culture and psychopathology. In J. Berry, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 3. Social psychology* (2nd ed., pp. 449–491). Boston: Al-lyn & Bacon.

Tanaka-Matsumi, J. & Higginbotham, N. H. (1996). Behavioral approaches to cross-cultural counseling. In P. B. Pedersen, J. G. Draguns, W. J. Lonner & J. E. Trimble (Eds.), *Counseling across cultures* (4th ed., pp. 266–292). New-bury Park, CA: Sage.

Tanaka-Matsumi, J. & Marsella, A. J. (1976). Cross-cultural variations in the phenomenological experience of depression: I. Word association studies. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 7,* 379–396.

Tanaka-Matsumi, J., Seiden, D. Y. & Lam, K. (1996). Cross-cultural functional analysis: A strategy for culturally-informed clinical assessment. *Cognitive and Behavioral Practice, 2,* 215–233.

Tanaka-Matsumi, J., Seiden, D. Y. & Lam, K. (2001). Translating cultural observations into psychotherapy: A functional approach. In J. F. Schumaker & T. Ward (Eds.), *Cognition, Culture and Psychopathology* (pp. 193–212). Westport, CT: Praeger.

Thakker, J. & Ward, T. (1998). Culture and classification: The cross-cultural application of the *DSM-IV Clinical Psychology Review, 18,* 501–529.

Triandis, H. C. (1994). Major cultural syndromes and emotion. In S. Kitayama & H. Markus (Eds.), *Emotion and culture: Empirical studies of mutual influence* (pp. 285–306). Washington, DC: American Psychological Association.

Tseng, W.-S., Asai, M., Jicqiu, L., Wibulswasd, P., Suryani, L K., Wen, L -K., Brennan, J. & Heiby, E. (1990). Multicultural study of minor psychiatric disorders in Asia: Symptom manifestations. *International Journal of Social Psychiatry, 36,* 252–264.

Tseng, W.-S., Asai, M, Kitanishi, K., McLaughlin, D. & Kyomen, H. (1992). Diagnostic patterns of social phobia: Comparison in Tokyo and Hawaii. *Journal of Nervous and Mental Disease, 180,* 380–385.

Tseng, W.-S. & Hsu, J. (1980). Minor psychological disturbances of everyday life. In H. C. Triandis & J. G. Draguns (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 6. Psychopathology* (pp. 61–98). Boston: Allyn & Bacon.

Tseng, W.-S., Mo, K.-M., Li, L.-S., Chen, G.-Q., Ou, L.-W. & Zheng, H.-B. (1992). Koro epidemics in Guangdong, China: A questionnaire survey. *Journal of Nervous and Mental Disease, 180,* 117–123.

Tseng, W.-S., Xu, N., Ebata, K., Hsu, J. & Cui, Y. (1986). Diagnostic pattern of neurosis among China, Japan and America. *American Journal of Psychiatry, 143,* 1010–1014.

Tung, M. P. M. (1994). Symbolic meanings of the body in Chinese culture and «somatization». *Culture, Medicine and Psychiatry, 18,* 483–492.

Ullmann, L. P. & Krasner, L. (1969). *A psychological approach to abnormal behavior* (1st ed.) Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Ullmann, L. P. & Krasner, L. (1975). *A psychological approach to abnormal behavior* (2nd ed.) Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Ward, C. & Kennedy, A. (1994). Acculturation strategies, psychological adjustment, and sociocultural competence during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations, 18,* 329–343.

Ward, C. & Rana-Deuba, A. (1999). Acculturation and adaptation revisited. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 30,* 422–442.

Warner, R. (1994). *Recovery from schizophrenia: Psychiatry and political economy* (2nd ed.). New York: Routledge.

Waxier-Morrison, N. E. (1992). «Prognosis for schizophrenia in the Third World: A reevaluation of cross-cultural research»: Commentary. *Culture, Medicine and Psychiatry, 16,* 77–80.

Weiss, M. (1997). Explanatory Model Interview Catalogue (EMIC): Framework for comparative study of illness. *Transcultural Psychiatry, 34,* 235–263.

Weiss, M. G., Doongaji, D. R., Siddhartha, S., Wypij, D., Pathare, S., Bhatawdekar, M., Bhave, A., Sheth, A. & Fernandes, R. (1992). The Explanatory Model Interview Catalogue (EMIC) contribution to cross-cultural research methods from a study of Leprosy and mental health. *British Journal of Psychiatry, 160,* 819–830.

Weiss, M. G. & Kleinman, A. (1988). Depression in cross-cultural perspective: Developing a culturally informed model. In P. Dasen, J. W. Berry & N. Sartorius (Eds.), *Cross-cultural psychology and health: Toward applications* (pp. 179–206). Newbury Park, CA: Sage.

Weissman, M. M., Bruce, M., Leaf, P., Florio, L. & Holzer, C. (1991). Affective disorders. In L. Robins & E. Regier (Eds.), *Psychiatric disorders in America* (pp. 53–80). New York: Free Press.

Wells, J. E., Bushnell, J. A., Hornblon, A. R., Joyce, P. R. & Oakley-Browne M. A. (1989). Christchurch psychiatric epidemiology study, Part I: Methodology and lifetime prevalence for specific psychiatric disorders. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry, 23,* 315–326.

Westermeyer, J. (1987). Cultural factors in clinical assessment. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 55,* 471–479.

Whaley, A. L. (1997). Ethnic/race paranoia, and psychiatric diagnoses: Clinician bias versus sociocultural differences. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment, 19,* 1–20.

White, G. (1982). The role of cultural explanations in «somatization». *Social Science and Medicine, 16,* 1519–1530.

Wing, J. K., Cooper, J. E. & Sartorius, N. (1974). *Measurement and classification of psychiatric symptoms. An instruction manual for the PSE and CATEGO program.* Cambridge: Cambridge University Press.

Wittkower, E. D. & Rin, H. (1965). Transcultural psychiatry. *Archives of General Psychiatry, 13,* 387–394.

World Health Organization. (1973). *Report of the International Pilot Study of Schizophrenia.* Geneva: Author.

World Health Organization. (1979). *Schizophrenia: An international follow-up study.* Geneva: Author.

World Health Organization. (1983). *Depressive disorders in different cultures: Report of the WHO collaborative study of standardized assessment of depressive disorders.* Geneva: Author.

World Health Organization. (1992). *The ICD-10 classification of mental and behavioural disorders: Clinical descriptions and diagnostic guidelines.* Geneva: Author.

Yap, P. M. (1971). Guilt and shame, depression and culture: A psychiatric cliche reexamined. *Community Contemporary Psychology, 1,* 35–53.

Yap, P. M. (1974). *Comparative psychiatry: A theoretical framework.* Toronto: University of Toronto Press.

Zhang, M.-Y. (1989). The diagnosis and phenomenology of neurasthenia: A Shanghai study. *Culture, Medicine and Psychiatry, 13,* 147–161.

ГЛАВА 15

Клиническая психология и культура

Джейн Ли и Стэнли Сью

Эту часть книги мы завершаем рассмотрением влияния культуры на клиническую психологию. В задачу психологии входит не только научное исследование и объяснение человеческого поведения, но и использование психологических знаний для того, чтобы помочь людям улучшить их жизнь. Это отличает психологию от многих других научных дисциплин и связано с практическим значением научной истины и принципов, устанавливаемых психологией. В течение многих лет кросс-культурные исследования выявляли влияние культуры на поведение человека, а следовательно, и ее важность для более глубокого понимания и лечения психических расстройств.

Как отмечают в этой главе Ли и Сью, область клинической психологии в целом характеризуется множеством важных проблем, которые ставит перед специалистами культура, и эти проблемы ждут своего решения. В начале главы соавторы дают общее представление о состоянии клинической психологии и рассказывают о формировании и развитии этой дисциплины как самостоятельной области. Ли и Сью справедливо отмечают, что, изначально сформировавшись в Америке, клиническая психология в своем подходе и ориентации находилась в первую очередь, под американским и, в меньшей степени, под европейским влиянием. В целом это привело к монокультурному характеру клинической психологии.

Однако продолжающееся развитие кросс-культурной психологии и значение ее открытий для традиционной психологии, а также все более глубокое осмысление расовых и этнических отношений в США привело к тому, что внимание к проблемам кросс-культурного характера в клинической психологии за последние несколько десятилетий стало куда более пристальным. В результате клиническая психология не только в США, но во всем мире постепенно расстается с монокультурной ориентацией, признавая уникальность потребностей и проблем представителей разных культур. Фактор культуры признан в трех важнейших направлениях работы в клинической психологии: клинической оценке, патопсихологии и лечении. Как подчеркивают Ли и Сью в своем обзоре, исследования и теоретическая работа, которые ведутся в данных направлениях с учетом фактора культуры, внесли немаловажный вклад в развитие научного знания и методов работы.

Читателю будет особенно интересно ознакомиться с кратким обзором материалов о влиянии культуры на патологию. Отчасти совпадая по содержанию с предыдущей главой, этот раздел касается вопросов и проблем связи между культурой и подходом к лечению. Авторы представляют прекрасный обзор влияния культурной специфики на различные виды лечения и подходы к нему, при этом большое значение придается сложной и важной взаимосвязи культуры, общества, биологии и психологии. В частности, весьма острым и актуальным является их анализ центральных моментов, связанных с индивидуализмом, уверенностью в своих силах и самосознанием, лежащих в основе многих психотерапевтических подходов. Эти подходы берут свое начало в американской или западноевропейской культуре, применимость их к представителям других культур может вызывать сомнения. Представленное авторами обсуждение вопроса о культурно зависимых подходах к лечению также выполнено на весьма высоком уровне.

Завершая данную главу, Ли и Сью говорят о восьми проблемах, которые они считают ключевыми для дальнейшей работы в данной области. Их предложения проникнуты убеждением в том, что эмпирическая и теоретическая работа в сфере клинической психологии требует гораздо более широких, чем раньше, исследований за пределами США и учета психологии представителей иных культур. В ходе этой работы сами исследователи, а также терапевты и клинические врачи, должны стать более компетентными в области культуры, оставить формальные декларации о необходимости обследовать разные группы населения и приступить к этой работе по-настоящему. Необходимо объединить традиционные психотерапевтические подходы и методы народных целителей, изыскивая пути, которые позволили бы обеспечить одновременное и непредвзятое в культурном отношении изучение и первых и вторых. Кроме того, необходима интеграция новых методик как количественных, так и качественных, а также сближение молекулярных (то есть биологических) и молярных (культурных) подходов к пониманию и исследованию поведения человека. Данные идеи весьма важны для работы в области клинической психологии, поскольку нет другой области в психологии, которая оказывала бы столь же непосредственное влияние на жизнь огромного количества людей во всем мире. Именно поэтому так важно понимать ее должным образом.

Наш интерес к культуре в связи с клинической психологией возник в процессе работы с национальными меньшинствами в США. Моменты сходства и различия в распространенности и распределении психических расстройств, этиологических факторах психопатологии и методах успешного лечения и предупреждения заболеваний среди афроамериканцев, американцев азиатского и латиноамериканского происхождения, североамериканских индейцев и белых американцев произвели на нас глубокое впечатление. Кроме того, подавляющая часть принципиальных закономерностей, касающихся этнических и культурных особенностей различных групп населения США, применима и к тем, кто проживает за пределами этой страны.

В этой главе мы размышляем о развитии клинической психологии и медленном, но неуклонном признании важности учета фактора культуры при решении самых разных задач в данной области, а именно — при клинической оценке, понимании этиологии и поисках путей предупреждения и успешного лечения заболеваний. Чтобы рассмотреть развитие данной области в перспективе, мы начнем с рассказа об истории становления клинической психологии в США. Как мы увидим, формирование клинической психологии: а) имело место в США; б) осуществлялось с учетом национальных потребностей, в первую очередь, потребностей в психологическом тестировании и клинической оценке; в) представляло собой главным образом американскую инициативу; г) происходило в условиях доминирования американской культуры.

Становление клинической психологии

Клиническая психология в исторической перспективе

На протяжении истории человечества представители любой культуры страдали эмоциональными расстройствам и пытались облегчить это состояние. Клиническая психология возникла в США в 1896 году, когда были поставлены задачи клинической оценки и лечения эмоциональных расстройств. Психолог Лайтнер Уитмер, ученик Вильгельма Вундта, основал первую детскую психологическую клинику в университете Пенсильвании. Там он преподавал курс по применению в психологии клинических методов. В то время клинические психологи главным образом занимались эмпирическими исследованиями и диагностикой.

На заре своего становления клиническая психология не была встречена психиатрами с восторгом, поскольку «новая» дисциплина посягала на их территорию. Так же прохладно отнеслись к ней специалисты в других областях психологии, которые не видели необходимости в ее практическом применении. Они считали психологию «чистой» наукой (Reisman, 1991). Количество специалистов в области клинической психологии росло, и они начали объединяться в ассоциации, первой из которых стала независимая Американская ассоциация клинической психологии, созданная в 1917 году. Позднее она была расформирована и в 1919 году превратилась в первую клиническую секцию Американской психологической ассоциации. В Европе первая клиника для детей появилась в Англии в 1919 году. В том же году Альфред Адлер основал первую детскую клинику в Вене.

Психологическое тестирование получило широкое распространение во время Первой мировой войны, когда начали применять тесты умственных способностей для новобранцев армии США. В 1919 году Роберт Йеркс, ставший затем президентом Американской психологической ассоциации, был избран председателем комиссии, в состав которой входили пять специалистов в области экспериментальной психологии из медицинского департамента армии США. На них были возложены обязанности по разработке методик, позволяющих определять уровень способностей человека. При этом использовались различные тесты интеллекта, такие как тест с вербальной шкалой (альфа-тест) и тест с невербальной шкалой (бета-тест). Результаты тестирования вызвали тревогу. Из 1 762 000 человек, протестирован-

ных в течение Первой мировой войны, свыше 500 000 оказались неграмотными, а около 8000 были рекомендованы к демобилизации на основании низких показателей умственных способностей (Reisman, 1991).

Эти данные еще больше стимулировали разработку психологических тестов для оценки личности. Потребность в тестировании, особенно в системе школьного образования, была настоятельной и безотлагательной. В США недостаток квалифицированных психологов, способных проводить тестирование по шкале умственных способностей и интерпретировать результаты, привел к тому, что роль психологов-экспериментаторов взяли на себя учителя и директора школ. Ответом на растущую потребность в специалистах по клинической психологии был рост числа психологических клиник. К 1919 году клиническая психология обрела статус науки и одновременно профессии.

Всех охватила настоящая страсть к проведению тестов. Немногим детям удавалось избежать тестирования умственных способностей. Вооруженные несколькими диагностическими инструментами, школьные психологи получили указание выявить различия между теми, кто не может, и теми, кто не станет учиться. Несмотря на сложность принятия столь ответственного решения, многие школы всецело полагались на информацию, полученную в результате применения психологических тестов. Тестирование стало применяться также в сфере профессионального и промышленного управления. Хотя потребность в специально обученных психологах росла головокружительными темпами, одновременно с ней в среде специалистов по клинической психологии крепло ощущение неудовлетворенности и досады. Из клиницистов они превратились в лаборантов, занимающихся проверкой умственных способностей. Руководящие должности заведующих клиниками и отделениями были отданы психиатрам, тогда как специалисты по клинической психологии оказались на вторых ролях. Причиной этого было отсутствие стандартов, норм и программы обучения специалистов по клинической психологии (Wallin, 1929).

Стремясь решить эту проблему, секция клинической психологии Американской психологической ассоциации предприняла попытку разработать стандартную программу обучения клинической психологии, которую приняли бы университеты. Для создания такой программы была сформирована Комиссия по стандартам обучения клинической психологии. В соответствии с рекомендациями данной комиссии, чтобы получить звание специалиста в области клинической психологии, следовало иметь степень доктора философии и год стажировки.

Одновременно с развертыванием данной программы клиническая психология начала интенсивно развиваться. Казарян и Эванс (Kazarian & Evans, 1998) проследили эволюцию самого термина. В период после Второй мировой войны определение клинической психологии было расширено и включило методы, которые способствовали достижению благосостояния и психического здоровья личности. Шаков (Shakow, 1976) определяет клиническую психологию как

> корпус знаний, которые произрастают как из подтвержденных практикой, так и из экспериментальных методик, основанных на общих, криптических, психобиологических и психосоциальных принципах. Навыки клинической оценки и терапии, которые представляют собой производные этого знания, могут использоваться для оказания помощи тем, чье неадекватное поведение или психические расстройства препятствуют адаптации и самовыражению (р. 559).

Фокс (Fox, 1982) расширил данное определение, подчеркнув совершенствование и результативность поведения человека и копинг-навыки.

Теперь, включив в сферу своего внимания общие вопросы, касающиеся здоровья, специалисты по клинической психологии могли помогать людям, которых беспокоили проблемы физического здоровья, а не только тем, чьи проблемы носили психический и эмоциональный характер (Kazarian & Evans, 1998). Американская психологическая ассоциация взяла на себя обязанность определения, какие программы соответствуют стандартным требованиям и заслуживают поддержки. Кроме того, к программам обучения дипломированных специалистов в области клинической психологии предъявлялось требование обеспечить подготовку в области психотерапии, клинической оценки и научно-исследовательской работы. Еще одной новой целью Американской психологической ассоциации было развитие психологии как науки *и* как средства, способствующего достижению благосостояния людей (Reisman, 1991).

Сороковые годы ознаменовались заметным подъемом высшего образования в области клинической психологии. Модель ученого-практика (известная также как модель Боулдера) предполагала такой подход к обучению, который требовал основательной подготовки в области прикладной и фундаментальной науки, а также навыков эффективного вмешательства. Подготовка специалистов по клинической психологии стала наконец вестись и как подготовка ученых, и как подготовка практикующих врачей, при этом по-прежнему слышались жалобы на то, что исследовательской подготовке уделяется слишком много внимания, тогда как клиническая работа недооценивается. Выражалась озабоченность тем, что нельзя должным образом обучать психотерапии и методиками диагностической оценки в сугубо академической атмосфере.

В 1965 году Кеннет Клар предложил профессиональную модель подготовки докторов психологии, при которой первоочередное внимание могло бы уделяться профессиональной практике и несколько меньшее — академической подготовке. Эта модель получила одобрение на Вейлской конференции в 1973 году (Kazarian & Evans, 1998). Несмотря на развитие профессиональной модели, модель ученого-практика продолжала доминировать при профессиональной подготовке специалистов по психологии в Северной Америке. В других странах мира профессиональная активность была сравнительно меньшей, сосредоточившись главным образом на обучении, научно-исследовательской работе и диагностическом тестировании. Во многих странах Азии роль психологов сегодня сводится прежде всего к тестированию и диагностической оценке, как это было в США несколько десятков лет назад.

В 1960-е годы клиническая психология была еще преимущественно американской. В то время как в США количество клиницистов исчислялось тысячами, в Великобритании было лишь 345 специалистов по клинической психологии, в Югославии — 60, несколько в Египте и Ливане, 1 в Сирии, 6 в Ираке, несколько сотен в Японии и несколько сотен в Канаде и Латинской Америке (Reisman, 1991). Исследования, проводимые в США, благодаря которым в клинической психологии была собрана большая часть эмпирических данных, начинали постепенно разворачиваться и в других странах. Зарождался обмен идеями между культурами. Все больше ученых из-за рубежа приезжали в Америку учиться по программам,

дающим докторскую степень. Клиническая психология постепенно получала признание в других странах, где происходила интеграция американских моделей и местных концепций (например, подход к неврастении в Китае). Американская модель становилась образцом, на который ориентировались те, кто продолжал развивать данное направление.

Клиническая психология с точки зрения культуры

Поскольку клиническая психология брала свое начало в США, культурная ориентация этой области прежде всего отражала американское влияние. По сути дела, США представляют собой конгломерат большого количества различных культур. Тем не менее, в первую очередь это западная (то есть западноевропейская) культура, значительно отличающаяся по своему подходу от восточной (то есть азиатской). Поэтому неудивительно, что теоретические основы клинической психологии были тесно связаны с такими западными учеными, как Фрейд и Уотсон. В 1900 году было опубликовано «Толкование сновидений» Фрейда (*Interpretation of Dreams*, Freud, 1900). В основе книги лежала идея физического детерминизма, в соответствии с которой все, что касается мыслей и поведения индивида, представляет собой продукт определенных законов природы, а не свободной воли. По Фрейду, мысли или действия могут носить бессознательный характер и в ходе психоанализа можно выявить их причины или мотивы, которые не осознаются личностью. Эти бессознательные процессы вмешиваются и являются составной частью обычного функционирования «нормального» человека. Таким образом, Фрейд положил начало развитию психоанализа как метода лечения (Reisman, 1991). Отдельные моменты теории Фрейда вызывали полемику. В частности, те, кто критиковал эту теорию, не могли понять, почему такое значение он придавал сексуальной мотивации. Даже Юнг, протеже Фрейда, рекомендовал ему отводить «сомнительной теме» секса более ограниченную роль. Однако, несмотря на все разногласия, теория психоанализа получила высокую оценку, и ее популярность росла с течением времени. Использование самоанализа также завоевало популярность.

В 1913 году Уотсон опубликовал манифест «Психология с точки зрения бихевиоризма». В нем он говорил о том, что психологии следует сосредоточиться на прогнозировании и контроле поведения. Он утверждал, что психологии следует заниматься исключительно стимулами и реакциями. Исследователи должны выявлять реакции, соответствующие определенным стимулам. Метод самоанализа следует свести к минимуму.

С появлением бихевиоризма в психологии произошло смещение акцентов — с изучения сознания на изучение поведения. Бихевиоризм вызывал все больший энтузиазм. Люди не желали рассматривать психологию как совокупность отвлеченных идей. Их интересовала практическая применимость знания. Откликом на крайние проявления бихевиоризма было стремление выяснить, до какой степени поведение формируется в процессе научения (Reisman, 1991). Концепция культуры стала центральной составляющей научения, хотя большинство бихевиористов в то время всего лишь изучали то, что непосредственно предшествует или следует за поведением, а не долговременный процесс социализации, связанный с культурой. Вместе с бихевиоризмом пришел растущий интерес к методам на-

учных исследований, основанным на дефинициях, поддающихся рабочей проверке и эмпирической корректировке, проверке гипотез, использовании контрольных групп и т. п.

Психоаналитическая и бихевиористская традиция положили начало ряду важных теоретических подходов, включая неофрейдизм, психотерапию, центрированную на пациенте, гештальт-терапию, экзистенциальный подход, когнитивный и когнитивно-поведенческий подход. Однако большей частью идеологический фундамент данных подходов отличали две особенности: они были типично западными и не учитывали влияние культуры.

Специалисты в области культурной антропологии также проявляли интерес к поведению. Многие из них обращались к исследованиям по психологии, пытаясь определить, какие типы поведения универсальные, какие, судя по всему, врожденные, а какие — приобретенные. Линтон (Linton, 1938) указывал, что ни один человек не может усвоить все нюансы и тончайшие оттенки значений, которые содержатся в его культуре. Более того, он утверждал, что понимание культуры индивида — это тот базис, на основании которого возможно прогнозирование его поведения. Антропологи понимали, что личность следует изучать с учетом культурного и экологического контекста. США постепенно становились более интегрированной в культурном отношении страной, в особенности с возрождением иммиграции, которое имело место в результате принятия законов об иммиграции, в частности, поправок 1965 году к Закону Маккарена-Уолтера, допускавших массовую иммиграцию из стран Азии (U. S. Commission on Civil Rights, 1992).

Культура определялась по-разному. Кребер и Клукхольн (Kroeber & Kluckholn, 1952) полагали, что культура представляет собой модели поведения, которые передаются при помощи символов, обозначающих отдельные достижения групп людей. Культура может рассматриваться также как совокупность правил и норм, которые обеспечивают стабильность и гармонию в обществе. Это определение культуры мы используем в данной главе, рассматривая вопрос о клинической психологии.

Монокультурная ориентация в клинической психологии

Признание многими психологами важности культурного фактора привело к созданию таких организаций, как Международная ассоциация прикладной психологии и Международная ассоциация кросс-культурной психологии. Однако традиционная американская психология в целом и клиническая психология в частности практически не обращались к проблемам, связанным с культурой. Поскольку теории и методики главным образом формировались в рамках европейско-американской культуры, она-то и доминировала в данной области; данное явление получило название *imposed etic* (Segall, Lonner & Berry, 1998). Заметно сравнительное отсутствие разнообразия в культурном аспекте программ и источников по клинической психологии. Попытки же удовлетворить потребности представителей разных культур в психологической помощи едва-едва намечались (Kazarian & Evans, 1998).

В решении проблем кросс-культурного характера были важны два типа разработок. Во-первых, исследователи, занимавшиеся изучением вопросов кросс-куль-

турного и кросс-национального характера, продемонстрировали важность влияния культуры на практики социализации, личность, проявления психических расстройств, методы лечения расстройств и иные разновидности поведения. Триандис и Брислин (Triandis & Brislin, 1984) отмечали преимущества кросс-культурных исследований для разработки психологической теории. Проверка конкретной теории в контексте различных обществ и культур позволяет определить релевантность и валидность данной теории для человечества в целом. Кроме того, они говорили о том, что кросс-культурные исследования имеют и другие преимущества, например возможность расширить диапазон изменения изучаемых переменных. Предположим, исследователя интересует взаимосвязь между коллективизмом и нравственным развитием. Поскольку параметры коллективизма в разных культурах различны, включив в свое исследование разные культурные группы, ученый сможет исследовать изменение интересующих его параметров в более широком диапазоне. Кроме того, может обнаружиться, что культуры различаются в отношении переменных, с которыми, по этическим или практическим причинам, трудно работать как с независимыми переменными (например, влияние определенных ценностных ориентаций на сексуальную агрессию).

Во-вторых, принимая во внимание историю расовых и этнических взаимоотношений в США, исследователи начали изучать расовые и этнические различия, связанные с интеллектом, личностью, формированием стереотипов, эмоциональными нарушениями, достижениями и услугами в сфере психиатрии. Все глубже осознавались и признавались потребности национальных меньшинств (в частности, афроамериканцев, американцев азиатского и латиноамериканского происхождения и американских индейцев) в услугах специалистов по клинической психологии и неспособность психологов удовлетворить эти потребности (American Psychological Association Office of Ethnic Minority Affairs, 1993). Были собраны обширные данные, свидетельствующие о недооценке фактора культуры в клинической практике. Так, Далквист и Фэй (Dahlquist & Fay, 1983) говорят о несостоятельности попыток специалистов удовлетворить потребности общества, состоящего из представителей многих культур; Падилла, Руис и Альварес (Padilla, Ruiz & Alvarez, 1975) говорят о необходимости профессиональной подготовки в области психиатрии студентов, говорящих по-испански; С. Сью (Sue, 1998) выступает за предоставление адекватных, с точки зрения культуры, услуг; Корчин (Korchin, 1980) требует обучать больше психологов, представляющих национальные меньшинства; Говард с соавторами (Howard et al., 1986) обнаружил, что в сфере психического здоровья работает недостаточно представителей национальных меньшинств. Безусловно, проблемы национальных меньшинств и проблемы кросс-культурной психологии — не одно и то же. Хотя и те и другие связаны с вопросами культуры, психология национальных меньшинств занимается, кроме того, вопросами межрасовых и межэтнических связей между группами, представляющими этническое большинство в США, и национальными меньшинствами.

Поскольку зарождение клинической психологии произошло в США, ее ценностные ориентации связаны прежде всего с североамериканской (англо-американской) парадигмой (Ho, 1985; McHolland, Lubin & Forbes, 1990; S. Sue, 1983). Господство американской парадигмы привело к реструктуризации клинической

психологии в других странах. В 1985 году Хо отмечал, что «клиническая психология — не национальный продукт, а перенос представлений, которые сформировались за рубежом» (р. 1214). Он признавал, что, например, в Китае существует фундаментальное противоречие между традиционной моралистически-авторитарной ориентацией и психолого-терапевтической ориентацией клинической психологии. Вследствие этого перед клиницистом встает задача осторожно уравновесить психолого-терапевтическую ориентацию и традиционные ценности национальной культуры.

Другая дилемма возникает из расхождений между концепциями индивидуализма и коллективизма. Традиционная западная психология, которая неразрывно связана с иудейско-христианской традицией индивидуализма, делает основной акцент на таких качествах, как уверенность в себе, уникальность, независимость и свобода. Хо (Ho, 1985) говорил о том, что данные идеологические пристрастия лежат в основе традиционных подходов к психологическому вмешательству (то есть консультирования и психотерапии). Коллективизм же делает акцент на социальной активности, сохранении и укреплении благополучия группы. Стратегии предупреждения и лечения расстройств, которые должны быть связаны с системами поддержки, берут начало в культуре. В этом смысле можно использовать культурный фактор для того, чтобы помочь тем, кто испытывает трудности.

В связи с растущим признанием роли культуры американская психология предприняла попытку обращения к проблемам национальных меньшинств, создав в рамках Американской психологической ассоциации различные группы, занимающиеся этими вопросами (такие, как Комитет по вопросам равных возможностей в психологии, Департамент по делам национальных меньшинств, Управление по делам национальных меньшинств и Общество психологических исследований проблем национальных меньшинств).

В других странах предпринимались попытки трансформировать американскую модель клинической психологии, адаптировав ее к потребностям конкретной культуры. Так Хо (Ho, 1985) говорил о том, что в большинстве азиатских стран и других странах третьего мира «по крайней мере, на начальных стадиях формирования профессиональных кадров представляется гораздо более целесообразной организация серьезной программы подготовки специалистов на уровне магистра, чем стремление следовать американскому примеру подготовки доктора философии или доктора психологии» (р. 1215). Во многих развивающихся и слаборазвитых странах профессиональные успехи тесно связаны с социально-экономическими факторами, которые следует принимать во внимание. Долгий путь к получению докторской степени ограничивает количество квалифицированных специалистов по клинической психологии, не обеспечивая при этом получение адекватной уровню подготовки оплаты труда. Что касается исследований в области психологии, господствующая на западе парадигма в процессе научно-исследовательской работы и подготовки специалистов использует *etic*-подход, уделяя первоочередное внимания «универсалиям» и фундаментальным чертам сходства между людьми. Культурная же психология в первую очередь обращается к *emic*-подходу, делающему акцент на культурной специфике и влиянии культуры на поведение человека (Kazarian & Evans, 1998).

Подводя итог, можно сказать, что становление клинической психологии произошло, прежде всего, в США. Понятно, что ее методики и принципы в первую очередь отражают американские (главным образом, англосаксонские европейские) интересы и потребности. Поскольку население, представлявшее национальные меньшинства, ощущало, что его потребности и культурные подходы не учитываются должным образом и в связи с все возрастающим в международном масштабе интересом к клинической психологии, в данной области крепло признание важности культурных факторов и необходимости обращения к проблемам, связанным с культурой.

Растущий интерес и внимание к влиянию культуры проявились в трех важнейших сферах клинической психологии: а) клинической оценке, б) патопсихологии и в) лечении. Важнейшие вопросы, касающиеся данных сфер, следующие: Каков характер проблем в ходе клинической оценки психических расстройств в разных культурах? Как повысить достоверность оценки? Каким образом культура влияет на эмоциональные расстройства? Существуют ли различные модели причинной обусловленности и течения заболеваний? Насколько одни и те же методы лечения применимы в разных культурах? Какие виды лечения можно обнаружить в разных культурах?

Клиническая оценка

Проблемы, связанные с клинической оценкой

Один из самых важных и все еще нерешенных вопросов, касающихся клинической оценки психопатологии, состоит в том, следует ли понимать культурные вариации в симптоматике как известные на Западе расстройства, отличающееся лишь иными симптоматическими проявлениями в контексте другой культуры, или культурные вариации представляют расстройства совершенно иного рода. В начале 1900-х годов Эмиль Крепелин, который считается отцом описательной психиатрии, обнаружил, что болезни, выявленные на Западе, такие как *dementia praecox* (известная ныне как шизофрения), встречаются и в незападных странах. При этом, однако, уровень заболеваемости и симптоматика могут быть иными. Он также отмечал наличие культуро-специфичных синдромов, таких как **амок** — состояние, характеризующееся потерей контроля над сознанием, а также вспышками неконтролируемой ярости и непреодолимого влечения к убийству. Встречается оно преимущественно у мужчин в Индонезии и Малайзии. Несмотря на выявление культурных различий, Крепелин полагал, что такие синдромы служат показателями болезней, уже известных на Западе (Al-Issa, 1995).

Проблема при исследовании таких вопросов связана с тем, что в процессе изучения культурных феноменов трудно избежать предубеждений, связанных с культурой исследователя. По мнению Кляйнмана (Kleinman, 1995), научно-исследовательской работой в психиатрии часто движет стремление доказать, что психическое расстройство подобно любому другому заболеванию, а следовательно, может быть обнаружено в любом уголке земного шара при помощи одних и тех же диагностических приемов. Свидетельством тому являются международные исследования шизофрении. В ходе одного из них, Международного пилотного исследования шизофрении (*IPSS*), которое финансировалось Национальным институтом психи-

атрии, изучались группы больных в Индии, Нигерии, Колумбии, Дании, Великобритании, бывшем Советском Союзе и США. Выборки страдающих психическими расстройствами действительно имели похожие симптомы, что свидетельствовало в пользу представления о расстройстве «универсального характера». Тем не менее были обнаружены и весьма ощутимые различия. Так, прогноз течения заболевания был более благоприятным для больных из менее развитых стран и менее оптимистичным для тех, кто принадлежал к промышленно развитому обществу. Это открытие сочли второстепенным по сравнению с тем фактом, что основные симптомы шизофрении можно встретить повсеместно (Kleinman, 1995).

Инициатором другого подобного исследования, а именно Исследования решающих факторов прогноза (*Determinants of Outcome Study*), была ВОЗ. Исследование также финансировалось Национальным институтом психиатрии (Sartorius & Jablensky, 1983). В 12 центрах, расположенных в Индии, Японии, Нигерии, Колумбии, Дании, Великобритании и США, были обследованы около 1300 больных. Исследователи пришли к выводу, что независимо от страны в симптоматике больных шизофренией было много общего. И тем не менее были выявлены и существенные различия. Редко встречающаяся в развитых странах кататоническая шизофрения составляла 10 % всех случаев этого заболевания в развивающихся странах. Кроме того, в развивающихся странах диагноз острой разновидности заболевания ставился примерно в 2 раза чаще, чем диагноз параноидная шизофрения. Диагноз же гебефренической шизофрении ставился в развитых странах более чем в 3 раза чаще, чем в развивающихся странах. Несмотря на столь заметные кросс-культурные различия, в выводах исследования обращалось первоочередное внимание на универсальный характер симптомов шизофрении (Kleinman, 1995). В связи с этими выводами Кляйнман отмечает: «Таковы неписаные законы профессиональной идеологии, которая склонна преувеличивать все, что связано с универсальным характером психических расстройств, игнорируя при этом культурную специфику» (р. 636).

Принадлежность к разным культурным или этническим группам может быть причиной разногласий между теми, кто ставит диагноз. В ходе исследования влияния культуры на диагностический подход врача пять американских врачей-мужчин китайского происхождения и пять белых американцев оценивали функционирование белых пациентов и пациентов-китайцев, просматривая видеозапись бесед с ними (Li-Repac, 1980). Результаты показали взаимосвязь между клинической оценкой и этнической принадлежностью врача и пациента. Белые американцы определяли состояние пациентов китайского происхождения как тревожное, неловкое, смущенное и нервозное, врачи-китайцы воспринимали тех же самых пациентов как оживленных, активных, адекватно адаптирующихся, искренних и дружелюбных. Белых пациентов белые же врачи оценили как эмоциональных, склонных к приключениям, искренних и добродушно-веселых, тогда как врачи-китайцы определили тех же пациентов как активных, агрессивных, непокорных и искренних. Кроме того, белые врачи, по сравнению с врачами-китайцами, были в большей степени склонны оценивать пациентов-китайцев как подавленных, замкнутых, неуравновешенных в социальном плане и неспособных к созданию межличностных отношений. Врачи китайского происхождения считали нарушения белых пациентов более серьезными, чем белые врачи. Все это свидетельствует

о том, что мнение о психологическом функционировании зависит, по крайней мере отчасти, от принадлежности врача и пациента к одной и той же или разным этническим группам и, вероятно, от культурного контекста.

В процессе клинической оценки возможны и другие источники отклонений. Большая часть инструментов для клинической оценки содержит позиции, которые не всегда можно адекватно перевести на другие языки (Kleinman, 1995). Например, диагностические инструменты в США используют выражения *feeling blue* и *feeling down*, которые обозначают депрессивный аффект. На многих языках буквальный перевод этих терминов представляет собой бессмысленные сочетания слов. Чтобы оценить культурные различия во всей полноте, исследователи должны выявить в данной культуре характерные для описания расстройства выражения и именно их включить в стандартный опросник. Иными словами, при разработке критериев в одной культуре и последующем их использовании в другой, часто страдает эквивалентность.

Брислин (Brislin, 1993) выделяет три категории проблем, связанных с эквивалентностью критериев оценки в ходе кросс-культурных исследований: а) проблемы эквивалентного перевода, б) концептуальная эквивалентность и в) метрическая эквивалентность. Потенциальные проблемы, связанные с переводом, концептуальной и метрической эквивалентностью, бывают столь значительны, что исследователи порой отказываются делать какие-либо выводы на основании количественных сравнений по показателям заданного критерия у испытуемых, принадлежащих к разным культурам (например Hui, 1988).

Проблемы **эквивалентности перевода** часто возникают при переводе опросников и инструкций с одного языка на другой. Дескрипторы и параметры, связанные с психологическими понятиями, не всегда можно перевести адекватно, и это наносит ущерб эквивалентности. Чтобы проверить адекватность перевода определенного критерия, сформулированного в рамках конкретной культуры, сначала его перевод данного текста на другой язык делает эксперт-билингв, а затем осуществляется обратный перевод на исходный язык вторым независимым экспертом-билингвом. Затем версии данного критерия на языке оригинала сравниваются, чтобы определить, каким словам и понятиям удалось «выжить» в процессе перевода. То, что слово или понятие «уцелело» в процессе перевода, дает основания полагать, что в данном случае перевод был эквивалентным. Такая методика может использоваться для выявления культуро-специфичных психологических концепций и концепций, общих для разных культур.

Под **концептуальной эквивалентностью** понимается функциональный аспект конструкта, который в разных культурах служит одной цели, тогда как проявления поведения или мышления, которые используются для оценки данного конструкта, могут быть разными. Так, на Западе одной из характеристик качества принятия решений является способность к принятию не зависящего от влияния окружающих личного решения, тогда как в Азии качество принятия решений во многом определяется как способность принять решение, отвечающее интересам группы. Эквивалентность разных типов поведения, связанных с принятием решений, состоит в том, что данное поведение связано с одним и тем же конструктом (качество принятия решений), на который ориентируется индивид в разных культурах.

Отсутствие концептуальной эквивалентности означает, что конкретное представление о качестве принятия решений в одной культуре не дает возможности оценить качество принятия решений в другой культуре.

И наконец, **метрическая эквивалентность** определяет, какие показатели определенного параметра для представителей разных культур имеют одно и то же скалярное значение и являются сравнимыми. Например, если показатель некоторого параметра представителей одной группы населения равен 100, это не означает, что он эквивалентен уровню 100 данного параметра для другой группы населения, что следует учитывать и при переводе инструмента на другой язык. Отсутствие метрической эквивалентности особенно очевидно при попытках переноса предельных значений показателей определенного параметра, выявленных в одной культуре, в контекст другой культуры. Например, если определенный уровень некоторых параметров в одной культуре свидетельствует о клинических проявлениях депрессии, тот же уровень этих параметров в другой культуре совершенно не обязательно является показателем депрессии. На метрическую эквивалентность влияет множество факторов, включающие эквивалентность перевода и концептуальную эквивалентность, комплексы реакций, нормы, касающиеся клинических проявлений депрессии и т. п.

Подходы к решению проблем

В 1996 году С. Сью определил несколько методов, которые позволяют справиться с культурными отклонениями в процессе клинической оценки: разработка новых тестов и критериев оценки, проверка и переработка тестов, позволяющая добиться кросс-культурной валидности, изучение характера отклонений.

Разработка новых тестов и критериев оценки. Необходима разработка новых психологических тестов и критериев, приемлемых для различных в этническом и культурном отношении групп населения. Например, Чеунг (Cheung, *в печати*) разрабатывает систему оценки параметров личности, применимую в китайском обществе. Ее система оценки базируется не только на западных представлениях, но учитывает и национальные концепции. Таким образом, будет разработан инструмент, учитывающий культурную специфику китайского общества.

Зейн (Zane, 1999) полагает, что ряд конструктов личностного характера более значим в одних культурах по сравнению с другими. Одной из важных характеристик личности, которая касается межличностных отношений, является «лицо». **Потеря лица** (понимается как угроза или утрата совокупности социальных связей) — важный фактор межличностных отношений в азиатских культурах. Человек боится потери лица, иначе говоря, утраты социального статуса, что в первую очередь свойственно американцам азиатского происхождения, для культуры которых понятие лица имеет высокую значимость. Для адекватной оценки данного конструкта Зейн разработал систему параметров оценки потери лица. Инструмент, который включает 21 позицию, отражает 4 сферы, являющиеся источником потенциальной угрозы, в том числе социальный статус, нравственное поведение, адекватность социальным нормам и внутреннюю дисциплину. Полученные данные говорят о высоком уровне надежности и валидности данного инструмента. При обследовании американцев азиатского происхождения его показатели обнаружи-

вают позитивную корреляцию с ориентацией на окружающих, застенчивостью и социальной тревожностью и негативную корреляцию с экстраверсией и уровнем усвоения новой культуры. Кроме того, показатели американцев азиатского происхождения по представленным параметрам выше, чем у белых американцев. Данный инструмент дает возможность прогнозировать определенное поведение вне зависимости от его желательности в социальном плане, например настойчивость или беспомощность. Эти данные весьма важны для формирования концепции личности.

Исследователи в США обнаружили пять ортогональных личностных факторов, которые получили название «Большая пятерка» (Goldberg, 1981). В нее включены такие характеристики, как покладистость, добросовестность и эмоциональная устойчивость. Несмотря на то что «Большая пятерка» применима к разным культурам, уровень значимости разных факторов в каждом случае различен (Yang & Bond, 1990). Если параметры потери лица позволяют выявить прогностические факторы поведения в определенных культурных группах и являются относительно ортогональными по отношению к «Большой пятерке» личностных параметров, то концептуализация личности в соответствии с параметрами «Большой пятерки» обладает определенными недостатками как попытка универсального подхода к осмыслению личности.

Проверка и переработка тестов, позволяющая добиться кросс-культурной валидности. В прошлом тесты и параметры оценки разрабатывались прежде всего на Западе. При оценке индивида, представляющего культуру незападного типа, обычно использовались существующие инструменты оценки, иногда в переводе и немного видоизмененной форме. Например, тесты умственных способностей (такие, как Шкала Векслера для измерения интеллекта взрослых — *WAIS*), личностные опросники (например, Миннесотский многоаспектный личностный опросник, 2-е изд. — *MMPI*-2) и инструменты для обследования (например, Структурированное диагностическое интервью — *DIS*) использовались для изучения национальных меньшинств или в ходе кросс-национальных исследований.

Проблема состоит еще и в том, что инструмент может быть неадекватным не только в силу недостатков перевода или включения в него чуждых данной культуре понятий, но и из-за неадекватного понимания ответов на отдельные вопросы. В связи с этим Роглер, Малгади и Родригес (Rogler, Malgady & Rodriguez, 1989) отмечают, что в культуре Пуэрто-Рико практикуется спиритизм, и утвердительный ответ по ряду позиций Миннесотского многоаспектного личностного опросника (например, «временами мною завладевают злые духи») еще не свидетельствует о патологии. Учитывая подобные обстоятельства, следует соответствующим образом адаптировать инструменты к местным нормам для повышения уровня валидности. Эта работа важна еще и тем, что позволяет определить нормы сравнения разных групп и выявить, какие аспекты или позиции инструмента применимы в кросс-культурном плане, а какие требуют видоизменения для обеспечения валидности и возможности более точной интерпретации полученных данных.

Изучение характера отклонений. Отклонения — весьма благодатная сфера исследований, которую обычно упускают из виду при проведении кросс-культурных сравнений. Исследование отклонений порой позволяет понять, каким образом

культура влияет на ответы при использовании различных инструментов оценки. Это понимание в свою очередь позволяет определить, как можно избежать отклонений при оценке отличающихся в культурном отношении групп населения. То есть понимание культурных процессов, которые лежат в основе ответа на вопросы инструментов оценки, — а эти процессы могут быть общими для ряда инструментов, — дает возможность избежать отклонений.

Сью занимается исследованием вопроса, можно ли прогнозировать различия в ответах на вопросы инструментов с учетом этнических и культурных различий. Если можно будет выявить такие обусловленные культурной принадлежностью прогностические факторы, то станет возможной оценка любого критерия в отношении отклонений и повышение валидности инструментов. А значит, можно будет использовать существующие инструменты с учетом выявленных культурных факторов. Этот подход использовался для анализа совокупности ответов, связанных с такими критериями, как желательность в социальном плане, в Миннесотском многоаспектном личностном опроснике.

Подводя итог, можно сказать, что непосредственный перенос критериев, которые выработаны и опробованы в одной культуре, в другую культуру влечет за собой ряд проблем. Для их решения используются различные стратегии, в том числе перевод инструментов оценки и выявление нормативного уровня показателей для целевой группы, видоизменение инструментов с учетом местной культурной специфики, разработка критериев, с помощью которых можно оценить значимые для конкретной культурной группы конструкты, изучение характера культурных отклонений и их корректировка. Кросс-культурная психология способствует более глубокому пониманию влияния культурных факторов на процесс оценки и стремится к устранению отклонений.

Культурный фактор в психопатологии

Разработка применимых в кросс-культурных исследованиях инструментов диагностики весьма важна для точной клинической оценки состояния индивида. Что именно оценивает такой инструмент? В предыдущем разделе мы рассматривали влияние культуры на оценку психического состояния личности. Для того чтобы понять роль культурных факторов в объяснении психических отклонений, необходимо остановиться на основных теоретических подходах патопсихологии. С универсалистской точки зрения, культурные особенности представляют собой элемент внешнего характера. Если снять верхний пласт, сущность психопатологии предстанет перед нами в чистом виде. В противовес такому взгляду, сторонники культурного релятивизма считают, что признаки психопатологии, ее внешние проявления и связанные с ней внутренние переживания достаточно неопределенны. То, что может считаться патологией в одном обществе, не принимается во внимание в другом (Draguns, 1995).

Исследования культуры и психопатологии отражают названные точки зрения. *Etic*-подход предполагает универсалистский взгляд, подчеркивая повсеместность отклонений от нормы. Примером такого подхода служат исследования шизофрении, проведенные ВОЗ (WHO, 1973, 1979). Сравнение культур осуществлялось в ходе

этих исследований, исходя из предположения о наличии шизофрении в разных культурах. Сторонники *etic*-подхода считают, что в разных культурах существуют одни и те же заболевания, течение которых в целом сходно, признавая при этом, что культура оказывает влияние на специфику симптомов или их содержательный характер (например, содержание бреда), а также определяет уровень заболеваемости и распределение конкретных расстройств.

Даже если исходить из предположения об универсальности симптомов заболевания и допустить, что их можно оценить в разных культурах при помощи единых диагностических инструментов, что можно сказать о культуро-специфичных синдромах? Согласно определению Американской психиатрической ассоциации (American Psychiatric Association, 1994), культуро-специфичный синдром представляет собой систематически проявляющиеся, обладающие местной спецификой аберрантные типы поведения и переживаний. Они не соответствуют критериям современных систем диагностики и классификации, таких как «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств», 4-е изд. (DSM-IV, 1994), а также Международной классификации болезней (МКБ). Примерами таких синдромов являются амок, *shenjing shuairuo* и *attaque de nervois* (American Psychiatric Association, 1994).

Амок представляет собой диссоциативный эпизод, при котором за кратковременными тягостными размышлениями следует жестокое, агрессивное поведение с характерным стремлением к убийству и разрушению. Такому эпизоду часто предшествует нанесение обиды или оскорбления, и наблюдается он только у мужчин. Эпизод часто сопровождается мыслями о преследовании, амнезией, изнеможением и возвращением в преморбидное состояние. Амок встречается в Малайзии, Лаосе, на Филиппинах, в Полинезии, Папуа — Новой Гвинее, Пуэрто-Рико и среди индейцев племени навахо.

Состояние *attaque de nervois* встречается у латиноамериканцев в странах Карибского бассейна, а также у других латиноамериканских и латинских средиземноморных групп. Как правило, имеют место такие симптомы, как приступы безудержного крика, плача, страха, жара в груди, который поднимается к голове, вербальной или физической агрессивности и неуправляемого поведения. *Attaque de nervois* часто представляет собой непосредственный результат стрессовых событий в семье.

Состояние *shenjing shuairuo* («неврастения») встречается в Китае, для него характерны физическое и умственное утомление, головокружение, головные и другие боли, неспособность сосредоточиться, нарушение сна и расстройство памяти. Кроме того, симптомы могут включать нарушение работы желудочно-кишечного тракта, раздражительность и различные признаки, указывающие на нарушения функционирования вегетативной нервной системы. Часто, хотя и не всегда, симптомы могут соответствовать критериям расстройства настроения или тревожного расстройства в соответствии с *DSM-IV*. Ниже данный вид расстройств рассматривается подробно.

Являются ли культуро-специфичные синдромы всего лишь культурными вариациями общих симптомов? Применяя лишь теоретические схемы оценки заболеваний (причем, западного толка), клиницисты вряд ли смогут выявить наличие культуро-специфичного синдрома (Aderbigbe & Pandurangi, 1995). Так, амок тра-

диционно допускался в Малайзии, где он имеет распространение. Однако вряд ли в какой-либо западной стране могли бы допустить такое агрессивное, а иногда и несущее угрозу смерти, поведение. Таким образом, чтобы избежать ограниченности подхода к клинической оценке, который связан с различиями в идеологии, оценка проявлений разного рода расстройств должна быть свободна от теоретических предубеждений. Однако возможно ли это, если наше нынешнее понимание расстройств и заболеваний само по себе является продуктом определенной культуры? Рассмотрим, например, представление о соматизации. Фабрега (Fabrega, 1990) определяет **соматизацию** как «такую клиническую картину, при которой преобладают симптомы физиологического характера» (р. 653). Данные, касающиеся западной биомедицинской психологии, собраны в ходе экспериментов и плановых наблюдений, которые проводились по образцу западной же культурной психологии. Таким образом, практически невозможно до конца понять, что же составляет «не связанные с культурой» элементы мозга, тела или заболевания. Фабрега (Fabrega, 1990) замечает: «Если рассматривать феномен болезни как личный опыт индивида, описывая и представляя его через социальное поведение, вряд ли можно надеяться на выявление значительной культурной общности» (р. 668).

Emic-подход опирается на культурный релятивизм. Это направление научно-исследовательской работы определяется ориентацией на культурную уникальность. Отклонение поведения от нормы фиксируется в рамках культурного контекста, и расстройства, которые встречаются в одной культуре, могут не иметь эквивалента в других. Как уже отмечалось выше, возможно, культуро-специфичные синдромы не имеют аналогов в других культурах. Хотя проявления расстройств, соответствующих основным категориям *DSM-IV*, можно найти по всему миру, отдельные симптомы, течение заболевания и восприятие заболевания в социальном аспекте часто определяются локальными культурными факторами.

Взаимосвязь между культурой и психопатологией в США еще более сложна из-за культурного многообразия американского общества. На культурный контекст накладывается история и различия, существующие внутри этой группы (Draguns, 1995). Важно учитывать данные факторы в историческом контексте, как противовес тем качествам, которые считаются неотъемлемыми характеристиками данного общества. Более того, этническая идентичность переплетается с такими проблемами, как отношение к усвоению новой культуры и аффилиации в стране проживания. Изучение влияния этнической принадлежности на психопатологию усложняется имеющей широкое распространение американской идентичностью. Таким образом, задача состоит в том, чтобы объединить точность выявления клинических проявлений с компетентностью в сфере культуры, не попав в плен стереотипных представлений.

Драгунс (Draguns, 1995) рассматривает данные кросс-культурной психологии об аномальном поведении, собранные главным образом во время исследований шизофрении и депрессии. В ходе исследования ВОЗ (WHO, 1973) были выявлены основные симптомы шизофрении в девяти странах-участницах. Эти симптомы включали отстраненность, спутанность мышления и искаженное представление о реальности. Более позднее исследование, также проведенное ВОЗ (WHO, 1983), выявило сходные данные в отношении основных симптомов депрессии, которые включали печаль, утрату способности радоваться, мысли о никчемности существо-

вания. Несмотря на универсальный характер данных симптомов психического расстройства, в ходе названных международных исследований были выявлены и существенные кросс-культурные различия. Было обнаружено, что в развивающихся странах шизофрения протекает в более легкой форме (WHO, 1979).

Таким образом, по-видимому, для выявления культурных различий в психопатологии необходимо проведение последовательных, стандартизированных кросс-культурных исследований. Представители разных культур, страдающие депрессией, сообщали о разных симптомах заболевания (American Psychiatric Association, 1994; Kaiser, Kats & Shaw, 1998; Kleinman, 1986). Например, симптомам депрессии, связанным с чувством вины, в Восточной Азии и Африке уделялось недостаточное внимание (Draguns, 1995). Соматизация является каналом проявления психического расстройства в Китае (Kleinman, 1982). Определение поведения, отклоняющегося от нормы, еще больше усложняется понятием «нормы» в каждой конкретной культуре. Например, склонность североамериканских индейцев полагаться на то, что разрешению болезни естественным образом помогут внешние факторы, может восприниматься англо-американцами как отклонение от нормы, поскольку они представляют себе лечение как медикаментозное или врачебное вмешательство (Kaiser et al., 1998).

Несмотря на продолжающиеся исследования в сфере кросс-культурной клинической психологии, многие вопросы по-прежнему остаются без ответа, например вопрос концепции психических расстройств. Являются ли психические расстройства в разных культурах конкретными манифестациями единых в своей основе заболеваний, в ходе которых культура определяет лишь формы проявления симптомов, или под воздействием культуры эти расстройства становятся различными по сути? Кроме того, для того чтобы опровергнуть влияние культуры на психопатологию, использовались биологические объяснения; однако биология и культура не являются взаимоисключающими противоположностями. Как интерпретировать взаимосвязь между биологией и культурой? Возможно, одним из путей изучения этой связи являются продолжающиеся исследования соматизации, которая, с одной стороны, связана с физиологическими проявлениями, а с другой стороны — определяется культурными факторами. Ощущается недостаток данных, касающихся отдельных культурных переменных, которые способствуют устойчивости и выносливости в условиях стресса. Какие уникальные составляющие культуры могут помочь предупредить или нейтрализовать психопатологию? Как выявить причинную обусловленность в процессе анализа взаимосвязи культуры и психопатологии? Мы знаем, что выражение и направление психопатологии определяются культурой, но каково ее влияние на причинную обусловленность патологии? (Draguns, 1995). Для исследования влияния культуры на психопатологию важна и эволюция данного расстройства в контексте культуры. История неврастении иллюстрирует до некоторой степени случайный характер диагностических категорий и изменений, происходящих в культуре.

Неврастения

Неврастения (или *shenjing shuairuo*) тесно связана с именем американского невропатолога Джорджа Бирда (Costa e Silva & Girolamo, 1990). Определяемая словарями по медицине как «нервное истощение», она сопровождается значительной фи-

зической и умственной утомляемостью. Бирд утверждал, что причины неврастении коренятся в истощении нервной силы (*nervous force*), что, в свою очередь, ослабляет нервную систему. Он полагал, что такое истощение является результатом образа жизни промышленно-развитого американского общества, в котором человек расходует массу энергии, не имея возможности восстановить свои силы. На некоторое время многие европейские врачи с готовностью разделили его взгляды. Во время Первой мировой войны диагноз «неврастения» ставился так часто, что в британской армии был введен специальный учебный курс, посвященный этому заболеванию. Прошедшие курс обучения получали звание «эксперт по неврастении» (Costa e Silva & Girolamo, 1990). Затем неврастения начала постепенно исчезать из поля зрения западной нозологии.

Перечень симптомов неврастении был чрезвычайно обширен, однако, в конечном счете, его перекрыла депрессия (Adams & Victor, 1985). В первом издании «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» (*DSM-I*) вообще не значилось такого заболевания (American Psychiatric Association, 1952). Неожиданно она появилась в *DSM-II* (American Psychiatric Association, 1968), где в качестве ее характеристик отмечались хроническая усталость, быстрая утомляемость и иногда истощение. Однако ее возрождение было недолгим, и в *DSM-III* ее вновь не включили (American Psychiatric Association, 1980), как и в *DSM-III-R* (American Psychiatric Association, 1987). Неврастения сохранилась лишь в МКБ ВОЗ (Costa e Silva & Girolamo, 1990). Изредка в европейских странах диагноз «неврастения» ставится вместо диагноза «реактивная депрессия». Кляйнман и Кляйнман (Kleinman & Kleinman, 1985) отмечают, что диагноз неврастения получил широкое распространение в Китае и на Тайване. Действительно, понятие неврастении до сих пор широко применяется в незападных странах, где оно является более культурно адекватным, чем термины **депрессия** или **тревожность** (Good & Kleinman, 1985). Так психическое расстройство, которое, как считалось когда-то, берет свое начало в промышленно-развитой Америке, было постепенно забыто на Западе, но продолжает оставаться в силе в странах незападной культуры.

Влияние западной культуры на психопатологию

Кляйнман (Kleinman, 1987) подчеркивает, что классификация психопатологии, уместная в одной культуре, может быть нерелевантной в другой. Примерами тому служат нервная анорексия, агорафобия и пограничное расстройство личности. Эти расстройства, встречающиеся главным образом в Северной Америке и Западной Европе, редки в незападных странах (Paris, 1991). Таким образом, мы можем собрать ценную информацию о конкретном психическом расстройстве, выяснив, в какой мере различны или сходны его проявления в разных культурах.

Западный мир неохотно признал наличие культурных переменных в психопатологии. Шумейкер (Schumaker, 1996) выявил две основные тенденции в сфере клинической психологии. Во-первых, все более популярной делается когнитивная психология. С точки зрения когнитивной психологии, психопатология рассматривается как следствие психических процессов, управляемых индивидом большей частью произвольно. Во-вторых, произошел сдвиг в сторону имеющих биологическую основу моделей психопатологии. Обе тенденции, касающиеся теоретического

подхода к психопатологии, сориентированы, прежде всего, на личность, и при этом недооценивают культурные факторы.

Теоретики когнитивной психологии обычно считают, что индивид сам продуцирует свои когниции. Однако представление об ответственности индивида за них применимо не ко всем культурам. Например, согласно системе верований торайя, проживающих на юге острова Сулавеси в Индонезии, гнев подлежит наказанию со стороны сверхъестественных сил. Таким образом, когнитивная деятельность, связанная с контролем гнева, осуществляется на уровне культуры, а не на уровне индивида (Schumaker, 1996). Поскольку целые общества свободны от проявлений депрессии западного типа, нам следует проверить, могут ли культурные факторы способствовать преодолению биологической предрасположенности к депрессии. Один из примеров был обнаружен при диагностике послеродовой депрессии. На Западе примерно у 20 % женщин после родов обнаруживаются клинические проявления депрессии — от легких до умеренных (Hopkins, Marcus, Campbell, 1984). Этиологические модели говорят о том, что послеродовая депрессия является результатом гормонального дисбаланса, а именно снижением уровня эстрогена и прогестерона, которое и считается причиной депрессии. Несмотря на важность данных, культурные факторы, связанные с послеродовой депрессией, крайне редко упоминаются в литературе. Исследование групп населения, не принадлежащих к западному миру, даст возможность выявить тесную взаимосвязь культуры и психопатологии и оценить то значение, которое западные врачи придают личностным факторам.

Лечение

Медикаментозное лечение

Как было показано выше, взаимосвязь между биологией и культурой сложна и многопланова. Для предупреждения заболеваний важно исследовать факторы, влияющие на причинно-следственную взаимосвязь культуры и биологии. Выявив их, мы сможем использовать те культурные переменные, которые способствуют нейтрализации или предупреждению психопатологии. С точки зрения лечения насущной потребностью является идентификация культурных переменных, способных влиять на эффективность применения психотропных средств. Различный уровень эффективности медикаментозного лечения в разных культурах делает взаимосвязь культуры и биологии еще более сложной. Лин и Шен (Lin & Shen, 1991) утверждают, что фармакокинетические и фармакодинамические свойства различных психотропных лекарственных средств могут отличаться при лечении больных азиатского и неазиатского происхождения, что ведет к различиям в дозировке и побочных эффектах.

Даже у групп азиатского населения, принадлежащих к разным культурам, имеется ряд важных общих характеристик, которые порой оказывают существенное влияние на результаты применения лекарственных средств. Например, Кларк, Брейтер и Джонсон (Clark, Brater & Johnson, 1988) обнаружили, что устойчивость пищевых режимов азиатских народов может оказывать влияние на скорость метаболизма отдельных лекарственных средств. Но, несмотря на такое сходство, среди

представителей разных азиатских культур наблюдается и определенная неоднородность. Примером таких различий является распределение «медленной» ацетальдегиддегидрогеназы, особого фермента, который вызывает заметный прилив крови к лицу после приема внутрь небольшого количества этилового спирта. Этот фермент обнаружен почти у 50 % китайцев, японцев и вьетнамцев, и при этом он найден лишь у одной трети корейцев. Кроме того, прилив крови к лицу относительно слабее выражен у малайцев и тайцев. В этих группах населения распределение ацетальдегиддегидрогеназы практически соответствует уровню данного фермента у представителей белой расы (Lin & Shen, 1991).

Различия между лицами азиатского и неазиатского происхождения имеют большое значение для лечения. Например, ингибиторы моноаминоксидазы зарекомендовали себя как эффективное средство лечения «атипичной депрессии» и панических расстройств. Кроме того, они являются эффективным средством контроля некоторых симптомов посттравматического стрессового расстройства. Однако ингибиторы моноаминоксидазы редко применяются при лечении больных азиатского происхождения из-за возможных осложнений, возникающих при их взаимодействии с обычном рационом жителей Азии (соевый и рыбный соусы, а также продукты, полученные в результате брожения). Кроме того, антихолинергические свойства традиционно употребляемых лекарственных трав при одновременном применении с трициклическими антидепрессантами или низкопотенциальными нейролептичсскими средствами могут привести к атрофическому психозу (Lin & Shen, 1991). Использование таких лекарственных растений чрезвычайно популярно и во многих странах Азии носит массовый характер.

Еще одно распространенное психотропное средство — бензодиазепины (*BZPs*), которые относятся к числу наиболее часто назначаемых средств (Smith & Wesson, 1985). Этническая принадлежность является одним из факторов, имеющих определяющее значение для реакции на это средство. Розенблат и Танг (Rosenblatt & Tang, 1987) исследовали схемы лечения 21 психиатра из Северной Америки и обнаружили, что, по сравнению с представителями белой расы, лица азиатского происхождения были более чувствительны к разного рода психотропным воздействиям.

Все эти данные, говорящие о том, что единый подход к медикаментозному лечению в разных культурах невозможен, ставят под сомнение само представление об «универсальных» методах лечения. Таким образом, возникает задача выявления тех составляющих лечения, которые оптимальны в условиях конкретной культуры.

Психотерапевтическое лечение

Так же как в разных культурах невозможен единый подход к медикаментозному лечению, невозможно унифицировать и применение психотерапии. Бойтлер и Краго (Beutler & Crago, 1991) исследовали 40 разных программ психотерапии в Северной Америке и Европе. Они обнаружили четыре параметра, по которым различались регионы и программы: а) сосредоточение на процессе/результате, б) теоретические модели психотерапевтических подходов, в) методы предоставления услуг и г) методики, которым отдавалось предпочтение. Например, исследование геогра-

фического распространения психодинамических методов показало, что они являются основными в Германии и в прибрежных регионах Северной Америки. Применение клиент-центрированной психотерапии осуществляется прежде всего в Европе, тогда как в Северной Америке пользуются методами когнитивной психотерапии. Таким образом, характер отношений между пациентом и психотерапевтом в совокупности с ролевыми установками и ожиданиями весьма важен для выявления различий в подходах к психотерапевтическому лечению. Большинство психотерапевтов ценят тех пациентов, которые откровенно рассказывают о своих переживаниях и проблемах. Однако разные культуры по-разному подходят к такому самораскрытию (Toukmanian & Brouwers, 1998). Эти культурные различия в подходе к откровенности весьма существенны при исследовании психотерапии.

Самораскрытие — это важный аспект традиционной психотерапии в Северной Америке. Наибольшее распространение получили методики инсайт-ориентированной психотерапии. Такая ориентация может быть неуместной при работе с пациентами незападного происхождения. Так, Тинг-Туми (Ting-Toomey, 1991) обнаружил, что представители западных культур в большей степени склонны к самораскрытию по сравнению с теми, кто не принадлежит к западной культуре. Рассказ о психологических проблемах предполагает центрирование на отрицательных эмоциях и мыслях негативного характера, что не поощряется в культурах Востока. Западная же культура, будучи сориентированной на инсайт, естественным образом предполагает такое самораскрытие.

Индивидуализм и коллективизм являются важными факторами при оценке готовности индивида к самораскрытию. Откровенный рассказ о психологическом дискомфорте может привести к представлению самого себя или своих близких в нежелательном свете (Toukmanian & Brouwers, 1998).

Психодинамическая, когнитивно-поведенческая и гуманистически-экзистенциальная ориентации представляют собой три наиболее широко применяемых в психотерапевтической практике подхода. Каждый из этих подходов имеет свои особенности, однако их идеологическая основа едина. Инструментарием для трех названных теоретических схем служат индивидуализм, уверенность в своих силах и самосознание. Предполагается, что субъект является инициатором действий, которые способствуют решению внутренних и межличностных конфликтов. Это обеспечивает эффективность его функционирования. Несмотря на акцент, который данные подходы делают на личности, было бы опрометчивым полагать, что психотерапия не может быть эффективной в незападной культуре (Toukmanian & Brouwers, 1998). Например, гуманистически-экзистенциальный подход обладает достаточной гибкостью, что открывает более широкие возможности его адаптации к нуждам пациентов, представляющих разные культуры.

Задача идентификации тех составляющих психотерапии, которые являются действенными или неэффективными применительно к определенной группе населения, достаточно сложна. Д. В. Сью и Д. Сью (D. W. Sue & D. Sue, 1999) обнаружили, что некоторые составляющие структуры традиционной психотерапии оказываются неэффективными. Например, предполагалось, что пациенты будут активно и откровенно рассказывать о себе, подходя к проблемам эмоционально,

однако по возможности объективно. Эти ожидания, однако, не соответствуют нормам и моделям социального поведения, принятым во многих незападных культурах. Кроме того, проблемы, связанные с культурным фактором, могут возникать из-за различий в ценностных ориентациях пациента и психотерапевта.

В 1987 году С. Сью и Зейн (S. Sue & Zane, 1987) обнаружили, что недостаточные знания психотерапевтов о культуре пациентов могут объяснить многие проблемы, касающиеся предоставления психотерапевтических услуг. Так, С. Сью (S. Sue, 1977) проанализировал документацию по 14 000 пациентов в 17 окружных психиатрических центрах в Сиэтле, штат Вашингтон. Анализ показал, что афроамериканцы и североамериканские индейцы представляют непропорционально значительную долю среди пациентов, тогда как количество американцев азиатского и латиноамериканского происхождения, напротив, непропорционально мало. Кроме того, среди представителей национальных меньшинств наблюдался более высокий процент отсева, чем среди белых американцев. Отсев пациентов после первой сессии был гораздо выше среди представителей этнических групп и национальных меньшинств (около половины пациентов), чем среди представителей белого населения (около 30 %). Был сделан поразительный вывод о том, что потребности национальных меньшинств в сфере психического здоровья не удовлетворяются. Весьма сложной проблемой, с которой сталкивается в данном случае психотерапия, является фактор культуры и необходимость учета специфики культуры при выборе метода психотерапии. Представление о культуре и методики, которые определяются этими представлениями, часто не применяются должным образом (S. Sue & Zane, 1987).

Одна опасность состоит в том, что психотерапевт работает, не имея достаточных знаний о культуре, другая опасность связана с тем, что он может преувеличивать значение сведений о культурных различиях. Безусловно, формирование системы знаний о других культурах — условие необходимое, но недостаточное для успешной работы с представителями этнических групп и национальных меньшинств. Эти знания не исчерпывают индивидуальных особенностей пациентов, которые принадлежат к конкретной этнической группе.

Лечение, ориентированное на культуру

В течение последних 30 лет начали разрабатывать методики лечения, учитывающие культурную специфику. Конечная цель психотерапии и консультирования состоит в решении проблем пациента, снятие стресса и повышении личной эффективности и качества жизни. В середине XX века популярной темой обсуждения в США была самоактуализация, достижение которой является целью самосознания личности (Maslow, 1950). Эта идеология и определяла основные принципы и направления психотерапевтического консультирования. Такая интерпретация самосознания, однако, уместна не во всякой культуре. Было бы опасным делать из самоактуализации, которая представляется желательной для отдельной культурной группы, идеал, к которому должно стремиться все человечество. Самоанализ и самовыражение у разных индивидов могут иметь совершенно разные проявления (Lanrine, 1992; Marcus & Kitayama, 1991). Различия в самосознании весьма

важны при планировании действий психотерапевта. Например, подход, ориентированный на семейную терапию, предпочтителен, если мы имеем дело не с изолированным типом личности, но с Я-концепцией, включающей окружающих. И напротив, если личности свойственна индивидуалистическая Я-концепция и она осознает себя как нечто автономное и изолированное, беря на себя ответственность за собственное поведение, уместен личностно-ориентированный подход к терапии.

Рост культурного многообразия в США привел к более глубокому пониманию различий в представлениях об эго, моделях коммуникации, ожиданиях в связи с обращением за помощью и межличностных отношениях (например, Abel, Metraux & Roll, 1987; Pedersen, Sartorius & Marsella, 1984; S. Sue & Zane, 1987). Кросс-культурная психотерапия сформировалась в результате потребности удовлетворения специфических проблем пациентов, которых нельзя было лечить при помощи традиционных подходов.

В настоящее время существуют разные подходы к кросс-культурному применению терапии. Сторонники *etic*-подхода считают, что следует собрать все, чему врач научился, включая опыт, накопленный в контексте определенной культуры, а затем расширить или модифицировать методики психотерапевтического вмешательства, применяя их для лечения тех, кто представляет иную культуру. В порядке рабочей гипотезы предполагается применимость данных методик в разных культурах, а ответственность за их адекватное видоизменение возлагается на компетентного в рамках конкретной культуры терапевта. В основе *emic*-подхода к кросс-культурной терапии лежит ориентация на уникальный опыт пациента, связанный с культурой, которую он представляет. Этот подход предполагает детальный анализ ценностных ориентаций и обычаев данной культуры. Методики лечения могут включать все разнообразие этих составляющих (Draguns, 1995). Хиггинботем, Вест и Форзит (Higginbotham, West & Forsyth, 1988) рассматривают культурную аккомодацию как средство преодолеть пропасть, разделяющую культуры, при планировании и оказании психотерапевтических услуг. Культурная аккомодация включает основательную подготовку, предшествующую разработке культурно-адекватных программ в новых условиях. При разработке таких программ следует учитывать разнообразные составляющие. Необходимо знать, как представители изучаемой культуры понимают свои потребности и как эти потребности понимают лидеры общества и его типичные представители; кроме того, необходимо иметь представление о конфликтах, опасностях и предпочтениях, связанных с предоставлением услуг. Применение метода культурной аккомодации было эффективным в различных культурах, например в Юго-Восточной Азии, где психотерапевтическое вмешательство осуществлялось с учетом культурного фактора и отталкивалось от американской и австралийской моделей.

Был выявлен ряд вопросов, касающихся лечения представителей национальных меньшинств. Гопол-Мак-Никол и Брайс-Бейкер (Gopaul-McNicol & Brice-Baker, 1998) говорят о важных вопросах, которые встают в начале процесса терапевтического лечения, например вопрос маркировки: каково, по мнению пациента, должно быть отношение врача к этнической группе, к которой принадлежит он сам? Насколько значима для пациента принадлежность врача к одной с ним расовой или этнической группе? В 1991 году группа авторов (S. Sue, Fujino, Hu, Takeuchi &

Zane, 1991) изучала воздействие этнической общности между психотерапевтами и их пациентами в округе Лос-Анджелес, штата Калифорния. Они обнаружили, что афроамериканцы, индейцы, американцы азиатского происхождения, американцы мексиканского происхождения и белые пациенты реже прерывали лечение раньше назначенного срока, посещали большее количество сессий или достигали лучших результатов при лечении, когда посещали психотерапевта, представлявшего их собственную этническую группу. Это позволяет предположить, что общность этнической принадлежности может быть важным фактором, который следует учитывать в процессе лечения; однако не следует забывать, что воздействие данного фактора зависит и от индивидуальных особенностей пациента. Этническая общность важна для некоторых, но не для всех пациентов.

Другой важный вопрос, который приходится решать на ранних стадиях терапевтического лечения, связан со структурой семьи (Gopaul-McNicol & Brice-Baker, 1998). Каково распределение власти в семье? Как определяется роль мужчин, женщин, детей? Как относятся к старшим членам семьи и как с ними обращаются? Ответы на некоторые из этих вопросов могут помочь терапевту выявить наиболее авторитетных членов семьи и привлечь их к участию в сессиях. Кроме того, такая информация может быть полезна для создания адекватных условий проведения психотерапевтического лечения (расположение кресел, уместность обращения к тому или иному пациенту во время сессии, и т. д.). Использование переводчика также является одним из ключевых вопросов на ранней стадии психотерапии. Часто в силу необходимости и отсутствия квалифицированных кадров в качестве переводчиков используются случайные люди, не имеющие отношения к медицине. Это может привести к низкому качеству перевода из-за того, что переводчик не знаком со специальной терминологией. Помимо этого, нежелание пациента быть откровенным в присутствии непрофессионала также влечет за собой проблемы.

В результате учета всех этих специфических культурных переменных в ходе психотерапии встают новые проблемы. Так, разработка особого подхода к национальным меньшинствам при оказании им услуг в области психотерапии раздражает противников сегрегации (S. Sue, 1998). Несмотря на то что планирование и предоставление особых услуг определенной части населения, которое оказалось обойденным в плане психотерапии, дает результаты, это не является предлогом для отказа от предоставления представителям этнических групп услуг в рамках традиционных программ. Напротив, новые услуги призваны быть дополнением к уже существующей системе оказания помощи.

Несмотря на достаточно сложные проблемы (например, вопрос о сегрегации), которые возникают при проведении психотерапевтического лечения врачом, принадлежащим к одной этнической группе с пациентом, исследование культурных переменных такого рода остается настоятельной необходимостью при лечении представителей национальных меньшинств. Кроме того, международные исследования медикаментозных и психотерапевтических методов лечения говорят о том, что не существует универсальных подходов к лечению психопатологии, которые приводили бы к достижению единого результата во всех культурах. Таким образом, фактор культуры должен учитываться на всех стадиях анализа психопатологии.

Направления будущих исследований

В этой главе мы остановились на нескольких основных проблемах кросс-культурной клинической психологии. Клиническая психология распространена сейчас во все мире, но ее родиной были США. Поэтому она отражала именно американские потребности и представления в сфере клинической оценки, концептуализации психических расстройств и лечения. Позднее, по мере того как получал все более широкое признание фактор культуры, появлялось все больше проблем. Как можно добиться валидности инструментов клинической оценки при их кросс-культурном применении? Представляют ли собой психические расстройства в разных культурах единые в основе феномены, различие между которыми состоит лишь в разных симптоматических проявлениях, или в разных культурах имеют место разные психические расстройства? Как разработать эффективные методики лечения, которые можно применять в разных культурных группах? Несмотря на то что все эти проблемы еще не решены, давайте подумаем о будущих исследованиях и их проблематике.

Во-первых, культура и этническая принадлежность ставят перед нами вопросы, касающиеся понимания людей. Если задача психологической науки состоит в выявлении общих принципов поведения людей, она должна изучать разные культурные группы. Господство американской психологии привело к тому, что в большинстве исследований в качестве испытуемых использовались именно американцы. При этом они представляют менее 5% всего мирового населения. В будущем исследователи, скорее всего, будут все чаще заниматься изучением населения за пределами США. Кросс-культурные исследования развиваются, и их значение получает все более широкое признание (Segall et al., 1998). За пределами США уровень проведения таких исследований будет все более высоким, и все чаще будут проводиться кросс-культурные сравнения для проверки универсальности и применимости полученных данных. Этнокультурные теории, берущие начало в разных культурах, видимо, продолжат свое развитие, а незападные культуры начнут решать свои проблемы, обращаясь к американской психологии. В США продолжится изучение различных культурных групп.

Во-вторых, важным результатом проведения психологических исследований с учетом фактора культуры станет возможность подготовки психологов к решению таких проблем, как культурные отклонения и предубеждения, выбор методики кросс-культурных исследований и выявление черт культурного сходства и различия. Все более важным аспектом научно-исследовательской работы будет осознание культурной ограниченности инструментов оценки, *etic*- и *emic*-подходов, подходов к разработке методик кросс-культурных исследований. То есть компетентность исследователей в сфере культуры будет расти.

В-третьих, исследователи должны более четко определять универсальность или культурную специфику данных и теорий в связи с конкретными культурными группами. Сегодня отчеты об исследованиях часто содержат оговорки, предупреждающие, что полученные данные нуждаются в проверке в различных группах населения. В связи с развитием кросс-культурных исследований такие формальные заявления должны будут наполниться реальным значением и превратиться в принцип. Теории, которые получат подтверждение при исследовании разных культур

и групп населения, будут гораздо более ценны и важны, чем те, в основе которых лежит работа только с одной культурной группой.

В-четвертых, при разработке методов лечения и предупреждения заболеваний будет уделяться большее внимание данным научных исследований. В США существует «эмпирически-ориентированный» подход, требующий, чтобы оценка методик и программ лечения делалась на основе эмпирических данных. Например, исследователи признают эффективными только те методики лечения, которые прошли эмпирическую проверку. Такой подход, видящий в исследовательской работе ориентир для клинической практики, будет все шире распространяться во всем мире. Безусловно, при этом неизбежны разногласия между взглядами ученых и народных целителей, практика которых осуществляется на основе интуиции, духовного начала и веры, а не опирается на данные научных исследований.

В-пятых, кросс-культурные сравнения и определение роли культурных факторов повлекут разработку новых подходов и методик, позволяющих глубже понять характер культурных феноменов. Так, Мацумото (Matsumoto, 1999) подвергает сомнению идеи Маркуса и Китаямы (Markus & Kitayama, 1991), касающиеся культуры и личности. Он говорит о том, что необходима проверка интерпретации с точки зрения культуры, при этом необходимо использование новых, передовых методологий. Такие методологии предполагают: более широкое обращение к качественным методам и бóльшую гибкость в подходе к изучению различных культур; разработку стратегий, включающих разнообразные методы, в том числе самоотчеты, анализ поведения и наблюдения на личностном уровне, одновременно обеспечивая учет надличностных факторов, в частности экономических, религиозных, демографических и социальных переменных. Кроме того, соприкосновение с иной культурой расширяет возможности сотрудничества и взаимообогащения ученых, представляющих разные культуры.

В-шестых, менее острой станет оппозиция молярного (культурного) и молекулярного (личностного или биологического) уровней в исследовании поведения человека. Данные, свидетельствующие о значимости обоих уровней, будут способствовать формированию более многоаспектных и творческих теорий поведения и психического здоровья.

В-седьмых, исследования различных культур и обществ, по-видимому, и далее будут вызывать полемику и разногласия в оценках. Мы видели, какие горячие споры шли по проблемам предубеждений в ходе клинической оценки, универсальности психических расстройств, эффективности методов лечения и др. Если добавить к перечисленным такие острые проблемы, как этноцентризм и *imposed emic*, неравноправие при оказании услуг в сфере психического здоровья, расовые и этнические стереотипы тех, кто оказывает такие услуги, и прочие проблемы, то теории, политика и практика кросс-культурной психологии покажутся весьма сомнительными.

И наконец, если уж речь зашла о сомнениях, существуют возможности снизить уровень этноцентризма и ошибок вследствие предубеждений, связанных с культурой. Погружение в мир культуры способствует более взвешенному подходу к этноцентризму и к ошибкам, вызванным культурными предубеждениями. На самом деле необходимым (хотя и недостаточным) условием понимания собственных предубеждений и своей культуры является попытка осмысления иной культуры.

Литература

Abel, T. M., Metraux, R. & Roll, S. (1987). *Psychotherapy and culture.* Albuquerque: University of New Mexico Press.

Adams, R. D. & Victor, M. (1985). *Principles of neurology* (3rd ed.). New York: McGraw-Hill.

Aderibigbe, Y. & Pandurangi, A. (1995). Comment: The neglect of culture in psychiatric nosology: The case of culture bound syndromes. *International Journal of Social Psychiatry, 4,* 235–241.

Al-Issa, I. (1995). *Handbook of culture and mental illness: An international perspective.* Madison, CT: International Universities Press.

American Psychiatric Association. (1952). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (1st ed.). Washington, DC: Author.

American Psychiatric Association. (1968). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (2nd ed.). Washington, DC: Author.

American Psychiatric Association. (1980). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (3rd ed.). Washington, DC: Author.

American Psychiatric Association. (1987). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (3rd ed., rev.). Washington, DC: Author.

American Psychiatric Association. (1994). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (4th ed.). Washington, DC: Author.

American Psychological Association Office of Ethnic Minority Affairs. (1993). Guidelines for providers of psychological services to ethnic, linguistic, and culturally diverse populations. *American Psychologist, 48,* 45–48.

Beutler, L. & Crago, M. (Eds.). (1991). *Psychotherapy research: An international review of programmatic studies.* Washington, DC: American Psychological Association.

Brislin, R. W. (1993). *Understanding culture's influence on behavior.* New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Cheung, F. M. (in press). Universal and indigenous dimensions of Chinese personality. In K. S. Kurasaki, S. Okazaki & S. Sue (Eds.), *Asian American mental health: Assessment theories and methods.* Dordrecht, The Netherlands: Kluwer Academic Publishers.

Clark, W. G., Brater, D. G. & Johnson, A. R. (Eds.) (1988). *Goth's medical pharmacology* (12th ed.). St. Louis, MO: C. V. Mosby.

Costa e Silva, J. A. & Girolamo, G. (1990). Neurasthenia: history of a concept. In N. Sartorius, D. Goldberg, D. DeGirolamo, J. A. Costa e Silva, Y. Lecrubier & H. Wittchen (Eds.), *Psychological disorders in general medical settings* (pp. 69–81). Goettingen, Germany: Hogrefe & Huber.

Dahlquist, L. M. & Fay, A. S. (1983). Cultural issues in psychotherapy. In C. E. Walker (Ed.), *The handbook of clinical psychology: Theory, research and practice* (pp. 1210–1255). Home-wood, IL: Dow-Jones Irwin.

Draguns, J. G. (1995). Cultural influences upon psychopathology: Clinical and practical implications. *Journal of Social Distress, 4(2),* 79–103.

Fabrega, H. (1990). The concept of somatization as a cultural and historical product of Western medicine. *Psychosomatic Medicine, 52,* 653–672.

Fox, R. E. (1982). The need for a reorientation of clinical psychology. *American Psychologist, 37,* 1051–1057.

Freud, S. (1900). *The interpretation of dreams.* New York: Avon, 1965.

Goldberg, L. R. (1981). Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. In L. Wheeler (Ed.), *Reviews of personality and social psychology* (Vol. 2, pp. 141–165). Beverly Hills, CA: Sage.

Good, B. & Kleinman, A. (1985). Culture and anxiety: Cross-cultural evidence for the patterning of anxiety disorders. In A. Hussain Tuma & J. Maser (Eds.), *Anxiety and the anxiety disorders* (pp. 297–324). Hillsdale, NJ: Lawrence.

Gopaul-McNicol, S. & Brice-Baker, J. (1998). The treatment of culturally diverse clients. *In Cross-cultural practice: Assessment, treatment and training* (pp. 73–86). New York: Wiley.

Higginbotham, H. N., West, S. G. & Forsyth, D. R. (1988). *Psychotherapy and behavior change: Social, cultural, and methodological perspectives* (1st ed.). New York: Pergamon Press.

Ho, D. (1985). Cultural values and professional issues in clinical psychology: Implications from the Hong Kong Experience. *American Psychologist, 40(11)*, 1212–1218.

Hopkins, J., Marcus, M. & Campbell, S. B. (1984). Postpartum depression: A critical review. *Psychological Bulletin, 5(3)*, 498–515.

Howard, A., Pion, G. M., Gottfredson, G. D., Flattau, P. E., Oskamp, S., Pfaffin, S. M., Bray, D. W. & Burstein, A. G. (1986). The changing face of American psychology: A report from the committee on employment and human resources. *American Psychologist, 41*, 1311–1327.

Hui, C. H. (1988). Measurement of individualism-collectivism. *Journal of Research in Personality, 22*, 17–36.

Kaiser, A. S., Katz, R. & Shaw, B. (1998). Cultural issues in the management of depression. In S. Kazarian & D. Evans (Eds.), *Cultural clinical psychology* (pp. 177–214). New York: Oxford University Press.

Kazarian, S. & Evans, D. (Eds.). (1998). *Cultural clinical psychology*. New York: Oxford University Press.

Kleinman, A. (1982). Neurasthenia and depression: A study of somatization and culture in China. *Culture, Medicine, and Psychiatry, 6*, 117–190.

Kleinman, A. (1986). Illness meanings and illness behavior. In S. McHugh & T. M. Vallis (Eds.), *Illness behavior: A multidisciplinary model* (pp. 149–160). New York: Plenum Press.

Kleinman, A. (1987). Culture and clinical reality: Commentary on culture-bound syndromes and international disease classifications. *Culture, Medicine and Psychiatry, 11(1)*, 49–52.

Kleinman, A. (1995). Do psychiatric disorders differ in different cultures? The methodological questions. In N. R. Goldberger & J. B. Veroff (Eds.), *The culture and psychology* (pp. 631–651). New York: New York University Press.

Kleinman, A. & Kleinman, J. (1985). Somatization: The interconnections in Chinese society among culture, depressive experiences, and thè meanings of pain. In A. Kleinman & B. Goods (Eds.), *Culture and depression* (pp. 420–490). Berkeley: University of California Press.

Korchin, S. J. (1980). Clinical psychology and minority problems. *American Psychologist, 35*, 262–269.

Kroeber, A. L. & Kluckhohn, C. (1952). Culture: A critical review of concepts and definitions. Papers. *Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, 47(1)*.

Landrine, H. (1992). Clinical implications of cultural differences: The referential versus the indexical self. *Clinical Psychology Review, 12*, 401–415.

Lin, K. M. & Shen, W. W. (1991). Pharmacotherapy for Southeast Asian psychiatric patients. *Journal of Nervous and Mental Disease, 179*, 346–350.

Linton, R. (1938). Culture, society, and the individual. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 33*, 425–436.

Li-Repac, D. (1980). Cultural influences on clinical perception: A comparison between Caucasian and Chinese-American therapists. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 11,* 327–342.

Markus, H. R. & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review, 2,* 224–253.

Maslow, A. H. (1950). Self-actualizing people: A study of psychological health. *Personalıty, 1,* 11–34.

Matsumoto, D. (1999). Culture and self: An empirical assessment of Markus and Kitayama's theory of independent and interdependent self-construals. *Asian Journal of Social Psychology, 2(3),* 289–310.

McHolland, J., Lubin, M. & Forbes, W. (1990). Problems in minority recruitment and strategies for retention. In G. Strieker, E. Davis-Russell, E. Bourg, E. Duran, W. R. Hammond, J. McHolland, K. Polits & B. E. Vaughn (Eds.), *Toward ethnic diversification in psychology education and training* (pp. 137–152). Washington, DC: American Psychological Association.

Padilla, A. M., Ruiz, R. A. & Alvarez, R. (1975). Community mental health services of the Spanish speaking/surnamed population. *American Psychologist, 30,* 892–905.

Paris, J. (1991). Personality disorders, parasuicide, and culture. *Transcultural Psychiatric Research Review, 28,* 25–39.

Pedersen, P. B., Sartorius, N. & Marsella, A. J. (1984). *Mental health services: the cross-cultural context.* Beverly Hills, CA: Sage.

Reisman, J. M. (1991): *A history of clinical psychology* (2nd ed.). New York: Hemisphere.

Rogler, L. H., Malgady, R. G. & Rodriguez, O. (1989). *Hispanics and mental health: A framework for research.* Malabar, FL: Krieger.

Rosenblat, R. & Tang, S. (1987). Do Oriental psychiatric patients receive different dosages of psychotropic medication when compared with Occidentals? *Canadian Journal of Psychiatry, 32(4),* 270–274.

Sartorius, N. & Jablensky, A. (1983). *Depressive disorders in different cultures.* Geneva: World Health Organization.

Schumaker, J. F. (1996). Understanding psychopathology: Lessons from the developing world. In S. Carr & J. Schumaker (Eds.), *Psychology and the developing world* (pp. 180–190). Westport, CT: Praeger/Greenwood.

Segall, M. H., Lonner, W. J. & Berry, J. W. (1998). Cross-cultural psychology as a scholarly discipline: On the flowering of culture in behavioral research. *American Psychologist, 53,* 1101–1110.

Shakow, D. (1976). What is clinical psychology? *American Psychologist, 29,* 553–560.

Smith, D. E. & Wesson, D. R. (1985). *The benzodiazepines: Current standards for medical practice.* Boston: MTP Press.

Sue, D. W. & Sue, D. (1999). *Counseling the culturally different: Theory and practice* (3rd ed.). New York: Wiley.

Sue, S. (1977). Community mental health services to minority groups: Some optimism, some pessimism. *American Psychologist, 32,* 616–624.

Sue, S. (1983). Ethnic minority issues in psychology: A reexamination. *American Psychologist, 38,* 583–593.

Sue, S. (1996). Measurement, testing, and ethnic bias: Can solutions be found? In G. Sodowsky & J. C. Impara (Eds.), *Multicultural assessment in counseling and clinical psychology* (pp. 7–37). Lincoln, N.E: Buros Institute of Mental Measurements.

Sue, S. (1998). In search of cultural competence in psychotherapy and counseling. *American Psychologist, 53,* 440–448.

Sue, S., Fujino, D., Hu, L. Takeuchi, D. T. & Zane, N. W. S. (1991). Community mental health services for ethnic minority groups: A test of the cultural responsiveness hypothesis. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 59,* 533–540.

Sue, S. & Zane, N. (1987). The role of culture and cultural techniques in psychotherapy: A crique and reformulation. *American Psychologist, 42(1),* 37–45.

Ting-Toomey, S. (1991). Intimacy expressions in three cultures: France, Japan, and the United States. *International Journal of Intercultural Relations, 15,* 29–46.

Toukmanian, S. G. & Brouwers, M. C. (1998). Cultural aspects of self-disclosure and psychotherapy. In S. S. Kazarian & D. R. Evans (Eds.), *Cultural clinical psychology* (pp. 106–124). New York: Oxford University Press.

Triandis, H. C. & Brislin, R. W. (1984). Cross-cultural psychology. *American Psychologist, 39,* 1006–1016.

U.S. Commission on Civil Rights. (1992). Introduction. In *Civil rights issues facing Asian Americans in the 1990* (pp. 1–21). Washington, DC: Author.

Wallin, J. E. W. (1929). The nature of G, as seen by the clinical psychologist. *Psychological Clinic, 18,* 196–198.

Watson, J. B. (1913). Psychology as the behaviorist views it. *Psychological Review, 20,* 158–179.

World Health Organization. (1973). *The international pilot study of schizophrenia* (Vol. 1). Geneva: Author.

World Health Organization. (1979). *Schizophrenia: An international follow up study.* New York: Wiley.

World Health Organization. (1983). *Depressive disorders in different cultures.* Geneva: Author.

Yang, K. S. & Bond, M. H. (1990). Exploring implicit personality theories with indigenous or imported constructs: The Chinese case. *Journal of Personality and Social Psychology, 58,* 1087–1095.

Zane, N. (1999, August). The many faces of loss of face — research and implications. Paper presented at the annual convention of the American Psychological Association, Boston.

ГЛАВА 16

Полируя нефрит: некоторые предложения по совершенствованию изучения социальной психологии с учетом культуры

Майкл Харрис Бонд и Джеймс Т. Тедеши

Социальная психология обеспечила кросс-культурным исследованиям и теориям естественную нишу, которая в последние десятилетия способствовала их процветанию. Без сомнения, это произошло благодаря тому, что изучение социального поведения тесно связано с исследованием культурных факторов. Таким образом, изучение вопросов и процессов социально-психологического характера было и продолжает оставаться в центре внимания кросс-культурной литературы (хотя, разумеется, наблюдается расцвет кросс-культурных исследований и в других областях психологии, о чем свидетельствуют остальные главы этой книги).

И все же, как отмечают Бонд и Тедеши в начале главы, специалисты по социальной психологии, обращаясь к проблемам, связанным с культурой, часто впадают в отчаяние, видя, сколь сложно они разрешимы. Это объясняется тем, что культура оказывает чрезвычайно глубокое влияние на социальные процессы, и часто очень трудно учесть все факторы, влияющие на социальное поведение. Это отчаяние имеет место еще и потому, что создание подлинно универсальных теорий, учитывающих культурные переменные, которыми можно объяснить различия в поведении, в данной области еще впереди. Поэтому лишь когда будут разработаны такие модели и проведены «научно аргументированные и теоретически достоверные исследования социальных проблем», специалисты по социальной психологии, занимающиеся культурой, смогут испытать удовлетворение от разрешения интересующих их вопросов.

В главе, которая открывает часть книги, посвященную социальному поведению, Бонд и Тедеши высказывают свое мнение о том, как можно достичь поставленной выше цели. Они показывают, какой должна стать теория и практика кросс-культурных исследований социальной психологии. Авторы конкретизируют понятие культуры, заменяя часто встречающееся глобальное, абстрактное

представление о ней конкретными, материальными, поддающимися оценке психологическими (и иными) характеристиками (которые определены как ***контекстные переменные****). Такой подход заставляет теоретиков задуматься о том, как и почему культура вызывает появление различий. Ответ на этот вопрос позволит исследователям от предположений о возможных различиях в выборках, представляющих разные культуры, перейти к выявлению степени влияния отдельных культурных переменных на вариативность данных. Хотя такой подход, по сути, и не нов, до сих пор в данной области он не использовался в полной мере, поэтому Бонд и Тедеши не без оснований полагают, что именно такой методике построения теорий и проведения исследований следует уделять основное внимание в будущем.*

Взгляды Бонда и Тедеши становятся нагляднее и яснее благодаря их обзору кросс-культурных исследований агрессии. Первые обращения к этой теме, в том числе и работы авторов настоящей главы, ограничивались простыми кросс-культурными сравнениями, не включая контекстных переменных, расшифровывающих понятие культуры. Хотя и сами по себе эти данные были интересны и наводили на размышления, такие виды исследований, по мнению Бонда и Тедеши, еще не представляли собой полноценной социальной науки. Перед будущими исследованиями стоит задача выявления и интерпретации переменных, вызывающих культурные различия, оценки их самих и того, в какой мере они влияют на культурные вариации.

Несмотря на то что идея такого подхода достаточно проста, воплотить ее в жизнь совсем не легко. Бонд и Тедеши упоминают огромное количество концептуальных трудностей и ловушек, которые осложняют оценку контекстных переменных. Так, рассматривая культурные различия в социальном поведении, приходится учитывать множество переменных, не имеющих отношения к психологии, в том числе погоду, климат, географическое расположение, политическую систему, уровень социально-экономического развития и т. д. Кроме того, необходимо принимать во внимание, как ценностные ориентации общества влияют на психологию индивида, что может еще больше усложнить задачу исследователя.

Хотя подход, сторонниками которого являются Бонд и Тедеши, достаточно сложно реализовать, его можно считать подлинным переворотом во взглядах на кросс-культурные исследования социального поведения. Он делает реальной возможность разработки универсальных теорий социальных процессов и проведения «научно аргументированных и теоретически достоверных исследований социальных проблем», о которых авторы говорят во введении. Доводы в пользу изменения подхода к планированию исследований и методики их проведения с целью создания достоверных в панкультурном масштабе теорий социального поведения звучат в унисон с основной идеей этой книги.

Полководец, который побеждает, еще до сражения в храме предков много часов посвящает расчетам будущего сражения. Полководец, который будет разбит в сражении, немного времени уделяет расчетам. Поэтому мне заранее понятно, кто будет разбит, а кто победит в сражении.

Сунь Цзы. Искусство войны, глава 1, стих 26

Влияние культуры на поведение — тема поистине захватывающая, потому что культура представляет собой невероятно широкий, сложный и разнообразный по формам проявления феномен. Она не может никому наскучить, однако можно впасть в отчаяние, видя сколь трудно «закрыть» любую проблему, связанную с культурой. Это часто происходит со специалистами по социальной психологии. Лично мы успокоимся только тогда, когда будут разработаны и воплощены в жизнь универсальные теории, использующие культурные переменные для интерпретации различий в социальном поведении. Будет еще лучше, если дисциплина, которой мы занимаемся, даст возможность проведения научно аргументированных и теоретически достоверных исследований социальных проблем. Мы хотим добыть нефрит, а не кварц, и отполировать его, превратив в сияющий драгоценный камень.

В этой главе изложено наше сегодняшнее представление о том, какие модели помогут выявить связь культуры и поведения и каким образом осуществить разработку моделей, которые могли бы убедить сторонников традиционной социальной психологии. Мы видим, что они порой воспринимают усилия специалистов по кросс-культурной психологии как причуды дилетантов, дерзкие и забавные, и в то же время неупорядоченные и лишенные чувства реальности. Однако мы полагаем, что, приложив определенные усилия и обратившись к проблемам, о которых пойдет речь дальше, психологи, занимающиеся культурой, могли бы создать себе иную, не столь сомнительную (хотя и оправданно) репутацию.

Мы пытаемся решить вопрос о том, как объяснить кросс-культурные различия с помощью социально-психологических теорий. Основой для представления нашего подхода является современная теория агрессии (Tedeschi, 1983; Tedeschi & Felson, 1994), которая служит примером такой интеграции. Тема агрессии (Tedeschi & Bond, 2001) имеет высокую социальную значимость и вобрала в себя все проблемы, связанные с развивающейся областью, изучающей взаимосвязь культуры и социального поведения. И наконец, мы размышляем о попытках выявления психологических составляющих культурных различий в социальном поведении и возможных результатах такой работы.

Объяснение культурных различий

> Тот, кто владеет искусством войны, знает, что наилучшее — сохранить государство противника целым и невредимым. Разрушить его — не столь великое достижение.
>
> *Сунь Цзы. Искусство войны, глава 3, стих 1*

Кросс-культурное исследование начинается с наблюдения за различиями в часто встречающемся поведении представителей разных культурных групп, а также с фиксации его результатов, например убийства (Robbins, DeWalt, Pelto, 1972), или того, каким образом достигаются эти результаты, например путем нанесения оскорбления индивиду (Felson, 1978) или группе, которые являются объектом воздействия (Semin & Rubini, 1990). Для нас такие различия в поведении представляют интерес лишь постольку, поскольку они являются стимулом к размышлениям

о причинах таких различий. Заинтересовавшись этими причинами, исследователи пытаются выяснить, какие особенности культуры вызывают наблюдаемые различия в поведении.

Эти особенности культуры, однако, следует перевести в личностные психологические характеристики, которые и порождают определенный тип поведения. Такие психологические характеристики могут представлять собой верования, привычки, ценностную ориентацию, Я-конструкции, личную предрасположенность, эмоции, атрибуции, касающиеся собственной личности или окружающих людей, и т. д. Проблема состоит в том, что эти факторы различны для разных культур и для разных обществ, и все они связаны с поведением человека, о какой бы культуре мы ни говорили. Если связь между психологической переменной и поведением обнаруживается во всех культурных группах, можно предположить, что данная связь носит универсальный характер.

Психологическое «раскрытие» культуры

Выявляя психологические характеристики культуры, можно использовать уравнения регрессии, чтобы проверить, объясняются ли различия в повторяемости определенного типа поведения у разных культурных групп показателями именно этой психологической переменной у представителей данных культурных групп (Bond, 1998b). Возможные ответы: да, нет, отчасти. Если *да*, то основное внимание следует уделить изучению особенностей культуры, которая способствует большей или меньшей степени проявления данной психологической характеристики у своих представителей. Если **нет**, можно продолжить поиск иных, более совершенных психологических параметров, объясняющих различия. Если **отчасти**, то следует продолжать поиск дополнительных психологических факторов.

Процесс объяснения разных уровней интересующего нас поведения в разных культурных группах называется **«раскрытием»** культуры на личностном уровне (Clark, 1987; Whiting, 1976). В результате успешного «раскрытия» абстрактная категория «культуры» заменяется измеряемой психологической переменной, детерминирующей поведение личности (см., например, Singelis, Bond, Sharkey & Lai, 1999). Тогда культура выступает как «позиционирующий фактор» психологической модели, то есть как комплекс воздействий, определяющий типовой уровень данной психологической переменной у представителей этой культуры.

Когда эта цель будет достигнута, исследователи смогут сосредоточить внимание на культурной динамике, благодаря которой представители разных культурных групп имеют разные показатели выявленной психологической переменной. Так, установка на агрессию, которая дается родителями в процессе социализации, имеет кросс-культурную связь с агрессивным поведением представителей мужского пола (Segall, Ember & Ember, 1997). Такой прессинг в ходе социализации может быть результатом потребности группы вести войну из-за нужды или голода (Ember & Ember, 1994). Поэтому на определенном уровне убийство в разных культурных группах может быть связано с установкой на агрессию в процессе воспитания мальчиков, что обеспечивает социализацию, отвечающую потребностям культуры в воспитании будущих воинов.

Кросс-культурные исследования агрессии без «раскрытия» культуры

Бонд, Ван, Лейнг и Джакалоне (Bond, Wan, Leung & Giacalone, 1985) интересовались вопросом, каким образом культурная динамика коллективизма и высокие показатели дистанции по отношению к власти (Hofstede, 1980, chapter 3) определяют реакцию индивида на оскорбление. Они предъявляли китайским (жителям Гонконга) и американским испытуемым сценарий, в котором один из членов группы управленческого персонала наносит оскорбление другому представителю администрации из-за проявленной в работе некомпетентности. В соответствии с вариантами сценария, оскорбление наносилось начальнику или подчиненному, который принадлежал к одной рабочей группе с обидчиком или представлял другую группу.

Как и предполагалось, Бонд с соавторами (Bond et al., 1985) обнаружили, что обидчик получал более мягкую отрицательную оценку китайских респондентов (принадлежащих к коллективистской культуре с высокими показателями дистанции по отношению к власти) в случае нанесения оскорбления подчиненному из одной с ним группы. Авторы говорят, что начальник в китайской культуре тесно связан со своей группой (благодаря свойственному культуре коллективизму) и пользуется привилегией вышестоящего нападать на своих подчиненных (благодаря значительной дистанции по отношению к власти) в отличие от американского начальника.

Теоретическое объяснение авторами результатов исследования было одновременно убедительным и бесполезным. Следуя строгой научной логике, им следовало бы определить показатели коллективизма и дистанции по отношению к власти на личностном уровне и рассматривать оскорбление, которое нанес обидчик, с учетом как внутрикультурного, так и межкультурного различия этих показателей у американских и китайских респондентов. Однако авторы не сделали этого. Без связи, установленной на личностном уровне, их выводы, оставаясь весьма интересными, не являются строго научными (Bond, 1995).

Культуры, построенные на насилии

Одно из интереснейших кросс-культурных исследований агрессии использовало гипотезу о том, что некоторые культурные группы готовят своих членов к насилию. Обзор этих исследований говорит о том, как полезна интерпретация на личностном уровне в качестве методики, позволяющей сделать аргументацию, используемую социальной наукой, более убедительной.

Эта работа касается различной распространенности убийств в разных культурах и субкультурах. Возможно, начало ей было положено разрозненными наблюдениями, в ходе которых отмечались различия в проявлениях этой крайней формы агрессивности. Так, например, по-видимому, убийства были более распространены в империи ацтеков, чем в империи инков (Prescott, 1961); распространенность убийств после Второй мировой войны в Италии была выше, чем в Испании (Archer & Gartner, 1984); мужчины совершали убийства гораздо чаще, чем женщины, особенно в некоторых регионах, например в Афганистане (Adler, 1981). Эти разрознен-

ные данные, возможно, окажутся в сфере внимания кросс-культурной психологии, как только будет создана широкая, дающая возможность кросс-культурных сравнений система критериев, определяющих убийство.

ООН требует от стран-членов организации представлять ежегодные отчеты, включающие показатели общественного и социально-экономического развития, среди которых есть и статистика убийств. Ее можно найти в Демографическом ежегоднике (*Demographic Yearbook*), издаваемом ООН. Эти данные использовались при проведении кросс-культурных исследований, например Роббинсом и соавторами (Robbins et al., 1972); в этой работе уровень насильственной смертности связан с показателями температуры-влажности. Кроме того, многие крупные демократические страны, такие как США, фиксируют статистику убийств в своих административно-территориальных единицах. Принимая во внимание, что в каждом из 50 американских штатов существует своя культура школьного образования, свои правовые институты, особый характер экономической деятельности и т. д., исследования, сравнивающие данные по отдельным штатам, позволяют проверить гипотезу, касающуюся связи определенных переменных с распространенностью убийств. Так, исследование Уилкинсона, Кавачи и Кеннеди (Wilkinson, Kawachi & Kennedy, 1998) показало, что количество убийств выше в штатах, имеющих более высокие показатели неравенства при распределении доходов.

Коэн (Cohen, 1996) связывает более высокие показатели по убийствам на юге США с относительно мягким уголовным законодательством в этих штатах. Речь идет о большем количестве законов разрешающего характера и меньшем количестве ограничительных законов, касающихся приобретения и использования оружия, насилия в браке, защиты имущества и самообороны. При этом более широко применяется смертная казнь и телесные наказания. Коэн и Нисбетт (Cohen & Nisbett, 1994) приводят доводы в пользу того, что такие законы сформировались в эпоху скотоводческой культуры с ее низким уровнем поддержания общественного порядка и принудительным осуществлением прав собственности. Это характерно для американского Юга. В таких социальных условиях возникла культура чести (Peristany, 1965), в которой членов общества готовили к личной и решительной борьбе за свою собственность. В общественном сознании жесткость характера стала неотъемлемой характеристикой владельца собственности и весьма полезным социальным капиталом, поэтому подготовка к жизни в обществе предполагала способность решительно противостоять обидчику. Вспыльчивость и чрезмерная обидчивость наблюдается и сегодня, поэтому конфликт, вызванный нанесением обиды и контрнаступлением, имеет больше шансов обостриться и привести к убийству (Felson, 1978).

Кроме того, сегодня южные штаты имеют за спиной историю рабовладения, то есть долгие годы содержания, муштрования и наказаний рабов, что, несомненно, вызвало определенные культурные последствия. Они включают в себя обостренную чувствительность к любому оскорблению или вызову в сочетании с определенным нормативным кодексом, требующим принятия строгих мер для восстановления авторитета, если последний был поставлен под сомнение. Кодекс в сочетании с историческим наследием способствуют формированию «южной культуры

насилия» (ЮКН), которая оправдывает нападение на другого человека защитой чести или достоинства. Эта культурная составляющая в контексте более широких представлений социального характера, имеющих распространение в США, является причиной более высоких показателей убийств (и нападений).

Такая аргументация, принимающая во внимание экономические факторы, правовые институты, практику социализации и, наконец, личную предрасположенность, представляется достаточно правдоподобной для объяснении различий в показателях распространенности убийств в США, а возможно, и различий между другими культурными и национальными группами. Однако существуют две проблемы: концептуальная и связанная с интерпретацией.

Сначала рассмотрим концептуальную проблему. Различия в показателях распространенности убийств связывают также, по меньшей мере, с двумя другими факторами, которые отличают друг от друга разные штаты: средний уровень температуры воздуха (Anderson & Anderson, 1998) и неравенство при распределении доходов (Wilkinson et al., 1998). Андерсон и Андерсон показали, что если прослеживать связь показателя убийств с уровнем температуры воздуха, то не обнаруживается зависимости этих показателей в каждом штате от факторов социального характера, с которыми связывают ЮКН. Переменной, которая оказывает влияние на общество, возможно, является средний уровень температуры окружающей среды, а вовсе не социальные факторы ЮКН. Вероятно, то же самое можно было бы сказать об экономическом неравенстве. Не исключено, что можно было бы доказать, что воздействие уровня температуры снижается или нейтрализуется, когда уровень экономического неравенства регулируется.

Тем не менее, имея в виду декларированные нами цели, эти спорные результаты, полученные на уровне общества, оставляют исследователей в недоумении, какие психологические переменные им следует рассматривать как факторы индивидуального акта, называемого убийством: индивидуальные факторы, связанные с ЮКН, с температурой или с относительным неравенством.

Вторая проблема касается необходимости перевода прогностического социального фактора на уровень оперативного психологического фактора. Человека убивает человек, а не народ, культура или штат, и далеко не каждый способен убить человека. Специалисты по социальной психологии хотели бы выделить и изучить психологические переменные, связанные с убийством. Но здесь нас ожидает разочарование — к счастью, убийство является чрезвычайно редким актом, к которому нельзя побудить в лабораторных условиях. И потому изобретательные исследователи разработали массу лабораторных образцов, которые стимулируют суррогат убийства — сильный удар электрическим током в сценарии учитель–учащийся (например, Milgram, 1974), вербальная реакция на необоснованное оскорбление (например, Bond & Venus, 1991), утверждение своего превосходства путем словесной перепалки (Cohen, Nisbett, Bowdle & Schwartz, 1996) и т. д. Допустимость таких суррогатных действий при изучении убийств зависит от того, насколько правдоподобна связь между подобными действиями и убийством как таковым, которая обеспечивается либо воссозданием акта убийства (например, Gilligan, 1996; Toch, 1969), либо теоретически (например, используя интеракционистскую теорию принудительных мер Тедеши и Фелсона (Tedeschi & Felson, 1994).

Культура насилия с точки зрения психологии

Предположим, что ЮКН представляет собой по меньшей мере один из комплекса социальных факторов, связанных с более высокими показателями распространенности убийств в США. Какая психологическая переменная, производная от ЮКН, должна быть связана с суррогатом убийства? В этом и состоит ключевая проблема нашей модели кросс-культурной социальной психологии. Андерсон и Андерсон (Anderson & Anderson, 1998) утверждают: «До сих пор не было четко сформулировано, какие ценности и установки составляют культуру чести, как не было и критерия оценки индивидуальных различий, связанных с культурой чести» (р. 291). Разумеется, оперативная психологическая переменная равным образом может быть характеристикой намерения человека нанести ущерб другому (Tedeschi & Felson, 1994), повышенной склонности к насилию в ответ на насилие со стороны окружающих, не превышающее пределов нормы (Carpara, Barbaranelli & Zimbardo, 1996 — позитивная оценка насилия), сложившегося в обществе мнения о необходимости мести в ответ на нанесенное оскорбление (Vandello & Cohen, 1998) или другого психологического конструкта.

Каким бы образом исследователь не оценивал ЮКН на индивидуальном уровне, показатели этого параметра должны стать прогностическим фактором явлений, представляющих собой суррогат убийства. Этот параметр должен обеспечивать интерпретацию различий в отношении суррогата убийства по регионам, с более и менее ярко выраженной ЮКН (Anderson & Anderson, 1998; Tedeschi & Bond, 2001). Коэн и его коллеги провели серию исследований, пытаясь выявить переменные, которые на личностном уровне позволяют отличить жителей Юга и Севера США по их реакции на оскорбление (например, Vandello & Cohen, 1998). К сожалению, группа Коэна сравнивала лишь средние групповые показатели гипотетической опосредующей психологической переменной; они не приводят данных корреляционного анализа о связи этой переменной с суррогатом убийства. Этот дополнительный шаг необходим для объяснения различий между южанами и северянами в отношении суррогата убийства.

Когда будет определена система оценки ЮКН на личностном уровне, ее можно будет использовать как систему оценки других культур, основанных на насилии. Помимо США в мире есть страны (например, Китай и Бразилия), где наблюдаются значительные региональные вариации жизнеустройства и различных культурных практик, что ведет к разной степени развития культуры насилия в пределах одного и того же государства. Кроме того, подобные различия наблюдаются в разных странах, где такие явления, как насилие, поощряются в разной степени (Peristany, 1965). Система оценки культуры насилия на личностном уровне, позволяющая интерпретировать региональные и национальные различия в отношении суррогатов убийства, будет существенным вкладом в создание универсальной социально-психологической теории убийства.

Культурные вариации, связанные с психологическим медиатором

Психологический медиатор, определяющий связь между культурой и суррогатом убийства, возможно, в разных культурах будет обладать разным уровнем психологической эффективности. Так, Динер и Динер (Diener & Diener, 1995) изучали

взаимосвязь самоуважения и степени удовлетворенности жизнью в 31 национальной выборке. Они доказали, что социализация представителей индивидуалистических культур приводит к тому, что в их оценке жизненной ситуации большее внимание уделяется своему внутреннему состоянию, в частности самоуважению. Из этого следует, что уровень индивидуализма нации делает связь между медиатором самоуважения и степенью удовлетворенности жизнью менее устойчивой (см. также: Kwan, Bond & Singelis, 1997).

Таким образом, различия в культурной динамике могут проявляться в универсальном факторе поведения, воздействуя на него в разной степени — сильнее или слабее. Триандис (Triandis, 1980) предложил общую модель поведения, учитывающую уровень проявления трех факторов: социальные установки; воздействие, предшествующее поведению; и последствия определенного поведения. Он утверждает, что на поведение в индивидуалистических культурах оказывают более сильное влияние предшествующее воздействие и последствия определенных действий; в коллективистских культурах решающее значение имеют социальные нормы адекватного в соответствующих условиях поведения.

Подобным образом рассуждали Ямагиши, Кук и Ватабе (Yamagishi, Cook & Watabe, 1998), планируя эксперимент по сравнению обязательств у (индивидуалистов) американцев и (коллективистов) японцев. Японию они описывают как «институциональную культуру с системами взаимного контроля и санкционирования, которые ограничивают возможности выбора поведения» (pp. 167–168) и таким образом способствуют совместной деятельности. Социальные нормы коллективистской культуры являются более влиятельными. Социальные нормы американской культуры не предполагают подобных форм социального контроля, но способствуют совместной деятельности, готовя членов общества к принятию на себя большей ответственности. Последствия оказания такого доверия более существенны в индивидуалистической культуре. Таким образом, японцы стремятся к сотрудничеству больше, чем американцы при наличии социального контроля; американцы же в большей степени, чем японцы, стремятся к сотрудничеству при отсутствии социального контроля.

Разработка социально-психологических теорий, учитывающих фактор культуры

Таким образом, есть два пути влияния культуры на социальное поведение: она может создавать прессинг в ходе социализации, направленный на достижение определенного психологического результата, тем самым усиливая общее воздействие опосредующей переменной, которая влияет на поведение (позиционирующее действие культуры). Или же культура может увеличить удельный вес определенной психологической переменной, которая влияет на поведение (увязывающее действие культуры). Чтобы определить, какой из двух названных процессов имеет место, мы должны прежде всего приложить усилия к разработке параметров для адекватной оценки (см. Van de Vijver & Leung, 1997) как социального поведения, так и связанных с ним прогностических параметров. Затем мы должны провести кросс-культурные исследования, чтобы определить, как действуют опосредующие

психологические переменные, увеличивая или уменьшая вероятность интересующего нас социального поведения.

Разработка таких теорий поможет решить сформулированную Мессиком (Messick, 1998) проблему, которая заключается в потребности нашей дисциплины выявить и научно аргументировать психологический смысл культурных различий в поведении:

> Что бы мы ни вкладывали в понятие культуры — институты, установки, личностные характеристики, социальные условия, ожидания и т. д. — что представляют собой процессы, в ходе которых культура влияет на поведение? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, что представляет собой культура с психологической точки зрения и каковы механизмы и процессы проявления культуры в деятельности (p. 289).

Такая интерпретация культуры требует от нас привлечения в полном объеме творческого потенциала, умений и навыков, необходимых для конкретизации и оценки упомянутых механизмов и процессов. Понять, как действуют эти «механизмы и процессы», можно лишь после того, как мы четко определим, о каких механизмах идет речь и как их выявить. И теперь мы обратимся именно к этому фундаментальному вопросу.

Агрессивное поведение: интерпретация культурных различий

> Когда положение безнадежно, солдаты забывают про страх.
> Если нет пути к отступлению, они будут стоять насмерть.
> Если они в сердце страны неприятеля, они будут несокрушимы.
> Если ничего поделать нельзя, они дерутся в полную силу.
>
> *Сунь Цзы. Искусство войны, глава 11, стих 2*

В истории кросс-культурных исследований часто применяется методика воспроизведения исследований, которые обычно были впервые проведены в США. Как свидетельствуют П. Б. Смит и Бонд (P. B. Smith & Bond, 1998, ch. 2), не всегда в ходе таких исследований удается воспроизвести оригинальные данные в контексте другой культуры. Однако эти «неудачи» вызывают желание найти объяснение таким несоответствиям. С такими же сюрпризами сталкивались антропологи при проведении первых научных исследований, когда пытались оценить универсальность теорий. Например, практика воспитания детей у жителей Тробриандских островов — настоящее опровержение представлений Фрейда об эдиповом комплексе (Malinowski, 1927). На этих островах принято передавать ребенка от одного дяди к другому в пределах родной деревни. Работа Мид (Mead, 1949) показала, что полоролевая ориентация в трех племенах Новой Гвинеи так сильно отличалась от традиционной, что можно было говорить о смене ролей; эта работа заставила усомниться в биологических теориях гендерных различий. Открытия такого рода положили начало кросс-культурным теоретическим разработкам и исследованиям по гендерной социализации (например, Barry, Child & Bacon, 1959).

Исследования давали очень любопытные результаты и заставляли решать все новые загадки. Однако для проверки наших знаний требуется новая стратегия, которая даст возможность проверить общую теорию того, каким образом культурные переменные влияют на процессы, постулированные теорией. Идея заключается в том, что все, что можно воспринять как неудачные попытки теоретических прогнозов, при проверке может оказаться различиями уровня или интенсивности личностных процессов, которые носят систематический характер и наличие которых вполне понятно. Мы рассматриваем данную стратегию более детально, используя интеракционистскую теорию агрессии, предложенную Тедеши (Tedeschi, 1983) и дополненную Тедеши и Фелсоном (Tedeschi & Felson, 1994).

Интеракционистская теория агрессивного поведения

Интеракционистская теория агрессивного поведения предполагает, что у субъекта есть три мотива, заставляющие его угрожать другим людям и применять по отношению к ним карательные меры: мотивы социального контроля, мотивы, связанные со справедливостью, мотивы, связанные с идентичностью. Мотивы социального контроля являются основными мотивами воздействия на других людей. Их существование вытекает из посылки, предполагающей, что люди могут достичь желаемого результата, лишь взаимодействуя с другими людьми. Отсюда следует необходимость заставить других делать то, что от них требуется, так, чтобы получить при этом вознаграждение и избежать наказания. Окружающие являются посредниками для получения материального вознаграждения, любви, уважения, обретения определенного статуса, безопасности и любого другого желаемого результата. Для того чтобы склонить окружающих содействовать достижению желаемого, используются разнообразные методы: убеждение, обещания, увещевания, вознаграждение, угрозы и наказание.

Тедеши и Фелсон (Tedeschi & Felson, 1994) полагают, что угрозы и действия карательного характера обычно имеют место, когда предполагается, что воздействие позитивного характера не приведет к желаемому результату, при этом результат имеет столь высокую значимость для субъекта, что он не может оставить стремление достичь его. Те, кому недостает средств, компетентности, доверия, привлекательности или статуса, с помощью которых можно реализовать свои желания, скорее всего, не станут прибегать к позитивным формам воздействия. Такие люди имеют недостаточный уровень образования и не способны четко сформулировать свои мысли, а следовательно, в процессе коммуникации не способны убедить более компетентных людей, с помощью которых возможно достижение желаемого результата. Недостаток доверия и/или привлекательности еще больше ограничивает их коммуникативные возможности, поэтому их попытки убедить кого-либо ни к чему не приводят. Таким образом, этим людям остается лишь один путь — действовать принуждением или силой.

В конфликтных ситуациях обычно имеет место состязание за обладание недостающих средств, что, как правило, ведет к тому, что позитивные формы воздействия становятся неэффективными. Типичная ситуация конфликта предполагает, что двое или более людей являются конкурентами в стремлении обладать одним и тем же объектом, и при этом лишь один из них может заполучить его. В такой ситуации участник конфликта может попытаться отнять желаемый объект у другой

стороны, позволить другой стороне завладеть этим объектом или пойти на компромисс и разделить объект с другой стороной. В конфликтной ситуации попытки использовать позитивные формы воздействия обычно представляются сомнительными, поскольку каждая из сторон знает, что другая также хочет завладеть объектом, которым может обладать лишь одна из сторон (Deutsch, 1994). Поэтому при таких конфликтах с нулевым исходом соперничество и физическое принуждение обычно являются доминирующими формами взаимодействия (см. Tedeschi, Schlenker & Bonoma, 1973).

Согласно интеракционистской теории, вторым мотивом использования угроз и наказаний является желание восстановить справедливость. Когда люди считают, что с ними обошлись несправедливо, они испытывают гнев. Гневу сопутствует желание восстановить справедливость или более незамысловатое желание посчитаться с обидчиком. Справедливость может быть восстановлена, если преступник возместит ущерб или, извинившись, признает свою неправоту, обещает не повторять проступок и подтвердит признание норм и ценностей потерпевшего. Справедливость можно восстановить нанесением ущерба преступнику в том объеме, в каком он нанес урон потерпевшему — по принципу **око за око**.

Несмотря на то что в развитых обществах существуют правовые и социальные институты, которые выступают в качестве посредника в вопросах справедливости, остается достаточно ситуаций, когда потерпевший может рассчитывать лишь на самого себя (Black, 1983). Так, в основе широкого распространения насилия среди афроамериканцев, возможно, лежит недоверие к правовой системе. Когда чернокожие американцы сталкиваются с несправедливостью, они не спешат обращаться в правовые институты, прибегая вместо этого к карательным мерам против тех, кто виновен в том, что с ними обошлись несправедливо. Так могут обстоять дела и в том обществе, в котором исторически сложилось недоверие к правовой системе из-за ее несовершенства или из-за ее политической и социальной необъективности. Применение карательных мер к членам семьи, например жестокое обращение с детьми или партнером по браку, также может быть результатом особых обстоятельств, при которых не принято обращаться за помощью или ждать вмешательства третьих лиц.

Третьим мотивом является стремление обрести и защитить значимую для субъекта идентичность. Субъект прибегает к насилию, когда хочет, чтобы его считали сильным, могущественным, смелым и мужественным. За стремлением к насилию может стоять желание обрести имидж американского отважного стрелка или японского самурая, не знающего страха и ищущего опасностей, чтобы проявить свою удаль. Полицейский, хулиган и чрезмерно жестокий футболист могут нападать на окружающих или провоцировать стычку, чтобы продемонстрировать силу.

Теория социального взаимодействия оговаривает также, что основной мотивацией применения к другим людям карательных мер является защита личной и групповой идентичности. При угрозе идентичности или посягательстве на нее (например, при нанесении оскорбления), человек может смириться с занижением своей силы и статуса или, унизив обидчика, восстановить собственный статус. Стремление к возмездию ведет к «борьбе характеров», в ходе которой обе стороны стараются не показаться слабыми и беспомощными и сохранить идентичность. Такая динамика взаимодействия двух личностей вызывает обострение ситуации, в которой

возможно нападение или убийство (Felson & Steadman, 1983). В отличие от мотивации, связанной с восстановлением справедливости, в основе которой — желание посчитаться с обидчиком, при борьбе характеров доминирует желание «одержать верх».

Культурные переменные и мотивация социального контроля

Тедеши и Фелсон (Tedeschi & Felson, 1994) полагают, что угрозы и карательные меры часто применяются для того, чтобы контролировать поведение окружающих. В этом смысле агрессивные действия представляют собой всего лишь отвратительные формы социального воздействия и служат властным интересам личности, осуществляющей контроль. Личность, от которой исходят угрозы, добивается покорности, чтобы с помощью тех, кому она угрожает, достичь желаемых результатов. Такая форма насилия является не самой предпочтительной формой воздействия с учетом возможности возмездия и негативной реакции со стороны окружающих.

Тот, кто намерен прибегнуть к тактике насилия, учитывает процедурный смысл таких действий. Так, Махатма Ганди питал отвращение к проявлениям жестокости при выражении протеста, но был не против применения ненасильственной тактики сопротивления. В субкультурах менонитов и квакеров проповедуется и практикуется отсутствие насилия и принуждения, а в качестве самого сурового наказания для нарушителей используется избежание контактов с ними. Исследования в области возрастной психологии показали, что агрессивные мальчики, в отличие от неагрессивных, считают насилие эффективной формой контроля окружающих (Boldizar, Perry & Perry, 1989). Это значит, что установки на действенность и приемлемость насильственной тактики делают агрессию более распространенным явлением.

Таким образом культурные различия в агрессивном поведении можно интерпретировать с учетом процедурного смысла таких действий. Есть основания полагать, что совокупность этих смыслов в определенной степени связана с Я-концепцией личности. Ким и его коллеги обнаружили, что респонденты, склонные к взаимозависимому Я-конструированию, выражают большее отвращение к насилию или оскорблению окружающих, чем склонные к независимому Я-конструированию (Kim et al., 1996; Kim, Sharkey & Singelis, 1994). Таким образом, судя по всему, культурные вариации вербальных проявлений агрессивности связаны с оценкой такого поведения с точки зрения Я-конструкции. Подобную связь с Я-конструированием можно обнаружить при выборе стратегии разрешения конфликта (см., например, Bond, Leung & Schwartz, 1992) и других типов социального поведения, связанных с сохранением гармонии межличностных отношений.

Современные гипотезы, касающиеся культурных параметров эго, учитывают также задачи и тактику поведения индивида в ситуации социального конфликта. Маркус и Китаяма (Markus & Kitayama, 1991), обращаясь к индивидуализму и коллективизму, рассматривают концепции независимого и взаимозависимого Я. Они считают, что

> для многих культур западное представление о личности, как о сущности, для которой характерны определенные внутренние атрибуты и которая изолирована от контекста, не является адекватным отражением представлений об эго. Скорее эго будет рассматриваться ими как включенное в систему взаимосвязей с контекстом, иное по своей сущности, а именно, «эго взаимосвязанное с окружающими» (p. 225).

Обучи и Тедеши (Ohbuchi & Tedeschi, 1998) обнаружили, что цели и тактика японцев и американцев в ситуации конфликта различны. Возможно, опосредованное влияние на эти различия оказывают Я-конструкции респондентов. Японцы, принадлежащие к коллективистской культуре и предположительно склонные к более взаимозависимой Я-конструкции, демонстрируют устойчивое стремление сохранить отношения с оппонентом. Более того, они стремятся решить конфликт, используя разного рода обходные пути, например привлекая третьих лиц в качестве посредников и предлагая компромиссные решения. Американцы, представляющие индивидуалистическую культуру, обнаруживают большую склонность к решению конфликта в индивидуальном порядке и к тактике конфронтации. Если взаимозависимые Я-конструкты связаны со стремлением сохранить социальную гармонию, а независимые — с индивидуальными интересами (и, вероятно, с более пренебрежительным отношением к социальным взаимосвязям), тогда культурные различия в склонности к принудительным мерам (например, агрессивному поведению) можно объяснить с точки зрения Я-конструктов.

Ценность определенных объектов и потребность в них различны в разных культурах. Следовательно, источники конфликта и соперничества, а также цели, к которым стремится индивид, воздействуя на окружающих, также различаются между собой. У мбути в Африке мужчины стремятся захватить территорию для охоты (Turnbull, 1965). Основной причиной конфликтов среди яномамо в Бразилии является дефицит женщин (Chagnon, 1976). В обществах с коллективной формой собственности конфликты из-за собственности встречаются достаточно редко (Knault, 1987).

Культурные переменные и мотивация, связанная со справедливостью

Если у человека сложилось мнение, что другой человек виновен в действиях, нарушающих законы или нормы, это может вызвать гнев. Ощущение несправедливости — отправная точка процесса восстановления справедливости, который часто ведет к принятию потерпевшим мер карательного характера. Поскольку в каждом обществе свои нормы и свои законы, понятие нарушения норм также различно для разных культур (см., например, Argyle, Henderson, Bond, Iizuka & Contarello, 1986). Следовательно, конкретные события, которые инициируют процесс борьбы за справедливость, будут различными в разных культурах. Субкультурные различия в рамках одного общества также можно объяснить многообразием норм. Так, было обнаружено, что мусульмане и индуисты в Индии в 21 ситуации, связанной с нарушением норм, реагировали по-разному (Ghosh, Kumar & Tripathi, 1992).

Тедеши и соавторы (Tedeschi et al., in preparation) изучали причины, вызывающие гнев и формы выражения гнева в четырех культурах: в Гонконге, Японии, Германии и США. Они полагают, что в мультикультурных обществах больше конфликтов, связанных с нарушением норм и неправильным истолкованием действий индивидов, представляющих иную этническую группу, а значит, в таких обществах потенциально возможно большее количество ситуаций, вызывающих гнев. Поэтому можно предположить, что чувство гнева чаще испытывают жители США и Гонконга, чем население Японии и Германии, в особенности это связано с отношением к «чужим». В обществе, в состав которого входят представители разных культур, существует гораздо больше социальных контактов с «чужими», а следовательно,

гораздо больше возможностей негативных последствий таких контактов. С другой стороны, в более гомогенных культурах «чужие» должны восприниматься как более опасные для ценностей «своих», а значит, могут вызывать более сильный и явно выраженный гнев.

Кроме того, проявления гнева могут регулироваться культурными нормами. Явное выражение гнева воспринимается как антиобщественное действие у гебуси в Новой Гвинее и у представителей эскимосов в Северной Америке (Knauft, 1987). Сдержанность в проявлении гнева у этих народов можно объяснить социальными последствиями его выражения. То, что нанесение ущерба или обиды скрывается, не означает, что потерпевший ничего не предпринимает для восстановления справедливости. Хотя гебуси не проявляют свои чувства открыто, у них отмечены весьма высокие показатели распространенности убийств (Knauft, 1987). Невозможность выразить гнев и обиду снижает вероятность того, что сатисфакция может быть получена мирным путем, например через возмещение убытков или принесение потерпевшему извинений, и это приводит к чрезвычайно жестоким формам возмездия.

Культурные переменные и мотивация, связанная с идентичностью

Любые культурные переменные, которые обостряют восприимчивость индивида к факторам, угрожающим его идентичности, повышают вероятность личных столкновений. Культурные переменные, подобные тем, которые предполагает концепция культуры чести (см., например, Cohen, Vandello & Rantilla, 1998), также могут повысить вероятность проявлений физической жестокости, вызванных угрозой идентичности. Если мы будет рассматривать угрозу идентичности как опосредующую переменную личностного уровня, оказывающую влияние на ответное поведение, можно сделать вывод, что события, которые представляют опасность для идентичности, вызывают ответное поведение (акт возмездия) у представителей четырех культурных групп, изучением которых занимались Тедеши и соавторы (Tedeschi et al., in preparation). Различия в агрессивном поведении, которое является реакцией на угрозу идентичности у названных культурных групп (американцы, китайцы из Гонконга, японцы и немцы), объясняются разным уровнем восприимчивости к угрозе идентичности.

Интерпретация требует учета того факта, что культурные переменные могут оказывать влияние как на когнитивную деятельность, так и на практические действия. Индивид может быть весьма восприимчив к угрозе идентичности, однако избегать открытого проявления своей реакции, защищая свое эго.

Тедеши и соавторы (Tedeschi et al., in preparation) высказывают предположение, что различия в философских традициях и исторически сложившихся условиях существования привели к разному уровню коллективизма в четырех перечисленных культурах. Коллективизм проявляется в практике социализации, сориентированной на ценность социальной гармонии. Поэтому можно предположить, что нанесение оскорблений будет чаще встречаться в индивидуалистических культурах, менее озабоченных вопросами социальной гармонии, что ведет к более острым проявлениям личной конфронтации. Представители индивидуалистических культур меньше сдерживают свою агрессивную реакцию на враждебные проявле-

ния со стороны окружающих. Однако при этом можно предположить также, что представители коллективистских культур будут более восприимчивы к угрозе идентичности группы по сравнению с теми, кто принадлежит к индивидуалистическому обществу. Меньшая склонность к контратаке препятствует обострению конфликта (Felson & Stedman, 1983). На основании приведенного выше анализа можно сделать вывод, что японцы в меньшей степени, по сравнению с американцами, склонны к убийству среди «своих», но могут вести себя куда более агрессивно по отношению к «чужим», которые представляют для них угрозу.

Интеракционистская теория с точки зрения кросс-культурного подхода

Преимущество традиционного теоретического подхода к объяснению кросс-культурных различий состоит в том, что данная теория предлагает комплекс медиаторов и модераторов, оказывающих влияние на социальное поведение, которые можно выразить через уже выявленные культурные переменные. На ранней стадии такой подход представляет собой попытку осмысления вопроса, поскольку специалист по социальной психологии просто размышляет о том, насколько адекватно каждый из культурных факторов выражается через процессы, постулированные теорией. Затем такие теоретические размышления должны пройти проверку в ходе кросс-культурной интерпретации. Так, например, вероятность личного возмездия за неправомерные действия со стороны другого человека, судя по всему, связана с представлениями о том, как должны действовать члены общества или общественные институты для восстановления справедливости. Эти представления рассматриваются и оцениваются как с точки зрения принадлежности к определенной группе, так и с точки зрения характера карательных мер.

Таким образом, теоретики обращают наше внимание на оперативные психологические переменные, которые поддаются кросс-культурному тестированию и оценке. А значит, теперь мы можем узнать, как наши теоретики применяют этот подход в условиях разных культур, пытаясь понять, каким образом культурные переменные влияют на психологические процессы.

Медиаторы и модераторы кросс-культурных различий

Если хочешь сокрушить армию противника, или напасть на его город,
Или убить его людей, всегда нужно сначала
Узнать имена тех, кто состоит у него на службе, его помощников,
Часовых и начальника охраны.
Все это должны узнать твои шпионы.

Сунь Цзы. Искусство войны, глава 13, стих 20

Как мы пытались показать, медиаторы и модераторы играют ключевую роль, помогая осмыслить в психологическом аспекте ту роль, которую играет культура, определяя поведение человека. Однако выявление и увязывание предполагаемого медиатора или модератора с определенным социальным поведением — задача нелегкая. Д. Коэн рассказал (личная беседа, 1999), что в связи с темой агрессии

он и его коллеги провели оценку большого количества предполагаемых медиаторов суррогатов убийства в ходе исследования феномена южной культуры насилия. Они опробовали разные критерии, например установку, что оскорбление наносит ущерб мужской репутации оскорбленного. К сожалению, ни один из показателей не обнаружил корреляции с результирующими показателями поведения. Поэтому мы не знаем, какой психологический процесс опосредует агрессивное поведение, изучением которого занимались исследователи.

Рассматривая различия между Севером и Югом, Коэн (Cohen, 1997) замечает, что

> с точки зрения важности, самые слабые различия между Севером и Югом были обнаружены в изложении позиций... Людям было намного легче реализовать установки, связанные с культурой чести, чем сформулировать их (р. 126).

Эти данные говорят о том, что выявление медиаторов может быть достаточно сложным делом. Как полагает Коэн, культурные различия в поведении, возможно, носят наиболее выраженный характер там, где они проявляются на уровне полного автоматизма:

> Но поскольку они либо очень прочно усвоены (либо просто никогда не преподносились в процессе обучения в явной форме), они могут проявляться, минуя сознание. Наши вербально оформленные рассказы и суждения явным образом связаны с сознательным уровнем обработки информации, поэтому они могут быть абсолютно не связанными с культурными нормами, усвоенными на предсознательном уровне (р. 126).

Из сказанного можно сделать вывод, что многие культурные различия в поведении могут не проявляться через параметры сознательных процессов, которые непосредственно связаны с поведением. Возможно, нам придется забросить сети поглубже, чтобы выловить конструкт, не столь очевидным образом связанный с поведением. В связи с этим могут быть полезны системы всесторонней оценки параметров личности, подобные новому «НЭО личностному опроснику», поскольку они включают вопросы, касающиеся ценностных ориентаций, установок, самоотчетов в связи с конкретными типами поведения, чертами характера и т. п. Если рассуждение Коэна разумно, возможно, нам придется искать медиаторы иного типа, например совокупности привычек (см. Cattell, 1965), или обратиться к почерку (см., например, работу о почерках Wierzbica, 1994).

Перспективные психологические медиаторы

Обнадеживает то, что сегодняшние кросс-культурные исследования являются настоящим рогом изобилия в отношении потенциальных медиаторов. Эти медиаторы отвечают обязательному требованию метрической эквивалентности (Van de Vijver & Leung, 1997) в различных культурных группах, для исследования которых они применялись. Данные медиаторы по происхождению делятся на три вида: медиаторы, выявленные в ходе построения гипотез, связанных с культурой; медиаторы, входящие в основную группу параметров универсального характера, с помощью которых оценивается изучаемый конструкт; и медиаторы, получаемые, когда параметры, разработанные в одной культуре, успешно применяются в другой.

Первая группа представляет собой медиаторы, разработанные в ходе теоретического осмысления культуры. Идеи Маркуса и Китаямы (Markus & Kitayama, 1991), касающиеся коллективизма, индивидуализма, независимого и взаимосвязанного Я-конструирования, были использованы Сингелисом (Singelis, 1994) для создания системы оценки двух типов Я-конструкций. Как показали исследования, эта система оценки может использоваться и в других культурных группах и позволяет интерпретировать культурные различия. Гудикунст и соавторы (Gudykunst et.al., 1996) разработали подобный комплекс параметров оценки Я-конструкта, используя методику Бонда (Bond, 1988) для отбора параметров универсального характера из комплекса данных по многим культурам. Они обнаружили, что два выбранных ими параметра Я-конструкта позволяют прогнозировать различные коммуникативные стили, например скрытность, выразительное молчание и использование чувств, позволяя понять различия в показателях некоторых из этих параметров в пяти разных культурах. Мацумото, Вайсман, Престон, Браун и Купербуш (Matsumoto, Weissman, Preston, Brown & Kupperbusch, 1997) на основе теоретических размышлений Триандиса о коллективизме разработали Опросник для оценки межличностных отношений с точки зрения индивидуализма—коллективизма. Данный инструмент продемонстрировал свою надежность и валидность в нескольких культурных группах и, следовательно, может быть полезен в будущем для интерпретации культурных различий в социальном поведении. Триандис и его коллеги (Triandis et al., 1993), анализируя данные по 10 культурным группам, определили шесть факторов, которые позволяют оценить теоретически выявленные аспекты коллективизма применительно к отдельной личности. Эти факторы включают отделение от своих, независимость и личную компетентность. Каждый из них может применяться для проверки гипотез, связанных с конструктами индивидуализма–коллективизма как в рамках одной культуры, так и на более высоком уровне. Таким же образом могут использоваться параметры горизонтального и вертикального индивидуализма и коллективизма (Triandis & Gelfand, 1996).

Говоря о конструктах, связанных с взаимоотношениями, Кван с коллегами (Kwan et al., 1997) доказывали, что коллективистская культурная динамика делает акцент на социальной безопасности, которая является следствием достижения гармонии межличностных отношений. В этом отношении гармония взаимоотношений, как и самоуважение, должна представлять собой медиатор удовлетворенности жизнью. Исследователи разработали систему оценки гармонии межличностных отношений и продемонстрировали, что она является важным дополнительным медиатором удовлетворенности жизнью как для американских, так и для гонконгских респондентов. Кван и его коллеги показали на практике, что гармония межличностных взаимоотношений может использоваться наряду с самоуважением для объяснения более глубокого ощущения удовлетворенности жизнью в американской выборке. Таким образом, в ходе осмысления культуры был выявлен еще один значимый медиатор.

Во-вторых, исследователи использовали многообразие культурных групп как фильтр для отбора группы основных показателей универсального характера, с помощью которых оценивается изучаемый конструкт. Так, Шварц (Schwartz, 1992)

занимался проверкой 10 доменов ценностного характера, выявленных по 32 выборкам из 20 стран. Определяя эти 10 доменов, он отобрал только ценности, актуальные для двух третей изучаемых групп. Бонд (Bond, 1988) использовал методику исследования средних показателей по разным культурам для выявления двух основных ценностных факторов на основании Обзора китайской системы ценностей (Chinese Culture Connection, 1987). Лейнг и Бонд (Leung & Bond, 1988) разработали общекультурную систему оценки социальных аксиом, отбирая вопросы, позволяющие оценить выявленные авторами пять факторов, обнаруживших кросскультурную релевантность.

В-третьих, потенциальные медиаторы включают отобранные в соответствии с прошедшей проверку временем методикой «сафари-исследования». В ходе такого исследования критерии, разработанные на Западе, обычно в Америке, и подтвердившие свою эффективность, переводили на другие языки и «отправляли на охоту» в другие культуры. Как правило, такие критерии использовали для оценки важных конструктов или комплексов конструктов, хорошо проработанных в теоретическом плане с установкой на их универсальность. Мак-Край и Коста (McCrae & Costa, 1997) доказали применимость их системы оценки «Большой пятерки» личностных параметров к различным культурным/языковым группам. То же самое проделал Шварцер (Schwarzer, 1993) с понятием самоэффективности Бандуры (Bandura, 1977); Динер и Динер (Diener & Diener, 1995) с понятием самоуважения Розенберга (Rosenberg, 1965); Кэмпбелл с соавторами (Campbell et al., 1996) со своим понятием четкости Я-концепции; Сиданиус, Пратто и Рабиновиц (Sidanius, Pratto & Rabinowitz, 1994) в отношении понятия социального доминирования Сиданиуса (Sidanius, 1993); и Мауро, Сато и Тукер (Mauro, Sato & Tucker, 1992) в отношении анализа ситуационных параметров с целью интерпретации эмоций, который провели Смит и Эллсворт (C. A. Smith & Ellswoth, 1985).

Даты в приведенных ссылках говорят о том, что эти важные инструменты появились совсем недавно. В основном речь идет о последнем десятилетии, когда началась широкая проверка их применимости за пределами западных культур. Сегодня их применение позволяет социальной психологии заняться проверкой их универсальности в теоретическом аспекте и разработкой научно достоверных теорий культуры. Безусловно, разновидность поведения, интересующая исследователей, будет определять тип применимого к ней медиатора, и уже имеющиеся в нашем распоряжении медиаторы, несомненно, потребуют конкретизации и корректировки.

Медиаторы непсихологического характера

Возможно, при интерпретации культурных различий определенных разновидностей поведения специалисты по кросс-культурной психологии должны будут помимо психологических медиаторов обратиться к медиаторам иного рода. Бонд (Bond, 1998a) утверждал, что одной из характеристик, отличающих различные культурные группы, является структура ролевых взаимоотношений. Если это так, тогда может иметь место определенная культурная специфика, связанная, скажем, с восприятием того, кто наносит оскорбление (Bond et al., 1985), из-за различия в струк-

туре взаимоотношений обидчика и оскорбленного. Если в эгалитарной культуре учитель оскорбляет ученика, такое поведение может быть воспринято как предосудительное и вызвать достаточно интенсивное противодействие. Однако осуждение и противодействие могут не иметь никакого отношения к психологическим характеристикам оскорбленного, а определяться лишь структурой взаимоотношений учителя и ученика в данной культурной группе. Таким образом, принимая во внимание медиатор ролевого равенства, мы можем получить возможность понять культурные различия в отношении к обидчику, не обращаясь к психологическим медиаторам (например, к представляющему собой личностную характеристику параметру социального соответствия [*agreeableness*]).

Симан (Seeman, 1997) сетует на недостаток внимания, которое социальная психология уделяет социальной ситуации. В некоторых попытках оценить параметры ситуации (например, Wish, Deutsch & Kaplan, 1976) оценивалась вместо этого психологическая реакция на нее. Исключением является работа Марвелла и Хейджа (Marwell & Hage, 1970), которые обратились к респондентам с просьбой оценить ролевые взаимоотношения по ряду параметров объективного характера, таких как частота встреч, присутствие третьих лиц во время встреч и т. п. Мак-Оли (McAuley, 1999) усовершенствовал и дополнил данные параметры и в настоящий момент использует их для сравнения гонконгской и австралийской структуры ролевых взаимоотношений. Возможно, это сравнение покажет, что в двух названных культурных группах ролевые взаимоотношения строятся по-разному. Если это так, то появится возможность с помощью медиатора непсихологического характера — структуры ролевых взаимоотношений — объяснить некоторые различия в поведении, наблюдаемые в разных культурах.

Другим примером является работа Морриса, Подольни и Ариеля (Morris, Podolny & Ariel, 2000). Они заявляют:

> Субъективистская традиция не имела в своем распоряжении подходящих инструментов для анализа опосредующих переменных, которые были весьма важны — речь идет о социальном контексте, который определяет действие конкретных законов поведения, являясь причиной культуро-специфичных форм конкретных действий (р. 82).

Упомянутые исследователи предлагают и разрабатывают критерии оценки взаимоотношений, в которые вступают служащие большой многонациональной компании в четырех разных культурах, с учетом типологии Парсона универсализм–партикуляризм и атрибуция–достижения. Моррис с коллегами оценивают масштабы и интенсивность взаимоотношений, их направленность, количество сотрудников, работающих в одном подразделении с испытуемым, с которыми он поддерживает дружеские отношения, взаимодействия, которые выходят за пределы служебных обязанностей, аффективную близость и продолжительность взаимоотношений, складывающихся на работе у служащих в Испании, Гонконге, Германии и США. Они говорят о ряде впечатляющих различий. Это исследование предусматривает теоретически обоснованную и обеспеченную тщательно продуманным инструментарием систему оценок переменных не психологического, а социального характера, весьма перспективных для интерпретации культурных различий в поведении.

Разумеется, использование медиаторов, связанных с ролевой структурой или с характером взаимоотношений, уместно лишь при изучении поведения, связанного с межличностным взаимодействием в конкретном контексте. Такому поведению было посвящено относительно немного кросс-культурных исследований, которые обычно вместо изучения особенностей поведения, связанного с межличностными взаимоотношениями, уделяли основное внимание социальной когнитивной деятельности. По мере того как мы будем уделять больше внимания межличностному взаимодействию, такому как разговор или проявления агрессии, ситуационные медиаторы будут приобретать большее практическое значение для объяснения культурных различий и построения моделей социального поведения.

Заключение, с которого все только начинается

А потом наступает пора выбора тактики и маневров,
Именно это и есть самое сложное.

Сунь Цзы. Искусство войны, глава 7, стих 3

Поставить перед собой цель — это одно, достичь ее — совсем иное. Как подступиться к разработке, а затем апробации универсальных теорий социального поведения? Здесь мы должны обрести мастерство и приобрести знания, которые помогут заложить фундамент для осуществления этой необходимой в сфере кросс-культурной психологии работы. В этом отношении существуют весьма полезные источники, которые касаются методологических аспектов кросс-культурных исследований (Brislin, Lonner & Thorndike, 1973; Van de Vijver & Leung, 1997) и содержат современную информационную базу по кросс-культурной социальной психологии (Smith & Bond, 1998).

Что касается мотивации, которая заставляет вступать в борьбу с фрустрациями, неопределенностью и требованиями, которые предъявляет практика кросс-культурной социальной психологии, это скорее вопрос личного свойства. Любознательность и толерантность к неопределенности связаны с готовностью прибегнуть к помощи опыта, так же как жизнь в чужой культуре ежедневно заставляет удивляться, а порой и испытывать досаду (Bond, 1997). Здесь важна и способность рискнуть своей карьерой, поскольку кросс-культурные исследования требуют гораздо больше времени на подготовку и осуществление, нежели исследования монокультурного характера (Gabrenya, 1988).

Если перейти к более оптимистичному тону, то можно вспомнить, что мы живем в век культурного многообразия. В то время, когда мы пишем эти строки, многие страны отмечают 50-ю годовщину Декларации прав человека. Все более глубокая озабоченность правами человека включает в себя и защиту культурной самобытности, и заинтересованность в сохранении и интеграции нашего разнообразного наследия. Мы верим, что кросс-культурная социальная психология имеет большое будущее, поскольку все большее значение придается принадлежности к определенной культуре и гармонии отношений между разными культурами. Однако это требует немедленного совершенствования наших теоретических подходов и апробации новых теорий, чтобы в этом многоголосье наш голос был услышан.

Поэтому говорится: если ты знаешь врага и знаешь себя,
Тебе не страшна и сотня битв.
Если ты знаешь себя, но не знаешь врага,
За победой будет следовать поражение.
Если не знаешь ни его, ни себя,
Ты не устоишь ни в одном бою.

Сунь Цзы. Искусство войны, глава 3, стих 18

Примечание
Мы выражаем благодарность Дову Коэну и Дэвиду Мацумото, чьи комментарии к первому варианту данной главы помогли нам сделать ее более удобочитаемой, точной и глубже раскрыть тему.

Литература

Adler, F. (Ed.). (1981). *The incidence of female criminality in the contemporary world.* New York: New York University Press.

Anderson, C. A. & Anderson, K. B. (1998). Temperature and aggression: Paradox, controversy, and a (fairly) clear picture. In R. G. Geen & E. Donnerstein (Eds.), *Human aggression* (pp. 248–298). New York: Academic Press.

Archer, D. & Gartner, R. (1984). *Violence and crime in cross-national perspective.* New Haven, CT: Yale University Press.

Argyle, M., Henderson, M., Bond, M. H., Lizuka, Y & Contarello, A. (1986). Cross-cultural variations in relationship rules. *International Journal of Psychology, 21,* 287–315.

Bandura, A. (1977). Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review, 84,* 191–215.

Barry, H., Child, I. & Bacon, M. (1959). Relation of child training to subsistence economy. *American Anthropologist, 61,* 51–63.

Black, D. (1983). Crime as social control. *American Sociological Review, 48,* 34–45.

Boldizar, J. P., Perry, D. G., and Perry, L. C. (1989). Outcome values and aggression. *Child Development, 60,* 571–579.

Bond, M. H. (1988). Finding universal dimensions of individual variation in multi-cultural studies of values: The Rokeach and Chinese value surveys. *Journal of Personality and Social Psychology, 55,* 1009–1015.

Bond, M. H. (1995). Doing social psychology cross-culturally: Into another heart of darkness. In G. G. Brannigan & M. R. Merrens (Eds.), *The social psychologists: Research adventures* (pp. 186–205). New York: McGraw-Hill.

Bond, M. H. (1997). Preface: The psychology of working at the interface of cultures. In M. H. Bond (Ed.), *Working at the interface of cultures: Eighteen lives in social science* (pp. xi-xix). London: Routledge.

Bond, M. H. (1998). Managing culture in studies of communication: A futurescape. *Asia Pacific Journal of Communication, 8,* 31–49.

Bond, M. H. (1998). Social psychology across cultures: Two ways forward. In J. G. Adair, D. Belanger & K. Dion (Eds.), *Proceeding of the 26th International Congress of Psychology: Vol. 1. Advances in psychological science: Social, personal and cultural aspects* (pp. 137–150). Hove, UK: Psychology Press.

Bond, M. H., Leung, K. & Schwartz, S. (1992). Explaining choices in procedural and distributive justice across cultures. *International Journal of Psychology, 27,* 211–225.

Bond, M. H. & Venus, C. K. (1991). Resistance to group or personal insults in an ingroup or outgroup context. *International Journal of Psychology, 26,* 83–94.

Bond, M. H., Wan, K. C., Leung, K. & Giacalone, R. (1985). How are responses to verbal insult related to cultural collectivism and power distance? *Journal of Cross-Cultural Psychology, 16,* 111–127.

Brislin, R., Lonner, W. & Thorndike, R. M. (1973). *Cross-cultural research methods.* New York: Wiley.

Campbell, J. D., Trapnell, P. D., Heine, S. J., Katz, I. M., Lavallee, L. K & Lehman, D. R. (1996). Self-concept clarity: Measurement, personality correlates, and cultural boundaries. *Journal of Personality and Social Psychology, 70,* 141–156.

Caprara, G. V., Barbaranelli, C. & Zimbardo, P. G. (1996). Understanding the complexity of human aggression: Affective, cognitive, and social dimensions of individual differences in propensity toward aggression. *European Journal of Personality, 10,* 133–155.

Cattell, R. B. (1965). *The scientific analysis of personality.* Baltimore, MD: Penguin.

Chagnon, N. A. (1976). *Yanomamo, the fierce people.* New York: Holt, Rinehart & Winston.

Chinese Culture Connection. (1987). Chinese values and the search for culture free dimensions of culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 18,* 143–164.

Clark, L. A. (1987). Mutual relevance of mainstream and cross-cultural psychology. *Journal of Consulting and Clinical Psychology, 55,* 461–470.

Cohen, D. (1996). Law, social policy, and violence: The impact of regional cultures. *Journal of Personality and Social Psychology, 70,* 961–978.

Cohen, D. (1997). Ifs and thens in cross-cultural psychology. In R. S. Wyer, Jr. (Ed.), *The automaticity of everyday life* (pp. 121–131). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Cohen, D. & Nisbett, R. E. (1994). Self-protection and the culture of honor: Explaining southern violence. *Personality and Social Psychology Bulletin, 20,* 551–567.

Cohen, D., Nisbett, R. E., Bowdle, B. R & Schwarz, N. (1996). Insult, aggression, and the southern culture of honor: An «experimental ethnography.» *Journal of Personality and Social Psychology, 70,* 945–960.

Cohen, D., Vandello, J. & Rantilla, A. K. (1998). The sacred and the social: Cultures of honor and violence. In P. Gilbert & B. Andrews (Eds.), *Shame, interpersonal behavior, psychopathology, and culture* (pp. 261–282). New York: Oxford University Press.

Deutsch, M. (1994). Constructive conflict resolution: Principles, training, and research. *Journal of Social Issues, 50,* 13–32.

Diener, E. & Diener M. (1995). Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology, 68,* 653–663.

Ember, C. R. & Ember, M. (1994). War, socialization, and interpersonal violence: A cross-cultural study. *Journal of Conflict Resolution, 38,* 620–646.

Felson, R. B. (1978). Aggression as impression management. *Social Psychology Quarterly, 41,* 205–213.

Felson, R. B. & Steadman, H. J. (1983). Situational factors in disputes leading to criminal vionce. *Criminology, 21,* 59–74.

Gabrenya, W. B., Jr. (1988). Social science and social psychology: The cross-cultural link. In M. H. Bond (Ed.), *The cross-cultural challenge to social psychology* (pp. 48–66). Newbury Park, CA: Sage.

Ghosh, E. S. K., Kumar, R. & Tripathi, R. C. (1992). The communal cauldron: relations between Hindus and Muslims in India and their reactions to norm violations. In R. DeRidder & R. C. Tripathi (Eds.), *Norm violation and intergroup relations* (pp. 70–89). Oxford: Clarendon Press.

Gilligan, J. (1996). *Violence: Our deadly epidemic and its causes.* New York: G. P. Putnam.

Gudykunst, W. B., Matsumoto, Y., Ting-Toomey, S., Nishida, T., Kim, K. & Heyman, S. (1996). The influence of cultural individualism-collectivism, self-construals, and individual values on communication styles across cultures. *Human Communication Research, 22,* 510–543.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Beverly Hills, CA: Sage.

Kim, M. S., Hunter, J. E., Miyahara, A., Horvath, A. M., Bresnahan, M. & Yoon, H. J. (1996). Individual versus culture level dimensions of individualism and collectivism: Effects on preferred conversational styles. *Communication Monographs, 63,* 29–49.

Kim, M. S., Sharkey, W. R & Singelis, T. (1994). The relationship between individual's self-construals and perceived importance of interactive constraints. *International Journal of Intercultural Relations, 18,* 1–24.

Knauft, B. M. (1987). Reconsidering violence in simple human societies: Homicide among the Gebusi of New Guinea. *Current Anthropology, 28,* 457–497.

Kwan, V. S. Y., Bond, M. H. & Singelis, T. M. (1997). Pancultural explanations for life satisfaction: Adding relationship harmony to selfesteem. *Journal of Personality and Social Psychology, 73,* 1038–1051.

Leung, K. & Bond, M. H. (1998, August). *Cultural beliefs about conflict and peace.* Paper presented at the 24th International Congress of Applied Psychology, San Francisco, CA.

Malinowski, B. (1927). *Sex and repression in savage society.* London: Humanities Press.

Markus, H. & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, motivation, and emotion. *Psychological Review, 98,* 224–253.

Marwell, G. & Hage, J. (1970). The organization of role relations: A systematic description. *American Sociological Review, 35,* 884–900.

Matsumoto, D., Weissman, M. D., Preston, K. Brown, B. R. & Kupperbusch, C. (1997). Context-specific measurement of individualism-collectivism on the individual level: The Individualism-Collectivism Interpersonal Assessment Inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 743–767.

Mauro, R., Sato, K. & Tucker, J. (1992). The role of appraisal in human emotions: A cross-cultural study. *Journal of Personality and Social Psychology, 62,* 301–317.

McAuley, P. C. (1999). *The construction of role relationships in two cultural groups.* Master's thesis, Chinese University of Hong Kong.

McCrae, R. R. & Costa, P. T. (1997). Personality trait structure as a human universal. *American Psychologist, 52,* 509–516.

Mead, M. (1949). *Male and female.* New York: Morrow.

Messick, D. M. (1988). Coda. In M. H. Bond (Ed.), *The cross-cultural challenge to social psychology* (pp. 286–289). Newbury Park, CA: Sage.

Milgram, S. (1974). *Obedience to authority: An experimental view.* New York: Harper Row.

Morris, M. W., Podolny, J. M. & Ariel, S. (2000). Missing relations: Incorporating relational constructs into models of culture. In P. C. Earley & H. Singh (Eds.), Innovations in international and cross-cultural management (pp. 52–90). Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Ohbuchi, K. & Tedeschi, J. T. (1998). Multiple goals and tactical behaviors in conflict situations. *Journal of Applied Social Psychology, 27,* 2177–2199.

Peristiany, J. G. (Ed.). (1965). *Honor and shame: The values of Mediterranean society.* London: Weidenfeld and Nicolson.

Prescott, W. (1961). *The conquest of Peru.* New York: Mentor.

Robbins, M. C., DeWalt, B. R. & Pelto, P. J. (1972). Climate and behavior: A biocultural study. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 3,* 331–344.

Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Schwartz, S. H. (1992). The universal content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology, 25,* 1–65. New York: Academic Press.

Schwarzer, R. (1993). Measurement of perceived self-efficacy. *Psychometric scales for cross-cultural research.* Berlin: Freie Universitat.

Seeman, M. (1997). The elusive situation in social psychology. *Social Psychology Quarterly, 60,* 4–13.

Segall, M. H., Ember, C. R. & Ember, M. (1997). Aggression crime, and warfare. In J. H. Berry, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 3, pp. 213–254). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.

Semin, G. R. & Rubini, M. (1990). Unfolding the concept of person by verbal abuse. *European Journal of Social Psychology, 20,* 463–474.

Sidanius, J. (1993). The psychology of group conflict and the dynamics of oppression: A social dominance perspective. In W. McGuire & S. Lyengar (Eds.), *Current approaches to political psychology* (pp. 183–219). Durham, NC: Duke University Press.

Sidanius, J., Pratto, R. & Rabinowitz, J. L. (1994). Gender, ethnic status and ideological asymmetry: A social dominance interpretation. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 25,* 194–216.

Singelis, T. M. (1994). The measurement of independent and interdependent self-construals. *Personality and Social Psychology Bulletin, 20,* 580–591.

Singelis, T. M., Bond, M. H., Sharkey, W. R & Lai, S. Y. (1999). Self-construal, self-esteem, and embarrass ability in Hong Kong, Hawaii, and Mainland United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 30,* 315–341.

Smith, C. A. & Ellsworth, P. C. (1985). Patterns of cognitive appraisal in emotion. *Journal of Personality and Social Psychology, 48,* 813–838.

Smith, P. B. & Bond, M. H. (1998). *Social psychology across cultures* (2nd ed.). London: Prentice-Hall.

Tedeschi, J. T. (1983). Social influence theory and aggression. In R. Geen & E. Donnerstein (Eds.), *Aggression: Theoretical and empirical reviews* (pp. 135–162). New York: Academic Press.

Tedeschi, J. T. & Bond, M. H. (2001). Aversive behavior and aggression in cross-cultural perspective. In R. Kowalski (Ed.), *Behaving badly: Aversive behaviors in interpersonal relationships* (pp. 257–293). Washington, DC: APA Books.

Tedeschi, J. T. & Felson, R. B. (1994). *A theory of coercive actions: A social analysis of aggression and violence.* Washington, DC: American Psychological Association.

Tedeschi, J. T, Quigley, B. M., Ohbuchi, N., Mikula, G. & Bond, M. H. (in preparation). *Aggressive behavior in four cultural groups.*

Tedeschi, J. T., Schlenker, B. R. & Bonoma, T. V. (1973). *Conflict, power, and games.* Chicago: Aldine.

Toch, H. H. (1969). *Violent men: An inquiry into the psychology of violence.* Chicago, IL: Addine-Atherton.

Triandis, H. C. (1980). Values, attitudes and interpersonal behavior. In H. Howe & M. Page (Eds.), *Nebraska Symposium on Motivation: Vol. 27* (pp. 196–260). Lincoln: University of Nebraska Press.

Triandis, H. C. & Gelfand, M. (1996). Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology, 74,* 118–128.

Triandis, H. C., McCusker, C., Betancourt, H., Iwao, S., Leung, K., Salazar, J. M., Setiadi, B., Sinha, J. B., Touzard, H. & Zaleski, Z. (1993). An eticemic analysis of individualism and collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 24,* 366–383.

Turnbull, C. (1965). *Wayward servants: The two worlds of the African Pygmies.* Garden City, NY: Natural History.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Statistics Office, (annual). *Demographic Yearbook.* New York: Unted Nations.

Vandello, J. & Cohen, D. (1998). *Endorsing, enforcing, or distorting? How southern norms about violence are perpetuated.* Unpublished manuscript, University of Illinois, Urbana.

Van de Vijver, R. & Leung, K. (1997). Methods and data analysis for cross-cultural research. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1, Theoretical and methodological perspectives* (2nd ed., pp. 257–300). Boston, MA: Allyn & Bacon.

Whiting, B. B. (1976). The problem of the packaged variable. In K. R Reigel & J. A. Meacham (Eds.), *The developing individual in a changing world* (pp. 303–309). The Hague: Mouton.

Wierzbica, A. (1994). Cultural scripts: A semantic approach to cultural analysis and cross-cultural communication. In M. Putz (Ed.), *Language contact, language conflict* (pp. 69–87). Amsterdam: John Benjamins.

Wilkinson, R. G., Kawachi, I. & Kennedy, B. P. (1998). Mortality, the social environment, crime and violence. *Sociology of Health and Illness, 20,* 578–597.

Wish, M., Deutsch, M. & Kaplan, S. J. (1976). Perceived dimensions of interpersonal relations. *Journal of Personality and Social Psychology, 33,* 409–420.

Yamagishi, T., Cook, K. S. & Watabe, M. (1998). Uncertainty, trust, and commitment in the United States and Japan. *American Journal of Sociology, 104,* 165–194.

ГЛАВА 17

Культура и социальная когнитивная деятельность: к социальной психологии культурной динамики

Йошихиса Кашима

Социальной когнитивной деятельности, которая в общих чертах определяется как осмысление социального поведения, со времен когнитивной революции 1960-х годов уделялось в литературе самое пристальное внимание. В традиционной психологии данное направление стало одним из основных. Кросс-культурные исследования социальной когнитивной деятельности (или социального познания) стали играть чрезвычайно важную роль, способствуя постановке проблем и оказывая влияние на экспериментальные и теоретические разработки.

В этой главе Кашима дает всестороннее представление об изучении культуры и социальной когнитивной деятельности. Он начинает с рассмотрения концепции культуры в психологии, проводя грань между ***культурой как миром смыслов*** *и культурной динамикой. Как считает Кашима, культурная динамика связана с парадоксальным феноменом стабильности и изменчивости культуры, пониманию которого способствуют два современных подхода: системно-ориентированный и практически-ориентированный. Эти определения и рассуждения о концепции культуры имеют особое значение для утверждений Кашимы о необходимости теоретических разработок и проведения исследований культурной динамики, которые ознаменуют дальнейшую эволюцию научно-исследовательской работы и осмысления социальной когнитивной деятельности наряду с интеграцией знаний и методик из различных дисциплин.*

Значительную часть главы Кашима посвящает обзору современного состояния исследований по проблеме «культура и социальная когнитивная деятельность». Обзор является одним из самых глубоких и всеобъемлющих по данной теме. Вначале Кашима обращается к первым исследованиям социального познания и фундаментальным работам по теме. Детально рассматриваются следующие темы: полезность концепций, каузальные атрибуции, Я-концепции, интерпретации с личностной и социальной точек зрения, самооценка и др. Он освещает перечисленные вопросы, одновременно давая глубокую и всестороннюю оценку научно-исследовательской литературы и отмечая в связи с

каждой из проблем как то, что нам уже известно, так и то, что мы еще не знаем. Без сомнения, для читателя эта часть главы представляет собой весьма важный источник информации об исследованиях в данной области.

Отталкиваясь от обзора литературы, Кашима высказывает свои соображения о будущих исследованиях и теоретических разработках в данном направлении. Говоря о будущих исследованиях эмпирического характера, он полагает, что есть две темы, касающиеся культуры и социальной когнитивной деятельности, которые заслуживают самого пристального внимания и внимательного изучения: интерпретация социальной деятельности и самоуважение. В то время как изучению населения Северной Америки уделялось достаточно много внимания в связи с названными темами, о других группах населения нам известно гораздо меньше, и это открывает перед нами обширную сферу приложения сил. В частности, холистический подход и видение мира, характерные для восточно-азиатских культур, могут открыть новые горизонты в области практического применения психологии, которые до сих пор были неведомы для нас.

Понятно, что самым важным для Кашимы представляется создание в будущем того, что он определяет как социальное познание культурной динамики. Как объясняет он в начале главы и в ходе обзора литературы, значительной части исследований социальной когнитивной деятельности и касающихся ее теорий была свойственна личностная концепция смысла, в соответствии с которой смысл выстраивается исключительно в сознании отдельной личности. Распространенность такого подхода нетрудно понять — достаточно принять во внимание тот факт, что большую часть исследований проводили в США исследователи-американцы. Даже исследования в других странах часто проводили ученые, прошедшие подготовку в США (а значит, находившиеся под влиянием западной догмы). В будущем необходимо уделять больше внимания разработке теоретических моделей, которые будут учитывать как когнитивные, так и коммуникативные процессы при осмыслении культурной динамики, — то есть формирование культурных смыслов в процессе социальной деятельности, предполагающей взаимодействие между людьми, наряду с процессами, которые осуществляются в индивидуальном сознании. Такой подход к социальному познанию является комплексным, учитывающим взаимоотношения, коллективный и личностный факторы, контекст, исторический фактор, и сориентированным на будущее и современность. Поэтому разработка такого теоретического подхода неизбежно повлечет за собой фундаментальные изменения в методах проведения исследований, что в свою очередь приведет к коренному перевороту в нашем понимании поведения человека по сравнению с сегодняшними представлениями. Такое развитие новых теорий и методологий, призванное обеспечить дальнейшую эволюцию знаний в данной области психологии, отвечает стремлениям всех авторов этой книги.

До недавнего времени, говоря о социальной когнитивной деятельности, о культуре даже не вспоминали. В худшем случае в большинстве теорий культура была полностью проигнорирована, а в лучшем — считалось, что культура имеет очевид-

ную связь с традиционными социально-психологическими понятиями, такими как атрибуции или установки. Так, в первом издании «Руководства по социальной когнитивной деятельности» (Handbook of Social Cognition, Wyer & Srull, 1984) нет раздела, посвященного культуре, и этот маргинальный статус культура сохраняет до 1990-х годов, что видно по отсутствию упоминаний о культуре во втором издании Руководства (Wyer & Srull, 1994). Однако в последнее время культура стала одной из центральных тем в работах, связанных с социальным познанием. Обратившись к компьютерной базе данных *PSYCINFO*, я обнаружил, что количество публикаций по данной теме в период с 1989 по 1997 год непрерывно росло (Kashima, 1998b).

Основная задача этой главы — представить читателю подход, который я называю социальной психологией культурной динамики. Он является попыткой осмысления общей культурной динамики как производной когнитивных и коммуникативных процессов, имеющих место при взаимодействии индивидов в социальном контексте. Глава включает четыре раздела. В первом рассматривается концепция культуры и основные теоретические принципы социальной психологии динамики культуры. Во втором — традиционные метатеоретические и теоретические характеристики социальной когнитивной деятельности. Третий раздел посвящен бурно развивающимся современным исследованиям культуры и социального познания, которые не отражены в последних обзорах литературы (например, Fletcher & Ward, 1988; J. G. Miller, 1988; Semin & Zwier, 1997; Zebrowitz-McArthur, 1988). Заключительный раздел содержит предложения, касающиеся направлений эмпирических и теоретических исследований в будущем.

Психология и понятие культуры

Чтобы определить перспективу социальной психологии культурной динамики, необходимо четко сформулировать понятие культуры. Понятие культуры, несмотря на его популярность и давнее использование общественными науками, является многоаспектным и часто неоднозначным.

Культура как мир смыслов

Возможно разделить такие понятия, как «культура», «общество» и «социальная система» (например, Giddens, 1979; Parsons, 1951; Rohner, 1984; самые последние дискуссии на эту тему см. в работе Y. Kashima, 2000a). **Общество** представляет собой организованную совокупность индивидов и групп. Под **социальной системой** понимается устойчивая модель межличностных, межгрупповых, а также личностно-групповых отношений в обществе. **Культура** же представляет собой комплекс смыслов, которые понятны (или потенциально понятны) индивидам, представляющим данное общество. Следовательно, вопросы, касающиеся власти, средств, дружбы, связаны с социальной системой. Культура же определяет, что значит обладать властью, средствами и какой смысл вкладывается в понятие дружбы.

Однако сам концепт «смысл» достаточно сложен. На данной стадии можно сблизить его с использованием символов, то есть обозначающих что-то материальных объектов (включая звук, свет и другие физические характеристики, которые человек способен воспринимать при помощи органов чувств). Понятно, что слова

тоже имеют смысл или значение. Однако в нашем понимании смысл выходит за рамки лингвистики. Когда идея обозначается невербальным образом, скажем, при помощи жеста (например, понятие «победа» можно выразить, выпрямив указательный и средний пальцы и разведя их в стороны), речь идет о культурном смысле. Когда малыш, который только начинает ходить, берет круглый предмет и играет с ним, как будто перед ним рулевое колесо автомобиля, действия этого ребенка связаны с усвоением определенного культурного смысла.

То, что обозначается при помощи символа, не исчерпывает его значения. То, с чем соотносится символ (то есть его референт), есть его денотативное (экстенсиональное) значение. Но значение не сводится к референту. Как много лет назад отметил Фреге (Frege, 1984), если бы референт словосочетаний **утренняя звезда** или **вечерняя звезда** исчерпывал их значение, то высказывание «Утренняя звезда — это вечерняя звезда» представляло бы собой бессмыслицу. Однако на самом деле это высказывание может иметь глубокий смысл, учитывая то, что люди долгое время не знали, что утренняя звезда и вечерняя звезда соотносятся с одним и тем же объектом, Венерой. Фреге назвал эту дополнительную составляющую значения словом «смысл» (*sense*). Таким образом, значение по Фреге имеет по меньшей мере два аспекта — обозначение референта и смысл[1].

Важно отметить, что культурный смысл, соотнесенный с референтом, включает не только буквальное, но и метафорическое значение. Так, Лакофф и Джонсон (Lakoff & Johnson, 1979) отмечали, что множество абстрактных понятий в английском языке содержат в своей основе метафоры. Во фразе «Эта встреча была пустой тратой времени» время уподобляется деньгам. Так же, как можно впустую тратить деньги, можно впустую потратить и время. В 1994 году Кашима (см. также Y. Kashima & Callan, 1994; Shore, 1996) говорил о том, что культурные метафоры наполняют глубоким смыслом умственную и общественную деятельность. Более того, важную роль в создании и сохранении культурных значений могут играть различные виды повествований (*narrative*) (Bruner, 1990; Y. Kashima, 1998a).

Культурная динамика

Культурная динамика связана с парадоксальным феноменом стабильности и изменчивости культуры, то есть с тем, как определенные аспекты культуры остаются неизменными в ходе непрерывных изменений, а изменения продолжаются, несмотря на факторы, обеспечивающие устойчивость и сохранность культуры. Вопрос о культурной динамике возник в результате полемики между двумя современными взглядами на культуру: системно-ориентированным и практически-ориентированным подходами (Y. Kashima, 2000a; см. также Matsumoto, Kudoh & Takeuchi, 1996). **Системно-ориентированный подход** рассматривает культуру как обладающую относительной стабильностью систему смыслов. Культура понимается как вместилище закодированных в символах смыслов, общих для группы людей, структурирующих свой опыт. **Практически-ориентированный подход** рассматривает

[1] У Фреге слово «смысл» (*sense*) обозначает лишь некоторый аспект значения символа. В данной книге под культурным смыслом (*cultural meaning*) понимается как денотативное значение, так и смысл по Фреге. — *Примеч. науч. ред.*

культуру как процесс сигнификации, в ходе которого осуществляется непрерывное создание и воспроизводство смыслов в процессе конкретной деятельности отдельных индивидов в определенных ситуациях. Системно-ориентированный подход выдвигает на передний план стабильность культуры, тогда как практически-ориентированный подход делает акцент на изменчивости.

Подход к культуре как к системе смыслов исповедовали многие специалисты в области кросс-культурной психологии и антропологии. Примечательно, что когда Триандис (Triandis, 1972) определял **субъективную культуру** как «свойственный культурной группе подход к восприятию той составляющей окружающей среды, которая создана руками человека» (р. 4), он выдвигал на первый план стабильный и систематический аспект культуры. Известный антрополог Герц (Geertz, 1973) определял культуру как «взаимодействующие системы поддающихся интерпретации знаков... в рамках которых можно дать четкое описание [социальных явлений, поведения, установлений или процессов]» (р. 14). Подход Герца, получивший название **символической антропологии**, уподобляет культуру общедоступному тексту, который нуждается в прочтении и интерпретации. Несмотря на различие во взглядах Триандиса и Герца на культуру, они сходны по своей основе. И тот и другой рассматривают культуру как систему смыслов, общих для группы людей.

Теоретики, которые придерживаются такого взгляда на культуру, часто определяют ее, используя глобальные понятия, такие как индивидуализм или коллективизм (Hofstede, 1980; Triandis, 1995), тем самым подразумевая, что общество придерживается относительно стабильной системы установок и ценностных ориентаций. Так, когда Герц (Geertz, 1984, р. 126) определяет западную концепцию личности как представление об «ограниченной, уникальной, в большей или меньшей степени интегрированной мотивационной и когнитивной сущности», он предполагает, что данное мнение разделяют представители западной культуры.

Подход к культуре как процессу сигнификации предлагался рядом психологов — последователей Выготского (Vygotsky, 1978; более подробное изложение взглядов Выготского можно найти в работе Wertsch, 1985) и других мыслителей русской культурно-исторической школы. Среди этих психологов можно назвать Коула (Cole, 1996), Гринфилда (Greenfield, 1997), Лэйва и Уэнджера (Lave & Wenger, 1991), Рогоффа (Rogoff, 1990), Вальсинера (Valsiner, 1989) и Верча (Wertsch, 1991). Хотя их теория культуры ушла вперед по сравнению с той, которая была изначально сформулирована Выготским, все они рассматривают культуру как совокупность конкретных повседневных практик, имеющих место в обыденной жизни (например, плетение корзин или определение количества риса). Теория символических действий Боша (Boesch, 1991) и учитывающая специфику контекста кросс-культурная психология Пуртинги (Poortinga, 1992) сходны в своем внимании к конкретной деятельности, которая осуществляется в рамках символического, материального и социального контекстов. В антропологии подобных взглядов на культуру часто придерживаются последователи Бордо (Bourdieu, 1977) и Гидденса (Giddens, 1979), а также современного марксизма. Ортнер (Ortner, 1984) — последователь Герца — тоже подходит к культуре подобным образом.

Примером этого подхода является концептуализация обучения в школе (свежий обзор материалов можно найти у Rogoff & Chavajay, 1995). Коул (Cole, 1996),

например, рассматривает обучение в школе как совокупность контекстоспецифичных и связанных с конкретными областями разновидностей когнитивной и моторной деятельности (например, чтение, письмо, заучивание списка слов), которая воздействует на способность детей к выполнению задач когнитивного характера, таких как воспроизведение или силлогистическое мышление. То есть вместо объяснения культурных различий в способности к силлогистическому мышлению с учетом различий в когнитивных стилях (например, логическое или пралогическое мышление), этот подход предполагает, что представители западных культур, как правило, выполняют задачи, требующие силлогистического мышления, успешнее, чем неграмотные люди, поскольку задачи на мышление сходны с той деятельностью, которой первые занимались в школе.

Две представленные концепции культуры различаются по ряду метатеоретических параметров. Во-первых, они по-разному воспринимают хронологическую перспективу. Системно-ориентированный подход обычно рассматривает культуру в долгосрочном плане, пытаясь при этом уловить компоненты, которыми определяется стабильность культуры в течение определенного исторического периода (века или десятилетия). Практически-ориентированный подход, напротив, рассматривает культуру в краткосрочной перспективе и пытается выявить определенные виды деятельности (то есть совместные созидательные усилия людей, пользующихся определенным инструментарием), которые характеризуются систематическим повторением в условиях реального контекста. Иными словами, отрезок времени, которым оперирует исследование в рамках системно-ориентированного подхода, более продолжителен, чем тот, которым занимается практически-ориентированный анализ.

Во-вторых, они по-разному подходят к специфике контекста. Системно-ориентированный подход обычно занимается культурой, которая рассматривается как единое целое, как система смыслов, связанная с обобщенно понимаемым контекстом, сознательным носителем которой является группа индивидов. Таким образом, культура рассматривается в отрыве от конкретных контекстов социальной деятельности. Часто культура рассматривается как нечто реально существующее в контексте любой социальной деятельности и в любой сфере жизни, хотя она может пребывать в скрытой, нереализованной форме. Практически-ориентированный подход занимается культурой как совокупностью конкретных видов деятельности, в ходе которой используются конкретные артефакты (то есть инструменты и другие материальные объекты) в конкретном контексте. При этом культура предстает как совокупность контекстоспецифичных видов сигнификативной деятельности. Поскольку культурные смыслы часто связаны с конкретным контекстом (например, то, что делается в школе, или то, что делается дома), обычно этот подход рассматривает их как специфичные для каждой области деятельности.

В-третьих, эти подходы различаются в определении объекта анализа. Системно-ориентированный подход в качестве объекта анализа рассматривает группу индивидов, воспринимая культуру как феномен, тесно связанный с коллективной организацией. В известном смысле, культура рассматривается как характеристика данной группы. Практически-ориентированный подход занимается анализом конкретного вида человеческой деятельности, который и представляет собой объект

анализа. С точки зрения этого подхода, культура является характеристикой деятельности в определенных условиях, то есть действий людей в рамках определенного контекста. Нужно отметить, что представление об осуществляемой в конкретных условиях деятельности учитывает не только индивидов, которые ею занимаются, но и установившуюся практику осуществления определенной деятельности, которая характеризуется определенным временем и местом.

Ни тот ни другой подход не дают полного представления о культурной динамике. Сильные стороны одного подхода являются слабыми сторонами другого. Системно-ориентированный подход рассматривает культуру как характеристику определенной группы в определенный исторический период. При этом культура становится «причиной» или независимой переменной в квазиэкспериментальном планировании типичных кросс-культурных исследований. В действительности сравнительные исследования неизбежно рассматривают культуру как стабильную систему и сравнивают срезы культурных традиций. Однако такой подход часто обращается к внешним по отношению к культуре факторам в поисках движущих сил культурных изменений (например, технологии, материальному благосостоянию и экологии). Созидательная деятельность внутри самой культуры, являющаяся основой для изменения культуры, обычно остается за пределами внимания исследователей.

Практически-ориентированный подход подходит к культуре как к непрерывно продуцируемой и вновь воспроизводимой сущности. При таком подходе как стабильность, так и изменчивость являются неотъемлемой частью культуры. Специалисты по возрастной психологии, которые интересуются тем, как дети приобщаются к культуре (*are enculturated*), прежде чем становятся ее полноправными представителями, неизбежно уделяют внимание контексто-специфичным видам деятельности. Ведь дети усваивают культуру не посредством осмоса, а в ходе конкретной повседневной деятельности. Однако остается непонятным, как можно теоретически определить, какие аспекты ситуационно-специфичной деятельности сохранятся, а какие изменятся. Кроме того, несмотря на то что данный подход дает детальный анализ конкретных видов деятельности, он не в состоянии пролить свет на общую модель, на основные особенности культуры или выявить что-то вроде системы смыслов, связанной с обобщенно-понимаемым контекстом, которая затрагивает множество сфер деятельности (см., например критику Яходой [Jahoda, 1980] подхода Коула [Cole, 1996]).

Таким образом, системно-ориентированный и практически-ориентированный подходы представляют собой взаимодополняющие точки зрения на культурную динамику. Подход к культуре как к системе выдвигает на передний план инерцию культуры во времени, тогда как подход к культуре как к практике уделяет основное внимание изменчивости культурного значения в разных ситуациях и хронологических периодах. Тем не менее и частичная изменчивость, и общая стабильность являются характеристиками культуры. На мой взгляд, необходимо выяснить, каким образом и тот и другой подходы позволяют приблизиться к истине. На сегодняшний день центральной проблемой культурной динамики является вопрос о том, как обладающая контекстной спецификой сигнификативная деятельность индивидов в одних условиях продуцирует нечто стабильное, что можно определить

как систему смыслов, связанную с обобщенно-понимаемым контекстом, а при других обстоятельствах вызывает резкие, порой хаотические, изменения.

Культура и социальная когнитивная деятельность: история первых исследований

Отдельные попытки учета фактора культуры в психологической науке (например, *Volkerpsychologie* Вундта) предпринимались давно. Однако в первой половине XX века, при догматическом господстве логического позитивизма как научной философии и бихевиоризма как его психологического двойника, культура как система общепринятых смыслов оказывалась за пределами сферы интересов академической психологии. Бихевиоризм, в частности, изгонял любые упоминания о человеческом мышлении из академического дискурса. Когнитивная революция 1960-х годов, в ходе которой человеческая мысль была провозглашена основной проблемой психологии, не смогла вернуть смысл, а следовательно и культуру, в традиционную академическую психологию (Bruner, 1990).

Формулировка понятия социальной когнитивной деятельности была попыткой ввести понятие когнитивной деятельности в социальную психологию. Шестидесятые годы увидели публикации классических книг по теориям атрибуции (например, Jones & David, 1965; Kelley, 1967), а в 1970-е годы область социальной психологии наводнили исследования по процессам атрибуции. Имели место и более осознанные попытки привлечения когнитивной психологии, в ходе которых использовались обычные для когнитивной психологии методы, такие как изучение способности к воспроизведению и узнаванию запоминаемого материала, времени реакции и т. п. (например, Hastie et al., 1980). Важность социальной когнитивной деятельности в социальной психологии не подлежит сомнению. Некоторые даже утверждают, что социальная когнитивная деятельность представляет собой основную часть социальной психологии (H. Markus & Zajonc, 1985). При этом исследователи в области социальной когнитивной деятельности стремились превзойти когнитивную психологию и создать универсальную модель когнитивных процессов за счет привлечения культуры.

Любопытно отметить, что в 1970-х и 1980-х годах при изучении социальной когнитивной деятельности особое внимание уделялось личности. С одной стороны, большая часть научно-исследовательской работы была посвящена процессу, в ходе которого люди формируют когнитивные представления о самих себе и окружающих. Потоянно задаваемым был вопрос о том, как интерпретировать личность (будь то ты сам или другой человек), исходя из ее внутренних характеристик, таких как черты характера (например, интроверт или экстраверт) или отношения личности к определенным вопросам (например, взгляды на то, что происходит на Кубе при Кастро или отношение к абортам; см. обзор у S. T. Fiske & Taylor, 1991). С другой стороны, в теории социальной когнитивной деятельности уделялось исключительное внимание когнитивным процессам на личностном уровне, то есть кодированию поступающей информации в форме когнитивных представлений, с последующим накоплением и поиском необходимой информации для дальнейшего использования. Эти теории были социальными лишь постольку, поскольку

обращались к стимулам социального характера (такими стимулами являлись люди). Иными словами, понятие социальной когнитивной деятельности воплощало индивидуалистическую концепцию личности как с точки зрения предмета, так и с точки зрения теоретических посылок.

В основе первых исследований социальной когнитивной деятельности лежала индивидуалистическая концепция смысла. Согласно ей, индивид конструирует смысл, оперируя когнитивными представлениями, которые хранятся в его сознании. Разумеется, отдельная личность, обладающая способностью кодировать воспринимаемую информацию в форме когнитивных представлений, способна и декодировать данные представления индивидуального характера в символический код, который понятен окружающим. И все же даже эта индивидуалистическая модель когнитивной деятельности ведет к появлению коммуникативной модели, которая рассматривает межличностную коммуникацию как простую передачу информации (Clark, 1985). Прибегнув к крайности, можно уподобить сознание в процессе осуществления социальной когнитивной деятельности компьютеру, который принимает и выдает сигналы в соответствии с нормами синтаксиса и семантики. В этом случае культуру можно низвести до уровня совокупности норм и правил, используемых для перевода когнитивных кодов в символические.

Однако стремительный прогресс в области представлений о социальной когнитивной деятельности привел к тому, что в традиционной социальной психологии стало возникать все больше проблем метатеоретического, теоретического и эмпирического характера. На метатеоретическом уровне Герген (Gergen, 1973) говорил, что у социальной психологии нет надежды открыть законы социального поведения и она способна лишь заниматься сбором случайной информации исторического характера. Хотя социальная психология и может разработать теорию социального поведения на определенный момент времени, но как только эта теория станет известной широким массам, люди могут попробовать вести себя отличным от теоретической модели или даже противоречащим данной теории образом. Иными словами, люди способны к самоопределению, и наши коллективные попытки охарактеризовать самих себя могут в конце концов повлиять на нас самих. Довод Гергена о том, что люди способны к самоопределению, и представляют собой продукт истории, которую мы создаем своими собственными руками, созвучен полемичной по отношению к эпохе Просвещения философии Вико и Гердера. Они возражали философам Просвещения, которые рассматривали человеческую натуру как устойчивую сущность, подчиненную универсальным законам природы (более подробно об этом в работе Y. Kashima, 2000a).

На уровне теории начались тщательные исследования некоторых главных понятий социальной психологии. Например, социальные психологи обратились к таким концептам, как личностные характеристики (*personality traits*) и социальные установки, которые, как предполагалось, определяют склонности людей или логику их поведения. И самое главное, был поставлен вопрос о том, позволяют ли свойства характера прогнозировать определенную разновидность поведения (см. Mischel, 1968 — о личностных характеристиках и Wicker, 1969 — об установках). Отталкиваясь от этих проблем, исследователи когнитивной деятельности, такие как Шведер и Д'Андрад (Shweder & D'Andrade, 1979) и Кантор и Мичел (Cantor & Michel,

1979), начали разработку теорий личностных характеристик, рассматривая их как показатель воспринимаемой, а не действительной логики поведения. Иными словами, индивид не обязательно имеет определенную диспозицию, но просто поступает так, а не иначе. Такой подход достиг апогея, когда Росс (Ross, 1977) использовал термин **фундаментальная ошибка атрибуции**, имея в виду тенденцию испытуемых из Северной Америки приписывать субъекту определенную диспозицию, несмотря на информацию, связанную с контекстом его действий, которая говорит нечто противоположное. А если атрибуция диспозиции ошибочна, то едва ли социальная психология может принимать концепцию личностных характеристик всерьез.

Что касается эмпирического аспекта, то, принимая во внимание последнюю литературу по культуре и социальному поведению (обзор по этой теме можно найти, например, в работе Triandis & Brislin, 1980), кросс-культурная психология начала ставить перед социальной психологией проблемы эмпирического характера, представляя свидетельства вариативности социального поведения (Bond, 1988). Одной из самых примечательных в этом отношении была работа Амира и Шарона (Amir & Sharon, 1987). Они проанализировали несколько проведенных в Северной Америке исследований, результаты которых были опубликованы в авторитетных журналах по социальной психологии, и занялись планомерным воспроизведением этих экспериментов в Израиле. Они обнаружили, что, хотя основные результаты порой могут быть воспроизведены, ряд более тонких моментов, связанных с взаимодействием, не может быть воспроизведен, невзирая на важность данных составляющих для теоретических построений оригинальных исследований. В условиях глобализации экономики и стремительных изменений мирового уклада, таких как политический и экономический крах коммунистического блока и появление новых промышленных держав (Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур), названные проблемы, которые ставит кросс-культурная психология, начали привлекать внимание исследователей, представляющих традиционную психологию.

Кросс-культурные исследования социальной когнитивной деятельности

История вопроса

Своей нынешней популярностью исследования культуры и социальной когнитивной деятельности во многом обязаны Хофстеде (Hofstede, 1980), а также Шведеру и Борну (Shweder & Bourne, 1984). Основу работы Хофстеде представляло изучение системы ценностей, связанных с работой в разных странах мира. В ходе этой грандиозной, основанной на эмпирических исследованиях, научно-исследовательской работы он выявил параметры, с помощью которых можно было охарактеризовать культуру. Самого пристального внимания удостоился параметр индивидуализма, отчасти в связи со значимостью концепции индивидуализма для общественных наук в целом. Некоторые ученые (например, Tonnies, 1955; Durkheim, 1964) использовали близкие концепции для описания перехода континентальной Европы из того состояния, в котором она находилась в средние века, в новое время. Тесно связанные общности, в которых все друг друга знали, были разрушены,

а на смену им пришли современные национальные государства с правительством, которое контролирует торговлю, полицию и вооруженные силы. Акцент сместился с общества на индивида, с постепенным усилением прав личности. Коллективизм свойственен традиционным социальным отношениям, а современные отношения в обществе носят индивидуалистический характер. Еще большему интересу к этому показателю способствовала открытая в 1970 году его позитивная корреляция с показателями валового национального продукта на душу населения. Показатели страны, характеризующие уровень индивидуализма, обнаруживали позитивную корреляцию с показателями валового национального продукта на душу населения на 0,82. Более богатые страны Северной Америки и Западной Европы являются индивидуалистическими, тогда как более бедным странам Азии и Южной Америки присущ коллективизм.

Открытие Хофстеде (Hofstede, 1980) показало, что существует очевидная связь между ценностными ориентациями культуры и экономической деятельностью, что согласуется в целом с принятым взглядом на модернизацию, то есть на пёреход от традиционного общества к современному. Работа Хофстеде дает концептуальную схему интерпретации и понимания бесчисленных кросс-культурных исследований установок, отношений и ценностных ориентаций. Кроме того, понятия индивидуализма и коллективизма переводят фокус внимания теоретиков на основную проблему общественных наук, а именно на взаимоотношения коллектива и индивида.

Исследование Шведера и Борна (Shweder & Bourne, 1982) представляло собой амбициозный теоретический проект. Интерпретируя кросс-культурное многообразие, ученые постулировали три основных теоретических направления. **Универсализм** стремится установить среди разнообразных характеристик человека универсальные, пытаясь выявить общность высшего порядка или концентрируясь на четко определенной совокупности данных. **Эволюционизм** ранжирует культурные модели по степени их отклонения от нормативной модели (например, закон пропозиционального исчисления, закон вероятностных рассуждений Байеса). При этом, как правило, предполагается, что культура совершенствуется, приближаясь к нормативному идеалу. **Релятивизм** стремится интерпретировать любую культурную модель как наполненную собственным внутренним смыслом, предполагая ее равноценность другим культурам.

На фоне литературы, говорящей о склонности западных европейцев к абстрактно-отвлеченным понятиям по сравнению с представителями других культур, например культуры острова Бали или гахуку-гама в Новой Гвинее, Шведер и Борн (Shweder & Born, 1984), в ходе проведения интервью, показали, что испытуемые европейско-американского происхождения, принадлежащие к среднему классу, чаще по сравнению с ория — испытуемыми из Ориссы, проживающими в традиционном городе Бхубанешвар в Индии, прибегают к отвлеченным личностным характеристикам. Например, они говорят «Он лидер», а не «Он дает людям деньги взаймы», и при этом их описание, как правило, дается вне связи с контекстом (например, «Он грубо разговаривает», вместо «Он грубо разговаривает со своим тестем, когда тот приходит к нему домой»). Характеристика личности, которую дают ория, включает контекст, что, по мнению исследователей, свидетельствует о холистической, социоцентрической концепции взаимоотношений индивида и общества.

Придерживаясь релятивистского подхода, Шведер и Борн (Shweder & Bourne, 1984) выступают против эволюционистской интерпретации. Они доказывают, что ория дают контекстуальное описание личности независимо от уровня образования, грамотности или социально-экономического статуса. По их мнению, это является доводом, опровергающим эволюционистские объяснения. Эволюционисты пытались бы объяснить конкретность личностных характеристик, даваемых ория, недостаточным уровнем когнитивного развития, связанным с отсутствием образования, грамотности или социально-экономическим положением. Однако в языке ория существуют слова, обозначающие абстрактные понятия, связанные с чертами характера, а сами ория пользуются этими абстрактными понятиями во время интервью. Это опровергает довод о том, что у ория отсутствуют абстрактные категории, при помощи которых можно дать отвлеченное описание личности. Они вполне способны использовать эти понятия. Вряд ли можно говорить и о том, что характеристика, даваемая американцами, носит более абстрактный характер потому, что они сталкиваются с объектом описания в совершенно иных условиях. Нет никаких оснований полагать, что социальное окружение североамериканцев более однородное и что это приводит к тому, что мышление носит более абстрактный характер.

Эти два направления работы пересеклись около 1990 года, когда две научные статьи о культуре и эго вызвали настоящую лавину кросс-культурных исследований социальной когнитивной деятельности. Работа Триандиса (Triandis, 1989) содержала теоретические размышления о культурных предпосылках преобладания определенных Я-концепций и подходах к ним. По его мнению, существует три типа Я-концепции: частная, публичная и коллективная. **Частная Я-концепция** представляет собой понимание людьми своих собственных целей; **публичная Я-концепция** связана с тем, как люди видят себя глазами других людей; **коллективная Я-концепция** связана с принадлежностью к группе. Эти Я-концепции присутствуют в каждой культуре, при этом такие характеристики культуры, как индивидуализм, сложность культуры и уровень достатка определяют преобладание одного из трех типов Я-концепции. Частная Я-концепция, скорее всего, будет превалировать в индивидуалистических культурах. Сложность культуры и высокий уровень достатка, по-видимому, также способствуют преобладанию частной Я-концепции. Кроме того, обращение к той или иной Я-концепции, по мнению Триандиса, в разных культурах может определяться различными социальными ситуациями.

В 1991 году Маркус и Китаяма (Markus & Kitayama, 1991) предложили теорию психологических последствий выбора определенной Я-концепции. Они предположили, что Я имеет универсальный аспект, при этом Я понимается как отдельное материальное тело, существующее во времени и пространстве. Однако есть два подхода к интерпретации Я, позволяющие воспринимать его как независимое или как взаимозависимое. Для **независимого Я-конструкта** характерен акцент на уникальности и отдельности индивида по отношению к окружающим. **Взаимозависимым Я-конструктам** свойственны отношения взаимопроникновения со значимыми окружающими. Во втором случае Я воспринимается как включенное в систему социальных взаимосвязей с окружающими. Авторы полагали, что данные Я-конструкты должны оказывать влияние на когнитивные, аффективные и мотивационные процессы.

Хотя исследования Хофстеде (Hofstede, 1980) и Шведера и Борна (Shweder & Bourne, 1984) получили свою долю критики (см., например, Y. Kashima, 1987 — о Хофстеде и Spiro, 1993 — о Шведере и Борне), они имели важное значение, доказывая, что культурные различия поддаются эмпирическому изучению с учетом различий в мировоззрении, которое может делать акцент на социальном начале (например, коллективистское, социоцентрическое, межличностное и взаимозависимое) или индивидуальности (индивидуалистическое, эгоцентрическое, личностное и независимое). Триандис (Triandis, 1989) и Маркус и Китаяма (Markus & Kitayama, 1991) привлекли внимание исследователей к Я. Обращаясь к современной на тот момент литературе по социальной когнитивной деятельности, связанной с пониманием Я и кросс-культурной психологии, они положили начало теории, в соответствии с которой Я-концепции представляли собой опосредующий фактор воздействия культуры на психологические процессы.

Тем не менее между описанными подходами имелись и существенные различия. Прежде всего, исследователи выбрали разные объекты анализа. Хофстеде (Hofstede, 1980) изучал страны или культуры, в которых он определял средние значения интересующих его показателей, тогда как у Шведера и Борна (Shweder & Bourne, 1984), так же как у Маркуса и Китаямы (Markus & Kitayama, 1991), объектом анализа была отдельная личность. Триандис (Triandis, 1989) попытался увязать эти два подхода, рассматривая Я-концепцию как основной медиатор. Данные исследования различались и в том, чему уделялось основное внимание — Я-концепции или личности в целом. Триандис, Маркус и Китаяма в первую очередь изучали Я-концепции. Шведер и Борн исследовали концепцию личности, анализируя, каким образом люди дают вербальное описание своих знакомых. И наконец, данные исследования по-разному оперировали конструктами. Хофстеде использовал индивидуализм и коллективизм, определяя значимость личной независимости в контексте организации, а Шведер и Борн оперировали эгоцентрическими или социоцентрическими установками личности, анализируя уровень абстрактности при описании человека. Триандис, Маркус и Китаяма рассматривали данные конструкты сквозь призму определенных Я-концепций. В современной литературе по культуре и социальной когнитивной деятельности эти различия, как правило, сглаживаются или вообще упускаются из виду. Оправдано ли это?

Совершенствование концепций

С начала 1990-х годов теория сделала шаг вперед, и этот прогресс имеет важное значение для проблемы «культура и социальная когнитивная деятельность.

Доступность, возможность использования и применимость понятий

Хиггинс (Higgins, 1996) определил понятия доступности, возможности использования и применимости понятий и представил детальный обзор и анализ литературы по активации знаний. **Доступность** концепции означает, что понятие хранится в памяти индивида, тогда как под **возможностью использования** понимается потенциальная возможность активации имеющегося в наличии понятия, или то, насколько легко использовать понятие, которое содержится в сознании. Возможность использования понятия может претерпевать как временные, так и необратимые

изменения под влиянием таких факторов, как мотивация, частота использования и давность последнего обращения к нему. Барг, Бонд, Ломбарди и Тота (Bargh, Bond, Lombardi & Tota, 1986) показали, что значение имеет и сочетание временных и постоянных факторов возможности использования понятия. Когда понятие применимо к определенному стимулу, оно используется для интерпретации данного стимула. Большая часть современных исследований указывает на то, что, возможно, активация понятий осуществляется автоматически и их использование происходит без участия сознания (Bargh, 1996).

Хонг, Чиу и Кунг (Hong, Chiu & Kung, 1997) говорят о **стимулировании** понятий, при котором возможность использования понятия временно возрастает. Хонг и его коллеги показывали китайским студентам из Гонконга изображения объектов, символизирующих китайскую или американскую культуру, и при этом просили испытуемых отвечать на короткие вопросы, например: «Что символизирует это изображение?». Некоторое время спустя в ходе якобы не связанного с первым исследования, испытуемые оценивали значимость традиционных китайских ценностей. Испытуемые давали китайской системе ценностей более развернутую оценку в условиях предварительного предъявления символических изображений, связанных с китайской, а не с американской культурой. Это говорит о том, что изображения символов культуры, вероятно, привели к активации понятий и информационных структур, связанных с данной культурой, что повлияло на когнитивные процессы в дальнейшем.

Доступность и возможность использования понятий может быть тесно связана с языком. Именно такое объяснение можно дать так называемой гипотезе Уорфа, которая говорит о том, что язык определяет мышление (Chiu, Krause & Lee, 1999; обзор последних материалов, касающихся гипотезы Уорфа, содержится в работе Hunt & Agnoli, 1991). Гоффман, Лау и Джонсон (Hoffman, Lau & Johnson, 1986) приводят пример, который подтверждает эту мысль. Они подобрали термины, используемые для описания человека в английском и китайском языках, таким образом, чтобы возможность компактного описания определенных характеристик при помощи слов или идиом существовала в одном из языков и отсутствовала в другом. Для каждого из слов и выражений были подобраны развернутые описания соответствующего поведения. Затем эти описания были предъявлены испытуемым, которые владели только английским языком, и испытуемым-билингвам, чтобы те могли составить представление об описанном человеке. Билингвам эти описания предъявляли только на одном из языков. Впечатление, которые складывалось у испытуемых-билингвов об описанном человеке, а также узнавание зависели от наличия в использованном языке определенных понятий, тогда как для воспоминания не имело значения, какой язык использовался.

Изучая культурные различия в социальной когнитивной деятельности, важно учитывать доступность, возможность использования и применимость понятий в интересующей нас культуре. Если в культуре нет значимого понятия, ее представители не смогут его использовать (разве что им придется немедленно изобрести его); если какое-то понятие существует в нескольких культурах, возможности его использования могут быть различны, а следовательно, могут возникнуть различия и в когнитивных процессах. Даже если понятие имеется в разных культурах и

возможности его использования одинаковы, применимость данного понятия может быть различной. При этом остается еще любопытная возможность — понятия, которые не обладают доступностью, возможностью использования и применимостью на сознательном уровне, тем не менее могут оказывать влияние на социальные когнитивные процессы, минуя сознание представителей данной культуры. Если с культурой происходят существенные изменения и ее носители пытаются забыть или критически переоценить культурные практики, принятые в прошлом, то может возникнуть расхождение между когнитивной деятельностью явного и скрытого характера (см. также Hetts, Sakuma & Pelham, 1999). Хорошим примером могут служить некогда имевшие широкое распространение стереотипы, продолжающие существовать в современной культуре политкорректности (например, Devine, 1989).

Многообразие в сфере каузальной атрибуции

Теоретический прогресс в области социальной когнитивной деятельности связан и с каузальной атрибуцией. Согласно классическим теориям атрибуции, принято считать, что личностные и ситуационные атрибуции связаны отношениями негативной корреляции. То есть если причины определенного поведения носят личностный характер, значит контекст поведения не является причиной поведения. С другой стороны, говоря, что определенные обстоятельства стали причиной поведения, подразумевают, что личностные факторы на него не влияют. Однако ряд исследований эмпирического характера (F. D. Miller, Smith, Uleman, 1981) заставил усомниться в таком соотношении личностной и ситуационной причинной обусловленности (Heider, 1958). По крайней мере испытуемые из Северной Америки порой рассматривают личностные и ситуационные факторы как независимые друг от друга причины поведения.

В том же ключе современные теории атрибуции (например, Gilbert & Malone, 1995; Krull, 1993; Trope, 1986) разграничивают диспозициональную атрибуцию и поправку, которую вносят в диспозициональное суждение ограничивающие поведение контекстуальные факторы. Иными словами, когнитивный процесс, благодаря которому формируется диспозициональное суждение, следует отделять от контекстуализации данного суждения. Согласно таким теориям, разработанным в Северной Америке, получив информацию о каком-то поступке, человек первоначально осмысливает ее в категориях, связанных с личностью (например, черты характера, установки), а затем его суждение корректируется с учетом сведений о контекстуальных ограничениях. Если контекст с определенной вероятностью препятствует совершению поступка, диспозициональное суждение редуцируется, по крайней мере отчасти, в соответствии с определенными нормами. Разумеется, универсальная применимость этих принципов нуждается в проверке в ходе кросскультурных исследований. Но даже и без этого концептуальное разграничение диспозиции и котекстуализации весьма важно при обсуждении вопроса о кросскультурных исследованиях социальной когнитивной деятельности, о которых пойдет речь далее.

До сих пор в классической литературе по атрибуции считалось, что два типа атрибуции личностного характера — **диспозициональная атрибуция** (которая об-

ращается к чертам характера при описании и объяснении поведения) и **атрибуция, связанная с агентом** (предполагающая, что личность несет ответственность за свое поведение), эквивалентны в концептуальном смысле. Однако последние исследования показали, что их следует различать. Семин и Марсман (Semin & Marsman, 1994) и Хилтон, Смит и Кин (D. J. Hilton, Smith & Kin, 1995) доказали, что атрибуция абстрактных дипозициональных характеристик с психологической точки зрения отлична от атрибуции ответственности за осуществление определенных действий. Иными словами, одно дело охарактеризовать человека, определив на основе определенного поведения присущие ему черты характера, а другое — заявить, что этот человек несет ответственность за свое поведение.

Индивидуальное, относительное и коллективное Я

Несмотря на то что первые работы по культуре и социальной психологии сопоставляли мировоззрения, в центре которых находятся личность и общество (индивидуалистическое, эгоцентрическое, личное, независимое/коллективистское, социоцентрическое, межличностное, взаимозависимое), предварительный факторный анализ, проведенный Кашимой (Y. Kashima, 1987) и Ойзерманом (Oyserman, 1993), а также работа Трафимова, Триандиса и Гото (Trafimow, Triandis & Goto, 1991) и подтверждающий факторный анализ Сингелиса (Singelis,1994) говорят о том, что индивидуалистически-центрированная и социоцентрированная Я-концепции не зависят друг от друга.

Позднее Кашима с коллегами (Y. Kashima et al., 1995) предложили дальнейшую дифференциацию социоцентрического Я, выделив в нем относительный и коллективный аспекты, что привело к выделению индивидуальной, относительной и коллективной Я-концепций. Существующие теории культуры и эго часто не различают два типа социальности: ту, что связана в первую очередь с взаимоотношениями эго и окружающих, и другую, которая определяет взаимоотношения Я с членами мы-группы. В то время как отношения Я с другими индивидами могут рассматриваться как фундамент социальности, взаимоотношения Я с членами мы-группы определяет иной социальный аспект эго, требующий отдельного изучения. Исследования показывают, что взаимосвязь показателей трех аспектов Я относительно слаба. Еще более важно, что индивидуалистическая и коллективистская Я-концепции определяют различие между восточно-азиатскими (Япония, Корея) и англоязычными культурами (Австралия, Америка), с занимающими промежуточное положение Гавайями, а относительная Я-концепция позволяет провести грань между мужчинами и женщинами, безотносительно к их культурной принадлежности. Данные о том, что коллективная и относительная Я-концепции по-разному соотносятся с культурой и половой принадлежностью, свидетельствуют о принципиальном различии этих концепций. Бруер и Гарднер (Brewer & Gardner, 1996) также высказывают предположение о концептуальных различиях между индивидуальным, относительным и коллективным аспектами Я.

В соответствии с выделением трех аспектов Я, кросс-культурные исследования социальной когнитивной деятельности оцениваются в зависимости от того, что является объектом изучения — личность, взаимоотношения или группа.

Индивид как объект исследования

Специалисты по социальной когнитивной деятельности, как правило, проводили четкий водораздел между познанием себя (например, H. Markus, 1977) и других. В основе данного концептуального разграничения лежала убежденность в том, что Я представляет собой особый психологический феномен, отличный от всех прочих психологических феноменов. Она ощущалась, например, в высказывании Декарта об особом статусе самопознания: «*Cogito ergo sum*». Это предположение было подкреплено в дальнейшем эмпирическими данными, которые говорили о различиях в самовосприятии и восприятии окружающих. Так, классическое исследование предрасположенности наблюдателя/субъекта деятельности в отношении атрибуции говорит о том, что по крайней мере жители Северной Америки объясняют поведение других людей диспозициональными характеристиками чаще, чем свое собственное поведение (например, Nisbett, Caputo, Legant & Maracek, 1973). Однако обзор Уотсона (Watson, 1982) свидетельствует, что североамериканцы склонны интерпретировать как свое поведение, так и действия окружающих скорее с точки зрения характеристик личности, нежели с учетом обстоятельств. Иными словами, литература о предрасположенности наблюдателя/субъекта поведения говорит о подобии между самовосприятием и восприятием окружающих.

В рассмотрении культурных различий в самовосприятии и восприятии окружающих часто цитируемое высказывание Герц (Geertz, 1984) является удобной отправной точкой:

> Западная концепция личности как ограниченной, уникальной и в большей или меньшей степени интегрированной мотивационной и когнитивной сущности, динамического центра сознания, эмоций, суждений и деятельности, представляющего собой единое целое, которое функционирует наряду с другими подобными целостными сущностями в определенных социальных и природных условиях, — какой бы совершенной она ни была в наших глазах, в контексте иных культур представляется достаточно странным подходом (р. 126).

В антропологическом подходе Герца можно вычленить две составляющие. Во-первых, личность представляет собой **субъект психологических процессов**, который «в большей или меньшей степени является интегрированной мотивационной и когнитивной сущностью, динамическим центром сознания, эмоций, суждений и деятельности». Во-вторых, личность — это некто, существующий в определенном социальном и природном контексте, то есть «функционирует наряду с другими подобными целостными сущностями в определенных социальных и природных условиях».

Последняя мысль нуждается в пояснении. Герц не говорит, что западная концепция игнорирует социальный и природный контекст, но утверждает, что наиболее выдающейся частью феноменологического поля является отдельная личность, а социальный и природный контекст, в который она помещена, образуют фон. Часто считается, что западная концепция личности абстрактна или **диспозициональна** (например, Джон — дружелюбный человек), а незападные концепции носят конкретный характер и содержат **описания видов деятельности** (например, Джон играет с детьми, даже если он не слишком близко знаком с ними). Более того,

диспозициональное описание человека предполагает характеристику **вне связи с контекстом**. Таким образом, проведенные ранее кросс-культурные исследования самовосприятия и восприятия окружающих показали, что западная концепция эго и подход к восприятию личности сосредоточены прежде всего на субъекте деятельности и его личностных характеристиках, отводя второстепенное значение контексту. Все это отличает западный подход от восточноазиатского.

Однако в свете последних теоретических разработок, касающихся социальной когнитивной деятельности, кросс-культурные исследования требуют более тонкой интерпретации данных. Как отмечалось выше, исследования социальной когнитивной деятельности говорят о том, что в концептуальном плане следует различать атрибуцию, связанную с субъектом деятельности, и диспозициональную атрибуцию, а также, что когнитивный процесс атрибуции диспозициональной характеристики (например, черты характера) отличается от когнитивного процесса контекстуализации диспозициональной атрибуции. Иными словами, атрибуция, связанная с субъектом деятельности, диспозициональная атрибуция и контекстуализация в Северной Америке, а возможно, и в европейских культурах, представляют собой отдельные психологические процессы. При этом нет причин предполагать *a priori*, что названные психологические процессы будут преобладать во всех культурах.

Взгляд со стороны: описание и истолкование

Как следует подходить к описанию человека? В 1984 и 1987 годах Миллер (J. G. Miller, 1984, 1987) изучала описания негативно и позитивно оцениваемого поведения знакомых, сделанные североамериканцами и индийцами-индуистами, представлявшими четыре возрастные группы (8-, 11- и 15-летние дети и взрослые). Исследование показало, что в целом, по сравнению с индийцами, испытуемые из Северной Америки составляли более диспозициональные описания и реже прибегали к контекстуальной интерпретации. Однако склонность к диспозициональной интерпретации у жителей Северной Америки становилась более выраженной с возрастом, чего не наблюдалось у индийцев. У них с возрастом становилось более явным стремление к контекстуальной интерпретации, чего не отмечалось у испытуемых североамериканского происхождения. Кроме того, Миллер сообщает и о том, что из четырех групп испытуемых-индийцев, которые участвовали в исследовании, большая склонность к диспозициональной интерпретации наблюдалась у англо-индийской группы по сравнению с тремя группами индийцев-индуистов, хотя некоторые представители индуистских групп получили образование западного типа и вели соответствующий образ жизни. Миллер также предъявляла нескольким группам испытуемых из Северной Америки перевод описаний поведения, данных индийскими испытуемыми. И в этом случае интерпретация североамериканцев отличалась ориентацией в первую очередь на внутреннюю предрасположенность, а не на контекст, хотя описания поведения были взяты из рассказов индийцев-индуистов. Последний факт явно свидетельствует о том, что культурные различия в подходах к интерпретации определяются не характером изложения материала.

В целом исследование Миллер показало, что интерпретация североамериканцев отличается от интерпретации индийцев-индуистов. Сделанный ею вывод о том,

что стиль интерпретации, свойственный культуре, становится более явно выраженным с возрастом, является веским аргументом в пользу значимости культурного фактора для подхода к истолкованию поведения.

Исследование 2, которое провели Моррис и Пенг (Morris & Peng, 1994), также говорит о культурных различиях в подходах к истолкованию поведения индивида. Они провели кодировку текста газетных статей о преступниках, совершавших массовые убийства в США (один из них был американцем, а другой — китайцем); статьи были опубликованы в англоязычной газете «Нью-Йорк Таймс» и в газете на китайском языке «Уорлд Джорнал», которые издаются в Нью-Йорке и читаются во всем мире. Для каждой из статей было подсчитано количество фрагментов, содержащих диспозициональные и контекстуальные объяснения. Было установлено, что в обоих случаях англоязычные статьи чаще интерпретировали поведение убийц с точки зрения внутренних склонностей по сравнению со статьями на китайском языке (сходная тенденция была выявлена другой группой исследователей, см. работу F. Lee, Hallahan & Herzog, 1996). На уровне 0,05 в обоих случаях не было выявлено достоверных сведений о различиях в контекстуальных объяснениях.

В исследовании 3 Моррис и Пенг (Morris & Peng, 1994), используя иной метод, просили американских и китайских аспирантов-физиков из Гонконга, КНР и Тайваня определить уровень относительной значимости нескольких диспозициональных и контекстуальных объяснений, касающихся двух случаев убийства (испытуемым не нужно было предлагать собственные объяснения). В среднем американские участники считали несколько более важными диспозициональные причины, чем китайские участники, когда речь шла об убийце-китайце. Однако такого различия не наблюдалось в случае с убийцей-американцем. Напротив, контекстуальные причины участники-американцы считали менее важными в обоих случаях. Моррис и Пенг обнаружили свидетельства того, что американцы более активно предлагают диспозициональные объяснения, хотя по части приведения объяснений контекстуального характера между испытуемыми нет существенных различий. Китайские испытуемые, по сравнению с американцами, придавали большее значение контекстуальным факторам, хотя, оценивая диспозициональные причины, они практически не отличались от американцев (Моррис и Пенг подчеркнули сходство).

Интересно отметить, что Моррис и Пенг (Morris & Peng, 1994) пришли к подобным выводам и в ходе проведенного ими исследования 1. Они демонстрировали американским и китайским школьникам и выпускникам два мультфильма, в одном фильме взаимодействовали неодушевленные объекты (перемещения черного круга как реакция на движения квадрата), а в другом — одушевленные (рыбка реагировала на перемещения стайки рыб). Испытуемым предлагалось оценить, в какой степени движения объекта связаны с диспозициональными и контекстуальными факторами. Как и ожидалось, в оценке причинной обусловленности перемещения неодушевленных объектов не было выявлено культурных различий. Что касается одушевленных объектов, то ответы школьников соответствовали ожидаемой модели, а ответы выпускников не показали никаких культурных различий. Китайские школьники придавали большее значение, чем американцы, контекстуальным факторам для всех перемещений рыбки. Однако, оценивая

значение диспозициональных факторов, китайские школьники лишь в одном случае из трех дали им более низкую оценку, чем американцы.

Почему люди описывают окружающих так, а не иначе. Почему жители Восточной Азии или Северной Америки подходят к описанию другого человека определенным образом? Обычно на этот вопрос отвечают, что это происходит из-за культурных различий, связанных с индивидуализмом и коллективизмом или же из-за независимого или взаимозависимого Я-конструирования. Тем не менее данных, которые подтверждали бы такое объяснение, на удивление мало. Если роль причины мы отводим независимому или взаимозависимому Я-конструированию, то есть полагаем, что распространенность и активность определенного типа личности в восточной или западной культуре должны объяснить существование культурных различий в описаниях личности и интерпретации ее поведения, нам следует выявить критерии, которые позволят оценить Я-конструкции и доказать, что культурные различия исчезают при условии статистического контроля Я-конструкций (гипотеза Я-конструкции как опосредующего фактора). Однако, как отмечает Мацумото (Matsumoto, 1999), исследования, которые приняли этот подход, не обнаружили эмпирических доказательств опосредующей роли Я-конструкций. Очевидно, гипотеза Я-конструкции как опосредующего фактора нуждается в более основательной проверке с использованием более совершенных критериев оценки. Альтернативой ей может быть гипотеза существования культурных представлений, которые влияют на психологические процессы, связанные как с самопознанием, так и с восприятием окружающих (гипотеза **культурной «теории»**).

Разграничить эмпирически два эти подхода нелегко, но в прошлом подходу с точки зрения культурной теории уделялось определенное внимание. В 1992 году в Австралии и Японии Й. Кашима, Сигал, Танака и Кашима (Y. Kashima, Siegal, Tanaka & Kashima, 1992) изучали роль имплицитных народных представлений о взаимосвязи установок и поведения. Они доказали, что в англоязычных странах, где ценится искренность и прямота (Thrilling, 1972), люди стремятся к тому, чтобы подлинные чувства и их проявления соответствовали друг другу, тогда как существующее у японцев представление об *omote* и *ura* (передний план и задний план, соответственно) предполагает, что людям следует выражать свои чувства соответственно ситуации (Doi, 1986). Поэтому австралийцы больше японцев убеждены в том, что поведение и внутренние установки соответствуют друг другу. Атрибуции установки у японских и австралийских студентов были проверены с помощью парадигмы Джонса и Харриса (Jones & Harris, 1967). Испытуемым было предложено прочитать эссе гипотетического субъекта деятельности, касающееся проблем окружающей среды. Кашима с коллегами обнаружили, что в целом австралийцы придают большее значение внутренним установкам, чем японцы. Тем не менее культурные различия в этой связи определяются степенью, в которой японцы и австралийцы различаются в своей убежденности во взаимосвязи между внутренними установками и поведением. Если уровень влияния убежденности во взаимосвязи между внутренними установками и поведением контролируется статистически, воздействие культуры на атрибуцию установки становится несущественным. Интересно отметить, что в ходе более поздних исследований по атрибуции установки, при сравнении американцев с корейцами (Choi & Nisbett, 1998) и жи-

телями Тайваня (Krull et al., 1999) не было обнаружено культурных различий в том, в какой мере испытуемые объясняют поведение субъекта деятельности его установками.

В недавно проведенном исследовании Чиу, Хонг и Двек (Chiu, Hong & Dweck, 1997) показывают, что на склонность к диспозициональным атрибуциям оказывают влияние имплицитные народные «теории» личности. Согласно утверждению Двека (Dweck, 1999), люди придерживаются имплицитных «теорий» о природе личности. Кто-то полагает, что характеристики личности устойчивы и неизменны (**«теория сущности»**), тогда как другие считают, что личность динамична, она может развиваться и изменяться. В ходе четырех исследований Чиу и коллеги показали, что по сравнению со сторонниками «теории динамичности» приверженцы «теории сущности» в большей степени склонны обобщать, полагая, что индивид, ведущий себя определенным образом в конкретной ситуации, поведет себя подобным образом и в другой (исследование 1), что можно прогнозировать поведение индивида, исходя из его личностных характеристик (исследование 2) и делать выводы о наличии определенных внутренних склонностей и установок на основании однократных наблюдений за поведением в определенной ситуации (исследование 3). Манипуляция бытующими в народе имплицитными «теориями» в ходе исследования 5 дала подобные результаты. В ходе исследования 4 изучалась связь между имплицитной «теорией» и склонностью к вынесению суждений на основании присущих личности особенностей и склонностей у жителей Гонконга и США. В обеих культурах имплицитная «теория» прогнозировала диспозициональные атрибуции. При этом американцы продемонстрировали более устойчивую склонность к диспозициональной атрибуции, чем китайцы из Гонконга. Однако данные культурные различия не были связаны с имплицитными «теориями» личности. Обе выборки продемонстрировали одинаковый уровень приверженности «теории сущности».

Учет ограничений, которые налагает ситуация. Даже если культуры различаются в диспозициональной атрибуции, это не всегда означает, что они различаются в степени учета ограничений, налагаемых ситуацией. В исследовании 2, которое проводили Кашима с коллегами, в одном случае испытуемым было сказано, что автор написал эссе в условиях свободного выбора, а в другом — что он написал эссе, повинуясь указаниям своего учителя. Джонс и Харрис (Jones & Harris, 1967) утверждали, что если поведение автора эссе определялось указаниями вышестоящего лица, то не следует объяснять поведение автора его внутренними установками, и, следовательно, разумный наблюдатель не станет в этом случае искать соответствия между установками и поведением.

Тем не менее их исследование (а также и другие, см.: Jones, 1979) показало, что люди склонны объяснять поведение внутренними установками, невзирая на ограничения, налагаемые ситуацией. Склонность умалять значение ограничений, налагаемых обстоятельствами, получила название предрасположенности к аналогии (*correspondence bias*) (Gilbert & Malone, 1995). Воспроизводя исследование Джонса и Харриса (Jones & Harris, 1967), Й. Кашима и соавторы (Y. Kashima et al., 1992) обнаружили, что и японцы, и австралийцы не учли ограничений, налагаемых

обстоятельствами на автора эссе. Подобным образом Чой и Нисбетт (Choi & Nisbett, 1998; исследование 1) обнаружили в США и Корее, а Крулл и с соавторами (Krull et al., 1999; исследование 1) в США и на Тайване незначительные различия в предрасположенности к аналогии, используя парадигму атрибуции установки; авторы последнего исследования не обнаружили культурных различий, воспроизведя исследование Росса, Амабайла и Штейнмеца (Ross, Amabile & Steinmetz, 1977) в США и Гонконге (исследование 2).

И все же Чой и Нисбетт (Choi & Nisbett, 1998) показали, что корейцы учитывают эту информацию в большей степени, чем американцы, когда ситуационные ограничения бросаются в глаза. В исследовании 2 авторы использовали парадигму атрибуции установки Джонса и Харриса (Jones & Harris, 1967). Испытуемым сказали, что в одном случае студент написал эссе в ситуации свободного выбора, а в другом — не имея возможности выбора, после чего со случаем явного наличия ситуационных ограничений работали на двух уровнях. В одном случае испытуемым давали возможность испытать давление обстоятельств, в которых находился автор эссе на собственном опыте (то есть они должны были написать эссе в ситуации отсутствия выбора), а в другом — испытуемые ставились в те же обстоятельства и получали при этом набор аргументов, которые они должны были использовать при написании эссе. Чой и Нисбетт объединили данные по ситуации отсутствия выбора в исследовании 1 и данные исследования 2 и обнаружили, что очевидность ситуационных ограничений снижает уровень предрасположенности к аналогии у корейцев, но не оказывает влияния на американцев. Возможно, это означает, что корейцы (а может быть, и жители Восточной Азии в целом) при определенных обстоятельствах более восприимчивы к ограничениям, налагаемым ситуацией, чем американцы. Или же корейцы более чуткие и им проще поставить себя на место другого человека, чем американцам. Заметьте, что в ходе эксперимента испытуемые должны были испытать давление обстоятельств на себе и учесть личный опыт при оценке автора эссе. Есть определенные данные, свидетельствующие в пользу такой интерпретации. В работе Чоя и Нисбетта, так же как и в работе Кашимы с соавторами (Y. Kashima et al., 1992), установки испытуемых из Кореи и Японии позволяют прогнозировать установки, приписываемые автору эссе, с большей вероятностью, чем установки испытуемых, принадлежащих к выборкам из США и Австралии.

Концептуализация Я

Нерегламентированные самоописания. Результаты кросс-культурных исследований самоописаний в свободной форме показывают, что они в значительной мере отражают подход к описанию окружающих. Когда жителей Северной Америки просили описать самих себя, они обычно использовали слова и выражения преимущественно абстрактного характера, не связанные с определенным контекстом. В ходе рассмотренных здесь исследований, как правило, применялся Тест двадцати высказываний (ТДВ) (Kuhn & McPartland, 1954) или его варианты. При выполнении этого теста испытуемого просят ответить на вопрос «Кто я?», закончив 20 предложений, которые начинаются словом «Я — ...»

Бонд и Чеунг (Bond & Cheung, 1983) провели одно из первых исследований, изучая самоописания, сделанные студентами из Гонконга, Китая, Японии и США по образцу ТДВ, и обнаружили, что самоописания японцев включали меньше психологических определений общего характера (то есть слов, которые обозначали черты характера), чем самоописания американцев, тогда как между китайцами и японцами в данном отношении не было обнаружено различий. Последующие исследования по сходной методике показали, что в Малайзии (Bochner, 1984) и в Индии (Dhawan, Roseman, Naidu, Thapa & Rettek, 1995) самоописания содержат меньшее количество характеристик личности, чем в англоязычных странах (Австралия и Англия в исследовании Bochner; США в исследовании Dhawan и др.). При этом англоязычные испытуемые из Индии могли использовать отвлеченные личностные характеристики не реже, чем испытуемые из Англии и Болгарии (Lalljee & Angelova, 1995).

Казинс (Cousins, 1989) использовал несколько видоизмененный метод. Сначала он применял ТДВ и изучал все высказывания, которые включало самоописание, наряду с отдельным изучением пяти высказываний, которые испытуемые выделили в качестве самых важных. Он сообщает о результатах исследования пяти наиболее важных позиций самоописания, поскольку расхождения были незначительными. Было обнаружено, что самоописания студентов из США включали большее количество отвлеченных личностных характеристик (58 %), чем самоописания, составленные японскими испытуемыми (19 %); однако японские студенты чаще (27 %), чем американцы (9 %), использовали характеристики социального характера, такие как социальные роли, принадлежность к определенным организациям и т. п.

Сразу после проведения обычной процедуры тестирования с применением ТДВ Казинс (Cousins, 1989) обращался к испытуемым с просьбой: «Опишите себя в следующих ситуациях: дома, на занятиях, с близкими друзьями» (p. 126). При этом работа Казинса не дает полного и определенного описания задания, в ходе которого предлагалось дать версию самоописания с учетом определенного контекста. Непонятно, например, сколько раз испытуемые должны были составлять письменное самоописание, просили ли их составить его определенное количество раз для каждого из трех предложенных случаев (дома, на занятиях, с близкими друзьями), или условия не регламентировались. Тем не менее были получены весьма любопытные данные. Казинс говорит о том, что они были полной противоположностью данным, полученным в ходе проведения ТДВ. Японские испытуемые использовали отвлеченные характеристики чаще (41%), чем американцы (26 %). При составлении самоописания с учетом ситуации американцы чаще (35 %) использовали уточнения отвлеченных характеристик (например, «обычно я откровенен со своим братом»), чем японцы (22 %). Лейерс и Сонода (Leuers & Sonoda, 1996) в основном получили те же данные, что и Казинс, изучая японских и ирландских испытуемых.

По мнению Казинса (Cousins, 1989; см. также Shweder & Bourne, 1984), эти данные можно интерпретировать как свидетельство того, что концепции личности, которые определяются культурой, в США и Японии различны. Склонность японцев описывать себя в рамках определенного контекста при помощи отвлеченных

характеристик показывает, что они в не меньшей степени способны к абстрактному самоописанию, чем американцы или ирландцы. Казинс утверждает, что Я-концепция японцев более тесно увязана с контекстом и ситуацией.

Ри, Ульман, Ли и Роман (Rhee, Uleman, Lee & Roman, 1995) изучали самоописания корейцев, американцев азиатского происхождения и американцев европейского происхождения, применяя ТДВ. Кроме того, группу американцев азиатского происхождения они разделили на три группы: те, кто упоминал как свою этническую (например, выходец из Азии), так и национальную (например, китаец, индиец) принадлежность (двойная идентификация); те, кто упоминал либо свою этническую, либо национальную принадлежность (единичная идентификация); и группа, члены которой не упоминали ни того, ни другого (отсутствие идентификации). Доля отвлеченных личностных характеристик повышалась, начиная с корейцев (17 %), за которыми следовала группа американцев азиатского происхождения с двойной идентификацией (24 %), а затем американцы азиатского происхождения с единичной идентификацией (31%) и американцы европейского происхождения (35 %), как это и ожидалось. Интересно было то, что группа американцев азиатского происхождения с отсутствием идентификации дала наибольшую долю отвлеченных личностных характеристик (45 %). Затем исследователи подсчитали долю автономных, социальных, абстрактных и конкретных характеристик. Выше всего доля абстрактных характеристик была у американцев азиатского происхождения с отсутствием идентификации, за которыми следовали американцы европейского происхождения, затем группа с единичной идентификацией, группа с двойной идентификацией, а затем корейцы (относительная доля конкретных характеристик выстраивала эту же последовательность в обратном порядке). Как полагают Триандис, Кашима, Шимада и Виллареал (Triandis, Kashima, Shimada & Villareal, 1986), те, кто глубоко усвоил нормы новой культуры (американцы азиатского происхождения с отсутствием идентификации), вероятно, стали в большей степени американцами, чем те, кто изначально принадлежал к этой культуре. Любопытно, что корреляция между абстрактными характеристиками и автономными характеристиками была самой высокой в группе американцев европейского происхождения и в группах с отсутствием идентификации и с единичной идентификацией (от 0,77 до 0,74), тогда как в других группах она была гораздо ниже (от 0,58 до 0,34). Кросс-культурные вариации в корреляциях говорят о концептуальных различиях между абстрактным эго и эго, которое является субъектом деятельности.

Структурированные параметры Я-концепций. Имеется меньше непосредственных доказательств культурных различий при применении структурированных параметров (Takano, 1999) для оценки Я-концепции. Первым, кто привел данные такого рода, был, вероятно, Сингелис (Singelis, 1994). Он показал, что показатели американцев азиатского происхождения выше в отношении взаимозависимого Я и ниже по независимому Я, чем показатели американцев европейского происхождения на Гавайях, и что различия в стремлении американцев азиатского и европейского происхождения объяснять поведение обстоятельствами можно объяснить разницей в Я-конструировании. Эти данные были получены при обследовании американских испытуемых, имеющих разный культурный опыт.

Кашима с соавторами (Kashima et al., 1995) также приводят свидетельства культурных различий в Я-концепции, исследуя две страны в Восточной Азии (Японию и Корею), две западные страны (Австралию и США) и Гавайи. Авторы разработали критерии оценки четырех различных параметров Я-концепции. Два были связаны с субъектом деятельности и самоуверенностью, то есть оценивали, в какой степени эго воспринимается как ориентированный на достижение определенной цели субъект деятельности или стремящийся к самоутверждению индивид (индивидуалистический аспект); один из параметров показывал, в какой мере эго воспринимается через отношения с другим индивидом (относительный аспект); а последний параметр оценивал эго как члена мы-группы (коллективный аспект). Четыре параметра личности обнаружили незначительную корреляцию в Австралии, США, на Гавайях, в Японии и Корее. Основные культурные различия были обнаружены в отношении двух индивидуалистических аспектов эго. Австралийские и американские студенты имели более высокие показатели данных параметров, чем студенты из Кореи и Японии, а те, кто проживал на Гавайях, занимали промежуточное положение. Хотя в отношении коллективного аспекта эго были выявлены незначительные культурные различия, неожиданными были результаты по относительному аспекту эго, где корейские и японские испытуемые дали соответственно самые высокие и самые низкие показатели. Кроме того, в связи с относительным аспектом эго были выявлены значительные различия между полами: показатели женщин при оценке относительного аспекта эго в большинстве выборок были выше, чем у мужчин.

Я в контексте. Теоретики предположили, что индивидуалистические и коллективистские склонности (например, Triandis, 1995) и Я-концепции, поддающиеся идентификации (например, Triandis, 1989), являются контекстно-обусловленными. Хотя восприимчивость к контексту рассматривалась рядом исследователей (например, Fijneman, Willemsen & Poortinga, 1996; Matsumoto, Takeuchi, Andayani, Kouznetsova & Krupp, 1998; Rhee, Uleman & Lee, 1996) и был разработан ряд параметров оценки данных конструктов с учетом контекста (например, Matsumoto, Weissman, Preston, Brown & Kupperbusch, 1997), остается непонятным, какие культурные различия в Я-концепции связаны с контекстом. Возможно, коллективное эго в большей степени поддается выявлению, чем индивидуалистическое, в любом контексте коллективистской культуры, подобной культурам Восточной Азии, а в индивидуалистической культуре, например в Северной Америке, более доступным и очевидным является индивидуалистический аспект Я (теория общности). Существует и предположение, что индивидуалистический и коллективистский аспекты Я выявляются в разных культурах в различных контекстах (теория взаимодействия контекста и культуры). В отношении поведения в сфере обмена ресурсами, Пуртинга и его коллеги (Fijneman et al., 1996; Poortinga, 1992; van den Heuvel & Poortinga, 1999) постулировали гипотезу универсального характера взаимодействий. По мнению этих исследователей, существует универсальная модель обмена ресурсами, в соответствии с которой определенные виды ресурсов скорее всего будут обмениваться на другой, также определенный, вид ресурсов; при этом существуют некоторые культурные вариации этой модели в конкретных контекстах (см. также Kroonenberg & Kashima, 1997).

Ульман, Ри, Бардоливалла, Семин и Тояма (Uleman, Rhee, Bardoliwalla, Semin & Toyama, 1999) пошли дальше. Они создали новый инструмент оценки относительного Я, обратившись к испытуемому с просьбой описать, насколько тесно его Я связано с конкретными окружающими его людьми, включая ближайшее семейное окружение, родственников и близкого друга с точки зрения общей близости, эмоциональной близости, взаимной поддержки, идентичности, репутации, подобия и гармонии. Степень близости определялась взаимным пересечением двух окружностей, как на диаграмме Венна. Данные были собраны по американцам европейского происхождения, американцам азиатского происхождения, голландцам, туркам и японцам (все испытуемые были студентами университетов). Вариационный анализ Культура × Пол × Объект × Близость показал, что самым значительным в отношении взаимодействия двух факторов был эффект типа Объект × Близость, что свидетельствует о важности специфики контекста для относительного Я. Для исследования значимых взаимовлияний типа Культура × Объект × Близость были подсчитаны показатели отклонения средних значений типа Объект × Близость по каждой культуре от среднего значения по всем культурным группам и проведен кластерный анализ этих показателей отклонения. Результаты показали, что группы американцев европейского происхождения и голландцев формируют компактный индивидуалистический кластер, а группы японцев и турков — другой, менее однородный коллективистский кластер, при этом американцы азиатского происхождения вошли в последний.

Когнитивные аспекты саморепрезентации. Кросс-культурные исследования проводились не только в отношении самоописания, но и в связи с когнитивными аспектами самопрезентации. Трафимов с соавторами (Trafimow et al., 1991) предположили, что различные типы самопрезентации могут иметь разную локализацию в памяти. В частности, они исследовали две модели, одна из которых предполагала, что хранение информации об индивидуалистическом и коллективистском самопознании имеет одну и ту же локализацию (теория одной корзины), а другая — что хранение этой информации имеет разную локализацию (теория двух корзин). Теория двух корзин утверждает, что стимулирование одного типа Я-концепции повышает степень доступности только Я-концепции того же типа. Теория одной корзины предполагает, что как индивидуалистическое, так и коллективистское Я становятся более доступными при стимуляции как коллективистских, так и индивидуалистических представлений о Я. Согласно Трафимову и соавторам, теория одной корзины предполагает, что обращение к одному типу самопознания с равной степенью вероятности может стимулировать активизацию любого другого типа самопознания. При этом теория двух корзин говорит о том, что обращение к одному типу самопознания скорее всего будет стимулировать именно этот тип самопознания. Иными словами, если теория двух корзин верна, условная вероятность поиска информации по индивидуалистической саморепрезентации после обращения к индивидуалистической саморепрезентации выше, чем условная вероятность поиска информации по коллективной саморепрезентации, и наоборот, то есть $p(I|I) > p(I|C)$ и $p(C|C) > p(C|I)$.

В исследовании 1 Трафимов и его коллеги (Trafimow et al., 1991) стимулировали как американских студентов европейского происхождения, так и студентов,

имеющих китайские фамилии, для которых английский не является родным языком, предлагая им в течение 2 минут подумать, что отличает их от родственников и друзей (стимуляция на индивидуалистическом уровне) и что у них общего с родственниками и друзьями (стимуляция на коллективистском уровне), а затем пройти ТДВ в течение 5 минут. Эксперимент проводился на английском языке. Хотя все испытуемые продемонстрировали более высокую продуктивность в отношении индивидуалистической саморепрезентации, чем в отношении коллективной, склонность к индивидуалистическому самопознанию была более выраженной у студентов из Северной Америки, чем у китайских студентов. В соответствии с теорией двух корзин, стимулирующая манипуляция оказала разное воздействие на индивидуалистическое и коллективистское самовосприятие. Кроме того, условная вероятность, подсчитанная на основе ТДВ, выявила модель, которая, по мнению авторов, согласуется с теорией двух корзин. В ходе исследования 2 они стимулировали индивидуалистическое и коллективистское самопознание иным способом (испытуемым предлагалось прочесть рассказ, в котором на первом плане были либо личные качества, либо взаимоотношения в семье). Испытуемыми были американские студенты. В ходе данного исследования были получены те же данные, что и в результате исследования 1. Трафимов, Сильверман, Фан и Лоу (Trafimow, Silverman, Fan & Law, 1997) провели эксперимент подобного рода. Испытуемыми были англичане и китайцы из Гонконга и китайские студенты-билингвы. В этом эксперименте были использованы оба метода стимуляции, которые применяли Трафимов и его коллеги (Trafimow et al., 1991), кроме того, использовались условия отсутствия стимуляции. Данные по англоязычным испытуемым в значительной степени соответствовали данным, полученным Трафимовым и его коллегами (Trafimow et al., 1991). Однако в случае с испытуемыми, говорившими по-китайски, стимуляция не оказывала никакого воздействия на результаты, хотя показатели условной вероятности соответствовали модели двух корзин.

Гардинер, Габриэль и Ли (Gardiner, Gabriel & Lee, 1999) продолжили работу Трафимова и его коллег (Trafimow et al., 1991), исследуя эффект стимулирования индивидуалистического и коллективистского эго не только в связи с самоописанием, но и в связи с суждениями ценностного и нравственного характера. В ходе эксперимента 1 они показали, что два способа стимуляции индивидуалистического и коллективистского эго (Trafimow et al., 1991; Brewer & Gardiner, 1996) оказали ожидаемое воздействие на ответы североамериканских студентов на ТДВ, так же, как на индивидуалистические и коллективистские ценностные ориентации, и на ту степень, в которой обязанность помогать тем, кто нуждается в помощи, воспринималась как универсальная. Кроме того, было доказано, что опосредующим фактором воздействия стимуляции на привлечение определенных ценностей является самоописание. Испытуемыми в эксперименте 2 были американские и гонконгские студенты, владеющие английским языком. Стимуляция по методике Трафимова и его коллег (Trafimow et al., 1991) сопровождалась работой с опросником по ценностным ориентациям. При отсутствии предварительной стимуляции американцы отдавали устойчивое предпочтение ценностям индивидуалистического характера по сравнению с коллективистскими ценностями, а жители Гонконга демонстрировали противоположные предпочтения. Однако в условиях стиму-

ляции коллективистского эго американцев, они начинали оказывать предпочтение ценностям коллективистского характера; при этом стимуляция индивидуалистического начала не оказала влияния на ценностные ориентации. Предварительная стимуляция индивидуалистического начала у китайских студентов из Гонконга приводила к тому, что они начинали оказывать предпочтение ценностям индивидуалистического характера по сравнению с коллективистскими ценностями; стимуляция же у них коллективистского начала не оказала влияния на ценностные предпочтения. Нам еще предстоит узнать, будут ли получены сходные данные при изучении китайских испытуемых (см. Trafimow et al., 1997).

Проблемы, связанные с исследованиями саморепрезентации. В ходе исследований саморепрезентации возникают как методологические, так и теоретические проблемы. С методологической точки зрения, несмотря на популярность ТДВ, при его использовании возникает множество проблем. Уайли (Wylie, 1974) выражает определенные сомнения в отношении конструктной валидности схем кодирования ответов. В настоящее время при использовании этого теста предлагается множество схем кодирования. Триандис (Triandis, 1995) предложил использовать для оценки аллоцентризма (конструкт, соответствующий коллективизму на личностном уровне) долю высказываний социального характера *S*%. Трафимов и коллеги (Trafimow et al., 1991) относят ответы по ТДВ к одной из двух категорий: индивидуалистические и коллективистские. Бокнер (Bochner, 1984) оперирует тремя категориями ответов: индивидуалистические, относительные, коллективистские. Уоткинс с коллегами (Watkins, Yau, Dahlin & Wondimu, 1997) предлагают схему, включающую четыре категории: идиоцентрические ответы (идиоцентризм — конструкт, соответствующий индивидуализму на личностном уровне), связанные с большой группой (например, половая или профессиональная принадлежность), связанные с малой группой (например, семья) и аллоцентрические ответы (например, «Я общительный»). Остальные исследователи (например, Cousins, 1989; Dhawan et al., 1995) используют более сложные схемы кодирования. Ри и коллеги (Rhee et al., 1995; см. также Parkes, Schneider & Bochner, 1999) разработали схему, в которой для кодирования самоописаний используется множество категорий, которые затем объединяются в два совокупных показателя: абстрактность (как оппозиция конкретному) и автономия (как оппозиция социальному). Такая схема кодирования соответствует современной теории атрибуции, которая разграничивает диспозициональную атрибуцию и атрибуцию, связанную с субъектом деятельности (как излагалось выше). Некоторые исследователи используют только часть полученных 20 высказываний (например, Bochner, 1984; Cousins, 1989), тогда как другие используют все 20. Однако такие методологические различия могут повлиять на выводы, касающиеся культурных различий, о чем говорят Уоткинс и соавторы (Watkins et al., 1997).

С ТДВ связаны и другие проблемы. Не только его характер, не предполагающий связи с контекстом (например, Cousins, 1989), но и использование в нем слова «Я» в качестве «команды вызова» является спорным. Как отмечают Е. С. Кашима и Кашима (E. S. Kashima & Kashima, 1997, 1998), в разных языках существует различный набор местоимений первого лица, при этом в некоторых языках есть несколько личных местоимений для обозначения первого лица (как, например,

в японском). Поэтому возникает сложный вопрос, какое личное местоимение следует использовать в ходе кросс-культурных сравнений (см. также Leuers & Sonoda, 1999). По этому вопросу не проводилось систематических исследований. И наконец, Триандис, Чан, Бхавук, Ивао и Синха (Triandis, Chan, Bhawuk, Iwao & Sinha, 1995) говорят о том, что в выборке жителей США показатели аллоцентризма (личностный уровень коллективизма), определенные при помощи ТДВ, не обнаруживают корреляции со структурированными показателями аллоцентризма. Последнее говорит о том, что психологические процессы, которые определяют использование релевантных в социальном отношении дескрипторов при составлении самоописания, могут быть не связаны с критериями для оценки установок и ценностных ориентаций, которые определяются при помощи структурированных опросников.

В связи с исследованиями саморепрезентации возникают и теоретические проблемы. Принимая модель социальной идентичности, предложенную До (Deaux, 1993; Deaux, Reid, Mizrahi & Ethier, 1995), Рейд и До (Reid & Deaux, 1996) поставили под сомнение теорию двух корзин. Согласно До, структура самовосприятия отличается более глубокой интеграцией, чем предполагает теория двух корзин. Женщина может воспринимать самое себя с точки зрения семейно-ролевых функций как сестру или дочь, с точки зрения профессиональной принадлежности как адвоката или партнера более значимого лица. С каждым случаем социальной идентификации (коллективное Я) может быть связан целый набор психологических определений (индивидуальных Я), таких как снисходительная и сообразительная для сестры или дочери, или трудолюбивая, энергичная и толковая для адвоката. Интегральная модель подразумевает, что коллективные эго связаны друг с другом и индивидуальные эго связаны друг с другом, как и предполагает теория двух корзин. Кроме того, модель социальной идентичности До предполагает, что индивидуальные эго также связаны с коллективными эго.

Рейд и До (Reid & Deaux, 1996) проверили предложенную До модель в усовершенствованном воспроизведении эксперимента. В течение нескольких недель было проведено три сессии. Во время первой каждый из 57 испытуемых перечислил качества, характеризовавшие его как члена социального класса или группы (см. S. Rosenberg & Gara, 1985). Неделю спустя во время второй сессии каждый испытуемый должен был оценить относительную важность самоописаний индивидуального и коллективного характера, входящих в индивидуализированный список. После выполнения 5-минутного отвлекающего задания каждому испытуемому предлагалось воспроизвести позиции, включенные в список. Несколько недель спустя после второй сессии 29 испытуемых из 57 оценивали, в какой степени индивидуальные эго (психологические определения) связаны с коллективными Я каждого из них (социальной идентичностью). Рейд и До установили, что показатели условной вероятности соответствовали модели, выявленной Трафимовым и соавторами (Trafimow et al., 1991), и исследовали скорректированное соотношение показателей кластеризации, с помощью которого определялась степень кластеризации позиций по отношению к определенной теме (Roenker, Thompson & Brown, 1971). Скорректированное соотношение показателей кластеризации по индивидуалистическим и коллективистским темам (что соответствует теории двух корзин)

составляло 0,23, а скорректированное соотношение показателей кластеризации для социальной идентичности (что соответствует интегральной модели) было 0,34. Оба показателя были значительно выше нуля. Хотя последний показатель выше, чем первый, статистическая проверка в отчете об исследовании не упоминается. Условная вероятность воспроизведения информации, касающейся индивидуального Я, при условии предшествующего воспроизведения информации, связанной с коллективным Я, и условная вероятность воспроизведения информации, касающейся коллективного Я, при условии предшествующего воспроизведения информации, связанной с индивидуальным Я, точно соответствовала ожиданиям, основанным на прочности взаимосвязи между коллективными и индивидуальными Я, которая определялась в ходе кластерного анализа (DeBoeck & Rosenberg, 1988). Авторы пришли к выводу, что в целом результаты исследования лучше согласуются с интегральной моделью, чем с теорией двух корзин.

И все же следует быть осторожными, интерпретируя данные, полученные Трафимовым и его коллегами (Trafimow et al., 1991, 1997), и данные Рейда и До. Не следует забывать, что авторы обоих исследований использовали условную вероятность как критерий наличия в памяти взаимосвязи коллективной и индивидуальной саморепрезентаций. Сковронски и его коллеги (Skowronski, Betz, Sedikides & Crawford, 1998; Skowronski & Welbourne, 1997) показали, однако, что условная вероятность может давать искаженную оценку наличия взаимосвязей в памяти. Это происходит потому, что ожидаемая условная вероятность зависит от общего количества индивидуальных и коллективных саморепрезентаций. Проблему, которую ставят Сковронски и его коллеги, предстоит решать в ходе будущих исследований. Хотя результаты по скорректированным соотношениям показателей кластеризации, полученные Рейд и До, возможно, и не содержат таких искажений, в отчете отсутствуют данные о статистической проверке, о чем уже говорилось выше. Пока слишком рано делать окончательный вывод о валидности этих моделей.

Самооценка

Позитивное самовосприятие. Несмотря на значимость понятия самоуважения в Северной Америке, в культурах Восточной Азии оно может вовсе не занимать центрального места. Хайне, Леман, Маркус и Китаяма (Heine, Lehman, Markus & Kitayama, 1999) считают, что жители Восточной Азии, и в частности японцы, вопреки предположениям современной социальной психологии, не ощущают сильной потребности в позитивной самооценке. По их мнению, североамериканцы стремятся к самоутверждению, тогда как японцы стремятся к самосовершенствованию. Североамериканцы стараются найти позитивные атрибуты эго (в частности, способности) и пытаются сохранить и повысить самооценку путем самоутверждения, когда их самооценке угрожает опасность (например, когда они не могут справиться с выполнением задачи). Японцы стремятся выявить расхождения между своим идеальным образом и тем, как они воспринимают себя сами, и пытаются устранить эти расхождения. Иными словами, как жители Северной Америки, так и японцы стремятся к идеалу, но первые сосредоточиваются на позитивных аспектах и пытаются приблизиться к идеалу, тогда как вторые уделяют первоочередное внимание негативным аспектам и стараются не отставать.

Хайне с коллегами (Heine, Lehman, Markus & Kitayama, 1999) считают, что самоутверждение и самосовершенствование функционируют, соответственно, в культуре независимости и культуре взаимозависимости. В культуре, в которой люди рассматривают себя как независимых субъектов деятельности и стремятся отделить себя от других людей, функциональным является акцент на уникальности индивида и представление о его превосходстве над рядовым человеком. В культурах, в которых люди воспринимают себя как взаимозависимых по отношению к окружающим и стремятся к принадлежности к мы-группе, индивид обретает ощущение принадлежности, пытаясь достичь идеала, общего для членов значимой для него мы-группы. Для такой культуры функциональным является скорее стремление не отстать от остальных, нежели стремление превзойти их. Это согласуется и с данными о том, что испытуемые из Японии последовательно демонстрируют более низкий уровень самооценки, чем жители Северной Америки, как показала работа М. Розенберга (M. Rosenberg, 1965) по определению уровня самооценки. О том же самом говорит и тот факт, что уровень самооценки японцев, посетивших Северную Америку, как правило, возрастает, тогда как уровень самооценки американцев, посетивших Японию, обычно снижается. Ряд исследований свидетельствует о том, что у японских студентов отсутствует ярко выраженное у американцев стремление сохранить свою самооценку.

В качестве примера можно привести так называемую предрасположенность к нереалистическому оптимизму (обзоры см. в работе Greenwald, 1980; Taylor & Brown, 1988). Хайне и Леман (Heine & Lehman, 1995) показали, что канадские студенты европейского происхождения обнаруживают более высокий уровень оптимизма, чем японские студенты. В исследовании 1 авторы использовали два способа оценки предрасположенности к оптимизму. Один (внутригрупповой) метод состоял в том, что испытуемых просили оценить вероятность событий позитивного и негативного характера в их жизни (например, вероятность заниматься любимым делом или вероятность стать алкоголиком), по сравнению с вероятностью тех же событий в жизни некоего среднего студента того же возраста и пола, обучающегося в одном с ними университете. В ходе применения второго (межгруппового) метода одна группа испытуемых оценивала процентную вероятность того, что определенные события могут произойти с ними безотносительно к вероятности того, что те же самые события могут произойти со средним студентом, а другая группа оценивала процентную вероятность того, что те же самые события могут произойти со средним студентом того же пола, что и они сами, обучающимся в одном с ними университете. При применении обоих методов показатели канадских студентов свидетельствовали о наличии предрасположенности к оптимизму, поскольку они преувеличивали вероятность приятных для них событий позитивного характера и преуменьшали возможность того, что с ними случится что-то неприятное, сравнивая себя со средним студентом. При этом показатели японских студентов носили совсем иной характер. В исследовании 2 Хайне и Леман проверяли уровень оптимизма канадских и японских студентов в отношении негативных событий, связанных с независимой (например, вероятность стать алкоголиком) и взаимозависимой (например, опозорить свою семью) составляющими Я.

И вновь канадцы продемонстрировали нереалистический оптимизм, тогда как японцы выразили меньший оптимизм в ходе применения внутригруппового метода оценки, и даже пессимизм при использовании межгруппового метода.

Более низкий уровень оптимизма жителей Восточной Азии по сравнению с североамериканцами подтверждается и другими исследованиями. В исследовании Й. Т. Ли и Селигмана (Y. T. Lee & Seligman, 1997) максимальный уровень оптимизма продемонстрировали американцы европейского происхождения, за которыми шли американцы китайского происхождения, а затем китайцы из Китая, уровень оптимизма которых был самым низким. Подобным образом Й. Кашима и Триандис (Y. Kashima & Triandis, 1986) показали, что японские студенты по сравнению с американскими меньше стремятся к атрибуциям, способствующим самоутверждению, в результате достигнутого успеха или после того, как терпят неудачу. Японские студенты, которые учатся в США, чаще американских студентов объясняют свои неудачи при выполнении задач, требующих определенного уровня интеллекта, недостатком способностей. При этом важно отметить, что более низкий уровень оптимизма у жителей Восточной Азии не обязательно присущ любой коллективистской культуре. Чандлер, Шама, Вольф и Планшар (Chandler, Shama, Wolf & Planchard, 1981) изучали стиль атрибуции в пяти культурах (Индия, Япония, Южная Африка, США и Югославия) и обнаружили наличие самоутверждающей атрибуции во всех культурах, включая коллективистские (Индия).

Одним из возможных объяснений склонности японцев к самосовершенствованию является предрасположенность к скромности. То есть наедине с собой японцы столь же склонны к самоутверждению, как и американцы, но публично они демонстрируют свою скромность, стремясь держаться в тени. Однако имеющиеся факты не подтверждают такую точку зрения. Так, Кашима и Триандис (Kashima & Triandis, 1986) изучали атрибуции успехов и неудач у американских и японских студентов как в присутствии других людей, так и наедине и не обнаружили различий при изменении условий. И все же данное исследование не представляет собой достаточно основательной проверки приведенной гипотезы, поскольку размер выборки был слишком мал. Позднее Хайне, Таката и Леман (Heine, Takata & Lehman, 2000) показали, что склонность японцев к негативной оценке своих способностей имеет место даже в обстановке эксперимента, при котором самопрезентация достаточно проблематична.

Любопытно, что даже у японцев, судя по всему, присутствует определенная неявно выраженная позитивная самооценка. Китаяма и Карасава (Kitayama & Karasawa, 1997) обнаружили, что у японских студентов имеет место эффект букв имени, который заключается в том, что буква, которая является частью имени индивида, оценивается им более позитивно, чем буквы, которые не имеют отношения к его имени. Это свидетельствует, что у испытуемых имеет место определенный уровень позитивного отношения к тому, что связано с ними самими. Хеттс и соавторы (Hetts et al., 1999) также рассказывают о ряде экспериментов, в ходе которых самооценка выявлялась косвенным образом. В ходе исследования 1 они оценивали отношение американцев азиатского происхождения, американцев европейского происхождения и иммигрантов, которые в недавнем прошлом прибыли

из стран Азии, к индивидуальному и коллективному Я. В задании требовалось решить, является ли слово, сопровождаемое словом-стимулом «я» или «мы», «плохим» или «хорошим». Чем быстрее дается позитивный ответ по сравнению с негативным, тем более позитивно оценивается слово-стимул. В уровне позитивного отношения к «я» между группами обнаружились значительные различия, самым высоким он был в группе американцев азиатского происхождения, следом за ними шли американцы европейского происхождения. Восприятие «я» у иммигрантов азиатского происхождения вообще было негативным. В уровне позитивного отношения к «мы» группы расположились в обратном порядке (см. Rhee et al., 1995, где приводятся аналогичные данные в отношении прочно усвоивших новую культуру американцев азиатского происхождения).

В исследовании 2 (Hetts et al., 1999) американцы азиатского и европейского происхождения, а также недавно приехавшие иммигранты из Азии, выполняли задание на завершение слова. Участники должны были завершить слово, в то время как они реагировали на другое задание, призванное стимулировать индивидуальное либо коллективное Я. Количество завершенных слов с позитивным значением по сравнению с количеством слов с негативным значением использовалось для измерения имплицитной самооценки. Результаты были идентичны результатам исследования 1.

В ходе исследования 3, проведенного Хеттсом и его коллегами (Hetts et al., 1999) с помощью метода, использованного в исследовании 1, определялась самооценка японских студентов. Японские слова «ваташи» (я), «ваташитахи» (мы) и «джибун» (эго) использовались в качестве стимула. Результаты говорят о том, что японские студенты, никогда не жившие за пределами Японии, продемонстрировали позитивную реакцию на «ваташитахи» и «джибун», при нейтральной реакции на «ваташи». Реакция была иной у тех студентов, которые прожили не менее 5 лет подряд в США или Канаде. Они позитивно реагировали на «ваташи» и негативно на «ваташитахи» и «джибун». Однако в ходе исследования в целом эксплицитные показатели самооценки (например, система определения уровня самооценки, предложенная в работе M. Rosenberg, 1965) были одинаковыми в разных группах и не изменялись вместе с изменением показателей косвенного характера, что говорит о расхождении между имплицитной и эксплицитной когнитивной деятельностью. При этом имплицитные показатели самооценки в исследованиях 1 и 2 обнаружили устойчивую корреляцию с продолжительностью проживания в США.

Существуют две разновидности объяснений культурных различий в самооценке (*self-regard*). Одна из них дается теорией внутреннего расхождения (*self-discrepancy*), предложенной Хиггинсом (Higgins, 1987; Higgins, Klein & Strauman, 1985). Индивид оценивает себя позитивно в той мере, в какой его самовосприятие (актуальное Я) соответствует его идеальным представлениям о себе (идеальное Я). Значительное расхождение между актуальным и идеальным Я вызывает депрессию и подавленное состояние. В эту схему интерпретации укладываются полученные Хайне и Леманом (Heine & Lehman, 1999) данные о том, что у японских студентов расхождение между актуальным и идеальным Я больше, чем у европейских студентов и канадских студентов азиатского происхождения. И все же такое объяснение нуж-

дается в более основательной проверке, поскольку было обнаружено, что корреляция расхождения между актуальным и идеальным Я и показателями Опросника для выявления депрессии путем самоотчета (*Self-Report Depression Inventory*), предложенного Цунгом (Zung, 1965), в разных культурах выражена в разной степени. Наиболее высокой она оказалась для канадцев европейского происхождения, за которыми следуют канадцы азиатского происхождения и японцы. Это может означать, что используемые критерии имеют разный уровень достоверности в разных культурах, что культурные различия объясняются иными факторами или что применимость теории внутреннего расхождения различна для разных культур.

Интерпретацию более дистального характера предложили Китаяма, Маркус, Мацумото и Норасаккункит (Kitayama, Markus, Matsumoto & Norasakkunkit, 1997). Они утверждают, что каждая культура создает ситуации, дающие людям возможность вести себя так, как принято в их культуре. Именно тип ситуаций в определенной культуре ведет к закреплению определенных психологических различий между людьми. Для подтверждения этого тезиса они использовали новый метод отбора ситуаций. Он включает два этапа. Сначала японцы и американцы описывали ситуации, в которых, по их мнению, падала или росла их самооценка. Из 400 описаний, составленных представителями каждой из культур (группы мужчин и женщин из Японии и Северной Америки), методом случайной выборки были отобраны 50 описаний ситуаций по каждому из двух типов (повышение или понижение самооценки). Заметьте, что план факторного эксперимента включал Пол × Культуру × Дополнительные условия, при этом каждая ячейка включала 50 ситуаций. Билингвы перевели описания ситуаций японцами на английский язык, а описания американцев — на японский, отредактировав их в соответствии с потребностями адекватного кросс-культурного восприятия. На втором этапе 400 описаний ситуаций служили стимулами для других выборок японских (японцев из Японии и японцев, обучающихся в США) и американских студентов европейского происхождения. Испытуемым задавали следующие вопросы: а) повлияла бы данная ситуация на их самооценку; б) если да, то каким образом (повышение или понижение); и в) насколько данная ситуация могла бы повысить или понизить их самооценку. Степень, в которой ситуация могла повлиять на самооценку, определялась двумя способами. Путем перекрестного анализа для каждого испытуемого подсчитывалась доля ситуаций, отобранных из 50 предложенных, при этом был проведен также анализ, в ходе которого единицей анализа являлся отдельный испытуемый. Приведенные ниже данные получены в результате использования обоих методов.

По сравнению с японцами американцы отобрали большее количество ситуаций, связанных с их самооценкой. При этом наблюдалась склонность представителей каждой из культурных групп отбирать в первую очередь те ситуации, которые были составлены представителями их же культуры. То есть американцы в первую очередь обращались к описаниям ситуаций, составленным американцами, а не японцами, и наоборот. Кроме того, американцы оказывали предпочтение ситуациям позитивного характера, считая их более релевантными для их самооценки, чем негативные ситуации. Обе выборки японских студентов обнаружили противоположную склонность.

Китаяма с коллегами (Kitayama et al., 1997) исследовали, кроме того, оценку испытуемыми той степени, в которой описанные обстоятельства повышают или понижают их самооценку. Большинство американских испытуемых считали, что ситуация повышает их самооценку, безотносительно к ее характеру. Большинство японских студентов из Японии реагировали противоположным образом, считая, что во всех предложенных ситуациях их самооценка понизится. При этом японские студенты, обучающиеся в США, продемонстрировали склонность к самоутверждению в ситуациях, которые были описаны американцами, но одновременно с этим в ситуациях, описанных японцами, они оценивали себя критически. Кроме того, все испытуемые оценили ситуации, описанные американцами, как в большей степени способствующие самоутверждению и в меньшей степени вызывающие критическое самовосприятие, чем те ситуации, которые описали японцы. В целом полученные результаты говорят о том, что, в соответствии с теорией Китаямы и его коллег, культура предполагает наличие культуро-специфичных ситуаций, которые благоприятствуют определенным видам психологической деятельности. Понятно, что представители определенной культуры реагируют на ситуации, специфичные для их культуры, более остро, но и представители иной культуры могут реагировать на те же ситуации подобным образом. При этом если тот, кто принадлежит к одной культуре, усваивает нормы другой культуры, может иметь место бикультурная реакция, то есть индивид реагирует на нормы новой для него культуры как представитель этой культуры, сохраняя модели поведения, свойственные его родной культуре.

Дополнительные вопросы, связанные с исследованиями чувства собственного достоинства. В связи с вышеизложенным возникают еще два вопроса. Во-первых, самоуважение в сегодняшнем понимании, возможно, не является универсальным психологическим понятием, но представляет собой феномен, специфичный для современной культуры Северной Америки. Свидетельства тому можно найти в литературе о взаимосвязи между самоуважением и **субъективным благополучием**, которое представляет собой когнитивную оценку человеком своей жизни и аффективную реакцию на нее (жизнь) (обзор на эту тему см. Diener, 1984; Diener, Suh, Lucas & Smith, 1999). Хотя самоуважение и представляет собой значимый прогностический фактор субъективного благополучия в Северной Америке (A. Campbell, 1981), судя по всему, она не играет такой роли в других культурах. Кросс-культурные различия во взаимосвязи самоуважения и субъективного благополучия говорят о том, что понимание самоуважения может быть различным в разных культурах, если отношение человека к жизни (то есть субъективное благополучие) — это та отправная точка, от которой зависит осмысление прочих психологических понятий (эта посылка, однако, тоже спорная, поскольку субъективное благополучие обнаруживает корреляцию с уровнем индивидуализма: Diener, Diener & Diener, 1995).

Динер и Динер (Diener & Diener, 1995) провели опрос среди студентов университетов в 31 стране; уровень удовлетворенности жизнью в целом и, среди прочего, уровень удовлетворенности эго оценивались испытуемыми по 7-балльной шкале. Была определена корреляция между уровнем удовлетворенности самим собой и уровнем удовлетворенности жизнью раздельно для обоих полов в каждой из стран, с последующим преобразованием корреляции в значение *z*, которое было сопостав-

лено с уровнем индивидуализма в стране. Уровень корреляции по разным странам как для мужчин, так и для женщин был 0,53. Эти данные говорят о кросс-культурных различиях во взаимосвязи самоуважения и субъективного благополучия (в связи с этим см. работу Suh, Diener, Oishi & Triandis, 1998).

В ходе более поздней работы Кван, Бонд и Сингелис (Kwan, Bond & Singelis, 1997) исследовали взаимосвязь самоуважения по Розенбергу (Rosenberg, 1965) и гармонии взаимоотношений (степень, в которой индивид ищет гармоничных взаимоотношений со значимыми для него окружающими) с субъективным благополучием. Для оценки гармонии взаимоотношений каждого испытуемого просили составить список из пяти человек, отношения с которыми для него наиболее важные, и охарактеризовать отношения с каждым из перечисленных в списке с точки зрения гармонии. Используя метод моделирования структурных соотношений, они показали, что в США самоуважение оказывает большее влияние на субъективное благополучие по сравнению с гармонией взаимоотношений, однако в Гонконге эти два фактора имели почти одинаковое воздействие. Хотя это и достаточно основательный довод, тем не менее следует проверить, насколько то же самое верно в отношении других коллективистских культур.

Во-вторых, возможно, современная концепция самоуважения слишком узкая. Тафароди и Сванн (Tafarodi & Swann, 1995) предложили два отдельных параметра для определения самоуважения — самоэффективность (*self-competence*) и приязнь к себе (*self-liking*). Самоэффективность является результатом успешных манипуляций в ходе взаимодействия с окружением и отражает восприятие себя как умелого, успешного и владеющего ситуацией. Приязнь к себе определяется уровнем социального признания и одобрения и отражает общее восприятие себя как получившего признание со стороны абстрактно-обобщенного ближнего или как соответствующего собственным ценностным ориентациям. Тафароди и Сванн показали, что их инструмент, Шкала для определения приязни к себе/самоэффективности, оценивает два коррелирующих, однако отдельных фактора. Кроме того, они установили определенную дискриминантную валидность приязни к себе и самоэффективности, продемонстрировав дифференциальную взаимосвязь показателей данной шкалы с оценкой индивидом своих способностей и его воспоминаниями о том, как с ним обращались родители. Речь идет о том, что приязнь к себе имеет более выраженную корреляцию с отношением родителей, чем с оценкой своих способностей; при этом самоэффективность имеет более явную корреляцию с оценкой своих способностей, чем с отношением родителей.

Тафароди с коллегами (Tafarodi, Lang & Smith, 1999; Tafarodi & Swann, 1996) предположили, что в разных культурах приязнь к себе и самоэффективность меняются местами. То есть в индивидуалистических культурах индивид может оказывать предпочтение самоэффективности в ущерб гармонии межличностных отношений со значимыми окружающими, поскольку личный контроль окружения представляется более важным; однако в коллективистских культурах акцент может стоять на приязни к себе, тогда как сравнительное значение самоэффективности снижается. В соответствии с этой логикой Тафароди и Сванн показали, что уровень самоэффективности оказался выше в индивидуалистической культуре (США), чем в коллективистской (материковый Китай), а приязнь к себе — выше,

чем в коллективистской культуре, чем в индивидуалистической культуре. Оценка без статистического контроля показала, уровень самоэффективности и приязни к себе у американцев выше, чем у китайцев.

Тафароди и соавторы (Tafarodi, Lang & Smith, 1999) продолжили проверку своей гипотезы, сравнив личностный уровень индивидуализма–коллективизма у британских и малазийских студентов (INDCOL, Hui, 1988). Их данные не только подтвердили гипотезу о том, что в разных культурах приязнь к себе и самоэффективность меняются местами, но свидетельствовали о том, что данные культурные различия становятся несущественными при условии статистического контроля данных *INDCOL*. Это говорит о том, что различия в приязни к себе и самоэффективности можно объяснить личностным уровнем индивидуализма–коллективизма.

Несмотря на то что весьма тесная связь приязни к себе и самоэффективности вызывает некоторые сомнения в адекватности Шкалы для определения приязни к себе/самоэффективности в качестве инструмента, теоретическое обоснование разграничения между приязнью к себе и самоэффективностью представляется весьма любопытным. Более того, эта шкала позволяет получить теоретически прогнозируемые данные после устранения пересекающихся вариаций. И, наконец, Тафароди (Tafarodi, 1998) представил доказательства возможности разграничения приязни к себе и самоэффективности не только в ходе выполнения письменных тестов, но также в связи с оценкой обработки социальной информации. Продолжение исследования таких составляющих самоуважения, как приязнь к себе и самоэффективность, имеет самые серьезные основания. В частности, весьма насущной проблемой, требующей изучения, представляется взаимосвязь между приязнью к себе/самоэффективностью, независимой и взаимозависимой Я-конструкцией, гармонией взаимоотношений и субъективным благополучием.

Взаимоотношения как объект восприятия

Отмечая, что традиционные исследования социальной когнитивной деятельности не обращались к вопросу о том, как происходит осмысление людьми взаимоотношений между ними, А. П. Фиске (A. P. Fiske, 1991, 1992) ликвидирует этот пробел, выдвигая смелую и изящную теорию социальных взаимоотношений, определяющую модели взаимоотношений и при этом учитывающую фактор культуры. Согласно А. П. Фиске, люди строят свои взаимоотношения, исходя из четырех элементарных и универсальных форм социальности: коммунального распределения (*communal sharing*), оценки уровня полномочий (*authority ranking*), выявлении равенства (*equality matching*), определения рыночной цены (*market pricing*). При **коммунальном распределении** люди рассматривают друг друга как взаимозаменяемые элементы в наборе, при этом отличительные особенности индивида игнорируются. **Оценка уровня полномочий** характеризует взаимоотношения, при которых индивиды ранжируются в соответствии с линейной иерархией. **Выявление равенства** предполагает соразмерный обмен ресурсами между участниками взаимоотношений. При **определении рыночной цены** обмен ресурсами осуществляется на рынке. Эти четыре типа взаимоотношений имеют одинаковую формальную структуру как четыре типа измерений. Коммунальное распределение выражается номинальной шкалой, оценка уровня полномочий — ординальной шкалой, выявление равенства — интервальной шкалой, а определение рыночной цены — шкалой отношений.

Каждому из четырех типов взаимоотношений соответствует определенная ментальная схема. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что эти схемы представляют собой отдельные категориальные представления (Haslam, 1994a, 1994b) и играют роль организующих принципов при запоминании (Haslam & Fiske, 1992). В частности, А. П. Фиске, Хаслам и С. Фиске (A. P. Fiske, Haslam & S. Fiske, 1991) показали, что студенты и взрослые из Северной Америки часто путают людей, с которыми они имеют однотипные взаимоотношения, не путая между собой тех, с кем имеют разнотипные отношения. Так, они могут назвать человека не тем именем, перепутать его с кем-то другим или ошибочно адресовать свои действия другому человеку, если отношения с этим человеком носят тот же характер, что с тем, кто является подлинным объектом. В 1997 году А. П. Фиске и Хаслам (A. P. Fiske & Haslam, 1997) также продемонстрировали, что в Северной Америке, если обстоятельства мешают индивиду совершить определенные действия по отношению к другому человеку, он часто намеренно подменяет объект другим человеком, с которым имеет однотипные отношения.

Свидетельства универсальности четырех моделей взаимоотношений были представлены А. П. Фиске. Прежде всего он проследил четыре названных типа взаимоотношений в ходе полевых наблюдений культуры моос (A. P. Fiske, 1990). Его обзор (A. P. Fiske, 1991, 1992) показывает, что очень многие теоретики общественных наук в прошлом постулировали подобные концепции в различных сферах социальной деятельности. В 1993 году А. П. Фиске воспроизвел данные, касающиеся смешения имен, воспоминаний и действий, которые были получены им и его коллегами в 1991 году в моноязычной группе бенгальцев, проживающих в Нью-Йорке, группе говорящих по-китайски китайцев из Филадельфии, группе пожилых корейцев из Филадельфии, и группе недавно прибывших иммигрантов ваи в Вашингтоне, Колумбия. Судя по всему, эта теория находит больше подтверждений в различных культурах, чем большая часть остальных социально-психологических теорий.

А. П. Фиске утверждает, что четыре перечисленные формы социальности представляют собой универсальные, возможно, закодированные на генетическом уровне структуры представлений. Это базисные, простейшие в концептуальном отношении элементы, которые могут сочетаться в рамках определенных культурных норм, формируя специфическую культурную практику. Культуры могут различаться контекстом (в котором данные типы взаимоотношений находят себе применение), способом их выражения и т. п. При этом понимание людьми своей деятельности, мотивация и нормативные обязательства, которые побуждают их к действию, осуществляются в соответствии с этими четырьмя типами взаимоотношений во всех культурах. Эти достаточно смелые заявления созвучны представлениям о культуре Джекендоффа (Jackendoff, 1992) и Вежбицкой (Wierzbicka, 1992). Фиске положил начало новаторскому и продуктивному направлению исследований.

В то время как исследования самоуважения бурно развивались, лишь Эндо, Хайне и Леман (Endo, Heine & Lehman, 2000) провели кросс-культурное исследование уровня ценностной значимости отношений для человека. Студенты из Японии и канадские студенты азиатского и европейского происхождения оценивали, насколько близкими являются их отношения с окружающими (лучшим другом, близким родственником и сексуальным партнером) по сравнению со среднестати-

стическими студентами того же университета одного с испытуемым пола. В ходе двух исследований представления испытуемых о своих отношениях во всех группах свидетельствовали о предрасположенности к оптимизму: все оценивали свои отношения как более глубокие и в большей мере позволяющие рассчитывать на поддержку, чем отношения среднего студента. В ходе исследования 2 японские испытуемые продемонстрировали склонность к самоуничижению, переоценивая в то же самое время качество своих отношений с окружающими. Это говорит о различии между самоутверждением и завышенной оценкой качества своих отношений. Разумеется, тема кросс-культурных различий в понимании межличностных отношений требует дальнейшего исследования.

Группа как объект восприятия

Различные концепции группы исследовались в рамках изучения стереотипов в социальной когнитивной деятельности. Классическое исследование Каца и Брэйли (Katz & Braly, 1933), посвященное восприятию студентами американских университетов различных этнических групп в США, признано первым исследованием такого рода. С тех пор популярность этого направления исследований сначала несколько «увяла», упав в Северной Америке до предела в 1960-е и 1970-е годы (ср. Hamilton & Gifford, 1976), а затем эта тема возникла вновь как одна из центральных в 1980-е и 1990-е годы (последние обзоры по этому направлению см. в работах Hamilton & Sherman, 1996; Hilton & von Hippel, 1996; Oakes, Turner & Haslam, 1994; Y. Kashima, Woolcock & Kashima, 2000).

Позитивная оценка мы-группы

Большинство современных кросс-культурных исследований, касающихся концепций группы, берут за основу гипотезу, предполагающую, что однозначно-позитивное восприятие мы-группы шире распространено в коллективистских культурах, чем в культурах индивидуалистических (например, Triandis, 1989). Эта гипотеза предполагает два типа предрасположенности, которые в большей степени свойственны представителям коллективистских культур по сравнению с теми, кто принадлежит к индивидуалистическим культурам: преувеличение возможностей мы-группы и заниженная оценка они-группы. То есть, оперируя позитивными параметрами, индивид дает более высокую оценку «своей» группе, чем «чужой», а оперируя негативными параметрами, оценивает «свою» группу менее негативно, чем «чужую». В этом разделе рассматриваются исследования, изучающие оценку, которая дается члену мы-группы и члену они-группы, а также исследования, которые посвящены оценкам мы-группы и они-группы как единого целого.

Нельзя сказать, что гипотеза переоценки коллективизмом мы-группы получила однозначное подтверждение. Хьюстон и Уорд (Hewstone & Ward, 1985) исследовали китайских и малайских студентов в Малайзии (где малайцы составляют большинство) и Сингапуре (где большинство составляют китайцы). В обеих странах малайские студенты объясняли позитивные действия члена мы-группы внутренними факторами чаще, чем аналогичные позитивные действия члена они-группы. При этом установки китайских студентов носили иной характер как в Малайзии, так и в Сингапуре. Принимая во внимание то обстоятельство, что уровень коллективизма китайцев и малайцев почти одинаков, — Хофстеде (Hofstede,

1991) считает, что уровень коллективизма в Сингапуре выше, чем в Малайзии, — данные Хьюстона и Уорда не являются безоговорочным подтверждением данной гипотезы.

Занимаясь непосредственной проверкой этой гипотезы, Аль-Захрани и Капловиц (Al-Zahrani & Kaplowitz, 1993) изучали склонность жителей Саудовской Аравии и американцев к переоценке самих себя, завышенной оценке своих близких и своей нации, наряду со склонностью недооценивать «чужую» группу на национальном уровне. Хотя, по оценке Триандиса с коллегами (Triandis, Bontempo, Villarreal, Asai & Lucca, 1988), уровень коллективизма у саудовцев выше, чем у американцев, исследователи не выявили культурных различий в отношении предрасположенности к завышенной самооценке, обнаружив при этом большую склонность американцев переоценивать свою семью и свой народ. Судя по всему, американцы в целом обычно дают завышенную оценку себе и своей мы-группе. При этом склонность к недооценке они-группы была выражена у жителей Саудовской Аравии сильнее, чем у американцев. Объединив установку на переоценку мы-группы с установкой на недооценку они-группы, авторы выявили более высокий уровень предрасположенности межгруппового характера у жителей Саудовской Аравии, чем у американцев, в отношении межгрупповых отношений на национальном уровне.

Хайне и Леман (Heine & Lehman, 1997) продемонстрировали в ходе проведенного ими исследования, что, вопреки представленной гипотезе, японские студенты обнаруживают менее выраженную склонность к переоценке мы-группы, чем канадские студенты европейского происхождения, чья склонность к однозначно-позитивной оценке мы-группы носит более устойчивый характер. В ходе исследования 2 студенты из двух конкурирующих университетов в Киото и Ванкувере оценивали собственный университет, конкурирующий университет и студентов, которые обучаются в этих университетах. В обоих случаях склонность японцев переоценивать «свою» группу была менее выражена, чем у их европейско-канадских сверстников, при этом группа канадских студентов азиатского происхождения заняла промежуточное положение. Однако в ходе этого исследования использовались лишь позитивные характеристики, то есть тенденция недооценивать «чужую» группу не рассматривалась.

Существует несколько подходов к гипотезе коллективистской переоценки мы-группы. Подход с точки зрения **индивидуальных различий** предполагает, что тот, кто является коллективистом на личностном уровне (аллоцентрик), оказывает предпочтение мы-группе. Ойзерман (Oyserman, 1993), исследуя четыре выборки, обнаружила, что коллективизм на личностном уровне (для его определения она использовала собственные критерии) израильтян-евреев и израильтян-арабов был надежным прогностическим фактором субъективной оценки глубины арабо-израильского конфликта. Впрочем, это исследование не ставило своей целью непосредственную проверку гипотезы переоценки коллективистами мы-группы. Более непосредственное отношение к данной гипотезе имеет работа Л. Ли и Уорда (L. Lee & Ward, 1998), которые показали, что китайские и малайские студенты, уровень коллективизма которых соответствовал верхней трети шкалы для его оценки, разработанной в Сингапуре, обнаружили предрасположенность, связанную с переоценкой мы-группы. Те, чьи показатели коллективизма соответствовали нижней трети шкалы, не обнаружили межгрупповой предубежденности. Поскольку установки испы-

туемых оценивались с помощью биполярного позитивно-негативного параметра, определить отдельно недооценку «чужой» группы не представляется возможным.

Второй подход — это **теория социальной идентичности**, которая предполагает, что взаимосвязь между коллективизмом и предрасположенностью, связанной с завышенной оценкой мы-группы или недооценкой они-группы, может быть более сложной. Хинкл и Браун (Hinkle & Brown, 1990; Brown et al., 1992) считают, что предрасположенность, связанная с переоценкой мы-группы, предполагает не только высокий уровень коллективизма, но и ориентацию на отношения (как оппозиция ориентации на независимость). Ориентация на отношения предполагает стремление индивида сравнивать «свою» группу с «чужими» группами. В ходе трех исследований Браун и соавторы (Brown et al., 1992) показали, что корреляция между идентификацией мы-группы и предпочтениями по отношению к ней выше у тех, кто имеет более выраженную коллективистскую ориентацию. Однако Педерсен и Уолкер (Pedersen & Walker, 1997) приводят не согласующиеся с этим тезисом данные о предвзятом отношении австралийцев европейского происхождения к австралийским аборигенам. Если эта предрасположенность может расцениваться как заниженная оценка они-группы, то данные исследования говорят о том, что в рамках модели Хинкла—Брауна возможно объяснение переоценки мы-группы, но не недооценка они-группы.

Наконец, с точки зрения теории самокатегоризации (Turner, Hogg, Oakes, Reicher & Wetherell, 1987), отождествление индивида с определенной группой может быть недостаточным для того, чтобы вызвать переоценку «своей» группы и недооценку «чужой». Идентификация себя с группой ведет к таким последствиям лишь тогда, когда нормы мы-группы индивида требуют, чтобы значение мы-группы преувеличивалось, а значение они-группы — умалялось. Если это так, связь между коллективизмом и переоценкой мы-группы может зависеть от таких факторов, как нормы мы-группы и характер отдельных взаимосвязей между группами. Безусловно, такие альтернативные точки зрения нуждаются в дальнейшем исследовании.

Восприятие группы как агента

В последнее время исследователи начали уделять внимание культурным различиям в концепциях группы. Серия новаторских исследований (Menon, Morris, Chiu & Hong, 1999) показала, что жители Восточной Азии чаще, чем американцы, воспринимают группу как субъект деятельности. Пилотное исследование показало, что и американцы, и жители Сингапура отмечают концептуальные различия между личными диспозициональными, групповыми диспозициональными и контекстуальными причинами. В ходе исследования 1 изучалось, как скандалы, связанные с действиями мошенников-торговцев (две истории имели место на Западе, а две — произошли в Японии), освещаются в прессе США и Японии. Во всех случаях японские газеты упоминали организацию, на которую работали торговцы, чаще, чем личность самого торговца, а газеты США уделяли первоочередное внимание личности самого мошенника и лишь потом — организации, к которой он имел отношение. В процессе исследования 2 изучалась реакция студентов из Гонконга и США на описание случая, в котором поведение члена группы привело к негативным для группы последствиям. Студенты из Гонконга чаще, чем американцы,

объясняли происшедшее установками, присущими группе. В ходе исследования 3 изучалась реакция студентов из Гонконга и США на три случая, в которых действия индивида или группы вызвали негативные последствия. Американцы чаще объясняли происшедшее внутренними установками личностного характера, а не установками, присущими группе, гонконгские студенты чуть чаще обращались при объяснении к установкам группы, чем к установкам личностного характера. На роль обстоятельств американцы чаще ссылались, объясняя действия группы, чем при объяснении действий индивида; гонконгские же студенты считали роль обстоятельств одинаково значимой и для действий индивида, и для действий группы, в целом придавая ситуационному фактору большее значение, чем американцы.

Чиу, Моррис, Хонг и Менон (Chiu, Morris, Hong & Menon, 2000) провели также исследование диспозициональных атрибуций индивиду или группе как субъектам действия в связи с событиями негативного характера. На этот раз они оценивали (исследование 1) или манипулировали (исследование 2) необходимостью завершенности (*closure*) (Kruglanski & Webster, 1996), то есть эпистемической потребностью в точном знании, имеющей два аспекта: стремление достичь завершенности как можно скорее и сохранить ее как можно дольше. Чиу с коллегами предположили, что взгляды культуры на то, является ли субъектом деятельности индивид или группа, представляют собой доступную для выявления когнитивную структуру, которая, судя по всему, оказывает влияние на атрибуции при наличии настоятельной потребности в завершенности. В общем, согласно исходной гипотезе, люди, испытывая настоятельную потребность в завершенности, выносят суждения в соответствии с присущими культуре взглядами. Очевидно, китайской культуре присущ подход, при котором группа рассматривается как субъект деятельности чаще, чем в американской культуре.

Триандис с коллегами (Triandis, McCusker & Hui, 1990) приводят данные, которые можно интерпретировать в соответствии с теоретическими рассуждениями Чиу (Chiu et al., 2000). Триандис высказывает предположение, что представители коллективистской культуры рассматривают собственные мы-группы как более однородные образования, чем они-группы, вопреки выявленной в Северной Америке и Европе модели восприятия «чужой» группы как однородного образования (обзор см. в работе Ostrom & Sedikides, 1992). Они просили университетских студентов разных национальностей на Гавайях и студентов в Иллинойсе и Пекине оценить психологическую дистанцию (1 = максимально подобен или близок мне, 9 = максимально отличен или далек от меня) и уровень однородности (0 = отсутствие единого мнения в отношении того, что нужно делать, 9 = чрезвычайно высокий уровень единодушия) в различных группах. Заметьте, что использованные критерии оценки однородности довольно сильно отличаются от обычных критериев оценки этого параметра. Исследователи обнаружили, что жители Гавайев европейского происхождения и студенты из Иллинойса считали уровень однородности более высоким в мы-группе, тогда как китайцы, филиппинцы, студенты из Пекина и гавайские студенты японского происхождения полагали, что более однородны они-группы. Возможно, группы, которые воспринимаются как субъект деятельности в Китае и, вероятно, в Восточной Азии, воспринимаются при этом как более однородные (см. также Abelson, Dasgupta, Park & Banaji, 1998).

Направления будущих исследований

Проблемы эмпирических исследований

Судя по всему, две темы, которые сегодня являются центральными при исследовании культуры и социальной когнитивной деятельности, останутся на повестке дня в ближайшем будущем: это интерпретация социальной деятельности и сохранение самоуважения, однако при этом возникают и другие вопросы.

Интерпретация социальной деятельности

Антропологический подход Герца (Geertz, 1984) к сложившимся в западной культуре концепциям личности в конце концов был вытеснен исследованиями социальной когнитивной деятельности. Жителям Северной Америки в большей степени свойственно воспринимать личность — как собственную, так и чужую — как агента, действующего исходя из присущих ему склонностей и установок. Как сложился такой подход? Какие когнитивные процессы в нем задействованы? Здесь может быть полезной несложная схема интерпретации. Предположим, индивид воспринимает действия другого индивида по отношению к некоторому объекту, которые осуществляются в определенном контексте. *A priori* есть несколько подходов к концептуализации и символической репрезентации данного опыта. Один из них — **аналитическая стратегия**, при которой наблюдатель анализирует воспринимаемое, вычленяя отдельные понятия, а затем объединяет данные понятия в группу. То есть по мере вычленения новых понятий, они добавляются к уже аналитически выделенным из данного опыта. В рамках такой стратегии существуют две возможности. В случае применения **аналитической стратегии с приоритетной ориентацией на личность** субъект восприятия сначала выделяет личностную составляющую, затем действие, объект и составляющие, связанные с контекстом, а затем группирует их следующим образом «личность воздействует на данный объект в данном контексте». Применение **стратегии приоритетного анализа контекста** сначала вычленяется контекст и лишь потом другие составляющие, которые присоединяются к контексту по мере их вычленения.

Судя по всему, наблюдатели из Северной Америки чаще всего используют аналитическую стратегию с приоритетной ориентацией на личность. Читая отрывок, который описывает какую-либо социальную деятельность индивида, североамериканцы часто спонтанно относят действие к категории личностных характеристик данного индивида (Uleman & Moskowitz, 1994; Winter & Uleman, 1984; Winter, Uleman & Cunniff, 1985; ср. Bassili & Smith, 1986; Carlston & Skowronski, 1994, 1995; обзор см. в работе Uleman, Newman & Moskowitz, 1996). Исследования, которые посвящены различным видам предрасположенности к аналогии (Gilbert & Malone, 1995), позволяют увидеть, что североамериканцы как субъекты восприятия принимают во внимание контекстуальную информацию лишь после достаточно продолжительных и напряженных предварительных размышлений (Gilbert, Pelham & Krull, 1988). Иными словами, это говорит о том, что сначала кодируется информация, связанная с личностными особенностями и установками, и лишь потом происходит обращение к информации, касающейся контекста. Некоторые современ-

ные теории объясняют это автоматизмом когнитивных процессов. Они, в частности, предполагают, что диспозициональные умозаключения требуют меньшего объема когнитивных ресурсов, чем корректировка вынесенного суждения с учетом информации о контексте. Однако интересно отметить, что жители Северной Америки, судя по всему, используют стратегию приоритетного анализа контекста, когда им предлагается вынести суждение о ситуации, в которой осуществляется деятельность (например, Krull & Ericson, 1995). В целом испытуемые из Северной Америки, судя по всему, используют аналитическую стратегию: сначала аналитически вычленяется информация, связанная с тем, что представляется узловым моментом (чаще всего в центре внимания оказывается личность), а затем осуществляется вычленение прочих составляющих (например, информации о контексте).

Существующие данные по населению Восточной Азии обладают меньшей определенностью. Одна из гипотез предполагает, что между жителями Восточной Азии и Северной Америки нет фундаментальных различий, связанных с процессом атрибуции (например, Krull et al., 1999). По существу, обе культурные группы применяют одну и ту же аналитическую стратегию. Жители Восточной Азии могут пользоваться аналитической стратегией с приоритетной ориентацией на личность, но, видимо, чаще вносят в нее свои коррективы с учетом контекстуальной информации и при этом, очевидно, чаще, чем североамериканцы, используют стратегию с приоритетным анализом контекста. Вторая гипотеза предполагает, что как североамериканцы, так и жители Восточной Азии обрабатывают информацию в ходе одинаковых аналитических процессов, но из-за различий в установках культуры жители Восточной Азии в большей степени склонны к аналитическому вычленению релевантной информации, касающейся группы, а не личности (Chiu et al., *в печати*; Menon et al., 1999). При таком подходе сохраняется аналитическое разграничение между личностью и ситуацией (Menon et al., 1999), которое предполагают теории атрибуции, разработанные в Северной Америке. При этом локализация агента, как сказано, воспринимается по-разному. В соответствии с третьей гипотезой предполагается, что обработка информации о личности, которая оказывает воздействие на объект в определенном контексте, жителями Восточной Азии осуществляется хотя и не явно, но фундаментально иным образом. Вероятно, речь идет о более холистическом подходе к обработке информации, при котором как информация, касающаяся личности, так и информация о контексте диалектически осмысляются как взаимно составляющие друг друга (например, Peng & Nisbett, 1999). По словам Чоя, Нисбетта и Норензаяна (Choi, Nisbett & Norenzayan, 1999), «возможно, жители Восточной Азии имеют более холистическое представление о личности, в соответствии с которым граница между личностью и ситуацией едва ли определима, а значит, допускается их взаимопроникновение» (р. 57). Достоверность этих гипотез, как и других, предстоит проверить в будущем. Возможно, еще более важными являются исследования того, как интерпретируется социальная деятельность в процессе коммуникации. В 1990 году Хилтон (D. J. Hilton, 1990) убедительно доказал, что интерпретация по своей сути носит коммуникативный характер, то есть объяснение любого события предполагает наличие аудитории.

Самооценка

Очевидно, что в Северной Америке существует устойчивое стремление индивида к поддержанию позитивной самооценки; если его самоуважение под угрозой, индивид при помощи различных стратегий стремится восстановить его. Однако попрежнему остается непонятным отношение к самоуважению в Восточной Азии, в связи с чем было выдвинуто несколько предположений. Одним из них является гипотеза поставленной культурой цели. Самооценка становится более позитивной, когда индивид успешно справляется с задачей, предписываемой нормами культуры. При этом разные целевые установки могут иметь в разных культурах различный уровень значимости. Однако в соответствии с этой гипотезой самоуважение должно иметь положительную корреляцию с независимой Я-конструкцией в индивидуалистических культурах, и одновременно положительную корреляцию с взаимозависимой Я-конструкцией в коллективистских культурах. Хайне и соавторы (Heine et al., 1999) считают такую точку зрения несостоятельной, поскольку шкала Розенберга для определения самооценки дает положительную корреляцию показателей с независимой Я-конструкцией безотносительно к культуре, и отрицательную корреляцию или отсутствие корреляции с взаимозависимой Я-конструкцией.

И все же нельзя полностью исключить обоснованность этой гипотезы, поскольку существуют доводы в пользу того, что самоуважение включает две отдельные составляющие: приязнь к себе и самоэффективность (Tafarodi & Swann, 1995). На самом деле может оказаться, что приязнь к себе связана с взаимозависимой Я-конструкцией, тогда как самоэффективность связана с независимой Я-конструкцией. Шкала определения самооценки Розенберга (Rosenberg, 1965), возможно, отражает в первую очередь самоэффективность, нежели приязнь к себе (ср. Tafarodi & Swann, 1995), и, может быть, именно поэтому ее показатели обнаруживают связь с независимой Я-конструкцией. В соответствии с гипотезой поставленной культурой цели, приязнь к себе отражает состоятельность индивида в связи с поддержанием межличностных взаимоотношений, в то время как самоэффективность показывае, насколько успешен индивид в выполнении задач несоциального характера. Однако в таком случае самоуважение практически распадается на два отдельных параметра. Должны ли мы продолжать относить оба параметра к одной и той же категории? Существует ли метатеоретический принцип, позволяющий решить, относятся ли данные концепции к одной категории?

Существует и другая гипотеза, смысл которой в том, что жители Восточной Азии, возможно, испытывают потребность в позитивной коллективной или относительной самооценке, не имея в то же время настоятельной потребности в позитивной индивидуальной самооценке. Хайне и соавторы (Heine et al., 1999) считают, что этой гипотезе противоречат данные о том, что японцы не обнаруживают явного стремления к поддержанию позитивной оценки мы-группы (например, Heine & Lehman, 1995). Имеют ли в таком случае жители Восточной Азии потребность в позитивной относительной самооценке? Исследование Эндо с коллегами (Endo et al., 2000) говорит о том, что у японцев эта потребность не менее насущна, чем у жителей Северной Америки. Как можно увязать это с концепцией самоуважения, предложенной Тафароди и Сванном (Tafarodi & Swann, 1995)? Эти и другие вопросы еще предстоит решить в будущем.

Прочие проблемы

Одной из недавно появившихся тем является вопрос о культуре и народной психологии (например, D'Andrade, 1987; Y. Kashima, McIntyre & Clifford, 1998; Lillard, 1998; Malle & Knobe, 1997). Народная психология представляет собой распространенные наивные представления о работе сознания. Вопросы, которые стоят перед исследователями в этой области, следующие: Имеют ли существующие в сознании народа психологические представления, связанные с верованиями, желаниями и намерениями, универсальный характер? Являются ли универсальными народные представления об их взаимосвязи? Разделяется ли наивный дуализм Запада (представление о том, что душа и тело — отдельные сущности) другими культурами? Оказывают ли влияние психологические представления народа на психопатологию и иные психологические проблем? Эта область изобилует нехожеными тропами, которые ждут своих первопроходцев.

Важно также проверить, являются ли теории, применимые в одной коллективистской культуре, к другим коллективистским культурам. Хотя между ними и наблюдается сходство, непонятно, свойственны ли всем коллективистским культурам одни и те же модели когнитивных процессов. Так, не исключено, что между коллективизмом Латинской Америки и коллективизмом Восточной Азии имеются существенные различия. Й. Кашима (Y. Kashima, 1998), по сути, доказал, что имеет смысл рассматривать коллективизм как отсутствие индивидуализма, то есть как различные культурные паттерны, если они не индивидуалистические. Стоит обратить более пристальное внимание на такую плюралистическую концепцию культуры.

Теоретическая проблема: социальное познание культурной динамики

Первым исследованиям социальной когнитивной деятельности было свойственно индивидуалистическое понимание значения, в соответствии с которым значение интерпретировалось исключительно с точки зрения его существования в сознании отдельной личности. Современные исследования культуры и социальной когнитивной деятельности придерживаются той же традиции. Центральным моментом культурной динамики, напротив, является представление о том, что значения непрерывно формируются не только в сознании отдельной личности, но и в процессе текущей когнитивной деятельности, предполагающей взаимодействие между людьми. К главным задачам будущего относится разработка теоретической схемы, которая объединит когнитивные и коммуникативные процессы.

Хотя существует множество моделей межличностной коммуникации (Krauss & Fussell, 1996), наиболее подходящей является та, которую Краусс и Фуссел определили как **диалогическую модель** коммуникации, вслед за М. М. Бахтиным (Bakhtin, 1981), русским философом и литературоведом. С точки зрения этого подхода, моделирование коммуникативных процессов непосредственно следует за беседой (см. также Mead, 1934). Как отмечают Краусс и Фуссел, важный момент, который учитывается этой моделью, состоит в том, что движущая сила и цель коммуникации понимается здесь как достижение общности субъективного восприятия участниками процесса коммуникации, совместное формирование общих пред-

ставлений о мире и самих себе (см. также Rommetveit, 1974). Кларк с коллегами (Clark & Brennan, 1991; Clark & Shaefer, 1989; Clark & Wilkes-Gibbs, 1986) предложили модель коммуникации, которая требует дальнейшей разработки.

В 1999 году Й. Кашима и Кашима (Y. Kashima & Kashima; см. также D'Andrade, 1995; Strauss & Quinn, 1997) предположили, что более полно, по сравнению с традиционными моделями когнитивной деятельности, учесть когнитивную сторону культурной динамики могут помочь коннекторные модели когнитивной деятельности. Коннекторные модели базируются скорее на параллели между сознанием и разумом, нежели на параллели сознания и компьютера (см. Rumelhart, McClelland & the PDP Research Group, 1986; последние обзоры в этой области см. в работах Read, Vanman & Miller, 1996; E. R. Smith, 1996). Они предполагают, что адекватные теории когнитивной деятельности должны объяснять восприятие контекста в процессе научения, поскольку культура усваивается в процессе повседневной деятельности в конкретном контексте, позволяя индивиду реконструировать аналогичный тип деятельности в условиях аналогичного контекста без постоянного механического воспроизведения однотипных реакций. При этом индивид может продуцировать новые виды деятельности в новых для него обстоятельствах («регламентированная импровизация», как назвал это Бордо (Bourdieu, 1977), поскольку культурная динамика всегда предполагает наличие креативности как источника изменений в рамках данной культуры.

В более общем плане Й. Кашима и его коллеги (Y. Kashima & Kerekesh, 1994; Y. Kashima et al., 2000; Y. Kashima, Woolcock & King, 1998) разработали модели динамических процессов в области социальной когнитивной деятельности, которые реализуются в ходе формирования и изменения впечатления, производимого человекам или группой, и учитываются коннекторной схемой. Они полагают, что восприятие человеком своего социального окружения изменяется в ответ на информацию, которую он получает. Модели подобного рода использовались для интерпретации процесса формирования стереотипов (Kunda & Thagard, 1996; E. R. Smith & DeCoster, 1998), каузальной атрибуции (Read & Marcus-Newhall, 1993; Van Overwalle, 1998) и предрасположенности при вынесении суждений (Fielder, 1996). Взаимодействие коммуникативных и когнитивных процессов нуждается в дальнейшем исследовании.

Заключительные замечания

Необходимо более глубокое проникновение в суть динамического процесса, в ходе которого социальные, культурные и психологические процессы, взаимодействуя между собой, продуцируют меняющуюся с течением времени культуру. Кашима (Kashima, 2000c) заметил, что социальная психология культурной динамики Бартлетта (Bartlett, 1923, 1932, 1958) стоит того, чтобы возродить ее вновь (как и работы таких теоретиков, как Леви-Брюль [Levy-Bruhl, 1923] и Мид [Mead, 1934]). Так, Кашима (Kashima, 2000b) использовал метод серийного воспроизведения Бартлетта (Bartlett, 1932), при котором один и тот же рассказ передается от одного человека к другому по цепочке с целью изучения процесса сохранения культурных стереотипов. Важно отметить, что многие из развивавшихся доныне идей были связаны с сохранением и воспроизведением культуры, то есть с тем, как определен-

ная культурная модель сохраняется на протяжении длительного периода времени. Другая сторона культурной динамики (а именно — изменчивость культуры) представляет собой намного более важный вопрос, требующий самого пристального внимания в ходе будущих исследований (см., например, Dawkins, 1976; Sperber, 1996).

Литература

Abelson, R. P., Dasgupta, N., Park, J. & Banaji, M. R. (1998). Perceptions of the collective other. *Personality and Social Psychology Review, 2,* 243–250.

Al-Zahrani, S. S. A. & Kaplowitz, S. A. (1993). Attributional biases in individualistic and collectivistic cultures: A comparison of Americans with Saudis. *Social Psychology Quarterly, 56,* 223–233.

Amir, Y. & Sharon, I. (1987). Are social psychology's laws cross-culturally valid? *Journal of Cross-Cultural Psychology, 18,* 383–470.

Bakhtin, M. M. (1981). *The dialogic imagination.* Austin: University of Texas Press.

Bargh, J. A. (1996). Automaticity in social psychology. In E. T. Higgins and A. W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 169–183). New York: Guilford.

Bargh, J. A., Bond, R. N. Lombardi, W. J. & Tola, M. E. (1986). The additive nature of chronic and temporary sources of construct accessibility. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 869–878.

Bartlett, F. C. (1923). *Psychology and primitive culture.* Cambridge University Press.

Bartlett, F. C. (1932). *Remembering: A study in experimental and social psychology.* Cambridge: Cambridge University Press.

Bartlett, F. C. (1958). *Thinking: An experimental and social study.* New York: Basic Books.

Bassili, J. N. & Smith, M. C. (1986). On the spontaneity of trait attributions: Converging evidence for the role of cognitive strategy. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 239–246.

Bern, S. L. (1982). Gender schema theory and self-schema theory compared: A comment on Markus, Crane, Bernstein, and Siladi's «Self-schemas and gender.» *Journal of Personality and Social Psychology, 43,* 1192–1194.

Bochner, S. (1984). Cross-cultural differences in the self-concept: A test of Hofstede's individualism-collectivism distinction. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 25,* 273–283.

Boesch, E. E. (1991). *Symbolic action theory and cultural psychology.* New York: Springer.

Bond, M. H. (Ed.). (1988). *Cross-cultural challenge to social psychology.* Newbury Park, CA: Sage.

Bond, M. H. & Cheung, T.-S. (1983). College students' spontaneous self concept: The effect of culture among respondents in Hong Kong, Japan, and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 14,* 153–171.

Bourdieu, P. (1977). *Outline of a theory of practice* (R. Nice, Trans.). Cambridge: Cambridge University Press.

Brewer, M. B. & Gardner, W. (1996). Who is this «we»? Levels of collective identity and self representations. *Journal of Personality and Social Psychology, 71,* 83–93.

Brown, R., Hinkle, S., Ely, P. G., Fox-Cardamone, L., Maras, P. & Taylor, L. A. (1992). Recognizing group diversity: Individualist-collectivist and autonomous-relational social orientations and their implications for intergroup processes. *British Journal of Social Psychology, 31,* 327–342.

Bruner, J. (1990). *Acts of meaning.* Cambridge: Harvard University Press.

Campbell, A. (1981). *The sense of well-being in America: Recent patterns and trends.* New York: McGraw-Hill.

Campbell, J. D., Trapnell, P. D., Heine, S. J., Katz, I. M., Lavallee, L. F. & Lehman, D. R. (1996). Self-concept clarity: Measurement, personality correlates, and cultural boundaries. *Journal of Personality and Social Psychology, 70,* 141–156.

Cantor, N. & Michel, W. (1979). Prototypes in person perception. *Advances in Experimental Social Psychology, 12,* 3–52.

Carlston, D. E. & Skowronski, J. J. (1994). Savings in the relearning of trait information as evidence for spontaneous inference generation. *Journal of Personality and Social Psychology, 66,* 840–856.

Carlston, D. E., Skowronski, J. J. & Sparks, C. (1995). Savings in relearning: II. On the forma-tion of behavior-based trait associations and inferences. *Journal of Personality and Social Psychology, 69,* 420–436.

Chandler, T. A., Shama, D. D., Wolf, F. M. & Planchard, S. K. (1981). Multiattributional causality: A five cross-national samples study. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 12,* 207–221.

Chiu, C. Y., Hong, Y. Y. & Dweck, C. (1997). Lay dispositionism and implicit theories of personality. *Journal of Personality and Social Psychology, 73,* 19–30.

Chiu, C. Y, Krauss, R. M. & Lee, S. L. (1999). Communication and social cognition: A post-Whorfian approach. In *Progress in Asian social psychology* (Vol. 2, pp. 127–143). Seoul, Korea: Kyoyook Kwahak Sa.

Chiu, C. Y, Morris, M. W., Hong, Y. Y. & Menon, T. (2000). Motivated cultural cognition: The impact of implicit cultural theories on dispositional attribution varies as a function of need for closure. *Journal of Personality and Social Psychology, 78,* 247–259.

Choi, I. & Nisbett, R. E. (1998). Situational salience and cultural differences in the correspondence bias and actorobserver bias. *Personality and Social Psychology Bulletin, 24,* 949–960.

Choi, I., Nisbett, R. E. & Norenzayan, A. (1999). Causal attribution across cultures: Variation and universality. *Psychological Bulletin, 125,* 47–63.

Clark, H. H. (1985). Language use and language users. In G. Lindzey & E. Arsonson (Eds.), *Handbook of social psychology* (2nd. ed., Vol. 1, pp. 179–231). New York: Random House.

Clark, H. H. & Brennan, S. E. (1991). Grounding in communication. In L. B. Resnick, J. M. Levine & S. D. Teasley (Eds.), *Perspectives on socially shared cognition* (pp. 127–149). Wash-ington, DC: American Psychological Association.

Clark, H. H. & Shaefer, E. F. (1989). Contributing to discourse. *Cognitive Science, 13,* 259–294.

Clark, H. H. & Wilkes-Gibbs, D. (1986). Referring as a collaborative process. *Cognition, 22,* 1–39.

Cole, M. (1996). *Cultural psychology: A once and future discipline.* Cambridge: Harvard University Press.

Dusins, S. D. (1989). Culture and self-perception in Japan and the United States. *Journal of Personality and Social Psychology, 56,* 124–131.

D'Andrade, R. (1987). A folk model of the mind. In D. Holland & N. Quinn (Eds.), *Cultural models in language and thought* (pp. 112–148). Cambridge: Cambridge University Press.

D'Andrade, R. (1995). *The development of cognitive anthropology.* Cambridge: Cambridge University Press.

Dawkins, R. (1976). *The selfish gene.* Oxford: Oxford University Press.

Deaux, K. (1993). Reconstructing social identity. *Personality and Social Psychology Bulletin, 19,* 4–12.

Deaux, K., Reid, A., Mizrahi, K. & Ethier, K. A. (1995). Parameters of social identity. *Journal of Personality and Social Psychology, 68,* 280–291.

DeBoeck, P. & Rosenberg, S. (1988). Hierarchical classes: Model and data analysis. *Psychometrika, 53,* 361–368.

Devine, P. G. (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components. *Journal of Personality and Social Psychology, 56,* 5–18.

Dhawan, N., Roseman, I. J., Naidu, R. K., Thapa, K. & Rettek, S. I. (1995). Self-concepts across two cultures: India and the United States.*Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 606–621.

Diener, E. (1984). Subjective well being. *Psychological Bulletin, 95,* 542–575.

Diener, E. & Diener, M. (1995). Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology, 68,* 653–663.

Diener, E., Diener, M. & Diener, C. (1995). Factors predicting the subjective well-being of nations. *Journal of Personality and Social Psychology, 69,* 851–864.

Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E. & Smith, H. L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin, 125,* 276–302.

Doi, T. (1986). *The anatomy of self.* Tokyo: Kodansha International.

Durkheim, E. (1964). *The division of labor in society* (G. Simpson Trans.). New York: The Free Press. (Original work published 1893)

Dweck, C. (1999). *Self-theories: Their role in motivation, personality, and development.* Philadelphia: Psychology Press.

Endo, Y., Heine, S. & Lehman, D. R. (2000). Culture and positive illusions in close relation-ships: How my relationships are better than yours. *Personality and Social Psychological Bulletin, 26,* 1571–1586.

Fiedler, K. (1996). Explaining and simulating judgment biases as an aggregation phenomenon in probabilistic, multiplecue environments. *Psychological Review, 103,* 193–214.

Fijneman, Y. A., Willemsen, M. E. & Poortinga, Y. H. (1996). Individualism-collectivism: An empirical study of a conceptual issue.*Journal of Cross-Cultural Psychology, 27,* 381–402.

Fiske, A. P. (1990). Relativity within Moose («Mossi») culture: Four incommensurable models for social relationships. *Ethos, 18,* 180–204.

Fiske, A. P. (1991). *Structures of social life: The four elementary forms of human relations.* New York: Free Press.

Fiske, A. P. (1992). The four elementary forms of sociality: Framework for a unified theory of social relations. *Psychological Review, 99,* 689–723.

Fiske, A. P. (1993). Social errors in four cultures: Evidence about universal forms of social relations.*Journal of Cross-Cultural Psychology, 24,* 463–494.

Fiske, A. P. & Haslam, N. (1997). The structure of social substitutions: A test of relational models theory. *European Journal of Social Psychology, 27,* 725–729.

Fiske, A. P., Haslam, N. & Fiske, S. T. (1991). Confusing one person with another: What errors reveal about the elementary forms of social relations.*Journal of Personality and Social Psychology, 60,* 656–674.

Fiske, S. T. & Taylor, S. E. (1991). *Social cognition* (2nd. ed.). New York: McGraw-Hill.

Fletcher, G. J. O. & Ward, C. (1988). Attribution theory and processes: A cross-cultural perspective. In M. H. Bond (Ed.), *Cross-cultural challenge to social psychology* (pp. 230–244). Newbury Park, CA: Sage.

Frege, G. (1984). On sense and meaning (M. Black, Trans.). In B. McGuinness (Ed.), *Gottlob Frege: Collected papers on mathematics, logic, and philosophy* (pp. 157–177). Oxford, England: Blackwell. (Original work published 1892).

Gardner, W. L., Gabriel, S. & Lee, A. Y. (1999). «I» value freedom, but «we» value relationships: Selfconstrual priming mirrors cultural differences in judgment. *Psychological Science, 10,* 321–326.

Geertz, C. (1973). *The interpretation of cultures.* New York: Basic Books.

Geertz, C. (1984). «From the native's point of view»: On the nature of anthropological understanding. In R. A. Shweder & R. A. LeVine (Eds.), *Culture theory* (pp. 123–136). Cambridge: Cambridge University Press.

Gergen, K. J. (1973). Social psychology as history. *Journal of Personality and Social Psychology, 26,* 309–320.

Giddens, A. (1979). *Central problems in social theory.* London: Macmillan.

Gilbert, D. T. (1989). Thinking lightly about others: Automatic components of the social inference process. In J. S. Uleman & J. A. Bargh (Eds.), *Unintended thought* (pp: 189–211). New York: Guilford.

Gilbert, D. T. & Malone, P. S. (1995). The correspondence bias. *Psychological Bulletin, 117,* 21–38.

Gilbert, D. T., Pelham, B. W. & Krull, D. S. (1988). On cognitive busyness: When person perceivers meet persons perceived. *Journal of Personality and Social Psychology, 54,* 733–740.

Greenfield, P. M. (1997). Culture as process: Empirical methods for cultural psychology. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 1, pp. 301–346). Boston: Allyn & Bacon.

Greenwald, A. G. (1980). The totalitarian ego: Fabrication and revision of personal history. *American Psychologist, 35,* 603–618.

Hamilton, D. L. & Gifford, R. K. (1976). Illusory correlation in interpersonal perception: A cognitive basis of stereotypic judgments. *Journal of Experimental Social Psychology, 12,* 392–707.

Hamilton, D. L. & Sherman, S. J. (1996). Perceiving persons and groups. *Psychological Review, 103,* 336–355.

Haslam, N. (1994a). Categories of social relationship. *Cognition, 53,* 59–90.

Haslam, N. (1994b). Mental representation of social relationships: Dimensions, laws, or categories? *Journal of Personality and Social Psychology, 67,* 575–584.

Haslam, N. & Fiske, A. P. (1992). Implicit relationship prototypes: Investigating five theories of the cognitive organization of social relationships. *Journal of Experimental Social Psychology, 28,* 441–474.

Hastie, R., Ostrom, T. M., Ebbesen, E. B., Wyer, R. S., Hamilton, D. L. & Carlston, D. E. (Eds.). (1980). *Person memory: The cognitive basis of social perception.* Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Heider, F. (1958). *The psychology of interpersonal relations.* New York: Wiley.

Heine, S. J. & Lehman, D. R. (1995). Cultural variation in unrealistic optimism: Does the West feel more invulnerable than the East? *Journal of Personality and Social Psychology, 68,* 595–607.

Heine, S. J. & Lehman, D. R. (1997). The cultural construction of self-enhancement: An examination of grouserving biases. *Journal of Persoality and Social Psychology, 72,* 1268–1283.

Heine, S. J. & Lehman, D. R. (1999). Culture, self-discrepancies, and self-satisfaction. *Personality and Social Psychology Bulletin, 25,* 915–925.

Heine, S. J., Lehman, D. R., Markus, H. R. & Kitayama, S. (1999). Is there a universal need for positive self-regard? *Psychological Review, 106,* 766–794.

Heine, S. J., Takata, T. & Lehman, D. R. (2000). Beyond self-presentation: Evidence for self-criticism among Japanese. *Personality and Social Psychology Bulletin, 26,* 71–78.

Hetts, J. J., Sakuma, M. & Pelham, B. W. (1999). Two roads to positive regard: Implicit and explicit self-evaluation and culture. *Journal of Experimental Social Psychology, 35,* 512–559.

Hewstone, M. & Ward, C. (1985). Ethnocentrism and causal attribution in Southeast Asia. *Journal of Personality and Social Psychology, 48,* 614–623.

Higgins, E. T. (1987). Self-discrepancy: A theory relating self and affect. *Psychological Review, 94,* 319–340.

Higgins, E. T. (1996). Knowledge activation: Accessibility, applicability and salience. In E. T. Higgins and A. W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 133–168). New York: Guilford.

Higgins, E. T., Klein, R. & Strauman, T. (1985). Self-concept discrepancy theory: A psychological model for distinguishing among different aspects of depression and anxiety. *Social Cognition, 1,* 51–76.

Hilton, D. J. (1990). A conversational processes and causal explanation. *Psychological Bulletin, 107,* 65–81.

Hilton, D. J., Smith, R. H. & Kin, S. H. (1995). Processes of causal explanation and dispositional attribution. *Journal of Personality and Social Psychology, 68,* 377–387.

Hilton, J. L. & von Hippel, W. (1996). Stereotypes. *Annual Review of Psychology, 47,* 237–271.

Hinkle, S. & Brown, R. (1990). Intergroup comparisons and social identity: Some links and lacunae. In D. Abrams & M. A. Hogg (Eds.), *Social identity theory: Constructive and critical advances* (pp. 48–70). New York: Springer.

Hoffman, C., Lau, I. & Johnson, D. R. (1986). The linguistic relativity of person cognition: An English-Chinese comparison. *Journal of Personality and Social Psychology, 51,* 1097–1105.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences.* Beverly Hills, CA: Sage.

Hofstede, G. (1991). *Cultures and organizations.* London: McGraw-Hill.

Hong, Y. Y., Chiu, C. Y. & Kung, T. M. (1997). Bringing culture out in front: Effects of cultural meaning system activation on social cognition. In K. Leung, U. Kim, S. Yamaguchi & Y. Kashima (Eds.), *Progress in Asian social psychology* (*Vol.* 1, pp. 139–151). Singapore: Wiley.

Hui, C. H. (1988). Measurement of individualism-collectivism. *Journal of Research in Personality, 22,* 17–36.

Hunt, E. & Agnoli, F. (1991). The Whorfian hypothesis: A cognitive psychology perspective. *Psychological Review, 98,* 377–389.

Jackendoff, R. (1992). Is there a faculty of social cognition? In R. Jackendoff (Ed.), *Languages of the mind: Essays on mental representation* (pp. 69–81). Cambridge: MIT Press.

Jahoda, G. (1980). Theoretical and systematic approaches in cross-cultural psychology. In H. C. Triandis & W. W. Lambert (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology (Vol.* 1, pp. 69–141). Boston: Allyn & Bacon.

Jones, E. E. (1979). The rocky road from acts to dispositions. *American Psychologist, 34,* 107–117.

Jones, E. E. & Davis, K. E. (1965). From acts to dispositions: The attribution process in person perception. *Advances in Experimental Social Psychology, 2,* 220–266.

Jones, E. E. & Harris, V. A. (1967). The attribution of attitudes. *Journal of Experimental Social Psychology, 3,* 1–24.

Kashima, E. S. & Kashima, Y. (1997). Practices of the self in conversations: Pronoun drop, sentence coproduction and contextualization of the self. In K. Leung, U. Kim, S. Yamaguchi & Y. Kashima (Eds.), *Progress in Asian social psychology* (*Vol. 1,* pp. 165–179). Singapore: Wiley.

Kashima, E. S. & Kashima, Y. (1998). Culture and language: The case of cultural dimensions and personal pronoun use. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 461–486.

Kashima, Y. (1987). Conceptions of person: Implications in individualism-collectivism research. In C. Kagitcibasi (Ed.), *Growth and progress in cross-cultural psychology* (pp. 104–112). Lisse, The Netherlands: Swets.

Kashima, Y. (1994). Cultural metaphors of the mind and the organization. In A. M. Bouvy, F. van de Vijver, P. Boski & P. Schmitz (Eds.), *Journeys into cross-cultural psychology* (pp. 351–363). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Kashima, Y. (1998). Culture, narrative, and human motivation. In D. Munro, J. F. Schumaker & S. C. Carr (Eds.), *Motivation and culture* (pp. 16–30). New York: Routledge.

Kashima, Y. (1998). *Culture and social cognition: Mainstreaming of cross-cultural psychology or culturalizing the mainstream?* Paper presented at the International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology, Bellingham, WA.

Kashima, Y. (2000). Conceptions of culture and person for psychology. *Journal of Cross-Cutural Psychology, 31,* 14–32.

Kashima, Y. (2000). Maintaining cultural stereotypes in the serial reproduction of narratives. *Personality and Social Psychology Bulletin, 26,* 594–604.

Kashima, Y. (2000c). Recovering Bartlett's social psychology of cultural dynamics. *European Journal of Social Psychology, 30,* 383–403.

Kashima, Y. & Callan, V. (1994). The Japanese work group. In Triandis, H. C., Dunnette, M. D. & Hough, L. M. (Eds.), *Handbook ofdustrial-organizational psychology* (Vol. 4, pp. 610–646). Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.

Kashima, Y. & Kashima, E. (1999). Culture, connectionism, and the self. In J. Adamopoulos & Y. Kashima (Eds.), *Social psychology and cultural context* (pp. 77–92), Thousand Oaks, CA: Sage.

Kashima, Y. & Kerekesh, A. R. Z. (1994). A distributed memory model of averaging phenomena in person impression formation. *Journal of Eperimental Social Psychology, 30,* 407–455.

Kashima, Y., McIntyre, A. & Clifford, P. (1998). The category of the mind: Folk psychology of belief, desire, and intention. *Asian Journal of Social Psychology, 1,* 289–313.

Kashima, Y., Siegal, M., Tanaka, K. & Kashima, E. S. (1992). Do people believe behaviours are consistent with attitudes? Towards a cultural psychology of attribution processes. *British Journal of Social Psychology, 31,* 111–124.

Kashima, Y. & Triandis, H. C. (1986). The self-serving bias in attribution as coping strategy: A cross-cultural study. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 17,* 83–98.

Kashima, Y., Woolcock, J. & Kashima, E. (2000). Group impressions as dynamic configurations: The tensor product model of group impression formation and change. *Psychological Review, 107,* 914–942.

Kashima, Y., Woolcock, J. & King, D. (1998). The dynamics of group impression formation: The tensor product model of exemplarbased social category learning. In S. J. Read & L. C. Miller (Eds.), *Connectionist models of social reasoning and social behavior* (pp. 71–109). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Kashima, Y., Yamaguchi, S., Kim, U., Choi, S. C., Gelfand, M. J. & Yuki, M. (1995). Culture, gender, and self: A perspective from individualism collectivism research. *Journal of Personality and Social Psychology, 69,* 925–937.

Kelley, H. H. (1967). Attribution theory in social psychology. In D. Levine (Ed.), *Nebraska Symposium on Motivation: Vol. 15* (pp. 192–240). Lincoln: University of Nebraska Press.

Kitayama, S. & Karasawa, M. (1997). Implicit self-esteem in Japan: Name letters and birthday numbers. *Personality and Social Psychology Bulletin, 23,* 736–742.

Kitayama, S., Markus, H. R., Matsumoto, H. & Norasakkunkit, V. (1997). Individual and collective processes in the construction of the self: Self-enhancement in the United States and self-criticism in Japan. *Journal of Personality and Social Psychology, 72,* 1245–1267.

Krauss, R. M. & Fussell, S. R. (1996). Social psychological models of interpersonal communication. In E. T. Higgins & A. W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 655–701). New York: Guilford.

Kroonenberg, P. M. & Kashima, Y. (1997). Rules in context: A three-mode principal component analysis of Mann et al.'s data on cross-cultural differences in respect for others. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 463–480.

Kruglanski, A. E. & Webster, D. M. (1996). Motivated closing of the mind: «Seizing» and «freezing». *Psychological Review, 103,* 263–283.

Krull, D. S. (1993). Does the grist change the mill? The effect of the perceiver's inferential goal on the process of social inference. *Personality and Social Psychology Bulletin, 19,* 340–348.

Krull, D. S. & Erickson, D. J. (1995). Judging situations: On the effortful process of taking dispositional information into account. *Social Cognition, 13,* 417–438.

Krull, D. S., Loy, M. H.-M., Lin, J., Wang, C.-F., Chen, S. & Zhao, X. (1999). The fundamental attribution error: Correspondence bias in individualist and collectivist cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin, 25,* 1208–1219.

Kuhn, M. H. & McPartland, R. (1954). An empirical investigation of self-attitudes. *American Sociological Review, 19,* 68–76.

Kunda, Z. & Thagard, P. (1996). Forming impressions from stereotypes, traits, and behaviors: A parallel-constraint-satisfaction theory. *Psychological Review, 103,* 284–308.

Kwan, V. S. Y., Bond, M. H. & Singelis, T. M. (1997). Pancultural explanations for life satisfaction: Adding relationship harmony to self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology, 73,* 1038–1051.

Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by.* Chicago: University of Chicago Press.

Lalljee, M. & Angelova, R. (1995). Person description in India, Britain, and Bulgaria. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 645–657.

Lave, J. & Wenger, E. (1991). *Situated learning: Legitimate peripheral participation.* Cambridge: Cambridge University Press.

Lee, F., Hallahan, M. & Herzog, T. (1996). Explaining real life events: How culture and domain shape attributions. *Personality and Social Psychology Bulletin, 22,* 732–741.

Lee, L. & Ward, C. (1998). Ethnicity, idiocentrismallocentrism, and intergroup attitudes. *Journal of Applied Social Psychology,* 28, 109–123.

Lee, Y.-T. & Seligman, M. E. P. (1997). Are Americans more optimistic than the Chinese? *Personality and Social Psychology Bulletin, 23,* 32–40.

Leuers, T. & Sonoda, N. (1996). Bunmyaku-teki jiko-gainen ni kansuru hikaku bunka-teki kenkyuu (1): Basho, tasha no bunmyaku to jiko (A cross-cultural study of contextualized self-concept (1): Location and other person context and self). In *Proceedings of the 44th Conference of the Japanese Group Dynamics Association* (pp. 106–107). Sougou kagaku bu, University of Hiroshima.

Leuers, T. & Sonoda, N. (1999). Independent selfbias. In T. Sugiman, M. Karasawa, J. H. Liu, and C. Ward (Eds.), *Progress in Asian social psychology: Vol. 2. Theoretical and empirical contributions* (pp. 87–104). Seoul: Kyoyook-kwahaksa.

Lévy-Bruhl, L. (1923). *How natives think* (L. A. Clare, Trans.). London: Allen & Unwin.

Lillard, A. (1998). Ethnopsychologies: Cultural variations in theories of mind. *Psychological Bulletin, 123,* 3–32.

Malle, B. & Knobe, J. (1997). The folk concept of intentionality. *Journal of Experimental Social Psychology, 33,* 101–121.

Markus, H. (1977). Self-schemata and processing information about the self. *Journal of Personality and Social Psychology, 35,* 63–78.

Markus, H. R. & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review, 98,* 224–253.

Markus, H., Smith, I. & Moreland, R. L. (1985). Role of the self-concept in the social perception of others. *Journal of Personality and Social Psychology, 49,* 1494–1512.

Markus, H. & Zajonc, R. B. (1985). The cognitive perspective in social psychology. In G. Lindzey & E. Aronson (Eds.), *The handbook of social psychology* (3rd. ed., Vol. 1, pp. 137–230). New York: Random House.

Matsumoto, D. (1999). Culture and self: An empirical assessment of Markus and Kitayama's theory of independent and interdependent self-construals. *Asian Journal of Social Psychology, 2,* 289–310.

Matsumoto, D., Kudoh, T. & Takeuchi, S. (1996). Changing patterns of individualism and collectivism in the United States and Japan. *Culture and Psychology, 2,* 77–107.

Matsumoto, D., Takeuchi, S., Andayani, S., Kouznetsova, N. & Krupp, D. (1998). The contribution of individualism versus collectivism to cross-national differences in display rules. *Asian Journal of Social Psychology, 1,* 147–165.

Matsumoto, D., Weissman, M. D., Preston, K., Brown, B. R., Kupperbusch, C. (1997). Context-specific measurement of individualism-collectivism on the individual level: The Individualism-Collectivism Interpersonal Assessment Inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 743–767.

Mead, G. H. (1934). *Mind, self, and society.* Chicago: University of Chicago Press.

Menon, T., Morris, M. W., Chiu, C. Y. & Hong, Y. Y. (1999). Culture and the construal of agency: Attribution to individual versus group dispositions. *Journal of Personality and Social Psychology, 76,* 701–717.

Miller, F. D., Smith, E. R. & Uleman, J. (1981). Measurement and interpretation of situational and dispositional attributions. *Journal of Expermental Social Psychology, 17,* 80–95.

Miller, J. G. (1984). Culture and the development of everyday social explanation. *Journal of Personality and Social Psychology, 46,* 961–978.

Miller, J. G. (1987). Cultural influences on the development of conceptual differentiation in person description. *British Journal of Developmental Psychology, 5,* 309–319.

Miller, J. G. (1988). Bridging the content-structure dichotomy: Culture and the self. In M. H. Bond (Ed.), *Cross-cultural challenge to social psychology* (pp. 266–281). Newbury Park, CA: Sage.

Mischel, W. (1968). *Personality and assessment.* New York: Wiley.

Morris, M. W. & Peng, K. (1994). Culture and cause: American and Chinese attributions for social and physical events. *Journal of Persoality and Social Psychology, 67,* 949–971.

Nisbett, R. E., Caputo, C., Legant, P. & Maracek, J. (1973). Behavior as seen by the actor and as seen by the observer. *Journal of Personality and Social Psychology, 27,* 154–164.

Oakes, P. J., Haslam, A. & Turner, I. C. (1994). *Stereotyping and social reality.* Oxford, England: Blackwell.

Ortner, S. B. (1984). Theory in anthropology since the sixties. *Comparative Studies in Society and History, 26,* 126–166.

Ostrom, T. M. & Sedikides, C. (1992). Out-group homogeneity effects in natural and minimal groups. *Psychological Bulletin, 112,* 536–552.

Oyserman, D. (1993). The lens of personhood: Viewing the self and others in a multicultural society. *Journal of Personality and Social Psychology, 65,* 993–109.

Parkes, L. P., Schneider, S. K. & Bochner, S. (1999). Individualism-collectivism and self-concept: Social or contextual? *Asian Journal of Social Psychology, 2,* 367–383.

Parsons, T. (1951). *The social system.* London, UK: Routledge & Kegan Paul.

Pedersen, A. & Walker, I. (1997). Prejudice against Australian Aborigines: old-fashioned and modern forms. *European Journal of Social Psychology, 27,* 561–587.

Peng, K. & Nisbett, R. E. (1999). Culture, dialectics, and reasoning about contradiction. *American Psychologist, 54,* 741–754.

Poortinga, Y. (1992). Towards a conceptualization of culture for psychology. In S. Iwawaki, Y. Kashima & K. Leung (Eds.), *Innovation in cross-cultural psychology* (pp. 3–17). Lisse, The Netherlands: Swets.

Read, S. J. & Marcus-Newhall, A. (1993). Explanatory coherence in social explanations: A parallel distributed processing account. *Journal of Personality and Social Psychology, 65,* 429–447.

Read, S. J., Vanman, E. J. & Miller, L. C. (1996). Connectionism, parallel constraint satisfaction processes, and Gestalt principles: (Re)introducing cognitive dynamics to social psychology. *Personality and Social Psychology Review, 1,* 26–53.

Reid, A. & Deaux, K. (1996). Relationship between social and personal identities: Segregation or integration. *Journal of Personality and Social Psychology, 71,* 1084–1091.

Rhee, E., Uleman, J. & Lee, H. K. (1996). Variations in collectivism and individualism by ingroup and culture: Confirmatory factor analysis. *Jounal of Personality and Social Psychology, 71,* 1037–1054.

Rhee, E., Uleman, J., Lee, H. K. & Roman, R. T. (1995). Spontaneous self-descriptions and ethnic identities in individualistic and collectivistic cultures. *Journal of Personality and Social Psychology, 69,* 142–152.

Roenker, D. L., Thompson, C. P. & Brown, S. C. (1971). Comparison of measures for the estimation of clustering in free recall. *Psychological Bulletin, 76,* 45–48.

Rogoff, B. (1990). Apprenticeship in thinking. Oxford, UK: Oxford University Press.

Rogoff, B. & Chavajay, P. (1995). What's become of research on the cultural basis of cognitive development. *American Psychologist, 50,* 859–877.

Rohner, R. (1984). Toward a conception of culture for cross-cultural psychology. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 15,* 111–138.

Rommetveit, R. (1974). On message structure: A framework for the study of language and communication. New York: Wiley.

Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Rosenberg, S. & Gara, M. A. (1985). The multiplicity of personal identity. *Review of Personality and Social Psychology, 6,* 87–113.

Ross, L. (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process. *Advances in Experimental Social Psychology, 10,* 174–221.

Ross, L., Amabile, T. M. & Steinmetz, J. L. (1977). Social roles, social control, and biases in social-perception processes. *Journal of Personality and Social Psychology, 35,* 485–494.

Rumelhart, D. E., McClelland, J. L. & the PDF Research Group (Eds.). (1986). *Parallel distributed processing: Explorations in the microstructure of cognition* (Vol. 1). Cambridge: MIT Press.

Semin, G. R. & Marsman, J. G. (1994). «Multiple in-ference-inviting properties» of interpersonal verbs: Event instigation, dispositional inference, and implicit causality. *Journal of Persoality and Social Psychology, 67,* 836–849.

Semin, G. R. & Zwier, S. (1997). Social cognition. In J. W. Berry, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (2nd ed., Vol. 3, pp. 51–75). Boston: Allyn & Bacon.

Shore, B. (1996). *Culture in mind: Cognition, culture, and the problem of meaning.* Oxford: Oxford University Press.

Shweder, R. A. & Bourne, E. J. (1984). Does the concept of the person vary cross-culturally? In R. A. Shweder & R. A. LeVine (Eds.), *Culture theory* (pp. 158–199). Cambridge: Cambridge University Press.

Shweder, R. A. & D'Andrade, R. G. (1979). Accurate reflection or systematic distortion? A reply to Block, Weiss, and Thorne. *Journal of Personality and Social Psychology, 37*, 1075–1084.

Singelis, T. M. (1994). The measurement of independent and interdependent self-construals. *Personality and Social Psychology Bulletin, 20*, 580–591.

Skowronski, J. J., Betz, A. L., Sedikides, C. & Crawford, M. T. (1998). Raw conditional probabilities are a flawed index of associative strength: Evidence from a multitrait paradigm. *European Journal of Social Psychology, 28*, 437–456.

Skowronski, J. & Welbourne, J. (1997). Conditional probability may be a flawed measure of associative strength. *Social Cognition, 15*, 1–12.

Smith, E. R. (1996). What do connectionism and social psychology offer each other? *Journal of Personality and Social Psychology, 70*, 893–912.

Smith, E. R. & DeCoster, J. (1998). Knowledge acquisition, accessibility, and use in person perception and stereotyping: Simulation with a recurrent connectionist network. *Journal of Personality and Social Psychology, 74*, 21–35.

Smith, H. W., Matsuno, T. & Umino, M. (1994). How similar are impressionformation processes among Japanese and Americans? *Social Psychology Quarterly, 57*, 124–139.

Sonoda, N. & Leuers, T. (1996). Bunmyaku-teki jiko-gainen ni kansuru hikaku bunka-teki kenkyuu (2): Jikanishiki to jiko (A cross-cultural study of contextualized self-concept (2): Temporality and self). In *Proceedings of the 44th Conference of the Japanese Group Dynamics Association* (pp. 108–109). Sougou kagaku bu, University of Hiroshima.

Sperber, D. (1996). *Explaining culture*. Oxford, England: Blackwell.

Spiro, M. E. (1993). Is the Western conception of the self «peculiar» within the context of world cultures? *Ethos, 21*, 107–153.

Strauss, C. & Quinn, N. (1997). *A cognitive theory of cultural meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.

Suh, E., Diener, E., Oishi, S. & Triandis, H. C. (1998). The shifting basis of life satisfaction judgments across cultures: Emotions versus norms. *Journal of Personality and Social Psychology, 74*, 482–493.

Tafarodi, R. W. (1998). Paradoxical self-esteem and selectivity in the processing of social information. *Journal of Personality and Social Psychology, 74*, 1181–1196.

Tafarodi, R. W., Lang, J. M. & Smith, A. J. (1999). Self-esteem and the cultural trade-off: Evidence for the role of individualism-collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 30*, 620–640.

Tafarodi, R. W. & Swann, W. B., Jr. (1995). Self-liking and self-competence as dimensions of global self-esteem: Initial validation of a measure. *Journal of Personality Assessment, 65*, 322–342.

Tafarodi, R. W. & Swann, W. B., Jr. (1996). Individualism-collectivism and global self-esteem: Evidence for a cultural trade-off. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 27*, 651–672.

Takano, Y. & Osaka, E. (1999). An unsupported common view: Comparing Japan and the U.S. on individualism-collectivism. *Asian Journal of Social Psychology, 2*, 311–341.

Taylor, S. E. & Brown, J. D. (1988). Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin, 103*, 193–210.

Tunnies, F. (1955). *Community and association* (C. Ploomis, Trans.). London: Routledge & Kegan Paul. (Original work published 1887)

Trafimow, D., Silverman, E. S., Fan, R. M.-T. & Law, J. S. F. (1997). The effects of language and priming on the relative accessibility of the private self and the collective self. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 107–123.

Trafimow, D., Triandis, H. C. & Goto, S. G. (1991). Some tests of the distinction between the private self and the collective self. *Journal of Personality and Social Psychology, 60,* 649–655.

Triandis, H. C. (1972). *The analysis of subjective culture.* New York: Wiley.

Triandis, H. C. (1989). The self and social behavior in differing cultural contexts. *Psychological Review, 96,* 506–520.

Triandis, H. C. (1995). *Individualism and collectivism.* Boulder, CO: Westview.

Triandis, H. C., Bontempo, R., Villareal, M. J., Asai, M. & Lucca, N. (1988). Individualism and collectivism: Cross-cultural perspectives on self-ingroup relationships. *Journal of Personality and Social Psychology, 54,* 323–338.

Triandis, H. C. & Brislin, R. W. (1980). *Handbook of cross-cultural psychology* (*Vol.* 5). Boston: Allyn & Bacon.

Triandis, H. C., Chan, D. K. S., Bhawuk, D. P. S., Iwao, S. & Sinha, J. B. P. (1995). Multimethod probes of allocentrism and idiocentrism. *International Journal of Psychology, 30,* 461–480.

Triandis, H. C., Kashima, Y., Shimada, E. & Villareal, M. (1986). Acculturation indices as a means of confirming cultural differences. *International Journal of Psychology, 21,* 43–70.

Triandis, H. C., McCusker, C. & Hui, C. H. (1990). Multimethod probes of individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology, 59,* 1006–1020.

Trilling, L. (1972). *Sincerity and authenticity.* Cambridge: Harvard University Press.

Trope, Y. (1986). Identification and inferential processes in dispositional attribution. *Psychological Review, 93,* 239–257.

Turner, J. C., Hogg, M. A., Oakes, P. J., Reicher, S. D. & Wetherell, M. S. (1987). *Rediscovering the social group: A self-categorization theory.* Oxford, England: Blackwell.

Uleman, J. S. & Moskowitz, G. B. (1994). Unin-tended effects of goals on unintended inferences. *Journal of Personality and Social Psychology, 66,* 490–501.

Uleman, J. S., Newman, L. S. & Moskowitz, G. B. (1996). People as flexible interpreters: Evidence and issues from spontaneous trait inference. *Advances in Experimental Social Psychology, 28,* 211–279.

Uleman, J. S., Rhee, E., Bardoliwalla, N., Semin, G. & Toyama, M. (1999). The relational self: Closeness to ingroups depends on who they are, culture, and the type of closeness. *Asian Journal of Social Psychology.*

Valsiner, J. (1989). *Human development and culture.* Lexington, MA: D. C. Heath.

Van den Heuvel, K. & Poortinga, Y. H. (1999). Resource allocation by Greek and Dutch students: A test of three models. *International Journal of Psychology, 34,* 1–13.

Van Overwalle, F. (1998). Causal explanation as constraint satisfaction: A critique and a feed-forward connectionist alternative. *Journal of Personality and Social Psychology, 74,* 312–328.

Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes* (M. Cole, V. John Steiner, S. Scribner & E. Souberman, Eds. & Trans.). Cambridge: Harvard University Press.

Watkins, D., Yau, J., Dahlin, B. & Wondimu, H. (1997). The twenty statements test: Some measurement issues. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 626–633.

Watson, D. (1982). The actor and the observer: How are their perceptions of causality divergent? *Psychological Bulletin, 92,* 682–700.

Webster, D. M. & Kruglanski, A. W. (1994). Individual differences in need for cognitive closure. *Journal of Personality and Social Psychology, 67,* 1049–1062.

Wertsch, J. V. (1985). *Vygotsky and the social formation of mind.* Cambridge: Harvard University Press.

Wertsch, J. V. (1991). *Voices of the mind.* London: Harvester Whatsheaf.

Wicker, A. W. (1969). Attitudes versus actions: The relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects. *Journal of Social Issues, 41,* 41–78.

Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations.* New York: Oxford University Press.

Winter, L. & Uleman, J. S. (1984). When are social judgments made? Evidence for the spontaneousness of trait inferences. *Journal of Personality and Social Psychology, 47,* 237–252.

Winter, L., Uleman, J. S. & Cunniff, C. (1985). How automatic are social judgments? *Journal of Personality and Social Psychology, 49,* 904–917.

Wyer, R. S., Jr. & Srull, T. K. (1984). *Handbook of social cognition* (Vols. 1–3). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Wyer, R. S., Jr. & Srull, T. K. (1984). *Handbook of social cognition* (2nd ed., Vols. 1–3). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Wylie, R. C. (1974). The self concept (Vol. 1). Lincoln: University of Nebraska Press.

Zebrowitz-McArthur, L. (1988). Person perception in cross-cultural perspective. In M. H. Bond (Ed.), *Cross-cultural challenge to social psychology* (pp. 245–265). Newbury Park, CA: Sage.

Zung, W. K. (1965). A self-rating depression scale. *Archives of General Psychiatry, 12,* 63–70.

ГЛАВА 18

Кросс-культурные исследования социального воздействия

Питер Б. Смит

Значительная часть социальной психологии и, разумеется, повседневной жизни, связана с социальным воздействием, то есть с обстоятельствами, в которых люди взаимодействуют и оказывают влияние на поведение друг друга. В традиционной психологии трудно представить себе ситуации, в которых такое воздействие не ведет к изменению поведения. Даже если человек остается наедине с самим собой, социальное воздействие имеет место как отпечаток воображаемого или интернализованного влияния окружающих. Именно поэтому данная сфера чрезвычайно важна для психологии в целом и привлекает к себе самое пристальное внимание на кросс-культурной арене.

В этой главе Смит дает прекрасный детальный обзор ряда типичных источников социального воздействия, которые широко изучались в разных культурах. В начале главы он отмечает, что в прошлом многие психологические модели социального воздействия отличались предвзятостью и несли на себе отпечаток научного направления, в рамках которого они создавались. Поскольку большая часть исследований и теорий опиралась на индивидуалистические нормы Европы и Америки, полученные данные обычно интерпретировались в соответствии с этими нормами, иные точки зрения в расчет не принимались. Одно из первых исследований Смита, посвященное процессам управления в Японии, дало ему возможность увидеть, что конструкты, которые считались в США диаметрально противоположными, могут сосуществовать в японской компании. Это заставило его подумать о необходимости разработки более широких теоретических подходов и моделей, позволяющих объяснить, каким образом взаимоисключающие в одном культурном контексте переменные оказываются взаимосвязанными в другом.

Ряд процессов социального воздействия изучался в кросс-культурном аспекте. Смит рассматривает три наиболее важных из них: групповое воздействие (с акцентом на проблемах социальной лености и конформизма); иерархическое воздействие (особенно проблемы управления); а также ведение переговоров. И каждый раз он задается вопросом, почему данные и модели традиционной психологии могут оказаться неприменимыми к представителям иных культур, а в некоторых случаях — и потребовать фундаментального пе-

ресмотра самой сущности изучаемого конструкта. Например, исходя из традиционных западных представлений о руководителе, управление представляет собой одностороннее воздействие. Однако кросс-культурные исследования позволяют понять, что модель управления может предполагать наличие ключевых фигур, включенных в разветвленную сеть потенциальных источников воздействия, позволяющую осуществлять воздействие снизу вверх, сверху вниз и по горизонтали. Управление может быть непосредственным и опосредованным, и кросс-культурные исследования выявили множество любопытных данных, касающихся специфичных для данной культуры тактик воздействия, используемых для достижения культуро-релевантных целей.

Устремляя взгляд в будущее, Смит говорит о необходимости радикальных изменений характера и проблематики кросс-культурных исследований социального воздействия. Он утверждает, что понимание того, как осуществляется взаимодействие людей в рамках отдельной культуры, может быть, а может и не быть связано с их действиями по отношению к представителям иной культуры. Действительно, существует ряд свидетельств обоснованности такого мнения, а если оно справедливо, то должно послужить предостережением для большинства кросс-культурных исследований в данной и многих других областях. Речь идет о том, что большинство кросс-культурных исследований, полагающихся на кросс-культурные сравнения поведения, не рассматривают, как взаимодействуют между собой представители разных культур. Как подчеркивает Смит, современные тенденции глобализации ведут к стремительному росту числа контактов между представителями разных культур во всех слоях общества, как на профессиональном, так и на бытовом уровне. Забавно то, что кросс-культурные исследования, призванные способствовать совершенствованию межкультурного взаимодействия, могут оказаться за бортом, потому что до сих пор сосредоточены на сравнениях специфичных культурных реалий в эмпирическом и теоретическом плане.

В то же время Смит призывает к пересмотру взглядов на группы, изучаемые в процессе кросс-культурных исследований, а также к исследованию иерархического управления и проблем ведения переговоров в межкультурном аспекте, и к более пристальному вниманию к аспектам социального воздействия, которые до сих пор упускались из виду. Последний момент представляет особый интерес, поскольку речь идет о том, что наиболее полно в процессе кросс-культурных исследований изучались двусторонние взаимодействия. При этом существует множество других форм социального воздействия; во многих культурах именно они не менее, а возможно и более, значимы, чем двустороннее взаимодействие. Смит считает, что одной из причин, по которой до сих пор такие виды социального воздействия не исследовались достаточно глубоко, является трудность их изучения. Дело действительно в том, что исследование этих форм социального воздействия неизбежно влечет за собой использование кардинально новых методов сбора и анализа информации. Такие исследования требуют базовых изменений в концептуализации, планировании и проведении исследований, равно как и в использовании полученных данных для создания моделей поведения человека.

Позволю себе назвать еще одну причину, по которой данной области до сих пор не уделялось должного внимания, — это культурные предубеждения исследователей и теоретиков. Пристальное внимание к проблемам двустороннего взаимодействия соответствовало взглядам большинства ученых на процессы управления и социального воздействия. Эти взгляды порождены определенной культурной и социальной средой, в которой многие исследователи находятся по сей день. Поэтому неудивительно, что проблематика исследований и теоретических разработок до сих пор находились под влиянием определенного мировоззрения. По мере того как взгляды исследователей и видение мира будут становиться более многообразными, мы будем приближаться к качественно иному пониманию природы социального воздействия в различных сферах жизни.

Значительная часть социальной психологии посвящена исследованиям того, как мы оказываем влияние друг на друга. В ходе изучения этих процессов ученые обращались к множеству различных тем, но, как правило, эти темы рассматривались в отрыве друг от друга. Так, можно выделить литературу, посвященную исследованиям социальной помощи, социальной лености, групповой поляризации, конформизму, ведению переговоров, лидерству, стремлению снискать расположение, торговым навыкам, психотерапии, просвещению, медицинскому вмешательству, воздействию средств массовой информации. Мы назвали только те направления, в связи с которыми социальному воздействию уделялось первоочередное внимание.

Поскольку исследования всех перечисленных тем осуществлялись на протяжении второй половины XX века, предпочтение неизбежно оказывалось тем моделям социального воздействия, которые полнее соответствовали данным, полученным в наиболее типичных обстоятельствах. Иными словами, наши представления о процессах социального воздействия определялись в своей основе данными по известной части населения США. Группами, которые чаще всего удостаивались внимания исследователей, были студенты и менеджеры.

Я впервые понял ограниченность такого подхода, когда около 20 лет назад начал заниматься изучением процессов управления в японских организациях. В то время многие западные исследователи процессов управления пытались определить обстоятельства, в которых более эффективными оказывались относительно демократический и относительно автократический (авторитарный) стиль управления. На опыте, приобретенном в Японии, я узнал, что японские организации являются одновременно более демократическими и более автократическими, чем большинство западных организаций. Японские служащие имеют широкие возможности воздействия снизу вверх, но при этом они организованы в структуру, в которой старшинство и статус имеют определяющее значение (Smith & Misumi, 1989). Таким образом, понятия, которые западные исследователи считали диаметрально противоположными, в альтернативном культурном контексте оказываются неразрывно связанными. Единственным путем разрешения этого парадокса является разработка более широких теоретических подходов, позволяющих объяснить, каким обра-

зом взаимоисключающие в одном культурном контексте переменные могут быть взаимосвязаны в другом. Нам необходимо также сформировать новый комплекс исследовательских приемов, который позволит проводить валидные сравнения разных культурных контекстов (Van de Vijver & Leung, 1996).

В других главах этой книги (в первую очередь в главах, написанных Лоннером и Адамополусом и Триандисом) концептуальные схемы, получившие широкое распространение за последние 20 лет, рассматриваются более подробно. Стремясь к более широкому пониманию природы социального воздействия, мы должны опираться на эти схемы. В частности, уже совершенно ясно, что культуры, которые теперь мы считаем относительно индивидуалистическими (Hofstede, 1980), — это особое и не такое уж распространенное явление в мировом масштабе. Нам следует задуматься о том, что представление об индивиде как об отдельной сущности, а не как о личности с устойчивой принадлежностью к определенной группе, может изменить наше понимание социального воздействия.

Первым и наиболее очевидным следствием этого является пристальное внимание к краткосрочным воздействиям. При этом долговременное воздействие или более тонкие влияния в расчет не принимаются. Установка исследователей на изучение неустойчивых групп студентов и менеджеров, чьи товарищи по работе часто меняются, только усилит этот эффект. Даже в рамках западной культуры более стабильным группам, таким как семья или этническая общность, уделялось гораздо меньше внимания. Есть еще два вероятных следствия. Во-первых, если мы изучаем социальное воздействие с позиций индивидуалистического подхода, то, вероятно, будем оценивать результативность такого воздействия исключительно по выгоде, извлеченной личностью (субъектом воздействия), а отнюдь не с точки зрения пользы для более широкой социальной системы, в рамках которой эта личность действует. Более того, скорее всего, мы будем рассматривать эффективное социальное воздействие как производную личных качеств данного индивида, таких как черты характера и навыки, а не производную его места или роли в определенной социальной структуре.

Определив таким образом общий подход, мы можем перейти к рассмотрению того, что удалось выяснить исследователям, занимаясь изучением процессов социального воздействия за пределами Северной Америки.

Воздействие со стороны группы

В соответствии с вышеизложенным, понятно, почему основное внимание западные исследователи уделяли воздействию внутри малых групп, не имеющих предвосхищающей их появление социальной структуры. Группа часто понималась как совокупность индивидов, простое присутствие которых способствует интенсификации или снижению интенсивности того или иного социального процесса. Исследования такого рода проводились на протяжении более ста лет (Kravitz & Martin, 1986). В разное время происходящие в результате такого взаимодействия социальные процессы получали разные названия, обилие которых может попросту сбить с толку: социальная фасилитация (*social facilitation*), деиндивидуализация, распределение

ответственности, групповая поляризация, конформизм и социальная леность. Далее мы остановимся на двух последних.

Социальная леность

Социальная леность — это процесс, при котором чем больше становится группа, тем слабее внутренняя потребность отдельного индивида вносить свой вклад в выполнение задачи, стоящей перед группой. Латане́, Уильямс и Харкинс (Latané, Williams & Harkins, 1979) занимались проверкой этой теории в США, обращаясь к представителям групп разного размера с просьбой хлопать в ладоши или кричать как можно громче. Члены больших групп прилагали меньше усилий. Подобный эффект наблюдался позднее в странах тихоокеанского бассейна.

Однако при постановке более сложных задач начали выявляться культурные различия. Каро и Уильямс (Karau & Williams, 1993) привели результаты метаанализа 147 случаев эффекта социальной лености в США и 15 случаев в азиатских странах тихоокеанского бассейна. При постановке более сложной задачи социальная леность снижалась повсеместно, однако в пяти случаях постановки сложных задач в странах Азии результат был диаметрально противоположным. По мере увеличения размера группы, ее члены прилагали большее, а не меньшее количество усилий.

Подтверждение этого эффекта было получено и в ходе двух исследований Эрли (Early, 1989, 1993), который также проверял объяснение с учетом фактора культуры. Эрли выдвинул предположение, что работа в группе, в отличие от индивидуальной, повысит мотивацию представителей коллективистских культур усердно трудиться и не будет для них поводом отлынивать. В ходе первого исследования он показал, что, выполняя серию часовых заданий, китайские менеджеры более усердно трудились в группе, в то время как менеджеры из США прилагали больше усилий, работая поодиночке. Кроме того, Эрли просил испытуемых заполнить краткий опросник для определения их индивидуалистических и коллективистских ценностных ориентаций. Таким образом, он смог продемонстрировать, что поведение тех, кто был сориентирован на коллективистские ценности, обнаруживало эффект, обратный социальной лености. Во втором исследовании Эрли испытуемыми были израильские, китайские и американские менеджеры. Вновь он произвел оценку их ценностных ориентаций, но на этот раз в одном случае испытуемые работали в группе со своими товарищами, а в другом — с незнакомыми людьми. Он обнаружил, что у индивидуалистов эффект социальной лености выражен при работе в группе безотносительно к составу группы. Коллективисты же трудились более напряженно в группе, состоящей из знакомых им людей.

Исследования Эрли (Early, 1989, 1993) выявили четкие принципы, в соответствии с которыми определенные переменные, по всей видимости, влияют на процессы социального воздействия в тех случаях, когда индивидуалистские ценности не являются превалирующими. Его выводы особенно убедительны, поскольку он самостоятельно определил ценностные установки испытуемых, не полагаясь на предположение о том, что китайцам коллективизм присущ в большей мере, чем американцам. Тем, кто в ценностном отношении сориентирован на коллективизм, недостаточно присутствия любой группы: для них важно, из кого состоит группа.

Конформизм

Начало другому направлению исследований, к которому многократно обращались многие ученые, было положено классическими исследованиями конформизма, проведенными Ашем (Asch, 1951). И здесь первые исследования по теме изучали влияние простого присутствия других людей, в данном случае тех, кто выносил единодушные и при этом неверные суждения о длине линий. Бонд и Смит (Bond & Smith, 1996) сообщили о результатах метаанализа 133 исследований, проведенных по образцу исследования Аша. Большая часть этих исследований была проведена в США, но 36 исследований проводились в 16 других странах. После внесения поправок на различие в планах экспериментов, было обнаружено, что выявленный уровень конформизма был выше за пределами США. С учетом культурной характеристики доминирующих ценностных ориентаций Бонд и Смит пришли к выводу, что самый высокий уровень конформизма имели те народы, у которых были самые высокие показатели коллективизма по Хофстеде (Hofstede, 1980). Использование более современной системы оценок Шварца (Schwartz, 1994) показало, что конформизм наиболее выражен у тех народов, которые имеют высокие показатели консерватизма и низкие показатели интеллектуальной и аффективной (эмоциональной) автономии.

Таким образом, результаты исследований конформизма согласуются с исследованиями социальной лености, свидетельствуя о большей выраженности воздействия у народов с приоритетом коллективистских ценностей. Однако в то время как исследования социальной лености говорят об усилении мотивации трудиться, которое носит позитивный характер, исследования конформизма выявляют эффект, который обычно расценивается как негативный. Вынесение оценок такого рода требует определенных оговорок. Конформизм считается негативным явлением с точки зрения индивидуалистической культуры. Уступка давлению со стороны окружающих воспринимается как отказ от собственной индивидуальности, в особенности тогда, когда такое поведение не вызвано объективной необходимостью, как в экспериментах Аша. Как воспринимает подобное поведение представитель коллективистской культуры? Если я представляю собой меньшинство размером в единицу, а остальные члены группы делают очевидную ошибку при вынесении суждения, меня заботит проблема сохранения лица. Как представитель коллективистской культуры я озабочен не только тем, чтобы самому не оказаться в неловком положении, но и тем, чтобы дать другим членам группы сохранить лицо (Ting-Toomey, 1988). Следовательно, я могу сознательно дать неправильный ответ, чтобы не привлекать внимание к ошибке, которую сделали мои товарищи. Поступая таким образом, я расцениваю свой поступок не как конформизм, но как тактичное и чуткое отношение к окружающим. Экспериментальные исследования позволяют нам получить объективную количественную оценку процессов социального воздействия, однако при этом мы должны отдавать себе отчет в том, до какой степени оценочные характеристики выявленных эффектов отражают наши собственные ценностные ориентации.

Эрли пришел к выводу, что уровень воздействия, позитивно воспринимаемого коллективистами, варьирует в зависимости от того, кто является их товарищем по

группе. Исследования конформизма в Японии выявили тот же самый эффект: Уильямс и Согон (Williams & Sogon, 1984) обнаружили, что группа, члены которой уже знакомы между собой, оказывает гораздо более сильное воздействие, чем группа, сформированная из людей, которые прежде не знали друг друга.

Фактически все исследования социальной лености и конформизма проводились на базе групп, все члены которых имели одинаковый статус. Как мы уже видели, показатели варьировали в зависимости от того, насколько высок был уровень коллективизма (или, используя термин Шварца, консерватизма) данной группы. Пристрастие к группам, все члены которых равны по статусу, могло возникнуть благодаря получившим широкое распространение исследованиям студенческих групп. Однако с таким же успехом этот факт можно расценивать как показатель того, что для создания условий, в которых мы можем исследовать основные разновидности социального воздействия, нет необходимости в иерархических различиях между членами группы. Такое допущение, скорее всего, возможно при исследовании культур, которые, как, например, США, имеют низкие показатели дистанции по отношению к власти (Хофстеде) и иерархии (Шварц). Если же в исследовании примут участие испытуемые с разным статусом, то, вероятно, названные параметры, характеризующие культуру, окажутся релевантными и должны будут учитываться в процессе исследования.

Иерархическое воздействие

Иерархия у многих народов находится в большем почете, чем в США. Однако неудивительно, что воспроизведение известного исследования Милгрэма (Milgram, 1974), посвященного повиновению властям в США, дало похожие результаты в восьми странах (Smith & Bond, 1998). Эти исследования всего лишь продемонстрировали повсеместное существование повиновения. Диапазон охвата различных культур был не слишком широк, и в ходе исследований не учитывались ценностные ориентации испытуемых. Следовательно, они не дают аргументированных объяснений, почему в одних условиях повиновение выражено более, чем в других.

Классические теории управления

Под **управлением** обычно понимается воздействие, основанное на иерархии. Обширная литература по управлению с некоторыми исключениями сформировалась на базе разработки и проверки теорий, изначально сформулированных в Северной Америке. Эти теории стремились определить личные качества или стили поведения, которые позволяют достичь максимально позитивной реакции подчиненных на руководителя. Их объединяло желание выявить те разновидности поведения, которые приводят к возникновению воздействия, направленного от лидера к подчиненному. Иными словами, руководство имплицитно рассматривалось как однонаправленный процесс, зависящий от поведения и личных качеств лидера. Эти первые попытки выявить личностные особенности или качества руководителя, обладающие универсальной эффективностью, оказались безуспешными и привели к созданию более сложных «вероятностных» моделей. Последние устанавливали

различные ситуации, в которых тот или иной стиль руководства был наиболее эффективен (Bass, 1990). Таким образом, исследователи проблем управления, в отличие от теоретиков, занимавшихся воздействием со стороны группы (см. выше), пытались рассматривать процесс управления в связи с контекстом. Однако проверки вероятностных теорий показали их несостоятельность, поскольку каждый раз давали новые данные. Чтобы понять причины такого положения, будет полезно обратиться к одной из ведущих теорий, разработанных за пределами США.

Японский подход к управлению

Мисуми (Misumi, 1985) высказал предположение, что эффективное руководство предполагает выполнение двух основных функций, которые он определил как исполнение (*P — performance*) и сохранение (*M — maintenance*). Часто, ссылаясь на его теорию, ее называют *PM*-теорией. На первый взгляд данные функции напоминают некоторые излюбленные американцами параметры стиля управления. Однако пока теоретики из США ломали копья, стремясь разработать достоверные психометрические инструменты для оценки избранных ими стилей управления, Мисуми заявил, что его функции управления в каждой новой ситуации неизбежно будут осуществляться по-новому. Таким образом, Мисуми начинает определение концепции с выявления ситуации и полагает, что руководителю придется изобретать поведение, уместное в данной ситуации для выполнения своих функций. Теоретики из США при этом разрабатывали жесткие параметры оценки стиля управления, а затем строили гипотезы о ситуациях, в которых такой стиль может быть эффективен. Теория Мисуми отражает представление японцев о том, что человек проявляет себя, приводя свое поведение в соответствие с социальным контекстом, в то время как американцев больше занимало то, как обеспечить последовательное представление личности в различных ситуациях (например, Cousins, 1989; Markus & Kitayama, 1991).

PM-теория получила убедительное подтверждение во многих японских организациях. Кросс-культурная проверка теории Мисуми (Misumi, 1985) свидетельствовала о чрезвычайной важности сделанного им разграничения между общими и специфическими функциями управления. Смит с коллегами (Smith, Misumi, Tayeb, Peterson & Bond, 1989) обнаружили, что поведение руководителей, связанное с *P*- и *M*-функциями на сборочных электротехнических предприятиях в Японии, Гонконге, США и Великобритании, серьезно различается. Определенный вид поведения, который в одном культурном контексте может рассматриваться как реализация *M*-функции, в другой культуре может расцениваться как препятствующий ее выполнению.

Вероятно, теория Мисуми имеет и более широкое практическое значение. Она говорит о том, что разработчики теорий в области управления должны четко разграничивать те аспекты управления, которые можно считать фундаментальными, и те, которые носят специфический и менее важный характер. Скорее всего, культурными универсалиями являются общие функции управления, тогда как специфические функции, вероятно, будут сферой проявления культурных различий. Разграничение такого рода может помочь и пониманию разного рода данных, полученных в процессе исследований во многих областях кросс-культурной психологии (Smith & Bond, 1998).

Теории «новой волны»

Новейшие западные теоретики управления придерживаются подхода, в большей степени согласующегося со взглядами Мисуми. Все более глубокие изменения на организационном и социальном уровнях заставили их понять, что важнейшая функция руководителя — способствовать этим изменениям, а не просто управлять существующей структурой. Теоретики «новой волны» считают, что умелые руководители отличаются прежде всего способность определить, как следует наилучшим образом подготовить свою организацию к выполнению задач, которые поставит перед ней будущее. Тогда такие руководители могут управлять, устанавливая и распределяя обязательства, возникающие в свете такого подхода (Bass, 1985; Bryman, 1992). Ряд современных критериев связан не с точным определением того, как данные функции будут реализовываться в конкретном контексте, но с определением в более общем плане, обладает ли руководитель чертами «харизматического» или «мобильного» лидера.

Две из наиболее известных теорий управления этого типа прошли в последнее время широкую кросс-культурную апробацию, и результаты этих исследований будут рассмотрены ниже. Кроме того, Йегер и Канунго (Jaeger & Kanungo, 1990) высказали предположение о том, что харизматическое лидерство в большей степени свойственно незападным культурам. Они отмечают, что общность взглядов лидера и его подчиненных, к созданию которой стремится харизматический лидер, хорошо согласуется с высоким уровнем коллективизма, значительной дистанцией по отношению к власти и высокими показателями избегания неопределенности (Hofstede, 1980). В таком контексте подчиненные стремятся обрести источник определенности, связанный со статусом. Такая точка зрения противоречит подходу Басса (Bass, 1985) и Хауса и Шамира (House & Shamir, 1993), которые полагают, что успешность определенного стиля управления, при котором лидеру свойственно предвидение перспектив, не связана с культурным контекстом.

Трансформационное управление

В основе теории Басса (Bass, 1985) лежит противопоставление между стилем руководителя-провидца, который определяется как **трансформационный**, и альтернативным **транзакционным** стилем, когда руководитель в обмен на производительный труд подчиненных предоставляет им вознаграждение, причем подчиненные не испытывают на эмоциональном уровне чувства долга по отношению к организации. Басс (Bass, 1997) подвел итоги исследований, проведенных на основе использования Многофакторного опросника по управлению (*MLQ*), который заполняли испытуемые, занимающие подчиненное положение. Трансформационный стиль руководства оказался более эффективным по сравнению с транзакционным в различных организациях более чем в 20 странах. Однако при этом кросс-культурной валидности опросника Басса уделялось недостаточное внимание. За исключением перевода, не осуществлялось никакой корректировки вопросов, которая обеспечила бы их адекватное понимание на местном уровне, и, судя по всему, не удалось сохранить факторную структуру опросника во всех культурных контекстах (Dorfman, 1996). К тому же неясно, действительно ли этот опросник оценивает

те особенности взаимоотношений руководителя–подчиненного, которые не учитывались более ранними концепциями, не имеющими отношения к провидческому стилю руководства. Трэйси и Хинкин (Tracey & Hinkin, 1998) собрали при помощи опросника данные, которые обнаруживают устойчивую корреляцию с показателями оценки поведения руководителя, полученными при помощи более ранних теорий. В качестве базы исследования они использовали одних и тех же респондентов из США.

Всемирная программа исследования управления и эффективности организационной работы (*GLOBE*)

Без сомнения, огромный вклад в кросс-культурные исследования управления за последнее десятилетие внесла Всемирная программа исследования управления и эффективности организационной работы. Координатором программы был Роберт Хауз, а ее участниками — множество специалистов в области исследований управления по всему миру. Хауз (House, 1977) одним из первых создал модель харизматического стиля управления, хотя теперь он предпочитает термин **управление на основе ценностных представлений**. Цель программы была сформулирована следующим образом: определить, является ли эффективным управление, соответствующее местным нормам и ценностным ориентациям или же не согласующееся с ними, а также — существуют ли в сфере управления универсалии, которые выходят за пределы культуро-специфичных норм и ценностных ориентаций (House, Wright & Aditya, 1997).

Участники программы *GLOBE* обследовали более 17 000 руководителей в 825 организациях, 3 отраслях промышленности и 61 стране. Инструментарий в ходе исследований учитывал как культурный контекст, так и конкретные характеристики, которые ассоциировались в рамках определенного контекста с умелым руководством (House et al., 1999). Самое пристальное внимание уделялось обеспечению адекватного перевода инструментов и сбору данных, подтверждающих валидность используемых инструментов. Примечательно, что испытуемым задавались вопросы, не только касающиеся организации, но и общества. Кроме того, респондентов просили охарактеризовать ситуацию такой, «какова она есть», и такой, «какой ей следует быть». В ходе исследований оценивались девять параметров культурной специфики, большая часть которых представляла собой производные параметров, предложенных Хофстеде (Hofstede, 1980) и другими учеными. Затем респондентам предлагался список из 112 черт характера, им необходимо было оценить, в какой мере та или иная из перечисленных характеристик способствует или препятствует успешному руководству. В ходе первичного анализа данных эти характеристики были сведены к 21 «типу» руководителя, данные типы представляли модели, которые систематически выявлялись в различных выборках.

Такова картина за несколько лет до завершения программы и получения окончательных результатов. Однако уже первые результаты говорят о значительном уровне совпадений в оценке эффективных стилей управления во всем мире (Den Hartog, House & coauthors, 1999). В 60 странах чаще всего подчеркивалось значение таких характеристик, как заслуживающий доверия, энергичный, умеющий создать мотивацию, решительный, умный, надежный и умеющий планировать

заранее. Эти результаты можно рассматривать как подтверждение предположения об универсальном характере управления на основе ценностных представлений. Однако результаты показывают также и то, что оценки ряда других личностных характеристик существенно различаются. Так, ощутимые различия были обнаружены в оценке таких характеристик руководителя, как сдержанность, индивидуализм, хитрость, высокомерие и т. д.

Бродбек и 44 соавтора (Brodbeck & 44 coauthors, 2000) проанализировали различия в данных, полученных в рамках программы *GLOBE* по 22 европейским странам. Было обнаружено, что группы европейских стран, имевших сходные представления об управлении, соответствовали группам стран, которые по данным более ранних исследований имели различия в ценностных ориентациях. Следовательно, судя по всему, результаты программы *GLOBE* подтвердят как мнение тех, кто стремится доказать наличие кросс-культурных универсалий в управлении, так и точку зрения тех, кто видит больше практической пользы в осмыслении культуро-специфичных различий, чем в поисках сходства.

Дополнительные источники воздействия

Еще одно широкомасштабное кросс-национальное исследование процессов управления было посвящено источникам, которые задействует руководитель, преодолевая повседневные проблемы. Развивая свою *event management* теорию управления, связанного с преодолением повседневных проблем, Смит и Петерсон (Smith & Peterson, 1988) подчеркивали, что хотят отойти от западных представлений о лидере как об однонаправленном источнике воздействия. Им ближе представление о лидерах как о ключевых фигурах в сети потенциальных источников воздействия. Их исследование охватывало более 40 стран. Результаты свидетельствуют об устойчивом обращении управляющих в определенной стране к одним и тем же источникам воздействия, равно как и соответствии этих источников ценностным ориентациям данного народа, определенным в ходе предшествующих кросс-культурных исследований (Smith, Peterson & Schwartz, 2000). Например, в культурах с более высоким уровнем автономии и эгалитаризма по Шварцу (Schwartz, 1994) управляющие чаще полагаются на своих подчиненных, а там, где выше уровень послушания и иерархии, — на формальные нормы и методы.

Исследование Сана и Бонда (Sun & Bond, 1999), посвященное тактикам воздействия, также открывает новые перспективы. Во-первых, оно проводилось в китайских организациях, что дало возможность выявить местные тактические приемы, которые нельзя оценить при помощи прежних критериев, разработанных в США. Во-вторых, ученые сравнивали воздействие снизу вверх и сверху вниз, что позволило им избежать имплицитной установки на исследование только воздействия сверху вниз. Из 34 выявленных в ходе исследования тактик 11 были свойственны исключительно китайцам и использовались главным образом для воздействия снизу вверх. Возможно, тактики воздействия снизу вверх и сверху вниз в западных культурах, которым свойственна незначительная дистанция по отношению к власти, относительно схожи между собой. В контексте значительной дистанции по отношению к власти для осуществления эффективного воздействия снизу вверх может потребоваться более широкий диапазон чередующихся видов поведения.

Выявленные тактики включали «восхваление объекта за глаза», «демонстрацию уважения» и «сверхурочную работу».

Подобным образом Рао, Хашимото и Рао (Rao, Hashimoto & Rao, 1997) занимались выявлением тактики воздействия снизу вверх в Японии, которая включает внимание к нуждам компании в противовес личным потребностям. Анализ японского феномена амэ способствовал более глубокому пониманию воздействия снизу вверх, которое допускается в рамках взаимоотношений **потакающей зависимости** *(indulgent dependence)* между начальником и подчиненным (Kim & Yamaguchi, 1996). Синха (Sinha, 1997) отмечает также наличие ряда широко распространенных в Индии тактик воздействия снизу вверх, цель которых — снискать расположение руководителя. К ним относятся самоуничижение, хвастовство своими связями и подчеркивание своей зависимости от начальства.

Кросс-культурные исследования управления продолжают привлекать к себе внимание исследователей, чему, без сомнения, способствуют современные тенденции глобализации, которая затрагивает многие бизнес-структуры. Наиболее перспективным моментом современных разработок является постепенный отход от простой апробации однонаправленных моделей воздействия в процессе руководства, разработанных в США. Теории управления и теории культурных различий получают новое, более глубокое наполнение главным образом благодаря учету ценностных ориентаций и культурной специфики воздействия в процессе управления.

Переговоры

Можно доказать, что любые переговоры представляют собой попытку управления и что любое успешное управление предполагает ведение переговоров. Однако социальное воздействие в процессе эксплицитного ведения переговоров освещается в литературе как отдельная тема. Ряд самых широкомасштабных кросс-культурных исследований переговоров был проведен Грэхэмом и его коллегами (Graham & Mintu Wimsat, 1997; Graham, Mintu & Rodgers, 1994). Использовалась стандартная методика часовой имитации процесса, в ходе которого менеджеры исполняли роль покупателей или продавцов. Данная методика применялась в 16 странах, чтобы определить, достигают ли большего успеха переговорщики, занимающие «жесткую» позицию, или те, кто использует подход «разрешения проблем», пытаясь прийти к компромиссу, который позволит обеим сторонам получить максимальную выгоду.

Грэхэм и его коллеги (Graham et al., 1994) представляют сравнительный анализ данных по 10 странам. Полученные данные достаточно сложны, возможно, из-за того что исследование проводилось в относительно естественных условиях, при отсутствии контроля поведения участников со стороны экспериментатора. Так, в 8 странах было обнаружено, что если одна из сторон придерживается подхода, ориентированного на разрешение проблем, другая сторона отвечает взаимностью. Однако на Тайване и во франкоязычной части Канады эффект был практически противоположным. Ориентация на решение проблем вела к увеличению прибылей на Тайване и в Корее, однако в Мексике и Испании приводила к убыткам. Полу-

ченные данные свидетельствовали о явно выраженной связи между результатами переговоров и показателями параметров Хофстеде. Участники переговоров, представлявшие индивидуалистические культуры, имели более низкие показатели использования подхода, ориентированного на разрешение проблем, и, прибегая к его использованию, получали более высокую прибыль. Выполняемая роль также оказалась значимой для успешной деятельности, при этом в 7 странах покупатели справлялись со своей задачей лучше, чем продавцы. Превосходство покупателя над продавцом было тем более выраженным, чем более высокие показатели имела его культура по коллективизму и дистанции по отношению к власти. Таким образом, социальный контекст в данном случае оказывал существенное влияние на выполнение определенных функций в коллективистских культурах, тогда как в индивидуалистических культурах важную роль играл дух личного соперничества.

Подходы к разрешению конфликтов

Многие исследования, проведенные Грэхэмом и коллегами (Graham, 1993; Graham et al., 1994; Graham & Mintu Wimsat, 1997), свидетельствуют о сложности (равно как и о преимуществах) проведения реальных кросс-культурных сравнений. Большинство исследователей вместо этого предпочитают использовать инструменты в виде опросников для оценки личных предпочтений при преодолении разногласий. Исследования такого типа часто выявляют сравнения, которые можно легко объяснить с учетом различий в ценностных ориентациях культур. Так, Трубиски, Тинг-Туми и Лин (Trubisky, Ting-Toomey & Lin, 1991) обнаружили, что тайваньские студенты при разрешении конфликтов между собой чаще прибегают к «уступкам», «уклонению», «компромиссам», «интеграции», чем это свойственно имеющим более высокий уровень индивидуализма американцам. Группа авторов (Cropanzano, Aguinis, Schminke & Denham, 1999) провела сравнение предпочтительной тактики студентов при разрешении конфликтов в Мексике, США, Аргентине и Доминиканской республике. Разрешение конфликтов на основе авторитарного решения наименее популярно в США и Аргентине, то есть в тех культурах, которые имеют низкие показатели дистанции по отношению к власти, по Хофстеде.

Моррис и его коллеги (Morris et al., 1998) сравнивали предпочтения студентов в отношении соперничества и избегания конфликтов в США, на Филиппинах, в Гонконге и в Индии. По сравнению с представителями других культур, у американцев были более высокие показатели стремления к соперничеству, а у китайцев — избегания конфликтов. Тинсли и Пиллутла (Tinsley & Pillutla, 1998) обнаружили подобную оппозицию предпочтений у жителей Гонконга и США при ведении переговоров. Как Моррис и соавторы (Morris et al., 1998), так и Тинсли и Пиллутла (Tinsley & Pillutla, 1998) смогли доказать, что эти различия можно объяснить индивидуальными показателями ценностных ориентаций по Шварцу (Schwartz, 1994).

Как подтвердили исследования (Graham, 1993; Graham et al., 1994; Graham & Mintu Wimsat, 1997), реакция друг на друга представителей культуры с высокими показателями коллективизма и дистанции по отношению к власти, зависит от социального контекста. Дополнительной характеристикой этого контекста явля-

ется принадлежность потенциального объекта воздействия к той или иной группе. Разногласия между членами «своей» группы отличаются по значимости от разногласий с теми, кто к ней не принадлежит, и поэтому в первом и во втором случаях подходы к разрешению конфликта, скорее всего, будут различны.

Пытаясь внести ясность в ранее полученные данные по коллективистским культурам, Лейнг (Leung, 1997) предложил разграничить избегание дезинтеграции и снижение враждебности. Избегание дезинтеграции наиболее важно при возникновении разногласий между членами одной группы, поскольку разрыв связей между членами группы всегда имеет болезненный характер и особенно проблематичен в коллективистских культурах. Кроме того, разногласия между членами группы обычно не столь уж глубоки, поэтому вопрос о снижении враждебности, как правило, не выступает на первый план. Когда же обстоятельства складываются таким образом, что требуется оказать воздействие на члена «чужой» группы, необходимость дальнейшего поддержания отношений с ним отсутствует. Сам факт контакта с членом «чужой» группы может указывать на конфликт, связанный с правами или ресурсами, как в случае создания Грэхэмом и его коллегами (Graham et al., 1994) ситуации, имитирующей проведение переговоров. Следовательно, уровень враждебности может быть достаточно высок, и, чтобы прийти к соглашению, необходимо снизить его. Лейнг полагает, что стратегии воздействия, которым отдается предпочтение при избегании дезинтеграции, представляют собой уступки и стремление избежать противостояния. При необходимости снижения враждебности более эффективными оказываются установка на решение проблемы и поиск компромисса.

Данные исследований в этой области пока недостаточны, поскольку, хотя важность разграничения между «своими» и «чужими» является общепризнанной, нет исследований, которые включали бы контроль того, кто воспринимается респондентом как член «своей» группы, а кто — как представитель «чужой». В ходе исследования Кропанзано и коллег (Cropanzano et al., 1999) была предпринята попытка манипулировать принадлежностью участников конфликта к «своим» или «чужим», однако эти попытки потерпели неудачу. Смит, Дуган, Петерсон и Лейнг (Smith, Dugan, Peterson & Leung, 1998) использовали данные, полученные в ходе программы исследований управления как подхода к решению повседневных проблем, о которой говорилось выше. Проанализировав данные по 23 странам, они обнаружили, что количество межгрупповых разногласий выше в культурах с высокими показателями дистанции по отношению к власти. Частота внутригрупповых разногласий не связана с показателями какого-либо из параметров Хофстеде. Однако в отношении подхода к разрешению внутригрупповых и межгрупповых разногласий у представителей культур с низкими показателями дистанции по отношению к власти наблюдалось разнообразие, которое не согласуется с предположениями Лейнга.

В течение последних десяти лет Лейнг (Leung, 1997) учитывал в ходе проведения исследований дополнительную составляющую, которая может помочь разрешению этих противоречий. Обращаясь к респондентам с просьбой дать оценку различным способам разрешения конфликта, он просил их, кроме того, оценить, в какой мере каждый из этих способов способствует снижению враждебности.

Таким образом он получил возможность показать, что, несмотря на различие подходов, с помощью которых индивид рассчитывает оказать влияние на исход конфликта, все они рассматриваются им как пути снижения враждебности (или избегания дезинтеграции).

Так, Лейнг и другие авторы (Leung, Au, Fernandez-Dols & Iwawaki, 1992) обнаружили, что японские и испанские студенты, в отличие от голландских и канадских, предпочитают переговоры и уступки противной стороне обвинениям. Однако данные по этим четырем странам показали, что предпочтение отдается тактике, которая ассоциируется со снижением враждебности. Таким образом, в известном смысле здесь можно провести параллель между данными о подходах к разрешению конфликтов и данными кросс-культурных исследований управления, что, возможно, свидетельствует о наличии универсальных аспектов конкретных стратегий воздействия, применение которых способствует достижению желаемого результата при ведении переговоров. В равной степени при этом существует и культурная специфика, определяющая, какие пути снижения враждебности и избегания дезинтеграции представители данной культуры считают наиболее эффективными.

Некоторые замечания в связи с будущими исследованиями

После того как мы рассмотрели кросс-культурные исследования, касающиеся трех аспектов социального воздействия, настало время подвести промежуточные итоги. Что доведено до конца, а каким направлениям не уделялось достаточного внимания? Из рассмотренных исследований совершенно ясно, что новая теоретическая схема кросс-культурной психологии в основном согласуется с результатами изучения социального воздействия. Эта теоретическая схема выстроена на основе классификации культур в соответствии с обзорами систем ценностных ориентаций (Smith & Schwartz, 1997). Хотя в центре внимания находились характеристики культуры в целом, определенный прогресс был достигнут в создании концептов, применимых в исследованиях личности. Как мы видели, воздействие со стороны группы, иерархическое воздействие и поведение в ходе переговоров носят в известной мере универсальный характер, но различаются в конкретных проявлениях, которые можно прогнозировать с учетом доминирующих ценностных ориентаций отдельной культуры.

Есть определенные основания для удовлетворения в связи со свидетельствами конвергентной валидности полученных результатов. Однако предстоит еще долгий путь, прежде чем мы сможем в полной мере извлечь пользу из этих данных. У этого есть три причины: одна методологическая и две содержательные. Методологический аспект не рассматривался здесь в полном объеме, поскольку ему посвящена глава 5. Однако стоит повторить, что, пока в центре внимания кросс-культурных исследований социального воздействия остаются кросс-культурные сравнения, исследователи должны сознавать опасность сравнения ответов на переведенные и при этом недоработанные инструменты исследования. В отношении неявно содержащихся в ответах отклонений имеются существенные культурные различия, и работы, в ходе которых проверяются гипотезы, выдвинутые на основе сравнений

при помощи недоработанных инструментов, чаще всего на деле посвящены сравнению отклонений, а не самих изучаемых переменных. Более разумная стратегия предполагает поиск методов, позволяющих минимизировать отклонения, или проведение параллельных исследований внутри страны.

Воздействие при взаимодействии культур

Самым слабым звеном данной области исследований в настоящее время остается пренебрежение процессами социального воздействия, имеющими место при взаимодействии представителей разных культурных групп. Стремительный процесс глобализации ведет к тому, что в сфере просвещения, бизнеса, досуга и общественных отношений резко возрастает количество контактов между представителями разных культур. Однако данные исследований иммигрантов и временных переселенцев говорят о том, что в ближайшем будущем не предвидится смешения культур (Smith & Bond, 1998). Это значит, что существует более настоятельная потребность осмысления того, что происходит при попытках социального воздействия, которое носит кросс-культурный характер, чем в безусловно необходимых, но скорее предварительных сравнениях между выборками, представляющими культуру А и культуру Б.

Есть масса оснований полагать, что люди, взаимодействующие с представителями чужой культуры, ведут себя с ними иначе, чем с представителями собственной культурной группы (Smith & Bond, 1998). Кросс-культурное взаимодействие часто предполагает контакт с чужим и незнакомым, общение с тем, кто говорит на другом языке, и наличие особенностей, которые отличают индивидов друг от друга, а не общих точек соприкосновения. Поэтому мы хотим еще раз вернуться к основным темам, которые обсуждались выше.

Воздействие со стороны группы

Первые кросс-культурные исследования были в основном посвящены сравнениям эффекта однородности и неоднородности. В одной из последних работ (Earley & Mosakowski, 2000) было показано, что неоднородность может проявляться в разных формах. Они утверждают, что группа, которая состоит из 10 человек, представляющих 10 разных культур, значительно отличается от группы, которая включает 5 человек, принадлежащих к культуре А, и 5 человек, принадлежащих к культуре Б, поскольку вторая группа практически состоит из двух подгрупп, являясь поляризованной. Разнородным по составу группам приходится вырабатывать определенные модели совместной деятельности, поскольку у них нет единого стиля воздействия, который все члены группы предпочитают одинаково. Поляризованным группам угрожает возможная несовместимость и противостояние двух фракций, которые могут парализовать способность группы к действию. Изучая 47 групп студентов в школах бизнеса в Великобритании и 5 групп в многонациональной американской организации в Юго-Восточной Азии, Эрли и Мозаковски обнаружили, что группы, работавшие наиболее эффективно, были однородными или разнородными, но не поляризованными. Подзядловски (Podsiadlowski, 1999) обследовал 34 бизнес-группы, которые работали в немецкой многонациональной организации, также расположенной в Юго-Восточной Азии. Члены эти групп оценивали эф-

фективность своей работы тем выше, чем выше была культурная неоднородность группы.

Эти исследования дают некоторую информацию о результатах работы в одной команде представителей разных культур. Для понимания процессов социального воздействия, которые ведут к успеху или неудаче, необходим более детальный анализ таких вопросов, как ограничения, налагаемые культурой на различные виды участия в деятельности группы и его интенсивность, распределение ролей, определение формальной структуры группы и т. д.

Иерархическое управление

Существует несколько исследований, посвященных проблемам совместной деятельности руководителей и подчиненных, принадлежащих к разным культурам. Рао и Хашимото (Rao & Hashimoto, 1996) изучали японских менеджеров, работающих в Канаде, в подчинении у которых были как служащие-японцы, так и канадцы. Японские менеджеры применяли большее количество санкций и приводили больше доводов, имея дело с канадцами. Судя по всему, они вели себя таким образом, поскольку то, что подразумевалось и не требовало объяснений при работе с подчиненными-японцами, необходимо было доносить до канадцев в эксплицитной форме. Петерсон, Пенг и Смит (Peterson, Peng & Smith, 1999) обнаружили, что когда в США открылось японское предприятие, служащие поначалу более позитивно реагировали на нажим со стороны начальников-японцев, нежели начальников-американцев. Позднее это разграничение исчезло. Смит, Ванг и Лейнг (Smith, Wang & Leung, 1997) изучали китайских менеджеров, работавших в Китае на совместном предприятии в сфере гостиничного бизнеса, начальниками которых были не китайцы. Самые большие проблемы возникали, когда начальниками были японцы, а минимальные трудности отмечались при работе с начальниками из Гонконга или Тайваня. Подчиненные-китайцы говорили о том, что оптимальный уровень эффективности в ходе непосредственной коммуникации отмечался при работе с управляющими из западных стран. При этом они отмечали, что при возникновении проблем они чаще полагаются на опосредованные формы коммуникации.

Исследования взаимодействий между руководителем и подчиненным, принадлежащими к разным культурам, сейчас находятся в периоде становления. Мы имеем разрозненную информацию о различных формах адаптации, но весьма скудные сведения о том, что ведет к успешной адаптации. Существующая литература о менеджерах-экспатриантах в первую очередь посвящена вопросам более общего характера, таким как подготовка, удовлетворение от работы и т. д.

Переговоры

Тсе, Фрэнсис и Уоллс (Tse, Francis & Walls, 1994) представили отчет о сравнении внутри- и межкультурных переговоров между китайскими и канадскими менеджерами. Между стратегиями китайцев и канадцев систематически выявлялись одни и те же различия, безотносительно к тому, носили переговоры внутри- или межкультурный характер. Однако это не дает достаточного подтверждения гипотез, поскольку настоящих встреч между участниками переговоров не происходило.

Грэхэм (Graham, 1993) снял на видеопленку переговоры между американцами и японцами. Затем он попросил участников переговоров просмотреть пленку и прокомментировать проблемы, с которыми они столкнулись. Японцы говорили, что им неприятно прямое отклонение их предложений и то, что их часто перебивают. Они пришли в замешательство, когда продавец взял инициативу на себя, тогда как японская культура предполагает, что покупатель имеет более высокий статус, чем продавец, а следовательно, проявление инициативы — это его прерогатива. Американцам было трудно понять, когда кивки головой означали согласие, им не нравилась высокая стартовая цена продажи и они не могли понять, когда «окончательное» предложение действительно было окончательным, а когда нет.

Группа авторов (Weldon, Jehn, Doucet, Chen & Wang, 1996) собрала отчеты китайских и американских менеджеров, касающиеся случаев межкультурных и внутрикультурных разногласий, имевших место в совместных предприятиях на территории Китая. По материалам этих отчетов были выявлены типичные случаи разногласий и предъявлены другой выборке китайских и американских менеджеров, которых попросили рассказать, как они будут преодолевать проблемы такого рода. Было обнаружено, что китайцы и американцы по-разному подходят к улаживанию внутрикультурных и межкультурных разногласий. О внутрикультурных разногласиях американцы обычно докладывают начальству, а межкультурные разногласия игнорируют или стараются воздержаться от вмешательства. Китайцы стремятся пристыдить своих коллег, принадлежащих к их культуре, и преподать им урок нравственности, а в случае конфликта между представителями разных культур стараются выправить ситуацию, используя обходные пути.

Наше краткое и частичное рассмотрение проблем социального влияния в условиях кросс-культурного взаимодействия тем не менее свидетельствует, что при таких обстоятельствах люди могут вести себя по-иному, не так, как они ведут себя с представителями своей культуры. Это вновь говорит о необходимости исследовать условия такого рода более глубоко и тщательно, вместо того, чтобы строить предположения, экстраполируя на новые обстоятельства результаты сравнения внутрикультурных реалий.

Аспекты социального взаимодействия, которые упускаются из виду

Данная глава посвящена тем формам социального воздействия, которые наиболее полно изучены специалистами по кросс-культурной психологии, а именно влиянию, которое осуществляется в ходе личного взаимодействия. При этом все более важным в современном обществе становится социальное воздействие через средства массовой информации, и, судя по всему, значение такого воздействия в будущем будет расти. Рекламодатели вкладывают огромные средства, чтобы донести свою информацию именно до той аудитории, которой она предназначена. Все еще недостаточно внимания исследователи уделяют культурным различиям в восприимчивости людей к разного рода информации. Примером исследования такого типа, которое не только внесло определенный вклад в кросс-культурную теорию, но и оказалось при этом применимо на практике, является работа Хана и Шавитта (Han & Shavitt, 1994).

Названные авторы изучили рекламные объявления в американских и южнокорейских журналах и обнаружили, что корейская реклама гораздо чаще апеллирует к коллективистским мотивам, тогда как американская в первую очередь обращается к индивидуалистическим мотивам. Затем исследователи обратились к корейцам и американцам с просьбой оценить убедительность различных рекламных объявлений. В некоторых из них рекламировались предметы индивидуального пользования (жевательная резинка, кроссовки), а другие были посвящены предметам совместного пользования (моющие средства, утюги). Американские респонденты были более восприимчивы к обращениям личного характера, корейцы же предпочитали объявления, которые обращались к коллективу. Этот эффект был особенно устойчив, когда речь шла о рекламе предметов совместного пользования. В более позднем исследовании Шавитт, Нельсон и Юань (Shavitt, Nelson & Yuan, 1997) обнаружили, что жители США и Тайваня по-разному читают рекламные объявления. Американцы обращают более пристальное внимание на информацию о продукте, тогда как жители Тайваня более чутко реагируют на соответствие объявления контексту.

Исследования такого рода позволяют по-новому взглянуть на многие интересные вопросы. Например, некоторые крупные американские компании считают, что, давая одинаковые рекламные объявления о своем товаре во всех странах Европы, они тем самым создают единые представления о рекламируемом товаре. При этом европейские фирмы предпочитают создавать рекламу в разных странах Европы с учетом ее культурного соответствия. Какая стратегия более эффективна?

Заключение

В начале этой главы говорилось о том, что формирование социальной психологии на территории Северной Америки привело к тому, что в подходах к изучению социального воздействия доминировали индивидуалистические представления. В сфере понимания и исследования того, насколько такой подход препятствовал созданию моделей, обладавших более широкой применимостью, был достигнут определенный прогресс. Так, при исследовании процессов управления был собран материал по многим странам. Кроме того, все шире использовались модели, разработанные в ходе кросс-культурных исследований ценностных ориентаций, что позволяло понять, в какой мере они способны объяснить различия в используемых и предпочтительных моделях социального воздействия.

В течение ближайших десяти лет перед исследователями будут стоять три группы проблем. Во-первых, мы должны расширить диапазон изучаемых процессов социального воздействия. Скорее всего, это произойдет, когда исследователи расширят свой круг чтения. Среди ученых, и прежде всего это относится к ученым Северной Америки, принято заниматься и интересоваться лишь собственным узким направлением исследований, читая лишь те работы, которые непосредственно связаны с данной темой. Тому, кто занимается кросс-культурными исследованиями, проще иметь более широкий кругозор, поскольку сам характер данных, которыми занимается исследователь, требует привлечения новых, более широких сведений. Изучение существующего материала в полном объеме способствует фор-

мированию более широких взглядов на природу процессов социального воздействия в рамках отдельной культуры (культур).

Во-вторых, нам следует искать такие методы обработки данных, с помощью которых можно выявить как универсалии, так и культуро-специфичные вариации, не считая их взаимоисключающими. Программа исследований управления *GLOBE* дает прекрасный пример того, как это можно сделать. Участники данной программы применяли не только стандартизированные инструменты, но выявлялии местную специфику предпочтений в отношении управления и связанного с ним поведения. Это позволило им обнаружить при помощи одних и тех же данных как универсальные, так и специфические составляющие. Такое сочетание подходов к системе оценки практикуется и в ходе реализации не столь масштабных, как программа *GLOBE*, проектов.

И, наконец, что, по моему мнению, важнее всего, мы должны чаще обращаться к примерам настоящего кросс-культурного взаимодействия, вместо того чтобы заниматься теоретическими сравнениями выборок, представляющих разные культуры. У нас не будет недостатка в ситуациях такого рода, в которых имеют место успешные или неудачные попытки оказания социального воздействия. Стиль научения студентов и связанные с ним предпочтения берут истоки в их родной культуре и могут соответствовать или не соответствовать стилю преподавателя. Не всегда удается удовлетворить желания и потребности туристов. Менеджер-экспатриант и местные рабочие могут ладить, а могут конфликтовать в процессе совместной работы. Работа в составе группы и совместная работа над студенческим проектом может удаваться, а может закончиться неудачей. Дипломатические и деловые переговоры порою приводят к соглашению, а порой оказываются безрезультатными.

Почему столь мало исследований посвящено ситуациям такого рода? Отчасти причина может быть в том, что для проведения качественного исследования в этой области необходимо получить данные от обеих взаимодействующих сторон. Этому часто мешают обстоятельства, хотя такие помехи не являются непреодолимыми. Подобное изменение фокуса внимания исследователей позволило достичь заметного прогресса в более широкой области исследований управления. В прошлом многие специалисты, занимавшиеся исследованием процессов управления организациями, изучали, как подчиненные воспринимают поведение руководителя, и затем просили их же оценить эффективность его работы. Часто данные такого исследования имели низкую валидность, поскольку разные оценки, полученные из одного источника, не являются независимыми друг от друга и искажаются за счет гало-эффекта. Однако сегодня ведущие журналы по управлению принимают к публикации только те работы, в которых оценка эффективности работы руководителя не зависит от стиля руководства. Эту оценку можно получить из объективных источников или привлекая альтернативных экспертов, таких как вышестоящий начальник. Подобный подход очень важен при изучении процессов кросс-культурного воздействия. Мы сможем понять, почему попытки со стороны представителей культуры А оказать воздействие на представителей культуры Б закончились неудачей, лишь в том случае, если поймем, как эти попытки воспринимались представителями культуры Б. И когда мы узнаем это, то сможем более конструктивно относиться к культурным различиям, которые встречаем повсюду.

Литература

Asch, S. (1951). Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgement. In H. Guetzkow (Ed.), *Groups, leadership and men* (pp. 177–190). Pittsburgh, PA: Carnegie.

Bass, B. M. (1985). *Leadership and performance beyond expectations.* New York: Free Press.

Bass, B. M. (1990). *Bass and Stogdill's handbook of leadership: Theory, research and managerial applications* (3rd ed.). New York: Free Press.

Bass, B. M. (1997). Does the transactional-transformational leadership paradigm transcend national boundaries? *American Psychologist, 52,* 130–139.

Bond, R. A. & Smith, P. B. (1996). Culture and conformity: A meta-analysis of studies using the Asch (1952b, 1956) line judgment task. *Psychological Bulletin, 119,* 111–137.

Brodbeck, F. & 44 coauthors (2000). Cultural variation of leadership prototypes across 22 European countries. *Journal of Occupational and Organizational Psychology, 73,* 1–29.

Bryman, A. (1992). *Charisma and leadership in organization.* London: Sage.

Cousins, S. (1989). Culture and selfhood in Japan and the US. *Journal of Personality and Social Psychology, 56,* 124–131.

Cropanzano, R., Aguinis, H., Schminke, M. & Denham, D. L. (1999). Disputant reactions to managerial conflict resolution tactics: A comparison between Argentina, the Dominican Republic, Mexico and the United States. *Group and Organization Management, 24,* 124–154.

Den Hartog, D. N., House, R. J. & 170 coauthors. (1999). Emics and etics of culturally-endorsed leadership theories: Are attributes of charismatic transformational leadership universally endorsed? *Leadership Quarterly, 10,* 219–256.

Dorfman, P. W. (1996). International and cross-cultural leadership. In B. J. Punnett & O. Shenkar (Eds.), *Handbook of international management research* (pp. 267–350). Cambridge, MA: Blackwell.

Earley, P. C. (1989). Social loafing and collectivism: A comparison of the United States and the People's Republic of China. *Administrative Science Quarterly, 34,* 565–581.

Earley, P. C. (1993). East meets West meets Mid-East: Further explorations of collectivistic versus individualistic work groups. *Academy of Management Journal, 36,* 319–348.

Earley, P. C. & Mosakowski, E. (2000). Creating hybrid team cultures: An empirical test of international team functioning. *Academy of Management Journal, 43,* 26–49.

Graham, J. L. (1993). The Japanese negotiation style: Characteristics of a distinct approach *Negotiation Journal, 9,* 123–140.

Graham, J. L., Mintu, A. T. & Rodgers, W. (1994). Exploration of negotiation behaviors in 10 foreign cultures using a model developed in the United States. *Management Science, 40,* 72–95.

Graham, J. L. & Mintu Wimsat, A. (1997). Culture's influence on business negotiations in four countries. *Group Decision and Negotiation, 6,* 483–502.

Han, S. P. & Shavitt, S. (1994). Persuasion and culture: Advertising appeals in individualistic and collectivistic societies. *Journal of Experimental Social Psychology, 30,* 326–350.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Beverly Hills, CA: Sage.

House, R. J. (1977). A 1976 theory of charismatic leadership. In J. G. Hunt & L. Larson (Eds.), *Leadership: The cutting edge* (pp. 189–204). Carbondale: Southern Illinois University Press.

House, R. J. & 175 coauthors (1999). Cultural influences on leadership and organizations: Project GLOBE. In W. F. Mobley, M. J. Gessner & V. Arnold (Eds.), *Advances in global leadership* (Vol. 1, pp. 171–233). Stamford, CT: JAI Press.

House, R. J. & Shamir, B. (1993). Toward the integration of transformational, charismatic and visionary theories. In M. M. Chemers & R. Ayman (Eds.), *Leadership theory and research: Perspectives and directions* (pp. 81–107). San Diego, CA: Academic Press.

House, R. J., Wright, N. S. & Adıtya, R. N. (1997). Cross-cultural research on organizational leadership: A critical analysis and a proposed theory. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial/organizational psychology* (pp. 535–625). San Francisco: New Lexington.

Jaeger, A. M. & Kanungo, R. N. (Eds.). (1990). *Management in developing countries.* London: Routledge.

Karau, S. J. & Williams, K. D. (1993). Social loafing: A meta-analytic review of social integration. *Journal of Personality and Social Psychology, 65,* 681–706.

Kim, U. & Yamaguchi, S. (1996). *Conceptual and empirical analysis of* amae. Symposium presented at the 13th Congress of the International Association for Cross-Cultural Psycholgy, Montreal.

Kravitz, D. A. & Martin, B. (1986). Ringelmann rediscovered: The original article. *Journal of Personality and Social Psychology, 50,* 936–941.

Latané, B., Williams, K. & Harkins, S. (1979). Many hands make light work: The causes and consequences of social loafing. *Journal of Personality and Social Psychology, 37,* 822–832.

Leung, K. (1997). Negotiation and reward allocation across cultures. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial organizational psychology* (pp. 640–675). San Francisco: New Lexington.

Leung, K., Au, Y. F., Fernandez-Dols, J. M., and Iwawaki, S. (1992). Preference for methods of conflict processing in two collectivist cultures. *International Journal of Psychology, 27,* 195–209.

Markus, H. & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion and motivation. *Psychological Review, 98,* 224–253.

Milgram, S. (1974). *Obedience to authority: An experimental view.* New York: Harper Row.

Misumi, J. (1985). The *behavioral science of leadership: An interdisciplinary Japanese research program.* Ann Arbor: University of Michigan Press.

Morris, M. W., Williams, K. Y., Leung, K., et al. (1998). Conflict management style: Accounting for cross-national differences. *Journal of International Business Studies, 29,* 711–727.

Peterson, M. F., Peng, T. K. & Smith, P. B. (1999). Using expatriate supervisors to promote cross-border management practice transfer: The experience of a Japanese electronics company. In J. K. Liker, W. M. Fruin & P. S. Adler (Eds.), *Remade in America: Transplanting and transforming Japanese management systems* (pp. 294–327). New York: Oxford University Press.

Podsiadlowski, A. (1999, July). *Cooperation in cross-cultural teams.* Paper presented at the Seventh European Congress of Psychology, Rome.

Rao, A. & Hashimoto, K. (1996). Intercultural influence: A study of Japanese expatriate managers in Canada. *Journal of International Business Studies, 27,* 443–466.

Rao, A., Hashimoto, K. & Rao, A. (1997). Universal and culturally specific aspects of managerial influence: A study of Japanese managers. *Leaership Quarterly, 8,* 295–312.

Schwartz, S. H. (1994). Cultural dimensions of values: Towards an understanding of national differences. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagıtcibasi, S. C. Choi & G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method and application* (pp. 85–119). Thousand Oaks, CA: Sage.

Shavitt, S., Nelson, M. R. & Yuan, R. M. L. (1997). Exploring cross-cultural differences in cognitive responding to ads. *Advances in Consumer Research, 24,* 245–250.

Sinha, J. B. P. (1997). A cultural perspective on organizational behavior in India. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial/organizational psychology* (pp. 53–74). San Francisco: New Lexington.

Smith, P. B. & Bond, M. H. (1998). *Social psychology across cultures* (2nd ed.). Hemel Hempstead, England: Prentice Hall.

Smith, P. B., Dugan, S., Peterson, M. F. & Leung, K. (1998). Individualism-collectivism and the handling of disagreement: A 23-country study. *International Journal of Intercultural Relations, 22,* 351–367.

Smith, P. B., and Misumi, J. (1989). Japanese man agement: A sun rising in the West? In C. L. Cooper & I. T. Robertson (Eds.), *International Review of Industrial Organizational Psychology* (pp. 330–371). Chichester, England: Wiley.

Smith, P. B., Misumi, J., Tayeb, M., Peterson, M. F. & Bond, M. H. (1989). On the generality of leadership styles across cultures. *Journal of Occupational Psychology, 62,* 97–110.

Smith, P. B. & Peterson, M. F. (1988). *Leadership, organizations and culture.* London: Sage.

Smith, P. B., Peterson, M. F. & Schwartz, S. H. (2000). *Cultural values and making sense of work events: A 45-nation study.* Manuscript submitted for publication.

Smith, P. B. & Schwartz, S. H. (1997). Values. In J. W. Berry, C. Kagitcibasi & M. H. Segall (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 3. Social behavior and applications* (2nd ed, pp. 77–118). Boston: Allyn & Bacon.

Smith, P. B., Wang, Z. M. & Leung, K. (1997). Leadership, decision-making and cultural context: Event management within Chinese joint ventures. *Leadership Quarterly, 8,* 413–431.

Sun, H. & Bond, M. H. (1999). The structure of up-ward and downward tactics of influence in Chinese organizations. In J. C. Lasry, J. G. Adair & K. L. Dion (Eds.), *Latest contributions to cross-cultural psychology* (pp. 286–299). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Ting-Toomey, S. (1988). A face negotiation theory. In Y. Y. Kim & W. B. Gudykunst (Ed.), *Theory in intercultural communication* (pp. 213–238). Newbury Park, CA: Sage.

Tinsley, C. H. & Pillutla, M. M. (1998). Negotiating in the United States and Hong Kong. *Journal of International Business Studies, 29,* 711–727.

Tracey, J. B. & Hinkin, T. R. (1998). Transformational leadership or effective managerial practices? *Group and Organization Management, 23,* 220–236.

Trubisky, P., Ting-Toomey, S. & Lin, S. L. (1991). The influence of individualism-collectivism and self-monitoring on conflict styles. *International Journal of Intercultural Relations, 15,* 65–84.

Tse, D. K., Francis, J. & Walls, J. (1994). Cultural differences in conducting intra- and intercultural negotiations: A Sino Canadian comparison. *Journal of International Business Studies, 25,* 537–555.

Van de Vijver, F. & Leung, K. (1996) Methods and data analysis for cross-cultural research. In J. W. Berry, Y. H. Poortinga & J. Pandey (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 1. Theoretical and methodological perspectives* (2nd ed., pp. 257–300). Boston: Allyn & Bacon.

Weldon, E., Jehn, K. A., Doucet, L., Chen, X. M. & Wang, Z. M. (1996). *Conflict management in U.S.Chinese joint ventures.* Unpublished manuscript, University of Indiana, Indianapolis.

Williams, T. P. & Sogon, S. (1984). Group composition and conforming behavior in Japanese students. *Japanese Psychological Research, 26,* 231–234.

ГЛАВА 19

Социальная справедливость с точки зрения культуры

Квуок Лейнг и Уолтер Дж. Стефан

Справедливость — чрезвычайно важная тема во всех общественных науках, понимание справедливости и технология ее осуществления оказывают влияние на все аспекты нашей жизни, начиная с повседневной деятельности и заканчивая правовой и законодательной системами, определяют поведение, отношение к трудовым ресурсам и т. д. Поэтому справедливость и тесно связанная с ней мораль давно изучаются психологией и философией, а исследования этой темы породили множество теорий и моделей справедливости, соотносимых с каждодневной практикой.

В этой главе Лейнг и Стефан рассматривают кросс-культурную литературу, касающуюся справедливости, утверждая, что для создания универсальных теорий справедливости исследования по этой теме должны выйти за пределы европейско-американских культурных ограничений. Они убедительно доказывают, почему справедливость следует изучать в кросс-культурном аспекте, подчеркивая, что кросс-культурные исследования будут способствовать более глубокому пониманию справедливости в таких аспектах, рассмотрение которых невозможно в монокультурных рамках. Они отмечают, что глобализация в различных сферах жизни способствует стремительному расширению межкультурных контактов, в результате чего культурные различия в понимании справедливости и честности могут привести к недоразумениям и конфликтам. Они четко определяют функциональные аспекты справедливости и различие между универсальной и партикулярной концепциями справедливости. Они рассматривают моральные основы справедливости, подчеркивая, что западный либерализм и представления об автономии личности, бытующие в США, могут быть не свойственны иным культурам, что может быть причиной фундаментальных различий в моральных нормах и понимании справедливости. Кроме того, авторы представляют двухуровневую модель восприятия справедливости, пытаясь разграничить и одновременно осмыслить как единое целое абстрактные принципы справедливости и конкретные установки, которые связывают эти абстрактные принципы с конкретным социальным содержанием.

Большая часть приведенного обзора посвящена кросс-культурным исследованиям, касающимся трех аспектов справедливости: справедливость распределения (distributive), *процессуальная справедливость* (procedural) *и караю-*

щая справедливость (retributive). *Кроме того, они уделяют довольно много внимания литературе, касающейся реакции на несправедливость. Особенно важную работу проделали Лейнг и Стефан, выявляя связь ряда описанных феноменов и большей части научно-исследовательской литературы с такими культурными параметрами, как индивидуализм/коллективизм и дистанция по отношению к власти. Они вносят ясность в представление о сложных путях опосредованного воздействия культуры на понимание справедливости и честности, закладывая, таким образом, основы для понимания межкультурных конфликтов во многих сферах жизни. Данный обзор — один из самых хорошо составленных и глубоких по данному направлению психологии.*

Модель справедливости, предложенная Лейнгом и Стефаном, предполагает, что справедливость и мораль могут носить одновременно универсальный и культуро-специфичный характер, в рамках этой модели абстрактные конструкты и нормы взаимодействуют с конкретной контексто-релевантной информацией, в результате чего происходит формирование моральных норм и принятие решений, касающихся справедливости. Такой подход представляется интересным, привлекательным и безусловно способствует сближению отчетливых и до сих пор предположительно взаимоисключающих дихотомий, повсеместно присутствующих в традиционной американской психологии. По существу, возможности исследований, о которых идет речь в конце главы, определяют перспективы дальнейшей эволюции знания в данной области, предполагающие интеграцию и учет, казалось бы, противоположных понятий, и эти перспективы соответствуют идеям, изложенным в остальных главах книги. Усилия по достижению этих целей, без сомнения, приведут к открытию качественно новых подходов к исследованиям в данной области и к теоретическому осмыслению изучаемых явлений.

В то же время Лейнг и Стефан напоминают нам о практической актуальности кросс-культурного изучения справедливости, в особенности с учетом ее роли в возникновении межкультурных конфликтов в мире растущего культурного многообразия. Они убедительно доказывают необходимость более глубокого понимания и дальнейшего применения знаний, полученных в ходе кросс-культурных исследований, для минимизации деструктивных действий при разрешении межкультурных конфликтов и их перевода в конструктивное русло. Принимая во внимание историю человечества, связанную с межкультурными конфликтами, хочется верить, что такие знания смогут превратить разрушение в созидание.

Проблемы справедливости издавна волновали человечество. Западные философы от Аристотеля до Роулза изучали принципы справедливости с точки зрения логики. На Востоке философы от Конфуция до Ганди определяли модели социального поведения, способствующие справедливости. В отличие от теоретических размышлений, эмпирические исследования социальной справедливости имеют куда менее продолжительную историю, поскольку специалисты по социальной психологии начали заниматься изучением роли справедливости в повседневном поведении около полувека тому назад.

Несмотря на то что это довольно молодая научная дисциплина, уже сформировался внушительный корпус эмпирических данных и теоретических разработок, связанных с исследованиями справедливости (обзор см. в работе Sanders & Hamilton, 2001). При этом основным недостатком проделанной работы является то, что подавляющее большинство исследований проводилось в США и Западной Европе, поэтому наши психологические представления о справедливости основываются на контексте западной культуры. Для разработки универсальных теорий справедливости нам необходимо выйти за рамки европейско-американских культурных ограничений.

В последние годы исследования справедливости постепенно начали распространяться и на другие культуры, и исключительно западные представления мало-помалу стали уступать дорогу более широким подходам, учитывающим многообразие культур (обзор см. в работах James, 1993; Leung & Morris, 2001; Leung & Stephan, 1998). Задача этой главы — рассмотреть и объединить то, что известно о роли культуры в психологии социальной справедливости, и выявить продуктивные пути будущих исследований, уместные в мире, стремительно продвигающемся в направлении все большего культурного многообразия и плюрализма.

Почему следует изучать справедливость в кросс-культурном аспекте

Лейнг и Моррис (Leung & Morris, 2001) приводят массу доводов в пользу важности кросс-культурных исследований справедливости. Во-первых, кросс-культурные исследования могут способствовать развитию теорий справедливости в таком направлении, которое не обеспечивает монокультурные исследования. Изучение справедливости в различных культурах дает нам в руки более полный арсенал норм справедливости, позволяя установить связь между их характерными особенностями и культурными факторами и давая возможность выявить условия, при которых действуют эти нормы. Во-вторых, глобализация в различных сферах жизни ведет к стремительному расширению кросс-культурных контактов, и культурные различия в понимании справедливости и честности могут привести к недоразумениям и излишней враждебности в ходе таких контактов.

Представителям разных народов часто приходится работать вместе с целью преодоления таких кризисных ситуаций, как региональные конфликты или угроза окружающей среде, а также с целью заключения торговых соглашений. Иммиграция ведет к тому, что ранее однородное общество становится все более разнородным и на смену представлению о тигле, в котором происходит переплавка и перерождение, постепенно приходит представление о сосуществовании различных культур (мультикультурализм).

В торговле наиболее благоприятной для бизнеса моделью взаимоотношений становится глобализация, и многие крупные фирмы, такие как *Citicorp*, *Philips*, *Sony*, осуществляют свою деятельность по всему земному шару. По своему национальному и культурному составу работники этих предприятий не менее разнородны,

чем ООН. Процессы глобализации затрагивают и некоммерческие организации и группы, поскольку на многие из них изменения в коммуникационных и транспортных технологиях оказывают не меньшее влияние.

В мире расширяющихся межкультурных контактов даже небольшие различия в понимании справедливости могут иметь весьма серьезные последствия. Позитивные и эффективные контакты между разными расовыми, этническими, религиозными и культурными группами требуют четкого понимания различий в подходах к нормам справедливости и честности.

Функциональный подход к роли справедливости

Многие учение считают, что нормы справедливости вырабатываются для того, чтобы определять принципы поведения членов общества, а следовательно, способствовать поддержанию функционирования социальной системы. Из этого следует, что нормы справедливости можно обнаружить в любой культуре, предполагающей определенную организацию общества. Например, обществу приходится распределять ресурсы так, чтобы надлежащим образом вознаградить заслуживающих этого членов общества. Основные принципы справедливости разрабатывались для обеспечения распределения ресурсов и для того, чтобы в процессе такого распределения избежать дезинтеграции общества (например, Campbell, 1975; Cook & Messick, 1983; Mikula, 1980).

Несколько иной, но тоже функциональный подход прослеживается в похожей модели справедливости, предложенной Линдом и Тайлером (Lind, 1994; Lind & Tyler, 1988; Tyler & Lind, 1992, 2001). В ходе теоретических рассуждений Линд (Lind, 1994) высказывает предположение, что фундаментальная дилемма, стоящая перед человеком, заключается в следующем: в какой степени следует подчиниться группе, а в какой — сохранить самоидентичность? У человека есть мотивация как для присоединения к группе, так и для сохранения собственной идентичности, хотя эти две задачи часто являются взаимоисключающими. Люди находятся в постоянной внутренней борьбе за сохранение баланса между этими двумя противодействующими силами. Любая социальная система для сохранения стабильности должна так или иначе разрешить эту дилемму.

Линд (Lind, 1994) утверждает, что наиболее эффективным решением является опора на принципы справедливости.

> Определяя нормы, ограничивающие полномочия властей в отношении непосредственного обращения с людьми, принятия решений и распределения результатов деятельности, нормы справедливости ограничивают возможную эксплуатацию и позволяют людям вкладывать свою личность и силы в группу, сохраняя уверенность в том, что группа не использует их вклад им же во зло (p. 30).

Короче говоря, функциональный подход предполагает, что нормы справедливости представляют собой необходимый для социальных групп сдерживающий фактор, который позволяет индивиду отождествлять себя с социальной группой, не испытывая страха перед негативными последствиями такой идентификации для его личности.

Универсальная и партикулярная концепции справедливости

Функциональная аргументация в пользу того, что проблемы справедливости волнуют все человечество, не означает, что представления о справедливости едины и универсальны для всех людей. Такие страшные трагедии, как Холокост и другие акты геноцида, говорят о том, что при определенных обстоятельствах нормы справедливости могут практически не приниматься во внимание. Теоретики отмечают, что люди часто определяют пределы, за которыми принципы справедливости не применяются (например, Deutsch, 1985). По словам Опотоу (Opotow, 1990), «когда индивид или группа оказывается за пределами сферы применения нравственных и ценностных норм и принципов справедливости, имеют место нравственные исключения» (р. 1). Понятием нравственного исключения пользуются для объяснения того, почему некоторые группы оказались способны к совершению таких страшных зверств, как Холокост, по отношению к другим группам (Bar-Tal, 1994), или почему обращение европейских поселенцев с туземцами было столь бесчеловечным (Berry & Wells, 1994). Нравственное исключение, по-видимому, имеет место при возникновении острого конфликта между двумя группами и в том случае, когда «чужая» группа воспринимается индивидом как не имеющая отношения к его Я.

Нравственное исключение представляет собой крайнее проявление партикулярного применения принципов справедливости. Более распространено социальное разграничение между мы-группой и они-группой. Мы-группа обычно состоит из близких друзей индивида, его родственников, членов семьи, тогда как они-группа — это посторонние или знакомые. Различные принципы справедливости к объекту применяются в зависимости от его групповой принадлежности. Например, в пределах семьи распределение ресурсов часто происходит на основании потребностей членов семьи, тогда как на рабочем месте это распределение может происходить в соответствии с заслугами.

Культура формирует партикулярное применение принципов справедливости прежде всего потому, что именно она влияет на то, как понимается мы-группа. В индивидуалистических обществах, судя по всему, мы-группы имеют больший размер (Wheeler, Reis & Bond, 1989) и относительное количество друзей в ней выше, чем членов семьи, по сравнению с мы-группой в коллективистских культурах (Bellah, Madsen, Sullivan, Swidler & Tipton, 1985; Hsu, 1953). Индивидуалистическое общество в большей мере, чем коллективистское, склонно рассматривать принципы справедливости как универсальные и применять их независимо от границ группы. По сравнению с индивидуалистическим обществом коллективистское делает больший акцент на применении определенных принципов в пределах конкретной группы, часто придерживается контекстуальных взглядов на справедливость и применяет различные принципы справедливости к членам разных социальных групп.

Кроме того существуют различия в отношении человека к другим живым существам. В азиатских культурах, на которые глубокое влияние оказали идеалы буддизма, существует давняя традиция заботливого и внимательного отношения к животным. Убежденные буддисты являются вегетарианцами из-за неприятия

убийства любого живого существа. Они часто покупают диких животных и выпускают их на волю, что является для них проявлением сострадания к животным. Западные культуры, которые сформировались на основе иудейско-христианской традиции, проводят более резкую границу между человеком и прочими живыми существами. В то же время эти чисто западные представления порой смягчаются, а порой и сменяются противоположным подходом, благодаря современным экологическим движениям. Вопросы о справедливости по отношению к животным и по отношению к будущим поколениям людей сегодня являются частой темой академических и политических дискуссий на Западе (см. Bazerman, Wade-Bensoni & Benzoni, 1995). Возможно, с этими переменами связано то, что, как показали кросскультурные исследования проблем, касающихся прав животных (например, Bowd & Shapiro, 1993), жители Америки и Германии больше обеспокоены жестоким обращением с животными, чем японцы (Kellert, 1993).

Моральные основы справедливости

Сталкиваясь с проблемой морального выбора, люди могут обращаться к абстрактным принципам справедливости. В новаторской работе Колберга (Kohlberg, 1981) о нравственном мышлении рассматривается, как человек реагирует на дилемму, которая предполагает конфликт между нормами справедливости и иными социальными нормами, например требованием ответить услугой на услугу или подчинением определенным общественным условностям. Обращаясь к теории когнитивного развития Пиаже, Колберг предлагает многоступенчатую модель нравственного мышления — от первоочередного внимания, которое уделяется общественным условностям, к межличностным обязательствам и наконец (для некоторых индивидов) — к абстрактным принципам справедливости. У этого подхода появились свои критики (например, Snarey, 1985). Гиллиган (Gilligan, 1982) отвергает эту теорию однонаправленного развития с феминистской точки зрения, поскольку относительно небольшое количество женщин применяют абстрактные принципы справедливости в разрешении моральных дилемм. Для того чтобы внести в модель Колберга поправки, устраняющие отклонения, связанные с половой принадлежностью, она предложила концепцию двух «голосов» или систем разума и чувства в процессе нравственного мышления, первая из которых базируется на абстрактных принципах справедливости, а вторая — на межличностных обязательствах. Принципы справедливости имеют универсальный и рациональный характер, в то время как межличностные обязательства являются партикулярными и эмоционально-обусловленными.

К возражениям, которые вызвала универсальная однонаправленная теория формирования нравственного мышления у Гиллиган (Gilligan, 1982), в ходе дальнейших исследований добавились новые; возможно, культура является собой еще более мощный модератор нравственного мышления, чем гендер. Дайен (Dien, 1982) говорит о том, что мораль в традиционной китайской мысли основывается на жэнь, что означает благожелательность и добросердечие к людям. Ма (Ma, 1997) на основании эмпирических исследования нравственного мышления у китайцев делает вывод, что под влиянием жэнь нравственные суждения китайцев по своей природе

носят аффективный характер и определяются чуткостью к страданиям других людей. Эти исследования говорят о том, что представители коллективистских культур при вынесении нравственных суждений ориентируются на межличностные обязательства.

В ходе программы кросс-культурных исследований американцев и индийцев-индуистов Миллер и ее коллеги получили результаты, которые согласуются с точкой зрения Дайен (Dien, 1982) и Ма (Ma, 1997). Исследования в США показали, что здесь межличностные обязательства чаще рассматриваются как вопрос личного выбора, а не нравственная проблема (например, Higgins, Power & Kohlberg, 1984), тогда как исследования Миллер с соавторами в Индии говорят о том, что межличностные обязательства здесь, как правило, рассматриваются именно как нравственные проблемы (Miller, Bersoff & Harwood, 1990; Miller & Luthar, 1989; Shweder, Mahapahtra & Miller, 1987). Миллер и Берсофф (Miller & Bersoff, 1992) изучали, как американские и индийские студенты реагируют на ситуацию, предполагающую конфликт между принципами справедливости и межличностными обязательствами. Индийцы чаще американцев, уступали требованиям межличностных обязательств, а не более абстрактным принципам справедливости. Когда испытуемых просили обосновать сделанный выбор, американцы чаще ссылались на права и справедливость, в то время как индийцы упоминали социально-ролевые обязательства, которые, с их точки зрения, были важнее.

Подобные результаты были получены и в ходе исследования японцев — еще одной группы, которой свойственна взаимозависимая Я-конструкция. По сравнению с американцами японцы придавали большее значение социально-ролевым обязательствам, вынося суждения, касающиеся ответственности (Hagiwara, 1992; Hamilton & Sanders, 1992). Обучи, Фукушима и Тедеши (Ohbuchi, Fukushima & Tedeschi, 1999) обнаружили, что в споре американцы считают задачу, связанную со справедливостью (восстановить справедливость), более важной, а задачу, связанную с взаимоотношениями (сохранить позитивные отношения с другой стороной), менее важной, чем японцы.

Фар, Эрли и Лин (Farh, Earley & Lin, 1997) подходят к этой проблеме с другой стороны, но получают при этом результаты, вполне согласующиеся с данными исследований, описанных выше. Фар и соавторы делают вывод, что в связи с влиянием конфуцианства социально-ролевые предписания в традиционном Китае важнее вопросов справедливости. Однако по мере урбанизации и индустриализации Китая социально-ролевые отношения стали постепенно уступать место отношениям, основанным на обмене, при этом все более важными становились права личности. Рассуждая таким образом, они делают предположение, которое впоследствии подтверждается, что принципы справедливости оказывают большее влияние на тех, кто ориентирован на современные тенденции, чем на группы населения более традиционной ориентации. Иными словами, на поведение китайцев, придерживающихся традиционных взглядов, принципы справедливости оказывают достаточно ограниченное воздействие. Если мы будем считать, что традиционализм соответствует коллективизму, а ориентация на современность — индивидуализму, то увидим, что данные, полученные Фаром и соавторами, аналогичны данным рассмотренных выше исследований.

Для структуризации полученных данных может быть использована схема, предложенная Миллер (Miller, 1994). Она считает, что ни Колберг, ни Гиллиган не учитывают в должной мере роль культуры. Обращаясь к представлению о том, что многие западные психологические модели основаны на концепции независимого Я, оппозицией которой является концепция взаимозависимого Я (Markus & Kitayama, 1991; Triandis, 1989), Миллер утверждает, что нравственные нормы в США отражают основную идею западного либерализма о том, что автономия личности более существенна и более естественна, чем социальные обязательства. Отсюда следует, что при решении нравственных проблем основным источником являются абстрактные и универсальные принципы справедливости, призванные препятствовать нарушению свободы личности, тогда как нравственные принципы, связанные с конкретными социально-ролевыми обязательствами по отношению к окружающим, не являются столь же важными (см. также Dien, 1982). Нравственные нормы индийцев-индуистов отражают в первую очередь идею **дхармы** (морали), которая обозначает одновременно нравственный долг и внутренние качества человека (Kakar, 1978; Marriott, 1990). Дхарма человека зависит от его социальной роли и ситуации, в которой он находится, при этом реализация подлинной природы человека предполагает его соответствие социально-ролевым ожиданиям. Отсюда следует, что проблемы нравственности включают широкий круг социально-ролевых обязательств межличностного характера. Доводы Миллер равным образом применимы и к поведению китайцев, и дают основания для вывода о том, что нравственная основа принципов справедливости в разных культурах различна; в коллективистских культурах ей свойственна более выраженная ориентация на межличностные отношения.

Двухступенчатая модель понимания справедливости

Функциональный подход в наиболее радикальном виде предполагает, что основные принципы справедливости кодифицируются в качестве обязательных норм во всех обществах, в которых распределение ресурсов происходит за пределами семьи. Моррис и Лейнг (Leung & Morris, 2001; Morris & Leung, 2000; Morris, Leung, Ames & Lickel, 1999) предложили модель вынесения суждений, касающихся справедливости, которая разграничивает абстрактные принципы справедливости и конкретные установки, связывающие абстрактные принципы с определенными социальными ситуациями.

Чтобы наглядно продемонстрировать эту модель, рассмотрим проблему распределения ресурсов. Абстрактные принципы, применимые к нормам распределения, судя по всему, присутствуют во всех культурах. Например, нормы права справедливости, которые предписывают соразмерное соотношение между вкладом и результатом, по-видимому, носят культурно-универсальный характер. Однако существуют специфические установки, которые определяют применение норм права справедливости, и в этом отношении культуры отличаются друг от друга. Например, хорошо известно, что японцы чаще, чем американцы, рассматривают старшинство как форму вклада при определении доли члена группы в вознаграждении (например, Ouchi & Jaeger, 1978).

Схематически эта модель представлена на рис. 19.1. Когда люди действуют в определенном социальном контексте и должны решать, что в данном контексте является справедливым, они прежде всего оценивают социальную ситуацию, что позволяет им определить адекватные принципы справедливости. При этом они исходят из определенных критериев применимости данных принципов в конкретных обстоятельствах. Функциональный взгляд на справедливость предполагает, что общие принципы справедливости присутствуют во всех культурах, тогда как критерии их применения в разных культурах могут быть различными. В соответствии с этой моделью, культура оказывает воздействие на интерпретацию социальной ситуации, на выбор принципов справедливости и на критерии применимости этих принципов.

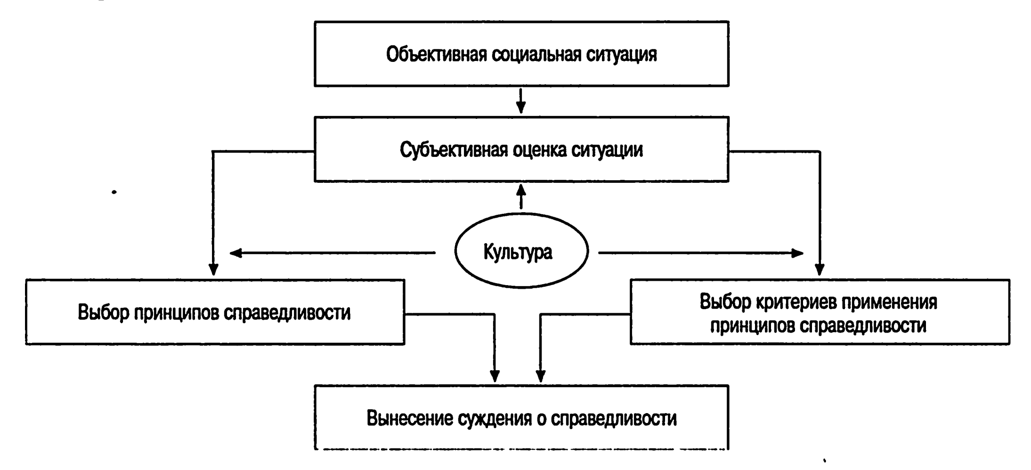

Рис. 19.1. Общая модель понимания справедливости

Данная схема будет использоваться на протяжении всей главы, играя организующую роль в ходе нашей дискуссии.

Трехчастная концепция справедливости

Трехчастная концепция справедливости получила широкое распространение в литературе. Три основных вида справедливости включают: справедливость распределения, процессуальную справедливость и карающую справедливость. Справедливость распределения связана со справедливым распределением результатов труда; под процессуальной справедливостью понимается справедливость процедуры принятия решений; а карающая справедливость предполагает справедливость определения наказания, применимого к правонарушителям. Далее мы рассмотрим влияние культуры на каждый вид справедливости.

Справедливое распределение

Принятие решений о справедливом распределении ресурсов зависит главным образом от трех моментов. Во-первых, поскольку в основе вынесения суждений о справедливости распределения лежит процесс социального сравнения, индивид должен определить для себя референтную группу, которая является базой сравне-

ния при определении размера причитающейся ему доли (например, Adams, 1965). Во-вторых, для определенного вида ресурсов должны быть выбраны соответствующие нормы распределения. В-третьих, необходимо принять обоснованное решение о соотношении вклада и вознаграждения (Komorita & Leung, 1985).

Процессы социального сравнения

Теории справедливого распределения рассматривают процессы социального сравнения как ключевой момент при вынесении решения о соблюдении справедливости (например, Adams, 1963). Первые теории, касающиеся социального сравнения, начиная с теории Фестингера (Festinger, 1954), предполагали, что люди, вынося суждение о справедливости выделения соответствующей доли при распределении ресурсов, выбирают для сравнения себе подобных. Так, классическое исследование Стауффера и его коллег (Stouffer, Lunsdaine et al., 1949; Stouffer, Suchman, DeVinney, Star & Williams, 1949) показало, что солдаты-афроамериканцы на Севере США были удовлетворены своим материальным положением в меньшей степени, чем их товарищи на Юге, поскольку сравнивали себя с штатскими афроамериканцами, которые на Севере более обеспечены, чем на Юге.

Лейнг, Смит, Ванг и Сун (Leung, Smith, Wang & Sun, 1996) занимались изучением процессов социального сравнения при определении справедливости распределения среди местных служащих совместного предприятия в Китае. Зарплата служащих из местного населения на этих предприятиях была значительно ниже зарплаты менеджеров-экспатриантов, несмотря на то что обязанности, выполняемые теми и другими, были одинаковыми. При этом работники совместного предприятия были более обеспеченными в финансовом отношении, чем те, кто выполнял аналогичную работу на государственных предприятиях. Лейнг и соавторы (Leung, Smith, Wang & Sun, 1996) обнаружили, что на совместных предприятиях сравнение себя с другими местными служащими было связано с удовлетворенностью своей работой, а сравнение с менеджерами-экспатриантами — нет. При этом китайские служащие не считали астрономический уровень зарплаты менеджеров-экспатриантов несправедливым. Эти данные легко объясняются тем, что менеджеры-китайцы не считали менеджеров-экспатриантов группой, которая является базой для социального сравнения. Они сознавали, что эти люди приехали из развитых стран с гораздо более высоким уровнем заработной платы.

Тем не менее с течением времени референтная группа социального сравнения может измениться. Когда исследование Лейнга и соавторов (Leung, Smith, Wang & Sun, 1996) было повторено на подобных совместных предприятиях в Китае спустя три года, за которые в стране произошли резкие экономические и социальные изменения, динамика процессов социального сравнения изменилась (Leung, Wang & Smith, *в печати*). В отличие от данных, полученных ранее, теперь сравнение себя с менеджерами-экспатриантами было связано с более низкой удовлетворенностью своей работой, при этом местные служащие полагали, что высокую зарплату менеджеры-экспатрианты получают несправедливо. Лейнг и соавторы (Leung, Wang & Smith, *в печати*) считают, что, скорее всего, причиной более острой реакции на несправедливость получения менеджерами-экспатриантами более высокой заработной платы было то, что многие местные жители теперь имели широкие контакты с экспатриантами. Эти контакты, вероятно, позволили местным жителям понять,

что они имеют не менее высокий уровень знаний и квалификации, чем иностранцы. Иными словами, расширение контактов привело к тому, что местные жители начали сравнивать себя с экспатриантами, вследствие чего возникло ощущение несправедливости.

Бергер, Зелдич, Андерсон и Коэн (Berger, Zelditch, Anderson & Cohen, 1972) предложили подход к справедливости с точки зрения оценки статуса. Этот подход учитывает уровень группы и уделяет первоочередное внимание сравнениям с обобщенными третьими лицами и с не имеющими сходства референтными группами. Представляя эту точку зрения в несколько упрощенном виде, можно сказать, что она предполагает существование двух групп. Одна группа, доминирующая, имеет более высокий социально-экономический статус, чем другая, подчиненная группа. Примером такой ситуации могут быть американцы европейского происхождения и афроамериканцы в США. Когда представители подчиненной группы оценивают справедливость распределения, теория справедливости предполагает, что они сравнивают свою долю с долей себе подобных. Однако подход с точки зрения оценки статуса предполагает, что они сравнивают себя и с доминирующей группой. Поскольку доминирующая группа в целом обеспечена лучше, чем подчиненная, в ходе социального сравнения возникает ощущение несправедливости безотносительно к конкретным характеристикам вклада и результата отдельных представителей меньшинства.

На стремление сравнивать себя с доминирующей группой влияет ряд факторов. Склонность сравнивать себя с доминирующей группой и сопутствующее ей ощущение несправедливости может быть более выраженной в культурах, ценностные ориентации которых предполагают небольшую дистанцию по отношению к власти (эгалитаризм), чем в тех культурах, в которых показатели дистанции по отношению к власти высоки (иерархические ценностные ориентации). Иерархические ценностные ориентации могут быть основанием для различий в полномочиях и привилегиях, включая в ряде случаев бóльшие возможности доминирующей социальной группы. Законность такого положения, с точки зрения подчиненной группы, может сделать ощущение несправедливости представителей меньшинства менее острым, поскольку та малая доля, которую они получают, не всегда воспринимается ими как несправедливость распределения. Например, американцы японского происхождения в ходе Второй мировой войны были интернированы, а американцы немецкого происхождения — нет. Нагата (Nagata, 1990) обнаружил, что нисеи (второе поколение американцев японского происхождения) реагируют на это интернирование не столь остро, как сансеи (третье поколение американцев японского происхождения). Одним из возможных объяснений этих различий может быть то, что нисеи не считают, что данное интернирование было совершенно неоправданным, тогда как сансеи полагают иначе, поскольку, проживая в США, они более прочно усвоили, что личность обладает определенными правами.

Обоснованный вклад

Если распределение осуществляется не на основе равенства, то при распределении ресурсов весьма важен подход к оценке адекватного вклада. Среди людей часто возникают разногласия при определении того, какой вклад является основанием

для определенного вознаграждения (Komorita & Leung, 1985), и эта проблема является особенно острой в кросс-культурном контексте, поскольку адекватный вклад может по-разному оцениваться в разных культурах. Коморита (Komorita, 1984) различает вклад, соответствующий выполняемой задаче, и вклад, не связанный с выполняемой задачей. Под **вкладом, соответствующим выполняемой задаче**, понимаются показатели, непосредственно связанные с производительностью, например время, затраченное на выполнение задачи. **Вклад, не связанный с выполняемой задачей**, представляет собой моменты, не имеющие непосредственной связи с производительностью, например старшинство или уровень образования. Взаимосвязь разных форм вклада и производительности в различных культурах может восприниматься по-разному, при этом, очевидно, влияние культуры будет более существенным при оценке вклада, не связанного с выполняемой задачей. Параметры культуры, которые могут повлиять на оценку вклада такого рода, рассматриваются ниже.

В коллективистских обществах значительное внимание уделяется лояльности по отношению к мы-группе и важным моментом считается старшинство (*seniority*), поскольку длительный стаж работы на одном месте является показателем преданности группе. Свидетельства тому можно найти в обширной литературе по организации производства в Японии, в которой отмечается, что в Японии тем, кто имеет больший трудовой стаж, причитается более высокое вознаграждение, чем это принято в американских организациях (например, Ouchi & Jaeger, 1978). Хандли и Ким (Hundley & Kim, 1997) говорят о том, что, оценивая справедливость оплаты, американцы в первую очередь оценивают производительность, тогда как корейцы уделяют большее внимание трудовому стажу и уровню образования.

В обществе с высокими показателями дистанции по отношению к власти, которому свойственно признание социальной иерархии, те, кто занимает более высокие должности, имеют больше привилегий и пользуются большим уважением, чем те, кто имеет аналогичный статус в обществе с низкими показателями дистанции по отношению к власти (см. аналогичные рассуждения в работе Mendonca & Kanungo, 1994).

Парсонс и Шилс (Parsons & Shils, 1951) сопоставляют культуры в связи с тем значением, которое они придают атрибутам, определяемым происхождением, и приобретенным атрибутам. **Атрибуты, определяемые происхождением**, обычно приобретаются индивидом от рождения. Примеры таких атрибутов — расовая и половая принадлежность. **Приобретенные атрибуты** появляются в результате приложения индивидом определенных усилий. В результате проведенного анализа был сделан вывод, что Китай и Индия сориентированы преимущественно на атрибуты, определяемые происхождением, тогда как США сориентированы в первую очередь на приобретенные атрибуты. Вклад, не связанный с выполняемой задачей, например принадлежность к определенному классу общества или половая принадлежность, чаще учитывается в обществе, сориентированном на атрибуты, определяемые происхождением, чем в обществе, сориентированном на личные достижения.

В разных культурах существуют различные взгляды на **гибкость человека**, то есть на возможность того, что личность, ее способности и ее производительность

могут меняться с течением времени (C. S. Chen & Uttal, 1988). В ходе программы исследований академических достижений американских, японских и китайских студентов было обнаружено, что, по сравнению с американскими, японские и китайские студенты считают, что для достижения определенных результатов прилагаемые усилия важнее, чем способности (Stevenson et al., 1990). Возможно, китайские и японские студенты считают взаимосвязь между прилагаемыми усилиями и академической успеваемостью более тесной, чем американские студенты. Это различие может свидетельствовать о том, что китайцы и японцы оценивают гибкость интеллектуальных и личностных характеристик, связанных с академическими достижениями, выше, чем американцы. Широко известно, что для достижения определенных результатов при получении образования важны как способности, так и прилагаемые усилия (например, Weiner & Kukla, 1970). Работа Стивенсона и его коллег говорит о том, что при распределении вознаграждения в культурах, придерживающихся убеждения в гибкости человека, например в Китае или Японии, усилиям может придаваться большее значение.

Выбор норм распределения

Первые работы, касающиеся справедливого распределения, уделяли первоочередное внимание нормам пропорционального распределения. Так, теория справедливости (*equity theory*) (Adams, 1963, 1965; Homans, 1961) предусматривает соразмерность вознаграждения вкладу. Более поздние исследования включают еще два типа норм распределения: нормы распределения на основе принципов равенства и на основании потребностей (например, Deutsch, 1975). Принято считать, что **справедливость** (распределение ресурсов с учетом вклада и результата) способствует росту производительности. **Равенство** (распределение ресурсов поровну безотносительно к вкладу) способствует гармонии. А распределение на основании **потребностей** (распределение ресурсов в соответствии с потребностями) способствует личному благополучию (например, Deutsch, 1975; Leung & Park, 1986). Известно, что культура влияет на выбор норм распределения (см. обзоры в работах James, 1993; Leung, 1988, 1997). Хотя ресурсы могут быть как материальными, так и нематериальными (Foa & Foa, 1974), кросс-культурные исследования в основном занимаются материальными ресурсами.

Основной теоретической схемой, используемой для структурирования эмпирических данных в данной области, является индивидуализм–коллективизм. Эта традиция начинается с исследования Лейнга и Бонда (Leung & Bond, 1982), которые доказывают, что благодаря значению, которое в коллективистских культурах придается солидарности, сплоченности и гармонии, в них, как правило, отдается предпочтение нормам распределения на основе равенства. При этом индивидуалистические культуры отдают предпочтение нормам распределения на основе принципов справедливости, поскольку они способствуют росту производительности труда и согласуются с духом соперничества и стремлением к личной выгоде, свойственным индивидуализму. Лейнг и Бонд (Leung & Bond, 1982) выявили, что студенты китайских университетов обнаруживают большую склонность к эгалитарному распределению вознаграждения, чем американские студенты, при этом китайцы, как правило, не видят большой разницы между вкладами отдельных членов группы,

что, возможно, и приводит к уравнительному распределению. Данные этого исследования впервые подтвердили наличие взаимосвязи между коллективизмом и предпочтением принципа равенства при распределении.

Бонд, Лейнг и Ван (Bond, Leung & Wan, 1982) изучали связь коллективизма с распределением вознаграждения двух видов, а именно: **вознаграждение за выполнение задачи** (реципиент вознаграждения получает высокую оценку за выполнение задачи, при этом выражается желание работать с ним в будущем) и **социально-эмоциональное вознаграждение** (выражается желание стать друзьями с реципиентом вознаграждения). Так же как и в исследовании Лейнга и Бонда (Leung & Bond, 1982), китайские испытуемые при распределении обоих видов вознаграждения продемонстрировали более выраженную склонность к эгалитаризму, чем американцы. Кашима, Сигал, Танака и Исака (Kashima, Siegal, Tanaka & Isaka, 1988) сравнивали поведение японских и австралийских студентов в процессе распределения и выявили культурные различия подобного рода. Японские испытуемые считали распределение на основе принципов равенства более справедливым и чаще, чем австралийцы, стремились применить эти принципы.

Обращаясь к схеме индивидуализм—коллективизм (например, Hofstede, 1980; Triandis, 1972), Лейнг и Бонд (Leung & Bond, 1984) доказывают, что в коллективистских культурах на распределение вознаграждения влияет групповая принадлежность получателя вознаграждения. Распределяя вознаграждение среди членов мы-группы, коллективисты стремятся руководствоваться **принципом щедрости** (стремление к тому, чтобы окружающие получили щедрую долю вознаграждения), руководствуясь также нормами справедливости или равенства. Принцип равенства при распределении обычно используется, если личный вклад субъекта значителен, а принцип справедливости — когда он невелик. Однако по отношению к членам они-группы коллективисты ведут себя так же, как и индивидуалисты, руководствуясь принципами справедливости. Лейнг и Бонд (Leung & Bond, 1984) получили результаты, подтверждающие описанную сложную взаимосвязь коллективизма и поведения при распределении; подобные данные были получены в ходе еще нескольких исследований.

Малер, Гринберг и Хаяши (Mahler, Greenberg & Hayashi, 1981) обнаружили, что при распределении прибыли между двумя плотниками (представителями они-группы), которые совместно приобрели дом, между японскими и американскими испытуемыми не было обнаружено культурных различий, следовательно, подход индивидуалистов и коллективистов к распределению вознаграждения между членами они-группы одинаков. Марин (Marin, 1981) обнаружил, что при распределении вознаграждения между двумя незнакомыми людьми, принимавшими совместное участие в психологическом эксперименте, колумбийцы чаще, чем американцы, руководствовались нормами справедливости. Арал и Сунар (Aral & Sunar, 1977) обнаружили, что при распределении вознаграждения между двумя архитекторами, совместно проектировавшими дом, испытуемые из Турции также чаще руководствовались принципами справедливости, чем американцы. Лейнг (Leung, 1988) пришел к выводу, что, поскольку в данных исследованиях речь шла о распределении вознаграждения между членами они-группы, коллективисты при распределении вознаграждения предпочитали руководствоваться нормами справедливости.

Лейнг и Иваваки (Leung & Iwawaki, 1988) занимались непосредственным изучением влияния коллективизма на поведение при распределении, сравнивая американских студентов со студентами из Кореи и Японии, которые считаются коллективистами (Hofstede, 1980, 1983). В ходе исследования была проведена оценка личностного уровня коллективизма только японцев и американцев, поскольку данные по корейским студентам были собраны до того, как была разработана шкала определения личностного уровня индивидуализма—коллективизма (Hui, 1984). Любопытно, что между тремя культурными группами не было обнаружено заметных различий в поведении при распределении. Вопреки данным Хофстеде (Hofstede, 1980), уровень индивидуализма—коллективизма японцев и американцев был примерно одинаков. Объясняя полученные результаты, Лейнг и Иваваки говорят о том, что отсутствие различий в поведении при распределении вознаграждения было связано именно с тем, что индивидуальный уровень индивидуализма—коллективизма у данных групп студентов был одинаков. Что касается корейских испытуемых, то, поскольку их уровень коллективизма не оценивался, нельзя связать особенности их поведения при распределении с показателями индивидуализма—коллективизма на личностном уровне. Возможно, что корейские студенты, как и студенты из Японии, на самом деле индивидуалисты в большей степени, чем это предполагалось в соответствии с данными Хофстеде (Hofstede, 1980, 1983). Если предположить, что корейские студенты в данной выборке действительно имели высокий уровень индивидуализма, понятно, почему их поведение при распределении было подобно поведению американских студентов-индивидуалистов.

Чен (C. C. Chen, 1995) обратился к служащим из Китая и США с просьбой распределить вознаграждение среди служащих компаний обрабатывающей промышленности. Вопреки ожиданиям, китайские испытуемые оказывали принципам справедливости более устойчивое предпочтение, чем американцы. Чен объясняет этот неожиданный результат тем фактом, что в Китае стремительными темпами формируется рыночная экономика. Росту производительности придается все большее значение по сравнению с гармонией отношений внутри группы; это привело к тому, что китайцы предпочли справедливость равенству. Лейнг (Leung, 1997), однако, предлагает более простое объяснение, считая, что ситуация данного исследования предполагает распределение вознаграждения среди членов «чужой» группы и что предпочтение, которое китайские испытуемые оказывают принципам справедливости, соответствует выводам, к котором пришли в ходе своего исследования Лейнг и Бонд (Leung & Bond, 1984).

Однако конструкт индивидуализм—коллективизм не может решить все проблемы при интерпретации данных кросс-культурных исследований поведения при распределении. Марин (Marin, 1985) сравнивал подход к распределению испытуемых-американцев и индонезийцев. При наличии трех различных типов взаимоотношений получателя и того, кто занимался распределением (незнакомы между собой, являются друзьями, являются родственниками), он не обнаружил культурных различий между испытуемыми. Обе группы предпочитали принцип справедливости принципу равенства. Ким, Парк и Сузуки (Kim, Park & Suzuki, 1990) просили испытуемых из Кореи, Японии и Америки поставить оценки своим одноклассникам за участие в коллективном проекте. Вопреки результатам, полученным

Лейнгом и Иваваки (Leung & Iwawaki, 1988), корейцы обнаружили более выраженную склонность к принципам равенства, чем японцы и американцы. Однако, как и в исследованиях Лейнга и Иваваки (Leung & Iwawaki, 1988), поведение японцев и американцев при распределении вознаграждения было одинаковым. Противоречие между данными исследования Лейнга и Иваваки (Leung & Iwawaki, 1988) и исследования Кима и соавторов (Kim, Park & Suzuki, 1990) требует объяснения.

Еще более проблематичные данные, связанные с конструктом индивидуализм—коллективизм, были получены в ходе исследования Гуи, Триандиса и Йе (Hui, Triandis & Yee, 1991), которые занимались сравнением поведения китайцев и американцев в процессе распределения. Подобно Лейнгу и Бонду (Leung & Bond, 1984) Гуи и его коллеги обнаружили, что в случае фиксированного размера распределяемого вознаграждения китайские испытуемые руководствуются принципом щедрости и наделяют окружающих более щедрой долей вознаграждения, чем американцы. Они руководствуются принципом равенства, когда их собственный вклад значителен, и нормами справедливости, когда их собственный вклад невелик. Кроме того, китайские испытуемые по сравнению с американцами оказывали более выраженное предпочтение принципу равенства, когда получатель вознаграждения был членом мы-группы. Когда размер вознаграждения был неограничен, китайские испытуемые чаще, чем американцы, руководствовались принципом равенства. Такая модель поведения вполне предсказуема, поскольку при неограниченном размере вознаграждения нет необходимости ущемлять одного, чтобы дать больше другому. Можно просто дать другому человеку большее вознаграждение, не урезая собственной доли.

Интересным моментом исследования Гуи и его коллег (Hui, Triandis & Yee, 1991) является то, что уровень коллективизма определялся по шкале индивидуализма–коллективизма, разработанной Гуи (Hui, 1984). Это позволило исследователям оценить, связан ли коллективизм с выявленными культурными различиями в подходе к распределению. Если коллективизм действительно представляет собой переменную, которая может объяснить культурные различия, он должен быть непосредственно связан с выявляемыми культурными различиями. Проверить это можно в ходе ковариационного анализа, обращаясь с показателями коллективизма как со случайной величиной. После статистического приведения в соответствие показателей коллективизма двух названных культурных групп, культурные различия в использовании принципа справедливости при неограниченном размере вознаграждения практически исчезли. Уровень коллективизма в данном случае действительно позволяет объяснить культурные различия. Однако при ограниченном размере вознаграждения культурные различия в подходе к распределению остаются достаточно заметными и после статистического приведения в соответствие показателей коллективизма. Иными словами, склонность китайских испытуемых руководствоваться принципом щедрости не может быть объяснена с учетом только показателей коллективизма. Гуи и соавторы (Hui, Triandis & Yee, 1991) на этом основании сделали вывод, что, возможно, конструкт индивидуализм–коллективизм носит слишком общий характер, чтобы дать исчерпывающее объяснение всем кросс-культурным различиям в поведении при распределении.

Контекстуальная модель

Достаточно очевидно, что в целом принципу справедливости оказывается большее предпочтение в индивидуалистических культурах, но взаимосвязь культуры и распределения вознаграждения в коллективистских культурах представляется достаточно сложной и характеризуется множеством ситуационных переменных (James, 1993). Схема индивидуализм–коллективизм не позволяет полностью объяснить эмпирические данные. Для решения этой проблемы Лейнг (Leung, 1997) в качестве альтернативы предложил **контекстуальную модель**; данная модель предполагает, что культура взаимодействует с рядом ситуационных переменных, и это взаимодействие определяет использование тех или иных принципов распределения. При этом учитываются и задачи в процессе распределения (например, Deutsch, 1975; Leung & Park, 1986). Было высказано предположение, что непосредственное влияние на выбор принципа распределения оказывают задачи, связанные с взаимоотношениями, опосредующие воздействие культуры. Поскольку индивидуализм–коллективизм не является непосредственной детерминантой подхода к распределению, возможно, данная модель позволит решить проблемы, которые возникли при попытках использования данного конструкта для интерпретации различий в поведении при распределении. Модель схематически представлена на рис. 19.2.

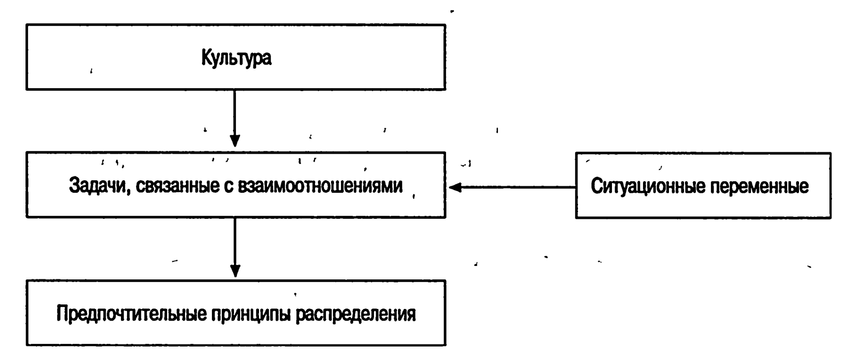

Рис. 19.2. Контекстуальная модель

В соответствии с контекстуальной моделью предполагается, что ситуационные факторы иногда могут перевешивать воздействие культуры. Так, Мерфи-Берман, Берман, Сингх, Пачаруи и Кумар (Murphy-Berman, Berman, Singh, Pacharui & Kumar, 1984) и Берман, Мерфи-Берман и Сингх (Berman, Murphy-Berman & Singh, 1985) обнаружили, что испытуемые-индийцы чаще придерживались принципа распределения по потребностям, чем американцы. Лейнг (Leung, 1988) высказал предположение, что из-за нехватки распределяемых ресурсов в Индии первоочередной задачей является обеспечение благополучия членов группы, что способствует поддержанию гармоничных взаимоотношений, и именно поэтому, предпочтение оказывается принципу распределения по потребностям, а не принципу равенства.

Существуют две ситуационные переменные, которые, очевидно, взаимодействуют с культурой, определяя выбор принципа распределения. На определение

задачи, связанной с взаимоотношениями, оказывают влияние на отношения между лицом, распределяющим вознаграждение, и получателем. Здесь возможны три типа отношений. Во-первых, при распределении среди потенциальных членов мы-группы или среди тех, кто представляет собой ближайшее окружение мы-группы, основной задачей является сохранение гармонии взаимоотношений, поэтому предпочтение, как правило, отдается принципу равенства. Соответственно при распределении коллективисты обычно предпочитают принципы равенства принципам справедливости (например, Kashima et al., 1988). Кроме того, Гуи и соавторы (Hui, Triandis & Yee, 1991), так же как Лейнг и Ивaваки (Leung & Iwawaki, 1988), обнаружили позитивную корреляцию уровня коллективизма и предпочтений, оказываемых принципу равенства, и негативную корреляцию между коллективизмом и предпочтениями, отдаваемыми принципу справедливости. Подобным образом Триандис, Лейнг, Виллареал и Кларк (Triandis, Leung, Villareal & Clark, 1985) обнаружили позитивную взаимосвязь между показателями индивидуализма (или, точнее, идиоцентризма, то есть конструкта, который показывает личностный уровень индивидуализма) и приверженности принципам справедливости. Во-вторых, когда речь идет о тех, кто составляет ядро мы-группы, коллективисты считают основной задачей поддержание гармонии взаимоотношений и при распределении достаточно часто руководствуются принципом щедрости, наделяя других более щедрой долей вознаграждения (Leung & Bond, 1984). В-третьих, по отношению к членам они-группы коллективисты руководствуются принципом справедливости, поскольку в этом случае задача поддержания гармоничных взаимоотношений не ставится.

Второй ситуационной переменной является роль, в которой выступает лицо, занимающееся распределением. В связи с этим существуют, по меньшей мере, две возможности. В первом случае индивид, осуществляющий распределение, занимает двойственную позицию, являясь одновременно получателем. Второй вариант предполагает, что тот, кто распределяет, занимает вышестоящую позицию по отношению к получателям, распределяя вознаграждение, но не получая его лично. Такие функции часто имеют место на работе, когда начальник должен распределить вознаграждение между подчиненными. Предполагается, что коллективистами, занимающими двойственную позицию (распределяют вознаграждения, одновременно являясь получателями), движет мотив сохранения гармонии взаимоотношений, следовательно, они будут отдавать предпочтение либо принципу равенства, либо принципу щедрости. Данные исследований, в ходе которых испытуемые находились в двойственном положении такого рода, соответствовали прогнозам на основании схемы индивидуализм–коллективизм (например, Hui et al., 1991; Leung & Bond, 1984). В тех случаях, когда коллективисты занимались лишь распределением вознаграждения, мотив сохранения гармонии был менее выражен, поскольку отношения лица, занимающегося распределением, и получателя не представляют собой «игры с нулевой суммой». Поэтому в данном случае принцип распределения отражает ожидания распределяющего лица по отношению к работникам, нежели его личные отношения с получателями. В рабочей обстановке, скорее всего, основной задачей является высокая производительность, и коллективисты, вероятно, будут уделять ей не меньшее внимание, чем

индивидуалисты. Таким образом, на работе коллективисты должны оказывать принципу равенства не больше предпочтения, чем индивидуалисты. Как отмечалось выше, Марин (Marin, 1985) обращался к испытуемым с просьбой распределить вознаграждение между двумя получателями, и обнаружил, что индонезийцы отдавали более стойкое предпочтение принципу справедливости, чем американцы. Чен (C. C. Chen, 1995) просил испытуемых исполнить роль президента компании и распределить среди служащих компаний вознаграждение. В этой ситуации китайские испытуемые чаще оказывали предпочтение принципу справедливости, чем американцы.

Процессуальная справедливость: представление о справедливой процедуре, культура и предпочтения, связанные с процедурой

Под процессуальной справедливостью понимается справедливость процедуры и процессов принятия решения. Первое исследование в этой области относилось к сфере юриспруденции и было посвящено процедуре разрешения конфликтов (Thibaut & Walker, 1975, 1978). Данные этой работы свидетельствуют прежде всего о том, что люди предпочитают такую процедуру разрешения конфликта, которая позволяет конфликтующим сторонам контролировать процесс, предполагая одновременно, что принятие решения осуществляется беспристрастными третьими лицами (контроль результатов). Широко известным примером процедуры, которая обладает названными характеристиками, является система состязательного судебного разбирательства в англоязычных странах. В ходе такой процедуры при рассмотрении дела обе стороны представляют свидетелей и приводят доводы в свою пользу, ставя под сомнения доводы противной стороны, в присутствии незаинтересованных третьих лиц, судьи и присяжных, которые затем выносят окончательное решение по данному делу. Желание сторон контролировать процесс отражает их стремление представить свою позицию так, как они того хотят, а готовность отказаться от принятия решения обусловлена страхом, вызванным мыслью о бесконечно продолжающемся конфликте.

Такие рассуждения представляются разумными, если не учитывать того, что существует и простое альтернативное объяснение имеющихся эмпирических данных. Поскольку судопроизводство в США представляет собой состязательную процедуру, возможно, американцы просто предпочитают статус-кво, а психологические соображения, о которых говорят Тибо и Уокер (Thibaut & Walker, 1975, 1978), не оказывают на них никакого влияния.

Чтобы исключить эту вполне вероятную возможность, Линд, Эриксон, Фридланд и Дикенбергер (Lind, Erickson, Friedland & Dickenberger, 1978) включили в сферу исследований континентальную Европу, где нормой судопроизводства является следственная процедура. В процессе следствия судья играет более активную роль в расследовании дел, в связи с чем возможности контроля процесса со стороны конфликтующих сторон снижаются. В соответствии с теорией Тибо и Уокера (Thibaut & Walker, 1975, 1978), Линд с соавторами (Lind, Erickson, Friedland & Dickenberger, 1978) обнаружили, что испытуемые из Франции и Германии отдавали устойчивое предпочтение состязательному судебному разбирательству, несмотря на незнание ими этой процедуры.

Теория Тибо и Уокера (Thibaut & Walker, 1975, 1978) находит подтверждение в Западной Европе и в США, однако она не согласуется с данными по другим странам, которые содержатся в большей части литературы по антропологии. Нейдер и Тодд (Nader & Todd, 1978) и Гулливер (Gulliver, 1979) считают, что в тех обществах, где межличностные отношения имеют прочный и продолжительный характер, предпочтение отдается процедуре, которая допускает возможность компромисса, например посредничеству и переговорам. Свидетельств популярности состязательной процедуры в антропологической литературе немного. Так, устойчивое предпочтение посредничеству отдается в Японии (Kawashima, 1963), Китае (Doo, 1973; J. A. Wall & Blum, 1991), и Турции (Starr, 1978).

Чтобы объединить эти два направления в научной литературе, Лейнг (Leung, 1987) обратился к схеме индивидуализм—коллективизм и выдвинул предположение, что предпочтение состязательному судебному разбирательству является более выраженным в индивидуалистических культурах по сравнению с коллективистскими. Теория Тибо и Уокера (Thibaut & Walker, 1975, 1978) получила убедительное подтверждение в индивидуалистических обществах; однако в отношении коллективистских обществ имеется достаточно много противоречащих ей данных. Подтверждая свое предположение, Лейнг (Leung, 1987) обнаружил, что китайские испытуемые из Гонконга демонстрируют более явное предпочтение посредничеству и переговорам, чем американцы. Эти культурные различия имеют место, поскольку в понимании китайцев две названные процедуры ведут к снижению враждебности. Моррис, Лейнг и Сети (Morris, Leung & Sethi, 1995) получили сходные данные, работая с китайскими и американскими испытуемыми. Подобным образом Козан и Эргин (Kozan & Ergin, 1998) обнаружили, что при игре в дилемму узника студенты из Турции стремились прибегнуть к помощи посредника, тогда как студенты из США предпочитали непосредственный контакт.

В ходе дальнейших исследований процессуальных предпочтений перечень процедур был расширен за счет включения неформальных процедур. Лейнг, Ау, Фернандес-Долс и Иваваки (Leung, Au, Fernandez-Dols & Iwawaki, 1992) сравнивали предпочтения в отношении расширенной совокупности процедур в четырех странах: Испании, Японии, Нидерландах и Канаде. Они обнаружили, что испанцы и японцы — коллективисты — оказывали более выраженное предпочтение переговорам и уступкам, то есть процедурам, которые способствуют достижению гармонии. Голландцы и канадцы — индивидуалисты — оказались более склонны к угрозам и обвинениям в ходе разбирательства. Бирбрауер (Bierbrauer, 1994) сравнивал предпочтения граждан Германии и ливанцев и курдов, ищущих убежища, в отношении официальной и неофициальной процедуры разрешения конфликтов. В соответствии с предположением Лейнга (Leung, 1987), ливанцы и курды, уровень коллективизма которых выше, чем у немцев, меньше стремились к разрешению конфликта между членами семьи или знакомыми при помощи государственного права, чем жители Германии. Бирбауер обнаружил, кроме того, что курды и ливанцы, по сравнению с немцами, считали применение религиозных и традиционных норм при разрешении конфликта более правомерным, чем применение государственного права. В целом данное исследование показало, что при разрешении конфликтов индивидуалисты чаще идут на прямую конфронтацию, в то время как коллекти-

висты предпочитают процедуру, которая позволяет сохранить гармоничные отношения между участниками конфликта.

Хотя очевидно, что культуры различаются в отношении процедурных предпочтений, исследования показывают, что одни и те же принципы, определяющие справедливость процедуры, имеют место в разных культурах. Так, позитивная взаимосвязь между возможностью контроля процедуры (который предусматривает сама процедура) и ее справедливостью, впервые выявленная Тибо и Уокером (Thibaut & Walker, 1975, 1978), была обнаружена не только в США, но и в Британии, Франции, Германии (Lind et al., 1978), Гонконге (Leung, 1987), Японии и Испании (Leung et al., 1992). Результаты позитивной оценки процессуальной справедливости также, судя по всему, сходны в разных культурах. Так, в США (Lind & Tyler, 1988; Tyler & Beis, 1990), Гонконге и материковом Китае (Leung et al., 1993; Leung, Chiu & Au, 1996; Leung & Li, 1990) позитивная оценка процессуальной справедливости ведет к позитивной оценке результатов этой процедуры и тех, кто принимает решение. Подобным образом Пирс и соавторы (Pearce, Bigley & Branyczki, 1998) говорят о том, что ощущение справедливости имеет позитивную связь с обязательствами по отношению к организации и доверием к своим сотрудникам в Литве.

Культура и стратегии конфликтного поведения

В разных культурах люди отдают предпочтение разным стратегиям разрешения конфликтов. Основной моделью конфликтного поведения является двумерная модель, в рамках которой возможны пять основных стратегий разрешения конфликта (Pruitt & Carnevale, 1993). Эти пять подходов представляют собой различные сочетания высокой/низкой озабоченности собственными интересами и интересами другой стороны. **Сотрудничество** — подход, предполагающий как высокий уровень озабоченности собственными интересами, так и интересами противной стороны; **состязание** — высокий уровень озабоченности собственными интересами и невнимание к интересам другой стороны; **компромисс** — сдержанное отношение как к собственным интересам, так и к интересам другой стороны; **примирение** — первоочередное внимание уделяется интересам противной стороны, уровень озабоченности собственными интересами низкий; **избегание** — низкая озабоченность как своими интересами, так и интересами другой стороны.

Культурные различия в подходах к разрешению конфликта могут повлиять на понимание несправедливости. Так, представители тех культур, в которых первоочередное внимание уделяется последствиям для другой стороны, при ведении переговоров с представителями культур, в которых первоочередное внимание уделяется собственным интересам, часто считают, что с ними обходятся несправедливо. В частности, если представители культуры, в которой при разрешении конфликта предпочтение отдается примирению, вступают в конфликт с другой культурной группой, предпочитающей разрешение конфликта в процессе состязания, скорее всего, первые воспримут поведение вторых как проявление враждебности и несправедливое обращение. Ощущение несправедливости может возникнуть также, когда представители культуры, в которой подход к разрешению конфликтов предполагает сотрудничество, имеют дело с теми, кто склонен избегать конфликтов. Те, чья ментальность предполагает сотрудничество, скорее всего воспримут уход от

конфликта как неприятие их стремления к открытому обсуждению проблем и будут чувствовать разочарование из-за того, что конфликт не разрешился.

Проблема несочетаемости подходов к разрешению конфликтов может быть проиллюстрирована переговорами между израильтянами (индивидуалистическая группа) и арабами (коллективистская группа), в ходе которых обе стороны обвиняют друг друга в недобросовестности. Согласно Грифату и Катриэлю (Griefat & Katriel, 1989), подход арабов к межличностным отношениям определяется понятием *musayara*, то есть предполагает взаимозависимость, сотрудничество, уважение, участие, использование обходных путей, хитрость, экспансивность, намеки и метафоры. Израильтяне же, в отличие от них, часто используют подход к межличностным отношениям, который базируется на *dugri*, предполагающий прямые, без обиняков, убедительные, настойчивые, неприукрашенные заявления. Столь разные подходы, возможно, являются помехой для переговоров и ведут к неудовлетворенности как процедурой, так и результатами ведения переговоров (подробнее см. в работе Leung & Stephan, 2000).

Имеющиеся эмпирические данные говорят о том, что на подход к разрешению конфликтов оказывает влияние уровень индивидуализма—коллективизма. Представители индивидуалистических культур обычно предпочитают такие подходы к разрешению конфликтов, которые характеризуются первоочередным вниманием к собственным интересам, тогда как коллективисты чаще предпочитают подходы, предполагающие учет интересов членов мы-группы. Однако когда противная сторона в конфликте представляет они-группу, представители коллективистской культуры могут выразить не меньшую озабоченность личными интересами, чем «индивидуалисты». В ряде исследований говорится о том, что выходцы из латиноамериканских коллективистских культур (Бразилия, Мексика) отдают более выраженное предпочтение подходам к разрешению конфликтов, которые позволяют учитывать интересы противной стороны (сотрудничество и примирение), чем представители индивидуалистической культуры (жители США; Gabrielidis, Stephan, Ybarra, Pearson & Villareal, 1997; Pearson & Stephan, 1998).

Исследования, которые не используют двумерную модель, также подтверждают основное предположение о том, что представители коллективистских культур преимущественно избирают такой подход к разрешению конфликта, который предполагает учет интересов противной стороны. Эльсейд-Экоули и Буда (Elsayed-Ekhouly & Buda, 1996) говорят о том, арабские исполнительные власти чаще стремятся уклониться от конфликта и держатся менее властно, чем американцы. Обучи и Такахаши (Ohbuchi & Takahashi, 1994) обнаружили, что в конфликтной ситуации японцы чаще стремятся избежать конфликта или использовать обходные пути (попытки внушить определенные мысли, снискать расположение, произвести впечатление, умиротворить противную сторону), тогда как американцы чаще прибегают к непосредственному воздействию (убеждение, заключение сделки или примирение). По сравнению с американцами, японцы реже открываются тем, чье поведение в повседневной жизни производит на них негативное впечатление. Чунг и Ли (Chung & Lee, 1989) говорят о том, что японцы и корейцы при разрешении конфликтов реже прибегают к конфронтации, чем американцы. Тинг-Туми и соавторы (Ting-Toomey et al., 1991) считают, что американцы чаще используют состязатель-

ный подход и реже избегают конфликтов, чем японцы, корейцы, жители материкового Китая и Тайваня. Моррис, Уильямс и соавторы (Morris, Williams et al., 1999) обнаружили, что китайские менеджеры чаще предпочитают избегать конфликтов по сравнению с менеджерами из США, Индии и Филиппин, в то время как менеджеры из США чаще применяют состязательный подход, чем менеджеры из Китая, Индии и Филиппин. Грэхэм, Минту и Роджерс (J. L. Graham, Mintu & Rodgers, 1994) обнаружили, что в восьми странах коллективизм связан с таким подходом к ведению переговоров, который характеризуется стремлением к сотрудничеству и готовностью учесть потребности другой стороны. Козан (Kozan, 1997) определяет поведение коллективистов при разрешении конфликтов как модель сохранения гармонии, а состязательный подход, который предпочитают индивидуалисты, как конфронтационную модель.

В работе Лейнга (Leung, 1988) проводится разграничение подходов к представителям «своей» и «чужой» группы. Лейнг обнаружил, что, по сравнению с американцами, китайцы меньше вступают в споры с членами мы-группы и чаще полемизируют с представителями они-группы. Пробст, Карневале и Триандис (Probst, Carnevale & Triandis, 1999) выявляют подобную модель при исследовании социальной дилеммы.

Культуро-специфичные процедуры разрешения конфликта

Некоторым культурам свойственны специфические формы разрешения конфликтов, малопонятные и даже несправедливые с точки зрения представителей иных культурных групп. Хорошим примером является корейская циклическая структура разрешения конфликта, которая описана Хо и Парком (Cho & Park, 1998); она представляет собой сочетание стремления к сохранению гармонии и конфронтации. Цикл состоит из четырех стадий: выстраивание контекста, сглаживание (*smoothing*), принуждение (*forcing*) и снятие напряжения (*tension releasing*). Задача выстраивания контекста состоит в поиске точек соприкосновения конфликтующих сторон: происходит обмен информацией и создание эмоциональных связей. На этапе сглаживания основное внимание уделяется поиску решения, которое не оскорбит чувств противной стороны. Этап принуждения предполагает использование официальной и неофициальной власти, чтобы заставить другую сторону подчиниться. На этом этапе принято обращаться к влиятельным лицам, что связано с высокими показателями дистанции по отношению к власти в Корее. И, наконец, в ходе снятия напряжения основной задачей является восстановление отношений между участниками конфликта. Обычными средствами достижения этой цели являются совместная выпивка и хоровое пение. Очевидно, что такая циклическая структура разрешения конфликта существенно отличается от состязательного подхода, к которому в конфликтных ситуациях прибегают американцы и который, как правило, не предполагает совместных действий, обращения к влиятельным лицам для того, чтобы заставить противную сторону подчиниться, и снятия напряжения после того, как конфликт улажен (J. Wall & Stark, 1998).

Другим примером культуро-специфичного подхода к разрешению конфликтов является *ahimsa* или принцип отказа от насилия, который использовал Ганди в борьбе против британского колониального режима (Sinha, 1987). Этот принцип

берет начало в буддизме, джайнизме, индуизме, санскрите и других индийских традициях и предполагает особое понимание процессуальной справедливости. Основные представления западного подхода, такие как право голоса, понимаются здесь совершенно иначе. *Ahimsa* уделяет первоочередное внимание *satyagraha*, силе, которая является производной от истины и любви и предполагает соблюдение двух фундаментальных принципов, *maha karuna* (великое сострадание) и *maha prajna* (великая мудрость). Этот подход воплощает глубокую эмоциональную связь и любовь по отношению ко всему живому и полный отказ от причинения вреда кому бы то ни было. Эти два принципа определяют три стадии процедуры разрешения конфликта. Первая стадия предполагает попытку переубедить другую сторону с помощью логических рассуждений. Если эти попытки терпят неудачу, на смену им приходит огорчение того, кто не смог переубедить оппонента. Цель выражения огорчения — вызвать у оппонента чувство вины и тем самым поставить оппонента в неблагоприятное в нравственном отношении положение, поскольку таким образом он причиняет ущерб беззащитным и не прибегающим к насилию людям. Если этот прием также не приводит к успеху, используются формы ненасильственного принуждения, такие как отказ от сотрудничества, гражданское неповиновение, бойкоты и голодовки. В основе принципа *ahimsa* лежит убеждение в том, что только мир и отказ от насилия могут остановить насилие.

С психологической точки зрения, принципы *ahimsa* предполагают, что для формирования ощущения справедливости и подходов к разрешению конфликтов решающими являются нравственные соображения. Очевидно, что ориентация на моральные ценности при разрешении конфликтных ситуаций не является уникальной для индийцев, однако западные исследования справедливости и подходов к разрешению конфликтов не выявляют устойчивой связи между соображениями нравственности и пониманием справедливости или между моралью и подходами к разрешению конфликтов.

Работы, на которые мы ссылались выше, посвящены в первую очередь процедуре разрешения конфликтов, однако понятие процессуальной справедливости связано и с другими практиками, например с приемом на работу и продвижением по службе. К сожалению, существует немного кросс-культурных исследований, посвященных процессуальной справедливости, не связанной с разрешением конфликтов. Одним из таких исследований является работа Штейнера и Джиллиланда (Steiner & Gilliland, 1996), которые обнаружили, что французские студенты, в отличие от американских, считают графологию (анализ почерка) и личностные тесты более справедливыми, чем иные средства отбора, используемые в организациях. Американские же студенты полагают, что использование интервью, резюме, биографической информации и прочих средств проверки более справедливо и эффективно. Интересно, что в разных культурах справедливость применения различных процедур оценивается по-разному. Использование графологии, судя по всему, является культуро-специфичной процедурой, которая пользуется популярностью во Франции, однако американцами воспринимается как несправедливая. Будущие кросс-культурные исследования предпочтений, связанных с процессуальной справедливостью, без сомнения, не должны ограничиваться проблематикой разрешения конфликтов.

Дистанция по отношению к власти и привлечение третьих лиц к разрешению конфликтов

Подходы к разрешению конфликтов нередко предполагают участие третьих лиц, которым может отводиться, например, роль арбитров или посредников. Функции третьих лиц могут быть различными — от консультативной и иной помощи в качестве посредников до принятия окончательного решения и вынесения приговора. Различные культурные группы по-разному подходят к определению роли третьей стороны. Если третьи лица отклоняются от предписанной культурой роли, это может восприниматься как нарушение принципов справедливости. Последние исследования говорят о том, что функции третьих лиц в определенной культуре связаны с показателями дистанции по отношению к власти. В тех обществах, где дистанция по отношению к власти значительна, вмешательство обладающих широкими полномочиями третьих лиц в разрешение конфликта считается более обоснованным, чем в тех обществах, где дистанция по отношению к власти невелика.

Так, в Японии, стране, где дистанция по отношению к власти значительна, истцы и ответчики полагаются на судью, ожидая, что он приведет необходимые доводы, относящиеся к делу, и вынесет окончательное справедливое решение, в то время как в США, обществе, где дистанция по отношению к власти невелика, они рассчитывают на собственные силы, приводя относящиеся к делу доводы в свою пользу (Benjamin, 1975; Tanabe, 1963). Тсе, Фрэнсис и Уоллс (Tse, Francis & Walls, 1994) обнаружили, что, по сравнению с руководящими работниками в Канаде, администраторы из Китая в конфликтных ситуациях чаще консультируются с вышестоящим начальством. Чунг и Ли (Chung & Lee, 1989) обнаружили, что японцы и корейцы более охотно обращаются к влиятельным лицам для разрешения конфликтов, чем американцы. И наконец, проводя исследование 23 национальных групп, П. Б. Смит, Петерсон, Лейнг и Дуган (P. B. Smith, Peterson, Leung & Dugan, 1998) обнаружили, что в странах с высокими показателями дистанции по отношению к власти, испытуемые при разрешении конфликтов в рабочей группе менее охотно полагались на лиц одного с ними статуса и подчиненных.

Культура и межличностные отношения

Последние исследования показали, что процессуальная справедливость предполагает и аспект, связанный с межличностными отношениями (Bies & Moag, 1986; Tyler & Bies, 1990), который часто определяется как **справедливость взаимоотношений** (*interactional justice*). Люди рассчитывают, что в процессе принятия решения к ним будут относиться с должным вниманием, уважая их чувство собственного достоинства; многие из них хотели бы высказать собственное мнение. Неуважительное отношение и невнимание к их мнению может вызвать острое ощущение несправедливости. Судя по всему, это общекультурное явление. Основной теорией в данной области является предложенная Линдом и Тайлером (Lind & Tyler, 1988) расширенная модель ценности группы, которая предполагает, что люди озабочены своим положением в группе и определяют собственный статус на основании того, как обходится с ними группа в процессе принятия решения.

Тайлер (Tyler, 1990) представил три характеризующих отношения фактора, определяющих взаимодействие между лицом, принимающим решение, и тем, в отношении кого оно принимается. **Беспристрастность** определяет, являются ли действия уполномоченного лица результатом непредвзятого отношения. **Уважение человеческого достоинства** показывает, испытывает ли уполномоченное лицо должное уважение к тому, в отношении кого принимается решение. **Доверие** предполагает, что лицо, наделенное полномочиями, принимает во внимание точку зрения индивида, участь которого определяется его решениями, и прилагает усилия к тому, чтобы его действия были справедливыми.

Ряд научных изысканий подтвердили модель ценности группы. Они показали, что человеческие взаимоотношения часто сильнее влияют на восприятие справедливости, чем моменты практического характера (Tyler, 1994; Tyler & Lind, 1992). Это подтвердилось и в ходе кросс-культурных исследований. Лейнг и его коллеги продемонстрировали, что три названных выше фактора являются важными детерминантами ощущения справедливости в Гонконге и Китае (Leung et al., 1993; Leung & Li, 1990; Leung et al., 1996). Изучая предпочтительные подходы к разрешению конфликтов, Линд, Хуо и Тайлер (Lind, Huo & Tyler, 1994) обнаружили, что в четырех исследуемых этнических группах (афроамериканцы, американцы латиноамериканского, азиатского и европейского происхождения) процессуальная справедливость была более важным предиктором, чем то, насколько принятое решение воспринимается как благоприятное, в предсказании процессуальных предпочтений и эмоций, испытываемых в процессе разрешения конфликта. Сугавара и Хуо (Sugawara & Huo, 1994) обнаружили, что в Японии человеческие взаимоотношения при разрешении конфликтов считаются более важными, чем моменты практического характера. Проводя сравнительное изучение американских, немецких и китайских (гонконгских) студентов, Линд (Lind, 1994) обнаружил, что соблюдение всех процедурных моментов повсеместно является более существенным для оценки справедливости вынесенного решения, чем благоприятное решение. Среди прочих процедурных моментов факторы, характеризующие человеческие взаимоотношения, во всех трех группах в целом сильнее влияли на оценку процессуальной справедливости, чем возможности контроля процесса. Наконец, Линд, Тайлер и Хуо (Lind, Tyler & Huo, 1997) приводят сведения о том, что возможность высказать собственное мнение оказывает на ощущение процессуальной справедливости опосредованное воздействие, при этом опосредующими переменными являются все те же факторы, связанные с взаимоотношениями. Эта закономерность была выявлена в США, Германии, Гонконге и Японии. Все перечисленные исследования ясно свидетельствуют, что вопросы человеческих взаимоотношений являются ключевыми для понимания того, как воспринимается несправедливость в различных культурах.

Брокнер с соавторами (Brockner, Chen, Mannix, Leung & Skarlicki, 2000) считают, что если характеризующие человеческие взаимоотношения аспекты процессуальной справедливости являются показателями статуса индивида в группе (как предполагает модель ценности группы), то процессуальная справедливость должна иметь большее значение в тех культурах, где сильнее выражена взаимозависимость.

Брокнер и коллеги проверили это предположение в ходе трех исследований, учитывая как формальную сторону процессуальной справедливости, так и факторы, связанные с отношениями между участниками процедуры. Оказалось, что при неблагоприятном исходе процессуальная справедливость влияла на поведение реципиентов в Китае и Тайване сильнее, чем в Канаде и США. Кроме того, при помощи регрессионного анализа исследователи продемонстрировали, что опосредующим фактором данных культурных различий является Я-конструкция. Иными словами, при статистическом контроле культурных различий, связанных с Я-конструкцией, культурные различия, связанные с процессуальной справедливостью, исчезали. Это исследование показывает, что процессуальная справедливость оказывает устойчивое воздействие на представителей разных культур, но при этом культура при определенных обстоятельствах может снижать это воздействие.

Очевидно, что значение справедливости взаимоотношений сходно в разных культурах. Линд (Lind, 1994) свидетельствует, что готовность прибегнуть к процедуре разрешения конфликта означает оценку этой процедуры как справедливой в Германии, США и Гонконге. Лейнг и его коллеги (Leung et al., 1993, 1996) также обнаружили, что значение справедливости взаимоотношений сходно в разных культурах. Восприятие справедливости взаимоотношений одинаково связано с оценкой окончательного решения и лиц, которые его принимали, в США, Гонконге и материковом Китае.

Лейнг и Моррис (Leung & Morris, 2001) считают, что современные модели процессуальной справедливости до сих пор исследовались прежде всего с учетом конструктов, которые выявлялись и оценивались на абстрактном уровне (например, Lind et al., 1997). Поэтому кросс-культурная общность факторов, определяющих справедливость взаимоотношений, и сходство последствий оценки этой справедливости не означают, что конкретное поведение, вызывающее ощущение несправедливости взаимоотношений, одинаково в разных культурах. Как раз наоборот — заблуждения в ходе атрибуции и интерпретации действий представителей иных культурных групп имеют место достаточно часто и могут вызвать ощущение несправедливости при межкультурных контактах. Люди могут оценивать поведение представителя иной культуры как неучтивое и снисходительное, исходя из представлений собственной культуры, но это поведение может считаться вполне приемлемым в культуре, к которой принадлежит данный индивид (обзор см. в работе Gudykunst & Bond, 1997).

Эту ситуацию может проиллюстрировать различие норм разговорного языка у афроамериканцев и американцев европейского происхождения (например, Waters, 1992). Для американцев европейского происхождения взгляд собеседника обычно воспринимается как проявление внимания, тогда как афроамериканцы-горожане полагают, что если взгляды собеседников не встречаются, это не свидетельствует о невнимании, когда собеседники хорошо знакомы друг с другом (Asante & Davis, 1985). Американцы европейского происхождения, замечающие, что афроамериканец избегает их взгляда, могут подумать, что он невнимательно слушает или дурно воспитан.

Другой пример приводят П. Б. Смит, Петерсон, Мисуми и Тайеб (P. B. Smith, Peterson, Misumi & Tayeb, 1989). Они обнаружили следующее: если у служащего

возникают проблемы личного характера, то японцы и китайцы из Гонконга считают обсуждение этих проблем начальником служащего с другими подчиненными в отсутствие того, кто испытывает затруднения, вполне приемлемым поведением. Респонденты из Великобритании и США оценивают такое поведение как неосмотрительное.

Последний пример касается «разговорных накладок» — говорить, когда собеседник еще не закончил свою речь, принято в Бразилии и не принято в США (J. Graham, 1985). Понятно, что американцы, когда ведут переговоры с бразильцами, считают, что бразильская сторона держится неучтиво и непочтительно, поскольку бразильцы перебивают собеседников.

Эти исследования напоминают о важности модели, представленной в начале данной главы. Абстрактные принципы справедливости позволяют нам структурировать понимание кросс-культурного сходства, однако конкретные установки и виды поведения определяют то, как реализуются эти абстрактные принципы в данной социальной ситуации.

Дистанция по отношению к власти и межличностные отношения

Взаимосвязь между дистанцией по отношению к власти и справедливостью взаимоотношений была коротко определена Джеймсом (James, 1993): «Культуры, которые признают различия, связанные с властью, заставляют индивидов ожидать несправедливости, считать ее само собой разумеющейся и, следовательно, не испытывать в связи с несправедливостью никакой злобы» (р. 23). Его выводы базируются на исследовании Гудикунста и Тинг-Туми (Gudykunst & Ting-Toomey, 1988), которые проанализировали данные по гневу и справедливости в семи европейских странах (приводятся в работах Babad & Wallbott, 1986; Wallbott & Scherer, 1986). Устойчивая взаимосвязь показателей дистанции по отношению к власти и гнева, который является реакцией на несправедливость, выражалась следующим образом: чем выше показатели дистанции по отношению к власти, тем реже несправедливое обращение вызывает гнев. В культурах, в которых дистанция по отношению к власти значительна, общепризнанность социальных привилегий определяет высокий уровень терпимого отношения к несправедливому обращению.

Непосредственно демонстрируя наличие такой связи, Бонд, Ван, Лейнг и Жиакалоне (Bond, Wan, Leung & Giacalone, 1985) показали, что китайцы из Гонконга реагируют на оскорбительные замечания представителей мы-группы, обладающих более высоким статусом, благосклоннее, чем американцы. При этом, если замечания подобного рода делал индивид с низким статусом, китайцы и американцы реагировали на них одинаково. Лейнг, Су и Моррис (Leung, Su & Morris, *в печати*) попросили американских и китайских студентов, которые готовились к получению степени магистра в сфере делового управления, сыграть роль служащего, чье предложение было подвергнуто менеджером несправедливой и грубой критике. Менеджер перебивал работника, невнимательно слушал и отвергал его доводы. В одном случае менеджер занимал должность примерно того же уровня, что и данный работник, а в другом — его положение было значительно более высоким. В соответствии с данными предыдущих исследований, китайцы, по сравнению с американцами, воспринимали действия высокопоставленного менеджера как более справедливые и реагировали на его поведение не столь негативно. Кроме того, Тайлер, Линд и Хуо (Tyler, Lind & Huo,

1995) пришли к выводу, что представители культур, в которых дистанция по отношению к власти значительна, меньше подвержены воздействию факторов, касающихся взаимоотношений, чем те, культура которых предполагает небольшую дистанцию по отношению к власти. Этот вывод согласуется с данными, приведенными выше.

Карающая справедливость: ощущение справедливости наказания

Чтобы поддерживать порядок в обществе и защищать благосостояние членов группы, нарушения общественного порядка и противоправное поведение должны быть наказуемы. В любом обществе существуют как официальные, так и неписаные законы, призванные удержать людей от правонарушений. Это третья составляющая справедливости, **карающая справедливость**. Вопрос о ней встает, когда оценивается, в какой мере тот, кто нарушил закон или причинил ущерб, должен нести ответственность за свой проступок и заслуживает ли он наказания (Hogan & Emler, 1981).

Оценка справедливости наказания начинается с цепочки умозаключений, касающихся субъекта деятельности, обстоятельств, в которых был совершен проступок, и серьезности его последствий. На начальном этапе результаты проступка оцениваются с учетом его серьезности и той меры, в которой субъект несет ответственность за его совершение. Существуют обширные свидетельства того, что мнение о проступке во многом определяется факторами контекстуального характера. Кроме того, в соответствии с моделями Шейвера (Shaver, 1985) и Шульца и его коллег (Shultz & Schleifer, 1983; Shultz, Schleifer & Altman, 1981), мера ответственности виновника правонарушения определяется причиной его действий, а также его намерениями.

Кросс-культурные исследования в данной области свидетельствуют о впечатляющих различиях при оценке меры ответственности за правонарушение. В ходе обширного сравнительного исследования Гамильтон и Сандерс (Hamilton & Sanders, 1992) обнаружили, что оценка меры ответственности в США и Японии определяется одними и теми же факторами (серьезность проступка, его причина и характер намерений виновника), однако значимость этих факторов в названных странах различна. Различия в значимости этих факторов проще всего объясняются с учетом параметров индивидуализма—коллективизма. Одной из основных составляющих культурного синдрома индивидуализма является вера в то, что индивид действует автономно и социальный контекст не накладывает ограничений на его поведение (Lukes, 1973). В коллективистских культурах люди, напротив, полагают, что поведение человека в значительной мере определяется социальным контекстом (Ho, 1998). Моррис и Пенг (Morris & Peng, 1994) представили весьма убедительные подтверждения данной интерпретации в ходе нескольких исследований, сравнивающих имплицитные теории социального поведения в США и Китае. Их результаты явным образом свидетельствуют о том, что в США упомянутая теория, предполагающая автономность индивида, объясняет его поведение внутренними качествами, а в Китае — уделяет большее внимание социальному контексту и мотивирует поведение субъекта внешними факторами.

Соответствуют данным Морриса и Пенга (Morris & Peng, 1994) и результаты исследования Гамильтона и Сандерса (Hamilton & Sanders, 1992). Они изучали

реакции американцев и японцев на рассказы о противоправном поведении и обнаружили, что американцы чаще, чем японцы, оценивают действия правонарушителя как целенаправленные или намеренные. Более того, американцы примерно в два раза чаще японцев связывали ответственность субъекта с информацией о нем самом, тогда как японцы были более восприимчивы к сведениям о социальной роли субъекта и влиянии прочих факторов социального контекста. На и Лофтус (Na & Loftus, 1998) обнаружили, что американские специалисты по вопросам права и студенты колледжей чаще объясняют преступное поведение личностными характеристиками, злоупотреблением наркотиками и семейными проблемами, тогда как корейские студенты, занимающиеся юриспруденцией, и студенты колледжей предпочитают объяснять преступное поведение ситуационными и социальными факторами.

Короче говоря, результаты исследований показывают, что в индивидуалистическом обществе люди склонны обвинять в противоправном поведении нарушителя, в то время как в коллективистском обществе люди чаще видят в противоправном поведении результат воздействия социальных факторов и реже считают, что нарушитель несет личную ответственность за совершенный проступок.

Такие кросс-культурные различия в атрибуции оказывают заметное влияние на строгость и характер наказания, которое считается справедливым и обоснованным. Атрибуция противоправного поведения внешним факторам в коллективистских культурах, по-видимому, будет способствовать снисходительному отношению к правонарушителю. Подтверждая это предположение, На и Лофтус (Na & Loftus, 1998) приводят сведения о том, что корейские респонденты высказываются в пользу более мягкого обращения с преступниками, чем американцы. Проводя подобное исследование, Миллер и Лутар (Miller & Luthar, 1989) поставили индийцев и американцев перед дилеммой: действовать в соответствии с социальными нормами (то есть законом) или социально-ролевыми обязательствами. Индийцы чаще, чем американцы, стремились оправдать индивида, который действовал в соответствии с ролевыми обязательствами, и освободить его от ответственности. В ходе еще одного исследования такого рода Берсофф и Миллер (Bersoff & Miller, 1993) обнаружили, что, по сравнению с американцами, индийцы чаще склонны оправдывать правонарушения, которые были совершены под воздействием эмоций (страха или гнева). Миллер и ее коллеги полагают, что индийцы воспринимают действия окружающих в контексте определенной ситуации, поэтому они более восприимчивы к воздействию обстоятельств на поведение.

Когда нарушителю определяется наказание, можно выделить три основных мотива. **Возмездие** — то есть стремление заставить нарушителя возместить ущерб, нанесенный жертве, предполагает, что мера пресечения будет соразмерна нанесенному ущербу. Кроме того, задача такого наказания — удержать нарушителя от повторного нанесения ущерба жертве. При **реабилитации** целью наказания является перевоспитать преступника, заставить его осознать недостойность противоправного поведения и, таким образом, предотвратить совершение новых преступлений. Основной целью **восстановления** (*restoration*) является возобновление социальных связей между преступником и жертвой, которое предполагает возмещение ущерба и принесение извинений.

Культурные различия в атрибуции тесно связаны с мотивами, определяющими выбор наказания. Атрибуция поведения нарушителя внутренним склонностям, которая распространена в индивидуалистических культурах, лежит в основе мнения, что преступник вряд ли изменится к лучшему. Атрибуция поведения внешним факторам в коллективистских обществах ведет к тому, что основной акцент при определении наказания делается на реабилитации.

Подтверждает эти предположения работа Эпштейна (Epstein, 1986), который сравнивал исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей на Тайване, в Китае и Гонконге и пришел к выводу, что на Тайване и в Китае они сходны в своем стремлении внушить несовершеннолетним нарушителям определенные идеи за время их пребывания под стражей. Одним из объяснений принимаемых мер может быть мнение о том, что нарушителей можно исправить, «перевоспитав» их. В Гонконге же, напротив, британское влияние привело к тому, что основными инструментами, которые используются для возвращения нарушителей к нормальной жизни и нормальному поведению, являются вознаграждения и поощрения, а не внушение разного рода идей и перевоспитание.

Гамильтон и Сандерс (Hamilton & Sanders, 1988) утверждают, что японцы подчеркивают обязанность общества стимулировать подчинение индивида социальным нормам. Нарушение социальных норм или закона часто объясняется упущениями общества в процессе социализации индивида. Поэтому определение наказания в Японии в большей мере ориентировано на реабилитацию и восстановление, чем в США. В целом японские респонденты предпочитали выбор таких санкций, которые позволили бы «восстановить статус правонарушителя и его взаимоотношения с окружающими», тогда как американцы предпочитали санкции, предусматривающие изоляцию правонарушителя и, таким образом, предотвращающие рецидивы его антиобщественного поведения.

Социальные санкции

Культура определяет, какие действия считаются правонарушением. На основе имеющихся представлений о соблюдении групповых норм индивидуалистическое и коллективистское общество имеют разные точки зрения в отношении правонарушений. В коллективистской культуре важной задачей считается сохранение гармоничных отношений внутри группы и отклонения поведения, которые представляют угрозу для этой гармонии, очевидно, повлекут применение определенных санкций. В индивидуалистическом обществе поведение, которое отклоняется от нормы, не влечет за собой серьезных санкций, поскольку такое общество делает акцент на индивидуальности и автономии человека. В коллективистских обществах социальные санкции считаются эффективным средством подчинения индивида групповым нормам. Ямагиши (Yamagishi, 1988b) говорит о том, что в отсутствие системы санкционирования уровень доверия и преданности японцев другим членам группы был ниже, чем у американцев. Кроме того, по сравнению с американцами японцы чаще стремились покинуть группу, в которой не было системы контроля и санкционирования (Yamagishi, 1988a). Ямагиши, Кук и Ватабе (Yamagishi, Cook & Watabe, 1998) показали, что при наличии системы санкционирования

японцы больше склонны к сотрудничеству, чем американцы, в то время как в отсутствие такой системы наблюдалось противоположное поведение. Эти данные подтверждают предположение, что представители коллективистских культур в отличие от индивидуалистов чувствуют себя более спокойно при наличии социальной системы, которая предусматривает применение санкций к тому, чье поведение идет вразрез с нормой.

Универсальный характер карающей справедливости

Культуро-специфичные установки и верования могут вести к подавлению непосредственной реакции на несправедливость. Так, в китайской традиции основным понятием, связанным с карающими мерами, является *bao*, которое представляет собой гораздо более широкое представление о возмездии, чем на Западе (например, Hsu, 1971; Yang, 1957). Китайцы верят, что *bao* не обязательно случается с теми, кто нанес ущерб, оно может произойти с их родственниками или потомками, и даже с их новым воплощением после реинкарнации (например, Chiu, 1991). Поскольку *bao* может произойти не сразу, а спустя длительное время, и при этом возмездие может реализоваться в таких естественных событиях, как болезни, данные верования могут подавлять стремление людей немедленно покарать преступника. В других культурах возмездие может принимать иные формы косвенного характера. Например, в культуре гавайских аборигенов болезнь или увечье иногда считаются результатом возмездия (Ito, 1982).

Другой пример верований, которые могут подавлять стремление к возмездию, дает Индия. По традиции индийцы-индуисты верят в то, что карма или судьба определяет реинкарнацию человека в качестве представителя определенной общественной касты (Hies, Garcia-Preto, McGoldrick, Almeida & Weltman, 1992). Поэтому одна группа может нанести ущерб другой группе, и жертвы воспримут это как свое предназначение. Поскольку изменить карму может только смерть или новое рождение, терпимость, самопожертвование и даже страдание считаются более приемлемой реакцией на нанесение ущерба, чем возмездие. Подводя итог, можно сказать, что определенные культуро-специфичные верования могут умерить стремление к немедленному возмездию.

Реакция на несправедливость: Модель понимания реакций на несправедливость

Выше мы рассматривали вопрос о том, какую роль в восприятии несправедливости играют культурные различия. В этом разделе мы рассмотрим, как представители разных культур реагируют на несправедливость. Ощущение несправедливости и те реакции, которые оно вызывает, важны по многим причинам. Например, при исследованиях организационных структур было обнаружено, что ощущение несправедливости влечет за собой низкую производительность труда, воровство, неподчинение установленным в учреждении нормам, протесты, прогулы, уход с работы и судебные тяжбы (обзор см. у Lind, Kray & Thompson, 1998; Rutte & Messick, 1995). При межкультурных контактах это ощущение, очевидно, может быть при-

чиной конфликтов, подозрений, неудовлетворенности, гнева и других отрицательных эмоций, ухудшения межличностных отношений, стресса и прочих разрушительных для поведения и психики последствий.

Несколько исследовательских коллективов пытались обобщить реакции на несправедливость. Мы разработали концептуальную схему, позволяющую структурировать понимание этих реакций (Leung & Stephan, 1998, 2000). Мы провели два основных разграничения. Первое связано с различием между психологическими и поведенческими реакциями (Rutte & Messick, 1995). Психологические реакции носят преимущественно внутренний характер и могут включать как когнитивные реакции, например оценку себя и окружающих, так и эмоциональные реакции, например гнев, зависть, негодование или разочарование. Поведенческие реакции представляют собой действия явного характера, которые могут быть направлены как на виновника несправедливости, так и на окружающих.

Второе разграничение касается источника несправедливости, а именно, являются ли источником несправедливости действия индивида или группы. Это разграничение подобно разграничению, которое делалось в литературе по относительной депривации, где различались эгоистическая относительная депривация и братская относительная депривация (Runciman, 1966; Vanneman & Pettigrew, 1972). Речь идет о том, что индивид может по-разному реагировать на проявления несправедливости по отношению лично к нему и по отношению к его группе. Если несправедливость имеет личностную направленность, индивид, по отношению к которому совершена несправедливость, может отомстить обидчику, если же несправедливость была проявлена по отношению к группе, к которой принадлежит индивид, сражаясь с несправедливостью, он может объединиться с другими членами мы-группы.

Линд и соавторы (Lind et al., 1998) провели исследование, которое свидетельствует о важности такого разграничения. Они обнаружили, что студенты в США более остро реагируют на несправедливость, когда объектом несправедливого обращения являются лично они, а не другие члены их группы. Следует отметить, что результаты, подобные данным, полученным Линдом и соавторами (Lind et al., 1998), по-видимому, более характерны для индивидуалистической, чем для коллективистской культуры, в которой привязанность к мы-группе и меньшее внимание к потребностям и желаниям отдельной личности вызывает у человека более острую реакцию на несправедливое обращение с представителями мы-группы, нежели на несправедливость в отношении самого себя.

Райт и Тэйлор (Wright & Taylor, 1998) предложили концептуальную схему, которая подобна нашей, но отличается от нее несколькими ключевыми моментами. Они считают, что существует пять основных типов реакции на несправедливость. Во-первых, они различают действие и бездействие. Одной из самых распространенных реакций на несправедливость, отмечают они, является отсутствие каких бы то ни было действий. Кроме того, авторы различают действия, направленные на улучшение собственного состояния, и действия, направленные на улучшение состояния мы-группы. Третье разграничение касается действий, которые в данном обществе являются нормативными, и теми, которые представляют собой отклонение от

существующей нормы. В итоге получается пять типов реакции, а именно: бездействие, нормативные действия индивида, ненормативные действия индивида, коллективные нормативные действия и коллективные ненормативные действия.

Разграничения Райта и Тэйлора в отношении индивида и группы отличаются от наших (Leung & Stephan, 1998, 2000). Мы обращаемся к различиям, связанным с характером несправедливости (совершена она в отношении индивида или группы), они же рассматривают различия, касающиеся характера реакции на несправедливость (индивидуальная или групповая). Категория бездействия, выделенная Райтом и Тэйлором, эквивалентна нашей категории психологической реакции, однако в данную категорию мы включаем более широкий круг реакций, чем Райт и Тэйлор. Выделение Райтом и Тэйлором категорий нормативных и ненормативных реакций представляется не очень удачным, поскольку то, что отклоняется от нормы в одной культуре, может считаться нормой в другой.

Как наша концептуальная схема (Leung & Stephan, 1998, 2000), так и модель Райта и Тэйлора (Wright & Taylor, 1998) не учитывают ряда других различий, которые, судя по всему, важны для понимания реакций на несправедливость. Например, люди могут по-разному реагировать на несправедливость распределения, несправедливость процессуального характера и несправедливое возмездие. Исследование воровства служащих в крупной корпорации иллюстрирует это предположение (Shapiro, Trevino & Victor, 1995). В ходе этого исследования было обнаружено, что ощущение процессуальной несправедливости является более надежным прогностическим фактором воровства, чем ощущение несправедливости распределения или несправедливости взаимоотношений. Если служащий считает, что в компании соблюдается процессуальная справедливость, вероятность того, что он будет воровать, снижается. В ходе другого исследования, которое иллюстрирует важность разграничения между разными типами несправедливости, в большой телекоммуникационной компании, которая находилась в стадии сокращения, было обнаружено, что ощущение служащими процессуальной несправедливости было тесно связано с поведенческими реакциями, тогда как ощущения, касающиеся справедливости распределения, были тесно связаны с негативными эмоциональными реакциями (Armstrong-Stassen, 1998).

В целом, типы поведенческих реакций, направленных на восстановление справедливости, вероятно, изменяются как функция от типа несправедливости. Подобным образом, как функция от типа несправедливости, могут меняться и психологические реакции. Судя по всему, существуют культурные различия в понимании того типа несправедливости, который вызывает наиболее острые реакции. Возможно, по сравнению с представителями коллективистских культур представители индивидуалистических культур более восприимчивы к справедливости распределения, что связано с их четкими представлениями о справедливости по отношению к отдельной личности. Более пристальное внимание, уделяемое в коллективистских культурах подобающему поведению, может привести к более острой реакции такой культуры на процессуальную несправедливость по сравнению с индивидуалистическими культурами, поскольку коллективистская культура делает акцент на взаимозависимости. Исследование Брокнера и его коллег (Brockner et al., 2000),

о котором говорилось выше, подтверждает большую восприимчивость коллективистской культуры к процессуальной справедливости и справедливости взаимоотношений по сравнению с индивидуалистической культурой.

Исследование, которое провели Микула, Петри и Танцер (Mikula, Petri & Tanzer, 1990) в индивидуалистических европейских странах (Германии, Австрии, Финляндии и Болгарии), говорит об общности этих стран в восприятии несправедливости. В ходе этого исследования было обнаружено, что, рассказывая о своем опыте столкновений с несправедливостью, люди чаще вспоминают случаи, связанные с несправедливостью взаимоотношений, чем с несправедливым распределением или процессуальной несправедливостью. В ходе исследования было установлено, что случаи несправедливости взаимоотношений распространены в индивидуалистических культурах, однако остается непонятным, имеют ли они большее распространение в коллективистских культурах и придается ли им там большее значение.

Существует еще одна характеристика несправедливых действий, которая может определять реакцию на несправедливость. Несправедливые действия могут вести к разным последствиям. Например, Кропанзано и Бэрон (Cropanzano & Baron, 1991) утверждают, что несправедливые действия могут касаться либо материального благосостояния индивида, либо его социального статуса. Особое внимание, которое уделяется в индивидуалистических культурах личным достижениям, может привести к тому, что ущербу экономическому благосостоянию в таких культурах будет придаваться большее значение, в то время как значимость межличностных отношений и социального статуса в коллективистских культурах, вероятно, повысит восприимчивость к ущербу, который наносится взаимоотношениям и положению в обществе. В первую очередь это будет относиться к коллективистским культурам с большой дистанцией по отношению к власти.

Наконец, есть еще один аспект реакций на несправедливость, полезный для их классификации. Реакция на несправедливость может носить деструктивный или конструктивный характер, направленный на ее преодоление или устранение. Месть, возмездие, вспышки гнева, оскорбления и депрессия носят деструктивный характер, потому что не способствуют восстановлению справедливости. В отличие от них переговоры, подача жалоб, гражданское неповиновение и другие формы протеста, не связанные с насилием, могут способствовать успешному восстановлению справедливости. Это разграничение подобно выделенным Кросби (Crosby, 1976) разновидностям реакций на эгоистическую относительную депривацию. Она считает двумя основными типами реакций на относительную депривацию насилие, направленное против общества, и стремление к конструктивному изменению общества. Проблема при выделении категорий конструктивных и деструктивных реакций состоит в том, что определить, насколько та или иная реакция на несправедливость конструктивна или деструктивна, можно только по ее последствиям. Внешне деструктивная реакция, например протест с применением насилия, может привести к восстановлению справедливости, то есть к конструктивному результату.

Вообще представители коллективистских культур, вероятно, в меньшей степени склонны реагировать на несправедливость деструктивным поведением (возмездие, протест, конфликт), чем представители индивидуалистических культур,

поскольку в большинстве коллективистских культур, особенно в Азии, культивируется стремление к гармонии (Leung, 1997) и избеганию конфликтов. Но когда в коллективистской культуре большое значение придается чести и уважению, то это может означать, что, если представители этих культур будут реагировать на несправедливость деструктивным поведением, данная реакция будет носить более острый характер, чем реакция представителей индивидуалистической культуры. Кроме того, негативная поведенческая реакция на несправедливость в коллективистской культуре может быть не менее выраженной, чем в индивидуалистической культуре, если нарушитель является членом они-группы. С другой стороны, возможно представители коллективистских культур будут в большей степени, чем представители индивидуалистических культур, склонны реагировать на несправедливость конструктивным образом (посредничество, примирение, переговоры, сохранение лица), стремясь сохранить или восстановить гармонию.

Сравнительные кросс-культурные исследования реакций на несправедливость находятся сейчас в стадии становления. Большинство проведенных исследований касаются реакций на несправедливость лишь в одной культуре. Большая часть из них проводилась в западных странах. Лишь несколько исследований было проведено не на Западе, но общее количество кросс-культурных исследований невелико. Исследования, проведенные в западных странах, позволяют получить определенное представление о том, как представители индивидуалистических культур реагируют на несправедливость, и эти данные могут служить базой для сравнительной оценки реакций представителей коллективистских культур.

Психологические реакции

Психологические реакции делятся на два основных типа: **аффективные** и **когнитивные**. Под аффективными реакциями понимаются положительные и отрицательные эмоции, которые возникают в результате несправедливого обращения. В ходе кросс-культурного исследования психологических реакций на несправедливость было обнаружено, что 25 различным культурам присущ один и тот же набор эмоциональных реакций (Mikula, Scherer & Athenstaedt, 1998). В процессе исследования испытуемые рассказывали о том, что породило разного рода эмоциональные реакции (страх, гнев, печаль, отвращение, стыд и чувство вины). В соответствии с теорией справедливости (Adams, 1965), несправедливость достаточно часто была причиной гнева, сопровождаемого отвращением, печалью, страхом, стыдом и чувством вины. Такой порядок перечисления был одинаков в разных странах, включенных в исследование, что говорит об определенной универсальности эмоций, связанных с несправедливостью.

Тем не менее нам это представляется несколько сомнительным, поскольку мы полагаем, что «универсальность», выявленная в ходе данного исследования, является следствием использования определенных методов. Респондентов просили вспомнить ситуацию, которая заставила их испытать каждую из перечисленных эмоций. Скорее всего, респонденты при этом думали о разных ситуациях, и эти ситуации были различными в разных культурах. Так, разновидности случаев несправедливости, которые вызвали гнев, возможно, для разных культур были различными. Например, в индивидуалистической культуре несправедливость в отно-

шении отдельной личности служит более вероятной причиной гнева, чем несправедливость по отношению к мы-группе, а в отношении коллективистской культуры, скорей всего, верно обратное. Таким образом, несправедливость может быть причиной гнева как в индивидуалистической, так и в коллективистской культуре, но причины этого гнева различны.

Одно из исследований, проведенных в США, подтверждает связь между несправедливостью и гневом (Sprecher, 1986). В ходе этого исследования студенты рассказывали о своих реакциях на несправедливость в их отношениях с близкими людьми и о возникавших у них при этом эмоциях. Как для мужчин, так и для женщин гнев был чувством, наиболее тесно связанным с ощущением несправедливости. Эти данные говорят о том, что в индивидуалистической культуре несправедливость, связанная с межличностными отношениями, ассоциируется с гневом. Сохраняется ли эта связь в отношении иных типов несправедливости или в коллективистской культуре, еще предстоит определить.

Другое исследование, проведенное в США, было посвящено чрезвычайно важной негативной эмоциональной реакции на несправедливость — зависти (R. H. Smith, Parrott, Ozer & Moniz, 1994). В ходе исследования было обнаружено, что для тех, кто испытывает зависть, ощущение несправедливости ассоциируется с враждебностью. Исследователи сравнивают зависть, которую они считают по существу скрытой (и имеющей нежелательный с социальной точки зрения характер) эмоциональной реакцией на несправедливость с негодованием, которое оценивают как более открытую (и приемлемую в социальном плане) эмоциональную реакцию на несправедливость. В кросс-культурном контексте, возможно, зависть в большей степени свойственна коллективистской культуре, для которой контроль и проявление эмоций — более значимые моменты, тогда как для индивидуалистической культуры скорее характерно негодование.

Когнитивные реакции на несправедливое обращение предполагают прежде всего переосмысление совершенной несправедливости или изменение самооценки и оценки окружающих. Человек может переосмыслить происшедшее, изменив представления о своих правах, представления о подлинном масштабе несправедливости или изменив атрибуцию вины за происшедшее (ср. Rutte & Messick, 1995). В любом случае когнитивные реакции ведут к преувеличению или преуменьшению масштабов пережитой несправедливости в восприятии индивида. Например, человек может прийти к выводу, что он достоин большего, чем получил на самом деле, и что виновен в этом исключительно нарушитель, а следовательно, несправедливость более значительна, чем потерпевший полагал вначале. В соответствии с теорией справедливости, люди могут восстановить справедливость, касающуюся взаимоотношений, путем переоценки внесенного ими или окружающими вклада и полученного результата (Walster, Walster & Berscheid, 1978). Подобный процесс может происходить и по отношению к иным видам несправедливости. Стресс и его симптомы мы тоже можем отнести к психологическим реакциям на несправедливость.

Исследований культурных различий в когнитивных реакциях на несправедливость проведено очень мало. Создавая Китайский опросник для личностной оценки, Чейнг и с коллегами (Cheung et al., 1996) включили в него шкалу, названную

Ah-Q-ментальность, которая считается свойственной китайцам, и предполагает защитную когнитивную переоценку нанесенных оскорблений. Например, если индивида вынуждают отдать что-либо, он может думать, что он щедрый человек и помогать людям хорошо. Сейчас проводятся кросс-культурные исследования, цель которых — выявить культурные различия в отношении такого подхода. Так или иначе, необходимо расширение кросс-культурных исследований, касающихся когнитивных реакций на несправедливость.

Поведенческие реакции

Две категории реакций были выделены как Лейнгом и Стефаном (Leung & Stephan, 1998, 2000), так и Райтом и Тэйлором (Wright & Taylor, 1998) — открытая реакция на несправедливость и отсутствие открытой реакции. Поведенческая реакция на несправедливость включает четыре этапа. Во-первых, ситуация определяется как несправедливая. На этом этапе человек приходит к выводу, что он заслуживает иного результата или лучшего обращения, чем то, которое имело место (Crosby, 1976). По мнению Джоста (Jost, 1995; Jost & Banaji, 1994), некоторые люди не чувствуют несправедливости, оправдывая существующую систему, что связано с отсутствием революционного классового сознания, недостатком общения тех, с кем несправедливо обходятся, и низким уровнем групповой идентичности. Другая причина заключается в том, что желание верить в справедливое устройство мира также заставляет людей считать, что им не следует страдать от несправедливости (Lerner, 1980).

Фернхэм (Furnham, 1985), например, обнаружил, что в период апартеида в Южной Африке чернокожие демонстрировали бóльшую склонность верить в справедливое мироустройство, чем их собратья в Великобритании. Вера чернокожих южноафриканцев в справедливое мироустройство уменьшала их восприимчивость к несправедливому обращению, и, возможно, это делало их поведенческие реакции на несправедливость социальной системы менее выраженными. Наконец, как отмечалось выше, определенные культурные установки могут смягчать остроту несправедливости. Представление о карме в Индии является основой веры в предопределенность страдания и приглушает ощущение несправедливости. Таким образом, если несправедливость не определяется как таковая, то поведенческая реакция на нее может отсутствовать.

На втором этапе виновник обвиняется в совершенной несправедливости. Атрибуция вины предполагает принятие решения о том, что индивид или группа несут ответственность за несправедливость, их действия были предумышленными и злонамеренными (Tedeschi & Nesler, 1993). Атрибуция вины обычно связана с чувством гнева, по крайней мере на Западе (Quigley & Tedeschi, 1996). Иногда атрибуция вины себе или окружающим является ошибочной (Jost, 1995; Jost & Banaji, 1994). В таком случае, несмотря на то что несправедливость не остается незамеченной, мер в отношении виновника не предпринимается, поскольку на него не возлагают ответственность за совершенную несправедливость. Подобным образом, когда тот, кто несет ответственность за несправедливость, признает свою вину в происшедшем, восприятие несправедливости становится не столь острым и предупреждает возможные реакции (Bies, 1987; Davidson & Friedman, 1998).

Подобным образом, исследование, проведенное в Японии, показывает, что принесение виновником извинений за содеянное может смягчить негативную реакцию на несправедливость (Ohbuchi, Kameda & Agarie, 1989). В ходе исследования студенты, получившие незаслуженную негативную оценку со стороны другого студента, реагировали на нее менее агрессивно, если обидчик извинился за свои заблуждения, которые привели к несправедливой оценке.

В исследовании, которое учитывает ряд аспектов двух названных этапов, Фройденталер и Микула (Freudenthaler & Mikula, 1998) обнаружили, что у австрийских женщин чувство несправедливости по поводу разделения домашних обязанностей, определялось ощущением нарушения их прав и атрибуцией вины партнеру, при этом оправдывающие партнера обстоятельства не принимались во внимание. В предыдущем разделе мы говорили о том, что вообще нарушитель чаще обвиняется в своем недостойном поведении в индивидуалистической, чем в коллективистской культуре. Однако остается непонятным, существуют ли культурные различия в результативности компенсаторного поведения, связанного с совершенным проступком, такого как объяснение своего дурного поведения или принесение извинений.

На третьем этапе человек должен прийти к пониманию того, что в его интересах или в интересах его группы отреагировать на несправедливость определенными действиями, а не бездействием. Однако следует отметить, что порой люди реагируют на несправедливость спонтанно, почти не обдумывая свое поведение.

На четвертом этапе человек должен реализовать свое решение. В соответствии с теорией мобилизации ресурсов, определенные типы поведенческих реакций возможны лишь при наличии у индивида, с которым обошлись несправедливо, определенных ресурсов (Klandermans, 1989; Martin, Brickman & Murray, 1984; Tilly, 1978). Эти теоретики утверждают, что, например, коллективный протест неосуществим при отсутствии необходимых ресурсов (время, силы, деньги, поддержка). Возможно, это положение следует рассматривать более широко. Вообще люди вряд ли будут реагировать на несправедливость определенными действиями, если у них отсутствуют соответствующие ресурсы. Подобным образом, если человек считает, что его поведенческая реакция на несправедливость бессмысленна и не приведет ни к какому результату, вряд ли он станет что-либо предпринимать (Klandermans, 1989). Может быть, уместно отметить, что поведенческая реакция на несправедливость не обязательно должна быть конструктивной, осмысленной и результативной в глазах субъекта поведения. Месть, агрессия, бесчинства и деструктивный протест, например, могут принести глубокое удовлетворение тем, кто прибегает к соответствующему поведению, несмотря на то что ситуация, которая породила несправедливость, в результате такого поведения может остаться прежней. Таким образом, если люди не считают, что они заслуживают лучшей участи, не обвиняют обидчика, не считают, что в их интересах предпринять определенные действия, не имеют в своем распоряжении ресурсов, необходимых для реализации определенного поведения, или не верят, что их поведение приведет к желаемому результату, они бездействуют. Разумеется, отсутствие поведенческой реакции не означает отсутствия психологической реакции.

Мы рассмотрели ряд причин, по которым диапазон поведенческих реакций представителей коллективистской культуры может быть достаточно узок. Их стремление к избеганию конфликтов ведет к подавлению поведенческих реакций. В коллективистских обществах, таких как Япония и Таиланд, преобладает вторичный контроль (изменение самого себя в соответствии с окружением), в индивидуалистических же обществах, таких как США, предпочтение отдается первичному контролю (изменение окружения в соответствии с собственной личностью) (McCarty et al., 1999; Weisz, Rothbaum & Blackburn, 1984), и это еще одна причина, по которой поведенческие реакции в коллективистских обществах менее выражены.

Подводя итог, можно сказать, что культура может оказывать влияние на процессы, лежащие в основе поведенческих реакций на несправедливость, на любой стадии. Судя по всему, у представителей коллективистских культур не обращают внимание на незначительные проявления несправедливости со стороны членов мы-группы в интересах сохранения гармонии. Вероятно, они более восприимчивы к объяснениям и извинениям, чем представители индивидуалистических культур. Даже если несправедливость замечена, существует достаточно много обстоятельств, с учетом которых представители коллективистских культур могут решить, что цена реакции на несправедливость неоправданно высока по сравнению с результатами. Кроме того, возможно, деструктивная реакция рассматривается ими как бессмысленная и бесполезная. При этом представители коллективистских культур, по-видимому, чаще, чем представители индивидуалистических культур, реагируют на несправедливость конструктивно.

Как уже говорилось выше, акцент на эгалитаризме и справедливости в культурах с незначительной дистанцией по отношению к власти с высокой степенью вероятности может привести к деструктивному поведению представителей такой культуры, как реакции на несправедливость. В культурах, где дистанция по отношению к власти значительна, люди с высоким общественным положением могут особенно остро реагировать на несправедливость, поскольку они, очевидно, не ожидают ее и, как правило, располагают необходимыми для реакции властью и ресурсами. Люди с низким социальным статусом в таких культурах, скорее всего, подобны коллективистам в их стремлении не ощущать несправедливость или не реагировать на нее, поскольку их реакция может нарушить нормы иерархии и повлечь угрозу возмездия. Фатализм, который присущ культурам с высокими показателями дистанции по отношению к власти, тоже способствует нежеланию реагировать на несправедливость (Jost, 1995). В культурах, в которых дистанция по отношению к власти значительна, реакция на несправедливость, очевидно, во многом зависит от уровня возможностей человека, в отличие от культур, где дистанция по отношению к власти невелика.

Личностная и групповая реакция на несправедливость

На характер реакции на несправедливость могут также оказывать влияние культурные переменные. Мы различаем реакции на несправедливость по отношению к индивиду и по отношению к мы-группе (Leung & Stephan, 1998, 2000), а Райт

и Тэйлор (Wright & Taylor, 1998) проводят разграничение между личностными и групповыми реакциями на несправедливость. Представляется логичным предположить следующее: когда несправедливость воспринимается как действия по отношению к мы-группе, реакция на нее, скорее всего, будет групповой (коллективной), а если несправедливость будет совершена по отношению к индивиду, реакция будет индивидуальной.

Однако исследования говорят о том, что эта модель требует определенных оговорок. Келли и Брейлингер (Kelly & Breinlinger, 1995) утверждают, что, когда индивид устойчиво отождествляет себя с мы-группой, вероятность коллективных действий как реакции на несправедливость по отношению к группе достаточно высока, но когда со стороны индивида нет устойчивого отождествления себя с мы-группой, скорее всего, ответом на несправедливость будут индивидуальные действия. Подтверждая первую часть своего утверждения, они обнаружили, что прогностическим фактором участия британских женщин в коллективных действиях женских групп является устойчивость их идентификации как представительниц женского пола.

Исследования говорят о том, что на предпочтение индивидуальной или коллективной реакции оказывают влияние и некоторые другие факторы. Например, любопытное исследование Лалонде и Силвермана (Lalonde & Silverman, 1994), проведенное в Канаде, показывает, что в культурах с небольшой дистанцией по отношению к власти реакция на определенные проявления процессуальной несправедливости зависит от степени замкнутости группы. В ходе этого исследования было обнаружено, что когда присоединение к группе, обладающей высоким статусом, доступно лишь немногим привилегированным членам на основе определенных заслуг (формальное проведение в жизнь принципа десегрегации), люди реагируют на отторжение, прибегая скорее к индивидуальным, чем к коллективным действиям. Уклонение от решения этой проблемы является достаточно редкой реакцией на отторжение.

Райт (Wright, 1997) исследовал поведенческие реакции североамериканских студентов на реформы, проводимые для видимости (*tokenism*). Результаты исследования позволили ему сделать вывод о том, что в индивидуалистических культурах люди чаще реагируют на такие реформы коллективными действиями, если принципы справедливости нарушаются достаточно влиятельной группой с непроницаемыми границами, социальное положение которой представляется нестабильным. То есть когда господствующая группа решительно отторгает представителей подчиненной группы, не допуская их проникновения в группу, и при этом ее социальное положение является непрочным, представители подчиненной группы, скорее всего, будут реагировать на это коллективными действиями, в отличие от ситуации, когда можно присоединиться к доминирующей группе или когда ее статус достаточно устойчив. Как и в исследовании Лалонде и Силвермана (Lalonde & Silverman, 1994), если границы господствующей группы не являются непроницаемыми, скорее всего, предпочтение будет отдано таким действиям, как индивидуальный протест, который может увеличить шансы присоединения к доминирующей группе (см. также Wright & Taylor, 1998). Остается невыясненным, характерна ли такая модель реагирования для коллективистских культур, но, вероятно,

она не столь актуальна в культурах со значительной дистанцией по отношению к власти, по сравнению с культурами, в которых дистанция по отношению к власти невелика, в которой и проводилось данное исследование. Представители групп, обладающих низким социальным статусом, в культурах с большой дистанцией по отношению к власти, возможно, не будут прибегать к коллективным действиям, даже если влияние группы с высоким статусом носит неустойчивый характер, а границы группы проницаемы, поскольку они изначально ощущают достаточно сильный страх возмездия и готовность признать власть доминирующей группы.

Концепция **ориентации на социальное доминирование** определяет, насколько люди признают иерархию различных социальных групп. Ее учет важен при определении, будет ли группа реагировать на несправедливость (Pratto, Sidanius, Stallworth & Malle, 1994; Sidanius, 1993; Sidanius, Pratto & Rabinowitz, 1994). Речь, в частности, идет о том, что у представителей этнических групп с высоким статусом ориентация на социальное доминирование формирует ощущение превосходства мы-группы. У групп с низким статусом ориентация на социальное доминирование ведет к признанию статус-кво и ощущению неполноценности мы-группы.

Сиданиус и соавторы (Sidanius et al., 1994) подтверждают это предположение, показывая, что у американцев европейского происхождения — группы с высоким социальным статусом — ориентация на социальное доминирование ведет к позитивному восприятию собственной национальной группы, в то время как у представителей национальных меньшинств, обладающих низким социальным статусом, социальное доминирование определяет негативное восприятие собственной группы. В ходе аналогичного исследования Рабиновиц (Rabinowitz, 1999) обнаружил, что американцы европейского происхождения, у которых были низкие показатели ориентации на социальное доминирование, были более расположены к политике изменения существующей социальной системы, чем те, чьи показатели в связи с социальным доминированием были высоки. У представителей национальных меньшинств низкие показатели ориентации на социальное доминирование были однозначно связаны с поддержкой политики, направленной на изменение статус-кво лишь в том случае, когда они считали существующую социальную систему несправедливой.

Хотя ориентация на социальное доминирование является характеристикой, определяющей индивидуальные различия, она близка с параметром дистанции по отношению к власти на уровне культуры. Если такая аналогия правомерна, это говорит о том, что представители групп с высоким статусом в обществе с большой дистанцией по отношению к власти могут менее благосклонно относиться к социальной политике, которая направлена на восстановление справедливости при распределении ресурсов, чем представители групп с высоким статусом в культурах с незначительной дистанцией по отношению к власти. Представители групп с низким статусом в культурах с большой дистанцией по отношению к власти будут расположены к социальной политике, направленной на изменение статус-кво, только если они считают существующее положение дел несправедливым; в ином случае они будут воспринимать такую политику менее благосклонно, чем члены социальных групп с низким статусом в культурах с незначительной дистанцией по отношению к власти.

Связь психологических и поведенческих реакций

До настоящего момента мы рассматривали психологические и поведенческие реакции на несправедливость как отдельные сущности, но они часто переплетаются между собой. Связь психологических и поведенческих реакций на несправедливость рассматривалась в рамках теории относительной депривации. Согласно теории относительной депривации, ощущение индивидом относительной депривации часто вызывает эмоциональную реакцию, которая предшествует поведенческой реакции (Crosby, 1976). Эмоциональная реакция на относительную депривацию включает чувства неудовлетворенности, обиды или негодования. В научно-исследовательской литературе, рассматривающей взаимосвязь между эмоциональными реакциями, относительной депривацией и последующими поведенческими реакциями, говорится о том, что данная взаимосвязь не столь очевидна, как предполагает теория депривации. В ходе многих исследований обнаруживалось, что неудовлетворенность, вызванная относительной депривацией, не имеет непосредственной связи с поведенческими реакциями (обзор см. в работе Martin et al., 1984).

Более современные исследования, которые позволяют выявить опосредующие связи неудовлетворенности, свидетельствуют о том, что неудовлетворенность может быть опосредующим фактором взаимосвязи между несправедливостью и реакцией на несправедливость. Так, Грант и Браун (Grant & Brown, 1995) обнаружили свидетельства взаимосвязи несправедливости распределения и коллективных реакций, опосредованных чувством неудовлетворенности. В ходе этого исследования выяснилось следующее: если небольшие группы людей считали, что распределение по отношению к ним было несправедливым, их реакция представляла собой активные коллективные действия только тогда, когда они чувствовали неудовлетворение от несправедливого обращения. Одним из очевидных недостатков данных, касающихся опосредующей роли неудовлетворения, является то, что, испытывая неудовлетворение от несправедливости, люди реагируют на последнюю лишь если в их распоряжении имеются соответствующие ресурсы, а поведенческая реакция имеет смысл и является результативной (Klandermans, 1989).

В большинстве случаев взаимосвязь между психологической и поведенческой реакцией на несправедливость может включать негативные эмоциональные реакции, которые предшествуют поведенческой реакции (как считают Rutte & Messick, 1995); однако иногда эмоциональные реакции могут следовать за поведенческими. Так, в культурах, которые считают важным сдерживание эмоций, в особенности отрицательных, что обычно имеет место в коллективистских культурах (C. W. Stephan, Stephan & Saito, 1998; W. G. Stephan, Stephan & Cabeza de Vargas, 1996), взаимосвязь эмоциональных переживаний и поведенческих реакций может быть приглушена, особенно если речь идет о несправедливых действиях со стороны члена мы-группы. Это тем более верно по отношению к имеющим разную направленность психологическим и поведенческим реакциям, представление о взаимосвязи между которыми совершенно неуместно. Сведений о том, какие психологические реакции связаны с определенными поведенческими реакциями и каким образом культура влияет на эту взаимосвязь, очень немного. Поэтому нам еще многое предстоит узнать.

Заключительные комментарии

На основе представленного обзора кросс-культурной литературы, посвященной вопросам справедливости, мы хотим подвести некоторые итоги и наметить направления будущих исследований.

Справедливость как общие нормы или конкретные принципы надлежащего поведения

Двухступенчатая модель, которую мы описали в этой главе, предполагает в значительной мере универсальность справедливости, если мы рассматриваем ее как совокупность абстрактных конструктов и норм. Однако когда речь идет о конкретной реализации этих норм, культура может вносить значительные коррективы в понимание справедливости. Мы выявили значительные культурные различия как в справедливости распределения, процессуальной и карающей справедливости, так и в реакциях на несправедливость. Обращаясь к когнитивной психологии, Бхавук (Bhawuk, 1998) утверждает, что теории общего характера и детали, касающиеся специфики определенной сферы, дополняют друг друга; и то и другое необходимо для эффективного кросс-культурного понимания и обучения. Общие теории помогают организовать сложные поведенческие нормы, превращая их в содержательный и удобный в обращении комплекс принципов, в то время как знание специфики, связанной с определенной сферой, необходимо для адекватного поведения в конкретной обстановке. Подход к справедливости как к комплексу норм общего характера аналогичен теориям общего характера — и тот и другие выполняют эвристическую функцию, но не могут помочь нам успешно справиться с конкретными проблемами в чужой культуре.

Подход к справедливости с точки зрения конкретных принципов аналогичен знанию специфики определенной сферы, которая помогает нам действовать в соответствии с конкретными условиями, однако эти принципы слишком многочисленны, чтобы запомнить их все, и слишком уникальны, чтобы способствовать межкультурному взаимопониманию. Большая часть кросс-культурной литературы, касающейся справедливости, посвящена общим принципам, а о содержании, которое вкладывается в понятие справедливость в разных культурах, нам известно относительно немного. Учитывая важность проблем, касающихся справедливости, для межкультурных контактов нам требуется расширить научно-исследовательскую работу, касающуюся различий норм и критериев справедливости в разных культурах, чтобы практики, вступающие в межкультурный контакт, и те, кто составляет кросс-культурные образовательные программы, могли лучше понимать эти процессы и работать более эффективно.

Несправедливость как источник межкультурных конфликтов

Когда между двумя группами вспыхивает конфликт, каждая из сторон стремится обвинить другую в несправедливости. Лейнг и Стефан (Leung & Stephan, 2000) детально проанализировали вопрос о том, как ощущение несправедливости способствует углублению арабо-израильского конфликта и китайско-британского

конфликта, касающегося передачи Гонконга под управление Китая. Культурные различия часто мешают взаимопониманию и приводят к недоразумениям, что создает препятствия для межкультурных контактов. Кроме того, Карневале и Лейнг (Carnevale & Leung, *в печати*), проанализировав литературу, касающуюся межкультурного ведения переговоров и заключения сделок, пришли к выводу, что обычно в таких ситуациях не достигается оптимальный результат. Так, Бретт и Окумура (Brett & Okumura, 1998) исследовали межкультурные и монокультурные переговоры, которые вели японские и американские испытуемые. В процессе межкультурных переговоров взаимопонимание сторон, касающееся приоритетов другой стороны, было не столь полным, и достижение взаимовыгодных результатов не таким успешным, как при монокультурных переговорах. В нашем обзоре было освещено много культурных различий, касающихся восприятия справедливости, которые могут быть причиной глубоких межкультурных конфликтов. Мы считаем, что кросс-культурное понимание является ключом к предотвращению разрушительных межкультурных конфликтов, которые питает ощущение несправедливости. Хотя проблемы справедливости иногда и стоят в центре внимания материалов кросс-культурных образовательных программ (например, Cushner & Brislin, 1996), они, безусловно, заслуживают более широкого освещения. Лейнг и соавторы (Leung et al., *в печати*) считают, что из-за недостаточной кросс-культурной подготовки работников китайского происхождения из Гонконга, а также тайцев и японцев, которые работают на совместных предприятиях на территории материкового Китая, местные жители считают их менее порядочными, чем работников западного происхождения или выходцев из других азиатских стран, несмотря на то что они ближе знакомы с культурой материкового Китая. Вероятно, только широкая подготовка в области культурных различий, касающихся справедливости, поможет представителям разных культур избежать взаимных обвинений в несправедливости.

Соблюдение принципов справедливости в условиях культурного многообразия

Есть множество причин, по которым культуры вступают в контакт друг с другом, и самой распространенной формой межкультурного контакта является совместная работа. Управление в условиях культурного многообразия является популярной темой научных исследований (см., например, Chemers, Oskamp & Costanzo, 1995; Cox, 1993; Henderson, 1994; Jackson & Ruderman, 1995). Соблюдать справедливость в таких условиях совсем не легко, и мы рассматривали многочисленные культурные различия в восприятии справедливости, которые, казалось бы, делают эту задачу почти невыполнимой. Представители разных культур могут, к примеру, отдавать предпочтение разным подходам к разрешению конфликтов. Уэлдон, Джен, Чен и Ванг (Weldon, Jehn, Chen & Wang, 1996) обнаружили, что на американско-китайских совместных предприятиях китайцы для разрешения межкультурных конфликтов обычно используют методы непрямого воздействия (например, идут к начальнику, выносят обсуждение проблемы на собрание), в то время как американцы в случае межкультурного конфликта предпочитают непосредственное обращение к его участникам.

Лейнг и Квонг (Leung & Kwong, *в печати*) проанализировали множество конфликтов, касающихся вопросов справедливости, которые часто случаются на совместных предприятиях в Китае, поскольку китайцы и их зарубежные партнеры имеют разные взгляды на справедливое управление трудовыми ресурсами. Нам не много известно об эффективных путях преодоления проблем, которые порождаются культурными различиями в восприятии справедливости. Эта сфера, без сомнения, требует более пристального внимания в ходе будущей научно-исследовательской работы. Одним из перспективных направлений является подготовка тех, кому приходится иметь дело с межкультурными конфликтами, и обучение их посредничеству и консультированию при решении проблем, касающихся культурных различий в восприятии справедливости.

При соблюдении принципов справедливости в условиях культурного многообразия есть и еще одна проблема. Хорошо известно, что группы имеют предубеждения в отношении мы-группы, которые ведут к тому, что членам мы-группы дается более высокая оценка и предоставляется большее количество ресурсов, чем членам они-группы. Тсуи и О'Рейли (Tsui & O'Reilly, 1989) обнаружили, что демографические различия между начальником и подчиненным, в том числе расовые, связаны со снижением эффективности (по оценке начальства), с меньшей личной расположенностью начальства к подчиненным и к тому же повышает ролевую неопределенность подчиненных. Проанализировав литературу по межкультурному содействию (*intercultural helping*), Кросби, Бромли и Саксе (Crosby, Bromley & Saxe, 1980) пришли к выводу, что люди более охотно оказывают помощь представителям одной с ними этнической группы, чем представителям иных этнических групп. Лейнг и Моррис (Leung & Morris, 2001), кроме того, утверждают, что культурные группы могут обнаруживать этноцентрическую предрасположенность к справедливости, считая свои предпочтения и методы принятия решений более справедливыми. Так, Артур, Доверспайк и Фуэнтес (Arthur, Doverspike & Fuentes, 1992) обнаружили, что представители национальных меньшинств считают процедуру найма персонала, при которой представителям национальных меньшинств предоставляется преимущество, более справедливой, чем представители национального большинства.

Пепитон и Л'Арман (Pepitone & L'Armand, 1997) приводят сведения о том, что и в США, и в Индии соответствие между валентностью результата, достигнутого индивидом, и его оценкой как человека воспринимается как проявление справедливости. Иными словами, если хороший человек получает позитивный результат, а плохой человек получает негативный результат, это воспринимается как проявление справедливости. Эта так называемая гипотеза сбалансированной валентности при восприятии справедливости получила подтверждение и в Корее (Hong, 1997). В соответствии с данным предположением, по сведениям Ли, Пепитона и Олбрайта (Lee, Pepitone & Albright, 1997), и китайцы, и американцы считают, что хорошие люди должны получать более позитивные результаты, чем плохие. Хотя принципы справедливости требуют, чтобы хорошие люди получали позитивные результаты, предрасположенность по отношению к мы-группе и этноцентрическая предрасположенность к справедливости могут сделать оценку членов они-группы

как хороших людей проблематичной. Подход с точки зрения сбалансированной валентности не гарантирует готовности допустить получение позитивного результата представителями иной культурной группы.

Позднее Тайлер и соавторы (Huo, Smith, Tyler & Lind, 1996; Tyler, Boeckmann, Smith & Huo, 1997) на основе модели справедливости с точки зрения ценности группы предложили выход из этого положения. Они считают, что процессы социальной категоризации определяют, в какой мере принципы справедливости представляют собой механизм регулирования межгрупповых контактов. Если две группы считают друг друга «чужими», то на первый план выступают личные интересы, а в процессе межгруппового контакта определяющую роль играет индивид. Если же две группы считают друг друга «своими», то более значимой становится справедливость межличностных отношений и нормы справедливости превращаются в фактор, который объединяет две разные группы. Эта работа подчеркивает важность сверхзадачи и общей идентичности для соблюдения принципов справедливости в условиях культурного многообразия.

Конструктивные подходы к несправедливости в процессе межкультурных контактов

Материал, который мы рассмотрели в данной главе, наводит на мысль о том, что для устранения проблем, связанных с культурными различиями в восприятии и применении норм справедливости, люди должны обладать определенными знаниями и навыками. На общем уровне необходимы знания о существовании культурных различий в нормах процессуальной, распределительной, карающей справедливости и справедливости взаимоотношений. Необходимо также знать, как различие в культурных параметрах, таких как индивидуализм—коллективизм и дистанция по отношению к власти, влияют на представление о различных принципах справедливости. На более специализированном уровне необходимо иметь представление о той культуре, контакт с которой предстоит. Ничто не может заменить знания культурной специфики, если приходится иметь дело с недоразумениями, отсутствием взаимопонимания, ошибочными суждениями и неправильной атрибуцией, связанными с пониманием справедливости. Люди должны не просто овладеть этими знаниями, а также научиться применять эти знания в соответствующих конкретных ситуациях.

Ощущение несправедливости очень часто возникает в различных организациях или на работе, но оно может иметь место и в межличностных отношениях, оказывая на них разрушительное воздействие. Люди должны научиться быть восприимчивыми к тем ситуациям, которые могут вызвать ощущение несправедливости, они должны знать, какова их собственная реакция на несправедливость, какова возможная реакция окружающих, какое влияние на эту реакцию оказывает культура. Проблемы несправедливого обращения несут в себе серьезную угрозу продуктивным межкультурным отношениям, поскольку реакция на такое обращение может быть очень острой. По этой причине, возможно, в первую очередь в отношении этих, а не иных проблем, касающихся межкультурных контактов, следует проконсультироваться с компетентными в данной области лицами или привлечь к рассмотрению конфликтов, связанных с проблемами несправедливости, третьих

лиц в качестве посредников или арбитров. Те, кто становится участником межкультурных конфликтов, касающихся проблем справедливости, могут не понимать до конца характер и происхождение проблемы, поэтому и необходимо привлечение компетентных третьих лиц. Хотя растет количество литературы по применению методик такого рода для разрешения межкультурных разногласий на национальном уровне (например, Fisher, 1990), гораздо меньшее внимание уделяется проблеме культурных разногласий, связанных с пониманием справедливости, на организационном и личностном уровне. Данная глава наглядно показала необходимость более пристального внимания к этим проблемам.

Литература

Adams, J. S. (1963). Toward an understanding of inequity. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 67,* 422–436.

Adams, J. S. (1965). Inequity in social exchange. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (pp. 267–299). New York: Academic Press.

Aral, S. O. & Sunar, D. G. (1977). Interaction and justice norms: A cross-national comparison. *Journal of Social Psychology, 101,* 175–186.

Armstrong Stassen, M. (1998). The effect of gender and organizational level on how survivors appraise and cope with organizational downsizing. *Journal of Applied Behavioral Science, 34,* 125–142.

Arthur, W., Doverspike, D. & Fuentes, R. (1992). Recipients' affective responses to affirmative action interventions: A cross-cultural perspective. *Behavioral Sciences and the Law, 10,* 229–243.

Asante, M. & Davis, A. (1985). Black and White communication: Analyzing work place encounters. *Journal of Black Studies, 16,* 77–93.

Babad, E. Y. & Wallbott, H. G. (1986). The effects of social factors on emotional reactions. In K. S. Scherer, H. G. Wallbott & A. B. Summerfield (Eds.), *Experiencing emotion: A cross-cultural study* (pp. 154–172). Cambridge: Cambridge University Press.

Bar-Tal, R. (1990). Causes and consequences of delegitimization: Models of conflict and ethnocentrism. *Journal of Social Issues, 46,* 65–82.

Bazerman, M. H., Wade-Bensoni, K. A. & Benzoni, F. J. (1995). *Environmental degradation: Exploring the rift between environmentally benign attitudes and environmentally destructive behaviors.* Unpublished manuscript, Kellog Graduate School of Management, Northwestern University, Evanston, IL.

Bellah, R. N., Madsen, R., Sullivan, W. M., Swidler, A. & Tipton, S. M. (1985). *Habits of the heart: Individualism and commitment in American life.* Berkeley: University of California Press.

Benjamin, R. W. (1975). Images of conflict resolution and social control: American and Japanese attitudes to the adversary system. *Journal of Conflict Resolution, 19,* 123–137.

Berger, J., Zelditch, M., Anderson, B. & Cohen, B. P. (1972). Structural aspects of distributive justice: A status-value formulation. In J. Berger, M. Zelditch & B. Anderson (Eds.), *Sociological theories in progress* (Vol. 2, pp. 119–246). Boston: Houghton Mifflin.

Berman, J. J., Murphy-Berman, V & Singh, P. (1985). Cross-cultural similarities and differences in perception of fairness. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 16,* 55–67.

Berry, J. W. & Wells, M. (1994). Attitudes toward Aboriginal peoples and Aboriginal self-government in Canada. In J. H. Hylton (Ed.), *Aboriginal self-government in Canada* (pp. 215–232). Saskatchewan, Canada: Purich.

Bersoff, D. M. & Miller, J. G. (1993). Culture, context, and the development of moral accountability judgments. *Developmental Psychology, 29,* 664–676.

Bhawuk, D. P. S. (1998). The role of culture theory in cross-cultural training: A multimethod study of culture-specific, culture-general, and culture theory based assimilators. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 630–655.

Bierbrauer, G. (1994). Toward an understanding of legal culture: Variations in individualism and collectivism between Kurds, Lebanese, and Germans. *Law and Society Review, 28,* 243–264.

Bies, R. J. (1987). The predicament of injustice: The management of moral outrage. *Research in Organizational Behavior, 9,* 289–319.

Bies, R. J. & Moag, J. S. (1986). Interactional justice: Communication criteria of fairness. In R. J. Lewicki, B. H. Sheppard & M. H. Bazerman (Eds.), *Research on negotiation in organizations* (pp. 43–55). Greenwich, CT: JAI Press.

Bond, M. H., Leung, K. & Wan, K. C. (1982). How does cultural collectivism operate? The impact of task and maintenance contributions on reward allocation. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 13,* 186–200.

Bond, M. H., Wan, K. C., Leung, K. & Giacalone, R. (1985). How are responses to verbal insults related to cultural collectivism and power distance? *Journal of Cross-Cultural Psychology, 16,* 111–127.

Bowd, A. D. & Shapiro, K. J. (1993). The case against laboratory animal research in psychology. *Journal of Social Issues, 49,* 133–142.

Brett, J. M. & Okumura, T. (1998). Inter- and intra-cultural negotiation: U.S. and Japanese negotiators. *Academy of Management Journal, 41,* 495–510.

Brockner, J., Chen, Y. R., Mannix, E. A., Leung, K. & Skarlicki. D. P. (2000). Cross-cultural variation in the interactive relationship between procedural fairness and outcome favorability: the case of self-construal. *Administrative Science Quarterly, 45,* 138–159.

Campbell, D. T. (1975). On the conflicts between biological and social evolution and between psychology and the moral tradition. *American Psychologist, 30,* 1103–1126

Carnevale, P. J. & Leung, K. (in press). Cultural Dimensions of Negotiation. In M. A. Hogg & R. S. Tindale (Eds.), *Blackwell handbook of social psychology: Vol. 3. Group processes.* Oxford, UK: Blackwell.

Chemers, M. M., Oskamp, S. & Costanzo, M. (1995). *Diversity in organizations.* Thousand Oaks, CA: Sage.

Chen, C. C. (1995). New trends in rewards allocation preferences: A Sino-U.S. comparison. *Academy of Management Journal, 38,* 408–428.

Chen, C. S. & Uttal, D. H. (1988). Cultural values, parents' beliefs, and children's achievement in the United States and China. *Human Development, 31,* 351–358.

Cheung, F. M., Leung, K., Fan, R. M., Song, W. Z., Zhang, J. X. & Zhang, J. P. (1996). Development of the Chinese personality assessment inventory. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 27,* 181–199.

Chiu, C. Y. (1991). Responses to injustice in popular Chinese sayings among Hong Kong Chinese students. *Journal of Social Psychology, 131,* 655–665.

Cho, Y. H. & Park, H. H. (1998). Conflict management in Korea: The wisdom of dynamic collectivism. In K. Leung and D. Tjosvold (Eds.), *Conflict management in the Asia Pacific* (pp. 15–48). Singapore: Wiley.

Chung, K. H. & Lee, H. C. (1989). National differences in managerial practices. In K. H. Chung and H. C. Lee (Eds.), *Korean managerial dynamics* (pp. 163–180). New York: Praeger.

Cook, K. S. & Messick, D. M. (1983). Psychological and sociological perspectives on distributive justice: Convergent, divergent, and parallel lines. In D. M. Messick & K. S. Cook (Eds.), *Equity theory: Psychological and sociological perspectives* (pp. 1–12). New York: Praeger.

Cox, T., Jr. (1993). *Cultural diversity in organiztions.* San Francisco: Berrett-Koehler.

Cropanzano, R. & Baron, R. A. (1991). Injustice and organizational conflict: The moderating effect of power restoration. *InternationalJournal of Conflict Management, 2,* 5–26.

Crosby, F. (1976). A model of egoistic relative deprivation. *Psychological Review, 83,* 85–113.

Crosby, F, Bromley, S. & Saxe, L. (1980). Recent unobtrusive studies of Black and White discrimination and prejudice: A literature review. *Psychological Bulletin, 87,* 546–563.

Cushner, K. & Brislin, R. W. (1996). *Intercultural interactions: A practical guide. Cross-cultural research and methodology.* Thousand Oaks, CA: Sage.

Davidson, M. & Friedman, R. A. (1998). When excuses don't work: The persistent injustice effect among black managers. *Administrative Science Quarterly, 43,* 154–83.

Deutsch, M. (1975). Equity, equality, and need: What determines which value will be used as the basis of distributive justice? *Journal of Social Issues, 31,* 137–149.

Deutsch, M. (1985). *Distributive justice.* New Haven, CT: Yale University Press.

Dien, D. S. (1982). A Chinese perspective on Kohlberg's theory of moral development. *Development Review, 2,* 331–341.

Doo, L. (1973). Dispute settlement in Chinese-American communities. *American Journal of Comparative Law, 21,* 627–663.

Elsayed Ekhouly, S. M. & Buda, R. (1996). Organizational conflict: A comparative analysis of conflict styles across cultures. *InternationalJournal of Conflict Management, 7(1),* 71–80.

Epstein, I. I. (1986). Reformatory education in Chinese society. *InternationalJournal of Offender Therapy and Comparative Criminology, 30,* 87–100.

Farh, J. L., Barley, P. C. & Lin, S. C. (1997). Impetus for action: A cultural analysis of justice and organizational citizenship behavior in Chinese society. *Administrative Science Quarterly, 42,* 421–444.

Festinger, L. (1954). A theory of social comparison processes. *Human Relations, 7,* 117–140.

Fisher, R. J. (1990). *The social psychology of inter-group and international conflict resolution.* New York: Springer-Verlag.

Foa, U. & Foa, E. (1974). *Societal structures of the mind.* Springfield, IL: Thomas.

Freudenthaler, H. H. & Mikula, G. (1998). From unfulfilled wants to the experience of injustice: Women's sense of injustice regarding the lopsided division of labor. *Social Justice Research, 11,* 289–312.

Furnham, A. (1985). Just world beliefs in an unjust society: A cross-cultural comparison. *European Journal of Social Psychology, 15,* 363–366.

Gabrielidis, C., Stephan, W. G., Ybarra, O., Pearson, V. M. S. & Villareal, L. (1997). Preferred styles of conflict resolution: Mexico and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 28,* 661–677.

Gilligan, C. (1982). *In a different voice: Psychological theory and women's development.* Cambridge: Harvard University Press.

Graham, J. (1985). The influence of culture on business negotiations. *Journal of International Business Studies, 16,* 81–96.

Graham, J. L., Mintu, A. T. & Rodgers, W. (1994). Explorations of negotiation behaviors in 10 foreign cultures using a model developed in the United States. *Management Science, 40,* 72–95.

Grant, P. R. & Brown, R. (1995). From ethnocentrism to collective protest: Responses to relative deprivation and threats to social identity. *Social Psychology Quarterly, 58,* 195–212.

Griefat, Y & Katriel, T. (1989). Life demands musayara: Communication and culture among Arabs in Israel. In S. Ting-Toomey and F. Korzenny (Eds.), *Language, communication, and culture* (pp. 121–138). Newbury Park, CA: Sage.

Gudykunst, W. B. & Bond, M. H. (1997). Intergroup relations across cultures. In J. W. Berry, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (pp. 119–162). Needham Heights, MA: Allyn & Bacon.

Gudykunst, W. B. & Ting-Toomey, S. (1988). Culture and affective communication. *American Behavioral Scientist, 31,* 384–400.

Gulliver, P. H. (1979). *Disputes and negotiations: A cross-cultural perspective.* New York: Academic Press.

Hagiwara, S. (1992). The concept of responsibility and determinants of responsibility judgment in the Japanese context. *International Journal of Psychology, 27(2),* 143–156.

Hamilton, V. L. & Sanders, J. (1988). Punishment and the individual in the United States and Japan. *Law and Society Review, 22,* 301–328.

Hamilton, V. L. & Sanders, J. (1992). *Everyday justice: Responsibility and the individual in Japan and the United States.* New Haven, CT: Yale University Press.

Henderson, G. (1994). *Cultural diversity in the workplace.* Westport, CT: Praeger.

Higgins, A., Power, C & Kohlberg, L. (1984). The relationship of moral atmosphere to judgments of responsibility. In W. M. Kurtines & J. L. Gewirtz (Eds.), *Morality, moral behavior and moral development* (pp. 74–106). New York: Wiley.

Hines, P. M., Garcia-Preto, N., McGoldrick, M., Almeida, R. & Weltman, S. (1992). Intergenerational relationships across cultures. *Families in Society, 73(6),* 323–338.

Ho, D. (1998). Interpersonal relationships and relationship dominance: An analysis based on methodological relationalism. *Asian Journal of Social Psychology, 1,* 1–16.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values.* Beverly Hills, CA: Sage.

Hofstede, G. (1983). Cultural relativity of organizational theories. *Journal of International Business Studies, 14(2),* 75–90

Hogan, R. & Emler, N. P. (1981). Retributive jus-tice. In M. J. Lerner & S. C. Lerner (Eds.), *The justice motive in social behavior* (pp. 125–143). New York: Academic Press.

Homans, G. C. (1961). *Social behavior: Its elemetary forms.* New York: Harcourt, Brace, Jovanovich.

Hong, G. Y. (1997). Just-world beliefs and attributions of causal responsibility among Korean adolescents. *Cross-Cultural Research, 31(2),* 121–136.

Hsu, F. L. K. (1953). *Americans and Chinese: Two ways of life.* New York: Abelard-Schuman.

Hsu, F. L. K. (1971). Eros, affect and *pao.* In F. L. K. Hsu (Ed.), *Kinship and culture* (pp. 439–475). Chicago: Aldine.

Hui, C. H. (1984). *Individualism collectivism: Theory, measurement, and its relation to reward allocation.* Unpublished doctoral dissertation, Department of Psychology, University of Illinois, Urbana.

Hui, C. H., Triandis, H. C. & Yee, C. (1991). Cultural differences in reward allocation: Is collectivism the explanation? *British Journal of Social Psychology, 30,* 145–157.

Hundley, G. & Kim, J. (1997). National culture and the factors affecting perceptions of pay fairness in Korea and the United States. *International Journal of Organizational Analysis,* 5(4), 325–341.

Huo, Y. J., Smith, H. J., Tyler, T. R. & Lind, E. A. (1996). Superordinate identification, subgroup identification, and justice concerns: Is separatism the problem, is the assimilation the answer. *Psychological Science, 7,* 40–45.

Ito, K. L. (1982). Illness as retribution: A cultural form of self analysis among urban Hawaiian women. *Culture, medicine, and psychiatry, 6(4),* 385–403.

Jackson, S. E. & Ruderman, M. N. (1995). *Diversity in work teams.* Washington, DC: American Psychological Association.

James, K. (1993). The social context of organizational justice: cultural, intergroup, and structural effects on justice behaviors and perceptions. In R. Cropanzano (Ed.), *Justice in the workplace* (pp. 21–50). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Jost, J. T. (1995). Negative illusions: Conceptual clarification and psychological evidence concerning false consciousness. *Political Psychology, 16,* 397–424.

Jost, J. T. & Banaji, M. (1994). The role of stereotyping in system justification and the production of false consciousness. *British Journal of Social Psychology, 33,* 1–27.

Kakar, S. (1978). *The inner world: A psychoanalytic study of childhood and society in India.* Delhi: Oxford University Press.

Kashima, Y., Siegal, M., Tanaka, K. & Isaka, H. (1988). Universalism in lay conceptions of distributive justice: A cross-cultural examination. *International Journal of Psychology, 23,* 51–64.

Kawashima, T. (1963). Dispute resolution in contemporary Japan. In A. T. von Mehren (Ed.), *Law in Japan: The legal order in a changing society* (pp. 41–72). Cambridge: Harvard University Press.

Kellert, S. R. (1993). Attitudes, knowledge, and behavior toward wildlife among the industrial superpowers: United States, Japan, and Germany. *Journal of Social Issues, 49,* 53–70.

Kelly, C. & Breinlinger, S. (1995). Identity and injustice: Exploring women's participation in collective action. *Journal of Community and Applied Social Psychology, 5,* 41–57.

Kim, K. I., Park, H. J. & Suzuki, N. (1990). Reward allocations in the United States, Japan, and Korea: A comparison of individualistic and collectivistic cultures. *Academy of Management Journal, 33,* 188–198.

Klandermans, B. (1989). Grievance interpretation and success expectations: The social construction of protest. *Social Behaviour, 4,* 113–125.

Kohlberg, L. (1981). *The philosophy of moral development: Moral stages and the idea of justice.* San Francisco: Harper & Row.

Komorita, S. S. (1984). Coalition bargaining. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 18, pp. 185–206). New York: Academic Press.

Komorita, S. S. & Leung, K. (1985). Toward a synthesis of power and justice in reward allocation. In E. J. Lawler (Ed.), *Advances in group processes* (Vol. 2, 169–196). Greenwich, CT: JAI Press.

Kozan, M. K. (1997). Culture and conflict management: A theoretical framework. *International Journal of Conflict Management, 8,* 338–360.

Kozan, M. K. & Ergin, C. (1998). Preference for third party help in conflict management in the United States and Turkey: An experimental study. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 540–558.

Lalonde, R. N. & Silverman, R. A. (1994). Behavioral preferences in response to social injustice: The effects of group permeability and social identity salience. *Journal of Social and Personality Psychology, 66,* 78–85.

Lee, Y. T., Pepitone, A. & Albright, L. (1997). De-scriptive and prescriptive beliefs about justice: A Sino-U.S. comparison. *Cross-Cultural Research, 31(2),* 101–120.

Lerner, M. J. (1980). *The belief in a just world.* New York: Plenum.

Leung, K. (1987). Some determinants of reactions to procedural models for conflict resolution: A cross-national study. *Journal of Personality and Social Psychology, 53,* 898–908.

Leung, K. (1988). Theoretical advances in justice behavior: Some cross-cultural input. In M. H. Bond (Ed.), *The cross-cultural challenge to social psychology* (pp. 218–229). Newbury Park, CA: Sage.

Leung, K. (1997). Negotiation and reward allocations across cultures. In P. C. Earley & M. Erez (Eds.), *New perspectives on international industrial organizational psychology* (pp. 640–675). San Francisco: Jossey-Bass.

Leung, K., Au, Y. F., Fernandez-Dols, J. M. & Iwawaki, S. (1992). Preferences for methods of conflict processing in two collectivist cultures. *International Journal of Psychology, 27*, 195–209.

Leung, K. & Bond, M. H. (1982). How Chinese and Americans reward task-related contributions: A preliminary study. *Psychologia, 25*, 32–39.

Leung, K. & Bond, M. H. (1984). The impact of cultural collectivism on reward allocation. *Journal of Personality and Social Psychology, 47*, 793–804.

Leung, K., Chiu, W. H. & Au, Y. K. (1993). Sympathy and support for industrial actions. *Journal of Applied Psychology, 78*, 781–787.

Leung, K. & Iwawaki, S. (1988). Cultural collectivism and distributive behavior: A cross-national study. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 19*, 35–49.

Leung, K. & Kwong, J. Y. Y. (in press). Human resource management practices in international joint ventures in China: A justice analysis. Human *Resource Management Review.*

Leung, K. & Li, W. K. (1990). Psychological mechanisms of process control effects. *Journal of Applied Psychology, 75*, 613–620.

Leung, K. & Morris, M. W. (2001). Justice through the lens of culture and ethnicity. In J. Sanders and V. L. Hamilton (Eds.), *Handbook of law and social sciences: Justice* (pp. 343–378). New York: Plenum.

Leung, K. & Park, H. J. (1986). Effects of interactional goal on choice of allocation rules: A cross-cultural study. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 37*, 111–120.

Leung, K., Smith, P. B., Wang, Z. M. & Sun, H. F. (1996). Job satisfaction in joint venture hotels in China: An organizational justice analysis. *Journal of International Business Studies, 27*, 947–962.

Leung, K. & Stephan, W. G. (1998). Perceptions of injustice in intercultural relations. *Applied and Preventive Psychology, 7*, 195–205.

Leung K. & Stephan, W. G. (2000). Conflict and injustice in intercultural relations: Insights from the Arab-Israeli and Sino-British disputes, to J. Duckitt & S. Renshon (Eds.), *Political psychology: Cultural and cross-cultural perspectives* (pp. 128–145). London: Macmillan.

Leung, K., Su, S. K. & Morris, M. W. (in press). When is criticism *not* constuctive? The roles of fairness perceptions and dispositional attributions in employee acceptance of critical supervisory feedback. *Human Relations.*

Leung, K., Wang, Z. M. & Smith, P. B. (in press). Job attitudes and organizational justice in joint venture hotels in China: The role of expatriate managers. *International Journal of Human Resource Management.*

Lind, E. A. (1994). Procedural justice and culture: Evidence for ubiquitous process concerns. *Zeitschrift für Rechtssoziologie, 15*, 24–36.

Lind, E. A., Erickson, B. E., Friedland, N. & Dickenberger, M. (1978). Reactions to procedural models for adjudicative conflict resolution: A cross-national study. *Journal of Conflict Resolution, 2*, 318–341.

Lind, E. A. Huo, Y. J. & Tyler, T. R. (1994). And justice for all: Ethnicity, gender, and preferences for dispute resolution procedures. *Law and Human Behavior, 18*, 269–290.

Lind, E. A., Kray, L. & Thompson, L. (1998). The social construction of injustice: Fairness judgments in response to own and others' unfair treatment by authorities. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 75*, 1–22.

Lind, E. A. & Tyler, T. R. (1988). *The social pschology of procedural justice.* New York: Plenum.

Lind, E. A., Tyler, T. R. & Huo, Y. J. (1997). Procedural context and culture: Variation in the antecedents of procedural justice judgments. *Journal of Personality and Social Psychology, 73*, 767–780.

Lukes, S. (1973). *Individualism.* Oxford, England: Blackwell.

Ma, H. K. (1997). The affective and cognitive aspects of moral development: A Chinese perspective. In K. Sinha (Eds.), *Asian perspective on psychology* (pp. 93–109). Thousand Oaks, CA: Sage.

Mahler, I., Greenberg, L. & Hayashi, H. (1981). A comparative study of rules of justice: Japanese versus Americans. *Psychology, 24,* 1–8.

Marin, G. (1981). Perceiving justice across cultures: Equity versus equality in Colombia and in the United States. *International Journal of Psychology, 16,* 153–159.

Marin, G. (1985). The preference for equity when judging the attractiveness and fairness of an allocator: The role of familiarity and culture. *Journal of Social Psychology, 125,* 543–549.

Markus, H. & Kitayama, S. (1991). Culture and self. *Psychological Review, 98,* 224–253.

Marriott, M. (1990). *India through Hindu categories.* New Delhi: Sage.

Martin, J., Brickman, P. & Murray, A. (1984). Moral outrage and pragmatism: Explanations for collective action. *Journal of Experimental Social Psychology, 20,* 484–496.

McCarty, C. A., Weisz, J. R., Wanitromanee, K., Eastman, K. L., Suwanlert, S., Chaiyasit, W. & Band, E. B. (1999). Culture, coping, and context: Primary and secondary control among Thai and American youth. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines, 40(5),* 809–818.

Mendonca, M. & Kanungo, R. N. (1994). Motivation through effective reward management in developing countries. In R. N. Kanungo & M. Mendonca (Eds.), *Work motivation: Models for developing countries* (pp. 49–83). New Delhi: Sage.

Mikula, G. (1980). Introduction: Main issues in the psychological research on justice. In G. Mikula (Ed.), *Justice and social interaction* (pp. 13–24). New York: Springer-Verlag.

Mikula, G., Petri, B. & Tanzer, N. (1990). What people regard as unjust: Types and structures of everyday experiences of injustice. *European Journal of Social Psychology, 20,* 133–149.

Mikula, G., Scherer, K. R. & Athenstaedt, U. (1998). The role of injustice in the elicitation of differential emotional reactions. *Personality and Social Psychology Bulletin, 24,* 769–783.

Miller, J. G. (1994). Cultural diversity in the morality of caring: Individually oriented versus dutybased interpersonal moral codes. *Cross-Cultural Research, 28,* 3–39.

Miller, J. G. & Bersoff, D. M. (1992). Culture and moral judgment: How are conflicts between justice and friendship resolved? *Journal of Personality and Social Psychology, 62,* 541–554.

Miller, J. G., Bersoff, D. M. & Harwood, R. L. (1990). Perceptions of social responsibilities in India and in the United States: Moral imperatives or personal decisions? *Journal of Personality and Social Psychology, 58,* 33–47.

Miller, J. G. & Luthar, S. (1989). Issues of interpersonal responsibility and accountability: A comparison of Indians' and Americans' moral judgments. *Social Cognition, 3,* 237–261.

Morris, M. W. & Leung, K. (2000). Justice for all? Understanding cultural influences on judgments of outcome and process fairness. *Applied psychology: An international review, 49,* 100–132.

Morris, M. W., Leung, K., Ames, D. & Lickel B. (1999). Incorporating perspectives from inside and outside: Synergy between *emic* and *etic* research on culture and justice. *Academy of Management Review, 24,* 781–796.

Morris, M. W., Leung, K. & Sethi, S. (1995). *Person perception in the heat of conflict: Perceptions of opponents' traits and conflict resolution choices in two cultures.* Unpublished manuscript, Stanford University.

Morris, M. W. & Peng, K. (1994). Culture and cause: American and Chinese attributions for social and physical events. *Journal of Personality and Social Psychology, 67,* 949–971.

Morris, M. W., Williams, K. Y., Leung, K., Bhatnagar, D., Li, J. E., Kondo, M., Luo, J. L. & Hu, J. C. (1999). Culture, conflict management style, and underlying values: Accounting for cross-national differences in styles of handling conflicts among U.S., Chinese, Indian and Filipina managers. *Journal of International Business Studies, 29,* 729–748.

Murphy-Berman, V., Berman, J. J., Singh, P., Pacharui, A. & Kumar, P. (1984). Factors affecting allocation to needy and meritorious recipients: A cross-cultural comparison. *Journal of Personality and Social Psychology, 46,* 1267–1272.

Na, E. Y & Loftus, E. F. (1998). Attitudes towards law and prisoners, conservative authoritarianism, attribution, and internal-external locus of control: Korean and American law students and undergraduates. *Journal of Cross-Cultural Psychology,* 29(5), 595–615.

Nader, L. & Todd, H. F. (1978). The disputing process: Law in 10 societies. New York: Columbia University Press.

Nagata, D. K. (1990). The Japanese American internment: Perceptions of moral community, fairness, and redress. *Journal of Social Issues, 46(1),* 133–146.

Ohbuchi, K., Fukushima, O., and Tedeschi, J. T. (1999). Cultural values in conflict management: Goal orientation, goal attainment, and tactical decision. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 30,* 51–71.

Ohbuchi, K., Kameda, M. & Agarie, N. (1989). Apology as aggression control: Its role in mediating appraisal of and response to harm. *Journal of Personality and Social Psychology, 56,* 219–227.

Ohbuchi, K. & Takahashi, Y. (1994). Cultural styles of conflict management in Japanese and Americans: Passivity, covertness, and effectiveness of strategies. *Journal of Applied Social Psychology, 24,* 1345–1366.

Opotow, S. (1990). Moral exclusion and injustice: An introduction. *Journal of Social Issues, 46,* 1–20.

Ouchi, W. G. & Jaeger, A. M. (1978). Type Z organization: Stability in the midst of mobility. *Academy of Management Review, 3,* 305–314.

Parsons, T. & Shils, E. A. (1951). *Toward a general theory of action.* Cambridge: Harvard University Press.

Pearce, J. L., Bigley, G. A. & Branyiczki, I. (1998). Procedural justice as modernism: Placing industrial/organizational psychology in context. *Applied psychology: An international review,* 47(3), 371–396.

Pearson, V. M. S. & Stephan, W. G. (1988). Preferences for styles of negotiation: A comparison of Brazil and the U.S. *International Journal of Intercultural Relations, 22,* 67–83.

Pepitone, A. & L'Armand, K. (1997). Justice in cultural context: A social-psychological perspective. *Cross-cultural research, 31(2),* 81–98.

Pratto, R, Sidanius, J., Stallworth, L. M. & Malle, B. F. (1994). Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology,* 67(4), 741–763.

Probst, T., Carnevale, P. J. & Triandis, H. C. (1999). Cultural values in intergroup and single-group social dilemmas. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 77,* 171–191.

Pruitt, D. G. & Carnevale, P. J. (1993). *Negotiation in social conflict.* Bristol, PA: Open University Press.

Quigley, B. M. & Tedeschi, J. T. (1996). The effects of blame attributions on feelings of anger. *Personality and Social Psychology Bulletin, 22,* 1280–1288.

Rabinowitz, J. L. (1999). Go with the flow or fight the power: The interactive effects of social dominance orientation and perceived injustice on support for the status quo. *Political Psychology, 20,* 1–24.

Runciman, W. G. (1966). *Relative deprivation and equal justice: A study of attitudes toward social inequality in twentieth century England.* Berkeley: University of California Press.

Rutte, C. G. & Messick, D. M. (1995). An integrated model of perceived unfairness in organizations. *Social Justice Research, 8,* 239–261.

Sanders, J. & Hamilton, V. L. (Eds.). (2001). *Handbook of law and social sciences: Justice.* New York: Plenum.

Shapiro, D. L., Trevino, L. K. & Victor, B. (1995). Correlates of employee theft: A multidimensional justice perspective. *International Journal of Conflict Management, 6,* 404–414.

Shaver, K. G. (1985). *The attribution of blame.* New York: Springer-Verlag.

Shultz, T. R. & Schleifer, M. (1983). Toward a refinement of attribution concepts. In J. Jaspars, F. D. Fincham & M. Hewstone (Eds.), *Attribution theory and research: Conceptual developmental and social dimensions* (pp. 37–62). London: Academic.

Shultz, T. R., Schleifer, M. & Altman, I. (1981). Judgments of causation, responsibility, and punishment in cases of harmdoing. *Canadian Journal of Behavioral Science, 13,* 238–253.

Shweder, R. A., Mahapatra, M. & Miller, J. G. (1987). Cultural and moral development in India and the United States. In J. Kagan & S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (pp. 1–89). Chicago: University of Chicago Press.

Sidaneous, J. (1993). The psychology of group conflict and the dynamics of oppression: A social dominance perspective. In S. Iyengar & W. McGuire (Eds.), *Explorations in political psychology.* Durham, NC: Duke University Press.

Sidaneous, J., Pratto, F. & Rabinowitz, J. L. (1994). Gender, ethnic status and ideological asymmetry: A social dominance interpretation. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 25,* 194–216.

Sinha, D. (1987). *Ahimsa as conflict resolution technique and instrument of peace: A psychlogical appraisal.* Paper presented at the seminar on Peace and Conflict Resolution in the World Community, India.

Smith, P. B., Peterson, M. F., Leung, K. & Dugan, S. (1998). Individualism-collectivism, power distance, and handling of disagreement: A cross-national study. *International Journal of Intercultural Relations, 22,* 351–367.

Smith, P. B., Peterson, M. F., Misumi, J. & Tayeb, M. H. (1989). On the generality of leadership styles across cultures. *Journal of Occupational Psychology, 62,* 97–110.

Smith, R. H., Parrott, W. G., Ozer, D. & Moniz, A. (1994). Subjective injustice and inferiority as predictors of hostile and depressive feelings of anger. *Personality and Social Psychology Bulletin, 20,* 705–711.

Snarey, J. R. (1985). Cross-cultural universality of socialmoral development: A critical review of Kohlbergian research. *Psychological Bulletin, 97* (2), 202–232.

Sprecher, S. (1986). The relationship between equity and emotions in close relationships. *Social Psychology Quarterly, 49,* 309–321.

Starr, J. (1978). Turkish village disputing behavior. In L. Nader and H. F. Todd, Jr. (Eds.), *The disputing process: Law in 10 societies* (pp. 122–151). New York: Columbia University Press.

Steiner, D. D. & Gilliland, S. W. (1996). Fairness reactions to personnel selection techniques in France and the United States. *Journal of Applied Psychology, 81*(2), 134–141.

Stephan, C. W. & Stephan, W. G. & Saito, I. (1998). Emotional expression in the United States and Japan: The non-monolithic nature of individualism and collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 728–748.

Stephan, W. G., Stephan, C. W. & Cabeza de Vargas, M. (1996). Emotional expression in Costa Rica and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 27,* 147–160.

Stevenson, H. W., Lee, S. Y., Chen, C. S., Stigler, J. W., Hsu, C. C. & Kitamura, S. (1990). Contexts of achievement: A study of American, Chinese, and Japanese children. *Monographs of the Society for Research in Child Development, 55(1–2)* (Serial No. 221).

Stouffer, S. A., Lunsdaine, A. A., Williams, R. M., Smith, M. B., Janis, I. L., Star, S. A. & Cottrell, L. J. (1949). *The American soldier: Combat and its aftermath* (Vol.2). Princeton, NJ: Princeton University Press.

Stouffer, S. A., Suchman, E. A., DeVinney, L. C., Star, S. A. & Williams, R. M., Jr. (1949). *The American soldier: Adjustment during army life* (Vol. 1). Princeton, NJ: Princeton University Press.

Sugahara, I. & Huo, Y. J. (1994). Disputes in Japan: A cross-cultural test of the procedural justice model. *Social Justice Research, 7,* 129–144.

Tanabe, K. (1963). The process of litigation: An experiment with the adversary system. In A. T. von Mehren (Ed.), *Law in Japan: The legal order in a changing society* (pp. 73–110). Cambridge: Harvard University Press.

Tedeschi, J. T. & Nesler, M. S. (1993). Grievances: Development and reactions. In R. B. Felson & J. T. Tedeschi, *Aggression and violence: Social interactionist perspectives* (pp. 13–45). Washington, DC: American Psychological Association.

Thibaut, J. & Walker, L. (1975). *Procedural justice: A psychological analysis.* Hillside, NJ: Erlbaum.

Thibaut, J. & Walker, L. (1978). A theory of procedure. *California Law Review, 66,* 541–566.

Tilly, C. (1978). *From mobilization to revolution.* Reading, MA: Addison-Wesley.

Ting-Toomey, S., Gao, G., Trubinsky, P., Yang, Z., Kim, H. S., Liu, S. L. & Nishida, T. (1991). Culture, face maintenance, and styles of handling interpersonal conflict: A study in five countries. *International Journal of Conflict Management, 2,* 275–296.

Triandis, H. C. (1972). *The analysis of subjective culture.* New York: Wiley.

Triandis, H. C. (1989). Self and social behavior in differing cultural contexts. *Psychological Review, 96,* 269–289.

Triandis, H. C., Leung, K., Villareal, M. J. & Clack, F. J. (1985). Allocentric versus idiocentric tendencies: Convergent and discriminant validation. *Journal of Research in Personality, 19,* 395–415.

Tse, D. K., Francis, J. & Walls, J. (1994). Cultural differences in conducting intra- and intercultural negotiations: A Sino-Canadian comparison. *Journal of International Business Studies, 25,* 537–555.

Tsui, A. S. & O'Reilly, C. A. (1989). Beyond simple demographic effects: The importance of relational demography in superior-subordinate dyads. *Academy of Management Journal, 32(2),* 402–423.

Tyler, T. R. (1990). *Why people follow the law: Procedural justice, legitimacy, and compliance.* New Haven, CT: Yale University Press.

Tyler, T. R. (1994). Psychological models of the justice models. *Journal of Personality and Social Psychology, 67,* 850–863.

Tyler, T. R. & Bies, R. J. (1990). Beyond formal procedures: The interpersonal context of procedural justice. In J. S. Carroll (Ed.), *Applied social psychology and organizational settings* (pp. 77–98). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Tyler, T. R., Boeckmann, R. J., Smith, H. J. & Huo, Y. J. (1997). *Social justice in a diverse society.* Boulder, CO: Westview.

Tyler, T. R. & Lind, E. A. (1992). A relational model of authority in groups. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (pp. 115–191). New York: Academic Press.

Tyler, T. R. & Lind, E. A. (2001). Procedural justice. In J. Sanders and V. L. Hamilton (Eds.), *Handbook of law and social sciences: Justice* (pp. 65–92). New York: Plenum.

Tyler, T. R., Lind, E. A. & Huo, Y. J. (1995). *Culture, ethnicity, and authority: Social categorization and social orientation effects on the psychology of legitimacy.* Unpublished manuscript, University of California, Berkeley.

Vanneman, R. & Pettigrew, T. F. (1972). Race and relative deprivation in the urban United States. *Race, 13,* 461–486.

Wall, J. & Stark, J. (1998). North American conflict management. In K. Leung and D. Tjosvold (Eds.), *Conflict management in the Asia Pacific* (pp. 303–334). Singapore: Wiley.

Wall, J. A. & Blum, M. E. (1991). Community mediation in the People's Republic of China. *Journal of Conflict Resolution, 35,* 3–20.

Wallbott, H. G. & Scherer, K. R. (1986). The antecedents of emotional experiences. In K. S. Scherer, H. G. Wallbott & A. B. Summerfield (Eds.), *Experiencing emotion: A cross-cultural study* (pp. 69–83). Cambridge: Cambridge University Press.

Walster, E., Walster, G. & Berscheid, E. (1978). *Equity: Theory and research.* Boston: Allyn & Bacon.

Waters, H. (1992). Race, culture, and interpersonal conflict. *International Journal of Intercultural Relations, 16,* 437–454.

Weiner, B. & Kukla, A. (1970). Anattributional analysis of achievement motivation. *Journal of Personality and Social Psychology, 15,* 1–20.

Weisz, J. R., Rothbaum, F. M. & Blackburn, T. C. (1984). Standing out and standing in: The psychology of control in America and Japan. *American Psychologist, 39,* 955–969.

Weldon, E., Jehn, K. A., Chen, X. M. & Wang, Z. M. (1996, August). *Conflict management in U.S.Chinese joint ventures.* Paper presented in the 1997 Academy of Management Meeting, Boston.

Wheeler, L., Reis, H. T. & Bond, M. H. (1989). Collectivism-individualism in everyday life: The Middle Kingdom and the melting pot. *Journal of Personality and Social Psychology, 57,* 79–86.

Wright, S. C. (1997). Ambiguity, social influence, and collective action: Generating collective protest in response to tokenism. *Personality and Social Psychology Bulletin, 23,* 1277–1290.

Wright, S. C. & Taylor, D. M. (1998). Responding to tokenism: Individual action in the face of collective injustice. *European Journal of Social Psychology, 28,* 647–667.

Yamagishi, T. (1988a). Exit from the group as an individualistic solution to the free rider problem in the United States and Japan. *Journal of Experimental Social Psychology, 24,* 530–542.

Yamagishi, T. (1988b). The provision of a sanctioning system in the United States and Japan. *Social Psychology Quarterly, 51,* 265–271.

Yamagishi, T., Cook, K. S. & Watabe, M. (1998). Uncertainty, trust, and commitment formation in the United States and Japan. *American Journal of Sociology, 104(1),* 165–194.

Yang, L. S. (1957). The concept of poo as a basis for social relations in China. In J. K. Fairbank (Ed.), *Chinese thought and institutions* (pp. 291–309). Chicago: University of Chicago Press.

ГЛАВА 20

Азбука аккультурации

Колин Уорд

Развитие коммуникаций и транспортных технологий привело к тому, что мир стал гораздо меньше, чем раньше. Мы действительно вступаем в новую эпоху человеческой истории, эпоху стирания границ, когда контакты между представителями абсолютно разных культур становятся столь же обычными и реальными, сколь редкими они были сто лет назад. Сегодня сталкиваются друг с другом выходцы из самых разных и отдаленных мест, чего никогда не случалось прежде.

На фоне этих изменений значение кросс-культурных исследований психологии аккультурации за последние несколько десятилетий существенно возросло. Тема, которая определена в данной главе как изменения, происходящие в результате непрерывных непосредственных контактов между представителями разных культур, имеет огромное значение, и именно поэтому ею мы завершаем эту книгу.

В этой главе Уорд дает один из самых лучших и подробных обзоров по данной теме. После определения понятия «усвоение культуры» (аккультурация) она выделяет различные категории населения, которые имеют дело с усвоением новой культуры, среди них иммигранты, беженцы и временные поселенцы. Она рассматривает результаты усвоения культуры, связанные с адаптацией, разграничивая при этом психологическую и социально-культурную адаптацию. Выделение этих категорий весьма полезно для классификации и понимания литературы по теме.

Уорд умело синтезирует три основных теоретических и эмпирических подхода, которые доминировали при проведении научно-исследовательской работы в данной области: с точки зрения стресса и его преодоления, с точки зрения культурного научения и с точки зрения социальной идентификации. Она уделяет первоочередное внимание аффективным, поведенческим и когнитивным особенностям этих подходов. В то время как обзоры, касающиеся каждого из направлений, обладают самостоятельной ценностью и уникальностью, синтез и интеграция названных подходов заслуживает особого внимания. Первая схема, иллюстрирующая ее подход, имеет практическую ценность не только потому, что помогает читателю понять, какой аспект усвоения культуры он рассматривает, но и потому, что помогает всем нам понять, что мы говорим об одном и том же весьма многогранном конструкте — аккультурации, — рассматривая его с разных точек зрения.

Поэтому, несмотря на то что в каждом из разделов Уорд рассматривает самые современные сведения, собранные буквально по крупицам, определяя по каждому из направлений перспективы будущих исследований, возможно, самым важным научным вкладом этой главы является идея об интеграции теории и экспериментальной исследовательской работы по всем направлениям для развития того, что она называет «подлинно кросс-культурным подходом». Разумеется, движение в этом направлении чревато заблуждениями как в концептуальном, так и в эмпирическом плане, и, как полагает Уорд, следует быть осторожными, говоря об универсальности процессов или результатов аккультурации. В будущем потребуются широкомасштабные систематические сравнительные исследования аккультурации, интегрирующие лонгитюдное или квазилонгитюдное изучение разнообразных культурных процессов в множестве разного рода групп. Действительно, такой всесторонний, интеграционный и всеобъемлющий подход — включающий разнообразные планы экспериментов, методы сбора данных и теории — является качественно новым подходом к проведению исследований. Такая работа будет нелегка. Но призыв Уорд к этой трудной работе уместен не только в ее сфере, но и в любой области психологии, что позволяют понять все главы этой книги.

Что такое «культурный шок» и какое воздействие он оказывает на тех, кто попадает в чужую культуру? Что «тянет» и «толкает» людей к миграции? Как человек адаптируется к жизни в условиях новой культуры? Влияет ли миграция на культурную идентичность? Как экспатрианты, занимающиеся бизнесом, учатся справляться с новым для них культурным контекстом? Передаются ли традиционные ценности, нормы и обычаи следующим поколениям мигрантов? Как эмоциональная травма, предшествующая миграции, влияет на адаптацию семей беженцев после переселения на новое место? Какие факторы способствуют гармоничным отношениям между иммигрантами и коренным населением? Эти и другие вопросы рассматриваются в рамках аккультурационной теории и эмпирических исследований.

Под **усвоением новой культуры (аккультурацией)** понимаются изменения, которые происходят в результате продолжительного непосредственного контакта представителей разных культур (Redfield, Linton & Herskovits, 1936). Изначально относившийся к сфере интересов антропологов и социологов, данный термин был впервые использован для обозначения явления на уровне группы. Позднее процессом аккультурации и его результатами стали интересоваться психологи, и теперь этот феномен изучается на личностном уровне (Berry, 1997; Graves, 1967).

Аккультурация может происходить в самых разных социальных, культурных и политических контекстах. Этот процесс может затрагивать различные группы и отдельных людей (см. табл. 20.1). Группы, усваивающие чужую культуру, различаются, по крайней мере, по трем параметрам: мобильности, стабильности и степени свободы выбора (Berry & Sam, 1997). Во-первых, те, кто в результате перемещения оказался в условиях чужой культуры, например беженцы и иммигранты, отличаются от групп, ведущих оседлый образ жизни, таких как коренные жители и устоявшиеся этнокультурные сообщества. Во-вторых, те, кто попал в чужую

культуру на ограниченное время, например временные поселенцы, отличаются от тех, кто, подобно иммигрантам, сменил постоянное место жительства. Наконец, тот, кто вступил в межкультурный контакт по своей воле (например, иммигранты и временные поселенцы) отличаются от тех, кто вынужден против своей воли участвовать в процессе межкультурного взаимодействия (например, беженцы, коренное население). Применяя дифференциацию, связанную со свободой выбора, к мигрантам, можно определить добровольных мигрантов как тех, кто стремился попасть в другую страну, обычно в надежде на лучшую жизнь, тогда как те, кто мигрирует не по своей воле, чаще оказываются в чужой стране и чуждом окружении, будучи изгнанными со своей родины.

Синтез теоретических разработок и исследований, касающихся перечисленных групп — задача не из легких. Исторически сформировались шесть относительно независимых массивов литературы, которые в разной степени находились под влиянием различных дисциплин: психологии, психиатрии, социологии и антропологии. Ориентация психологических подходов тоже не оставалась неизменной (например, когнитивная, поведенческая), как менялось и их содержательное наполнение (например, социальная или клиническая сфера). Кроме того, в течение последних 30 лет количество эмпирических исследований нарастало по экспоненте. Учитывая значительный объем и разнообразие литературы по аккультурации, в этой главе я остановлюсь на трех группах лиц, которые оказываются в условиях чужой культуры: временные поселенцы, иммигранты и беженцы, а также на трех современных теоретических подходах: с точки зрения социальной идентификации, с точки зрения культурного научения и с точки зрения стресса и его преодоления.

Таблица 20.1

Типы групп, участвующих в процессе аккультурации

Мобильность	Добровольность контактов	
	Добровольные	**Против воли**
Оседлые	Этнокультурные группы	Коренное население
Мигранты		
Постоянные	Иммигранты	Беженцы
Временные	Временные поселенцы	Ищущие убежища

Источник: Berry and Sam, 1997, p. 295.

Аккультурация. Теоретические подходы

По мере того как возрастало количество тех, кто пересекает границу между культурами, а исследования по аккультурации получали все большее распространение, сформировались три широких теоретических подхода, которые служили путеводными нитями в области психологии. Первый связан с теориями социальной идентификации и уделяет основное внимание восприятию себя и окружающих, включая обработку информации о собственной группе (мы-группа) и прочих группах (они-группы). Вторым является подход с точки зрения культурного научения,

который уделяет основное внимание социальной психологии межкультурных контактов и процессам, связанным с усвоением культуро-специфичных навыков, которые необходимы для того, чтобы выжить и преуспеть в новом окружении. Третий подход связан с психологическими моделями стресса и его преодоления и применяется для изучения перемещения в иную культуру и адаптации к ней. Теоретические основы всех трех подходов были «позаимствованы» у традиционной социальной психологии и психологии здоровья, однако используются применительно к изучению личности, усваивающей чужую культуру.

На подход с точки зрения социальной идентичности оказали влияние современная теория и эмпирические исследования в области социальной когнитивной деятельности. В рамках этого подхода были предложены два дополнительных направления исследований — межкультурный контакт и обмен. Первое предполагает анализ на личностном уровне. При этом первостепенное внимание уделяется отдельным аспектам этнической или культурной идентичности, а главной проблемой является определение и параметры оценки аккультурации (например, Cuellar, Harris & Jasso, 1980; Hocoy, 1996). Сторонники этого подхода обычно рассматривают аккультурацию скорее как состояние, нежели как процесс, и занимаются оценкой данного конструкта в определенный период времени, выявлением релевантных прогностических факторов, коррелятов и последствий. Второе направление исследований предполагает анализ на групповом уровне и уделяет основное внимание взаимоотношениям и взаимному восприятию групп. Исследования в этом направлении предполагают изучение социальных взаимодействий представителей коренного населения с временными поселенцами и иммигрантами, при этом для интерпретации межгрупповых отношений чаще всего используется теория социальной идентичности Тэджфела (Tajfel, 1978, 1981) (см. например, Kosmitzki, 1996; Moghaddam, Taylor & Lalonde, 1987; Ostrowska & Bochenska, 1996).

Подход с точки зрения научения культуре, напротив, берет начало в социальной и экспериментальной психологии. Сильное влияние на него оказала работа Аргайла (Argyle, 1969) о социальных навыках и межличностном общении. Данный подход основан на следующем допущении: кросс-культурные проблемы возникают из-за того, что временные поселенцы, иммигранты или беженцы испытывают трудности в повседневной социальной жизни. Следовательно, адаптация оказывается формой научения культуро-специфичным навыкам, которые требуются для того, чтобы найти общий язык с новым культурным окружением (Bochner, 1972, 1986). Исследователи, которые рассматривают межкультурный контакт и обмен с точки зрения культурного научения, уделяют первоочередное внимание культуро-специфичным переменным процесса адаптации. Они рассматривают различия в коммуникативных стилях, включая вербальные и невербальные составляющие, а также законы, обычаи, условности и нормы и их влияние на эффективность межкультурного взаимодействия. В последнее время исследователи расширили рамки этого направления, предприняв попытки выстроить прогностические модели социально-культурной адаптации, акцент в которых делается на таких факторах, как знание культурной специфики, подготовка к межкультурным взаимодействиям, беглость речи, опыт проживания за рубежом, контакты с коренными жителями, культурная дистанция и культурная идентичность (Ward, 1996).

Третьим является подход с точки зрения стресса и его преодоления. В его рамках перемещение в иную культуру рассматривается как ряд жизненных изменений, вызывающих стресс, преодоление которого требует мобилизации адаптивных ресурсов. Сильное влияние на этот подход оказала работа Лазаруса и Фолкмана (Lazarus & Folkman, 1984) о стрессе, его оценке и преодолении, а также первые теоретические и исследовательские работы, касающиеся событий в жизни человека (Holmes & Rahe, 1967). Аналитическая схема данного подхода достаточно широка и учитывает как личностные характеристики, так и характеристики ситуации, которая может способствовать или препятствовать адаптации к новой культурной среде. Соответственно исследователи, стремясь выявить факторы, влияющие на кросс-культурную адаптацию, в первую очередь психологическое благополучие и удовлетворенность, изучают те же самые переменные, которые интересуют исследователей стресса и его преодоления в других областях. Эти переменные включают жизненные изменения, когнитивную оценку этих изменений, стратегии адаптации, личную и социальную поддержку. Рассматриваются и переменные культуро-специфичного характера, такие как культурная идентичность и уровень усвоения культуры, применительно к временным поселенцам, иммигрантам и беженцам (Ward, 1996).

Вместе эти три подхода (аффективный, поведенческий и когнитивный) представляют собой азбуку аккультурации[1]. Аффективные составляющие усвоения культуры выступают на первый план при подходе с точки зрения стресса и его преодоления; бихевиористские составляющие характерны для подхода с точки зрения научения культуре, а акцент на когнитивные составляющие делает подход с точки зрения социальной идентичности.

Межкультурный контакт и адаптация

Несмотря на совершенствование теории и все более последовательное изучение кросс-культурных перемещений, продолжается достаточно острая полемика об адекватных критериях оценки «кросс-культурного приспособления» (*adjustment*) или «межкультурной адаптации» (Benson, 1978; Church, 1982; Ward, 1996). Являются ли критериями успешной адаптации хорошие отношения с носителями культуры, психологическое благополучие, успешное выполнение своих обязанностей на работе, позитивное отношение к кросс-культурному перемещению или идентификация с местным населением? В литературе об иммигрантах, беженцах и временных поселенцах приводятся различные показатели приспособления, исследования предлагают обширный перечень критериев оценки результатов. Последние включают самосознание и самооценку (Kamal & Maruyama, 1990), расположение духа (Stone Feinstein & Ward, 1990), состояние здоровья (Babiker, Cox & Miller, 1980), беглость речи (Adler, 1975), ощущения признания и одобрения и чувство удовлетворения (Brislin, 1981), характер и интенсивность взаимодействий с местным населением (Sewell & Davidsen, 1961), культурное самосознание (Martin, 1987), усвоение культурно-адекватного поведения (Bochner, Lin & Mcleod, 1979),

[1] В английском игра слов: *Affective, Behavioral, Cognitive* — по первым буквам *A, B, C* (азбука!) аккультурации. — *Примеч. науч. ред.*

перцепционная зрелость (Yoshikawa, 1988), навыки коммуникации (Ruben, 1976), аккультурационный стресс (Berry, Kim, Minde & Mok, 1987) и успехи в учебе и работе (Black & Gregersen, 1990; Perkins, Perkins, Guglielmino & Reiff, 1977).

Поскольку при описании и определении адаптации исследователи сочетали теоретические и эмпирические подходы, появилось множество разнообразных аналитических схем. В ходе исследования эффективности межкультурного взаимодействия, проведенного Хаммером, Гудикунстом и Вайзманом (Hammer, Gudykunst & Wiseman, 1978), была разработана трехфакторная модель, учитывающая а) способность к преодолению психологического стресса, б) способность к эффективной коммуникации и в) способность к установлению межличностных отношений. Менденхолл и Оддоу (Mendenhall & Oddou, 1985) рассматривают аффективные, бихевиористские и когнитивные составляющие адаптации, в том числе психологическое благополучие, функциональное взаимодействие с местным населением и принятие соответствующих установок и ценностей. Помимо кросс-культурного взаимопонимания, переменных характеристик контактов, эффективности труда, в экспериментальном исследовании Кили (Kealey, 1989) освещены как позитивные, так и негативные результаты миграции — уровень удовлетворенности жизнью, а также индикаторы психологического и психосоматического стресса. Блэк и Стефенс (Black & Stephens, 1989) являются сторонниками бихевиористского подхода и выделяют три аспекта адаптации временного поселенца: общая адаптация (способность справиться с проблемами повседневной жизни), адаптация к взаимоотношениям (эффективное взаимодействие с местным населением) и адаптация к работе (успешное выполнение профессиональных задач). Некоторые исследователи говорят о конкретных видах адаптации, связанных с определенными сферами жизни, например эффективное выполнение работы и получение удовлетворения от нее (Lance & Richardson, 1985), экономическая адаптация (Aycan & Berry, 1994), академическая успеваемость и адаптация к новым условиям обучения (Lese & Robbins, 1994). Все эти модели объединяет признание того, что психологическое благополучие и удовлетворение, как и эффективные взаимоотношения с представителями новой культуры, являются важными составляющими адаптации для тех, кто совершил кросс-культурное перемещение.

Эта тема отражена в работе Уорд и ее коллег, которые утверждают, что в широком смысле адаптацию к новой культуре можно разделить на два вида: психологическую и социально-культурную (Searle & Ward, 1990; Ward & Kennedy, 1992, 1993b). В основе **психологической адаптации** главным образом лежат аффективные реакции, связанные с ощущениями благополучия или удовлетворения в процессе кросс-культурного перемещения. **Социально-культурная адаптация** относится к области поведения и определяет способность «соответствовать» или эффективно взаимодействовать с новым культурным окружением. Одна из находящихся в стадии становления программ исследований показала, что психологическая и социально-культурная адаптации концептуально связаны между собой, но различаются в эмпирическом плане. Эти понятия имеют разную теоретическую основу, они прогнозируются разными типами переменных, и сами процессы происходят по-разному.

Психологическая адаптация происходит в условиях стресса и борьбы с ним. Поэтому сильное влияние на ее ход оказывают такие факторы, как перемены

в жизни, особенности личности и социальная поддержка (Searle & Ward, 1990; Ward & Kennedy, 1992). Имеются свидетельства того, что с течением времени уровень психологической адаптации подвержен колебаниям, несмотря на то что все проблемы, как правило, максимально обостряются в самом начале кросс-культурного перемещения. Рассматривая социально-культурную адаптацию с точки зрения научения культуре, можно определить ее как качество и количество связей с местным населением (Ward & Kennedy, 1993c; Ward & Rana-Deuba, 2000), культурную дистанцию (Furnham & Bochner, 1982; Searle & Ward, 1990) и продолжительность проживания в новой стране (Ward & Kennedy, 1996b). Изменения уровня социально-культурной адаптации более предсказуемы; на начальных стадиях кросс-культурного перемещения адаптация осуществляется стремительными темпами, затем эти темпы стабилизируются и кривая роста постепенно переходит в горизонтальную линию (Ward & Kennedy, 1996b; Ward, Okura, Kennedy & Kojima, 1998). Учитывая широту названных теоретических конструктов, их концептуальную и эмпирическую основу и потенциал их применения на личностном, межличностном, внутригрупповом и межгрупповом уровнях, разделение психологической и социально-культурной адаптации позволяет представить результаты межкультурного взаимодействия достаточно лаконично и в то же время всесторонне.

Как совместить теорию, процесс и результаты

На рис. 20.1 схематически представлены теоретические подходы к усвоению культуры и адаптации — с точки зрения стресса и его преодоления, с точки зрения научения культуре и с точки зрения социальной идентификации — со своим акцентом для каждого из подходов — на аффекте, поведении и когнитивной деятельности соответственно. Кроме того, здесь представлены основные составляющие кросс-культурной адаптации (психологическая и социально-культурная) общие для временных поселенцев, иммигрантов и беженцев. Схема увязывает результаты адаптации с соответствующими теоретическими конструктами и показывает, как объединение аффективных, поведенческих и когнитивных факторов позволяет описать и объяснить процесс кросс-культурного перемещения и адаптации. Остальная часть этой главы посвящена развитию, дополнению и конкретизации этой схемы, при этом основное внимание уделяется эмпирическим исследованиям.

Социальная идентификация

Культурная идентичность и аккультурация

Хотя изменения в процессе аккультурации касаются многих областей, возможно, самые фундаментальные перемены связаны с культурной идентичностью. В самом упрощенном виде этническая или культурная идентификация включает осознание, категоризацию или самоидентификацию индивида как члена этнокультурной группы. Однако идентификация имеет и другой аспект, поскольку она связана с самоутверждением, гордостью и позитивной оценкой группы, к которой принадлежит индивид, предполагая, кроме того, определенный характер поведения, свойственный данной этнокультурной группе, определенные ценностные и традиционные ориентации (Phinney, 1992). Шкалы для оценки этнической и культурной

идентичности часто включают вопросы, связанные с **принадлежностью** (в какой степени индивид ощущает себя частью соответствующей группы), **центрированностью** (насколько значима принадлежность к определенной группе для личностной идентификации индивида), **оценкой** (позитивные и негативные ощущения, связанные с группой) и **традициями** (соблюдение сложившихся обычаев и признание традиционных норм и ценностей группы).

Существуют три модели описания и интерпретации изменений культурной идентичности. Первая — модель ассимиляции. В соответствии с ней, лицо, которое перемещается в иную культуру, отказывается от идентификации с культурой своего происхождения и начинает двигаться по пути идентификации с новой культурой, усваивая свойственные ей (то есть местному населению) особенности, ценности, установки и поведение (Olmeda, 1979). Такая линейная и однонаправленная модель реализуется в целом ряде систем оценки аккультурации с помощью самоотчета. В число таких инструментов входят Шкала оценки усвоения культуры американцами мексиканского происхождения–I (ARMSA; Cuéllar et al., 1980); Шкала оценки усвоения культуры греческими иммигрантами (Madianos, 1980, цит. по: Mavreas, Bebbington & Der, 1989); и шкала усвоения культуры, разработанная Гуманом (Ghuman, 1994) для подростков азиатского происхождения, проживающих в Канаде и Великобритании. Политический смысл данной модели очевиден: иммигрантам следует ассимилироваться, чтобы адаптироваться к жизни в новой культуре.

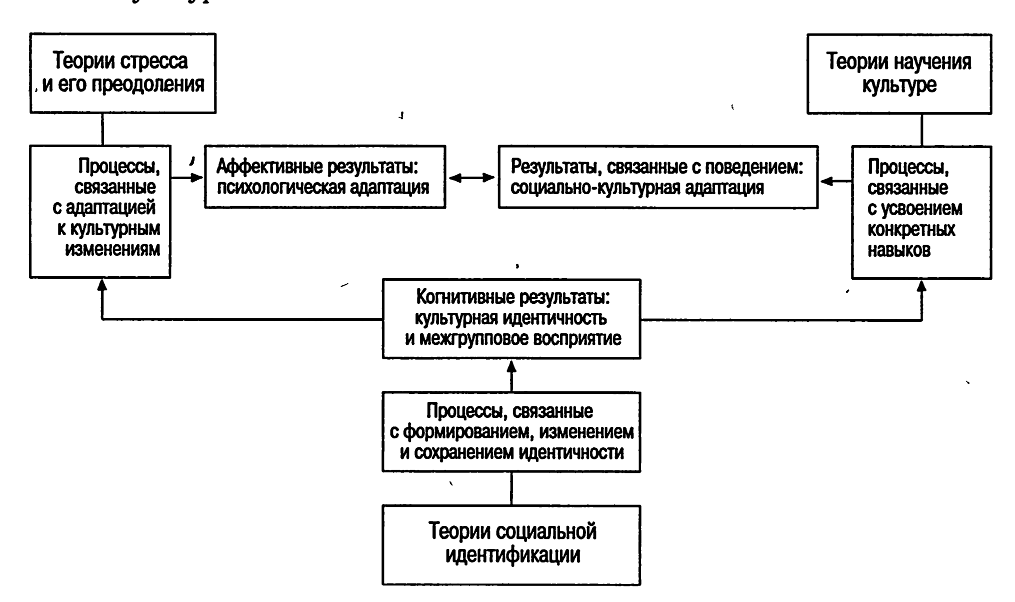

Рис. 20.1. Теоретические подходы к изучению усвоения культуры и адаптации

Вторая модель предлагает бикультурный подход, при котором идентификация с родной и идентификация с новой культурой сбалансированы, не противоречат друг другу и способствуют формированию социальной идентификации иммигрантов и беженцев. Бикультурализм рассматривается как промежуточный вариант

между ассимиляцией и сепаратизмом; однако поскольку шкалы для оценки идентификации помещают бикультурализм между идентификацией с унаследованной и идентификацией с новой культурой, две соответствующие идентичности рассматриваются как независимые, противодействующие силы. Инструменты оценки, основанные на этом подходе, включают Шкалу оценки усвоения культуры (Wong-Rieger & Quintana, 1987); *ARMSA*–II (Cuéllar, Arnold & Maldonaldo, 1995); Краткую шкалу оценки аккультурации латиноамериканцев, версии для взрослых и молодежи (Barona & Miller, 1994; Marin, Sabogal, Marin, Otero-Sabogal & Perez-Stable, 1987); Шкалу усвоения культуры поведения для латиноамериканцев (Szapocznik, Scopetta, Kurtines & Aranalde, 1978); Азиатскую шкалу самоидентификации и аккультурации (Suinn, Rickard-Figueroa, Lew, Vigil, 1987); Шкалу аккультурации выходцев из Юго-Восточной Азии (Anderson et al., 1993); Шкалу аккультурации американцев азиатского происхождения (Lai & Linden, 1993); и Шкалу межнациональных отношений для студентов разных национальностей (Sodowsky, Lai & Plake, 1991). Очевидно, что данная модель делает шаг вперед по сравнению с моделью ассимиляции, поскольку бикультурализм рассматривается в данном случае как желаемый результат и эффективное средство адаптации к кросс-культурным изменениям; однако данная концепция имеет недостаточно четкий характер, поскольку использование характеристик бикультурализма в качестве критериев оценки не позволяет отделить тех индивидов, культурная идентичность которых в отношении обеих культур выражена слабо, от тех, чья идентичность с обеими культурами носит глубокий и устойчивый характер. Несмотря на этот очевидный недостаток, бикультурная модель пользуется в американской психологической литературе наибольшей популярностью.

Третья альтернатива, очевидно, привлекает определенное внимание в связи с кросс-культурными исследованиями и международными контактами. Отличительной особенностью этой более сложной модели является концептуализация унаследованной и новой культурной идентичности как независимых или ортогональных доменов (например, Cortes, Rogler & Malgady, 1994; Szapocznik, Kurtines & Fernandez, 1980). В ряде случаев названные идентичности рассматриваются вместе с категоризацией стратегий аккультурации (например, Bochner, 1982; Hutnik, 1986; Larsy & Sayegh, 1992). Работы Берри (Berry, 1974, 1984, 1994) по усвоению культуры являются, наверное, лучшим примером такого категориального подхода. Берри утверждает, что перед временными поселенцами, иммигрантами и беженцами встают два основных вопроса, касающихся идентичности с унаследованной и новой культурой и отношений с окружающими: «Стоит ли сохранить мое культурное наследие?» и «Стоит ли поддерживать отношения с другими группами?». Два возможных ответа на каждый из этих вопросов позволяют выделить четыре позиции или стратегии, касающиеся усвоения новой культуры: интеграция, сепарация, ассимиляция и маргинализация. Положительный ответ на оба вопроса соответствует интеграции; отрицательный ответ на оба вопроса ведет к маргинализации; положительный ответ на первый вопрос и отрицательный — на второй предполагает сепаратистскую позицию; а отрицательный ответ на первый вопрос и положительный на второй характеризует установку на ассимиляцию.

Применение категориальных моделей аккультурации сочеталось с использованием различных критериев и методов оценки. Ряд инструментов позволяет осуществить независимую оценку культурной идентичности индивида в отношении унаследованной и новой культуры, а комбинация этих показателей может использоваться для категориальной оценки. Индекс аккультурации Уорд и Кеннеди (Ward & Kennedy, 1994), Шкала культурной идентичности (Felix-Ortiz, Newcomb & Meyers, 1999) и Шкала аккультурации вьетнамских подростков (Nguyen, Messe & Stollak, 1999) структурированы в соответствии с этими принципами. Однако Берри и его коллеги обычно предпочитают независимую оценку маргинализации, ассимиляции, сепарации и интеграции при помощи сходных между собой шкал, что можно увидеть по их работе с португальскими, венгерскими и корейскими иммигрантами в Канаде (Berry, Kim, Power, Young & Bujaki, 1989).

Берри и его коллеги убедительно доказали, что интеграция является предпочтительной стратегией среди тех, кто вливается в многонациональное общество. Иммигранты из Венгрии, Кореи, Португалии и Ливана, а также беженцы из Центральной Америки, оказавшиеся в Канаде, оказывают интеграции явное предпочтение (Berry et al., 1989; Dona & Berry, 1994; Sayegh & Lasry, 1993). Имеются также данные, хотя и не систематического характера, о том, что интеграции отдается предпочтение в культурно-однородной среде, причем ее предпочитают даже представители меньшинств. Сэм (Sam, 1995) приводит сведения о том, что интеграции отдают предпочтение иммигранты из развивающихся стран, которые прибывают в Норвегию, а Патридж (Patridge, 1988) обнаружил, что она популярна и в Японии среди экспатрианток, которые выходят замуж за японцев. Корреляты и результаты применения названных стратегий рассматриваются ниже в связи с психологической и социально-культурной адаптацией.

Помимо вопросов, касающихся критериев оценки, в центре внимания исследований идентичности и аккультурации находятся составляющие идентичности и вопросы о том, как меняется идентичность с течением времени, какие обстоятельства определяют идентичность и приводят к ее изменению. Исследователи рассматривали характеристики индивида: возраст, половую принадлежность, уровень образования; характеристики групп мигрантов: культурное сходство и мотивацию перемещения в новую культуру (желание или изгнание); характеристики общества, которое принимает мигрантов: монокультуру или многообразие культур, свободную или замкнутую социально-культурную структуру. Обычно эти переменные рассматривались как факторы, которые предшествуют или являются коррелятами аккультурации и изменения идентичности. Идентичность и аккультурация, в свою очередь, рассматривались как прогностические факторы адаптации мигрантов к новому окружению, особенно психологической и социально-культурной адаптации.

Идентичность связана с комплексом сложных динамических процессов, в ходе которых индивид определяет, пересматривает и выстраивает собственную этническую или культурную принадлежность или соответствующую принадлежность окружающих. Хотя эти изменения с точки зрения их проявления в процессе возрастного развития исследовали редко (исключениями являются работы Aboud, 1987; Phinney, 1989; Schonpflug, 1997), многие занимались изучением вопросов

идентичности применительно к разным группам, выявляя различия между возрастными группами и представителями разных поколений. Как правило, молодые мигранты более гибки, чем старшее поколение, и обычно быстрее усваивают нормы и ценности новой культуры (Marin et al., 1987; Mavreas et al., 1989). Если усвоение новой культуры начинается в раннем возрасте, особенно до поступления в начальную школу, процесс проходит более гладко (Beiser et al., 1988). Одной из возможных причин этого является то, что молодые мигранты быстрее овладевают языком и легче вливаются в новое общество (Liebkind, 1996).

Хотя результаты исследований гендерных различий в идентификации и аккультурации не вполне последовательны, есть определенные свидетельства того, что ассимиляция мальчиков осуществляется быстрее, чем девочек, а мужчины ассимилируются быстрее, чем женщины (Ghaffarian, 1987). Имеются также данные о том, что обычно женщины относятся к ассимиляции более негативно, имея более выраженную склонность к сохранению идентичности культуре происхождения (Harris & Verven, 1996; Liebkind, 1996; Ting-Toomey, 1981). Объясняя причины этих различий, обычно говорят о традиционной роли, которую играют женщины. Во многих случаях женщины более изолированы от культуры нового места жительства, особенно если они не работают или не знают языка. Кроме того, женщины часто считаются хранительницами культуры, поскольку они обучают детей народным обычаям и традициям, воспитывая таким образом идентификацию с нормами и ценностями унаследованной культуры (Yee, 1990, 1992).

Исследования говорят о том, что от поколения к поколению иммигранты обнаруживают все более выраженную ориентацию на местную культуру (Montgomery, 1992). Это не означает, однако, что при этом они неизбежно отказываются от культуры своего происхождения. Например, Мавреас и соавторы (Mavreas et al., 1989) говорят, что для второго поколения греческих иммигрантов в Великобритании характерен баланс между греческой и британской идентичностью, в отличие от поколения их родителей, которые продолжают оставаться греками. На взаимодействие унаследованной и новой культурной идентичности оказывает влияние ряд факторов, и их формирование не всегда происходит линейным или однонаправленным образом. Различные изменения идентичности можно наблюдать по мере того, как группы новоприбывших иммигрантов адаптируются, превращаясь в меньшинства с более устойчивым статусом в культурно-неоднородном обществе. Киф и Падилла (Keefe & Padilla, 1987), например, обнаружили, что культурное самосознание заметно ослабевает у второго поколения американцев мексиканского происхождения по сравнению с первым и затем продолжает постепенно идти на убыль; при этом верность своей этнической группе у первых поколений снижается очень незначительно и впоследствии остается стабильной.

Здесь уместно будет обратиться к различиям между когнитивными и поведенческими аспектами аккультурации. Хотя исследования показали, что они связаны между собой (Der-Karabetian, 1980; Ullah, 1987), их изменение с течением времени происходит по-разному (Cuellar, Arnold & Gonzalez, 1995; Szapocznik et al., 1978). Иммигранты и беженцы обычно стремятся усвоить новые модели поведения и приобрести новые навыки, однако установки и ценности, как правило, меняются не так быстро (Triandis, Kashima, Shimada & Villareal, 1986; Wong-Rieger & Quintana, 1987).

Один из примеров тому можно найти в исследовании Розенталя с соавторами (Rosenthal, Bell, Demetriou & Efklides, 1989), которые сравнивали австралийцев греческого происхождения с австралийцами английского происхождения и с греками. Хотя по своему поведению австралийцы греческого происхождения были больше похожи на англо-австралийцев, в отношении ценностных ориентаций они были ближе к грекам. Несмотря на прагматические поведенческие реакции, основные ценностные ориентации большей частью не изменились. Это говорит о том, что ни изменение поведения, ни усвоение новых культурных навыков еще не являются показателями культурной идентификации (LaFromboise, Coleman & Gerton, 1993). Эти расхождения поведения и установок заслуживают более внимательного изучения, особенно в свете данных, которые говорят о том, что представители принимающего общества обычно позитивно относятся к сохранению иммигрантами своих культурных традиций, связанных с пищей, музыкой или одеждой, и более настороженно реагируют на сохранение традиционных ценностных ориентаций, которые могут противоречить их собственным (Lambert, Moghaddam, Sorin & Sorin, 1990).

Помимо демографических факторов, таких как возраст или принадлежность к определенному поколению, на этническую и культурную идентичность огромное влияние оказывает качество и количество межкультурных контактов. Чем больше индивид подвергается воздействию новой культуры, тем более выражены проявления ассимиляции (Mendoza, 1989). Продолжительное проживание в условиях новой культуры, очевидно, укрепляет новую и ослабляет унаследованную культурную идентичность, и те, кто рожден в новой культурной среде, ассимилируются быстрее, чем родившиеся за ее пределами (Cortes et al., 1994). На опыт аккультурации влияют, кроме того, уровень образования и социально-экономическое положение. Более высокий уровень образования является прогностическим фактором более глубокой идентификации с новой культурой (Mavreas et al., 1989; Suinn, Ahuna & Khoo, 1992), а более высокий социально-экономический статус способствует ускорению ассимиляции иммигрантов и беженцев (Barona & Miller, 1994; Nicassio, 1983), по крайней мере, при кросс-культурном перемещении в промышленно развитые западные страны, такие как США и Великобритания.

Интенсивность контактов и коммуникации в рамках унаследованной культуры влияет на социальную идентичность аналогичным образом. Взаимоотношения в пределах этнической группы, в том числе членство в этнокультурных организациях, способствует укреплению унаследованной идентичности (Altrocchi & Altrocchi, 1995; Sodowsky et al, 1991), а проживание иммигрантов в замкнутой среде своих собратьев по этнической группе замедляет процесс ассимиляции (Cuellar & Arnold, 1988). Подобным образом тормозит процесс ассимиляции предпочтительное или исключительное употребление родного языка (Berry et al., 1989; Lanca, Alksnis, Roese & Gardner, 1994; Montgomery, 1992).

Наконец, важным фактором являются обстоятельства и характер миграции, в особенности продолжительность пребывания в среде новой культуры и добровольность кросс-культурного перемещения. Те, кто считает, что их пребывание в новой культурной среде носит временный характер, например временные поселенцы или иные мигранты, пребывание которых в среде новой культуры является кратковременным, имеют более устойчивую идентичность культуре происхождения

и менее выраженную идентичность культуре контакта по сравнению с теми, кто прибывает надолго или навсегда (Mendoza, 1989). Среди мигрантов и беженцев, которые прибыли на продолжительный срок, ассимиляция менее интенсивна среди тех, кто был вынужден сменить место жительства, по сравнению с теми, кто стремился к этой перемене (Wong-Rieger & Quintana, 1987).

Восприятие представителей иной культуры

В предыдущем разделе рассматривались вопросы, связанные с культурной идентичностью и с тем, каким образом стратегия усвоения новой культуры определяет восприятие унаследованной и новой культурной идентичности — как взаимоисключающих или совместимых друг с другом. Взаимоотношение культуры происхождения и культуры контакта действительно достаточно сложная проблема как для временных поселенцев, так и для мигрантов; успешное решение этой проблемы является важным компонентом адаптации. Не существует единого рецепта, который позволил бы решить все возникающие в связи с этой проблемой вопросы; при этом, очевидно, что для тех, кто оказался в среде новой культуры, отношения с представителями местной или доминирующей группы населения будут определяться не только отношением мигрантов к принимающей культуре, но и отношением местных жителей к мигрантам. В этом разделе мы рассмотрим вопросы, связанные со стереотипами, предрассудками и дискриминацией по отношению к временным поселенцам, иммигрантам и беженцам.

Теория социальной идентичности, предложенная Тэджфелом (Tajfel, 1978), дает концептуальную основу для рассмотрения данных вопросов. Социальная идентификация базируется на таких процессах, как социальная категоризация и социальное сравнение, то есть в ее основе лежит признание того, что существуют различные «свои» и «чужие» группы, что их можно сравнивать и что желательные или нежелательные результаты таких сравнений могут повлиять на самооценку. Тэджфел утверждает, что предубеждения в отношениях между группами — неизбежное следствие социальной идентификации. Результатам таких предубеждений для групп, которым что-либо угрожает или которые имеют нежелательную репутацию, в первую очередь заниженной оценке они-групп, теория социальной идентичности уделяет особое внимание; значительная часть работы Тэджфела посвящена классификации и детальному рассмотрению компенсаторных реакций групп, которые находятся в неблагоприятном положении. Эти реакции включают смену мы-группы, использование когнитивных стратегий для пересмотра социальных сравнений и коллективные социальные действия. Хотя теория Тэджфела имела до сих пор наибольшее влияние при изучении взаимоотношений между группами и их взаимного восприятия и несмотря на ее актуальность для изучения групп, находящихся в процессе аккультурации, количество исследований, посвященных проблемам временных поселенцев, иммигрантов и беженцев, было незначительным. Ниже мы рассмотрим основные исследования в этой области.

1. *Имеются ли свидетельства фаворитизма по отношению к членам «своей» группы?* Специалисты по кросс-культурным исследованиям в области социальной психологии стереотипов представляют убедительные свидетельства проявлений фаворитизма по отношению к мы-группе представителями

доминирующих групп населения принимающего общества. Вибулсвади (Wibulswadi, 1989), например, исследовал взаимоотношения между тайцами, китайцами, представителями племени хмонг и американцами на севере Таиланда. Из всех перечисленных групп наиболее негативную оценку тайцы дали американцам, эта оценка была более негативной и по сравнению с оценкой тайцев американцами. Георгас (Georgas, 1998) приводит следующие сведения: греки считают, что они более трудолюбивы, надежны и порядочны, чем негреки, но что еще более любопытно, оценка греков-репатриантов занимает промежуточное положение между стереотипом оценки грека и негрека. Согласно Тэджфелу, фаворитизм по отношению к «своей» группе может выражаться более явно у доминирующей группы или у тех, кто обладает политической, социальной или экономической властью.

2. *Связаны ли негативные стереотипы по отношению к «чужой» группе с предубеждениями и дискриминацией?* Негативные стереотипы «чужой» группы имеют важное значение возникновения предубеждений и дискриминации со стороны принимающего общества. Стефан и его коллеги определяют такие стереотипы, как один из четырех основных факторов (которые, кроме того, включают реальную и символическую угрозу и межгрупповую тревожность), которые ведут к появлению предубеждений. Это подтвердили проведенные исследования предубеждений в отношении марокканских иммигрантов в Испании, российских иммигрантов в Израиле и мексиканских иммигрантов в США (W. G. Stephan, Ybarra, Martinez, Schwarzwald & Tur-Kaspa, 1998; Ybarra & Stephan, 1994).
3. *Кто ощущает дискриминацию?* Ощущение дискриминации сильно отличается у различных индивидов и групп. Малевска-Пейре (Malewska-Peyre, 1982) обнаружила, что 7 из 10 подростков (мигрантов во втором поколении), проживающих во Франции, говорили о том, что страдают от предвзятого отношения и дискриминации. Девочки чувствовали дискриминацию сильнее, чем мальчики, а арабы ощущали дискриминацию более остро, чем испанцы или португальцы. Несмотря на то что такое отношение связано с культурными различиями, даже те мигранты, которые в языковом, этническом и культурном плане близки к представителям большинства, могут чувствовать свою социальную неполноценность. Леонг (Leong, 1997), например, обнаружил, что временные поселенцы из КНР ощущают, хотя и не очень явно выраженные, предубеждения и дискриминацию в Сингапуре. Хотя ощущения предвзятого отношения и дискриминации среди иммигрантов и временных поселенцев нередки, как правило, представители дискриминируемой группы считают, что предвзятое отношение направлено скорее на других членов их группы, нежели на них самих (Taylor, Moghaddam & Bellerose, 1989; Taylor, Wright, Moghaddam & Lalonde, 1990).
4. *Каковы наиболее распространенные стратегии реагирования на предвзятое отношение?* На выбор стратегии влияют личностные, групповые и социальные факторы (Camilleri & Malewska-Peyre, 1997). Изучая иранцев в Монреале, Могхаддам и соавторы (Moghaddam et al., 1987) обнаружили, что в процессе усвоения новой культуры иммигранты выбирают одну из двух

возможных стратегий. Некоторые предпочитают индивидуалистический подход, предполагающий прежде всего социальную мобильность личности, а не сохранение культурного наследия. Другие используют коллективистские стратегии, рассчитывая на поддержку со стороны иранских культурных организаций и иранской диаспоры в целом, с целью достижения социального прогресса. Каждую из названных групп отличал ряд особенностей, среди которых можно назвать желание остаться в Канаде и отношение к необходимости поддержания связи с иранской диаспорой. Однако самым важным было то, что избравшие коллективистскую стратегию были более глубоко убеждены в справедливости и беспристрастности канадской социальной системы. Более позднее исследование, участниками которого были канадские иммигранты с Гаити, из Индии, Италии, Греции, а также с Карибских островов, показало, что представители явного меньшинства обычно предпочитают коллективистские стратегии (Lalonde & Cameron, 1993; Lalonde, Taylor & Moghaddam, 1988).

5. *Существуют ли стратегии, которые могут уменьшить фаворитизм по отношению к «своей» группе и улучшить межгрупповые отношения и взаимное восприятия групп?* Социально-психологическая теория говорит о том, что расширение контактов — по крайней мере, при определенных условиях — может способствовать улучшению отношения групп друг к другу и укреплению связей между ними. Триандис и Вассилиу (Triandis & Vassiliou, 1967) были первыми, кто занялся изучением этого вопроса на примере временных поселенцев. Исследование проводилось в Греции и в США. Греки и американцы, которые вступали в межкультурные контакты мало, в умеренном количестве и очень часто, заполняли опросники, касающиеся восприятия ими собственной группы и восприятия иной группы. Обе группы были единодушны во мнении, что грекам свойственно больше негативных черт, чем американцам (например, они ленивы, негибки, подозрительны). Однако, что более существенно, расширение контактов с американцами привело к формированию у греков стереотипов более позитивного характера, а расширение контактов с греками привело к формированию более негативных стереотипов у американцев. Триандис и Вассилиу считают, что стереотипы содержат обычно «долю правды» и что расширение контактов позволяет получить из первых рук знания, способствующие кристаллизации более четких представлений об иной культурной группе.

Несмотря на отдельные подтверждения данной гипотезы (Clement, Gardner & Smythe, 1977), влияние межкультурных контактов на формирование стереотипов обычно определяется рядом личностных, социальных и ситуационных факторов. Амир и Бен-Ари (Amir & Ben-Ari, 1988) утверждают, что контакт дает возможность узнать и понять друг друга; однако необходимыми предпосылками взаимного позитивного восприятия является одинаковый социальный статус; общие цели; личный, а не случайный характер контакта; наличие социальной атмосферы, благоприятствующей межгрупповым контактам. Некоторые из этих факторов имели место в ходе проведенного Кимом с соавторами (Kim, Cho & Harajiri, 1997) исследова-

ния корейцев в Сеуле и Токио и их отношения к японцам. Действительно, непосредственные контакты были очень важны, но потенциальные возможности таких контактов не всегда реализовывались из-за недостаточного владения языком и иными навыками социального характера. В целом корейцы, проживающие в Японии, давали японцам более положительную характеристику (организованные, заслуживающие доверия, надежные, прогрессивные), и реже обращались к традиционным негативным стереотипам (колонизаторы, стремящиеся к превосходству). При этом позитивное отношение было связано с активной интеграцией в культуру, негативная, более критическая оценка сопровождала неудачный опыт и ощущение предвзятого отношения и дискриминации.

Выводы, оценки и направления будущих исследований

Исследования социальной идентичности иммигрантов, временных поселенцев и беженцев до настоящего момента проводились в двух направлениях. Первое связано с культурной идентичностью и уделяет основное внимание концептуализации и критериям оценки аккультурации. В рамках этого научного направления были созданы три модели изменений, которые происходят в процессе усвоения новой культуры. Первая модель — модель ассимиляции. Хотя эта модель все еще популярна в контексте определенных культур, такой подход к аккультурации явно имеет негативные социальные и политические последствия для общества, характеризующегося культурным плюрализмом. Вторая модель, будучи усовершенствованным вариантом первой, предполагает бикультурную идентичность. Поскольку такая модель связана с культурно-относительной или «*balance*» методикой оценки усвоения культуры, она оказывается несостоятельной при решении концептуальных проблем и вопросов, касающихся критериев оценки. Большинство шкал не дает возможности отличить индивида с устойчивой идентичностью по отношению к обеим культурам от того, кто не отождествляет себя ни с одной из них. Третья модель, которая рассматривает идентичность по отношению к унаследованной и новой культуре как независимые домены, представляется наиболее удачной для исследования проблем идентичности. Эта модель не только убедительно подтверждается эмпирическими данными, но также позволяет учитывать все многообразие культурных ценностей, которое характерно для многих современных обществ.

Полемика о характере и процессе изменения идентичности и преимуществах модели ассимиляции, модели баланса двух культур и ортогональной модели аккультурации будет продолжаться в новом тысячелетии, и в ходе этих дискуссий, видимо, будет рассматриваться и вопрос о том, должна ли идентификация с унаследованной культурой и культурой контакта рассматриваться в связи с категориальным подходом к усвоению новой культуры (Ward, 1999). Необходимо внести ясность в вопросы, связанные с характером, концептуализацией и критериями оценки аккультурации, прежде чем можно будет приступить к изучению ее взаимосвязи с психологической и социально-культурной адаптацией. Если эта задача будет выполнена, то появится возможность более глубокого изучения изменений, связанных с усвоением новой культуры и идентичностью, которые происходят из поколения в поколение.

Будущие исследования идентичности и усвоения культуры следует расширить, изучая более разнообразные культурные контексты. Значительная часть работы в этой области до настоящего времени проводилась в США, где традиция *E pluribus unum* (из многих единственное (*лат.*). — *Примеч. перев.*) означала подход, при котором аккультурация уподоблялась «тиглю» (тогда как более современная аналогия — «винегрет»). Проблемы идентичности и усвоения культуры в Канаде могут быть совершенно иными, поскольку правительство этой страны идет на все, чтобы создать плюралистическое в культурном отношении общество. Совсем иначе могут ставиться эти вопросы в такой стране, как Япония, где этническая, языковая и культурная однородность населения очень высока, или в Малайзии, где, в соответствии с политикой существующего правительства, малайцам как «коренному населению» предоставлены особые права, которые не распространяются на осевших здесь китайских иммигрантов и членов индийских общин. Макросоциокультурные, макрополитические и макроэкономические факторы такого рода, вероятно, будут оказывать влияние на микропсихологические процессы; следовательно, чем обширнее будет перечень различных культурных выборок, тем более всесторонним будет наше видение процессов аккультурации.

Помимо теории и исследований, касающихся культурной идентичности, данная глава рассматривает вопрос о взаимном восприятии групп и отношениях между местным населением и мигрантами. Для интерпретации фаворитизма по отношению к «своей» группе и реакций представителей меньшинств (временных поселенцев, иммигрантов и беженцев) здесь использована теория социальной идентичности Тэджфела. Была рассмотрена также гипотеза межкультурных контактов как средства совершенствования межгрупповых отношений, однако данные, полученные в ходе исследований в этом направлении, неоднозначны. К сожалению, количество исследований межкультурных и межгрупповых отношений до некоторой степени ограничено. Большая часть эмпирических исследований связана с изучением взаимного восприятия и отношений представителей устоявшихся этнокультурных сообществ (например, белые и чернокожие в США, маори и пакехас в Новой Зеландии), а не между местными жителями и вновь прибывшими мигрантами. Исключением является недавняя работа Эссеса, Джексона и Армстронга (Esses, Jackson & Armstrong, 1998), которая посвящена изучению отношения к иммигрантам в Канаде и США, с точки зрения инструментальной модели групповых конфликтов. Кроме того, есть несколько исследований, посвященных проблемам взаимного восприятия групп недавно прибывших иммигрантов и местного населения. К этому вопросу обращается исследование межкультурных контактов и формирования стереотипов Космицки (Kosmitzki, 1996) у немцев и американцев, проживающих на родине и за ее пределами, однако существует настоятельная потребность в более широком проведении межкультурных исследований такого рода.

Помимо распространения научно-исследовательской работы на более широкий круг мигрантов и групп местного населения, необходимо дальнейшее развитие теории. В настоящий момент нет единой теории, которая может интерпретировать комплекс изменений, касающихся идентичности, и процессы и паттерны межгрупповых отношений. Хотя теория социальной идентичности и модели аккультурации служат ориентирами при проведении эмпирических исследований в данной области, они

являются не единственными теориями идентичности и межгрупповых отношений в кросс-культурном контексте. Высказанное Берри (Berry, 1984) «мультикультурное допущение» ставит под сомнение посылки теории социальной идентичности. Теория самокатегоризации Тернера (Turner, 1982) и структурный анализ идентичности Вайнрайха (Weinreich, 1989) представляют собой более современные альтернативы, при этом оба подхода в последнее время привлекли к себе внимание в связи с социально-психологическими исследованиями изменения европейской идентичности (Breakwell & Lyons, 1996). Теория оптимального своеобразия (*distinctiveness*) Брюэра (Brewer, 1996), которая применялась в последнее время при изучении изменений идентичности в Гонконге и модель общей идентичности мы-группы Гертнера с соавторами (Gaertner, Dovidio & Bachman, 1996) тоже становятся все более популярными. Весьма вероятно, что эти теории будут оказывать все большее влияние на исследования идентичности и межгрупповых отношений в будущем.

Научение культуре

Подход с точки зрения научения культуре сориентирован на поведенческие аспекты межкультурных контактов между вновь прибывшими и представителями принимающего общества. Кроме того, этот подход фокусируется на процессах усвоения вновь прибывшими адекватных в культурном отношении навыков, которые необходимы для выживания и процветания в условиях нового окружения. Этот подход берет начало в одной из ранних работ Аргайла и Кендона (Argyle & Kendon, 1967), которые одними из первых высказали предположение, что социальное поведение взаимодействующих индивидов является процессом взаимного научения. Трения в межличностных отношениях возникают тогда, когда этот процесс нарушается из-за неумения одного (или нескольких) участников контролировать социальные взаимодействия. Хотя теория Аргайла была сформулирована в ходе монокультурного исследования, не подлежит сомнению ее применимость в кросс-культурном контексте. Язык коммуникации, нормы, условности и обычаи, касающиеся социального поведения в различных культурах, весьма многообразны. Следовательно, риск неудачных, неловких и неподобающих действий в процессе межкультурных контактов достаточно высок. Исправить такое положение может специальная подготовка, предполагающая обучение определенным социальным навыкам, которая является составной частью программ научения культуре (Furnham & Bochner, 1986); однако существуют и другие пути овладения необходимыми навыками, включая интенсивное взаимодействие с представителями принимающей культуры.

Социальная психология межкультурных контактов

В принципе, встреча представителей разных культур ничем не отличается от прочих социальных контактов, возникающие проблемы и в том и в другом случае могут рассматриваться как вербальные и невербальные промахи, допущенные в процессе коммуникации. Безусловно, важную роль играет язык, но не менее важными аспектами коммуникации являются нормы, условности и обычаи. Они могут касаться таких моментов, как выражение эмоций, проксемическое поведение, взгляды и установившаяся практика приветствий, прощаний и т. п. (Trower, Bryant &

Argyle, 1978). Поскольку все эти действия несут имплицитную смысловую нагрузку, которая наполняет отношения определенным содержанием, важно, чтобы они соответствовали культурным ожиданиям. Экспериментальные исследования межкультурного взаимодействия показали, что невербальное поведение, адекватное культуре, более важный прогностический фактор возникновения межличностных симпатий, чем этническая принадлежность (Dew & Ward, 1993). В следующем разделе рассматриваются некоторые кросс-культурные различия паттернов коммуникации и объясняется, почему они могут создать проблемы при межкультурных контактах.

Что может помешать успешным межкультурным контактам

Кросс-культурные различия в невербальном поведении. Невербальные формы коммуникации заметно отличаются в разных культурах, и это часто приводит к недоразумениям и непониманию. Различия, связанные с отношением к тактильному контакту и обмену взглядами, представляют собой два известных примера. Представители культур, с выраженной склонностью к тактильным контактам, таких как Латинская Америка и Южная Европа, стремятся приблизиться к собеседнику и часто прибегают к тактильным контактам. Представители культур, в которых принято избегать тактильных контактов, таких как страны Восточной Азии, производят впечатление меньшего стремления к сближению (Argyle, 1982). При встрече представителей культур двух названных типов первые могут производить впечатление назойливых и даже сексуально-агрессивных, в то время как последние могут показаться холодными, замкнутыми и недружелюбными. Различное отношение к обмену взглядами в процессе коммуникации тоже может повлиять на восприятие индивида. Арабы и представители латиноамериканских культур достаточно часто встречаются взглядом с собеседником, тогда как европейцы делают это реже (Watson, 1970). В ходе межкультурных контактов представители культуры, в которой принято часто смотреть на собеседника, могут показаться дерзкими, агрессивными или неучтивыми. При этом представители той культуры, в которой принято избегать частых взглядов на собеседника, могут произвести впечатление невежливых, скучающих или непорядочных.

Жесты в разных культурах также весьма многообразны. Итальянцам, французам, грекам, испанцам и португальцам свойственна оживленная жестикуляция, в то время как северные народы более сдержанны в этом отношении (Argyle, 1975, 1982). Значение и значимость жестов в разных культурных группах различны. Большие пальцы, поднятые вверх, жест, который широко используется в США для выражения одобрения, воспринимается как оскорбление в Греции, где он ассоциируется с крайне неприличным выражением *katsa pano* (Colett, 1982). Показывать на что-либо вытянутым указательным пальцем считается неучтивым во многих азиатских странах и в некоторых странах Ближнего Востока, так же как считается неучтивым подзывать человека движениями указательного пальца, вытянутого вперед (Morrison, Conaway & Borden, 1994). Что касается более общего уровня, существуют кросс-культурные различия в предпочтении определенных поз. Японцы предпочитают закрытые позы, а американцы более позитивно реагируют на открытые позы (McGinley, Blau & Takai, 1984).

Одним из самых сильнодействующих средств среди приемов невербальной коммуникации является использование молчания, при этом в разных культурах существуют различные предпочтения в отношении его частоты (Dale, 1986), продолжительности (Ishii & Klopf, 1976), интенциональности (N. Sano, Yamaguchi & Matsumoto, 1999) и значения (Hall, 1976). Так, японцы прибегают к молчанию чаще, чем американцы (Lebra, 1987). Полинезийцев молчание смущает меньше, чем белых жителей Новой Зеландии, но они по-разному используют молчание для выражения согласия (Metge & Kinloch, 1978).

Разные культуры по-разному подходят и к выражению эмоций при помощи мимики, и такое выражение определяется нормами проявления эмоций. Классическое исследование Фризена (Friesen, 1972) показало, что американцы открыто выражают отрицательные эмоции, когда смотрят страшный фильм, независимо от того, есть ли кто-нибудь рядом или они находятся в одиночестве, в то время как японцы подавляют выражение отрицательных эмоций при посторонних. Состав аудитории тоже по-разному влияет на выражение эмоций представителями разных культур. Мацумото с соавторами (Matsumoto, 1994), например, приводят сведения о том, что поляки и венгры в присутствии мы-группы выражают меньше отрицательных эмоций и больше положительных по сравнению с американцами, тогда как в отношении они-группы верно обратное.

Кросс-культурные различия в нормах и условностях. Помимо различий в невербальном поведении, культуры различаются нормами, которые определяют поведение при межличностных контактах, и эти нормы могут представлять собой важный источник проблем при межкультурном взаимодействии (Driskill & Downs, 1995). Часто отличия в нормах и условностях связаны с кросс-культурными различиями ценностных ориентаций, в частности показателями индивидуализма–коллективизма и дистанции по отношению к власти (Hofstede, 1980). Представители индивидуалистических культур рассматривают личность как основную единицу социальной организации, в то время как представители коллективистских культур придают большее значение группе. Индивидуалисты являются идиоцентриками: они ценят автономию, уникальность и способность «не быть как все». Коллективисты же ценят способность «соответствовать», находить и сохранять за собой свое место в группе (Triandis, 1989). Теория и экспериментальные исследования говорят о том, что члены индивидуалистического общества, например жители США, предпочитают выраженную направленность коммуникации, не следят за тем, чтобы реплики собеседников были примерно равны по своей продолжительности, говорят громче и чаще открыто выражают отрицательные эмоции. Поскольку коллективисты, особенно жители Восточной Азии, высоко ценят гармонию отношений в группе и возможность сохранить лицо, они стремятся избежать действий, которые могут рассматриваться как разрушительные для группы. Поэтому при социальных взаимодействиях они часто ведут себя более сдержанно. Азиатская утонченность и уклончивость часто воспринимаются представителями западных культур как нечто загадочное и непостижимое. На это накладывается и тот факт, что во многих азиатских странах слово *нет* редко является ответом на просьбу или требование, и поэтому ответ «Да» может на самом деле означать «Нет» или «Возможно».

Кросс-культурные различия дистанции по отношению к власти отражают признание устоявшейся иерархии, предпочтения, которые отдаются вертикальным или горизонтальным отношениям и значимость социального статуса. Американцы предпочитают горизонтальные отношения, или отношения на равных, и в процессе социального взаимодействия держатся непринужденно, без формальностей, что предполагает, в частности, обращение к любому собеседнику по имени. В обществе, для которого характерна значительная дистанция по отношению к власти, например в Мексике или Индии, чаще используются такие формы обращения, которые отражают особенности социального статуса, то есть упоминание званий или титулов.

Устранение преград: подготовка к межкультурным контактам и общение с местным населением

Предыдущие разделы дают лишь самое общее представление о некоторых кросс-культурных различиях в процессе коммуникации, которые могут вызвать трудности при межкультурных контактах. Более подробно эти проблемы освещаются и обсуждаются в работах Холла (Hall, 1976), Самовара и Портера (Samovar & Porter, 1996), Моррисона с соавторами (Morrison et al., 1994) и Гудикунста и Тинг-Туми (Gudykunst & Ting-Toomey, 1988). Хотя примеров было приведено немного, очевидно, что перемещение в иную культуру предприятие рискованное, успех которого во многом зависит от наличия соответствующих навыков. Одним из путей приобретения таких навыков являются программы кросс-культурной подготовки.

Для подготовки к контактам с новой культурой существует множество методов. Они включают предоставление новой информации, активация сведений о новой культуре, моделирование, критический разбор отдельных случаев, культурные ассимиляторы[1] и научение, основанное на опыте (Ward, Bochner & Furnham, 2001). Несмотря на многообразие, в основе всех методов подготовки лежит общая посылка: основной задачей, стоящей перед тем, кто окажется в новой культуре, является усвоение характерных особенностей новой культуры. Программы, основной задачей которых является выработка социальных навыков, руководствуются поведенческими подходами к научению и используют главным образом такие методы, как просмотр видеозаписей, ролевые игры и имитация реальных жизненных ситуаций. Первоочередное внимание уделяется межличностным контактам и формированию адекватных коммуникативных навыков. Есть и программы другого рода, которые делают акцент на аффективных аспектах, таких как методы преодоления стресса, развитие личности или когнитивных процессах, таких как взаимное восприятие групп и атрибуция.

Насколько эффективны эти программы? Имеются свидетельства того, что, по крайней мере, программы научения поведенческим навыкам способствуют повыше-

[1] Культурный ассимилятор — особый тип «учебника поведения», предназначенный для активного усвоения представителями одной культуры традиций, норм, ценностей другой культуры. В нем представлены (в картинках) разнообразные ситуации общения и предлагается дать им объяснение (выбрать одно из предложенных объяснений). Первые разработки такого учебного пособия были сделаны в 1960-х годах под руководством Г. Триандиса в университете штата Иллинойс. В настоящее время широко используются компьютерные культурные ассимиляторы. — *Примеч. науч. ред.*

нию эффективности межкультурных контактов. Так, Ландис с соавторами (Landis, Brislin & Hulgus, 1985) сравнивают результаты семинаров по межкультурным контактам, которые включали ролевые игры, предполагающие общение с местным населением, — с результатами прочих методов подготовки. Участники семинара получили более высокую оценку принимающего населения при выполнении определенных культуро-специфичных задач поведенческого характера, чем те, кого обучали другими методами. Харрисон (Harrison, 1992) в своем исследовании обучения межкультурному общению тоже приводит свидетельства эффективности методов моделирования поведения. Прошедшие такую подготовку изучили больше материала и лучше справлялись с поставленными задачами в ролевых играх с местными жителями, чем те, кто не проходил специального обучения, хотя в данном исследовании наилучшим образом зарекомендовал себя курс, который представлял собой сочетание методик моделирования поведения и культурного ассимилятора. Более разнообразные приемы и методы рассматривались в ходе метааналитического исследования эффективности подготовки к межкультурным контактам, проведенного Деспанде с соавторами (Despande & Viswesvaran, 1992). Рассмотрев более 20 исследований, они пришли к выводу, что обучение оказывает благоприятное воздействие на навыки межличностного общения с местным населением. Кроме того, они обнаружили, что подготовка способствует лучшему пониманию ценностных ориентаций местного населения, росту производительности труда и самореализации. Несмотря на столь обнадеживающие результаты, Каржиль и Джайлс (Cargile & Giles, 1996, p. 398) в обзоре, касающемся подготовки к кросс-культурной коммуникации, утверждают, что

> обучение может, хотя и не всегда, привести к быстрым и заметным результатам: оно повышает уровень информированности (например, Lefley, 1985), совершенствует поведенческие навыки (например, Landis et al., 1985) и, без сомнения, способствует приобретению знаний (например, Bird, Heinbuch, Dunbar & McNulty, 1993). Однако обучение не позволяет, как правило, изменить в желаемом направлении установки и отношения (например, Randolph, Landis & Tseng, 1977).

Этот вывод вновь напоминает нам об отличии поведенческой базы культуро-специфичных навыков от когнитивных истоков переменных характеристик социальной идентичности. Кроме того, он ставит вопросы, которые требуют дальнейших исследований кросс-культурной адаптации.

Несмотря на то что эффективность программ научения культуре подтверждается, хотя и с некоторыми оговорками, формальное обучение — не единственный способ приобретения культуро-специфичных навыков, необходимых в новом окружении. Интерес к другой культуре (*culture participation*) и дружба с носителями этой культуры могут способствовать совершенствованию социальных навыков (Schild, 1962). Эта тема обсуждается Бокнером и его коллегами в терминах теории социальных сетей (Bochner, McLeod & Lin, 1977; Furnham & Bochner, 1982). Бокнер считает, что временные поселенцы входят в три социальные сети: первая — это монокультурная сеть временных поселенцев-соотечественников; вторая — бикультурная сеть временных поселенцев и коренных жителей; третья — мультикультурная сеть их друзей и знакомых. Он полагает, что научение культуре является долгом друзей временного поселенца, принадлежащих к местной культуре.

Это мнение подтверждается данными эмпирической литературы. В целом временные поселенцы, имеющие более широкий круг общения среди местного населения, и те, кто имеет позитивный опыт таких взаимоотношений, испытывают меньше затруднений в процессе социально-культурной адаптации (H. Sano, 1990; Searle & Ward, 1990).

Недостаточные социальные навыки и социально-культурная адаптация

Подход с точки зрения научения культуре предполагает, что проблемы адаптации к новой культуре главным образом связаны с недостатком навыков. Это предположение детально проверялось в работе Фернхэма и Бокнера (Furnham & Bochner, 1982) Они обследовали студентов из-за рубежа, обучающихся в Великобритании. Исследование включало разработку Опросника социальных ситуаций, инструмента, включавшего 40 позиций, предназначенного для оценки общего количества проблем, возникающих в ходе обыденных социальных контактов. Участвовавшие в исследовании иностранные студенты были разделены на три группы, в зависимости от культурной дистанции между их родиной и принимающим обществом (Великобритания). В группу, близкую в культурном отношении, вошли студенты из стран Северной Европы (Франция, Нидерланды, Швеция), группу, имевшую умеренное культурное сходство, составляли студенты из стран Южной Европы и Южной Америки (Италии, Испании, Венесуэлы и Бразилии), а в группу, имевшую минимальное культурное сходство, входили студенты с Ближнего Востока и из стран Азии (Египта, Саудовской Аравии, Индонезии и Японии). Результаты исследования ясно доказывают, что проблемы адаптации являются функцией культурной дистанции, то есть студенты, которые прибыли из далеких в культурном отношении регионов, испытывали самые большие трудности в процессе адаптации.

На Уорд и ее коллег работа Фернхэма и Бокнера по проблемам социальной адаптации произвела сильное впечатление, дав при этом понять, что теория культурного научения может внести значительный вклад в понимание процессов кросс-культурного перемещения и адаптации. Однако названные авторы решили придерживаться несколько более широкого подхода к оценке проблем социально-культурного характера в процессе адаптации и при разработке Шкалы социально-культурной адаптации учли такие дополнительные адаптивные навыки, как «адаптация к климатическим условиям», «привыкание к местной кухне» и «использование местной транспортной системы». Данный инструмент систематически использовался в ходе реализации программы исследований. Уорд и Кеннеди (Ward & Kennedy, 1999) недавно подытожили данные, полученные при изучении более чем 20 выборок временных поселенцев. Ниже мы рассматриваем четыре конкретных вопроса, касающихся социально-культурной адаптации.

1. *Каковы прогностические факторы социально-культурной адаптации?* В наиболее общем виде прогнозировать социально-культурную адаптацию можно, исходя из уровня информированности о специфике культуры (Ward & Searle, 1991); однако знание в чистом виде не может обеспечить адаптивно-

го поведения. Кроме знания необходимы навыки. Очень важным фактором является владение языком, поскольку это влияет на количество и качество межкультурных контактов. Способность к беглой речи обеспечивает возможность интенсивного взаимодействия с представителями местной культуры (J. E. Gullahorn & Gullahorn, 1966) и уменьшает количество проблем, связанных с социально-культурной адаптацией (Ward & Kennedy, 1993c). Эти переменные теснейшим образом связаны с моделью кросс-культурной адаптации с точки зрения культурного научения, поскольку они представляют собой реальные ресурсы адаптации и облегчают усвоение навыков в среде новой культуры.

Уорд и ее коллеги, кроме того, расширили свои исследования социально-культурной адаптации, включив в их сферу в качестве прогностических факторов культурной компетентности переменные, связанные с социальной идентичностью. При изучении идентичности с местной и родной культурами выяснилось, что идентификация с местной культурой связана с более высоким уровнем социально-культурной адаптации (Ward & Kennedy, 1993a, 1993b, 1993c). Идентификация с культурой происхождения порой препятствует социально-культурной адаптации, но это нельзя считать общей закономерностью (Ward, 1999). Имеются также данные о том, что на социально-культурную адаптацию оказывает влияние стратегия усвоения культуры. При исследовании государственных служащих в Новой Зеландии, которые занимались отправкой почты за границу, Уорд и Кеннеди (Ward & Kennedy, 1994) обнаружили, что самое большое количество проблем, связанных с социально-культурной адаптацией, возникает у тех, кто избрал сепаратистскую стратегию, а за ними следуют те, кто ориентируется на маргинализацию. Эти группы сталкиваются с гораздо большим количеством трудностей, чем те, кто стремится к интеграции или ассимиляции.

2. *Как меняется уровень социально-культурной адаптации с течением времени?* Лонгитюдные исследования показали, и это не было неожиданностью, что изменение показателей социально-культурной адаптации осуществляется в соответствии с кривой научения. В ходе исследований малазийских и сингапурских студентов в Новой Зеландии уровень социально-культурной адаптации быстро повышался с первого по шестой месяц пребывания в стране, а в течение следующего полугодия рос незначительно (Ward & Kennedy, 1996b). Исследование, в котором участвовали японские студенты, дало сходные результаты. Показатели социально-культурной адаптации быстро росли на протяжении первых четырех месяцев пребывания в Новой Зеландии, однако к первому полугодию и к концу года значительного изменения этих показателей не произошло (Ward, Okura, et al., 1998). Эти исследования говорят о том, что уровень социально-культурной адаптации быстро повышается в течение первых 4–6 месяцев, а затем эти темпы постепенно сходят на нет к концу первого года пребывания в стране; такая «кривая научения» согласуется с моделью отсутствия/усвоения навыков в процессе кросс-культурной адаптации (Ward & Kennedy, 1999).

3. *Отличается ли уровень социально-культурной адаптации временных поселенцев и постоянных жителей?* Имеющиеся данные, как и следовало ожидать, говорят о том, что постоянные жители испытывают меньше проблем, связанных с социально-культурной адаптацией, чем временные поселенцы. Например, ученики средних школ Новой Зеландии, которые прибыли из-за рубежа, чаще говорят о проблемах социально-культурной адаптации, чем те, кто находится у себя дома (Ward & Kennedy, 1993b). Это соответствует точке зрения Фернхэма и Бокнера (Furnham & Bochner, 1982), которые считают, что временным поселенцам недостает социальных навыков, когда они оказываются в новой культурной среде.
4. *Одинаков ли уровень социально-культурной адаптации у разных групп временных поселенцев?* Имеются свидетельства того, что культурное и этническое сходство снижает количество проблем, связанных с социально-культурной адаптацией. Временные поселенцы из Китая и Малайзии, проживающие в Сингапуре, адаптируются легче, чем выходцы из Англии и континентальной Европы. Подобным образом малазийские студенты в Сингапуре испытывают меньше трудностей, чем малазийские и сингапурские студенты в Новой Зеландии (Ward & Kennedy, 1999). Это согласуется с данными оригинальной работы Фернхэма и Бокнера (Furnham & Bochner, 1982) о культурной дистанции и социальных проблемах иностранных студентов в Великобритании.

Подведение итогов, оценка и направления будущей работы

Под влиянием оксфордской традиции, подход с точки зрения научения культуре, уделяет основное внимание социальным навыкам и социальному взаимодействию. Представляя собой продолжение работы в рамках одной культуры, этом подход занимается выявлением кросс-культурных различий в вербальной и невербальной коммуникации, которые могут быть причиной непонимания. Этот подход включает и определение путей устранения недоразумений и неправильного понимания в ходе межкультурных контактов. Поскольку, в соответствии с данным подходом, цели межкультурной коммуникации по своей сути не отличаются от задач иной полезной деятельности или поведения, их можно достичь, используя основные принципы научения. Следовательно, программы подготовки и обучения и общение с местным населением представляют собой надежное средство усвоения и совершенствования необходимых навыков.

Подход с точки зрения культурного научения не только является основой моделей кросс-культурного научения (Landis, 1996), он также оказал заметное влияние на два современных направления в изучении межкультурных контактов и адаптации. Первое связано с психологическими исследованиями кросс-культурного перемещения и социально-культурной адаптации. Второе связано с развивающимися теорией и исследованиями в области коммуникации.

Хотя исследованием межкультурных взаимодействий, проблем социальной адаптации и культурной компетентности занимались многие ученые, Уорд и ее коллеги первыми предложили использовать конструкт социально-культурной

адаптации, в отношении которого затем внесли определенные уточнения и дополнения. Социально-культурная адаптация, уровень которой оценивается с учетом общего количества проблем в процессе повседневной жизни и общения, в концептуальном плане представляет собой производную от теории научения культуре. Эмпирические исследования позволяют более четко определить концепцию данного явления, свидетельствуя о том, что прогностическими факторами социально-культурной адаптации являются такие переменные, как культурная дистанция и интенсивность контактов с местным населением, а также о том, что изменение уровня социально-культурной адаптации во времени соответствует кривой научения. После десяти лет систематических исследований социально-культурной адаптации данному конструкту стало уделяться больше внимания в литературе по аккультурации. Об этом свидетельствует включение названного конструкта в схему исследований по аккультурации Берри и Сэмом (Berry & Sam, 1997), которая представлена в 3-м томе «Руководства по кросс-культурной психологии» (*Handbook of Cross-Cultural Psychology*). В следующем десятилетии, вероятно, появятся исследования социально-культурной адаптации более высокого уровня, в том числе лонгитюдные. Кроме того, имели место попытки распространить конструкт социально-культурной адаптации, учитывающий, прежде всего, поведенческие аспекты, на когнитивно-поведенческую сферу (см. Kennedy, 1999), и эти попытки могут стать перспективным направлением будущих исследований.

Исследования коммуникации также обращались к теории научения культуре, о чем свидетельствуют последние научно-исследовательские работы по межкультурному взаимодействию. Рассматривая вопрос о навыках кросс-культурной коммуникации, Ким (Y. Y. Kim, 1991) проводит аналогию между исследованиями межкультурной коммуникации и кросс-культурной психологией. Она подчеркивает, в частности, интерес к выявлению культурных различий, связанных с коммуникацией, и долгосрочные цели поиска путей устранения препятствий на пути успешной кросс-культурной коммуникации. В соответствии с теорией научения культуре, она отмечает, что исследование навыков межкультурной коммуникации предполагает «явно или неявно задачу совершенствования личного общения между представителями разных культур» (p. 260). Помимо работы Ким по навыкам кросс-культурной коммуникации, влияние теории научения культуре просматривается также в подходе Гудикунста (Gudykunst, 1993) к эффективной коммуникации. Модель Гудикунста включает основные навыки, при этом акцент делается на способность к сбору и использованию соответствующей информации и гибкость в процессе межкультурной коммуникации. По мере того как растет интерес к данной теме специалистов по социальной психологии, в данную область все больше интегрируются теория и экспериментальные исследования коммуникации. Это заметно, например, в теории коммуникационной адаптации (Gallois, Giles, Jones, Cargile & Ota, 1995). Принимая во внимания эти тенденции, можно предположить, что фундаментальные положения подхода с точки зрения культурного научения будут и дальше оказывать влияние на изучение эффективности кросс-культурного взаимодействия посредством развития теории и эмпирических исследований коммуникации.

Стресс и его преодоление

Модель стресса и его преодоления, усовершенствованная и дополненная Берри (Berry, 1997) в его последнем обзоре, касающемся иммиграции, аккультурации и адаптации, выдвигает на передний план жизненные изменения, которые влечет за собой кросс-культурное перемещение, оценку этих изменений и выбор и реализацию стратегии, позволяющую справиться с возникающими при этом проблемами (рис. 20.2). На эти процессы, как и на их психологические последствия, оказывают влияние различные факторы, действующие как на групповом, так и на личностном уровне. На макроуровне важны как характеристики общества, в котором проживает индивид, так и характеристики общества происхождения. Отличительные особенности этих обществ могут включать социальные, политические и демографические факторы, такие как этнический состав общества, уровень культурного плюрализма и отношение к этническим и культурным они-группам. На микроуровне на стресс, его преодоление и адаптацию влияют характеристики индивида, который усваивает новую культуру, и условия, в которых происходит это усвоение. Кроме того, Берри различает факторы, которые действуют перед началом и в процессе аккультурации. В первом случае могут иметь значение такие факторы, как личностные особенности и культурная дистанция, во втором более важными становятся стратегия усвоения новой культуры или социальная поддержка.

Специалисты по кросс-культурным исследованиям, изучавшие процесс аккультурации с точки зрения стресса и его преодоления, интересовались прежде всего перспективами психологической адаптации. Многие стали рассматривать факторы, которые обычно учитываются при исследованиях стресса и его преодоления, а именно: жизненные изменения, когнитивную оценку стресса, подходы к преодолению стресса, личностные факторы и социальную поддержку. Другие сосредоточились на переменных, специфических для кросс-культурного перемещения и адаптации, таких как культурная идентичность и тип группы, усваивающей новую культуру. И все же многие явно попытались найти связи между тремя важнейшими теоретическими подходами к аккультурации и стали рассматривать такие переменные, как ощущение дискриминации, социально-культурная адаптация и стратегии усвоения новой культуры как прогностические факторы или корреляты психологической адаптации. Эти факторы рассматриваются ниже.

Перспективы психологической адаптации

Жизненные изменения

Подход к аккультурации с точки зрения стресса и его преодоления рассматривает последствия кросс-культурного перемещения как ряд стрессовых жизненных изменений, требующих мобилизации адаптивных ресурсов и обязательной ответной реакции. Следовательно, важной особенностью этого подхода является оценка значимых для жизни событий (Holmes & Rahe, 1967). Масуда с соавторами (Masuda, Lin & Tazuma, 1982) изучали вьетнамских беженцев в США сразу по прибытии и год спустя. Авторы говорят о том, что между жизненными изменениями и психологическим и психосоматическим недомоганием наблюдалась заметная связь в первом и во втором случае (0,27 и 0,15 соответственно). Корреляция подобного

Рис. 20.2. Стресс и совладание с ним в исследовании аккультурации.

рода (0,19 и 0,28) была обнаружена при проведении исследований, в ходе которых Уорд и ее коллеги изучали малазийских, сингапурских и новозеландских студентов за рубежом (Searle & Ward, 1990; Ward & Kennedy, 1993b, 1993c).

Очевидно, что существует устойчивая, умеренная позитивная корреляция жизненных изменений и психологических симптомов, однако такие изменения определяют лишь малую долю (обычно меньше 10 %) изменений общего психологического благополучия временных поселенцев и беженцев. Одна из причин этого — очевидные и существенные индивидуальные различия в когнитивной оценке этих изменений. Обработка индивидом информации о возможных факторах стресса происходит по-разному. В одном случае потенциальный фактор стресса может восприниматься как несущий угрозу; в другом случае он может восприниматься как стимул, требующий напряжения сил. Помимо индивидуальных различий, существуют и другие культурные факторы, которые, судя по всему, влияют на когнитивную оценку стресса.

Когнитивная оценка и стратегия преодоления стресса

Очевидно, на когнитивную оценку потенциальных факторов стресса индивидом, усваивающим новую культуру, оказывают влияние различные социальные и ситуационные факторы, в том числе различные аспекты аккультурационного опыта. Ценг и Берри, например (Zheng & Berry, 1991), занимались изучением оценки потенциальных факторов стресса китайцами, временно находящимися в Канаде, а также канадцами китайского и не китайского происхождения. Временные поселенцы, как правило, воспринимали проблемы, связанные с языком, коммуникацией, дискриминацией, тоской по родине и одиночеством, более остро, чем канадцы китайского и не китайского происхождения. Подобная тенденция наблюдалась и при исследовании Чатауэй и Берри (Chataway & Berry, 1989) китайцев из Гонконга и франко- и англоязычных канадцев.

Когнитивная оценка факторов стресса, стратегия его преодоления и результаты ее применения могут также варьировать в зависимости от различий в ожиданиях мигрантов. Ожидания лежат в основе когнитивной оценки стрессовых ситуаций. Кроме того, они являются критерием оценки опыта и поведения. Некоторые исследователи считают, что реалистические ожидания (то есть соответствующие имеющемуся опыту) облегчают процесс адаптации. Других исследователей интересуют в первую очередь последствия ошибочных ожиданий. Вайсман и Фернхэм (Weissman & Furnham, 1987), например, полагают, что чем больше расхождения между ожиданиями и опытом, тем с большим количеством проблем сталкиваются американцы, переехавшие в Великобританию, в процессе психологической адаптации.

Более сложный подход к изучению расхождений между опытом и ожиданиями учитывает не только направленность, но и степень несоответствия ожиданий опыту. В этом случае проводится различие между заниженными и завышенными ожиданиями. Первые имеют место в ситуации, когда опыт оказывается более позитивным, чем ожидания; последние — когда опыт более негативен, чем ожидалось. Работая в этом направлении, Блэк и Грегерсен (Black & Gregersen, 1990) обнаружили, что заниженные в целом ожидания американских менеджеров по отношению к жизни в Японии сопровождаются растущей удовлетворенностью жизнью и сниже-

нием вероятности преждевременного отъезда. Данные подобного рода приводят Кеннеди (Kennedy, 1999); Мартин с соавторами (Martin, Bradford & Rohrlich, 1995); а также Роджерс и Уорд (Rodgers & Ward, 1993) в своих исследованиях иностранных студентов.

Несмотря на общий интерес к стрессу и его преодолению и наличие связанных с этой темой исследований когнитивной оценки и ожиданий, относительно немногие опубликованные работы были посвящены изучению стратегий преодоления стресса в процессе адаптации временных поселенцев, иммигрантов и беженцев. Первой работой такого рода было исследование Чатауэй и Берри (Chataway & Berry, 1989), которые изучали подходы к преодолению стресса, уровень удовлетворенности и психологического недомогания у китайских студентов в Канаде. Они приводят сведения о том, что позитивно мыслящие китайские студенты испытывали более глубокое удовлетворение от своих способностей к преодолению стресса, те же, кто держался замкнуто и отстраненно, принимая желаемое за действительное, были не удовлетворены своей способностью к преодолению проблем. Однако было обнаружено, что лишь отчужденность оказывает заметное влияние на обострение психологических и психосоматических симптомов.

В процессе дальнейших исследований Уорд и Кеннеди (Ward & Kennedy, *в печати*) изучали стратегии преодоления стресса и психологическую адаптацию у британских экспатриантов в Сингапуре. Они выявили четыре основных стиля преодоления стресса: наступление (планирование, сворачивание прочей деятельности и активное преодоление), избегание (игнорирование на поведенческом уровне, отрицание, излияния и отсутствие позитивной интерпретации), принятие (признание проблемы и сдержанная реакция на нее) и поиск социальной поддержки (стремление найти эмоциональную и практическую поддержку). Исследование показало, что стратегия наступления связана со снижением уровня депрессии у британских экспатриантов. При этом стратегия избегания связана с более острыми проявлениями депрессии. Подобные данные были получены в ходе исследования Берно и Уорд (Berno & Ward, 1998) иностранных студентов в Новой Зеландии и исследования Кеннеди (Kennedy, 1998) сингапурских студентов за рубежом.

Большей частью данные исследований стратегий преодоления стресса кросс-культурного перемещения аналогичны данным прочей литературы по стрессу и его преодолению. Карвер, Шайер и Вайнтрауб (Carver, Scheier & Weintraub, 1989), например, подчеркивают функциональные аспекты непосредственного, нацеленного на действие копинг-поведения, подвергая сомнению перспективы безучастного поведения. Однако речь не идет о том, что конкретные стратегии преодоления стресса обладают универсальной эффективностью или что культурные факторы не оказывают влияния на результаты адаптации. Так, Кросс (Cross, 1995) высказывает предположение о возможности кросс-культурных вариаций эффективности различных стратегий копинг-поведения.

Теория и экспериментальные исследования в этом направлении начинаются с разграничения первичных и вторичных стратегий преодоления стресса. Первичные стратегии представляют собой непосредственные действия; это открытое, сориентированное на выполнение определенной задачи поведение, направленное на устранение нежелательных характеристик вызывающего стресс окружения. Вто-

ричные стратегии, в отличие от первичных, носят скорее когнитивный, чем поведенческий, характер; они направлены прежде всего на изменение восприятия и оценки стрессовых событий и ситуаций. Проще говоря, первичные стратегии предполагают изменение окружения, чтобы привести его в соответствие с Я, тогда как вторичные стратегии предполагают изменение эго для приведения его в соответствие с окружением. Кросс (Cross, 1995) высказывает предположение, что первичные стратегии, или стратегии непосредственного преодоления проблем, предпочтительнее в индивидуалистических культурах, в то время как вторичные, или опосредованные, механизмы воздействия являются более распространенной стратегией адаптации в коллективистских культурах. Исследуя стресс и его преодоление у восточно-азиатских и американских студентов в США, Кросс предположила, и полученные данные подтвердили ее предположение, что установка на непосредственное преодоление проблем в процессе обучения связана со снижением стресса у азиатских студентов.

Уорд и ее коллеги решили более основательно исследовать эти проблемы в условиях более высокого уровня коллективизма, изучая стресс, преодоление проблем, связанных с кросс-культурным перемещением и психологическую адаптацию иностранных студентов в Сингапуре (Ward, Leong & Kennedy, 1998). Результаты исследования показали, что вторичные механизмы копинг-поведения (то есть принятие, позитивная реинтерпретация и развитие) являются прогностическими факторами снижения уровня стресса, которое, в свою очередь, ведет к снижению уровня депрессии. Первичные стратегии (то есть активное планомерное преодоление проблем), напротив, не оказывает непосредственного влияния на стресс. Такие данные были получены как в Восточной Азии, так и в группах европейско-американского населения в Сингапуре.

Работы Кросс (Cross, 1995) и Уорд и ее коллег говорят о том, что, судя по всему, для каждой культуры существует свои модели копинг-поведения и адаптации; однако делать однозначные выводы пока преждевременно. Может оказаться, что для преодоления по крайней мере отдельных проблем, связанных с кросс-культурным перемещением, более эффективна и адекватна тактика, предполагающая опосредованное воздействие. Одним словом, тот, кто оказывается в условиях чужой культуры, бессилен изменить ее, при этом во многих случаях ресурсы, необходимые для изменения неблагоприятных характеристик окружающей среды, ограничены. При таких условиях стратегии когнитивной адаптации могут быть более эффективными для преодоления стресса. В любом случае, необходимы дальнейшие исследования связи культуры, копинг-поведения и психологической адаптации в процессе кросс-культурных перемещений.

Личность

Несмотря на обилие теорий, касающихся влияния авторитаризма, консерватизма и этноцентризма на межкультурные контакты (например, Locke & Feinsod, 1982), основное внимание в ходе кросс-культурных исследований личности и адаптации уделялось локализации контроля (Dyal, 1984; Kuo & Tsai, 1986; Lu, 1990). Первые исследования этой темы, как и более поздние, говорят о том, что внутренняя локализация контроля облегчает кросс-культурную адаптацию; с другой стороны,

внешняя локализация связана с симптомами психологического недомогания. Так, Куо, Грэй и Лин (Kuo, Gray & Lin, 1976) обнаружили, что внешняя локализация контроля является более значимым прогностическим фактором психиатрических симптомов у китайских иммигрантов в США, чем демографические, социально-экономические или связанные с жизненными изменениями факторы. Дайал с соавторами (Dyal, Rybensky & Somers, 1988), изучавшие локализацию контроля у женщин индийского и европейского происхождения, говорят о связи между внешними реакциями, депрессией и жалобами психосоматического характера. Та же модель наблюдалась в ходе недавней работы Уорд с соавторами (Ward, Chang & Lopez-Nerney,1999) с филиппинскими домработницами в Сингапуре. Исследование Зейгеля (Seigel, 1988) показывает, что низкий уровень удовлетворенности жизнью связан с внешней локализацией контроля у корейских иммигрантов в США, аналогичные данные были получены в ходе исследования Нето (Neto, 1995) второго поколения португальских иммигрантов во Франции. Исследования иностранных студентов в США, Новой Зеландии и Сингапуре выявляют те же тенденции (Hung, 1974; Ward & Kennedy, 1993b, 1993c).

Исследования экстраверсии дают менее однозначные результаты. В ходе этих исследований выявлялась позитивная, негативная и слабо выраженная связь между экстраверсией и адаптацией временных поселенцев (Armes & Ward, 1980; Padilla, Wagatsuma & Lindholm, 1985; Searle & Ward, 1990; Van den Broucke, De Soete & Bohrer, 1989). Пытаясь объяснить столь противоречивые данные, Уорд и Чанг (Ward & Chang, 1997) выдвинули гипотезу соответствия культуре. Они подчеркивают важность взаимодействия Личность × Ситуация и высказывают предположение, что во многих случаях прогностическим фактором адаптации являются не характеристики личности, но соответствие этих характеристик нормам принимающей культуры. Для проверки этой гипотезы была обследована выборка американцев в Сингапуре, при этом показатели экстраверсии по Личностному опроснику Айзенка сравнивались с данными о нормативных требованиях местной культуры. Хотя сама по себе экстраверсия не была связана с психологическим благополучием, у тех американцев, чьи показатели меньше отличались от сингапурской нормы, проявления депрессии были менее выраженными, что позволяет сделать предварительные выводы в пользу гипотезы соответствия культуре.

Другие факторы личностного характера, обнаружившие связь с общей адаптацией, психологическим благополучием или удовлетворенностью жизнью, были: гибкость (Berno & Ward, 1998; J. T. Gullahorn & Gullahorn, 1962; Ruben & Kealey, 1979); терпимость к неопределенности (Cort & King, 1979); выносливость (Ataca, 1996); самообладание (Sam, 1998); самоэффективность и самоконтроль (Harrison, Chadwick & Scales, 1996). Среди факторов, вызывавших проблемы психологической адаптации, упоминался авторитаризм; снижение удовлетворенности жизнью связывалось с догматизмом (Taft & Steinkalk, 1985); а высокий уровень тревожности связывался со сложностями в атрибуции (C. W. Stephan & Stephan, 1992). Попытки исследования таких личностных параметров, как невротическое и психотическое состояние, предложенных Айзенком, показали, как и ожидалось, что оба состояния связаны с проблемами в ходе психологической адаптации при кросс-культурных перемещениях (Ditchburn, 1996; Furukawa & Shibayama, 1993).

Социальная поддержка

В литературе по вопросам стресса и его преодоления социальная поддержка рассматривается как один из основных факторов, способствующих успешной психологической адаптации (Fontaine, 1986) и сохранению психического здоровья (Schwarzer, Jerusalem & Hahn, 1994) в процессе кросс-культурных перемещений. Наличие социальной поддержки имеет негативную корреляцию с симптоматикой психических заболеваний у иммигрантов и беженцев (например, Biegel, Naparstek & Khan, 1980; Lin, Tazuma & Masuda, 1979); ее отсутствие повышает вероятность физических и психических заболеваний в процессе кросс-культурных перемещений (Hammer, 1987).

Существуют различные источники социальной поддержки, которые включают семью, друзей и знакомых. Некоторые исследователи подчеркивают значение семьи и считают основным источником социальной поддержки супружеские отношения. Найдо (Naidoo, 1985), например, приводит сведения о том, что иммигрантки из Азии, проживающие в Канаде, испытывают значительно меньший стресс, когда они имеют заботливого мужа, а Стоун Файнштейн и Уорд (Stone Feinstein & Ward, 1990) обнаружили, что один из самых важных прогностических факторов психологического благополучия американок, проживающих в Сингапуре, — это качество супружеских отношений. При этом проблемы в браке могут обострить психологические трудности. Атака (Ataca, 1996) отмечает, что факторы стресса, вызванные браком, тесно связаны с проблемами психологической адаптации, включая тревожность, депрессию, жалобы психосоматического характера и общую неудовлетворенность, у турецких иммигрантов в Канаде. Данные такого рода не являются неожиданностью, поскольку гармония/напряженность супружеских отношений влияют на психологическое благополучие/нездоровье и в рамках одной культуры.

При рассмотрении такого источника социальной поддержки, как друзья и знакомые, вопрос о преимуществах поддержки со стороны соотечественников или местного населения является спорным. Некоторые исследования говорят о том, что поддержка со стороны соотечественников является самым важным источником поддержки как для иммигрантов, так и для временных поселенцев (Berry et al., 1987; Sykes & Eden, 1987; Ward & Kennedy, 1993c; Ying & Liese, 1991). Безусловно, те, кто находится в подобном положении (то есть имеет сходный опыт), могут быть источником полезных сведений о том, как преодолеть проблемы, возникающие в новой обстановке; кроме того, общение с ними имеет определенные эмоциональные преимущества, способствуя эмоциональному катарсису и давая возможность поделиться разочарованиями в отношении жизни в новом окружении (Adelman, 1988). Однако существование культурных анклавов может препятствовать стремлению к ассимиляции с местным населением. В этом случае может иметь место «эффект заражения», который препятствует приобретению функциональных навыков решения проблем индивидами, прочно связанными отношениями взаимозависимости, испытывающими при этом стресс и чувство опасности. Постоянное сочувствие со стороны группы поддержки к тем, кто испытывает стресс, в условиях нестабильности может привести к их деморализации, созданию обстановки «тонущего корабля». Свидетельствами этого являются исследование африканских студентов в США (Pruitt, 1978), показавшее, что в целом уровень адаптации был

ниже у тех студентов, кто более интенсивно общался со своими соотечественниками и проводил больше свободного времени с африканцами, и исследование (Richardson, 1974) британских иммигрантов в Австралии, которое показало, что неудовлетворенные жизнью иммигранты имеют больше друзей среди соотечественников и меньше — среди местного населения.

В то время как анклавы экспатриантов могут функционировать как активы или пассивы, взаимоотношения с прочими группами, в особенности с представителями доминирующей культурной группы, тоже оказывают влияние на результат адаптации.

Некоторые исследователи рассматривают качество этих отношений. Наличие друзей среди местного населения сокращает количество психологических проблем у иммигрантов (Furnham & Li, 1993), а удовлетворенность взаимоотношениями с местным населением позитивно связана с психологическим благополучием временных поселенцев (Searle & Ward, 1990; Stone Feinstein & Ward, 1990; Ward & Kennedy, 1993b). Удовлетворение от контактов с местным населением определяет более высокий уровень общей удовлетворенности кросс-культурным перемещением у иностранных студентов, включая как обучение, так и то, что с ним не связано (Klineberg & Hull, 1979). Другие авторы подчеркивают важность частоты взаимодействий с представителями доминирующей культуры, в некоторых случаях даже полагая, что широта таких контактов является предпосылкой адаптации временных поселенцев. Ряд исследований подтверждает взаимосвязь между количеством социальных контактов с местным населением и показателями общей адаптации или удовлетворенности у иммигрантов и временных поселенцев (Berry et al., 1987; J. E. Gullahorn & Gullahorn, 1966; Lysgaard, 1955; Pruitt, 1978; Selltiz, Christ, Havel & Cook, 1963; Sewell & Davidsen, 1961).

В целом, очевидно, что поддержка как со стороны соотечественников, так и со стороны местного населения оказывает влияние на психологическое благополучие временных поселенцев. Это подтвердили Фернхэм с соавторами (Furnham & Alibhai, 1985) в своем исследовании иностранных студентов в Великобритании и Уорд (Ward & Rana-Deuba, 2000) при изучении разнорабочих разных национальностей в Непале. Эти данные говорят о том, что эффективную поддержку могут оказывать как соотечественники, так и местное население, при этом некоторые исследователи обращают большее внимание на адекватность, чем на источник поддержки, а также на ее влияние на кросс-культурную адаптацию. Одиночество, как правило, считается негативным следствием кросс-культурного перемещения (Pruitt, 1978; Sam & Eide, 1991; Zheng & Berry, 1991) и связано с различными проявлениями психологического недомогания, в том числе эмоциональной нестабильностью (Stone Feinstein & Ward, 1990; Ward & Searle, 1991), снижением удовлетворенности жизнью (Neto, 1995) и неудовлетворенностью своей способностью к преодолению проблем (Chataway & Berry, 1989).

Ощущение дискриминации

Выявляется связь между ощущением дискриминации и нежеланием идентифицировать себя с новой культурой (Mainous, 1989). Это ощущение имеет разного рода негативные последствия, включая повышение уровня стресса (Vega, Khoury,

Zimmerman, Gil & Warheit, 1991), асоциальное поведение, например употребление наркотиков, и совершение преступлений (Vega, Gil, Warheit, Zimmerman & Apospori, 1993) и конфликт идентичностей (Leong & Ward, 2000). Связь между ощущением дискриминации и проблемами психологической адаптации наблюдалась у разных групп, включая турецких мигрантов в Канаде (Ataca, 1996), временных поселенцев из США в Сингапуре (Ward & Chang, 1994), иностранных студентов в Новой Зеландии (Berno & Ward, 1998) и мигрантов азиатского происхождения в Великобритании (Furnham & Shiekh, 1993). Однако на психологические, социальные и культурные последствия ощущения дискриминации оказывают опосредующее влияние другие факторы, такие как проницаемость границ группы и ощущение угрозы (например, Pelly, 1997).

Модели аккультурации

Многие исследования посвящены связи между аккультурацией и психическим здоровьем или нездоровьем; однако их результаты неоднозначны. Исследования показали, что аккультурация связана как с усилением стресса (Singh, 1989), так и со снижением стресса (Padilla et al., 1985); подобным образом, было обнаружено, что усвоение новой культуры может быть связано как с усилением депрессии (Kaplan & Marks, 1990), так и со снижением уровня депрессии (Ghaffarian, 1987; Torres-Rivera, 1985). По-видимому, причиной столь противоречивых данных являются различные модели и критерии оценки аккультурации, описанные выше, хотя ряд исследователей полагает, что опосредующее влияние на эффект аккультурации оказывают такие переменные, как возраст (Kaplan & Marks, 1990), гендер (Mavreas & Bebbington, 1990) и религия (Neffe & Hoppe, 1993). Судя по всему, столь разнородные данные объясняются отчасти опосредующими факторами и различиями в критериях оценки.

Несколько меньшее, хотя в целом и значительное, число исследований при оценке взаимосвязи аккультурации и стресса опиралось прежде всего на модель Берри (Berry, 1974, 1984, 1994). Исследования корреляции на основе более ранних исследований коренного населения и иммигрантов в Канаде свидетельствуют о позитивной связи между интеграцией, ассимиляцией и адаптацией. Сепарация и маргинализация, напротив, связаны с психологической дезадаптацией и психосоматическими проблемами (Berry et al., 1987; Berry & Annis, 1974; Berry, Wintrob, Sindell & Mawhinney, 1982). Более поздние исследования расширили внешнюю валидность приведенных данных. Эти исследования сделали шаг вперед, используя более широкий диапазон индикаторов адаптации, включая систему измерений самооценки, тревожности, депрессии, аккультурационного стресса, клинической психопатологии, уровня общей удовлетворенности и удовлетворенности жизнью. Кроме того, они проводились на базе более разнообразных выборок мигрантов (например, временные поселенцы и беженцы) и более широкого диапазона культурных условий с разным уровнем культурного плюрализма (Ataca, 1996; Dona & Berry, 1994; Partridge, 1988; Pawliuk et al., 1996; Phinney, Chavira & Williamson, 1992; Sam, 2000; Sam & Berry, 1995; Sands & Berry, 1993; Ward & Kennedy, 1994; Ward & Rana-Deuba, 1999). Одним из самых интересных исследований такого рода было

исследование Шмица (Schmitz, 1992), где приведены сведения о том, что интеграция снижает вероятность невротических и психотических состояний, а сепарация ведет к повышению вероятности таких состояний и уровня тревожности у мигрантов из Восточной Германии в Западной Германии. Он считает также, что ассимиляция связана с ослаблением иммунной системы, а сепарация — с сердечно-сосудистыми заболеваниями, наркоманией и алкоголизмом.

Тип группы и усвоение культуры

Несмотря на то что исследования часто свидетельствуют о том, что у временных поселенцев, иммигрантов и беженцев возникает больше психологических и социально-культурных проблем, связанных с адаптацией, чем у местного населения (Chataway & Berry, 1989; Furnham & Bochner, 1982; Furnham & Tresize, 1981; Sam, 1994; Zheng & Berry, 1991), систематических исследований психологической адаптации мигрантов, принадлежащих к разным группам, было немного. Исключением является исследование Берри и соавторов (Berry et al., 1987), посвященное сравнению уровня стресса, вызванного усвоением новой культуры (речь идет о психологических и психосоматических симптомах), у беженцев, временных поселенцев, иммигрантов, коренных жителей и этнических групп в отличающемся культурным многообразием обществе. Данные исследования говорят о том, что самый высокий уровень аккультурационного стресса испытывает коренное население и беженцы, самый низкий уровень стресса — у иммигрантов и представителей этнических групп, а временные поселенцы имеют промежуточные показатели. Поскольку беженцам и коренному населению часто приходится переживать насильственное переселение, решение о котором принимается другими людьми, неудивительно, что уровень стресса у них значительно выше, чем у иммигрантов, временных поселенцев и этнических групп, которые самостоятельно и не по принуждению принимают решение о перемещении и/или о межкультурных контактах. Данные о том, что уровень психологического недомогания и функциональных нарушений у беженцев выше по сравнению с другими группами, находящимися в процессе усвоения новой культуры, подтверждаются в разных культурах (Pernice & Brook, 1994; Wong-Rieger & Quintana, 1987), что согласуется с анализом географических перемещений добровольного/вынужденного характера. Так, в 1988 году Ким (U. Kim, 1988) обнаружил, что люди, перемещение которых носит вынужденный характер, испытывают больше трудностей в ходе психологической адаптации. Кроме того, стоит отметить, что беженцам часто приходится испытывать сильный стресс, предшествующий миграции, и этот опыт носит характер травмы, что тоже может сказываться на последующей адаптации (Tran, 1993).

Психологическая и социально-культурная адаптация

Психологическая и социально-культурная адаптация представляют собой взаимодополняющие сферы (домены) межкультурной адаптации. Как они связаны между собой? Литература по традиционной психологии давно признала взаимосвязь аспектов поведения, связанных с преодолением стресса, и социальных навыков. Фолкман, Шеффер и Лазарус (Folkman, Schaeffer & Lazarus, 1979), занимаясь ис-

следованием стресса и его преодоления, подчеркивали, что способность справиться со стрессовыми обстоятельствами предполагает практический контроль ситуации, а также сохранение личностной целостности и нравственности. Трауэр с соавторами (Trower et al., 1978) констатировали связь между социальными навыками и психологической адаптацией, отмечая, что причиной возникновения или обострения ряда проблем адаптации может быть недостаточная компетентность в области социальных навыков. Они подчеркивают, что в то время как социальная неадекватность ведет к изоляции и вызывает психологические нарушения, имеет место и обратная связь, поскольку психологическое недомогание отражается на поведении, в том числе на различных социальных навыках и взаимодействиях.

Эмпирические исследования данных конструктов подтверждают наличие взаимосвязи между ними. У разных групп испытуемых, среди которых были иностранные студенты, дипломаты, разнорабочие и бизнесмены, Уорд и ее коллеги последовательно выявляли наличие позитивной взаимосвязи (от 0,20 до 0,62 со средней корреляцией 0,32) между психологической и социально-культурной адаптацией (Ward & Kennedy, 1999). Кроме того, они отмечают, что значительность такой взаимосвязи может быть разной. Есть данные о том, что эта взаимосвязь сильнее в условиях, предполагающих более высокий уровень социальной и культурной интеграции. Например, взаимосвязь между психологической и социально-культурной адаптацией у временных поселенцев, которые в культурном отношении ближе к местному населению, является более выраженной; у групп, ведущих оседлый образ жизни эта связь более устойчива, чем у тех, кто прошел через процесс кросс-культурного перемещения; эта связь делается более выраженной с течением времени; она более устойчива у тех, кто в процессе аккультурации избирает стратегию ассимиляции или интеграции, по сравнению с теми, кто сориентирован на сепарацию и маргинализацию (Kennedy, 1999; Ward, Okura, et al., 1998; Ward & Kennedy, 1996a, 1996b; Ward & Rana-Deuba, 1999).

Подведение итогов, оценки и направления будущей работы

Подход к кросс-культурному перемещению с точки зрения стресса и его преодоления считает кросс-культурное перемещение и процесс последующей адаптации значимыми жизненными событиями, которые являются по своей сути факторами стресса и требуют соответствующей реакции для преодоления проблем, возникающих в новых, отличающихся от прежних, условиях. Данный подход позаимствован из теоретических разработок и эмпирических исследований традиционной психологии. Поэтому закономерно, что данные исследований аккультурации в целом не отличаются от данных в других областях психологии. Факторы, благоприятствующие кросс-культурному перемещению, включают в себя адаптивные характеристики личности и социальную поддержку; помехой могут служить стратегии избегания, препятствующие успешной адаптации. На психологическое благополучие иммигрантов, беженцев и временных поселенцев влияют и такие связанные с кросс-культурным перемещением факторы, как культурная идентичность и аккультурационные стратегии.

По всей вероятности, в следующем десятилетии в исследованиях кросс-культурного перемещения и психологической адаптации большее внимание будет уделяться личности и стратегиям копинг-поведения. Что касается личности, пришло время исследовать «Большую пятерку» личностных параметров в связи с адаптацией временных поселенцев, иммигрантов и беженцев (Costa, McCrae, 1989). В связи со второй группой проблем исследователи должны более детально проанализировать модели копинг-поведения при кросс-культурном перемещении (например, сосредоточение на проблемах и сосредоточение на эмоциях, действие и избегание, первичный и вторичный контроль). Хотя в литературе по адаптации традиционного направления этим моделям уделяется достаточно пристальное внимание и они являются ядром стратегий копинг-поведения при кросс-культурном перемещении и последующей адаптации (например, Carver et al., 1989; Folkman & Lazarus, 1985; Weisz, Rothbaum & Blackburn, 1984), в контексте изменений культурного окружения сделано в этой области очень мало. В любом случае можно ожидать, что гипотеза культурного соответствия будет играть более заметную роль в эмпирических исследованиях иммиграции и адаптации. Способствуют ли определенные личностные характеристики адаптации в любом случае, или это зависит от культурного контекста? Избирают ли определенные стратегии копинг-поведения временные поселенцы, иммигранты и беженцы, или эффективность копинг-поведения определяется психологическими, социальными и поведенческими характеристиками принимающей культуры? Эти вопросы заслуживают более серьезного рассмотрения в ходе будущих исследований.

В целом, подход с точки зрения стресса и его преодоления представляется самым широким и гибким подходом к аккультурации. Так, если обратиться к схеме Берри (Berry, 1997), то легко понять, какую роль играют поведенческие и когнитивные факторы в процессе усвоения новой культуры. Например, стратегии аккультурации и ощущение дискриминации упоминаются в качестве опосредующих факторов усвоения новой культуры. Подобным образом, приверженцы подхода к межкультурным контактам с точки зрения научения культуре уделяют особое внимание культурной дистанции, которая также влияет на результаты адаптации. Благодаря возможностям интеграции, подход с точки зрения стресса и его преодолении, судя по всему, получит наибольшее распространение при исследованиях кросс-культурной адаптации. Ряд самых современных исследовательских проектов, включая лонгитюдные исследования и моделирование причинных связей, осуществляется именно в этом направлении (например, Kennedy, 1998).

Заключительные комментарии

Берри и Сэм (Berry & Sam, 1997) определяют аккультурацию как одно из наиболее сложных исследовательских направлений в кросс-культурной психологии, и на основании представленного обзора теорий и исследований нетрудно понять, почему. Данная область чрезвычайно обширна, и по мере роста культурного многообразия общества она становится все шире и шире. Учитывая неоднородность и широту данной области, эта глава начинается с основных дефиниций и категорий.

Во-первых, аккультурация была определена как изменения, происходящие в результате продолжительных непосредственных контактов с представителями иной культуры. Во-вторых, было проведено разграничение между усвоением новой культуры индивидами, которые прошли через кросс-культурное перемещение, и усвоением культуры теми, кто ведет оседлый образ жизни, после чего бы дан обзор соответствующих исследований, касающихся лишь тех, кто совершил кросс-культурное перемещение: иммигрантов, временных поселенцев и беженцев. В-третьих, были рассмотрены результаты аккультурации, связанные с адаптацией, с акцентом на характерных особенностях психологической и социально-культурной адаптации. В-четвертых, были выявлены моменты сходства и различия при рассмотрении соответственно аффективных, поведенческих и когнитивных аспектов аккультурационного опыта. Первый теоретический подход, подход с точки зрения социальной идентификации выдвигает на первый план отдельные составляющие социальной идентичности, в первую очередь идентификацию с унаследованной и новой культурой, взаимоотношения между группами и взаимное восприятие группами друг друга; второй подход, подход с точки зрения научения культуре, подчеркивает значимость культурных навыков и вводит конструкт социально-культурной адаптации; а третий подход, подход с точки зрения стресса и его преодоления, акцентирует эмоциональные составляющие аккультурации, в первую очередь, психологическую адаптацию в процессе кросс-культурного перемещения. Была предпринята попытка показать взаимосвязь разных аспектов и составляющих усвоения новой культуры и интегрировать, насколько возможно, теорию аккультурации и эмпирические исследования в этой области.

Интеграция теории и эмпирических исследований в области аккультурации, без сомнения, может внести вклад в дальнейшее развитие этого направления; однако в заключение следует предостеречь честолюбивых специалистов в области кросс-культурной психологии: не следует ожидать, что аккультурационный процесс и его результаты универсальны. Условия, в которых происходят межкультурные контакты, могут играть роль опосредующих факторов. Какова государственная политика в отношении расовой, этнической и культурной принадлежности? Общество, которому присуще культурное многообразие, придерживающееся политики культурного плюрализма, предоставляет более широкие возможности аккультурации, чем общество, сориентированное на ассимиляцию (Berry, 1997; Sam, 1995). Свободное общество (то есть такое, которое допускает различные взгляды на то, что представляет собой адекватное поведение и гибко подходит к вопросу о том, в какой степени индивиду следует придерживаться конвенциональных норм и ценностных ориентаций) по сравнению с обществом с жесткой системой норм не предполагает строгих ограничений в отношении социальной идентичности и аккультурационных стилей для иммигрантов, временных поселенцев и беженцев (Triandis, 1997). Насколько далека в культурном отношении группа мигрантов от представителей принимающей культуры? Культурные различия, как и ощущение дискриминации, препятствуют ассимиляции, особенно если речь идет о представителях явного меньшинства (Lalonde & Cameron, 1993; Richman, Gaviria, Flaherty, Birz & Wintrob, 1987). Кроме того, они повышают вероятность проблем психологической и соци-

ально-культурной адаптации. Не стоит забывать, что «культура» при исследованиях аккультурации не сводится к различиям, существующим в рамках одного общества. Важную роль играют и различия внутри групп мигрантов и принимающего общества.

По мере интеграции существующей теории и экспериментальных исследований должен развиваться подлинно кросс-культурный подход. В одной из своих ранних работ Берри (Berry et al., 1987) предложил объединить исследования по аккультурации в широкую программу исследований, предусматривающую систематические сравнения иммигрантов, беженцев и временных поселенцев (армян, бенгальцев, китайцев...) в различных культурных контекстах (Австралия, Бразилия, Канада...). Это позволило бы получить чрезвычайно ценные данные, принимая во внимание демографические факторы и огромное кросс-культурное многообразие. Систематизация и интерпретация таких данных представляла бы весьма сложную задачу; однако существуют несколько достаточно широких концептуальных схем, которые могли бы послужить отправной точкой для более систематических сравнений разных культур.

На основе своего исследования в 40 странах Хофстеде (Hofstede, 1980) выявил и оценил четыре параметра: индивидуализм, дистанция по отношению к власти, избегание неопределенности и маскулинность. Он подсчитал средние показатели каждого из этих параметров для стран-участниц. Эти показатели могут служить основанием формирования выборок для тестирования гипотез в процессе кросс-культурных сравнений.

Так, например, представители индивидуалистических культур, возможно, лучше подготовлены к кросс-культурным перемещениям, поскольку они более общительны и легче вступают в контакт с новыми людьми, чем представители коллективистских культур; однако здесь имеет значение и направление кросс-культурного перемещения. Если индивидуалист оказывается в коллективистской культуре, где разграничение между мы-группой и они-группой является более резким, ему будет непросто принять это, и адаптация вызовет больше проблем. С другой стороны, для коллективиста, который имеет прочные связи с мы-группой, в первую очередь с семьей, может оказаться более сложным самостоятельное решение о кросс-культурном перемещении. Однако, если при этом в принимающем обществе имеется значительная группа его соотечественников, эта группа может оказать коллективисту более надежную социальную поддержку, чем могла бы оказать подобная группа представителю индивидуалистической культуры. Это всего лишь предположение об особенностях кросс-культурных перемещений; однако эти гипотезы можно будет проверить, если исследователи смогут создать широкую кросс-культурную базу данных для систематических сравнений.

Альтернативные схемы для анализа особенностей культуры и их значения для кросс-культурного перемещения и адаптации были предложены Триандисом и Шварцем. Как и Хофстеде, Триандис (Triandis, 1989) признает важность индивидуализма и коллективизма, но, кроме того, он рассматривает различия между простыми и сложными обществами, свободной и жестко регламентированной культурой. В контексте исследований аккультурации были получены данные, свидетельствую-

щие о том, что временные поселенцы предпочитают развитые страны (Torbiorn, 1982; Yoshida, Sauer, Tidwell, Skager & Sorenson, 1997), которые можно определить как более сложные общества; однако более обширные и разнообразные данные позволили бы осуществить более систематическое сравнение этого параметра.

Шварц (Schwartz, 1994), также занимавшийся изучением структуры ценностных ориентаций, в ходе исследования 44 культур выявил четыре основных параметра, связанных с ценностными ориентациями. Эти параметры включают: готовность к изменениям (стимуляция, саморегуляция), самотрансцендентность (*self-transcendence*) (универсализм, доброжелательность), сохранение (безопасность, конформизм/приверженность традициям) и самоутверждение (достижения, власть). Особый интерес для исследователей аккультурации представляет гипотеза Шварца о том, что универсализм, доброжелательность и стимуляция позитивно связаны с готовностью к контактам с они-группой, тогда как безопасность, приверженность традициям и конформизм связаны с нею негативно. Если это так, мы можем ожидать, что эти факторы будут оказывать влияние на качество взаимоотношений иммигрантов и местного населения. И вновь можно сказать, что обширная база данных по разным культурам позволила бы осуществить широкую проверку гипотезы Шварца в связи с различными аспектами социальной идентичности.

Количество теоретических разработок и эмпирических исследований аккультурации в течение последних 30 лет растет по экспоненте. Появляются все более современные теории и все более сложные научные проекты, в том числе лонгитюдные исследования. В этих условиях эмпирические исследования позволяют получить более или менее последовательные данные, касающиеся азбуки аккультурации. Но несмотря на все это, отсутствуют систематические широкомасштабные сравнительные исследования. Оценивая теорию и эмпирические исследования аккультурации на рубеже веков, следует признать, что вклад специалистов, занимающихся кросс-культурными исследованиями, весьма значителен, но предстоит еще очень большая работа.

Литература

Aboud, F. (1987). The development of ethnic selfidentification and attitudes. In J. Phinney & M. Rotheram (Eds.), *Children's ethnic socialization: Pluralism and development* (pp. 32–55). Newbury Park, CA: Sage.

Adelman, M. B. (1988). Cross-cultural adjustment: A theoretical perspective on social support. *International Journal of Intercultural Relations, 12,* 183–205.

Adler, P. S. (1975). The transitional experience: An alternative view of culture shock. *Journal of Humanistic Psychology, 15,* 13–23.

Altrocchi, J. & Altrocchi, L. (1995). Polyfaceted psychological acculturation in Cook Islanders. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 426–440.

Amir, Y. & Ben-Ari, R. (1988). A contingency approach for promoting intergroup relations. In J. W. Berry & R. C. Annis (Eds.), *Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups and sojourners* (pp. 287–296). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Anderson, J., Moeschberger, M., Chen, M. S., Kunn, P., Wewers, M. E. & Guthrie, R. (1993). An acculturation scale for Southeast Asians. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 28,* 134–141.

Argyle, M. (1969). *Social interaction.* London: Methuen.

Argyle, M. (1975). *Bodily communication.* London: Methuen.

Argyle, M. (1982). Intercultural communication. In S. Bochner (Ed.), *Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction* (pp. 61–79). Oxford: Pergamon.

Argyle, M. & Kendon, A. (1967). The experimental analysis of social performance. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (*Vol. 3,* pp. 55–98). New York: Academic Press.

Armes, K. & Ward, C. (1989). Cross-cultural transitions and sojourner adjustment in Singapore. *Journal of Social Psychology, 12,* 273–275.

Ataca, B. (1996, August). *Psychological and socio-cultural adaptation of Turkish immigrants, Canadians and Turks.* Paper presented at the Thirteenth Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology, Montreal, Canada.

Aycan, Z. & Berry, J. W. (1994, July). *The influences of economic adjustment of immigrants on their psychological wellbeing and adapttion.* Paper presented at the Twelfth International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology, Pamplona, Spain.

Babiker, I. E., Cox, J. L. & Miller, P. M. (1980). The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultations, symptomatology and examination of performance of overseas students at Edinburgh University. Soda/ *Psychiatry, 15,* 109–116.

Barona, A. & Miller, J. A. (1994). Short Acculturation Scale for Hispanic Youth (SASH-Y): A preliminary report. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 16,* 155–162.

Beiser, M., Berwick, C., Berry, J. W., da Costa, G., Fantino, A., Ganesan, S., Lee, C., Milne, W., Naidoo, J., Prince, R., Tousignant, M. & Vela, E. (1988). *Mental health issues affecting immigrants and refugees.* Ottawa: Health and Welare Canada.

Benson, P. G. (1978). Measuring cross-cultural adjustment: The problem of criteria. *International Journal of Intercultural Relations, 2,* 21–37.

Berno, T. & Ward, C. (1998, April). *Psychological and sociocultural adjustment of international students in New Zealand.* Paper presented at the annual meeting of the Society of Australasian Social Psychologists, Christchurch, New Zealand.

Berry, J. W. (1974). Psychological aspects of cultural pluralism. *Topics in Culture Learning, 2,* 17–22.

Berry, J. W. (1984). Cultural relations in plural societies. In N. Miller & M. Brewer (Eds.), *Groups in contact* (pp. 11–27). New York: Academic Press.

Berry, J. W. (1994). Acculturation and psychological adaptation. In A. M. Bouvy, F. J. R. van de Vijver, P. Boski & P. Schmitz (Eds.), *Journeys into cross-cultural psychology* (pp. 129–141). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review, 46,* 5–34.

Berry, J. W & Annis, R. C. (1974). Acculturative stress. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 5,* 382–406.

Berry, J. W, Kim, U., Minde, T. & Mok, D. (1987). Comparative studies of acculturative stress. *International Migration Review, 21,* 491–511.

Berry, J. W., Kim, U., Power, S., Young, M. & Bujaki, M. (1989). Acculturation attitudes in plural societies. *Applied Psychology, 38,* 185–206.

Berry, J. W. & Sam, D. (1997). Acculturation and adaptation. In J. W. Berry, M. H. Segall & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 3. Social behavior and applications* (pp. 291–326). Boston: Allyn & Bacon.

Berry, J. W., Wintrob, R., Sindell, P. S. & Mawhinney, T. A. (1982). Psychological adaptation to culture change among the James Bay Cree. *Naturaliste Canadian, 109,* 965–975.

Biegel, D., Naparstek, A. & Khan, M. (1980, September). *Social support and mental health: An examination of interrelationships.* Paper presented at the Eighty-eighth Annual Convention of the American Psychological Association, Montreal, Canada.

Bird, A., Heinbuch, S., Dunbar, R. & McNulty, M. (1993). A conceptual model of the effects of area studies training programs and a preliminary investigation of the model's hypothesized relationships. *International Journal of Intercultural Relations, 17,* 415–435.

Black, J. S. & Gregersen, H. B. (1990). Expectations, satisfaction, and intention to leave of American expatriate managers in Japan. *International Journal of Intercultural Relations, 14,* 485–506.

Black, J. S. & Stephens, G. K. (1989). The influence of the spouse on American expatriate adustment in Pacific Rim overseas assignments. *Journal of Management, 15,* 529–544.

Bochner, S. (1972). Problems in culture learning. In S. Bochner & P. Wicks (Eds.), *Overseas students in Australia* (pp. 65–81). Sydney: University of New South Wales Press.

Bochner, S. (1982). The social psychology of cross-cultural relations. In S. Bochner (Ed.), *Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction* (pp. 5–44). Oxford, England: Pergamon.

Bochner, S. (1986). Coping with unfamiliar cultures: Adjustment or culture learning? *Australian Journal of Psychology, 38,* 347–358.

Bochner, S., Lin, A. & McLeod, B. M. (1979). Cross-cultural contact and the development of an international perspective. *Journal of Social Psychology, 107,* 29–41.

Bochner, S., McLeod, B. M. & Lin, A. (1977). Friendship patterns of overseas students: A functional model. *International Journal of Psychology, 12,* 277–297.

Breakwell, G. M. & Lyons, E. (Eds.). (1996). *Changing European identities: A social psychological analysis of social change.* Oxford, England: Butterworth-Heinemann.

Brewer, M. (1996). When contact is not enough: Social identity and intergroup cooperation. *International Journal of Intercultural Relations, 20,* 291–304.

Brislin, R. (1981). *Cross-cultural encounters.* New York: Pergamon.

Camilleri, C. & Malewska-Peyre, H. (1997). Socialization and identity strategies. In J. W. Berry, P. R. Dasen & T. S. Saraswathi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Vol. 2. Basic processes and human development* (pp. 41–67). Boston: Allyn & Bacon.

Cargile, A. C. & Giles, H. (1996). Intercultural communication training: Review, critique and a new theoretical framework. *Communication Yearbook, 19,* 385–423.

Carver, C. S., Scheier, M. R. & Weintraub, J. K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology, 56,* 267–283.

Chataway, C. J. & Berry, J. W. (1989). Acculturation experiences, appraisal, coping and adaptation: A comparison of Hong Kong Chinese, French and English students in Canada. *Canadian Journal of Behavioral Science, 21,* 295–301.

Church, A. T. (1982). Sojourner adjustment. *Psychological Bulletin, 91,* 540–572.

Clement, R., Gardner, R. C. & Smythe, P. C. (1977). Interethnic contact: Attitudinal consequences. *Canadian Journal of Behavioral Sciences, 9,* 205–215.

Collett, P. (1982). Meetings and misunderstandings. In S. Bochner (Ed.), *Cultures in contact* (pp. 81–98). Oxford, England: Pergamon.

Cort, D. A. & King, M. (1979). Some correlates of culture shock among American tourists in Africa. *International Journal of Intercultural Relations, 3,* 211–225.

Cortes, D. E., Rogler, L. H. & Malgady, R. G. (1994). Biculturality among Puerto Rican adults in the United States. *American Journal of Community Psychology, 22,* 707–721.

Costa, P. T. & McCrae, R. R. (1989). Personality, stress and coping: Some lessons from a decade of research. In K. S. Markides & C. L. Cooper (Eds.), *Aging, stress and health* (pp. 270–285). New York: Wiley.

Cross, S. (1995). Self-construals, coping, and stress in cross-cultural adaptation. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26,* 673–697.

Cuellar, I. & Arnold, B. (1988). Cultural considerations and rehabilitation of Mexican Americans. *Journal of Rehabilitation, 54,* 35–40.

Cuellar, I., Arnold, B. & Gonzalez, G. (1995). Cognitive referents of acculturation: Assessment of cultural constructs of Mexican Americans. *Journal of Community Psychology, 23,* 339–356.

Cuellar, I., Arnold, B. & Maldonado, R. (1995). Acculturation rating scale for Mexican Americans. II: A revision of the original ARMSA scale. *Hispanic Journal of Behavioral Scences, 17,* 275–304.

Cuellar, I., Harris, L. C. & Jasso, R. (1980). An acculturation scale for Mexican American normal and clinical populations. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 2,* 199–217.

Dale, P. N. (1986). *The myth of Japanese uniqueness.* New York: St. Martin's Press.

Der-Karabetian, A. (1980). Relation of two cultural identities of Armenian-Americans. *Psychological Reports, 47,* 123–128.

Deshpande, S. P. & Viswesvaran, C. (1992). Is cross-cultural training of expatriate managers effective? A meta-analysis. *International Journal of Intercultural Relations, 16,* 295–310.

Dew, A.-M. & Ward, C. (1993). The effects of ethnicity and culturally congruent and incongruent nonverbal behaviors on interpersonal attraction. *Journal of Applied Social Psychology, 23,* 1376–1389.

Ditchburn, G. J. (1996). Cross-cultural adjustment and psychoticism. *Personality and Individual Differences, 21,* 295–296.

Dona, G. & Berry, J. W. (1994). Acculturation attitudes and acculturative stress of Central American refugees. *International Journal of Psychology, 29,* 57–70.

Driskill, G. W. & Downs, C. W. (1995). Hidden differences in competent communication: A case study of an organization with Euro-Americans and first generation immigrants from India. *International Journal of Intercultural Relations, 21,* 213–248.

Dyal, J. A. (1984). Cross-cultural research with the locus of control construct. In H. M. Lefcourt (Ed.), *Research with the locus of control construct* (Vol. 3, pp. 209–306). New York: Academic Press.

Dyal, J. A., Rybensky, L. & Somers, M. (1988). Marital and acculturative strain among Indo-Canadian and Euro-Canadian women. In J. W. Berry & R. Annis (Eds.), *Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups, and sjoumers* (pp. 80–95). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Esses, V. M., Jackson, L. M. & Armstrong, T. L. (1998). Intergroup competition and attitudes toward immigrants and immigration. *Journal of Social Issues, 54,* 699–724.

FelixOrtiz, C. M., Newcomb, M. D. & Meyers, H. (1994). A multidimensional measure of cultural identity for Latino and Latina adolescents. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 16,* 99–115.

Folkman, S. & Lazarus, R. S. (1985). If it changes it must be process: Study of emotions and coping during three stages of a college examination. *Journal of Personality and Social Psychology, 48,* 150–170.

Folkman, S., Schaeffer, C. & Lazarus, R. S. (1979). Cognitive processes as mediators of stress and coping. In V. Hamilton & D. M. Warburton (Eds.), *Human stress and cognition* (pp. 265–298). New York: Wiley.

Fontaine, G.'(1986). Roles of social support in overseas relocation: Implications for intercultural training. *International Journal of Intercultural Relations, 10*, 361–378.

Friesen, W. V. (1972). *Cultural differences in facial expressions in a social situation: An experimental test of the concept of display rules.* Unpublished doctoral dissertation, University of California, San Diego.

Furnham, A. & Alibhai, N. (1985). The friendship networks of foreign students: A replication and extension of the functional model. *International Journal of Psychology, 20*, 709–722.

Furnham, A. & Bochner, S. (1982). Social difficulty in a foreign culture: An empirical analysis of culture shock. In S. Bochner (Ed.), *Cultures in contact: Studies in cross-cultural interactions* (pp. 161–198). Oxford, England: Pergamon.

Furnham, A. & Bochner, S. (1986). *Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments.* London: Methuen.

Furnham, A. & Li, Y. H. (1993). The psychological adjustment of the Chinese community in Britain: A study of two generations. *British Journal of Psychiatry, 162*, 109–113.

Furnham, A. & Shiekh, S. (1993). Gender, generational and social support correlates of mental health in Asian immigrants. *International Jounal of Social Psychiatry, 39*, 22–33.

Furnham, A. & Tresize, L. (1981). The mental health of foreign students. *Social Science and Medicine, 17*, 365–370.

Furukawa, T. & Shibayama, T. (1993). Predicting maladjustment of exchange students in differrent cultures: A prospective study. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 28*, 142–146.

Gaertner, S. L., Dovidio, J. F & Bachman, B. A. (1996). Revisiting the contact hypothesis: The induction of a common ingroup identity. *International Journal of Intercultural Relations, 20*, 271–290.

Gallois, C., Giles, H., Jones, E., Cargile, A. C. & Ota, H. (1995). Accommodating intercultural encounters: Elaborations and extensions. In R. L. Wiseman (Ed.), *Intercultural communication theory* (pp. 115–147). Thousand Oaks, CA: Sage.

Georgas, J. (1998, August). *Intergroup contact and acculturation of immigrants.* Paper presented at the Fourteenth International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology, Bellingham, WA.

Ghaffarian, S. (1987). The acculturation of Iranians in the United States. *Journal of Social Psychology, 127*, 565–571.

Ghuman, P. (1994). Canadian or Indo-Canadian: A study of South Asian adolescents. *International Journal of Adolescence and Youth, 4*, 229–243.

Graves, T. D. (1967). Psychological acculturation in a triethnic community. *Southwestern Journal of Anthropology, 23*, 337–350.

Gudykunst, W. B. (1993). Toward a theory of effec-tive interpersonal and intergroup communication. In R. Wiseman & J. Koester (Eds.), *Intercultural communication competence* (pp. 33–71). Newbury Park, CA: Sage.

Gudykunst, W. B. & Ting-Toomey, S. (Eds.). (1988). *Culture and interpersonal communication.* Newbury Park, CA: Sage.

Gullahorn, J. E. & Gullahorn, J. T. (1966). American students abroad: Professional versus personal development. *The Annals, 368*, 43–59.

Gullahorn, J. T. & Gullahorn, J. E. (1962). Visiting Fulbright professors as agents of cross-cultural communication. *Sociology and Social Research, 46,* 282–293.

Hall, E. (1976). *Beyond culture.* New York: Doubleday.

Hammer, M. (1987). Behavioral dimensions of inter-cultural effectiveness: A replication and extension. *International Journal of Intercultural Relations, 11,* 65–88.

Hammer, M., Gudykunst, W. B. & Wiseman, R. L. (1978). Dimensions of intercultural effectiveness: An exploratory study. *International Journal of Intercultural Relations, 2,* 382–393.

Harris, A. C. & Verven, R. (1996). The Greek-American Acculturation Scale: Development and validity. *Psychological Reports, 78,* 599–610.

Harrison, J. K. (1992). Individual and combined effects of behavior modeling and the culture assimilator in cross-cultural management training. *Journal of Applied Psychology, 3,* 431–460.

Harrison, J. K., Chadwick, M. & Scales, M. (1996). The relationship between cross-cultural adjustment and the personality variables of self-efficacy and self-monitoring. *International Journal of Intercultural Relations, 20,* 167–188.

Hocoy, D. (1996). Empirical distinctiveness between cognitive and affective elements of ethnic identity and scales for their measurement. In H. Grad, A. Blanco & J. Georgas (Eds.), *Key issues in cross-cultural psychology* (pp. 128–137). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in workrelated values.* Beverly Hills, CA: Sage.

Holmes, T. H. & Rahe, R. H. (1967). The Social Readjustment Rating Scale. *Journal of Psychosomatic Research, 11,* 213–218.

Hung, Y. Y. (1974). Socio-cultural environment and locus of control. *Psychologica Taiwanica, 16,* 187–198.

Hutnik, N. (1986). Patterns of ethnic minority identification and modes of social adaptation. *Etnic and Racial Studies, 9,* 150–167.

Ishii, S. & Klopf, D. (1976). A comparison of communication activities of Japanese and American adults (in Japanese). *Eigo Tembou, 53,* 22–26.

Kamal, A. A. & Maruyama, G. (1990). Cross-cultural contact and attitudes of Qatari students in the United States. *International Journal of Intercultural Relations, 14,* 123–134.

Kaplan, M. S. & Marks, G. (1990). Adverse effects of acculturation: Psychological distress among Mexican American young adults. *Social Scence and Medicine, 31,* 1313–1319.

Kealey, D. (1989). A study of cross-cultural effectiveness: Theoretical issues and practical applications. *International Journal of Intercultural Relations, 13,* 387–428.

Keefe, S. M. & Padilla, A. M. (1987). *Chicano ethnicity.* Albuquerque, NM: University of New Mexico Press.

Kennedy, A. (1998, April). *Acculturation and coping: A longitudinal study of Singaporeans studying abroad.* Paper presented at the annual meeting of the Society of Australasian Social Psychologists, Christchurch, New Zealand.

Kennedy, A. (1999). *Singaporean sojoumers: Meeting the demands of cross-cultural transitions.* Unpublished doctoral dissertation, National University of Singapore.

Kim, U. (1988). *Acculturation of Korean immigrants to Canada.* Unpublished doctoral dissertation, Queen's University, Kingston, Canada.

Kim, U., Cho, W. C. & Harajiri, H. (1997). The perception of Japanese people and culture: The case of Korean nationals and sojourners. In K. Leung, U. Kim, S. Yamaguchi & Y. Kashima (Eds.), *Progress in Asian social psychology* (Vol. 1, pp. 321–344). Singapore: John Wiley.

Kim, Y. Y. (1991). Intercultural communication competence: A systems-theoretic view. In S. Ting Toomey & F. Korzenny (Eds.), *Cross-cultural interpersonal communication* (pp. 259–275). Newbury Park, CA: Sage.

Klineberg, O. & Hull, W. F. (1979). *At a foreign university: An international study of adaptation and coping.* New York: Praeger.

Kosmitzki, C. (1996). The reaffirmation of cultural identity in cross-cultural encounters. *Personality and Social Psychology Bulletin, 22,* 238–248.

Kuo, W. H., Gray, R. & Lin, N. (1976). Locus of control and symptoms of distress among Chinese Americans. *International Journal of Social Psychiatry, 22,* 176–187.

Kuo, W. H. & Tsai, V. M. (1986). Social networking, hardiness, and immigrants' mental health. *Journal of Health and Social Behavior, 27,* 133–149.

LaFromboise, T., Coleman, H. & Gerton, J. (1993). Psychological impact of biculturalism: Evidence and theory. *Psychological Bulletin, 114,* 395–412.

Lai, J. & Linden, W. (1993). The smile of Asia: Acculturation effects on symptom reporting. *Canadian Journal of Behavioral Science, 25,* 303–313.

Lalonde, R. N. & Cameron, J. E. (1993). An intergroup perspective on immigrant acculturation with focus on collective strategies. *International Journal of Psychology, 28,* 57–74.

Lalonde, R. N., Taylor, D. M. & Moghaddam, F. M. (1988). Social integration strategies of Haitian and Indian immigrant women in Montreal. In J. W. Berry & R. C. Annis (Eds.), *Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups and sojourners* (pp. 114–124). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Lambert, W. E., Moghaddam, F. M., Sorin, J. & Sorin, S. (1990). Assimilation versus multiculturalism: Views from a community in France. *Sociological Forum, 5,* 387–411.

Lanca, M., Alksnis, C., Roese, N. J. & Gardner, R. C. (1994). Effects of language choice on acculturation: A study of Portuguese immigrants in a multicultural setting. *Journal of Language and Social Psychology, 13,* 315–330.

Lance, C. E. & Richardson, D. (1985). Correlates of work and non work related stress and satisfaction among American insulated sojourners. *Human Relations, 10,* 725–738.

Landis, D. (1996). A model of intercultural training and behavior. In D. Landis & R. Bhagat (Eds)., *Handbook of intercultural training* (2nd ed., pp. 1–13). Thousand Oaks, CA: Sage.

Landis, D., Brislin, R. & Hulgus, J. F. (1985). Attributional training versus contact in acculturative learning: A laboratory study. *Journal of Applied Social Psychology, 15,* 466–482.

Lasry, J. C. & Sayegh, L. (1992). Developing an acculturation scale: A bidimensional model. In N. Grizenko, L. Sayegh & P. Migneault (Eds.), *Transcultural issues in child psychiatry* (pp. 67–86). Montreal: Editions Douglas.

Lazarus, R. S. & Folkman, S. (1984). *Stress, coping and appraisal.* New York: Springer.

Lebra, T. S. (1987). The cultural significance of silence in Japanese communication. *Multilingua, 6,* 343–357.

Lefley, H. (1985). Impact of cross-cultural training on black and white mental health care professionals. *International Journal of Intercultural Relations, 9,* 305–318.

Leong, C.-H. (1997). *Where's the cognition in acculturation? A cognitive model of acculturation of the P. R. C. Chinese in Singapore.* Unpublshed honours thesis, National University of Singapore.

Leong, C.-H. & Ward, C. (2000). Identity conflict in sojourners. *International Journal of Intercultural Relations, 24,* 763–776.

Lese, K. P. & Robbins, S. B. (1994). Relationship between goal attributes and the academic achievement of Southeast Asian adolescent refugees. *Journal of Counseling Psychology, 41,* 45–52.

Liebkind, K. (1996). Acculturation and stress: Viet namese refugees in Finland. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 27,* 161–180.

Lin, K.M., Tazuma, L. & Masuda, M. (1979). Adaptational problems of Vietnamese refugees I: Health and mental status. *Archives of General Psychiatry, 36,* 955–961.

Locke, S. A. & Feinsod, F. (1982). Psychological preparation for young adults traveling abroad. *Adolescence, 17,* 815–819.

Lu, L. (1990). Adaptation to British universities: Homesickness and mental health of Chinese students. *Counseling Psychology Quarterly, 3,* 225–232.

Lysgaard, S. (1955). Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States. *International Social Science Bulletin, 7,* 45–51.

Mainous, A. G. (1989). Self-concept as an indicator of acculturation in Mexican Americans, *Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 11,* 178–189.

Malewska-Peyre, H. (1982). L'expérience du racisme et de la xénophobie chez jeunes immigrés. In H. Malewska-Peyre (Ed.), *Crise d'identité et déviance chez jeunes immigrés* (pp. 53–73). Paris: La Documentation Française.

Marín, G., Sabogal, F., Marín, B., Otero-Sabogal, R. & Perez-Stable, E. J. (1987). Development of a short acculturation scale for Hispanics. *Hispanic Journal of Behavioral Science, 2,* 21–34.

Martin, J. (1987). The relationship between student sojourner perceptions of intercultural competencies and previous sojourn experience. *International Journal of Intercultural Relations, 11,* 337–355.

Martin, J., Bradford, L. & Rohrlich, B. (1995). Comparing predeparture expectations and post-sojourn reports: A longitudinal study of U.S. students abroad. *International Journal of Intercultural Relations, 19,* 87–110.

Masuda, M., Lin, K.-M. & Tazuma, L. (1982). Life changes among the Vietnamese refugees. In R. C. Nann (Ed.), *Uprooting and surviving* (pp. 25–33). Boston: Reidel.

Matsumoto, D. (1994). *People: Psychology from a cultural perspective.* Pacific Grove, CA: Brooks/Cole.

Mavreas, V. & Bebbington, P. (1990). Acculturation and psychiatric disorder: A study of Greek Cypriot immigrants. *Psychological Medicine, 20,* 941–951.

Mavreas, V., Bebbington, P. & Der, G. (1989). The structure and validity of acculturation: Analysis of an acculturation scale. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 24,* 233–240.

McGinley, H., Blau, G. L. & Takai, M. (1984). Attraction effects of smiling and body position. *Perceptual and Motor Skills, 58,* 915–922.

Mendenhall, M. & Oddou, G. (1985). The dimensions of expatriate acculturation. *Academy of Management Review, 10,* 39–47.

Mendoza, R. H. (1989). An empirical scale to measure type and degree of acculturation in Mexican American adolescents and adults. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 20,* 372–385.

Metge, J. & Kinloch, P. (1978). *Talking past each other.* Wellington, New Zealand: Victoria University Press.

Moghaddam, F. M., Taylor, D. M. & Lalonde, R. N. (1987). Individualistic and collective integration strategies among Iranians in Canada. *International Journal of Psychology, 22,* 301–313.

Montgomery, G. T. (1992). Comfort with acculturation status among students from South Texas. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 14,* 201–223.

Morrison, T., Conaway, W. A. & Borden, G. A. (1994). *Kiss, bow or shake hands: How to do business in 60 countries.* Holbrook, MA: Adams Media.

Naidoo, J. (1985). A cultural perspective on the adjustment of South Asian women in Canada. In I. R. Lagunes & Y. H. Poortinga (Eds.), *From a different perspective: Studies of behavior across cultures* (pp. 76–92). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Neffe, J. A. & Hoppe, S. K. (1993). Raceethnicity, acculturation, and psychological distress: Fatalism and religiosity as cultural resources. *Journal of Community Psychology, 21,* 3–20.

Neto, F. (1995). Predictors of satisfaction with life satisfaction among second generation migrants. *Social Indicators Research, 35,* 93–116.

Nguyen, H. H., Messe, L. A. & Stollak, G. E. (1999). Toward a more complex understanding of acculturation and adjustment. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 30,* 5–31.

Nicassio, P. M. (1983). Psychosocial correlates of alienation: The study of a sample of Southeast Asian refugees. *Journal of Cross-cultural Psychology, 14,* 337–351.

Olmeda, E. L. (1979). Acculturation: A psychometric perspective. *American Psychologist, 34,* 1061–1070.

Ostrowska, A. & Bochenska, D. (1996). Ethnic stereotypes among Polish and German Silesians. In H. Grad, A. Blanco & J. Georgas (Eds.), *Key issues in cross-cultural psychology* (pp. 102–113). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Padilla, A. M., Wagatsuma, Y. & Lindholm, K. J. (1985). Acculturation and personality as predictors of stress in Japanese and Japanese-Americans. *Journal of Social Psychology, 125,* 295–305.

Partridge, K. (1988). Acculturation attitudes and stress of Westerners living in Japan. In J. W. Berry & R. C. Annis (Eds.), *Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups and sojourners* (pp. 105–113). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Pawliuk, N., Grizenko, N., Chan-Yip, A., Gantous, P., Mathew, J. & Nguyen, D. (1996). Acculturation style and psychological functioning in children of immigrants. *American Journal of Orthopsychiatry, 66,* 111–121.

Pelly, R. (1997). *Predictors of international student cultural adjustment: An intergroup perspective.* Unpublished honors thesis, University of Queensland, Brisbane, Australia.

Perkins, C. S., Perkins, M. L., Guglielmino, L. M. & Reiff, R. F. (1977). A comparison of adjustment problems of three international student groups. *Journal of College Student Personnel, 18,* 382–388.

Pernice, R. & Brook, J. (1994). Relationship of migrant status (refugee or immigrant) to mental *hearl. Internetional Journal of Social Psychiatry, 40,* 177–188.

Phinney, J. (1989). Stages of ethnic identity in minority group adolescents. *Journal of Early Adolescence, 9,* 34–49.

Phinney, J. (1992). The Multigroup Ethnic Identity Measure: A new scale for use with diverse groups. *Journal of Adolescent Research, 7,* 156–176.

Phinney, J., Chavira, V & Williamson, L. (1992). Acculturation attitudes and self-esteem among high school and college students. *Youth and Society, 23,* 299–312.

Pruitt, F. J. (1978). The adaptation of African students to American society. *International Journal of Intercultural Relations, 21,* 90–118.

Randolph, G., Landis, D. & Tzeng, O. (1977). The effects of time and practice upon culture assimilator training. *International Journal of Intercultural Relations, 1,* 105–119.

Redfield, R., Linton, R. & Herskovits, M. J. (1936). Memorandum for the study of acculturation. *American Anthropologist, 38,* 149–152.

Richardson, A. (1974). *British immigrants and Australia: A psychosocial inquiry.* Canberra: Australian National University Press.

Richman, J. A., Gaviria, M., Flaherty, J. A., Birz, S. & Wintrob, R. M. (1987). The process of acculturation: Theoretical perspectives and an empirical investigation in Peru. *Social Science and Medicine, 25,* 839–847.

Rogers, J. & Ward, C. (1993). Expectation experience discrepancies and psychological adjustment during cross-cultural reentry. *Interntional Journal of Intercultural Relations, 17,* 185–196.

Rosenthal, D., Bell, R., Demetriou, A. & Efklides, A. (1989). From collectivism to individualism? The acculturation of Greek immigrants in Australia. *International Journal of Psychology, 24,* 57–71.

Ruben, B. D. (1976). Assessing communication competency for intercultural adaptation. *Group and Organization Studies, 1,* 334–354.

Ruben, B. D. & Kealey, D. J. (1979). Behavioral assessment of communication competency and the prediction of cross-cultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations, 3,* 15–47.

Sam, D. L. (1994). The psychological adjustment of young immigrants in Norway. *Scandinavian Journal of Psychology, 35,* 240–253.

Sam, D. L. (1995). Acculturation attitudes among young immigrants as a function of perceived parental attitudes toward cultural change. *Journal of Early Adolescence, 15,* 238–258.

Sam, D. L. (1998). Predicting life satisfaction among adolescents from immigrant families in Norway. *Ethnicity and Health, 3,* 5–18.

Sam, D. L. (2000). Psychological adaptation of adolescents with immigrant background. *Journal of Social Psychology, 140,* 5–25.

Sam, D. L. & Berry, J. W. (1995). Acculturative stress and young immigrants in Norway. *Scandinavian Journal of Psychology, 36,* 10–24.

Sam, D. L. & Eide, R. (1991). Survey of mental health of foreign students. *Scandinavian Journal of Psychology, 32,* 22–30.

Samovar, L. A. & Porter, R. E. (Eds). (1996). *Intercultural communication.* Belmont, CA: Wadsworth.

Sands, E. & Berry, J. W. (1993). Acculturation and mental health among Greek-Canadians. *Canadian Journal of Community Mental Health, 12,* 117–124.

Sano, H. (1990). Research on social difficulties in cross-cultural adjustment: Social situational analysis. *Japanese Journal of Behavioral Therapy, 16,* 37–44.

Sano, N., Yamaguchi, S. & Matsumoto, D. (1999). Is silence golden? A cross-cultural study on the meaning of silence. In T. Sugiman, M. Karasawa, J. Liu & C. Ward (Eds.), *Progress in Asian social psychology* (*Vol. 2,* pp. 145–155). Seoul: Education Science.

Sayegh, L. & Lasry, J. C. (1993). Immigrants' adaptation to Canada: Assimilation, acculturation, and orthogonal cultural identification. *Candian Psychology, 34,* 98–109.

Schild, E. O. (1962). The foreign student, as stranger, learning the norms of the host culture. *Journal of Social Issues, 18,* 41–54.

Schmitz, P. G. (1992). Immigrant mental and physical health. *Psychology and Developing Societies, 4,* 117–131.

Schonpflug, U. (1997). Acculturation, adaptation or development? *Applied Psychology: An International Review, 46,* 52–55.

Schwartz, S. (1994). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues, 50,* 19–45.

Schwarzer, R., Jerusalem, M. & Hahn, A. (1994). Unemployment, social support and health complaints: A longitudinal study of stress in East German refugees. *Journal of Community and Applied Social Psychology, 4,* 31–45.

Searle, W. & Ward, C. (1990). The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations, 14,* 449–464.

Seipel, M. M. O. (1988). Locus of control as related to life experiences of Korean immigrants. *International Journal of Intercultural Relations, 12,* 61–71.

Selltiz, C., Christ, J. R., Havel, J. & Cook, S. W. (1963). *Attitudes and social relations of foreign students in the United States.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Sewell, W. H. & Davidsen, O. M. (1961). *Scandinavian students on an American campus.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Singh, A. (1989). Impact of acculturation on psychological stress: A study of the Oraon tribe. In D. M. Keats, D. Munro & L. Mann (Eds.), *Heterogeneity in cross-cultural psychology* (pp. 210–215). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Sodowsky, G. R., Lai, J. & Plake, B. S. (1991). Psyhometric properties of the American-International Relations Scale. *Educational and Psychological Measurement, 51,* 207–216.

Stephan, C. W. & Stephan, W. G. (1992). Reducing intercultural anxiety through intercultural contact. *International Journal of Intercultural Relations, 16,* 89–106.

Stephen, W. G., Ybarra, P., Martinez, C. M., Schwarzwald, J. & Tur-Kaspa, M. (1998). Prejudice toward immigrants to Spain and Israel: An integrated threat theory analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 29,* 559–576.

Stone Feinstein, E. & Ward, C. (1990). Loneliness and psychological adjustment of sojourners: New perspectives on culture shock. In D. M. Keats, D. Munro & L. Mann (Eds.), *Heterogeneity in cross-cultural psychology (pp.* 537–547). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Suinn, R. M., Ahuna, C. & Khoo, G. (1992). The Suinn-Lew Asian Self-Identity Acculturation Scale: Concurrent and factorial validation. *Educational and Psychological Measurement, 52,* 1041–1046.

Suinn, R. M., Rickard Figueroa, K., Lew, S. & Vigil, P. (1987). The Suinn-Lew Asian Self Identity Acculturation Scale: An initial report. *Educational and Psychological Measurement, 47,* 401–402.

Sykes, I. J. & Eden, D. (1987). Transitional stress, social support and psychological strain. *Journal of Occupational Behavior, 6,* 293–298.

Szapocznik, J., Kurtines, W. M. & Fernandez, T. (1980). Bicultural involvement and adjustment in Hispanic-American youths. *International Journal of Intercultural Relations, 4,* 353–365.

Szapocznik, J., Scopetta, M. A., Kurtines, W. M. & Aranalde, M. A. (1978). Theory and measurement of acculturation. *Interamerican Journal of Psychology, 12,* 113–130.

Taft, R. & Steinkalk, E. (1985). The adaptation of recent Soviet immigrants in Australia. In I. R. Lagunes & Y. H. Poortinga (Eds.), *From a different perspective: Studies of behavior across cultures* (pp. 19–28). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Tajfel, H. (Ed.). (1978). *Differentiation between social groups: Studies in the psychology of intergroup relations.* London: Academic Press.

Tajfel, H. (1981). *Human groups and social categories.* Cambridge: Cambridge University Press.

Taylor, D. M., Moghaddam, F. M. & Bellerose, J. (1989). Social comparison in an intergroup context. *Journal of Social Psychology, 129,* 499–515.

Taylor, D. M., Wright, S., Moghaddam, F. M. & Lalonde, R. N. (1990). The personal group discrimination discrepancy: Perceiving my group but not myself to be a target for discrimination. *Personality and Social Psychology Bulletin, 16,* 254–262.

Ting-Toomey, S. (1981). Ethnic identity and close friendship in Chinese-American college students. *International Journal of Intercultural Relations, 5,* 383–406.

Torbiorn, I. (1982). *Living abroad: Personal adjustment and personnel policy in the overseas setting.* Chichester, England: Wiley.

Torres Rivera, M. A. (1985). Manifestations of depression in Puerto Rican migrants to the United States and Puerto Rican residents of Puerto Rico. In I. R. Lagunes & Y. H. Poortinga (Eds.), *From a different perspective: Studies of behavior across cultures* (pp. 63–75). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Tran, T. V. (1993). Psychological traumas and depression in a sample of Vietnamese people in the United States. *Health and Social Work, 18,* 184–194.

Triandis, H. C. (1989). The self and social behavior in differing cultural contexts. *Psychological Review, 96,* 506–520.

Triandis, H. C. (1997). Where is culture in the acculturation model? *Applied Psychology: An International Review, 46,* 55–58.

Triandis, H. C., Kashima, Y., Shimada, E. & Villareal, M. (1986). Acculturation indices as a means of confirming cultural differences. *International Journal of Psychology, 21,* 43–70.

Triandis, H. C. & Vassiliou, V. (1967). Frequency of contact and stereotyping. *Journal of Personality and Social Psychology, 7,* 316–328.

Trower, P., Bryant, B. & Argyle, M. (1978). *Social skills and mental health.* London: Methuen.

Turner, J. C. (1982). Toward a cognitive redefinition of the social group. In H. Tajfel (Ed.), *Social identity and intergroup relations* (pp. 15–40). Cambridge: University of Cambridge Press.

Ullah, P. (1987). Self-definition and psychological group formation in an ethnic minority. *British Journal of Social Psychology, 26,* 17–23.

Van den Broucke, S., De Soete, G. & Bohrer, A. (1989). Free response self-description as a predictor of success and failure in adolescent exchange students. *International Journal of Intercultural Relations, 13,* 73–91.

Vega, W. A., Gil, A. G., Warheit, G. J., Zimmerman, R. S. & Apospori, E. (1993). Acculturation and delinquent behavior among Cuban-American adolescents. *American Journal of Comminity Psychology, 21,* 113–125.

Vega, W. A., Khoury, E. L., Zimmerman, R. S., Gil, A. G. & Warheit, G. J. (1991). Cultural conflicts and problem behaviors of Latino adolescents in home and school environments. *Journal of Community Psychology, 23,* 167–179.

Ward, C. (1996). Acculturation. In D. Landis & R. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training* (2nd ed., pp. 124–147). Thousand Oaks, CA: Sage.

Ward, C. (1999). Models and measurements of acculturation. In W. J. Lonner, D. L. Dinnel, D. K. Forgays & S. Hayes (Eds.), *Merging past, present and future* (pp. 221–230). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Ward, C., Bochner, S. & Furnham, A. (2001). *The psychology of culture shock.* London: Routledge.

Ward, C. & Chang, W. C. (1994). (Adaptation of American sojourners in Singapore). Unpublished raw data.

Ward, C. & Chang, W. C. (1997). «Cultural fit»: A new perspective on personality and sojoumer adjustment. *International Journal of Intercultural Relations, 21,* 525–533.

Ward, C., Chang, W. C. & Lopez-Nerney, S. (1999). Psychological and sociocultural adjustment of Filipina domestic workers in Singapore. In J. C. Lasry, J. G. Adair & K. L. Dion (Eds.), *Latest contributions to cross-cultural psychology* (118–134). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Ward, C. & Kennedy, A. (1992). Locus of control, mood disturbance and social difficulty during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations, 16,* 175–194.

Ward, C. & Kennedy, A. (1993a). Acculturation and cross-cultural adaptation of British residents in Hong Kong. *Journal of Social Psychology, 133,* 395–397.

Ward, C. & Kennedy, A. (1993b). Psychological and socio-cultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students at home and abroad. *International Journal of Psychology, 28,* 129–147.

Ward, C. & Kennedy, A. (1993c). Where's the culture in cross-cultural transition? Comparative studies of sojourner adjustment. *Journal of Cross-cultural Psychology, 24,* 221–249.

Ward, C. & Kennedy, A. (1994). Acculturation strategies, psychological adjustment and socio-cultural competence during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations, 18,* 329–343.

Ward, C. & Kennedy, A. (1996a). Before and after cross-cultural transition: A study of New Zealand volunteers on field assignments. In H. Grad, A. Blanco & J. Georgas (Eds.), *Key issues in cross-cultural psychology* (pp. 138–154). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Ward, C. & Kennedy, A. (1996b). Crossing cultures: The relationship between psychological and sociocultural dimensions of cross-cultural adjustment. In J. Pandey, D. Sinha & D. P. S. Bhawuk (Eds.), *Asian contributions to cross-cultural psychology* (pp. 289–306). New Delhi: Sage.

Ward, C. & Kennedy, A. (1999). The measurement of sociocultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relation, 56,* 1–19.

Ward, C. & Kennedy, A. (in press). Coping with cross-cultural transition. *Journal of Cross-cultural Psychology.*

Ward, C., Leong, C.-H. & Kennedy, A. (1998, April). *Self construals, stress, coping and adjustment during cross-cultural transition.* Paper presented at the annual conference of the Society of Australasian Social Psychologists, Christchurch, New Zealand.

Ward, C., Okura, Y., Kennedy, A. & Kojima, T. (1998): The U-curve on trial: A longitudinal study of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transition. *International Journal of Intercultural Relations, 22,* 277–291.

Ward, C. & Rana-Deuba, A. (1999). Acculturation and adaptation revisited. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 30,* 372–392.

Ward, C. & Rana-Deuba, A. (2000). Home and host culture influences on sojourner adjustment. *International Journal of Intercultural Relations, 24,* 291–306.

Ward, C. & Searle, W. (1991). The impact of value discrepancies and cultural identity on psychological and socio-cultural adjustment of sojourners. *International Journal of Intercultural Relations, 15,* 209–225.

Watson, O. (1970). *Proxemic behavior: A cross-cultural study.* Hague, The Netherlands: Mouton.

Weinreich, P. (1989). Conflicted identifications: A commentary on Identity Structure Analysis concepts. In K. Liebkind (Ed.), *New identities in Europe* (pp. 219–236). Aldershot, England: Gower.

Weissman, D. & Furnham, A. (1987). The expectations and experiences of a sojourning temporary resident abroad: A preliminary study. *Human Relations, 40,* 313–326.

Weisz, J. R., Rothbaum, F. M. & Blackburn, T. C. (1984). Standing out and standing in: The psychology of control in American and Japan. *American Psychologist, 39,* 955–969.

Wibulswadi, P. (1989). The perception of group self-image and other ethnic group images among the Thai, Chinese, Thai Hmong hill-tribes and American in the Province of Chiang Mai. In D. Keats, D. Munro & L. Mann (Eds.), *Heterogeneity in cross-cultural psychology* (pp. 204–209). Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger.

Wong-Rieger, D. & Quintana, D. (1987). Comparative acculturation of Southeast Asian and Hispanic immigrants and sojourners. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 18,* 345–362.

Ybarra, O. & Stephan, W. G. (1994). Perceived threat as a predictor of stereotypes and prejudice: Americans' reactions to Mexican immigrants. *Boleten de Psicología, 42,* 39–54.

Yee, B. W. K. (1990, Summer). Elders in Southeast Asian refugee families. *Generations*, 24–27.

Yee, B. W. K. (1992). Markers of successful aging among Vietnamese refugee women. *Women and Therapy, 13*, 221–238.

Ying, Y.-W. & Liese, L. H. (1991). Emotional wellbeing of Taiwan students in the U.S.: An examination of pre-to post-arrival differential. *International Journal of Intercultural Relations, 15*, 345–366.

Yoshida, Y., Sauer, L., Tidwell, R., Skager, R. & Sorenson, A. G. (1997). Life satisfaction among the Japanese living abroad. *International Journal of Intercultural Relations, 21*, 57–70.

Yoshikawa, M. J. (1988). Cross-cultural adaptation and perceptual development. In Y. Y. Kim & W. B. Gudykunst (Eds.), *Cross-cultural adaptation: Current approaches* (pp. 140–148). Newbury Park, CA: Sage.

Zheng, X. & Berry, J. W. (1991). Psychological adaptation of Chinese sojourners in Canada. *International Journal of Psychology, 26*, 451–470.

Эпилог

Дэвид Мацумото

Во введении я назвал три задачи этой книги. Они были таковы.

- Передать атмосферу в кросс-культурной психологии в процессе ее развития.
- Представить читателю концепции перспектив развития, то есть рассказать, какими должны стать будущие теории и исследования, чтобы кросс-культурная психология могла перейти от выявления различий к обоснованию того, как и почему культура вызывает такие различия, и к созданию универсальных психологических теорий, то есть представить развитие кросс-культурной психологии начиная с этапа 1 через этап 2 до этапа 3.
- Предложить читателям идеи о том, как проводить исследования в будущем, чтобы содействовать достижению этой перспективы и способствовать дальнейшему развитию кросс-культурной психологии.

Я считал, что, если авторы отдельных глав и я вдохновим читателей, будущих исследователей и ученых на решение поставленных здесь проблем и если все изучающие психологию и культуру — исследователи, преподаватели, руководители, психиатры, адвокаты, консультанты, врачи и другие специалисты — по-настоящему поймут и оценят влияние культуры на все стороны нашей жизни и сумеют перенести это понимание в важнейшие сферы жизни и бытия, эта книга выполнит поставленные перед ней цели.

Я искренне верю, что в отношении всех и каждого из вас эта книга выполнила свою задачу. Однако, думая о будущем теории и исследований по традиционной и кросс-культурной психологии, я не могу не вспомнить слов Гарри Триандиса, которыми он завершает свою главу:

> Люди повсеместно ленивы. Это очевидное следствие закона универсальности Ципфа (Zipf, 1949). Ципф установил, что во всех языках, которые он исследовал (а он изучил достаточно обширный круг языков), наиболее часты в употреблении более короткие слова, а если слово становится более употребительным, оно укорачивается (например, телевидение превращается в телик). Универсальность этого открытия предполагает, что принцип наименьших усилий является универсальным для всех культур. Для психологов минимум усилий означает завершить исследование и заявить: «То, что я обнаружил, является вечной истиной и обладает универсальной применимостью». Таким образом, принцип наименьших усилий приводит психологов к игнорированию культуры, поскольку она является дополнительным осложнением, делающим их работу более трудоемкой и требующей большего количества времени. Формирование же универсальной психологии, о которой говорилось выше, требует отказ от принципа наименьших усилий и того, что из него вытекает. Таким образом, основной вопрос в данной области может звучать следующим образом: может ли культурная психология развиваться, если ее развитие идет вразрез с человеческой природой?

Мнение Триандиса применимо ко всем психологам, работают ли они в области традиционной, культурной или иной психологии. Для достижения поставленных перед кросс-культурной психологией целей и реализации предложений и рекомендаций авторов этой книги не требуется ничего, кроме огромного количества времени, колоссальных усилий, средств и творческого мышления. Кроме того, реализация задуманного требует гибкости и непредубежденности от психологов, работающих в разных областях, чтобы они могли принять новые идеи, новые методы, новые концепции, новые принципы. Интеграция требует, чтобы сторонники разных точек зрения, специалисты в разных областях объединились и вместе обсуждали пути достижения общей цели, работая на эту цель. Именно сегодня, когда мы столь заняты, что у нас нет и минуты, чтобы пересечь холл и поговорить с коллегами по факультету, мы просто обязаны поговорить с экономистами, политологами, географами, социологами, антропологами, биологами и специалистами в других областях, чтобы разработка универсальных психологических теорий могла стать реальностью.

И, возможно, самым важным, что сделает для нас кросс-культурная психология, будет именно формирование такой гибкости и непредубежденности. Это наша потребность, в этом наш долг, за это мы несем ответственность и этого требуют от нас наука и нравственность.

Алфавитный указатель

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Ц

Ч

Ш

Э

Я

Психология и культура
Под редакцией Дэвида Мацумото
Перевела с английского Т. Гутман

Главный редактор	*Е. Строганова*
Заведующий редакцией	*Л. Винокуров*
Руководитель проекта	*Н. Римицан*
Выпускающий редактор	*А. Борин*
Научный редактор	*А. Кармин*
Литературный редактор	*С. Гуськов*
Художественный редактор	*Р. Яцко*
Корректор	*М. Рошаль*
Верстка	*О. Бельмас*

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.

Подписано в печать 23.05.03 Формат 70×100/16. Усл. п. л. 47,73.
Тираж 4000 экз Заказ № 72.

ООО «Питер Принт». 196105, Санкт-Петербург, ул Благодатная, д. 67в

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2, 953005 – литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Книга «Психология и культура» — это уникальный коллективный труд авторов из разных стран, каждый из которых является ведущим специалистом в определенной сфере кросс-культурной психологии. Сейчас кросс-культурная психология как область науки, дисциплина и метод исследования, безусловно, переживает настоящий подъем. Проверяются на прочность старые психологические истины, ставятся новые проблемы, открываются новые горизонты. Наши общие знания о человеке выходят на принципиально другой уровень. Данная книга передает это ощущение подъема, словно вовремя сделанный моментальный снимок, отражающий как прошлые достижения, так и актуальное состояние кросс-культурной психологии.

Значение культуры для всестороннего понимания человека уже не оспаривается современной психологией и другими науками, занимающимися изучением человека как биосоциального единства. Поэтому в настоящее время культура — наиболее актуальная тема для студентов, а также специалистов, исследующих сложные формы поведения человека, занимающихся социальными и психологическими проблемами.

Книга окажет неоценимую помощь как начинающим изучать кросс-культурную психологию, так и ученым и исследователям, особенно тем, которые жили в иной культурной среде или собираются приобрести такой опыт в будущем.

«...выход в свет настоящего перевода книги *The Handbook of Culture and Psychology*... представляется событием, которое должно привлечь внимание российского психологического сообщества... Будучи компетентными специалистами в различных областях, авторы сумели с энциклопедической широтой охватить разнообразный материал современных кросс-культурных исследований.»

А. С. Кармин, доктор философских наук, профессор

ISBN 5-94723-362-2

